Джеймс Джойс

УЛИСС

Джеймс Джойс
Улисс

Предисловие переводчика

100 лет назад (на таком расстоянии можно не мелочиться: год-два туда-сюда уже не делают погоды) был опубликован роман Джеймса Джойса "Улис".

Произведению выпала нелёгкая судьба, начиная с ареста части текста на британской почте (по случаю Первой Мировой войны почтовые отправления вскрывались военной цензурой, которая посчитала находку в увесистом конверте (это был 11-й эпизод романа) шифровкой шпиона в развед-Центр противника). Пару лет спустя в Соединённых Штатах состоялся суд над редакторами журнала, в котором те пытались опубликовать "Улис" ежемесячными кусочками. Лишение свободы издатели избежали, но попытку пришлось прекратить.

Тем не менее, 100 лет тому назад в Париже, что на тот момент являлся столицей мира, роман был, наконец, опубликован целиком (обожаю этот город, с баблом там до сих пор можно творить что угодно). Денег на типографию у Джеймса (он же Джим), разумеется, не было, но выручила богатая американка. Она сказала: "Я тебя напечатаю, Джим", сдержала слово и тем самым увековечила своё имя среди тех, кому положено знать такие подробности.

В результате, "Улис" поставил всемирную литературу перед фактом, что она теперь разделена на две части, на всё что было в ней:

1) ДО; и

2) ПОСЛЕ

появления данного романа. (Незнание этого факта не освобождает пишущую братию от применения к ней этой дихотомии по всей строгости законов литературы).

Едва увидев свет, "Улисс" подвергся лихорадочным переводам на все ведущие языки мира, начиная с японского (в обратно-алфавитном порядке).

В России первая попытка коллективного перевода была сорвана сталинскими репрессиями, а институт покусившийся на девственное неведение читающих граждан СССР расформирован, и лишь полстолетия спустя тандем из пары переводчиков донёс до русскоязычного читателя своё видение данного произведения.

Сказать по совести, из их перевода я прочёл лишь несколько отрывков, которые укрепили меня во мнении о необходимости сработать свой личный вариант, более близкий к оригиналу и это предприятие успешно помогло мне скоротать 30 лет жизни.

Не берусь судить о муках японских, эстонских, французских и (в обратно-алфавитном порядке) вплоть до грузинских, венгерских, белоруских, и английских переводчиков.

Нет, здесь нет ошибки, хотя ирландец Джеймс Джойс написал свой роман на английском, для нормального английского читателя "Улисс" до сих пор остаётся свитком за семью печатями.

Да, У. Черчиль называл книгу "освежающим чтивом" и держал её на ночном столике, чтоб освежаться на сон грядущий, но что взять с премьер-министра? Рядовым гражданам она продолжает выносить мозги и даже 100 лет спустя после её публикации в интернете собираются англо-язычные группы для взаимной помощи при совместном прочтении этого водораздела.

Так что ж это за х... (гм!)... хрень такая?!

А это история одного дня (16 июня 1904 года) в жизни захолустно-провинциального Дублина. Во всемирной истории день этот ничем особым не отмечен, но послужил основой десяткам и сотням диссертаций на докторскую степень неоспоримо доказывать, что "Улис" Джойса явдяется анатомическим срезом человеческой души, сексуальной любви, истории церкви, энциклопедическим перечнем знаний накопленных человеческим обществом... (желаюшие могут смело продолжить список – перебора не будет).

Кропотливые исследователи сумели нарыть также, что в этот день у Джима было свидание с девушкой по имени Нора, которая в ходе встречи сунула руку в его штаны и довела до оргазма (будушего

автора, разумеется, а не предмет туалета). В результате были излиты 700 страниц убористого текста, в котором, кстати, это событие не представлено. Впрочем, это понятно: символизм – есть символизм...

Короче, предлагаю читателю очередную (но не последнюю) попытку осмыслить и представить произведение, где отдельно взятое предложение можно толковать туда-сюда (компьютерные программы продолжают находить новые сонмы подспудных смыслов) и с этим ничего не поделаешь, потому что символизм не ржавеет, оставляя простор для новых попыток перевода, бросая вызов чередующимся поколениям.

Сложно представить как "Улис" поведёт себя с русскоязычными читателями: начнёт выносить им мозги, или же освежать и делать премьер-министрами? А для желающих защитить докторскую имеется сайт (http://sumizdut.narod.ru/volume-2/joyce/index.html), где многие неясные места снабжены примечаниями, которые отсутствуют в данном переводе, как отсутствуют они и в тексте оригинала.

В любом случае, выбор за вами:

1) оставаться в ДО, или

2) продвинуться в ПОСЛЕ.

2020-02-27

* * *

Чинно взошёл на площадку дородный Хват Малиган с чашей всклоченной пены в руках, а поверх неё, крест-накрест, бритва с зеркальцем. Утренний ветерок услужливо чуть-чуть придерживал за ним его распахнутый жёлтый халат.

Вознеся чашу к небу, он возгласил:

– *Introibo ad altare Dei.*

Тут он на миг застыл, затем зыркнул в тёмный колодец лестницы и прогорланил хрипло:

– Ползи наверх, Кинч. Вылазь, иезуит затруханый.

Прошествовав далее, Малиган воссел в округлой амбразуре. Оборачиваясь лицом по сторонам, он троекратно благословил всё окрест – и башню, и поля, и холмы в утренней полудрёме. Завидев Стефана Дедалуса, он склонился навстречь и зачастил омахивать его крёстными знаменьями, тряся головой и всхлипывая горлом.

Стефен Дедалус, угрюмо сонливый, оперся локтями в перила площадки и холодно взирал на трясучее, квохчущее, длинновато лошадиное лицо благославителя пониже редеющих (без выбритой тонзуры) волос цвета блеклого дуба.

Хват Малиган заглянул под зеркальце и тут же вновь покрыл им чашу.

– Назад, в казармы,–строго отчеканил он, затем елейным голосом священика добавил:

– Ибо же, о чада мои возлюбленные, есть сие неподдельно Христовы: дух, тело, кровь, и обрезок залупы. Музыку потише. Всем зажмуриться, господа хорошие. Один момент, у нас тут эти белые тельца маненько не туда попёрли. А ну, тихо всем!

Уставившись вверх наискосок, он испустил призывный посвист и замер, весь обратившись в слух, на ровных рядах белых зубов, там и сям, взблески золотистых искорок. Златоуст. Пара крепких пронзительных посвистов откликнулись из тишины.

– Спасибо, старина,– проорал Малиган.–Хватит уже. Можешь отключить ток.

Он соскочил из амбразуры и мрачновато взглянул на часы, сбирая полы халата спадавшие вдоль его ног.

Своим озабоченно сытым лицом и тупым овалом второго подбородка он смахивал на кардинала или аббата, любителя искусств из средневековья. Приятственная ухмылочка раздвинула его губы.

– Курям насмех,– протянул он игриво,– это твоё несуразное имечко, древний грек.

Шутовски оттопырив палец, он просеменил к парапету, посмеиваясь сам себе. Стефен Дедалус вяло взошёл наверх, сделал несколько шагов и присел на край амбразуры, следя как Малиган пристроил зеркало на парапет и, обмакнув помазок в чашу, стал намыливать щёки и горло.

Весёлый голос Мака Малигана журчал не умолкая:

– У меня тоже имя так себе: Малачи Малиган – два дактиля подряд. Зато отдаёт античностью, верно? Живой и жаркий, как свежий грош. Нет, нам с тобой точно надо в Афины. Ну, как? Поедешь, если раскручу тётушку на двадцать фунтов?

Он отставил помазок и, заливаясь хохотом, вскричал:

– Поедет ли?! Иезуит зазюканый.

Отсмеявшись, он сосредоточился на бритье.

– Скажи мне, Малиган,– негромко произнёс Стефен.

– Что, любовь моя?

– Долго ещё Хейнс будет гостить в этой башне?

Хват Малиган показал выбритую щеку поверх правого плеча.

– Боже, он невыносим,– чистосердечно признал он,– этот напыщенный англо-сакс. Он не считает тебя за джентельмена. Эти долбаные англичане. Вот-вот лопнут от деньжищ и несварения желудка. Он, видите ли, из Оксфорда. А знаешь, Дедалус, именно в тебе чувствуется истинно оксфордский стиль. Ему это не доходит. О, до чего точную я дал тебе кличку: "Кинч – стилет".

Он тщательно выбривал свой подбородок.

– Всю ночь вопил про чёрную пантеру,– сказал Стефен.– Где он держит оружие?

– Лунатик чокнутый. Ну, а ты? Перепугался?

– Ещё бы,– ответил Стефен, оживляясь страхом.– Вокруг темно, а этот неизвестно кто всё мечется там и бормочет: "Пристрелю эту пантеру!" Это ты спасатель утопающих. А я не герой. Если он остаётся, я отваливаю.

Хват Малиган насупился на облипшее пеной лезвие бритвы, потом соскочил со своего насеста и поспешно обшарил карманы своих брюк.

– Вот дерьмо!– заикливо проорал он.

Подойдя к амбразуре, он сунул руку в нагрудный карман Стефена и пояснил:

– Выдайте в долг вашего носовика, мне только бритву обтереть.

Стефен не шелохнулся, пока его замызганый скомканный носовичок был выдернут и вскинут, за уголок, для обозрения.

Хват Малиган начисто отёр лезвие бритвы. Затем, взглянув на ткань, изрек:

– Носовик барда. Новый цвет знамени искусства наших ирландских поэтов: соплисто-зелёный. Вкус чувствуется с первого взгляда, скажешь нет?

Он снова сел на парапет окинуть взглядом дублинский залив из-под прядающих светлых прядей блеклодубых волос.

– Боже,–смиренно произнес он.– Как же верно назвал Олджи море: великая нежная мать. Соплезелёное море. Море стягивающее мошонку. *Epi oinopa ponton*. Ах, Дедалус, эти греки. Надо бы тебя обучить. Ты должен читать их в оригинале. *Thallatta! Thallatta!* Вот она – наша великая нежная мать. Ты только взгляни.

Стефен встал и прошёл к парапету. Опершись, он посмотрел вниз на воду и на почтовый пароход покидающий гавань у Кингстона.

– Наша могучая мать,– проговорил Хват Малиган.

Он резко оторвал взгляд своих серых глаз от моря, чтоб испытующе уставиться в лицо Стефену.

– Тётка считает, что ты прикончил свою мать,– сказал он.– Поэтому запретила мне с тобой общаться.

– Кто-то её прикончил,– сумрачно ответил Стефен.

– Но ты же мог, чёрт побери, встать на колени, Кинч! Мать, умирая, попросила,– продолжил Хват Малиган.– Конечно, я и сам гипербореец. Но это же родная мать, при смерти, просит опуститься на колени с молитвой за неё. А ты упёрся. Сколько же в тебе злобищи…

Он осёкся и вновь слегка намылил щеки. Всепрощающая улыбка заиграла на его губах.

– Впрочем, очень милый мим,– бормотнул он сам себе.– Кинч – наимилейший фигляр средь них.

Он брился, ровно и внимательно, умолкнув, всерьёз.

Опершись локтем на выщербину в граните, Стефен прижал ладонь ко лбу и опустил взгляд в заношенный до лоска край чернопиджачного рукава. Боль, пока ещё не та, что приходит с любовью, терзала его сердце. Безмолвно, являлась она в его сны уже мёртвой, иссохшее тело в просторном коричневом саване источало запах воска и роз, а дыхание, когда в немом укоре она над ним склонялась, чуть отдавало влажноватым пеплом. За нитями изношенного обшлага раскинулось море – великая нежная мать, как только что тут декламировал откормленный голос. Горизонт и кайма залива удерживают массу зеленоватой влаги. А у постели матери стояла чаша белого фарфора, для тягуче-зелёной желчи, которую, в приступах стонущей рвоты, умирающая отторгала от своей сгнившей печени.

Хват Малиган ещё раз вытер свою бритву.

– Ах, ты ж трудяга,– ласково проговорил он.– Надо бы выделить тебе рубаху да пару платков. А как пришлись штанцы с чужого зада?

– В самый раз,– ответил Стефен.

Хват Малиган атаковал ямку под нижней губой.

– Смех да и только,– довольным тоном выговорил он,– тут ведь не скажешь "куплены с рук". Один лишь Бог знает, какой алкаш-сифилитик тёрся в них до тебя. У меня есть брюки в полоску— тонюсенькая как волосок. Серые. Шикарно будешь в них смотреться. Кроме шуток, Кинч. В приличной одежде, ты просто загляденье.

– Благодарю,– сказал Стефен.– Серые я не смогу носить.

– Носить он их не сможет,–сообщил Хват Малиган своему лицу в зеркале.– Этикет – есть этикет. Мамашу укокошил, но серые в траур не оденет.

Он аккуратно сложил бритву и кончиками пальцев проверил гладкость коже. Стефен перевел взгляд с моря на пухлое лицо с подвижными глазами цвета синего дыма.

– Тот малый, с которым я вчера был в КОРАБЛЕ,–сообщил Хват Малиган,– говорит, что у тебя ОПС. Он в Дотвилле живёт с Коноли Норман. ОПС – Общий Паралич от Слабоумия.

Взмахом зеркала он прочертил полукруг в воздухе, рассылая эту новость всем-всем-всем взблесками отраженья солнца, уже сиявшего над морем. Смеялся извив его бритых губ поверх блеска белых зубов. Смех сотрясал его сильный ладный торс.

– Глянь на себя,– сказал он,– пугало-бард.

Стефен склонился заглянуть в поднесённое зеркало с зигзагом трещины. Волосы торчком. Таким меня видит он, и все. Кто выбрал мне это лицо? Этого трудягу избавить бы от блох. Такие же приставучие.

– Я спёр его из комнаты кухарки,– сказал Хват Малиган.– Для неё в самый раз. Ради Малачи, тётушка в прислуги берёт лишь уродин. Дабы не вводить его во искушенье. А кличут её Урсулой.

Вновь рассмеявшись, он отвёл зеркало прочь от взгляда Стефена.

– Гнев Калибана, когда в зеркале не обнаружилось его лица,– сказал он.– Жаль Уайльд не дожил увидеть тебя в этот момент!

Отпрянув, Стефен указал пальцем и с горечью произнёс:

– Вот символ ирландского искусства. Надтреснутое зеркальце прислуги.

Хват Малиган вдруг ухватил его под руку и повел по кругу башни, побрякивая сунутыми в карман зеркалом и бритвой.

– Это не честно, так вот дразнить тебя, а, Кинч?– участливо зачастил он.– Ей-Богу, в тебе больше духовности, чем в ком-либо другом.

Вот опять заюлил. Ланцет моего ремесла страшит его не меньше, меня его скальпели. Перо хладной стали.

– Надтреснутое зеркальце прислуги. Повтори это тому бычку из Оксфорда, и одолжи гинею. От него так и смердит деньгами, и он не считает тебя джентельменом. Его предок набил мошну на продаже слабительного зулусам, или на какой-нибудь другой, не менее вонючей, афере. Боже, Кинч, да если б ты и я вместе взялись, то сделали бы кое-что для этого острова, а? Мы б тут Элладу сотворили.

Под ручку с Кренли. Теперь вот с ним.

– Подумать только! Ты вынужден побираться у этих свиней. Только я один знаю чего ты на самом деле стоишь. Ну, так доверься мне. Чем я тебе не таков? Из-за Хейнса? Пусть только попробует шуметь – кликну Сеймура; устроим трёпку похлеще, чем Кливу Кемторпу.

Гики богатеньких юнцов на квартире у Клива Кемторпа. Бледнолицые: хватаются за бока, валятся друг на дружку, ой, лопну! Уж ты ей как-нибудь помягче, Обри! Я кончусь! Плеща в воздухе располосованной на ленты рубахой, мечется один, скачет вокруг стола в упавших до пят брюках, а следом – Эйде из Магдейлена с портновскими ножницами. Перепуганное телячье лицо в позолоте из мармелада. Зачем отчикивать? Ну, что за шутки? Крики из распахнутого окна распугивают вечер в сквере. Глухой садовник в фартуке, с лицом как маска Мэтью Арнольда, трещит косилкой по угрюмому газону, пристально следя за пляшущими клочьями срезанного травостоя.

Храм… Обновление язычества… Пуповина.

– Да пусть остаётся,– сказал Стефен.– Днём он, вроде, нормальный.

– Тогда в чём дело?– взвился Хват Малиган.– Выкашливай! Я ведь с тобой начистоту. Так что тебе не так?

Они остановились лицом к округлому мысу Брей-Хед, что покоился на воде как рыло спящего кита. Стефен тихо высвободил свою руку.

– Сказать?– спросил он.

– Да! В чём дело? Я ничего такого не упомню.

Он не сводил глаз с лица Стефена. Ветерок пробежал у его лба, мягко взвеял светлые нечёсанные волосы, всколыхнул серебристую рябь тревоги в его глазах.

Стесняясь звука собственного голоса, Стефен проговорил:

– Помнишь, как я первый раз пришёл к вам после смерти матери?

Хват Малиган враз нахмурился и зачастил:

– Что? Где? Не помню такого. У меня память только на мысли и ощущения. Ну, а дальше? Ради Бога, что случилось-то?

– Ты заваривал чай,– продолжил Стефен,– и вышел за кипятком. Твоя мать и кто-то ещё покидали гостиную. Она спросила кто это у тебя.

– Да? И что я ответил? Не помню.

– Ты сказал: «А, это всего лишь Дедалус, чья мать околела».

Румянец, делая его моложе и привлекательней, залил щеки Малигана.

– Да? Так прямо и сказал? А что тут такого?– Он нервно стряхнул своё замешательство.

– Да и что такое смерть,–спросил он,– твоей матери, или даже твоя, а хотя б и моя? Ты увидал лишь одну – когда умирала твоя мать. А я насмотрелся, как они каждый загинаются, а потом потрошу их в морге. Сдыхают, как и все животные. Всё это ни хрена не значит. Ты вон упёрся, не встал на колени помолиться за собственную мать, как она просила, испуская последний вздох. А почему? Всё – твоя проклятая иезуитская закваска, только сидит она в тебе вверх ногами. А для меня, всё это смех и скотство. Мозговые доли не функционируют. Врача зовёт "сэр Питер Тизл" и собирает с одеяла

букетик лютиков. Так нет же, ты ублажай её пока не окочурится. Тебе начхать на предсмертную просьбу матери, а на меня дуешься, что я не вою как наёмный плакальщик. Чушь! Допустим, я так и сказал. Но без намерения оскорбить память твоей матери.

– Об оскорблении матери и речи нет.

– Тогда о чём ты?

– Об оскорблении мне,– ответил Стефен.

Хват Малиган крутнулся на каблуках.

– Ну, ты невозможен!– воскликнул он и резко зашагал по кругу вдоль парапета.

Стефен остался где был, уставясь на мыс за гладью залива. И море и суша подёрнулись дымкой. Пульс бился в глазных яблоках, застилая взор, он чувствовал как пылают его щёки.

Из недр башни донёсся громкий зов:

– Малиган, вы наверху?

– Иду,– откликнулся Малиган.

Он обернулся к Стефену.

– Смотри на море. Какое ему дело до обид? Плюнь на Лойолу, Кинч, пошли вниз. Англиец изголодался по ежеутреннему жаркому.

Голова его на миг задержалась у верхних ступеней—вровень с площадкой.

– И не впадай в хандру на целый день,– сказал он.– Что с меня взять? Кончай кукситься.

Голова исчезла, но удаляющийся голос гудел вдоль гулкой лестницы:

И хватит голову ломать
Над горькой тайною любви,
Ведь караваном правит Фергус.

Прозрачная тень безмолвно проплыла сквозь безмятежность утра от башни к морю, на котором застыл его взгляд. У берега и вдали зеркало вод побелело, взбитое рысью невесомых копыт. Бела грудь моря в тени. Три ударения вряд. Всплеск руки на струнах лиры сплетает аккорд из трех звуков. Белопенный взблеск слов-волн, прибоя слившегося с тенью. Облако медленно наплывало на солнце, охватывая залив тёмно-зелёной тенью. Она простёрлась под ним, чаша горьких вод. Песнь Фергуса: я пел её дома один, сдерживая долгие тёмные аккорды. Дверь в её комнату оставлена настежь: ей хотелось слышать как играю. Немой от ужаса и жалости, я подошёл к её кровати. Она плакала в своей истёрзаной постели. Из-за этих слов, Стефен: горькая тайна любви.

А где теперь?

Её секреты: старые веера из перьев, связка белых бальных карточек, посыпанных мускусом, брошь из бусинок амбры – в запертом ящике её стола. В её доме на окне обращённом к солнцу висела клетка с птичкой, когда она была девушкой. Она слышала старого Ройса, певшего в пантомиме "Грозный Турко" и вместе со всеми смеялась в припеве:

Да, я такой,
Что быть не прочь,
Невидимым.

Призрачные забавы, расфасованные, с мускусным запашком.

И хватит голову ломать

Убрана прочь в природу, как и её игрушки. Воспоминания прихлынули в его понурый мозг. Стакан воды из-под крана на кухне, ей для причастия. Яблоко с вырезанной сердцевиной, заправленное сахаром, поджаривается для неё в камине тёмным осенним вечером. Её изящной формы ногти в кровавых крапинках, когда

давила вшей из детских сорочек. Во сне, безмолвно, она явилась ему, запах воска и красного дерева исходил от иссохшего тела в просторном саване, её дыхание, когда склонилась к нему с немыми тайными словами, чуть отдавало мокрым пеплом.

Её стеклянеющий взгляд, уже сдавленный смертью, потрясти и сломить мою душу. Только лишь на меня. Трепетная свеча – присветить её агонии. Мертвенный свет на вымученном лице. Всхрипы ужаса в её тяжком дыхании, все на коленях – молятся. Её глаза, в упор, на меня – повергнуть. *Liliata rutilantium te confessorum turma circumdet: iubilantium te virginum chorus excipiat.*

Стервец! Трупоед!

Нет мать. Оставь меня, и дай мне жить.

– Кинч! Ау!

Голос Малигана пропел из глубины башни. Он приблизился, повторяя зов с лестницы. Стефен, всё ещё вздрагивая в рыданьях своей души, расслышал тёплое журчание солнечного света сквозь воздух за своей спиной, и дружеский говорок:

– Дедалус, спускайся, будь паинькой. Завтрак готов. Хейнс приносит извинения, что разбудил нас среди ночи. Всё в норме.

– Иду,– отозвался Стефен обернувшись.

– Ну, так давай, Христа ради,– сказал Хват Малиган,– и меня ради, и всех нас ради.

Голова его скрылась и вынырнула вновь.

– Я пересказал ему твой символ ирландского искусства. Он говорит, это очень умно. Попроси у него фунт, ладно? То есть, гинею.

– Мне сегодня утром заплатят.

– В школьном бардаке?– спросил Хват Малиган.– Сколько? Четыре фунта? Одолжи один.

– Как угодно.

– Четыре блетящих фунта стерлингов,– восторженно вскричал Хват Малиган.– Ох, и гульнём на диво всем друидам. Четыре всемогущие фунта!

Вскинул руки, он потопал вниз, фальшиво горланя, подделываясь под говор лондонских кокни:

Вот ужо повеселимси
В день коронации, дружок.
Напьёмси виски мы и пива,
Винца глотнём на посошок.
В день коронации, дружок.

Теплое сиянье солнца веселилось над морем. Никелированая чаша для бритья поблёскивала, забытая, на парапете. Почему я должен нести её вниз? Или так и оставить тут на весь день, забытую дружбу?

Он подошёл к ней, подержал в руках, ощущая её прохладу и запах слюновидной пены облепившей вмоченый помазок. Вот так же я подносил ковчежец с ладаном в школе иезуитов. Я стал другим, но всё такой же. Служка как и прежде. Лакей лакея.

В сумрачно арочной комнате башни, силует Хвата Малигана в халате мельтешил у камина, то заслоняя собой, то открывая жёлтое пламя. Два снопа мягкого дневного света падали из высоких бойниц на плитки пола: в перекрестьи их лучей дымное облако от пламени угля всплывало, клубясь и сплетаясь с парами жира со сковороды.

– Мы угорим тут,– сказал Хват Малиган.– Хейнс, откройте дверь, пожалста.

Стефен поставил чашу для бритья на шкафчик. Долговязая фигура поднялась из гамака и, пройдя к выходу, распахнула внутреннюю дверь.

– Ключ у вас?– раздался голос.

– У Дедалуса,– ответил Хват Малиган.– А, чтоб его! Я уже задохся.– Не отводя глаз от огня, он взвыл:

– Кинч!

– Он в замке,– произнёс Стефен, шагнув вперёд.

Ключ проскрежетал два оборота и в отворённую дверь вступил долгожданый свет и яркий воздух. Хейнс встал в проёме, глядя наружу. Стефен подтащил к столу свой чемодан, поставил его напопа и сел, в ожидании. Хват Малиган вывернул всё из сковороды на блюдо около себя. Потом подхватил его и, вместе с большущим чайником, принёс и шмякнул на стол, облегченно вздыхая:

– Ах, я таю, сказала свечка, когда монашенка… Но, цыц! Об этом больше ни слова. Кинч, проснись! Хлеб, масло, мёд. Хейнс, заходите. Харч готов. Благослови нас, Господи, и эти дары твои. Где сахар? О, чёрт! Молока-то нет!

Стефен достал батон, банку с мёдом и масло из шкафчика.

Хват Малиган вдруг насупился:

– Что за бардак? Я ж ей сказал быть к восьми.

– Можно и чёрным пить,– сказал Стефен.– В шкафчике есть лимон.

– Ну, тебя к чёрту, с твоими парижскими причудами,– окрысился Хват Малиган.– Желаю ирландского молока!

Хейнс приблизился к двери и негромко сооообщил:

– Та женщина подходит с молоком.

– Благослови вас Господь,– воскликнул Малиган, вскакивая со стула.– Давайте к столу. Вот чай, наливайте. Сахар в пакете. Не люблю цацкаться с грёбаными яйцами.– Он располосовал на блюде жареное и вышлепнул в три тарелки, приговаривая:

– *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti.*

Хейнс присел налить чай.

– Кладу по два кусочка каждому,– сказал он.– Однако, чай у вас, Малиган, наикрепчайший, не так ли?

Хват Малиган, откраивая толстые ломти от батона, отвечал слащавым старушечьим голосом:

– Кады чай лью, так уж чай, говаривала матушка Гроган. А кады воду, то уж воду.

– Богом клянусь, уж это точно чай,– сказал Хейнс.

Хват Малиган продолжал кромсать и гундосить:

– Таков уж у меня рецевт, миссис Кахил. А миссис Кахил ей в ответ: ей-бо, мэм, упаси вас Боже сливать их в одну с ним посудину.

Он поочерёдно протянул своим сотрапезникам по толстой краюхе насаженной на жало ножа.

– Данный фольклор,– произнёс он вполне серьёзно,–к,–как раз для вашей книги, Хейнс. Пять строк текста и десять страниц примечаний об обрядах и рыбо-божествах деревни Дандрам. Издано сестрами ведьмами в одна тысяча мохнатом году дремучей эры.

Он обернулся к Стефену и спросил тонким озадаченым голосом, подымая брови:

– Ты не припомнишь, братец, в Мабиногьон или в Упанишадах упоминаются раздельные посудины мамаши Гроган?

– Сомневаюсь,–сумрачно отозвался Стефен.

– Вот как?– продолжал Хват Малиган тем же тоном.– А на каких, простите, основаниях?

– По-моему,– ответил Стефен продолжая есть,– про это нет ни в Мабиногьон, ни вокруг него. А матушка Гроган, предположительно, родственница Мэри Энн.

Лицо Малигана восторженно заулыбалось.

– Прелестно,– подхватил он изысканно сладостным голосом, показывая белые зубы и приятно помаргивая.– Ты думаешь – родственница? Просто прелесть.

Затем, хмуро насупившись, он проревел хриплым скрежещущим голосом, вновь рьяно кромсая батон:

Милашке Мэри Энн
На всё давно плевать,
Ей стоит юбку лишь задрать...

Набив рот жареным, он и жевал и пел.

Вход затенился возникшей там фигурой.

– Молоко, сэр.

– Входите, мэм,– сказал Малиган.– Кинч, достань бидон.

Старуха прошла вперёд и встала у Стефена под боком.

– Прекрасное нынче утро, сэр,– сказала она.– Слава Богу.

– Кому?– переспросил Малиган, взглядывая на неё.– А, ну, конечно.

Стефен отошёли взял молочный бидон из шкафчика.

– Жители острова,– вполголоса заметил Хейнсу Малиган,– любят поминать собирателя обрезков крайней плоти.

– Сколько, сэр?– спросила старуха.

– Кварту,– отозвался Стефен.

Он смотрел как она наполняет мерку и переливает в бидон густое белое молоко, не своё. Старые усохшие титьки. Она наполнила ещё мерку и добавочку. Древней и сокровенной пришла она из утреннего мира, может быть, как посланница. Зачёрпывая, она нахваливала молочко. На рассвете крючится подле смирной коровушки в косматом поле – ведьма на грузде – упругие струйки бьют из доек под сноровистыми пальцами в морщинах. Вокруг, в шелковистой росе, помукивает привыкшая к ней скотина. Шёлк на бурёнках и на старушке-вековушке, как говаривали в старину. Ходячая развалина, низменная форма кого-нибудь из бессмертных, прислуживает пришлому завоевателю и своему бесшабашному изменнику; их общая кикимора-царица, посланница сокровенного утра. Пособить или упрекнуть – неведомо, но он презрел заискивать.

– Очень хорошее, мэм,– сказал Хват Малиган, разливая молоко по чашкам.

– Да, вы ж попробуйте, сэр.

Он отпил по её уговору.

– Нам бы всем жить на такой прекрасной пище,– сказал он ей чуть громковато,– так и не были б страной гнилых утроб и порченых зубов. Живём в болоте, жрём что подешевле, а улицы вымощены пылью, конским навозом, да плевками чахоточных.

– Вы студент медицины, сэр?

– Да,– ответил Хват Малиган.

Стефен слушал с безмолвным презрением. Она склоняет свои седины пред всяким горлопаном, её костоправ, её лекарь; меня в упор не видит. Пред голосом, что исповедует её и смажет елеем перед могилой всё, что осталось от неё, но её женское нечистое лоно, людская плоть, но не по-Божьему подобию, добыча змия. А вот ещё один горлопан вынудил её молчать, блуждая неувереным взглядом.

– Понимаете что он говорит?– спросил её Стефен.

– Это вы, сэр, по-французски?– сказала старуха Хейнсу.

Тот разразился новой речью, подлинней, поуверенней.

– Это он по-ирландски,– пояснил Хват Малиган.– Или ирландский с вами не катит?

– Так и знала, что ирландский,– ответила она.– Вы, должно, с запада, сэр?

– Я – англичанин,– ответил Хейнс.

– Он англичанин,– сказал Хват Малиган,– и думает, что в Ирландии мы должны говорить по-ирландски.

– Конечно, должны,– сказала старуха,– просто стыд, что сама-то я не знаю. А кто поученей мне говорили, уж такой, мол, замечательный язык.

– Замечательный, не то слово,– подхватил Хват Малиган.– Чудесный полностью. Подлей-ка нам ещё чаю, Кинч. Выпьете чашечку, мэм?

– Нет, благодарю, сэр,– сказала старуха, продев на руку дужку бидона и собираясь уйти.

Хейнс спросил у неё:

– Счёт при вас? Пора бы и расплатиться, не так ли, Малиган?

Стефен наполнил три чашки.

– Счёт, сэр?– сказала она, останавливаясь.– Что ж, семь раз по пинте за два пенса это, семижды два, будет шилинг и два пенса, да

ещё эти три утра по кварте за четыре пенса будет шилинг, да шилинг и два, выходит два шилинга и два пенса, сэр.

Хват Малиган вздохнул и, положив в рот корочку, толсто намазанную с обеих сторон маслом, выставил ноги вперёд и начал рыться в своих карманах.

– Расплачивайся с довольным видом,– поучающе улыбнулся ему Хейнс.

Стефен налил в третий раз, капелька чая чуть закрасила густое доброе молоко. Хват Малиган вынул флорин, покрутил его в пальцах.

– Чудо!– воскликнул он, затем подал его над столом старухе, со словами:

– Больше, дорогуша, у меня не просите. Отдаю всё что могу.

Стефен передал монету в её неспешную ладонь.

– За нами ещё два пенса,– сказал он.

– Время терпит, сэр,– ответила она, забирая монету.– Время терпит. Доброго утра, сэр.

Она поклонилась и вышла под нежнную декламацию Малигана.

Услада сердца моего, имей я больше,
сложил бы больше – к твоим ногам.

Он обернулся к Стефену со словами:

– Кроме шуток, Дедалус. Я без гроша. Отправляйся поскорей в свою школу и притащи нам денег. Сегодня барды должны гульнуть. Ирландия ждёт, что в этот день каждый исполнит свой долг.

– Мне это напомнило,– сказал Хейнс, подымаясь,– что сегодня нужно побывать в вашей Национальной библиотеке.

– Но прежде на нашем купании,– сказал Хват Малиган.

Он обернулся к Стефену и вкрадчиво промолвил:

– У тебя ведь сегодня срок ежемесячного омовенья, Кинч?

Затем к Хейнсу:

– Нечистый бард в обычай взял: раз в месяц, но омыться.

– Вся Ирландия омывается Гольфстримом,– заметил Стефен, окропив хлеб мёдом.

Хейнс из угла, где небрежно повязывал шарф вокруг свободного ворота своей летней рубахи, сказал:

– Я намереваюсь составить сборник ваших высказываний, если позволите.

Это он мне. Моют, чистют, выскребают. Самоугрызения сознания. Совесть. А пятно всё тут.

– Насчёт надтреснутого зеркальца прислуги, что есть символом ирландского искусства – чертовски метко.

Хват Малиган пнул ногу Стефена под столом и, с теплотой в голосе, сказал:

– Это вы ещё не слышали что он выдаёт насчёт Гамлета, Хейнс.

– Нет, серьёзно,– продолжал Хейнс обращаясь к Стефену.– Я как раз думал об этом, когда пришла старушка.

– А я на этом заработаю?– спросил Стефен. Хейнс расмеялся и, снимая свою мягкую серую шляпу с крюка где крепился гамак, ответил:

– Вот уж не знаю, право.

Он вышел не спеша.

Хват Малиган наклонился поперёк стола к Стефену и выговорил в сердцах:

– Ну, ты и ляпнул, прям всем своим копытом. Зачем ты так сказал?

– А что?– ответил Стефен.– Задача – разжиться деньгами. У кого? На выбор: молочница и он. Орёл – решка.

– Я тут ему баки насчёт тебя забиваю,– сказал Хват Малиган,– а ты всё портишь своей вшивой издёвкой, иезуитскими подковырками.

– Надежды мало,– продолжал Стефен,– и на него, и на неё.

Хват Малиган трагически вздохнул и положил ладонь на руку Стефена.

– И на меня не больше, Кинч,– сказал он.

И тут же сменив тон, добавил:

– Но если как на духу, так ты, конечно, прав. Пошли они, такие хорошие. Води их за нос, как я. К чёрту их всех. А теперь валим из этого бардака.

Он встал, величаво распоясался и снял с себя халат, смиренно приговаривая:

– Совлечены покровы с Малигана.

Вывернул на стол всё из карманов.

– Вот твой сопливчик.

Одевая стоячий воротничок и бунтарский галстук, он болтал с ними, делал выговоры, как и висячей цепочке своих часов. Руки его нырнули в чемодан и рыскали там, покуда он аукал чистый носовой платок. Самоугрызения сознания. Боже, всего-то и делов – нарядить персонаж. Хочу пурпурные перчатки к зелёным ботинкам. Противоречие. Противоречу сам себе? Что ж, значит сам себе противоречу. Крылоногий Малачи. Вихлястый черный предмет вылетел из его болтливых рук.

– Твоя парижская шляпа,– сказал он.

Стефен поднял её и одел.

Хейнс окликнул их снаружи.

– Так вы идёте наконец, приятели?

– Я готов,– ответил Хват Малиган, направляясь к дверям.– Выходим, Кинч. Надеюсь, ты успел доесть что мы тут оставили.

Отстранённо, он вышел понурой походкой, произнеся почти с тоской:

– И он побрёл, рыдая, с горки.

Взяв свою трость, Стефен последовал за ними и, когда те двое сошли по ступеням лестничного марша, притянул неповоротливую железную дверь и запер. Увесистый ключ скользнул во внутренний карман.

У подножия лестницы Хват Малиган спросил:

– Ключ взял?

– У меня,– ответил Стефен, опережая их.

Он шёл первым. Слышалось как сзади Хват Малиган хлещет увесистым купальным полотенцем, сшибая стебли переросшие прочую траву.

– Держитесь пониже, сэр. Куда вы выперли, сэр?

Хейнс спросил:

– А за башню вы платите?

– Двенадцать фунтов,–ответил Хват Малиган.

– Представителю министерства обороны,– добавил Стефен через плечо.

Они постояли, пока Хейнс обозревал башню и, в заключение, изрёк:

– Зимой, должно быть, мрачновата. У вас её прозвали Мартеллой?

– Билли Питт их понастроил,– ответил Хват Малиганогда французы грозили с моря. Но нашу окрестили Пуповиной.

– Так в чём ваша идея насчёт Гамлета?– спросил Хейнс Стефена.

– Нет, не надо,– вскричал Хват Малиган с болью.– Мне не вынести Фому Аквинского и пятьдесят пять доказательств, которыми он подпирает свою идею. Погодим, пока я оприходую хотя бы пару кружек.

Он обернулся к Стефену и произнес, педантично одергивая уголки своего жёлтого жилета:

– Ведь после третьей кружки ты её не сможешь доказать, а Кинч?

– Она столько ждала,– безразлично отозвался Стефен,– что может подождать ещё.

– Вы раздразнили мое любопытство,– дружелюбно сказал Хейнс.– Это какой-то парадокс?

– Фи!– ответил Хват Малиган.– Мы переросли Уайльда и парадоксы. У нас всё намного проще. Наш бард посредством алгебры доказывает, что внук Гамлета – дедушка Шекспира, а сам он – Дух своего собственного отца.

– Что?– переспросил Хейнс, возводя палец на Стефена.– Сам он?

Хват Малиган повесил полотенце вокруг шеи, словно епитрахиль и, перегнувшись в безудержном смехе, промолвил Стефену на ухо:

– О, тень Кинча-старшего! Яфет в поисках отца!

– По утрам мы крепко усталые,– пояснил Стефен Хейнсу.– Да и пересказывать довольно долго.

Вознеся руки к небу, Хват Малиган зашагал дальше.

– Лишь пресвятая кружка в силах развязать язык Дедалуса,– заверил он.

– Хочу сказать,– объяснил Хейнс Стефену, когда они двинулись следом,– что и башня и те вон скалы мне чем-то напоминают Эльсинор. *Что нависает стенами над морем*, так, кажется?

Хват Малиган на миг обернулся к Стефену, но смолчал. В это безмолвное яркое мгновенье Стефену привиделся он сам, в дешёвом пропылённом трауре меж их цветастых одеяний.

– Бесподобная история,– сказал Хейнс, вынуждая их вновь остановиться.

Глаза бледные, как море под свежим ветром, ещё бледнее – твердые и пронзительные. Повелитель морей, он обратил взор к югу, на полностью пустой залив, кроме тающего на ярком горизонте дымка от почтового парохода, да парусника, что менял галсы у Маглинса.

– Я где-то читал теологические толкования на эту тему,– сказал он малость растерянно.– Насчёт идеи Отца и Сына. О стремлении Сына воссоединиться с Отцом.

Хват Малиган тут же состроил счастливое лицо с улыбкой до ушей. Блаженно распахнув красивый рот, он уставился на них помаргивающими в шалой потехе глазами, в которых разом стёр всякую осмысленность. Кивая кукольной головой, всколыхивая поля своей шляпы-панамы, он запел придурковато радостным голосом:

Спорим, что я самый
престранный паренёк?

Мама – еврейка, папаня – голубок.
Со столяром Иосифом нет общего ничуть:
Апостолы, Голгофа – вот мой путь.

Он предостерегающе поднял палец,–

А усомнишься, что я Бог и правду говорю,
Получишь шиш – не выпивку,
Когда вино творю.
Пей воду, маловер, и мечтай о той,
Что пью, прежде чем вылью из себя водой.

Дерганув на прощанье трость Стефена, он помчался вперёд к краю скал, встрепывая руками – раскинутыми как плавники или крылья, что вот-вот вознесут его в воздух – и горланил:

– Ну, а теперь – прощайте.
Всё запишите, что сказал.
Скажите Тому, Дику, Гарри,
Что я из мёртвых встал.
От птички порождённый,
Взлечу на высоту я,
И с небес монахам покажу всем…

Он мчался впереди них к тринадцатиметровому обрыву под взмахи шляпы окрылённой свежим ветром, что относил к ним, поотставшим, его отрывистые, как у пернатых, вскрики.

Хейнс, сдержанно смеясь, поравнялся со Стефеном сказать:

– Наверное, не следует смеяться. Всё-таки это кощунство. Хоть я и не из верующих. Но жизнерадостность, что так и плещет у него через край, делает песенку вполне безобидной, не правда ли? Как он её назвал? Иосиф-столяр?

– Баллада Поддатого Исуса.

– О,– сказал Хейнс,– так вам уже приходилось её слышать?

– Три раза в день, после еды,–сухо ответил Стефен.

– Вы ведь неверующий, не так ли?– спросил Хейнс.– Я подразумеваю веру в узком смысле. Насчёт сотворения из ничего, чудес, Бого-человека.

– А по-моему, у этого слова только один смысл.

Хейнс остановился, вынимая гладкий портсигар из серебра, в котором взблескивал зелёный камень. Нажатием пальца он распахнул его и приглашающе протянул.

– Благодарю,– сказал Стефен, беря сигарету.

Взяв и себе, Хейнс защёлкнул портсигар. Он опустил его обратно в боковой карман, а из жилетного достал никелированую зажигалку; ещё щелчок и, прикурив, он протянул Стефену пламя огонька в раковине своих ладоней.

– Да, конечно,– сказал он, когда они зашагали дальше.– Либо веруешь, либо нет, не так ли? Лично я не перевариваю эту идею Бого-человека. Вы, полагаю, не из её сторонников?

– В моём лице,– отозвался Стефен с мрачным неудовольствием,– вы имеете жуткий образчик свободомыслия.

Он шагал в ожидании ответной реплики, волоча трость сбоку. Её оковка легко тащилась по тропе, пошелёстывая у его каблуков. Мой неразлучный друг, не отстаёт, кличет: Стеееееееееефен. Волнистая линия вдоль тропы. Они пройдут по ней сегодня вечером, возвращаясь сюда в темноте. Он разохотился на этот ключ. Ключ мой, за найм платил я. Но я ем его хлеб и соль. Отдай ему и ключ. Всё. Он захочет его. Это было у него в глазах.

– В конце концов,– начал Хейнс...

Стефен обернулся к холодно изучающему взгляду, в котором не было недоброжелательности.

– В конце концов, вы, на мой взгляд, способны добиться свободы. Лично вы, как мне кажется, сами себе хозяин.

– Я слуга двух господ,– сказал Стефен,–английского и итальянского.

– Итальянского?–переспросил Хейнс.

Безумная королева, старая и ревнивая. На колени предо мной.

– Есть и третий,–продолжал Стефен,–которому я надобен для определённых услуг.

– Что за итальянский?–снова спросил Хейнс.– О чём вы?

– Об имперской Британии,–ответил Стефен краснея,–и римско-католической апостольской церкови.

Прежде чем заговорить, Хейнс снял из-за губы волоконце табака.

– Это мне понятно,–спокойно произнес он.– Ирландец, смею заметить, должен думать именно так. Мы в Англии осознаём, что не слишком-то честно обращались с вами. Пожалуй, в этом повинна история.

Полные мощи и пышности титулы грянули в памяти Стефена победным звоном их колоколов: *et unam sanctam catolicam et apostolicam ecclesiam*: медленный рост и смена догм и обрядов, неспешная—как его редкие мысли—химия звезд. Символ апостолов в мессе для папы Марцелиуса, многоголосие, антифонные всклики: а за их напевом недремный ангел воинствующей церкви разил и грозил её ересиархам. Орда обращенных в бегство еретиков с митрами набекрень: Фотий и выводок хулителей, один из коих Малиган, и Арий всю жизнь ратующий за единосущность Сына и Отца, и Валентин, отвергающий земное тело Христа, и хитромудрый африканский ересиарх Сабелиус, твердивший, что Отец был сам своим собственным Сыном. Точно как Малиган только что сказал на потеху чужаку. Пустая насмешка. Пустота удел ткущих ветер: обезоруженье и разгром от воинствующих церковных ангелов

Михайловой рати, которые всегда начеку и оградят её в схватке своими копиями и щитами.

Браво, браво! Продолжительные аплодисменты. *Zut! Nom de Dieu!*

– Я, разумеется, британец,–р,–раздался голос Хейнсааковым себя и чувствую. Я не хочу увидеть, как моя страна окажется в руках немецких евреев. Боюсь, это наша национальная проблема на сегодня.

Два человека стояли на краю обрыва, наблюдая: бизнесмэн, моремэн.

– Идут к бухте Баллок.

Моремэн с каким-то пренебрежением кивнул на северную часть залива.

– Там пять саженей,– продолжил он.– Всплывёт примерно в той стороне, прилив начнётся в первом часу. Сегодня девятый день.

Утопленник. Парусник курсирует по пустому заливу в ожидании когда вынырнет вспухший тюк, перевернётся к солнцу раздутым лицом, белым как соль. Вот он я.

Извилистой тропкой они спустились к уходящей в море гряде камней. Хват Малиган стоял на камне в одной рубахе, отшпиленный галстук переброшен через плечо. Молодой человек, уцепившись за выступ камня подле него, медленно, по-лягушачьи, пошевеливал своими зелёными икрами в желе глубокой воды.

– Брат твой приехал, Малачи?

– Нет, он в Вестмите. С Беноном.

– Все ещё там? Я получил открытку от Бенона. Говорит, встретил там молоденькую милашку. Фото-девочка, как он её прозвал.

– Так он её снял, а? Краткая экспозиция.

Хват Малиган присел расшнуровать свои ботинки. Рядом с выступом камня выхлюпнулся, отдуваясь, пожилой краснолицый мужчина. Он вскарабкался на камни, вода взблескивала на его темени в оторочке седых волос, сбегала по груди и брюху, падала тонкими струйками из его чёрных обвисших плавок.

Хват Малиган посторонился, когда тот пробирался мимо и, глянув на Хейеса со Стефеном, набожно перекрестился большим пальцем.

– Сеймур приехал,– сказал молодой человек,– вновь ухватываясь за свой рог камня.– Бросил медицину и уходит в армию.

– Иди ты к Богу,– сказал Хват Малиган.

– Через неделю спечётся. Знаешь рыжую дочку Калисла, Лилию?

– Да.

– Вчера вечером выгуливала с ним на пирсе.

– Он ей впихнул?

– Это уж у него спроси.

– Сеймур – офицер мурловый,– сказал Хват Малиган. Кивая самому себе, он стащил брюки и встал, приговаривая:

– Рыжие девки охочи, как козы.

Встревоженно осёкся, ощупывая свой бок под полощущейся рубахой.

– Двенадцатое ребро пропало,– вскричал он. Я – *Uebermensch*. Беззубый Кинч и я – сверхчеловеки.

Он извернулся из рубахи и швырнул позади себя, где лежала его одежда.

– Идёшь, Малачи?

– Да. Подвинься в постельке.

Молодой человек оттолкнулся в воде назад и в два долгих полных гребка достиг середины гряды. Хейнс опустился на камни, покуривая.

– Идёте?– спросил Хват Малиган.

– Чуть позже,– сказал Хейнс.– Не сразу же после завтрака.

Стефен повернулся уходить.

– Я пошёл, Малиган.

– Дай-ка сюда этот ключ, Кинч,– сказал Хват Малиган,– придавить мою юбчонку.

Стефен подал ему ключ. Хват Малиган положил его на кучу своей одежды.

– И два пенса,– сказал он,– за пинту. Бросай сюда.

Стефен бросил два пенса на мягкую кучу. Нарядить, раздеть. Хват Малиган поднялся и, сцепив руки перед собой, торжественно произнес:

– Ибо грабящий нищего угождает Господу. Так говорил Заратустра.

Дородное тело нырком вошло в воду.

– Мы ещё увидимся,– сказал Хейнс, оборачиваясь, когда Стефен зашагал вверх по тропинке, и улыбаясь дикости ирландцев.

Рог быка, копыто лошади, улыбка сакса.

– В КОРАБЛЕрикнул Хват Малиган.– В пол-двенадцатого.

– Ладно,– сказал Стефен. Он зашагал по вьющейся вверх тропе.

Liliata rutilanum
Turma circumdet
Jubilantium te virgium

Седой нимб священика в ложбинке, где тот смиренно облачался. Сегодня мне уж там не ночевать. Домой тоже нельзя.

Голос протяжный, сладостный, воззвал к нему с моря. На повороте он помахал рукой. Снова зов. Коричневая зализанная голова морского котика на воде в отдалении, словно шар.

Узурпатор.

* * *

– Ну-ка, Кочрен, какой город послал за ним?

– Тарентум, сэр.

– Очень хорошо. И что?

– Была битва, сэр.

– Очень хорошо. Где?

Пустое лицо мальчика вопрошает пустое окно.

Сплетено дочерьми памяти. Но как-то же оно было, пусть даже иначе, чем сплетено. Фраза и, в нетерпеньи, всплеск неистовых крыльев Блейка. Слышу крушенье всех пространств, брязг стёкол, обвал стен и времени объятых гулким пламенем конца. Что с нами будет?

– Я забыл место, сэр. В 279-м году до нашей эры.

– Аскулум,– сказал Стефен, взглядывая на название и дату в книге с кровавыми рубцами.

– Да, сэр. И он сказал: *Ещё одна такая победа и нам конец*.

Фраза запомнилась миру. Сознание в сумеречной расслабленности. Холм над усеянным трупами полем, генерал изрекает перед своими офицерам, опираясь на своё копье. Любой генерал любым офицерам. Уж эти-то выслушают.

– Теперь ты, Армстронг,– сказал Стефен.– Каким был конец Пирра?

– Конец Пирра, сэр?

– Я знаю, сэр. спросите меня, сэр,– вызвался Комин.

– Погоди. Ну, Армстронг. Что-нибудь знаешь о Пирре?

В сумке Армстронга уютно уложен пакетик с крендельками. Время от времени он сплющивал их меж ладоней и тихонько проглатывал. Крошки прилипли к тонкой коже губ. Подслащенное дыхание мальчика. Богатая семья; гордятся, что их старший сын служит во флоте. Далкей, улица Вико-Роуд.

– Пирр, сэр? Пирр – пирс.

Все хохочут. Безрадостный звонко злорадный смех.

Армстронг оборачивается на одноклаcников; глуповато-озорной профиль. Сейчас засмеются ещё громче, зная мой либерализм и какую плату вносят их папаши.

– Тогда скажи мне,– говорит Стефен, толкая книгой в плечо мальчика,– что такое пирс?

– Пирс, сэр,–поясняет Армстронг,– это такая штука в море. Вроде моста. Кингстон-пирс, сэр.

Кто-то засмеялся снова: безрадостно, но со значением. Двое на задней парте зашептались. Да. Уже знают: так и не научились и не были никогда девственны. Все. Он с завистью смотрел на их лица. Эдит, Этель, Герти, Лили. Такие же как и они: и в их дыхании та же сладость от чая с вареньем, браслеты их позвякивают в единоборстве.

– Кингстон-пирс,– говорит Стефен.– Всё верно, неоконченный мост.

Его слова встевожили их взор.

– Как это, сэр?– спросил Комин.– Ведь мосты это через реку.

Прямо-таки Хейнсу в сборник. И некому послушать. Вечером искусно, в разгар пьянки и развязной болтовни, проткнуть наполированную броню его сознания. И что с того? Шут при дворе своего господина, которому дозволено, как презренному, заслуживать милостивой похвалы хозяина. Зачем они шли на всё это? Ведь не только же, чтоб гладили по шёрстке. И для них история была одной из прочих надокучливых баек, а их страна ломбардом.

Скажем не грохнули бы Пирра при свалке в Аргосе, или Юлий Цезарь остался б недобитым. О них не помыслить иначе. Отмечены клеймом времени и выставлены, в колодках, в зале неисчислимых возможностей, что сами же и отвергли. Но разве им давалась возможность увидать кем они так и не стали? Или возможно только то, что происходит? Тки, ветра ткач.

– Расскажите нам какую-нибудь историю, сэр.

– О, да, сэр. С привидениями.

– Здесь вам откуда?– спросил Стефен, открывая другую книгу.

– Довольно слёз,– сказал Комин.

– Ну, и как там дальше, Тэлбот?

– А история, сэр?

– Потом,– сказал Стефен.– Продолжай, Тэлбот.

Смуглый мальчик раскрыл книгу и ловко примостил её за бруствером своей сумки. Он декламировал стихи отрывками, поглядывая на текст:

Довольно слёз, пастух, не трать их –
Ликид, о ком печалишься, не мёртв.
Хоть скрылся он под гладью вод…

Значит всё сводится к движению, осуществлению возможного как возможного. Аристотелева фраза оформилась сквозь спотыкливую декламацию и выплыла в учёную тишь библиотеки св. Женевьевы, где, укрывшись от греховности Парижа, читал, вечер за вечером. По соседству хрупкий азиат конспектировал учебник стратегии. Вокруг меня наполненные и насыщающиеся мозги: под светлячками ламп, наколоты, чуть вздрагивают осязательные усики: а во мгле моего сознания жижа глубинного мира, дичится, сторонится ясности, отдёргивает складки своей драконовой чешуи. Мысль есть мысль мысли. Ровное сияние. Душа, по своему, и есть всё сущее: душа есть форма форм. Прихлынувшая упокоенность, необозримая, лучезарная: форма форм.

Тэлбот начал повторяться:

Святою силою Его, ступавшего по водам,
Святою силою…

– Переверни,–спокойно произнёс Стефен.– Отсюда я не увижу.

– Что, сэр?– простовато переспросил Тэлбот, наклоняясь вперёд.

Его рука перевернула страницу. Он выпрямился и продолжил, только что вспомнив. Про того, кто ходил по водам. И здесь, на их робких сердцах лежит его тень, на сердце и губах того обжоры, да и на моих тоже. Тень на разгорячённых лицах желавших подловить его с монеткой воздаянья. Кесарю – кесарево, Богу – Богово. Протяжный взляд тёмных глаз, слова-загадки, что будут ткаться и ткаться ткачами церкви.

А ну-ка, отгадай, да порезвее:
Отец мне дал семян – рассеять...

Тэлбот впихнул захлопнутую книгу в свою сумку.

– Так скоро?– спросил Стефен.

– Да, сэр. В десять хокей, сэр.

– Короткий день, сэр. Четверг.

– Кто разгадает загадку?– спросил Стефен.

В спешке постукивая карандашами и шелестя страницами, они укладывали книги. Сгрудившись, завязывали, застёгивали сумки, тараторя весело и разом:

– Загадка, сэр? Спросите меня, сэр.

– О, меня спросите, сэр.

– Потруднее, сэр.

– Итак, загадка,– сказал Стефен.

Пропел петух
И в небе глухо
Ударил колокол
Одиннадцать раз.

Душа скорёхонько
В рай понеслась.

– Что это?

– Что, сэр?

– Ещё раз, сэр, мы не разобрали.

При повторе строк глаза их округлились. После короткого молчания Кочрен сказал:

– Что это, сэр? Мы сдаёмся.

У Стефена запершило в горле, при ответе:

– Лис хоронит бабушку под кустом.

Он встал и нервно хохотнул под эхо их обескураженных криков.

Клюшка трахнула по двери и голос в коридоре прокричал:

– Хоккей!

Они рванулись врассыпную, выскальзывая из-за парт, скача поверх них. Умчались вмиг и вот уже из кладовой донёсся перестук клюшек, тарахтенье бутсов и языков.

Саржент, один на весь опустелый класс, медленно приблизился, держа раскрытую тетрадь. Тощая шея и торчащие вихры свидетельствовали о полной неготовности, о том же говорил и умоляющий взор слабых глаз сквозь запотевшие стёкла очков. На серой и бескровной щеке, бледное пятно кляксы свеже-влажной, как след слизняка.

Он протянул свою тетрадь. Слово "Примеры" выведено вверху. Затем шли строки кособоких цифр, а внизу корявая подпись с завитками и чернильная лужица. Сирил Саржент: его имя и печать.

– М-р Дизи велел мне переписать,– сказал он,– и показать вам, сэр.

Стефен коснулся краешка тетради. Никчемность.

– Так ты разобрался как их решать?– спросил он.

– Номер одиннадцатый и пятнадцатый,– ответил Саржент.– М-р Дизи велел мне переписать их с доски, сэр.

– Можешь их сам решить?

– Нет, сэр.

Нескладный хлюпик: худая шея, спутанные волосы и клякса на лице – ложе улитки. Но и таких любят, хотя бы та, что носила его под сердцем и на руках. Без неё мир растоптал бы его, расплющив как бескостного слизня. Она любила его жиденькую немочную кровь, нацеженную из её жил. Может в этом суть? Единственная правда жизни? Неистовый Коламбанус переступает распростёртое тело матери нести Европе свет святой веры. Её уж нет: трепещет объятый пламенем скелетик веточки, запах красного дерева и влажного пепла. Она уберегла его, чтоб не растоптали и ушла, едва побыв. Душа унеслась в рай: а на пустоши, при свете подмигивающих звезд, лис в рыжей, пропахшей грабежами шкуре, с безжалостно блестящим взором скрёб землю, прислушивался, отгребал, прислушивался, скрёб и отгребал.

Сев рядом с ним, Стефен решил пример. Доказывает посредством алгебры, что дух Шекспира – дедушка Гамлета. Скосив очки, Саржент заглядывал сбоку. Перестук хоккейных клюшек в кладовке: глухой удар по мячу и вопли на поле. По странице в церемонном танце выступали символы в карнавальной оболочке своих цифр, в странных шляпах-степенях из квадратов и кубов. Взяться за руки, переход, поклон партнеру: так: бесы фантазии мавров. Тоже ушли из мира, Авиценна и Муса Маймонид, тёмные люди лицом и движеньями, отражавшие в своих кривых зеркалах тёмную душу мира, тьму отражающую свет, непоститжимую для света.

– Теперь понятно? Сможешь другой сам решить?

– Да, сэр.

Размашистыми тёмными черточками Саржент переписал задание. В постоянном ожидании подсказки, рука его послушливо двигала переменчивые символы, лёгкая краска пристыженности мерцала под серой кожей. *Amor matris:* в именительном и родительном падежах. Своей немочной кровью и сывороточным молоком вскормила она его, скрывая в пелёнках от чужих взглядов.

Был таким же, и плечи покатые, и та же нескладность. Это моё детство сутулится рядом со мной. Слишком далеко от меня, чтоб положить руку хоть раз, хоть легонько. Моя и его тайны разобщены, как взгляды наших глаз. Тайны безмолвно, окаменело сидят в тёмных дворцах наших двух сердец: тайны уставшие от своей тирании: тираны жаждущие, чтоб их свергли.

Пример решён.

– Видишь как просто,– сказал Стефен, вставая.

– Да, сэр. Спасибо,– ответил Саржент.

Он просушил страницу тонким листком промокашки и понёс тетрадь обратно к своей парте.

– Хватай-ка, лучше, клюшку да бегом к ним,– сказал Стефен, идя к двери вслед за неказистой фигуркой мальчика.

– Да, сэр.

В коридоре послышалось его имя, выкрикнутое на игровом поле.

– Саржент!

– Беги,– повторил Стефен.– М-р Дизи зовёт.

Он стоял на крыльце и смотрел как нескладёха торопится к полю забияк, что пререкались пронзительными голосами. Но вот, разобравшись кто из какой команды, м-р Дизи отошёл, переступая клочковатый дёрн ногами в тугих гетрах. Он уже подошёл к школе, когда вновь заспорившие голоса позвали его обратно. Он обернул к ним свои рассерженные белые усы.

– Что ещё не так?– протяжно закричал он, не слушая в чём дело.

– Кочрен и Холидей в одной команде, сэррикнул Стефен.

– Подождите минуту в моём кабинете,– сказал м-р Дизи,– пока наведу тут порядок.

Шагая торопливо вспять, он прокричал со старческим упрямством через поле:

– Ну, в чём дело? Что опять не так?

Пронзительные голоса вопили сразу со всех сторон: множество их форм теснились вкруг него, сверкающий свет солнца бесцветил мёд его плохо покрашенных волос.

В кабинете висел застоялый продымленый воздух, мешаясь с запахом тусклой потёртой кожи кресел. Совсем как в первый день, когда он тут уславливался со мной. Что было, то и будет. На полке поднос с монетами Стюартов, краеугольное сокровище болота: и будет всегда. А в уютненьком футляре для столового серебра, на поблекшем лиловом плюше, двенадцать ложек-апостолов взывают ко всем язычникам о мире во веки веков.

Торопливая поступь шагов через каменное крыльцо и коридор. Отдуваясь в свои редкие усы, м-р Дизи остановился у стола.

– Прежде уладим наше финансовое дельце,– сказал он.

Из внутреннего кармана пиджака он вынул блокнот обвязанный полоской кожи, распахнул, достал две банкноты, одна склеена из половинок, и аккуратно положил их на стол.

– Два,– произнес он, обвязывая и пряча блокнот.

А теперь в хранилище его золотого запаса.

Смущённая рука Стефена трогала навал ракушек в прохладной каменной ступе: рапан, морское ушко, чёртов коготь: и эта, закрученая словно тюрбан эмира, а вон епископова шапка св. Джеймса. Клад старого пилигрима, мёртвое сокровище, порожние ракушки.

Соверен упал, блестящий, новый, на мягкий ворс скатерти.

– Три,– сказал м-р Дизи, вертя в руках свою копилку-ящичек.– Удобнейшая штука. Взгляните. Тут вот для соверенов, это для шилингов, сюда шестипенсовики, полукроны. А здесь для крон. Полюбуйтесь.

Он выщелкнул из ящичка две кроны и два шилинга.

– Три двенадцать,– сказал он.– Всё верно, не так ли?

– Благодарю, сэр,– ответил Стефен, с застенчивой поспешностью собирая деньги и впихивая в карман брюк.

– Вот уж не за что,– сказал м-р Дизи.– Вы заработали их.

Рука Стефена, опять не занятая, вернулась к пустым раковинам. Тоже символы красоты и власти. Комок в моем кармане. Символы загаженные алчностью и нищетой.

– Не носите их так,– сказал м-р Дизи.– Где-то станете доставать и посеете. Купите такую вот машинку. Увидите до чего удобно.

Ответь что-нибудь.

– Моя бы часто пустовала,– произнёс Стефен.

Та же комната и час, та же умудренность: и я тот же. Это уже в третий раз. Охвачен тремя петлями. Пустяки. Я их смогу порвать как только захочу.

– Всё оттого, что вы не копите,– сказал м-р Дизи, выставляя палец.– Ещё не поняли, что такое деньги. Деньги это власть, ещё прочувствуете, пожив с моё. Хотя, ясно… Если б молодость знала. Как там у Шекспира? Знай лишь кошель деньгами наполнять.

– Яго,– пробормотал Стефен. Он поднял глаза от пустых ракушек к взору старика.

– Вот кто понимал, что значат деньги,– сказал м-р Дизи.– Знал, как их делать. Поэт, но вместе с тем – англичанин. Вам известно, в чём гордость англичана? Какая, в их устах, высшая похвала себе?

Повелитель морей. Его холодный, как море взгляд, на пустоту залива: повинна история: ненависти и в помине нет.

– Насчёт их империи, наверно,– ответил Стефен,– что над нею не заходит солнце.

– Ба,– вскричал м-р Дизи,– так это вовсе не англичанин. Так говорил кельт-француз.

Он постучал копилкой по ногтю большого пальца.

Добрый человек, добрый человек.

– *Я оплатил свой путь, я в жизни не занял ни шиллинга*. Чувствуете? *Я никому не должен*. Ну, как?

Девять фунтов Малигану, три пары носков, пара брюк, пара башмаков, галстуки. Карану, десять гиней. Макану, одну. Фреду Райану, два шилинга. Темплу, два обеда в ресторане. Расселу, одну гинею, Касинзу, десять шилингов, Бобу Рейнольдзу, полгинеи, Койлеру, три гинеи, миссис Макернан, за пять недель на квартире. Комок в моём кармане бесполезен.

– В данный момент, не чувствую,– ответил Стефен.

М-р Дизи расхохотался в полнейшем восторге, убирая свою копилку.

– Я так и знал,– сказал он развеселело.– Но придёт день и вы поймёте. Народ мы щедрый, но надо и справедливость соблюсти.

– Боюсь, все наши беды от любви к красивым фразам.

М-р Дизи несколько секунд упорно взирал на ладную фигуру мужчины в клетчатой шотландской юбочке над камином: Альберт Эдвард, принц Уэльский.

– Для вас я старый пень и закоренелый тори,– произнес его задумчивый голос.– Я повидал три поколения со времён О'Коннела. Помню голод. А вам известно, что оранжисты агитировали за отделение двадцатью годами раньше О'Коннела, которого прелаты вашей конфессии заклеймили как демагога?

Славная, благоговейная и бессмертная память. Постоялый двор АЛМАЗ в Армахе роскошном, увешанный трупами папистов. Охрипшие от споров верные плантаторы , в масках и с оружием. Чёрный север и истинная—синяя—библия. Стриженые сложили головы.

Стефен сделал краткий жест.

– Во мне тоже кровь бунтарей,– сказал м-р Дизи,– по материнской линии. Но я потомок сэра Джона Блеквуда, который голосовал за объединение с Британией. Все мы ирландцы – потомки королей.

– Увы,– сказал Стефен.

– *Per vias rectas*,– твёрдо выговорил м-р Дизи,– было его девизом. За это он и голосовал; натянул дорожные сапоги и оправился верхом в Дублин из Арда.

Чебу-ряй-дрын
Долог путь в Дублин…

Грубиян-помещик верхом на лошади, в блестящих сапогах. Добрый день, сэр Джон. Погожего дня, ваша честь… День… дня. Пара сапог трясутся рысцой к Дублину. Чебу-ряй-дрын.

– Кстати, мне это напомнило,– сказал м-р Дизи.– Вы могли бы оказать мне любезность, м-р Дедалус, при ваших литературных связях. Я тут готовлю письмо в газету. Присядьте на минутку. Осталось только концовку.

Он подошёл к столу у окна, дважды придвинулся на стуле и вычитал несколько слов с листа заправленного в пишущую машинку.

– Садитесь. Прошу извинить,– проговорил он через плечо.– Доводы здравого смысла. Минуточку.– Он зыркнул из-под лохматых бровей на черновик у локтя и, бормоча, принялся лупить машинку по тугим клавишам, порой приподымая барабан, чтобы подчистить и сдуть опечатку.

Стефен смиренно присел в присутствии принца. На стенах, удерживая наотлёт свои высокопоставленные головы, церемонно стояли обрамлённые образы давно исчезнувших лошадей: Отбой лорда Хастингса, Выстрел герцога Вестминстерского, Цейлон герцога Бьюфорда – Большой Приз Парижа, 1866. Гномы всадники сидели на них, выжидая сигнала. Он повидал, как скакали они за честь королевского флага и вливал свой вопль в рёв исчезнувших толп.

– Точка,– попросил м-р Дизи у своих клавиш.– Но неотложное обсуждение столь важного вопроса…

Куда Кренли водил меня в погоне за шальным кушем, выискивать верняковых победителей между колясок в ошметках грязи, под зазывы букмекеров из их кабинок, в трактирной вони над загаженной слякотью. Верный выигрыш – Черный Бунтарь: ставки десять к одному. Охотники за удачей, мы уносились вслед за копытами, за летящими наперегонки кепками и куртками жокеев, мимо сыромятной физиономии женщины, зазнобы мясника, что алчно вчвакивалась в дольку апельсина.

Всплеск пронзительных мальчишьих воплей донёсся с игрового поле, и трель свистка.

Ещё: гол. Я среди них, в возне их борющихся тел, в толкучке, в поединке жизни. Это про того, что ль, маменькиного сыночка? Его, похоже, затошнило? Схватки. Время добивает уцелевших, удар за ударом. Поединки, слякоть и рёв битв, застылые предсметные выблевы убитых, хряск копейных острий, прикушенных кровоточащими людскими потрохами.

– Ну, вот,– сказал м-р Дизи, подымаясь. Он подошёлк столу, скрепляя свои листки. Стефен встал.

– Я тут вкраце изложил самую суть,– сказал м-р Дизи.– Это насчёт ящура, болезни рта и копыт. Просто просмотрите. Двух мнений быть не может.

Позвольте выступить на полосах вашей газеты. Случай *laisez faire* столь частый в нашей истории. Ливерпульские лоббисты, сорвавшие план сооружения гавани Галвей. Поставки зерна по водам узкого пролива. Плутонепробудная безмятежность агроуправления. Простят мне классическое сравнение. Кассандра. Женщина, не лучше того, что можно ожидать. Перейти к сути вопроса.

– Я не стесняюсь в выражениях, не так ли?– спросил м-р Дизи, пока Стефен читал дальше.

Ящур. Именуемое препаратом Коха. Сыворотка и вирус. Процент вакцинированных лошадей. Риндерпест. Императорский конный завод в Мюрцинге, Нижняя Австрия. Ветхирургии. М-р Генри Блеквуд Прайс. Благородное предложение непредвзятой экспертизы. Доводы здравого смысла. Наиважнейший вопрос. В полном смысле взять быка за рога. С благодарностью за гостеприимство ваших колонок.

– Хочу, чтоб это напечатали и прочли,– сказал м-р Дизи.– Вот увидите, при следующей же вспышке наложат эмбарго на ирландский скот. А можно ведь лечить. Вполне излечимо. Мой кузен, Блеквуд Прайс, пишет мне, в Австрии ветеринары вполне справляются и излечивают. Есть готовность приехать помочь. Я пытаюсь как-то воздействовать на управление. Теперь вот, через прессу. Мне пришлось столкнуться с препятствиями, с… интригами, с… закулисными влияниями, с…

Он поднял палец и старчески потряс в воздухе, прежде чем голос его зазвучал дальше:

– Помяните моё слово, м-р Дедалус,– сказал он.– Англия в руках евреев. Все основные институции: финансы, пресса. И в этом явный признак упадка нации. Стоит им где-то скопиться, они высасывают жизненные соки государства. В последние годы я примечаю, как это всё надвигается. Так же несомненно, как наше с вами пребывание сейчас тут, то, что торгаши-евреи уж разъедают основы. Старой Англии приходит конец.

Он резко отшагнул, глаза налились живой синью, попав в широкий луч солнца. Оглянувшись, он продолжил:

– Она при смерти, если уже не скончалась.

Вопль потаскух на тротуарах
Саван соткёт Англии старой

Глаза, широко распахнутые этим видением, пронизывали солнечный луч, в котором он остановился.

– Торгаш тот,– сказал Стефенто покупает по-дешёвке, а продает втридорога. И тут неважно, еврей он, или нет.

– Они грешили против света,–сумрачно произнёс м-р Дизи.– В их глазах тьма. Вот почему по сей день скитаются они по лику земли.

На ступенях парижской фондовой биржи златокожие люди показывают цену на пальцах унизаных перстнями. Гусиный голгот. Они теснились, громогласые, с лохматыми висками, плетя замысловатые планы в головах под неуклюжими шёлковыми шляпами. Не их: ни эта одежда, ни говор, ни жесты. Их крупные неспешные глаза не вяжутся с речами и жестами ненавязчиво настойчивыми, они знали о копящейся вокруг них злобе и знали – их прыть бесполезна. Бесполезно терпение – копить, припрятывать. Время наверняка развеет всё. Богатство накопленное при дороге: до

следующего погрома. Их глаза знали годы скитаний и, терпеливые, знали унижение их плоти.

– Кто без греха?– сказал Стефен.

– Это как понимать?– вопросил м-р Дизи.

Он сделал шаг вперёд и остановился у стола. Челюсть в изумлении съехала насторону. И это умудрённость стариков? Он дожидается услышать от меня.

– История,– сказал Стефен,– это кошмар, от которого я пытаюсь высвободиться.

На поле взвился крик мальчишек… Заливистый свисток: гол. А если кошмар тебя обыграет?

– Пути Создателя неисповедимы,– сказал м-р Дизи.– Вся история движется к одной великой цели, постижению Бога.

Стефен ткнул большим пальцем в сторону окна, со словами:

– Вот это и есть Бог.

Урра! Ага! Ую-юй!

– Что?– спросил м-р Дизи.

– Уличный гвалт,– ответил Стефен, пожимая плечами.

М-р Дизи опустил взор и придержал пальцами крылья носа. Чуть вскинул и тут же вновь опустил глаза.

– Я счастливее вас,– сказал он.– Мы совершили множество ошибок и немало грешили. Грех проник в этот мир через женщину. Из-за женщины, не лучшей, чем им дано, из-за Елены, беглой жены Менелая, греки десять лет воевали с Троей. И на наши берега первых чужаков привела МакМурова жена-изменница со своим любовником О'Руком, принцем Брефни. И Парнела тоже сгубила женщина. Много было ошибок, много неудач, но мы не впали в соблазн. Даже теперь, на исходе моих дней, я остаюсь борцом. И за правое дело буду стоять до конца.

Ольстер бьётся,

Ольстер добьётся.

Стефен приподнял руку с листками.

– Итак, сэр,– начал он.

– Предвижу,– сказал м-з Дизи,– что на этой работе вы недолго задержитесь. По-моему, учительствовать вы не рождены. Впрочем, я могу и ошибиться.

– Скорее всего, я из учеников,– сказал Стефен.

А чему тут научишься?

М-р Дизи покачал головой.

– Как знать,– сказал он.– Чтобы учиться нужно проявлять покорность. Однако, жизнь великий учитель.

Стефен снова шелестнул листками.

– Насчёт этого,– начал он.

– Да,– сказал м-р Дизи.– Тут у вас две копии. Если получится, пусть сразу и напечатают.

ТЕЛЕГРАФ. ИРЛАНДСКАЯ ЗЕМЛЯ.

– Постараюсь,– сказал Стефен,– и завтра же дам вам знать. Я немного знаком с парой редакторов.

– Вполне достаточно,– энергически проговорил м-р Дизи.– Вчера вечером я написал м-ру Филду, члену парламента. Сегодня в отеле АРСЕНАЛ состоится собрание ассоциации скототорговцев. Я просил его ознакомить собрание с моим письмом. И если вам удасться поместить это в паре газет. Какие это?

– ВЕЧЕРНИЙ ТЕЛЕГРАФ…

– То, что надо,– сказал м-р Дизи.– Не будем терять времени. Мне ещё нужно ответить на письмо кузена.

– Доброго утра, сэр,– сказал Стефен, засовывая листы в карман.– Благодарю вас.

– Не за что,– отозвался м-р Дизи роясь в бумагах на столе.– При всей моей замшелости, мне по нраву преломлять с вами копья.

– Доброго утра, сэр,–снова произнес Стефен, кланяясь его согбенной спине.

Он вышел на открытое крыльцо и, спустившись, пошёл под деревьями по дорожке из гравия, слыша истошные вопли и треск клюшек на игровом поле. Львы, лёжа, замерли на пьедесталах, когда он выходил из ворот; беззубые ужасы. А я подсобник в его битве. Малиган приляпает мне новое прозвище: быколюбивый бард.

– М-р Дедалус.

Бежит следом. Надеюсь, больше никаких писем.

– Одну минуту.

– Да, сэр,– сказал Стефен, оборачиваясь к воротам.

М-р Дизи остановился, запыхавшись, заглатывая тяжкие выдохи.

– Я только хотел заметить,– выговорил он.– Ирландия, кажется, имеет честь быть единственной страной, где никогда не преследовали евреев. И знаете почему?

Он упрямо нахмурился на сверкающий воздух.

– Почему, сэр?– спросил Стефен, начиная улыбаться.

– Потому, что она никогда и не впускала их,– торжествующе произнёс м-р Дизи. Кашельный ком смеха рванулся из его горла, волоча за собой дребезжащую цепь мокроты. Он резко повернул обратно, кашляя, смеясь, махая в воздухе воздетыми руками.

– Она просто-напросто их и не впускала,–снова прокричал он, сквозь смех, переставляя затянутые в гетры ноги по гравию дорожки.– Вот почему.

Златомонетные блики солнца ссыпáлись сквозь пляшущие живосплетения древесной листвы на его умудрённые плечи.

* * *

Неизбывная обусловленность видимого: по крайней мере всего, что может охватить сейчас мой взгляд.

Знаки различнейших вещей, прочитываются мной, морская живность, водоросли, близящийся прилив, вон тот струхлый сапог. Сопельнозелень, синесеребристость, ржавоцветность: цветовые знаки. Пределы прозрачности. Но он добавляет: у тел. Выходит, он сперва осознает их как тела, а уж потом как цвета. Каким образом? Стукаясь об них мозгами, ясное дело. Ну-ну, полегче. Он был лыс, миллионер к тому же, *maestro di color che sanno*. Пределы прозрачности у. Почему у? Прозрачность, антипрозрачность. Смог пропихнуть всю пятерню, значит ворота, если нет – дверь. Зажмурься и проверь.

Стефен закрыл глаза , вслушиваясь как его ботинки давят хрусткий плавняк и ракушки. Вот так и шагай через какчтогда. Иду, шаг, через миг с чем-то, следующий. Краткие промежутки времени через короткие отрезки пространства. Пять, шесть: *nacheineinder* . Отчетливо: и это уже неизбывная обусловленность слышимого. Открой глаза. Нет. Исусе! А если брякнусь с обрыва, что нависает стенами, то неизбывно гробанусь через *nebeneineinder*! Ты ж полюбуйся, как здорово у меня выходит, хотя ни зги не вижу. Меч-трость при мне. Постукивать? Они так и делают. Мои ступни в его ботинках, заканчивают его нижние конечности, *nebeneineinder*. Звучит солидно: склёпано кувалдой Лоса-Творца. Может я в вечность шагаю вдоль этого берега? Хрусть, тресь, хрясь, хрясь. Безкрайнего моря деньги. Наставник Дизи знает их наперечёт.

Выйдешь ли на брег пустой,
Молода кобыла?

Видишь – зарождается ритм. Слышу. Неполный четырехстопный ямб. Шагающий.

Нет, галопом: о да кобыла.

Ладно, глаза-то раскрой. Открою. Минуту. А если всё исчезло? Открою и – навеки в чёрной антипрозрачности. *Basta*! Посмотрим: могу ли я видеть.

На, смотри. Вот так тут всегда без тебя: таким и останется, мир без конца.

Они спустились по ступеням от Леи-Терас деловито, *Frauenzimmern*, и дальше вниз по уступам берега: вяло ковыляя в мелком песке. Как я, как Олджи, идут к нашей могучей матери. У первой угрюмо болтается акушерская сумка, ветхий зонт второй дырявит пляж. На денёк – отдохнуть от трущоб. М-с Флоренс Макейб, вдова усопшего Патк Макейба, глубоко оплаканного, Невеста-Стрит. Какая-то из её коллег вытащила меня—скулящего—в жизнь. Творение из ничего. Что у неё в сумке? Выкидыш с болтающейся пуповиной, прикрыт побагровелой ватой. Провод связующий со всем минувшим, линия соединяющая берега всей плоти. Потому-то монахи-мистики. С богами равняться? Оглянись-ка на свой пуп . Алло. Кинч на проводе. Соедините меня с Эдемвиллем. Алеф, альфа: ноль, ноль, один. Супруга и помощница Адама Кадмана: Хева, голая Ева. Вот у кого пуп отсутствовал. Гляди-ко! Брюхо без пятнышка, выпирает, щиток тугого пергамента, нет, скорее белая горка наливного зерна, восточного и бессмертного, что стоит из вечности в вечность. Чрево греха.

Вочревленный в греховной тьме, я тоже был сделан, а не получен в дар. Ими, мужчиной с моими глазами и голосом и женщиной-призраком, чье дыханье отдаёт пеплом. Состегнулись и отвалились—каждый себе—исполня волю соединяющего. Ещё до начала всех времён я был соизволен Им, и теперь меня уж не уволить в небыль или в никогда. Предвечный закон—*lex externa*—стоит над Ним. Вот, стало быть, та божественная сущность, в которой Отец и Сын единосущны? Где бедолага Ариус, проверить выводы? Он всю жизнь

ратовал за единотрансовокупбляйевреетрахсущность. Роком обречённый ерисиарх. Испустил дух в греческом ватерклозете: эфенейзия. Восседая в пупырчатой митре и с посохом на троне своём, омафор задран над засраным задом – в назидание безутешной пастве.

Ветерок взвихрился вкруг него, взбалмошный колючий ветерок. Близятся, волны. Белогривые лошади моря, закусив удила, яроветрые скакуны Манаана.

Надо не забыть его письмо в газету. А потом? КОРАБЛЬ, полдвенадцатого. Кстати, с этими деньгами не жмись, сори, как придурочный рубаха-парень. Да, я должен.

Шаги его замедлились. А пока что? Зайти, что ли, к тёте Саре? Голос моего единосущного отца. Давно встречала своего поэтического братца Стефена? Не видала? Ну, не на Страсбургской же террасе у своей тётки Сары? Он ведь птах высокого полета, а? Ну... и... и... и... скажи, Стефен, как там дядя Сай? О, Боже слезолюбивый, во что я вляпался с этой женитьбой! Робяты тама, ото, на сеновале. Пропойца-бухгалтеришка и его брат, кларнетист. Достопочтенные гондольеры. И косоглазый Волтер, что выкает своему папаше, прикинь? Отцу говорит "сэр". Да, сэр. Нет, сэр. Исус не зря расплакался, клянусь Христом-Богом.

Дернуть осиплый звонок их запертого домика: и ждать. Они, опасаясь, что это пришли за платой, выглядывают из потаённых щелей.

– Это Стефен, сэр.

– Впусти его. Впусти Стефена.

Засов отодвинут и Волтер здоровается со мной.

– А мы думали это другой кто-то.

На широкой койке дядя Ричи, подперт подушками, сверху одеяло, протягивает над холмиком своих коленей здоровенную ручищу. Грудь чистая. Он помылся до пояса.

– Здорово, племяш.

Он откладывает доску, на которой составлял счета для взоров м-ра Дуроломба и м-ра Шлёмдолба, кипы контрактов и общих запросов, и он же заполняет *Duces Tecum*. Рама морёного дуба над его лысиной: ЗАУПОКОЙНАЯ Уальда. Неверно поняв его свист, вновь появляется Волтер.

– Да, сэр.

– Стефену и Ричи надо горло промочить, скажи матери. Где она?

– Купает Криса, сэр.

Папочкин напарник по койке. Любимая капелька.

– Дядя Ричи, не надо…

– Зови меня Ричи. К чёрту вашу минералку. От неё хиреют. Виски!

– Дядя Ричи, право же…

– Садись, или по закону Генри я тебя свалю.

Волтер напрасно щурится по сторонам.

– Ему не на что сесть, сэр.

– Ему не на что поставить, олух. Тащи наше чипендейлово кресло.

– Перекусишь чего-нибудь? Только не начинай тут строить из себя; как насчёт селёдочки, да на сале поджареной? Совсем никак? Тем лучше. В доме нет ничего, кроме таблеток от спины.

All'erta!

Он начинает запев. *Aria de sortita* Феррандо. Лучший номер, Стефен, во всей опере. Вслушайся. Опять звучит его мелодичный свист, с тонкими оттенками, переливами обертонов, кулаки его выстукивают такт на укутанных коленях.

Тут на ветру свежее.

Дома упадка, мой, его и всех. Богатым мальчикам в Клонговзе ты врал будто у тебя дядя судья, а второй – армейский генерал. Изыди от них, Стефен. Там нет красоты. Как нет её и в застойной заводи библиотеки Марча, где ты читал поблекшие пророчества Иоахима Аббаса. Чего ради? За стоглавой каменой оградой собора. Ненавистник рода себе подобных бежал от них в дебри сумашествия, и грива его пенилась под луной, в глазных яблоках – отблеск звезд. Гуингм, лошадиноноздрый. Овальные конские лица.

Темпл, Хват Малиган, Фокси Кэмпбел. Вытянутые узкие челюсти. Отец Аббас, неистовый настоятель, какой соблазн вложил огонь в их мозги? Пафф! *Descende, calve, ut ne nimium decalveris*. Оторочка из седых волос на его освящённой голове, видит того меня глазами василиска, соступая с возвышения алтаря (*descende!*), удерживая дароносицу. Вниз, лысый купол! Хор вторит угрозу и эхо, прислуживая вкруг четырехрогого алтаря, гундосая латынь причётников; величаво ворочаются, белорясые, с тонзурами, помазанные и кастрированные, разжирелые на жире почек пшеничных.

И, может, именно в этот момент священик на соседней улице подъемлет его. Динь-динь. А ещё через две улицы другой запирает его, в дарохранительницу. Чик-динь! А следующий в ризнице за алтарём вливает священое вино себе за щеку. Буль-динь! Вниз, вверх, вперёд, назад. Дэн Оккам задумывался об этом, непобедимый схоласт. Туманным английским утром бесёнок ипостаси щекотал его мозг. Опуская ковчежец вниз и становясь на колени, слышал сдвоенный с его вторым звяком первый звяк на клиросе (он возносит свой) и, по ходу, слышал (теперь я поднимаю) как их два звяка (он на коленях) бренчат дифтонгом.

Кузен Стефен, тебе не светит выбиться в святые. Хоть был до жути набожным, не так ли? Молил Пресвятую Деву, чтоб у тебя сошла краснота с носа. Молил дьявола на Серпентин-Стрит, чтоб коренастая вдова впереди ещё повыше вздернула подол от мокрой мостовой. *O, si certo!* Продай за это свою душу, валяй! За крашеные тряпки наверченные на бабень. Ещё, ещё поведай! На верхнем ярусе трамвая, в одиночку, кричал дождю: ГОЛЫХ БАБ! Ну, как?

А что такого? На что ещё они созданы? Читать по две странички из семи книг каждый вечер, а? Я был юн. Или как ты кланялся себе в зеркале, готовясь к взаправдашним аплодисментам и, ступив вперёд, врезался лицом в стекло. Урра! несчатному кретину! Уря! Никто не видел – никому не болтай. Книги, что ты собирался написать с буквами вместо названий. Вы читали его К? О, да, но мне

больше нравится его Р. Да, но согласитесь, М у него просто бесподобна. О, ну ещё бы, М! И вспомни, заодно, задумку про свои откровения на овальных зелёных листах, да чтоб копии были разосланы во все великие библиотеки мира, включая Александрийскую. Чтобы кто-то прочёл их там через пару тысячелетий, махаманватара спустя. На манер Пико делла Мирандолы. Угу, точь-в-точь. А всё-таки, когда читаешь эти чужие страницы кого-то из давно ушедших, возникает неодолимое ощущение единения с тем кем-то, что когда-то…

Зернистый песок ушёлиз-под его ног. Ботинки снова ступали по влажной трескучей скорлупе ракушечьих створок, по скрипучей гальке, по обломкам дерева обшарпаного о неисчислимые камушки, источеного корабельными червями, разгромленная армада. Местами полосы песка таились в засаде, всосать его шагающие подошвы, испуская душок канализации. Он огибал их утомлённым шагом. Увязнув по пояс, вытарчивает винная бутылка, облипла коркой присохшего песка. В дозоре: остров наижутчайшей жажды. Разбитые обручи на берегу; ещё выше, вне досягаемости прилива, лабиринт коварных тёмных сетей; позади них исчёрканные мелом двери чёрных ходов и—на верхнем пляже—бельевая верёвка с парой распятых рубах. Рингсенд: вигвамы мускулистых рулевых и искусных мореходов. Людские раковины.

Он остановился. Пропустил где надо было свернуть к дому тётки. Значит к ним не пойду? Похоже, нет. Вокруг никого. Он повернул к северу и пересёк плотный песок в направлении ГОЛУБЯТНИ.

– *Qui vous a mis dans cette fichue position?*

– *C'est te pigeon, Joseph.*

Патрис приехал на родину в отпуск, прихлёбывал со мной тёплое молоко в баре МакМаона. Сын дикого гуся, эмигранта, парижского Кевина Эгана. Мой папа птичка, прихлебывал *lait chaud* молодым розовым языком, пухленькое кроличье личико. Хлебай, *lapin*. Надеется выиграть *gros lots*. О природе женщин читал у Мишле. Но

обещался прислать мне ЖИЗНЬ ХРИСТА Лео Таксиля. Одолжил приятелю.

– C'est tordant, vous saves. Moi je suis socialiste. Je ne crois pas en l'existence de Dieu. Fant pas le dire a mon pere.

– Il croit?

– Mon pere, oui.

Schluss. Прихлёбывает. Моя парижская шляпа. Боже, всего-то и делов – нарядить персонаж. Хочу лиловые перчатки. Ты ведь, вроде, был студентом? Студентом чего, скажи ради дьявола. *Paysayenn. P. C. N.*, усёк? *physiques, chimiques et naturelles*. Ага, вон оно что. Лопал свои грошовые *mon en civet*, египетскую обжираловку, среди извозчиков с их раскатистой отрыжкой. А ну-ка, выговори, да повальяжнее: живя в Париже, на бульваре Сент-Мишель, я обычно. Да, обычно носил при себе проштампованные билетики, чтоб можно было доказать алиби, если тебя схватят, обвиняя в каком-нибудь убийстве. Правосудие. Вечером 17 февраля 1904 года подозреваемого видели два свидетеля. Это другой совершил: моё иное я. Шляпа, галстук, пальто, нос – опознаны. *Lui, c'est moi*. Ты, похоже, малость порезвился?

А до чего ж величаво вышагивал. На кого это ты старался походить походкой? Забыл: обездоленный. С извещением на перевод от матери, восемь шилингов, хряск дверей почты, которую служитель захлопнул перед твоим носом. От голода аж зубы свело. *Encore deux minutes*. Да посмотрите ж на часы. Мне надо. *Ferme*. Пес наёмный! стреляю разрывными из дробовика, чтоб его в клочья к чертям собачьим, по стенам клочья человечьи—брызгами пуговицы-медяшки—но клочья все – схрррляп! – и сошлёпнулись и всё снова на месте. Нигде не болит? О, всё в порядке. Обмен рукопожатиями. Вы ж меня понимаете, да? О, всё в полном. Пожатие обмена. О, всё в полнейшем порядке.

Тебя тянуло творить чудеса, не правда ли? Миссионером в Европу, подобно ярому Колумбаносу. Фиакр и Скотус, сидя на табуреточках в небесах, аж расплескали из своих бокалов, латиногромохохоча:

Euge! Euge! Притворно лопотал на ломаном английском, сам волоча свой чемодан—носильщику, ведь, три пенса—по осклизлой пристани в Ньюхевене. *Comment?* Изрядную ж добычу ты приволок с собою; *Le Tutu*, пять затрёпанных номеров *Pantalon Blanc et Culotte Rouge*, голубую французскую телеграмму, курьёз для кунсткамеры.

"Мать умирает выезжай домой отец."

– Тётушка считает ты убил свою мать. Она требует.

За здравие пью малигановой тёти,
На то есть причина, друзья,
У ней всё в ажуре. Хотите – проверьте:
Бульвар Нормалёк, дом семь-А.

Его ноги нежданно замаршировали в гордом ритме по волнистому песку вдоль валунов южной стены. Он заносчиво озирал их, нагромождённые глыбы мамонтовых черепов. Золотистый блеск на море, на песке, на глыбах. Солнце тут, деревья стройные, лимонные дома.

Со скрипом пробуждается Париж, ярый блеск солнца на лимонистых улицах. Кисловатый дух оладьев, жабьезелёного абсента—утренние воскурения города—галантничают с воздухом. Белуомо подымается из постели жены любовника своей жены, домохозяйка хлопочет с блюдцем уксуса в руках. В "Родо" Ивонна и Мадлен освежают свои примятые прелести, дробя золотыми зубами пироженые *chaussous*, их рты пожелтели от *pus* из *flan breton*. Мимо текут лица мужчин-парижан, их ухоженых ухажёров, конкистадоров в папильотках.

Полуденная полудрёма. Испачканными типографской краской пальцами, Кевин Эган скручивает сигареты, что крепче пороха, прихлебывая свою зелёную фею, как Патрис тогда белую. Окружающие, под свой гортанный гогот, поклевывают вилками

горошек под соусом. *Un demi setier!* Струя кофейного пара над закоптелым чайником. Официантка обслуживает меня по его кивку. *Il est irlandais. Hollandais? Non fromage. Deux irlandais, nous, Irlande, vous savez. Ah, oui*. Она решила, что ты хочешь сыр *hollandais*. Вот тебе вследтрапезная, знаешь такое слово? Вследтрапезная. Знавал я одного парня в Барселоне, чудной парень, так он это называл своей вследтрапезной. Ну: *slainte!* Вкруг плиточных столов мешанина винных паров и утробных отрыжек. Его дыхание висит над нашими тарелками в пятнах соуса, клык-трубочка зелёной феи торчит меж губ. Про Ирландию, далкасцев, про надежды, заговоры, а вот и про Артура Грифитса. Заманить меня в свою упряжку, в одно с ним ярмо, наши преступления—наше общее дело. Ты сын своего отца. Тот же голос. Его плотная рубаха в кровавых цветах трепещет своей испанской бахромой перед его секретами. М. Драмон, известный журналист, Драмон, знаешь как он назвал королеву Викторию? Старой желтозубой свиньей. *Vieille ogresse e dents jaunes*. Мод Гоунн, красивая женщина, *La Patrie*, М. Миллявуе, Феликс Фавр, знаешь как он умер? Развратники. Фрекен, *bonne a tout faire*, что трёт мужскую наготу в бане Упсалы. *Moi faire* сказала она. *Tous les messieurs*. Я не за этим, ответил я. Крайне развратный обычай. Баня самое личное дело. Я бы и брату не позволил, даже родному брату, полнейший разврат. Зелёные глаза, примечаю вас. Клык, чувствую. Похотливое племя. Люди.

Синий фитиль мертвенно вспыхивает меж ладоней и разгорается. Занялись волоконца табака: пламя и едкий дым подсветили наш угол. Резкие кости лица под его ольстерской шляпой. Как скрылся глава фениев, подлинное изложение. Оделся молодой невестой, понимаешь, вуаль, букет, выехал дорогой на Малэхайд. Ей-ей, так оно и было. Про утраченных вождей, о жертвах предательства, о головокружительных побегах. Про заговоры, о пойманых, ушедших. Про тех кого нет. Отвергнутый влюблённый. Я в то время резвый был парняга, ей-ей, при случае покажу тебе свое подобие. Точь-в-точь я. Влюбленный, ради её любви прокрался он с полковником Берком,

наследником главы клана, под стены Клеркнела и, пригнувшись, видел как огонь мести взметнул их в туман. Брязг стёкол и гул валящихся стен. В беспечном Париже он скрывается, парижский Эган, никем не разыскиваемый, кроме меня. Исполняет рутину дня, измазанная наборная касса типографии, его три кабачка, логово на Монмартре, где спит короткую ночь, улица Готте-д'Ор, где всё убранство – засиженные мухами лица ушедших. Без любви, родины, жены. Она-то пристроилась со всем удобством, без своего отверженного; домохозяйка, на улице Гит-ле-Гевр, канарейка и два холостых квартиранта. Щечки персики, юбка зеброй, резва, как молодка. Отвергнутый и не отчаявшийся. Скажи Пату, что повидался со мной, ладно? Я однажды хотел подыскать ему дело. *Mon fils* солдат Франции. Я учил его нашим песням.

Парни из Килкени бравые клинки.

Слыхал эту старинную? Я и Патриса научил. Старый Килкени: святой Кенис, замок Стронбоу на Норе. Запев такой. О, О. Он берёт мою руку, Нэпер Тенди.

О, О парни Из Килкени…

Усыхаюшая рука на моей. Они забыли Кевина Эгана, он их нет. Всё помню тебя, О, Сион.

Он приблизился к кромке моря и мокрый песок облепил ботинки. Новый мотив объял его, звеня в струнах нервов, вихрь буйной мелодии рассеваемой ясности. Что за дела, не собираюсь же я топать на плавучий маяк Киш, а? Он круто остановился, ноги начали медленно погружаться в хлипкую почву. Повернул обратно.

Разворачиваясь, он устремил взгляд к югу вдоль берега, ступни снова начали грузнуть, оставлять ямки. Холодная сводчатая комната башни ждёт. Проникшие сквозь бойницы снопы света в безостановочном продвижении—медленном и неотступном, как

погружение моих ступней—ползут к заходу по окружности пола. Голубое предвечерье, сумерки, тёмно-синяя ночь. В ожидающей мгле под сводами – их отодвинутые стулья, мой чемодан, как обелиск, вокруг стола с оставленной посудой. Кому убирать? Ключ у него. Сегодняшнюю ночь мне там не спать. Запертая дверь безмолвной башни, упокоившей их незрячие тела, охотник на пантер и его лягавая. Зов: нет ответа. Он вытащил ноги из всосов и повернул обратно к нагромажденью валунов. Вбирай всё, всё храни. Моя душа шагает со мной – форма форм. Так в час, когда луна несёт свой караул, я прохожу тропой по верху скал, в осеребрённых соболях, вкруг Эльсинора, и слышу зов прибоя.

Прилив надвигается вслед за мной. Можно посмотреть отсюда как будет заливать. Вернусь пулбергской дорогой. Через осоку и пучки скользкой, как угри, ламинарии он взобрался и сел на камень-табурет, уткнув трость в расселину.

Вздувшийся труп собака отдыхает на морской траве. Рядом борт втопленной в песок шлюпки. *Un coche ensamble* назвал Луи Воилэ прозу Готье. Эти тяжкие пески – теченье речи-языка, просеянного ситом ветра. А вон груды камней от вымерших зодчих, питомник водяных крыс. Место схоронить золотишко. Спробуй. Тебе ж сегодня малость привалило. Пески и камни. Отягчённые прошлым. Игрушки сэра Лаута. Гляди, нарвесси у мине на оплеуху. Я, так-растак, тутошний великан: катю энти вона валуны, туды их растуды, будут ужо ступенца для мово крыльца. Футы-нуты. Ух, чую, естя здеся дух да кровца ирландыца.

Точка, живая собака, выросла в поле зрения, мчится вдоль полосы песка. Господи, а на меня пёс не бросится? Уважай его свободу. Тогда не будешь ничьим господином, ни рабом их. Трость со мной. Сиди спокойно.

Вдалеке, направляясь к берегу от вздымающегося прилива, фигуры, двое. Те две марии. Укромненько заныкали меж камышей. А я вижу, а я вижу! Нет, эти с собакой. Побежала обратно к ним. Кто?

Ладьи Лохланнов взбегали на этот пляж, в поисках поживы, их кровавоклювые носы низко стлались над прибоем кипящего олова. Даны-вигинги, сверкающие секиры притиснуты к груди, а у Малачи золотой обруч на шее. Косяк китов выбросился на берег в жаркий полдень, отфыркиваются, ворочаются на мели. И тут, из изголодалых клетушек городища, орда гномов в безрукавках, мой народ, со свежевальными ножами, бегут, обдирают, врубаются в зелёный жир китового мяса. Голод, чума и убийства. Их кровь во мне, их страсти – мои волны. Я сновал среди них на льду замерзшей Лиффи, тот я, заморыш, среди чадящих смолистых костров. Ни с кем не заговаривал: никто со мной.

Собачий лай донёсся до него, пресёкся, отдалился. Пёс моего врага. А я лишь стоял бледнея, молча, облаянный. *Terrebilia meditaus*. Жёлтый жилет, лакей фортуны , ухмылялся моему страху. Вот что тебя манит, громкий лай их аплодисментов. Претенденты на трон: прожили свои жизни. Братья Брюс, Томас Фицджеральд, шёлковый рыцарь, Перкин Ворбек, фальшивый отпрыск Йорка, в шёлковых штанах цвета бело-розовой слоновой кости, чудо дня, и Ламберт Симнел, со свитой маркитантов, коронованый посудомой. Все потомки королей. Рай лицемеров, что прежде, что теперь. Он спасал утопающих, а ты вздрагиваешь от тявканья шавки. Но придворные, что насмехались над Гвидо в Ор-сан-Мигеле, были у себя дома. Дом… Хватит с нас твоих средневековых темномыслий; ты бы смог как он? Если б рядом лодка, буй жизни. *Natürlich*, вот тебе лодка. Так смог бы или нет? Хотя бы того, что утонул у камня Девы девять дней назад. Его поджидают. Ну-ка, давай начистоту. Я бы хотел. Попытался бы. Пловец из меня не ахти. Холодная мягкость воды. Когда я погрузился лицом в бассейне Клонговза. Не вижу! Кто там сзади? Прочь, скорее прочь! Смотри как быстро подступает прилив, враз покрывает песчаные низины орехококосоцветные. Если б я чувствовал дно ногами. Конечно, хотел бы, чтоб его жизнь осталась-таки при нём и моя при мне. Утопающий. Человечьи глаза взывают

ко мне из ужаса смерти. Я… С ним вместе вниз… Не мог я её спасти. Пучина: горькая смерть: утрата.

Мужчина и женщина. У неё видна нижняя юбка. Подколота, могу поспорить.

Их пёс носился рысью по уменьшающемуся песчаному берегу, топоча, принюхиваясь ко всему подряд. Ищет что-то утраченное в прошлой жизни. Вдруг он метнулся, как скачущий заяц, уши плещутся позади, в погоне за тенью низко скользнувшей чайки. Зычный свист мужчины достиг его мягких ушей. Он развернулся, помчал обратно, всё ближе мельтешат рысящие лапы. На жёлтом поле тур в беге без рогов. У кружевной кромки прилива замер, насторожил уши к морю. Морда задралась, залаяла против шума волн, на свору морских собак. Они змеились к его лапам, вились, раскручивая несчётные гребни, каждая – девятый вал, разбиваясь, выплескивая, издали, из дальнего далека, волна за волной.

Сборщики моллюсков. Они зашли в воду неподалеку, нагнувшись, погрузили там свои мешки и, вытащив обратно, побрели к берегу. Пёс с лаем подбежал к ним, подскакивал, толкал их лапами, падал на все четыре и снова вставал на задние в заискивающей медвежьей игривости. Безответно юлил он вокруг них, пока не вышли на песок посуше, полотнище волчьего языка полыхало Меж его челюстей. Его пегое тело вытанцовывало впереди них, а затем рвануло прочь жеребячим галопом. Труп лежал у него на пути. Он остановился, принюхался, подкрался в обход—свой брат—потянул носом ближе, обошёл, скоро, по-собачьи, обнюхивая всю всклоченную шкуру дохлой собаки. Псочереп, псонюх, потупив взгляд, продвигается к единой великой цели. Ах, бедный псина. Здесь псины-трудяги тело лежит.

– Лохмач! Пшёл оттуда, тварь.

На окрик, он скачками кинулся обратно к хозяину и резкий пинок босой ноги, не увеча, отбросил его за полосу песка, перегнувшегося в полете. Он метнулся обратно зигзагом. Меня не видит. У края скалы он задержался, потянулся, нюхнул камень и, из-под

вздёрнутой задней лапы, писнул на него. Протопотал вперёд и, задрав лапу, кратко писнул на другой, не обнюханный, камень. Нехитрые утехи бедняков. Его задние лапы скребнули песок, затем суетливо заработали передние. Что-то он тут схоронил, свою бабушку. Он рылся в песке, отгребал, рылся и останавливался прислушаться к воздуху, снова остервенело скрёб песок когтями, часто прерываясь: гепард с пантерой застуканы на прелюбодеянии, за обгладыванием падали.

После того как он разбудил меня среди ночи не это ли мне снилось? Погоди-ка. Открытая дверь. Улица проституток. Помню. Гарун аль-Рашид. Да-да, так. Человек вёл меня, говорил что-то. Я не боялся. Дыня у него была, он поднёс к моему лицу. Улыбнулся: фруктово-кремовый запах. Так принято, сказал. Сюда. Входи. Красный ковёр расстелен. Увидишь кто.

Взвалив мешки на плечи потопали они, красные египтяне. Его посинелые ступни ниже подвёрнутых штанин шлёпали по влажному песку, тёмно-кирпичный шарф обмотал небритую шею. Женскими шажками она шла следом: негодяй и его зазноба. Добыча болталась у неё за спиной. Песок и измельчённые осколки ракушек облепили босые ступни. Волосы плескались вокруг обветренного лица. Вслед за хозяином, его подсоба подалася в Римвиль. Когда темень скроет изъяны её тела, окликает из-под своей коричневой шали в уличной арке загаженной псами. Её избранный фалует пару вояк из Королевского Дублинских в рюмочной О'Лохлина в Блекпите угоститься ею. Чё те щё, попарь лына с ебливой сучкой! Дьяволицина белизна под её крепко пахнущим тряпьём. Прошлую ночь на Фамболи-Стрит: вот и смердит дубильней.

Цанк твой белый, липняк красный
И шахна твоя мягка
Забирайся на скрипелку

Будет ходка до утра

Угрюмой похотью окрестил это Фома Аквинский, бочкобрюхий *frate porcospino*. Адам до грехопадения вставлял не возбуждаясь. Да пошёл он: шахна твоя мягка. Язык ничем не хуже, чем у него. Монашьи словеса, бряканье четок на их поясах: словечки бандитов, звяк монет в их карманах.

Проходят.

Искоса из-под ресниц на мою гамлетову шляпу. А если б я вдруг сидел тут голым? Я не. Через пески всего мира, уходя от солнца меча огненного, бредут к западу в вечерние страны. Она топает, ковыляет, тащит, волочит, тарганит ношу свою. И прилив к западу, луной влекомый, за нею следом. Приливы, мириадоостровные, внутри неё, кровь не моя, *oinopa ponton*, виннотёмное море. Вот она служительница луны. В снах влажный знак оповещает ей урочный час, велит вставать. Постель невесты, детская кроватка, смертный одр при свечах-призраках. *Omnis caro ad te venient*. Он близится, бледный вампир, сквозь бурю глаза его, перепончатые паруса его крыльев кровавят море, ртом к поцелую её рта.

Ну-ка пришпиль голубчика на карандаш. Где мои таблички? Ртом к её поцелую. Не то. Надо оба. Вылепи получше. Ртом к поцелую её рта.

Его губы потянулись, прильнули к бесплотным губам воздуха: ртом к её лону. Ооно, всевмещающее лоно могилы. Его рот округлился, испуская выдох, безречевой: оооиииххах: рёв водопада планет, сфероидных, полыхающих, клекочущих вайавайа вайавайа вайава. Бумагу мне. Банкноты, мать их так. Письмо старика Дизи. Сойдет. С благодарностью за гостеприимство ваших, оторвём чистый край. Обернувшись к солнцу спиной, он склонился над столом из камня и чёркал слова. Это я уж второй раз забываю прихватить листки из ящика в библиотеке.

Тень его вытянулась на камни, когда склонился, кончая. Почему не до бесконечности, до самой дальней из звезд? Темны они там, вне этого света, тьма сверкающая блеском, дельта Кассиопеи, миры. Тот я сидит там со своим авгуровым посохом их ясенька, в одолжённых сандалиях, при свете дня возле пепельного моря, незамечаемый, фиолетовой ночью шагает под царством несуразных созвездий. Я отбрасываю эту конечную тень, неизбывный людской контур: подтягиваю обратно. Обретя бесконечность осталась бы она моей, формой моих форм? Кто тут меня увидит? Кто-нибудь, когда и где-либо, прочтёт вот эти написанные мною слова? Значки по белому полю. Где-то кому-то своим наинежнофлейтовым голосом. Добрый епископ Клойнский вынул занавес храма из широкополой шляпы своей: занавес пространства со штрихами цветных эмблем по его полю. Ну-ка, отчетливей. Расцвеченных на его плоскости: да, верно. Я различаю плоскость, затем прикидываю расстояние, близко, отдалённо, вижу плоскостями, восток, вспять. А, теперь ясно. Разом отваливается назад, замороженный в стереоскопе. Весь фокус в щелчке. Смысл слов моих находишь тёмным? Тьма в наших душах, ты не думал? Пофлейтовее. Наши души, изъязвленные стыдом за грехи наши, приникают к нам теснее, ещё теснее, как женщина что тиснется к любовнику, ещё, ещё.

Она доверилась мне, нежная ладонь, длинноресничные глаза. Так куда ж, скажи ради дьявола, вывожу я её из-за занавеси? В неизбывную обусловленность неизбежно видимого. Она, она, она. Кто? Та девственница у витрины Ходжеса Файгса, что в понедельник высматривала какую-то из алфавитных книг, которые ты собирался написать. И до того ж проникновенно ты на неё поглядел. Кисть продета в плетеный хомутик её зонтика. Проживает в Лизон-Парк в окружении грусти и изысканных безделушек, любительница литературы. Расскажи кому другому, приятель: газировка. Бьюсь об заклад, на ней эти Богом проклятые резинки и жёлтые чулки штопаные толстой шерстяной ниткой. И у неё всего и разговоров-то, что про яблочный пудинг: *piuttosto*. Где твои мозги?

Коснись меня. Мягкими глазами. Рукою мягче мягкого. Мне так тут одиноко. О, коснись же скорее, сейчас. Что за слово известно всем людям? Вот я здесь один. Пропадаю от тоски. Притронься, коснись меня.

Он лёг на спину, простершись на острых камнях, затолкал исписанную бумагу и карандаш в карман, надвинул шляпу на глаза. Я повторил движенье Кевина Эгана, как он вздрёмывает своим субботним сном. *Et vidit Deus. Et erant valde bona. Alo! Bonjour,* дарит радость, как майские цветы. Из-под полей взглянул сквозь павлиньепереливчатость ресниц на солнце движущееся к югу. Я заключён в этот полыхающий пейзаж. Час Пана, фавнов полдень. Средь налитых ползучих растений, плодов молочносочных. Где привольно раскинулись листья на тёмных водах. Боль далека.

Что толку голову ломать.

Взгляд его преломился на широконосых ботинках, обноски Мака *nebeneineinder*. Пересчитал складки поморщеннной кожи – чужая ступня уютно тут гнездовала. Ступня, что по-балетному притопывала о землю; ступня, что не люба мне. Но ты так восторгался, когда тебе налезли туфли Эстер Освальт: была у меня в Париже девушка. *Tiens, quel petit pied!* Надёжный друг, братская душа: Ульдова любовь, что никак не осмелится вымолвить имя своё. Теперь он покинет меня. Чья вина? Каков я есть. Уж каков есть. Всё или вовсе никак.

Широкими разводами размашистого лассо прихлынула вода, покрывая зелёнозолотистые песчаные лагуны, вздымаясь, струясь. Пусть ясенёк уплывёт далёко. Нет они пройдут, минуют, трутся о камни внизу, водоворотятся, проходят. Надо срочно отлить. Вот слушай: четырехсловная волноречь: сыйсэ, хыйлс, рссиисс, ооос. Страстное дыхание вод средь морских змеищ, дыбящихся коней, камней. В чашах камней похлюпывает: плоп, хлюп, шлёп: как заключённая в бочки. Иссякнув, прекращает речь. Журча отплывает, разливаясь шире, кружит на плаву клок пены, распускающийся бутон.

Он видел как в полнящемся приливе перекрученные сплетенья водорослей вяло вздымают и всколыхивают охладело руками, задирая свои подолы, к шепчущей воде, колеблясь и зазывно изгибая серебристые листья. День за днём: ночь за ночью: подняты, залиты и брошены опасть. Господи, они уж изнемогли: и только вздыхают на шёпот взывающий к ним. Святой Амброзий различал это, вздохи листьев и волн, в ожидании когда придёт их срок, *diebus ac noctibus iniurias patiens ingemiscit.* Безцельно притянуты: затем отпущены ни с чем, струясь вперёд, отбредая вспять: данники луны. Тоже истомилась, под взорами любовников, похотливых мужчин, нагая женщина блистающая в своих чертогах, тянет она лямку вод.

Там пять саженей. На глубине в три сажени лежит отец твой. В час дня, сказал тот. Прилив у дублинской отмели. Гонит перед собой россыпь плавучего хлама, вееротабунчики рыб, дурацкие ракушки. Труп всплывает солебелый, на потоке придонных вод, поколыхиваясь к берегу, вверх-вниз, вверх-вниз, дельфинчиком. Точно он. Подцепляй скорей. Хоть скрылся он под гладью вод. Есть. Резко не дёргай. Мешок трупных газов замоченый в вонючем рассоле. Стайка рыбок, разжирелых на доотвальном харче, вымётывается через прорехи его застегнутой ширинки. Бог становится человеком – становится рыбой – становится диким гусём – становится периной. Выдохами мёртвых я, живущий, дышу, ступаю по мёртвому праху, поглощаю мочевые отбросы всех умерших. Втащили негнущегося через борт, он выдыхает кверху смрад своей зелёной могилы, прокажённая дыра носа взбулькивает к солнцу.

Это мореобмен, карие глаза высиневшие от соли. Моресмерть, наилегчайшая из всех известных человеку. Старый Батюшка Океан. *Prix de Paris*: остерегайтесь подделок. Войдёте во вкус, так вас и за уши не оттащишь. Мы были глубоко удовлетворены.

Двигай. Пить охота. Облака собираются. Но чёрных туч и близко нет, не так ли? Грозовая буря. Он падает блистая, гордая молния интеллекта, *Lucifer, dico qui nescit occasum.* Нет. Моя странническая

шляпа и посох, и его мои сандалии. Куда? В вечерние земли. Вечер найдёт себя сам.

Он взял свою трость за рукоять, мягко взмахнул, все ещё манежась. Да, вечер найдёт себя во мне, без меня. Все дни приходят к своему концу. Кстати, следующий когда? Во вторник будет самый длинный день. На весь весёлый новый год, мамаша, шарах, брюх ром тарах. Лон Тениссон, джентельмен-поэт. *Vivat!* За старую желтозубую свинью. И за месье Драмона, джентельмена-журналиста. Зубы у меня ни к чёрту. С чего бы это? Чувствую. И этот вот испортился. Ракушки. Может сходить к дантисту на эти деньги? Да, вот этот самый. Беззубый Кинч, супермен. Отчего, хотел бы я знать, или, может, это что-то означает?

Мой носовой платок. Он выбросил. Помню. Я не поднял?

Рука его пошарила напрасно по карманам. Нет, не поднял. Ладно, куплю. Он положил засохшую соплю, вытащенную из ноздри, на выступ камня, аккуратно. Дальше пусть заботится кто позаботится. Сзади. Похоже кто-то есть.

Он обернул лицо над плечом, назадсмотрящий. В воздухе плыли высокие мачты шхуны, паруса подтянуты к реям, домой, вверх по течению, беззвучно проскальзывал безмолвный корабль.

* * *

М-р Леопольд Цвейт охотно употреблял в пищу внутренние органы животных и птиц. Он любил густой суп с потрошками, тугие желудочки, нашпигованное тушёное сердце, жаркое из тонко нарезанной печени; жареные куриные яичники. Более всего ему нравились печёные бараньи почки, что сообщали его нёбу тонкий привкус чуть отдающий мочёй.

Почки и были у него на уме, когда, мягко похаживая по кухне, он собирал её завтрак на слегка продавленный поднос. Холодный свет и воздух наполняли кухню, однако снаружи уже вовсю распросторилось нежное летнее утро. Оттого-то и тянуло покушать.

Угли в камине раскраснелись.

Ещё кусочек хлеба с маслом: три, четыре: так. Она не любит, чтоб её тарелка переполнялась "с горкой". Вот так. Он отвернулся от подноса, снял чайник с треножника и поставил с краю на огонь. Отворотив нос, тот нахохлился там, коренастый и тусклый. Скоро почаюем. Во рту пересохло. Кошка чопорно обошла ножку стола, высоко держа хвост.

– Мкгнау!

– А, вот и ты,– сказал м-р Цвейт, оборачиваясь от огня. Та мявкнула в ответ и, величаво мяуча, ещё раз прокралась вкруг ножки стола. Точно так же она ступает по моему письменному столу. Уррр. Почеши мне головку. Уррр.

М-р Цвейт с доброжелательным любопытством следил за гибкой чёрной формой. На вид чистюля: шерсть гладенько лоснится, белая кнопка под корнем хвоста, зелёные взблески глаз. Он склонился к ней, упёршись руками в колени.

– Молочка кисоньке,– сказал он.

– Мркгнау!– крикнула кошка.

А ещё говорят они глупы. Они нас понимают лучше, чем мы их. Всё понимает, что соизволит понять. И мстительны. Интересно, каким

она меня видит. Высотой с башню? Нет, ведь настолько она могла бы вспрыгнуть.

– А вот куриц она боится,– насмешливо произнёс он,– боится тип-типонек. В жизни не видел такой глупой киски, как наша мурлышка.

Жестока. От природы. Любопытные мыши и пикнуть не успевают. Может им и нравится.

– Мркргнау!– сказала кошка громко. Помаргивая задранными вверх вожделеющими, пристыженно прижмуренными глазами, она мяукала плоско и протяжно, показывая ему свои молочнобелые зубы. Он смотрел в её тёмные, жадно сузившиеся зрачки – не глаза, а прямо тебе зелёные камни. Затем прошёл к шкафу, взял бидон, только что наполненный молочником из Хеплона, наполнил блюдце тёплопенным молоком и медленно опустил на пол.

– Гуррхр!– крикнула она, подбегая лакать.

Он смотрел как в неярком свете проволочно взблеснули кончики усов, когда она трижды встряхнула ими, наскоро облизывая. Говорят, если состричь они потом не могут мышей ловить. Почему? Наверно, отсвечивают в темноте, кончики. Или, может, вроде щупальцев.

Он слушал прихлёбывание её язычка. Яичницу на сале? Нет. В такую жару хороших яиц не будет. Им нужна чистая свежая вода. Четверг: не слишком подходящий день для бараньей почки у Баклея. Поджарить на масле, щепотку перца. Лучше свиную почку у Длугача. Пока чайник вскипит. Она, замедляясь, докончила молоко, потом вылизала блюдце. Почему у них такие шершавые языки? Удобней лакать, весь в пористых дырочках. Что-нибудь дать? Он огляделся. Нечего. Чуть поскрипывая ботинками, он поднялся по ступенькам в прихожую, встал возле двери в спальню. Может ей захочется чего-нибудь вкусненького. По утрам она предпочитает тонко нарезанный хлеб с маслом. Ну, а вдруг: на всякий.

Он сдержанно произнёс в порожней прихожей:

– Схожу за угол. Туда, обратно.

И услыхав свой голос, проговоривший это, он добавил:

– Не хочешь чего-нибудь к завтраку?

Сверху донёсся сонный мягкий стон:

– Мн.

Нет, ничего такого ей не хочется. Тут он расслышал протяжный тёплый вздох, ещё один, чуть тише, и бряцанье разболтанных медных колечек кровати. Все-таки их нужно закрепить. Жалко. Ещё с Гибралтара. Испанский начисто забыла, хотя и знала-то не ахти как. Интересно, сколько заплатил её папаша? Старомодная. Ну, ещё бы куплена на распродаже у губернатора. За бесценок. Старик Твиди не проторгуется, твёрдый орешек. Да, сэр. Дело было под Плевной. Я выслужился из рядовых и горжусь этим. Всё же у него хватило мозгов сделать вклад в те марки. Теперь-то ясно, что не прогадал.

Рука его сняла шляпу с колышка над тёплым пальто помеченным его инициалами бок о бок с подержаным плащом, с распродажи в бюро утерянных вещей. Марки: картинки с липким задом. Наверняка, многие офицеры вошли в долю. Ещё бы. Пропотелый ярлык в тулье шляпы безмолвно сообщил ему: ПЛАТО шляпы высшей кат. Он мельком заглянул за кожаную ленту подкладки. Белый квадратик бумаги. На месте.

На крыльце пошарил в заднем кармане за ключем. Не тут. В тех брюках. Надо будет не забыть. Картошка при мне. Шкаф заскрипит. Не стоит её беспокоить. Ворочалась совсем сонной. Он легонько притянул входную дверь, ещё чуть-чуть, чтобы обивка слегка выскользнула за порог, малость держит. С виду заперто. Во всяком случае сойдёт, покуда вернусь.

Обогнув раскрытый подвальный приямок у номера семьдесят пять, он перешёл на солнечную сторону. Солнце приближалось к шпилю храма Георга. Денёк, похоже, будет жарким. Особенно в чёрной одежде, чувствуется сильней. Чёрное сообщает, рефлектирует (или правильно "рефрактирует"?) теплоту. Но не пойду же я в моём светлом костюме. Не пикничок ведь. Прижмуриваясь, он шагал в благодатном тепле. Хлебный фургон Боланда с лотками, ежедневно и нам доставляет, но она больше любит хрустко обжаренные горбушки от вчерашних. Ощущаешь себя молодым. Где-

нибудь на востоке: раннее утро: выйти на рассвете, идти и идти впереди солнца, обгоняя его на дневной переход. Если так всё время, не состаришься ни на день, в техническом смысле. Идти вдоль побережья, в чужой земле, приблизиться к воротам города, там стражник, тоже старый рядовой с усищами как у старика Твиди, опёршись на что-то длинное, типа, копьё. Бродить по улочкам с навесами. Мельтешат лица в тюрбанах. Тёмные зевы лавок с коврами, здоровенный мужик, Грозный Турко, сидит, скрестив ноги, курит кальян. Крики уличных торговцев.

Пить воду с запахом жасмина, шербет. Бродить там целый день. Можно наткнуться на грабителя, или двух. Ну и что. Закат всё ближе. Тени мечетей вдоль колоннад: священик со скрученным свитком. Трепет деревьев, знак, вечерний ветер. Всё так же бродить и бродить. Угасает золотое небо. Мать выглядывает за порог. Скликает детвору в дом на своём тёмном языке. Высокая стена: где-то звон струн. Луна в ночном небе, лиловое, цвета новых подвязок Молли. Струны. Слушай. Девушка наигрывает на каком-то из тех инструментов: цимбалы? Прохожу мимо.

А на самом деле: ничего, небось, подобного. Где-то вычитал, дорогой солнца. С протуберанцем на обложке. Он позабавленно хмыкнул. Неплохо выдал Артур Грифитс про череп над передовицей в НЕЗАВИСИМОМ: восход солнца самоуправления на северо-западе, из переулка за Ирландским банком. Его ухмылка стала ещё шире. В самую точку: солнце самоуправления, восходит на северо-западе.

Он приблизился к заведению Ларри О'Рука. Сквозь подвальную решётку всплывал разреженный винный дух. Из распахнутых дверей бара сочились запахи пива, чайной крошки, бисквитного теста. Солидное заведение, однако: не на бойком месте. Вот у Модея, на той окраине, другое дело: расположение ч. х. Конечно, если проложат трамвайную линию вдоль Северного Кольца, от скотного рынка к пристани, цена взлетит, как из пушки.

Лысина за занавеской. Старый пройдоха. Бесполезно подкатываться, чтоб заказал рекламу. Но дело знает. Так и есть – он,

мой лысый Ларри, в своей рубахе с коротким рукавом, оперся на ящик с сахаром, наблюдает, как уборщица в фартуке орудует ведром и шваброй. Саймон Дедалус умеет завести его, когда и сам уже на взводе. Знаете что я вам скажу? Сказать, м-р О'Рук? Знаете что? Японцам эти русские всего лишь, типа, лёгких завтрак. Остановись, перекинься словом: хотя бы про похороны. Бедняга Дигнам, такая жалость, м-р О'Рук. Заворачивая в Дорсет-Стрит, он бодро поприветствовал в открытую дверь:

– Добрый день, м-р О'Рук.

– Вам добрый день.

– Прекрасная погода, сэр.

– Да уж точно.

Где они деньги берут? Приходят рыжеголовыми прибиральщиками из округа Лейтрим, моют пустые бокалы и недопивки в подвале. И вдруг—гляди-ка!—расцвели как Адам Финдлейтерс или Дэн Тэлонс. Да ещё при здешней конкуренции. Поголовная жажда. Сложнейший ребус – пересечь Дублин так, чтобы по курсу не попался какой-нибудь бар. Экономить они не умеют. Значит – с выпивки. Наливал троим, вышло на пятерых. Что тут такого? Монету здесь, монету там, по крохам да по каплям. Ещё, наверно, на оптовых заказах. Приезжих надувают. Утряси с боссом и всё обтяпаем, усёк?

А за месяц сколько наплывёт с портвейна? Скажем, десять бочек. Ему, допустим, процентов десять. О, больше. Какие там десять. Пятнадцать. Он шагал мимо национальной школы Св. Иосифа. Гвалт недорослей. Окна настежь. Приток воздуха оживляет память. Как дырочки флейты. Эйбиси – не проси, дииэф – спит лев, джиэйджей – дождик чей? Это мальчики? Да. Кликуха Квэк. Кликуха Люк. Кликуха Бур. Тушатся на медленном огне. У меня? Сляк Цвейт.

Он остановился перед витриной Длугача, уставясь на связки сосисок, колбас, чёрных и белых. Пятьдесят умножить на. Цифры поблекли в его уме недорешёнными: недовольный, он дал им угаснуть совсем. Лоснящиеся, распираемые мясом кольца насытили

его взор и он умиротворенно вдохнул тепловатых дух варёнки с приправой из свиной крови.

Почка сочила кровянистую лужицу на блюдо с орнаментом из верб: последняя. Он стоял у прилавка следом за соседской девушкой. Вдруг заберет и её, вычитывая заказ из списка в руке? В трещинках: сода для стирки. И полтора фунта сосисок. Глаза его уперлись в её крутые бедра. Фамилия его Вуддс. Интересно, что он поделывает. Жена старовата. Новая кровь. Провожальщиков не допускают. Крепкая пара рук. Выбивает ковёр на бельевой веревке. Наяривает – я тебе дам. А как всхлёстывает её поддёрнутая юбка при каждом хлопке.

Хорькоглазый свинорез заворачивал сосиски, которые отчикнул пальцами в пятнах, сосисочнорозовыми. Говяды то что надо – как у яловки откормленной на ферме.

Он поднял страничку из кипы нарезанных листов. Образцовая ферма в Кинерете на берегу озера Тиберас. Могла бы стать идеальным зимним санаторием. Моисей Монтефьер. Я так и знал, что он. Ферма, вокруг ограда, расплывчатая скотина пасётся. Он отвёл страницу: интересно: вчитался, расплывчатая скотина на лугу, страница дрогнула. Молодая белая яловка. А по утрам на скотном рынке рёв быков в загородках, меченые овцы, шмяк и плюханье навоза, скотогоны в подбитых гвоздями ботинках топают по дерьму, хляскают ладонью по тугомясому заду, самый первый сорт, в руках неошкуренные кнутовища. Он, чуть скособочив, терпеливо держал страницу, обуздывая свои чувства и прилив желания, мягкий объект его наблюдений обездвижен. Поддёрнутая юбка обхлёстывает под каждый ляск, под ляск, под ляск.

Свинорез выхватил пару листков из кипы, завернул её первоклассные сосиски и состроил гримаску.

– Ну-с, милая мисс,– сказал он.

Она протянула монету, со смелой улыбкой, выставив широкое запястье.

– Благодарю, милая мисс. И один шиллинг три пенса сдачи.

– А вам, пожалуйста?

М-р Цвейт поспешно указал. Догнать и пойти позади, если она идёт не спеша, позади её колышущихся мяс. Полюбоваться с утра пораньше. Да, скорей же, чёрт побери. Коси, коса, пока роса. Она помедлила у магазина на солнышке и лениво пошагала вправо. Он вздохнул через нос: ни хрена им не доходит. И руки шелушатся от соды. А ногти на ногах корявые. Бретельки залохматились от носки. Обида, что не замечен, ширилась, гася благодушие в его груди. К тому же сменившийся с дежурства констебль лапал её в переулке. Им только здоровяков подавай, чтоб сосиска была первый класс. О, пожалуйста, м-р Полисмен, я заблудилась в лесу.

– Три пенса, пожалуйста.

Рука его приняла влажнонежный орган и спустила в боковой карман. Затем достала три монетки из кармана брюк и положила на резиновые пупырышки. Они разлеглись, были вмиг опознаны и тут же скользнули, кружок за кружком, в ящик.

– Спасибо, сэр. Заходите.– Искорка призывного огонька из лисьих глаз благодарила его.

Помедлив секунду, он отвёл взгляд. Нет: не стоит: в другой раз.

– Доброго утра, сэр,– сказал он двинувшись прочь.

– Доброго утра, сэр.

И след пропал. Ушла. Подумаешь.

Он зашагал обратно по Дорсет-Стрит, погрустнело читая. Ажендат Нетаим: плантаторская кампания. Выкупаем обширные песчаные участки у турецкого правительства для насаждения эвкалиптов. Дают превосходную тень, топливо и стройматериал. Апельсиновые рощи и бескрайние дынные плантации к северу от Яффы. Внесите восемь марок и для вас возделают акр земли с насаждением олив, апельсинов, мандаринов или лимонов. Оливы дешевле: цитрусовым нужна поливка. Едегодно получаете выручку от урожая. Ваше имя пожизненно заносится в регистр владельцев компании. Можно приобрести акции на десять процентов дешевле, восполняя разницу годовыми взносами. Бляйбтройштрассе, 34, Берлин, W. 15.

Не заманите. Но неплохо придумано.

Он смотрел на скот, расплывчатый в серебристом зное. Посеребрённые пылью оливковые деревья. Спокойные долгие дни: надзор над вызреванием. Оливки пакуют в банки, так кажется? У меня осталось малость от Эндрюса. А Молли их выплёвывает. Приелись. Апельсины в мягкой бумаге укладывают в корзины. Интересно, бедняга Цитрон всё ещё живёт на Св. Кевина? И Мастиански с его облупленной мандолиной. Приятные были у нас вечера. Молли в плетёном кресле Цитрона. Даже подержать приятно, восковопрохладный фрукт, ощутить в руке, поднести к ноздрям и вдохнуть аромат. Такой вот густой, сладкий, дикий аромат. Не меняется, год за годом. И всегда в цене, Мойзель мне говорил. Арбутус-Плейс: Плезентс-Стрит: старые добрые времена. Должны быть без малейшего изъяна, говорил он. Дальний путь: Испания, Гибралтар, Средиземноморье, Ливан. Ряды корзин у причала Яффы, один малый ведёт учет в книжечку, матросы таскают, все в белых замызганых штанах. Вон выходит, как, бишь, его? Здра... Не видит. Шапочные знакомства малость в тягость. Горбатый как тот капитан-норвежец. Интересно, встречу его сегодня? Поливальная повозка. Выдрочить дождя. На земле как и на небесах.

На солнце начало наползать облако: целиком, не спеша, наглухо. Серость. Даль.

Нет, там по-другому. Бесплодная земля, голая пустошь. Вулканическое озеро, мёртвое море: ни рыбы, ни водорослей, глубоко вдавлено в землю. Ни ветерка всколыхнуть эти волны, металлосерые, ядовито дымчастые воды. Ещё называли горючим камнем, изливался дождём: города на равнине: Содом, Гоморра, Эдом. Всё мёртвые имена. Мёртвое море на мёртвой земле, серой и старой. Это теперь старой. Породила древнейшее, первое племя. Сгорбленная карга перешла дорогу из переулка. Древнейший народ. Рассеялись по лику земли, из кабалы в кабалу, плодясь, умирая. Она до сих пор там. Уже не может рожать. Мертва: старушечья: серая ввалившаяся пизда мира.

Одиночество.

Серый ужас осушил его плоть. Сложив страничку в карман, он завернул в Эклес-Стрит, торопясь к дому. Холодные жиры проскальзывали в венах, леденя кровь: возраст заковывал в корку солей. Что это на меня нашло? Утренняя порция мерзких образов. Встал не с той ноги. Надо снова начать эти упражнения по Сэндоу. Отжиматься на руках. Дома пятнисто-коричневого кирпича. Восьмидесятый номер так и не сдан. С чего бы? Запрашивают всего двадцать восемь. Товерс, Батерсби, Ноз, МакАртур: окна приёмных обклеены вывесками. Пластыри на воспалившийся глаз. Ощутить запах тонкого дымка чая, парок над сковородой с шипящим маслом. Поближе к её пышной тёплой от постели плоти. Да, да.

Быстролетный тёплый свет солнца примчался от Беркли-Роуд, безудержный, в легких сандалиях, вдоль озаряющегося тротуара. Бежит, она бежит мне навстречу, девушка с развевающимися золотыми волосами.

Два письма и открытка лежали на полу прихожей. Он остановился, подобрал их. М-с Марион Цвейт. Его зачастившее сердце вмиг замерло. Уверенный почерк. М-с Марион.

– Полди!

Входя в спальню, он полуприкрыл глаза и прошёл через тёплый жёлтый сумрак к её взлохмаченной голове.

– Кому письма?

Он взглянул на них. Малинга. Милли.

– От Милли мне письмо,– сказал он осторожно,– а тебе открытка. И ещё письмо для тебя.

Он положил открытку и письмо на стёганое покрывало у извива её коленей.

– Поднять штору?

Подымая лёгкими подергиваньями штору до середины, взглядом обращенным назад он приметил, как она, взглянув на письмо, затолкала его под подушку.

– Так хватит?– спросил он оборачиваясь Она читала открытку, опершись на локоть.

– Вещи ей доставили,–сообщила она.

Он выждал пока она отложила открытку и, с уютным вздохом, в медленном извиве, улеглась обратно.

– Поскорей там с чаем,– сказала она.– У меня всё пересохло.

– Уже кипит.

Но он задержался, прибрать со стула: её нижняя юбка и полоскускомканное несвежее бельё. Ухватив всё, поднял на изножие постели.

Когда он спускался по ступенькам в кухню, она крикнула:

– Полди!

– Что?

– Чайничек сполосни кипятком.

Кипит вовсю: перо пара из носика. Он ошпарил и протёр чайничек, положил четыре полные ложечки чая: снова поднял большой, влить кипятка. Отставив заварной, чтоб настаивался, он снял большой чайник и взгромоздил сковороду на горячие уголья, наблюдая как скользит и тает кусок масла. Пока он разворачивал почку, кошка с голодным мяуканьем терлась об него. Перекормишь мясом, мышей ловить не будет. А ещё говорят они не жрут свинину. Кошер. На. Он обронил ей испачканную кровью бумажку и выпустил почку в шкварчащее жидкое масло. Поперчить. Сыпнул щепотью вкруговую из надтреснутой чашечки для яйца.

Потом вскрыл полученное письмо, пробежал взглядом до низа страницы и обратно. Благодарю: новая шляпа: м-р Кохлен: пикник на озере: молодой студент: девушки на пляже Ухаря Бойлана.

Чай заварился. Он наполнил свою чашку-для-усачей, подделка под фарфор из Дерби. Подарок от милой Милли на день рождения. Ей тогда было всего пять лет. Нет, погоди: четыре. Я дал ей ожерелье из шариков амбры, она потом порвала. Подкладывал в почтовый ящик обёрточную бумагу, будто это письма ей. Он улыбнулся, наливая.

О, Милли Цвейт, моя душа,
Моё ты зеркальце, моя услада,
Ты мне дороже, пусть и без гроша,
Чем Кэтти Кейг с её ослом и садом.

Старый бедняга профессор Гудвин. Ужасный случай, старо как мир. Но уж галантен был, этого не отнять. Эдак по старомодному кланялся Молли, провожая её со сцены. А ещё то зеркальце в его шёлковой шляпе. Тот вечер, когда Милли притащила его в гостиную. О, посмотрите что было в шляпе профессора Гудвина. Как мы все хохотали. И уже в таком возрасте проступает пол. Нахалюшка она была.

Он вколол вилку в почку и перешлёпнул: затем установил чайничек на поднос. Бугор в подносе откликнулся на подъём сухим щелчком. Всё тут? Хлеб с маслом, четыре, сахар, ложечка, её сливки. Да. Он понёс наверх, продев большой палец в ручку чайничка.

Распахнув дверь толчком колена, он внёс поднос и поставил на стул у изголовья постели.

– Что ты так долго,– сказала она.

Медяшки зазвякали, когда она, порывисто привстав, упёрла локоть на подушку. Он спокойно смотрел на плечи и в ложбинку между её объёмистых мягких титек, что распирали ночную сорочку, как вымя козы. Тепло её возлежащего тела всплыло в воздух, мешаясь с ароматом наливаемого ею чая.

Краешек разорванного конверта выглядывал из-под вдавленной подушки. Уходя, он задержался поправить покрывало.

– От кого письмо?– спросил он.

Уверенный почерк. Марион.

– А, Бойлан,– ответила она.– Собирается привезти программу.

– Что ты исполняешь?

– *La si darem* с Дж. С. Дойлом,– ответила она,– и ДАВНЮЮ СЛАДКУЮ ПЕСНЮ ЛЮБВИ.

Её полные губы, надпивая, улыбнулись. Довольно горклый запах у этих духов на следующий день. Как перестоявшая вода под цветами.

– Может, приоткрыть окно?

Она отправила хлеб в рот, спрашивая:

– Во сколько похороны?

– В одиннадцать, наверно,– сказал он.– Я ещё не смотрел газету.

Проследив направление её указующего пальца, он приподнял с кровати её несвежие трусы. Не то? Тогда перекрученную серую резинку, что захлестнулась вокруг чулка: подошва здорово уже раздалась и заносилась до лоска.

– Да нет же, ту книгу.

Второй чулок. Её нижняя юбка.

– Наверно, упала,– сказала она.

Он пощупал там-сям. *Voglio e non vorrei*. Интересно, сумела бы она правильно произнести: *voglio*. В постели нет. Должно быть, свалилась на пол. Он нагнулся и задрал окаёмку. Раскрывшаяся при падении книга опиралась на пузатый ночной горшок с оранжевой крышкой.

– Дай сюда,– сказала она.– Я там отметила. Хотела спросить тебя одно слово.

Она глотнула чай из чашки, охваченной мимо ручки и, проворно отерев кончики пальцев об одеяло, начала водить шпилькой по тексту, пока не дошла до искомого слова.

– Мне там что?– переспросил он.

– Сам посмотри,– указала она.– Что оно такое?

– Метампсихоз?

– Да. С чем его едят?

– Метампсихоз,– проговорил он прихмуриваясь.– Это греческий: из греческого. Означает переселение душ.

– Тьфу, пропасть!– сказала она.– А по-людски что это такое?

Он улыбнулся, искоса взглядывая в её насмешливый глаз. Всё те же молодые глаза. Тот первый вечер после шарад. Шалаш принца.

Он пролистнул замызганные страницы. РУБИН, ИЛИ УКРАШЕНИЕ АРЕНЫ. Привет. Картинка. Ярый итальянец с плетью. А это должно быть Рубин, она же Украшение, на полу, нагая. Сердобольно замаскирована простынью. *Озверевший Маффи унялся и с проклятием отшвырнул свою жертву.* За всем этим просто жестокость. Засаленное скотство. Трапеция у Хенглера. Я отвернулся. В толпе аж рты поразевали. Сломай себе шею нам на потеху. Целые семьи. Натаскивай их смолоду, не замедляй метампсихоз. Что мы живём и после смерти. Наши души. Что душа человека, когда умрёт. Душа Дигнама...

– Ты её кончила?– спросил он.

– Да,– ответила она.– Ничего особенного. Так она что? Всю дорогу любила того первого парня?

– Совсем не читал. Хочешь другую?

– Да. Принеси ещё что-нибудь Поля де Кока. Крутое у него имечко.– Искоса следя за струйкой, она снова налила чая в чашку.

Нужно продлить ту книгу в библиотеке на Капел-Стрит, а то напишут Кернею, моему поручителю. Повторное воплощение: вон что оно такое.

– Некоторые верят,– сказал он,– что после смерти мы снова будем жить в другом теле, и что мы уже жили раньше. У них это называется повторным воплощением. Что все мы уже жили на Земле, тысячи лет назад, или на какой-нибудь другой планете. Но просто, мы это забыли. Есть люди, что говорят, будто помнят свои прежние жизни.

Тягучие сливки свились в пухлую спираль на её чае. Надо повторить для неё слово: метампсихоз. Лучше всего примером. Какой-нибудь пример.

КУПАЮЩАЯСЯ НИМФА над постелью. Пасхальное приложение к журналу ФОТО-КРОХИ. Отличное владение цветом. Чайный оттенок, пока не добавили молока. Чем-то схожа с ней, когда распустит волосы: потоньше. Три и шесть отдал я за рамку. Она сказала мило будет смотреться над постелью. Голые нимфы: Греция: и, например, все люди, что жили тогда.

– Метампсихоз,– сказал он,– так это называлось у древних греков. Они верили, что можно превратиться в животное, или, например, в дерево. Взять хотя бы их, так называемых нимф.

Ложечка её перестала размешивать сахар. Она уставилась прямо перед собой, втягивая воздух через округлившиеся ноздри.

– Горелым пахнет,– сказала она.– Ты что-то оставил на огне?

– Почка!– крикнул он вдруг.

Он торопливо сунул книгу во внутренний карман и, запнувшись о поломанный ящик горшка, поспешил на запах, проворно шагая по лестнице ногами всполошившегося журавля.

Над краем сковороды сердитой струей взвивался и ширился дым. Сунув зубцы вилки под почку, он отодрал её и перевернул, как черепаху. Подгорела совсем немного. Он выплюхнул её их сковороды на блюдо и окропил сверху остатками коричневой зажарки.

Теперь чашку чая. Он сел и намазал маслом краюшку хлеба. Откромсал подгорелую плоть и бросил кошке. Затем вилкой положил в рот кусочек, с чувством пожевал вкусное податливое мясо. В самый раз. Глоток чая. Нарезал кубиков хлеба, обмакнул один в зажарку и положил в рот. Что там было про какого-то молодого студента и пикник? Он развернул письмо рядом, неспешно вчитываясь, покуда жевал, обмакивал в зажарку другой кубик и подносил его ко рту.

Дорогущий Папуля,

Большущее спасибо за чудесный подарок ко дню рождения. Мне очень идёт. Все твердят, что в новой шляпе я просто красавица. И ещё получила мамину чудную посылку со сливками и ей тоже пишу. Она – чудо. С фото-бизнесом у меня идёт как по маслу. М-р Коглен заснял меня с его м-с и отдаст, когда проявит и отпечатает. Вчера мы здорово заработали. Ярмарочный день и все говядопятые валили к нам. В понедельник у меня с друзьми небольшой пикник на озере Овел. Передавай маме мою любовь, а тебе большущий привет поцелуй и спасибо. Сейчас внизу играют на пианино. В субботу будет

концерт в Гревил-Армз. Иногда по вечерам заходит молодой студент по фамилии Бенон, у него кузены, или что-то в этом роде, большие шишки, он поёт песенку Бойлана (чуть не написала Ухаря Бойлана) в которой про девушек на пляже. Скажи ему милая Милли шлёт большой привет. Ну вот пора заканчивать с нежнейшей любовью.

Твоя нежная дочь, МИЛЛИ.

P.S. Извини что неразборчиво, спешу. Пока. М.

Вчера пятнадцать. Надо же как совпало, что и число пятнадцатое. Первый её день рожденья не дома. Разлука. Помню летнее утро, когда родилась, бежал постучать к м-с Торнтон на Дензил-Стрит. Весёлая старушенция. Должно многим младенцам помогла появиться на свет. Она сразу знала, что Руди не жилец. Что ж, Бог милостив, сэр. Сразу поняла. Если б выжил, ему б теперь было одиннадцать.

Его опустелое лицо с сожалением взирало на постскриптум. Извини, что неразборчиво. Тороплюсь. Пианино внизу. Покидает свою раковину. Та ссора с ней в кафе XL из-за браслета. Не стала есть свои пирожные, не разговаривала, и даже не смотрела. Нахалюга. Он макал остальные кубики хлеба в зажарку и поедал, кусок за куском, почку. Двенадцать и шесть в месяц. Не много. Но бывает и хуже. Сцена мюзик-холла. Безработный студент. Он выпил глоток остывающего чая, смыть пищу вглубь. Потом снова перечёл письмо: дважды.

Ну, ладно: она знает как блюсти себя. А если нет? Да, нет, не было ещё ничего. Хотя, как знать. Во всяком случае, дождись пока случится. Товар что надо. Её стройные ножки, когда взбегает по лестнице. Судьба. Пора вызревания. Тщеславна: очень.

Он усмехнулся с тревожной любовью кухонному окну. В тот день приметил как она на улице пощипывала свои щеки, вызвать румянец. Малость анемична. Передержали на грудном молоке. Тогда шёл КОРОЛЬ ИРЛАНДИИ у Киша. Старая развалина, метался как угорелый. Да никому не страшно. Её голубой шарф вился по ветру и волосы тоже.

Свежесть щек и кудрей шёлк
Вмиг утратишь ум и толк.

Пляжные девушки. Вскрытый конверт. Руки в брюки, на денёк проветриться, распевает. Друг семьи. Он поёт "утрэтишь". Фонари над пирсом, летний вечер, оркестр.

Эти девушки на пляже,
Нету их милей и краше

Милли тоже. Юные поцелуи: первый. Теперь далёкое воспоминание. М-с Марион. Сейчас лежит там, перечитывает, перебирает пряди волос, улыбаясь, сплетая.

Мягкая муторность сожаления стекла по его хребту. Случится, да. Предотвратить. Бесполезно: не рыпайся. Девичьи сладкие лёгкие губы. И это случится. Он ощутил прилив тягучей муторности. Рыпаться уже бесполезно. Губы целованы, целуя целованы. Сочные липкие женские губы.

Лучше там где она сейчас: подальше. Отвлечь её. Хотела собаку заполнить время. Мог бы съездить туда. На августовский праздник, всего два и шесть в оба конца. Впрочем, ещё полтора месяца. Достать репортёрский проездной. Или через М'Коя.

Кошка, закончив вылизывать свою шерсть, вернулась к испачканной мясом бумаге, понюхала и прошла к двери. Оглянулась на него, мяукнув. Хочет выйти. Поторчи чуток у двери, пока откроют. Пусть подождёт. Её тревожит. Электричество. Грозой пахнет. И ухо намывала спиной к огню. Он чувствовал себя отяжелевшим и преполненным: затем лёгкое послабленье в кишечнике. Встал, распуская пояс брюк. Кошка мяукнула ему.

– Миау!– сказал он в ответ.– Погоди, дай соберусь.

Парит: день выдастся жаркий. Лень тащится по ступеням наверх.

Бумагу. Он любил почитать при стуле. Надеюсь, какай-нибудь олух не явится постучать, пока я.

В ящике стола нашёл старый номер ЛАКОМЫХ КУСОЧКОВ. Заложив его под мышку, прошёл к двери и открыл. Кошка мягкими прыжками понеслась наверх.

А, вон куда хотела, свернуться клубочком на постели.

Прислушавшись, разобрал её голос.

– Иди, иди, киса. Иди.

Он вышел чёрным ходом в сад: постоял, прислушиваясь к соседнему. Ни звука. Наверно в тот раз прислуга развешивала бельё для просушки. Чудное утро.

Он склонился осмотреть тощий рядок салата, растущий вдоль стены. Устроить тут у себя дачу. Вьющуюся фасоль. Алый плющ. Надо б унавозить тут всё, почва истощённая. Сульфидная корка. И так с любой землей, если без дерьма. Выплёскивают мыльные помои. Супесь, что оно за зверь? У соседей в саду куры: их помёт отличная поверхностная добавка. Хотя всего лучше коровий, особенно когда их кормят жмыхом. Затверделый навоз. Лучшее средство для чистки женских замшевых перчаток. Грязь, а чистит. Пепел тоже. Полностью окультурить. В том углу посадить горох. Латук. И всегда свежая зелень к столу. Но и садоводство не без минусов. Тот шмель или овод, что залетел сюда в конце мая.

Он прошёл дальше. Куда я, кстати, дел шляпу? Должно повесил обратно на колышек. Или висит на полу. Смешно, хоть убей не помню. Вешалка в прихожей переполнена. Четыре зонта, её плащ. Поднимал письма. Звонок на входе в магазин Дрэго. Странно, он мне вспомнился в тот момент. Каштановые волосы в брилиантине на его воротнике. Свежевымыты и напомажены. Успеть бы побаниться сегодня утром. Тара-Стрит. Говорят тамошний кассир отколоолся от Джеймса Стефенса. О'Брайен.

Зычный голос у этого Длугача. В итоге – ну и что с того? Дождалась, милашка. Энтузиаста. Он пинком распахнул щелястую дверь уборной. Осторожней, не запачкать эти брюки до похорон. Вошёл, склоняя голову под низкой обналичкой. Оставив дверь настежь, отстегнул подтяжки среди вони плесневеющей извести и застоялой паутины. Прежде чем сесть, глянул сквозь щелку на окно соседей. Его величество в своём кабинете. Никого не велено.

Сидя на стульчаке, он развернул газету, переворачивая листы на своих голых коленях. Чего-нибудь свеженького и полегче. Особо торопиться некуда. Малость придержим. Наши отборные лакомые кусочки. УЛОВКА МЕТЧЕМА. Написал м-р Филип Бюфо, Плей-Клуб, Лондон. Плата писателю – гинея за колонку. Три с половиной. Три фунта и три. Три фунта тринадцать и шесть.

Сдерживая, он спокойно прочёл первую колонку и, уступая, но противясь, начал вторую. Посредине, его последнее сопротивление поддалось, он позволил кишечнику спокойно расслабиться, продолжая читать, всё так же прилежно читая, вчерашний легкий запор прошёл совершенно. Хоть бы не слишком крутым, чтоб не открылся опять геморрой. Нет, в самый раз. Так. Ах! Бутылочка слабительного из рамнус пурсианы. Не то, чтобы оно трогало или задевало его, но очень даже гладенько да ладненько. Сейчас печатают что попадя. Сезон глупцов. Он читал дальше, упокоённо восседая в своём вздымающемся смраде. И впрямь гладенько. *Метчем частенько вспоминает ту уловку, что помогла ему покорить хохотунью-ведьму, которая теперь*. Начало и концовка на вполне моральной высоте. *Рука об руку*. Гладенько. Он пробежал прочитанное в обратном направлении и, чувствуя неспешное истекание его вод, по доброму позавидовал м-ру Бюфо, который всё это написал и был вознаграждён в размере трёх фунтов тринадцати и шести.

Можно б накропать скетч. Соавторы м-р и м-с Цвейт. Придумать рассказ на тему пословицы, какой? Времена, когда я пытался делать заметки на манжете что она говорит за одеванием. Не люблю

одеваться вместе. Порезался при бритье. Закусывает нижнюю губу, застегивая крючки юбки. Хронометрировал её. 9.15. Робертс тебе уже заплатил? 9.20. Как была одета Грета Конрой? 9.23. И что мне стукнуло купить эту расческу? 9.24. Меня аж распирает от той капусты. Пятнышко пыли на её лакированом башмаке.

Ловко обтирает их по очереди о чулки на икрах. Утро после танцев в Bazaar, где оркестр Мея играл танец часов Пончиелли. Передать эти утренние часы, полдень, потом приближающийся вечер, затем ночь. Чистила зубы. То был первый вечер. Её голова в танце. Прищёлкивают пластинки веера. Бойлан богат? При деньгах. А что? У него изо рта приятный запах, заметила когда танцевали. Яснее некуда. Подводит к тому. Странная какая-то музыка на последнем вечере. Зеркало было в тени. Она тернула зеркальце о шерстяной жилет на полной колыхливой титьке. Заглянула. Прочесть судьбу по глазам. Не складно.

Вечерние часы, девушки в серых вуалях. За ними ночные часы, чёрные, с кинжалами и в масках. Идея для поэтического: розовый, потом золотой, потом серый, потом чёрный. Вобщем, сходится-таки с жизнью. День, потом ночь.

Он размашисто оборвал половину лакомого рассказа и подтёрся им. Потом подтянул брюки, пристегнул и застегнулся. Потянул разболтанную хлипкую дверь уборной и вышел из сумрака на воздух.

На ярком свету, облегчённый и посвежелый в членах, он тщательно осмотрел свои чёрные брюки, низ, колени, заколенье. Во сколько похороны? Лучше посмотреть-таки в газете. Хруст и тёмный фырк в выси. Колокола храма Св. Георгия. Вызванивают который час: гулкий тёмный металл.

ХЕЙ-ГО! ХЕЙ-ГО!
ХЕЙ-ГО! ХЕЙ-ГО!

ХЕЙ-ГО! ХЕЙ-ГО!

Вот снова: обертона плыли чередой по воздуху, и ещё. Бедняга Дигнам!

* * *

Вдоль телег у пристани Джона Роджерстона м-р Цвейт прошагал деловито, миновал переулок Ветряков, льномельницу Ликса, почту-телеграф. Мог бы дать и этот адрес. После дома моряков он повернулся спиной к утреннему шуму пристани и пошёл по Лайм-Стрит. Возле коттеджей Брейди мальчишка выуживал очистки в свое помойное ведро на бичевке, затягиваясь жёваным окурком. Девочка помладше, с пятнами экземы на лбу, глазела на него, безразлично держа свой мятый обруч от бочки. Сказать ему, что не вырастет, если будет курить? А, брось! Его жизнь и без этого не клумба роз. Дожидается под пивными, отвести домой. Идём домой, па, к ма. Час не наплывный: не много наудит. Он пересёк Таунсенд-Стрит, миновал насупленое лицо Бетэля. Эль, да: дом: Алеф, Бет. И мимо похоронного бюро Николса. В одиннадцать состоятся. Время есть. Этот заказ Корни Келлехер, наверняка, придержал для О'Нейла. Когда поёт жмурится. Корни. В парке её встретил. В темноте приметил. Пташечка приветик. Полиция дозналась. Она во всём призналась и назвала мой тимтиримлям тай. О, как пить дать придержал. Похороните у этого кактамего, дешевле будет. И мой тирилям, тирилям, тирилям, тарампампам.

На Вестланд-Роу он остановился перед витриной Белфаст-Восточной Чайной Компании и почитал ярлыки на свинцовобумажных пакетах: отборная смесь, лучшее качество, семейный уют. Теплота. Чай. Надо бы взять у Тома Кернана. Хотя на похоронах не попросишь. Пока глаза его всё ещё вскользь читали, он тихо снял шляпу, вдохнув запах своей помады для волос, и с медленной грацией провёл правой рукой по лбу и волосам. Очень тёплое утро. Из-под прикрытия полуопущенных век, глаза высмотрели лёгкую выпуклость внутри шляпы высшей кат. Тут. Правая рука опустилась в шляпу. Пальцы проворно нашли карточку и переложили в карман жилета.

Ну и жарища. Его правая рука ещё раз прошлась поверху: отборная смесь, изготовлено из лучших цейлонских сортов. Далеко на востоке. Чудное, должно быть, место: сад мира, большущие ленивые листья, хоть плавай на них, кактусы, луга сплошь из цветов, ползучие лианы, как там их называют. А может всё по-другому. Тамошние сингалезцы изнывают под солнцем, в *dolce far niente*. За весь день палец о палец не ударят. Из двенадцати месяцев шесть проводят в спячке. Слишком жарко, чтоб затевать скандалы. Влияние климата. Летаргия. Цветы праздности. Воздух густой. Азоты. Парник в Ботаническом саду. Растения способны чувствовать. Водные лилии. Лепестки слишком изнемогли, чтоб. Дремотный дурман в воздухе. Прогулка по лепесткам роз. Представь, ешь потрошки и коровьи копыта. Где это был тот малый, что я видел на какой-то картинке? Ах да, в мёртвом море, лежал на спине, читая книгу, под раскрытым зонтом. И захочешь утонуть не получится: до того плотная от соли. Потому что вес воды, нет, вес тела в воде равен весу. Или это объём равен весу? Есть ещё закон про это. Вэнс в старших классах хрустел суставами пальцев, втолковывал. Из институтской программы. Хрустоломная программа. А и впрямь, что такое вес, когда говоришь: вес. Тридцать два фута в секунду, в секунду. Закон падающих тел: в секунду, в секунду. Все падают вниз. Земля. Сила притяжения Земли есть вес.

Он свернул и прошагал через дорогу. Как она телипала с теми сосисками? Примерно эдак. На ходу он вытащил из бокового кармана плотно сложеный номер НЕЗАВИСИМОГО, развернул, скатал в длинную трубочку и под каждый неспешный шаг постукивал по брючине. Вид побеззаботней: зашёл от нечего делать. В секунду, в секунду. В секунду значит за каждую секунду. От бордюра он метнул острый взгляд в двери почты. В ящик уже поздно. Отправлю отсюда. Никого. Можно.

Он подал карточку сквозь медную решетку.

– Для меня есть письма?

Покуда служащая просматривала в ящичке, он глазел на вербовочный плакат с солдатами всех родов войск на параде: и, держа кончик своей трубки у самых ноздрей, вдыхал свежепечатный запах рыхлой бумаги. Наверно, не ответила. Слишком много себе позволил в последнем.

Служащая передала обратно сквозь решетку его карточку и письмо. Он поблагодарил и быстро глянул на печатный шрифт на конверте.

Генри Цветсону, эскв.,
в Почт. Отд. Вестланд-Роу,
Центр.

Всё-таки ответила. Он вскользь опустил карточку и письмо в боковой карман, снова осматривая солдат на параде. А где полк старика Твиди? Рядового в отставке. Этот: медвежьи шапки с петушиным пером. Нет, он из гренадеров. Косые обшлага. Вот где: Дублинские Королевские Фузильеры. Красные мундиры. Тоже броско. Оттого, небось, женщины на них так падки. Униформа. Легче вербовать и муштровать. Письмо Мод Гонн, как их подбирают вечерами на улице О'Коннела: позор для нашей ирландской столицы. Газета Грифитса сейчас в ту же дуду: армия прогнила от венерических заболеваний: морская или полуподмоченная держава. У них тут вид как у полуфабрикатов: будто под гипнозом. Глаза напучь. Ать-два. Стол: тол. Хлеб: еб. Собственность короля. Нигде не видел его в форме пожарника или полисмена. Наверняка, масон.

Он выступил из почты и свернул вправо. Враньё: что избавляет от всех забот. Рука его просунулась в карман, где указательный палец проник под клапан конверта, подёргиваясь прорвал и вскрыл. Женщины не умеют соблюдать осторожность. Пальцы его вытащили письмо и скомкали конверт в кармане. Что-то ещё пришпилено: фото, наверно. Или локон? Нет. М'Кой. Поскорей отделаться. Выводит из себя. Не переношу его общества.

– Привет, Цвейт. Куда путь?

– Привет, М'Кой. Никуда, вобщем-то.

– Как здоровьечко?

– Чудесно. А ваше?

– Едва живой,– сказал М'Кой.

Взглядывая на чёрный галстук и одежду, он спросил с неуклюжей осторожностью:

– Что-нибудь... надеюсь, ничего страшного? Вижу, что...

– О, нет,– сказал м-р Цвейт.– Бедняга Дигнам, знаете ли. Сегодня похороны.

– Ах да, бедняга. Вон оно что. Во сколько?

Не похоже что фото. Может, брошка.

– А... одиннадцать,– ответил м-р Цвейт.

– Надо б мне успеть,– сказал М'Кой.– Так в одиннадцать, значит? Я узнал только вчера вечером. Кто это мне сказал-то? Холохен. Хола знаете?

– Знаю.

М-р Цвейт посматривал через дорогу на стоявшую у ворот "Гросвенора" коляску. Носильщик взгромоздил чемодан в багажник. Она стояла неподвижно пока мужчина, муж, брат, чем-то схож с нею, рылся в карманах за мелочью. Пальто модного кроя, с таким округлым воротником, жарковато для такого дня, смотрится как наброшенное одеяло. Независимая у неё осанка, руки в этих накладных карманах. Смахивает на ту задаваку на матче по поло. Все женщины за незыблемость кастовых перегородок, пока не проймёшь по полной. Красива и держится красиво. Сдержанно, чтоб поддаться. Достопочтимая м-с и Олух достопочтимый. Поиметь её разок куда б и делась вся эта высокомерность.

– Я был с Бобом Дораном, у него очередной запой, и там какой-то был ещё Бент Лайнсон. Вобщем, у Конвея мы торчали.

Доран, Лайнс у Конвея. Она подняла к прическе руку в перчатке. И тут заходит Хол. Спрыснули такой случай. Откинув голову и всматриваясь в отдаленье из-под прищуренных век, он различал

лоск яркой замши на свету, плетёная окантовка. Сегодня так ясно вижу. При влажности улучшается зоркость, наверно. Что-то ему говорит. Рука как у аристократки. С какой стороны будет садиться?

– Тут он и говорит: Печальная случай с нашим другом, беднягой Педди! – Это который Педди?– спрашиваю. – Бедняга Педди Дигнам,– говорит.

За город: в Бродстон, наверно. Высокие коричневые ботинки со шнурками на бантик. Хорошо поставленная ножка. Чего он копается с этими чаевыми? Приметила, что я смотрю. Глазки всегда наготове для другого. Своё и так никуда не денется. У них на луке по две тетивы.

– Что?– говорю.– Что с ним такое?

Гордячка: богатая: шёлковые чулки.

– Да,– сказал м-р Цвейт. Он чуть шевельнулся в сторону неумолчной головы М'Коя. Сейчас будет садиться.

– И вы ещё спрашиваете что такое?– говорит.– Умер,– говорит. И, ей-же-ей, прослезился.– Как? Педди Дигнам?– говорю. Не мог ушам поверить.– Я ж с ним не далее как на прошлой пятнице, или в среду это было в АРКЕ.– Да,– говорит он.– Ушёл от нас. В понедельник скончался бедняга.

Вот оно! Гляди! Шёлковый вспых богатых чулков, белых. Да, так!

Тяжёлый трамвайный вагон, дребезжа звонком, вкатился между.

Облом. Чтоб тебя с рылом твоим дребезглявым. Заметила помеху. Рай и пери. Всегда так. В самый момент. Девушка в подъезде на Эстас-Стрит. В понедельник поправляла резинку. Дружок её прикрывал показ. *Esprit de corps*. Чего моргалы вылупил?

– Да, да,– сказал м-р Цвейт с грустным вздохом.– Утрата.

– Один из лучших,– подхватил М'Кой.

Трамвай прошёл, Те отъехали к мосту Кольцевой Линии, её рука в богатой перчатке на стальном поручне. Мелькает, мелькает: взблеск кружев её шляпки на солнце: мельк-мельк.

– Супруга, надеюсь, здорова?– иным голосом проговорил М'Кой.

– О, да,– сказал м-р Цвейт.– В полном здравии, благодарю.

Он праздно развернул трубку газеты и праздно прочел:

Дом без мяса на обед
не уютен, нет.
А с тушёнкой Сливви –
благодати уголок.
Закупай впрок.

– А моя благоверная на днях получила агажемент. Правда, ещё не окончательно. Опять таскаться с чемоданами. Ей, кстати, и не помешало бы. Но без меня, спасибочки.

М-р Цвейт с неспешливой дружелюбностью обернул свои крупновекие глаза.

– Моя жена тоже,– сказал он.– Будет петь на празднестве в белфастском Ольстер-Холл. Двадцать пятого.

– Вон как?– сказал М'Кой.– Рад слышать, старина. Кто устроителем?

М-с Марион Цвейт. Ещё не подымалась. Королева в своём будуаре, вкушает хлеб и. Хотя нет, читать ей нечего. Потемнелые гадальные карты разложены по семь в ряд вдоль бедра. Тёмная дама и светлый мужчина. Кошка пушистым чёрным комом. Краешек разорванного конверта.

Любви
Давняя
Сладкая
Песнь
Приходит любви давняя…

– Это что-то вроде турнэ, понимаете?– сказал м-р Цвейт задумчиво. Сладкая песнь.– Образован комитет. Паевые взносы и прибыль соответственно.

М'Кой кивнул, колупаясь в щетине своих усов.– И ладно,– сказал он.– Это уже неплохая новость.

Он двинулся уходить.

– Ну, рад был повидать в полном порядке,– сказал он.– Ещё стакнёмся.

– Да,– сказал м-р Цвейт.

– Вот ещё что,– сказал М'Кой.– Вписали б вы и моё имя на похоронах, ладно? Я бы пошёл, да не смогу, такое дело. Тот утопленник у Сендикова может всплыть и, если обнаружат тело, судебному исполнителю и мне придётся туда наведаться. Так что, если меня не будет, вы просто впихните моё имя, идёт?

– Будет сделано,– сказал м-р Цвейт, двинувшись прочь.– Все будет чин чином.

– Порядок,– сказал, просветлев, М'Кой.– Спасибо, старина. Будь у меня возможность, я бы пришёл. Ну, пока.

Просто "Ч. П. М'Кой" и хватит с него.

– Будет как надо,– ответил м-р Цвейт твёрдо.

Не усёк как я оглаживал эту кобылку. Лёгкий подход. Мягкое касанье. Да, я б с удовольствием. Такие чемоданы мне всегда нравились. Кожа. Углы в оковке, по краям заклёпки, замок двойного действия. Боб Ковли одолжил ему свой для концерта на регате в Виклоу в прошлом году и с того прекрасного дня вплоть по нынешний о чемодане никаких вестей.

М-р Цвейт, шагая к Брансвик-Стрит, улыбнулся. Моя благоверная на днях получила. Тростинка сопрано в веснушках. Носом хоть сыр режь. Мила, по-своему: для небольшой баллады. Нутра нет. Ты да я, понял? В одной лодке. Мягко стелит. Получаешь укол, который. Неужто не слышит разницы? Положим, у него малость уклон к этому. Ну, а мне против шерсти. Думал, Белфаст его вправит. Надеюсь

ветрянка, что там сейчас у них, не превратится в эпидемию. Вряд ли она согласится на повторную прививку. Твоя жена и моя жена.

Интересно, он за мной не пасёт?

М-р Цвейт стал на углу, блуждая глазами по многоцветным щитам. Кантрел и Кочрейн – Имбирное Пиво (Ароматное). Летняя распродажа у Клери. Нет, идёт как шёл. Привет. ЛИЯ сегодня: с участием м-с Бендмен Палмер. Не прочь посмотреть её опять. ГАМЛЕТА она играла в прошлой постановке. Исполнительница мужских ролей. Может он был женщиной. Иначе с чего было Офелии кончать самоубийством? Бедный папа! Как он любил рассказывать про Кейт Бетман в том спектакле. У Адельфи в Лондоне прождал целый день, чтоб попасть. За год до моего рождения это было: шестьдесят пятый. И Ристори в Вене. Как там полное название? Написал Мозенталь. Рахиль, что ли? Сцена, которую он всегда пересказывал, где старый слепой Абрам узнаёт голос и кладёт пальцы на его лицо.

– Голос Натана! Голос его сына! Я слышу голос Натана, что бросил своего отца умирать от горя и нищеты на моих руках, бросил родителя и отвернулся от Бога своего отца.

В каждом слове столько глубины, Леопольд.

Бедный папа! Бедный папа! Хорошо, что я в тот день так и не зашёл в комнату посмотреть на его лицо. Тот день! О, милый! Милый! Охх! Что ж, наверно, так было лучше для него.

М-р Цвейт свернул за угол, уходя от насевших горестных терзаний. Не надо думать об этом. Время кормёжки лошадей. Лучше б я не встречал этого М'Коя. Приблизившись, он услыхал хруст золотистого овса, лёгкое клацанье зубов. Их полные влажные глаза следили, как он проходит мимо сквозь сладковато овсяный дух конской мочи. Их Эльдорадо. Бедные олухи! И на всё-то им начхать, как только уткнут свои вытянутые носы в подвесной мешочек. Такую глубину не уместить в слова. Во всяком случае, кормёжкой они обеспечены и ночлегом. Ещё и оскоплены: обрубки черной гутаперчи вяло болтаются меж задних. Но и этого хватает для

счастья.На вид такие добрые бедолаги. Однако их ржанье очень даже может действовать на нервы.

Он вынул письмо из кармана и вложил в газету, которую нёс. Чего доброго наткнусь тут на неё. В переулке надёжнее.

Он миновал забегаловку извозчиков. Удивляюсь на жизнь извозчиков, в любую погоду, куда угодно, доволен или нет, не по своей воле. *Voglio e non*. Люблю давать им сигарету-другую. Общительны. Покрикивают проезжая мимо. Он напел:

La ci darem la mano
La la lala la la

Он свернул в Камберленд-Стрит и, пройдя несколько шагов, остановился под прикрытием станционной стены. Никого. Лесосклад Мидса. Штабеля брусьев. Жилища среди руин. Осторожно ступая, он прошёл заросшим двором с древней грудой щебня. Ни единой грешной души. У склада ребёнок на корточках играется с мраморными шариками, в одиночку, сноровисто целит по крайнему. Мудрый кот, помаргивающий сфинкс, наблюдает с нагретого подоконника. Жаль их потревожить. Магомет отрезал полу своего плаща, чтоб не разбудить женщину. Раскроем. Я тоже играл в шарики, когда ходил в школу той старой дамы. Она любила кружева. Школа м-с Эллис. А мистер?

Он развернул письмо на газете.

Цветок. А я-то думал. Жёлтый цветок со сплющенными лепестками. Не рассердилась значит? И что же пишет?

Дорогой Генри, Мне пришло твое письмо и очень за него благодарю. Жаль что тебе не понравилось моё последнее письмо. Зачем ты вложил марки? Я на тебя страшно разозлилась. Так хочется наказать тебя за это. Я назвала тебя неслухом, потому что мне не понравился твой совет. Как прикажешь понимать тот свет? Ты

несчастлив в своём доме, бедный неслух? Я б очень хотела что-то для тебя сделать. А ты что про меня, бедняжку думаешь? Я часто думаю какое у тебя красивое имя. Дорогой Генри, когда мы встретимся? Я думаю про тебя так часто, ты не представляешь. Меня никогда так сильно не влекло ни к одному мужчине. Мне так плохо. Пожалуйста, напиши мне длинное-предлинное письмо. Если нет, я тебя накажу, так и знай. Вот увидишь что накажу, непослушный мальчишка, если не напишешь. О, как я хочу встретиться с тобой. Генри дорогой не отклоняй мою просьбу, пока не лопнуло мое терпение. Тогда уж всё тебе выложу. Ну, до свиданья, милый неслух. У меня сегодня ужасно голова болит и напиши ОТВЕТНО,

твоя изнемогающая

МАРТА.

P.S. И сообщи мне какие духи у твоей жены. Я хочу знать.

Он мрачно вытащил цветок из-под булавки, понюхал его почти никакой запах и положил в нагрудный карман. Язык цветов. Любят, потому что его никто не подслушает. Или отравленный букет, чтоб прикончить. Затем, медленно шагая вперёд, он вновь прочитал письмо, бормоча там и сям по слову. Разозлилась ромашка на тебя милый нарцисс накажу твой кактус если ты не пожалуйста бедняжка незабудка как я хочу фиалки к дорогой розы когда мы скоро анемоны встретимся непослушный колокольчик жена Марта духи. Прочтя до конца, он отнял его от газеты и сунул обратно в боковой карман.

Хрупкая повеселелость приоткрыла его губы. Уже не та как в первом письме. Сама ли писала? Строит оскорблённую: такая девушка как я, из хорошей семьи, всеми уважаемая. Можно встретиться как-нибудь в воскресенье после церкви. Благодарю, не имею не малейшего. Обычная любовная возня. Потом обходить за углами. Или нарвусь на скандал с Молли. Сигарета успокаивает. Наркотик. Продвинуться дальше в следующий раз. Неслух: накажу: боится слов, конечно. Подбавить скотства, почему и нет? Так и попробуем. Мало-помалу.

Всё ещё держа пальцами письмо в кармане, он вытащил булавку из него. Обычная булавочка, ага? Бросил на дорогу. Откуда-нибудь из её одежды: сошпиливала. Диву даешься, сколько у них вечно этих булавок. Нет розы без шипов.

Плоские голоса Дублина горланили у него в голове. Две шлюхи в тот вечер в Комби, в обнимку под дождем.

О, потеряла Мэри булавку из трусов
Не знает что теперь запхать
Чтобы не падал
Чтобы не падал

Не падал? Не падали. Так ужасно болит голова. У неё должно быть сезон роз. Или весь день сидела печатала. Нагрузка на глаза вредна для нервов желудка. Какие у твоей жены духи? Это ж надо додуматься!

Чтобы не падал

Марта, Мария. Я где-то видел эту картину, уж не помню где, из старых мастеров или подделка на продажу. Он сидит в их доме разговаривает. Непостижимый. Так же слушали б и те пара шлюх из Комби.

Чтобы не падал

Отлично передано ощущение вечера. Хватит бродить. Располагайся тут: тихие сумерки: пускай всё катится к. Забудь.

Расскажи где ты был, про обычаи в чужих краях. Вторая, кувшин на голове, готовила ужин: фрукты, оливы, приятная прохладная вода из колодца прохладнокаменного, как проём в стене в Эштоне. Надо прихватить бумажный стаканчик в следующий раз как буду на рысистых скачках. Она слушает. Большие тёмные мягкие глаза. Расскажи ей: ещё и ещё: всё. Потом вздох: тишина. Долгий, долгий предолгий покой.

Проходя под аркой железной дороги, он вынул конверт, быстро разорвал на клочки и рассыпал по дороге. Клочки порхнули прочь, опустились во влажном воздухе: белый вспорх и все полегли. Генри Цветсон. Вот так же можно порвать чек на тысячу фунтов. Просто кусочек бумаги. Лорд Айвиг однажды получил по семизначному чеку миллион в Ирландском Банке. Доказательство, какие деньги собираются с вина. Зато его брату лорду Адилону приходилось менять рубашки чертыре раза в день, рассказывают. Кожа порождает вшей и паразитов. Миллион фунтов, погоди-ка. Два пенса за пинту, четыре пенса кварта, восемь за галлон вина, нет шиллинг и четыре пенса за галлон. Один и четыре на двадцать: около пятнадцати. Да, точно. Пятнадцать миллионов баререлей вина.

Что я говорю – баррелей? Галлонов. Все равно около миллиона баррелей.

Прибывающий поезд тяжко грохотал над его головой, вагон за вагоном. Баррели бамкали в голове: тёмный портвейн всплескивался и булькал внутри. Вышибить все затычки и бескрайний тёмный паводок хлынет на волю, свиваясь в едином потоке, заливая болотистые низины, лениво кружа широколистые цветы своей пены над запрудными омутами спиртного.

Он подошёл к распахнутой задней двери Всех Святых. Вступая на крыльцо, снял шляпу, вынул карточку из кармана и засунул обратно под ленту. Проклятье. Надо ж было подкатиться к М'Кою насчёт проездного в Миллингар.

Объявление на дверях. Проповедь преподобного Джона Конми, Орден иезуитов, о Св. Петере Клавре и о миссии в Африке.

Обращают миллионы в Китае. Интересно, как они втолковывают китайцам-язычникам? Те предпочли бы унцию опиума. Поднебесная. Для них языческая дикость. Возносили молитвы за спасение Гладстона, когда был уж почти не в себе. И протестанты туда же. Обращают д-ра Дж. Велча, доктора богословия, в истинную веру: Будда, их Бог, лежит себе на боку в музее. Все нипочём, ладонь под щёку. Окуривают палочками благовоний. Не то что Спаситель. Терновый венец, крест. Тонкая мысль Св. Патрика насчёт трелистника. Палочки для риса? Конми: Мартин Канинхем его знает: представительного вида. Жаль, не к нему я попал, чтоб пристроить Милли в хор, а к этому отцу Фарлею, который только с виду глуп. На то его учили. Не отправляться же ему крестить негров, напяливши тёмные очки и обливаясь потом в три ручья, а? Очки бы их приманили, блестящая штука. Взглянуть, как сидят в кружок с вывернутыми губами, заворожённо слушают. Размеренная жизнь. Хлещут как молоко, сдаётся мне.

Холодный запах святого камня поманил его. Он прошагал по исхоженным ступеням, толкнул дверь и мягко вошёл позади алтаря.

Что-то правится, какое-то причастие. Жаль что так пусто. Укромное местечко, подсоседиться к какой-нибудь девушке. Кто тут есть? Битком к часу тихой музыки. Та женщина на вечерней мессе. Седьмое небо. Женщины преклонили колени на скамеечках, вкруг шей малиновые ленты фартучков, склонённые головы. Группка стояла на коленях у ограды алтаря. Священик пошёл меж них, бормоча, держа в руках причастие. Он останавливался перед каждой, доставал облатку, стряхивая с неё каплю-две (так пропитались?) и аккуратно вкладывал в их рты. Шляпа и голова приявшей опускались. К следующей: сухонькая старушка. Священик наклонился вложить ей в рот, беспрестанно бормоча. Латынь. следующая. Глазки закрой, ротик открой. Что? *Corpus*. Тело. Труп. Неплохо придумано с этой латынью. Сперва оболванить их. Прибежище умирающих. Они похоже и не жуют даже: заглатывают целиком. Идея – закачаешься: вкушать кусочки плоти, какой людоед

удержиться чтоб не перейти в такую веру? Он стоял в стороне, наблюдая как их слепые маски движутся по проходу, одна за одной, вернуться на свои места. Приблизившись к скамье, он сел с краю, придерживая свои шляпу и газету. Ну, и котелки ж мы носим. Шляпы следовало б моделировать по типу головы. Они сидели вокруг него, там и сям, всё ещё склонив головы в их малиновых лентах, ждут когда оно растает в желудках. Что-то типа мацы: та же система, без дрожжей: хлебцы в синагоге. Ты только посмотри на них. Могу поспорить, это делает их счастливыми. Леденец. Счастья полные штаны. А за всем за этим неслабая идея, что-то вроде царства Божьего в границах твоих ощущений. Первое причастие. Вафельное мороженое, пенни за порцию. Потом чувствуют себя одной общей семьей, как в театре, все в одном котле. Так оно и есть. Наверняка. Уже не так одиноки. Наше единобратствие. Под конец выпёрдывается крепкий пук. Спуск паров. Это такой балдёж, если взаправду веришь. Лурдово исцеление, воды забвения, призрак Нок, статуи сочащиеся кровью. Вон старикан заснул возле исповедальни. Вот откуда эти всхрапы. Слепая вера. В безопасности, в гарантированных объятиях грядущего царства. Убаюкана всякая боль. Проснётся в этот же час год спустя. Он видел как священик передвинул блюдо с причастием поглубже, и на минуту преклонил колени, показав серые подошвы башмаков из-под кружевной накидки. А ну, как потеряется булавка из. Не будет знать как и. Лысый кружок. Буквы на спине. INRI. Нет. IHS. Молли мне однажды объяснила, когда спросил. Исус немало согрешал: или нет: Исус немало страдал. А другую как расшифровуют? Изгвоздили ноги-руки Исуса.

Встретиться как-нибудь в воскресенье после службы. Не отклоняй мою просьбу. Она заявится в вуали, с чёрной сумочкой. А за спиной её сумрак и свет. Может и она сюда захаживает с ленточкой на шее, а потом уже всё остальное. Их натура. Тот хлюпик, что стал доносчиком на непокоримых, Керей его фамилия, принимал причастие каждое Божье утро. Как раз в этом храме. Питер Керей.

Нет, я спутал с Питером Клавером. Денис Керей. Подумать только. Дома жена и шестеро детей. И всё время готовили то убийство. У этих горлорезов, иначе их не назовёшь, всегда какой-то скользкий вид. И не деловые они люди. Да, нет, вряд ли она богомольная: цветок: нет, нет. Кстати, конверт я порвал? Да: под мостом.

Священик протёр чашу: потом выплеснул остатки: резко. Вино. Придаёт большей аристократичности, чем если б пил, скажем, сивуху Гинеса к которой они привычней, или ещё там чего с градусами; горькое дублинское Витли, или Кантрела и Кочрена имбирное пиво (ароматное). Таким не угощает: типа вино: да не то. Кайф без подогрева. Святое надувательство, но это и правильно: а то б от халявщиков отбою не было, алкаш на алкаше, дрались бы за выпивку. Странная вся эта атмосфера. Тоже правильно. Так очень даже правильно. М-р Цвейт оглянулся на хоры. Музыки не предвидится. Жаль. Кто здесь органщиком? Хотел бы я знать. Старый Глинн умел заставить этот инструмент буквально разговаривать vibrato: пятьдесят фунтов, говорят, получал на Гарднер-Стрит. Молли в тот день была в отличном голосе, *Stabat Mater* Россини. Сперва проповедь отца Бернарда Вогена. Христос или Пилат? Да, за Христа мы, но не долдонь про это целый вечер. Пришли-то ради музыки. Даже перестали ногами шаркать. Слышно было как булавка упадёт. Я ей подсказал направлять голос в тот угол. В воздухе просто чувствовалась какая-то восторженность. Слушателей битком, глаз не сводили. *Quis est homo!*

Некоторые произведения из старинной церковной музыки просто бесподобны. Меркаданте: последние семь слов. Двенадцатая месса Моцарта: *Gloria* в ней. В те времена папы римские любили музыку, искусство – статуи там всякие, картины. Пэлестрина, например. Ну, и резвились тоже вволю, до поры. И для здоровья полезно, распевки, распорядок дня, а ещё ликеры варили. Бенедиктин. зелёный Шартрез. А вот что евнухов держали в своих хорах малость мерзко. Как звучит такой голос? Небось забавно на фоне их собственных густых басов. Знатоки-ценители. Допустим, им потом всё одинаково.

Такая себе упокоённость. Ничто не волнует. Толстеть, кажется, начинают, или нет? Пухлые, высокие, длинноногие. Кто его знает. Евнух. Конец один.

Он увидел как священик склонился и поцеловал алтарь, затем обернулся и благословил паству. Все перекрестились и поднялись. М-р Цвейт оглянулся вокруг и тоже встал, глядя поверх поднявшихся шляп. Встали, конечно, для молитвы. Потом все снова опустились на колени, а он тихо присел обратно на скамью. Священик спустился от алтаря, держа перед собой дароносицу, и он, и служка перекликались на латыни. Затем священик стал на колени и принялся читать с листка:

– О, Господи, наша защита и опора…

М-р Цвейт подался лицом вперёд, уловить слова. Английский. Бросают им кость. Я малость помню. Сколько прошло с последней мессы? Преславная и беспорочная дева. Иосиф, супруг её. Пётр и Павел. Намного интересней, когда понимаешь что к чему. Отлично отлаженная оранизация и работает как часы. Исповедь. Всякому охота. Всё-всё вам скажу. Покаяние. Покарайте меня, умоляю. Мощное оружие у них в руках. Куда там доктору или адвокату. Женщинам до жути хочется. Ну, вот я и шушушушушу. А может ещё и шамшамшамшамшам? Да разве ж можно так-то уж? Глянь на её кольцо и станет ясно. У стен шепотливой галереи свои уши. То-то сюрпризик мужу. Шуточка Господа. Потом она выходит. Вся такая раскаянная. Милая смущённость. Перекрестится у алтаря. Слава тебе Мария и пресвятая Дева. Цветы, ладан, тающие свечи. Не видать, что вся взопрела. Армия Спасения бездарная подделка. Перекованная проститутка выступит перед собранием. Как я обрела Бога. Светлые головы должны быть у тех ребят в Риме: там разработали весь спектакль. И разве не гребут деньгу? Наследства тоже: пресвятой церкви, кратковременно придя в полное сознание. Мессы за упокой моей души, принародно и при открытых дверях. Монастыри и школы. Священик из Ферменга давал показания в суде, в качестве свидетеля. Ничем его не прижучишь. На всё готов ответ. По высшей

воле нашей пресвятой матери церкви. Доктора церкви: они составляли всю её теологию.

Священик читал молитву.

– Благословеный Михаил-архангел, оборони нас в минуту битвы. Будь хранителем нам от коварных козней дьявола (да укротит его Господь, по всепокорнейшей молитве нашей): сделай это, о, князь рати небесной, низвергни мощью своей, Господи, Сатану в ад, а с ним и прочих злых духов, что бродят по миру для погубления душ.

Священик и служка встали и удалились. Вот и всё. Женщины задержались: возносят благодаренье.

Пора двигать. Брат Ляп. А то ещё подойдут с тарелкой. Платите свои пасхальные взносы.

Он поднялся. Вот те на. Эти две пуговицы на жилете так всю дорогу и были расстёгнуты. Женщинам нравится. Раздражаются если ты не. Чего ж сразу-то не сказал. Никогда не подскажут. Не то, что мы. Извиняюсь, мисс, (уфф-пыхх!) тут пушинка у вас (уфф-пыхх!). Или если юбка у них сзади расстегнётся. Обзор луны. А им больше нравится, когда ты малость расхрыстаный. Хорошо хоть не в нижних широтах расстегнулись. Он прошел, скромно застегиваясь, по проходу и, через главный вход, на свет. На миг остановился, ослеплённо, у холодной чаши чёрного мрамора, пока перед ним и за ним две верующие души легонько окунали руки в неглубокую святую воду. Трамваи: вагон от красильной фабрики Прескота: вдова в своём облаченьи. Подмечаю, потому что и сам в траурном. Он покрылся шляпой. Что со временем? Четверть. Вполне хватает. Надо б заказать лосьён. Где это? Ах, да, в прошлый раз. У Свени, на площади Линкольн. Аптекари редко переезжают. Их зеленовато-золотые вывески слишком тяжки на подъём. Гамильтона Лонга, основана в год потопа. Там неподалёку гугенотская церковь. Зайду при случае.

Он шагал к югу вдоль Вестланд-Роу. Но ведь рецепт в тех брюках. О, и ключ от калитки я тоже забыл. Чтоб тебя, с этими похоронами. Ну, ладно он-то, бедняга, при чём? Когда я брал в последний раз?

Погоди-ка. Я, помнится, разменял соверен. Должно быть первого числа, или второго. О, он же может посмотреть по книге записи рецептов.

Аптекарь листал страницу за страницей в обратном направлении. От него попахивает чем-то песчано-морщинистым. Усохший череп. Стар к тому же. Все силы отданы поискам философского камня. Алхимики. Наркотики старят, вызывая умственное возбуждение. Сменяется летаргией. Почему? Реакция. Вся жизнь в ночи. Постепенно меняется характер. День деньской среди трав, масел, дизинфицирующих растворов. Эти его алебастровые пиалы. Пестик и ступка. Дисцилир. Л.Лавр. Зелен. Кордилин. От одних лишь запахов почти приходишь в норму, как от звонка на дверях дантиста. Доктор Тяп. Ему стоит подлечиться. На медвяных или эмульсии. Тот парень, что первым сорвал траву для самолечения не робкого был десятка. Простаки. Нужна осмотрительность. Тут хватит всячины, чтоб захлороформиться без возврата. Проба: голубую лакмусовую бумажку делает красной. Хлороформ. Сверхдоза настойки опиума. Сонные капли. Любовные снадобья. Суперлучший маковый сок вызывает кашель. Забиваются поры или слизь. Настоящие лекарства в основном из ядов. Исцеленье, где меньше всего и ожидал бы. Природа мудра.

– Две недели назад, сэр?

– Да,– сказал м-р Цвейт.

Он ждал у прилавка, вдыхая пряный дух лекарств, пыльный сухой запах губок и луффы. Уйму времени тратим на рассказы про свои болячки и болезни.

– Абрикосовое масло и настой бензоина,– подсказал м-р Цвейт,– и потом ещё вода на апельсиновых лепестках.

Наверно это и делает её кожу такой нежной, белой как воск.

– Там ещё белый воск,– добавил он.

Подчёркивает её темноглазость. Смотрела на меня, подняв простыню до глаз, испанистая, нюхала себя, когда я вдевал запонки в манжеты. Эти домашние рецепты зачастую лучше всего: земляника

для зубов: крапива с дождевой водой: овсянка, говорят, на сыворотке. Питание кожи. Один из сыновей старой королевы, герцог Албани, кажется, имел всего один слой кожного покрова. Леопольд, да. У нас ведь их трое. Бородавки, волдыри и прыщи, чтоб не рыпались. Но хочется ещё и духов. Какие духи у твоей? *Pean d'Espagne*. Этот апельсиновый цвет. Чисто – вершковое мыло. Вода такая свежая. Приятный запах от этих мыл. Пора в баню за углом. Хаммэм. Турецкая. Массаж. Грязь скатывается у тебя в пупке. Приятней, если б делала хорошенькая девушка. А ещё я, пожалуй. Да, я. Там в бане. Глянь-ка, разохотился. Вода к воде. Совместить приятное с полезным. Жаль нет времени на массаж. Потом весь день чувствуешь себя бодрым. От похорон всегда такая подавленность.

– Да, сэр,– сказал аптекарь.– Заплачено два и девять. Вы принесли бутылочку?

– Нет,– сказал м-р Цвейт.– Приготовьте, пожалуйста. Я зайду днём, а ещё возьму кусок такого мыла. Почём они?

– Четыре пенса, сэр.

М-р Цвейт поднял брусок к ноздрям. Сладкий лимонный воск.

– Беру это,– сказал он.– За всё получается три и пенни.

– Да, сэр,– сказал аптекарь.– Можете заплатить за всё разом, когда зайдёте.

– Хорошо,– сказал м-р Цвейт.

Он выступил из аптеки с газетной трубкой подмышкой, держа прохладообёрнутое мыло в левой руке.

У самой его подмышки голос и рука Бентема Лайнса произнесли:

– Привет, Цвейт, что новенького? Это сегодняшняя? Дай глянуть.

Опять сбрил свои усы, клянусь небом! Долгая холодная верхняя губа. Чтоб моложавей выглядеть. И вид цветущий. Моложе меня.

Жёлтые пальцы Бентама Лайнса с чёрной каймой под ногтями развернули трубочку. Тоже пора помыться. Снять верхний слой грязи. Доброе утро, а вы испробовали Грушевое Мыло? Перхоть по плечам. Скальп нуждается в смазке.

– Мне только глянуть про французскую лошадь в сегодняшнем забеге,– пояснил Бентам Лайнс.– Где, к хренам, они это приткнули?

Он шелестел слипшимися страницами, подёргивая подбородком по стоячему воротнику. Тик для бритья. Тугой воротник доведёт его до лысины. Лучше оставить ему газету и отшить поскорее.

– Да оставьте себе,– сказал м-р Цвейт.

– Эскот. Золотой кубок. Погодите,– бормотал Бентам Лайнс.– Полмину. Максимум секунду.

– Мне она уже никчему, просто клочок бумаги,– сказал м-р Цвейт.

Бентам Лайнс вдруг вскинул глаза и чуть подмигнул.

– Точно?– произнёс его резкий голос.

– Ну, говорю же,– ответил м-р Цвейт.– Клочок и ничего другого.

Бентам Лайнс секунду посомневался, косясь: потом всучил развёрнутые листы обратно на руки м-ру Цвейту.

– Рискну,– сказал он.– Ну, спасибо.

Он заспешил к углу Конвей. Торопыга.

М-р Цвейт снова сложил страницы аккуратным квадратом и всунул туда мыло, улыбаясь. Такие глупые у него губы. Ставки на скачках. Стало нынче золотым дном. Мальчики-посыльные крадут, чтоб поставить хоть шесть пенсов. Разыгрывают лотерею на варёного индюка. Рождественский обед всего за три пенса: Джек Флеминг насобирал взносов, закладов и смылся в Америку. Теперь у него там свой отель. Они никогда не возвращаются. От мясной похлебки Египта.

Он бодро зашагал к мечети бань. А смахивает-таки на мечеть, краснообожжённый кирпич, минареты. Колледж, как я посмотрю, сегодня в спорт ударился. Он обвёл взглядом подковообразный плакат над воротами в парк колледжа: велосипедист, сложился пополам, как треска в банке. Реклама совсем ни к чёрту.

Вот если б они сделали круглым, как колесо. Потом спицы: спорт спорт спорт: и крупную маточину: колледж. Что-то такое, чтоб в глаза бросалось.

Вон Горнбловер на входе. Поддержи отношения: можно будет зайти прогуляться за спасибо. Здравствуйте, м-р Горнбловер. Здравствуйте, сэр. Погода просто райская. Была бы жизнь всегда такой же. Погода для крокета. Сидеть в сторонке под зонтами. Игру за игрой. Здесь в крокет не умеют. Ноль за шесть ворот. Однако, капитан Булер умудрился высадить окно в клубе на Килдар-Стрит, шарахнув напрямки. Им больше подходит ярмарка в Донибруке. Поналомали мы им рёбер, как МакАрти выступал с речью. Прилив жары. Не надолго. Всегда проходит, струя жизни, которую выделяем в потоке жизни, дороже остальных.

Теперь усладимся баней: ванна чистой воды, прохлада эмали, тихая тёплая струя. На моё тело.

Он заранее провидел своё бледное тело распростёртым во всю длину, обнажённое, в лоне тепла, намащенное пахучим тающим мылом, мягко сползающим. Он видел свой торс и конечности в переплеске мелкой ряби, чуть вздымаемые к поверхности мелких лимонножёлтых волн: свой пуп, завязь плоти: провидел тёмный спутанный клок своего всплывшего кустика: струящиеся волосы вкруг квёлого родителя многотысячных племён, вяло плавучий цветок.

* * *

Мартин Канинхем, первым сунул в скрипучий экипаж свою голову в шёлковом цилиндре и, резко взойдя, уселся. М-р Повер последовал за ним с осмотрительной, из-за своего роста, сдержанностью.

– Давай, Саймон.

– После вас,– сказал м-р Цвейт.

М-р Дедалус порывисто покрыл голову и взобрался, приговаривая:

– Да, да.

– Все тут?– спросил Мартин Канинхем.– Подымайтесь, Цвейт.

М-р Цвейт взошёл и присел на оставшемся месте. Затем он притянул и плотно захлопнул дверцу. Продев руку в петлю безопасности, он бросил сумрачный взгляд из экипажа на задёрнутые занавески в окнах на улицу. Одна из них отодвинулась: старушку тянет поглазеть. Нос влип в стекло до побеления. Благодарна судьбе что не её. У них такое живое любопытство к трупам. Рады когда кончаемся, слишком много мук при нашем появлении на свет. Обмывают. Работёнка как раз по ним. Шушукаются по углам. Мягче шаркают шлёпанцами, как бы не разбудить. Потом готовят тело. Укладывают. Молли и м-с Флеминг готовили подстилочку. Потяни ещё на себя. Наш саван. Не знаешь кто будет трогать тебя мёртвого. Обмывают. Кажется, ещё ногти стригут и волосы. В конверт на память. Потом всё равно отрастают. Напрасный труд.

Все в ожидании. Никто ни слова. Укладывают венки, наверно. На что это я сел такое твёрдое? А, это мыло в заднем кармане. Надо бы переложить. Выждать момент поудобнее.

Все ждали. Вот уж услышалось движение колес впереди: ближе: цоканье копыт. Рывок. Их экипаж пришёл в движение, скрипя и покачиваясь. Другие копыта и скрип колёс двинулись следом.

Проплыли занавески в окнах на улицу и девятый номер с чёрной лентой у входа, дверь настежь. Ехали шагом.

Ожидание продолжалось под мерное покачивание их колен, пока не свернули вдоль трамвайных путей. Тритон-Роуд. Поехали быстрей. Колёса тарахтели по камням мостовой, а потресканные дребезгливые стёкла тряслись в дверных рамках.

– На какую свернул?– поинтересовался м-р Повер в оба окна.

– Айриштаун,– сказал Мартин Канинхем.– Через Ринсенд. Брансвик-Стрит.

М-р Дедалус кивнул, выглядывая наружу.

– Чудесный старинный обычай,– сказал он.– Приятно, что не отмер.

Все какое-то время смотрели в окна на кепки и шляпы приподымаемые встречными. Дань уважения. Экипаж свернул от трамвайных путей на более ровную мостовую Вотери-Лейн. Взгляд м-ра Цвейта отметил хрупкого юношу в трауре, в широкополой шляпе.

– Проехали одного из ваших, Дедалус,– сказал он.

– Кто там?

– Ваш сын и наследник.

– Где?– спросил м-р Дедалус, потянувшись с места напротив.

Экипаж, объезжая траншею и груды вывороченной мостовой перед жилыми домами, свернул за угол и, возвращаясь обратно к трамвайным путям, шумно покатил дальше на говорливых колёсах. М-р Дедалус откинулся назад, со словами:

– А с ним тот хам Малиган? Его *fidus Achates*.

– Нет,– сказал м-р Цвейт.– Он был один.

– Наверно, проведать тетушку Сэлли,– сказал м-р Дедалус,– гулдингская ветвь, пьянчужка-счетовод и Крисси, папочкин кусочек дерьма.

М-р Цвейт уныло улыбнулся к Ринсенд-Роуд. Вэлес Брос – бутылочная фабрика. Мост Додера.

Ричи Гулдинг и его нотариальная сумка. Фирма называется Гулдинг, Колис и Вард. От его шуточек начинают уже попахивать плесенью. Неслабо куролесил в своё время. Однажды воскресным утром вальсировал вдоль Стемер-Стрит с Игнатусом Гелахером, а на кудрях пришпилены две шляпки квартирной хозяйки. Ночи напролёт в загуле. Похоже, теперь начинает сказываться: эти его боли в спине. Жена проглаживает ему спину утюгом. Хочет отделаться таблетками. Крохоборы. При шестистах процентах прибыли.

– Путается с подонками,– фыркнул м-р Дедалус.– Эта наглая тварь Малиган, как ни крути, подлец первостатейный. Смраду на весь Дублин. Но, с Божьей помощью и с благословением Его преблагой Матери, я однажды соберусь да напишу его матушке, или тётушке, или кем уж там она ему, такое письмо, что раскроет ей глаза пошире ворот. Выведу мерзавца на чистую воду, будьте уверены.

Он перекрикивал грохот колёс.

– Не позволю, чтобы её ублюдок или там племянничек, погубил мне сына. Официантово отродье. Папенька его подавал выпивку в заведении моего кузена, Питера Пола М'Свини. Не на таких напали.

Он умолк. М-р Цвейт перевёл взгляд с его рассерженных усов на тихое лицо м-ра Повера, потом на глаза Мартина Канинхема и на его печально подрагивающую бороду. Вспетушился. Переживает за сына. Отчасти прав. Что-то переходит от тебя. Если б маленький Руди выжил. Наблюдать как он подрастает. Слышать его голос в доме. Как идёт рядом с Молли в школьном костюмчике. Мой сын. Я в его глазах. Странное, наверное, чувство. От меня. Простая случайность. Должно быть в то утро на Раймонд-Террас, она из окна увидала пару собак за этим делом под стеной исправительной. И сержант лыбился. На ней был тот кремовый халат с прорехой, которую так и не зашила. Притронься, Полди. Боже, до смерти хочется. Как зарождается жизнь.

Потом раздалась. Пришлось отказаться от концерта в Грейстонсе. Мой сын внутри неё. Я бы помогал ему в жизни. Смог бы. Чтоб он был независимым. И чтоб знал немецкий.

– Опаздываем?– спросил м-р Повер.

– На десять минут,– сказал Мартин Канинхем, взглядывая на свои часы. Молли, Милли. То же, но пожиже. Её подростковая божба. Ё-ка-лэ-мэ-нэ! О, Зевс с подскоком! Пошёлты к Богу в рай! Всё ж славная девчушка. Скоро женщина. Маллингар. Миленький Папли. Молодой студент. Да, да: тоже женщина. Жизнь. Жизнь.

Экипаж раскачивался, всколыхивая четыре их туловища.

– Корни мог бы дать нам упряжку поудобней,– сказал м-р Повер.

– Мог бы,– сказал м-р Дедалус,– если б не его косоглазие. Усекаешь?– Он прискалил левый глаз. Мартин Канинхем принялся выметать сухие крошки из-под своих ляжек.

– Это ещё что?– спросил он,– прости Господи. Крошки?

– Похоже, кто-то тут недавно раскладывал пикничок,– сказал м-р Повер.

Все приподняли свои ляжки, обозревая цвёлую гладь кожи сидений. М-р Дедалус, сморщив нос, нахмурился книзу и сказал:

– Если я не слишком ошибаюсь. А как по-твоему, Мартин?

– И мне так кажется,– ответил Мартин Канинхем.

М-р Цвейт опустил свои ляжки. Хорошо, что я сходил в баню. Чувствую ноги совершенно чистыми. Но если б ещё м-с Флеминг получше заштопала эти носки.

М-р Дедалус смиренно вздохнул.

– В конце концов,– сказал он,– это самая естественная вещь на свете.

– Том Кернан явился?– спросил Мартин Канинхем, слегка покручивая кончик своей бороды.

– Да,– ответил м-р Цвейт.– Он сзади с Недом Ламбертом и Гайнсом.

– А сам Корни Келлехер?– спросил м-р Повер.

– На кладбище,– сказал Мартин Канинхем.

– Я утром встретил М'Коя,– сказал м-р Цвейт.– Он обещался придти при возможности.

Экипаж резко остановился.

– Что такое?

– Встали.

– Где мы?

М-р Цвейт высунул голову в окно.

– Большой канал,– сказал он.

Газовая фабрика. Коклюш, говорят, излечивает. Повезло, что у Милли его не было. Бедные дети! Синеют, чернеют, корчатся в судоргах. Просто стыд. Болезни, более-менее, проскочила. Кроме кори. Чай на зёрнышках льна. Скарлатина, грипп. Рекламщики смерти. Не упусти возможность. Вон псарня. Бедняга Ато! Будь добр с Ато, Леопольд, это моя последняя воля. Воля твоя да исполнится. Мы их слушаемся, когда они в могиле. Предсмертная записка. А пёс затосковал, угас. Тихая скотинка. Собаки стариков обычно все такие.

Дождевая капля плюхнулась на его шляпу. Он втянулся обратно, в следующий миг дождик обрызгал серые плиты. Россыпью. Интересно. Будто через дуршлаг. Я так и знал. Ботинки у меня поскрипывали, явный признак.

– Погода меняется,– произнес он тихо.

– Жаль, что не продержалась такой же отличной,– сказал Мартин Канинхем.

– Лучше б на поля,– сказал м-р Повер.– Вон снова солнце выглянуло.

М-р Дедалус, зыркая сквозь очки на затянутое солнце, швырнул безмолвное проклятье небу.

– Ненадёжно, как детский зад,– сказал он.

Вот и опять поехали.

Экипаж вновь вращал свои натруженные колёса, а их туловища слегка поколыхивались.

Мартин Канинхем чуть энергичнее покручивал кончик своей бороды.

– На последнем вечере Том Кернан просто блистал,– сказал он.– А Педди Леонард передразнивал его прямо в глаза.

– О, изобрази его Мартин,– живо подхватил м-р Повер.– Ты только послушай, Саймон, что он нёс, когда Бен спел *Стриженного*.

– *Блестяще*,– напыщенно выговорил Мартин Канинхем.–*Его исполнение этой простенькой баллады, Мартин, одно из самых проникновенных из всех, что мне когда-либо доводилось слышать*.

– Проникновенность,– сказал м-р Повер со смехом.– Это его пунктик. И ещё ретроспективное расположение.

– Читали речь Дэна Тесона?– спросил Мартин Канинхем.

– Я ещё нет,– сказал м-р Дедалус.– Где она?

– В утренней газете.

М-р Цвейт достал газету из внутреннего кармана. Не забыть ей другую книгу.

– Нет, нет,–сразу же проговорил м-р Дедалус.– Не сейчас, пожалуйста.

Взгляд м-р Цвейта прошёлся по низу страницы, просматривая о смертях. Колэн, Колмен, Дигнам, Фосет, Ловри, Номанн, Пийк, это который Пийк? что работал у Кросби и Олейн? Нет, секстон, Урбрайт. Печатный текст поблек на истертой, вот-вот прорвущейся бумаге. Спасибо Цветочку. Прискорбная утрата. К неописуемому горю его. В возрасте 88 лет, после долгой изнурительной болезни. Месячное поминовение. Кевинлен. Благой Исус да упокоит его душу.

Уж месяц, как Генри отлетел
В свой вышний дом на небесах,
Семья осталась в горе и слезах,
Уповая на встречу в райских садах.

Конверт я порвал? Да. Куда я сунул письмо когда ещё раз прочёл в бане? Он похлопал по карманам жилета. Здесь, в порядке. Генри отлетел. Пока не лопнуло мое терпенье.

Национальная школа. Склады Мидза. Пустырь. Всего два осталось. Мотают мордами. Раздулись, как клещи. Слишком толстые кости в их черепах. Вон ещё один трусцой повёз пассажира. Час назад я тут проходил. Извозчики приподняли свои шляпы.

Спина стрелочника вдруг резко распрямилась на трамвайной развилке под окном м-ра Цвейта. Не могут изобрести что-то автоматическое, чтоб колесо само, без лишних. Да, но тогда этот малый потеряет работу? Да, но тогда другой малый получит работу – изготовлять новое изобретение? Старый концертный зал. Ничего нет. Мужчина в жёлтом костюме с траурной повязкой. Не слишком глубоко скорбит. Четверть траура. Кто-нибудь из родственников жены, наверно.

Они миновали суровый пьедестал Св. Марка, проехали под железнодорожным мостом, мимо Театра Королевы: в молчании. Афишы. Юджин Страттон. М-с Бендмен Палмер. Мог бы сегодня вечером сходить на ЛИЮ, интересно знать. Или, может, на ЛИЛИЮ КИЛАРНИ? Оперная труппа Элстер Гримса. Крутая перемена. Влажные яркие афиши на следующую неделю. ПОТЕХА В БРИСТОЛЕ. Мартин Канинхем доставал контрамарку в Гейти-театр. Надо угостить стаканом-другим. И чтоб шириной не меньше глубины.

Он явится после обеда. Насчёт её песен.

Пласто. Фонтан с памятным бюстом сэру Филипу Крантону. Кто он был?

– Привет,– сказал Мартин Канинхем, подымая ладонь ко лбу в приветствии.

– Он нас не видит,– сказал м-р Повер.– Нет, заметил. Привет.

– Кто там?– спросил м-р Дедалус.

– Ухарь Бойлан,– ответил м-р Повер.– Вон проветривает свою прическу.

Это ж надо, я как раз подумал.

М-р Дедалус перегнулся приветить. От дверей Красного Банка белый диск соломенной шляпы мигнул в ответ: проехали.

М-р Цвейт изучал свои ногти на левой руки, затем на правой. Ногти, да. И что такого они, она в нём находят. В восторге. Мерзопакостнейший стервец на весь Дублин. Тем и держится. Иногда они чувствуют что он из себя. Но такой тип. Мои ногти. Да просто рассматриваю: хорошо ухожены. А потом: будет сидеть дни напролёт и что-то думать-думать. Тело дряблеет. От меня не скрыть, потому что помню каким было. Дело, наверно, в том, что кожа не успевает сразу же сократиться, когда плоть спадает. Но форма та же. Форма всё та же. Плечи. Бедра. Пышна. Вечер, как одевалась на бал. Юбка встряла промеж половинок.

Он сцепил руки у себя меж коленей и, смирившись, послал отсутствующий взгляд по их лицам.

М-р Повер спросил:

– Как там насчёт концертного турнэ, Цвейт?

– О, прекрасно,– ответил м-р Цвейт.– Ожидания самые наилучшие. Сама идея хороша, понимаете...

– А сами вы поедете?

– Да, нет,– сказал м-р Цвейт.– Так получилось, что мне нужно ехать в округ Клэр по личному делу. Понимаете, идея в том, чтоб объехать главные города. Если в одном нет сборов, то можно наверстать в следующем.

– Вот именно,– сказал Мартин Канинхем.– Мэри Андерсен сейчас в северных округах.

– Хороших собрали артистов?

– Её возит Луис Вернер,– сказал м-р Цвейт.– О, да, будут самые отборные. Дж. С. Дойл и Джон МакКормак, надеюсь, и. Фактически, лучшие.

– И также *Madam,– сказал* м-р Повер, улыбаясь.– Отнюдь не из последних.

М-р Цвейт расцепил ладони в мягко вежливом жесте и сцепил снова. Кузнец О'Брайен. Кто-то положил букет цветов. Женщина. Должно быть день его смерти. Желаю долгих лет. Экипаж, колеся мимо статуи Фарела, неслышно свёл их непротивящиеся колени.

Оот: невзрачно одетый старик у бордюра зазывал на свой товар, рот разинут: оот.

– Воот шнурки, две пары за пенни.

Странно, что именно так выбило его из колеи. Имел контору на Хьюм-Стрит. В том же доме, где однофамилец Молли. Твиди, королевский адвокат от Вотерфорда. Всё тот же шелковый цилиндр. Остатки былого приличия. Тоже в трауре. Ужасное падение, несчастный банкрот! Пинают как шавку на поминках. О'Калахен доползает к финишу.

А как там сама *Madame*? Двадцать двенадцатого. Встала. М-с Флеминг пришла прибраться. Причесывается, напевает: *voglio e non vorrei*. Не так: *vorrei e non*. Проверяет кончики волос, не секутся ли? *Mi trema un poco il*. На этом *tre* у неё звучит просто прекрасно: тон рыдания. Как оно называется. Тремоло. специальное слово "тремоло", для обозначения.

Глаза его слегка прошлись по приятновидому лицу м-ра Повера. Серость вокруг глаз. *Madame*: с улыбочой. Я улыбнулся в ответ. Улыбки разные бывают. Простая вежливость, наверно. Милый господин. Это правда, будто содержит какую-то женщину? Жене неприятно. Но говорят, будто бы—кто это мне говорил?—ничего плотского. Чепуха, такие игры кончаются в момент. Да, это Крофтон встретил его как-то вечером, нёс ей фунт ромштекса. Кем она была? Барменша у Джурея. Или у Мойра?

Они проехали под громаднoплащной фигурой Освободителя .

Мартин Канинхем пихнул локтем м-ра Повера.

– Из племени Рейбена,– сказал он.

Высокая чернобородая фигура, склоняясь на трость, ковыляла за угол дома, показывая им ладонь, лодочкой поперёк спины.

– Во всей своей античной красе,– отозвался м-р Повер.

М-р Дедалус глянул вслед ковыляющей фигуре и мягко произнес:

– Дьявол развороти твою скважину!

М-р Повер, закатываясь смехом, скрыл лицо от окна, пока экипаж катил мимо статуи Грея.

– Мы все там побывали,– брякнул Мартин Канинхем. Его глаза встретились с глазами м-ра Цвейта. Он пригладил бороду, поправляясь:

– Ну, почти все.

М-р Цвейт с неожиданным воодушевлением обратился к лицам своих попутчиков:

– Бесподобный анекдот ходит про Рейбен Дж. и Сына.

– Насчёт матроса?– спросил м-р Повер.

– Да. Просто класс, правда?

– Что там ещё?– спросил м-р Дедалус.– Я не слыхал.

– Вобщем, появилась какая-то девушка и он решил отослать его на остров Мэн от греха, но когда они вдвоём…

– Что?– спросил м-р Дедалус.– Тот долбаный недоросль, что ли?

– Да,– сказал м-р Цвейт,– подходят они к пароходу и он бросился утопиться…

– Барабас – утопиться!– вскричал м-р Дедалус.– Молю Бога, чтоб так и сделал!

М-р Повер испустил долгий смешок сквозь свои прикрытые ноздри.

– Нет,– сказал м-р Цвейт,– это сын его…

Мартин Канинхем беспардонно прервал его повесть.

– Ребен Дж. и сын поспешали вдоль реки на пристань, к пароходу до острова Мэн и этот резвак-молодчик извернулся и через парапет —бултых!– в Лиффи.

– Божже!– испуганнол воскликнул м-р Дедалус.– Утонул?

– Утонет!– крикнул Мартин Канинхем.– Держи карман! Матрос схватил багор и выудил за штаны, и его положили перед отцом на пристани. Полумертвого. Полгорода сбежалось.

– Да,– сказал м-р Цвейт.– Но что забавно…

– И Рейбен Дж.,– продолжал Мартин Канинхем,– дал матросу флорин за спасение сына.

Натужный вздох вырвался из под руки м-ра Повера.

– Ну, разве не классный?– горячо проговорил м-р Цвейт.

– Переплатил шиллинг и восемь пенсов,–сухо молвил м-р Дедалус.

Сдавленный смех м-ра Повера тихонько взорвался в экипаже.

Колонна Нельсона .

– Восемь слив за пенни! Восемь слив за пенни!

– Нам бы не мешало выглядеть посерьёзней,– сказал Мартин Канинхем.

М-р Дедалус вздохнул.

– Да ведь,– сказал он,– бедняга не осерчал бы на нас за смех. Немало забористых и сам рассказал.

– Прости меня Господи!– сказал м-р Повер, утирая влажные глаза пальцами.– Бедняга Пэдди! На той неделе я видел его в обычном здравии и разве мог тогда подумать, что это в последний раз и что так вот поеду следом за ним. Ушёл от нас.

– Порядочнейший малый из всех, что когда-либо носили шляпу,– сказал м-р Дедалус.– Весьма скоропостижно взял и преставился.

– Приступ,– сказал Мартин Канинхем.– Сердце.

Он с печалью постучал себя по груди.

Полыхающее лицо: калёнокрасное. От переизбытка Джона Ячменное зерно. Зелье для украснения носа. До черта надо выхлыстать, чтоб добиться такого оттенка. Прорву денег пустил на его окраску.

М-р Повер понимающе-сокрушённо глядел на тянущиеся мимо дома.

– Так внезапно умер бедняга,– сказал он.

– Самая лучшая из смертей,– произнес м-р Цвейт.

Их широко открытые глаза взглянули на него.

– Без мучений,– пояснил он.– Секунда и всё позади. Как смерть во сне.

Никто не откликнулся.

Это дохлая сторона улицы. Вялый бизнес днём, земельные агенты, безалкогольный отель, контора железной дороги Фалькона, училище государственных служащих, Джилс, католический клуб, плотно

занавешено. С чего бы? Есть причина. Солнце или ветер. По вечерам тоже. Трубочисты и поломойки. Под покровительством покойного отца Мэтью. На закладной камень Парнелу. Приступ. Сердце.

Белые лошади с белым плюмажем на лбах вынеслись из-за угла Ротанды, галопом. Гробик промелькнул мимо. Живей схоронить. Карета провожающих. Незамужнюю. Замужним чёрных. Пегих вдовым. Монашенкам серых.

– Печально,– сказал Мартин Канинхем.

Ребёнок. Лицо гномика сизое и сморщенное, как было у маленького Руди. Карликовое тельце, слабое как мякуш, в белопростынном ящичке. Похоронное товарищество оплачивает. Пенни в неделю за пласт дёрна. Наш. Маленький. Попрошайка. Младенец. Ничего не значит. Промашка природы. Если здоров, это от матери. А нет – мужчина виноват. В другой раз старайся лучше.

– Бедная крошка,– сказал м-р Дедалус.– Уже отмаялась.

Экипаж, замедляясь, взбирался на горку площади Рутланд. Гремит костями. Над камнями. Нищий в стужу. Никому не нужен.

– На заре жизни,– сказал Мартин Канинхем.

– Но хуже всего,– сказал м-р Поверогда человек сам лишает себя жизни.

Мартин Канинхем выдернул свои часы, кашлянул и положил обратно.

– А для семьи какой позор,– добавил м-р Повер.

– Временное помешательство, конечноешительно произнес Мартин Канинхем.– Тут надо быть поснисходительней.

– Говорят, что на такое идут только трусы,– сказал м-р Дедалус.

– Ну, уж об этом не нам судить,– сказал Мартин Канинхем.

М-р Цвейт, собравшийся было что-то сказать, вновь сомкнул губы. Большие глаза Мартина Канинхема. Вот отвёл их в сторону. Такой человечный и понимаюший. Умён. В лице что-то от Шекспира. И у него всегда найдется доброе слово. Они нетерпимы к этому, а ещё к детоубийству. Запрещают хоронить по-христиански. И даже был обычай вбивать деревянный кол сквозь сердце, уже в могиле. Будто

оно и без того не разбито. Бывает и спохватывается, да уж поздно. Найдут на дне реки, а в ладонях осока – хватался. Посмотрел на меня. И надо же, чтоб ему досталась эта ужасная пропойца-жена. Раз за разом обставляет для неё дом, и чуть ли не каждую субботу приходится выкупать мебель в ломбарде. Жизнь, как у проклятого. Тут и каменное сердце не выдержит. А в понедельник с утра всё сызнова. Плечом в лямку. Господи, ну и видик у неё был в тот вечер, как мне Дедалус рассказал, когда он зашёл к ним. Вымахивалась, пьянючая, по всему дому с зонтом Мартина.

Меня кличут сокровищем Азии,
И не меньше,
Я – гейша!

Отвёл глаза. Значит знает. Гремит костями.

Тот день, как проводили следствие. Красноярлычный флакон на столе. Комната отеля с картинами из охотничей жизни. Набились туда – толпятся. Узкие лучики солнца сквозь планки венецианских жалюзи. Ухо следователя, крупное такое, волосатое. Прислуга даёт показания. Сначала думали он спит. Потом приметили будто желтые полосы по лицу. Он сполз к изножию постели. Заключение: чрезмерная доза. Смерть в результате несчастного случая. Письмо. Моему сыну Леопольду.

Нигде уже ничего не болит. Больше уж не пробудится. Никому не нужен. Экипаж живо громыхал вдоль Блесингтон-Стрит. Над камням мостовой.

– Мы, похоже, наддали ходу,– сказал Мартин Канинхем.

– Не доведи Господи, перевернёт нас по дороге,– отозвался м-р Повер.

– Надеюсь, обойдётся,– сказал Мартин Канинхем.– Завтра в Германии Большие Скачки. Гордон Беннет.

– Да, клянусь небом,– сказал м-р Дедалус.– Вот уж что стоило бы посмотреть, честное слово.

Когда они свернули в Беркли-Стрит, шарманка подле Байсена испустила и послала им вслед грохочущую вихлястую песенку из варьете. Вы тут Келли не видали? К-е-два-эл-и. Марш мертвецов из *САУЛА*. Так же неплох, как и старик Антонио. Оставил меня одногонио. Пируэт! Матерь Милосердия. Эклес-Стрит. На том конце мой дом. Знаменитое место. Палата для неизлечимых. Приют Владычицы Нашей для умирающих. А дальше по улице, в следующем номере, надо же как удобно – морг. Старая м-с Риордан тут скончалась. Ужасно они выглядят, женщины. Кормят их из чашки, утирают ложкой губы. Потом ширму вокруг кровати – кончайся. Приятный молодой студент мне тут обрабатывал тот пчелиный укус. Говорят он теперь перешёл в родильный дом. Из крайности в крайность.

Экипаж пронёсся за угол: стоп.

– Что ещё такое?

Разрозненный гурт клеймёного скота шёл под окнами, мыча, топоча мимо торопливыми копытами, медленно похлестывая хвостами по загаженным костистым крупам. С краю и среди них трусили зашмыганные овцы, выблеивая свой страх.

– Эмигранты,– заметил м-р Повер.

– Нно!– крикнул голос кучера, кнут его щёлкал по сторонам.– Нно! Пошли!

Четверг, конечно. Завтра убойный день. Молодняк. Каффи продавал их по двадцать семь фунтов за голову. Должно быть в Ливерпуль. Ростбиф для старушки Англии. Они скупают самых сочных. И пятая часть пропадает, а ведь всё это сырьё – шкура, шерсть, рога. За год набегает крупная. Торговля мертвячиной. Побочные продукты боен для дубилен, на мыло, маргарин. Интересно, крутится ли ещё тот аферист в Клонсиле, скупавший порченное мясо в товарных поездах.

Экипаж двинулся дальше сквозь стадо.

– Не пойму, почему корпорация не проложит трамвайную линию от парка к пристаням,– сказал м-р Цвейт.– Весь этот скот можно было бы переправлять к пароходам на платформах.

– Вместо того, чтоб стопорить движение,– добавил Мартин Канинхем.– Совершенно правильно. Не помешало б.

– Да,– продолжил м-р Цвейт,–и ещё я частенько подумывал, нужны городские похоронные трамваи, как в Милане, знаете. Проложить линию до кладбищенских ворот и завести специальные трамваи, катафалки, экипажи и всё такое. Понимаете о чём я?

– Ни черта себе,– сказал м-р Дедалус.– Пульмановские вагоны с ресторанами.

– Невесёлая перспектива для Корни,– добавил м-р Повер.

– Почему?– спросил м-р Цвейт оборачиваясь к м-ру Дедалусу.– Разве это не приличней, чем скакать взапуски?

– Вообще-то, в этом есть что-то,– заверил м-р Дедалус.

– И,– сказал Мартин Канинхем,– мы будем гарантированы от сцен вроде той, когда на углу Данфи опрокинулся катафалк и вывернул гроб на дорогу.

– Это было ужасно,– произнесло шокированное лицо м-ра Повера,– и тело вывалилось на мостовую. Ужас!

– Один-ноль в пользу Данфи,– сказал м-р Дедалус, покивывая.– На кубок Гордона Беннета.

– Хвала Господу,– набожно отозвался Мартин Канинхем.

Хрясь! Опрокинулись. Гроб об дорогу – бац! Вдребезги. Пэдди Дигнам выпулился и катится окостенело по пыли в коричневом саване навырост. Красное лицо: стало серым. Рот распахнулся. Вопрошает в чём дело. Очень правильно, что его подвязывают. С разинутым вид жутчее. И внутренности быстрей разлагаются. Намного сохранней если перекрыть все отверстия. Да, и там. Воском. Прямая кишка расслаблена. Все запечатать.

– А вот и Данфи,– объявил м-р Повер, при повороте экипажа направо.

Угол Данфи. Похоронные повозки тащатся утопить скорбь. Передышка при дороге. Отличнейшее место для бара. Надеюсь, мы притормозим тут на обратном пути, выпить за его здоровье. Пустить по кругу соболезнование. Элексир жизни.

Но, допустим, так бы и случилось. У него пойдёт кровь, если б, скажем, перекидываясь, напоролся на гвоздь. И да, и нет, наверное. Смотря где. Обращенние останавливается. Всё ж, что-то может высочиться из артерии. Вернее было б хоронить их в красном: в бордовом.

В молчании ехали они вдоль Филзборо-Роуд. Мимо прорысил порожний катафалк, возвращаясь с кладбища: такой облегчённый вид.

Мост Кросганс: Королевский канал.

Вода с рокотом ринулась из шлюза. На опускающейся барже стоял мужчина среди копен сена. На прибрежной дорожке, у створа, лошадь с отцепленной верёвкой. Вдоль борта БУГАБУ.

Их взгляды собрались на нём. По медленным заросшим водам плыл он своей посудиной через Ирландию к побережью, буксирная верёвка тащила его вдоль камыша, над илом с захлебнувшимися грязью бутылками, дохлыми псами. Этлон, Малингар, Мойвели. Я мог бы проведать Милли, пойдя пешком вдоль канала. Или на велосипеде. Взять напрокат какой-нибудь драндулет, безопасно. У Рена на аукционе на днях был один, но дамский. Развитие водных путей. Хобби Джеймса Макэна перевозить меня на лодке. Дешёвый вид транспорта. По-этапно. Лодки в хозяйстве. Катание для прогулки. Также и катафалки. На небеса по воде. Пожалуй, не буду писать. Приеду сюрпризом. Лекслип, Клонсил. Опускаясь, шлюз за шлюзом, к Дублину. С болотными травами из центра острова. Салют. Он поднял свою коричневую соломеную шляпу, приветствуя Пэдди Дигнама.

Они миновали дом Брайена Воройма. Уже недалеко.

– Интересно, как поживает наш приятель Фогарти,– сказал м-р Повер.

– Это лучше спросить Тома Кернана,– ответил м-р Дедалус.

– Неужто?– сказал Мартин Канинхем.– Расставаясь, прослезился, полагаю.

– Хоть и с глаз долой,– сказал м-р Дедалус,– но сердцу дорог.

Экипаж повернул влево на Финглас-Роуд.

Справа мастерская камнереза. Последний бросок. Столпясь на клочке земли показались безмолвные фигуры, белые, скорбные, простирающие упокоенные руки, стоящие на коленях, указующие. Обломки образов, разбитые. В белом безмолвии, взывающие. Вне конкуренции. У м-ра Денана, монументалиста и скульптора.

Проехали.

На бордюре перед домом Джимми Гери, могильщика, сидел старый бродяга, с ворчаньем вытряхивая землю и камушки из раззявившегося башмака грязно-коричневого цвета. Завершая жизненный путь.

Потом потянулись унылые сады, один за одним: унылые дома.

М-р Повер указал.

– Вот тут убили Чайлдза,– сказал он.– Последний дом.

– Точно,– сказал м-р Дедалус.– Жуткий случай. Сеймур Буш его вытащил. Убийцу брата. Такие шли разговоры.

– У суда не было доказательств,– сказал м-р Повер.

– Только косвенные,– сказал Мартин Канинхем.– На этом стоит закон. Лучше уж пусть избежит наказания виновный на девяносто девять процентов, чем засудят хотя бы одного невинного.

Они всмотрелись. Место убийства. Угрюмо проплыло мимо. Заколочено, нежилое, запущенный сад. Все пошло прахом. Невинно осужденный. Убийство. Отображение убийцы в глазу жертвы. Они любят читать про такое. Человеческая голова найдена в саду. Её одежда состояла из. Как она встретила смерть. За последнее время крайне. Орудием оказался. Убийца всё ещё отпирается. Улики. Шнурок. Тело будет извлечено для экспертизы. Убийство не скроешь.

Заточён в этом экипаже. Ей может и не понравится, если нагряну нежданно, не написав. С женщинами нужно осторожнее. Застукаешь

раз на горячем, потом во всю жизнь не простит. Пятнадцать.

Высокая ограда Проспекта замелькала поперёк их взора. Тёмные тополя, редкие белые фигуры. Скульптуры пошли погуще, белые образы разбросанные средь деревьев, белые формы и фрагменты немо текли мимо, воздев в воздух запечатлённые жесты безнадёжья.

Ободья заскребли о мостовую: стоп. Мартин Канинхем протянул руку и, вывернув ручку двери, распахнул коленом. Сошёл. М-р Повер и м-р Дедалус следом.

Теперь переложим это мыло. Рука м-ра Цвейта расстегнула задний карман, поспешно, и перенесла облипшее бумагой мыло во внутрений карман для платка. Он выступил из экипажа пересkладывая газету, что всё ещё оставалась в другой руке. Скудные похороны: катафалк и три экипажа. Ни малейшего сравнения. Процессия с венками, золотые позументы, месса, реквием, прощальный залп. Показуха смерти. За последним экипажем стоял разносчик со своей тележкой пирожков и фруктов. Сладкие эти пирожки, слипаются: пирожки для покойников. Бисквиты собачья радость. Кто их ест? Провожающие на выходе.

Он последовал за участниками, шагая позади м-ра Кернана и Неда Ламберта. Корни Келехер, стоявший у открытого катафалка, достал два венка. Один протянул мальчику.

Куда запропастились те похороны ребёнка?

Упряжка лошадей с тяжелым мерным топотом прошла от Финглас-Роуд, в похоронном молчании таща кряхтящую телегу с уложенным на неё гранитным блоком. Возница, идущий во главе, отсалютовал.

Теперь гроб. Опередил нас, хоть и покойник. Лошадь оглядывается на него из-под своих плюмажных перьев. Тусклый глаз: хомут тесен, передавливает вену на шее, или ещё какая напасть. А они сознают что возят сюда каждый день? Наверно, двадцать или тридцать похорон ежедневно. Да ещё Монт-Жером для протестантов. Во всём мире ежеминутно где-то похороны. Ссыпают их туда повозками на удвоенной скорости. Тысячами, каждый час. Чересчур расплодились.

Проводившие вышли из ворот: женщина и девушка. Гарпия с костлявой челюстью, мёртвая хватка, шляпка перекособочилась. Замурзанное, зарёванное лицо девушки, держит женщину под руку, выжидая сигнал разрыдаться. Рыбье лицо, бескровное и сизое.

Плакальщики взяли гроб на плечи и понесли в ворота. Мёртвый вес куда тяжелее. Чувствовал себя отяжелелым, выбираясь из ванны. Сперва покойник, потом друзья покойного. Корни Келехер и мальчик несут свои венки. Кто это там рядом с ними? А, шурин.

Все пошли следом.

Мартин Канинхем шептал:

– Мне до смерти неловко было, когда вы начали про самоубийц при Цвейте.

– Что?– прошептал м-р Повер.– Как так?

– Его отец отравился,– шептал Мартин Канинхем.– Владелец отеля КОРОЛЕВА в Эннисе. Вы же слышали как он говорил, что собирается в Клэр. Годовщина.

– О, Боже!– прошептал м-р Повер.– Впервые слышу. Отравился!

Он оглянулся назад, где лицо с тёмными вдумчивыми глазами миновало мавзолей кардинала. Тоже в беседе.

– Он застрахован?– спросил м-р Цвейт.

– По-моему, да,– ответил м-р Кернан,– но под страховку много было занято. Мартин старается пристроить младшего в Атейн.

– Сколько всего детей оставил?

– Пятерых. Нед Ламберт говорит, что попобует устроить одну из девушек к Тодду.

– Печальный случай,– произнес м-р Цвейт мягко.– Пять несовершеннолетних.

– Тяжкий удар для бедной жены,– добавил м-р Кернан.

– Что верно, то верно,–согласился м-р Цвейт.

Победа за нею.

Он смотрел вниз на свои ботинки, которые наваксил и начистил. Она пережила его, утратила супруга. Для неё мертвей, чем для меня. Кто-то должен пережить другого. Мудрые речи. В мире больше

женщин, чем мужчин. Пособолезнуй ей. Ваша горькая утрата. Надеюсь, скоро последуете за ним. Это ж только индийские вдовы. Выйдет за другого. За того? Нет. Хотя, как знать. Вдовство вышло из моды с кончиной старой королевы. Везли на орудийном лафете. Виктория и Альберт. Мавзолей во Фрогморе. А всё-таки она прицепила пару фиалок себе на шляпку. Тщеславна в глубине души. Всё ради тени. Консорт, он даже не король. Сын уже кое-что. Какая-то надежда, на то, что уже миновало, но хотелось возвратить, надеялась. Возврата нет. Сперва надо уйти: одному, в сырую землю: и больше уж не нежиться в своей теплой постельке.

– Как ты, Саймон?– сказал Нед Ламберт мягко, пожимая руку.– Сто лет тебя не видел.

– Лучше некуда. Как дела в славном городе Корк?

– Я был там на скачках по пересечённой местности,– сказал Нед Ламберт,– всё та же дешёвка. Задержался из-за Дика Тайби.

– Ну, как там Дик, крепок?

– Уже ничто не отделяет Дика от небес,– ответил Нед Ламберт.

– Пресвятой Павел!– сказал м-р Дедалус в сдержанном изумлении.– Дик Тайби облысел?

– Мартин устраивает сбор в пользу детишек,– сказал Нед Ламберт, указывая вперёд.– По паре шиллингов с носа. Хоть как-то поддержать их, пока прояснится со страховкой.

– Да, да,– сказал м-р Дедалус с сомнением.– Это старший мальчик там впереди?

– Да,– ответил Нед Ламберт,–с братом жены. Потом Джон Генри Ментон. Он подписался на фунт.

– И не диво,– сказал м-р Дедалус.– Я столько раз говорил бедняге Пэдди, чтобы держался за эту работу. Джон Генри не самый худший на свете.

– Как он её потерял?– спросил Нед Ламберт.– Выпивал небось?

– Слабость многих хороших людей,– сказал м-р Дедалус со вздохом.

Они остановились у дверей кладбищенской часовни. М-р Цвейт стоял позади мальчика с венком, глядя вниз на гладко причесанные волосы и тонкую шею с желобком, в новеньком воротничке. Бедный мальчик! Он был там, когда отец? Оба без сознания. В последний миг озарило и узнал напоследок. Всё, что он мог сделать. Я остался должен три шиллинга О'Грэди. Он бы понял? Плакальщики занесли гроб в часовню. С какого конца его голова?

Через секунду он последовал за остальными, помаргивая в приглушённом свете. Гроб стоял на помосте за оградкой, по углам четыре высокие желтые свечки. Навеки пред нами. Корни Келехер, возложив по венку под каждый из передних углов, дал мальчику знак опуститься на колени. Провожающие преклонили колени тут и там между скамьями. М-р Цвейт стоял позади, возле святой воды, и, когда все опустились, осторожно выронил сложенную газету из кармана поставить на неё правое колено. Свой чёрный котелок он аккуратно пристроил на левом колене и придерживал за поля, благочестиво склонив голову.

Служка, неся что-то в медном ведёрке, вошёл в двери. За ним последовал священик в белом обрачении, оправляя одной рукой епатрахиль, другою прижимая книжечку к своему жабьему брюху. Кто почитает книжку? Я сказала мышка.

Они остановились у подставки и священик принялся читать из своей книги, мягко покаркивая.

Отец Гроуб. Я ведь и знал, что его зовут как-то схоже на "гроб". *Domine-nomine*. Что-то бычье в его рыле. Ведущая роль в спектакле. Мускулистый христианин. Косо взглянешь – беды не оберёшься: священик. Ты еси Петр. Ну, и разнесло ж его, как овцу от клевера, говорит Дедалус. Брюхо выперло, как у отравленной суки. Уж он как скажет, так скажет, и где только берёт. Ххм: разнесло ж.

– *Non intres in judicium cum servo tuo, Domine*.

Гордятся, что над ними на латыни молятся. Заупокойная месса. Плакальщики в траурных лентах. Извещения с черной каймой. Твоё имя на алтарном листке. Промозгло тут. Требуется хорошее питание,

высиживать тут утро напролёт, чуть не в потёмках, стукая каблук о каблук, в ожидании следующего на умиротворение. Глаза тоже жабьи. С чего это он так раздался? Молли распирает от капусты. Может от тутошнего воздуха. Даже и с виду, будто накачан погаными газами. Тут этих вредных газов, до черта и больше. Скоторезы, к примеру: те становятся как сырой бифштекс. Кто это мне рассказывал? Мервин Браун. В склепах Св. Вербурга хороший старинный орган на сто пятьдесят, порой приходится сверлить дырку в оправе, чтоб выпустить вредные газы и зажечь. Так и прут: синеватые. Раз вдохнул и – покойник.

Колено занемело. Уф. Так удобнее.

Священик вынул из ведерка служки палочку с набалдашником и потряс над гробом. Потом зашёл с другого края и снова потряс. Затем вернулся и положил её обратно в ведерко. Чтоб не просыхала, как и ты, пока не откинулся. Всё предначертано: иным он не мог быть.

– *Et ne nos inducas in tentationem.*

Служка голосил ответы в терцию. Я часто думал, что лучше б фальцетом, нанимать служками мальчиков. Лет до пятнадцати. Потом уж, конечно…

Это, наверное, святая вода. Набрызгивал сон ею. Ему, должно быть, уже в печёнках сидит, тряси этой штукой над всеми трупами, что сюда натащат. Хорошо ещё хоть не видно над чем он её трясет. Каждый Божий день свежая партия: мужчины средних лет, старухи, дети, женщины умершие при родах, бородатые бедняки, лысые бизнесмены, чахоточные девицы с воробьиными грудками. Год напролёт бормочет над каждым эту молитву и побрызгивает сверху водицей: баюшки-бай. Теперь вот и на Дигнама.

– *In paradisum.*

Сказал, что он отправится в рай, или уже там. Нудная работёнка. Но что-то ж надо говорить.

Священик закрыл свою книгу и отошёл, сопровождаемый служкой. Корни Келехер отворил боковую дверь и вошли могильщики, снова

подняли гроб и погрузили на свою повозку. Корни Келехер дал один венок мальчику, а другой шурину. Все потянулись через боковую дверь на тёплый серый воздух. М-р Цвейт вышел последним, укладывая свою газету обратно в карман. Он сумрачно уставился в землю, пока гробовозка не отъехала влево. Металлические колеса с резким хрустящим скрипом давили гравий и стадо тупоносых ботинков потянулись за тележкой вдоль улочки из надгробий.

Ты ри ты ра ты ри ты ра ты ру. Господи, что это я: тут петь не положено.

– Надгробье О'Коннела,– признес м-р Дедалус негромко.

Мягкие глаза м-ра Повера поднялись к верхушке высокого конуса.

– Покоится,– отозвался он,–среди своего народа, старина О'Кон. Но сердце его похоронено в Риме. Сколько разбитых сердец лежит тут, Саймон!

– Вон там её могила, Джек,– сказал м-р Дедалус.– Скоро и я вытянусь рядом с ней. Пусть Он приберёт меня, когда Ему будет угодно.

Он тихо сломленно завсхлипывал, чуть спотыкаясь на ходу. М-р Повер взял его под руку.

– Ей лучше там, где она теперь,– сказал он доброжелательно.

– Наверно, так оно и есть,– ответил м-р Дедалус со слабым охом.– Она, конечно же, на небесах, если только они есть, небеса эти.

Корни Келехер ступил в сторону из своего ряда, пропуская провожающих топать мимо.

– Печальный случай,– начал м-р Кернан вежливо.

М-р Цвейт прикрыл глаза и дважды скорбно склонил голову.

– Все уже одевают шляпы,– сказал м-р Кернан.– Полагаю, нам тоже можно. Мы замыкающие. Кладбище коварное место.

Они покрыли головы.

– Их преподобный сударь отбарабанил службу как-то слишком наспех, вам не кажется?– сказал м-р Кернан с упреком.

М-р Цвейт отважно кивнул, глядя в проворные кровянистые глаза. Тайные глаза, тайные соглядотайные глаза. Масон, наверно: хотя кто

знает. Опять с ним рядом. Мы замыкающие. В одной лодке. Наверно, ещё что-нибудь скажет.

М-р Кернан добавил.

– Служба ирландской церкви, как она ведётся в Монт-Жероме, проще и более впечатляюща, надо признать.

Для поддержания разговора, М-р Цвейт отметил различие языков.

М-р Кернан торжественно провозгласил:

– Я есмь воскресение и жизнь! Такое затрагивает человека до глубочайших уголков сердца.

– Безусловно,– сказал м-р Цвейт.

Твоё-то, может, и затронет, но что за дело малому в яме два с половиной на полтора метра пятками вниз от незабудок? Ему уже не затронет. Средоточие любовных чувств. Разбитое сердце. Насос, если уж на то пошло, перекачивает тысячи галлонов крови каждый день. В один прекрасный день – хрясь! тут тебе и крышка. Много их тут понавалено: сердец, печёнок, лёгких. Старые ржавые насосы: и больше ничего. Воскресение и жизнь. Раз уж ты умер, то умер. А эта идея насчёт Судного Дня. Вытряхивать их всех из могил. Гряди, Лазарь! А он вышел только пятым и потерял работу. Подъём! Последний день! И каждый малый шарит вокруг за своей печёнкой и гляделками и прочим снаряжением. В то утро собрал всю свою хренотень. В черепе сикель пыли. Сто семнадцать грамм – сикель. Этрусская мера.

Корни Келехер подстроился к их шагу.

– Всё прошло по первому классу А,– сказал он.– Верно?

Он глянул на них своими тягучими глазами. Полицейские плечи. С твоим туралум туралум.

– Как положено,– ответил м-р Кернан.

– Правда ж? А?– сказал м-р Келехер.

М-р Кернан заверил его.

– Кто это там сзади с Томом Кернаном?– спросил Джон Генри Ментон.

Нед Ламберт оглянулся.

– Цвейт,– сказал он.– Мадам Марион Твиди, если знали, то есть знаете, сопрано. Она его жена.

– Как же, как же,– сказал Джон Генри Ментон.– Давненько её не видал. Красивая была женщина. Я танцевал с ней, погодите-ка, пятнадцать, не то семнадцать лет назад у Мэта Диллона. Было за что подержаться.

Он посмотрел назад через остальных.

– И что же он такое?– спросил он.– Чем занимается? Кажется, что-то писчебумажное? Однажды на вечеринке я, помнится, продул ему в шары.

Нед Ламберт улыбнулся.

– Да, занимался,– сказал он.–У Виздома Хелиса. Коммивояжером промакательной бумаги.

– Ради Бога,– сказал Джон Генри Ментон,– и что её дернуло выйти за такую мелкую сошку? Она тогда была резвушкой.

– Такой и осталась,– сказал Нед Ламберт.– А он занимается рекламными объявлениями.

Крупные глаза Джона Генри Ментона уставились вперёд.

Тележка свернула в боковую аллею. Дородный мужчина, в засаде средь трав, приподнял свою шляпу, воздать честь. Могильщики коснулись своих кепок.

– Джон О'Коннел,– сказал м-р Повер довольно.– Уж он-то друзей не забывает.

М-р О'Коннел пожал всем руки в молчании. М-р Дедалус сказал:

– Опять я к вам с визитом.

– Саймон, дорогой мой,– ответил смотритель приглушённым голосом.– Как бы мне хотелось, чтоб вы никогда не нуждались в моих услугах.

Салютнув Неду Ламберту и Джону Генри Ментону, он тоже влился в процессию рядом с Мартином Канинхемом, поигрывая парой ключей за спиной.

– Вы уже слыхали свежий,–спросил он их,– про Малхая из Кумби?

– Я – нет,– ответил Мартин Канинхем.

Они сообщнически сблизили шёлковые цилиндры и Гайнс тоже насторожил своё ухо. Смотритель кладбища закрючил оба больших пальца на золотую цепочку своих часов и приличным тоном заговорил к их отсутствующим улыбкам.

– Рассказывают,– повёл онак два пьянчуги явились сюда туманным вечером, проведать могилу приятеля. Спросили Малхая из Кумби, им сказали где похоронен. Поплутали в тумане, но могилу-таки нашли. Один из них читает имя: Теренс Малхай. Второй стоит и моргает глазами на статую Спасителя нашего, что там поставили по заказу вдовы.

Похоронщик мигнул на одно из надгробий, мимо которого они проходили.

– И, наморгавшись на святой образ, заявляет: ни хрена похожего на Малхая. Тоже мне, скульптор называется.

Вознагражденный их улыбками, он приотстал и заговорил с Корни Келехером, принимая от него квитанции, поворачивая и просматривая их на ходу.

– Это он специально,– объяснил Мартин Канинхем у.

– Понимаю,– ответил Гайнс,– вполне понимаю.

– Чтоб приободрить,– продолжил пояснение Мартин Канинхем.– Душевная поддержка: добряк до чёртиков.

М-р Цвейт любовался цветущим торсом похоронщика. Все стараются поддерживать хорошие отношения. Порядочный малый, Джон О'Коннел, неподдельно первый сорт без примесей. Ключи: как в рекламе Ключчи: и никаких опасений что кто-то смоется, не надо сторожить на выходе. *Habeat corpus*. Отыщу ту рекламу после похорон. Я не в Болзбридж адресовал конверт с письмом к Марте, когда она подошла? Надеюсь, не застрянет в отделе мёртвых писем. Если б ещё побрился. Седоватая щетина. Это первый знак: появляется седина в щетине и портится характер. Серебристые нити в сером. Каково его жене. Удивляюсь, как он вообще надумал сделать предложение какой-то девушке. Выйти и жить на кладбище. Пыжился перед ней. Сперва, должно быть её возбуждало.

Ухаживанье смерти... Ночные тени, что колышутся тут, и все эти штабеля мертвецов. Мгла готовых могил, а Дэниел О'Коннел, наверное из той же ветви, кто это мне говорил, будто он нагуляный, тем не менее, великий католик, как титан во мгле. Сумасброд. Газ могил. Приходится её забавлять, чтоб не шарахалась. Женщины особо чувствительны. Расскажи ей историю с привидениями в постели чтоб слаще спалось. Тебе встречались привидения. Ну, было. Ночь непроглядная. Часы вот-вот пробьют двенадцать. Но целуются как надо, если толком подзавесть. Проститутки на турецких кладбищах. Выучиваются чему угодно, если брать молодыми. Тут можно подцепить молодую вдову. Так устроены люди. Любовь среди надгробий. Ромео. Приправа к наслаждению. Буйство жизни в царстве смерти. Встреча двух крайностей. Будоражить бедных мертвецов. Запах шашлыка для голодающего, что изгрыз уж собственные потроха. Охота дразнить людей. Молли хотелось заняться этим перед окном. Как бы там ни было, а восьмерых детей он настругал.

Вот кто навидался как их тут зарывают, делянку за делянкой. Священные поля. Больше влезет, если хоронить их стоя. Сидя или на коленях не получится. Стоя? В один прекрасный день почва проседает и на поверхности торчит голова покойника вместе с указующей рукой. Тут вся земля, должно быть, как пчелиные соты, в продолговатых таких ячейках. Но порядок держит, всё чин чином, трава подстрижена, дорожки. Майор Гэмбл свой сад называет "мой Монт-Жером". Так оно и получается. Должно быть цветы сна. Из гигантских маков, что растут на китайских кладбищах, получают самый лучший опиум, мне Мастиански говорил. И Ботанический Сад тут совсем рядом. Это кровь впитываясь в землю даёт новую жизнь. Та же идея, что в росказнях про евреев убивших юного христианина. Каждого по своей цене. Хорошо сохранившийся упитанный труп джентельмена-эпикурейца клад для фруктового сада. Торги. За останки Вильяма Вилкинса, счетовода-бухгалтера, недавно скончавшегося, три фунта тринадцать и шесть. Спасибочки.

Почва точно станет лучше на трупном удобрении, кости, плоть, ногти, склепы. Жуть. Зеленеет, розовеет, разлагаясь. В сырой земле гниёт быстрее. Сухощавое старичьё не так сразу. Потом, типа, жирные сорта сыра. Начинают чернеть, сочиться жижей. И усыхают. Смертомоль. Конечно клетки, или как там их, продолжают жить. Меняются. Практически живут вечно. Нечем питаться, питаются собой.

Но на них, должно быть, разводиться пропасть личинок. И почва тут, небось, аж кишит ими. Сразу голову закружат. Вмиг утратишь ум и толк. Эти девушки на пляже. Как он по-хозяйски озирается. Даёт ему ощущение власти, видеть как остальные отправляются под землю раньше. Интересно, как он вообще смотрит на жизнь. Его кладбищенские шуточки: чтобы взбодриться. Хотя бы та, про обмен сообщениями. Спуржен отправлен на небеса сегодня в 4 утра. В 11 вечера закрываемся. Ещё не прибыл. Петр. Сами-то мертвецы, во всяком случае мужчины, не прочь услыхать шутку-другую, да и женщины – узнать что нынче в моде. Сочная груша, или дамский пунш: горячий, крепкий, сладкий. Прогнать сырость. Надо ж когда-то и посмеяться, хотя бы так. Могильщики в ГАМЛЕТЕ. Доказательство глубочайшего знания людского сердца. Не смеют шутить о мёртвых на протяжении хотя бы пары лет. *De mortuis nil nisi prius*. Сперва пусть кончится траур. Трудно представить его личные похороны. Смахивает на шутку. Говорят, если прочтёшь некролог о себе, потом долго жить будешь. Придаёт второе дыхание. Новое издание жизни.

– Сколько у вас на завтра?– спросил смотритель.

– Двое,– сказал Корни Келехер.– На полдесятого и в одиннадцать.

Смотритель положил бумаги в карман. Тележка замерла. Провожающие разделились и, осторожно обходя могилы, обступили яму по краям. Могильщики поднесли гроб и поставили рядом, завести под него верёвки.

Хоронят его. Пришли мы Цезаря похоронить. Его мартовские иды, или июньские. Не знает кто тут собрался, да ему и без разницы.

А это что ещё за дылда там в макинтоше? Это ещё кто, хотел бы я знать. Чего-нибудь, таки, не пожалел бы, узнать кто он. Всегда вынырнет кто-то, что ты ни сном, ни духом. Человек в состоянии прожить всю жизнь в одиночку. Да, мог бы. Однако, требуется ещё кто-то кто закопает после смерти, хотя могилу мог бы и сам себе вырыть. Чем мы и занимаемся. Только у людей заведено хоронить. Нет, муравьи тоже. Что сразу же поражает любого. Хоронить мертвецов. Скажем, Робинзон Крузо взаправду был. Ну, значит Пятница его схоронил. Каждый Пятница могильщик Четверга, если вдуматься.

О, бедный Робинзон Крузо,
да как же тебя угораздило?

Бедняга Дигнам, его последнее возлежание на земле в этом ящике. Если вдуматься, страшная трата древесины. Вся в труху. Могли бы изобрести элегантные носилки с перекидной панелью, опускать их туда. Ещё чего, сразу пойдут возражения, а вдруг уложат рядом с кем-то не тем. Они ж такие переборчивые. Положите меня в родимой земле. Горсть праха со святой земли. Только мать и мертворождёного ребенка всегда хоронят в одном гробу. Смысл понятен. Понимаю. Оберегать его до крайней возможности, даже в земле. Дом ирландца его гроб. Бальзамирование в катакомбах. Мумии. Та же идея.

М-р Цвейт стоял поодаль сзади, держа шляпу в руке, считая непокрытые головы. Двенадцать. Я тринадцатый. Нет. Тот малый в макинтоше тринадцатый. Номер смерти. Когда, чёрт возьми, он примазался? В часовне его не было, могу поклясться. Глупый предрассудок, насчёт тринадцати.

Отличный мягкий твид на этом костюме у Неда Ламберта. С оттенком лилового. И у меня был такой же, когда мы жили на

Ломбард-Стрит. В своё время он был любитель пощеголять. Менял по три костюма на дню. Надо бы отнести тот мой серый костюм Месиасу, чтоб перелицевал. Что такое? Так и есть: он его перекрашивал. Его жене, хотя, я забыл – у него нет жены, или, там, экономке надо повыдергивать вон те ниточки.

Гроб погрузился, опускаемый мужчинами, что стояли враскорячку по краям. Вытащилии верёвки и все обнажили головы. Двадцать.

Пауза.

Если б все мы вдруг стали кем-то другими.

Вдали проревел осёл. К дождю. Ослы совсем даже не. Говорят их не видали издыхающими. Стыд смерти. Прячутся. И бедный папа тоже.

Тихий нежный ветерок обвевал обнажённые головы, нашёптывая. Шептанье. Мальчик в изголовьи могилы держал венок обеими руками, смирно взирая на чёрный провал. М-р Цвейт шевельнулся за спиной дебелого добряка смотрителя. Хорошо сшит пиджак, прикидывает, наверно, кто из присутствующих пойдет следующим. Что ж это просто долгий отдых. Ничего не чувствовать. Ощущается лишь сам момент. Должно быть чертовски неприятно. Сперва не можешь поверить. Наверно, ошибка вышла: не того. Загляни в дом напротив. Погоди, я же хотел. Я ещё не. Потом сумеречная камера смерти. Света им хочется. Шепчутся вокруг тебя. Может позвать священика? Затем мысли идут вразброд. В бреду выбалтывает всё, с чем таился всю свою жизнь. Предсмертная борьба. Какой-то сон у него неестественный. Оттяни-ка нижнее веко. Проверяют: нос заострился, челюсть отошла, пожелтели подошвы ступней. Выдерни подушку и прикончи на полу, всё равно обречён. Дьявол на той картине про смерть грешника показывает ему женщину. А тому до смерти охота облапить её. Последний акт ЛЮЧИИ. Ужель не свижусь я с тобою? Бац! испустил дух. Кончился наконец. Люди малость о тебе посудачат: забудут. Не забывайте молиться о нём. Поминайте в своих молитвах. Даже и с Парнелом. День плюща отмирает. Потом и их туда же: валятся в яму, один за другим.

Помолимся теперь за упокой его души. В упованьи, что лучше ей стало и в ад не попала. Приятная перемена климата. Со сковородки жизни в огонь чистилища. Он когда-нибудь задумывается, что и его ждёт яма? Говорят, напоминание, когда на солнцепёке вдруг дрожь проймет. Кто-то на неё наступил. Уведомление через посыльного. Где-то рядом с тобой. Моя там, к Фингласу, участок, что я купил. Мама, бедная мама и маленький Руди.

Могильщики взялись за лопаты, сбрасывать тяжёлые комья глины на гроб. М-р Цвейт отвернул лицо. А если он был жив всё это время? Ффу! Чтоб тебе, это было б ужасно. Нет, нет: мёртв, конечно. Конечно, он мёртв. Умер в понедельник. Надо б им завести какой-то закон, прокалывать сердце, чтоб наверняка, или электроударом, или телефон в гроб и какую-нибудь воздуховодную трубку. Флаг скорби. Три дня. Довольно долго их маринуют по летнему времени. Куда вернее избавляться сразу же, как убедишься что уже готов.

Глина ссыпалась мягче. Начало забвения. С глаз долой, из сердца вон.

Смотритель отодвинулся на пару шагов и одел шляпу. Хватит с него. Провожающие набрались храбрости покрыться, неприметно, один за другим. М-р Цвейт одел свою шляпу и увидел, что дебелая фигура проворно движется в лабиринте могил. Спокойный, уверенный в своём пути, пересекал он поля скорби.

Гайнс что-то чиркал в своём блокноте. А, имена. Ну, моё-то он знает. Нет: направился ко мне.

– Я записываю имена,– сказал Гайнс приглушенно. Какое у вас христианское имя. Точно не помню.

– Л,– сказал Цвейт.– Леопольд. И вписали б вы ещё М'Коя. Он меня просил.

– Чарли,– сказал Гайнс, записывая.– Знаю. Он одно время был в НЕЗАВИСИМОМ.

Да был, пока не получил работёнку в морге у Луи Бирна. Отличная идея лекарей, призводить вскрытия. Доколупаться до всего, на что хватит соображения. Он скончался от Вторника. Смылся. Слинял с

наличностью за пару объявлений. Чарли-душка. Потому-то через меня. Ну, ладно, вреда не будет. Я позаботился, М'Кой. Благодарю, старина: весьма обязан. Оставим его обязанным: не в убыток.

– И скажите вот ещё что,– сказал Гайнс,– энаком вам этот в, тот что был тут в...

– Да, я видел, тот что напялил макинтош,– сказал м-р Цвейт.– Куда он подевался?

– М'Интош,– проговорил Гайнс записывая.– Не знаю его. А как по имени?

Он отошёл, посматривая по сторонам.

– Нет,– начал м-р Цвейт, оборачиваясь, и осёкся.– Эй, Гайнс!

Не слышит. Что? А тот-то куда пропал? Бесследно. Ну, знаете, такого я ещё. Хоть кто-нибудь тут видел? К-е-два-эл. Стал невидимкой. Господи-Боже, куда он провалился?

Седьмой могильщик подошёл к м-ру Цвейту забрать бездельную лопату.

– О, извините.

Он поспешно отшагнул.

Глина, коричневая, влажная, завиднелась в яме. Подымалась. Почти готово. Горбок влажных комьев поднялся, подрос ещё, и могильщики упокоили свои лопаты. Все снова сняли на пару секунд. Мальчик прислонил свой венок на углу: шурин свой на кучу. Могильщики одели кепки и понесли свои изземлённые лопаты к тележке. Там постукали штыками о дёрн: чисто. Один наклонился выдернуть забившийся к черенку пучок длинной травы. Другой, покинув напарников, медленно зашагал, вскинутое на плечо орудие сизо поблескивало штыком. Молча, в могилоизголовьи, ещё один сматывал подгробную верёвку. Его пуповина. Шурин, отвернувшись, что-то вложил в его свободную руку. Безмолвная благодарность. Сочувствую, сэр: жалко. Кивок. Такое дело. Это вам.

Провожающие отходили медленно, без цели; окольными тропками, приостанавливаясь прочесть имя на каком-нибудь из надгробий.

– Завернём к могиле вождя,– сказал Гайнс.– Времени у нас хватает.

– Пошли,–согласился м-р Повер.

Они свернули направо, следуя своим замедленным думам. Опустошённый благоговением, голос м-ра Повера произнёс:

– Некоторые говорят, его вовсе нет в той могиле. Что гроб был набит камнями. И однажды он ещё вернется.

Гайнс покачал головой.

– Парнел уж никогда не возвратиться. И там лежит всё, что было в нём смертного. Мир праху его.

М-р Цвейт шёл, незамеченный, своей аллеей мимо скорбящих ангелов, крестов, растресканных обелисков, семейных склепов, каменные надежды с мольбою подъявшие очи. Староирландские сердца и руки. Уж лучше б тратили на какую-нибудь благотворительность для живых. Молимся за упокой души. Неужто кто и вправду? Зарыли и вся недолга. Как ссыпают шлак в отвал. Потом слепят в одну кучу, съэкономить время. День поминовения душ всех усопших. Двадцать седьмого проведаю его могилу. Десять шиллингов садовнику. Чистит от сорняков. И сам уже старик. Перегнувшись пополам стрижет ножницами. На пороге смерти. Ушёл. Покинул жизнь. Будто это по собственному почину. Откинулись, все они. Дуба врезали. Куда интересней, если б указывалось кем они были. Такой-то имярек, колёсник. Я был разъездным продавцом линолиума. Я был банкротом, пять шиллингов за фунт. Или женщина с тарелкой. Я готовила отличное жаркое по-ирландски. Восхваление на деревенском кладбище, есть такое стихотворение не то у Вордсворта, не то у Томаса Кемпбелла. Отошёл в упокоение, говорят протестанты. Старый доктор Мюррен. Великий врачеватель призвал его домой. Что ж, для них всё Божья нива. Милая дачка. Свежеоштукатурена и побелена. Идеальное место спокойно покурить и почитать ЦЕРКОВНЫЕ ВЕСТИ. Почему-то не пытаются делать объявления о браке покрасивее. На выступах висели изъеденные ржавчиной венки, гирлянды бронзовой фольги.

Лучшее, в продаже. Всё же цветы поэтичнее. А эти порядком надоедают, никогда не увядая. Ничего не выражают. Бессмертники.

Птица сидела на ветви тополя как прирученная. Похожа на чучело. Как тот свадебный подарок нам от олдермена Хупера. Кыш! И ухом не ведёт. Знает, что рогаток тут нет, не сшибут. Сдохших животных жалче. Милая Милли хоронила птичку в коробке от кухонных спичек, веночек сплела из фиалок, и кусочки разбитого фарфора на могилку.

А это сердце Спасителя: предъявлено. Про дураков говорят, носит сердце на рукаве. Если чуть развернуть и выкрасить красным будет как настоящее. Ирландия верна или что там насимволизировали. Вид у него не слишком довольный. На кой мне такое. Будут птицы слетаться, клевать, как мальчик с корзиной плодов, но он сказал нет пусть бояться мальчика. Аполлон это был.

Ох, сколько ж их тут! И все ходили когда-то по Дублину. Ушли с верой. И мы такими, как ты сейчас, когда-то были.

А иначе разве всех упомнишь? Глаза, походку, голос. Ну, голос, да: граммофон. Иметь граммофон при каждой могиле, или держать дома. После обеда по воскресеньям. Поставь-ка старого беднягу прапрадедушку. Кхраакха! Привепривеприве жаснорад кхраак жаснорад опять привеприве жаснора чизкш. Напомнит голос, как фотография лицо. А то ведь лет через пятнадцать лица не вспомнить. Кого например? Например, того малого, что умер, когда я работал у Виздома Хелиса.

Ртстрстр! Цокнул камешек. Постой-ка.

Он внимательно посмотрел вниз в каменную нишу. Какая-то тварь. Погоди. Лезет.

Разжирелая серая крыса семенила вдоль стенки ниши, задевая камушки. Давний клиент: празапрадедушка: знает ходы-выходы. Серая тварь живо метнулась под блок постамента, ввилась под него. Хороший тайник для клада. Кто тут проживает? Покоятся останки Роберта Эмери. А Роберта Эммета хоронили тут при свете факелов, верно? Обходит владенья.

Хвост уже втянулся.

Кто-то из ихней братии очень скоро управится и со свежеусопшим. Обгложут кости хоть кому. Для них это просто мясо. Ну, а что такое сыр? Труп молока. Я читал в ПОЕЗДКАХ ПО КИТАЮ, что, по мнению китайцев, от белых людей исходит трупный запах. Кремация лучше. Попы насмерть против. Конкурирующая фирма. Оптовые партии мусоросжигателей и торговцы голладскими печками. Во время чумы. Ямы с известью, чтоб их разъедала. Камеры смерти. Пепел к пеплу. Или ещё хоронят в море. Где там у персов Башня Молчания? Птицам на пропитание. Земля, огонь, вода. Утонуть, говорят, самая легкая. Видишь всю свою жизнь мгновенно. Но обратно в жизнь не вынырнуть. Не получается хоронить в воздухе однако. Из летательного аппарата. Интересно, разносится ли весть, когда опустят новенького. Подпольная связь. Мы этому от них научились. Меня б не удивило. Имеют регулярное питание. Мухи являются прежде, чем умрёт как следует. Учуяли Дигнама. Вонь им нипочём. Солебледная слоёная масса трупа: запашок и вкус как у белых сырых турнепсов.

Впереди заблестели ворота. Возвращение в мир живых. Хватит с нас. Всякий раз приближает тебя к. Последний раз я был тут на похоронах м-с Синико. Ещё бедного папы. Смертоносная любовь. А случается раскапывают ночью с фонарем, я читал о таком, добраться до свежезарытых покойниц, и столбняк бывает от могильных царапин. После такого аж мурашки. Я явлюсь тебе после смерти. Как умру, повстречаешь моё привидение. Призрак будет преследовать тебя после моей кончины. Есть ещё один свет после смерти, называется ад. Как прикажешь понимать твой тот свет, написала она. Мне он тоже ни к чему. Есть немало ещё чего повидать, услышать, почувствовать. Ощущать тёплое существо рядом. А они пусть спят в своих червивых постелях. Меня туда не манит. Тёплые постели: тёплая полнокровная жизнь.

Мартин Канинхем выплыл из боковой аллеи в скорбном собеседовании.

Адвокат, по-моему. Знакомое лицо. Ментон. Джон Генри, адвокат, специализируется на векселях и расписках. Дигнам был в его конторе. А давным-давно у Мэта Дилона. Оживлённые вечеринки у весельчака Мэта. Холодная дичь, сигары, бокалы Тантала. Право, золотое сердце. Да, Ментон. Выложил свой платок в тот вечер как играли в шары, потому что я вкатил ему. Чистая случайность, мне повезло: шар неровный. Оттого-то и засела в нём неприязнь. Ненависть с первого взгляда. Молли и Флоя Дилон под руку у сирени, смеялись. Мужчинам хуже чем острый нож, если такое да при дамах.

Шляпа сбоку примялась. В экипаже наверно.

– Извините, сэр,– сказал м-р Цвейт рядом с ними.

Они остановились.

– У вас на шляпе вмятинка,– сказал м-р Цвейт, указывая.

Джон Генри Ментон замер на секунду-другую, уставившись на него.

– Вот тут,– помог Мартин Канинхем, тоже показывая.

Джон Генри Ментон снял котелок, выровнял вдавленность и заботливо пригладил ворс о рукав пиджака. Нахлобучил шляпу обратно.

– Теперь порядок,– сказал Мартин Канинхем.

Джон Генри Ментон дёрнул головой книзу, в знак признательности.

– Благодарю,– сказал он кратко.

Они пошли к воротам. М-р Цвейт понурившись приотстал на несколько шагов, чтоб не слышать. Мартин баки забивает. Такого твердолобого он вокруг пальца окрутит, тот даже и не поймёт.

Глаза как устрицы. Да пусть его. Может потом разозлится, если дойдёт. Но раунд за мной.

Благодарю. Какие мы великодушные сегодня поутру!

* * *

В СЕРДЦЕ ИРЛАНДСКОГО ГРАДА

Перед столпом Нельсона трамваи тормозили, поворачивали, меняли маршруты. Отправлялись к Блекроку, Кингстону и в Далки. На Ратгар, Клонскей, к Тёрну, к Палмерстон-Парку и Верхнему Рэтмайну, к Ринсенду и Сандимот-Тауэр. К Гарольд-Кросс.

Хриплогласый диспетчер Трамвайной Компании Дублина отрявкивал их:

– Ратгар и Тёрн!

– Пошел, Сандимот-Грин!

Слева и справа, параллельно, звеня и бряцая, двухъярусный и одноярусный катили по рельсам, сворачивали на нижнюю линию, скользили параллельно.

– Отправленье, Палмерстон-Парк!

ВЕНЦЕНОСЦЫ

У крыльца главного почтампта чистильщики зазывали и ваксили. Запаркованные в улице Норт-Принс алые почтовые автомобили Его Величества с королевскими инициалами на бортах, К. Э., гулко принимали швырки мешков с письмами, открытками, почтовыми карточками, посылками, застрахованными и оплаченными, для местной, британской и заморской доставки.

ДЖЕНТЕЛЬМЕНЫ ПРЕССЫ

Грузчики в громоздких ботинках выкатывали гулко погромыхивающие бочки из складов Принца и вбухивали их на телегу. О телегу бухали гулко погромыхивающие бочки, выкаченные из складов Принца грузчиками в громоздких ботинках.

– Вот оно,– сказал Ред Мюрей.– Александр Ключчи.

– Вырежьте для меня, пожалуйста,– сказал м-р Цвейт.– Отнесу в редакцию ТЕЛЕГРАФА.

Снова скрипнула дверь кабинета Ратледжа. Дейви Стефенс, почти карлик из-за непомерной накидки, в кудряшках увенчанных фетровой шляпой, вышел со свитком бумаг под мышкой, королевский курьер.

Длинные ножницы Реда Мюрея выхватили объявление из газеты четырьмя чёткими взмахами. Клей и ножницы.

– Я пройду через типографию,– сказал м-р Цвейт, поднимая вырезанный квадрат.

– Ну, а если захочет,– без обиняков сказал Ред Мюрей (с торчащей из-за уха ручкой),– мы тоже можем поместить.

– Хорошо,– сказал м-р Цвейт.– Доведу до сведения.

Мы.

ВИЛЬЯМ БРЕЙДЕН, ДВОРЯНИН ИЗ ОКЛЕНДА, САНДИМОНТ

Ред Мюрей коснулся ножницами предплечья м-ра Цвейта и прошептал:

– Брейден.

М-р Цвейт обернулся и увидел, как сторож в ливрее поднял свою фуражку с буквами к величавому шествию дородного тела меж газетных досок НЕЗАВИСИМЫЙ И НАРОДНАЯ ПРЕССА и ЖУРНАЛ НЕЗАВИСИМОГО И НАРОДНОЙ ПРЕССЫ. Глухогрохотливые бочки с Гинесским. Оно церемонно взошло по лестнице, выруливая зонтом, величавое брадообрамлённое лицо. Сюртучная спина подчёркивала каждый шаг: так. Все его мозги умещаются в шейном позвонке, говорит Саймон Дедалус. Напластования плоти покрывали его тыл. Жировые складки на шее, жир шеи по жиру шеи.

– Правда же, у него лицо как у Спасителя нашего?– шепотнул Ред Мюрей.

Дверь кабинета Ратледжа просипела: ии: крии. Вечно сделают дверь напротив двери, чтоб сквозняк. Ввеялся. Отвеялся.

Спаситель наш: брадообрамлённый овал лица: сумерничает с Марией, Мартой. Выруливает зонтом-мечом на площадку лестницы: тенор Марио.

– Или как у Марио,– сказал м-р Цвейт.

– Да,–согласился Ред Мюрей.– Но, говорят, Марио был прям-таки копией Спасителя.

Исус Марио с румянами на щеках, камзол и ноги-спички. Рука на сердце. В опере МАРТА.

При-иди утраченная,
При-и-ди, о, дорогая.

ПОСОХ И ПЕРО

– Их преподобие дважды звонили сегодня утром,– чинопочтительно сказал Ред Мюрей.

Они смотрели как колени, щиколотки, туфли исчезают. Жир.

Разносчик телеграмм резко вшагал, обронил конверт на стойку и вышагал со словами:

– В НЕЗАВИСИМЫЙ!

М-р Цвейт раздельно выговорил:

– Что ж, он тоже один из наших спасителей.

Тихая улыбка теплилась ему вслед, пока приподымал доску дверцы в стойке, проходил через боковую дверь и спускался с тёплых тёмных ступеней, в коридор, вдоль содрогающейся фанерной перегородки. Вот только спасет ли он тираж? Рокот, рокот.

Он толкнул остеклённую дверь-вертушку, вошёл и зашагал по навалу обёрточной бумаги, направляясь по проходу между грохочущих валов к кабинету метранпажа Наннети.

С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕМ О КОНЧИНЕ ПОЧТЕННОГО ДУБЛИНЦА

Гайнс тоже здесь: отчёт о похоронах, наверно. Сегодня утром останки покойного м-ра Патрика Дигнама. Станки. Разнесут человека на атомы, если втянут. Нынче правят миром. Его механизмы тоже

уже пошли вразнос. Как у вывинченного из употребления: забраживаются. Сработалось – выдрать. А та старая серая крысина продирается к нему.

ГОТОВИТСЯ ВЫПУСК ВЕЛИКОГО ЕЖЕДНЕВНОГО ОРГАНА

М-р Цвейт остановился позади сухощавого тела метранпажа, любуясь блеском темени.

Странно, он никогда не съездит на родину. Ирландия моя родина. Член клуба выпускников колледжа. Расцвечивает будничную серость чем придётся. Покупают только ради рекламы да перепечатанных статей, а не ради застойных официальных новостей в передовице. Королева Анна скончалась. Опубликовано властями в году одна тысяча. Выделены наделы в городских землях Рознэлиса, баронетства Тиначинч. Для всех заинтересованных лиц, график-диаграмма показателей оборота количества мулов и вьючных лошадей, экспортируемых из Баллины. Заметки о природе. Карикатуры. Еженедельная повесть Фила Блейка про Пат и Буля. Страница дядюшки Тоби для малышат. Вопросы деревенских простофиль. Дорогой м-р Редактор, какое есть средство для испускания газов? Работёнка как раз по мне. Многое узнаёшь, научая других. Сугубо интимные заметки М. А. Р. Главным образом в картинках. Фигуристые пляжницы на золотом песке. Самый большой в мире воздушный шар. Празднование двойной свадьбы двух сестёр-близняшек. Оба жениха ухохатываюся друг над другом. Капрани тоже, наборщик. Поирландистее чистопородных ирландцев.

Станки выстукивают в ритме вальса, три четверти. Тах, тах, тах. А вдруг его тут хватит паралич и никто не будет знать как их остановить, так и продолжат тарахтеть всё про одно и то же, одно и то же, печатать и печатать, вдоль и поперек, сверху донизу, снизу доверху. Распротяпляпают всё напрочь. Нужна холодная голова.

– Значит, это в вечерний выпуск, господин советник,– сказал Гайнс.

Скоро будет называть его господином мэром. Говорят Длинный Джон его проталкивает.

метранпаж, не отвечая, чиркнул отметку на углу листа и сделал знак наборщику. Молча протянул лист поверх заляпанного стекла перегородки.

– Хорошо, благодарю вас,– сказал Гайнс отчаливая.

М-р Цвейт стоял на его пути.

– Если хотите получить, кассир вот-вот уйдёт на перерыв,– сказал он, указывая большим пальцем через плечо.

– А вы уже?– спросил Гайнс.

– Гм,– сказал м-р Цвейт.– Наддайте и ещё поймаете.

– Благодарю, старина,– проговорил Гайнс.– Уж я его выдою.

Он резво двинулся к ЖУРНАЛУ НЕЗАВИСИМОГО.

Я одолжил ему три у Мигера. Три недели. Третий намёк.

МЫ СТАЛИ СВИДЕТЕЛЯМИ РАБОТЫ РЕКЛАМНОГО АГЕНТА

М-р Цвейт положил свою вырезку на стол м-ра Наннети.

– Извините, советник,– сказал он.– Вот реклама, взгляните. От Ключчи, помните?

М-р Наннети присмотрелся к вырезке и кивнул.

– Он хочет в июльский номер,– сказал м-р Цвейт. Не слышит. Наннам. Железные нервы.

метранпаж потянулся к ней карандашом.

– Минутку,– сказал м-р Цвейт.– Он внёс изменение. Ключчи этот. Хочет, чтоб сверху была пара ключей.

Чертовски грохочут. Может ему понятно о чём я.

метранпаж терпеливо развернулся выслушать и, приподняв локоть, принялся медленно скрести подмышку своего шерстяного пиджака.

– Примерно так,– сказал м-р Цвейт, скрестив указательные пальцы над вырезкой.

Пусть ему дойдёт как надо.

М-р Цвейт скосил глаза от сооружённого им креста на землистое лицо метранпажа, должно быть малость желтушный, на фоне послушливых валов, что раскручивали громадные рулоны бумаги. Та-тах. Та-тах. Отматывают милями. А что с ней потом? О, мясо заворачивают, свёртки всякие: масса применений, тысяча и один способ.

Успевая вставлять свои слова в паузы тарахтенья, он быстро набрасывал над исцарапанным столом.

ЗАВЕДЕНИЕ КЛЮЧ(Ч)И

– Таким вот образом. Здесь пара ключей крест-накрест. Круг. А пониже имя, Александр Ключчи, торговля чаем, вином и спиртными. И так далее.

Лучше не учить его его делу.

– Вы же понимаете, советник, что ему надо. А сверху жирным: наш ключ. Понятно? Ну, как идея?

метранпаж перевёл свою почесывающую руку к нижним ребрам и там тоже слегка поскрёб.

– Вся соль,– сказал м-р Цвейт,– в этих ключах. Вы же понимаете, советник, эмблема парламента острова Мэн. Намёк на самоуправление. Туристы, знаете, с острова Мэн. Притягивает, знаете, глаз. Ну, как – получится?

Я бы мог его, наверно, спросить как произносится это *voglio*. Но если не знает ему будет неловко. Не стоит.

– Это можно,– сказал метранпаж.– Картинка при вас?

– Могу принести,– сказал м-р Цвейт.– У него была такая же в газете Килкени. Он и там держал заведение. Я выйду спрошу его. Вы знаете как это сделать. И ещё небольшой абзац, привлечь внимание. Как обычно, знаете. Лицензированное заведение высшего класса. Давно назревшая потребность. И так далее.

метранпаж на секунду задумался.

– Это можно,– сказал он.– Пусть закажет повтор рекламы на три месяца.

Наборщик принёс ему сигнальный экземпляр страницы. Он молча начал проверять. М-р Цвейт стоял рядом, слушая гулкий пульс шатунов, взглядывая на молчаливых наборщиков над их ящиками.

ОБ ОРФОГРАФИИ

Надо твёрдо знать орфографию. Кристалл, искусство. Мартин Канинхем забыл нам поутру выдать свои каламбурчики. Накали булавку, наколи козявку, на, коли охота. Вот ведь чушь. Мыл и он миллион. Клад бы ещё найти, на кладбище.

Теперь симметрично, я мог бы ему сказать, когда он нахлобучил свою. Благодарю. Надо было б ввернуть что-нибудь насчёт старой шляпы или ещё чего. Нет. Сказал бы так. Вот, теперь как новенькая. Посмотреть потом на его рожу.

Сллт. Ближайший станок выплюхнул с сллт первую кипу газет сложенных вчетверо. Сллт. Почти по человечьи он сллт призывал внимание. Прямо-таки вот-вот заговорит. Та дверь тоже сллт своим скрипом, прося притянуть плотнее. Всякая всячина, по своему, говорит. Сллт.

ЗАМЕТКИ ИЗВЕСТНОГО СЛУЖИТЕЛЯ ЦЕРКВИ

метранпаж вдруг передал сигнальную страницу обратно, сказав:

– Погоди. Где письмо архиепископа? Должно было быть в ТЕЛЕГРАФЕ. Где как там его?

Он повёл взглядом вокруг себя по своим гулким бессловесным станкам.

– Монкс, сэр?– спросил голос от наборного ящика.

– Ага. Где Монкс?

М-р Цвейт поднял свою вырезку. Пора на выход.

– Значит, я найду картинку, м-р Наннети,– сказал он,– а вы разместите на хорошем месте, я знаю.

– Монкс!

– Да, сэр.

Три месяца повтора. Хочет сперва меня осадить. Посмотрим. Разместить в августе: надо будет втолковать: месяц конной выставки. Болсбридж. Туристы съедутся.

ОТЕЦ НОВОСТЕЙ

Он прошёл через зал наборщиков, минуя старика, ссутуленого, очкастого, зафартученого. Старый Монкс, родитель новостей. Сколько всего пропустил через руки за свою жизнь: извещения о смерти, реклама забегаловок, речи, бракоразводные процессы, найденные утопленники. Теперь его строка-верёвочка подходит к концу. Трезв, серьёзен, малость отложено в сберегательном банке, по-моему. Жена хорошая кухарка и уборщица. Дочка выстукивает на машинке в приёмной. Неказиста, но дело знает.

МАГИЯ ПРЕВРАЩЕНИЙ

По пути он приостановился посмотреть как наборщик аккуратно раскладывает шрифт. Сначала прочитывает задом-наперед. Ловко у него получается. Тут надо руку набить. мангиД. киртаП. Бедный папа читал свой талмуд задом-наперёд, водя пальцем, чтоб я следил. Исход. Через год в Ерусалиме. Милый, О, милый! Вся эта долгая история, что вывела нас из земли египетской в дом рабства – аллелуя. ШЕМА ИЗРАЕЛ АДОНАИ ЭЛОХЕНУ. Нет, это другая. Потом двенадцать братьев, сыны Иакова. А ещё ягнёнок и кот, и пёс, и палка, и вода, и мясник, потом ангел смерти убивает мясника, и убивает быка, и пёс убивает кота. Звучит малость глупо, покуда не разберёшься как следует. Это означает справедливость, но получается, что все пожирают друг друга. Что, вобщем-то, и есть жизнь. До чего ловко он их раскладывает. Практика выводит в мастера. Пальцы словно сами видят.

М-р Цвейт вышел из гремящего шума по галерее на площадку. А теперь? Съездить к нему трамваем? Лучше сперва позвонить. Номер? Такой же как у дома Цитрона. Двадцать восемь. Двадцать

восемь и две четверки.

И СНОВА О МЫЛЕ

Он шёл вниз по лестнице. Кой дьявол исчеркал тут все стены спичками? Как будто на спор. И в этих типографиях воздух всегда такой спёртый, жирный. Тепловатый клейстер у Томса по-соседству, когда я заходил.

Он достал свой носовой платок высморкаться. Лимоном? Ах, да я ж туда мыло. Переложу из этого кармана. Засунув платок обратно, он вытащил мыло и перепрятал, застегнул в заднем кармане брюк.

Какие у твоей жены духи. Я ещё мог бы зайти домой: трамвай: забыл что-то. Увидеть как наряжается. Нет. Сам знаешь. Нет.

Резкий всплеск хохота донёсся из конторы ВЕЧЕРНЕГО ТЕЛЕГРАФА. Знаю кто. А что такого? Заскочил на минутку позвонить. Нед Ламберт, вот кто.

Он неслышно вошёл.

ИРЛАНДИЯ, ИЗУМРУД В СЕРЕБРЯНОМ МОРЕ

– Явление призрака,– мякушно бормотнул профессор Макью пыльному стеклу окна. М-р Дедалус, от пустого камина обратив насмешливое лицо к Неду Ламберту, желчно выговорил:

– Муки Христовы, да с такого и на жопу икота нападёт.

Нед Ламберт, сидя на столе, продолжил чтение:

– *А посмотрите на извивы журчащего ручейка, что бежит, пенясь, взапуски с нежнейшим зефиром, а местами одолевая скалы, что преграждают ему путь к сумятице вод синего нептунова царства, и он то искрится под блеском яркого солнца, то устремляется в тень, ниспосланную на его задумчивую грудь лиственым сводом лесных великанов*.

– Ну, как, Саймон?– спросил он поверх края газеты.– Это ли не высокий стиль?

– Хлебнул из следующей бутылки,– отозвался м-р Дедалус.

Нед Ламберт, со смехом, хлеснул газетой по своим коленям, повторяя:

– Задастая грудь листвястых сводов. Это же надо!

– А Ксенофонт глядел на Марафона,– сказал м-р Дедалус, снова взглядывая на камин и на окно,– а Марафон глядел на море.

– Довольнорикнул профессор Макью от окна.– Не желаю больше слышать эту галиматью.

Он доел горбушку хлебца, который пощипывал держа в руках и, изголодалый, приготовил ещё кусочек.

Словесный понос высоким штилем. Мочепенистым. А Нед Ламберт, как видно, устроил себе выходной. Похороны выбивают человека из ежедневной колеи. Говорят, он пользуется влиянием. Старый Чатертон, вице-канцлер, ему внучатый дядя, или пра-прадядя. Под девяносто, говорят. Для ожидающего наследство, излишнее, пожалуй, долголетие. Живёт на зло. Нет, пусть сперва сам туда отправится. Подвинься, Джонни, дядя ляжет. Их честь Хеджес Айрон Чатертон. Наверное, выписывает ему чек-другой в шквалистые дни. Жареный голубь по ветру. Аллилуя.

– следующая спазма,– сказал Нед Ламберт.

– Что это?– спросил м-р Цвейт.

– Недавно отрытый фрагмент из Цицерона,– ответил профессор Макью напыщенным тоном. *КАК ПРЕКРАСНА НАША ЗЕМЛЯ.*

КРАТКО, НО В ТОЧКУ

– Чья земля?– простовато спросил м-р Цвейт.

– Вопрос в самую точку,– произнёс профессор, перемежая слова жевками бисквита.– С ударением на "чья".

– Земля Дэна Тесона,– ответил м-р Дедалус.

– Это его вчерашняя речь?– спросил м-р Цвейт.

Нед Ламберт кивнул.

– А вы ещё это послушайте,– сказал он.

Дверь, от толчка снаружи, стукнула ручкой в поясницу м-ра Цвейта.

– Прошу прощения,– сказал Дж. Дж. О'Моллой, входя.

М-р Цвейт поспешно отступил.

– Это вы извините,– сказал он.

– День добрый, Джек.

– Заходи. Заходи.

– Как дела, Дедалус?

– Хорошо. А у самого?

Дж. Дж. О'Моллой покачал головой.

ЖАЛЬ

А был самым одарённым из начинающих адвокатов. Пошёл вразнос бедняга. Человеку с таким горячечным румянцем, считай, капут. Клиенты к таким не идут. Денежные затруднения.

– *Или же, если мы взберёмся на гряду горных пиков.*

– Отлично выглядишь.

– Редактора можно повидать?– спросил Дж. Дж. О'Моллой, взглядывая на внутреннюю дверь.

– Ещё как можно,– сказал профессор Макью.– И повидать, и послыхать. Он в своём святилище с Ленионом.

Дж. Дж. О'Моллой прошёл к наклонному столу и начал листать розовые страницы подшивки. Практика тает. Несостоявшийся. Теряет надежду. Играет. Долги чести. Пожнёт бурю. Хорошие получал авансы от Д. и Т. Фицджеральд. Эти их судейские парики, демонстрация своего серого вещества. Носят мозги на рукаве, как статуя на кладбище. Кажется, пописывает для ЭКСПРЕССА с Габриелем Конроем. Начитанный малый. Майлз Крофорд начинал в НЕЗАВИСИМОМ. Забавно, как эти газетчики выкручиваются, зачуяв новый поворот. Флюгерки. Нашим и вашим. Чему только и верить. Распишут – всё отлично, пока не получишь следующий номер. Выплескивают в газетах грязь друг другу на лысины, чтоб тут же и замять. Охаят, а через минуту превозносят как героя.

– Да вы только послушайте, ради Бога,– взмолился Нед Ламберт.– *Или же, если мы взберёмся на гряду горных пиков…*

– Ну, вздул!– попытался прервать профессор.– Хватит с нас этого раздутого пузыря.

– *Где горы,* – продолжал Нед Ламберт,– *вздымаются выше и выше, дабы омыть душу нашу...*

– Омыть глотку свою,– сказал м-р Дедалус.– Боже, благой и вечный! А? Неужто он за это ещё и берёт что-то?

– *...бесподобной панорамой ирландских ландшафтов, которым равных не найти в иных, безмерно восхваляемых регионах, ведь только тут среди несравнимой прелести кудрявых рощиц на волнистой равнине и сочно-зелёных пастбищ погружёных в неразгаданно прозрачное мерцание наших мягких таинственных ирландских сумерек...*

ЕГО РОДНОЙ – ДОРИЙСКИЙ

– Луна,– сказал профессор Макью.– Он забыл Гамлета.

– *...что окутывают простор, вдаль и вширь, в ожидании покуда светоносный шар луны заблестит, изливая серебристый поток своего сияния...*

– О!– воскликнул м-р Дедалус, испуская стон отчаяния.– Дерьмо луковое! Хватит, Нед. Жизнь слишком коротка.

Он снял свой шёлковый цилиндр и, непримиримо раздувая кустистые усы, прогрёб-пригладил пальцами причёску.

Нед Ламберт отшвырнул газету, хихикая от восторга. Секундой позже хриплый лай смеха взорвался на небритом чёрноочковом лице профессора Макью.

– Тесон-тесто!– воскликнул он.

КАК ГОВОРИЛ ВЕЗЕРАП

Теперь зубоскальничай сколько влезет над холодным шрифтом, но эту дребедень расхватывают, как горячие пирожки. Он ведь, кажется, и был по пекарской части. Оттого и прозвали Тесон-тесто. Но гнёздышко своё мягко выстелил. Дочка обручена с тем малым из налогового управления, с автомотором. Классически прищучили.

Открытый дом, увеселения. Большое празднество. Везерап всегда говорил. Их ловят за желудок.

Внутренняя дверь порывисто распахнулась и оттуда высунулось пунцовое клювастое лицо увенчанное хохолком перистых волос. Отважные синие глаза уставились на них и хриплый голос вопросил:

– Что тут такое?

– А вот и сам фиктивный дворянин,– церемонно произнёс профессор Макью.

– А пошёл ты, старый распропедагог!– заметил его редактор.

– Идём, Нед,– сказал м-р Дедалус, надевая шляпу.– После такого я обязан выпить.

– Выпить!– крикнул редактор.– Выпивку не продают до мессы.

– И правильно делают,– сказал м-р Дедалус, выходя.– Пошли, Нед.

Нед Ламберт спешился со стола.

Синие глаза редактора перебежали на лицо м-ра Цвейта отенённое улыбкой.

– Идете с нами, Майлз?– спросил Нед Ламберт.

ВСПОМИНАЯ О СЛАВНЫХ БИТВАХ

– Ополченцы Северного Корка!– воскликнул редактор, печатая шаг к каминной доске.– Мы всегда побеждали! Северный Корк и испанские офицеры!

– Где такое было, Майлз?– спросил Нед Ламберт с раздумчивым взглядом на носки своих ботинок.

– В Огайо!– проорал редактор.

– Да-да, ей-бо,–согласился Нед Ламберт. Выходя, он прошептал Дж. Дж. О'Моллою:

– Заскоки в начальной стадии. Печальный случай.

– Огайо!– испустил клекочущее тремоло редактор из своего запрокинутого пунцового лица.– Мой Огайо!

– Пример критской стопы!– сказал профессор.– Долгий, краткий и долгий.

О, АРФА ЭОЛА

Он достал моточек зубной нити из своего жилетного кармана и, оторвав кусочек, ловко дзенькнул о свои гулкие нечищенные зубы.

– Диньдон, дондон.

М-р Цвейт, видя что путь свободен, двинулся ко внутренней двери.

– На минутку, м-р Крофорд,– сказал он.– Мне только позвонить насчёт рекламы.

Он зашёл.

– Как там передовица в сегодняшний вечерний выпуск?– спросил профессор Макью, подойдя к редактору и опуская крепкую руку на его плечо.

– Будет как надо,– сказал Майлз Крофорд уже спокойнее.– Не тужи. Привет, Джек. Всё в порядке.

– Добрый день, Майлз,– отозвался Дж. Дж. О'Моллой, отпуская страницы, которые держал, скользнуть обратно в подшивку.– Сегодня печатаете про ту канадскую аферу?

Внутри зажужжал телефон.

– Двадцать восемь… Нет, двадцать… Две четверки… Да.

ОПРЕДЕЛЁН ПОБЕДИТЕЛЬ

Лениен вышел из внутреннего кабинета с гранками СПОРТА.

– Кто хочет полный верняк насчёт Золотого Кубка?– спросил он.– Мантия, с жокеем О'Меденом.

Он бросил листки на стол.

Крики босоногих мальчишек-газетчиков в вестибюле прихлынули ближе и дверь распахнулась.

– Чу,– сказал Лениеназдалась поступь.

– Это не я, сэр, большой мальчик втолкнул меня, сэр.

– Вышвырни его и прикрой дверь,– сказал редактор.– Тут сквозняки ураганом.

Лениен начал собирать листки с пола, покряхтывая, сложившись вдвое.

– Ждём спецвыпуск про скачки, сэр,– сказал мальчишка.– Это Пат Фарел втолкнул меня, сэр.

Он показал на пару лиц, заглядывающих из-за дверного косяка.– Вон тот, сэр.

– Пошёл прочь,– отрывисто сказал профессор Макью.

Он подтолкнул мальчишку и захлопнул дверь. Дж. Дж. О'Моллой переворачивал листы подшивки, бормоча, ища:

– Продолжение на странице шесть, четвертая колонка.

– Да… из ВЕЧЕРНЕГО ТЕЛЕГРАФА,– говорил м-р Цвейт по телефону внутреннего кабинета.– А, хозяин? Да, ТЕЛЕГРАФ… Куда?.. Ага! Где аукцион?.. Ага! Ясно… Хорошо. Перехвачу его там.

ПРОИЗОШЛО СТОЛКНОВЕНИЕ

Телефон звякнул отбой и он положил трубку. Входя ускоренным шагом, он ткнулся в Лениена, что распрямлялся со вторым листком.

– *Pardon monsier*,– выговорил Лениен, на секунду ухватившись за него и строя гримасу.

– Это я виноват,– сказал м-р Цвейт, выдерживая захват.– Вы не ушиблись? Я спешу.

– Колено,– сказал Лениен.

Он скорчил рожицу и тонко поскулил, потирая колено.

– Отложение *anno Domini*.

– Простите,– сказал м-р Цвейт.

Он прошёл к двери и, удерживая её нараспах, приостановился. Дж. Дж. О'Моллой перешлёпнул тяжёлые страницы. Спор пары пронзительных голосов, звук губной гармошки, отдавались гулким эхом в голом вестибюле, расходясь от усевшихся на ступенях мальчишек-газетчиков:

Мы, Вексфордские парни,
В бой рвались всей душой

ЦВЕЙТ ОТБЫЛ

– Я только сбегаю на Бачлор-Стрит,– сказал м-р Цвейт,– насчёт этой рекламы Ключчи. Говорят, он пошёл к Дилону.– Секунды две он в нерешительности поглядывал на их лица.

Редактор, который, подперев ладонью голову, прислонился было к каминной доске вдруг широко простёр руку.

– В путь!– сказал он.– Весь мир перед тобою.

– Я мигом,– проговорил м-р Цвейт, спеша за дверь.

Дж. Дж. О'Моллой взял листки из рук Лениена и прочёл, держа их по раздельности, без замечаний.

– Он выбьет эту рекламу,– сказал профессор, глядя сквозь свои чёрнооправные очки поверх занавески.– Полюбуйтесь, эти юные прохвосты рванули за ним галопом.

– Где? Покажь!– воскликнул Лениен, подбегая к окну.

УЛИЧНЫЙ КОРТЕЖ

Оба поулыбались поверх занавески на цепочку мальчишек-газетчиков, вприпрыжку мчавшихся за м-ром Цвейтом, последним выписывал белые зигзаги взвихренный хвост воздушного змея в белых бантиках.

– Увязались поскрёбыши,– сказал Лениен,– умора. О, мой нижний рёбр! Один в один съобезьянничали походку его плоских клешней. Ушлые малявки. На ходу подмётки срежут.

Он прошёлся в карикатурно ускоренной мазурке, шаркая, мимо камина к Дж. Дж. О'Моллою, который вложил листки в его приемлющую руку.

– Что такое?– сказал Майлз Крофорд, вздрогнув.– Куда делись те двое?

– Кто?– спросил, оборачиваясь професор.– Подались в ОВАЛ выпить. Там Пэдди Хупер и Джекоб Холлом. Приехал вчера вечером.

– Так идём же,– сказал Майлз Крофорд.– Где моя шляпа?

Он порывисто прошагал в кабинет, раздвигая разрез пиджака, звякая ключами в заднем кармане. Потом они забряцали в воздухе и

о дерево, покуда запирал ящик своего стола.

– Он уже здорово поддатый,– сказал профессор Макью тихим голосом.

– Кажется, да,– сказал Дж. Дж. О'Моллой, вынимая портсигар, и добубнил задумчиво,– но не всегда бывает так, как кажется. Кому спичек не жалко?

ТРУБКА МИРА

Он предложил профессору сигарету и сам взял одну. Лениен мигом зажёг спичку и поднёс к их сигаретам по очереди.

Дж. Дж. О'Моллой открыл свой портсигар опять и предложил ему.

– Мерсибо,– сказал Лениен, беря.

Редактор вышел из внутреннего кабинета, соломенная шляпа набекренилась поперёк лоб. Устремив палец на профессора Макью, он распевно продекламировал.

Тебя влекли лишь чин и слава,
Империя пленила сердце

Профессор ухмыльнулся, стиснув длинные губы.

– Э? Твоя долбаная древнеримская империя?– сказал Майлз Крофорд.

Он взял сигарету из раскрытого портсигара. Лениен с быстрой грацией поднёс огонёк и проговорил:

– Прошу тишины, есть свеженькая загадка.

– *Imperium romanum*,– произнес Дж. Дж. О'Моллой нежно.– Звучит куда благородней, чем британская. Само слово, почему-то, напоминает сало на огне.

Майлз Крофорд яростно выдул к потолку свою первую затяжку.

– Конечно,– сказал он.– А мы и есть это самое сало. Вы и я как раз и есть это сало на огне. Без малейшего шанса слепить снежок в аду.

ВЕЛИЧИЕ БЫЛОГО РИМА

– Одну минуту,– сказал профессор Макью, взводя две тихие, нацеленые что-то закогтить, ладони.– Не будем обманываться словами, звучанием слов. Помыслим о Риме, имперском, империальном, императивном.

В паузе его красноречивые руки выдвинулись из потёртых засаленных манжет:

– Какой была их цивилизация? Обширной, не спорю: но отвратной. Клоака: выгребные ямы. Евреи, оказавшись в пустыне или на вершине горы, говорили: *вот мы куда попали. Воздвигнем же алтарь Иегове*. А римлянин, как и англичанин, идущий по его стопам, на всякий новый берег, куда только ступала его нога (на нашем он, всё ж таки, не побывал), приносил лишь свою клоакоманию. Он озирался в своей тоге и говорил: *вот мы куда попали. Соорудим же ватер-клозет*.

– И сооружали,– сказал Лениен.– А наши древние предки, как читаем в первой главе у Гинеса, имели склонность к проточному ручью.

– Они были джентельмены от природы,– пробормотал Дж. Дж. О'Моллой.– Но нам осталось римское право.

– И Понтий Пилат, пророк его,– подхватил профессор Макью.

– Знаете анекдот про барона Полза?– спросил Дж. Дж. О'Моллой.– Дело было на банкете королевского университета. Все шло без сучка…

– Сперва моя загадка,– сказал Лениен.– Готовы?

М-р О'Мэден Берк, высокий в просторно-сером твиде, вошел из вестибюля, за ним Стефен Дедалус, снимая шляпу на входе.

– *Entrez, mes enfants!*– воскликнул Лениен.

– Я сопровождаю просителя,– произнес м-р О'Мэден Берк мелодично.– Юность ведомая Опытом посещает Знаменитость.

– Приветствую,– сказал редактор, протягивая руку.– Заходите. Ваш предок только что вышел.

???

Лениен обратился ко всем:

– Тихо! Какую оперу поминают пацаны перед набегом на птичьи гнезда? Подумайте, взвестьте, догадайтесь, ответьте.

Стефен подал странички печатного текста, показывая на заголовок и подпись.

– Кто?– спросил редактор.– Край оборван.

– М-р Гаррет Дизи,– сказал Стефен.

– Этот старый мудозвон,– сказал редактор.– Кто это оторвал? Иль так уж здорово прикрутило?

Промчась на пылающих крыльях
Сквозь ураган и тьму,
Льнет бледный вампир
Ртом к моему рту.

– Добрый день, Стефен,– сказал профессор, подходя заглянуть им через плечи.– Ящур? Ног и рта? Ты увлёкся...

Быколюбивый бард.

– Добрый день, сэр,– ответил Стефен, краснея.– Письмо не моё, м-р Гаррет Дизи просил...

ДЕБОШ В МОДНОМ РЕСТОРАНЕ

– О, я его знаю,– сказал Майлз Крофорд,– и знал его жену. Распродолбанейшая гарпия из всех Господних творений. Христом-Богом клянусь. Вот у кого точно уж был ящур, будьте уверены. Тот вечер, как она швырнула суп в лицо официанту в ЗВЕЗДЕ С ПОДВЯЗКОЙ. Ого!

Женщина принесла грех в этот мир. Из-за Елены, беглой жены Менелая, десять лет греки. О'Рук, князиня Брефни.

– Он вдовец?– спросил Стефен.

– Ага, соломенный,– ответил Майлз Крофорд, пробегая глазами текст.– Императорские кони. Габсбург. Ирландец спас его жизнь на валах Вены. Не забудьте! Максимилиан Карл О'Доннел, граф фон Тирконел Ирландский. Послал наследника, чтоб король стал австрийским фельдмаршалом. Будут ещё неприятности в один прекрасный день. Дикие гуси, эмигранты. Да, всякий раз. Так и знайте.

– Спорный вопрос, поскольку сам он забыл,– тихо произнес Дж. Дж. О'Моллой,– что спасение принцев это работа за "спасибо".

Профессор Макью обернулся к нему.

– А если нет?– спросил он.

– Я расскажу как всё было,– начал Майлз Крофорд.– Однажды, какой-то венгр…

О ДЕЛАХ ОБРЕЧЁННЫХ, УПОМИНАЕТСЯ БЛАГОРОДНЫЙ МАРКИЗ

– Нас всегда отличала преданность безнадёжному делу,– сказал профессор.– Успех, для нас, – смерть интеллекта и воображения. Мы никогда не хранили верность удачливым. Мы только служили им. Я обучаю рублёной латыни. Говорю на языке расы, вершина интеллекта которой выразилась в максиме: время – деньги. Засилье материальности. *Dominus!* Боже! Духовность где? Господи Исусе! Господин Солсбери. Диван в Западном клубе. Но греки!

KYRIE ELEISON!

Светлая улыбка озарила его тёмнооправные глаза, удлинила длинные губы.

– Греки!– произнес он снова.– *Kyrios!* Светозарное слово! Подобных гласных не знают ни семиты, ни саксы. Kyrie! Сиянье разума. Мне бы исповедывать греческий, язык мудрости. *Kyrie eleison!* Ни Столяр-Плотник, ни асенизатор никогда не станут повелителями нашего духа. Вы вассалы католического рыцарства Европы, потопленного у Трафальгара и отнюдь не империи, а

царства духа, что затонуло с афинским флотом у Эгосиотами. Да, да. Пирр, обманувшись оракулом, сделал последнюю попытку вернуть Греции счастье. Храня верность безнадёжному делу.

Он зашагал от них к окну.

– Они выходили на битву,– пасмурно произнес м-р О'Мэден Берк,– но всегда полегали.

– Уву!– рыднул негромко Лениен.– От кирпича заеханного во второй части представления. Бедный, бедный, бедный Пирр!

Потом он прошептал на ухо Стефену:

ЭПИГРАММА ЛЕНИЕНА

А вот Макью наимудрейший,
В очках с оправою чернейшей.
Да только толк-то в них какой?
Если чуть свет – он уж косой!

В трауре по Саллюстию, говорил Малиган. У которого мамаша околела.

Майлз Кроφорд запхал странички в боковой карман.

– Ладно,– сказал он.– Остальное дочитаю после. Всё будет путём.

Лениен протестующе простёр руку.

– Но моя загадка!– сказал он.– Какую оперу поминают шпингалеты перед набегом на птичьи гнёзда?

– Оперу?– сфинксово лицо м-ра О'Мэдена Берка удвоило свою загадочность;

Лениен объявил радостно:

– РОЗА РИМА. Улавливаете? РАЗОРИМ, А? Гы!

Он мягко пихнул в селезёнку м-ра О'Мэдена Берка. Тот с деланым стоном грациозно отшатнулся на свой зонтик:

– Помогите!– выдохнул он.– Мне дурно.

Лениен, приподнявшись на цыпочки, учащённо обмахивал его лицо листками.

Профессор, возвращаясь мимо подшивок, провёл рукой по распущенным галстукам Стефена и м-ра О'Мэдена Берка.

– Париж, прошлое и настоящее,– сказал он.– Вы смахиваете на коммунаров.

– На ребят, что разнесли Бастилию,– сказал Дж. Дж. О'Моллой с тихой насмешкой.– Может это вы двое застрелили генерал-лейтенанта Финляндии? С вас станется. Генерала Бобрикова.

– Наше дело только замышлять,– сказал Стефен.

ПОПУРРИ

– Полный набор талантов,– сказал Майлз Крофорд.– Юриспруденция. Античность.

– Скачки,– ввернул Лениен.

– Литература, пресса.

– Если б Цвейт был тут,– сказал профессор.– Благородное ремесло рекламы.

– А мадам Цвейт,– добавил м-р О'Мэден Берк.– Муза вокализа. Дублинская примадонна.

Лениен громко кашлянул.

– Ахм!– тихонько выговорил он.– О, воздух свежего глотка! Я простудился в парке. Ворота входа были настежь.

ТЕБЕ ПОД СИЛУ

Редактор возложил нервную руку на плечо Стефена.

– Хочу, чтоб ты что-нибудь написал для меня. Да с перцем. Ты это умеешь. Видно по твоему лицу. Лексиконом младости…

По лицу видно. Вижу по твоим глазам. Шельма!

– Ящур!– вскричал редактор с пренебрежением.– Съезд националистов в Борисаноссоре. Чушь собачья! Давление на общественность! Дай им что-нибудь ядрёное. Вставь всех нас туда,

язви его душу! Отца, Сына, Святого Духа и Джейкса Маккарти впридачу.

– Любой из нас годится в пищу для размышлений,– сказал О'Мэден Берк.

Стефен поднял глаза к откровенно неотрывному взору.

– Он вербует вас в свою пресс-банду,– сказал Дж. Дж. О'Моллой

ВСЕГО ПОНЕМНОГУ

– Ты сможешь,– повторил Майлз Крофорд, стиснув его руку со значением.– Погоди. У нас Европа остолбенеет, как говаривал Игнатиус Галахер за биллиардом в "Кларенсе". Галахер, вот это, доложу тебе, журналист. Это перо! Знаешь, как он сделал карьеру? Слушай меня. Случай хитроумнейшей журналисткой сметки. В восемьдесят первом, шестого мая, эпоха непокорённых, убийство в Феникс-парке, ты ещё, по-моему, не родился. Сейчас покажу.

Он протолкнулся мимо них к подшивкам.

– Вот погляди,– сказал он, оборачиваясь.– НЬЮ-ЙОРК ВОРЛД телеграфировал, прося подробностей. Помнишь это время?

Профессор Макью кивнул.

– НЬЮ-ЙОРК ВОРЛД,– продолжил редактор, возбуждённо сбив на затылок соломеное канотье.– Где именно произошло? Про Тима Келли, то есть Кавана, Джо Бреди и остальных. Откуда подъезжал Шкуродёр? Чтоб полный маршрут, понятно?

– Шкуродёр,– сказал м-р О'Мэден Берк.– Фицхаррис. У него, говорят, забегаловка для извозчиков у моста Батт. Холохен мне говорил. Знаете Холохена?

– Который на подхвате у них был?– сказал Майлз Крофорд.

– И бедняга Гамли тоже там, присматривает за камнями корпорации. Ночным сторожем.

Стефен изумленно обернулся.

– Гамли вы сказали?– спросил он.– Друг моего отца?

– Да на хрена тебе тот Гамли,– вскрикнул Майлз Крофорд сердито.– Пусть Гамли смотрит за камнями, чтобы не сбежали. Сюда

послушай. Так что делает Игнатиус Галахер? Я тебе скажу. Гениальная придумка. Сразу телеграфирует. Есть у вас ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК НЕЗАВИСИМОГО от 17 марта? Так. Уловил? Он раскрыл страницы подшивки и уткнул палец.

– Возьмём четвертую страницу, реклама кафе Бренсона, хотя бы. Улавливаешь? Так.

Зазвонил телефон

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

– Я отвечу,– сказал профессор на ходу.

– Б это ворота парка. Отлично.– Его палец метался по странице и ударял букву за буквой, вибрируя.

– Т это резиденция вице-короля, С – место совершения убийства. К – нокмаронские ворота.

Обвислая плоть его шеи тряслась, как петушиная бородка. Плохо крахмаленная манишка подскочила и, резким жестом, он впихнул её в жилет.

– Алло? ВЕЧЕРНИЙ ТЕЛЕГРАФ. Алло? Кто говорит?.. Да... Да... Да.

– От П до З – маршрут, которым проехал Шкуродёр для алиби. Инчкор, Раундон, Винди Арбо, Палмерстон-Парк, Рейнлах. П.Р.О.И.З. Понял? Х это пивная Дэви на Лисон-Стрит.

Професор приблизился к внутренней двери.

– Цвейт у телефона,– сказал он.

– Пошёл он к чёрту, так и передай,– вмиг откликнулся редактор.– Х – пивная Дэви, ясно?

УМНО И ДАЖЕ ОЧЕНЬ

– Умно,– сказал Лениен.– И даже очень.

– Выдай им это на горячей тарелке,– сказал Майлз Крофорд,– всю долбаную историю.

Неотвязный кошмар, от которого никак не могу пробудиться.

– На моих глазах,– сказал редактор гордо.– Я был при этом, Дик Адамс, наидобрейший раздолбанец из всех, в кого Господь когда-

либо вдыхал жизнь, и я.

Лениен поклонился очерченому в воздухе силуэту, возглашая:

– Мадам, я Адам. А на баке кабан.

– История!– орал Майлз Крофорд.– Старуха с Принс-Стрит была первой. Над этим рыдали и скрипели зубами. Всё из одного рекламного объявления. Грегор Грей сделал дизайн. С того и пошла его карьера. Потом Пэдди Хупер взял его в ЗВЕЗДУ. Теперь он у Блюменфельда. Вот где пресса. Вот где талант. Пиатт! Да он всех их заткнул за пояс.

– Отец журнализма ужасов,– подтвердил Лениен,– и шурин Криса Кална.

– Алло?.. Слушаете?.. Да, он ещё здесь. Зайдите сами.

– Где теперь сыщешь таких журналистов, а?– воскликнул редактор. Он захлопнул страницы.

– Увольски дьямно,– сказал Лениен м-ру О'Мэдену Берку.

– Весьма тонко,– ответил м-р О'Мэден Берк.

Профессор Макью вышел из внутреннего кабинета.

– К слову о непокорённых,– сказал он,– вы заметили, что некоторые торговцы сообразительнее правоохранителей...

– О, да,– живо вступил Дж. Дж. О'Моллой.– Леди Дадли проходила домой через парк, чтоб посмотреть на деревья вывороченные тем прошлогодним циклоном и надумала купить вид Дублина. А это оказалось памятной открыткой с Джо Бреди, не то с Номером Один, не то со Шкуродёром. Прямо перед резиденцией вице-короля, представьте себе!

– Измельчали до уровня отдела пуговиц,– сказал Майлз Крофорд.– Фе! Пресса и адвокаты! Да разве среди нынешних найдётся адвокат под стать Вайтсайду, Исааку Ватту, или О'Хагану Серебряный Язык? А? Э, полная хрень. Дешёвка.

Рот его продолжал подергиваться в нервических извивах презрения. Хоть одна захотела бы целовать этот рот? Как знать. Тогда зачем ты это писал?

РИФМЫ И РЕЗОНЫ

Рот, грот. Разве рот это грот? Или грот рот? Может отчасти. Грот, вот, тот, пот, флот. Рифмы: двое в одинаковых одеждах, одинаковы с лица, двое-надвое.

la tua pace
che parlar ti piace
mentreche il vento, come fa, si tace

Ему они виделись троицами, приближающимися девами, в зелёном, розовом, бордовом, *per l'aere perso*, в сиреневом, фиалковом, *quella pasifica oriflamma*, в червлено-золотом, *di rimirar fe pui ardenti*. А у меня старцы, полны раскаяния, свинцом налиты мощи, под мракотьмою нощи: рот грот: муть грудь.

– Защищайтесь,– сказал м-р О'Мэден Берк.

СГОДИТСЯ ДЛЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ НУЖД

Дж. Дж. О'Моллой, бледно улыбаясь, принял вызов.

– Достолюбезный Майлз,– сказал он отбрасывая сигарету,– вы возвели ложное строение на моих словах. Я не выступаю, как только что тут советовали, в защиту третьей власти, *qua* власти, однако, вас занесло на ваших ирландских ногах. Отчего ж тогда не вспомнить Генри Гратена и Флада и Демосфена и Эдмунда Берка? Игнатиус Берк всем нам прекрасно известен, как Печатальный Босс, знаем мы и его американского кузена из помоечного листка Боври, не говоря уж про БЮДЖЕТ ПЭДДИ РАСТА, ВЕСТИ КЛИТА РАНА, или нашего недрёмного друга КУРВЯНСКОГО ОРЛА. Зачем припутывать такого мастера судебного красноречия как Вайтсайд? Помянутая газетёнка вполне пригодна для повседневных нужд.

НЕРАЗРЫВНО С ДНЯМИ ПРОШЛОГО

– Гретем и Флад писали для этой самой газеты,– орал редактор ему в лицо.– Ирландские добровольцы. А что вы? Основана в 1763 году доктором Лукасом. Кто из ваших нынешних сравнится с Джоном Филпотом Кураном? Фе!

– Ну,– сказал Дж. Дж. О'Моллой,– Буши К. С., например.

– Буши?– сказал редактор.– Ну, да. Буши – да. У него это в крови. Кендал Буши, то есть, я хотел сказать Сеймур Буши.

– Он давно бы уже заседал в парламенте,– сказал профессор,– если б... Впрочем, ладно.

Дж. Дж. О'Моллой обернулся к Стефену и произнёс раздельно и тихо:

– Один из самых отточеннейших периодов, что мне доводилось слышать, исходил из уст Сеймура Буши. Рассматривалось дело о братоубийстве, дело об убийстве Чайлдза. Буши защищал его.

И в арку уха моего налил...

Кстати, как он догадался? Ведь умер-то во сне. Или опять история, зверь с двумя спинами?

– О чём конкретно?– спросил профессор

ITALIA, MAGISTRA ARTIUM

– Он говорил о достаточности улик,– сказал Дж. Дж. О'Моллой,– про римское право в сравнении с ранним кодексом Моисея, lex talionis. И сослался на Микеланжелова Моисея в Ватикане.

– Ха.

– Пара ловко присобаченных слов,– предварил Лениен.– Тихо!

Пауза Дж. Дж. О'Моллой достал свой портсигар. Деланное затишье. Что-то совсем тривиальное. Судейский вынул свои спички и задумчиво прикурил сигару. Я часто думал с той поры, оглядываясь на то странное время, что именно это небольшое движение, такое обыденное само по себе, зажжение той спички, определило всё последующее течение жизней нас обоих.

ОТТОЧЕННЫЙ ПЕРИОД

Дж. Дж. О'Моллой продолжил, чеканя слова:

– Сказал он так: Это музыка застывшая в каменном изваянии, в рогатом, грозном, божественно человечьем образе, ставшим вечным символом мудрого пророчества, которое отчасти выразили во мраморе воображение и рука ваятеля, что бушующая душа, мятущаяся душа имеет право на жизнь, должна жить.

Тонкая его рука волнисто благословила эхо и полегла.

– Отлично!– мгновенно отозвался Майлз Крофорд.

– Божественное вдохновение,– откликнулся м-р О'Мэден Берк.

– Нравится?– спросил Дж. Дж. О'Моллой Стефена.

Стефен, чью кровь взволновала изящность языка и жеста, покраснел. Он достал сигарету из пачки.

Дж. Дж. О'Моллой предложил свой портсигар Майлзу Крофорду.

Лениен поднес огонь к их сигаретам и взял свой трофей, говоря:

– Большойус спасибиус.

ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОЙ МОРАЛИ

– Профессор Магенис говорил со мной о вас,– обратился Дж. Дж. О'Моллой к Стефену.– А какое лично у вас мнение об этих герметистах, поэтах камейной тиши? А. Э. мастер мистики? Это всё пошло от Блаватской. Умела подзавернуть старушка. А. Э. сказал в разговоре с каким-то янки, что вы приходили к нему, ни свет ни заря, с вопросом о ступенях сознания. Магенис считает, что вы просто подшутили над А. Э. Он человек высочайшей морали, Магенис.

Говорил обо мне. Что? Что он сказал обо мне? Не спрашивай.

– Нет, благодарю,– сказал профессор Макью, отводя портсигар в сторону.– Одну минуту. Позвольте мне сказать. Наилучшим образцом ораторского искусства, что мне когда-либо довелось слышать, была речь Джона Ф. Тейлора на собрании исторического общества колледжа. Выступал м-р Фицгибон, нынешний лорд кассационного суда, а темой обсуждения было эссе (новинка в те дни), призывающее к возрождению ирландского языка.

Он повернулся к Майлзу Крофорду и сказал:

– Ты же знаешь Джеральда Фицгибона. Так что можешь представить стиль его выступления.

– Он заседает с Томом Хили,– сказал Дж. Дж. О'Моллой,– в комиссии по недвижимости колледжа Троицы, такие ходят слухи.

– Он посиживает с милашкой в детском платьице,– сказал Майлз Крофорд.– Давай дальше. Ну и?

– Это была речь, заметьте,– продолжил профессор,– отшлифованного оратора, полная придворной заносчивосчти, в которой, с поставленной дикцией, извергал, не хочу сказать громы и молнии, но чванное презрение к зарождающемуся движению. Это было в самом его начале. Мы были слабы, а стало быть и никчемны.

Он закрыл свои длинные тонкие губы на миг, но горя желанием продолжить, поднял высунувшуюся руку к очкам и, чуть коснувшись дрожащими большим и средним пальцами чёрной правы, установил их на новый фокус.

ЭКСПРОМТ

Торжественным тоном он обратился к Дж. Дж. О'Моллою.

– Тейлор же, учтите, пришёл туда больным, поднявшись с кровати. И я не думаю, что он готовился выступать, поскольку в зале не было ни одного стенографиста. Его тёмное худое лицо обросло клочковатой щетиной. Галстук распущен и вобщем выглядел он (хоть и не был) умирающим.– Его взгляд замедленно, но сразу, перешёл с Дж. Дж. О'Моллоя на Стефена, и тут же искательно потупился. Ненакрахмаленный воротничок вытарчивал позади его склонённой головой, засаленный усыхающими волосами. Все ещё запинаясь, он продолжил.

– Когда закончилась речь Фицгибона, Джон Ф. Тейлор поднялся с ответной. Вкраце, насколько могу восстановить по памяти, слова его были такими.

Он решительно вскинул голову. Глаза его засомневались напоследок. Глупые моллюски плавали туда-сюда в толстенных

линзах, ища лазейку.

Он начал:

– М-р Председатель, дамы и господа. Велико было моё восхищение, с которым только что я слушал наставления нашего высокообразованного друга, обращенные к молодежи Ирландии. И мне показалось, что я очутился в иной, далёкой стране, далёкой от нынешней эпохи. Словно бы в далёком Древнем Египте, стоял я и слушал речь кого-то из верховных жрецов, обращенную к юному Моисею.

Его слушатели отставили сигареты, чтоб слышать, их дым вздымался хрупкими стеблями, что расцветали вместе с его речью. И пусть наши вьющиеся дымы. Высокие слова подступают. Внимание. Хотел бы испробовать себя в этом?

– И мне показалось, что слышу голос того египетского жреца, преисполненный точно таким же высокомерием и гордыней. И я внимал его словам и смысл их открылся мне.

ЦИТУРУЯ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Открылось мне, что хороши те вещи, кои всё ж греховны и кои, будь они абсолютно хороши, не могли бы быть греховными. А чтоб тебя! Это из святого Августина.

– Зачем вы, евреи, отказываетесь принять нашу культуру, религию и язык? Вы – племя кочевых пастухов, мы – могущественный народ. У вас нет ни городов, ни сокровищ; тогда как наши города – человеческие ульи и наши галеры, триремы и квадриремы, гружёные всеми видами товаров, бороздят воды всех морей известных людям земли. Вы только-только отошли от примитивной жизни, мы же имеем литературу, духовенство, многовековую историю и государство.

Нил.

Дитя, человек, изваяние.

На нильском берегу коленопреклоненные няньки, тростниковая колыбель: человек гибкий в поединке: каменнорогий,

камнебородый, сердце из камня.

– *Вы поклоняетесь местному тёмному божку: наши храмы, величественные и загадочные, являются обиталищами Изиды и Озириса, Гора и Аммона Ра. Ваш удел – рабство, смирение и покорность; наш – громы и моря. Израиль слаб и малочисленны дети его; сомнище людей Египта несметно и грозно оружие его. Вас обзывают бродягами и подёнщиками, при нашем же имени мир приходит в трепет.*

Голодная отрыжка рассекла его речь. Он отважно возвысил голос над нею.

– *Но, дамы и господа, если бы юный Моисей внял и приял этот взгляд на жизнь, если б склонил голову и смирил свой дух перед этим наглым поучанием, то никогда бы не вывел избранный народ из узилища, и не последовал бы за столпом пыли при свете дня, не говорил бы с Предвечным средь молний на горе Синай и не спустился бы оттуда с вдохновенно озарённым лицом, неся в руках таблицы законов, писаные языком изгоев.*

Он умолк и взглянул на них, тешась тишиной.

ЗНАМЕНИЕ – ЕМУ!

Дж. Дж. О'Моллой сказал не без сожаления:

– А всё ж он умер не дойдя земли обетованной.

– Нежданно-в-одночасье-хоть-и-от-давней-болячки-прежде-часто-исхаркиваемой скончался,– сказал Лениен.– Имея великое будущее за спиной.

Послышался отряд босых ног, пронёсшийся по вестибюлю и топочущий вверх по лестнице.

– Вот где ораторское искусство,– сказал профессор, не встречая возражений.

Унесённое ветром. Столпища у Малагмаста и Тары королевской. Мили и мили ушей-арок. Слова трибуна выкрикнуты и разметены на все четыре ветра. Люди укрылись под его голосом. Мёртвый гул.

Берестяные записи всего что где-либо когда-либо было. Любят его и превозносят: меня уж нет. Я при деньгах.

– Джентельмены,– сказал Стефен,–следующим вопросом в повестку дня, могу ли я предложить перерыв в заседании палаты?

– У меня аж дух захватывает. Это, часом, не французский комплимент?– спросил м-р О'Мэден Берк.– Се тот час, мне думается, когда кувшин вина, метафорически выражаясь, преблагостен в оной древней харчевне.

– Быть по сему и вынести решительное решение. Все, кто за – говорят "ага",– объявил Лениен.– Кто против – "не". Объявляю принятым. А в какую пивную?.. Голосую: Муни!

Он двинулся первым, поучая:

– Мы крепко-накрепко отказываемся принимать креплёные воды, не так ли? Да, не так. Ни коим образом случая.

М-р О'Мэден Берк, следуя по пятам, сказал, сделав сообщнический выпад зонтиком.

– Валяй, Макдуф!

– Деньга от старого увальня!– воскликнул редактор, хлопая Стефена по плечу.– Идём. Где эти клятые ключи?

Он копался в карманах, вытаскивая комканные листы машинописи.

– Ящур, знаю. Будет в порядке. Пойдёт в номер. Где ж они? Порядок.

Он запхал листы обратно и прошёлво внутренний кабинет.

ВСЕЛЯЯ НАДЕЖДУ

Дж. Дж. О'Моллой, двинувшись, было, следом, тихо сказал Стефену:

– Надеюсь вы доживёте увидеть это в печати. Одну минуту, Майлз.

Он последовал во внутренний кабинет, закрывая за собой дверь.

– Пошли, Стефен,– сказал профессор.– Правда ж, здорово? В этом чудится нечто пророческое. *Fuit Ilium.* Меха ветровейной Трои.

Участь всех королевств этого мира. Хозяева Средиземноморья нынче феллахи.

Первый мальчишка-газетчик протопотал вниз по ступеням у них за спиной и вырвался на улицу с воплем:

– Специальный выпуск про скачки!

Дублин. Мне так много ещё познавать.

Они свернули налево вдоль Эбби-Стрит.

– Мне тоже было видение,– сказал Стефен.

– Да,– проговорил профессор с подпрыжкой меняя ногу, чтобы попасть в шаг.– Крофорд догонит.

Другой мальчишка пролетел мимо, вопя на бегу:

– Специальный про скачки!

МИЛЫЙ ГРЯЗНЫЙ ДУБЛИН

Дублинцы.

– Две дублинские весталки,– сказал Стефен,– пожилые и набожные, прожили пятьдесят и пятьдесят три года в переулке Фамболи.

– Где это?– спросил профессор.

– Возле Блекпитса.

Сырая ночь смердит постным тестом. Притиснувшись к стене. Лицо желтовато отблескивает под её ярким платком. Обезумелые сердца. Берестяные записи. Скорей, милок. Ну, давай же. Пусть тут зачнётся жизнь.

– И захотелось им посмотреть виды Дублина с высоты колонны Нельсона. Накопили три шилинга и десять пенсов в красной жестяной копилочке. Вытрясли трёхпенсовики и шестипенсовики, а мелкие пенни выманили кончиком ножа. Два и три серебром, один и семь медяками. Одели свои шляпки и лучшие платья, ещё и зонты прихватили, на случай дождя.

– Мудрые девственницы,– сказал профессор Макью.

ЖИЗНЬ ЖИВЬЁМ

– На шилинг и четыре пенса купили бисквит и четыре куска пирога в центральной столовой на Мальборо-Стрит у мисс Кейт Коллинз, владелицы… Возле подножия колонны Нельсона приобрели у девушки две дюжины спелых слив: чтоб унять жажду после бисквита. Дали два трехпенсовика джентельмену на входе и медленно побрели по винтовой лестнице, бурча, подбадривая друг друга, пугаясь темени, спрашивая одна другую, не с ней ли бисквит, хваля Бога и Пресвятую Деву, грозясь повернуть обратно, заглядывая в воздуховодные прорези. Слава тебе Господи. Они и не думали, что это так высоко. Зовут их Анна Кернс и Флоренс Макаб. У Анны Кернс радикулит, от которого втирает чудотворную воду из Лурда, что дала ей дама, которой досталась целая бутылка от священика ордена пассианистов. Флоренс Макаб каждую субботу покупает свиные ножки и бутылку двойного Х.

– Антитеза,– сказал профессор, кивая дважды.– Девственные весталки. Представляю. Что это друг наш задерживается?

Он обернулся.

Стайка бегущих мальчишек-газетчиков спархивала со ступеней, разлетаясь во всех направлениях, вопя, трепыхая белыми газетами. Сразу же вслед за ними на крыльце явился Майлз Крофорд, алея лицом в ореоле шляпы, в беседе с Дж. Дж. О'Моллоем.

– Пошлирикнул профессор, махнув рукой.

Он снова зашагал сбоку от Стефена.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦВЕЙТА

– Да, сказал он.– Чётко видятся, воочию.

М-р Цвейт, запыхавшийся, охваченный круговертью диких мальчишек-газетчиков у входа ИРЛАНДСКОГО КАТОЛИКА и ДУБЛИНСКОГО ЖУРНАЛА, вскрикнул:

– М-р Крофорд! Минутку!

– ТЕЛЕГРАФ! Спецвыпуск про скачки!

– Что такое?– молвил Майлз Крофорд, шатнувшись вспять.

Мальчишка-газетчик крикнул в лицо м-ру Цвейту:

– Жутая трагедия в Ретмансе! Ребёнка располовинило мехами!

ИНТЕРВЬЮ С РЕДАКТОРОМ

– Вот та реклама,– проговорил м-р Цвейт протискиваясь к ступеням, отдуваясь и вытаскивая вырезку из кармана.– Я только что говорил с м-ром Ключчи. Он согласен на повторное размещение в течение двух месяцев. А там видно будет. Но он ещё хочет абзац рекламы в ТЕЛЕГРАФЕ, в субботнем розовом. И ещё, если не слишком поздно, хочет чтоб я показал советнику Наннети дизайн из НАРОДА КИЛКЕНИ. Его я могу взять в Национальной библиотеке. Дом Ключей, понимаете? У него фамилия Ключчи. Здесь каламбур на имени. Но, фактически, он почти согласился на повторное размещение. Просто хочет, чтоб ему малость пошли навстречу. Что ему передать, м-р Крофорд?

П.М. в Ж.

– Передайте, пусть поцелует меня в жопу,– сказал Майлз Крофорд, вскидывая для выразительности руку.– Вот так и передайте.

Малость взвинчен. Ищет бури. Все двинулись к выпивке. Плечом к плечу. Яхтсменская кепка Лениена вон аж где. Обычная ирландщина. А это там не юный ли Дедалус, бродячий дух? Сегодня на нём пара неплохих ботинок. Последний раз как я его встречал, у него пятки торчали. Куда-то шёл по слякоти. Неосторожный паренёк. И что его занесло в Айриш-таун?

– Ладно,– сказал м-р Цвейт, возвращаясь взглядом,– если раздобуду дизайн, это, полагаю, будет стоить небольшого абзаца. Скорее всего он разместит рекламу. Я ему скажу…

П.М.Б.И.Ж.

– Пусть поцелует мою благородную ирландскую жопу,– громко крикнул Майлз Крофорд через плечо.– В любое удобное ему время, пусть так и знает.

И пока м-р Цвейт стоял, оценивая ситуацию и едва сдерживая улыбку, он порывисто зашагал прочь.

НАТРЯСТИ ДЕНЬГУ

– *Nulla bona*, Джек,– сказал он, подымая руку к подбородку.– Я посюда влез. Едва выкручиваюсь. Сам искал у кого-нибудь, чтоб оплатить счёт на прошлой неделе. Сочти сочувствие за поддержку. Извини, Джек. Со всей бы душой, если б мог натрясти деньгу.

Дж. Дж. О'Моллой, с вытянувшимся лицом, шагал молча. Они догнали остальных и пошли рядом.

– А как съели они бисквит и пирог, да обтёрли свои двадцать пальцев бумагой, куда было всё то завернуто, то подошли к перилам.

– Кое-что для тебя,– пояснил профессор Майлзу Крофорду.– Пара дублинских старух на верхушке колонны Нельсона.

ДА ТУТ ЕЩЁ СТОЛБОВ ПОНАСТАВИЛИ! КАК СКАЗАЛ КАКОЙ-ТО СПОТЫКУН

– Что-то новенькое,– сказал Майлз Крофорд.– Сгодится для номера. Позлить Даргла. Итак, две старушенции?

– И уж так-то им боязно, что упадёт колонна,– продолжил Стефен.– Внизу всё крыши-крыши, они тут заспорили где какой храм: Синий купол Ретманса, Адама и Евы, Святого Лоренция О'Тула. Но от смотренья с высоты им поплохело и тогда они вздёрнули подолы…

ЭТОТ ДОВОЛЬНО СТРОПТИВЫЙ ЖЕНСКИЙ ПОЛ

– Полегче,– сказал Майлз Крофорд,– без поэтических вольностей. У нас тут архиепископальная епархия.

– И уселись на свои нижние юбки в полоску, уставясь вверх на статую одноручкового прелюбодея.

– Одноручковый прелюбодей!– воскликнул профессор.– Вот это в точку! Улавливаю идею. Ясно, на что намёк.

ГОРОЖАНАМ ДУБЛИНА МЕТИОРИТНЫХ ПИЛЮЛЬ С УСКОРЕНИЕМ (быль)

– Но тут в шеях у них такая пошла ломота,– сказал Стефен,– да и слишком они намаялись, чтоб вверх смотреть иль там вниз, или разговаривать даже. Выложили они тогда пакет со сливами промеж собой и стали кушать, одну за другой, а сливовый сок, что тёк из их ртов, отирали платочками, да неспешно сплёвывали косточки за перила.

Он разразился громким юным смехом в заключение. Лениен и м-р О'Мэден Берк, услыхав, оглянулись, махнули и перешли через улицу к Муни.

– Конец?– спросил Майлз Крофорд.– Пусть их тешатся, лишь бы чего похуже не утворили.

СОФИСТ ВЫДАЛ ПЛЮХУ ГОРДЯЧКЕ ЕЛЕНЕ ПРЯМИКОМ В ХОБОТ. СПАРТАНЦЫ СКРИПЯТ ЖЕЛВАКАМИ.

ВЕРНАЯ ПЕН С ИТАКИ ПРИЗНАНА ЛУЧШЕЙ

– Ты мне напоминаешь Антисена,– сказал профессор,– одного из учеников софиста Горгия. Про него говорили, что невозможно понять: на других он зол или на самого себя. Он был сыном аристократа и рабыни. И написал книгу, где отбирает пальму первой красавицы у Елены Аргивянской, чтобы отдать её бедной Пенелопе.

Бедная Пенелопа. Пенелопа Богачсон.

Они приготовились пересечь О'Коннел-Стрит.

АЛЛО, ЦЕНТРАЛЬНАЯ!

В различных местах вдоль восьми линий стояли трамваи на своих путях, по маршрутам из или на Рэтмайн, Рэтфан, Хэм, Блекрок. Кингстаун и Далкей, Сандимонт Грин, Рингсенд и Сандимонт Тауэр, Палмерстон-Парк и Верхний Рэтман, все замерли, утихомиренные коротким замыканием. Телеги, извозчики, ломовики, почтовые фургоны, частные экипажи, платформы с дребезжащими ящиками бутылок газированой минеральной воды, громыхали, катили скоро,

влекомые лошадьми.

КАК? И – ОТКУДА?

– Как ты назвал это?– спросил Майлз Крофорд.– И откуда у них сливы?

ПЕДАГОГ ЗА ВЕРГИЛИЯ. СЛИВЫ ВТОРОКУРСНИКА ДЛЯ СТАРИКА МОИСЕЯ

– Назови это, погоди-ка,– сказал профессор, широко распахивая свои длинные губы, чтобы припомнить.– Назови это, минутку. Назови: *deus nobis haec otia fecit.*

– Нет,– сказал Стефен,– нарекаю Обзором Земли Обетованной, или Притчей о Сливах.

– Понимаю,– сказал профессор. Он смачно рассмеялся.

– Понимаю,– сказал он опять с новым смакованием.– Моисей и земля обетованная. Мы подали ему эту идею,– добавил он, обращаясь к Дж. Дж. О'Моллою.

ГОРАЦИЙ – ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА В ЭТОТ ПРЕКРАСНЫЙ ИЮНЬСКИЙ ДЕНЬ

Дж. Дж. О'Моллой усталым взглядом искоса зыркнул на статую и продолжал сохранять спокойствие.

– Понятно,– сказал профессор. Он остановился на тротуарном островке вокругДжона Грея и воззрился вверх на Нельсона из сети морщин своей кривой усмешки.

УРЕЗАННОЕ КОЛИЧЕСТВО ПАЛЬЦЕВ ВЕСЬМА ВОЗБУЖДАЕТ РЕЗВЫХ ДАМ:

КАК ТУТ НЕ ПОНЯТЬ АННУ ВИМБЛЗ, ФЛО ВЕНГЛЗ?

– Одноручковый прелюбодей,– сказал он угрюмо.– Должен признать меня это достало.

– Доставало и тогда, да и не одну,– сказал Майлз Крофорд,– если уж начистоту, как перед Господом Всевышним.

* * *

Ананасовые пирожные, лимонные тянучки. Липко-сахарная дева отгружает кремовых братцу во Христе. Школьные лакомства. Ох, и схватит у них животики. Кондитер и поставщик сладостей Его Величеству Королю. Боже. Храни. Нашего. Сидя на троне, сосёт красный леденец в белую полоску.

Понурый юноша из Ассоциации Молодых Христиан, из засады среди теплых сладостных запахов Грехем, Лемон и Ко, вложил листок в руку м-ра Цвейта.

Сердце взывает к сердцу.

Цве… я? Нет.

Цветущего агнца кровию

Замедлив шаг, ноги несли его, погрузившегося в чтение, к реке. Спасен ли ты? Все омыты кровью агнца. Богу требуются жертвы с кровью. Рождение, плева, мученичество, война, закладка здания, жертвоприношение, подгоревшая почка, алтари друидов. Илия грядет. Д-р Джон Александр Дови, возродитель церкви Сиона, приезжает.

Едет! Едет! Едет!
Милости просим!

Игра окупается. Гарри и Александр в прошлом году. Многожёнство. Жена его приструнит. Где это мне попалась реклама фирмы из Бирмингема, распятия с подсветкой? Спаситель наш. Проснёшься среди ночи, а он на стене, висит. Кошмарная идея. Изгвоздили ноги-руки Иисуса.

Это с помощью фосфора. Если оставить кусок трески например. Над ним появится синеватая серебристость. Как в ту ночь я

спустился в кладовую на кухне. Не люблю запахи, которые так и прут. Зачем это она меня тогда послала? Малагский изюм. Вспоминает Испанию. Ещё до рождения Руди. Фосфоресценция, это синевато-зеленоватое свечение. Очень полезен для мозга.

От углового дома у монумента Бутлера он глянул вдоль проспекта Беклар. Дочка Дедалуса всё ещё возле аукционного зала Дилона. Наверно хотят что-то сбыть из старой мебели. Моментально узнаёшь по глазам, точь-в-точь как у отца. Торчит, его дожидается. С кончиной матери дом сразу идёт вразнос. Пятнадцать детей у них было. Роды чуть ли не каждый год. Таков их закон Божий, иначе священик не причастит бедную женщину, не даст отпущения. Плодитесь и размножайтесь. Кому сказано? Сгрызут тебя подчистую. Какая семья себя прокормит. А есть что и в масле катаются. Как бы им понравился чёрный пост. На крендельках. Еда раз в день и полдник, чтоб не рухнуть у алтаря. Какую-нибудь из них в экономки, только без этого. Из них это не выбьешь. Как из него денег. Себя не обижает. Никаких гостей. Всё для номера первого. Неотрывный прицел на течение вод. Принесут тебе хлеб, да ещё и с маслом. Его преподобие. Мапочка, иначе и не назовешь.

Боже милостивый, а платье-то у бедняжки, сплошь лохмотья. И явно недоедает. Картошка и маргарин, маргарин и картошка. Потом скажется. Чтобы узнать вкус пудинга. Подкашивает организм.

Как только он свернул на мост О’Коннела, над парапетом поднялся клуб дыма. Винная баржа с креплёным на экспорт. В Англию. От морского воздуха портится, кто-то мне говорил. Интересно было б как-нибудь пройтись по Хенкоку, посмотреть винопроизводство. Мир по своим законам. Чаны портвейна, залюбуешься. Крысы и туда пролазят. Зальются, что их раздувает до размеров утопшей собаки. Наклюкались портвейна вусмерть. Пьют, пока не выблюют, как истые христиане. И такое пить! Чаны: крысы. Хотя, конечно, если б мы знали про всё.

Глянув вниз, он увидал упруго машущих, каруселящих у тощих стен причала, чаек. Если б я бросился вниз? Сынок Ребена Дж.

порядком, небось, нахлебался в этой канализации. Переплатил шиллинг и восемь пенсов. Х-ха. Уж он как скажет. Умеет подать анекдот.

Они кружили ниже. Высматривают чего-нибудь перекусить. Погодите.

Он бросил вниз сквозь стаю скомканный клочок бумаги. Илия тридцать два фута в сек. гряд. Хоть бы хны. Клочок, оставленный без внимания, подпрыгивал на оставленных баржей волнах, уплывая под мост. Их не проведёшь. А когда я на КОРОЛЕ выбросил за борт чёрствый пирог не дали ему отплыть и на полсотни метров. Умом живут.

Они кружили, взмахивая.

Кружит чайка голодно-тощая
Над волн угрюмых толщею

Поэты так и пишут, чтоб сходно по звучанию. Однако у Шекспира нет рифм: белый стих. Это поток речи. Мыслей. Торжественно.

Гамлет, дух твоего отца я,
Что обречён до времени блуждать средь вас

– На пенни пару яблок! Два за пенни!

Взгляд его прошёлся по рядкам сияющих яблок на её лотке. Должно австралийские, в такой сезон. Кожура аж лоснится: полирует их тряпкой или носовым платком.

Погоди. Бедные птицы.

Он вновь остановился и купил у старой торговки яблоками два пирожка за пенни, размельчил мякуш и бросил в Лиффи. Видал?

Чайки молча ринулись вниз – две, потом все, со своих высот, пикируя на добычу. Прикончили. Подчистую.

Подивившись их прожорливости и догадливости, он стряхнул с ладоней мелкие крошки. Вот уж не ждали. Манна. Им положено жить на рыбьем мясе, всем морским птицам, чайкам, ныркам. Лебеди из Анны Лиффи порой заплывают сюда полакомиться. Какая там разборчивость вкусов. Интересно, что за вкус у лебедятины? Робинзону Крузо пришлось жить на их мясе.

Они кружили, вяло взмахивая. Больше не дождётесь. Хватит на вас и пенни. Никакой благодарности. Даже не крякнули. Да и ящур они разносят. Если откормить индюшку, скажем, на каштанах, то потом и вкус такой же. От свинины свинеешь. Но тогда почему морская рыба не солёная? Как так получается?

Глаза его вопросили реку и увидели – шлюп на якоре, лениво колышет на мелкой зыби свой размалеваный борт.

Кинс 11/–

Брюки

А неплохо придумано. Интересно, он выплачивает налог корпорации? Разве может быть собственность на волны? Вода течёт потоком, без остановок, то же самое видим и в потоке жизни. Потому что жизнь это поток. Любое место пригодно для рекламы. Тот шарлатан, лекарь от триппера, расклеивал по всем уборным. Снимает как рукой. Строго между нами. Д-р Хай Френкс. И не потел, как Маггини, учитель танцев, для саморекламы. Нанял небось парней для расклейки, а может и сам цеплял, когда заскочит ширинку расстегнуть. Ширинка. Тоже местечко для рекламы.

ХОТЬ ТРИ-ПЕРА, ХОТЬ ВЕСЬ БУКЕТ,
ОДНА ТАБЛЕТКА И – НЕТ, КАК НЕТ!!

Какой-нибудь малый крепко под градусом.

А вдруг у него…

О!

А?

Нет… Нет.

Нет, нет. Не думаю. Точно, у него нет?

Нет, нет.

М-р Цвейт двинулся дальше, подымая встревоженные глаза. Не думать больше об этом. Второй час. В балластонадзоре уже перерыв. Безнадзорное время. Занятную книжицу написал сэр Роберт Балст. Параллакс. До конца я так и не разобрался. Вон священик. Можно б спросить. Пара – это из греческого: параллель, параллакс. Мне там пас коз выговаривала она, пока я не растолковал насчёт переселения душ. О, пропасть!

М-р Цвейт улыбнулся на о, пропасть! двум окнам балластонадзора. Вобщем-то она права. Заумно звучащие слова для обозначения простейших вещей. И не сказать, что остроумна. Порой похабна. Может ляпнуть такое, что я только в мыслях. Ну, не знаю. Прозвала Бена Долларда бочковым барельтоном. Ноги у него как бочки и поет как в бочку. Ну, чем не острота? А все его кличут Биг-Бен. И в половину не так остроумно, как бочковый барельтон. Прожорливее альбатроса. Хрумкает говяжьи мослы. Как дорвётся до пива Басса и вовсе удержу нет. Бочка с Бассом. Усёк? Ловко склалось.

Процессия белопиджачных мужчин неспешно ступала вдоль сточной канавы ему навстречу, фанерные листы на них перехвачены алыми лентами. Зазывалы. Похожи на того священика сегодня утром: мы прегрешали: мы страдали. Он прочел алые буквы на их пяти белых цилиндрах: Х.Е.Л.И.С. Виздом Хелис. С., приотстав, вытащил краюху хлеба из-под своей фанеры и чавкал на ходу. Основная пища наша. Три шиллинга в день и топай вдоль сточных канав, улицу за улицей. Чтоб лишь душа держалась в теле, хлеб и пшёнка. Нанимались через Бойла: нет: Маглейда. Но фиг ты угадал, привлечь

этим покупателей. Я ему предлагал насчёт прозрачного экипажа с парой хорошеньких девушек, чтоб сидели, писали бы письма, а вокруг них тетради, конверты, промакательная бумага. Вот на такое – клюнули б. Хорошенькие девушки, когда что-то пишут, это враз притягивает глаз. Всякому до смерти охота знать что это она там пишет. Стоит тебе отрешённо уставиться в никуда – вокруг тут же столпятся человек двадцать. Не упустить свою долю. Женщины тоже. Любопытство. Соляной столп. Конечно, он отклонил, потому что не сам придумал. Или та чернильная бутылка, что я предлагал, с поддельным пятном из черного целлулоида. Он в рекламе смыслит не больше фирмы Сливви, которая нахваливает свою тушенку на одной странице с объявлениями о смерти. Их не закляксить. Что? Наши конверты. Привет! Куда разогнался, Джонс? Некогда, Робинсон, спешу приобрести единственно надёжный черниловыводитель KANSELL, что продается в Холис-лимитед, Дейм-Стрит, 85. Развязался я таки с этой каторгой. Дьявольская маята – выбивать заказы от всех тех монастырей. Монастырь Упокоения. Миленькая была там монашенка, прелестное лицо. Скуфейка так шла её маленькой головке. Сестра… Сестра…Наверняка, ей не повезло в любви, по глазам. Жуть как трудно уговорить таких женщин на покупку. В то утро я оторвал её от молитв. Но рада пообщаться с внешним миром. У нас, говорит, великий день, праздник нашей святой покровительницы с Монт-Кармел. Сладкое имечко: карамель. Она, по-моему, познала, потому что. А выйди она замуж, то была б совсем другой. Пожалуй, у них и вправду туговато было с деньгами. Однако, всё поджарено на самом лучшем масле. Жира не признают. У меня аж сердце таяло, как ел. Любительницы умащаться: как изнутри, так и снаружи. Молли пробует на вкус, приподняв вуаль. Сестра… Пат Клефи, дочь держателя ломбарда. Говорят, колючую проволку монахиня изобрела.

Он пересекал Вестморленд-Стрит, когда буква С. протопал мимо. Веломагазин. Сегодня скачки. Сколько ж это лет прошло? В тот год умер Фил Джилиган. Мы жили на Ломбард-Стрит. Нет, погоди, на

Том-Стрит. Начал работать у Виздома Хелиса в том году, как мы поженились. Шесть лет. Десять лет назад: в девяносто четвертом он умер, да, точно, большой пожар у Арнотса. Лорд-мэром был Вэл Дилон. Обед в Гленкри. Олдермен Роберт О'Релли мигом выплюхнул в себя портвейн и припал суп нахлёбывать. Даже оркестр заглушал. За всё, что претерпели мы, пусть Бог нас. Милли была тогда совсем крошкой. На Молли платье слоново-серого с плетёной отделкой. Мужской покрой, с обтянутыми пуговицами. Её нелюбимое, потому что, когда одела в первый раз на пикник с хором, у меня случилось растяжение связки. Можно подумать из-за этого. Цилиндр старого Гудвина набитый всячиной, чтоб не проседал. Ещё пикник у Флайсов. Бесподобное было платье. Облегало её, словно перчатка: плечи, бедра. Как раз начинала наливаться. Мы тогда ели пирог с крольчатиной. Все на неё заглядывались.

Счастливые. Счастливее тогда. И комната была такая милая с красными обоями, от Докрела, шиллинг и девять пенсов за дюжину. По вечерам купание Милли. Я купил американское мыло: цветочное. Уютный запах её ванны. Такой у неё был смешной вид – вся в мыльной пене. Тоже фигуристая. Теперь вот фотографией занялась. Ателье дагерротипов бедного папы, он мне рассказывал. Наследственная склонность.

Он шёл вдоль бордюра.

Поток жизни. Как звали того малого, что смахивал на святошу? Проходя мимо, он всё косил украдкой. У слабых зрением слабость на юбки. Даже остановился на Св. Кевина где жил Цитрон. Пен как-то там. Пенденис? Память у меня начинает. Пен..? Конечно, столько лет прошло. Да ещё трамвай грохочет. А, чтоб тебе, тут не вспомнишь даже имя святого отца, с которым здравствуешься каждый Божий день.

Бартел Д'Акри был начинающим тенором. Провожал её домой с распевок. Надменный малый с напомаженными усами. Дал ей эту песню ВЕТРЫ С ЮГА.

Сильный был ветер в тот вечер, как я зашёл за ней на собрание насчёт тех лотерейных билетов после гудвинова концерта в столовой или в зале заседаний ратуши. С ним, а я позади. У меня ноты вырвало из рук, ветер притиснул их к ограде школы. Хорошо ещё хоть. Какая-нибудь из таких мелочей портит ей настроение на весь вечер. Профессор Гудвин впереди, с ней под руку. Нетвёрдая походка. Старый дуралей. Его прощальное выступление. Чувствовалось, что последний выход на сцену. Может на месяцы, а может и навечно. Как она хохотала под свист ветра, накинула капюшон. Угол Накот-Роуд помнит тот порыв? Врфуу! Взлетели все её юбки, а боа чуть не удушило старика Гудвина. Она так раскраснелась на ветру. Помню, уже дома, расшевелил огонь и жарил ей баранину на ужин с её любимым Чатни-соусом. Пунш готовил. От камина видно было как она в спальне рассегивает свой корсет. Белый.

Скользкое шелестанье и мягкий шлепок корсета на постель. Нагрет её теплом. Любит дать себе волю. Потом сидела чуть ли не до двух, вынимая шпильки из волос. Милли, укутанная, в кроватке. Счастье. Счастье. Вот это была ночь…

– О, м-р Цвейт, как поживаете?

– Как вы, м-с Брин?

– Не жалуюсь. Как там Молли? Сто лет её не видела.

– Цветёт,– ответил м-р Цвейт игриво.– Милли устроилась в Малингаре, знаете?

– Это ж надо! У неё всё прекрасно?

– Да, в тамошнем фотоателье. Дела идут, как в горящем доме. Как все ваши подопечные?

– Живут, хлеб жуют,– ответила м-с Брин.

Сколько их у неё? Прибавления, вроде, не ожидается.

– Вы, смотрю, в чёрном. У вас не…

– Нет,– сказал м-р Цвейт,– я только что с похорон.

Придётся пожинать весь день, знаю наперед. Кто умер? Да когда? А от чего? Вертеть так и эдак, как подпорченный грош.

– О, Боже,– сказала м-с Брин,– надеюсь не из близких?

Пусть посочувствует.

– Дигнам,– сказал м-р Цвейт,–старый мой приятель. Скоропостижно скончался, бедняга. Сердце, наверно. Сегодня утром хоронили.

Тебя схоронят завтра,
Пока ж бредёшь по ржи
Дидл-дидл дам-дам
Дидл-дидл …

– Грустно терять старых друзей,– меланхолично молвили её женоочи.

Ну и хватит об этом. Исподволь: муж.

– А ваш бог и повелитель?

М-с Брин воздела свои большие глаза. Их-то она не утратила.

– И не спрашивайте,– сказала она.– Он и гремучую змею до столбняка доведёт. Сегодня вот зарылся в кодексы, отыскивает статью об оскорблении. Без ножа меня режет. Сейчас вам покажу.

Горячие испарения супа с телятиной и запах свежеиспеченых пирожков лились из ГАРРИСОНА. Прогорклый душок щекотнул гортань м-ра Цвейта. Тесто нужно хорошее, масло, первосортная мука, сахар Демерара, а то ведь распробуют с горячим чаем. Или это от неё? Босоногий беспризорник стоял над решёткой, вдыхая пары. Притупить голодные рези таким способом. Наслажденье это или боль? Грошовый обед. Нож и вилка прикованы к столу цепочкой.

Открыла свою сумочку, кожа потрескалась, шляпная шпилька: осторожней с этими штуками. Выколет глаз кому-то в трамвае. Роется. Нараспашку. Деньги. Передайте, пожалуйста. Чертям тошно, если пятак затеряется. Покойники повыскакивают из могил. Муж супится. Где десять шилингов, что я тебе дал в понедельник?

Подкармливаешь семью братца? Грязный платочек: пузырёк из аптеки. Пастилки из чего-то. Что если она?

– Сейчас, наверно, новолуние,– сказала она.– В новолунье с ним всегда такое. Знаете, что он выкинул прошлой ночью?

Рука её прекратила рыться. Глаза уставились на него, тревожно расширенные, но улыбчивые.

– Что?– спросил м-р Цвейт. Пусть выговорится. Смотри ей прямо в глаза. Я тебе верю. Положись на меня.

– Поднял меня среди ночи,– сказала она.– Сон ему приснился, кошмар.

Несваре.

– Как будто по лестнице подымается пиковый туз.

– Пиковый туз!– откликнулся м-р Цвейт.

Она вытащила из сумочки сложенную почтовую открытку.

– Вот прочтите,– сказала она.– Сегодня утром он получил это.

– Что это?– спросил м-р Цвейт, беря открытку.– Э. Х.?

– Э.Х.: эх,– сказала она.– Кто-то его подначивает. Стыд и позор, кто бы это ни был.

– Вот уж действительно,– сказал м-р Цвейт. Она взяла открытку обратно, со вздохом.

– И теперь он отправляется в контору Ментона. Говорит, что возбудит иск на десять тысяч фунтов.– Она уложила открытку в свою захламленную сумочку и щёлкнула застёжкой.

На ней всё то же платье из синей саржи, что и два года назад, выгорело. Видало виды. Над ушами повыбивались пряди. И эта допотопная тока, три обшарпанные грозди, чтоб как-то скрасить. Убогая христианка. А любила одеться со вкусом. Морщинки вокруг рта. На год, кажется, старше Молли.

Ты ж посмотри как эта женщина зыркнула на неё, проходя. Жестоки. Безжалостный пол.

Он всё ещё смотрел на неё, скрывая за взглядом своё нетерпение.

Наваристый говяжий суп, черепаховый харчо. Я тоже проголодался. Крошки бисквита в сборках её платья: на щеке мазок

сахарной пудры. Руберб-торт с начинкой, щедро украшенный фруктами. Джози Повел. В доме Дойла, давным-давно, на Долфин-Барнз, шарады. Э.Х.: эх.

Сменить тему.

– Давно вы видели м-с Бюфо?– спросил м-р Цвейт.

– Минну Пурфо?

Филип Бюфо мне припутался. Из лакомых кусочков. Мэтчем частенько вспоминает уловку. Правильную я дёрнул ниточку? Да. Заключительный акт.

– Да.

– Я только что по дороге зашла спросить как у неё. Она в родильном доме на Холлиз-Стрит. Под присмотром д-ра Рогена. Мучается уже третьи сутки.

– О,– сказал м-р Цвейтакая жалость.

– И дома у неё мал-мала-меньше. Санитарка говорит ужасно трудные роды.

– О,– сказал м-р Цвейт.

Его отягчённый сочувствием взгляд вобрал её новость. Язык сожалеюще прищелкнул. Тц! Тц!

– Печально слышать,– сказал он.– Бежняжка! Трое суток! Для неё-то какой ужас!

М-с Брин кивнула.

– Схватки начались во вторник.

М-р Цвейт мягко коснулся её локтя, предупреждая.

– Минутку! Дайте ему пройти. Пропустите.

Костлявая фигура шагала вдоль бордюра от реки, заворожённо уставясь в солнечный свет через тяжелый телескоп на ремешке. Тугая, как колпак, крохотная шляпа стискивала его голову. Плащ, переброшенный через руку, трость и зонт побалтывались в такт шагам.

– Посмотрите,– сказал м-р Цвейт.– Он всегда ходит по внешнему краю. Видите?

– А кто это, позвольте спросить,– сказала м-с Брин.– Он не в себе?

– Его зовут Кешел Бойл О'Коннор Фиц-Морис Тисдел Фарелл,– сказал м-р Цвейт, улыбаясь.– Смотрите!

– Ну, и нахватался он этих имен,– сказала она.– Вот и Денис в один прекрасный день таким же станет.

И вдруг осеклась.

– Вон он,– сказала она.– Надо догнать. До свиданья. Молли от меня привет передадите?

– Да,– сказал м-р Цвейт.

Он смотрел как она огибает прохожих спеша к вывескам. Денис Брин, в сюртучишке и синих шлёпанцах вышаркал из конторы Гаррисона, прижимая к рёбрам два толстенных тома. Здрасьте среди ночи. Её перехват его ничуть не удивил и, уставив в неё свою седую свалявшуюся бородёнку, он горячо заговорил, виляя расхлябанной челюстью.

Чокнутый. Не все дома.

М-р Цвейт лёгкой поступью двинулся дальше, видя в солнечном свете впереди тесный головной убор, болтающиеся трость, зонт, плащ. Отгуливает свои пару дней. Гляньте-ка! Он опять вышел. Тоже способ перебиться в этом мире. Как и тот пришлёпнутый старый лунатик в своих тапочках. Должно быть трудно ей с ним приходится.

Э.Х.: эх. Могу поклясться это Альф Берган или Ричи Гулдинг. Писали в Скоч-Хаусе, похохмить, поспорю на что угодно. Напротив конторы Ментона. То-то выпучится на открытку своими гляделками. Аж боги обхохочутся.

Он миновал ТАЙМЗ ИРЛАНДИИ.

Тут, наверно, пришли ещё ответы. Рад бы откликнуться на все. Отличная система для преступников. Шифр. У них сейчас перерыв. Этот клерк в очках меня не знает. Ну, пусть ещё помаринуются. Сыт по горло и этими сорока четырьмя. Требуется опытная машинистка для помощи джентельмену в литературной работе. Я назвала тебя неслухом, потому что мне не нравится тот свет. Скажи, пожалуйста, как понимать. Скажи, пожалуйста, твоя жена какие духи. Скажи кто сотворил свет. Такая у них манера засыпать вопросами. Правда,

попадаются и такие как Лиззи Твиг. Моим литературным опытам посчастливилось встретить одобрение выдающегося поэта А. Е. (м-р Тео Рассел). Ей даже причесаться некогда, прихлёбывает остылый чай над книжкой стихов.

Лучшая, и намного, газета для кратких объявлений. Завоёвывает провинции. Изысканная кухня, имеется горничная. Требуется живой человек для спиритических сеансов. Порядочн. девушка (католич. веры) интересуется должностью в мясной или фруктовой лавке. Заслуга Джеймса Карлейла. Дивиденды шесть с половиной процентов. Отхватил куш на акциях "Котиз". Сыграл на понижение. Тертый проныра шотландец. Все блюдолизные новости. Наш обожаемый всемилостивейший вице-король. Покупайте Айриш Филдз. Леди Монкашел вполне оправилась после родов и вчера выезжала со сворой гончих в Рэтосе. Лисы несъедобны. Сельские охотники тоже. Страх взбалтывает соки, помогает переварить. На лошадь садится по-мужски. Беременная охотница. Женское седло никчему, ни ей, ни малышу. Некоторые из этих лошадниц крепки как племенные кобылы. Постоянно в конюшнях, где дают на прокат. Хлобыснёт стакан бренди, быстрей чем ты мигнуть успеешь. Та, сегодня утром у Гросвенор. Взбиралась в коляску: было на что глянуть. Сперва ей надо на цоколь ограды или на поперечину ворот. Тот курносый вагоновожатый назло так сделал, не иначе. На кого она похожа? О, неужели? М-с Мариам Дендрет, что продала мне свои старые шали и чёрное белье в Шелборн-отеле. Разведённая испано-американка. И бровью не повела, пока я перебирал. Словно я – козлы для просушки белья. Видал её потом на приеме у вице-короля, куда меня провел Стабс, егерь парка. Нет, постой, Вилэн из ЭКСПРЕССА. Доедали остатки роскоши. Чаепития. Я там сливы полил майонезом, думал это крем. У неё потом небось целую неделю уши горели. Я б ей сделал козлы. Прирождённая куртизанка. Вот кого не нанял бы детям в гувернанки. Покорнейше благодарю.

Бедняжка м-с Пурфо! Муж методист. В его безумии имеется система. Булка с тмином и обед из молока и содовой в образцовой

молочной. Ест с секундомером, тридцать два жевка в секунду. Но бакенбарды у него всё же растут, котлетной формы. Считается взаимосвязанным. Кузен Теодора из Дублинского Замка. В любой семье не без придурка. Он её награждает почти каждый год. Видал его возле Трёх-Весёлых-Пьяниц, вышагивает себе с непокрытой головой, а его старший тащил одну в авоське. Пищат, орут. Бедняжка. Да ещё год за годом давать им грудь в любое время ночи. Эти грудные такие эгоисты. Собака на сене. Премного благодарен, в мой чай таких услад не больше одного кусочка.

Он остановился на перекрёстке с Флит-Стрит. Пообедать за шесть пенсов у Ровса? Надо ещё найти ту рекламу в Национальной библиотеке. За восемь пенсов у Бертона. Пожалуй, да. Как раз по пути.

Он пошёл вдоль здания Болтон Вестморланд. Чай. Чай. Чай. Я забыл выдоить Тома Кернана.

Уфф. Тц, тц, тц. Только представить трое суток стонет на койке, на лбу уксусный компресс, живот вздут. Фьють! Невпротык! У младенца головка слишком велика: щипцы. Скрючился внутри неё слепо долбит, пробивается наружу. Я бы кончился. Счастье, что у Молли проходили легко. Должны же придумать что-то чтоб не так. В муках давать жизнь. Местная анастезия при родах: королева Виктория подала идею. Девять у неё было. Порядочный выводок. Старушка в башмаке жила и столько деток завела. Но у него, по-моему была чахотка. Пора кому-то и додуматься, вместо трепотни о многосмысленной сути отблесков серебра. Жвачка для дураков. Запросто можно делать деньги, и немалые. Никакого риска, из совокупности налогов отчислять каждому новорожденному пять фунтов для сложных вкладов, до двадцати одного, пять процентов это сто шиллингов и пять долбаных фунтов, за муки, умножить на двадцать, привлечёт вклады людей, накопиться сто десять с чем-то к двадцати одному году, надо б прикинуть на бумаге выходит круглая сумма, больше чем кажется.

Кроме мертворожденных, конечно. Их даже не регистрируют. Лишние хлопоты.

Забавно они смотрелись напару, со вздутыми животами. Молли и м-с Мойзель. Встреча матерей. Чахотка порой отступает, на время. А потом они кажутся вдруг такими плоскими! Умиротворённый взгляд. Камень с души. Старая м-с Торнтон милейшая была старушка. Все мои младенчики, говорила она. Ложку с молочной смесью сперва себе в рот, потом им даёт. Кушай крошка, очень ням-ням. Сынок Тома Волса руку ей перебил. Его первая заявка о себе обществу. Голова у него, ну, просто, как призовая дыня. Отзывчивый д-р Мюрен. К ним стучат в любое время. Доктор, ради Бога. У жены схватки. Потом месяцами дожидайся платы. За помощь вашей жене. Нет в людях благодарности. Доктора, в основном, гуманисты.

От массивных высоких дверей ирландской палаты парламента вспорхнула стая голубей. Подкрепились и резвятся. А ну ж, который? Ставлю на того чёрненького. Есть. Должно быть сладостно, так вот с лёту. Апджон, я и Овен Голдберг играли в обезьянок на деревьях возле Гус-Грин. Меня они прозвали Макрель.

Отряд констеблей промаршировал из Колледж-Стрит строем по-одному. Гусиный шаг. Распаренные едою лица, аж шлёмы взмокли, похлопывают свои дубинки. После кормёжки, с добрячей дозой жирного супа под ремнём. Счастливая участь полицейского. Они разбились на пары и рассеялись, откозыривая, по своим участкам обхода. Отпущены попастись. На них лучше всего нападать после пудинга. Пинком в заглоченный обед. Ещё один отряд, шагая вразнобой, обогнули ограду Троицы, направляясь в участок. Прямым ходом к своим кормушкам. Взвод, по коням. Будем рубать суп.

Он пересёк под охальным пальцем памятника Мору. В самый раз, что его поставили над уборной: слияние вод. Надо, чтоб и женские были. Забегают в кондитерские. Поправлю шляпку. Во всём широком мире ты не найдешь аллейки-и-и...Великая песня Джулии Морган. Сохранила голос до самого конца. Обучалась у Майкла Болфа кажется?

Он уставился в широкую униформу замыкающего. С ними лучше не связываться. Джек Повер мог бы поделиться: папаша полицейский. Если кто ерепенится при задержании, они потом отводят душу в кутузке. Впрочем их нельзя винить, на такой работе, особенно с молодыми отморозками. Тот конный полицейский в день вручения степени Джо Чемберлену в Троице, он сполна отработал своё жалованье. Ещё как сполна! Цоканье копыт его коня, когда гнался за нами вдоль Эбби-Стрит. К счастью мне хватило ума заскочить в МАНИНГС, а то б отмутузил. Вот уж он грохнулся! Наверняка раскроил черепушку о мостовую. Нельзя было, чтоб меня прихватили с теми медиками. Да ещё те жлобы из Колледжа Троицы в своих квадратных шапочках. Так и нарывались на неприятность. Однако, там я познакомился с молодым Диксоном, что потом обрабатывал мне этот пчелиный укус. Работал в *Mater*, а теперь на Холлес-Стрит, где м-с Пурфо. Одно за одно, всё так и цепляется. У меня до сих пор в ушах свистки полицейских. Все врассыпную. И чего он так за мной увязался. Сдать в участок. Вот тут как раз и началось.

– Молодцы буры!

– Ура Де Вету!

– Вздернуть Джо Чемберлена на кривом суку!

Глупыши: свора молодых щенков, лают до хрипоты. Мы наш, мы новый мир построим. Через пару лет половина их в магистратуре или на государственной службе. Случись война: сломя голову в армию: одним миром мазаны и те, кто на трибуне, и те, что в толпе.

Никогда не угадать с кем имеешь дело. У Корни Келехера что-то от Харвея Даффа в глазах. Как тот Питер или Денис или Джемс Карей, который сдал непокорённых. Тоже из корпорации. Отирался среди желторотых, чтоб разнюхать. Всё время получал жалованье от Замка, как секретный агент. Потом откинули его как горячую картошину. Потому-то все шпики и ухаживают за прислугой. Легче уломать привычную прислуживать. Приловит её у чёрного хода. Потискает малось. Потом следующее блюдо меню: а кто это к ним всё

захаживает? А сынок хозяйский чего болтает? Соглядатай в замочную свкажину. Подсадная утка. Юный студент с пылкой кровью увивается вокруг её сдобных голых рук занятых глажкой.

– Это твоё, Мэри?

– Мы такова не носим… Не лезьте, а то хозяйке скажу. И опять вот заполночь явилися.

– Близятся великие времена, Мэри. Вот увидишь.

– Да, ну вас с вашими временами.

Барменши тоже. Ещё продавщицы из табачных лавок.

Самая чёткая идея у Джеймса Стефенса. Уж он-то их знал. Кружки по десять, так что один не мог выдать больше своей десятки. Шинн Фейн. Захочешь выйти из игры – на нож нарвёшься. Тайная рука. Останешься – расстрел. Дочка надзирателя помогла ему бежать из ричмондской. Перепрятывался в Бекингем-отеле, под самым их носом. Гарибальди.

Должно быть увлекает: Парнел. Артур Грифитс пресноват, но умеет управлять толпой. Любит побалабонить про нашу любимую родину. Сало с салатом. Чайная дублинской хлебо-булочной компании. Диспут-клубы. Что республика наилучшая из форм правления. А вопрос о языке должен предшествовать экономическому вопросу. И твои дочери приманивают их в твой дом. И мясца им и выпивки. Гусь на день Св. Майкла. А уж какая чудная калла вызревает для тебя под этим фартучком. Вот ещё кусочек гусятинки, пока не остыло. Полуголодные энтузиасты, грошовый пирожок и марш-марш по улице с оркестром. Горе кормителю. Мысль, что платит другой – наилучшая в мире приправа. И уже располагаются как у себя дома. Кинь-ка мне пару тех абрикосов, или там персиков. Не такой уж отдалённый день. Солнце самоуправление восходит на северо-западе.

Он шагал с увядающей улыбкой, тяжелое облако медленно закрывало солнце, затеняя суровый фронтон Троицы. Трамваи обгоняли друг друга, въезжая, выезжая, трезвоня. Слова бессильны. Всё так и идет; день за днем: отряды полиции выходят,

возвращаются: трамваи выезжают, въезжают. Те два психа слоняются по улицам. Дигнама отвезли, закопали. Минна Пурфо со вздутым брюхом стонет на койке, чтоб вытащили из неё младенца. Каждую секунду кто-то рождается. За ту же секунду другой умирает. Пять минут назад я кормил чаек. С того момента три сотни врезали дуба. Другие три сотни родились: с них смыли кровь, все омыты кровью агнца блеющего мееееее.

Население целого города исчезает, появляется другое такое же население, уходит тоже: является ещё одно, проходит. Дома, порядки домов, улицы, мили и мили мостовой, кирпичная кладка, каменная. Переходят из рук в руки. Этот владел, тот. Говорят, домовладелец всех переживёт. Когда и он получит уведомление съехать, сменяет следующий. Покупают места за золото, а всё равно всё золото у них же и остаётся. Тут какой-то подвох. Скапливаются в городах, приходят в упадок в каждой эпохе. Пирамиды в песках. Выстроены на хлебе и луковицах. Рабы. Китайская стена. Вавилон. Остались громадные камни. Округлые башни. Остальное в руинах. расползающиеся околицы, дерьмострой, домики-грибки Кервана с подкладкой из ветра. Ночь перекантоваться.

Никто ничего не стоит.

Самое гадостное время дня. Оживлённость. Хмуро, нудно: терпеть не могу эти часы. Такое ощущение будто меня сожрали и выблевали. Дом провоста. Преподобный д-р Лосос: лососина в банках. Неслабо он тут забанковался. Я б тут ни за что не поселился, даже если б платили. Надеюсь, у них сегодня будет печёнка и бекон. Природа не терпит пустоты.

Солнце медленно высвободилось и зажгло сверкающие блики в серебряной посуде на витрине Вальтера Секстона, мимо которой проходил Джон Говард Парнел, не замечая. Вот он: брат. Образ его. Призрачное лицо. Ну, это совпадение. Бывает ведь, сто раз подумаешь о ком-то, а не встретишь. Ходит как лунатик. Никто его не знает. Наверно, сегодня собрание корпорации. Говорят он так ни разу и не одел форму со дня как получил должность городского

церемонимейстера. Чарли Буглер, бывало, выезжал на верховой лошади, в треуголке, расфуфыреный, выбритый и напудреный. И ходит он как-то пришибленно. Съел тухлое яйцо. Мешки под глазами призрака. У меня болит. Брат великого человека. Брат собственного брата. Неплохо б смотрелся на городской конячке. Заходил, должно, в Таможню, выпить свой кофе и сыграть в шахматы. Брат его играл людьми как пешками. Плевать что с ними станется. Боялись ему что-то поперёк сказать. Леденели под его взглядом. Вот что завораживает: имя. Всех в кулаке. Бешеный Фэнни и его сводная сестра разъезжали с красной упряжью. Осанкой как хирург Мардл. Аршин проглотил. Но, всё-таки, Дэвид Шихи победил его в округе Южного Митфа. Приобрети ценные бумаги и на покой, в общественную жизнь. Патриотический банкет. Жевали в парке апельсиновую кожуру. Когда его провели в парламент. Саймон Дедалус говорил, что Парнел встанет из могилы и выдернет из палаты общин.

– Про двуглавого осьминога, одна из его голов та, к которой забыли сойтись концы света, а другая говорит с шотландским акцентом. Ну, а щупальцы…

Они прошли за спиной м-ра Цвейта вдоль бордюра. Борода и велосипед. Юная женщина.

А вот тут тебе и этот. Ну, уж действительно совпадения: второй раз. Предстоящие события отбрасывают свою тень перед собой. Одобрение выдающегося поэта м-ра Тео Рассела. А с ним наверно Лиззи Твиг. А. Э.: это что обозначает? Инициалы, наверно. Альберт Эдвард, Артур Эдмунд. Альфонсус Эб Эд Эл эсквайр. Что это он говорил такое? Концы света с шотландским акцентом. Щупальцы: осминог. Что-то оккультное: символизм. Только вперёд. А она всё это заглатывает. И словечка не проронит. Для помощи джентльмену в литературной работе.

Взгляд его последовал за высокой фигурой в домодельном, борода и велосипед. Сбоку внимающая женщина. Возвращается из вегетарианской. Лишь отвары да фрукты. Бифштекса не едят. Если

съешь, взгляд убиенной коровы будет преследовать тебя через всю вечность. Говорят, полезно. Потом бздишь и ходишь жидким. Пробовал. Бегаешь весь день. Как от копчёной селедки. И снится всякая муть. Почему-то блюдо, что мне у них тогда подали, называется орехштекс. Орехорианцы. Фрукторианцы. Чтоб ты думал, будто ешь рамштекс. Чушь. Да ещё и пересолено. Готовят на соде. Всю ночь хлебаешь из-под крана.

Чулки у неё сбежались на щиколотках. Терпеть не могу: безвкусица. Весь этот литературно-эфирный люд. Грёзы, туманы, символы. Они – эстеты. Не удивлюсь, если пища, на которую смотришь, вызывает соответственные мозговые волны, поэтические. Взять, к примеру, кого-нибудь из полисменов, на которых рубахи преют от ирландской похлёбки; из такого и строчки не выжмешь. Они без понятия шо оно такое – поэзия. Необходим настрой.

Чайка-грёза туманных снов
Над бездною вод испускает зов

Он пересёк угол к Нассау-Стрит и встал перед витриной Йитса и Сыновей, прицениваясь к биноклям. Может заскочить к старине Харрису и поболтать с молодым Синклером? Добропорядочный малый. Наверно, вышел уже на ланч. Надо б отдать, чтоб наладили мой старый бинокль. Герцевы линзы, шесть гиней. Немцы пробиваются повсюду. Продают со скидкой, чтоб перехватить торговлю. В бюро забытых вещей на вокзале куча биноклей. Диву даёшься, чего только не забывают люди в поездах и гардеробных. О чём они думают? Женщины тоже. Невероятно. В прошлом году, как ехал в Эннис, пришлось подобрать сумку той фермерской дочки и передать для неё на лимерикском разъезде. Или ещё невостребованные деньги. А бинокль можно проверить на тех маленьких часах под самой крышей банка.

Веки его чуть приспустились на радужную оболочку. Не видать. Если представить, что они там, то почти видятся. Нет, не различаю.

Он развернулся и, стоя между тентами, вытянул правую руку к солнцу во всю длину. Давно хотел попробовать. Да: полностью. Кончик его мизинца прикрыл солнечный диск. Должно быть фокус пересечения лучей. Будь на мне тёмные очки. Интересно. Вели разговоры про пятна на солнце, когда жили на западном конце Ломбард-Стрит. Это же жуткие взрывы. В этом году будет полное затмение: где-то под осень.

А тот шар, надо полагать, падает по гринвичскому времени. Часы ведь регулируются по электрическому проводу из Дансинка. Неплохо б выбраться туда как-нибудь в субботу в начале месяца. Будь у меня рекомендация к профессору Джолаю, или если б я знал что-нибудь про его семью. Действует безотказно: человек всегда чувствует себя польщённым. Лесть откуда и не ждали. Благородный человек гордится происхождением от какой-нибудь из любовниц короля. Его прародительница. Нужен подход. Со смирением и мир обойдешь. Не то, чтоб ввалиться и брякнуть чего тебе и знать не положено: а я, мол, знаю что такое параллакс. Проводите-ка джентельмена вон.

Эх.

Рука его опала вниз обратно вдоль тела. Никогда толком не понимал. Трата времени. Вертятся газовые шары, пересекаются, проходят. Всегда всё та же давняя дребедень. Потом газ затвердевает, потом планета, потом остывает, потом мёртвая скорлупа всё так же вертится, обледенелый камень. Луна. Она сказала сейчас новолуние. Пожалуй, так и есть. Он пошёл дальше по Ла-Мейсон-Клэр.

Погоди. Полнолуние было точнёхонько две недели назад в субботу. Мы гуляли вдоль Толки. Чудная луна сегодня. Она напевала: Сияет юный майский месяц, любовь. Он с той стороны от неё. Локоть, рука. Он. Мерцает светлячок, лююбовь. Прикосновение. Пальцы вопрошают. Отвечают. Да.

Ну, хватит. Если и было – было. Не миновать.

М-р Цвейт учащённо дыша, замедлившейся походкой миновал Адам-Корт.

С облегчением отвлекаясь, взгляд его заметил: аж на той стороне улицы, средь бела дня, узкоплечий Боб Доран. В своем ежегодном загуле, говорил М'кой. Напиваются затем, чтоб сказать что-нибудь или сделать, или *cherchez la femme*. Куролесит на Кумби с трубочистами и уличными, а потом целый год трезвый, как судья.

Да. Так и есть. Крен в "Империю". Ты глянь, попал-таки. Содовая его взбодрит. Там было кабарэ "Арфа" Пэта Кинселлы, ещё до того, как Витбред держал там КОРОЛЕВУ. Вот был живчик. Тот его номер с Дионом Бусико: лицо как полная луна, под женским капором. Три милашки. Как летит время, а? Показывал длинные красные панталоны из-под своей юбки. Выпивохи пёрхали, от хохота расплескивали пойло. Дай жару, Пэт! Яро-красный: радость пьяниц: дым и хохот. Сдергивал ту белую шляпку. Мешковатые глаза. Где-то он теперь? Где-нибудь нищенствует. Арфа манившая всех нас когда-то.

Тогда я был счастливее. Но я ли то был? А нынешний я это я? Двадцать восемь мне было. А ей двадцать три, когда мы переехали куда-то с Ломбард-Стрит. Стала такой сварливой после Руди. Время не повернуть. Всё равно что держать воду в ладони. А хотел бы вернуть? Как раз начиналось. Хотел бы? Ты наверно несчастен в своем доме бедный неслух. Хотела бы пришивать мне пуговицы. Надо ответить. Напишу в библиотеке.

Грэфтон-Стрит наводнила его ощущения разноцветьем надвитринных тентов. Муслин с узором, шёлк, дамы и матроны, бряцанье упряжи, гулкий перестук копыт по нагретой мостовой. Толстоваты у неё ноги, у той вон в белых чулках. Надеюсь, дождь ей их подзабрызжет. Раскормленная деревенщина. Привалили все говядопятые. Делает из женской ножки ступало. А у Молли как по струнке.

Он лениво прошёл вдоль витрин Браун и Томас, торговля шёлком. Водопад лент. Тончайшие китайские шелка. Опрокинутая ваза изливает поток кроваво-алого поплина: сияющая кровь. Это гугеноты сюда завезли *La causa e santa!* Таратара. Великолепный хор. Тара. Стирать надо в дождевой воде. Мейебер. Тара: пам, пам, пам.

Подушечки для игл. Давно уже грожусь купить. Растыкивает их по всему дому. Иголки в оконных занавесках.

Он чуть оголил левую руку. Цапрапина: почти прошла. Но не сегодня. Надо ещё зайти за тем лосьёном. Может на день её рожденья. Июньюльавгусентябрь восьмое. Почти три месяца. А может ещё и не понравится. Женщины не любят подбирать булавки. Скажет: упала, смотри не уколись. Мерцание шелков, юбки на тонких медных спицах, лучи из гладких шёлковых чулков.

Вернуться нет смысла. Не миновать. Скажи мне всё.

Тонкие голоса. Нагретый солнцем шёлк. Позвякивающая упряжь. Всё для женщины, для дома и уюта, рулоны шёлка, серебряная утварь, изысканные фрукты, пряности из Джаффы, от Ажендат Нетайм. Сильные мира сего.

Разгорячённо человечья пышнотелость навалилась на его мозг. Мозг сдался. Во всём чудился привкус объятий. Смутно изголодалой плотью он онемело жаждал преклониться.

Дюк-Стрит. Дошёл наконец. Нужно поесть. У Бартона. И настроение подымется.

Он свернул за Кембридж-Корнер, всё ещё под наваждением. Цоканье подков. Надушенные тела, тёплые, полные. Все целовались, отдавались: в глубине летних полей, на спутанной примятой траве, в подстёгивающей ненадёжности подъездов, на диванах, скрипучих кроватях.

– Джек, любимый!

– Милая!

– Поцелуй меня, Рэгги!

– Родной!

– Любимая!

С расходившимся сердцем толкнул он дверь ресторана Бартона. Вонь пресекла его взбудораженное дыхание: наваристый мясной бульон, хлёбово из овощей. Полюбуйся кормёжкой скота. Мужчины, мужчины, мужчины.

Унасестившиеся на высоких сиденьях вдоль стойки, сдвинув котелки на самый затылок, за столами, выкликая, чтоб ещё поднесли бесплатного хлеба, алчно, взахлёб глотающие жидкий корм, разбухая глазами, подтирая замоченные усы. Бледный салолицый молодой человек протирал салфеткой нож и вилку с ложкой. Добавочная куча микробов. Мужчина оботкнутый младенческим, в пятнах соуса, нагрудником, перечёрпывал булькающий суп в свою утробу. Другой сплёвывал назад в свою тарелку: полупрожёванный хрящ: нет зубов разжевжевжеватьего. Кус жареного мяса на шампуре. Заглатывает. Тоскливый взор пьянчужки. Откусил больше, чем в силах прожевать. И я такой же? Смотри на себя глазами других. Голодный мужчина – злой мужчина. В работе зубы и челюсти. Нет! О! Кость! Последний языческий король Ирландии Кормек из школьного стихотворения подавился в Слетти к юго-западу от Бойна. А что он ел? Объедятину. Святой Патрик обратил его в христианство. Но ему оказалось не по зубам.

– Ростбиф с капустой.

– Одно жаркое.

Запахи мужчин. Ему подкатило к горлу. Захарканные опилки, тепловато-приторный дым сигарет, смрад жевательного табака, пролитого пива, мужской пивной мочи, прогорклой закваски.

Здесь кусок не полезет в горло. Детина нацеливает свой нож и вилку поглотить всё, что ни есть, старик колупается в своих дуплах. Слегка отрыгнул, погуще, принялся плямкать жвачку. До и после. Послеобеденная молитва. Глянь сюда, потом туда. Доскребает подливу жаркого, накрошив хлебного мякуша. Да просто вылижи тарелку, старина. Прочь отсюда.

Напрягая крылья носа, он озирался вокруг на унасестившихся и застольных едоков.

– Сюда два портвейна.

– Жаркое с капустой.

Вон молодчик запихивает в себя сколько смог поднять на ноже капусты, словно от этого зависит вся его жизнь. По-богатырски. Мне аж муторно. Ему сподручнее есть тремя его лапами. Раздирая на ошмётки. Его вторая натура. Родился с серебряным ножом во рту. По-моему, остроумно. Или нет. Серебро знак достатка. Родился с ножом. Но тогда пропадает намек на поговорку. Расхрыстанный официант собирал липкие звякающие тарелки. Рок, помощник шерифа, стоя у стойки, сдувал венчик пены со своего бокала. Вздулась: желтея шмякнулась у башмака. Обедающий, отложив нож с вилкой, упер локти в стол, а взгляд, в ожидании второго, на подъемник блюд поверх заляпанного квадрата своей газеты. Другой завсегдатай что-то ему рассказывает с набитым ртом. Сочувственный слушатель. Застольная беседа. Я всчавтил мнемго в чавкверть в Плямпстер-Банке. Да, ну? Ишь ты.

М-р Цвейт в сомнении поднял два пальца к губам. Вид его говорил:

– И тут его нет. Нигде не видать.

Прочь. Гнусная обжираловка.

Он повернул к выходу. Перехвачу чего-нибудь у Деви Бирна. Подзаправлюсь. Хватит. Плотно позавтракал.

– Ростбиф с картошкой сюда.

– Пинту портвейна.

Каждый за себя, зубами и когтями. Ковть. Плям. Ковть. Жратвопожирание.

Он вышел на прояснивший воздух и повернул обратно к Грэфтон-Стрит. Жри или будешь сожран. Убей! Убей!

Ну, предположим в будущем и впрямь будет общая кухня. Все несутся рысцой наполнить миски и котелки. Содержимое переваривают на выходе. Джон Говард Парнел, например, провост Троицы, да какой угодно мамки сын, хватит уже твоих провостов и Троицы тоже, женщины и дети, извозчики, священики,

проповедники, фельдмаршалы, архиепископы. С Айлсбери-Роуд, с Клайд-Роуд, из жилищ ремесленников, из северных кварталов Дублина, лорд-мэр в своём бежевом экипаже, старая королева на её гарнитурном кресле. А у меня в тарелочке пусто. После вас к нашей усреднённой пивной кружке. Отец О'Флинн всех их объегорит. Всё равно перегрызутся. Каждому охота первым. Дети дерутся – кому выскребать кастрюлю. Потребуется суповый котел размерами с Феникс-Парк. Из него гарпунят свиные ляжки и ребра. Терпеть не могу, когда вокруг люди. В отеле АРСЕНАЛ, она говорила таблот. Суп, второе и сладкое. Пойди разберись чьи мысли пережевываешь. Да, но кому мыть все вилки и тарелки? Может к тому времени все будут питаться таблетками. Зубы всё хуже и хуже.

Но помимо, остаётся ещё много всяких вегетарианских утончённо-пряных штучек из чеснока, хотя, конечно, воняет; итальянские членотёрки, мелкорезаный лук, грибы, трюфеля. И животным же больно. Осклизлые потроха. Несчастный скот на рынке в ожидании, когда молотом раскроят череп. Му. Бедные дрожащие бычки. Мээ. Хлесткий удар. Визг пресёкся. Подрагивают блики на вёдрах мясников. Дай-коть нам ту вона грудинку шо на тем кручке. Плюх. Череп и кости накрест. Ободранные стеклоглазые овцы подвешены за задние, из овечьих ноздрей на опилки сочится тягучая слизь в крапинках крови. Выдёргиваются жилы. Так-то куски не шмякай, малый.

Горячую свежую кровь предписывают при упадке сил. На кровь всегда спрос. Выжидают. Вылакать, дымно горячую, густосахаристую. Изголодалые призраки.

Ух, как я проголодался.

Он вошёл в бар Деви Бирна. Пристойный трактир. Может иногда и выпивкой угостить, но раз в четыре года, на високосный. Однажды обменял мне чек на деньги.

Так что взять? Он вынул свои часы. Ну-ка прикинем. Шипучку?

– Привет, Цвейт!– сказал Носач Флинн из своего закутка.

– Привет, Флинн.

– Как дела?

– Высше…

Тогда так. Возьму бокал бургундского и… что бы такого взять-то?

Сардины на полках. Вкус чувствуется почти даже взглядом. Сэндвич? Ветчина из потомков племенного отбора и ухода. Тушёнка. Что за дом без мяса Сливви? Неполон. До чего ж дурацкая реклама! Печатать такое под извещениями о смерти. Корни слив тянут соки. Тушёное мясо Дигнама. Людоеды приправили б лимоном и рисом. До чего просолился этот белый миссионер, однако. Как шпигованная свинина. Выжидают пока вождь полакомится почётным куском. Жестковат небось от многократного употребления. Среди жён вождя свара за честь удостоиться первой испытать эффект. *Жил-был старый негр-царёк. Он, это самое, и слопал это самое у преподобного МакТриггера*. А с ним – обитель блаженства. Бог его знает, что за рецепт. Плевру, требуху, трахеи скручивают и измельчают. А мяса в нём днём с огнём. Маца. Не сочетать мясо и молоко. Теперь это называют гигиеной. Йом Кипур пост по весне, прочистить утробу. Мир и войны зависят от чьего-то пищеварения. Религии. Рождественские гуси и индюшки. Избиение невинных. Ешь, пей и возвеселяйся. Потом хирургические палаты битком. Забинтованные головы. Сыр переваривает всё кроме себя самого. Могучий сыр.

– Найдется у вас сэндвич с сыром?

– Да, сэр.

Неплохо бы ещё пару оливок, если у них есть. Итальянские мне нравятся. Добрый бокал бургундского отгонит. Притупит. Салату следует быть прохладным, как огурец. Том Кернан умеет заправить. Вложить туда смак. Чистое оливковое масло. Милли мне тогда сготовила котлету со стебельком петрушки. Взять одну испанскую луковицу. Бог создал пищу, а чёрт поваров. Уха из морского чёрта.

– Жена здорова?

– Вполне, спасибо… Значит, сэндвич с сыром. Горгондола есть у вас?

– Да, сэр.

Носач Флинн отхлебнул свой грог.

– Поёт где-нибудь нынче?

Глянь на его губы. Мог бы свистнуть в собственное ухо. И для комплекта торчат как обезьяньи. Музыка. Смыслит в ней не больше извозчика. Но лучше сказать ему. Не повредит. Бесплатная реклама.

– У неё агажемент на большое турне в конце месяца. Слыхали, наверно?

– Нет. О, это замечательно. А кто устроитель?

Продавец подал.

– Сколько с меня?

– Семь пенсов, сэр… Благодарю, сэр.

М-р Цвейт нарезал свой сэндвич ломтиками. *От МакТриггера*. Легче чем те плюшки-пышки. *И пятьсот его жен, все до одной, потом балдели наперебой*.

– Горчицы, сэр?

– Благодарю.

На каждый из ломтиков он посадил рядок желтых капель. *Наперебой*. Вот так. *Он всё большал, большал и большал*.

– Кто устраивает?– сказал он.– Ну, это задумано как компания, понимаете? Долевые взносы, доля из прибыли.

– Ага, вспомнил,– сказал Носач Флинн, засовывая руку в карман, поскрести в яйцах.– Кто это мне говорил? Ухарь Болан тоже в доле, нет?

Теплый удар воздуха, жар горчицы плеснулись на сердце м-ра Цвейта. Он поднял глаза и встретил желчный взор часов. Два. В трактирах их подводят на пять минут вперёд. Время идёт. Стрелки движутся. Два. Ещё нет.

Его диафрагма заныла, потом поднялась. Опала, защемила продолжительней, жаждуще.

Вино.

Он вдохнул-вхлебнул живительного сока и, настырно упрашивая горло скорее пропустить, взвешенно опустил свой бокал на стойку.

– Да,– сказал он.– По сути, он это и организовал.

Бояться нечего. Тупица.

Носач Флинн подшмыгнул и почесался. Блоха пирует.

– Ему крупно пофартило, мне Джек Мунн говорил, на боксёрском матче, когда Майлер Кьог побил того солдата из казарм Портобелло. Говорят, он держал того отрываку в графстве Карлоу...

Надеюсь эта каплища не плюхнет ему же в стакан. Нет, подшмыгнул обратно.

– Почти месяц, слышь-ко, до самого боя. Всю дорогу на сырых утиных яйцах. Выпивки и нюхнуть не давал. Каков, а? Ей-Богу, Ухарь малый с головой.

Деви Бирн вышел из комнатки позади стойки, с поддёрнутыми под резинки рукавами рубахи, утирая губы взмахом-другим салфетки. Сытный румянец. И чьи черты улыбкою лучатся какой-то там такою полнотой. Через меру пастернака на сале.

– А вот и сам да с перчиком,– сказал Носач Флинн.– Может подкинете надёжную наводку насчёт Золотого Кубка?

– Не по моей части, м-р Флинн,– ответил Деви Бирн.– Я в жизни ничего не ставил на лошадей.

– И очень правильно,– сказал Носач Флинн.

М-р Цвейт поедал ломтики своего сэндвича, свежий чистый хлеб, вкусно до отвращения, острая горчица, зелёный сыр с запахом ног. Глоточки вина холили его нёбо. Не то что та тебе лакокраска. Вкус насыщенней в такую погоду, когда не холодит. Приятный тихий бар. Неплохое дерево пошло на эту стойку. Отличная полировка. Эти вот разводы ласкают взгляд.

– Меня ничем не заманишь,– сказал Деви Бирн.– Эти лошадки сколько людей пустили по миру.

Основной навар загребает виноторговец. Лицензия на продажу пива, вина и спиртного на трибунах. Решка – выиграл я, орел – ты мне проиграл.

– Это точно,– сказал Носач Флинн.– Если не знать загодя. Нынче уж нет честного спорта. Лениен знает толк в лошадях. Сегодня он за

Мантию. А фаворит – Цинфандель лорда Говарда де Волдена, побеждал в Эпсоне. Жокеем на нём Морни Кеннон. Две недели назад я б мог выиграть один к семи против Сент-Аманты.

– Да, ну?– сказал Деви Бирн.

Он прошёлк окну и взяв книгу мелких приходов-расходов, стал просматривать её страницы.

– Чуть не выиграл, правда,– сказал Носач Флинн, шмыгнув.– Выставили редкостную лошадку. Хозяин её Сент-Фраскин. Она промчалась как шквал, ротшильдова кобылка, уши мохнатые. Жокей в синем, жёлтое кепи. Не повезло бедняге Бену Долларду с его Королем Джоном. Это он меня отговорил. Так-то.

Он отрешённо отпил из своего бокала, проехался пальцами вниз по бороздкам на нём.

– Такие вот дела,– сказал он, вздыхая.

М-р Цвейт, жуя стоя, покосился на его вздох. Носач дубоголовый. Сказать ему про лошадь Лениена? Он уже знает. Пусть уж лучше не думает, пойдёт и опять проиграет. Дурак и его деньги. Каплища снова вытекла. Станет целоваться, нос застудит. Впрочем, женщинам, может, и нравится. Колючие бороды им по нраву. Холодный нос собак. Рычун и задира терьер Скай старой м-с Риордан в отеле АРСЕНАЛ. Молли ласкала его у себя на коленях. Ах, ты такая собачина-чина-чина! Вино смочило и смягчило скрутку из хлеба, горчицы и, на какой-то миг гадостного, сыра. Превосходное вино. Вкус приятнее, потому что у меня не было жажды. Потому что принял ванну. Пары ломтиков хватит. Потом часов в шесть можно будет. Шесть, шесть. К тому времени уже будет позади. Она...

Мягкий огонь вина затеплился в его жилах. Вот мне чего не хватало. Чувствовал себя совсем жёванным. Глаза его без вожделенья осматривали полки жестянок, сардин, ярких клешней раков. Каких только диковин не едят люди. Нутро раковин, морских ежей, французы даже слизняков, вместо того чтоб наживить крючок удочки. А глупых рыб и тысячи лет не научили. Рискованно брать в рот чего не знаешь. Ядовитые ягоды. Волчьи. Привыкли думать, что

всё округлое – хорошее. Яркие цвета предостерегают. Один предупредил другого и так оно и пошло. Попробуй сперва на собаке. Манит вид или запах. Соблазнительный плод. Шарики мороженого. Сливки. Инстинкт. Апельсиновые рощи например. Им нужно искуственное орошение. БЛЯЙБТРОЙШТРАССЕ. Да, но как же устрицы? Безобразны, как выхаркнутая слизь. Загаженые раковины. Кто про них разнюхал? Кормятся на отбросах, канализации. Устрицы с отмелей Фиц и Красная. Влияют на потенцию. Афродитичны. Ещё сегодня утром она была на Красной Банке. А мужской род у них есть? Устрица со своим устрицем. А есть ведь люди, которым нравится дичь с душком. Тушёный заяц. Делить шкуру непойманного. Китайцы едят яйца пятидесятилетней давности, сине-зелёные. Обед из тридцати блюд. Каждое из блюд безвредно, а внутри могут вступить в реакцию. Идея загадочного отравления. Кажется, это был герцог Леопольд? Нет. Да. Или кто-то из Габсбургов? Или кто там приноровился есть перхоть с собственной головы? У нас самая дешёвая закуска. Ещё бы, аристократы. Потом другие подхватывают, чтоб по моде. Милли тоже муку с керосином. Сырая сдоба мне и самому нравится. Половину улова устриц сбрасывают обратно в море, чтоб держались в цене. Дешёвое. Никто не купит. Икра. Благородит. Рейнское в тёмных бутылках. Пышнопенное. Леди такая-то. Жемчуг на припудреной груди. Элита. Сливки сливок. Им и блюда нужны особые, чтоб прикидываться такими. Отшельник обуздывает порывы плоти тарелкой фасоли. Узнать друг друга немало вместе съесть. Королевская стерлядь. Главный шериф, Кефей, мясник, прямо с работы на пир с лесной дичью. Отослал ему полкоровы. Приготовление для званого ужина, что я однажды видел на кухне Управляющего Архивом. Шеф-повар в белой шапочке, как раввин. Чуть обжаренная утка. Кудрявая капустка a la ГЕРЦОГИНЯ ПАРМСКАЯ. Стоило б указывать в меню, чтоб знал что съел, слишком много приправ портят бульон. Сам знаю. Добавить супового концентрата Эдвардса. Гусь с начинкой для них нелепица. Раки любят вариться живьём. Попгобуйте кугопаточки, ггаф. Не прочь

пристроиться официантом в шикарном отеле. Чаевые, вечерний костюм, полуобнаженные дамы. Позволите соблазнить вас на ещё один кусочек филе камбалы с лимоном, мисс Дюбэ? Да, валяйте. И ввалил. Скорее всего гугенотская фамилия. Помню одна мисс Дюбэ жила в Килинее. Дю, де, ла – французские. А на деле, небось, рыба как рыба, вроде той, с потрошения которой начал зарабатывать деньги старый Микки Хэнлон с Моор-Стрит, не может поставить подпись на чеке, так кривит рот, будто пейзаж рисует. Мыыыйыкыл А Айкл Кы. Малограмотнее сапога, стоит пятьдесят тысяч фунтов.

Слипшись на стекле взжужжали две мухи, слепились.

Вино теплясь на его нёбе, оттягивало проглатывание. Раздавленные в винном прессе гроздья Бургундии. Жар солнца в них. Подобно тайному прикосновению, напоминающему о былом. Коснулось его чувств, увлажнило, напомнило. Укрылись под развесистыми папортниками на вершине Тёрна. Под нами залив дремотного неба. Ни звука. Небо. Залив лиловеет у головы Льва. Зелёный возле Драмлека. Ближе к Саттону желто-зелёный. Подводные поля, коричневатые отсветы водорослей, затонувших городов. Откинувшись на мой свернутый подушкой плащ, она разметала волосы, серьги, по росткам вереска, моя рука под её головой, ты меня всю разлохматишь. О чудо! Прохладно-мягкая от притираний её рука коснулась меня, приласкала: глаза обращены ко мне не отводит. Одурманеный лёг я на неё, полные губы приоткрылись, целую в рот, долго. Умгум. Она мягко протиснула мне в рот кусочек пирога с тмином, тёплый и жёваный. Противный мякиш перемятый её ртом, ставший сладко-кислым от её слюны. Восторг: я съел его: восторг. Юная жизнь подставляла мне губы, чуть выпятив. Мягкие тёплые, клейко-сладкие губы. А глаза – цветы, возьми-меня, полные желания глаза. Посыпались камешки. Она лежала не шевелясь. Коза. Никого. Между родендронов на верхушке Тёрна козочка смело похаживала, рассыпая свои катышки. Под навёсом из папортников она засмеялась, тепло и протяжно. Теряя голову, я лёг на неё, целовал глаза, губы, вытянутую шею, пульс,

зрелые груди, что распирали блузку из монастырской кисеи, упругие соски торчком. Довёл её. Она меня поцеловала. Я её. Сдаваясь окончательно, она ерошила мне волосы. И целовала меня, целовала.

Меня. А теперь вот я.

Слипшись, взжужжали мухи.

Его опущенные глаза проследили безмолвные извивы вен дубовой панели.

Красиво: эти изгибы, округлости, они-то и привлекают. Пышнотелые богини, Венера, Юнона: мир восхищается округлостями. Можно посмотреть в музее библиотеки, расставлены в круглом зале нагими, богини. Способствует пищеварению. Им всё равно кто на них смотрит. Всё напоказ. Хранят молчание и ноль внимания на тупиц вроде Флинна. Допустим, у Пигмалиона с Галатеей, какие были её первые слова? Смертный! Знай своё место. Хлыщут нектар на пирах богов, золотые чаши, до краёв с амброзией. Не чета нашим шестипенсовым ланчам, варёная баранина, морковь да репа, бутылка на запивку. Нектар это, наверно, будто пьёшь электричество: пища богов. Если у женщины восхитительная фигура, значит божественно сложена. Прелесть бессмертных. А мы запихиваем еду в одну дыру и вываливаем через заднюю: еда, лимфа, кровь, дерьмо, земля, еда: необходимо питание, как двигателю горючее. А у них нет? Никогда не обращал внимания. Сегодня загляну. Хранитель не заметит. Уроню что-нибудь, наклонюсь подобрать и загляну есть ли у неё.

Капельно тихое оповещение поступило из его мочевого пузыря, пойти слить, или ещё подерж..? Нет, таки нужно. Уж так устроен человек, он осушил свой бокал до дна и направился, людям они тоже отдавались, ощутить по-человечьи, возлежали с любовниками людьми, юноша тешил её, во двор.

Когда стих звук его ботинок, Деви Бирн спросил из-за книги:

– А что он собственно такое? По страховой линии?

– Давно уже оставил,– сказал Носач Флинн.– Сейчас делает рекламу в НЕЗАВИСИМОМ.

– Обычно он неплохо выглядел,– сказал Деви Бирн.– У него что-то стряслось?

– Стряслось?– сказал Носач Флинн.– Ничего такого не слыхал. С чего это?

– Я смотрю, траур на нём.

– Да, ну?– сказал Носач Флинн.– А ведь точно. И я ещё спросил как у него дома. Ей-Богу, правда ваша. На нём траурное.

– Я никогда не выспрашиваю,– сказал Деви Бирн, чуткийогда вижу, что джентельмен в трауре. Зачем бередить боль.

– Но во всяком случае, это не жена,– сказал Носач Флинн.– Позавчера я его встретил на выходе из молочной жены Джона Нолана, ИРЛАНДСКАЯ ФЕРМА на Генри-Стрит, он нёс домой банку сливок для своей прекрасной половины. Она, таки, неплохо питается. Сдобная пышечка.

– Так он работает в НЕЗАВИСИМОМ?– сказал Деви Бирн.

Носач Флинн сморщил губы.

– Того, что ему перепадает от рекламы на сливки не хватит. Разве что на мясо.

– То есть, как это?– спросил Деви Бирн, отрываясь от своей книги.

Носач Флинн сделал быстролетные знаки в воздухе мелтешащими пальцами. Подмигнул.

– Он из этих,– сказал он.

– Да что вы говорите?– отозвался Деви Бирн.

– Вот то и говорю,– ответил Носач Флинн.– Древний вольный и славный орден. Свет, жизнь и любовь, ей-Богу. Они его подкармливают. Мне это говорил, ну,.. не скажу кто.

– Но правда ли?

– Очень даже отличный орден,– сказал Носач Флинн.– Подкатываются к тебе, когда дела твои совсем не в дугу. Я знаю одного, что хотел пролезть к ним, да только они до чёртиков недоверчивы. Ей-Богу, правильно делают, что не принимают женщин.

Деви Бирн улыбзевнукивнул, все сразу:

– Иииииххааааааах!

Всласть зевнувший Деви Бирн сказал с промытыми слезой глазами:

– Но правда ли это? Такой тихий, скромный. Частенько его тут вижу, но ни разу, знаете ли, через край.

– Сам Господь Вседержитель его не напоит,– сказал Носач Флинн твёрдо.– Как начинается дым коромыслом, он – раз, и улизнул. Заметили, как он тут на свои часы поглядывал? Ах, да это ещё без вас. Предлагаешь ему выпивку, он первым делом за часы – свериться что ему можно принять. Только ради этого, клянусь Богом.

– Есть и такие,– сказал Деви Бирн.– Осмотрительный человек.

– Он не так уж и плох,– сказал Носач Флинн, зашмыгивая её обратно.– Бывало и он скидывался, чтоб помочь кое-кому. Чёрту – чёртово. Да, у Цвейта есть хорошие стороны. Но кое-что он ни в жизнь не сделает.

Его рука нацарапала подпись всухую сбоку от его грога.

– Понятно,– сказал Деви Бирн.

– Ничего чёрным по белому, так-то вот.

Пэдди Леонард и Бентем Лайенс вошли вместе. Следом за ними Том Рошфор, смуглейшая рука на бордовом жилете.

– Дедобры, м-р Бирн.

– Дедобры, джентельмены.

Они остановились вдоль стойки.

– Кто ставит?– спросил Пэдди Леонард.

– Ну, уж не тот кто сидит,– откликнулся Носач Флинн.

– Ладно, что брать?– спросил Пэдди Леонард.

– Я бы випил имбирного,– сказал Бентем Лайенс

– Сколько?– воскликнул Пэдди Леонард.– С каких это пор, Господи? А тебе, Том?

– Что скажет главный мелиоратор?– вопросил Носач Флинн, отхлёбывая.

Вместо ответа Том Рошфор приложил руку к солнечному сплетению и икнул.

– Можно побеспокоить вас насчёт стаканчика свежей воды, м-р Бирн,– сказал он.

– Конечно, сэр.

Пэдди Леонард оглядел своих собокальников.

– Господи правый левый,– сказал он,– полюбуйтесь кого я спаиваю. Холодная вода и шипучка! Пара молодчиков, что слизывали б виски и с немытых ног. А у него-таки есть тёмная лошадка на Золотой Кубок. Полный верняк.

– Цинфандель, нет?– спросил Носач Флинн.

Том Рошфор ссыпал порошок из сложеной бумажки в поставленную перед ним воду.

– Эта проклятая диспепсия,– произнес он, прежде чем выпить.

– Пищевая сода хорошо помогает,– сказал Деви Бирн.

Том Рошфор кивнул и выпил.

– Так Цинфандель, что ли?

– Только тихо,– подмигнул Бентем Лайенс.– Я и сам рискну на пять монет.

– Ну, так и нам скажи, если стоящий друг, чёрт тебя раздери,– сказал Пэдди Леонард.– Кто тебе дал наводку?

М-р Цвейт, проходя к выходу, поднял три пальца в знак привета.

– Пока,– сказал Носач Флинн. Остальные пооборачивались.

– А вот и тот, кто дал мне знать,– прошептал Бентем Лайенс.

– Пррфт!– с презрением произнес Пэдди Леонард.– М-р Бирн, сэр, мы возьмём пару ваших джеймсовских и...

– Имбирного,– добавил Деви Бирн вежливо.

– Ага,– сказал Пэдди Леонард.– Бутылку с соской для младенчика.

М-р Цвейт шагал к Доусон-Стрит, прочищая языком зубы. Для этого понадобиться какая-нибудь зелень: шпинат, например. Впрочем, с просвечивающими лучами Рентгена можно бы.

На Дюк-Лейн изголодалый терьер срыгнул хрящеватую жеванину на брусчатку и начал лопать её с новым рвением. Пресыщение. С благодарностью возвращаем, полностью переварив содержимое. Сперва десерт – потом остренькое.

М-р Цвейт утомлённо вышагивал. Грызуны. Они у него на второе. Движется только верхняя челюсть. Интересно, Том Рошфор что-нибудь сделает с тем своим изобретением? Трата времени: пытался растолковать Флинну. Разжевал и в рот положил: передай дальше. У тощих рты длинные. Нужен бы зал или какое другое место, куда могли бы приходить изобретатели и изобретать себе вволю. Но туда к тебе и чокнутые набьются, ясное дело.

Он залалакал, продлевая возвышенное эхо, заключительные такты.

Don Giovanni, a cenar teco
M'invitasti

Настроение приподнялось. Бургундское. Неплохо взбодрило. Кто был первый винодел? Какой-нибудь горемыка. Голландская храбрость. Вперёд, за добычей в НАРОДЕ КИЛКЕНИ в Национальной библиотеке.

Чистые голые унитазы, преисполненные ожиданием, в витрине ВИЛЬЯМ МИЛЛЕР – САНТЕХНИКА, повернули его мысли вспять. И могли бы прослеживать как проходит до самого конца, проглатывают же иголку, а спустя годы выходит между ребер, турнэ по всему телу, минует желчный тракт, печёнка-селезёнка, желудочный сок, повороты кишечника как у труб. Но бедолаге пришлось бы стоять все время для показа его потрохов. Наука.

A cenar teco

Что значит *teco*? Наверно, вечером.

Дон Джиованни, вечером вы пригласили
На ужин меня,
И рам, и рампам

Не очень складно.

Ключи: два месяца, если уломаю Наннети. Выходит два фунта десять шиллингов, около двух и восьми. Три должен мне Гайнс. Два одиннадцать реклама Прескотта. Два пятнадцать. Всего около пяти гиней. После дождичка в четверг.

Можно купить одну из тех шёлковых юбок для Молли, под цвет её новых подвязок.

Сегодня. Сегодня. Не думать.

Турнэ по южным графствам. Как насчёт английских купальных курортов? Брайтон. Маргейт. Пирс в лунном свете. Её уплывающий голос. Девушки на пляже нет милей и краше. У бара Джона Лонга полусонный бездельник в тяжком раздумьи обгрызает заскорузлый палец. Подсобник ищет работы. За небольшую плату. В еде неприхотлив, ест что подвернётся.

М-р Цвейт свернул у витрины нераспроданных тортов Кондитерской Грея и миновал книжную лавку преподобного Томаса Коннелана. ПОЧЕМУ Я ОСТАВИЛ РИМСКУЮ ЦЕРКОВЬ? ПТИЧЬЕ ГНЕЗДО. Женщины выперли. Рассказывают, во время картофельного голода раздавали суп бедняцким детям, если перейдут в протестанты. Общество в негодовании от уловок, что применял папа римский для обращения нищих евреев. Та же приманка. Почему мы оставили римскую церковь?

Незрячий юноша стоял на месте, постукивая по бордюру своей тонкой тросточкой.

Трамвая не видно. Хочет перейти.

– Вам на ту сторону?– спросил м-р Цвейт.

Слепой не ответил. Его неподвижное лицо чуть нахмурилось. Он неопределённо повел головой.

– Это Доусон-Стрит,– сказал м-р Цвейт,– напротив Молсвес-Стрит. Хотите перейти? Улица свободна.

Тросточка дрожа потянулась влево. Взгляд м-ра Цвейта проследовал в том направлении и снова увидал фуру красильщика стоящую возле фирмы Дрего. Где я видел его намащеные волосы, как раз когда я. Лошадь понурилась. Возница в баре Джона Лонга. Утоляет жажду.

– Да, там фургон, но он не едет. Я переведу вас. Вам на Молсвес-Стрит?

– Да,– ответил юноша.– Потом на Фредерик-Стрит.

– Идёмте,– сказал м-р Цвейт.

Он легко коснулся тонкого локтя: затем взял податливо висящую руку, чтоб вести вперёд.

Что-нибудь сказать ему. Лучше без жалостливости. Они недоверчивы к тому, что им говорят. Что-нибудь ничего не значащее.

– Дождик так и не собрался.

Нет ответа.

На пиджаке пятна. Обливается, наверно, когда ест. На вкус, ему всё по-другому. Сначала приходится кормить с ложки. А рука как у ребёнка. У Милли была такая же. Чувствительная. Небось прикидывает по моей руке что я из себя. А имя у него есть? Фура. Проведём, чтоб тросточка не задела ногу лошади: дремлет, усталая кляча. Вот так. Прошли. Быка сзади: лошадь спереди.

– Спасибо, сэр.

Знает, что я мужчина, по голосу.

– Дальше найдёте? Первый поворот направо.

Слепой юноша постукал по бордюру и продолжил свой путь, приподымая тросочку, вновь ощупывая ею.

М-р Цвейт шёлпозади безглазых ног, грубокроенный костюм из твида в ёлочку. Бедный паренёк! Но удивительно, как он знал что там фура? Должно быть почувствовал. Возможно видят окружение в

своем мозгу. Вроде чувства объёма. Вес. Если что-то переставить он бы почувствовал? Ощутил пустоту. Странное у него должно быть представление о Дублине, по которому ходит остукивая этак вот камни. А смог бы пройти как по ниточке без этой трости? Бескровное набожное лицо, будто готовится принять сан священика.

Пенроуз! Вот как того типа звали.

И подумать только чему они могут выучиться. Читать пальцами. Настраивать рояли. Или нас просто удивляет что у них вообще есть мозги. Отчего мы считаем калеку или горбуна умным, когда он говорит такое, что и мы могли бы сказать. Конечно, остальные чувства развитее. Вывязывают. Плетение корзинок. Но кто-то должен помогать. Корзинку для рукоделья можно б купить Молли на день рожденья. Терпеть не может шитья. Вдруг обидится. Ещё о них говорят в кромешной тьме.

Обоняние тоже должно быть сильнее. Запахи со всех сторон смешиваются в кучу. От каждого из людей тоже. Потом весна, лето. Запахи. Вкусовые. Говорят, невозможно чувствовать вкус вина с закрытыми глазами, или если насморк. И ещё будто курить в темноте не дает удовольствия. И с женщиной, к примеру. Не видя, развратнее. Вон девица переходит у заведения Стюарта, нос задрала. Гляньте я какая. Всё при ней. И чтоб такое да не видеть. Какая-то форма в его внутреннем представлении. Нагота, тепло когда прикасается к ней. Должно быть почти видит линии, выпуклости. Например, положит руку ей на волосы. Они у неё, скажем, чёрные. Хорошо, скажем чёрные. Потом проводит по её белой коже. Чувствует наверно перемену. Ощущение белого.

Почта. Надо ответить. Сегодня на работе. Послать ей перевод на два шиллинга, полкроны. Прими мой маленький подарок. Вон там и служащий сидит. Погоди-ка. Попробуем.

Слегка он чуть прикоснулся пальцем к зачёсанным назад волосам над ухом. Ещё. Волоконца тонюсенькой соломы. Затем его палец чуть притронулся к коже правой щеки. Тут тоже мягкие волоски. Не слишком гладкая. Самая гладкая на животе. Вокруг никого. Вон он

уже сворачивает на Фредерик-Стрит. Наверно рояль в школе танцев Левенстона. Как будто поправляю подтяжки.

Проходя мимо трактира Дорана, он скользнул ладонью между жилетом и брюками и чуть сдвинув сорочку коснулся обвислой складки на своём животе. Но я-то знаю что жёлто-белого. Чтоб убедиться надо пробовать в темноте.

Он вытащил руки и оправил одежду. Бедный паренёк! Совсем мальчик. Ужасно. Правда ужасно. Что снилось бы нам незрячим? Для него жизнь сновидение. Где справедливость родиться таким? Все те дети и женщины на воскресной прогулке в Нью-Йорке, что сгорели или утонули. Катастрофа. Кармой называют такое переселение души за грехи совершенные в прошлой жизни, новое воплощение, мне-там-псы. Ай, ай, ай. Жалко, конечно. Но наверняка ничего не известно. Сэр Фредерик Фалкинер заходят в масонский холл. Церемонный, как троянец. После плотного ланча на Эрлсфорд-терас. Раздавил штоф вина со старыми дружками-законниками. Разговоры о судах и сессиях и анналах судейской школы. Я приговорил его к десяти годам. Пожалуй, такого, что я пил, нос воротят от. Им подавай чисто виноградные вина, с указанием года на пыльных бутылках. В городском суде у него свои понятия о справедливости. Правильный старик. В обвинениях полиции полно напраслины, чтоб повысить процент раскрываемости. А он им отвод. На ростовщиков вообще волком смотрит. Как распушил Ребена Дж. Впрочем, тот уж и действительно, что называется, жид. Какая всё же власть в руках у судей. Старые сухари в париках. Медведь с занозой в лапе. И да помилует Господь твою душу.

Привет, рекламный щит. Мирус-базар. Его превосходительство лорд-лейтенант. Сегодня шестнадцатый день. Для сбора средств в пользу больницы Мерсера. Сходить, что ли. Болзбридж. Повидать Ключа. Нет, не стоит липнуть к нему как пиявка. Чтоб не стать в тягость. Конечно, имея знакомство с кем-то из привратников.

М-р Цвейт вышел на Килдар-Стрит. Первым делом. Библиотека.

Соломеная шляпа отблескивает на солнце. Коричневые туфли. Брюки с подворотом. Да это же. Это.

Сердце его мягко тукало. Направо. Музей. Богини. Он свернул вправо.

Он? Почти уверен. Не смотреть. Я раскраснелся от вина. Лицо.

Зачем было. Слишком бьёт в голову. Да, он. Походка. Не видит. Не видит. Навстречу.

Направляясь к воротам музея широким размашистым шагом, он устремил глаза вверх.

Красивое здание. Проект сэра Томаса Дина.

Наверное, не видит. Против солнца.

Его трепетное дыхание вырывалось отрывисто и кратко. Скорей. Прохладные статуи: там тихо. Сейчас проскочу.

Нет, не видит меня. Уже к трём. Вот и ворота.

Ох, сердце!

Его глаза пульсируя, неотрывно взирали на кремовые завитки камня. Сэр Томас Дин архитектор греческого стиля.

Будто что-то ищу.

Его торопливая рука быстро вошла в карман, достала, прочёл развернутый Ажендат Нетайм.

Куда ж я мог засунуть?

Будто ищу что-то нужное.

Он быстро впихнул Ажендат обратно.

Она сказала что днём.

Вот что ищу. Вот именно. Проверим все карманы. Платок. НЕЗАВИСИМЫЙ.

Куда я мог? Ах, да. В брюках. Кошелёк. Картошина. Куда я?

Скорее. Идёт, не спешит. Ещё секундочку. Сердце, сердце.

Рука его ищущая—куда ж это я…нащупала в заднем кармане кусок мыла, это надо же, тепловатое, обернуто прилипшей бумагой. Вот же оно, мыло! Да.

Ворота.

Увильнул!

* * *

Любезно, чтоб им потрафить, квакер-библиотекарь промурлыкал:

– К тому же нам остались бесценные страницы *Wilhelm Meister*'а. Великий поэт о великом поэте-собрате. Робкая душа противостоит нахлынувшим бедствиям, раздираемая противоречивыми сомнениями, точь-в-точь что наблюдаем и в реальной жизни.

Он сделал пируэтистый шаг вперёд, на прискрипнувшую бычьекожу, и пируэтистый шаг назад, на церемониальный пол. Безмолвный служитель, чуть-чуть приоткрыв двери, поманил бесшумным знаком.

– Иду, иду,– сказал он, прискрипнув в направлении двери, но, всё же, медля.– Прекрасный бесплодный мечтатель, приходящий в унынье от грубых фактов. Постоянно чувствуешь насколько, всё-таки, верны суждения Гёте. Верны при анализе по большому счету.

Двускрипным анализом он отполонезил прочь. Степенный, сановно деловой, подставил он возле дверей свое большое ухо, целиком, словам служителя: выслушал: вышел.

Двое вышли.

– Мсье де ла Палисэ,– фыркнул Стефен,– был жив за пятнадцать минут до своей смерти.

– Так ты добился,–спросил Джон (с желчностью старшего),– чтоб та шестёрка бравых медиков, накатала бы под твою диктовку *УТРАЧЕННЫЙ РАЙ*? Он назвал это СТРАДАНЬЯ САТАНЫ.

Улыбнулись. Улыбнулись улыбкой Кренли.

Сперва её пощекотал,

Потом погладил,
Потом катетор ввел,
Ведь он был медик,
Весёлый медик…

– Чувствую, ГАМЛЕТА тебе не помешал бы ещё ещё один. Семёрка дорога мистическим умам. В. Б. называет это число сиятельная семь.

Блескоглазый, склонил он свой рыжеватый череп к зелёноабажурной лампе читательского места, истекая бородой в густую зелень тени, оллав, святоглазый. Густо хохотнул: смехом стипендиата Троицы: безответно.

Сатана-оркестрант над крестом изрыдался
Теми ж слезами, что ангелы льют.
Ed eglia avea del cul fatto trombetto.

Он держит мои промахи в заложниках. Одиннадцать верных из Виклоу, как рассказывал Кренли, за свободу земли отцов. Редкозубая Кэтлин с четвёркой прекрасных зелёных полей, чужак в её доме. И другой, восклицающий к нему: *ave, rabbi!* Двенадцатеро из Тайнхели. В тенистой долине воркует он им.

Юность моей души отдал я ему, ночь за ночью. Жми, Боже. Ни пуха.

Малиган уже получил мою телеграмму. Вздор. Забудь.

– Наши младые ирландские барды,– подытожил Джон Эглинтон,– покуда что не сотворили образа, что вынудил бы восхищённый мир поставить его рядом с Гамлетом сакса Шекспира, хотя моё восхищение им, по примеру старины Бэна, по сю сторону идолопоклонства.

– Всё это чисто академические вопросы,– изрек Рассел из своей тени.– Я имею ввиду является ли Гамлет Шекспиром, или Джеймсом Первым, или Эссексом. Подобно спорам церковников об историчности Исуса. Искусство предназначено нести нам идеи, невыразимую духовную суть. Главный вопрос относительно произведения искусства – из каких жизненных глубин оно исходит? Картины Густава Моро это изображение идей. Глубочайшая поэзия Шелли, рассуждения Гамлета вводят наш разум в соприкосновение с вечной мудростью, платоновым миром идей. Всё прочее – умничанье школяров перед школярами.

Говорил А.Э. какому-то янки-репортеру. Стенка, туды-т её, вдарилася об меня!

– Научные мужи начинают со школярства,– сказал Стефен сверхвежливейше,– Аристотель был школяром у Платона.

– Каковым, будем надеяться, он и остался– примиряюще произнес Джон Эглинтон.– Он даже видится таким, паинька-школяр с дипломом под мышкой.

Он снова засмеялся к улыбнувшемуся на сей раз бородатому лицу.

Невыразимое духовное. Отец, Слово и Святой Вздох. Всеотец, небесный муж. Хиезоз Кристос, чародей обаяния, Логос, что страждет в нас ежемгновенно. Вот уж и впрямь. Я огнь алтаря. Я жертвенное сливочное масло. Данлоп, судья, благороднейший из всех римлян, А. Э., Оратай, Имя Неизъяснимо, высоко в небесах, И. Х., хозяин их, для посвящёных не секрет о ком речь. Братья великой белой ложи всегда начеку, нет ли способа хоть чем-то подмогнуть. Христос с его сестроневестой, влага света, рождён оплодотворённой девой, кающаяся софиа удалилась в пустыни буддхи. Изотерическая жизнь не всякому по зубам. О. П. должен сперва отпахать за ту карму, где был бякой. М-с Купер Оукли как-то одним глазком увидала исподнее весьма благочинной сестры Х. П. Б.

О, фи! Ва! *Pfuiteufel!* Негоже зырить-то, никак негоже, сударка, кады у дамочки выткнулося споднее.

Вошёл м-р Бест, высокий, молодой, мягкий, лёгкий. Грациозно нёс он в руке блокнот, новый, большой, чистый, лоснящийся.

– Такой паинька-школяр,– сказал Стефен,– найдёт раздумья Гамлета о последующей жизни его принцевой души неубедительным, незначительным и неувлекательным монологом, таким же мелким как и у Платона.

Джон Элингтон, хмурясь, произнёс, озлобленно, гневливо:

– Честное слово, у меня аж кровь вскипает, когда кто-то сравнивает Аристотеля с Платоном.

– Который из двух,–спросил Стефен,– изгнал бы меня из своего государства всеобщего благоденствия?

Прочь ножны с кинжала своих дефиниций. Лошадность есть вещьность вселошадности. Потокам тенденций и эпох они поклоняются. Бог: уличный гвалт: весьма перипатетично. Пространство: то, до чего тебе рукой подать. Сквозь пространства мельче, чем красные тельца человечьей крови, они просачиваются-вползают, вслед за задницей Блейка, в вечность, жалкой тенью которой есть весь этот овощной мир. Держись за здесь, за теперь, через которое всё будущее валом валит в прошлое.

М-р Бест приблизился, любезно, к своему коллеге.

– Хейнс ушёл,– сказал он.

– Да?

– Я показал ему Жубейнвильскую Книгу. Он просто в восторге, знаете ли, от ПЕСЕН ЛЮБВИ Хайда. Мне не удалось привести его на дискуссию. Он отправился к Гиллу купить и себе.

О, книжица моя, прощай!
Пускаю в мир тебя, прощанье близко.
Уж как-то примет публика тебя?
И твой простецкий, неприглаженный английский.

– Торфяной дым ударил ему в голову,– высказал мнение Джон Эглинтон.– Мы чувствуем себя словно в Англии.

Кающийся вор. Ушёл. Я коптил ему бэкон. Зелёный мерцающий камень. Изумруд в оправе моря.

– Люди не осознают, до чего опасны бывают песни любви,– предупредило золотистое яйцо Рассела оккультно.– Движения приводящие к мировым переворотам рождаются из грёз и видений мужичьего сердца на склоне холма. Для них земля не почва для возделывания, а живая мать. Разреженный воздух академии и арены производит шестишиллинговый роман, песенку для мюзик-холла, Франция испускает утончённейшую цветовую гамму гниения – Маллармэ, но жизнь желанная открывается лишь нищим сердцем, жизнь гомеровых феаков.

От этих слов м-р Бест обернул безобидное лицо к Стефену.

– У Маллармэ, знаете ли,– сказал он,– есть замечательные стихи в прозе, которые мне читал в Париже Стиви МакКенна. Одно даже про Гамлета. Там говорится: *il se promene, lisant qu livre de lui-meme*, знаете ли, читая книгу самого себя. Он описывает ГАМЛЕТА представленного во французском городке, знаете ли, в провинции. На афише значится.

Его свободная рука грациозно выписывала в воздухе тонкие знаки:

HAMLET
ou
LE DISTRAIT
piece de Shakespare

Он повторил вновь для собравшихся:

– *Piece de Shakespare*, знаете ли, это так по-французски, французский взляд на вещи. *Hamlet ou*...

– Чокнутый попрошайка,– договорил Стефен.

Джон Эглинтон рассмеялся.

– Да, пожалуй что так,– сказал он.– Отличный народ, несомненно, но убийственно недальновидны в некоторых вопросах.

Помпезное и затхлое возвеличивание убийства.

– Душегуб, как назвал его Роберт Грин. Недаром был он сыном мясника, что орудовал убойным молотом, сплюнув в ладонь. Девять жизней взяты за одну жизнь его отца, Отец наш томящийся в чистилище. Гамлеты в хаки стреляют не задумываясь. Кровью брызжущие бойни в пятом акте предсказание концентрационного лагеря, воспетого м-ром Суинберном.

Кренли и я, его безмолвный адьютант, взирающий на битвы издали.

Юнцы над грудой врагов-убийц,
Нам не о чем сожалеть

Меж усмешкой сакса и окриком янки. Меж молотом и наковальней.

– В ГАМЛЕТЕ они усмотрят лишь историю с привидениями,– сказал Джон Эглинтон в поддержку м-ра Беста.– Как мальчик-толстячок из Пиквика, он хочет чтоб у нас мурашки бегали по телу.

О, Внемли! Внемли! Внемли!

Плоть моя слышит его: обмирает, слышит.

Коль навсегда ты…

– Да что в том призраке?– произнёс Стефен со звонкой энергией.– Некто, истаявший до неосязаемости по причине смерти, отсутствия, смены привычек. Елизаветинский Лондон так же далёк от Стратфорда, как прогнивший Париж от девственного Дублина. И что же за призрак из *limbo patrum* возвращается в мир забывший его? Кто он, этот король Гамлет?

Джон Эглинтон переместил своё тощее тело, откидываясь назад рассудить.

Сработало.

– В такой же как у нас теперь час дня, посреди июня,– продолжал Стефен, быстролётным взглядом умоляя их выслушать.– Флаг поднят над феатром на набережной. Медведь Соскинсын рычит в яме неподалеку, парижский сад. Матросы, ходившие в плавание с Дрейком, жуют сосиски среди зрителей в партере.

Местный колорит. Запускай всё, что знаешь. Заставь их включиться.

– Шекспир выходит из гугенотского дома на Силвер-Стрит и шагает вдоль берега усеянного пухом лебединой линьки. Но он не останавливается покормить невольную птицу, подгоняющую свой выводок лебедят к зарослям осоки. У Айвонского Лебедя мысли о другом.

Композиция места. Игнатиус Лойола, подсоби мне, скорее!

– Пошло представление. Актёр, крепко скроенный мужчина с басовитым голосом, выступает из мрака, на нём кольчуга выброшенная придворным щёголем. Это призрак, король, и не-король, и актёр этот – сам Шекспир, который отделывал ГАМЛЕТА все годы своей жизни не из тщеславия, а чтоб играть роль призрака. Он произносит слова обращённые к Бербеджу, молодому актёру, что стоит перед ним, за пределами окутывающего его савана, зовёт его по имени:

– Гамлет, я – призрак твоего отца…

Просит внять ему. У него разговор с сыном, с отпрыском своей души, принцем, юным Гамлетом и с отпрыском своей плоти, Гамнетом Шекспиром, который умер в Стратфорде, чтоб тёзка его жил вечно.

– Так неужели ж, спрашивается, этот актёр Шекспир, призрак по причине отсутствия, в одеждах погребённого датского короля, призрака по причине смерти, взывая к имени собственного сына (живи Гамнет Шекспир, он был бы близнецом принца Гамлета), мог не делать или не замечать логического вывода из этих посылок: ты – лишённый наследства сын, я – убиенный король, повинна твоя мать-королева. Энн Шекспир, урождённая Хатевей.

– Но подобное копанье в семейной жизни великого человека...– взвился Рассел.

И ты туда же, честный пятак?

– ...представляют интерес лишь для приходского писаря, а нам главное его пьесы. То есть, упиваясь поэзией *КОРОЛЯ ЛИРА*, нам нет дела как жил поэт. Что до жизни, то наши лакеи сообщат о ней и без нас, сказал Вильере де л'Айл. Шпионить и рыться в сплетнях актёрских уборных той поры: как поэт пьянствует, сколько у него долгов. Зачем? Нам достался *КОРОЛЬ ЛИР*: бессмертное творенье.

Лик м-ра Беста, откликаясь на немой призыв, выразил согласие.

Да струятся над нами волны твои и воды твои,
Мананаан, Мананаан МакЛир...

Выкусил, сэр, тот фунт, что он одолжил тебе, когда ты изнывал с голоду. Клянусь, мне нужно было. Вот тебе благородный метал. Ну-ну! Большую часть ты выметал в постель Джорджины Джонсон, дочки священика. Укусы самоугрызений.

Но ты собираешься вернуть?

О, да.

Когда? Сейчас.

Ну... нет.

Когда же?

Я оплатил свой путь. Я оплатил свой путь.

Так держать. Он с того бока вод Бойна. Круче к северу. Ты должен.

Погоди. Пять месяцев. Молекулы все поменялись. Теперь я другой я. Не тот я, что брал этот фунт.

Ша. Ша.

Ведь я, энтелехия, форма форм, остаюсь я благодаря памяти, что под всеми непрестанно сменяющимися формами.

Я, который грешил, молился и постился. Дитя, которого Конми спас от порки.

Я, я и Я. Я.

А. Э. Я. О.

– И ты надумал опрокинуть традицию трёх столетий?– спросил въедливый голос Джона Эглинтона.– Уж её-то дух покоится беспробудно. Она умерла, по крайней мере для литературы, прежде, чем родилась.

– Она умерла,– парировал Стефен,– через шестьдесят семь лет после своего рождения. Она видела его приход и уход из мира. Она приняла его первые объятья. Вынашивала его детей и положила медяки ему на веки, чтоб не открывались, когда он вытянулся на смертном одре.

Смертный одр матери. Свеча. Занавешенное зеркало. Та, что произвела меня на этот свет лежит там, бронзововекая, под парой дешёвых цветов. *Liliata rutilantum*.

Я плакал водиночку.

Джон Эглинтон заглянул в путаницу светлячка своей лампы.

– Весь мир считает, что Шекспир совершил ошибку,– сказал он, – и выпутался наискорейшим и самым лучшим образом.

– Вздор!– отрубил Стефен.– Гений не делает ошибок. Его ошибки предумышлены, они – ворота к открытию.

Ворота к открытию отворились, впуская библиотекаря-квакера, чуть скрипученогого, лысого, ушастого и непременного.

– Мозгогрызка,– сказал Джон Элингтон сварливо,– не годится быть вратами к открытию. К какому стоящему открытию пришёлСократ через Ксантипу?

– К диалектике,– ответил Стефен,– а от своей матери-повитухи узнал как производить мысли на свет. Что он узнал от своей другой жены Мирты (*absit nomen!*), ни одному мужчине, ни женщине уже не узнать. Но ни акушерская наука, ни лекции о правильном кормлении не уберегли его от архонтов Шинн Фейна с их кружкой болиголова.

– Но как же с Энн Хатевей?– забывчиво произнес тихий голос м-ра Беста,– мы, кажется, забыли про неё, как забыл и сам Шекспир.

Взгляд его перетёк с бороды призадумавшегося на череп придиры, напомнить, одёрнуть, хоть и по доброму, затем на лысорозовый квакерошар, невинный, но вредоносный.

– Мозги у неё были как отборное зерно,– сказал Стефен,– и память не праздная. Уложив воспоминания в дорожный узелок, он топал в Римвилль, насвистывая ОСТАВИЛ ДЕВУШКУ Я ДОМА. Не распорядись землетрясение, мы знали бы где поместить беднягу Уота, сидящего в его форме, лай гончих псов, проклёпанную узду и её синие окна. Памятка об этом всём – *ВЕНЕРА И АДОНИС*, нашла место в спальне любого из лондонских фонарей-любви. Назвать Катерину сварливой мозгогрызкой? Гортензио описывает её молодой и прекрасной. Выходит, у автора *АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ*, у этого пилигрима страсти, глаза были на затылке и он выбрал самую невзрачную деваху на всё графство себе в постель? Ладно: он бросил её и завоевал мир мужчин. Но его женщины-юноши это женщины юношей. Их образ жизни, мысли, речь взяты напрокат от мужчин. И он ошибся в выборе? А мне сдаётся, что он не выбирал, а был выбран. Когда охота, Анна найдёт подход. Ей-Бля, вина на ней. Она его сманила, сладкая в свои двадцать шесть. Сероглазая богиня,

что пригибается над юным Адонисом, склоняется чтоб покорить, как пролог к вздымающемуся акту, и всё это – наглорожая страдфордская стервоза, что валит в колосящемся поле любовника моложе, чем сама.

А моя очередь? Когда?

Приди!

– На поле ржи,– сказал м-р Бест радостно, светло, воздевая свой новый блокнот светло и радостно. И с блондинистым восторгом пробормотал для всех:

Среди колосьев спелой ржи
С любавой паренёк лежит

Париж: до лоска вылизанный лизун.

Высокая фигура в топорнодоматканом поднялась из тени и обнажила свои кооперативные часы.

– Боюсь, мне пора в ЗЕМЛЮ.

Отвял? Невозделанная почва.

– Уходишь?– спросили буйные брови Джона Эглинтона.– Увидимся вечером у Мура? Будет Трубер.

– Трубер!– протрубил м-р Бест.– Трубер вернулся?

Питер Трубер натрамбовал дробью дородную утробу.

– Не знаю, смогу ли. По четвергам у нас встреча. Если сумею вовремя уйти.

Йогибогичертовщина в палатах Доусона. ОБНАЖЕННАЯ ИЗИДА. Их книгу на санскрите пытались мы снести в ломбард. Скрестив ноги под зонтом зонтичных хвощей возводит он на трон логос ацтеков, действующий на астральных уровнях, их сверхдуша махамахатма. Преисполненные веры герметисты в ожидании света, созрели для служения, лучась ореолокругом. Луи Г. Виктори. Т. Колдфилд Ирвин. Колени лотосно усевшихся дам притягивают их взгляды, докрасна

раскаляя зрительные бугры. Полон своего бога восседает он, Будд, под подорожником. Поглотитель, душеглот. Мужедуши, женодуши, души косяками. Заглоченные кубарем скатываются и, с гулким подвывом, вопят:

В квинтэссенции тривиальности
Бессчётные годы женодуша обитала
В этой клетке из плоти

– Похоже, нас ожидает литературный сюрприз,– сказал квакер-библиотекарь с усерьёзненной приязнью.– М-р Рассел, по слухам, готовит подборку стихов молодых поэтов. Мы все с нетерпением ожидаем.

Нетерпеливо взглянул он в конус света лампы, в котором три лица, освещённые, сияли.

Смотри. Запомни.

Стефен опустил взгляд на широкую безглавую шляпу свисавшую с ясеневой трости поперёк его колен. Мой шлём и меч. Чуть коснуться двумя указательными пальцами. Опыт Аристотеля. Один или два? Необходимость есть то, в силу чего невозможно быть чему-то иному. Следовательно, одна шляпа и есть одна шляпа.

Слушай.

Молодой Колум и Старки. Джордж Робертс берёт на себя коммерческую сторону. Лонгверс даст хорошую рекламу в ЭКСПРЕССЕ. О, правда? Мне нравится у Колума *ПОГОНЩИК*. Да, думаю в нём есть эта непонятная штуковина – гениальность. Вы считаете он действительно гений? Йитс восхищался его строкой: *Как греческая ваза в заброшенной земле*. Правда? Надеюсь вы сможете прийти сегодня вечером. Малачи Малиган тоже будет. Мур просил его привести Хейнса. Вы слыхали шутку мисс Митчел насчёт Мура и Мартина? Что Мур грех молодости Мартина? Ужасно остроумно,

правда? Они смахивают на Дон Кихота и Санчо Пансу. Д-р Сигерсон говорит, что наш национальный эпос всё ещё не написан. Муру это по плечу. Рыцарь печального образа здесь в Дублине. В шафрановой шотландке? О, да он должен говорить на великом древнем языке. А его Дульсинея? Джеймс Стивенс делает довольно умные скетчи. Похоже, мы начинаем что-то значить. Корделия. *Cordoglio*. Самая одинокая из дочерей Лира.

По сусекам поскребли. Блесни-ка своим французским лоском.

– Весьма обяжете, м-р Рассел,– сказал Стефен, подымаясь,– если окажете любезность, передать письмо м-ру Норманну...

– О, да. Если он сочтёт его столь важным, оно пойдет. У нас столько корреспонденции.

– Я понимаю,– сказал Стефен,– благодарю вас.

Всего вам самого удобрённого. Свиногазета. Мудачья радость.

– Синж обещал мне ещё статью для ДАНА. Будут ли нас читать? Чувствую, да. Гаельская лига хочет что-нибудь на ирландском. Надеюсь, зайдёшь сегодня вечером. Приводи Старки.

Стефен сел. Квакер-библиотекарь вернулся от выходящих. Краснея своей маской, сказал:

– М-р Дедалус, у вас самый ясный взгляд на вещи.

Он поскрипывал взад и вперёд, подымаясь на цыпочки, поближе к небу, и, покрытый шумом исхода, тихо сказал:

– На ваш взгляд она была неверна поэту?

Встревоженно вопрошающее меня лицо. Почему он подошёл? Любезность или свет обращённый в самого себя?

– Где происходит примирение,– сказал Стефен,–сперва должен случится разрыв.

– Да.

Лис Христос в кожаных штанах, беглец таящийся во мшистых развилках деревьев от улюлюканья и лая. Не путаясь с лисицами, водиночку избегает погони. Женщины, которых он увлёк, кроткие люди, вавилонская шлюха, судейские дамы, быдловатые ковроткачихи. Лис и гуси. А в Новом Месте обвислое, охаянное тело,

что было когда-то таким манящим, таким сладким, свежим, как циннамон, а теперь напрочь утратившее листву, нагое, трепещущее пред близящейся могилой, так и непрощённое.

– Да. Вы так полагаете…

Дверь затворилась за ушедшим.

Остальным досталась вдруг скромная келья, остатки тёплого и задумчивого воздуха.

Лампа весталки.

Здесь размышляет он о небывшем: что свершил бы в своей жизни Цезарь, поверь он предсказателю: что могло бы стать возможностью возможного, как возможного: неведомое: какое имя носил Ахиллес, живя среди женщин.

Вкруг меня мысли втиснутые в гробы. В футляры мумий, набальзамированные пряностями слов. Тот, бог библиотек, птицебожество, месяцевенчанный. И услышался мне голос египетского первосвященика. В палатах каменных, с грудами глинописных книг.

Они недвижны тут. Когда-то метались в мозгах людей. Недвижны: но в них зуд смерти, поведать мне на ухо слезливую историю, склонить, чтоб довершил их волю.

– Конечноаздумывал Джон Элингтон,– из всех великих людей он самый загадочный. Нам известно лишь, что он жил и страдал. Даже и того меньше. Кто-то ещё продолжит наши изыски. Всё прочее во мраке.

– Но *ГАМЛЕТ* это ведь личное, не так ли?– взмолился м-р Бест.– Я имею ввиду, нечто вроде частных бумаг, знаете ли, из частной жизни. То есть – мне до лампочки, знаете ли, кого убили и кто виноват.

Он уложил девственный блокнот на край стола, вызывающе улыбаясь. Его частные бумаги в оригинале. Челн при бреге. Я в сан возведен. Окропи его елеем, послушник.

И молвил послушник Эглинтон:

– Я готов к парадоксам, после того, что пересказывал нам Малачи Малиган, но знай, если ты намерен поколебать мою убежденность, что Гамлет это Шекспир, то перед тобой задача не из лёгких.

Соответствуй мне.

Стефен выстоял прицел неравных глаз круто взблескивающих под изморщиненным лбом. Василиск. *E quando vede l'uomo l'attosca*. Мессер Брунетто, тебе благодарнось моя за словечко.

– Как все мы, вслед за Леди Мамой, ткём и распускаем наши тела,– сказал Стефен,– день за днём, пуская их молекулы челноком, туда-сюда, так и художник ткёт и распускает свой образ. И так же как родинка справа у меня на груди проступает всё там же, где и была при моём рождении, хоть тело моё время от времени сплетается из новой пряжи, точно так же сквозь призрак неупокоенного отца проглядывает образ неживого сына. В миг отданный воображению, когда по словам Шелли, сознание подобно мерцающим углям. То, чем я был, становится тем, что я есть и чем, при возможности, могу стать. Так что в будущем, сестре прошлого, я могу увидеть себя каким сижу сейчас здесь, но отражённым в том, кем я к тому времени стану.

Драмонд из Хавсондерна подкинул тебе этот стиль.

– Да,– молодо промолвил м-р Бест,– мне Гамлет видится совсем юным. Горечь, вероятно, исходит от отца, но сцены с Офелией наверняка от сына.

Ухватил не ту свинью за ухо. Он в моём отце, я в его сыне.

– Эта родинка продержится дольше всего,– сказал Стефен со смехом.

Джон Эглинтон состроил гримасу чушь всё это.

– Будь это родимым знаком гениев,– сказал он,– то цена им в базарный день была бы пенни за вязанку. Пьесы Шекспира последних лет, которыми так восхищался Ренан, дышат совсем иным духом.

– Духом примирения,– выдохнул квакер-библиотекарь.

– Примирение невозможно,– сказал Стефен,– если не было разрыва.

Ты это сказал.

– Кому охота разобраться какие события отбрасывают предваряющую тень на бездну времени *КОРОЛЯ ЛИРА, ОТЕЛЛО, ГАМЛЕТА, ТРОИЛУСА И КРЕССИДЫ*, пусть высмотрит где и насколько редеет эта тень. Что смягчает сердце мужчины? Кораблекрушение в жуткий шторм, проба на подложного Улисса, Перикла, князя Тира?

Голова: краснооколпаченная, ошеломлённая, ослеплённая морской водой.

– Дитя, девочка положенная ему на руки, Марина.

– Пристрастие софистов к тропам апокрифов есть величина постоянная,– определил Джон Эглинтон.– Большая дорога вселяет страх. Зато ведёт к городу.

Добрый Бэкон: забродившийся. Шекспир – грех молодости Бэкона. Ребусо-головоломщики шалят на большой дороге. Разгадчики великого вопроса. Какой же город, добрые господа? Зашифрован в названиях: А. Э., эпоха: Маджи, Джон Эглинтон. К востоку от солнца, к западу от луны.

Чебуряй-дрын. Мерно побалтываются сапоги.

Сколько до Дублина миль?
Трижды по двадцать и дюжина, сэр.
Поспеем-ли к часу когда зажигают свечи?

– По мнению М-ра Бренде,– сказал Стефен,– это первая из пьес заключительного периода.

– Да неужели? А что м-р Сидней Ли, или м-р Саймон Лазарус, как оправдатель своего имени говорят на сей счёт?

– Марина,– сказал Стефен,– дитя шторма, Миранда – чуда. Пердида – возвращённая утрата. Утраченное было возвращено ему:

дитя его дочери. Любимая моя жена, говорит Перикл, была подобна этой деве. Возможно ль, чтоб мужчина любил дочь, если не любил её мать?

– Искусство быть дедом,– бормотнул м-р Бест.– *L'art d'etre grand*...

– В его представлении образ человека с этой странной штуковиной – гениальностью, обычный стандарт изведавшего всё, материально и морально. Лишь такой подход находит в нём отзыв. Образы же прочих мужчин его крови он отвергает, видя в них лишь карикатурные попытки природы предвосхитить, либо повторить его.

Благосклонный лоб квакера-библиотекаря розово запламенел надеждой.

– Надеюсь, м-р Дедалус разработает свою теорию для просвещения публики. И уместно будет помянуть ещё одного ирландского комментатора – м-ра Джорджа Бернарда Шоу. Вспомним также м-ра Франка Харриса. Его статьи о Шекспире в САТЕРДИ РЕВЬЮ были просто блестящи. Как ни странно, он тоже представляет нам неудачную связь с возлюбленной смуглянкой его сонетов. Счастливым соперником оказался Вильям Герберт, эрл Пемброка. Имею в виду, что если и поэта постигает отказ, то это весьма гармонирует с—как бы выразиться?—с нашими представлениями о несовершенстве мира.

Он упоённо смолк, держа кроткую голову между ними, яйцо финиста, приз их ристалища.

– И он ей тыкает где ни попадя, весомо, по-супружески. Ты любишь, Мириам? Ты любишь мужа твоего?

– Такое тоже случается,– сказал Стефен.– У Гёте есть фраза, которую любит повторять м-р Маджи. Будь осмотрительным в желаниях юности, ибо это и получишь в зрелом возрасте. Зачем он посылает к этой шалаве, ездовой кобылке всех мужчин, честной девице с драной девственностью, лордова сыночка поухажорить вместо себя? Он сам был лордом языка и обернулся обеспеченым джентельменом, и написал *РОМЕО И ДЖУЛЬЕТУ*. Тогда – зачем? Его вера в себя была убита преждевременно. Изначально заваленному в

поле колосистом (средь поля ржи, мне следует сказать), ему уже не стать было победителем в собственных глазах, чтоб запросто наяривать в игру "хихикай и валяй". И тут уж не поможет его напускное донхуанство. Ни одно из последующих втираний не затрёт первой притирки. Вспоротый кабаньим клыком, он рухнул там, где распласталась любовь, истекая кровью. И пусть строптивая укрощена, при ней по-прежнему осталось невидимое женское оружье. Неизбывное, и это чувствуется из его слов, острие вонзилось в плоть, понукает его к новой страсти, в более смуглую тень первой, где расплывается даже его понимание самого себя. Его судьба определена на всю жизнь, и пара неистовых сплетаются в водовороте.

Они внемлют. И в арки их ушей вливаю я.

– Душа изначально получила смертельную рану, яд влит в арку спящего уха. Но убиенным во сне не дано знать каким способом их прикончили, ежели только их Творец не сообщит им это знание в последующей жизни. Призрак короля Гамлета не мог знать ни об отравлении, ни про зверя о двух спинах, содеявшего зло, если б творец не предоставил ему это знание. Вот отчего речь его (простецкий, неприкрашенный английский) всегда обращена куда-то вспять. Упоённый насильник, каким он и хотел бы, да не мог стать, проходит с ним от синеокольцованых шаров слоновой кости Лукреции до груди Имогена, нагой, с розбрызгом пяти родинок. Он возвращается, изнеможённый творением, которое взгромоздил, чтоб спрятаться от самого себя, старый пёс зализывающий давнюю болячку. Но, раз уж утрата и есть его выигрыш, он переходит в вечность как ничего не утратившая личность, не обученый мудростью собственных писаний и законов, которые сам же и открыл. Забрало его поднято. Он – призрак, теперь всего лишь тень, ветер Эльсинорских скал или, если угодно, голос моря, различимый лишь в сердце того, кто есть сутью его тени, сын единосущий с отцом.

– Аминьаздалось от дверей

Так ты нашёл меня, о, враже мой?

Антракт.

С нахрапистым лицом, насупленый как дьякон, выступил вперёд Хват Малиган, чтобы расплыться в блаженствующих переливах навстречу их приветственым улыбкам.

Моя телеграмма.

– Ты выступил с речью о газобразном позвоночном, если не ошибаюсь?– спросил он.

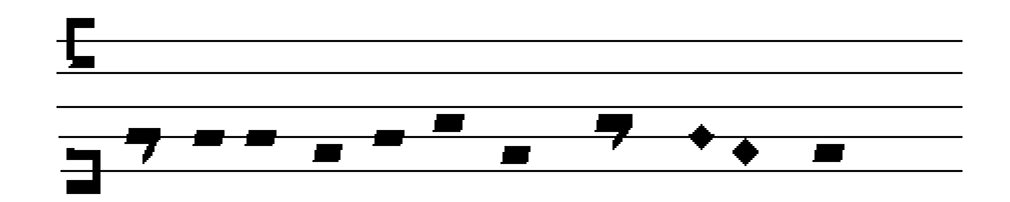
Жёлтожилетный, он весело приветствовал их снятой шляпой, как колпаком шута.

Его приветствовали.

Was du verlachst wirst du noch dienen.

Выводок насмешников: Фотиус, псевдомалачи, Джоанн Мост.

Он, Сам Себя родивший, посерединник Святого Духа, и Сам Себя пославший, Перекупщик, между Собой и остальными; Кто, гонимый Его врагами, оголённый и исхлёстанный, был пригвожден, как крыса к дверям амбара, голодал на кресте, Кто дал похоронить Себя, встал, сокрушил ад, ушёл в небо и там, все девятнадцать столетий, сидел по правую руку от Самого Себя, но ещё явится в один из грядущих дней, судить живых и мёртвых, когда все живые станут уже мёртвыми.



Glo-o-o-ria in ex-cel-sis De-o!

Он воздевает руки, спадают покровы. Море цветов! Звон колоколов, колоколозвон льётся.

– Да, действительно,– сказал квакер библиотекарь.– Крайне поучительная дискуссия. У м-ра Малигана, надо отметить, тоже

имеется теория насчёт этой пьесы и Шекспира. Нужно, чтоб все грани жизни отражались поровну.

Он улыбнулся каждой из сторон поровну.

Хват Малиган задумался, озадаченный:

– Шекспир?– сказал он.– Кажись, я где-то слыхал это имя.

Быстролётная солнечная улыбка лучилась в его дородных чертах.

– Ах, да,– сказал он, взбодрённо вспомнив,– Тот самый малый, что пишет наподобие Синджа.

М-р Бест обернулся к нему:

– Хейнс искал вас,– сказал он.– Вы не столкнулись? Он собирался встретиться с вами в Дублинской палате весов и мер. А сейчас пошёлк Гиллу, купить *КОННАХТСКИЕ ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ* Хайда.

– Я входил через музей,– сказал Хват Малиган.– Он побывал там?

– Земляки-соплеменники барда,– ответил Джон Эглинтон,– должно быть, крепко утомились блеском наших теорий. До меня дошёл слух, что вчера в Дублине некая актриса отыграла Гамлета в четыреста восьмой раз. Вайнинг утверждает, будто принц был женщиной. Никому ещё не пришло в голову сделать из него ирландца? Судья Бартон, полагаю, уже занялся поисками улик. Ведь он божится (Его Высочество, а не судья) святым Патриком.

– Но всех блистательней история Уайльда,– сказал м-р Бест, вознося свой блистательный блокнот.– Это его *ПОРТРЕТ М-РА В. Х.*, где он доказывает, что сонеты написаны Вилли Хьюджесом, человеком всевозможных оттенков.

– Или может быть для Вилли Хьюджеса?– спросил квакеробиблиотекарь.

Или Хьюдж Виллс. М-р Вильям Хлам. В. Х.: вгадай хто?

– Я хотел сказать, для Вилли Хьюджеса,– легко подправил свою вставку м-р Бест.– Всё это, конечно, парадокс, знаете ли, Хьюджес и "хуже-с" и "ужас", но это так типично для манеры его подачи вещей. В этом сама суть Уайльда, знаете ли. Коснуться слегка.

Его взгляд коснулся их лиц слегка, пока он улыбался, белокурый эфеб.

Прилизанная суть Уайльда.

Остряк ты штопанный. Пропил три драхмы из дукатов Дэна Дизи.

Сколько я уже потратил? О, пару шилингов.

Чтоб булькнули газетчики.

Юмор мокрый и сухой.

Остроумие. Ты променял бы весь свой ум на горделивый наряд юности, в котором он выпендривается. Абрисы утолённого желания.

Может быть много бо. Прихвати её для меня. В сезон случки. О, небо, пошли им крутой течки. Да, разложи, как голубь черепаху.

Ева. Нагой пшеничнобрюхий грех. Змей обвил её, скрыв в поцелуе жало.

– Так вы полагаете, это всего лишь парадокс?– вопросил квакер библиотекарь.– Насмешника никто не воспримет всерьёз, если он абсолютно серьёзен.

Они всерьёз заобсуждали серьёзность насмешника.

Вновь отяжелелое лицо Мака Малигана малость поглазело на Стефена.

Затем, поматывая головой, он прошёл ближе, достал из кармана сложенную телеграмму. Его скорые губы прочли, улыбаясь с новым восторгом.

– Телеграмма!– возгласил он.– Чудо вдохновенья! Телеграмма! Папская булла!

Он сел на угол неосвещённого стола, читая громко и радостно.

– СЕНТИМЕНТАЛИСТ ТОТ, КТО ПОЛЬЗУЕТСЯ, НО НЕ СЧИТАЕТ СЕБЯ В НЕИЗБЫВНОМ ДОЛГУ. Подпись: Дедалус. Откуда ты её отправил? Из борделя? Нет. Сквер у колледжа. Ты пропил четыре гинеи? Тетушка решила повидать твоего несубстанционального отца. Телеграмма! Малачи Малига, Шип, Нижняя Эбби-Стрит. О, мим, как ты неповторим! О, оезуиченый шплинт!

Он радостно впихнул бланк и конверт в карман, но причитал при этом жалостливо:

– Про шо ж вам и толкую, сладкий господин, шо мы ж там уж заслабли вконец, Хейнс да я, ну, дак и пора ж уже ж. Сидим, бурчим,

шо уздрогнуть ба по стакашке, шо и монах уже б доплёлся, так я се думаю, хоч он и квёлый от блудства. И мы ж ото и час, и два, и три сидим у Коннери, воспитанно дожидаем по бокалу на рыло.

Он взвыл!

– Мы ж там отак, драгуша, а ты ж хрен знает где, и подсылаешь нам такую свою писульку, а у нас же ж языки уж выперли по метру, как у сухостойных монашков в тоске по простипоме.

Стефен рассмеялся.

Быстро, предупреждающе Хват Малиган подался вперёд:

– Блядоход Синдж разыскивает тебя,– сказал он,– чтоб прикончить. Он прослышал, будто ты поссал на его входную дверь в Гласхуле. Теперь он бродит по пампасам, чтоб выследить и завалить тебя.

– Меня!– воскликнул Стефен.– Это было твоим вкладом в литературу!

Хват Малиган распотешенно отогнулся вспять, хохоча к тёмному подслушивающему потолку.

– Тебе конец!– хохотнул он.

Грубое рыло грозившее мне из-под карниза над месивом огней на рю-Сент-Андрэ-дес-Арте. Словами слов на слова, парасловица. Ойсин с Патриком. Фавн, что повстречался ему в лесу Кламарта, размахивающий винной бутылкой. *C'est vendredi saint!* Убойнохохменный ирландский. Образ его, скитающий, он встретил. Я – свой. Попался мне дурак в лесу.

– М-р Листер,– признес служитель от распахнутой двери.

–...где всякий может найти своё. Так судья м-р Моден в его *ДНЕВНИКЕ МИСТЕРА ВИЛЬЯМА МОЛЧУНА* обнаружил охотничьи словечки.

Да? И какие же?

– Тут один джентельмен, сэр,– сказал служитель, выступая вперед и протягивая визитную карточку.– Из НЕЗАВИСИМОГО. Он хочет просмотреть подшивку НАРОДА КИЛКЕНИ за прошлый год.

– Да-да-да, конечно. Этот джентельмен?..– Он пылко схватил карточку, глянул, не различил, отложил, непроглянутую, оглянулся, спросил, скрипнул, спросил:

– Так он?.. Ах, там!

Резвой мазуркой отошёл и вышел. В дневном свете коридора он зачастил, полнясь служебным рвением, честнейший, любезнейший, достойнейший квакер.

– Этот джентельмен? ЖУРНАЛ НЕЗАВИСИМОГО? НАРОД КИЛКЕНИ? Разумеется. День добрый, сэр. НАРОД.. У нас есть, конечно.

Терпеливый силует выжидал, выслушивая.

– Все ведущие провинциальные…СЕВЕРНЫЙ ХИГ, КОРК ИГЗЭМИНЕР, ГАРДИАН ЭНИСКОРЕЯ, 1903…Не угодно ли?.. Эванс, проводи джентельмена… Если вы последуете за служ… Или позвольте мне… Сюда… Пожалуйста, сэр…

Всецело преисполнясь долгом, указывал он путь ко всем провинциальным газетам, кланяющаяся тёмная фигура следовала за его торопливыми каблуками.

Дверь закрылась.

– Жидок!– выкрикнул Хват Малиган.

Он подскочил и схватил карточку:

– Как там его? Изик Мойся? Цвейт.

Он затарахтел дальше.

– Потопал дальше Иегова, собиратель кожи с членов. Я застукал его в музее, куда захожу поклониться пенорождённой Афродите. Греческие губы, что отродясь не косоротились в молитве. Следует ввести ежедневное поклоненье ей. ЖИЗНЬ ЖИЗНИ ВОЗЖИГАЮТ ТВОИ ГУБЫ.

Тут он вдруг обернулся к Стефену.

– И он тебя знает. Знакомый твоего отца. А у меня такое опасение, что он и греков перегречит. Взор его блеклых галилеанских глаз был обращен к медиальной борозде. Венера Каллипига. О, громыханье тех яиц! *Бог бросился в погоню за девственной беглянкой.*

– Выслушаем ещё,– постановил Джон Эглинтон с одобрения м-ра Беста.– Нам стало интересно насчёт м-с Т.И.Хоньи, о которой мы прежде думали, если вообще думали, как о терпеливейшей Гризельде, или домоседке Пенелопе.

– Антисфен, ученик Горгия,– сказал Стефен,– отнял пальму красоты у благоверной Менелая, аргивянской Елены, у этой дощатой кобылы Трои, в которой переспали десятка два героев, и вручил приз бедняжке Пенелопе. Двадцать лет прожил он в Лондоне и, в определённый период, огребал жалованье не менее лорд-канцлера Ирландии. Жил на широкую ногу. Его искусство превосходит ремесло феодализма, по выражению Волта Уитмена, это искусство пенящееся через край. Жаром пышущие пироги с рыбой, зелёные кувшины испанского вина, медовые соты, сахарные розы, марципаны, крыжовниковые голуби, яствосласти. Сэр Вальтер Рейли, когда его арестовали, имел при себе полмиллиона франков плюс узорчатый корсет. Узурпаторка Элиза Тюдор имела нижнего белья не меньше царицы Савской. Двадцать лет он там болтался – между супружеской любовью, с её добродетельными восторгами, и любовью скотской, с её порочными наслаждениями. Вам известна история Манинхема о том, как жена некоего горожанина пригласила Дика Бербеджа к себе в постель, увидав его в *РИЧАРДЕ III*, а Шекспир подслушал и, не делая много шума из ничего, взял корову за рога, и когда Бербедж пришёл и постучался в дверь, ему было отвечено из-под одеял каплуна: Вильям Завоеватель явился прежде Ричарда III. Любая всякая годится игруну: и веселая ледюшка, милашка Всамраз, влезь да выстони О, и его деликатная пташечка, Пенелопа Богачсон, дама незапятнанных достоинств, и стерва с набережной – пенни за ходку.

Кур-ла-Райне. *Encore vingt sous. Nous ferous de petites cochonneries. Minette? Tu veux?*

– Вершки изысканного общества. И мать Вильяма Довенанта из Оксфорда, с её бокалом канарского за каждого кенара.

Хват Малиган, набожно устремив очи горе, вознёс молитву.

– Всеблагая Маргарет Мария Всемдавательница!

– И дочка Генри шестижёнца и прочие дамочки-подружки из соседних гнёзд, как поёт джентельмен-поэт Лон Теннисон. Но все эти двадцать лет напролёт чем, по-вашему, занималась бедняжка Пенелопа в Стратфорде за диагональными окошками?

Делай и делай. Дело свершено. По розарию на Феттер-Лейн у Джеральда, цветочника, ступает он рыжеватоседоватый. Лазурный колокольчик под цвет её вен. Он шагает. Одна жизнь – вся. Одно тело. Делай. Но делай. Вдали, где прёт убожеством и похотью, руки тискают белизну.

Хват Малиган стукнул по столу Джона Эглинтона, резко.

– Кого подозреваете?– потребовал он.

– Говорят, он отвергнутый любовник из сонетов. Отвергнутый раз, отвергнут и во второй. Но придворная шлюшка отвергла его ради лорда, ради его же мой-дорогой-любимый.

Любовь, что не смеет вымолвить своё наименование.

– Как англичанин, то есть,– Джон вклинил твёрдо Эглинтон,– не мог он лорда не любить.

Старая стена, по ней вдруг промелькивают ящерки. В Чарентоне я глазел на них.

– Похоже на то,– сказал Стефеназ уж он готов исполнять для него и поочерёдных безухих лоханок, священую услугу, исполняемую конюхом для жеребца. Возможно, как и Сократ, имел он мать-повитуху и мозгогрызку-жену. Но та, словоблудная стерва, постельной клятвы не нарушала. Две вещи изводят бедного призрака: нарушенная клятва и тупорылый дуболом, которому досталась её склонность, брат почившего мужа. Сладенькая Энн, полагаю, горячих была кровей. Искусительница один раз будет ею и во второй.

Стефен смело обернулся на стуле.

– Бремя улик против вас, а не меня,– сказал он хмурясь.– Если вы отрицаете, что в пятой сцене Гамлета он заклеймил её позором, тогда скажите мне: отчего за все тридцать четыре года, с того дня

как она взяла его в мужья и до дня, когда она его похоронила, он ни разу не упомянул о ней? Все женщины в этом роду пережили и схоронили своих мужей: Мэри, её добряка Джона, Энн её дорогого бедного Виллика, когда он разбушевался и умер на её руках, бесясь, что приходится уходить первым, Джоан своих четырёх братьев, Юдифь, мужа и четырёх сыновей, Сюзан, также своего мужа, тогда как дочь Сюзан, Элизабет, используя выражение дедули, вторым обзавелась, прикончив первого.

О, да, упоминание, всё-таки, отыщется. В те годы, когда он жил богатой жизнью в Лондоне, ей, для уплаты долга, пришлось занять сорок шиллингов у пастуха её отца. Так объяснитесь же. И истолкуйте заодно его лебединую песнь, где он превознёс её перед потомством.

Он обернул лицо к их молчанию.

На что, подумав, Эглинтон:

– Ты о завещаньи.
Его истолковали, помнится, юристы –
Ей назначалась вдовья часть
Как требует закон.
По мнению судейских, в законах он был дока.

За ним, кривляясь Сатана, Насмешник:

– И потому её не помянул он
В начальном варианте, где не забыл
Подарочки для внучки, для дочерей своих,
Сестре, и для дружков своих старинных
в Стратфорде
И в Лондоне. И уж потом, когда был принуждён,

Как полагаю, упомянуть её,
Ей отказал свою он
Подержанную
Кровать.

ПУНКТ
Онейоставил
Подержанную
Ржаную
Держапод
Ставилкро
Овва!

– У деревенских красавиц не густо было с движимым в те времена,– отметил Джон Эглинтонак и нынче, если наши пьесы из крестянской жизни верны прототипу.

– Он был богатым сельским джентельменом,– сказал Стефен,– имел и герб и поместье в Стратфорде, и дом в Ирланд-ярде, был капиталистом-акционером, законодателем, имел ренту с фермы. Так отчего же не оставил ей свою лучшую кровать, если желал, чтоб ей оставшиеся ночи она дохрапывала мирно?

– Ясно, что было две кровати, лучшая и подержанная,– подметил м-р Подержаный Бест тонко.

– *Separatio a mensa et a thalamo*,– приулучшил Хват Малиган и получил улыбки.

– У древних поминаются знаменитые кроватижаной Эглинтон приморщинился, кроватно улыбаясь.– Дайте-ка подумать.

– Древние упоминают, что Стагирит, школяр-шалун и лысый мудрец-язычник,– сказал Стефен,– умирая в ссылке освобождает и награждает своих рабов, воздаёт должное старшим, выражает желание быть положенным в землю рядом с костьми своей умершей

супруги и просит друзей быть добрыми к его старой подружке (не забывайте Нелл Гвин Херпилис) и разрешить ей жить на его вилле.

– Вы имеете ввиду, так он умирал?– спросил м-р Бест с легкой озабоченностью.– Я имею ввиду…

– Он умер мертвецки пьяным,– закупорил Хват Малиган.– Кварта эля – королеское блюдо. О, я должен вам пересказать слова Доудена.

– И что же он сказал?– спросил Бестеглинтон. Вильям Шекспир и Компания, лимитед. Вильям народа. О подробностях условий справиться: Е. Доуден, Хайфилд-Хауз.

– Такая прелесть,– любовно выдохнул Хват Малиган.– Я его спросил, что думает он касательно обвинения в педерастии, выдвинутого против барда. Он вскинул руки и сказал: *Мы можем лишь отметить, что жизнь в те времена бурлила через край*.

Прелесть. Ганимедик.

– Чувство прекрасного уводит нас в дебри,– сказал прекрасный-в-печали Бест лицекривному Эглинтону.

Стойкий Джон яростно ответил:

– Доктор может истолковать нам значение этих слов. Нельзя и съесть пирог, и сохранить.

Ты это сказал? Отнимут ли они у нас, у меня, пальму прекрасного?

– И ещё чувство собственности,– сказал Стефен.– Шейлока он вытянул из собственного глубокого кармана. Сын скупщика браги и ростовщика, он сам был скупщиком зерна и ростовщиком, припрятавшим десять тодов зерна во время голодных бунтов. Его должники, несомнено, те самые щипачи богомольцев, которых поминает Четл Фальстаф, сообщивший о его сноровке в сделках. Он подавал в суд на со-актеров за суммы не превышающие стоимости пары мешков ячменя и сдирал свой фунт плоти с процентами за ссуженые деньги. А как ещё мог конюх Обрея, мальчик на побегушках, быстро разбогатеть? Любые события лили воду на его мельницу. Шейлок подливает в жидофобию вслед за повешением и четвертованьем Лопеса, пиявки королевы, чье еврейское сердце

вырвали пока жидок был ещё жив. *ГАМЛЕТ* и *МАКБЕТ* с приходом на трон шотландского философуна с уклоном к ведьмоподжариванию. На гибель армады он вопит "ура!" *НАПРАСНЫМИ УСИЛЬЯМИ ЛЮБВИ*. Его лубки, хроники, брюшат паруса на волне мафекингского энтузиазма. Отдают под суд иезуитов Ворвикшира, и вот вам привратникова теория уверток. МОРСКАЯ УДАЧА возвращается с Бермудов, и пишется так восхитившая Ренана пьеса с лопухом Калибаном, нашим американским кузеном. Насахаренные сонеты следуют за Сиднеевыми. Что до праведной Элизабет, она же морковная Бесси, дылда-девственница, вдохновительница на *ВИНДЗОРСКИХ ПРОКАЗНИЦ*, то пусть какой нибудь мин-хер из Неметчины прощупывает его жизнь в длину, ради смыслов припрятанных в глуби котомки удальца.

По-моему, ты прёшь на все сто. Подсыпь-ка ещё смесь теологофилологики.

Mingo, minxi, mictum, mingere.

– Докажи, что он был жидом,– подкуражил Джон Эглинтон выжидающе.– Ваш декан факультета твердит, что он был римско-католиком.

Sufflaminandus sum.

– Он изготовлен в Германии,– ответил Стефенак непревзойдённый французский полировщик итальянских скандалов.

– Человек бессчётных сознаний,–счёл нужным напомнить Бест.– Колридж называет его человеком бессчётных сознаний.

Amplius. In sociatate humana hoc est maxime necessarium ut sit amicitia inter multos.

– Святой Фома,– начал Стефен...

– *Ora pro nobis*,– выстонал Монх Малиган, валясь на стул.

Тут же взвыл причитающим заклинанием:

– *Pogue mahone! Acushla machree!* Вота тута крышка нам! Крышка нам тута без всяких и усё!

Всяк улыбнулся по-своему.

– Святой Фома,–стефен, улыбаясь, сказал,– чьи толстопузые творенья я имел удовольствие читать в оригинале, писал о кровосмесительной связи с точки зрения отличной от взглядов новой венской школы, и которую м-р Маджи в своей курьезно-любопытной манере уподобляет скупости чувств, имея ввиду, что любовь, отданная таким манером близкому по крови, оказывается зажиленой от кого-то чужого, быть может, жаждущего её. У евреев, которых христиане хаят как величайших скряг средь всех племён, большая предрасположенность к бракам между родственниками. Гнев побуждает к обвиненьям. Христианские законы, поспособствовавшие наполнению еврейских кубышек, (для них, как для лоллардов, буря служила убежищем) накладывают стальные обручи даже на собственные склонности. Но грех это или заслуга, нам объяснит Ничейпапа на поверке судного дня. Человек, который крепче хватается за свои, так сказать, права, чем за свои, так сказать, обязанности, столь же крепко ухватится за свои, так сказать, права над той, кого зовёт женою. Никакой улыбчивый соседский сэр да не позарится на его быка, или его жену, или слугу, или на служанку, или на осла его.

– Иль на его ослючку,– антифонно возгласил Хват Малиган.

– Мягкого Вилла берут в ежовые рукавицы,– мягкий м-р Бест молвил мягко.

– Которого из Виллов?– сладко заткнул Хват Малиган.– Мы начинаем путаться.

– Завещание живым,– профилософствовал Дждон Эглинтон,– для бедной Энн, вдовы Вилла, есть завещанием умереть.

– *Requiescat*!– вознёс молитву Стефен.

Толку что в последней воле?
Нет её давным давно…

– Она лежит, уложенная на голотвёрдость этой подержаной кровати, обделённая, по воле Вилла, королева, хоть вы и доказываете, что кровать в те времена была такой же редкостью, как ныне автомобиль, и что её резные узоры были чудом на семь приходов в округе. Под старость её потянуло на проповедников (один так и прижился в Новом Месте и хлыщет каждодневную кварту испанского вина за счёт города, но стоит ли доискиваться в которой из кроватей он спит) и от них она прослышала, что у неё есть душа. Она читала, или ей читали пуританские трактаты, предпочитая их *ПРОКАЗНИЦАМ*, и, выжурчивая свои воды в ночной иордан, она задумывается над *КРЮЧКАМИ И ПЕТЛЯМИ В ШТАНАХ ВЕРУЮЩЕГО* и над *НАИДУХОВНЕЙШЕЙ ТАБАКЕРКОЙ ДЛЯ ЧХНУТИЯ НАИПРЕДАННЕЙШИХ ДУШ*. Венера скосоротила губы в молитве. Укусы самоугрызения: угрызения совести. Это возраст иссякшей блядости, наощупь отыскивающей себе бога.

– История свидетельствует, что это так,– *inquit Eglintonus Chronologos.*– Эпохи сменяют друг друга. Но от высоких авторитетов нам известно, что злейшими врагами человека остаются его дом и семья. Чую, что Рассел был, таки, прав. Какое нам дело до его жены и отца? Я так скажу: только у поэтов для семейного чтения бывает семейная жизнь. Фальстаф никак не семьянин. Это чувствуешь. Толстяк рыцарь наивысшее его творение.

Тощий, откинулся он назад. Избегай, отрекись от родни, святоверующий. Скромно ужиная с безбожниками подтибривает кубок. По просьбе папаши в ольстерском Энтриме. Наведывается к нему ежеквартально. М-р Меджи, сэр, какой-то джентельмен хочет вас видеть. Меня? Говорит, что он ваш отец, сэр. Подай-ка мне моего Вордсворта. Входит Меджи Моор Метью, грубый ерошеноголовый жлоб-оборванец, штаны в обтяжку с висячей матней, низ чулков заляпан хлябями десяти лесов, жезл одичалости в руке.

А твой-то? Он знает твоего старика. Вдовца.

Спеша к её убогому лежбищу смерти из развесёлого Парижа, на пристани я прикоснулся к его руке. Голос, с новой теплотой,

говорящий. Д-р Боб Кенни присматривает за ней. Глаза желающие мне добра, но не знающие меня.

– Отец,– сказал Стефен, борясь с безнадежностью,– есть неизбежное зло. Он писал эту пьесу в месяцы последовавшие после смерти его отца. Коль вы считаете что он, седеющий мужчина с парой дочерей на выданьи, с тридцатью пятью годами жизни, *nel mezzo del cammin di nostra vita*, опытом на все пятьдесят, и есть тот безбородый студентик из Виттенберга, то вам следует считать его семидесятилетнюю мать похотливой королевой. Нет. Труп Джона Шекспира не бродит по ночам. Час за часом гниёт себе, да гниёт. Он почиёт, обезоруженный от своего отцовства, пристроив это мистическое состояние на плечи сыну. Боккаччев Каландрино был первым и последним из мужчин, что ощутил себя с ребёнком. Отцовство, в понятии познающего разума, неведомо человеку. Это мистическое состояние, апостолическая преемственность, лишь от приявшего – исключительно к приятому. Как раз на этой тайне, а не на мадонне, которую лукавый италийский ум подбросил бандитствующей Европе, основывается церковь и стоит нерушимо, ибо основана, как и вся вселенная, микро и макрокосм, на пустоте. *Amor matris*, именительный и родительный, может быть единственной всамделишностью в жизни. Удел отцовства быть узаконенной фикцией. Кто отец какому-либо сыну, с чего какому-либо сыну следует любить его, или ему сына?

К чему, чёрт побери, ты клонишь?

Я знаю. Заткнись. Чтоб ты лопнул! У меня есть причины.

Amplius. Adhuc. Iterum. Postea.

Тебе назначено сделать это?

– Их разделяет столь неодолимый телесный стыд, что в летописи преступлений всего мира, запятнанной всеми прочими кровосмешеньями и скотствами, едва ли сыщется упоминанье о таком. Сыновья с матерями, отцы с дочками, сестры лесбианки, любови, что не смеют вымолвить свое названье, племянники с бабушками, тюремные птахи с замочными сважинами, царицы с

призовыми быками. Сын нерождённый портит красоту: родившись – причиняет боль, урезает долю любви, прибавляет забот. Он – мужчина: его рост – закат его отца, его молодость распаляет отцову зависть, его друг – враг отцу.

На рю-Монсье-ле-Принс я думал это.

– Что связывает их в природе? Миг слепой похоти. Я – отец? Да полно, я ли?

Усыхающе-морщинистая неуверенная рука.

– Сибелиус Африканский, пролазливейший ересиарх из всех тварей земных, доказывал, что Отец был Сам Своим Собственным Сыном. Бульдог из Аквина, которому годится любое слово, ему перечит. Допустим, но если отец, не имеющий сына, не есть отцом, то может ли сын, не имеющий отца, быть сыном? Когда Бэконилирутландилисаутхэмпширилишекспир, или какой другой поэт с таким же именем в комедии ошибок, писал *ГАМЛЕТА*, он был отцом не только лишь своего собственного сына, но—будучи уже не сыном—он был и чувствовал себя отцом всего своего рода, отцом собственного деда, отцом своего нерождённого внука, который, из тех же посылок, так и не был рождён – природе, как понимает её м-р Меджи, противно совершенство.

Эглинтонус, ожив от удовольствия, поднял скромнолучащийся взгляд. Радостно глянул, весёлый пуританин, сквозь спутанную жимолость.

Льсти. Изредка, но льсти.

– Себе свой собственный отец,– сказал Сынмалиган себе.– Стойте. Я тяжел ребёнком. У меня нерождённое дитя в мозгу. Паллада Афина! Пьеса! Пьеса самое то! Дайте-ка разродиться!

Он стиснул свой брюхолоб обеими родовспоможными руками.

– Что до его семьи,– сказал Стефен,– имя его матери живёт в Арденском лесу. Её смерть родила из него сцену с Волумнией в *КОРИОЛАНЕ*. Смерть его мальчика-сына это сцена смерти юного Артура в *КОРОЛЕ ДЖОНЕ*. Гамлет, чёрный принц, это Гамнит Шекспир. От кого девчонки в *БУРЕ*, в *ПЕРИКЛЕ*, в *ЗИМНЕЙ СКАЗКЕ*, мы знаем. С

кого писана Клеопатра, мясная похлебка Египта, или Крессида, или Венера, нетрудно догадаться. Но в записях имеется ещё один член семьи.

– Интрига сгущается,– сказал Джон Эглинтон.

Квакер библиотекарь, всколыхиваясь, вьюлился на цыпочках, колых, маска его, колых, в спешке, колых, квак.

Дверь закрыта. Камера. День.

Внемлют. Трое. Они.

Я ты он они.

Служись, месса.

СТЕФЕН: У него было три брата, Жильберт, Эдмунд, Ричард. Жильберт, уже в старости, поведал неким господам, как один раз он прошёл затак, майстер Провершшик пропустил, ага, и повидал сваво братеню, майстра Выллю, этта, што пиески-то пысал ву Лоннуне, как он прыдставлялси в уморной пиеске, там ишшо мужик у ево на спине. Феатрова сосиска заполнила с верхом душу Жильберта. Его нет нигде: но Эдмон и Ричард отражены в работах сладкогласого Вильяма.

МЕДЖЭГЛИНТОН: Имена! Что в имени?

БЕСТ: И моё имя Ричард, знаете ли. Надеюсь, вы замолвите доброе слово за Ричарда, знаете ли, ради меня. (*Смех*.)

ХВАТ МАЛИГАН: (*Piano, diminuendo*)

И молвил медик Дик
Дружку медику Дейву

СТЕФЕН: В его троице Сил Зла, из этих петушистых негодяев – Яго, Ричарда Горбуна и Эдмунда в *КОРОЛЕ ЛИРЕ*, двое носят имена нехороших дядей. К тому ж, последняя пьеса написана, или писалась, пока его брат Эдмунд лежал умирая в Саутварке.

БЕСТ: Надеюсь вздрючат Эдмунда. Не надо, чтоб моего тёзку Ричарда...(*Смех*).

КВАКЕРЛИСТЕР: (*a tempo*) Но посягнувший на имя честное моё...

СТЕФЕН: (*stringendo*) Он припрятал своё собственное имя, честное имя, Вильям, в пьесах – тут жонглер, там актёр без слов – как художник в старой Италии помещал свой портрет в тёмном углу холста. Зато раскрыл его в сонетах, где *will* встречается в избытке. Подобно Джону О'Гонту он дорожит именем своим, так же как гербом, ради которого не блюдолизил – соболь вставший на дыбы под серебряным копьем, *honorificabilitudinitatibus*, ему дороже славы величайшего потрясателя сцены в стране. Что в имени? Вот о чём спрашиваем мы сами себя в детстве, когда пишем имя, про которое нам сказали, что это наше. Звезда, дневная звезда, огнедраконом взвилась при его рождении. И днём она сияла в небесах ярче, чем Венера в ночи, сияла и по ночам над дельтой Кассиопеи, заходящего созвездия, что несло инициал его имени среди звезд. Взгляд его устремлялся к созвездию, склоняющемуся над горизонтом к выплеску из медведицы, когда он шёл меж спящих полей летней полночью, возвращаясь из Шотери и из её объятий.

Оба удовлетворились. Я тоже.

Не говори, что ему было девять лет, когда она угасла.

И из её объятий.

Выжди, чтоб стали домогаться и завоёвывать. Ага, красный девич. И кто же станет завоёвывать тебя?

Читай в небесах. *Autontimerumenos. Bous Stephanoumenos*. Где твоё созвездие?

Стефен, Стефен, козыри трефы. С. Д. *Sua donna. Gia: di lui. Gelindo risolve di non amar*. С. Д.

– Что это м-р Дедалус?– спросил квакер библиотекарь.– Был такой небесный феномен?

– Ночью звезда,– сказал Сефен,– днём клубящийся столп.

Что тут ещё скажешь?

Стефен взглянул на свою шляпу, трость, ботинки.

Stephanos, мой венец. Мой меч. Его ботинки портят мне форму ступни. Купи пару. И носки у меня в дырках. Ещё носовик нужен.

– Ты неплохо сыграл на имени,– признал Джон Эглинтон.– Твоё тоже достаточно необычно. Полагаю, тут кроется объяснение твоему фантастическому юмору.

Мы, Меджи и Малиган. Легендарный мастер, ястребоподобный человек. Ты летал. Куда? Нью-Хевен – Дьепп, пассажир третьего класса. Париж и обратно. Чибис. Икар. *Pater, ait*

Исхлёстанный морем, рухнувший, барахтающийся. Чибис ты. Быть тебе чибисом.

М-р Бест рьяно поднял свой блокнот сказать:

– Это крайне интересно, потому что этот мотив брата, знаете ли, мы встречаем и в древних ирландских мифах. Точно как и вы говорите. Трое братьев Шекспиров. У Гримма тоже, знаете ли, сказки. Третий брат женится на спящей красавице и получает главный приз.

Наилучший из братьев Бест. Хороший, получше, наилучший.

Квакер библиотекарь застыл в антраша рядом.

– Хотелось бы знать,– сказал оного из братьев вы... Насколько я понимаю, вы предполагаете проступок с одним из братьев?.. Но, может, я забегаю вперёд?

Он поймал себя на проступке: оглянулся вокруг: стушевался.

Служитель от дверей позвал:

– М-р Листер! Отец Дайнин спрашивает.

– О! Отец Дайнин! Бегу, прямо-таки бегу.

Скоро рямо скрипя рямо он рям рямо скрылся.

Джон Эглинтон затронул прерванное.

– Валяй,– сказал он,– послушаем что скажешь о Ричарде и Эдмунде. Ты ведь их под конец приберёг, а?

– Попросив вас вспомнить двух этих высокородных родственников, дядю Ричи и дядю Эдмона,– ответил Стефен,– чувствую, что быть может, я затребовал чересчур. Брата забывают чаще, чем зонтик.

Чибис.

Где брат твой? Холл аптеки. Мой точильный камень. Он, потом Крэнли, Малиган: теперь эти. Слова, слова. Но делай. Делай речь. Насмешничают испытать тебя.

Делай. И пусть тебя делают.

Чибис.

Я устал слышать свой голос, голос Исайи. Всё царство за глоток.

Дальше.

– Вы скажете, имена эти уже стояли в хрониках, откуда он брал материалы для своих пьес. Вот только, почему он брал эти, а не другие? Ричард, горбатый шлюхин сын, недоносок, заводит амуры с вдовой Энн (что в имени?), домогается и раскладывает шлюхину дочку, весёлую вдову. Ричард завоеватель, третий брат, приходит после завоёванного Вильяма. Остальные четыре акта этой пьесы вяло болтаются на этом первом. Из всех королей единственно Ричард не прикрыт щитом шекспировой почтительности, мирового ангела. Почему сюжет *КОРОЛЯ ЛИРА*, в котором фигурирует Эдмонд, выдернут из *АРКАДИИ* Сиднея и насажен на рожон кельтской легенды, которая древней самой истории?

– Такой уж был обычай Вилла,– защитил Джон Эклектикон.– Нынче мы не станем сплетать норвежскую сагу с выдержками из романа Джорджа Мередита. *Que voulez-vous*? сказал бы Моор. Ведь помещает же он Богемию на берегу моря, и заставляет Улисса произносить цитаты из Аристотеля.

– Почему?– ответил Стефен себе.– Потому что тема брата обманщика или узурпатора, или осквернителя, или всех троих в одном, с Шекспиром, который далеко не беден, неразлучна. Нота изгнания, изгнания из сердца, изгнания из дома, звучит неумолчно от *ДВУХ ВЕРОНЦЕВ* и далее, покуда Просперо не сломает свой посох и не закопает—на сколько положено—саженей в землю, и не утопит свою книгу. Она удваивается в середине его жизни, отражается в другой, повторяется, экспозиция, завязка, кульминация, концовка. Она повторится вновь, когда он близок уж к могиле, и его замужняя дочь Сюзан, яблочко от старой яблони, обвинена будет в

прелюбодействе. Но именно изначальный грех омрачает его рассудок, подтачивает волю и вселяет тягу ко злу. Слова эти принадлежат господам епископам из Метнута: изначальный грех, как и первородный, совершён другой, в чьём грехе он тоже повинен. Всё это стоит меж строк последних писаных им слов, всё это каменеет на его надгробьи, под которое её четыре кости не должно класть. И всё это не стерлось от смены веков. Не сменилось умиротворённостью и красотой. Но с неисчислимым разнообразием проступает повсюду в сотворённом им мире, во *МНОГО ШУМЕ ИЗ НИЧЕГО*, в *КАК ВАМ ЭТО НРАВИТСЯ*, в *БУРЕ*, в *ГАМЛЕТЕ*, в *МЕРЕ ЗА МЕРУ* и во всех прочих нечитанных мною пьесах.

Он засмеялся, давая роздых своему сознанию.

Судья Эглинтон подвёл черту.

– Истина посредине,– огласил он.– Он призрак и принц. Он весь во всём.

– Так и есть,– сказал Стефен.– Мальчик из акта первого, он же зрелый муж пятого акта. Всё во всём. В *ЦИМБЕЛИНЕ*, в *ОТЕЛЛО*, он блядун и рогоносец. Он делает и делают его. Идеал любви или извращение, подобно Хозе, он убивает реальную Кармен. Его неослабный интеллект это рогочокнутый Яго в неутолимом желании терзать сидящего в нём мавра.

– Ку-ку! Ку-ку!– Кукуш Малиган кукукнул похотливо.– О, ужасающее слово!

Тёмный свод приял, отъэхнул.

– Но каков характер этот Яго!– воскликнул неустрашимый Дон Эглинтон.– В конце концов, Дюма *fils* (или это Дюма *pere*?) был прав. После Господа Бога, больше всех сотворил Шекспир.

– Мужчина не влечёт его, но нет и в женщинах ему восторга,– сказал Стефен.– Он возвращается, прожив жизнь в отсутствии, в то место, где был рождён и где пребывал всегда—мужчиной и мальчиком—как безмолвный свидетель, и там, где оканчивается странствие его жизни, сажает в землю своё тутовое деревце. Движение иссякло. Могильщики закапывают Гамлета *pere* и Гамлета

fils. Король и принц, наконец, мертвы, под навзрыдную музыку. И пусть убит и предан, и оплакан всеми тонкослёзыми сердцами, но для датчанки как и дублинки, скорбь об усопшем – единственный муж, с которым она ни за что не разведётся. Если вам по нраву эпилоги, любуйтесь, сколько влезет: процветающий Просперо, вознаграждённый добрый человек, Лиззи, дедулина любимая капелька, и дядька Ричи, нехороший бяка, отправлен поэтическим правосудием туда, куда попадают бяки негры. Крутая концовка. Он находил во внешнем мире воплощённым то, что содержалось в его внутреннем мире как возможное. Метерлинк говорит: *Если сегодня Сократ выйдет из дому, то на ступенях у своего порога увидит сидящего мудреца. Если под покровом тьмы украдкой заспешит Иуда, стопы его пойдут иудиным путём*. Любая жизнь, это множество дней, день за днём. Мы проходим сквозь самих себя, встречая грабителей, призраков, великанов, юношей, стариков, жён, вдов, братьев по любви. Пьесотворец составлявший сценарий этого мира и писавший дрянновато (сперва Он дал нам свет, а солнце двумя днями позже), Господь вещей какими они есть, которого большинство римских католиков называют *dio boia*—Бог-Вешатель—сущ, несомнено, как всё во всём, во всех нас – конюх и скоторез, что одинаково годится и в блядуны, и в рогоносцы, для вящей небесной экономичности, предсказанной Гамлетом, и браки уже никчему, славный муж, андрогенный ангел, становится женою сам себе.

– *Eureke*!– Хват Малиган взвопил.– *Eureke*!

В приливе счастья, он взвился и в один шаг достиг стола Джона Эглинтона.

– Позволите?– сказал он.– Господь заговорил к Малачи.

Он принялся строчить на листке бумаги.

Не забыть взять листков с конторки на выходе.

– Все кто женаты,– м-р Бест, благовестник, молвил,– за исключеньем одного будут жить. Остальным следует держаться уж как есть.

Он засмеялся, неженатый, к Эглинтону Джиоганну, искусств бакалавру.

Безбрачные, ненужные, тычут по ночам пальчик каждый в своё нестереотипное издание *УКРОЩЕНИЯ СТРОПТИВОЙ*.

– Ты мираж,– округло выразился Джон Эглинтон Стефену.– Столько волок нас за собой, чтоб показать французский треугольник. Сам-то ты веришь в свою теорию?

– Нет,– без запинки ответил Стефен.

– Вы собираетесь написать это?– спросил м-р Бест.– Вам следует сделать это в форме диалога, знаете ли, типа платоновых диалогов, на манер Уайльдовых.

Джон Эглинтон вдвойне улыбнулся.

– Ну, в таком случае,– сказал он,– не вижу для тебя резона ждать платы за то, во что не веришь сам. Доуден верил, что в Гамлете заключена какая-то тайна, но большего не говорит. Герр Бляйбтрой, которого некто Пайпер встретил в Берлине, разрабатывает рутландскую теорию, уверившись, что секрет сокрыт в страдфордском монументе. Он собирается явиться к нынешнему герцогу, говорит Пайпер, и доказать ему, что все пьесы написал его предок. То-то будет сюрприз для его милости. Но он верит в свою теорию.

Я верю. О, Господи, помоги моему неверию. То есть помоги мне верить или помоги не верить? Кто помогает верить?

Egomen. А кто не верить? Другой малый.

– Ты единственный из пишущих в ДАНЕ, кто просит платить серебром. И потом я не знаю насчёт следующего номера. Фред Райан хочет место для статьи по вопросам экономики.

Фредрин. Две серебром он одолжил мне. Перебиться. Экономика.

– За гинею,– сказал Стефен,– можете разместить это интервью.

Хват Малиган выпрямился, смеясь, от своего писанья и, отсмеявшись, мрачно изрёк, медоточа угрозу:

– Я навестил барда Кинча в его летней резиденции в конце Мекленбург-Стрит и застал его погрузившимся в изучение *Summa*

contra Gentiles, в компании двух гонорейных леди, Свежей Нелли и Розалины, шлюхи с угольной пристани.

Он прервался.

– Валяй Кинч, валяй бродячий *Aengus* птиц.

Валяй, Кинч, ты слопал всё, что после нас осталось. Ага, я подам тебе все твои огрызки и объедки.

Стефен поднялся.

Жизнь множество дней. Кончатся.

– Вечером увидимся,– сказал Джон Эглинтон.– *Notre ami* Моор, как его кличет Малачи Малиган, должен быть там.

Хват Малиган взмахнул своим листком и шляпой.

– Месье Моор,– сказал он,– лектор по французской литературе для молодого поколения Ирландии. Я буду там. Приходи, Кинч, бард должен пить. Ты ещё в состоянии ходить ровно?

Смеётся тот…

Попойка до одиннадцати. Ирландское вечернее развлечение.

Увалень..

Стефен шагал всед за увальнем…

Однажды в Национальной библиотеке мы пообсуждали. Шекса. Потом я шёл за его увал спиною. Намозолил ему цыпку.

Стефен откланялся и—отринутый—последовал за ерником-увальнем с прилизанной головой и свежебритым, из сводчатой кельи на оглушительный свет дня, без единой мысли.

Чему я научился? От них? У себя?

Теперь пройдись походкой Хейнса.

Зал постоянных читателей. В журнале читателей Кешл Бойл О'Коннор Фицморис Тисдал Фарелл выводит свои многосложия. Итак: безумен ли был Гамлет? Квакерова плешь боговиднеется в беседе со священичком.

– О, окажите честь, сэр… Для меня это будет такая радость..

Потешенный Хват Малиган обрадованно пробормотал сам себе, себе покивывая:

– Осчастливленная задница.

Вертушка.

Неужто?.. Синелентная шляпка… Тихо пишет… Неужто? Посмотрела?

Резная балюстрада; гладко-скользкий Миницйус.

Бес Малиган, шляпоошлемясь, ступал со ступеньки на ступеньку, кочевряжась, труня:

Джон Эглинтон, мой жо, Джон,
Зачем ты так пуглив средь слабых жон?

Он догундосил песенным мотивом:

– О безъяйцый китаец! Чин Чон Эг Линь Тон. Мы заходили в ихний театр-сарай, Хейнс и я, Дом Водопроводчиков. Наши актеры творят новое искусство для Европы, подобно грекам или М. Метерлинку. Театр аббатства! Я чую монашью потливость публики.

Он яростно сплюнул.

Забыл: из головы вон, как он нарвался на порку из-за паршивой Люси. И оставил *femme de trente ans*. И отчего больше не было детей? И первый ребёнок девочка?

Запоздалый умник. Ну, так вернись.

Затворник ещё там (пирог ещё не съеден) со сладостным юнцом, милой утехой. Светлые кудряшки Федона, что так и манят поиграться.

Э… Я просто э… Я забыл… он…

– Лонгворд и М'Карди Аткинсон тоже там.

Бес Малиган печатал шаг, траляляхая:

Не слышен мне ни птичий грай,
Ни мат солдатский, ни трамвай,
Когда задумаюсь

Об Ф. М'Карди Аткинсоне.
Он мрачен как пиратский флаг
И юбок он заклятый враг;
Не пьёт ни капли он при том,
И Меджи с его тонким ртом.
Боясь женитьбы очень-очень
Они дрочатся что есть мочи.

Дурачься. Знаю я тебя.

Остановился ниже меня, поглядывает, дознаватель. Остановимся.

– Скорбный мим,– выстонал Хват Малиган.– Синдж перестал носить чёрное, чтоб уподобиться природе. Черны лишь вороны, попы да аглицкий уголь.

Смешок встриппернулся на его губах.

– Лонгворду жутко неловко,– сказал он,– от того как ты в своей статье разделал старую трещалку Грегори. Ах ты ж, иезуитский запойно-жидовский инквизитор! Она пристраивает тебя в газету, а ты эдак походя приканчиваешь её сюсюканье про Иизюся. Не мог ты подойти по-йитсовски?

Он стал спускаться дальше, кривляясь, помахивая в такт грациозными руками.

– Замечательнейшая книга, из вышедших в нашей стране на моей памяти. Невольно вспоминается Гомер.

Он остановился у подножия лестницы.

– Я зачал пьесу для мимов,– произнёс он торжественно.

Колонны мавританского холла, сплетения теней. Уже нет девяти человечков в танце, мавров в шапочках-цифрах.

Сладостно-переливчатым голосом Х. Мулиган прочёл свою писульку:

Каждый Сам Себе Жена,
или Счастье в Собственных Руках

(Национальная аморалитэ в трех оргазмах)
АВТОР – МУДАСТЫЙ МАЛИГАН

Он обернул счастливо шутовскую ухмылку к Стефену, со словами:
– Маскировка, боюсь, жидковата. Но слушай.
Он зачитал, *marcato*:

Действующие лица:
ТОБИ ДРОЧУСАМ *(падший член парламента)*
КРАБ *(живоглот)*
МЕДИК ДИК *(две пташки*
МЕДИК ДЕЙВ *с одной шишкой)*
МАТЬ ГРОГАН *(водоносица)*
СВЕЖАЯ НЕЛЛИ
и
РОЗАЛИ *(шлюха с угольной пристани)*.

Он засмеялся мотая покивывающей головой, шагая дальше в сопровождении Стефена и радостно сообщая теням, людским душам.

– О, тот вечер в Канден-Холле, когда дочерям Ирландии приходилось задирать подолы своих юбок, чтоб переступить через тебя: как ты лежал в своей клюквенно-радужно-цветной обильной блевотине!

– Самый невинный сын Ирландии,– сказал Стефен,– из всех, для кого они их когда-либо задирали.

У самого выхода, чуя кого-то сзади, он ступил в сторону. Разойтись? Самое время. Тогда где? Если Сократ выходит сегодня из дому, если Иуда крадётся сегодня вечером. Почему? Это лежит в пространстве и я, во времени, приближаюсь, неизбежно. Моя воля: его воля, которая противостоит мне. И моря, что разделяют.

Мужчина вышел между ними, кланяясь, приветствуя.

– Добрый день ещё раз,– сказал Хват Малиган.

Портик. Здесь я прослеживал птиц в гадании. Птичий *Aengus*. Улетают и возвращаются. Сегодня ночью я летал. Так легко-легко. Люди дивились. Потом улица проституток. Он протянул мне кремовый плод дыни. Зайди. Увидишь.

– Бродячий жид,– Хват Малиган прошептал с клоунским ужасом.– Заметил его глаза? Смотрел на тебя с похотью. Страшусь за тебя, старый мореход. Сунь в штаны заслонку.

В манере Бычьего Брода.

День. Тачка солнца над аркой моста. Тёмная спина шла впереди них. Ступень с леопардом, ниже, минует ворота, за остриями решетки.

Они пошли следом.

Оскорбляет меня дальше. Говори.

Добротный воздух отчётлил углы домов на Килдар-Стрит. Птиц нет. Хрупко от крыш домов две струйки дыма поднялись, колеблясь, и мягкое веянье их подхватило мягко.

Предел стремлений. Упокоённость друидов священослужителей Цимбелина, иерофантная: от просторов земли-алтаря.

Восхвалим же богов,
Да взовьётся к ноздрям их
Смиренный дым,
Наших благих алтарей.

* * *

Святой отец Джон Конми (Общество Иисуса) вложил свои изящные часы обратно вглубь внутреннего кармана, сходя по ступеням из церковного дворика. Без пяти три. Прекрасное время для прогулки в Артейн. Как бишь звали того малого? Дигнам, да. *Vere dignum et justum est*. Надо через брата Свона. Письмо от м-ра Канинхема. Да. Посодействовать, если возможно. Добрый деловой католик: полезен при организации миссий.

Одноногий моряк, прошвыривая себя вперёд ленивыми толчками своих костылей, выхрипел несколько нот. Он прекратил толчки перед монастырем сестёр-благодетельниц и протянул к преподобному Джону Конми (О. И.) фуражку за подаянием. Отец Конми благословил его в сиянии солнца, ибо в кошельке, он знал это, была лишь одна серебряная крона.

Отец Конми направился к Монтджой-Сквер. Мысли его перетекли, не слишком, впрочем, углубляясь, на всех солдат и моряков, чьи ноги были оторваны ядрами из пушек, и которые доживают свой век в той или иной богадельне, и ему вспомнились слова кардинала Волсея: *Если б я служил Богу моему, как я служил моему королю, Он не покинул бы меня на старости лет*. Он шагал в тени деревьев под листвой мигающей на солнце, когда ему встретилась супруга м-ра Дэвида Шиай (Чл. Парл.).

– Право же, очень хорошо, святой отец. А вы, святой отец?

Отец Конми был, право же, просто чудесно. Он, пожалуй, съездит в Бакстон на воды. А как успехи у её мальчиков в Белведере? Вот как? Отец Конми был, право же, очень рад слышать. А сам м-р Шиай? Всё ещё в Лондоне. Заседания парламента ещё не завершились, ну, конечно. Прекрасная погода, право же, прямо восхитительная. Да, вполне возможно, что отец Бернард Воген снова приедет с проповедями. Действительно, замечательный человек.

Отец Конми был очень рад видеть, что супруга м-ра Дэвида Шиай, Чл. Парл., так хорошо выглядит и просил напомнить о нём м-ру Дэвиду Шиай, Чл. Парл. Да, он непременно зайдёт.

– Всего доброго, м-с Шиай.

Отец Конми поднял шёлковую шляпу, прощаясь, перед камешками гагата её мантильи, чернильно взблескивающими на солнце. Затем он пошёл дальше, всё так же улыбаясь. Зубы его были почищены, он знал, орехопальмовой пастой.

Отец Конми шагал и улыбался на ходу, поскольку думал, до чего потешные глазки у этого отца Бернарда Вогена и выговор, как у лондонских кокни.

– Пилат! Чё ж ты ни здиржал ту арушчу талпу?

Ревностный человек, впрочем. Нет, право же. На самом деле приносит немало пользы, по-своему. Вне всякого сомнения. Любит Ирландию, сам так говорил, и любит ирландцев. Из хорошей семьи, кто бы подумал? Из валлийцев, кажется?

О, пока он не забыл. Это письмо отцу-провинцелу.

Отец Конми остановил трёх мальчуганов-школьников на углу Монтджой-Сквер. Да, они из Белведера. Маленькое здание: Ага. А учатся они хорошо? О. Что ж, очень хорошо. А как его зовут? Джек Соан. А его? Дер Галахер. А этого человечка? Его имя Бранни Лайнем. О, какое отличное имя.

Отец Конми дал письмо со своей груди мастеру Бранни Лайнему и указал алый настолбный ящик на углу ФицГиббон-Стрит.

– Только смотри, не отправь и себя в ящик, мальчик-с-пальчик,– сказал он.

Мальчики в шесть глаз поглядели на отца Конми и засмеялись.

– О, сэр.

– Ну-ка, погляжу, сумеешь ли отправить письмо,– сказал отец Конми.

Мастер Бранни Лайнем перебежал дорогу и сунул письмо отца Конми отцу-провинцелу в щель яркоалого почтового ящика, отец

Конми улыбнулся и кивнул, и улыбнулся, и пошёл по Монтджой-Сквер на восток.

М-р Денис Дж. Маггини, учитель танцев и пр., в шёлковой шляпе, тёмно-сером фраке с шёлковыми лацканами, с белым галстуком-бабочкой, в тесных бледно-лавандовых брюках, канареечных перчатках и остроносых ботинках, вышагивая церемонной походкой, почтительно принял к бордюру, минуя леди Максвел на углу Дигнам-Корт.

А это не м-с ли М'Джинес?

М-с М'Джинес, осанисто послала, сребровласая, поклон отцу Конми с дальней дорожки, вдоль которой же и улыбнулась. И отец Конми улыбнулся и поприветствовал. Как она поживает?

Чудесная у неё осанка. Словно Мария, королева Шотландии, как там её.

Держательница ломбарда, а поди ж ты. Ну, ладно! Такая... как бы выразиться... королевская повадка.

Отец Конми пошёл вдоль Грейт-Чарльз-Стрит и взглянул на запертую свободную церковь слева от него. Преподобный Т. Р. Грин (Бакл. Иск.) выступит (по В.Г.) с проповедью. Его прозвали обязанным. Он чувствует себя обязанным сказать несколько слов. Но надо быть снисходительным. Неистребимое невежество. Деяния их под стать их просвещённости.

Отец Конми свернул за угол и пошёл вдоль Северной Окружной Дороги. Удивительно, что на столь важной магистрали до сих пор нет трамвайной линии. А, таки, нужна.

Ватага школьников с сумками через плечо высыпала из Ричмонд-Стрит. Все вскинули нахлобученные кепки. Отец Конми многажды поприветствовал их благосклонно. Братики во Христе.

Идя далее, отец Конми услыхал запах ладана по правую руку. Храм Св. Иосифа на Портланд-Роу. Для пожилых и благочестивых дамочек. Отец Конми снял шляпу перед Благословенною Святыней Благочестивицы: но порой и в них взбрыкивает дурной нрав.

У дома Олдборо отец Конми подумал об расточительности этого аристократа, и вот теперь тут контора, или что-то в этом роде.

Отец Конми прошествовал вдоль Норд-Стрэнд-Роуд и был поприветствован м-ром Вильямом Галахером, что стоял в дверях своего магазина. Отец Конми приветствовал м-ра Вильяма Галахера и ощутил запахи источаемые ломтями бэкона и грудами охлаждённого сливочного масла. Он миновал табачную лавку Грогана, к которой был прислонён щит с новостями, сообщавший об ужасной катастрофе в Нью-Йорке. В Америке постоянно что-нибудь такое случается. Несчастные люди, погибнуть таким вот образом, без помазания.

Всё-таки, акт полного покаяния.

Отец Конми миновал трактир Даниеля Берджина, окна которого подпирали двое мужчин без работы. Они приветствовали его и были ответно поприветствованы.

Затем отец Конми прошёл мимо похоронного заведения Х. Дж. О'Нейла, где Корни Келлехер доплюсовывал цифры в журнал-ежедневник, пожевывая сухой стебелёк. Полицейский констебль на своём обходе, поприветствовал отца Конми, и отец Конми поприветствовал констебля. У Юкстертера, свинореза, отец Конми обозрел свиные колбаски, бело-чёрно-красные аккуратно скрученные трубочки.

Под деревьями Чарвил-Молла отец Конми увидел причалившую торфяную баржу, тягловую лошадь с опущенной головой, баржегона в соломеной грязной шляпе, который курил, разглядывая ветвь клёна над головой. Идиллично: и отец Конми подумал о Провидении Создателя, сотворившего торф в болотах, где люди могут его выкапывать и развозить по городам и весям, для отопления домов бедноты.

На Ньюкоменском мосту святой отец Джон Конми, Общ. Ис., храма Св. Франциска Ксавьера, конец Гардинер-Стрит, поднялся в трамвай загородного направления.

Из трамвая идущего за город сошёл преподобный Николас Дазли, Чл. Сов. Граф., храма Святой Агаты, Северная Вильям-Стрит, на Ньюкоменском мосту.

На Ньюкоменском мосту отец Конми вошёл в трамвай загородного направления, ибо не любил проходить пешком скучный путь вдоль Грязного острова.

Отец Конми сидел в углу трамвайного вагона, с синим билетиком осмотрительно сунутым в прорезь перчатки из плотной козлиной кожи, покуда четыре шилинга, шестипенсовик и пять пенни ссыпались из другой плотноперчатченной ладони в его кошелёк. Проезжая мимо храма обросшего плющом он размышлял, что билетный контролёр является обычно, когда в рассеянности выбросишь билет. Серьёзность лиц находящихся в вагоне казалась отцу Конми чрезмерною для поездки столь непродолжительной и недорогой.

Отец Конми любил радостную обстановку.

День был полон покоя. Джентельмен в очках, напротив отца Конми, кончил объяснения и опустил взгляд. Его жена, предположил отец Конми. Крохотный зевок приоткрыл рот жены джентельмена в очках. Она подняла свой кулачок в перчатке, зевнула, уж так-то мягонько, пристукивая своим кулачком в перчатке по открытому рту и улыбнулась крохотно, мило.

Отец Конми отметил запах её духов в вагоне. Он отметил ещё, что неуклюжий мужчина с другой стороны от неё сидит на самом краешке сиденья.

Отцу Конми порою трудно бывало вкладывать причастие в рот какого-нибудь старика с трясущейся головой.

На Анеслеском мосту трамвай остановился, а когда почти уже тронулся, старушка подхватилась вдруг со своего места – сойти. Кондуктор дёрнул тесемку звонка, задержать трамвай для неё. Она вышла со своею корзинкой и сеткой-авоськой: и отец Конми видел как кондуктор помог ей и сетке, и корзинке её спуститься: и отец Конми подумал, всё оттого что она чуть было не проехала дальше,

чем положено по билету за один пенни и, вероятно, она одна из тех простых душ, которым всегда приходится дважды повторять: Благославляю тебя, дитя моё—когда отпускаешь им грехи—Молись за меня. Но у них так много неурядиц в жизни, столько забот, у бедняг.

От ограды строительной площадки м-р Юджин Страттон ухмыльнулся толстыми негроидными губами отцу Конми.

Отец Конми подумал о душах чёрных и коричневых, и жёлтых людей, и о своей проповеди про святого Петра Клавера, Общ. Ис., и про африканскую миссию, и о распространении веры, и о миллионах чёрных и коричневых, и жёлтых душ, не приявших крещения водою, а ведь последний их час подкрадывается, как тать в нощи. Та книга бельгийского иезуита, *Le Nombre des Elus*, содержит—по мнению отца Конми—резонное опасение. Ведь это – миллионы человеческих душ, сотворённых Божьим Соизволением, до которых вера не была донесена. Все они божьи души, сотворённые Богом. Отцу Конми жалко было, что они могут оказаться утраченными, пойдут в отходы, если можно так выразиться. На остановке Хаут-Роуд отец Конми сошёл, был приветствован кондуктором и, в свою очередь, приветил. Малахайд-Роуд была тиха. Отцу Конми приятны были дорога и название её. В весёлом Малахайде звон радостных колоколов. Лорд Талбот де Малахайд, прямой наследственный лорд-адмирал Малахайда и прилегающих морей. Вдруг раздался крик: к оружию!–и она оказалась девицей, супругой и вдовой в один день. Таковы они были, старосветские дни, правоверные времена в весёлых городах, былые времена в округе.

Отец Конми, шагая, думал о своей книжке БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА В ОКРУГЕ и о книге, которую можно бы написать о домах иезуитов, и о Марии Рошфор, дочери лорда Молсворта, первой графине Белведера.

Равнодушная дама, уже не молодая, в одиноких прогулках вдоль берега Енельского озера, Мария, первая графиня Белведера, безразлично шагавшая вечерами, не вздрагивая на всплески выдр.

Кто бы дознался? Не ревнивый же лорд Бельведер, и не её духовник, утаи она признание в доконечной супружеской измене—*eiaculatio seminis inter vas naturale*—с братом её мужа? Сказала бы на исповеди полуправду, по женскому обыкновению, будто грех свершён не до конца. Знали б лишь Бог и она, да брат её мужа.

Отец Конми подумал о неудержимых инстинктах, необходимых, впрочем, для продолжения людского рода на земле, и о путях Господних, не схожих с путями нашими.

Ректор Джон Конми шагал и переносился в давно минувшие времена. Там он был человечен и чтим. Он хранил в уме секреты исповедей и улыбался улыбающимся благородным лицам в навощенных гостиных, с лепными гроздьями фруктов на потолках. И руки невесты и жениха, благородную с благородной, соединял, ладонью в ладонь, ректор Джон Конми.

Прелестный выдался денёк.

Распростёртое поле представило отцу Конми капустную ширь, раскланивалось перед ним раскидистыми нижнелистьями. Небо являло стадо облачков медленно бредущих по ветру. *Moutonner*, говорят французы. Уютный, благоустроенный мир.

Отец Конми, повторяя молитву, поглядывал на стадо барашковых облаков над Рэткофом. Его щиколотки в тонких носках покалывала стерня клонговского поля. Он пошагивал там, читая по вечерам, и слышал крики играющих мальчишечьих команд, юные крики в вечерней тиши. Он был их ректором, правление его было кротким.

Отец Конми снял перчатки и вынул свою книжицу-часослов с красным обрезом.

Закладка слоной кости указала страницу.

Трёхчасовые. Их надо было прочесть перед ланчем. Но пришла леди Максвел.

Отец Конми прочёл украдкой *Pater* и *Ave* и перекрестил свою грудь. *Deus in adiutorium.*

Он спокойно шагал и читал трёхчасовые, шагая читал, пока не дошёл до *Res* и до *Beati immaculati: Principium verborum tuorum veritas:*

in eternum omnia iudicia institicoe tuce.

Раскраснелый молодой человек вышел из проёма в изгороди, а вслед за ним вышла молодая женщина с пучком безудержно колеблющихся фиалок в руке. Молодой человек сдёрнул кепку: молодая женщина проворно склонилась и, аккуратненько, сняла со своей лёгкой юбки воткнувшийся сучок.

Отец Конми благословил обоих сумрачно и перевернул тонкую страничку в своей книге. "*Sin: Principes persecuti sunt me gratis: et a verbis tuis formidavit cor meum.*"

* * *

Корни Келехер захлопнул свою приходную книгу и осоловело взглянул на сосновую крышку гроба, поставленную часовым в углу. Он выпростался, прошёл к ней и крутанул стоймя, оглядывая форму и медные детали. Пожёвывая стебелек своей травинки, он отставил крышку гроба и направился к двери. Тут он сдвинул шляпу на лоб, затеняя глаза, и, опершись на дверной косяк, лениво осмотрелся по сторонам.

Отец Конми поднялся в долимонтский трамвай на Ньюкоменском мосту.

Корни Келехер, сдвинув свои широкоступные башмаки, зырил из-под надвинутой шляпы, пожёвывая свой стебелёк.

Констебль 37 С, на обходе, остановился скоротать время.

– Погожий денёк, м-р Келехер.

– Угу,– сказал Корни Келехер.

– Парит,– сказал констебль.

Корни Келехер беззвучной дугой хлестко выпустил струю стебложижи меж губ, а в тот же миг щедрая белая рука взметнулась бросить монетку из окна на Эклес-Стрит.

– Что новенького?– спросил он.

– Вчера и я там был, на той катавасии,– сказал констебль, отдуваясь.

* * *

Одноногий моряк прокостылял вкруг угла МакКоннелз, огибая тележку мороженщика Рабайотти, и подрыгал вдоль Эклес-Стрит. Ларри О'Руку, стоявшему у себя в дверях, он недружелюбно рыкнул:

– За Англию...

Судорожно прошвыряв себя мимо Кэти и Буди Дедалус, он остановился и дорычал: —...красу и родимый дом.

Бледному озабоченному лицу Дж. Дж. О'Моллоя было отвечено, что м-р Ламберт на складе с посетителем.

Дородная дама остановилась, вынула из кошелька медячок и обронила его в протянутую к ней фуражку. Моряк пробурчал благодарность, кисло взглянул на безучастные окна и, набычившись, отмахал вперёд на четыре тычка.

Остановившись, непримиримо вырычал: – За Англию...

Пара босоногих малявок, обсасывая длинные полоски мороженого, стали возле него, разинув желтовымазанные рты на его культю.

Он вымахался вперёд резкими тычками, стал, задрал голову к окну и густо пролаял: -...красу и родимый дом.

Заливистый радостно сладостный насвист в доме, продлясь ещё такт-другой, стих. Оконная занавеска дернулась в сторону. Карточка КВАРТИРА БЕЗ МЕБЕЛИ свалилась с переплёта рамы. Оголённая полная щедрая рука мелькнула, завиднелась, взметнувшись от белого нижнего корсета и тугой бретельки. Женская рука выбросила монетку за ограду палисадника. Та упала на тротуар.

Один из малявок подбежал, подобрал и бросил в головной убор менестреля, со словами:

– Вот, сэр.

* * *

Кэти и Буди Дедалус толкнули дверь тесной, душной от пара, кухни.

– Ты заложила книги?– спросила Буди.

У плиты Мэгги раза два впихнула палкой сероватую массу под пузырящуюся пену и отёрла лоб.

– За них ничего не дают,– сказала она.

Отец Конми шагал по полю Клонговза, стерня покалывала тонконосочные щиколотки.

– Ты куда носила?– спросила Буди.

– К М'Джинес.

Буди топнула ногой и швырнула свою сумку на стол.

– Чтоб ей лопнуть!– крикнула она.

Кэти подошла к плите и заглянула косыми глазами.

– Что варишь?– спросила она.

– Сорочки,– сказала Мэгги.

Буди крикнула сердито:

– Блин, нам и поесть нечего?

Кэти ухватила крышку чайника через подол своей юбки в пятнах и, сдёргивая, спросила:

– А тут что?

Густые клубы пара вырвались в ответ.

– Гороховый суп,– сказала Мэгги.

– Откуда достала?– спросила Кэти.

– Сестра Мэри Патрик,– ответила Мэгги.

Служитель забренчал колокольчиком:

– Дилинь!

Буди села за стол и голодно проговорила:

– Вали сюда.

Мэгги налила густой жёлтый суп из чайника в чашу. Кэти, сидя напротив Буди, тихо сказала, отправляя пальцами в рот отпавшие крошки:

– Здорово нам пофартило. А Дилли где?

– Пошла повидать отца,– сказала Мэгги.

Буди, крупно наламывая хлеб в жёлтый суп, добавила:

– Отче наш, что не на небеси.

Мэгги, наливая суп в чашу Кэти, прикрикнула:

– Буди! Как не стыдно!

Кораблик, комканый клочок, Илия грядет, легко пронёсся по течению Лиффи под Горбатым мостом и, проскочив быстрину клокочущей воды у быков моста, парусил к востоку мимо якорных цепей и корабельных корпусов, между старым доком Таможни и заливом Георгия.

* * *

Белокурая девушка у Торнтона устлала плетёную корзиночку шелестящей подкладкой.

Ухарь Бойлан протянул ей бутылку обёрнутую тонкой розовой бумагой и баночку.

– Сначала вот это, идёт?– сказал он.

– Да, сэр,– сказала блондиночка,– а фрукты сверху.

– Вот именно, умничка,– сказал Ухарь Бойлан.

Она аккуратно укладывала наливные груши, кончик к головке, а между ними смущенно рдеющие персики.

Ухарь Бойлан похаживал туда-сюда в новых коричневых туфлях по фрукто-пахучему магазину, трогая фрукты и молодые, распираемые соком, густокрасные помидоры, втягивая в себя запахи.

ХЕЛИС вереницей прошли перед ним, белоцилиндровые, топая к своей цели.

Он вдруг обернулся от перемытой земляники, вынул золотые часы из кармашка и отвёл их насколько пускала цепочка.

– Можете доставить их трамваем? Прямо сейчас?

Черноспинная фигура под Торговой аркой склонилась над книгами на тележке разносчика.

– Конечно, сэр. Это в центре?

– О, да,– сказал Ухарь Бойлан.– Минут десять ходу.

Блондиночка протянула ему карточку и карандаш,

– Изволите написать адрес, сэр?

Ухарь Бойлан написал на прилавке и толкнул карточку к ней.

– Пошлите сейчас же, идёт?– сказал он.– Это для хворого.

– Да, сэр. Сделаем, сэр.

Ухарь Бойлан побряцал звонкой монетой в кармане брюк.

– На скольку убытку?– спросил он.

Тонкие пальцы блондиночки пересчитывали фрукты.

Ухарь Бойлан заглянул в вырез её блузки. Молоденькая курочка. Он взял красную гвоздику из высокогорлой стекляной вазы.

– А это мне?– спросил он галантно.

Блондиночка искоса взглянула на него, забывшись, распрямилась, румянясь перед его, чуть скошеным, галстуком.

– Да, сэр,– сказала она.

Склоняясь арочно, она вновь посчитала толстые груши и алеющие персики.

Ухарь Бойлан смотрел в её блузку с нарастающим одобрением, стебель красного цветка меж его улыбнутых зубов.

– Дашь сказануть пару тёплых вашему телефону, краля?– спросил он приблатнённо.

* * *

– *Ma!*– сказал Альмидано Артифони.

Он уставился через плечо Стефена на шишковатый череп Голдсмита.

Две повозки с туристами неспешно ехали мимо, женщины сидели впереди, ухватясь за перильца. Бледнолицые. Руки мужчин откровенно охватывали их миниатюрные формы. Они переводили взгляд с Троицы на глухой, с колоннами, портик Банка Ирландии, где ворковали голуби.

– *Anch'io ho avuto di queste idee,– сказал* Альмидано Артифони,– *quand'ero giorine come Lei. Eppoi mi sono convinto che il mondo e uno bestia. E peccato. Perche la sua voce...sarebbe un cespite di rendina, via Invece, Lei si sacrifica.*

– *Sacrifizio incruento,– сказал* Стефен, улыбаясь, чуть покачивая свой ясенёк ухваченый посерёдке.

– *Speriamo,– сказал*о круглое усатое лицо.– *Ma, dia retta me. Ci rifletta.*

У неколебимой гранитной руки Греттона, взывающей остановиться, инчикорский трамвай испустил сутолку солдат-шотландцев из военного оркестра.

– *Ci riflettero,– сказал* Стефен, взглядывая вниз на крепкие брюки.

– *Ma, sul serio, eh?*– сказал Альмидано Артифони. Его увесистая рука крепко охватила стефенову. Человечьи глаза. Они секунду с любопытством вглядывались и быстро переметнулись на далкийский трамвай.

– *Eccolo,– сказал* Альмидано Артифони,– *venga a trovarmi e ci pensi. Addio, caro.*

– *Arrivedera, maestro*,– сказал Стефен, когда рука его освободилась, приподымая свою шляпу.– E grazie.

– *Di che?*– сказал Альмидано Артифони.– *Scusi, eh? Tante belle cose!*

Альмидано Артифони, вскинув—чтоб заметили—жезл свёрнутых в трубку нот, бросился рысцой на крепких брюках вслед за далкийским трамваем. Напрасно он бежал, сигналил зря среди толкотни голоколенных горцев, протаскивающих музыкальные

причандалы через ворота Троицы.

* * *

Два алых лица обернулись в отблесках крохотного факела.

– Кто это?– спросил Нед Ламберт.– Кротти?

– Звонобряк и Небокрест,– ответил голос, нащупывая куда ступить.

– Привет, Джек, это ты?– сказал Нед Ламберт, подымая в салюте свою гибкую дранку к взблескивающим сводам.– Подходи. Только смотри где идёшь.

Мягкий язычок пламени взвился напоследок от навощённой спички в воздетой руке духовного лица, прежде чем тот её выпустил. У ног их умерла её красная точка: и напитанный цвелью воздух сомкнулся вокруг.

– Очень интересно!– раздалось в сумраке правильное произношение.

– Да, сэр,– задушевно сказал Нед Ламберт.– Мы находимся в историческом зале совета аббатства святой Марии, где Шёлковый Томас объявил себя бунтарем в 1534. Это самое историческое место на весь Дублин. О'Меден Берк собирается вскорости кое-что о нём написать. Через дорогу был старый Банк Ирландии—до объединения—и, рядом же, первый храм евреев, пока они не построили свою синагогу на Аделаид-Роуд. Тебе ещё не приходилось бывать тут, а, Джек?

– Нет, Нед.

– Он приехал верхом по Дорожке Дам,– вновь заговорило правильное произношение,– если память меня не подводит. Особняк Килдаров был на Томас-Корт.

– Верно,– сказал Нед Ламберт.– Совершенно верно, сэр.

– Итак, если б вы были столь добры,– продолжило духовное лицо,– и позволили б мне в следующий раз…

– Конечно,– сказал Нед Ламберт.– Приходите с камерой когда пожелаете. Эти мешки уберут от окон. Можете заснять отсюда и отсюда.

Всё в том же скудном свете двигался он, постёгивая своей дранкой по мешкам с зерном и по полу в местах выгодного ракурса.

С длинного лица борода и взгляд свесились на шахматную доску.

– Я вам крайне обязан, м-р Ламберт,– сказало духовное лицо,– не буду более отнимать ваше драгоценное время.

– Всегда вам рады, сэр,– сказал Нед Ламберт,– заходите, когда вам угодно. Скажем, на следующей неделе. Вам видно?

– Да, да. Всего доброго м-р Ламберт. Очень приятно было с вами познакомиться.

– Мне ещё приятнее, сэр,– ответил Нед Ламберт.

Он проследовал за своим гостем к выходу, а потом запустил свою дранку между колоннами. С Дж. Дж. О'Моллоем он неспешно вышел в аббатство Марии, где возницы грузили фургоны мешками с КЭРОЛ и Чищеными Пальмовыми Орехами, О'Коннор, Вексфорд.

Он остановился прочесть карточку в своей руке.

– Преподобный Хью Ц. Кошелл. Рэткоф. Нынешний адрес: святого Майкла, Саллинз. Милый молодой человек. Сказал мне, что пишет книгу про Фицджеральдов. В истории дока, это точно.

Молодая женщина с медленной тщательностью сняла со своей легкой юбки воткнувшийся туда сучок.

– Я было решил вы затеваете новый пороховой заговор,– сказал Дж. Дж. О'Моллой.

Нед Ламберт щелкнул в воздухе пальцами.

– Боже,– воскликнул он,– я забыл рассказать ему тот, про эрла Килдара, после того как тот поджёг собор в Кэшле. Знаешь, небось? Чертовски сожалею, что сделал это, говорит, но, видит Бог, я думал, что архиепископ там, внутри. Впрочем, ему может и не понравиться. А? Боже, я ему всё-таки расскажу. Он был великий эрл, этот

Фицджеральд Здоровила. Да и все они горячие головы, род Фицджеральдов.

Лошади, мимо которых он проходил, нервно шарахнулись в послабленной упряжи. Он шлёпнул по пегому заду, подрагивающему рядом с ним, и прикрикнул:

– Воа, сынок!

Обернувшись к Дж. Дж. ОМоллою, он спросил:

– Ну, Джек. В чём дело? Что случилось? Погоди-ка. Минутку.

С открытым ртом и запрокинув голову он замер и, через секунду, громко чхнул.

– Ччо!– сказал он.– Чтоб тебя.

– Пыль от этих мешков,– сказал Дж. Дж. О'Моллой вежливо.

– Нет,– вдохнул со всхлипом Нед Ламберт,– я просту... дился поза... чтоб ты лопнул... позавчера... чертов сквозняк...

Он держал платок наготове для подкатывающего...

– И сегодня утром на похоронах.. Бедняга... как бишь его... Ччо! Мать Моисеева!

* * *

Том Рошфор взял верхний диск из стопки, которую прижимал к своему бордовому жилету.

– Ясно?– сказал он.– Допустим это шестой танец. Вот сюда его. Ясно? Положение. Танцуем.

Он сунул его в левую, от них, щель. Диск скатился по бороздке, чуть подёргался, замер и вылупился на них: шесть.

Законники прошлого, высокомерно неуступчивые, отследили проход Ричи Гулдинга от Объединенного Налогового Управления к суду Ниси-Приус, несшего кассовую сумку фирмы Гулдинг, Коллинз и Вард, и заслушали шелест чёрной шёлковой юбки необъятных пропорций на пожилой дамочке с неестественной улыбкой её

вставной челюсти, которая направлялась от Адмиралтейского Отделения Королевской Скамьи к Аппеляционному суду.

– Ясно?– сказал он.– Теперь смотрите, последний, что я опустил идёт сюда. Включает положение "конец". Касание. Подъем, ясно?

Он показал им поднимающуюся стопку дисков справа.

– Отличная идея,– сказал Носач Флин, пришмыгнув.– Так что припоздавший видит какой идёт танец, а какие уже отыграны.

– Ясно?– сказал Том Рошфор.

Он сунул диск для себя: и посмотрел как тот проскочил, подёргался, вылупился, встал, четыре. Положение. Танцуем.

– Сейчас у меня встреча с ним в Ормонде,– сказал Лениен,– могу потолковать. Услуга за услугу.

– Давай,– сказал Том Рошфор.– Так и скажи Бойлану, я, мол, готов.

– Спокойной ночи,– отрывисто сказал М'Койогда вы двое сходитесь.

Носач Флин наклонился к рычажку, подшмыгивая.

– А как оно тут действует, Томми?– спросил он.

– Ту-туу!– сказал Лениен,– увидимся позже.

Он последовал за М'Коем через крохотную площадь Кремптон-Корт.

– Он герой,– сказал он просто.

– Знаю,– сказал М'Кой.– Это ты про сточную канаву.

– Какая канава?– сказал Лениен.– Все было в канализационном колодце.

Они миновали мюзик-холл Дэна Лори и Мари Кендал, очаровательная субретка, улыбнулась им с плаката малёваной улыбкой.

Идя по тротуару вдоль Сикамор-Стрит мимо мюзик-хола ИМПЕРИЯ, Лениен обсказал М'Кою как дело было. Эти ж колодцы бывают хуже газовой трубы, вот один чертяка и застрял внизу, и уж наполовину задохся в канализационной вони. И тут Том Рошфор спускается вниз, в выходном костюме и при всём прочем,

обвязавшись веревкой. И умудрился-таки, дьявол, обвязать того чертяку веревкой и их обоих вытащили.

– Поступок героя,– подытожил он.

У Долфина они остановились, пропуская карету скорой помощи, галопом промчавшую мимо к Джервис-Стрит.

– Сюда,– сказал он сворачивая направо.– Хочу заскочить к Линему, узнать стартовые ставки на Мантию. Сколько на твоих золотых с цепочкой?

М'Кой заглянул в сумрачную контору Марка Тертиуса Мозеса, потом на часы у О'Нейла.

– Начало четвертого,– сказал он.– А кто жокеем?

– О'Медден,– ответил Лениен.– И лошадка резвая.

* * *

Дожидаясь у Темпл-бара, М'Кой легкими тычками носка спихнул банановую кожуру с тротуара в сточную канаву. Вдруг какой-то малый зарулит на неё, по тёмному да на взводе, и навернётся, как не хрен делать.

Ворота проезда широко распахнулись для выезда вице-королевской кавалькады.

– Ставки поровну,– сказал Лениен возвращаясь.– Я там столкнулся с Бентемом Лайнсом, ставит на тёмную лошадку, кто-то ему шепнул, но это дохлый номер. Давай тут пройдём.

Они поднялись по ступеням и прошли через Торговую Арку.

Черноспинная фигура просматривала книги на тележке разносчика.

– Вот он,– сказал Лениен.

– Интересно, что он покупает,– отозвался М'Кой, оглядываясь назад.

– ЛЕОПОЛДО или РОЖЬ В ЦВЕЙТУ,– сказал Лениен.

– У него просто сдвиг на распродажах,– сказал М'Кой.– Я как-то был с ним, так он на Лиффи-Стрит купил у старика книгу за два фунта. Так тут же ж такие отличные картинки, да им же ж цена в два раза больше. Звезды там, луна, кометы с хвостом. Вобщем, про астрономию.

Лениен засмеялся.

– Я тебе расскажу чертовски уморный случай про хвосты с кометами,– сказал он.– Перейдём-ка на солнышко.

Они перешли к Железному мосту и дальше, над заводью Велингтона, вдоль парапета над рекой.

Юный господин Патрик Алоизий Дигнам вышел из лавки Мангема, прежде покойного Ференбаха, неся полтора фунта свинины.

– Устроили, значит, большое застолье в лицее Гленкри,– зачастил Лениен.– Ежегодный, понимаешь, обед. Накрахмаленное мероприятие. Был там лорд-мэр, ещё, это, Вал Дилон, и сэр Чарльз Камерон. Дэн Доусон речь сказал, потом музыка. Бартел Д'Арки пел и Бенджамен Доллард...

– Знаю,– перебил М'Кой.– Моя супружница тоже там один раз пела.

– Да, ну?– сказал Лениен.

Карточка КВАРТИРА БЕЗ МЕБЕЛИ вновь появилась на оконном стекле номера 7 по Эклес-Стрит.

Он на секунду прервал свой рассказ, но пырснул скрипучим смехом.

– Но подожди же расскажу,– сказал он.– Делаунт с Камден-Стрит делал сервировку, ну, а твой покорный слуга был главным бутылкопорожнителем. Цвейт явился со своей женой. На столах полно: портвейн и шерри, и кюрасао, приложились ко всему по справедливости. Пары нагнали крепко. За выпивкой пошла закуска. Холодное мясо до отвалу и пирог с начинкой.

– Знаю,– сказал М'Кой.– А в тот год, как супружница была там...

Лениен взял его под локоток проникновенно.

– Но слушай же, доскажу,– сказал он.– В полночь мы ещё подкрепились, после всего увеселенья, и выползли как на часах уже было половина мохнатого и уже сегодня, а не вчера. Отправились домой, вокруг роскошная зимняя ночь на Пуховой Горе. Цвейт и Крис Колинан на одном сиденьи коляски, а его жена и я – напротив. Начали петь распевки и дуэты: ВОН ПЕРВЫЙ СОЛНЦА ЛУЧ. Она здорово нагрузилась, с добрячей порцией Делантова портвейна под её пояском. Как ни тряхнёт коляску, всё об меня бухается. Чертовски приятно! А у неё пара – дай Боже. Вот такие.

Он выставил округленные руки на аршин перед собой, хмурясь.

– А я всё коврик под неё подпихивал, да боа на ней поправлял. Усекаешь?

Ладони его формовали крупные выпуклости воздуха. Он зажмурил глаза от восторга, осев телом, и испустил сладкий посвист из губ.

– Вобщем, кореш торчал навытяжку,– сказал он со вздохом.– Она кобылка игривая, это верно. Цвейт всё показывал звезды да кометы на небе Крису Колинану с кучером: Большая Медведица и Геркулес, и Дракон, и вся эта дзиньбумия. Но, ей-Богу, я блуждал, так сказать, по млечному пути. Он их наперечёт знает, ей-ей. Под конец она высмотрела малипусенькую такую, у чёрта на куличках. А это что за звезда, Полди? говорит ему. Ей-Богу, посадила Цвейта в лужу. Вон та, что ли? говорит Крис Колинен, какая ж то звезда, считай просто булавкой ткнуто. Ей-Богу, насчёт ткнуто это он к месту сказал.

Лениен стал и склонился на парапет набережной, зайдясь тихим смехом.

– Я кончусь,– выдохнул он.

Белое лицо М'Коя улыбнулось на миг и помрачнело. Лениен пошёл дальше. Он приподнял свою яхткепку и быстренько поскреб под затылком. В солнечном свете глянул искоса на М'Коя.

– Он культурный, откуда ни копни, Цвейт-то,– сказал он уже без смеха. Не то что всякие, тебе, якие... знаешь. Есть в старине Цвейте

жилка художника.

* * *

М-р Цвейт лениво полистал страницы *ЖУТКИХ РАЗОБЛАЧЕНИЙ МАРИИ МОНК*, взял *ШЕДЕВР* Аристотеля. Корявая бледная печать. Картинки: скрючившиеся в комок младенцы в кровавокрасных матках, как печень забитых коров. Много их в эту минуту по всему свету. Таранят головами, чтоб выскочить наружу. Каждую минуту где-то родится младенец. М-с Пурфо.

Он отложил обе книги в сторону и глянул на третью: *ПОВЕСТИ ГЕТТО* Леопольда фон Захер Мазоха.

– Такая есть,– сказал он, чуть оттолкнув её.

Лавочник обронил на прилавок две книги.

Через прилавок пахнуло луком из руин его рта. Он наклонился собрать в стопку остальные книги, притиснул их к незастёгнутому жилету и понёс за грязную занавеску.

На мосту О'Коннела многие лица наблюдали церемонную походку и пёстрые одеяния м-ра Дениса Дж. Маггини, учителя танцев и пр.

М-р Цвейт в одиночестве посмотрел как называются. *ПРЕЛЕСТНЫЕ ВЛАСТИТЕЛЬНИЦЫ*, Джеймса Ловберча. Знаю что за штучка. Была? Да.

Он раскрыл. Так и знал.

Женский голос за грязной занавеской. Вслушался: мужчина.

Нет: ей не понравится, столько наворочено. Один раз брал ей такую.

Он прочёл название другой: *УСЛАДЫ ГРЕХА*. Больше по ней. Посмотрим.

Он прочитал, раскрыв наугад.

– И все банкноты, что давал ей муж были потрачены по магазинам на сногсшибательные туалеты и самое дорогое нижнее

белье. Все для него! Для Рауля!

Да. Такое по ней. А тут. Посмотрим.

– Губы её прильнули к его губам в вожделенно чувственном поцелуе, пока его руки оглаживали роскошные выпуклости под её пеньюаром.

Да. Беру. Так и быть.

– Ты что-то поздно,– хрипло произнес он, с блеском подозрения в глазах. Прекрасная женщина сбросила отороченную соболями шаль, открыв свои царственные плечи и высокое холёное тело. Непостижимая улыбка играла на её великолепных губах, когда спокойно обернулась к нему.

Цвейт перечёл: *Прекрасная женщина*. Мягкое тепло разлилось по нему, подчиняя его плоть. Плоть откликнулась среди мятой одежды. Белки глаз подкатились. Ноздри арочно выгнулись на дичь. Тающие умащенья груди (*для него! Для Рауля!*). Подмышек луковичный пот. Рыбоклейкая слизь (*её холёное тело!*). Сернистая срань львов.

Ощутить! Прижать! Стиснуть!

Юную! Юную!

Дама в летах, уже немолодая, покинула здание суда по завещаниям, суда королеской скамьи, суда финансовых и общих исков, прослушав в суде лорда-канцлера разбирательство дела о сумашествии Потертона, в адмиралтейском отделе шло слушание, по одностороннему иску, дело владелицы Леди Кернз против владельцев барки МОНА, в аппеляционном суде объявлена отсрочка слушания по делу Харви против Корпорации Страхования Случаев на Море.

Мокротный кашель сотряс воздух книжной лавки, брюхатя грязную занавеску.

Нечёсанная седая голова торговца вышла наружу с небритым покраснелым лицом, кашляя. Он раздирающе прочистил горло, сплюнул мокроту на пол. Наступил на плевок ботинком, потянув подошвою, и наклонился, показывая шероховатую кожу темени в редких волосах.

М-р Цвейт видел всё это.

Овладевая возбужденным дыханием, он сказал:

– Беру вот эту.

Лавочник поднял глаза с закисшими в уголках выделениями.

– *УСЛАДЫ ГРЕХА,– сказал* он, похлопывая её.– То что надо.

* * *

Служитель у аукционного зала Дилона снова дважды встряхнул колокольчиком и глянул в зеркало у входа.

Дилли Дедалус, стоя на краю тротуара, слышала звон колокольчика, выкрики аукционщика внутри. Четыре и девять. Такие миленькие занавески. Пять шилингов. Такие уютные. За новые цена две гинеи. Пять шилингов, кто больше? Продано за пять шилингов.

Служитель поднял колокольчик в руке и встряхнул.

– Риндинь!

Заливистый трезвон подстегнул гонщиков на полмили сделать рывок. Дж. А. Джексон, В. Е. Вайли, А. Монро и Х. Т. Тэн вытянули подёргивающиеся шеи, оспаривая поворот у Библиотеки Колледжа.

М-р Дедалус, покручивая длинный ус, появился из-за угла Вильямс-Роу.

Остановился возле своей дочери.

– Сколько можно,– сказала она.

– Да стань ты прямо, ради любви Господа-Иисуса,– сказал он.– Тебе охота изображать своего дядю Джона, корнетиста, плечи выше головы? Боже малахольный!

Дилли пожала плечами. М-р Дедалус положил на них свои руки и оттянул назад.

– Стой прямо, девочка,– сказал он.– А то будет искривление позвоночника. Знаешь на что ты похожа?

Он вдруг подался головой вперёд и вниз, сгорбив плечи и отвесив нижнюю челюсть.

– Прекрати, отец,– сказала Дилли.– На тебя все смотрят.

М-р Дедалус подтянулся и снова подкрутил ус.

– У тебя есть деньги?– спросила Дилли.

– Откуда им у меня взяться?– сказал м-р Дедалус.– Во всём Дублине ни одна душа не одолжит мне и четырёх пенсов.

– У тебя есть,– сказала Дилли, глядя ему в глаза.

– С чего ты взяла?– спросил м-р Дедалус, оттопыривая щеку языком.

М-р Кернан, довольный полученным заказом, браво вышагивал вдоль Джеймс-Стрит.

– Я знаю, что у тебя есть,– ответила Дилли.– Ты ведь прямо из Скоч-бара?

– Значит не прямо,– сказал м-р Дедалус, улыбаясь.– Это монашки тебя научили быть такой настырной? Держи.

Он протянул ей шилинг.

– Посмотрим, что у тебя с этим получится,– сказал он.

– По-моему, у тебя пять,– сказала Дилли.– Дай мне ещё.

– Ну, погоди же,– сказал м-р Дедалус с угрозой.– И ты туда же? Оборзелая свора сучек, с той поры как умерла мать. Ох, допрыгаетесь вы у меня. Достанется вам на орехи. Гнусное паскудство! Избавлюсь от вас. Хоть сдохни, им всё едино. Всё – умер. Тот, из комнаты наверху, кончился.

Он оставил её и пошёл дальше. Дилли тут же догнала и потянула за пиджак.

– Ну, что ещё?– сказал он останавливаясь.

Прислужник позвонил колокольчиком за их спинами.

– Дерень!

– Проклятье в твою долбаную обглоданую душу,– гаркнул м-р Дедалус, оборачиваясь к нему.

Служитель, уловив замечание, потряс мотливым язычком своего колокольчика, но слегка.

– Брень!

М-р Дедалус уставился на него.

– Вы ж посмотрите на этого,– сказал он.– Крайне поучительно. Интересно, он даст нам поговорить?

– У тебя ещё есть, отец,– сказала Дилли.

– Я вам устрою фокусик,– сказал м-р Дедалус.– Оставлю вам всё, что Исус оставил евреям. Смотри, вот всё, что у меня есть. Я взял два шилинга у Джека Повера и два пенса уплатил за бритье к похоронам.

Раздражённо вытащил он пригоршню медяков.

– Может, ты поищешь денег где-нибудь?– сказала Дилли.

М-р Дедалус задумался и кивнул.

– Поищу,– сказал он торжественно.– Я прочесал сточную канаву вдоль всей О'Коннел-Стрит. Теперь займусь этой.

– Ну, ты даёшь,– сказала Дилли ухмыляясь.

– Вот,– сказал м-р Дедалус, протягивая ей два пенни.– Купи себе стакан молока и булочку, или чего там. Я скоро буду дома.

Он сунул остальные монетки обратно в карман и двинулся дальше.

Вице-королевская кавалькада выехала, мимо почтительно замершего полисмена, из Парковых Ворот.

– Наверняка у тебя ещё есть шилинг,– сказала Дилли.

Служитель затрезвонил вовсю.

М-р Дедалус отошёл средь гама, бормоча сам себе стянутым рубящим ртом:

– Это всё монашки! Хороши, нечего сказать! О, от них дождёшься чего-нибудь хорошего! Как же, держи карман! Это всё сестрица Моника!

* * *

От солнечных часов к Воротам Джеймса шагал м-р Кернан радуясь сделке, что заключил он для Палбрук Робертсон, вдоль по Джеймс-Стрит, энергично, мимо конторы Шеклтона. Обскакал я его –

что надо. Ну, как вы, м-р Креминс? Отлично, сэр. Я боялся, что вы в том своём заведении, на Пимлико. Как дела? Живём помаленьку. А погодка хороша. Это точно. Для урожая в самый раз. Ну, фермеры они всегда ноют. Мне буквально напёрсточек вашего лучшего джина, м-р Креминс. Рюмку джина, сэр. Да, сэр. Жуткий случай с этим взрывом ГЕНЕРАЛА СЛОКУМА. Ужасно, ужасно! До тысячи жертв. И душераздирающие сцены. Мужчины затаптывали женщин и детей. Полное озверение. А в чём, мол, причина? Самовозгорание: смешнее не придумаешь. Ни один из спасательных плотов не держался на плаву, все пожарные шланги подраны. Одного не могу понять, как инспекторы вообще разрешили такому кораблю... Вот это вы дело говорите, м-р Креминс. Хотите знать почему? Дали в лапу. Это факт? Ну и ну, подумать только. И ещё говорят, Америка – страна свободы. Я думал, только у нас так плохо.

Тут я ему улыбнулся, Америка, говорю спокойно так, это ведь – что? Отбросы со всех стран, включая и нашу, не так разве? Это факт. Продажные твари, любезный сэр. Ну, конечно, где катятся деньжата, всегда найдётся лопата, чтобы загребать.

Как он посмотрел на мой сюртук. Одежда делает. Ничто так не действует, как шикарная одежда. Наповал.

– Привет, Саймон,– сказал отец Коули.– Как дела?

– Привет, Боб, старина,– ответил м-р Дедалус, останавливаясь.

М-р Кернан задержался, охорашиваясь перед наклонным зеркалом Питера Кеннеди, парикмахера. Стильный сюртук, что и говорить. Шотландец на Доусон-Стрит. Стоит того полсоверена, что я за него отдал. Ничего не скроит меньше, чем за три гинеи. Сидит на мне как влитой. Наверно, от кого-нибудь из шишек Клуба на Килдар-Стрит. Джон Малиган, директор Хибернийского банка очень пристально вчера посмотрел на Карлслийском мосту, как будто припомнил меня. А-гм! Приходится стильно одеваться ради всех этих. Рыцарь дороги. Джентельмен. Ну, как, м-р Креминс, можем мы рассчитывать на честь быть принятыми в вашем заведении опять,

сэр. Бокал, что взвеселяет, но разума не мутит, как сказано в старинной поговорке.

Вдоль Северной Стены и пристани сэра Джона Роджерстона, корпусов судов и якорных цепей, мча к западу под парусом кораблика, никчемного клочка, подпрыгивая на поднятой катером волне, грядет Илия.

М-р Кернан бросил прощальный взгляд на своё отражение. Высокий воротничок, конечно. Щеточка усов. Вернувшийся из Индии офицер. Браво понёс он свое коренастое тело дальше на пришлёпывающих ногах, оквадрачивая плечи. Там, через дорогу, не Ламбертов ли брат, Сэм? А? Да. Чертовски похож. Нет. Ветровое стекло того автомобиля под солнцем. Надо ж так сверкнуть. Но дьявольски похож. А-гм! Тёплый дух можжевельника теплился в его кишечнике и в дыхании. Добрая капля джина, вот что. Полы сюртука поплескивали в сияющем солнце под его жирную вразвалочку.

А там вон Эммет был повешен, утоплен и четвертован. Засаленная дочерна верёвка. Собаки слизывали кровь с мостовой когда жена лорда-лейтенанта проезжала мимо в своей карете.

Погоди. А хоронили его в Святом Мичене. Или нет, похоронили в полночь в Гласневине. Труп внесли через потайную дверь в стене. Дигнам там теперь. Фить и нету. Ладно, ладно. Здесь лучше повернуть. Пойдём обратно.

М-р Кернан свернул и пошёл под уклон Вотлинг-Стрит от приёмной для посетителей Гинеса. Возле складов Дублинской Спиртовой Компании стояла повозка без кучера, без пассажира, вожжи привязаны за колесо. Чертовски опасная штука. Какой-то вахлак из Типерери подвергает опасности жизнь публики. Безнадзорная лошадь. Денис Брин со своими томами, умаявшись часовым ожиданием в конторе Джона Генри Ментона, вёл свою жену через мост О'Коннела, направляясь в контору г. г. Коллинса и Варда.

М-р Кернан приближался к Айленд-Стрит.

Смутные времена. Надо б попросить у Неда Ламберта воспоминания сэра Йонаха Барингтона. Когда оглядываешься

теперь, в ретроспективном, так сказать, расположении. Карточная игра у Дейли. Тогда не мухлевали. Одному молодчику пришпилили руку к столу кинжалом. Где-то тут лорд Эдвард Фицджеральд сбежал от мэра Сирра. Конюшни за особняком Мойра.

А джин, чёрт побери, отличный.

Доблесный отпрыск благородного рода. Порода, что и говорить. Тот подлец, фиктивный эсквайр в лиловых перчатках, выдал его. Конечно, боролись они не за то, за что надо. Они взросли в дни тьмы и зла. Отличные стихи: Инграм. Вот где были джентельмены. Бен Доллард поёт эту балладу так прямо за душу хватает... Мастерское исполнение.

При осаде Росса отец мой пал. Кавалькада легкой рысью миновала Пемброк-пристань, форейторы подскакивали, скакивали в своих, своих седлах. Мундиры. Кремовые зонтики.

М-р Кернан поспешил вперёд, отсапываясь.

Его превосходительство! Вот жалость! На волосок не успел. Чёрт! Не повезло!

* * *

Стефен Дедалус наблюдал через затянутое паутиной окно, как пальцы огранщика проверяют потускнелую от времени цепочку. Пыль покрывала окно и полки витрины.

Пыль очернила корпящие пальцы с их ястребиными когтями. Пыль уснула на тусклых завитках бронзы и серебра, на гранях цинабарра, на рубинах, на чешуйтатых виннотёмных камнях.

Все рождены в тёмной червивой земле, холодные отблески пламени, злобно сверкающих огней во тьме. Где падшие архангелы роняют звёзды со своих лбов. Грязью облепленные хари, руки, вкапываются и вкапываются, стискивают и выдирают их.

Танцовщица в грязном полумраке, где дёсна обжигает чесноком. Моряк, ржавобородый, прихлёбывает из кружки ром пялясь на неё. Долгий, пресыщенный морем, безмолвный блуд. Она танцует, скачет, всколыхивая свои свиноподобные бёдра и ляжки, на широком брюхе приплясывает рубиновое яйцо.

Старик Рассел засаленным обрывком замши снова наводит блеск на драгоценном камне, оборачивает туда-сюда, отстранив до кончика своей моисеевой бороды.

Дедушка обезьян поедает взором похищенное сокровище.

А ты, выдирающий давние образы из кладбищенской земли! Мозгодёрные слова софистов: Антисфен. Список дурманных компонентов. Ориентальные бессмертные хлеба раскинувшиеся из вечности в вечность.

Пара старух, недавно обмакнувшиеся в солёную купель моря, ковыляли через Айриш-Таун к Лондонскому мосту, одна с выважным в песке зонтом, у другой акушерская сумка с одиннадцатью завернутыми моллюсками.

Урчанье прихлопывающих кожанных лент и гул динамо-машин электростанции подхлестнули Стефена двинуться дальше. Несущие существа. Стоп! Биенье постоянно вне тебя и биенье постоянно внутри. Воспеваемое тобой твоё сердце. Я между ними. Где? Меж двух ревущих миров, что свиваются в круговерти, Я. Разбей их, один и оба. Но и я разобьюсь в ударе. Грянь в меня если можешь. Блядун и скоторез, так обозвал. Я сказал! Нет ещё пока. Оглянулся.

Да, сущая правда. Такой большущий, с чудесным боем, и чудно держит чудесное время. Ваша правда, сэр. В понедельнимк поутру, так оно и было, точь-в-точь.

Стефен шёл вдоль Бедфорд-Роу, рукоять ясенька прихлопывала по лопатке спины. В витрине Клохисси выцветший плакат 1860 года боксёрского поединка Хинан против Сайрса, привлёк его взгляд. Во все глаза вылупились болельщики в прямоугольных шляпах, сгрудившись вокруг канатов приз-ринга. Тяжеловесы в лёгких трусиках предлагают один другому свои глыбастые кулаки.

Они тоже бьются: сердца героев.

Он развернулся и стал перед перекошенной книжной тележкой.

– Два пенса любая,– сказал торговец.– За шесть пенсов – четыре.

Мятые страницы. *ИРЛАНДСКИЙ ПЧЕЛОВОД. ЖИЗНЬ И ЧУДОТВОРСТВА КЮРЕ ИЗ АРСА. КАРМАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КИЛЛАРНИ.*

Я мог бы встретит тут какую-нибудь из своих школьных наград. *Stefano Dedalo alumno optimo, palmam ferenti.*

Отец Конми, перечитав службы к коротким часам, шагал через угодья хуторка Донникарни, бормоча вечерние молитвы.

Обложка слишком хороша, пожалуй, что это? Восьмая и девятая книги Моисея. Тайны тайн. Печать царя Давида. Залистанные страницы: читаны перечитаны. Кто раскрывал их до меня? Как смягчить обветренную кожу рук. Рецепт уксуса из белого вина. Как добиться любви женщин. Как раз для меня. Трижды произнести такое заклинание, сцепив ладони:

– *Se el yilo nebrakada femininum! Amor me solo! Sanktus Amen!*

Кто это написал? Заклинания и заговоры благословеннейшего аббата Петера Саланка для всех истинно верующих. Ничуть не хуже чародейств любого другого аббата или шептуна Иоахима. Уймись, резвый плешивец, не то пошерстим твою шерсть.

– Что ты тут делаешь, Стефен?

Диллины вздёрнутые плечи и заношенное платье.

Захлопни книгу быстро. Не надо ей видеть.

– А ты-то что делаешь?– спросил Стефен.

Стюартово лицо несравненного Карла, тощие локоны спадают по сторонам. Оно мерцало, когда склонялась подбросить в огонь, изношенные башмаки. Я рассказывал ей о Париже. Потом лёжа в постели под старыми пальто, перебирала пальцами латунный браслет, талисман от Дэна Колли. *Nebrakada femininum.*

– Что это у тебя?– спросил Стефен.

– Я купила на другой тележке за пенни,– сказала Дилли, засмеявшись нервно.– Как она, годится?

Говорят у неё мои глаза. Таким меня видят другие? Быстрые, отдалённые и храбрые. Тень моего сознания.

Он взял из её рук книжку без обложки. Французский для начинающих Шарнедаля.

– Зачем ты купила?– спросил он.– Учить французский?

Она кивнула, краснея, плотно сжав губы.

Не показывай удивления. Как должное.

– Держи,– сказал Стефен.– Вполне годится. Только смотри, чтоб Мэгги не снесла в ломбард. Мои-то, небось, уже все сплыли.

– Не все,– сказала Дилли.– Нам трудно приходилось.

Она тонет. Укусы. Спаси её. Укусы. Всё против нас. Она утопит и меня с собой, глаза и волосы. Тощие завитки водоросленных волос вокруг меня, моего сердца, моей души. Соленая зелёная смерть.

Мы.

Укусы самоугрызений. Грызущие укусы.

Нищета! Нищета!

* * *

– Привет, Саймон,– сказал отец Коули.– Как дела?

– Привет, Боб, старина,– сказал м-р Дедалус останавливаясь.

Они звучно хлопнули рука в руку перед дверью Редди и Дочь. Отец Коули учащенно пригладил свои усы вогнутой ладонью.

– Какая самая радостная новость?– спросил м-р Дедалус.

– Таких не густо,– сказал отец Коули.– Я занял оборону, Саймон, а вокруг дома рыскают пара молодчиков, пытаясь хоть как-нибудь проникнуть.

– Весело,– сказал м-р Дедалус.– И кто же это?

– О,– сказал отец Коули,– некий небезызвестный ростовщик-лихоимец.

– С поломанной спиной, не так ли?– спросил м-р Дедалус.

– Он самый, Саймон,– ответил отец Коули.– Все тот же Ребен. Я поджидаю Бена Долларда. Он хочет замолвить словечко Длинному Джону, чтоб придержал тех молодцов. Всё что мне нужно, это чуток времени.

Он в неясной надежде повел взглядом туда и сюда вдоль пристани, объёмистое яблоко дрогнуло на горле.

– Знаю,– сказал м-р Дедалус кивая.– Старый топтыга Бен. Вечно он о ком-то хлопочет. Но ты держись!

Он водрузил своё пенсне и секунду всматривался в направлении Железного моста.

– А вот и он, ей-Богу,– сказал он,– от жопы до карманов.

Прямоугольная шляпа и синий сюртук Бена Долларда над широченными штанами поспешали по пристани от Железного моста. Он подходил к ним на рысях, усердно почёсываясь под фалдами сюртука.

М-р Дедалус приветил его:

– Держите этого фраера в хреновых штанах.

– Держи-держи его,– сказал Бен Доллард.

М-р Дедалус с холодной насмешкой обозрел различные частности фигуры Бена Долларда. Затем, оборачиваясь с кивком к отцу Коули, пробурчал насмешливо:

– Одёжка – прелесть, а? Для летнего дня.

– Чего-чего? Да проклянёт Господь твою душу вовеки вековазъяренно прорычал Бен Доллард,– в своё время я повыбрасывал больше одежды, чем ты видел за всю свою жизнь.

Он стоял рядом, излучая довольство сперва на них, потом на свои одежды, с которых м-р Дедалус сбивал кое-где пушинки, приговаривая:

– Всё-таки, Бен, это пошито на здоровяка.

– Чтоб пусто было тому еврею, который шил,– сказал Бен Доллард.– Благодаренье Богу, что он до сих пор так и не получил платы.

– Ну, а как там наш *basso profondo*, Беджамин?– вопросил отец Коули.

Кэшл Бойл О'Коннор Фицморис Тисдал Фарелл, бормоча, очкоглазый, прошагал мимо клуба на Килдар-Стрит.

Бен Доллард нахмурился и сложив рот как зев трубы волынки, издал глубокую ноту.

– Оо!– сказал он.

– Класс,– сказал м-р Дедалус, кивая трубной ноте.

– Ну, как?– сказал Бен Доллард,– не совсем ещё запылился? А?

Он обернулся к обоим.

– То что надо,– сказал отец Коули, тоже кивая.

Преподобный Хью. Ц. Кошелл шагал из старинного дома собраний аббатства Св. Марии мимо конторы Джеймс и Чарльз Кеннеди, бакалея, в сопровождении Джеральдов, рослых и представительных, в направлении Фолсена за Плетёным Бродом.

Бен Доллард, грузно уваливая к магазинным витринам, повёл их вперёд, воздев кверху радостные пальцы.

– Пойдем-ка со мной к помощнику шерифа,– сказал он.– Я покажу вам нового красавца околоточного. Это ж не человек, а помесь людоеда и Джека-потрошителя. Ей-же-ей, стоит посмотреть. Пошли. Я только что в БОДЯГЕ видел Джона Генри Ментона и просто лопну, если… погоди-ка.. Насчёт того дела, Боб, всё путём, уж ты мне поверь.

– Скажи ему, хотя бы на пару дней,– отозвался отец Коули встревоженно.

Бен Доллард встал и уставился, распахнув свой громогласный зев, болтающаяся пуговица от его сюртука покачивалась, лоснясь обратной стороной, пока он отирал обильную закись из углов глаз, чтоб лучше слышать.

– Какие там пара дней,– пробасил он.– Разве твой домовладелец не описал твои вещи в счёт платы?

– Описал,– сказал отец Коули.

– Ну, так ордер нашего приятеля не стоит даже клочка бумаги, на котором он написан. Домовладелец располагает преимущественным правом. Я сказал ему все данные. Виндзор-авеню, 29. Фамилия его Кошелл?

– Правильно,– сказал отец Коули.– Преподобный м-р Лав. Он где-то священиком на селе. Но ты уверен?

– Передай от меня Варраве,– сказал Бен Доллард,– что пусть сунет свой ордер, куда Жока кладёт орешки.

Он решительно повлёк вперёд отца Коули, притянутого к его корпусу.

– Фалбертсами, кажись, их звали,– сказал м-р Дедалус, роняя своё пенсне на грудь пиджака, следуя за ними.

* * *

– С мальчиком всё будет устроено,– сказал Мартин Канинхем, когда они выходили из ворот Касл-Ярда.

Полисмен коснулся своего лба.

– Благослови тебя Бог,– сказал Мартин Канинхем бодро.

Он сделал знак придержавшему было извозчику, тот всплеснул вожжами и тронулся в направлении Лорд-Эдвард-Стрит.

Бронза рядом с золотом, головка мисс Кеннеди рядом с головкой мисс Даус, показались поверх занавески Ормонд-Отеля.

– Да,– сказал Мартин Канинхем, потрагивая бороду.– Я написал отцу Конми и всё ему изложил.

– Ты мог бы ещё попробовать через нашего друга,– предложил м-р Повер задним числом.

– Вайд?– кратко отозвался Мартин Канинхем.– Чистоплюй.

Джон Вайз Нолан, позади них, читая список, быстро спустился следом по Корк-хилл.

На ступенях Городского Собрания советник Наннети, спускаясь, приветил окликом олдермена Коули и советника Абрахама Лайна, подымавшихся.

Касл-ярдовский экипаж, порожняком, завернул в Биржевую-Стрит.

– Глянь-ка, Мартин,– сказал Джон Вайз Нолан, настигая их возле конторы МЭЙЛ.– Оказывается Цвейт подписался на пять шилингов.

– Всё верно,– сказал Мартин Канинхем, беря список.– Он выложил пять круглых.

– И даже слова не сказал,– заметил м-р Повер.

– Как ни странно,– добавил Мартин Канинхем.

Джон Вайз Нолан широко раскрыл глаза.

– Замечу вам, в еврее этом много доброты,– процитировал он элегантно.

Они шли по Парламент-Стрит.

– А вон Джим Генри,– сказал м-р Повер,– верстает путь к Каванагу.

– Точнёхонько,– сказал Мартин Канинхем.– Куда ж ещё.

Перед ЛА-МЕЙЗОН-КЛЭР Ухарь Бойлан перехватил зятя Джека Мунея, поддатого, крепко, который топал в юго-западном направлении.

Джон Вайз Нолан приотстал с м-ром Повером, когда Мартин Канинхем взял под локоток бравого коротышку в костюме с ливнем крапинок-градин, что неуверенно шёл торопливыми шагами мимо часов в витрине Мики Андерсона.

– Мозоли шибко донимают Помощника Городского Секретаря,– Джон Вайз Нолан сказал м-ру Поверу.

Они проследовали за угол к питейной Джеймса Каванага. Порожний касл-ярдовский экипаж недвижно встречал их у Эссекс-Гейт. Мартин Канинхем, безумолчно говоря, часто показывал список, на который Джим Генри не взглядывал.

– Длинный Джон Фенинг тоже тут,– сказал Джон Вайз Нолан,– длинючий, как жизнь.

Высокая фигура Длинного Джона Фенинга заполняла дверной проём, в котором он стоял.

– Добрый день, м-р Помощник Шерифа,– сказал Мартин Канинхем, когда все остановились и поздоровались.

Длинный Джон Фенинг не уступал им место пройти. Он решительно вынул сигару и его большие умные глаза с прихмуром обежали все лица.

– Ну, что отцы-сенаторы, предаются мирным мудрствованиям?– сказал он с глубоко едкой выразительностью Помощнику Городского Секретаря.

– Ад разверстый на христиан, у них там стрясся,– пробурчал Джим Генри,– из-за их чёртова ирландского языка. И где был распорядитель, хотелось бы знать, вместо того, чтоб поддерживать порядок в зале. А старый Барлоу, булавоносец, слёг от астмы и даже булавы нет на столе, никакого порядка, кворума и того нет, и Хатчинсон, лорд-мэр, в Ландадно, а маленький Лоркан Шерлок *locum tenens* вместо него. Чёртов ирландский язык наших предков.

Длинный Джон Фенинг выдул струйку дыма из губ.

Мартин Канинхем обратился поочередно, покручивая кончик бороды, то к Помощнику Городского Секретаря, то к Помощнику Шерифа, в то время как Джон Вайз Нолан соблюдал полнейшее спокойствие.

– Это который Дигнам?– спросил Длинный Джон Фенинг.

Джим Генри сморщился и приподнял свою левую ногу.

– Ой, мои мозоли,– сказал он жалобно.– Пошли наверх, ради всего святого, мне надо присесть. Уфф! Ооо! Минутку!

С осторожностью он протиснулся под боком Длинного Джона Фенинга и, войдя, поднялся по лестнице.

– Пошли наверх,– сказал Мартин Канинхем Помощнику Шерифа,– не думаю, чтоб ты знал его, хотя, может, и знал.

Вместе с Джоном Вайзом Ноланом м-р Повер последовал за ними внутрь.

– Скромная тихая душа. Вот кто он был,– сказал м-р Повер могучей спине Длинного Джона Фенинга, подымавшегося навстречу Длинному Джону Фенингу в зеркале.

– Вобщем, мелкая сошка, Дигнам из конторы Ментона,– сказал Мартин Канинхем. Длинный Джон Фенинг не мог припомнить.

Цокот конских подков зазвучал в воздухе.

– Что там такое?– спросил Мартин Канинхем.

Все обернулись, кто где стоял, Джон Вайз Нолан спустился обратно. Из прохладной тени подъезда увидал он лошадей на Парламент-Стрит, упряжь и лоснящиеся копыта взблескивали на солнце. Игриво миновали они его холодный недружеский взгляд, не спеша. В сёдлах передних, рысящих передних, скакали форейторы.

– Что это было?– переспросил Мартин Канинхем, когда они вновь стали подыматься по лестнице.

– Лорд генерал-лейтенант и генерал-губернатор Ирландии,– ответил Джон Вайз Нолан от порога.

* * *

Когда они ступали по толстому ковру, Хват Малиган прошептал, прикрываясь полями шляпы, Хейнсу:

– Брат Парнела. Там в углу.

Они выбрали столик у окна, напротив длиннолицего мужчины, борода и взгляд которого сосредоточенно свесились над шахматной доской.

– Этот?– спросил Хейнс, разворачиваясь на своем стуле.

– Да,– сказал Малиган.– Это Джон Говард, его брат, церемонимейстер нашего города.

Джон Говард Парнел тихонько перевёл белого слона и его серая кисть снова поднялась ко лбу, где и замерла.

Через мгновенье, из-под пальцев, глаза его взметнулись, сверкнув как у призрака, и вновь опали на ключевой угол.

– Я возьму *mélange,– сказал* Хейнс официантке. – Два *mélange,– сказал* Хват Малиган,– и принесите нам каких-нибудь булочек с маслом и пирожков.

Когда она отошла, он сообщил, смеясь.

– У нас это место называют Ч. Х. П., потому что пирожки у них чертовски хреновые. О, но ты пропустил Дедалуса о ГАМЛЕТЕ.

Хейнс раскрыл новокупленную книгу.

– Какая жалость,– сказал он.– Шекспир – страна обетованная всех утративших равновесие умов.

Одноногий моряк прорычал около № 14 по Нельсон-Стрит.

– Англия ждет...

Жёлтый жилет Мака Малигана игриво затрясся от его смеха.

– Ты бы его видел, когда равновесие утрачивает его тело. Я дал ему прозвище бродячий *Aengus*.

– Не сомневаюсь, что у него есть какая-то *idee-fixe,– сказал* Гайнс задумчиво пощипывая свой подбородок большим и указательным пальцами.– Как раз раздумываю, что бы это могло быть. У людей такого толка непременно бывает.

Хват Малиган наклонился через стол, посерьёзнев.

– Ему сдвинули мозги,– сказал он,– видениями ада. И ещё ему никак не удаётся уловить аттическую ноту. Ноту Суинберна, из всех поэтов, белая смерть и багровое рождение. В этом его трагедия. Ему никогда не стать поэтом. Радость творчества...

– Есть вечное наказание,– сказал Хейнс, кивая кратко.– Понятно. Сегодня утром я прощупал его насчёт веры. Заметно было, что у него что-то застряло в сознании. Это довольно интересно, потому что профессор Покорни в Вене делает интересные выводы на этот счёт.

Ожидавшие глаза Мака Малигана увидели официантку. Он помог ей разгрузить поднос.

– В ирландской мифологии ему не найти и намёка на ад,– сказал Хейнс обставленный радостными блюдцами.– Там начисто

отсутствует идея морали, понятия судьбы, воздаяния. Довольно странно, что у него именно эта навязчивая идея. Он что-нибудь писал для вашего движения?

Он утопил два куска сахара, ловко, плашмя, сквозь взбитые сливки. Хват Малиган располосовал исходящую паром булку и напластовал масло на её дымящийся мякуш. Изголодало откусил мягкий кусок.

– Десять лет,– сказал он, жуя и смеясь.– Он собирается написать что-то через десять лет.

– Срок довольно отдалённый,– сказал Хейнс, задумчиво приподымая свою ложечку.– И всё же я не удивлюсь, если он, таки, напишет.

От отведал ложечкой из сливок-вершков своей чашки.

– Это натуральные ирландские сливки, как я понимаю,– сказал он недоверчиво.– Не хочу чтоб меня провели.

Илия, лодочка, лёгкий комканый клочок, плыл к востоку вдоль бортов кораблей и траулеров, среди архипелага бутылочных пробок, минуя новую Вепинг-Стрит и перевоз Бенсона, и мимо трёхмачтовой шхуны РОЗЕВИН из Бриджвотера, с грузом кирпича.

***

Альмидано Артифони прошёл Холз-Стрит, миновал Свелз-Ярд. Позади него Кэшл Бойл О'Коннор Фицморис Тисдал Фарелл в болтающемся тростезонтоплаще увернулся от фонарного столба у дома м-ра Ло Смита и, перейдя, пошёл по Марион-Сквер.

Далеко позади него, слепой юноша простукивал свой путь вдоль стены Колледж-Парка.

Кэшл Бойл О'Коннор Фицморис Тисдал Фарелл прошёл до радующих глаз витрин м-ра Льюиса Вернера, затем развернулся и

зашагал обратно вдоль Марион-Сквер, расколыхивая свой тростезонтоплащ.

На Уайльдовом мосту он встал, нахмурился на имя Илии, вывешенное на Метрополитен-Холл, насупился на отдалённую пригожесть Герцоговой Лужайки.

Очки его блеснули, хмурясь на солнце. Оскаля крысиные зубы, он пробормотал:

– *Coactus volui.*

Он зашагал дальше по Клэр-Стрит, скрежеща своим яростным словом. Минуя окно зубоврачебного кабинета д-ра Цвейта, напор его плаща грубо смел полою тоненькую тросточку и сягнул дальше, хлестанув безмускульное тело. Незрячий юноша обернул своё болезненное лицо вслед шагающей фигуре.

– Прокляни тебя Господь,– сказал он взъярённокто бы ты ни был! Ты слепее меня, сучий выблядок!

* * *

Напротив заведения Рагги О'Донахью юный господин Патрик Алоизус Дигнам, облапив полтора фунта свинины из лавки Мангена, покойного Ференбаха, за которой его посылали, шёл вдоль теплой Виклоу-Стрит, не спеша нисколечько. Это ж такая блинская скукотища: сидеть в гостиной с м-с Стоер и м-с Квигли, и м-с МакДовел, где шторки задёрнуты, а они знай себе нюхают свои табакерки, да по капельке прихлёбывают густоянтарный херес, что дядя Барней принёс от Танея. Да помаленьку наминают домашний фруктовый пирог, без конца, блин, ворочают челюстями да вздыхают.

На Виклоу-Лейн витрина мадам Дойл, бальные платья и бижутерия, остановила его. Он стоял, глазея на двух молотил раздетых до самой шкуры, вскинувших кулачищи. Из боковых

зеркал два юных господина Дигнама, в трауре, раззявились безмолвно. Майлер Кьог, любимец Дублина, встретится со старшим сержантом Беннетом, скуловоротом из Портобелло, в поединке за приз в пятьдесят соверенов. Боже, вот будет молотиловка, стоит поглядеть. Майлер Кьог это вон тот, который бьёт, в зелёном поясе. Вход две монеты, солдатам за полцены. От мамули я бы запросто смылся. Юный господин Дигнам, что слева, повернулся, когда и он повернулся. Это я в траурном. А когда состоится? Двадцать второго мая. Конечно, блин, уже прошло.

Он повернулся направо и справа тоже юный господин Дигнам повернулся, кепка набекрень, воротник выскочил. Задрав подбородок, чтоб пристегнуть воротник, он увидел изображение Мари Кендел, очаровательной субретки, рядом с парой молотил. Из тех ляль, что Стоер держит в пачках с бычками, которые смалит втихую, а старик его как-то застукал и вздрючил.

Молодой господин Дигнам опустил свой воротник и побрёл дальше. Но самый сильный молотила это Фицсаймонс. Раз заедет в дыхалку и ты готов до конца следующей недели, парень. А по технике лучшим молотилой был Джим Корбет, пока Фицсаймонс не выбил из него опилки, финты у него – класс.

На Грэфтон-Стрит юный господин Дигнам увидал красный цветок во рту богатого джентла, и на нём ещё пара шикарных колёс, а он только слушал чего ему варнякает старый ханыга, да скалился всю дорогу.

Сендимонтского трамвая не видать.

Юный господин Дигнам пошёл вдоль Нассау-Стрит, перехватив свинину в другую руку. Воротник опять подскочил и он его одернул. Блинская пуговица слишком мала для петли в рубашке, заколебала, блин. Ему встретились школьники с сумками через плечо. Я и завтра не пойду, аж до понедельника. Ещё попались школьники. Заметили, что я в трауре? Дядя Барней сказал, что даст извещение в сегодняшнем вечернем номере. Тогда все увидят и прочтут в газете напечатаную мою фамилию и папкину.

Лицо его, что только что было красным, всё посерело, а к глазу подбиралась муха. Этот хруст, когда вворачивали шурупы в гроб, и буханье, как сносили вниз. А в нём был папа, а мама плакала в гостиной, а дядя объяснял носильщикам как развернуться на лестнице. Большой был гроб и высокий, а на вид тяжелый. Как так случилось? В тот вечер папаня был поддатый, стоял на лестнице и орал где его ботинки, чтоб пойти к Танею ещё поддать, такой на вид занюханный и хлипкий в своей рубашке. Не увижу никогда. Вот это смерть. Папа умер. Мой отец умер. Он мне говорил слушаться маму. И ещё что-то, но я не услышал только заметил как его язык и зубы старались выговорить получше. Бедный папа. Это был м-р Дигнам, мой отец. Одна надежда, что он теперь в чистилище, потому что в субботу вечером сходил на исповедь к отцу Конрою.

* * *

Вильям Хамбл, эрл Дадли, и леди Дадли, в сопровождении полковника Хазельтайна, выехали после ланча из вице-королевской резиденции. Во втором экипаже находились – её честь м-с Пагет, мисс де Корси и его честь Джеральд Вард, адьютант вице-короля.

Кавалькада выехала через нижние ворота Феникс-Парка, где ей отдал честь почётный караул полисменов, и направилась мимо Королевского моста вдоль северных пристаней. При проезде через столицу вице-королю был оказан самый тёплый прием. У Блади-моста м-р Томас Кернан, с той стороны реки, приветствовал его, бестолку, издалека. Между Вайтвотским мостом и мостом Королевы вице-королевские экипажи лорда Дадли миновали, но не были приветствованы м-ром Дадли Вайтом, Б. И., М. И., стоявшим на выезде с Арранской пристани возле ломбарда м-с М. Е. Вайт, на западном углу Арран-Стрит и почёсывавшим нос указательным

пальцем, от неопределённости: как поскорей добраться в Фибсборо, можно трамваем с двумя пересадками, или окликнуть извозчика, или же пешком через Смитфилд, холм Конституции и конечную станцию Бродстон. На ступенях Четырех Судов Ричи Гулдинг с кассовой сумкой Гулдинг, Коллис и Варда с удивлением заметил их. За Ричмондским мостом у дверей конторы Ребен Дж. Додд, адвоката, агента Патриотической Страховой компании, пожилая женщина, собиравшаяся войти, передумала и вернувшись, как и пришла, вдоль витрин Кинга, доверительно улыбнулась представителю Его Величества. Из своего дренажного туннельчика в стене Лесной пристани, под конторой Тома Девана, речка Поддл с вассальной преданостью вывесила язык жидкого дерьма. Поверх занавески в Ормонд отеле, золото возле бронзы, головка мисс Кенеди возле головки мисс Даус, выглянули, полюбоваться. На Ормонд-пристани м-р Дедалус, на своём пути от оранжереи до оффиса помощника шерифа, встал, как столб, посреди улицы и низко опустил свою шляпу. Его Превосходительство грациозным жестом ответил на приветствие м-ра Дедалуса. От Кахилского угла преподобный Хью Ц. Кошелл, М. И., послал поклон, не замеченный, подумывая о лордах-представителях, чьи руки благосклонно в старину выдавали щедрые бенефиции священослужителям. На Греттен-мосту Лениен и М'Кой, расставаясь друг с другом, посмотрели на проезжающие экипажи. Проходя мимо конторы Роджера Грина и большой красной типографии, Герти МакДовел, что несла микстуру своему занедужавшему отцу, догадалась по манерам, что это были леди и лорд-лейтенант, но не смогла рассмотреть что же было на Её Превосходительстве, так как трамвай и здоровенный жёлтый фургон Спрингса "Перевозка мебели" остановились как раз перед ней из-за того, что это был лорд-лейтенант. За Ланди-Футс из дверного проёма трактира Каванага Джон Вайз Нолан ухмыльнулся с невидимой холодностью на лорда генерал-лейтенанта, генерал-губернатора Ирландии. Досточтимый Вильям Хамбл, эрл Дадли, кавалер Б. К. В. О., миновал всё время

тикающие часы Мики Андерсона и восковые свежещёкие манекены Генри и Джеймса в шикарных костюмах. Джентельмен Генри, *dernier cri* Джеймс. Далее, напротив Дамских Ворот, Том Рошфор и Носач Флинн наблюдали приближение кавалькады. Том Рошфор, уловив на себе взгляд леди Дадли, быстро вытащил большие пальцы рук из карманов бордового жилета и снял перед ней шляпу. Очаровательная субретка, великая Мари Кендал, с подмалеванными щеками и вздёрнутой юбкой, намалёванно ухмыльнулась со своей афиши над Вильямом Хамблом, эрлом Дадли, и над полковником Х.Т. Хезельтайном, а так же над их честью Джеральдом Вардом, адьютантом. Из окна Ч. Х. П. Хват Малиган, весело, и Хейнс, хмуро, уставились вниз на вице-королевский экипаж, поверх плеч оживленных посетителей, масса фигур которых затеняла шахматную доску, куда упорно смотрел Джон Говард Парнел. На улице Фоунса, Дилли Дедалус, подняв взгляд от *Французского для начинающих*, Шарнедаля, увидела натянутые тенты от солнца и блеск вращающихся колесных спиц. Джон Генри Ментон, заполняя двери Здания Коммерции, уставился вино-отягчёнными устрицами глаз, держа в толстой левой руке увесисто-золотые охотничьи часы, так и не взглянутые на. Вровень с выбрасываемой в беге в воздух передней ногой лошади короля Билли, м-с Брин отдёрнула назад своего мужа из-под копыт сопровождения. Она прокричала ему на ухо в чём дело. Поняв, он пересунул свои тома к левой части груди и помахал второму экипажу. Его честь Джеральд Вард, адьютант, приятно удивлённый, поспешил ответить. На углу Понсби, белый бочонок Х. изнемождённо остановился и четыре оцилиндренных белых бочонка стали следом за ним Е. Л. И. С., покуда прорысят мимо форейторы и экипажи. Напротив музыкальных товаров Пиготта, м-р Денис Дж. Маггини, учитель танцев и пр., пестро одеянный, церемонно ступающий, был обогнан вице-королем и не замечен. Вдоль стены провоста прогулочно шагал Ухарь Бойлан, ступая в коричневых туфлях и в носках с небесно-голубым узором под припев МОЯ ПОДРУЖКА ДЕВУШКА ИЗ ЙОРКШИРА. Ухарь

Бойлан явил небесно-голубым лентам на лбах коренников и их высоко вскидываемым ногам галстук небесно-голубого цвета, широкополое канотье, залихватски набекрень, и саржевый костюм цвета индиго. Руки, сунутые в карманы пиджака, забыли поприветствовать, но он предложил трём дамам смелое любованье своих глаз и красную гвоздику меж его губ. Когда они проезжали вдоль Нассау-Стрит, Его Превосходительство обратил внимание кивающей ему супруги на программу музыки, исполняемой на тот момент в Колледж-Парке. Невидимые лужёные парни-горцы трубили и барабанили вслед кортежу.

И хоть она фабричная девчонка,
Не носит модных платьев и туфлей.
БАРААБУМ.
Но никого на свете нет милее
Йоркширской розочки моей
БАРАОБУМ.

От стенки в гонку-гандикап на четверть мили по непересечённой местности стартовали М. К. Грин, Х. Грифт, Т. М. Патей, К. Скейф, Д. Б. Джеффс, Г. Н. Морфи, Ф. Стивенсон, К. Адерли и В. С. Хаггард, по очереди. Шагая мимо Финн-отеля Кэшл Бойл О'Коннор Фицморис Тисдал Фарелл уставился свозь яростный монокль поверх экипажей на голову Е. М. Соломонса в окне Австро-Венгерского вице-консульства. В глубине Лейнстер-Стрит, у служебных ворот Троицы, верный слуга королю, Горнбловер, коснулся своего охотничьего картуза. Когда лоснящиеся кони цокали по Марион-Сквер, юный господин Патрик Алоизий Дигнам, пережидая, увидел как приветствуют джентла в цилиндряке и тоже поднял свою новую чёрную кепку пальцами в жиру от обёртки свинины. И воротник его тоже подскочил. Вице-король, следуя на торжественное открытие

Мируского базара для сбора средств на мерсерский госпиталь, проехал со своим кортежем в направлении Нижней Маунт-Стрит. Он миновал слепого юношу напротив заведения Бродбента. На Нижней Маунт-Стрит прохожий в коричневом макинтоше, жуя сухой хлеб, пересёк их путь, быстро и невредимо. У моста над Королевским каналом от своей дощатой ограды м-р Юджин Страттон, с улыбкой на пухлых губах, зазывал всех проходящих пожаловать в местечко Пемброк. На углу Хадингтон-Роуд две запесоченные женщины остановились, зонт и сумка, а в ней одиннадцать беззубок, повернулись обозреть, удивившись, лорда-мэра и леди-мэршу, только он почему-то без своей золотой цепи на груди. На Нортамберленд-Роуд и Лендедон-Роуд Его Превосходительство отвечал, неукоснительно, на приветствия редких пешеходов, приветствие пары маленьких школьников у садовых ворот дома, которым, говорят, залюбовалась покойная королева при посещении ирландской столицы со своим супругом, принцем-консортом, в 1849 году, и на приветственный взмельк Альмидано Артифониовых крепких штанов, заглатываемых захлопывающейся дверью.

* * *

Бронза с золотом услыхали железо подков, сталезвонное.

Разряснснтснсн.

Заусеницы, сколупнуть заусеницы с тверди ногтя большого пальца, заусеницы.

Ужас! И зарумянилась ещё червонней золото.

Осиплый насвист пяти нот.

Посвист. Синий цвет на золоте башенкой уложенных волос.

Прыгучая роза на атласистых грудях атласа, роза Рима.

Заливается, наливая: Идолорес.

Зырк! Кто в ...златовзгляде?

Звяк окликнул бронзу жалея.

И зов, чистый, долгий, полный биения. Вожделенномирающий зов.

Зазыв. Мягкое слово. Но глянь! Гаснут яркие звезды. О, роза! Замечает ответную трель. Рим. Занимается утро.

Дилинькает колясочное диньканье.

Монеты звяк. Часов тик.

Признание. *Sonnez*. Не могу. Шлепок резинки. С тобой расстаться. Шлёп. *La cloche!* Ляжки шмяк. Воткрытую. Милая, прощай!

Динь. Цве.

Грянули аккорды. Когда любовь зовет. Война! Война! Литавры.

Парус! Вуаль трепещет над волнами.

Пропало выфлейтил дрозд. Всё пропало теперь.

Рог. Вьюнок.

Когда впервые он узрел. Увы!

Спарились на всю. Ходуном, вовсю.

Заливистая трель. А, подманка. Обманчивая.

Марта! Приди!

Хлопхлуп. Хлипхлап. Хлоппихлоп.

Божемилостивый онник огданес лышалзавсю.

Глухой лысый Пат отрезал и поддел под.

Зов в светлолунную ночь: так далёк: далёк.

Мне так тоскливо. P.S. Так одинокоцветно.

Слушай!

Шипастый и крученый холодный рожок моря. Есть у тебя? Всем и каждому плеск и неслышный рокот.

Жемчуга: когда она. Рапсодии Листа. Снимсссс.

Ты нет?

Нет ещё: нет, нет: думаю: Лайдл. Петушком фазанчиком карра.

Чёрный.

Басовито. Давай, Бен, давай.

Погоди, пока угожу. Хи хи. Годи пока хи.

Но погоди!

Далеко в тёмных недрах земли. Вкраплена руда.

Вомягосподне. Всё минуло. Всё рухнуло.

Крохотные, трепетные опахальца её девственных волос.

Аминь! Он яростно вгрызся.

Н-на! Туда-сюда, обратно! Жезл круто торчком.

Бронзалидия близ Минызлата.

Возле бронзы и злата, в океанозелёном сумраке. Цвет.

Старый Цвейт.

Примчался постучался. Петушком карра.

Молитесь за него! Молитесь люди добрые!

Его подагренные пальцы ошеиваются.

Большой Бенабен. Большой Бенбен.

Последняя роза Рима цвет лета оставила мне.

Так грустно и одиноко.

Фвии! Вейнул легонько.

Настоящие мужчины. Лид Кер Коу Де и Дол. Ага, ага. Честной народ. Враз подымут твой диньк донком.

Хху! Оо!

Где бронза сблизи? Где злато издали? Где подковы?

Ррпр. Краа. Краандл.

Только тогда и не. Напишите мою эпфрипфитапфию

Свершил.

Начали!

Бронза возле злата, головка мисс Даус подле головки мисс Кеннеди над шторкой Ормонд-бара, услыхали вице-королевские подковы сталью звякавшие мимо.

– Это она?– спросила мисс Кеннеди.

Мисс Даус сказала да, сидит с его превосходом, в жемчужно-сером рядом с *eau de Nil*.

– Изысканный контраст,– промолвила мисс Кеннеди, тогда как, встрепенувшись, мисс Даус пылко зачастила:

– Глянь на красавчика в шёлковом цилиндре.

– Кто? Где?– спросила золото ещё взволнованней.

– Во втором экипаже,– сказали влажные губы мисс Даус, подсмеиваясь на солнце.– Сюда смотрит. Думает посмотрю я, или нет.

Она метнулась, бронза, к другому краю, притиснув лицо к стеклу в ореоле учащённого дыхания.

Ее влажные губы подхихикнули:

– Готов, оглянулся.– Она засмеялась.

– О, несчастный! Ну, разве не идиоты эти мужчины?

С печалью.

Мисс Кеннеди отошла печально из яркого света, закладывая прядку волос за ухо.

Отходя опечаленно, уже не золото, она подвернула, заложила волосы. С печалью заложила она, отходя, золотую прядку за завиток уха.

– Им-то всё удовольствие,– печально сказала она потом.

Мужчина.

Цветорый шёлмимо мимо Моланговых труб, неся на груди услады греха от букиниста Вайна, неся в памяти сладость греховных слов, мимо пыльной мятой вывески Кэролла, для Рауля.

Коридорный к ним, к ним в бар, к ним, бармен-девам, пришел. Для них, сам открыв себе, он бухнул на стойку свой поднос

болтливого фарфора.

И:

– Вот вам ваши чаи,– сказал он.

Мисс Кеннеди манерно переместила чайный поднос вниз на перевёрнутый плетеный короб, с глаз долой, пониже.

– Ну, чё там?– топотливый коридорный безманерно спросил.

– Поди узнай,– отрезала мисс Даус, оставляя свой смотровой пункт.

– Твой хахаль, небось?

И гордо бронза ответила:

– Я пожалуюсь на тебя м-с де Мэсси, если услышу ещё хоть одну из твоих развязных скабрезностей.

– Разряснсн снсжтснoридорыло зашмыгало грубо, отходя, когда пригрозила, как и пришёл.

Цвет.

На цветок свой прихмурясь, мисс Даус сказала:

– Этот сосунок просто несносен. Если не образумится, я ему ухо выкручу на ярд, и не меньше.

Аристократично, в изысканном контрасте.

– Не обращай внимания,– мисс Кеннеди ей в ответ.

Она налила чай в чайную чашку, потом обратно в чайник, чай. Они погрузились за утёс своей стойки, ожидая на табуреточках у перевёрнутых коробов, ожидая пока чай настоится. Ощупали свои блузки, обе из чёрного атласа, два и девять за ярд, ожидая пока настоится чай, и по два и семь.

Да, бронза вблизи, возле золота издалёка, слышали сталь сблизи, звон копыт издалека, и слышали копыт сталь, копыт звон, стали звяк.

– Я не слишком ужасно сгорела на солнце?

Мисс Бронза разблузила свою шею.

– Нет,– сказала мисс Кеннеди.– Краснота сойдёт, останется только загар. Ты не пробовала боракс с вишнёво-лавровой водой?

Мисс Даус привстала увидеть свою кожу, искоса, в барзеркале золочёнобуквенном, где рейнское и бокалы для кларенса

поблескивали, и, между ними, морская раковина.

– И то же самое с моими руками,– сказала она.

– Попробуй ещё глицерином,– мисс Кеннеди посоветовала.

Прощально взглянув на свою шею и руки, мисс Даус:

– От всего этого только прыщи,– ответила, вновь садясь.– Я спрашивала у того пенька в аптеке Бойда что-нибудь для моей кожи.

Мисс Кеннеди, разливая, теперь уж настоявшийся, чай, поморщилась и взмолилась:

– Не вспоминай мне про него ради всего святого!

– Но подожди, что я тебе расскажу-то,– мисс Даус упрашивала.

В усладный час мисс Кеннеди, подлив молока, заткнула оба уха мизинцами.

– Нет, не надо!– она вскричала.

– Я не слушаю,– вскричала она.

Но Цвейт?

Мисс Даус прокряхтела гундосым голосом пенька:

– Для вашей кого?– говорит он.

Мисс Кеннеди ототкнула свои уши: слышать, говорить; но сказала, но взмолилась опять:

– Не напоминай мне о нём, а то кончусь. Жуткий старикашка! Тот вечер в Старом Концертном зале!

Она схлебнула брезгливо свой настой, горячий чай, глоточек, прихлебнула сладкий чаёк.

– Во такой он был,– мисс Даус сказала, взведя на три четверти бронзу своей головы, топорща крылья носа.

Хуфа! Хуфа!

Пронзительный смеха взвизг у мисс Кеннеди вырвался из горла. Мисс Даус хуфала и отсапывалась через ноздри, что трепыхались, рязрястнстн, как бы вынюхивая.

– О!– воплем взвопила мисс Кеннеди.– Разве можно забыть его выпяливший глаз!

Мисс Даус всколоколилась глубоким бронзовым смехом, крича:

– Да ещё и твой глаз!

Цвечей тёмный глаз прочёл имя Аарона Фигснора. Почему я всегда думал Фигсбор? Сбор фиг думал я. И гугенотское имя Проспера Лорэ. По блаженным девам Басси прошлись Цвейта тёмные глаза. Голубоодеянная, снизу белое, приди ко мне. Верят, что она божество или богиня. Там они сегодня. Не высмотрел. Тот ещё заговорил. Студент. Потом с сыном Дедалуса. Может быть Малиган. Все девственницы в комедиях. На что и ловятся эти сластолюбцы: её белое.

Прошлись его глаза. Услады греха. Сладки те услады. Греха.

В хохотном перезвоне молодые златобронзовые голоса смешались, Даус с Кеннеди, твой глаз тоже. Они запрокидывали юные головы, бронза расхохота, дать вольнолёт их смеху, до писка, твой тоже, сигналам друг другу, высоким пронзительным взвизгам.

Ах, отдуваясь, вздыхая. Вздыхая, ах, истощившись, их веселье утихомирилось.

Мисс Кеннеди пригубила свою чашку вновь, приподняв, отпила глоточек и дохохотнула. Мисс Даус нагнувшись вновь над чайным подносом, встопорщила вновь свой нос и выкатила уморно напученные глаза. Вновь Кеннехихи, склоняя свою белокурую башенку волос, склоняя, свой черепаший гребень на затылке показывая, выпырснула изо рта свой чай, захлебываясь чаем и смехом, кашляя придушенно, крича:

– О ожирелые глазищи! Представь, чтоб выйти за такого замуж,– вскрикнула она.– С его бородёнкой.

Даус дала полную волю прелестному взвизгу, полному взвизгу полной женщины, восторгу, веселью, презрительности.

– Замуж за ожирелый нос!– взвизгнула она.

Пронзительно, заливистым смехом, за бронзой и золото, вызывали они, каждая у каждой, хохот за хохотом, вызванивая по очереди. А потом опять закатились. За жирный, сама знаешь. Изнеможённо, бездыханно, свои потрясённые головы клали они, заплетённые и башневзведенные блескогребнями, на кромку стойки. Совсем

раскрасневшиеся (О!), задыхающиеся, в поту (О!), совсем бездыханные.

Замужем за Цвейтом, за жирвлезцветом.

– О, все святые!– мисс Даус сказала, взъохнув над своей прыгающей розой.– Лучше б я не смеялась столько. Прям взмокла вся.

– О, мисс Даус!– мисс Кеннеди протестовала.– Вы просто ужас!

И зарделась ещё пуще (вы ужас), ещё золотистей.

Мимо Кэнтвелских контор брел Жирморцвейт, мимо дев Сеппи в их ярком масле. Наннети-отец охотился на такие вещицы, выманивал, ходя по домам, как я. Религия окупается. Надо свидеться с ним насчёт ключного абзаца. Сперва поесть. Хочется. Ещё нет. Сказала в четыре. Время всё идет. Стрелки крутятся. Далеко. Где поесть? У Кларенса, у Долфена. Дальше. Для Рауля. Поесть. Или выжму пять гиней за те объявы. Лиловое шёлковое белье. Пока ещё нет. Услады греха.

Румянец сходит, ещё сходит, золотисто бледна.

В бар их вошёл м-р Дедалус. Заусеницы, отколупывая заусеницы с широкого ногтя на большом пальце. Заусеницы. Он вошёл.

– О, с возвращением, мисс Даус.

Он подержал её руку. Приятным был её отпуск?

– Супер.

Он в надежде, что Ростреворская погода была превосходной.

– Роскошной,– сказала она.– Полюбуйтесь, на что я похожа. День деньской валялась на пляже.

Бронзовая белизна.

– Разве можно так себя вести?– сказал ей м-р Дедалус и мягенько пожал её руку.– Соблазнять несчастных простаков мужчин.

Мисс Даус атласно выскользила свою руку.

– Ах, ну вас,– она сказала.– Уж такие вы простаки, я так и поверила.

Но он такой.

– Уж я-то точно – да,– призадумался он.– В колыбельке у меня был до того наивный вид, что так и назвали – простак Саймон.

– Вы, небось, были просто пупсик,– отвечала мисс Даус.– И что же доктор прописал на сегодня?

– То самоеаздумывал он,– что вы и сами б себе пожелали. Наверно, побеспокою вас просьбой о капельке свежей воды на полстакана виски.

Звяк.

– Сию секундочку,–согласилась мисс Даус. С резвой грацией к подзеркаленной золотистости Кантрел и Кочренской Минеральной оборотилась она грациозно, выцедила меру златого виски из хрустального его штофа. Из-за полы своего пиджака м-р Дедалус достал мешочек и трубку. Резво подано!

Высвистнул на мундштуке он пару сиплых флейтонот.

– Ей-боаздумствовал он.– Мне часто хотелось побывать на горах Морна. Там, наверно, сам воздух полон тоника. Но, говорят, если долго грозишься, в конце концов так и сделаешь. Да, да.

Да. Он втиснул пальцами очески её девичьих волос, её русалочьих, в трубку.

Заусеницы. Очески. Раздумье. Безмолвие.

Никто ничего не сказал. Да.

Весело мисс Даус протирала фужер, тралялялякая:

– *О, Идолорес, морей восточных королева.*

– М-р Лидвел заходил сегодня?

Вошёл Лениен. Вокруг себя присмотрелся Лениен. М-р Цвейт достиг Эссекского моста. Да, м-р Цвейт пересёк мост Эссекский. Мне надо написать Марте. Куплю бумаги у Дейла. Продавщица там вежливая. Цвейт. Старина Цвейт. Синий цвет во ржи.

Он был во время ланча, мисс Даус сказала. Лениен прошёл вперёд.

– М-р Бойлан меня не спрашивал?

Он спросил. Она ответила:

– Мисс Кеннеди, м-р Бойлан не заходил когда я была наверху?

Она спросила. Мисс голос Кеннеди в ответ, вторая чашка чая на весу, взгляд её потуплен в страницу.

– Нет. Его не было.

Мисс потупясь Кеннеди, слышала не глядя, всё читала. Лениен вокруг колпака с сэндвичами обвернул, вкругаля, своё тело вокруг.

– Гняньте-ка! Ктосеньки тутоньки в уголочике?

Ни взгляда Кеннеди ему за старанья, он, всё же, продолжал увертюры. Чтоб где точка – тамочки делать стоп. А читать только чёрненькие: кругляшки это о, а те гнутые – сэ.

Звяк-позвяк извозчичья коляска.

Златодева, она читала и не взглядывала. Ноль внимания. Не замечала, как он читал, без партитуры, басню ей, приплямкивая:

– Лиса вы-стретила жэ-ура-вы-ля. И гэ-о-вы-о-рэ-итт: Сы-унь сы-вой кы-люв мэ-нэ-е вы гэ-ор-лэ-о и вэ-ынньь кы-ость.

Он распевничал зря. Мисс Даус обернулась к своему чаю в сторонке.

Он вздохнул в сторонку.

– Эх, ма! Ох-ти, мне!

Он приветствовал м-ра Дедалуса и получил кивок.

– Поклон от славного сына славному родителю.

– Кто ж это был?– спросил м-р Дедалус.

Лениен благожелательнейше развел руками. Кто?

– Кто был?– спросил он.– Что за вопрос? Стефен, юный бард.

Не выгорело.

М-р Дедалус, славный поединщик, уложил рядом свою сухо набитую трубку.

– Ясно,– сказал он.– Я на долю секунды его не признал. Говорят, он нынче водится с отборнейшей компанией. Недавно видел его?

Он видел.

– Прямо сегодня осушил с ним чашу нектара,– сказал Лениен.– У Мунея *en ville* и у Мунея *sur mer*. Он получил пети-мети за труды своей музы.

Он улыбнулся чаеомытым губам бронзы, внимающим губам и глазам.

– Ирландская *elite* заглядывала ему в рот. Дородный книгочей, Хью МакХью, наиодареннейший писака и редактор Дублина, и тот юнец менестрель с дикого непросыхающего запада, известный под благозвучным прозвищем О'Меден Берк.

После паузы м-р Дедалус поднял свой грог и:

– Представляю, какая там была пошлятина,– сказал он.– Ясно.

Ему ясно. Он выпил.

Устремив взор на далёкое утро в горах. Опустил стакан.

Посмотрев в направленьи дверей салуна.

– Я смотрю вы переставили рояль.

– Сегодня настройщик приходил,– сказала мисс Даус,– настроить к концерту с выпивкой, и я ещё никогда не слыхала такого изысканного пианиста.

– Да ну?

– Разве нет, мисс Кеннеди? Настоящая классика, знаете. И к тому же слепой, бедняга. И двадцати, я уверена, ещё нет.

– Да, ну?– сказал м-р Дедалус.

Он допил и отбрёл.

– Так грустно смотреть на его лицо, – посочувствовала мисс Даус.

Прокляни тебя Господь, сучий выблядок.

Печали её поддинькнул колокольчик едока. В дверь из обеденного зала подошёл лысый Пэт, подошёл всполошённый Пэт, подошёл Пэт, официант из Ормонд-бара. Пиво для обедаюшего. Пиво без резвости она налила.

Нетерпеливясь, Лениен ожидал когда Бойлан, нетерпеливясь, когда призвякает коляской ухарь-парень.

Подняв крышку он (кто?) заглянул в гроб (гроб?) на косой трехсторонник (рояль!) струн. Он нажал (тот самый, что жал её руку умильно), слегка педалируя, тройку клавиш: посмотреть подход войлоковых толстот, услыхать приглушенные удары молоточков.

Два листа глянцевой плотной бумаги, экономятся два конверта, недаром у Виздома Хелиса меня прозвали мудрый Цвейт, у Дейла Генри Цветсон купил. Ты несчастлив в своем доме? Цветок мне в утешение, и булавку – смотри не уколись. Что-то означает, язык цветов. Фиалка это что? Невинность это. Порядочная девушка встречается после мессы. Спасибочки, очень нада. Цвейт озирал плакат на двери, покачиваясь, русалка курит меж красивых волн. Курят и русалки, самые душистые затяжки. Волосы вьются любострастно. Для кого-то из мужчин. Для Рауля.

Он глянул и увидал вдалеке, на Эссекском мосту, залихватскую шляпу катящую на одноосной коляске. Опять. Третий раз. Совпадение.

Звякая на мягких резинах, колесила она от моста к Ормонд-пристани. Упредить. Рвани. Только быстро. В четыре. Уже скоро. Ещё успею.

– Два пенса, сэр,– осмелилась сказать продавщица.

– Ах, да.. я забылся.. извините...

И четыре. В четыре она. Победительно она Цвеизмученному улыбнулась. Цве-таки пойду. Сле обеда. Думаешь ты один такой на свете? Она готова с каждым. Для мужчин.

В дремотной тиши склонялась злато над своей страницей.

Из салуна зов донёсся долго неумолчный. Это камертон настройщика, который он забыл, он сейчас ударил. Зов вновь. Это он теперь вскинут, это он теперь пульсирует. Слышишь? Бьется чисто, чище, мягко, мягче, его звукогудная развилка. Длясь в замирающем зове.

Пэт дал деньги за бутылку шипучего: и, над подносом на колесиках и бутылкой шипучего, перед уходом, пошептался он, лысый и всполошённый, с мисс Даус.

– *Померкли звезды в вышине…*

Бессловесная песня пропела изнутри, выпевая:

– … *утро настает.*

Пригоршня птахонот отщебетнулась яркой трелью под чуткими руками. Ярко клавиши все взблескивая, связно, арфаккордно, воззвали к голосу запеть мелодию рассвета, юности, расстающейся любви, утра жизни, любви..

– *Жемчужная роса…*

Губы Лениена над стойкой шушукнули тихим приманным присвистом.

– Ну, взгляни на меня,– сказал он роза Рима.

Звяк приколесил к бордюру и стих.

Она поднялась и закрыла своё чтение, роза Рима. Рассерженое забытье, роза в грёзах.

– Она сама низко пала или её пихнули?– спросил он у неё.

Она ответила уничтожительно.

– Не задавайте вопросов, так и лжи не услышите.

Как леди, так по-ледивски.

Ухарь Бойлановы шикарные коричневые туфли поскрипывали по полу бара, где ступали. Да, злато вблизи, бронза издали, Лениен услышал и узнал, и приветствовал его:

– Гля, грядет, герой-победитель.

Меж коляской и витриной устало шагая, шёл Цвейт, непобеждённый герой. Может меня увидеть. Сиденье: на нём он сидел: тёплое. Чёрный усталый кот подходил к правоведческой сумке Ричи Гулдинга, вскинутой в приветствии.

– *и от тебя я...*

– Я слышал ты где-то в этих краях,– сказал Ухарь Бойлан. Он коснулся в честь светлой мисс Кеннеди края своей набекрененной соломы. Она улыбнулась к нему. Но сестра бронза переулыбила её, охорашивая перед ним свои более богатые волосы, грудь и розу.

Бойлан сделал заказ.

– Что тебе? Стакан горького? Стакан горького, пожалуйста, а мне терновый ликёр. Телеграмма пришла?

Нет ещё. В четыре он. Все сказали четыре.

Коуливы красные лопоухи и адамово яблоко у дверей оффиса шерифа. Увильну. Как раз Гулдинг подвернулся. Чего ему надо в Ормонде? Коляска ждёт. Выждем.

Привет. Далеко это? Чего-нибудь поесть. Я как раз тоже. Тут. Что, Ормонд? Самый стоящий в Дублине. Да, ну? Обеденный зал. Засесть там. Видеть и остаться незамеченным. Пожалуй, составлю тебе. Идём. Ричи пошёл впереди. Цвейт последовал за портфелем. Княжий пир.

Мисс Даус потянулась высоко снять графин, протягивая свою обатласеную руку, свой бюст, что вот-вот треснет, до того высоко.

– О! О!– подзуживал Лениен на каждую из потяжек.– О!

Но легко ухватила она добычу и ниспустила, торжествуя.

– Зачем не подрастёшь?– спросил Ухарь Бойлан.

Бронзочка, уделяя из своей бутыли густо-сиропистый ликёр для его губ, стрельнула глазами, пока текло (у него роза в пиджаке: кто дал?), и подсластила голоском:

– Самые лучшие товары в мелкой упаковке.

Вот что сказала она. Точнёхонько влила она тягучесиропный терновый.

– За удачу,– сказал Ухарь Бойлан.

Он выложил широкую монету, монета брязнула.

– Погоди,– сказал Лениен,– я ж тоже...

– Удачи,– пожелал он, подымая свой пенящийся эль.

– Мантия выиграет не запыхавшись,– сказал он.

– Я малость поставил,– сказал Бойлан, подмигивая и выпивая.– Не за себя, знаешь. Для приятного знакомства.

Лениен всё ещё пил и ухмыльнулся своему перекрененному элю и губам мисс Даус, что всё умгумали, не смыкаясь, океанопеснь, губы её траливаляли. Идолорес. Моря Востока.

Часы заурчали. Мисс Кеннеди пошла к ним (цветок: это кто ж дал?), относя чайный поднос. Часы бомнули.

Мисс Даус взяла монету Бойлана, смело стукнула кассовый аппарат. Тот дзенькнул.

Часы бомнули. Белянка Египта пощекотала-поворошила в кассоящике и поумгумкала и протянула на ладони монеты сдачи. Взгляд к Западу. Бом. Для меня.

– Это ж который час?– спросил Ухарь Бойлан.– Четыре?

Часа.

Лениен глазами изголодало на её умгумканье, бюст, угукая, дернул рукав Ухаря Бойлана.

– Послушаем, как время отбивается,– сказал он.

Портфель Гулдинга, Коллиса и Варда вёл Цвейта меж расцвеченных васильками изо ржи столами. Бесцельно выбрал он с кипучей целеустремленностью, лысый Пэт, прислуживая, стол поближе к двери. Быть поближе. В четыре. Забыл он что ли? Или какой-то трюк? Не прийти: подогреть аппетит. Я так не мог. Годить, выжидать. Пэт угодливо погодил.

Искромётная бронзы лазурь глазела на небесную синь Ухаревой бабочки и глаз.

– Ну, давай,– не отставал Лениен.– Тут никого, он ещё не слышал.

– … *поспешно к губкам Флоры.*

Высоко, высокая нота вторилась в трели, чисто.

Бронздаус, единилась со всей розой, что вздымалась и опадала, ища Ухаря Бойлана цветок и взгляд.

– Ну, пожалста.

Попросил он поверх повторных фраз признания.

– … *не в силах я с тобой расстаться.*

– Послечки,– мисс Даус маняще посулила.

– Нет, сейчас,– настаивал Лениен.– *Sonnezlacloche*! Ну, сделай. Тут же ж никого.

Она зыркнула. Скоро. Мисс Кеннеди не услышит. Резкий наклон. Два разгорающихся лица следили за её наклоном.

Заколебавшись аккомпанимент разошёлся с мелодией, нашёл опять утерянный аккорд, и потерял и нашёл, запинаясь.

– Давай! Делай! *Sonnez!*

Наклонившись, она вздёрнула подол юбки выше колена. Повременила, томя их, всё ещё в наклоне, оттягивая, с горящими глазами.

–*Sonnez!*

Шлёп. Она вдруг отпустила в ответ *Sonnez!* свою оттянутую эластичную подвязку смакотёплую по своей смачношлёпной теплообтянутой женской ляжке.

– *La cloche!*– выкрикнул взрадованный Лениен.– Выучка владельца. Тут без подделок.

Она улыбувернулась надменная (плачь! ну, разве эти мужчины не?), но, легонько отскальзывая, мягко она улыбнулась к Бойлану.

– Вы сама вульгарность,– она, отскальзывая, сказала.

Бойлан глазел, глазел. Поднес к толстым губам свою чарку, высасывая последние жирно-лиловые тягучие капли. Его приворожённые глаза тянулись за её скользящей головкой, что шла вдоль стойки мимо зеркал, проскальзывая у арки для имбирного пива, у поблескивающих фужеров под кларет и рейнское, мимо раковины с шипами, сопровождаясь, отражённая, бронза с бронзой посолнцевее.

Да, бронза сблизи.

– ... *любимая, прощай!*

– Я сваливаю,– Бойлан проговорил с нетерпением.

Он резко отодвинул чарку, ухватил свою сдачу.

– Тормознись чуток,– взмолил Лениен, второпях допивая,– я хотел тебе рассказать. Том Рошфор...

– Горит ясным огнем,– отрезал Ухарь Бойлан на ходу.

Лениен доглотнул уходить.

– Рог вскочил, что ли?– сказал он.– Погоди. Я иду.

Он последовал за торопливо поскрипывающими туфлями, но встал порывисто у порога, приветствующей фигурой, тощий перед грузным.

– Здравствуйте, м-р Доллард.

– А? Здрасьте. Здрасьте,– ответил неясный бас Бена Долларда, на миг отвлекаясь от горестей отца Коули.– Он больше не будет, Боб. Альф Берган потолкует с долговязым. На этот раз воткнём соломинку в ухо этому Иуде Искариоту.

Со вздохом, м-р Дедалус прошёл через салон, поглаживая веко.

– Хохо, уж мы ему,– Бен Доллард выпел переливчасто.– Давай. Саймон, сделай нам музычку, мы слышали рояль.

Лысый Пэт, всполошённый официант, ждал, что закажут пить. Поверскую для Ричи. А Цвейт? Сейчас прикину, чтоб ему дважды не ходить. При его мозолях. Значит, четыре. До чего нагревается это чёрное. Конечно, нервы малость. Рефракция (так, кажется). Дай-ка прикину. Сидр. Да, бутылку сидра.

– Какая там музыка,– сказал м-р Дедалус.– Я просто бренькал, мэн.

– Давай, давай,– покликал Бен Доллард.– Прочь унылые заботы. Иди ближе, Боб.

Он легко ступил, Доллард, осанистые брюки перед ними (держи этого фраера: волоки его) в салун. Он ся плюхнул, Доллард, на стул. Его подагренные пятерни вдарили аккорд. Вдарив, враз прервали.

Лысый Пэт в дверях встретил обесчашенную злато, что возвращалась. Всполошённому, ему нужно было поверского и сидра. Бронза у окна наблюдала, бронза издали.

Забряцал динькколясочный.

Цвейт слыхал звяк, звучок. И сорвался. Легкий всхлип вздоха. Цвейт выдохнул на безмолвные синецветные цветы. Позвяк. Он отъехал. Звяк. Слышу.

– Любовь и война, Бен,– сказал м-р Дедалус.– Боже, храни старое времечко!

Доблестные глаза мисс Даус, незамеченными, обернулись от занавески: ударенные солнцеблеском. Уехал. Задумчивая (а может?), ударенная (бьющий свет), опустила она штору на скользящем шнуре. Она задумчиво пронесла (почему он так быстро ушёл, когда я?) свою бронзу к бару, где смело встала подле сестры злата, неизысканным контрастом, контрастируя невзысканной неизысканностью, медленно прохладный сумрак, морезелёный, вскальзывал в глубину тени, *eau de Nil*.

– Бедняга старый Гудвин аккомпанировал в тот вечер,– напомнил им отец Коули.– Он малость не сходился во мнении с коллардовым

роялем.

Было.

– А перед тем он крепко подналёг на выпивку. Его бы сам чёрт не остановил. Ерепенистым становился старикан на первой стадии упития.

– Боже, ты помнишь?– Бен грузный Доллард сказал оборачиваясь от наказанных клавиш.– А у меня—японский городовой!– не оказалось свадебного костюма.

Они рассмеялись все трое. На нем не было сваде. Всё трио смеялось. Без свадебного костюма.

– Наш приятель Цвейт очень вовремя тогда подвернулся,– сказал м-р Дедалус.– А где, кстати, моя трубка?

Он отправился обратно в бар к потерявшейся кордовой трубке.

Лысый Пэт пронёс питьё двум обедающим, Ричи и Полди. И отец Коули рассмеялся опять.

– Кажись, я спас тогда положение, Бен.

– Точно, ты,– подтвердил Бен Доллард.– Я даже те узкие брючки помню. Блестящая была идея, Боб.

Отец Коули зарумянился до своих сизо блистающих мочек. Он спас поло. Узкие брю. Блестящая иде.

– Я знал, что мы с ним сговоримся,– сказал он.– Жена его играла на рояле в кофейном дворце по суботам, за какую-то мелочь. И кто это мне дал наводку, что она этим занимается? Помнишь, нам пришлось обрыскать всю Холм-Стрит, чтоб их найти, пока тот малый у Кьога не дал нам номер дома. Помнишь?

Бен помнил, удивляясь своим широким лицом.

– Ей-Богу, у неё там была пропасть роскошных плащей для оперы и всякого такого.

М-р Дедалус прибрёл обратно, трубка в руке.

– Стиль Марион-Сквер. Бальные платья, ей-Богу, и придворные наряды. Он всё-таки отказался взять деньги. Нет? Боже, сколько там треуголок и жилеток, и штанов в обтяжку. Нет?

– Ага, ага,– покивал м-р Дедалус.– У м-с Марион Цвейт найдётся одёжка для любого случая.

Звяк колесил вдоль пристаней. Ухарь раскорячился поверх подскакивающих шин.

Печень и бэкон. Бифштекс и пирог с почками. Точно так, сэр. Всё точно, Пэт.

М-с Марион встретился мне-там-псы-коз. Запах горелого. Поль де Кока. Ничего себе имечко он себе.

– Как бишь её звали? Мягонькая пышечка. Марион..

– Твиди.

– Да. Она жива?

– Ещё как.

– Она была дочерью.

– Дочерью полка.

– Да, ей-бо. Я помню старого барабан-майора.

М-р Дедалус тернул, сычнул, зажёг, пыхнул, душистым клубом затем.

– Ирландка? Не знаю, право. Ирландка она, Саймон?

Пыхк, после стопа, пыхк, крепкий, душистый, потрескивающий.

– Баксинаторный мускул… Что?… чуть заедает…О, да.. Моя ирландка Молли, О.

Он пыхнул пышным пухлым клубом дыма.

– Аж с самой… скалы Гибралтар.

Они грустили в глуби океанской тени, злато возле пивного крана, бронза возле марачино, задумчивы все обе, Мина Кеннеди, Лисмор-Терас, 4, Драмкондра с Идолорес, королевой Долорес, молча.

Пэт подал раскрытые блюда. Леопольд нарезал печенеломтики. Как было сказано, он с удовольствием поедал внутренние органы, желваковатые желудки, молоки жареной трески, тогда как Ричи Гулдинг, Коллис, Вард ел бифштекс и почку, бифштекс, а потом почку, откус за откусом от пирога, ел он, ел Цвейт, ели они, ели. Цвейт с Гулдингом, повенчанные молчанием, ели. Снедь достойная князей.

Вдоль бульвара Бакалавра скокколёсно звякал Ухарь Бойлан, холостяк, по солнцепёку, разгорячась, кобылий лоснящийся круп рысил, подстёг хлыста, на подпрыжных шинах, враскорячку, вжаросидененный, Бойлан, нетерпеливящийся, яробравый. Рог у тебя что ли? Рог. У тебя? Ха ха рог.

Поверх их голов Доллард взбасил атаку, гудя над взвывами аккордов.

– *Когда пылкую душу мою охватит любовь.*

Гром Бендушибенджамина прокатился до дрожливых любовнотрепетных стёкол мансарды.

– Про войну! Про войну!– крикнул отец Коули.– Ты ж боец.

– Да, я такой,– Бен Боец засмеялся.– Мне вспомнился твой домовладелец. Кошель или жизнь.

Он перестал. Потряс большущей своей бородой, большущим лицом, над своим ляпом большущим.

– Ты б наверняка порвал той бедной любимой перепонку в ухе,– сказал м-р Дедалус сквозь дымную арому,– с твоим-то органом.

В бородатом щедром смехе Доллард затрясся над клавишами. Порвал бы.

– Не говоря уж про другую перепонку,– добавил отец Коули,– полегче, Бен. *Amoroso ma non troppo*. Дай-ка я.

Мисс Кеннеди поднесла двум джентельменам по бокалу прохладного портвейна. Сделала реплику. Действительно, сказал первый джентельмен, прекрасная погода.

Они пили прохладный портвейн. Ей известно куда направился лорд-лейтенант? Нет, она не может сказать. Но об этом должно быть в газете. О, пусть она не утруждает себя. Да какой там труд. Она околыхнулась волной распростанной НЕЗАВИСИМОЙ, отыскивая лорд-лейтенант, башенки её волос медледвижась, лорд-лейте.

Зряшные хлопоты, сказал первый джентельмен. О, пустяки. А как он смотрел-то. Золото близ бронзы слыхало железа сталь.

– ...*охватит любовь мне и дела уж нет до завтра.*

В печёночной подливе разминал Цвейт мятый картофель. Любовь и войну там кто-то. Знаменитый Бена Долларда. Тот вечер как он прибежал к нам одолжить костюм для концерта. Брюки на нём чуть не лопались. Музыкальные ляжки. Как Молли хохотала, когда он ушёл. Упала на кровать, пищала, брыкалась. Все его причандалы на виду. О, святые в небесах, я кончусь! О, женщины в первом ряду! Ой, я в жизни так не смеялась. Ну, что ж, оттого-то у него этот бочковый барельтон. К примеру евнухи. Интересно, кто за роялем. Отличное туше. Должно быть Коули. Музыкален. Узнаёт ноты на слух. Плохой запах изо рта у бедняги. Перестали.

Мисс Даус располагающе. Леда Даус, поклонилась приглаженному адвокату, Джорджу Лидвелу, джентельмену, входящему. Добрый день. Она дала свою чуть влажную ледивскую, руку его крепкому охвату. Добрый. Да, она вернулась. Опять в старый тарарам.

– Ваши друзья в зале, м-р Лидвел.

Джордж Лидвел, приглаженный, тронутый, держал ледоруку.

Цвейт ел печень как уже говорилось. Здесь хоть чисто. Тот малый у Бартона аж липкий от жира. Никого тут. Гулдинг да я. Чистые столы, цветы, митры из салфеток. Пэт туда-сюда, лысый Пэт. Делать нечего. Самый стоящий в Дубли.

Опять рояль. Это Коули. А как сядет за него, словно единое целое, полное взаимопонимание. Нудные скрипачи скребут смычком и всё косят глазом, а виолончель просто пилят, напоминает зубную боль. Её высокий протяжный зуд. Вечер как мы пошли в ложу. Тромбон, как фонтан от кита в промежутках партии, другие медяшники раскручивают, опорожняют от слюны. А дирижеровы ноги, тоже

зрелище – штаны мешком, а дёргаются-то, дёргаются. Правильно, что их прячут.

Звяк колясочно. Дёрг-подёрг.

Только арфа. Прелесный мерцающий золотом отсвет. Девушка прикасается. Такая прелесть. Подлива в самый раз. Золотой корабль. Эрин. Арфа, что разок-другой. Прохладные пальцы. Верх Тёрна, родендродоны. Мы для них арфы. Я. Он. Старый. Молодой.

– Ах, да не могу я, друг,– м-р Дедалус сказал, нерешительно, безразлично.

Напористо.

– Давай, чтоб ты лопнул,– Бен Доллард вырычал.

– *M'appari,* Саймон,– сказал отец Коули.

Вдоль сцены сделал он несколько шагов, мрачный, высокий, в неловкости, отставив руки. Хрипловато яблоко его горла выхрипнуло слегка. Слегка запел он к пыльному морскому пейзажу на стене: ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ. Мыс, корабль, парус над валами волн. Прощай. Милая девушка, вуаль её вьется по ветру вдоль мыса. Ветер охватывает её.

Коули запел:

– *M'appari tutt'amor:*
Il mio sguardo l'incontr ...

Она машет, не слыша Коули, вуаль вырывается к тому уплывающему, дорогому, к ветру, любви, торопя парус, возвращайся.

– Подхватывай, Саймон.

– Эх, я уж своё отплясал, Бен... Ладно...

М-р Дедалус положил свою трубку на пюпитр возле камертона и, садясь, тронул послушливые клавиши.

– Нет, Саймон,– оборотился отец Коули.– Играй это как в оригинале. Один бемоль.

Клавиши, подчиняясь, взбежали, выговорили, сбились, признались, смешались.

По сцене прошагал отец Коули.

– Ну-ка, Саймон, я тебе подыграю,– сказал он.– Вставай.

Мимо ананасового утёса у Грехема Лемона, мимо Элверова слона звяк прорысил. Бифштекс, почка, печень, смешаны в снедь достойную князей, сидят князья Цвейт и Гулдинг. Князья за явствами подымали и пили поверское и сидр.

Лучшая из мелодий написанных для тенора, сказал Ричи: *Sonnambula*. Однажды он слушал как её исполнял Джо Маас. А, прям как МакГукин! Да. В своём роде. В стиле мальчиков-певчих. Таким мальчиком был Маас. Мальчик мессы. Лирический тенор, если угодно. Ни в жизнь не забудешь. Нет.

Ласково Цвейт над, без печени, бэконом увидал обтянуто напрягшиеся черты.

Радикулит его. Блестящий глаз по Блейсту: следующим номером программы. Сколько ни вьётся, а платить придётся. Потом на пилюли, диет-хлеб, по гинее за ящик. Немного отсрочит. Как в той песне: в могиле всё равно. Вот именно. Пирог с почками. Сладости к. Не очень-то налегает. Самый стоящий в. Характерно для нег. Поверское. Переборчив в выпивке. В стакане выщербинка, свежая вода Вартри. Из экономии подгребает спички со стоек. Потом растрынькивает соверен на безделушки. А попросишь не даст и фартинга. Поддаст, потом не хочет платить за выпивку. Занятные типы.

Ни за что не забудет Ричи тот вечер. Сколько жить будет. Сколько жить, ни за что. Участвовали все кумиры Старого Королевского с малым Пиком. И вот первая нота.

Речь замерла в паузе на губах Ричи.

Вариации про чёрт побери. И сам же верит в свое враньё. Ей-ей верит.

Замечательный враль. Но нужна отличная память.

– А это что за мелодия?– спросил Леопольд Цвейт.

– *Теперь уж не вернуть.*

Ричи отдул свои губы. Низкая нота вступления, милая домовушка, бормотнула враз.

Певчий дрозд. Его дыхание, чистое как у птиц (его гордость хорошие зубы), высвистелось в горестной печали. Пропало. Богатое звучание. Тут две ноты за раз. Чёрного дрозда я слышал в шиповниковой долине. Подхватывал мои свисты, вторил и обращал их. Всё и то же, новый зов, прошло уж и всё. Эхо. Такой мелодичный отголосок. Как это делается? Теперь уж не вернуть. Печально высвистывал он. Спад, покорность, утрата.

Цвейт склонил леопольдино ухо, отворачивая краешек резной салфетки вниз под вазу. Порядок. Да, помню. Прекрасная песня. Спящей она пришла к нему.

Невинность под луной. Но, таки, убереглась. Смелы, не видят опасности. Если по имени. Или когда прикоснуться к мокрому. Коляска со звяком. Теперь уж поздно. Она хотела пойти. Вот почему. Женщина. Легко, как удержать море. Да: теперь уж поздно.

– Чудная песня,– сказал Цвейт пропавший Леопольд.– Хорошо её знаю.

Ничего подобного не было в жизни у Ричи Гулдинга.

Он тоже её хорошо знает. Или чувствует. Все долдонит про свою дочку. До того умна, узнаёт своего папочку, говорил Дедалус. А про меня?

Цвейт наискосок поверх соуса видел. Лицо как у конец всему. Прежний шутник Ричи. Нынче лишь затасканные шуточки. Ушами дёргает. Кольцо салфетки в глаз вставляет. Рассылает теперь попрошайные письма со своим сыном. Косоглазый Волтер сэр это я сэр. За беспокойство только я думал дадите ли денег. Извините.

Опять рояль. Звучит лучше, чем я слышал в последний раз. Настроили должно быть.

Опять перестал. Доллард и Коули всё уламывали отнекивающегося певца.

– Давай, Саймон.

– Ну, Саймон же.

– Леди и джентельмены, я глубочайше тронут вашими добрыми увещеваниями.

– Ну, Саймон.

– С деньгами у меня туго, но, если вы одолжите своим вниманием, я восстараюсь вам спеть от поклонного сердца.

У колпака над сэндвичами в занавешивающей тени, Лидия свою бронзу и розу, ледиеву милость, дарила и придерживала: а в прохладе, голубо-зеленоватой от eau de Nil, Мина – бокалам, с двумя её башенками злата.

Арфоаккорды вступления отзвучали. Аккорд протяжный, ждущий, вовлёк далекий голос.

– *Когда прелестную увидел я впервые.*

Ричи обернулся.

– Голос Сайма Дедалуса,– сказал он.

Встрепенувшись мозгом, пламенея щекой, слушали они, чувствуя как растекается прелестная струйка по коже, конечностям, человечьему сердцу, душе, хребту. Цвейт махнул Пэту, лысому Пэту официанту, тугому на ухо, распахнуть дверь ведущую в бар. Дверь в бар. Вот так. Так хватит. Пэт, прислужник, услужил, обслуживая послушать, ведь он был туг на ухо, у двери.

– *Печаль моя, казалось, удалилась.*

В затихшем воздухе пел голос им, негромкий, не дождь, не шелест листьев, так не прозвучат ни струны, ни свирель, ни—как там бишь её?—цевница, касаясь их притихшего слуха словами, их притихших сердец, каждое со своей припомнившейся жизнью. Хорошо, до чего хорошо слушать: печаль от них, от каждого, казалось, от обоих удалилась, лишь только как впервые увидали. Когда впервые узрели, пропавшие Ричи, Полди, милую красу, услыхали от той, от кого никак не ждали, её первоё любовномягкое мягколюбовное слово.

Это любовь поёт: давнюю сладкую песнь любви. Цвейт раскрутил медленно эластичную тесёмку со своего пакета. Любви давний сладкий *Sonnez la* злата. Цвейт окрутил новую петлю вкруг четырёх зубцов вилки, затянул, послабил и окрутил вкруг своих тревожно встревоженных, счетверённо, в октаву, окандалил их враз.

– *Надеждой и восторгом полнясь.*

У теноров – женщин дюжинами. Повышает их звучность. Бросают цветы к его ногам: когда мы сможем встретиться? У меня просто голова. Он не может петь перед цилиндрами. Враз утратишь ум и толк. Надушилась для него. Какие духи у твоей жены? Я хочу знать. Звя. Стоп. Тук-тук. Как идёт открывать, она непременно посмотрится в зеркало, прихожая. Дома? Как вы? Хорошо. Там? Что? Или? Коробочка пастилы, поцелуйные конфетки. В её сумочке. Да? Руки ощутили роскошные.

Увы! Голос взвился, вздыхая, изменившись: громкий, полный, сияющий, гордый.

– *Увы, то грёзой было лишь пустой…*

У него и теперь бесподобное звучание. Воздух Корка мягчит их глотки. Придурок! Мог бы иметь море денег. Путает слова. Жену заездил: теперь распевает. Но как знать. Только им двоим. Если его не сломило. По бульвару бодрячком. Руки-ноги у него тоже поют. К выпивке. Нервы на пределе. Не до пения уж. Суп Дженни Линд: левкой, шалфей, сырые яйца, полпинты сливок. Млечные грёзы.

Накачивает нежность: мягко набухая. Во всю всколоколил. Вот это по-нашески. А, дай! На! Биенье, звон, пульсирующе гордый взбух.

Музыка? Слова? Нет: есть что-то ещё за ними.

Цвейт свивал, отвивал, сплетал, расплетал, кивал, откивывал.

Цвейт. Густотягучая патока, тёплая, вкуса утаённости, струясь истекая в музыке, в вожделении, тёмный на вкус поток, вторгающийся. Вникая, внутряя, водляя, вполняя в неё. Вспрыск. Порог разверст вширь. Вспрыск. И восторг и чувство и теплота и. Вспрыск. Выбрызнуть сверх шлюзов несдержимые всплески. Поток, плеск, выток, восторлеск, струевздрог. Вот! Язык любви.

– *...луч надежды...*

Лучась. Лидия для Лидвела пискнула едва различимо, так лединно, муза не переписькнула луча надежды.

Это МАРТА. Совпадение. Как раз собирался написать. Песнь Лионела. У тебя такое красивое имя. Не без ошибок. Моя к тебе псулька. Играть на струнах её сердца и на завязках кошелька. Она же. Я назвала тебя неслухом. Но всё же имя: Марта. Как странно. Сегодня.

Вернулся снова голос Лионела, тише, но не слабее. Он снова пел для Ричи, Полди, Лидии, Лидвела, пел также Пэта раскрытому рту, уху ожидающему обслужить. Как увидал впервые он прелестную, как унеслась печаль, казалось, как взгляд, фигура, слово очаровали его, Гулда Лидвела, полонили Пэта Цвейта сердце.

Если б ещё и видеть его лицо. Куда понятней. Отчего парикмахер в салоне Драго всегда смотрит мне на лицо, когда обращаюсь к его лицу в зеркале. Всё же отсюда лучше слушать, чем из бара, хоть и дальше.

– *Тот милый взор…*

Тот первый вечер, как я впервые увидел её у Мэт Дилон в Теренуре. Она была в жёлтом с чёрным кружевом. Музыкальные стулья. Мы двое последними. Судьба. За нею. Судьба. Круг-другой медленно. Быстрый. Мы вдвоём. Все смотрят. Конец. Она села. Все с завистью. Губы в улыбке. Жёлтые колени.

– *Очаровал мой взгляд…*

Пела. Исполнила ОЖИДАНИЕ. Я переворачивал ноты. Голос полный аромата, какими духами твоя сирень. Груди я видел, обе, тугие, трепещущее горло. Увидел я в первый раз. Она меня поблагодарила. Почему меня? Судьба. Испанские глаза. Под одинокой грушей патио, сейчас, в Мадриде, наполовину уже в тени, Долорес девалорес.

На меня. Маня. Ау, заманивая.

Марта! Ах, Марта!

Забыв всю томность, Лионел взывал, в печали, зовом страсти с доминантой любви, обращаясь глубинящимися и всё же восходящими аккордами гармонии. В зове лионеловой одинокости, чтоб узнала и прочувствовала Марта. Ведь лишь её он ждал. Где? Здесь, там, глянь-ка, там, здесь. Всюду, где ни глянь. Где-то.

– *Приди утраченная!*
Приди любимая!

Один. Любовь одна. Одна надежда. Одно мне утешение. Марта, грудная нота, оборот.

– *Приди..!*

Взвилась, птаха, стремя свой лёт, быстрый чистый зов, взметнутым серебристым шаром ровно вздымался, ускоряясь, зависая, приди, не иссякай, долгий-долгий вздох вдохнул он долгой жизни, в высях парящий, блистающий высью, пламенеющий высоко, в символической светозарности, высокости, эфирной груди, высокости, высокой беспредельной осиянности, повсюду всё взвиваясь, всё вкруг всего, бесконечностьостьость...

– *Ко мне!*

Сайпольд!

Вот и всё.

Приди. Бесподобное исполнение. Все захлопали. Она должна. Придти. Ко мне, к нему, к ней и к тебе, мне, нам.

– Браво! Хлопхлоп. Ай, да Саймон! Хлопихлопхлоп. Бис. Хлопахлопхлоп.

Молодчина. Браво, Саймон! Хлопхляпхлоп. Бис, хлобис, говорили, кричали, хлопали все. Бен Доллард, Лидия Даус, Джордж Лидвел, Пэт, Мина, два джентельмена с двумя бокалами, Коули, первый

джент с бок и бронзомисс Даус и златомисс Мина. Ухаря Бойлана шикарно карые туфли, поскрипывая по барполу, сказали ранее.

Позвякивая мимо монументов сэра Джона Грея, Горацио одноручкового Нельсона, преподобного отца Теобальда Мэттью, коляскатил, как сказано ранее, как раз теперь. Рысью, распалённый, жарковсидененный. *Cloche. Sonnez la. Cloche. Sonnez la*. Медленней пошла кобыла вгору у Ротонды, площади Рутланд. Слишком медленна для Бойлана, Ухаря Бойлана, нетерпеливящегося Бойлана, трусца кобылы.

Отзвук аккордов Коули стих, угас в сгустившемся воздухе.

И Ричи Гулдинг выпил своё поверское, и Леопольд Цвейт свой сидр, Лидвел своё гинесское, второй джентельмен сказал, они оприходуют два бокала, если она не против. Мисс Кеннеди сулыбила, прибирая, коралловые губы, первому, второму. Она была не против.

– Семь дней в тюрьме,– сказал Бен Доллард,– на воде и хлебе, и ты запоёшь, Саймон, как певчий дрозд.

Лионел Саймон, певец, засмеялся. Отец Боб Коули играл. Мина Кеннеди подала.

Второй джентельмен уплатил. Том Кернан вшествовал; Лидия пришла в восторг, восторг. Но Цвейт безмолвно пел.

Восторженно.

Ричи восторженно дискантил о славном голосе этого молодчика. Он помнил один давний вечер: Сай пел БЫЛ ЧИН И СЛАВА: У Нэда Ламберта было это. Боже милостивый, он за всю жизнь не слыхал такой ноты, он никогда не выводил *Что ж ненадёжна доля наша* лучше была так чисто, так, Боже, он в жизни не слышал, *а ведь любовь не живёт* до того звенящим голосом, спроси Ламберта, он тоже тебе скажет.

Гулдинг, с проступившим в его бледности румянцем, сказал м-ру Цвейту с лицом темнее ночи, Сай у Неда Ламберта по Дедалусову почину, пел БЫЛ ЧИН И СЛАВА.

Он, м-р Цвейт, слушал, как он, Ричи Гулдинг, говорил ему, м-ру Цвейту ночи, он, Ричи, слышал его, Сай Дедалуса, исполнявшего БЫЛ ЧИН И СЛАВА в его, Неда Ламберта, заведении.

Шурины: родичи. Мы не общаемся при встрече. Трещина, похоже, в лютне. С ним свысока. Ага. Тем больше он им восторгается. Вечера где Сай пел. Человеческий голос, две шелковистые струнки. Великолепно, куда там всему остальному.

Этот голос был плачем скорби. Теперь потише. Лишь в тиши ощущаешь что слышишь.

Вибрации. Теперь лишь молчащий воздух.

Цвейт разомкнул скрещенье кистей своих рук и расслабленым пальцем чуть блямкнул по струновидной резинке. Потянул и блямкнул. Гуднуло. Зумнуло. Пока Гулдинг говорил о постановке голоса у Барроклога, пока Том Кернан, возвращаясь вспять в ретроспективной манере аранжировки, обращался к выслушивающему его отцу Коули, который наигрывал вольные вариации, который кивал, играя. Пока большой Бен Доллард обращался к Саймону Дедалусу, прикуривающему, который кивал, куря, который курил.

О, ты – утрата! Вот тема всех песен. Ещё чуть натянул Цвейт свою струну. Таки жёстоко. Дать людям прельстится друг другом: привязаться. Потом оторвать. Смерть. Взрывы. Удар по голове. Брык-и-дух-вон-прямо-в-ад. Жизнь людская. Дигнам. Вуй, как извивался хвост той крысы! Пять монет я дал. *Corpus paradisum*. Грач картавый: отравы полное беремя. Был и нет. А эти поют. Так и я. И она однажды с. Хватит о ней: надоело. Вот тогда помучится. Иссопливится. Большие испанистые глаза вытаращатся в никуда. Её волнистыельнистыельвистые волосы не причеса: ны.

И всё же чрезмерное счастье приедается. Он натянул ещё, ещё. Счастлив в своём? Блямм. Порвалась.

Позвяк вдоль Дорсет-Стрит.

Мисс Даус отняла свою атласистую руку, упречливо, польщённо.

– И на полстолько не позволяйте себе такого,– сказала она,– пока мы не близкие знакомые.

Джордж Лидвел сказал ей, ей-ей, взаправду: но она не поверила. Первый джентельмен сказал Мине, что это так. Она спросила его, так ли это. Второй бокал сказал ей, что так. Что оно, таки, так.

Мисс Даус, милая Лидия, не поверила: мисс Кеннеди, Мина, не поверила: Джордж Лидвел, нет: Мисс Дау не: первый, первый: джент с бокал: верю, нет, нет: не, мисс Кенне: Лидиявел: бок.

Лучше тут написать. На почте от всех перьев поуродованные огрызки.

Лысый Пэт, по знаку, приблизился. Ручку и чернила. Он отошёл. Подушечку. Он отошёл. Подушечку, чтоб промакнуть. Он слышал, глухой Пэт.

– Да,– сказал м-р Цвейт, потрагивая тесьму тонко.– Уж это точно.

Хватит пары строк. Мой подарок. И вся эта цветущая итальянская музыка. Кто ж написал-то? Зная имя, знаешь лучше. Вынем лист бумаги, конверт: равнодушно.

Очень своеобразная.

– Великолепнейший номер из всей оперы,– сказал Гулдинг.

– Что правда, то правда,– отозвался Цвейт.

Номера и числа. Из них вся музыка, если вдуматься. Два умноженное на два и поделенное пополам будет удвоенная единица. Вибрации: те аккорды. Один плюс два плюс шесть будет семь. Какие хочешь фокусы с числами вытворяй. Всегда выйдет это равно тому, ось симметрии кладбищенская стена. Он не замечает на мне траура. Твердая шкура: всё лишь про свою утробу. Музыматика. А тебе мнится, будто слышишь эфемерность. Ну, а допустим, сказать так: Марта, семь помноженное на девять минус икс будет тридцать пять тысяч. Донельзя плоско. Всё, как раз-таки, в звуках.

К примеру, вот он наигрывает. Импровизирует. Может что-то из любимого, пока не подставишь слова. Тянет прислушаться. Вобрать слухом. Сперва как надо: потом слышишь аккорд чуть не туда: малость теряешься. В мешках и без, по бочкам, через проволочную

ограду, бег с препятствиями. Мелодию делает время. Ещё смотря в каком ты настроении. Всё-таки всегда приятно послушать. Кроме гамм, вверх-вниз, девицы разучивают. Две вместе из домов по-соседству. Изобрели бы специальные беззвучные пианино. *Blumenfield* я ей купил. Ради фамилии. Медленно играла, девочка, когда я вечером пришёл домой, девчушка. Ворота конюшен возле Цецилиа-Стрит. У Милли нет тяги к. Малость странно, потому что мы оба.

Лысый глухой Пэт принёс донельзя плоскую подушечку, чернила. Пэт составил за чернилом донельзя плоскую подушечку. Пэт убрал тарелку, блюдо, нож, вилку. Пэт отошёл.

Это единственный язык, м-р Дедалус сказал Бену. Он слыхал их в детстве в Рингабелла, Кросхейвен, Рингабелла, как пели свои баркароллы. Гавань Квинстауна полна итальянских кораблей. Ходили, знаешь, Бен, в тех землепотрясных шляпах. Пели на голоса. Боже, такая музыка, Бен. Слышал в детстве. Крос Рингабелла хейвенский лунный напев, лункаролла.

Едкую трубку вынув, он приставил щиток ладони к губам, испускавшим лунносветлой ночи зов, чистый сблизи, в отдалении зов ответный.

Вниз по краю своего струбченного НЕЗАВИСИМОГО рыскал вдоль строк Цвейтов глаз для отвода глаз, отыскивая, где ж это я видел. Каллан, Колман, Дигнам Патрик. Ох-охо! Охо-охо! Рассет. Ага! Вот же оно…

Надеюсь он не подсматривает, пронюхливый, как крыса. Он придержал свой развёрнутый НЕЗАВИСИМЫЙ. Так не подглянет. Не забыть писать все е на греческий манер. Цвейт обмакнул, Цве бормотнул: рогой сэр. Милый Генри вывел: Милая Мэди. получил твое письм и цве. Куд к чёрт я полож? В какой-то карм или в друго. Соверш невозм. Подчеркнём невозм. Писать сегодня.

Скучища. Прискучивший Цвейт слегка задробнобубнил, дайте-ка, прикидывающими пальцами по подушечке, что принес Пэт.

Дальше. Понятно о чём я. Нет, исправь это е. Прими мой скромн подар в конвер. И не проси её отве. Выдерживай. Пять Диг. Около двух тут. Пенни чайкам. Илия близ. Семь с Дейви Бирну выходит почти восемь. Скажем, полкроны. Мой скромный подар: почтовым переводом два и шесть. Напиши мне предлинное, ты презираешь? Звяк, есть у тебя? Так возбуждающе. Почему ты назвала меня неслухом? Ты тоже проказница? О, Мэри потеряла булавку от своих. Купить другую. Тот свет, написала она. Не испытывай мое терпенье. Продолжать это. Ты должна верить. Верить. Всё. Верно. Так.

Глупая писанина? Мужья не. Это брак их доводит, супруги. Потому что я ушёл. Предположим. Но как? Ей надо. Поддержать моложавость. Если она прознает. Карточка в моём верхнем. Нет, всего не говорить. Лишняя боль. Если они не видят. Женщина. Источник для жандарм.

Наёмный экипаж номер двадцать четыре, возчик Бартон Джеймс, из номера первого по Хармони-Авеню, Доннибрук, в котором сидел светлый, молодой джентельмен, стильно одетый в синеиндиговый костюм из саржи, пошитый Джорджем Робертом Месиасом, портным и закройщиком, и в соломеной шляпе, очень нарядной – покупка от Джона Пласто из номера первого по Большой Брунсвик-Стрит, шляпника. А? Этот звяк что пробряцал и прозвякал, мимо лоснящихся трубок Ажендата—мясной Длугача—прорысила галантнозадая кобыла.

– Отвечаешь на объявление?– проницательные глаза Ричи спросили Цвейта.

– Да,– сказал м-р Цвейт.– Городской коммивояжер. Хотя, вряд ли что выйдет.

Цвейт бормотну: аилучшими пожелания. Но Генри написал: меня так радуют. Теперь ты знаешь. Спешу Генри. Греческое е. Надо б добавить пост скрипт. Что это он теперь наигрывает? Импровизное интермеццо. *P.S.* Тарам там-там. Как ты нак? Ты накажешь меня? Подоткнутая юбка встрёпывается, охлёстывает. Скажи, мне хочется. Знать. И. Конечно, не хотел бы, так не спрашивал бы. Ла ла ла ра.

Вставляет туда эти печаль в миноре. Отчего минор – печаль? Подпишем: Г. Они любят грустные концовки. *P.P.S.* Ла-ла-ла-ри. Мне так сегодня грустно. Ла рам. Так одиноко. Доро.

Он промакнул быстро о подушечку от Пэта. Конвер. Адрес. Перепишем из газеты.

Забормотал: Господам Келлану, Колману и Ко, лимитед. Генри же писал:

Мисс Марте Клифорд
через п.о.
Долфин-Барн Лейн
Дублин.

Промакнуть на том же месте, чтоб он не прочёл. Вот так. Идея для газетного рассказа. Какой-то сыщик читает с промакашки. Платят по гинее за столбец. Мэчем частенько вспоминает хохотунью. Бедная м-с Пурфо. Э. Х.: эх.

Слишком уж поэтично там насчёт грусти. Всё из-за музыки. Звук музыки чарует, сказал Шекспир. Цитаты на любой Божий день. Быть или не быть. Мудрее выждать.

Через розарий Жерарда на Фетер-Лейн шагает он усталосталеглазый. Всё – одна жизнь. Одно тело. Делай! Но делай.

Ну, с этим всё. Ещё наклеить почтовую марку. Почтовое отделение ниже по улице. Пройдусь. Хватит. Я обещал встретиться с ними у Барни Кирнена. Не по мне это. Дом скорби. Пойду. Пэт! Не слышит. Вот жук глухой.

Коляска теперь там возле. Разговор. Разговор. Пэт! Не. Порядочит те салфетки. Немалый путь приходится ему тут пройти за день. Нарисуй ему лицо сзади и получится будто их двое. Хоть бы они там ещё запели. Это меня отвлекает.

Лысый Пэт что озабочен укладкой салфеток. Пэт, тугой на ухо подавальщик. Пэт-подавальщик, что подаёт пока даёшь. Хии хии хии хии. Подавальщик он. Хии хии хии хии. Он подаёт пока даёшь. Пока

даёшь, если даёшь, он подаёт, пока даёшь. Хии хии хии хии. Ох! Погоди, пока годен.

Теперь Даус. Даус Лидия. Бронза и роза.

Она великолепно, просто великолепно провела время. И такую миленькую нашла ракушку.

В конец бара к нему она отнесла легко шипчастый покрученый морской рог, чтобы он, Джордж Лидвел, адвокат, мог услышать.

– Послушай,– попросила она его.

Под разогретые джином речи Тома Кернана, аккомпаниатор выплетал музыку, медленно.

Достовернейший факт. Как Волтер Бэпти утратил свой голос. А случилось, сэр, что муж схватил его за горло. Подлец, сказал он, про любовь ты уже отпелся. А как пел, сэр Том. Боб Коули плёл. От теноров женщины без. Коули отставил. Ах, теперь ему слышно, когда поднёс к своему уху. Услышь! Он слышит! Чудесно. Она приставила к своему и сквозь рассыпчатое светлобледное золото вскользнул тот. Услышать.

Тук. Цвейт через дверь бара видел как приставлялась раковина к их ушам. Он слышал тише, чем слышали они, каждый за себя, потом каждая за другого, слышавшего шум волн, гулкий, безгласый плеск.

Бронза подле утомленного злата, сблизи отдалённо, они слушали.

Её ухо тоже ведь раковинка, вон мочка проглядывает. Отдыхала на море. Девушка на пляже. Кожа загорела докрасна. Чтоб загар был коричневатым надо сперва смазаться кольдкремом. Гренок с маслом. О, и не забыть тот лосьён. У неё прыщик у рта. Нехитрая причёска. Волосы заплетаются: ракушки с водорослями. Зачем они прячут свои уши под водоросли волос? А турчанки свои рты, зачем? Пещерка. Посторонним вход запрещён. Входить только по делу.

А море, которое, как им кажется, они слушают. Напев. Галдеж. Кровь тоже. Случается ещё, вода попадёт в уши. Ладно, допустим это море. Корпускуловы острова.

И вправду чудесно. Так отчётливо. Ещё-ка. Джордж Лидвел подержал его шелестанье, слушая: потом отложил, мягко.

– Так о чём говорят буйные волны?– спросил он её, улыбаясь.

Чарующе, волнующе и не отвечая, Лидия Лидвелу улыбнулась.

Тук.

Мимо заведения Ларри О'Рука, возле Ларри, лысого Ларри О', Бойлан накренился, Бойлан свернул.

От покинутой раковины мисс Мина скользнула к бокалу её ожидающему. Нет, она не так уж была одинока, задорно поведала головка мисс Даус м-ру Лидвелу. Прогулки под луной вдоль моря. Нет, не одна. С кем? Она светски ответила: с другом-джентельменом.

Боба Коули мельтешливые в трелях пальцы заиграли вновь. Домовладелец аббату. Недолго. Длинный Джон. Большой Бен. Легко наигрывал он светлый хрусталезвонный менуэт, для гуляющих дам, задорно улыбчивых, и для их кавалеров, дружков-джентельменов. Один: раз, раз, раз: два, раз, три, четыре.

Море, ветер, листва, гром, хляби, коровы мукающие, рынок скота, петухи, куры не поют, змеи шшшшии. Музыка во всём. Дверь у Ратледжа выскрипывает рии. Нет, это шумы. Менуэт из ДОНА ДЖИОВАННИ играет он теперь. Придворные наряды всевозможных видов в покоях замка танцуют. Нищета. Крестьяне снаружи. Зелёные изголодалые лица, обгладывают листья щавеля. Такая красотища. Гляди: глянь, глянь, глянь, глянь, глянь: погляди на нас.

Радость так и ощущается. Я никогда не писал такого. Почему? Моя радость в другом. Но и то, и то – радость. Да, тут должна быть радость. Сам уже факт музыки показывает, что ты. Часто казалось она чем-то расстроена, пока вдруг не запоёт. Тогда ясно.

Чемодан М'Коя. Моя жена и твоя жена. Писклявая кошка. Словно шёлк раздирают. А как заговорит, будто ремни ляскают. Не тянут они на такой диапазон, как у мужчин. И в голосе у них прогал. Наполни меня. Я тепла, темна, раскрыта. Молли в *quis est homo*: Меркаданте. Я ухом прижался к стене услышать. Требуется женщина по доставке товаров.

Динь звяк придинькал смолк. Дендиво коричневые туфли денди Бойлана в носках с орнаментом небесной сини легко ступили

наземь.

О, глянь – вот мы какие! Камерная музыка. На этом можно б скаламбурить. Эта музыка мне часто приходит на ум, когда она садится на. Всё дело в акустике. Журчание. В порожних посудинах всего шумнее. Из-за акустики, резонанс меняется в соответствии, как вес воды равен закону падения воды. Как те рапсодии Листа, венгра цыганоглазого. Жемчуг. Капли. Дождь. Тинь тилинь тень тень тань тань.

Сиссс. Сейчас. Наверно, сейчас. В эту минуту.

Некто постучался в дверь, протарабанил стуком, и тем отбросил он Поля де Кока, стуком громким, стуком гордым, как карракарракарра петушок.

Коккок.

Тук.

– *Qui slegno*, Бен?– сказал отец Коули.

– Нет, Бен,– взмолился Том Кернан,–сТРИЖЕНОГО ПАРНЯ. Нашу родную, дорийскую!

– Ага, сделай, Бен,– сказал м-р Дедалус.– Для добрых и честных людей.

– Сделай, сделай,– заумоляли они как один.

Пойду. Вот Пэт обратно. Иди. Идёт не задержался. Ко мне. Сколько?

– Какая тональность? Шесть чистых?

– Чистый фа-мажор,– сказал Бен Доллард.

Растопыренные кисти Боба Коули вкогтились в чёрные гулкозвучные аккорды.

Пора идти, князь Цвейт сказал князю Ричи. Нет, сказал Ричи. Да, пора. Где-то перепало. У него загульный вечер. Сколько? Зритслышит губоречь. Один и девять.

Пенни тебе. Вот. Дал ему двупенсовик на чай. Глухой, замотанный. Но может у него жена, семья, ждут, поджидают, когда Пэтик придёт домой. Хи хии хии хии. Глухой погодит, пока они годят.

Но погоди. Но послушай. Тёмные аккорды. Скоророрбные. Низкие в порожнинах тёмных недр земли. Покоящаяся руда. Недромузыка.

Голос тёмного века, нелюбовной, землистой истомы печально вступил, изболело раздался вдали с дремучих гор, зовя добрых и честных людей. Священика ищет он перемолвиться словом.

Тук.

Бен Доллардов голос бочковый барельтон. В своей средне-лучшей форме. Крокотанье бескрайнего болота, где ни луны, ни шевеленья, ни души. Пошёл ещё ниже. Когда-то вёл торговое дело. Помню: смолёные канаты и корабельные фонари. Прогорел на десять тысяч фунтов. Теперь в домике Айвига. Кабинка номер такой-то. Бас из номера первого устроил ему.

Священик дома. Подставной священик. Слуга просит войти. Вошёл, Святой отец.

Крутовзвивы аккордов.

Разори их. Разбей им жизнь. Потом настрой конурки, чтоб было где кончать дни. Болванам. Баю-бай. Подохни, псина. Собачка, сдохни.

Голос предупреждения, извышнего предупреждения поведал им, что юноша вошёл в пустынный зал, поведал, как торжественно отдавался там звук его шагов, поведал им о мрачном покое, о священике сидящем облачённым в исповедальне.

Прямая душа. Теперь малость замызганная. Надеется победить в поэтических рисованых шарадах. Ответьте. И мы вручим вам хрустящую банкноту в пять фунтов. Птица высиживающая яйца в гнезде. Они решили что это выводок последнего барда. Эс пробел Тэ, какое домашнее животное? Тэ тире эр, самый храбрый моряк. Голос у него ещё хорош. Пока ещё отнюдь не евнух, со всеми его причандалами.

Слушают. Цвейт слушал. Ричи Гулдинг слушал. И возле двери глухой Пэт, лысый Пэт, начайприимный Пэт слушал.

Аккорды зарокотали медленней.

Голос раскаяния и скорби вступил медленно, тремольно орнаментально.

Покаянная борода Бена призналась: *in nomine Domini*, во имя Господне. Он стал на колени, он ударил себя в грудь, каясь: *mea culpa*.

Опять латынь. Она их держит как птицеловный клей. Священик с плотью причастия для тех женщин. Малый при кладбище, Гроуб или Троуп, *corpus nomine*. Где-то теперь та крыса. Проскребается.

Тук.

Они слушали: бокалы и мисс Кеннеди, выразительное веко Джорджа Лидвела, грудастый атлас, Кернан, Сай.

Вздыхающий голос печали пел. Его грехи. С пасхи он трижды выругался. Сучий выбля. А однажды пошёл не к мессе, а пожрать. Один раз проходил мимо кладбища, а за упокой матушки не помолился. Парень. Стриженый парень.

Бронза слушая у пивокрана, засмотрелась далеко-далеко. Задушевно. И не догадывается что я. Молли враз подмечает если кто-то глянет.

Бронза засмотрелась вдаль, в сторону. Там у них зеркало. Это самый красивый разворот её лица? Уж они-то всегда знают. Стук в дверь. Последний марафетящий штришок.

Коккарракарра.

Что они думают слушая музыку? Как ловить гремучих змей. Вечер, когда Майкл Ганн устроил нам ложу. Какафония настройки, персидскому шаху больше всего пришлась по душе. Напомнила о милом доме родном. Даже высморкался, от умиленья, в занавесь. Может такой в их стране обычай.Тоже ведь музыка. Не так страшна как звучит. Дуденье. Медные ревут ослами, вскинув раструбы. Контрабасы, беспомощные, с пропоротыми боками. Гобой рифмуется с рябой. Рояль щерит крокодиловы музычные челюсти. Флейты как имя Клейтона.

Она замечательно выглядела. В том её крокусовом платье с низким вырезом, наличности напоказ. Её ложбинка притягивала весь

театр, как наклонялась что-нибудь спросить. Рассказывал ей что говорит Спиноза в той книге бедного папы. Заворожённо слушала. Глаза вот такие. Наклонилась. Хлюст из ложи напротив зырил к ней, чуть не протыкал свой бинокль глазами. Красу музыки нужно слушать дважды. Природа женщины полвзгляда. Бог сотворил землю, человек напев. Мне-там-псы-коз. Философия. О пропасть!

Все умерли. Погибли. При осаде Россы его отец, у Горея все братья его пали. К Вексфорду, мы парни из Вексфорда, подастся он. Последний в своём роду и фамилии. Я тоже последний в моём роду. Милли молодому студенту. Что ж, наверно, моя вина. Нет сыновей. Руди. Теперь слишком поздно. А если нет? Если нет? Если ещё? В нём ненависти нет.

Ненависть. Любовь. Всё лишь слова. Руди. Скоро я состарюсь.

Большой Бен свой голос распростёр. Великолепный голос, Ричи Гулдинг сказал, с румянцем проступающим в его бледности, Цвейту, вскоре состарящемуся, но пока молодому.

Ну, пошла Ирландщина. Моя страна превыше короля. Она слушает. Теперь-то кто боиться говорить о девятьсот четвёртом? Пора уматывать. Сыт по горло.

– Благославите меня, отче,– Доллард, стриженый парень, вскричал.– Благословите и отпустите с миром.

Тук.

Цвейт огляделся, уйти без благословенья. Восстали убивать: за восемнадцать монет в неделю. Готовы на всё за деньжата. Не зевай, будь начеку. Эти девушки на, нету их милей и краше.

У волн печально моря. Влюбленные хористки. За нарушения обещания зачитываются письма. От крошечки-хорошечкиного пупсика. Смех в зале суда. Генри. Я никогда не подписывался. У тебя такое красивое имя.

Поникли музыка, напев и слова. Потом заторопились. Подставной священик сбрасывает сутану с военного мундира. Капитан пехоты. Они всё это знают наизусть. Им аж зудит испытать этот мороз по коже. Пехотный кэп.

Тук. Тук.

С замиранием слушала она, клонясь сочувственно услышать.

Пустое лицо. Наверно, девственница: или только пальчиком. Прям, хоть бери и пиши что-нибудь: страница. А если нет, что с ними становится? Упадок, отчаяние. Поддерживает их молодыми. Даже восхищаются собой. Гляди. Сыграй на ней. Дуновение губ. Тело белой женщины. Живая флейта. Дунь слегка. Громче! Три дырки у всех женщин. У богинь я не высмотрел. Им так и хочется: чтоб не слишком церемонились. Этим он их и берёт. Золото в кармане, рожа бляхой. Взгляд чтоб зырить: песни без слов. Молли и тот паренёк-шарманщик. Она догадалась о чём он толкует: что обезьянка больна. Или может оттого, что сходны с испанским. Вот также и животных понимают. Соломон умел. Природный дар.

Чревовещание. Губы стиснуты. Думаю желудком. Что?

А? Ты? Я. Хочу. Тебя. Ты...

С хриплой грубой яростью пехотинец выругался. Апоплексичный вздрыг сучий выблядок. Хорошо же ты, малый, надумал прийти. Всего час осталось тебе жить, твой последний.

Тук. Тук.

Теперь мурашки по коже. Они чувствуют сострадание. Смахнуть слезу за мучеников. За всех и вся кто умирает, хотят, за умирающих, умереть. Для этого все и родятся. Бедная м-с Пурфо. Надеюсь она уже. Потому что их чрева. Влага брюшка глазного яблока женщины глазела из-под частокола ресниц, упокоённо, слушая. Глянь, что за прелесть этот глаз, пока она не говорит. На той-той речке. На каждый медленный атласный вздох волны грудей (её вздыхающая пышность), красная роза всплывала неспешно. Опускалась красная роза.

Сердцебиения её дыханье: дыхание, которое и есть жизнь. И все крохотные-прекрохотные папортниковые опахальца волос девы.

Но глянь. Звезды яркие тускнеют. О роза! Рима. Светает. Ха! Лидвел. Так значит от него, а не от. Вскружилась. А мне такое

нравится? Впрочем, пялюсь же на неё отсюда. Выбухнутые пробки, росплески пивной пены, груды порожних.

На плавно торчащий пивной кран положила Лидия руку, легко, мягенько, пусть побудет у меня в руках. Обо всём забыв от жалости к стриженому. Сюда, туда: туда-сюда: по полированной узловатости (она знает, его глаза, мои глаза, её глаза) её большой и указательный пальцы жалостливо прошлись: прошли, отошли и, мягко касаясь, скользнули потом так плавно, медленно вниз, прохладный, твёрдый, эмалевый патрубок вытарчивал из их проскальзывающего охвата.

С петушком карра.

Тук. Тук. Тук.

Я тут останусь. Аминь. От ярости он заскрипел зубами. Коварные враги отшатнулись.

Аккорды подходят. Очень грустная вещь. Но такой и должна быть. Смотаться пока не кончилась. Проходить мимо неё. Можно оставить этот НЕЗАВИСИМЫЙ. Письмо у меня. А если она, предположим. Нет. Иди, иди, иди. Как Кэшл Бойло Конноро Койло Тисдал Морис Тисдем, идиииииии.

Дапрдти. Цввстл. В рост с рожью синева. Цвейт встал. Уй. Мыло так и влипло сзади. Наверное вспотел: музыка. Не забыть тот лосьён. Ладно, пока. Высшего кла. Карточка заткнута, да.

Мимо глухого Пэта, в дверях напрягающего слух, Цвейт прошёл.

У казармы Женив умер тот юноша. У Пассажа положили тело его. Горе! О, горемычный. Голос горюющего певца призвал к горестной молитве.

Мимо розы, мимо атласной груди, мимо ласкательной ручки, мимо росплесков, мимо порожних, мимо выбухнутых пробок, приветствуя на ходу, минуя глаза и волосы дев, бронзу и золото слегка в мореглубиннотени, прошёл Цвейт, мягкий Цвейт, мне так одинокий Цвейт.

Тук. Тук. Тук.

Молитесь за него, умолял бас Долларда. Вы кто слушает в покое. Шепните молитву, сроните слезу, добрые люди, добрый народ. Он

был стриженый парень.

Спугивая подслушивающего коридорного, стриженый обашмаченый Цвейт в вестибюле Ормонда услышал взрёвы и взрыки браво, смачные спиношлёпы, их всех башмаков топотанье, башмаков, что не парня того башмаки. Гам общего хора, обмыть как следует.

Хорошо что я улизнул.

– Ну, ты силён, Бен,– сказал Саймон Дедалус.– Ей-Богу, как всегда в отличной форме.

– Даже лучше,– сказал Томджин Кернан,– прочувственнейшее исполнение этой баллады, клянусь душой и честью.

– Лаблаш,– сказал отец Коули.

Бен Доллард грузно прокачучил к бару, мощно похвалоокормленный и весь разалелый, на тяжкоступных ногах, его подагренные пальцы выкаблучивали кастаньетами в воздухе. Большой Бенабен Доллард, Бык Бенбен, Бык Бенбен. Трр.

И нутротронутые все, Саймон выдувая дружелюбство на сигнальном рожке своего носа, все со смехом, они грянули заздравным в его честь ура.

– Вы заалелись с виду,– сказал Джордж Лидвел.

Мисс Даус опорядила свою розу, погодить.

– Бен, душка,– сказал м-р Дедалус, шлёпая по Беновой жирной спино-плечевой лопатке.– Он как огурчик, вот только многовато развёл жировых отложений в тканях.

Трррррссс.

– Жир смерти, Саймон,– прорыкал Бен Доллард.

Ричи трещина в лютне одиноко сидел: Гулдинг, Коллис, Вард. Неопределённо он годил. Неоплаченный Пэт тоже.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Мисс Мина Кеннеди поднесла близко свои губы к уху бокала первого.

– М-р Доллард,– пробормотали они тихонько.

– Доллард,– бормотнул бокал.

Бок первый полагал: мисс Кенн когда она: что долл он был: она дол, бок.

Он бормотнул, что знает это имя. Имя ему знамо, так сказать. Вобщем сказать, он слышал имя Доллард, так кажется? Да, Доллард.

Да, сказали её губы громче, м-р Доллард. Он премило исполнил эту песню, бормотала Мина. И ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА ЛЕТА премилая песня. Мина обожает эту песню. Бокал обожал песню которую Мина.

Этой последней розой лета Доллард довёл Цвейта ощутить ветра круговерть внутри.

Шипучая штука этот сидр: крепит к тому же. Постой. Почта возле Ребена Дж. один и восемь пенсов. Отделаться уж. Обогнём вокруг через Грик-Стрит. И зачем было мне обещаться придти. Попустило. Музыка. Воздействует на нервы. Пивной кран. Рука той что колыбель качает правит.

Бен терн. Правит миром.

Далеко. Ко. Ко. Ко.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Вверх вдоль пристаней шёлЛионеллопольд, проказник Генри с письмецом для Мэди, с усладами греха, где кружевца для Рауля, с мне-там-псы-коз, шёл и шёл Полди.

Тук, слепой шёл, постукивая за туком бордюрный камень, простукивая, тук за туком.

Коули он дурманит себя этим; своего рода опьянение. Лучше дать себе волю только наполовину, как если тискаешь девственницу. К примеру, фанаты. Одни сплошные уши. Не упустить и полудольки трельки. Глаза закрыты. Голова кивает в такт. Притактнутые. Не смей и затронуть. Думать строго воспрещается. Всего и разговоров. Лялякают про ноты только.

И всё пытается заговорить. Неприятно, когда обрыв, потому что никогда не знаешь наверн, Орган на Гардинер-Стрит. Старый Глинн, шестьдесят фунтов в год. Унасестился там, на петушином вершке, с педалями да клавишами. Целый день за органом. Часами плетёт-выплетает, разговаривает сам с собой, или с тем малым, что

накачивает меха. Забурчало, уркнуло, а потом, совсем нежданно, слегка ве вейнул. Вииию! Ве вейнул лёгкий пук ввиии. Цвейта маленький ве..

– Он?– сказал м-р Дедалус оборачиваясь с вынутой трубкой.– Я с ним сегодня утром беднягу Пэдди Дигнама...

– Да, помилуй его Господи.

– Прочим между, там вон камертон на...

Тук. Тук. Тук. Тук.

– У его жены отличный голос. Или был. А?– спросил Лидвел.

– О, это наверно настройщик,– Лидия сказала Саймонлионелу впервые я узрел,– забыл тут, когда был.

Он слепой, поведала она Джорджу Лидвелу, вновь я увидал. И так изысканно играл, наслажденье слушать. Изысканный контраст: Бронзалид миназлато.

– Ори,– проорал Бен Доллард наливая. Пропой!

– 'лдо!– выкричал отец Коули.

Вфррррр.

Чувствую мне подпирает...

Тук. Тук. Тук. Тук.

– Очень,– сказал м-р Дедалус, глядя на обезглавленную сардину.

Под колпаком для сэндвичей лежала на носилках хлеба одна последняя, одна-одинёшенька, последняя сардина лета. Одинокий Цвейт. Очень, всматривался он. В нижнем регистре преимущественно.

Тук.Тук.Тук.Тук.Тук.Тук.Тук.Тук.

Вот бы да.

Цвейт шёл мимо конторы Берри. Погоди. Была бы волшебная палочка. Две дюжины юристов в одном только этом здании. Тяжба. Любят друг друга. Груды пергамента. Г. г. Карман и Ник, патентованные адвокаты. Гулдинг, Коллис, Вард.

Но например молодчик, что лупит в большой барабан. Его призвание: оркестр Мика Руни. Интересно, как его осенило. Сидел дома, после свиной ножки с капустой, утрясая всё это в кресле.

Репетировал свою оркестровую партию. Бом. Бомпадур. Балдей жёнушка. Ослиная шкура. Хлещут их всю жизнь, ещё и после смерти лупят. Бом. Блуп. Вобщем, что называется яшмак, то есть кисмет. Судьба.

Тук. Тук. Юноша, слепой, с постукивающей тросточкой, прошёл, туктукая, вдоль витрины Дейла, где русалка с расплескавшимися волосами (но он не видел), выпыхивала клубы русалочьего (слепой не), русалочий, наимягчайший в затяжке.

Инструменты. Стебелёк травы, зажатый в раковине из её ладоней, и подуть. Даже из расчёски и обёрточной бумаги можно выдуть мелодию. Молли в её пеньюаре на Западной Ломбард-Стрит, волосы распущены. Наверное всякое ремесло изобретает свои, усекаешь? Охотник на роге. Хха. У тебя вскочил, что ли? *Cloche. Sonnez la*. Пастух на дудочке на своей. Полисмен на свистке. Запоры и ключи! Трах! Четыре часа всё спокойно! Спите! Уже случилось. Барабан. Бомпадур. Постой, знаю. Городской глашатай. Длинный Джон. И мёртвых пробудит. Бом. Дигнам. Бедняга *nomine domine*. Бом. Вот и музыка, то есть все эти бом бом бом очень смахивают на то, что зовется *da capo*.

Мне и впрямь надо. Вот если б я так дерганул на банкете. Просто вопрос привычек персидского шаха. Шепни молитву: смахни слезу. Всё равно, он, должно быть, малость был простак – не разглядеть пехотного кэпа. Закутался. Интересно, что то был за малый у могилы в коричневом макине. О, шлюха этого закоулка.

Замызганная шлюха в чёрной соломеной матросской шляпе набекрень шла, размалёвана, при свете дня вдоль пристаней навстречу м-ру Цвейту. Когда впервые он узрел прелестное созданье. Да как раз. Мне так одиноко. Сырая ночь в переулке. У кого тут рог-то? Хихо. Навидалась. Тут не её околоток. Чего это она? Надеюсь не. Пст! Просто стиранное белье. Знала про Молли. Прищучила меня. Полная дама была с тобой в коричневом костюме. Не рыпайся. Мы ещё условились встретиться. Зная, что никогда или почти никогда. Слишком дорого и близко от дома родного дома.

Видит меня, нет? Днём так просто пугало. Лицо обвисло. Ну, её к чёрту! О, брось, ей тоже надо жить, как и всем прочим. Посмотрим тут.

В витрине антикварной лавки Лионела Марка спесивый Генри Лионел Леопольд милый Генри Цветсон: на деле м-р Леопольд Цвейт высмотрел ручной мелодион с засиженными потёками в мехах. Цена: шесть круглых. Можно выучиться играть. Дёшево. Пусть она пройдёт. Потому что всё дорого, если не хочешь. Вот это и значит настоящий торговец. Заставить тебя покупать то, что он хочет продать. Малый, что продал мне шведскую бритву, которой даже выбрил меня. Хотел содрать даже за то, что направил её. Вот она проходит. Шесть круглых.

Должно быть сидр, а может ещё то бургундское.

Возле бронзы сблизи, возле злата издалека, они чокнулись звенящими стаканами все, ясноглазые и отважные, перед бронзовой Лидии последней прельщающей розой лета, розой Рима. Первый Лид, Де, Коу, Кер, Долл, пятый: Лидвел, Сай Дедалус, Боб Коули, Кернан и Большой Бен Доллард.

Тук. Юноша вошёл в пустынный зал Ормонда.

Цвейт взирал на отважного картинного героя в витрине Лионела Марка. Прощальные слова Роберта Эммета. Последние семь слов. Это у Мейербира.

– Настоящие мужчины, как вы.

– Точно, Бен, точно.

– Подымут стаканы, как один.

Они подняли.

Чок. Чак.

Так. Незрячий юноша стоял в дверях. Не видел бронзу. Не видел злата. Ни Бена, ни Боба, ни Сая, ни Джорджа, ни бокалов, ни Ричи, ни Пэта хии хии хии хии. Он не видал.

Морцвет жирцвет рассматривал последние слова. Потихому. Когда моя страна займёт своё место среди.

Прррпрр.

Должно быть бургу.

Ффф. Оо. Ррпр.

Наций земли. Сзади никого. Она прошла. Тогда, но не ранее. Трамвай. Клям, клям, клям. Удобный слу. Подходит. Клямблклямблклям. Это точно от бургундского. Да.

Один, два. Пусть напишут мою. Тараааааaa.

Эпитафию. Я это

пппррпффррппффф.

Свершил.

* * *

Я как раз валандал время дня со старым Троем Д.И.П., ну, там, на углу Арбор-Хилл, и тут, ни черта себе, подваливает этот долбаный чистила и чуть не вогнал мне свой держак прямо в глаз. Я разворачиваюсь, чтоб спустить язык с привязи и покрыть его на три колена, и—опаньки! кого я вижу!—дрыгает по Стони-Бетер, кто ж ещё, если не Джо Гайнс.

– Гля, да это никак Джо,– грю.– Как поддуваешь? Видал, как этот долбаный трубочист малость не вышиб мне глаз своей метлой?

– Сажа к удаче,– грит Джо.– Кто тот старый мудозвон, что ты с ним калякал?

– Старина Трой,– грю,– он воевал. Я тут прикидываю, может подать на того малого за нарушение движения своими мётлами и лесенками.

– А что поделываешь в этих краях?– грит Джо.

– Делов до чёрта,– грю.– Есть тута долбаный лисяра-ворюга, за гарнизонной церковью, на углу Цыпцып-Лейн, старый Трой как раз давал мне про него наводку, тот ловчила потянул Бог знает сколько чаю и сахару и теперь должон платить по три круглых в неделю туда, где пасся, в графство Соскочи-от-Мальчика-с-Пальчика, на Хатсберн-Стрит, Моисею, который Херцог.

– Обрезанец!– грит Джо.

– Ага,– грю.– Малость, с конца. А этот лисяра, старый водопроводчик по имени Герати. Уже недели две, как я въелся ему в шкуру, но не смог ещё и полпенни выдрать.

– Так ты, сталбыть, нынче на этой ниве трудяжишь?– грит Джо.

– Этта,– грю.– Как пали великие! Сборщик поганых и невыясненных долгов. Но это самый жуткий долбаный ворюга из всех, каких встретишь за день пути в любую сторону, рожа в отакенных оспинах, при дожде там в них воды сберётся ведра на полтора, не меньше. *Ты,* грит, *ему передай, имел я его ввиду*, грит, *и*

дважды поимею, как подошлёт тебя снова, а если снова подошлёт, грит, *я его на суд притаскаю, ей-бо, за торговлю без лицензии*. А сам накачанный, ну, вот-вот лопнет. Исусе, я чуть не сдох от смеха, как тот еврейчик зачал рубаху на себе терзать. *Вэй! Он мне мой чай пьёт. Он мне мой сахар кушает. Потому что не платит мне мои деньги?*

За непортящиеся товары приобретенные Моисеем Херцогом, проезд Сент-Кевина, 13, район Лесной пристани, далее именуемого тут как "продавец", и проданные и доставленные Майклу Е. Герати, эсквайру, по Арбор-Хилл, 29, в городе Дублине, район Аранской пристани, джентельмену далее именуемому тут как "покупатель", а именно пять фунтов коммерческого веса отборного чая, по три шиллинга за фунт коммерческого веса, и три стоуна коммерческого веса сахара, толчёного кристаллического, по три пенса за фунт коммерческого веса, указанный покупатель должен означенному продавцу один фунт и пять шиллингов и три пенса стерлингов за приобретённую ценность и установленная сумма должна быть выплачена означенным покупателем означенному продавцу еженедельными взносами, каждые семь календарных дней, по три шиллинга и ноль пенсов стерлинга; и перечисленные непортящиеся товары не могут быть оставлены в залог, в обеспечение, проданы, либо каким-то иным способом отчуждены означенным покупателем, но должны быть и оставаться и считаться нераздельной исключительной собственностью означенного продавца, в распоряжении его доброй воли и собственного благоусмотрения, покуда означенная сумма не будет, сообразно, выплачена означенным покупателем означенному продавцу способом здесь означенным, как сего дня оговорено между означенным продавцом, его наследниками, душеприказчиками, поверенными и воспреемниками с одной стороны и означенным покупателем, его наследниками, душеприказчиками, поверенными и воспреемниками с другой стороны.

– Ты полный ни-ни?– грит Джо.

– И в рот,– грю,– не беру, покуда выпивон не подвернётся.

– Как насчёт засвидетельствовать почтение нашему другу?– грит Джо.

– Кому?– грю.– У него крыша съехала и теперь беднягу штопают у Джона Божьего.

– Залёт на почве продукта собственного изготовления?– грит Джо.

– Ага,– грю.– Настой виски на мозгах.

– Занырнём-ка к Барни Кирнану,– грит Джо.– Потолкую с Патриотом.

– К Барни, так к Барни,– грю.– Какая-то срочность, Джо?

– Ни хрена подобного,– грит Джо.– Я высидел собрание в АРСЕНАЛЕ.

– Об чём калякали, Джо?– грю.

– Сходка у торговцев скотом,– грит Джо,– на тему ящура. Так и тянет перемолвиться крепким слово с Патриотом на этот счёт.

Вот мы и двинули вокруг лайненхоллских казарм, за здание суда, беседуя о том, о сём. Порядочный малый этот Джо, когда при наличных, но такого за ним не водится. Исусе, я всё ещё не мог отойти после того долбаного лисяры Герати, ворюги при свете дня. *За торговлю без лицензии*, грит!

В Инисфайле пречистом раскинулась эта страна – страна святого Михана. И воздвигнута там дозорная башня высматривать люд странствующий. Там упокоились богатыри непробудно, как спали они и при жизни, воины и князья высокознатные. Приятна та сторона в супокое журчащих вод, рыбообильных потоков, где резвятся морские собачки, желтопёрые камбалы, карпы зеркальные, судаки, широколобики, молодые лососи, пестряки, калканы, лещи и уйма всякого иного разнорыбья и прочих подданных водного царства в несметном и неисчислимом множестве. В легковейных ветерках с запада и востока высокоствольные древеса колышут в разных направлениях первоклассной своей листвою, пышный платан, ливанский кедр, возвышенный клён, чистопородный эвкалипт, и прочие украшения растительного мира, которыми край

этот снабжён весьма преобильно. Красны девицы сидят в непосредственной близости к корням прекрасных деревьев, распевая распрекрасные песни и забавляясь прекрасными предметами всяческих видов как то: золотыми слитками, серебряными рыбками, бочонками сельди, куконами угрей, бычков, садками форели, лиловыми аметистами и игривыми насекомыми. И герои издалече держат путь к ним поженихаться: от Эльбаны до Сливмаржи, бесподобные князья раздольного Мунстера и Коннахта праведного, и ровногладкого Лейнстера, и из Крочантовой земли, и из Армаги превосходной, и из благородной области Бойл, князья – сыны королей. И возносится там сияющий чертог, кристальная сияющая крыша которого видна мореходам, что пересекают обширное море в барках, для того и построенных, и сбираются сюда все стада и откормленный молодняк, и первые плоды земли этой, ибо О'Коннел Фицсаймон взимает тут дань, вождь и потомок вождей. Сюда преогромнейшие телеги свозят щедрые дары полей и нив, корзины капусты, повозки шпината, ананасов вязки, Рангунские бобы, россыпи помидоров, кадушки смокв, мешки шведской свеклы, сферовидный картофель, и тьму цветнорадужной кольраби, Йоркской и Савойской, лотки луковиц, жемчужин земли, и короба грибов, и банановые мякоти, и жирный арахис, и ячмень, и репу, и красные зелёные жёлтые бурые палевые сладкие большие терпкие зрелые апельсинированные яблоки, и лукошки земляники, и решёта крыжовника, тучного и соковитого, и клубнику достойную князей, и малину в кузовках их.

– Ввиду я его имел,– грит,– и вдвойне поимею. Покажись-ка, Герати, распродолбаный ворюга равнин и взгорий!

И дорогой этой бредут стада несметные оскопленых баранов и рдеющих ярок, и стриженых овец, и ягнят, и вскормленных в стерне гусей, и волов трёхлеток, и ржущих кобыл, и обезроженных бычков, и длиннорунных овец для стрижки, а также и на откорм, и призовых спаниелей Каффа, и яловок, и свиноматок, и кабанов на сало, и всякие другие разновидности высокознатного свиного рода, и юных

коров, и племенных быков наинезапятнаннейших родословных, вместе с первейшими премированными дойными коровами и беспородным скотом; и непрестанно раздается там топот, квохтанье, ржанье, мычанье, блеянье, муканье, хрюканье, урчанье, чавканье, чмоканье, овец и свиней и крупного рогатого скота с пастбищ Лаша и Раша, и Каррикмайнса, а также из ручьистых долин Томонда, с Джилликадисских гряд неприступных, и высокородного Шеннона бескрайнего, и из складок местности клана Киар, их дойки топорщатся от переизбытка молока, вблизи бочек масла, и чанов сыра, и жбанов сливок, и кадушек ягнятины, и сусеков зерна, и овальных яиц, во множестве сотен, различных размеров, агатово крапчатых.

Вобщем, завертаем мы к Барни Кирнану, а тама, ясно дело, Патриот торчит себе в уголочке и лясы точит сам с собой и с той долбаной шелудивой дворнягой по кличке Герриовен, и дожидает чем капнет с неба, в смысле выпивки.

– Тута он,– грю,– в своей прославленной берлоге, при мантии и с ворохом бумаг, в трудах на пользу дела.

Тут долбаная помесь как рыкнет из угла – мороз по коже. Это было б актом полного человеколюбия, если б хоть кто-нибудь прикончил того долбаного пса. Мне рассказывали живой факт, как он отхапнул шмат штанины у констебля, что заявился к Сэнтри с повесткой насчёт лицензии.

– Стой и доложись,– грит он.

– Спокойно, Патриот,– грит Джо.– Тут свои.

– Проходи, коль свои,– грит.

Тута он потёр руку об свой глаз и грит:

– Какое у вас мнение про нынешние времена?

Простукивает, стало быть. Но, е-бо, Джо не подкачал.

– Похоже, рынки на подъёме,– грит и тянется поскрести свою разсоху.

Тута Патриот – хлясь! – своей клешней об коленку, и грит:

– Это по причине иностранных войн.

А Джо на это запхал большой палец себе в карман и грит:

– Все оттого, что русским охота тиранизировать.

– Уфф, да оставь ты в покое своё долбаное мудьё, Джо,– грю,– у меня такая жажда, что не продал бы её и за полкроны.

– Скажи название, Патриот,– грит Джо.

– Вино родной страны,– грит.

– А тебе?– грит Джо.

– По слову МакАнаспи,– грю.

– Три пинты, Терри,– грит Джо.– А как сердчишко, Патриот?

– Как нельзя лучше, *a chara*,– грит.– Правда Герри? Ведь мы победим? А?

И тута – хвать! – долбаного старого пса за холку и, клянусь Исусом, чуть не удавил.

Фигура восседающая на громадном валуне у подножия круглой башни представляла собой широкоплечего вольногрудого мощноконечностного правдивоглазого рыжеволосого густовеснушчатого мохнатобородого широкоротого большеносого длинноголового зычноголосого голоколенного загорелорукого волосатоногого обветреннолицего жилисточленного героя. От плеча до плеча он был размером в несколько саженей и его скалоподобные горнокряжестые колени покрывала, как и прочие обозримые места его тела, густая поросль каштановых щетинистых волос, окраской и упругостью схожая с горным вереском (*Ulex Europens*). Ширококрылые ноздри, откуда вытарчивали космы такого же каштанового отлива, имели столь изрядную вместимость, что в их пещерной мглистости свободно мог бы свить гнездо полевой жаворонок. Глаза, в которых слеза и улыбка пребывали в непрестанной борьбе за единовластие, размером не уступали доброму вилку капусты. Мощный поток теплого дыхания исходил с регулярными интервалами из глубоченной расселины его рта, тогда как ритмичный резонанс от гулких сильных наполненых сокращений его громадного сердца громоподобным рокотом вынуждал

вибрировать и вздрагивать землю, верхушку высоченной башни и ещё более высокие стены пещеры.

На нём было длинное одеяние без рукавов из недавно ободранной телячьей кожи, ниспадавшее широким балахоном до его колен и препоясанное вервием сплетённым из соломы и осоки. Под безрукавкой виднелись штаны из оленьих шкур, наскоро сметанных кишками. Нижние же его конечности заключены были в высокие Балбриганские краги окрашенные лишайниковым пурпуром, а на ступнях грязеходы из просоленной коровьей шкуры и зашнурованные трахеей той же скотины. Пояс его был увешан связками морских каменьев, что взбрякивали при малейшем движении его могучего телосложения, и на которых с грубым, но поразительно живым искусством были выколупаны родовые образы многих ирландских героев и героинь древности – Кучулин, Коннан ста битв, Нейл Девяти заложников, Арт Мак Муррей, Шейн О'Нейл, отец Джон Мерфи, Оуэн Рой, Патрик Сарсфмилд, Красный Хью О'Доннел, Красный Джим Мак Дермот, Зоггарт Эган О'Гровна, Майкл Двийр, Френси Хиггинс, Генри Джой М'Кракен, Голиаф, Гораций Витли, Томас Конев, Пег Вофингтон, Сельский Кузнец, Капитан Лунносвет, Капитан Бойкот, Данте Алигьери, Кристофор Колумб, С. Фурса, С. Бредан, маршал МакМаон, Карл Великий, Теобальд Волф Тоун, Мать из Мокаби, Последний из Могикан, Роза Рима, Человек для Галвея, Человек Сорвавший Банк в Монте Карло, Мужчина в Трещине, Женщина Которая не, Бенджамин Франклин, Наполеон Бонапарт, Джон Л. Саливан, Клеопатра, Саворнин Дилиш, Юлий Цезарь, Парацельс, сэр Томас Липтон, Вильгельм Телль, Микеланджело, Гай, Мухамед, Ламермурская Невеста, Пётр Отшельник, Пётр Упаковщик, Тёмная Розалина, Патрик В. Шекспир, Брайан Конфуций, Мертаг Гутенберг, Патрицио Веласкес, Капитан Немо, Тристан и Изольда, Первый Принц Уэльский, Томас Кук и сын, Бравый Солдатик, Аррах на Пог, Дик Терапин, Людвиг Бетховен, Колин Бовн, Вадлер Хили, Ангус Келейник, Долли Монт, Сидни Парад, Бен Ховт, Валентин Грейтрейкс, Адам и Ева, Артур Велесли,

Босс Крокер, Геродот, Джек Убийца Великанов, Гаутама Будда, Леди Година, Киларнийская Лилия, Белор Дурной Глаз, Царица Савская, Эки Негл, Джо Негл, Алессандро Вольта, Иеремия О'Донован Росса, Дон Филип О'Салливан Бир.

Чуть в сторонке покоилось копьё из обточенного базальта, а у ног его возлежал лютый зверь собачьего племени, чьи прерывистые вздохи извещали, что он погружён в тяжкую дремоту, предположение это подтверждал хриплый скулёж вперемешку с конвульсивным дрыганьем, на что хозяин его время от времени реагировал успокаивающими ударами крепкой палицы грубо вытесанной из палеолитного камня.

Тута, вобщем, Терри приносит три пинты, которые ставил Джо и у меня, е-бо, чуть глаз не выпал, увидемши какую он подаёт монету. Я те, как на духу, чисту правду. Симпатяшный такой соверен.

– Там, откудова этот, ещё естя,– грит.

– Ты взломал ящик для пожертвований, Джо?– грю.

– Пот чела моего,– грит Джо.– Один мастак дал мне наводку.

– Я его видел, перед тем как тебя встретить,– грю,– он выруливал по Пил-Лейн и Грик-Стрит, и своим мудильным оком делал ревизию всем рыбьим потрохам.

Кто проходит землею Михан облачённый в одежды из соболей? О'Цвейт сын Рори: он это. Неведом страх сыну Рори: веща душа его.

– Для старухи с Принс-Стрит,– грит Патриот,–субсидированный орган. Вы ж гляньте на эту трёпаную утирку,– грит.– Сюда глядите,– грит,– ИРЛАНДСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ, будьте любезны, основана Парнелом в защиту рабочего люда. Вы только послушайте какие тут рожденья и кончины, в этой ВСЕ ИРЛАНДЦЫ ЗА НЕЗАВИСИМУЮ ИРЛАНДИЮ. И будет вам моё спасибочки, а также и про бракосочетания.

И он завёлся читать вслух.

– Гордон, Барнфилд Крешенд, Экзетер. Редмен в Иффли, Святой Анны на море, жена Вильяма Т. Рейдмена, сына. Каково, а? Райт и Флинт, Винсент и Жиллет на Руфь Марион, дочери Розы и покойного

Джорджа Альфреда Жиллета, Капелан-Роуд, 179, Стоквел, Плейвуд и Радсдейл, в храме Св. Иуды в Кенсингтоне, преподобным д-ром Форрестом, диаконом Ворчестера, а? Смерти. Бристоу, на Вайтхолл-Лейн, Лондон; Карр, Стоук Ньювингтон. От гастрита и болезни сердца: Кокберн, в Моут-Хауз, Чепстоу…

– Я знаю этого малого,– грит Джо,– по горькому опыту.

– Кокберн. Димси, жена Дейви Димси, покойного лорда адмиралтейства: Миллер, Тотенхем, в возрасте восьмидесяти пяти: Велш, 12 июня: Канинг-Стрит, 35, Ливерпуль, Изабелла Элен. И это национальная пресса, мой загорелый сын, а? Каков этот Мартин Мерфи, этот купи-продай.

– А, ладно,– грит Джо и передаёт выпивку.– Благодаренье Богу, они от нас отвязались. Выпей-ка, Патриот.

– И выпью,– грит,– любезнейший.

– Твоё здоровье, Джо,– грю,– и всех присовокуплённых.

А! Уй! Не говори! Мне эта пинта нужна была до посизения. Ей-Богу, я аж услыхал как она чмякнулась мне в донышко желудка.

Но, чу! Как осушили они свою чашу веселия, богоподобный посланец вошёл к ним легкоступно, сияющий как взор небес, пригожий юноша, а вскоре прошествовал старший, почтенной походкой и с достойной осанкой, неся священые свитки законов, а с ним его леди супруга, дама несравнимой родословной, прекраснейшая в своём племени.

Малой Альф Берган заскочил в дверь и спрятался за Барнин закапелок, и аж сдыхает со смеху, а там ещё в углу, и как я сразу-то не углядел, кто ж ещё наклюкался до отключки, если не Боб Доран. Я никак не врублюсь что за дела, чего это Альф всё на дверь машет. И, е-бо, кто б там ещё прошкандыбал, если не старый кальсонник Денис Брин в своих банных шлёпанцах, а подмышкой впихнуты две отакенных книжищи, а за ним, по горячему следу, его супружница, пришибленная горем, семенит, как пудель. Я думал, Альф вообще треснет.

– Вы ж гляньте,– грит,– на Брина. Ошивается по всему Дублину с почтовой открыткой, которую ему кто-то послал с э.х.: эх на ней, хочет подать..

И он аж скрючился.

– Чего подать-то?– грю.

– За унижение достоинства,– грит,– на десять тысяч фунтов.

– О, чёрт!– грю.

Долбаный псина как зарычит, прям тебе страх Божий, того и гляди что-то станется, но Патриот дал ему пинка по ребрам.

– *Bi i dho hust*,– грит.

– Кто?– грит Джо.

– Брин,– грит Альф.– Он обращался к Джону Генри Ментону, а потом пошёл к Коллису и Варду, а потом его встренул Том Рошфор и послал к Помощнику Шерифа для потехи. О Боже, у меня уже колики от смеха. Э. Х.: эх. Длинный приятель рассмотрел его дело, как на процессе, и теперь долбаный старый лунатик подался на Грин-Стрит искать Джи.

– А когда Длинный Джон собирается повесить того малого из Монтджоя?– грит Джо.

– Берган,– грит Боб Доран, что как раз проснулся.– Это Альф Берган здеся?

– Да,– грит Альф.– Повесить? Погоди, покажу чтой-то. Эй, Терри, дай-ка маленькую. Этот долбаный старый придурок. Десять тысяч фунтов. Это ж надо было видеть как вылупился Длинный Джон. Э. Х…

И тута он так и закатился по-новой…

–Ты чё там хаханьки строишь?– грит Боб Доран.– Это Берган?

– Да не тяни ж ты, Терри-друг,– грит Альф.

Теренс О'Райн услыхал его и тут же поднёс ему кристальный кубок эбеново-пенистого эля, который благородные близнецы братья Бандивей и Бунгардилон издревле варят в своих божественных чанах для эля, сведущие, подобно сынам бессмертной Леды. Ибо сбирают они полносочные плоды хмеля и накапливают, и

просеивают, и толкут, и варят их, и домешивают они туда кислые соки и относят брагу на священый огонь и не прерывают ни днём ни ночью свой труд, эти сведущие братья лорды чана.

И вот уже ты, рыцарственный Теренсе, представил, словно для того и рождённый, нектарный сей напиток и предложил кристальный кубок ему, возжаждавшему столь безмерно, душе рыцарства, красотою бессмертным равному. Но и тот, юный вождь О'Берганов, не дозволял превзойти себя щедростью и выдал взамен, изысканным жестом, монетный кружок ценнейшей бронзы. А на оном различался, в чеканке несравненного мастерства, образ владычицы осанки царственной, отпрыска дома Брунсвиков, наречённой Виктория – Её Наипревосходительнейшее Величество, милостью Божией, Объединённого Королевства Великобритании и Ирландии и британских заморских владений, королева, защитница веры, Императрица Индии, и она же, неся бремя власти, покорительница многих народов, могучая и многолюбимая, ибо знают её и любят от восхода солнца до заката оного, бледные, смуглые, красноватые и эфиопы.

– А чё нада тому долбаному масону,– грит Патриот,– чё он шастает тут по округе?

– Чё покажешь-то?– грит Джо.

– Прошу,– грит Альф и выкладывает бабки.– Насчёт повешения. Покажу чего ты ещё не видал. Письма вешателей. Гляди сюда.

Тута выймает он ворох писем и конвертов из кармана.

– Мудьё морочишь?– грю.

– Моя с твоя честна,– грит Альф.– Почитай-ка.

Тута Джо берёт письма.

– Ты чё там хаханьки строишь?– грит Боб Доран.

Тута вижу, здеся собирается стать немножко пыльно. Боб малость кручёный малый, как накачается портвейном.

Тада я грю, так, для разговору:

– Так чё насчёт Вилли Мюррея, Альф?

– Не знаю,– грит Альф.– Я только что его видел на Капел-Стрит с Пэдди Дигнамом, только я бежал за этим…

– Ты чё?– грит Джо и кидает письма.– С кем?

– С Дигнамом,– грит Альф.

– С Пэдди что ль?– грит Джо.

– Ну, да,– грит Альф.– А что?

– Ты чё, не знаешь что он помер?– грит Джо.

– Пэдди Дигнам помер?– грит Альф.

– Ага,– грит Джо.

– Да я его пять минут не прошло как видал,– грит Альф,– чётко как столб.

– Кто помер?– грит Боб Доран.

– То значит тебе его дух привиделся,– грит Джо.– Борони нас Боже от дурного.

– Чего?– грит Альф.– Исусе добрый, ещё только пять.. Чего?.. И Вилли Мюррей с ним, оба там, возле какбишьевоного… Чего? Дигнам помер?

– Кому там чё надо от Дигнама?– грит Боб Доран.– Кто базарит про…?

– Где там на хрен умер! – грит Альф.– Да он не мертвей твоего.

– Может и так,– грит Джо.– Однако ж, сегодня поутру его взяли и закопали.

– Пэдди?– грит Альф.

– Ага,– грит Джо,– вернул долг природе, помилуй его Боже.

– Исусе добрый!– грит Альф.

Е-бо, он, что называется обалдел.

В темноте ощущалось порханье призрачных рук и, когда молитва тантры была обращена в надлежащую сферу, постепенно начала различаться слабая, но возрастающая люминисценция рубинового света, воспроявлявшая эфиричное сдвоеннное существо, замечательной жизнеподобности благодаря истечению ионного излучения с темени головы и от лица. Связь осуществлялась через гипоталамус, а также посредством оранжеогневых и алых лучей,

исходящих от сакральной области и солярной сети. Спрошенный посредством его земного имени о нынешнем его местопребывании в небесном мире, он изъяснил, что пребывает теперь на пути пралайи, или возвращения, но всё ещё подвержен мытарствам чинимым кровожадными сущностями нижних астральных уровней. На вопрос о первых его ощущениях по ту сторону великого раздела, он изъяснил, что первоначально видел словно через затемнённое стекло, однако перед перешедшими в запредельность раскрываются высшие возможности атмического развития. Переспрошенный сходна ли тамошняя жизнь с переживаемой нами во плоти, он изъяснил, что слыхал от более облагодетельствованных ныне в духе существ, что их обители снабжены всеми современными домашними удобствами такими как талафана, лифата, халадална, ватарклазаат, и что верховным адептам случается погружаться в волны наичистейшего, по своей природе, услаждовения. На просьбу о кружке густого молока, оно было принесено и явно предоставило облегчение. Спрошенный не желает ли он что-либо передать живущим, он воззвал ко всем, кто пока ещё пребывает не с той стороны Майи, признать истинный путь поскольку, как стало известно в деванических кругах, приближение Марса и Юпитера к восточному англу, где в силе баран, предвещает недоброе. Затем было спрошено нет ли особых желаний со стороны усопшего и ответом было: "Мы приветствуем вас, друзья на земле, которые ещё во плоти. Учтите: К. К. не излишествует." Было выявлено, что это относится к м-ру Корнелиусу Келехеру, управляющему популярного похоронного учреждения г. г. О'Нейлов, личному другу усопшего, который был ответственен за исполнение похоронных обрядов.

Перед отходом он попросил, чтобы передали его дорогому сыну Пэтси, что второй ботинок, который тот искал, в настоящее время находится под комодом в комнате для квартирантов, и что эту пару надо снести к Кулену для замены только подмёток, а каблуки ещё крепкие. Он изъяснил, что это соображение весьма нарушало упокоённость его сознания в иной сфере, и настоятельно просил,

чтобы пожелание его было передано. Были высказаны заверения в уделении надлежащего внимания этому вопросу и получено засвидетельствование, что обещание это принесло облегчение.

Он ушёл из юдоли смертных: О'Дигнам, сын нашего утра. Легкоступен был его шаг по папортникам: Патрик с лучезарным челом. Рыдай, Банба, ветром своим: и рыдай, О, океан, своим смерчем.

– Вот опять он,– грит Патриот и глядит за дверь.

– Кто?– грю.

– Цвейт,– грит.– Он тут выхаживает, как часовой, уже минут десять.

И, е-бо, гляжу его физия заглянула и опять отрисовалась.

Малой Альф был прям оглаушеный. Е-бо, в натуре.

– Исусе добрый,– грит.– Я б мог присягнуть, что это он был.

И тут Боб Доран, а он последний скандалюга в Дублине, когда поддаст, сбил шляпу себе на загривок и грит:

– Кто вякнул на Исуса, что добрый?

– Просю упростить,– грит Альф.

– Это что за добрый Исус,– грит Боб Доран,– если прибрал беднягу Вилли Дигнама?

– Ну, ладно,– грит Альф, чтоб замять это.– Он-то уж отмучился.

Но Боб Доран как заорёт:

– Он долбаный падлюга, говорю вам, что прибрал беднягу Вилли Дигнама.

Тута Терри подошёл и напрямую ему намекнул, что, мол, потише, им ни к чему такие разговоры в почтенном заведении с лицензией. И Боб Доран зачал рыдать по Пэдди Дигнаму, так же правда, как мы щас тута вот.

– Прекрасный человек,– грит и хлюпает, соплю пускает,– чистейшей души.

Аж слезу у тебя выжимает. А он всё утирается своей долбаной шляпой. Лучше б уж свалил додому к своей сноходящей сучке, на которой женился – Лунни, дочка бейлифа по охране порядка.

Мамаша держала бордель на Хардвик-Стрит и она шастала там по лестнице, Бентам Лайнс говорил мне, торчала там в два ночи без всего, выставивши свою персону, в чём мать родила, перед посетителями, всем поровну и без утайки.

– А уж такой же ж благородный был да честный,– грит.– И вот не стало бедняги Вилли, Пэдди Дигнама.

И скорбно, и с тяжелым сердцем, оплакал он угасновение сего луча небес.

Старый Гэрриовен опять завёлся рычать на Цвейта, что нарисовался за дверью.

– Входи, чё уж там, он тебя не съест,– грит Патриот.

Тута Цвейт вкатывает, мудильным своим глазом пасёт за псиной и спрашивает Терри, не тут ли Мартин Канинхем.

– О, Исусе М'Кеон,– грит Джо над одним из тех писем.– Вы ж только послушайте, а?

И заводится читать из одного:

ЛИВЕРПУЛЬ, ХАНТЕР-СТРИТ, 7
ВЫСОКОМУ ШЕРИФУ ДУБЛИНА
В ДУБЛИН

Досточтимый сэр спешусь предложить своими услугами по вышеобъявленному печальному случаю а я повесел Джо Генна в Болтской тюрме 12 февраля 1900 и я повесел...

– Покажь, Джо,– грю.

– ...*рядового Артура Чейза за мерзкое убийство Джесси Тилсит в Пентолвилской тюрме и я подсоблял когда...*

– Исусе,– грю.

–... *Билингтон повешал ужасного убийцу Тода Смита...*

Патриот ухватился за письмо.

– Держи крепче,– грит Джо,

> – *У меня особный манер набрасывать петлю так что он не выскочит как понадееца получить помилование с моим почтением досточтимый сэр, мои условия пять гиней.*
>
> **Х. РУМБОЛЬД.**
> **МАСТЕР БРИТЬЯ.**

– И распродолбаный варварюга, вдобавок,– грит Патриот.

– И подлая неграмотная тварь,– грит Джо.– На,– грит,– забери их, Альф, к чёрту с глаз моих. Привет, Цвейт,– грит,– чего выпьешь?

Тута они завели полемику по этой теме. Цвейт грит, чо он не будет, да он не может, да извините, да не в обиду и всё такое, а потом грит, хорошо, он-де, возьмёт одну сигару. Е-бо, он ушлый мастак, будь уверен.

– Дай-кось нам одну из твоих первосортных вонючек, Терри,– грит Джо.

И Альф рассказал про одного хлюста, что прислал письмо на листке для траурного извещения, с чёрной каемочкой.

– Все эти парикмахеры,– грит,– из чёрного округа, готовые отца родного вздернуть за пять кругляков плюс дорожные расходы.

И растолковал, что два молодчика ждут на подхвате, снизу, потянуть его за пятки, когда он проскакивает в люк, и удавить как следует, а потом они, значицца, расчикивают веревку и продают обрезки по паре круглых за кусок.

В краю мрака обитают они, мстящие рыцари бритвы. Ужасающую набрасывают они удавку—на-кось!—и отправляют к Эребу всякого кто свершил злоумысленное кровопролитие, ибо оное мне противно, ещё и так глаголет Господь.

Тута они завелись долдонить про высшую меру наказания и, конечно, Цвейт вылазит со своими почему да зачем и полной мудологией по этой теме, а старый пёс все к нему принюхивается, мне говорили будто евреюги чем-то таким пахнут для собак и,

дескать, уж он и не знает насколько вообще действует эффект устрашения, и так далее и такое прочее.

– Но есть такая штукенция, что на неё не действует эффект устрашения,– грит Альф.

– Ты это об чём?– грит Джо.

– Про рашпиль несчастного отрываки, которого вешают,– грит Альф.

– Точно?– грит Джо.

– Божья правда,– грит Альф.– Я слыхал от старшего надзирателя в Килманхейме, про то как вешали Джо Бреди из непокорённых. Так говорит, когда его срезали после сброса в люк, тот у него стоял торчком, прям им под нос, как кочерга.

– Преобладающая страсть неодолима смертью,– грит Джоак выразился кто-то.

– Этому есть научное объяснение,– грит Цвейт.– Вполне естественный феномен, понимаете ли, поскольку...

Тут он завёлся со своими, язык вывихнешь, феноменами да научными подходами, из одного феномена да в другой.

Выдающийся ученый герр профессор Люитполд Цвейтендуфт представил медицинское обоснование явлению, когда мгновенная фрактура шейных позвонков с последующей сиссурой спинного мозга, согласно достовернейшим традициям медицинской науки, неизбежно вызывает в человеческом субъекте резкую ганглионарную стимуляцию нервных центров, приводя к ускоренному набуханию *corpora cavernosa* таким образом, что способствует приливу крови к части анатомического строения человека, именуемой пенис, или мужской член, вызывая феномен известный как морбидальная способность вперёд и вверх направленной филопрогенетивной эрекции *in articulo mortis per diminutionem capitas*.

Ну, Патриот, ясно дело, только и ждал случая, чтоб слово вставить, и как пошёл выдавать про непокорённых и про людей шестьдесят седьмого года, и да кто-де теперь боится вспоминать про девяносто

восьмой, а Джо в ту же дудку, про всех молодцов кого повесили, утопили и выслали в борьбе за правое дело, через барабаноголовый военно-полевой суд, да про новую Ирландию, про новое то, про новое сё и пятое десятое. А как завёлся толкать про новую Ирландию, до того расходился – аж пса зацепил. Шелудивый зверюка начал фыркать и нюшить, и чесать свои струпья по всему заведению, и таким макаром подскребается к Бобу Дорану, который как раз ставил Альфу полпинты на всё, что у него завалялось.

Тута, ясно, Боб Доран прикололся с ним дурачиться, как раздолбай:

– Дай-ка нам лапу! Лапку дай, собачка! Хорошая псина! А ну-ка, дай нам лапу! Лапу дай!

Хрена долбаного он дождётся, а не лапу, а Альф всё старался его поддержать, чтоб не навернулся с долбаного стула на долбаного псяру, а он варнякает на все лады про дрессировку лаской, да про умненькую собачку, разумненькую собачку – ну, хоть кого задолбает. Потом зачинает выскребать крошки старого печенья со дна Джекобской жестянки, которую взял у Терри. Е-бо, тот заглотал их, как старые ботинки, и вывалил из себя язык на метр в длину, чтоб ещё дали. Чуть было и жестянку не схавал долбаный дворняжный доходяга.

А Патриот и Цвейт все пререкаются на тему братья Ширз и Вольф Тоун, да про Арбор-Хилл и Роберта Эммета и насчёт умереть за свою страну и как Томми Мур сходил с ума по Саре Курран, а её выслали. Цвейт, ясно дело, выпендривается с той его крутой сигарой – жирная рожа. Феномен! Куча жира, но женился на симпатяшной феноменше, и зад у неё – я тебе дам. Как они ещё проживали в АРСЕНАЛЕ, рассказывал мне Ссыкун Берк, там ещё кантовалась одна старушенция и Цвейт всё старался подладиться – сюсюкал, мелочишку в безик проигрывал и не ел мяса по пятницам, потому как у старухи всё живот хватало, и вывозил ту фефелу проветриться. А один раз он его повёл в обход по Дублину и, святой пахарь свидетель, не сигналил отбоя, пока не привёл его домой пьянючим,

как варёный филин, чтоб, грит, показать ему вред от алкоголя и хрена лысого, так те три бабы его чуть не сгрызли, такая вот долбаная история, старушенция, Цвейтова жена и м-с О'Довд, что держала отель. Исусе, ну и смеялся ж я как Ссыкун представлял их, аж шляпу грыз, и Цвейта с евоными "но понимаете ли? да, но с другой стороны". Но в тот раз разгон набрал он крепкий и, говорили мне, этот фофан тормозился у Повера, винокура, на Коуп-Стрит, раз пять на следующей неделе, а оттуда, без ног, домой, на извозчике, пока не налижется от всех марок в долбаном заведении. Феномен!

– В память погибших,– грит Патриот и подымает свою пинтосклянку, а сам зырит на Цвейта.

– Ага, ага,– грит Джо.

– Вы не уловили о чём я,– грит Цвейт,– я имел ввиду…

– *Sinn Fein*,– грит Патриот.– *Sinn Fein amhain*. Друзья наши любимые – рядом, плечом к плечу с нами, а враги – напротив.

Воздание последней памяти оказалось бесконечно впечатляющим. Со всех колоколен, вблизи и вдали, непрестанно раздавался погребальный звон колоколов, и, в то же время, по сумеречным окрестностям раздавалась зловещая дробь сотни приглушённых барабанов, перемежаясь гулкими орудийными залпами. Оглушительные раскаты грома и слепящие вспышки молний озарявшие жуткую сцену, свидетельствовали, что небесная артилерия предоставила свою сверхъестественную помпезность и без того душераздирающему зрелищу. Проливной дождь низвергался потоками из шлюзов разгневанных небес на обнажённые головы собравшегося многолюдья, число которого, по наискромнейшим подсчетам, превышало пятьсот тысяч человек. Дублинская столичная полиция в полном составе, под личным предводительством главного комиссара, поддерживали порядок в необозримой толпе, для которой духовой оркестр с Йорк-Стрит заполнял промежуточное время восхитительным исполнением на инструментах в чёрной драпировке бесподобных, с колыбели близких нам мелодий, сотворённых скорбной музою Сперанцы.

Специальные скорые туристические поезда и мягкие шарабаны были пущены для удобства наших деревенских кузенов, которые явились несметными контингентами. Значительное оживление вызвали любимые уличные певцы Дублина, Л-н-н и М-л-г-н, исполнившие НОЧЬ, КОГДА ОТКИНУЛ НОГИ ЛАРРИ в их обычной, провоцирующей смех манере. Два наших неподражаемых шутника вмиг распродали свои печатные листки среди любителей комедийного элемента и никто из тех, у кого найдется в сердце уголок для настоящей ирландской весёлости без вульгарности, не попрекнёт их за тяжко заработанные пенни. Дети из Приюта Найденышей Женского и Мужского Пола, облепившие окна с видом на место действия, пришли в восторг от этого нежданного дополнения к развлечениям дня, и множество похвал заслуживают Сестрицы Бедных за их отличную идею предоставить безматерным и безотцовым деткам воистину назидательное удовольствие. Местная вице-королевская партия, в которой насчитывается немало широко известных дам, была препровождена Его превосходительством на самые выгодные места на большом помосте, тогда как живописная делегация, под общим названием Друзья Изумрудного Острова, была расположена на трибуне напротив. Делегация, представленная в полном составе, состояла из Коммандора Бацибаци Бенинобеноне (полупарализованный вождь партии, который был доставлен на своё место с помощью мощного парового крана), месье Пьерполь Петитепатпэ, гранджокер Владимир Карманософф, архиджокер Леопольд Рудольф фон Шварценбад-Ходентагер, графиня Мара Вирага Кизажони Путрапести, Хайрам Й. Бомбуст, граф Атанос Карамелапулос, Али Баба Бакшиш Разхат Лукум Эфенди, сеньор Идальго Кабальеро Дон Пекадилло и Палабрас и Патерностер де ла Малора де ла Малярия, Хокопоко Харакири, Сунь Хунь Чайнь, Олаф Кобберкеддельстен, Минхер Трик ван Трумпс, пан Полекс Педирски, Гусьпонд Прхклстр Кратчинабритчинич, герр Хурхаус-Директорпрезидент Ганс Чуечли-Штоерли, Национальгимназиумсанаториумундсуспензориумординарприватдо

центобщеисторииспециалпрофессордоктор Кригфрид Юбералгемайн. Все делегаты без исключения высказались в наикрепчайших гетерогенных выражениях относительно беспрецедентного варварства, очевидцами которого им предстояло стать. Оживлённая перепалка (в которой приняли участие все) возникла среди Д. И. О. насчёт того, восьмое или девятое марта является правильной датой рождения святого покровителя Ирландии. Во время спора в ход были пущены пушечные ядра, ятаганы, бумеранги, мушкеты, горшки с нечистотами, мясничьи топоры, зонтики, рогатки, кастеты, свинчатки, железные болванки и обмен ударами без разбору кого куда, но кроха полисмен, констебль МакФаден, вызванный спецкурьером из Бутерстауна, незамедлительно восстановил порядок и, с быстротой молнии, предложил семнадцатое число, как решение одинаково почётное для обеих спорящих сторон. Остроумное предложение двухсполовинойметрововоростого всем сразу понравилось и было принято единогласно. Констебль МакФаден, получил сердечные поздравления от всех Д. И. О., некоторые из которых обильно кровоточили. Коммандор Бенинобеноне был извлечен из-под председательского кресла и его юридический консультант Аввокато Пагомими объяснил, что различные предметы в его тридцати двух карманах были выдернуты им из карманов его младших коллег во время свалки, в надежде восстановить в них здравое сознание. Предметы (среди которых оказалось несколько сотен дамских и джентельменских золотых и серебряных часов) были тут же возвращены их законным владельцам и воцарила безраздельно полная гармония.

Спокойно, без позы, Румбольд ступил на эшафот в безупречном утреннем костюме с его излюбленным цветком *Gladiolus Cruentus* в петличке. О своём появлении он известил тем мягким румболдианским кашлем, которому столь многие пытались (безуспешно) подражать – короткий, болезненный и, вместе с тем, такой характерно мужественный. Прибытие всемирноизвестного

головореза вызвало бурю оваций в толпостечении, вице-королевские дамы махали платочками от возбуждения, тогда как ещё более возбудившиеся иностранные делегаты громогласно изливались нестройной сумятицей криков: хоч, банзай, елйен, живио, чинчин, полла крониа, хипхип, виват, Аллах, среди которые звучное *eviva* посланца страны песен (верхняя F третьей октавы напомнило о тех пронзительно милых нотах, которыми кастрат Каталони ошеломлял наших прапрабабушек) выделялось явно и узнаваемо. Тут же через мегафон был дан сигнал к молитве и в одно мгновение все головы обнажились, патриархальное сомбреро коммандора, принадлежащее его семье со времен революции Риенци, было снято его дежурным медицинским консультантом, д-ром Пиппи.

Умудрённый прелат, представлявший последнее утешение святой религии герою-мученику на пороге высшей кары смертью, пал на колени, в наихристианнейшем духе, в лужу дождевой воды, склоняя седовласую главу под клобуком, и вознёс к трону милости пылкие молитвы всепокорности. Недвижимо высилась у плахи мрачная фигура палача, лицо его скрывал трехведёрный горшок с парой округлых прорезей, откуда яростно поблескивали его глаза. Ожидая рокового знака, он проверял лезвие своего ужасного орудия, то правя его на своем загорелом бицепсе, то обезглавливая, подряд и без разбору, стадо овец, которое предоставили поклонники его свирепого, но столь необходимого ремесла. Подле него, на прекрасном столе красного дерева, были аккуратно разложены четвертовальный тесак, различные потрошильные приспособления из легированной стали отличной закалки (специально поставленые всемирно прославленной фирмой столовых принадлежностей г. г. Джон Раунд и Сыновья, Шеффилд), терракотовое блюдо предназначенное для принятия двенадцатиперстной, прямой, слепой кишок, аппендикса и пр., после сноровистого потрошенья, и два вместительных молочных кувшина, которым суждено принять бесценную кровь неоценимой жертвы. Служители объединённого

кошачьего и собачьего дома ожидали тут же, дабы доставить помянутые сосуды, после их наполнения, в их благотворительное заведение. Отменная закуска, состоящая из ветчины с яйцами, отлично прожареной говядины с луком, восхитительных горячих ватрушек к завтраку и взбадривающего чая, была заботливо предоставлена властями для насыщения центральной фигуры трагедии, который находился в превосходном расположении духа, приуготовляемый к смерти, и выказывал острейший интерес ко всем процедурам от начала и до конца, но он, с редкой по нынешним временам самоотверженностью, благородно показал себя на высоте положения и выразил предсмертную волю (незамедлительно исполненную), чтобы пищу, без остатка, разделили между членами ассоциации больных и нуждающихся квартиросдатчиков, в знак его уважения и почитания.

Пик и апогей небывалого накала эмоций нахлынул, когда разрумянившаяся выборная невеста прорвалась сквозь плотные ряды близстоящих и бросилась на мускулистую грудь того, кто вот-вот будет отправлен в вечность ради неё. Герой охватил её гибкие формы любящим объятием, с нежностью бормоча "Шейла, моя навеки". Поощрённая такой переделкой её христианского имени, она страстно расцеловала всевозможные подвернувшиеся места его личности, до которых позволяла добраться пристойность тюремного одеяния. Она поклялась ему, и солёные струи их слёз сливались при этом, что сбережёт память о нём, что никогда не забудет своего геройского парня, который отправился на смерть с песней на устах, словно шёл на спортивный матч в Клонтурк-Парке. Она воскресила в его памяти минувшие счастливые дни блаженого детства, как совместно, на берегах Анна-Лиффи, отдавались они невинному времяпрепровождению юности и, забыв об ужасающем настоящем, они оба от души хохотали, а все зрители, включая благочинного пастыря, присоединились к общему веселью. Гигантское сборище просто бушевало от восторга. Но через миг их охватило горе, и они стиснули руки в последний раз. Свежий поток слёз хлынул из их

слезотоков и обширное стечение людей, затронутых до самой глубины, разразилось душераздирающими рыданиями, что не в меньшей мере сказались и на пожилом священослужителе. Большие сильные мужчины, охранители порядка и настоящие великаны из ирландской полиции, без стеснения пользовались платками и можно смело сказать, что во всём невиданном собрании не осталось ни одного сухого глаза. Наиболее романтичный эпизод произошёл, когда молодой выпускник Оксфорда, известный своей галантностью по отношению к прекрасному полу, выступил вперёд и, представив свою визитную карточку, банковскую книжку и генеологическое дерево, испросил руки безутешной юной дамы, моля её назначить день и получил безотлагательное согласие. Каждой из присутствующих дам достался со вкусом исполненый сувенир на память об этом событии – брошка в виде черепа и скрещенных костей, своевременный и щедрый акт, вызвавший новый всплеск чувств, а когда рыцарственный молодой оксфордианец (носитель, между прочим, одной из наиславнейших и освящённых временем фамилий в истории Альбиона) одел на палец его смущенно порозовевшей невесты дорогое обручальное кольцо с изумрудами, втопленными в виде четырехлистого трелистника – восторгу не было границ. Да, даже суровый провост-маршал, лейтенант-полковник Томкин Максвелл Френчмуслин Томлинсон, распорядитель на данном печальном событии, который, глазом не моргнув, расстрелял немалое число сипаев, привязанных к жерлам пушек, и тот не смог сдержать своих природных чувств. Бронированной перчаткой он смахнул прокравшуюся слезу и тем из привилегированных горожан, кому довелось находится в непосредственной близости от него, слышно было, как он пробормотал сам себе, прерывисто и вполголоса:

– Блямя Боже, до чего занозистая, блин, шлюшка. Блямя, аж, блин, в слезу шибает, ей-бля, как гляну, так и вспомню мою старую лоханку, что дожидается меня на Лаймхаус-Уэй.

Тута тогда Патриот заводит шарманку про ирландский язык и собрание корпорации и про шунинов, что не могут калякать на их же родном языке, и Джо примазывается, потому что объегорил кого-то на золотой, и Цвейт туда же, со своими нюнями и соской за два пенса, которую выскулил у Джо, и вякает про Кельтскую лигу и про Лигу против, и про выпивку, проклятие Ирландии. Е-бо, есть ходоки, что хоть сколько в глотку ему ни зальёшь, но, пока Господь не призовёт его, никак не успеваешь разглядеть какая была пена в его кружке. Как-то вечером я заглянул с одним приятелем на ихний музыкальный вечер, где вовсю распевают, *на лугу стожок, где ж ты мой дружок*, и был там ещё хлюст с Булихуливским голубым значком-ленточкой, что шпарит по-ирландски, и кучка девчат-фартучат разносили безалкогольную водичку, продавали медали и апельсины, и лимонад, и ещё там пару засохших булок, е-бо, флахулагное развлечение, и не говори. Ирландия трезвости – Ирландия свободная. А потом старичок начинает дуть на своей волынке, и все милашки совают ногами под музыку, от которой сдохла старая корова. А пара проводников на небеса так и высматривают, чтоб никаких шуров-муров с женским полом, и это уж вообще удар ниже пояса

Тут, однако, я ж те грил, старый псяра доглядел, что в жестянке ни хрена нет и начинает мышковать вокруг Джо и меня. Ох, я б его и дресирнул бы лаской, будь это мой псина. Да отвесь ты ему хорошего пинка, потом ещё добавь, лишь бы только не в глаз.

– Боишься укусит?– грит Патриот и хмыкает.

– Нет,– грю,– но он может подумать на мою ногу, что это фонарный столб.

Тута он отзывает старую псину к себе.

– Что такое Герри?– грит.

Тута он начинает его трепать-долбать и говорить с ним на ирландском, а старый горлохват рычит, как бы отвечает, ну, прям, дуэт из оперы. В жизни не услышишь такого рыканья, что они между собой завели. Надо чтоб кто-нибудь, кому нехрен делать, взял и

написал бы в газеты *pro bono publicum* касательно состояния с намордниками для таких собачар. Рычит, падлюка, и огрызается, а водобоязнь так прям и каплет у него с клыков.

Все, кто заинтересован в распростанении гуманистической культуры среди низших животных (а имя им легион), должны постараться не упустить замечательное кинантропоморфное представление старого знаменитого ирландского рыжего сеттера-волкодава, что прежде был известен под *sobriquet* Герриовен, но недавно перекрещён широким кругом его друзей и почитателей в Овена Герри. Представление, явившееся результатом многолетней дрессировки лаской и тщательно продуманной системы диетического кормления, включает в себя, помимо прочих достижений, декламацию стихов. Наш величайший из ныне живущих эксперт по фонетике (которую и дикими лошадьми от нас не оторвать!) не оставил камня на камне, стараясь вникнуть и сравнить декламируемые стихи и обнаружил, что они *поразительно подобны* (курсив наш) запевам древних кельтских бардов. Мы ведём речь не столько о той восхитительной любовной лирике, с которой писатель, скрывающий свою персону под изящным псевдонимом Сладкий Отросточек, ознакомил книголюбивый мир, но, скорее (как отмечает некто Д.О.С. в своей интересной заметке, помещенной в одной из вечерних за текущий год), о более резкой и личностной ноте, что прослеживается в сатирических излияниях знаменитых Раферти и Дональда МакКонсидин, не говоря уже о более современном лирике, которая нынче непрестанно на устах у публики. Мы прилагаем отрывок перевода на английский, исполненный выдающимся исследователем, чьё имя в данный момент не вольны открыть, хотя полагаем, что сама тематика подскажет больше, чем если бы мы прямо назвали его. Метрическая система киноморфного оригинала, вызывающая в памяти многосвязные аллитерационные и изосиллабические правила уэльского стиха, много сложней в оригинале, но хочется верить – и наши читатели, конечно же, согласятся – что сам дух ухвачен верно. Остаётся лишь, пожалуй,

добавить, что эффект неизмеримо возрастает при выговаривании стихов Овена несколько замедленно и неотчетливо, тоном, предполагащим сдерживаемое озлобление.

Проклятье проклятий моих
Каждый день, во все семь дней,
И семь сухих четвергов
На тебя, Барни Кирнан,
Что нет у тебя и росинки
Охладить мою доблесть
И мои потроха, добела раскалённые
На красные фонари Лорри

Тута он грит Терри принесть псу водицы и, е-бо, ты б и за милю услыхал, как он её выхлёбывал. А Джо его спрашивает, может ещё дерябнет.

– Я не прочь,– грит,– *a chara*, чтоб показать, что всё без обид.

Е-бо, не такой уж он и зелёный, как смахивет на огурец. Перетаскивает свою жопу из одного трактира в другой, и представляет это тебе за дело чести, с псиной старика Гилтропа, тем и подкармливается за счёт налогоплательщиков и корпораторов. Развлечение для человека и зверюги. И тута Джо грит мне:

– Ты б усверлил ещё порцию?

– Утка б отказалась плавать?– грю.

– Ещё раз повторить, Терри,– грит Джо.– Может есть, всё же, желание в смысле жидкого освежения?– грит он.

– Не, спасибо,– грит Цвейт.– Фактически, я хотел лишь повидать Мартина Канинхема, видите ли, насчёт страховки бедняги Дигнама. Мартин предложил встретиться здесь. Понимаете, он, Дигнам, я имею ввиду, в своё время не составил уведомления компании кому

назначается и, по закону, залогодержатель не может получить номинально по полису.

– Святые войны,– грит Джо, а сам смеётся,– неплохо, если объегорят старого Шейлока.

– Так выходит, баба-то на коне, а?

– Что ж, в этом суть,– грит Цвейт,– для поклонников жены.

– Чиих поклонников?– грит Джо.

– Вспомогателей жены, я хотел сказать,– грит Цвейт.

Тута он начинает бубнить про кредитование под залог как лорд-канцлер, что толкает в палате, про пользу жены, и что создан небольшой фонд, но с другой стороны Дигнам должен был деньги Бриджмену, и имеет ли теперь жена, или вдова, право залогодержателя, пока не набил мне голову этим своим кредитодержанием по закону. Ему повезло как долбаному, что он один раз сам чуть не подлёг закону за бродяжничество, только имел приятеля в составе суда. Торговал базарными карточками, или как там её, королевская венгерская привилегированная лотерея. Точняк, как ты щас здеся. О, моё почтение израелитам! Королевская и привилегированная обдираловка.

Тута подгребает Боб Доран и просит Цвейта пересказать м-с Дигнам, что ему так жалко за её горе и ещё жалче за похороны, и чтоб передал ей, что он-де и любой-де, кто только знал его, грит, потому как не было честнее никого и лучше Вилли, который помер, так ей и передай. И аж сопливится от долбаной своей дурости. Вобщем, жал Цвейту руку и строил трагедию, вот так прям ей и скажи. Дай руку, брат, ты – падло, и я тоже сволочь.

– Позвольте мне,– сказал он,– в такой же мере положиться на наше знакомство, которое, при кажущейся его поверхностности, если подходить с мерками протяженности во времени, основано, как я надеюсь и верю, на чувстве взаимного уважения, чтобы просить вас об этом одолжении. Но, если случайно каким-либо образом я переступил грань сдержанности, пусть искренность моих чувств послужит извинением подобной дерзости.

– Нет,– ответствовал другой,– я целиком ценю мотивы движущие вашим поведением и исполню поручение доверенное вами мне, утешаясь мыслью, что, при всей его прискорбности, оно есть доказательством вашего доверия, и это подслащает, в определённой мере, горечь чаши.

– Так позвольте же мне взять вашу руку,– сказал он.– Доброта вашего сердца, несомненно, подскажет вам, лучше моих непритязательных выражений, слова, что наиболее подобают для передачи чувства, пронзительность которого—дай я волю моим эмоциям—лишило бы меня самой даже способности говорить.

И отвалил на улицу, а сам вовсю карячится, чтоб не слишком шатало. В пять часов – уже готовый. Один раз вечером его чуть не повязали, да только Пэдди Леонард был знаком с бобби 14 А. Лыка не вязал в забегаловке на Брайд-Стрит, блудствовал с двумя юбками, а вышибала на стрёме, хлыстали портвейн стаканами. А перед юбками выставлялся французом, Жозеф Мано, и пёр рогом на котолическую религию, будто отслужил мессу голяком, и будто разбирал с закрытыми глазами, как был моложе, кто что писал в новом завете и в ветхом тоже, и всё лапает да тискает. А две юбки додыхают со смеху и шарят по карманам долбаного дурня, а он разливает портвейн по всей кровати, а те визжат-закатываются, да спрашуют одна другую: "Ну, как? Нащупала ветхий завет-то?" Только Пэдди там проходил, я ж и грю. А глянь на него по воскресеньям, как он со своей шлюшкой жёнушкой, хвост морковкой, выписывает по проходу в соборе – та в лакированых башмачках кууууда там, да с фиалками, красивше, чем пирог, выставляет из себя дамочку. Сестра Джека Лунни. А ихняя мамаша, старая проститутка, сдаёт комнаты уличным парочкам. Е-бо, Джек прибрал его к рукам. Только скажи ему, как начнёт залупаться, Исусе, он его враз с говном смешает.

Терри принёс три пинты.

– Пажалста,– грит Джо, чтоб оказать уважительность.– Пажалста, Патриот.

– *Slan leat*,– грит тот.

– Удачи, Джо,– грю.– Доброго здоровья, Патриот.

Е-бо, а он уж бокал ополовинил. Да, такому хлебаке надо иметь кругленькое состояние, чтоб не усох без выпивки.

– Что там за длинный малый добивается нынче мэрства, Альф?– грит Джо.

– Твой друг,– грит Альф.

– Наннан?– грит Джо.– Чу-член?

– Я не намерен обнародовать имён,– грит Альф.

– Мне так показалось,– грит Джо.– Я видал его на сегодняшнем собрании с Вильямом Филдом, членом парламента. У торговцев скотом.

– Волосатый Йопа,– грит Патриот.– Этот выпорожненый вулкан, любимец всех соседних графств и кумир своего.

Тута Джо заводится пересказывать Патриоту про ящур, и про торговцев скотом, и принятие мер по этому делу, а Патриот посылает их всех куда надо, а Цвейт высовывается со своими овечьими примочками от болячки и хузными настойками от чхающих телят, и патентованным лекарством от затвердения языка. Оттого, что он один раз тормознулся на живодёрне. Шастал там со своим блокнотом и карандашиком, ах здрасьте, да как бы тут не вступить, пока Джо Кафф не показал ему дорогу на выход, как тот попробовал чего-то там доказывать боссу. Мистер Всезнайка. Поучи свою бабушку, как доить гусей. Ссыкун Берк мне говорил, в отеле жена иногда пускала реки слёз и м-с Довд выплакивала глаза на весь свой восьми-дюймовый пласт жира. Не знала как распустить свою пердильную шнуровку, дак старый мудоглаз выплясывал вокруг, показывал, как это сделать. Так об чём у нас в программе?

Ага. Гуманные методы. Поскольку не причиняет неудобств бедным животным, и специалисты уверяют лучшее из средств, когда животные не испытывают боли, и слегка нанести на больное место. Е-бо, с его бы мягкой ручкой да под несушку.

Гра Гра Гара. Клooок Клоок Клooок. Чернушка Лиз наша курица. Она кладёт яйца для нас. Когда снесёт яичко, она очень довольна.

Гара. Клоок Клоок Клоок. А вот идёт добрый дядюшка Лео. Он ложит руку под чернушку Лиз и берёт свежее яйцо. Гра гра гра Гара. Клooок Клooок Клooок.

– Вобщем,– грит Джо.– Филд и Наннети отправляются сегодня вечером в Лондон, сделать запрос на заседании палаты Общин.

– Вот как,– грит Цвейт,–советник уезжает? Мне надо было повидаться с ним по делу.

– Ну, так он отправляется почтовым пароходом,– грит Джо,– сегодня вечером.

– Вот ведь жалость,– грит Цвейт.– Мне так надо было. Может только м-р Филд поедет? И позвонить я не могу. Нет. Так вы уверены?

– Наннети тоже едет,– грит Джо.– Лига дала ему наказ поставить завтра вопрос о комиссаре полиции, что запретил ирландские игры в парке. Что ты на это скажешь, Патриот? *Sluagh na h-Eireann*.

М-р Короув Полугряд (Мултифарнхем. Нац.): По поводу запроса моего достопочтимого друга, члена Палаты от Шиллелаха, могу я спросить означенного досточтимого джентельмена, имелось ли распоряжение Правительства касательно помянутых им животных, при отсутствии наличия каких-либо медицинских свидетельств об их паталогическом состоянии?

М-р Всечетверус (Тамошант, Кон.): Досточтимые члены уже ознакомились со свидетельствами, представленными в общепарламентскую комиссию. Вряд ли у меня будут какие-либо конструктивные дополнения по данному поводу. Отвечаю на вопрос досточтимого члена утвердительно.

М-р Орелли (Мантенотт. Нац.): Отдавались ли подобные распоряжения об убое гуманоидных животных, что осмелятся играть в ирландские игры в Феникс-Парке?

М-р Всечетверус: Ответ отрицательный.

М-р Короув Полугряд: А не явилась ли небезызвестная митчелстоунская телеграмма сего досточтимого джентельмена

определяющим фактором для позиции занятой джентельменами казначейской скамьи?

(О! О!)

М-р Всечетверус: Мне потребуется время для рассмотрения данного вопроса.

М-р Плоскошутт (Банкоум, Нез.): Стреляйте не раздумывая.

(Ироничные "ура" от оппозиции)

Спикер: К порядку! К порядку!

(Палата встает. Выкрики "ура".)

– Перед вами человек,– грит Джо,–свершивший возрождение кельтского спорта. Вот он, тут сидит. Человек, одолевший Джеймса Стивенса. Чемпион всей Ирландии по метанию шестнадцатифунтового. Какой твой рекордный толчок, Патриот?

– *Na bacleis*,– грит Патриот, и прикидается скромнягой.– В своё время и я был не хуже прочих.

– Брось, Патриот,– грит Джо.– Ты был на долбаный разряд выше.

– Это действительный факт?– грит Альф.

– Да,– грит Цвейт.– Это широко известно. А вы не знали?

Тута они погнали про ирландский спорт и шонинские игры, навроде лаун-тенниса, и про хоккей на траве, и метание камня, да про дух страны и возрождение нации, и всё такое. Ну, и, ясно дело, Цвейту надо было вставиться со своим, если, мол, у кого натруженное сердце резкие упражнения противопоказаны. Как на духу перед своей антапкой, если возьмёшь соломинку с долбаного пола и скажешь Цвейту: "Гля-ка, Цвейт, тут вот соломинка. Видал?" Клянусь моей тётушкой, он будет долдонить об ней час не меньше часа и, учитай, всё то без перестанку.

Крайне интересная дискуссия состоялась в старинном зале *BRIAN O'CIARNAIN'S* что на *BRETAIN BHEAG*, под эгидой *SKUAG NA EIREANN*, о возрождении старинных кельтских видов спорта и о значении физической культуры, как она понималась в древней Греции, древнем Риме, древней Ирландии, для развития расы. Председательствовал почтенный президент этого благородного

ордена и число собравшихся было просто рекордным. Вслед за конструктивным вступительным словом председателя, великолепнейшего, по своему красноречию и энергичности, выступления, развернулась интереснейшая и весьма конструктивная дискуссия о желательности возрождения древних игр и видов спорта наших древних пан-кельтских предков.

Широкоизвестный и высокоуважаемый труженик на ниве нашего древнего языка, м-р Джозеф М'Карти Гайнс, выступил с красноречивым призывом за ре-оживление древних кельтских видов спорта и времяпрепровождений, применявшихся ежеутренне и ежевечерне Финном МакКулом, в целях возрождения лучших традиций мужественной силы и мощи оставленных нам в наследство из глубины веков. Л. Цвейт, получивший смешанный приём из аплодисментов и шиканья, присовокупил некоторые предостережения, и вокалист-председатель, подведя черту в дискуссии, ответил на многочисленные просьбы и сердечные подбадривания из всех концов переполненного зала замечательно неординарным исполнением вечнозелёных строк бессмертного Томаса Осборна Дэвиса (к счастью, слишком широко известных, чтобы воспроизводить их тут) ВОЗРОЖДЁННЫЙ НАРОД, при исполнении которых ветеран патриот чемпион, можно утверждать не опасаясь впасть в противоречие, буквально превзошёл самого себя. Ирландский Карузо-Гарибальди был в превосходнейшей форме и его стиенторианские ноты звучали с величайшей выразительностью в освящённом временем гимне, исполненном так, как только лишь наш соотечественник способен это сделать. Его выдающийся первокласный вокализ, суперкачество которого безгранично расширило его и без того международную репутацию, был встречен шумной овацией огромной аудитории, среди которой были отмечены многие выдающиеся представители духовенства, а также работники прессы, правосудия и других высокообразованных профессий. На этом собрание завершилось.

Среди духовенства присутствовали наипреподобнейш. Вильям Делани, Об. И., д-р, пр.; преподоб. Джеральд Моллой, д-р теол.; препод. П. Дж. Каванаг, Хр. Н.; препод. Т. Вотерс, И. гр.; препод. Джон М. Иверс, пар. св.; препод. П. Дж. Клири, ор. Св. Фр.; препод. А. Дж. Хикей, ор. Дом.; наипрепод. Фр. Николас, кол. ор. Св. Фр.; наипрепод. Б. Тормен, ор. Св. Дом.; препод. Т. Махяр, Об. Ис.; наипрепод. Джеймс Мерфи, Об. Ис.; препод. Джон Левери, соб. вик.; наипреподоб. Вильям Догерти, д-р теол.; препод. Питер Феган, ор. Благ.; препод. Т. Бренген, ор. Св. Авг.; препод. Джон Флавин, с. гр.; препод. М. А. Хаккетт, с. гр.; препод. В. Херли, с. гр.; благочин. Мдир М'Маннус, вк. ген.; препод. В. Д. Слеттери, ор. Благ. Ис.; наипрепод. М.Д. Скелли, пар. св.; препод. Ф.Т. Песел, ор. Дом.; наипрепод. Тимоти, канон Гормен, пар. св.; препод. Дж. Фланаган, с. гр.; среди нерукоположенных служителей были П. Фей, Т. Квирк и т. д. и т. д.

– Кстати, насчёт резких упражнений,– грит Альф,– вы были на том бое Кьога с Беннетом?

– Нет,– грит Джо.

– Я слыхал один кое-кто сделал на нём увесистую сотню золотых,– грит Альф.

– Кто? Ухарь?– грит Джо.

А Цвейт грит:

– Что я имею ввиду насчёт, например, тенниса, так это гибкость и тренировка глазомера.

– Ага, Ухарь,– грит Альф.– Он напустил туману, будто Майлер нагнал вес пивом, чтоб хоть как-то уравняться и враз запарится.

– Знаем мы его,– грит Патриот.– Сын изменника. Нам известно за что английское золото приплыло в его карман.

– Вы – молодцы,– грит Джо.

А Цвейт опять вклинивается насчёт лаун-тенниса и кровяного обращения и спрашивает Альфа:

– Ну, а как на ваш взгляд, Бергнан?

– Майлер его в порошок стёр,– грит Альф.– Поединок Хинана с Сейрсом дохлая мура, по сравнению с этим. Показал ему папаню с

маманей крутой колотиловки. Шустрячок был тому чуть выше пупка, но замолотил здоровилу. Боже, ну, он ему и врезал, напоследок, в дыхалку. По всем правилам, заставил его вырыгать, чего тот и не ел никогда.

Это был исторический и нелёгкий поединок, в котором Майлер и Перси одели перчатки потягаться за пятьдесят соверенов. Уступавший противнику в весе Ягнёнок, любимец Дублина, восполнил нехватку непревзойдённым искусством в ремесле ринга. Финал встречи, в фейерверке их сшибок, был изнурительным для обоих чемпионов, в предыдущей трясоболтанке старший сержант полусреднего веса поднацедил пенистого кларета из Кьога, которому так и сыпались увесистые правые и левые – артилерист неплохо потрудился над носом любимчика и Майлер отмахивался в полусумеречном, на вид, состоянии. Солдат приступил к делу мощным слева, на что ирландский гладиатор ответил чётким прямым в челюсть Беннета. Красномундирник нырнул, но дублинец распрямил его крюком левой, а последовавший прямой по корпусу был просто загляденьем. Бойцы сцепились в ближнем. Майлер врубил такую скорость, что полностью разделал противника и под конец раунда здоровяк висел на канатах, а Майлер выдавал ему поцию за порцией горячих. Англичанин, правый глаз которого заплыл почти полностью, занял свой угол, где его от души смочили водицей, и когда вновь прозвучал гонг он резво подхватился полный задора и уверенности, что зашибёт боксирующего дьяволёнка в мгновение ока. Это был бой на выбивание, в котором сошлись настоящие мужчины. Оба дрались как тигры в атмосфере лихорадочно возбуждённого зала. Судья на ринге дважды предупредил Проныру Перси за захват, но любимчик ловко уходил, а ногами работал так, что залюбуешься. После резкого обмена любезностями, во время которого отличный встречный верхний военнослужащего пустил обильное кровотечение изо рта соперника, Ягнёнок вдруг вложился весь в потрясающий прямой левый по желудку Задиры Беннета, что завалил его на пол. Это был нок-аут,

чистый и чёткий. В напряженно выжидательной тишине была отсчитана отходная и секундант Беннета, Оле Пфоттс Веттштайн, вбросил полотенце: а парень из Сэнтри объявлен победителем под обезумелый рёв публики, которая прорвалась через канаты на ринг и восторженно подняла его на руки.

– Он знает с какого края хлеб намазан,– грит Альф.– Я слыхал, он теперь устраивает концертное турнэ по северу.

– Кто?– грит Цвейт.– Ах, да. Совершенно верно. Да, что-то типа летнего турнэ, энаете ли. Просто отпуск.

– М-с Ц. в нём особенно яркая звезда, не так ли?– грит Джо.

– Моя жена?– грит Цвейт.– Да, она будет петь. Я думаю успех обеспечен. Он превосходный организатор. Просто превосходый.

Хохо, е-бо, грю я сам себе. Так прям и грю. Это проясняет про молоко в кокосовом орехе и про отсутствие шерсти на груди обезьян. Ухарь дудукает на флейте. Концертное турнэ. Грязный Дэн, сын афериста из-за Айленд Бридж, что дважды продавал правительству одних и тех же лошадей для войны с бурами. Старый Чточто. Я как то зашёл насчёт помощи бедным и налога, м-р Бойлан. Вы что? Налог за воду, м-р Бойлан? Вы чточто? Этот лось её сорганизует, как пить дать. Меж нами и звонарней гря.

Гордость скалистой горы Калпе, чернокудрая дочь Твиди. Взросла она до несравненой красы там, где мушмула и альмонды полнят своим благоуханием воздух. Сады Аламеды знали её поступь: оливковые сады узнавали и кланялись. Беспорочная супруга Леопольда она теперь: Марион с благодатными грудями.

Но, чу! Туда вошёлодин из клана О'Моллоев, пригожий молодец с белым лицом и, вместе, несколько красноватым, советник его величества, обученный законам, а с ним князь и наследник благородного рода Ламбертов.

– Привет, Нед.

– Привет, Альф.

– Привет, Джек.

– Привет, Джо.

– Храни вас Господь,– грит Патриот.

– Да хранит вас милостивый,– грит Дж. Дж.– Что взять, Нед?

– Половинную,– грит Нед.

Тута Дж. Дж. заказал, значицца, выпивку.

– Вы из суда?– грит Джо.

– Да,– грит Дж. Дж.– Он это уладит, Нед,– грит он.

– Надеюсь,– грит Нед.

А об чём хлопочутся-то эти двое? Дж. Дж. отмазывает его из списка к рассмотрению в жюри, а тот заводит его в стильную жизнь. Ведь у него ж фамилия стоит в книге Штаббса. В картишки перекидываются, тосты пьют в своём высшем свете, вставят себе шикаристую стекляшку на глаз и глушат шампань, а сам весь в описях и в завале судебных распоряжений по его долгам. Закладывал свои золотые часы у Кумлиса на Френч-Стрит, где его никто не знает в частном порядке, а мы там как раз со Ссыкуном, выкупали его ботину. Как ваша фамилия, сэр? Дунн, грит. Ага, плюнь да дунь. Е-бо, он ещё наплачется, я так себе прикидываю.

– А вы там не видали этого долбаного лунатика – Брина?– грит Альф.– Э. Х. Эх.

– Да,– грит Дж. Дж.– Ищет частного детектива.

– Ага,– грит Нед,– и он хотел сразу же подать в суд, только Корни Келлехер отговорил, что сперва надо провести экспертизу почерка.

– Десять тысяч фунтов,– грит Альф и хохочет.– Боже, я б всё дал, чтобы послушать его обращение к судье и присяжным.

– Так это твоя работа, Альф,– грит Джо.– Правду полную правду и ничего кроме правды, да поможет тебе Джимми Джонсон.

– Я?– грит Альф.– Не бросайте свою тенденцию на мою репутацию.

– Любое твое показание,– грит Джо,– явится уликой против тебя.

– В принципе, дело можно составить,– грит Дж. Дж.– При условии, что он не *non compos mentis*. Э. Х. Эх.

– *Compos* тебе в глаз,– грит Альф и хохочет.– Ты будто не знаешь, что он с приветом? Посмотри на его голову. Сразу видно – в одно

прекрасное утро он начнёт одевать шляпу пользуясь рожком для обуви.

– Да,– грит Дж. Дж.,– но в глазах закона истинность публичного оглашения не освобождает от ответственности за оскорбление.

– Ха, ха, Альф,– грит Джо.

– Да ещё,– грит Цвейт,– хотя бы ради несчастной женщины, я имею ввиду его жену.

– Пожалейте её,– грит Патриот.– Или любую другую, что выходит замуж за туда-сюда.

– Как это туда-сюда?– грит Цвейт.– Вы имеете ввиду что он…

– Я имею ввиду туда-сюда,– грит Патриот.– Который ни рыба, ни мясо.

– Ни добрый красный перчик,– грит Джо.

– Вот что я имею ввиду,– грит Патриот.– Причинный, если вам так доходит.

Е-бо, вижу собирается гроза. А Цвейт втолковывает про жестокость по отношению к жене, которой приходится таскаться за старым придурочным заикой. Жестокость по отношению к животным уже только в том, что этого долбаного, нуждой придавленного Брина вообще пустили на травку, с его кудлатой бородёнкой, что только дождь притягивает. А она ещё так нос драла, что за него выходит, потому как кузен его старика был служкой при папе римском. Ути-вути, вона на стене его портрет, с его обвислыми усишками. сеньор Брини из Саммерхила. Уйтальянец, папский гвардеец при Святом Отце, отбыл из порта и отправился на Моховую-Стрит. А кто он, спрашивается, был? А никто – грузчик за шесть шиллингов в неделю, а тут поди ж ты – понацеплял висюлек на грудь, пуп земли.

– И к тому же,– грит Дж. Дж.,– почтовая открытка считается оглашением. Она была сочтена достаточным доказательством злого умысла в деле Сэдгроув против Хоула. По моему мнению, дело может составиться.

Шесть и восемь пенсов, пожалте. Кто спрашивает твоё мнение? Дай нам спокойно допить наши пинты. Е-бо, уж и этого не дают.

– Ну, на здоровье, Джек,– грит Нед.

– На здоровье, Нед,– грит Дж.Дж.

– Вот он опять,– грит Джо.

– Где?– грит Альф.

И, е-бо, он протаскивается мимо двери с его книженциями подмышкой, а рядом его гиена, и Корни Келехер покосил на нас своим стеноломным глазом, а сам его уговаривает, как папа родный, что старается продать ему подержанный гроб.

– Как идёт слушание по канадской афере?– грит Джо.

– Отложено,– грит Дж. Дж.

Это, значица, один из бутыльносого братства по имени Джеймс Воот, он же Шапиро, он же Спарк и Спиро, пришёл и дал объявление в газету, что устраивает проезд до Канады за двадцать круглых. Ну, как? У меня что, белок глаза зелёный? Ясно дело, это была долбаная нахлебаловка. Ну, как? Облапошил их всех, прибиралок и дуборубов из графства Мит, ага, и соплеменников тоже. Дж. Дж. нам рассказывал, один трухлявый еврей Зарецки, или что-то вроде, аж рыдал, как давал свидетельские показания, не снявши шляпы, божился святым Моисеем, что с него выдоили два золотых.

– Кто вёл слушание?– грит Джо.

– Регистратор.

– Старый бедолага сэр Фредерик,– грит Альф.– Ему можешь мудозвонить аж по самые оба глаза.

– Сердце львиных размеров,– грит Нед.– Расскажи ему грустную сказку, что за квартиру не плачено, жена больна, а у тебя на шее куча ребятни и, право слово, он слезами изойдет на своём кресле.

– Ага,– грит Альф.– Ребену Дж. долбанно повезло, что он на днях не усадил его на скамью за иск против бедолаги Гамлея, который нынче сторожит брусчатку корпорации у моста Батт.

И тута он изобразил в натуре, как разорялся старый регистратор:

– Какая гнусность! На этого бедного труженика! Сколько детей? Десять, говоришь?

– Да, ваша честь. А жена моя больна тифом.

– И жена в тифозной горячке! Какой скандал! Немедленнно покиньте суд, сэр! Нет, сэр, я не издам постановления о выплате. Как вы смеете, сэр, приходить ко мне и просить о постановлении? Бедный прилежный труженик! Я закрываю дело.

И вот на шестнадцатый день волоокой богини, и в третью неделю после праздника Святой и Нераздельной Троицы, когда дочь небес, девственная луна, пребывала в своей первой четверти, сталось, что оные многосведущие судьи восшествовали в палаты закона. И там господин Кортней, сидя в личной своей палате, рёк свои наказы, а господин судья Эндрюс, сидя без присяжных в суде пробации, сопоставлял и взвешивал також со тщанием притязания первого иска на собственность в деле по завещанию на рассмотрении окончательного суждения о последней воле, *in re*, о недвижимом и личном имуществе усопшего и оплаканного Джекоба Холлидея, виноторговца, покойный против Ливингстоуна, младенца в неполном сознании, и других. А в высокий суд Грин-Стрит восшествовал сэр Фредерик Фальконет. И воссел он там в пятом часу пополудни судить по правде и закону ирландскому для повсеместного его соблюдения в граде, а тако же и в графстве города Дублина. А с ним там воссели же высшие старейшины двенадцати племен Ирских, один человек от всякого племени, от племени Патрика, и от племени Хьюга, и от племени Овена, и от племени Конна, и от племени Оскара, и от племени Фергюса, и от племени Финна, и от племени Дермота, и от племени Кормака, и от племени Кевина и от племени Кэольта, и от племени Осиана, и было там двенадцать мужей добрых и честных. И он призвал их Его, умершего на кресте, именем, чтобы рядили бы честно и праведно и судили по правде в деле поставшем меж их правителем, господином королём, и узником обвинённым, и дали бы справедливый приговор, исходя из свидетельств, и да поможет им Бог, и на том пусть целуют книги. И встали они с мест своих, эти двенадцатеро от Ира, и поклялись именем Его, Предвечного, что свершат по Его правде. И тут же прислужники закона привели из узилища увязненного там, коего ищейки

правосудия задержали вследствие полученной информации. И они оковали его руки и ноги, и не брали за него а не заклада, а не выкупа, но восхотели его осуждения, ибо творил он непотребное.

– Хороши штучки,– грит Патриот.– Понаехали в Ирландию, расплодили насекомых по всей стране.

Тута Цвейт прикидывается, будто ничего не слышал и зачинает сообщать Джо, что можно не беспокоиться насчёт того дельца до первого числа, но если только он скажет слово м-ру Крофорду. И тута Джо божится высоким и святым тем да этим, что уж он постарается как чёрт смаженый и даже больше.

– Потому что видите ли,– грит Цвейтеклама должна повторяться. В этом весь секрет.

– Положитесь на меня,– грит Джо.

– Обмахеривают крестьян,– грит Патриот,– и бедноту Ирландии. Хватит с нас приблуд в нашем же доме.

– О, я уверен всё будет как надо, Гайнс, – грит Цвейт.– Просто этот Ключчи.

– Считайте что сделано,– грит Джо.

– Чужаки,– грит Патриот.– Мы сами виноваты. Допускаем, чтоб приезжали. Сами привозим. Потаскуха и её хахаль привезли сюда саксонских разбойников.

– Приговор *nisi*,– грит Дж. Дж.

А Цвейт прикидывается, будто ему страх как интересно вон то ничего, паучья паутина в углу за бочкой, а Патриот так и ест его глазами и собачюра у его ног высматривает кого тут хапнуть и в какой момент.

– Утратившая всякий стыд жена,– грит Патриот,– вот причина всех наших несчастий.

– А вот как раз и она,– грит Альф, что хихикал с Терри над ПОЛИЦЕЙСКОЙ ГАЗЕТОЙ на стойке,– во всей её боевой раскраске.

– Дай позырить,– грю.

А что там и было-то, если не янковская похабщина в картинках, которую Терри одалживает у Корни Келлехера. По секрету, для

накачки твоих интимных органов. Лёгкое поведение красотки из общества. Норман Б. Туппер, богатый подрядчик из Чикаго, застаёт красивую, но неверную жену на коленях офицера Тейлора. Красотка в своих подцветниках легководится вовсю, а хахаль её выщупывает где там у ней щекотульки поядрёней, а Норман Б. Туппер врывается со своей пукалкой как раз в тот момент, когда она уже смоталась вместе с офицером Тейлором.

– О, ё-мое, Дженни,– грит Джо,– это всё твоя сорочка виновата – слишком коротка была.

– То-то и оно, Джо,– грю.– Но ведь старый странный концехвост копчёной бычатины чуток шевельнулся, а?

Тута, значицца, заявляется Джон Вайз Нолан напару с Ленионом, а рожи вытянуты, как поздний завтрак.

– Ну,– грит Патриотакие известия с театра действий? Что эти звонари решили на их отборном сборе в городскоим зале насчёт ирландского языка?

О'Нолан, покрытый сияющими доспехами, низким поклоном воздал честь влиятельному высокородному и могучему вождю всего Эрина и довёл до его сведения о проишедшем, как многодумные мужи наипокорнейшего града, второго в царстве, сошлись в округлом здании и там, после надлежащих молитв к богам, что обитают в возвышенном эфире, держали важный совет дабы, елико сие возможно, вновь возвести в честь среди смертных человецей окрылённую речь разделённых морем кельтов.

– Дело двинулось,– грит Патриот.– К чертям долбаных скотин-саксов и их захолустный диалект.

Тута Дж. Дж. вставляет слово умника, что всякая история хороша, пока не услышишь другую, да про замаргивание фактов и политику Нельсона прикладывать свой слепой глаз к телескопу, и насчёт проведении билля о государственной измене, чтоб наказать народ, а Цвейт старается ему подпевать про умереность да непроверенность, да про их колонии, да их цивилизацию.

– Их сифилизацию, хотите вы сказать,– грит Патриот.– К чертям их! Хрен им в дышло от никудышника Бога, толстоухим сынам шлюх! Ни музыки, ни живописи и ни литературы достойных своего названия. Всю свою цивилизацию награбастали от нас. Косноязычные сыны ублюдошных призраков.

– В европейской семье,– грит Дж. Дж.

– Они не европейцы,– грит Патриот.– Я бывал в Европе с Кевином Эганом из Парижа. По всей Европе от них и следа не сыщешь, или от их языка, кроме как в *cabinet d'aisance*.

А Джон Вайз на это:

– Великое множество цветов рождаются, чтобы цвести никем не примеченными.

А Лениен, что малость шпрехает по всяким язам, на это:

– *Conspuez les Anglais. Perfide Albion!*

Он произнёс и тут же подъял в своих грубых здоровенных загорелых могучих руках кружку тёмного крепкого пенного эля и, возгласив клич его племени, *Lamh Dearg Abu,* выпил за погубление супостатов, племени могущественных доблестных героев, повелителей волн, что восседают на тронах алебастровых в молчании, как бессмертные боги.

– Что стряслось?– грю Лениену. А у него вид будто потерял кругляк, а нашёл дыряк.

– Золотой кубок,– грит.

– Кто победил, м-р Лениен?– грит Терри.

– Клочок,– грит,– при ставках один к двадцати. Тёмный аутсайдер. А остальные ни с чем.

– А как кобылка Басса?– грит Терри.

– Ещё бежит,– грит он.– Мы все в трещине. Бойлан рискнул двумя золотыми по моей наводке на Мантию, за себя и даму-приятельницу.

– Я и сам поставил полкроны,– грит Терри,– на Цанфанделя, что подсказал мне м-р Флинн, Лорда Говарда де Валдена.

– Двадцать к одному,– грит Лениен,– вот она, жизнь в сортире. Клочок,– грит.– Ухватил печенье и зачерпнул варенья.

Непостоянство имя тебе, Мантия.

Тута он двинул к жестянке от печенья, что осталась после Боба Дорана, заглянул, есть ли там чего выклюнуть, и старый псюка тут же примазался – поддержать его дохлое счастье своей шелудивой пастью. Но шиш там ночевал.

– Тут пусто, детка,– грит он.

– Держи клюв шире,– грит Джо.– Она бы выиграла деньгу, только для другого пса.

А Дж. Дж. и Патриот спорят про законы и историю, ну, и Цвейт втыкнёт слово-другое.

– Некоторые,– грит Цвейт,– в чужом глазу соринку подметят, а в своём и бревна не чувствуют.

– *Raimeis*,– грит Патриот.– Нет никого слепей чем тот, кто не желает видеть, если вам это доходит. Где наши недостающие двадцать миллионов ирландцев, что сегодня должны были быть тут, вместо четырёх, наши исчезшие племена? А наши гончарные и тканые изделия лучшие на весь мир! А наша шерсть, что продавалась в Риме во времена Ювенала, и наш лён, и полотно Антрима, а наши кружева из Ламерика, наши дубильни и наше белое кремниевое стекло из Воллибоуга, и наш гугенотский поплин, что мы имели со времен Жакарда де Лайон, и наш набивной шёлк, и наш фоксфордский твид, а кружева, выплетаемые на иглах из слоновой кости в монастыре кармелиток в Нью-Россе, которым не сыскать подобных во всём белом свете! Где те греческие купцы, что приходили промеж Геркулесовых столпов, у Гибралтара, заграбастанного ныне врагами рода человечьего, с золотом и тирским пурпуром для продажи в Вексфорде на ярмарке Кармин? Почитайте-ка Тацита и Птоломея, а также Жеральдуса Камбренсиса. Вино, меха, мрамор Коннемары, серебро из Типерари, подобного ему нет, наши и поныне далеко славящиеся кони, ирландские рысаки, а готовность короля Испании Филиппа платить пошлину за право рыбной ловли в наших водах. Чем расплатятся с нами аглицкие жёлтоджоны за нашу загубленную торговлю и наши

загубленные сердца? Да как только не разверзлись русла Берри и Шенона на миллионы акров болот и трясин, чтоб все мы вымерли от чахотки?

– Мы скоро обезлесеем, как Португалия,– грит Джон Вайз,– или Хелиголанд с его единственным деревом, если ничего не будет делаться по разведению лесов. Лиственница, ель, все породы хвойных пород быстро исчезают. Я читал доклад лорда Каслтонского.

– Спасите их,– грит Патриот,– ясеня-великана в Голвее и береста-вождя в Килдаре, с сорокафутовым комлем и кроною в акр. Спасите деревья Ирландии для будущих поколений. Ирландия на светлых холмах Эйра, О.

– Европа смотрит на вас,– грит Лениен.

Высший свет всех стран сегодня явился *en masse* на свадьбу шевалье Жана Вайза де Нэлон, главного верховного предводителя Ирландских Национальных лесников, с мисс Ель Шишкотт из Сосновой Долины. Леди Сильвестрина Вязтень, м-с Барбара Березкей, м-с Полл Ясен, м-с Холли Лещинас, мисс Дафна Магнолей, мисс Дороти Канна, м-с Клайд Древостойз, м-с Ровен Зеленн, м-с Хэлен Винградт, м-с Вирджиния Плющт, мисс Глэдис Бук, мисс Олива Гарт, мисс Бланш Клент, м-с Мод Кориандр, мисс Мира Мирт, м-с Принсцила Бутон, мисс Би Жимолост, мисс Грейс Тополл, мисс О-Мимоза Сан, мисс Рашель Кедроу, м. м. Лилиан и Виола Сиренн, мисс Тимидити Осокорн, м-с Китти Мохх-Россой, мисс Мэй Терен, м-с Глориана Палм, м-с Лиана Лесс, м-с Арабелла Дебри, и м-с Норма Холидуб из Дубхолма Регис, почтили церемонию своим присутствием. Невеста под руку с отцом, М'Шишкоттом из Глэндса, выглядела изысканно прелестной в наряде исполненном из искусственого зелёного шёлка с подъюбником из мглистосерого, с прорезями, прохваченными тёмно-изумрудным, с отделкой из тройной бахромы, более глубокого оттенка, по краю, модель поддерживалась бретельками и вставками на бёдрах, желудёво-бронзового цвета. Свидетельницы, мисс Берестина Шишкотт и мисс

Спарж Шишкотт, сёстры невесты, были одеты в превосходные костюмы той же цветовой гаммы, элегантный *motif* пушистой розы, закреплённый в сплетении тончайших бретелек, причудливо повторялся в агатово-зелёных токах перьями цапли бледно-кораллового оттенка. Сеньор Энрик Флор сидел за органом с его общеизвестным талантом и в завершение службы, как дополнение к непременным номерам брачной мессы, исполнил новое поразительное произведение *ДРОВОСЕК, ПОЖАЛЕЙ ЭТО ДЕРЕВО*. На выходе из церкви Св. Фиакра *in Horto*, после папского благословения, счастливая пара подверглась игривому обстрелу орехами лещины, желудями, каштанами, котиками вербы, шишечками плюща, ягодами падуба, гроздьями рябины, и пучками ясменника. М-р и м-с Вайз Шишкотт Нэлон проведут тихий медовый месяц в Темнорощинге.

– И мы смотрим на Европу,– грит Патриот,– Мы торговали с Испанией и с Францией и с Фландрией, когда ещё эти псы щенками были, испанское вино в Галвее, винные барки на тёмно-винных водных путях.

– И снова будем,– грит Джо.

– И с помощью святой Богоматери будем снова,– грит Патриот, и хлопает себя в ляжку.– Наши запустелые гавани наполнятся вновь: Квинстаун, Кинсейл, Гелвей. Блексод Бей, Вентри в королевстве Керри, Киллибегс, третья по величине гавань на весь белый свет, с лесом мачт гелвейских Линчизов и Кевинских О'Рейли и О'Кеннеди из Дублина, когда эрл Дезмондский мог заключать договор с самим императором Карлом Пятым. И всё снова будет,– гритогда первый ирландский боевой корабль взбороздит грудью волны под своим собственным флагом, без всяких там арф Тюдора, древнейший взреет флаг, флаг провинции Дезмонд и Томонд, три короны на синем фоне, трое сыновей Милезиуса.

И он выхлестал остаток своей пинты – хлобысть! Шипит и сыкает, как кот со двора дубильни. У коров в Коннахте длинные рога. Уж до того длинные, насколько дорога ему его долбаная жизнь, чтобы

отправиться туда и обратно со своими бурными речами к толпе собравшейся в Шамаголдене, куда он нос боится показать, где Молли Магюрс дожидается, чтоб наделать в нем просветов, что заграбастал участок изгнанного арендатора.

– Верно, верно,– грит Джон Вайз.– Что тебе?

– Имперского пшеничного,– грит Лениен,– отпраздновать событие.

– Половинную, Терри,– грит Джон Вайз,– и одну Руки-Вверх. Терри! Заснул, что ли?

– Да, сэр,– грит Терри.– Рюмку виски и бутылку Олсопа. Хорошо, сэр.

Завис над долбаной газетой с Альфом, просматривает смачные кусочки, вместо чтоб услужать широкой публике. Картинки бодучего матча, где все гоняют друг за другом, набычившись, как бугай перед воротами и вовсю стараются рассадить себе долбаные черепушки. А на другой ЧЕРНЫЙ ИЗВЕРГ СОЖЖЁН В ОМАХЕ. Куча Диков из глухомани в вислых шляпах и пуляют по негру, которого вздернули на дереве, а под ним костёр. Е-бо, им бы б ещё утопить его и казнить током, и распять опосля, чтоб убедились, что дело сделано наверняка.

– Ну, как насчёт боевого флота,– грит Нед,– что держит наших врагов в отдалении?

– Я вам скажу, как,– грит Патриот.– Это преисподняя на земле. Почитайте разоблачения, что идут в газетах о порках на учебных кораблях в Портсмуте. Пишет какой-то малый за подписью ДОВЕДЁННЫЙ ДО ОТВРАЩЕНИЯ.

Тута он заводится нам трепать про телесные наказания и про команды матросов и офицеров, и вице-адмиралов, в строю шеренгами, в их треуголках, и пастор с их протестантской библией, пронаблюдать наказание, и как вытаскивают паренька, что кричит мамочкааа, а они вяжут его к казенной части пушки.

– Задница под дюжину,– грит Патриот,– так называл это старый мерзавец сэр Джон Бересфорд, но нынче каждый Божий англичанин

зовет это розгами по мягкому.

Тута Джон Вайз грит:

– Почетнее нарушить, чем блюсти такой обычай.

Потом он нам рассказал как подходит боцман с длинной розгой, заголяет и стегает долбаный зад бедного малого, пока не завопит "ую-юй – убиваюць!"

– Вот ваш славный британский флот,– грит Патриот,– наимощнейший в мире. Это те ребята, что никогда не станут рабами, с единственной на всём белом свете наследственной палатой в парламенте, и чья земля в руках дюжины боровов и коттоновых баронов. Вот вам империя трудяг и поротых крепостных, с которой они так носятся.

– Над которой никогда не заходит солнце,– грит Джо.

– И вся трагедия в том,– грит Патриот,– что они в неё верят, несчастные йеху верят в неё.

Они веруют в розгу, бич всемогущий, творящий ад на земле, и в Джека Матроса, сына пушки, зачатого от святомерзкой ругани, рождённого боевым флотом, он вынес задницу под дюжиной, был запуган, исстёган и избит, вопил, как в долбаном аду, на третий день встал вновь из койки, порулил к гавани и вновь сидит на своем конце реи до следующих приказаний, чтобы трудиться, зарабатывать на жизнь и получать плату.

– Но,– грит Цвейтазве дисциплина не везде одинакова? Я хочу сказать, разве тут не было б то же самое, если противопоставлять силу силе?

Ну, я ж те грил, нет? Так же верно, как то что я сейчас пью этот вот портвейн, будь он даже при последнем издыхании, не бросит тебе доказывать, что умирание это жизнь.

– Мы выставим силу против силы,– грит Патриот.– У нас есть могучая Ирландия за морем. Их изгнали из дома родного в чёрном 47-м. Их придорожные хижины и сараюшки развалили таранами, а Times потирала руки и говорила бледнопечёночным англичанам, скоро в Ирландии останется так же мало ирландцев, как

краснокожих в Америке. Даже великий Турок прислал нам свои пиастры. Но саксы пытались голодом выморить народ, а когда земля давала обильный урожай, то британские гиены скупали на корню и продавали в Рио-де-Жанейро. Ага, они гнали крестьян стадами. Двадцать тысяч из них умерли в корабельных гробах-трюмах. Но те, кто добрался до земли обетованной свободы, помнят и землю рабства. И они ещё вернутся и отомстят, храбрецы, сыны Гранюйла, богатыри из Катлин и Хоулихен.

– Совершенно верно,– грит Цвейт,– но суть моей мысли…

– Давно уж мы дожидаемся такого дня,– грит Патриот,–с тех самых пор как старушка-вековушка сказала нам, что на море показались французы и высадились в Киллале.

– Ага,– грит Джон Вайз.– Мы сражались за королевский дом Стюартов, что подбили нас отшатнуться от рода Вильяма и они предали нас. Вспомните Лимерик и разбитый договорный камень. Мы давали нашу лучшую кровь Франции и Испании – наших диких гусей. Фонтеной, а? И Сарсфилд и О'Доннел герцог Тетуанский в Испании, и Улисс Брауни из Кемуса, что был фельдмаршалом у Марии-Терезы. Но получили мы хоть раз, хоть что-нибудь взамен?

– Французы!– грит Патриот.– Куча балетных учителей! Понятно о чём толкую? Для Ирландии от них толку было как от жареного выперда. А сейчас разве не они носятся с этим *Entente cordiale* на обеде в Тэй-Пэй с вероломным Альбионом? Кто если не они вечно были поджигателями в Европе?

– *Conspuez les Francais,*– грит Лениен и хапает своё пиво.

– А насчёт пруссаков и гановерцев,– грит Джоазве мало у нас было колбасожёрных ублюдков на троне, от Георга выборщика аж до Немчика, и пердливой старой суки, что уж откинулась?

Исусе, попробуй не засмейся, уж до того он ловко ввернул про старушку, что каждый Божий вечер дослепу напивалась в своём королевском дворце, старая Вик с её фужером горной росы, и кучер откатывал её наверх, уклюканную, чтобы запхнуть в кровать, а она

хватала его за бакены и пела обрывки старых песенок про *ЧЕСТЬ НА РЕЙНЕ* и приходи туда, где выпивка дешевле.

– Ладно,– грит Дж. Дж.– Нынче-то у нас Эдвард-миротворец.

– Скажите это какому-нибудь пеньтюху,– грит Патриот.– От этого вьюноши больше видать мора, чем мира. Эдвард Гвельф-Веттин!

– А что ты думаешь,– грит Джо,– про святых ребят, священиков и епископов Ирландии, что убрали комнату в Мейнуте в скаковые цвета его Сатанинского Величества и наставили картинок всех лошадей, на которых скакали его жокеи? Прям-таки эрл Дублина, и не меньше.

– Они бы ещё понаставили всех баб, на каких он лично скакал,– грит малой Альф.

А Дж. Дж. грит:

– Соображения об ограниченности пространства повлияло на решение их преподобий.

– Ещё по одной, Патриот?– грит Джо.

– Да, сэр,– грит он,– я за.

– А ты?– грит Джо.

– Весьма обязан, Джо,– грю.– Да ни в жизнь не поменьшает твоя тень.

– Повторить всю дозу,– грит Джо.

Цвейт все тарабарил с Джоном Вайзом и так разошёлся, аж встряхивает своей рожей грязнопарусного цвета, а глазяры, как те сливы, туда-сюда.

– Гонения,– грит,– ими полна история всего мира. Увековеченье национальной ненависти между народами.

– А вам известно что такое нация?– грит Джон ВАйз.

– Да,– грит Цвейт.

– Так что же?– грит Джон Вайз.

– Нация?– грит Цвейт.– Нация это одни и те же люди, живущие в одном и том же месте.

– Ну, тогда: ей-Богу,– грит Нед и смеётся,– я тоже нация, потому что вот уже пять лет живу на одном и том же месте.

Тута ясно дело все посмеялись над Цветом, а он, чтоб отмазатьтся, грит,– А так же живущие в разных местах.

– Это уже про мой случай,– грит Джо.

– А какая ваша нация, если дозволяется спросить,– грит Патриот.

– Ирландская,– грит Цвейт.– Я здесь родился.

Патриот ничего не сказал, только прочистил глотку и, е-бо, выхаркнул из себя целую устрицу с Красной банки, прямо в угол.

– Все внимание на тебя, Джо,– грит, и достает свой носовик, чтоб промакнуться насухо.

– Пожалста, Патриот,– грит Джо,– возьми-ка эту ёмкость в правую руку и повторяй следом за мной.

Драгоценнейший, с искусно плетёной окантовкой, старинный ирландский лицевой платок, принадлежавший Солмону из Дрона и Манусу Тамалтэг ог МакДоног, авторам книги Боллимоута, был затем аккуратно извлечён и вызвал нескончаемое восхищение. Нет нужды распростаняться о легендарной красе вышивки по уголкам – вершине искусства, где чётко различался каждый из четырёх евангелистов, предъявлявшие, каждый соответствующему из четырёх владык, свои евангелистские символы, скипетр из морёного дуба, северо-американского ягуара (куда более благородный царь зверей, чем британское животное, заметим по ходу), телёнка из Керри и золотистого орла с Карантуохилла. Картины предстающие на сморкательном поле являли наши древние замки и крепости, и курганы, и алтари, и места обучения, и заговорные камни, во всей их восхитительной красе, со столь же изысканной расцветкой изображений, как и в эпоху просветителей Слиго, дававших волю своей фантазии давным-давно, во времена Бармесидов. Глендалох, очаровательные озера Килларни, руины Кломакнойса, аббатство Конг, Глен Инах и двенадцать Булав, Глаз Ирландии, зелёные холмы Таллахта, Кроах Патрик, винокуренный завод г. г. Артур Гинес, Сын и Ко (с ограниченой ответственостью), берега Лох Неха, долина Овока, башня Изольды, обелиск Мапаса, госпиталь сэра Патрика Дана, мыс Клир, ущелье Ахерлоу, замок Линч, Шотландский Дом, мастерские

Ратдауновского Союза в Лохлингстоне, Тулламорская тюрьма, Каслконнельские пороги, Килболлимакшонакилл, крест при Монастербойсе, Отель присяжных, Овраг Св. Патрика, Лососевый Подскок, трапезная Мейнутского колледжа, провал Керлей, три места рождения первого герцога Веллингтонского, утёс Кэшла, болото Оллена, склад на Генри-Стрит, Фингалова пещера – все эти трогательные ландшафты предстают перед нами сегодня, будучи ещё прекрасней от вод скорби, излитых на них и от многослойных инкрустаций времени.

– Подпихни-ка к нам выпивку,– грю.– Где чья?

– Это мой пай,– грит Джоак сказал чёрт про покойника полисмена.

– И я тоже того племени,– грит Цвейтоторое ненавидят и преследуют. Даже сегодня. В эту минуту. В этот самый миг.

Е-бо, он чуть не припалил себе пальцы окурком своей хренской сигары.

– Обкрадывают,– грит он.– Грабят. Оскорбляют. Преследуют. Отнимают принадлежащее нам по праву. В эту самую минуту,– грит он и вскидывает кулак,– продают в Марокко на аукционе, как рабов, или скот.

– Вы толкуете насчёт нового Ерусалима?– грит Патриот.

– Я говорю о несправедливости,– грит Цвейт.

– Ладно,– грит Джон Вайз,– тогда встаньте силой против силы, как мужчины.

Вот те картинка из альманаха. Мишень для пули с мягким носом. Старый жирнорожик стоит перед дулом винтовки. Е-бо, да он стал бы украшением для любой швабры, если б ещё напялить на него фартучек-передничек уборщицы. И вот он тебе вдруг падает и выкручивается в обратную сторону, как выжатая мокрая тряпка.

– Но всё это пустое,– грит он.– Сила, ненависть, история и тому подобное. Не в этом жизнь для мужчин и женщин, не в глумлении и ненависти. И всякому ясно, что всё это прямая противоположность настоящей жизни.

– А это про что?– грит Альф.

– Любовь,– грит Цвейт.– Я имею ввиду противоположность ненависти. Мне теперь надо идти,– грит он Джону Вайзу.– Загляну на минуту в суд, может Мартин там. Если он зайдет сюда, передайте, что я буду через секунду.

А кто тебя держит? И он выскакивает, как смазанная молния.

– Ещё один апостол для неверных,– грит Патриот.– Вселенская любовь.

– Ладно,– грит Джон Вайзазве нас не этому же учили? Возлюби своих соседей.

– Этот хлюст?– грит Патриот.– Его девиз – да обнищает мой сосед. Любовь, держи карман! Тоже мне, новое издание Ромео и Джульеты.

Любовь любит любить любовь. Сиделка любит нового аптекаря. Констебль 14 А любит Мэри Келли. Герти МакДовел любит юношу с велосипедом. М. К. любит порядочного джентельмена. Ли Чи Хань сильна-сильна любись Ча Пу Го. Юмбо, слон, любит Алису, слониху. Старый м-р Фершел со слуховой трубкой любит старую м-с Фершел с закатившимся глазом. Мужчина в коричневом макинтоше любит даму, которая умерла. Его Величество Король любит Её Величество Королеву. М-р Норман В. Туппер любит офицера Тейлора. Ты любишь кого-то. Та кого-та любит ещё кого-то, потому что каждый кого-нибудь да любит, но Бог любит всех и каждого.

– Ладно, Джо,– грюрепкого тебе здоровья и радостных песен. Поддай, Патриот.

– Ура, в атаку,– грит Джо.

– Благослови тебя Господь и Мария, и Патрик,– грит Патриот.

И он поднял пинту промочить свой свисток.

– Знаем мы этих рысаков,– грит он,– читают тебе проповедь и, по ходу, шманают по карманам. Как насчёт святолюбивого Кромвеля и его железнобоких, что предали мечу женщин и детей Драгхеды с библейским текстом БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ, пришлёпнутым на жерло их пушки?

– Библия! Читали в сегодняшней ОБЪДИНЕННОЙ ИРЛАНДИИ прикол про зулусского короля, что приехал с визитом в Англию?

– В натуре, что ли?– грит Джо.

Тута Патриот выймает одну из газет своей бижутерии и зачинает вычитывать:

– Делегация ведущих текстильных магнатов Манчестера была представлена вчера Его Величеству Алаки из Абеакута лордом Толчка на Яйцах, церемонимейстером Золотой Палки, для изъявления сердечной благодарности Его Величеству от британских коммерсантов за благоприятствия, предоставленные им в его владениях. Делегация участвовала в обеде в завершение которого смуглый властитель своей радостной речью в вольном переводе капеллана Анасиса Славабогуда Голокостта, выразил свою крайнюю признательность массе Толчку и подчеркнул добросердечность отношений существующих между Абеакутой и Британской Империей, заявив, что почитает одним из главных своих достояний библию с картинками, книгу слова Божьего и оплот величия Англии, милостиво подаренную ему белой вождиней, великой скво Викторией, с личной надписью августейшей рукой Царственной Дарительницы. Затем Алаки выпил чашу дружбы первогнанной оковитой, под тост *Black and White*, из черепа его непосредственного предшественника в династии Какачакакак, по прозвищу Сорок Бородавок, после чего посетил главную фабрику в Коттонполисе и расписался своим тотемом в книге почётных гостей, одновременно исполняя древнюю абеакутасскую пляску войны, проглотив при этом несколько ножей и вилок, под горячую овацию девичьих рук.

– Вдовая женщина,– грит Нед,– я б на неё не подумал. Интересно, попользовался ли он той библией так же как и я бы?

– Так же, только побольше,– грит Лениен.– И потому в той плодообильной стране безмерно произросли широколистые манго.

– Это Гриффин?– грит Джон Вайз.

– Нет,– грит Патриот.– Тут не подписано Шанганаг. Просто инициал стоит: Х.

– Инициал тоже что надо,– грит Джо.

– Вот так оно и делается,– грит Патриот.– Торговля следует за флагом.

– Ну, уж,– грит Дж.Дж.,– если они чем-то хуже тех бельгийцев в Свободном Государстве Конго, то они и впрямь бяки. Читали репортаж, что написал как там его?

– Казематт,– грит Патриот.– Он ирландец.

– Да, тот самый,– грит Дж. Дж.– Насилуют женщин и девушек и хлещут туземцев по животам, пока не полезет красная резина.

– Я знаю, куда он пошёл,– грит Лениен и щёлкает пальцами.

– Кто?– грю.

– Цвейт,– грит он.– Про здание суда это для отвода глаз. Он поставил несколько круглых на Клочка и теперь отправился собрать свои шекели.

– Это тот, что ли, белоглазый кафр,– грит Патриототорый в жизни не ставил на брыкливую лошадь?

– Точно, туда он и пошёл,– грит Лениен.– Я сегодня видал Бентема Лайнса, тот шёл ставить на эту же лошадь, но я ему отсоветовал, так он мне и сказал, что эту наводку ему дал Цвейт. Могу поспорить на что хотите, он загрёб сто шиллингов за поставленные пять. Ему одному на весь Дублин было известно про тёмную лошадку.

– Да он и сам долбаная тёмная лошадка,– грит Джо.

– Звиняй, Джо,– грю.– А покажьте-ка нам вход на наружу.

– Сюда, пожалуйста,– грит Терри.

Прощай Ирландия, я отправляюсь в Горт. Тута я только вышел завернуть во двор к водной колонке и, е-бо (сто шиллингов за пять), пока я сливал свой (Клочок двадцать к одному) сливал свой груз, е-бо, сам себе грю, он так и норовил (две пинты от Джо и одна у Слеттери) норовил смотаться (сто шиллингов это пять золотых), а когда они жили в (тёмная лошадка), Ссыкун Берк мне рассказывал, как играли в карты, то вешали лапши, что ребёнку нездоровится (е-бо, вылил уже литра три) так чтоб его пушистозадая жена гундела ЕЙ ЛУЧШЕ или же ЕЙ ТАК ЖЕ (уй!), всё по плану, чтоб он мог смотаться

с банком, если выиграет чем не (Исусе, до чего я был полнёхонек) торговля без лицензии (ууй!), моя страна Ирландия, грит (хырк! тьху!), куда до этих долбаных (ну, вот последок истекает) ерусалимских (ах!) кукушек.

Тута, вобщем, как я пришёл обратно, они диньдонили вовсю, Джон Вайз грил, что это Цвейт дал идею для *Sinn Fein* через Грифитса, помещать в газете про все подтасовки, надувательства и махинации с налогами для правительства и назначать консулов по всему свету для продажи ирландских товаров. Грабь Петра на подаяние Павлу. Е-бо, это ж полный маздец, когда в дело вдерьмуется долбаный пучеглазик. Им только дай долбаную зацепочку. Боже храни Ирландию от таких вот хитрожопых пронюханов. М-р Цвейт со своим кизяком мизяком. А до него старик евоный наяривал тута аферы, старый Мефусалем. Цвейт, грабитель-мешочник, что отравился прусской кислотой, после того как наводнил деревни своими безделушками и бриллиантами по пенни за штуку. Займы по почте на любых условиях. Выдаётся любая сумма денег под расписку. Расстояние не помеха. Никакого обеспечения. Е-бо, он как козёл Ленти МакХейла, готовый пройти кусочек дороги с любым и каждым.

– Всё-таки, это факт,– грит Джон Вайз.– А вот и человек, который вам скажет то же самое, Мартин Канинхем.

Точняк, подъехала замковская коляска, а на ней Мартин и Джек Повер с ним, и один по имени Крофтер или Крофтон, оранжист, генеральный сборщик на пенсии, раскатывает по округе за счёт короны.

Наши путники достигли деревенской харчевни и спешились со своих скакунов.

– Эй, прислужник!– вскричал тот, кто, судя по выражению лица, был предводителем компании.– Наглый плут! Сюда!

Говоря это, он громко постучал рукоятью своего меча в распахнутый ставень.

Держатель таверны появился на призыв, опоясываясь по полукафтану.

– Доброго вам вечера, господа,– молвил он со льстивым поклоном.

– Пошевеливайся, молодчик!– воскликнул постучавший.– Позаботься о наших конях. А для нас подай лучшее из всего, что имеешь, ибо, клянусь, нам это нужно.

– Увы мне, добрые господа,– молвил хозяин,– в убогом доме моём отыщется разве что одно лишь нагольное сало. Уж и не знаю что предложить вашим милостям.

– Что ты плетёшь, приятель,– воскликнул второй из прибывших, мужчина приятной наружности,– так-то ты услужаешь королевским посланцам, мастер Бочкодуй?

Мгновенная перемена расплылась по лику хозяина.

– Уповаю на ваше милосердие джентельмены,– подобострастно молвил он.– Коль вы посланцы короля (храни Господь Его Величество!), вам ни в чём нужды не будет. Друзьям короля (благослови Боже Его Величество!) не придётся голодать в моём доме, присягаюсь в этом.

– Так поживее!– воскликнул путешественник молчавший до сих пор, с виду страстный чревоугодник.– Чем же попотчуешь нас?

Держатель таверны поклонился вновь, отвечая:

– А что вы скажете, добрые господа, на пирог с начинкой из жирных голубей, жареную оленину, седло барашка, утку с поджаристой ветчиной, кабанью голову с фисташками, блюдо омлета с пылу с жару, яблочный пудинг и бутыль старого рейнского?

– Уйху!– вскричал говоривший последним.– Вот это по мне. Фисташки!

– Ага!– воскликнул путник приятной наружности.– И ещё болтает про убогий дом и нагольное сало. Весёлый шельмец!

Тута Мартин заходит и спрашивает, где Цвейт.

– Где ж ему быть?– грит Лениен.– Разлапошивает вдов и сирот.

– Разве не факт,– грит Джон Вайз,– то что я сказал Патриоту про *Sinn Fein* и Цвейта?

– Это так,– грит Мартин,– или так полагают.

– От кого исходят такие предположения?– грит Альф.

– От меня,– грит Джо,– я их перволажатель.

– Так он еврей или поганин, или свято-римский, или оранжист, или что он, чёрт побери?– грит Нед.– Вернее: кто он? Без обиды, Крофтон.

– Нам таких не надо,– грит Крофтон, который сам не то оранжист, не то пресвитерианец.

– Кто же Юниус?– грит Дж. Дж.

– Старик его был обращёный еврей,– грит Мартин,– из откуда-то в Венгрии, и это он составил все проекты по венгерской системе. Такие у нас в замке сведения.

– А этот не племянник дантисту Цвейту?– грит Джек Повер.

– Ничуть нет,– грит Мартин,– просто однофамильцы. Фамилия у них была Виреж. Так звали отца, который отравился. Он сменил её в установленном порядке, отец, то есть.

– Вот вам и новый мессия для Ирландии,– грит Патриот.– Для острова святых и мудрецов.

– Что ж, они до сих пор ждут своего спасителя,– грит Мартин.– В этом смысле мы тоже.

– Да,– грит Дж. Дж.– и каждый мальчик, что у них рождается, по их понятиям, может оказаться их мессией. Потому-то любой еврей приходит в дикое возбуждение, как мне говорили, при известии, что станет отцом или матерью.

– В ожидании, что любая минута станет для них следующей,– грит Лениен.

– О, Боже мой,– грит Лениен,– видели б вы Цвейта перед тем, как родился этот его сын, который умер. Я как-то раз встретил его на Южном Рынке, он покупал жестянку питания для младенца за пять недель до того, как жена его родила.

– *En ventre sa mere*,– грит Дж. Дж.

– И это называется мужчина?– грит Патриот.

– Интересно, он хоть прибирал её с глаз подальше?– грит Джо.

– Ну, во всяком случае, родились же двое детей,– грит Джек Повер.

– И на кого у него подозрение?– грит Патриот.

Е-бо, много чего говорится шутя, но в точку. Это ж один из тех правильников. Половина его отлёживалась в отеле, Ссыкун мне рассказывал, раз в месяц с головной болью, как прибалделая с её делами. Знаешь чего скажу? Было б богоугодным делом ухватить такого вот правильника и вкинуть его в долбаное море. Оправданное смертоубийство, вот что оно было б такое. Да ещё улизнул с пятью золотыми, не поставивши пинту горючего, как положено мужчине. Поделись с нами своей благословенностью. Глаза ж у тебя от этого не повылазят.

– Благотворительность по-соседски,– грит Мартин.– Но где ж он? Нам ждать некогда.

– Волк в овечьей шкуре,– грит Патриот.– Вот что он такое. Вираж из Венгрии! Нарекаю его Агасфер. Проклятый Богом.

– Располагаете временем для краткого возлияния, Мартин?– грит Нед.

– Только по одной,– грит Мартин.– Нам надо по-быстрому.

– А тебе Джек? Дж. Дж.? Крофтон? Три половинных, Терри.

– Святой Патрик возжелал бы снова причалить к берегу в Болликинларе и обратить нас в христианство,– грит Патриот,– за то что допустили такой вот хрени запакостить собою наш остров.

– Ну,– грит Мартин и постукивает по стойке,– Бог благослови всех кто ни подвернётся, такая у меня молитва.

– Аминь,– грит Патриот.

– И я верю, что он-таки причалит,– грит Джо.

И под звон благовестящего колокола с распятием во главе и со служками, кадилоносцами, воскурителями, чтецами, остиариями, диаконами и поддьячими, благословенная процессия приблизилась к аббатам в митрах и к прелатам, и к охранителям, и к братиям:

монахи Бенедикта Сполетского, картузианцы, камалдолезцы, цистерианцы и оливеанцы,ораторианцы и валомброзианцы, и из братсва Августина, бригиттанцы, премонстатезианцы, сервианцы, тримитарианцы, и дети Петра Ноаско: и с ними же, с горы Кармел, дети пророка Илии, ведомые епископом Албертом и Терезой Авилонской, обутые и иные: и братья коричневые и серые, сыны нищего Франциска: капуцины, корделиры, минимы и обсерванты, и дщери Коары, и сыны Доминика, братия проповедников, и сыны Винсента: и монахи Св. Волстана: и Игнатиуса дети: и собратство христианских братьев, ведомые преподобным братом Эдмундом Игнатиусом Райтом. А следом шли все святые и мученики, девственницы и духовники: Св. Сир и Св. Исидора Аратор, и Св. Юлиан Восприимец, и Св. Феликс де Канталис, и Св. Симеон Столпник, и Св. Стефен Первомученик, и Св. Джон Божий, и Св. Фереол, и Св. Лейгард, и Св. Теодотус, и Св. Вальмер, и Св. Ричард, и Св. Винсент де Пол, и Св. Мартин Тодийский, и Св. Мартин Турский, и Св. Альфред, и Св. Иосиф, и Св. Денис, и Св. Корнелиус, и Св. Леопольд, и Св. Бернард, и Св. Теренций, и Св. Эдвард, и Св. Овен Каникулус, и Св. Анонимус, и Св. Эпонимус, и Св. Псевдонимус, и Св. Омонимус, и Св. Паранимус, и Св. Синонимус, и Св. Лоренций О'Тул, и Св. Джеймс Дингельский и Компостельский, и Св. Колумцила, и Св. Колумба, и Св. Целестина, и Св. Колман, и Св. Кевин, и Св. Брендан, и Св. Фригидян, и Св. Сенан, и Св. Фахтна, и Св. Колумбанус, и Св. Голл, и Св. Фурси, и Св. Финтан, и Св. Фиакр, и Св. Иван Непомук, и Св. Фома Аквинский, и Св. Айвес Британский, и Св. Мичан, и Св. Херман Иосиф, и три покровителя святолюбивой молодежи Св. Алозиус Гонзага, и Св. Станислаус Костка, и Св. Джон Берчманс; и святые Гервасий Сервасий и Бонифаций, и Св. Брайд, и Св. Киран, и Св. Канис Килкенийский, и Св. Ярлаф Туамский, и Св. Фимнбар, и Св. Паппин Балимунский, и Брат Алозиус Пацифистус, и Брат Луис Парабеллус, и святые Роза Лимская и Витербосская, и Св. Марфа Бефанская, и Св. Мария Египетская, и Св. Люция, и Св. Брижжит, и Св. Атракца, и Св. Димпна, и Св. Ита, и Св. Марион Калпенская, и

Блаженная Сестра Тереза младенца Исуса, и Св. Барбара, и Св. Схоластика, и Св. Урсула с одиннадцатью тысячами девственниц. И все они шествовали с нимбами и ореолами, и сияниями, неся пальмы и арфы, и мечи, и оливковые венки, в одеяниях, на коих вытканы были благие символы их воспомоществований: чернильницы, стрелы, буханки, крынки, кандалы, топоры, деревья, мосты, младенцы в корытах, раковины, бумажники, ножницы, ключи, драконы, лилии, самострелы, бороды, боровы, лампы, меха, ульи, черпаки, звёзды, змеи, наковальни, банки с вазелином, колокола, костыли, щипцы, оленьи рога, резиновые сапоги, коршуны, жернова, глаза на блюде, восковые свечи, кропильницы, единороги. И как верстали они свой путь мимо колонны Нельсона, по Генри-Стрит, Мэри-Стрит, Капел-Стрит, Малая Британская-Стрит, распевая вступительный гимн из *Epiphania Domini*, что начинается *Surge, illuminare*, а затем пренаисладчайше постепеннейший *Omnes*, где сказано *de Saba venient*, то свершали они многообразные чудеса, как то: изгнание бесов, поднятие в живые из мёртвых, преумножение рыб, исцеление слепых и расслабленных, обнаружение различных предметов положенных не на то место, толкование и исполнение писаний, благословения и пророчества. Наконец, под тканым пологом, явился преподобный отец О'Флинн, сопровождаемый Малачи и Патриком. И когда милостивые отцы достигли назначенного места – заведение Барнарда Кирнана и К°, лимитед, в 8, 9 и 10 по Малой Британской-Стрит, оптовая бакалея, поставки вина и бренди, с лицензиями на продажу пива и спиртного для потребления на месте, обрядоправящий благословил дом и окурил орамленные окна и подвалины, и своды, и выступы, и капители, и педименты, и карнизы, и круглые арки, и шпили, и купола, и окропил косяки благословенною водою, и молил Бога благословить сей дом, яко же благославил он дом Авраама и Исаака, и Якова, и населить Его Светоносными ангелами. И, войдя, благословил он пищу и напитки, и всех собравшихся, и благословенные отвечали на его молитвы.

—*Adiutorium nostrum in nomine Domini.*

—*Qui fecit cœlum et terram.*

—*Dominus vobiscum.*

—*Et cum spiritu tuo.*

И возложил он руки на благославенных и возблагодарил, и вознёс молитву, и они все молились с ним же:

–*Deus, cuius verbo sanctificantur omnia, benedictionem tuam effunde super creaturas istas: et praesta ut quisquis eis secundum legem et voluntatem Tuam cum gratiarum actione usus fuerit per invocationem sanctissimi nominis Tui corporis sanitatem et animæ tutelam Te auctore percipiat per Christum Dominum nostrum.*

– Да и мы все про то же,– грит Джек.

– Тыщу лет, Ламберт,– грит Крофтон или Кроттер.

– Точно,– грит Нед и поднял своего джона джеймсона.– И маслица к рыбке.

Я как раз оглядывался увидеть кто подаст счастливую мысль, когда, чёрт побери, но входит опять же ж он и прикидывается, будто в спешке до чёртиков.

– Я только что заглянул в здание суда,– грит,– искал вас. Надеюсь я не...

– Нет,– грит Мартин,– мы готовы.

Здание суда! Мой глаз и твои карманы, оттянутые золотом и серебром. Недомерок ты долбаный. Поставил нам, называется, выпивку. Чёрта лысого! Вот вам и еврей. Все для номера первого. Ушлый, как сортирная крыса. Сотнягу за пятерик.

– Никому не сболтни,– грит Патриот.

– Простите не понял,– грит он.

– Ну, пошли уже,– грит Мартин, как увидал что тут стаёт фиолетово.– Нам пора.

– Никому на сболтни,– грит Патриот и уж прям-таки криком.– Это секрет!

А долбаный псина проснулся и ну – рычать.

– Пока-пока всем,– грит Мартин.

И он повёл их, как мог побыстрее, Джека Повера и Крофтона, или как там он, и его же между ними, а тот прикидывается будто никак не поймёт ничего, и они, всем кагалом, на эту долбаную коляску.

– Двигай-давай,– грит Мартин вознице.

Дельфин молочнобелый встряс гривою своей и, стоя на позолоченной корме, кормчий распустил под ветром вспузырившийся парус, и вдаль отправился под всеми парусами, косой шпиннакер по левому борту. Множество прекрасных нимф подплыли к правому борту, и к левому и, льня к бокам благородного барка, они сплели свои сияющие формы, как вершит хитроумный колесник, когда прилаживает вкруг маточины колеса равноудалённые спицы, каждая из оных сестра другой, а он обвязывает их внешним ободом и даёт быстроту ногам человеков, когда скачут они на битву, или же состязаются за улыбку прекрасных дам. Точно так же и они приблизились и расположились, эти поспешливые нимфы, неумирающие сестры. И смеялись они, резвясь в кругу своей пены: и барк рассекал волны.

Ну, е-бо, я как раз оторвался от кружки, когда гляжу Патриот подхватился и валит на выход, пыхтит и отсапывается водянкой, да ещё клянёт его бранью Кромвеля "звон, кол, двор", по-ирландски, брыжжет слюной и руганью, а Джо и малой Альф вкруг него, как гномики, хотят утихомирить.

– Пустите меня,– грит он. И, е-бо, доволакивается до дверей, а они его держат и он орет:

– Троекратно ура Израилю!

Вуй! Да сядь ты на парламентскую часть своей задницы, Христа ради, и не устраивай из себя публичную выставку. Исусе, вечно тута какой-нибудь долбаный клоун всхороводит дым столбом из-за долбаного ничего. Е-бо, у тебя прям портвейн в потрохах скисает, вот и всё.

А все оборванцы и задрипанки нации собрались под дверью, и Мартин говорит вознице трогать, а Патриот ревёт, а Альф и Джо его зашикивают, а он на своем коньке насчёт евреев, а зеваки кричат,

чтоб речь толкнул, а Джек Повер старается усадить того в коляске и не дрыгать долбаной челюстью, а какой-то зевака с бельмом на глазу зачинает петь *"Провали ли б все евреи на луну-ну-ну"*, а какая-то задрипанка вопит:

– Эй, мистер у тебя матня расстегнута, мистер!

А он грит:

– Мендельсон был еврей и Карл Маркс, и Меркаданте, и Спиноза. И Спаситель тоже еврей был, и папа его еврей. Ваш Бог.

– У него отца не было,– грит Мартин.– И довольно. Поезжай.

– Чей Бог?– грит Патриот.

– Ладно, дядя его был еврей,– грит он.– Ваш Бог был еврей. Христос был еврей, как и я.

Е-бо, Патриот враз рванул обратно в зал.

– Клянусь Исусом,– грит,– я этому долбаному еврейну череп развалю. Я ему покажу, как марать святое имя! А ну, сюда мне эту печенную коробку.

– Стой! Стой!– грит Джо.

Большое и прочувствованное скопление друзей и знакомых со всего метрополиса и из пригородов Дублина собралось в своем многотысячьи попрощаться с агьязогос урам Липоти Вireж, до недавних пор подвизавшегося у г. г. Александер Том, печатники Его Величества, по случаю его отбытия в отдалённый край Щажарминчброюгуляш (Луг Журчащий Вод). Церемония, проходившая с большой помпой, отличалась самой тёплой сердечностью. Расписной свиток древнего ирландского пергамента – изделие ирландских художников, был преподнесен выдающемуся феноменологу от лица большей части населения и впридачу подарен серебряный бочонок, со вкусом выполненый в стиле древнего кельтского орнамента, работа, в которой отразились достоинства изготовителей, г. г. Джекоб *agus* Джекоб.

Отбывающий гость удостоился сердечной овации, многие из присутствующих заметно растрогались, когда отборный оркестр ирландских духовых грянул хорошо известный мотив

ВОЗВРАЩАЙСЯ В ЭЙРИН, а за ним сразу же последовал МАРШ РАКОЦИ. Дегтярные бочонки и костры были зажжены вдоль береговой линии всех четырёх морей, на вершине горы Тёрн, Трехскального Холма и Сахарной Головы, Вопящей Башки, на горах Морна, Гелвея и на пиках Окс и Донегал, и Шперрин, на холмах Наглса и Болграга, и Коннемара, на кряжах М'Джилликади, Слив Оти, Слив Бернаг и Слив Цвет.

Под крики "ура!", потрясавшие небеса, и под ответные "ура!", которыми откликнулись рьяные приверженцы, густо столпившиеся на отдалённых Кембрианских и Каледонских взгорьях, мастодонтоподобный прогулочный корабль медленно отошёл, осыпаемый заключительным салютом цветочного воздаяния от представительниц прекрасного пола, явившихся в громадном количестве, покуда корабль продвигался вниз по реке, с эскортом флотилии барж, флаги на конторе Балластонадзора и на Таможне были приспущены, отдавая салют, как и флаги на электростанции, у Голубятни: *Visszontlatastra, Kedves baraton! Visszontlatastra!* Покинул, но не забыт.

Е-бо, его б и дьявол не остановил, как ухватил-таки жестянку и выскочил наружу, а малой Альф висит у него на локте, а он вопит, как свинья проткнутая, ну, чем тебе не долбаный спектакль в королевском театре.

– Где он, я его кончу!

А Нед и Дж. Дж. парализованы смехом.

– Долбаные войны,– грю,– я всё ж таки за последнюю заповедь.

Но тут уж вознице посчастливилось развернуть клячук и – покатили.

– Брось, Патриот,– грит Джо,– прекрати.

Е-бо, он отвёл руку и метнул с размаху. Бог смилостивился, что у него глаза были залиты, не то б он сделал из него покойника. Е-бо, он чуть не докинул до графства Лонгфорд. Долбаная кляча напугалась, а старый псина следом за коляской, как долбаный

чертяка, а люди вопят, хохочут и старая жестянка дребезжит по улице.

Катастрофа была мгновенной и сопровождалась ужасающими последствиями. Обсерватория Дансинка зарегистрировала в общей сложности одиннадцать толчков и все пятибальные, по шкале Мерчелли, столь рекордного размаха сейсмические встряски на нашем острове не достигали со времени землетрясения 1534 года, года восстания Шёлкового Томаса.

Эпицентр, предположительно, находился в той части столицы, которую составляет округ Гостиничной Пристани и приход Святого Михана, покрывая поверхность в сорок один акр, две сотки и один квадратный локоть. Все многоэтажные жилые дома в окресностях дворца правосудия разрушены, а само это благородное здание, в котором в момент катастрофы велись важные юридические дебаты, представляет собой буквально груду развалин, под которыми, надо полагать, все присутствовавшие на тот момент остались похоронены заживо. По свидетельствам очевидцев, сейсмические волны сопровождались резким атмосферным завихрением циклонного характера. Головной убор принадлежавший, как теперь выяснилось, клерку короны и мирового м-ру Джорджу Фотреллу, и шелковый зонт с золотой ручкой и выгравированными инициалами, гербом и номером дома эрудита и почтенного председателя квартальной сессии сэра Фредерика Фалкинера, регистратора Дублина, были обнаружены поисковыми партиями в отдалённых районах острова: первая на третьей базальтовой гряде Спуска Великана, второй вонзённым на глубину в один фут и три дюйма, на песчаном пляже залива Дырокрыт у пологого мыса Кинсейл, соответственно. Другие очевидцы присягают, что наблюдали раскаленный объект громадных размеров, пронёсшийся в атмосфере с ужасающей скоростью по траектории направленной к западу-юго-западу.

Послания соболезнования и сочувствия ежечасно поступают изо всех уголков разных континетов и верховный священослужитель милостиво соизволил повелеть, чтобы специальная *missa pro*

defunctis было одновременно торжественно отслужена ординариями любой и каждой кафедральной церкви во всех епископальных диоцезах, подлежащих духовной власти Святого Престола, об упокоении душ верующих, что так нежданно были призваны от нас. Проведение спасательных работ, приборка исковерканных людских останков и т. д. было доверено г. г. Майкл Мид и Сын, Большая Брунсвик-Стрит, и г. г. Т. Дж. Мартин, Северная Стена 77, 78, 79 и 80, при содействии личного состава и офицеров полка легкой инфатерии герцога Корнуэльского, под общим командованием контр-адмирала Его королеского Величества, досточтимого сэра Геркулеса Ганнибала абеас Корпус Андерсона, Р. П., Р. К., Р. К. Б., Ч. П., М. С., Б. М., О. В. С., О. Г. Ш., М. П. О., Ч. К. И. А., Б. Л., Док. Муз., Г. П. Л., П. Д. К. Т., П .О. К. И., П. К. С. П. И., и П. К. С. С. И.

Такого ты во всю переднюю жизнь не видал. Е-бо, если б этот лотерейный билет шмякнул его по чердаку, уж он попомнил бы эти скачки на Золотой Кубок, так и знай, но, е-бо, тогда б Патриота повязали за нападение с избиением, а Джо за пособничество и подстрекательство. Возница спас ему жизнь, что погнал вскачь. Так же точно, как что Бог сотворил Моисея. А? Исусе, точно, что спас. И он пустил залп проклятий ему вдогонку.

– Я пришиб его,– грит,– или как?

И кричит долбаному псу:

– Взять его Герри! Взять его, малыш!

И, напоследок, мы увидели как долбаная коляска свернула за угол и старая овечья морда на ней руками машет, а долбаная дворняга метёт следом, аж уши за спиной полощутся, чтоб разодрать его на долбаные части. Сотню за пять! Исусе, он содрал с него сколько причитается, я те отвечаю.

Когда ж, о диво, разлилось вкруг всех их великое сияние и узрели они колесницу, где Он стоял, возносясь к небесам. И узрели они его в колеснице, облаченного сиянием славы, в одеждах блистающих подобно солнцу, ясных как луна и грозных, ибо не смели они взглянуть на него. И дошёл голос с небес, воззвавший: ИЛИА! ИЛИА!

И ответил он громким криком : АББА! АДОНАИ! И узрели они Его также Его, бен Цвейт Илию, средь облак из ангелов, возносимого к славе осиянной, под углом в сорок пять градусов над трактиром Донахью на Малой Грин-Стрит, как взброс с лопаты.

* * *

Летний вечер постепенно охватывал мир своим таинственным объятием. Далеко на западе садилось солнце и последний отблеск столь быстролётного дня любовно длился над морем и над прибрежным пляжем, над горделивой вершиной старого милого Тёрна, извечного опекуна вод залива, над зеленью утёсов вдоль берега у Сэндикова и (пусть в заключение, но столь же значимо) над мирным храмом, откуда порой изливались в вечернюю тишь звуки молитвы к той, чьё чистое сияние являет вечный маяк в бушующем сердце человека – к Марии, путеводной звезде.

Три подружки сидели на камнях, наслаждаясь картиной вечера и свежим, но не промозглым воздухом. Давно уж и довольно часто хотелось им прийти сюда, в излюбленный их уголок и, близ искристых взблесков волн, всласть поболтать, обсуждая чисто женские дела и вопросы. Кисси Кэфри и Эди Бодмен с младенцем в колясочке, а также Томми и Джеки Кэфри – два кудрявоголовых мальчугана в матросских костюмчиках и в одинаковых шапочках, где печатными буквами значилось БЕЛАЙСЛ: К.Е.В. Ведь Томми и Джеки близнецы, которым всего-то четыре года отроду, причём весьма шумливые и избалованные близнецы, хотя, вобщем, премилые крохи с весёлыми смеющими личиками – просто прелесть. Вот они и возились в песке со своими лопатками и ведёрками, строя крепости, как заведено у детишек, либо бегали за своим большущим многоцветным мячом, полные счастья, как долгий ясный день. А Эди Бодмен покатывала туда-сюда колясочку с младенцем-ангелочком и этот юный джентельмен прямо-таки захлёбывался от восторга. Ему исполнилось всего одиннадцать месяцев и девять дней. Но этот, совсем ещё малюсенький пупсик, начинал уже лепетать свои первые младенческие слова.

Кисси Кэфри склонилась над ним: пощекотать его пухленькие щёчки и прелестную ямочку на подбородке.

– Ну-ка, малыш,– сказала Кисси Кэфри.– Скажи-ка нам, хорошо-прехорошо. "Я хочу водички."

И крохотулька пролепетал за нею:

– А аньк аньк абонь.

Кисси Кэфри немножко потискала ребёночка, уж очень она любит малышат, и столько у неё с ними терпения, вон Томми Кэфри, например, нипочём не заставишь принять касторовое масло, покуда она, Кисси Кэфри, не возьмёт его за нос и не пообещает ему хрусткую горбушку от буханки чёрного, намазаную золотистым повидлом. Просто мастерица найти к ним подход эта девушка! Но и ребёночек в коляске, ах! – просто золотко и загляденье в его новых цветастых ползунках. Так что всякие там порченые красотки, вроде Флоры МакФлинси, не идут ни в какое сравнение с Кисси Кэфри. Не сыскать другой такой чистосердечной девушки на свете, с неизменной улыбкой в её цыганистых глазах и весёлым словцом на алых, словно спелая вишня, губках – что за прелесть эта девушка! Вон и Эди Бодмен рассмеялась на забавный лепет своего братика.

Но в этот момент между мастером Томми и мастером Джеки случилось маленькое разногласие. Мальчишки есть мальчишки, и наши двое близнецов не составляют исключения из этого золотого правила. Яблоком раздора послужила одна из песчаных крепостей, которую выстроил мастер Джеки, а мастер Томми чуть было не испортил, намереваясь архитектурно дополнить парадной дверью, как у башни Мартелло. Но если мастер Джеки был упрям, то мастер Томми тоже не подарок и, согласно пословице, что для каждого малыша-ирландца дом это его крепость, он дал отпор назойливому сопернику да так, что посягнувший крепко пострадал и (ах, какая жалость!) вожделенная крепость тоже. Нечего и говорить, что вопли расстроенного мастера Томми привлекли внимание подружек.

– Поди-ка сюда, Томми,– повелительно окликнула его сестра.– Сию минуту! А тебе, Джеки, стыдно толкать бедняжку Томми в грязный песок. Ну, погоди – схлопочешь ты у меня.

Непролитые слёзы туманили глаза мастера Томми, когда он приблизился на её зов, потому что слово старшей сестры было законом для близнецов. И весь его вид казался таким жалким после стрясшегося злоключения. А шапочка маленького военного моряка, и неназываемые части туалета были все в песке. Но Кисси просто волшебница, если надо загладить мелкие неприятности жизни, и вот уже на его нарядном костюмчике не видно ни песчинки. Однако, синие глаза всё ещё полны жгучих слёз, что готовы вот-вот пролиться, и она, сцеловывая обиду, погрозила рукой мастеру Джеки, виновнику, да ещё сказала, что доберётся до него, и глаза её при этом грозно приплясывали.

– Гадкий Джеки!– крикнула она.

Она обняла рукой маленького матроса и неотразимо подлизалась:

– Как тебя зовут? Масло со сливками?

– Скажи-ка, кто твоя любимая,– заговорила Эди Бодмен.– Кисси твоя любимая?

– Неа,– сказал полнослёзый Томми.

– Эди Бодмен твоя любимая?– принялась выведывать Кисси.

– Неа,– сказал Томми.

– Я знаю,– медоточиво произнесла Эди Бодмен и хитро повела своими близорукими глазами.– Я знаю кто у Томми любимая. Герти его любимая.

– Неа,– сказал Томми, готовясь разреветься.

Быстрый материнский инстинкт подсказал Кисси в чём причина и она шепнула Эди Бодмен завести его за колясочку, чтоб не на виду у джентельмена, но так чтоб он не замочил свои новые башмачки из дублёной кожи.

Но кто же такая Герти?

Герти МакДовел сидит неподалёку от подруг, устремив в дальнюю даль свой взор полный глубокой задумчивости, и она воистину неотразимый образец неотразимого ирландского девичества, которым всякий был бы рад полюбоваться. Писаная красавица, по мнению всех её знакомых, правда, некоторые при этом утверждают,

что она скорее в Гилтропов, чем в МакДовелов. Её тонкая грациозная фигура могла бы, пожалуй, оставить впечатление излишней хрупкости, но те железосодержащие пастилки, на которые она недавно перешла, пошли ей на пользу—да ещё как!—намного лучше женских пилюль Вдовы Велч, и без всяких побочных эффектов и чувства усталости. Восковая бледность её лица, подобная своею чистой белизной слоновой кости, придавала ей вид одухотворённости, однако, розовый бутон её губ смотрелся настоящим луком Купидона, ну, абсолютно греческий стиль. И руки словно выточены из алебастра, с тонкими прожилочками вен и длинными сужающимися пальцами настолько идеальной белизны, насколько можно добиться соком лимона и питательными кремами, и вовсе неправда, будто она одевает замшевые перчатки на ночь, или что парит ноги в молоке. Берта Сапл однажды сказанула такое Эди Бодмен—какая наглая ложь!—но тогда она была на ножах с Герти (девушкам-подружкам тоже случается пофыркаться, как и прочим смертным) и ещё она ей сказала ни за что не говорить, что это она ей сказала, как бы она ни выпытывала, не то она больше не будет с ней разговаривать. Нет. Пусть честь воздаётся по заслугам. Потому что чувствуется в Герти какая-то внутренняя утончённость, а в изысканной форме её рук и крутом арочном подъёме ступни неоспоримо проступает спокойное королевское превосходство. Да, будь судьба к ней подобрее, чтоб она родилась джентльдамой высокого разряда, при соответственных правах, и чтоб имелась возможность настоящего образования, то Герти МакДовел запросто была б на равных с любой леди страны и щеголяла бы в изысканных нарядах с драгоценностями на челе, и видела б у ног своих высокородных женихов, оспаривающих друг у друга право угождать ей.

Может, именно это – все ещё не сбывшаяся любовь – и наполняла временами нежные черты её лица выражением сосредоточеной и сдержанной многозначительности, придавая прекрасным глазам оттенок странного призыва, перед чарующей силой которого мало

кто в силах устоять. Откуда берутся у женщин такие колдовские очи? У Герти они лучились синейшей ирландской синевой, отенённые густыми ресницами и тёмными выразительными бровями. Когда-то эти брови не были столь шелковисто-пленительны. Это мадам Вера Верити, хозяйка страницы Женской Красоты в альманахе ПРИНЦЕССА, первой посоветовала ей испробовать новую линию бровей, которая придаст глазам возвышенное выражение, такое же чарующее, как у законодательниц моды, и она об этом ни разу не пожалела. Ещё там были советы как научно излечиться, чтобы не краснеть, и как стать выше ростом, придав себе статности, и ещё – у вас красивое лицо, но ваш нос? Вот что пригодилось бы м-с Дигнам, потому что нос у неё просто кнопка. Однако, венцом славы было самое драгоценное достояние Герти – её прекрасные волосы. Тёмнокаштановые с натуральной волнистостью. Как раз сегодня утром она их подстригла по случаю новолуния, и они вились вокруг её прелестной головки обильем роскошных локонов, и ещё обточила ногти, ведь четверг для богатства. И вот теперь, после слов Эди, когда красноречивый румянец, нежный как утончённейшее цветение розы, прокрался на её щеки, она преисполнилась настолько неотразимо милой девичьей смущённости, что—видит Бог!—во всей пресветлой земле Ирландии не сыщется равных ей.

Какой-то миг она молчала с явной грустью, потупив взор, и собиралась уже дать ответ, но что-то вдруг сдержало слова на устах. Хоть и хотелось высказаться, однако, достоинство подсказывало промолчать. Хорошенькие губки чуть надулись, но она тут же подняла глаза и рассыпалась радостным смехом, юным подобием свежего майского утра. Уж кому, как не ей, знать с чего это косоглазка Эди завела такие речи – намекнуть, что он поостыл в ухаживании, а на самом деле это просто размолвка влюблённых. Ясное дело, кое кто готова просто нос вывихнуть за парнем, который гоняет на велосипеде под её окном, туда-сюда. Просто сейчас отец не выпускает его по вечерам, чтоб подзанимался и хорошо сдал, ведь после школы ему поступать в колледж Троицы и учиться на

доктора, по стопам его брата В. Е. Вайли, который участвует в велогонках за Студенческую Команду коллежда Троицы. Его, наверное, не слишком-то заботит каково ей всё это, как порою в сердце глухо ноет пустота, пронизывая до глубины. Впрочем, он ещё так юн, хотя возможно, со временем, ещё научится любить её. В семье у него все протестанты и, конечно, Герти знала Кто превыше всех, а за ним Всеблагая Дева, а потом Святой Иосиф. Бесспорно, он привлекателен и выглядел тем, кем был – джентельмен каждым своим дюймом, а также формой головы, сзади, когда без кепки, она ведь всё примечает, если что-то необычное, и как он заворачивает велосипед у столба, не держа руль руками, и какой приятный аромат у тех дорогих сигарет, да и к тому же они ростом так подходят друг другу, вот почему Эди Бодмен позволила себе так мерзко поумничать, раз он перестал раскатывать туда-сюда перед её палисадничком.

Одета Герти была просто, но с инстинктивным вкусом прирождённой Модной Дамы, что-то ей подсказывало – а вдруг он встретится. Изящная блузка цвета голубой электри́к—собственоручной окраски (потому что ДАМСКИЙ ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ полагал, что в этом сезоне в моде будет голубой электри́к)—с манящим разрезом вниз, до ложбинки, и карманчиком для платка (где она всегда держала клочок ваты с ароматом её любимых духов, потому что платок портит контур) и матросская, в три четверти, юбка свободного кроя великолепно подчёркивали её тонкую грациозную фигуру. На голове кокетливая миленькая шляпка широкой чёрной соломки с контрастной отделкой из подкладки синеватой шенили, а сбоку узел-бабочка того же оттенка. Весь прошлый вторник она охотилась за такой шенилью и, наконец, нашла в самый раз на летней распродаже у Клери, чуть залёжанная, но никто даже не заметит, два и пенни за всё про всё. И она сама же и мастерила, а потом так обрадовалась, когда примерила и улыбнулась своему милому отражению в зеркале! Потом она натянула её на кувшин, чтоб сохранялась форма, зная что

теперь наверняка собьёт спесь кое-кому из её знакомых задавак. И туфли на ней были новейшей моделью обуви (хоть Эди Бодмен и задается, что у неё размер *petite*, но у неё никогда не было и не будет такой ножки, как у Герти МакДовел – номер пятый), с лакированными носочками и с одинарной изящной застёжкой на её высоком подъеме. Её, классическая по форме, лодыжка демонстрировала свои превосходные очертания из-под юбки, показывая—в пределах пристойности и не более того—её пропорциональные конечности, обтянутые чулками-паутинкой, с высокой пяткой и широким верхом для подвязки. Что касается нижнего, то это всегда было первоочередной заботой Герти и кто их тех, кому ведомы трепетные надежды и страхи семнадцатилетия (хотя семнадцать ей уже исполнилось), наберётся духу порицать её? У неё имелись четыре набора для смены, с ужасно миленькой вышивкой, из трёх предметов, да ещё ночнушка, а каждый из наборов с отделкой из ленточек своего цвета—розовый, голубой, фиалковый и бледно-зелёный—и она их сама высушивала и подсинивала, когда они возвращались домой из стирки, и гладила тоже сама, у неё даже есть кирпич, чтобы ставить утюг, потому что прачкам она не доверяет, когда убедилась, что они прожигают вещи.

Она одела голубое – привлечь удачу, всё ещё надеясь, всему наперекор, к тому же это не только цвет девичьей удачи, но ещё и её цвет – как тут не одеть что-нибудь голубое, потому что на ней было зелёное в тот день, когда отец загнал его домой готовиться к экзаменам, а кроме того ей подумалось, вдруг ему удасться выйти на улицу, потому что когда она одевалась сегодня утром, то чуть было не натянула свои старые наизнанку, а это уж к удаче и к встрече влюблённых, если одеваешь такие вещи наизнанку, если только это не пятница.

И всё-таки, и всё же! Это озабоченное выражение её лица! Щемящая неизбывная грусть не покидает её. Душа её вся целиком прихлынула к её глазам и она весь мир бы отдала, только бы оказаться в привычной уединённости своей комнаты, где смогла бы

дать волю слезам и выплакаться хорошенько, облегчить свои угнетённые чувства. Впрочем не чересчур, потому что она умела очень мило проливать слезы перед зеркалом. Ты прелестна, Герти, говорило оно ей.

Призрачный вечерний свет ниспадает на бесконечно печальное и умудрённое лицо. Душа Герти МакДовел в напрасном томлении. Да, она с самого начала знала, что её грёзы наяву о бракосочетании под перезвон свадебных колоколов в честь м-с Регги Вайли (протому что просто м-с Вайли именуют ту, которая выходит за старшего брата), и о роскошном дорогом платьи из серого, с отделкой мехом редкостной голубой лисицы, ведь м-с Гертруда Вайли разбирается в тонкостях моды, так и останутся несбыточными. Он слишком юн, чтобы понять. Он не поверит в любовь, это удел женщин по праву рождения. И как же далёк тот вечер у Стоеров (тогда он носил ещё короткие штаны), где они остались вдвоём и он украдкой обвил её за талию рукою, а у неё даже и губы побледнели. И он назвал её малышкой, таким странно хриплым голосом и сорвал полпоцелуя (первый!), но тот задел лишь самый кончик её носа, а он сразу же заторопился уйти из комнаты, что-то бормоча насчёт прохладительных. Такой непостоянный! Сила характера никогда не была отличительной чертой Регги Вайли, а тот, кому удасться завоевать Герти МакДовел, должен быть мужчиной из мужчин. Но так трудно ждать и только лишь ждать покуда попросят, а ведь сейчас високосный год к тому же, и такие быстро минуют. В её прекрасной мечте о небывалой удивительной любви, к её ногам её слагал вовсе не милый принц, а мужественный мужчина, со спокойным сильным лицом, которому так и не встретился его идеал, и волосы, возможно, уже чуть тронуты сединой, зато он всё понимает и, заключив в надёжное объятие, прижмет её к себе со всей страстной силой своей глубокой натуры и утешит её долгим нескончаемым поцелуем. Это было бы как в раю. Вот по такому-то и томится она в этот благоуханный летний вечер. И всем своим сердцем готова стать верной только ему, быть супругой его в

богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, отныне и до того дня, покуда смерть не разлучит их.

И когда Эди Бодмен отвела маленького Томми за колясочку, ей как раз подумалось – придёт ли тот день, когда она сможет назвать себя его жёнушкой. И пусть потом они болтают о ней до посинения, и Берта Сапл тоже, и Эди, которая чуть ли не огнем плюётся, потому что в ноябре ей будет двадцать два. Она бы сумела создать ему уют, потому что Герти была по-женски мудра и знала, что мужчины любят, чтоб их обхаживали. Её пирожки, поджаренные до золотисто-коричневого оттенка, и восхитительный кремовый пудинг королевы Энн нахваливают все, кто пробовал, всё оттого, что у неё лёгкая рука, даже и камин разжигается с первого раза, нужна мелкая дрожжевая мука и постоянно помешивать в одном направлении, потом добавить молока, сахара и взбивать, и ещё чуточку яичного белка, а вот уж есть она не любитель, смущается, когда вокруг много людей, поэтому ей не раз думалось: почему не получается есть что-нибудь поэтичное, типа фиалки, или розы, и у них была бы красиво обставленная гостиная с картинами и гравюрами, и с фотографией милого дедушкиного пса, Герриовена, он до того умный, что чуть ли не разговаривает, и с цветными чехлами на стульях, и с тем серебряным подносом с летней распродажи у Клери, какие бывают в богатых домах. А сам он такой высокий и широкоплечий (её всегда восхищали высокие женатые мужчины), со взблеском белых зубов под тщательно подстриженной щёточкой усов, и свой медовый месяц они проведут на континете (три чудесных недели!), а потом, когда обустроятся в миленьком удобном и уютном домике, то по утрам у них будет завтрачек на двоих, простой, но превосходно сервированный, и перед уходом на службу он будет крепко обнимать свою любимую жёнушку, на миг засматриваясь в её бездонные глаза.

Эди Бодмен спросила Томми Кэфри, кончил он, что ли, и он сказал, что да, и тогда она застегнула ему штанишки и велела бежать и поиграть с Джеки, и быть хорошим мальчиком, и не драться. Но

Томми сказал, что он хочет мяч, а Эди сказала, что нет, с мячом играет маленький и, если он заберёт, будет столько крику, но Томми сказал, это его мяч и что он хочет свой мяч, и стал даже подпрыгивать на месте, вы полюбуйтесь только. Что за характер! О, он уже мужчина этот маленький Томми Кэфри, хотя только вчера вырос из слюнявчиков. Эди сказала ему, что нет и нет, и пусть идёт с глаз, и она сказала Кисси Кэфри не потакать ему.

– Ты не моя сестра,– сказал непослушный Томми.– Это мой мяч.

Но Кисси Кэфри сказала маленькому Бодмену посмотреть вверх-вверх, высоко, на её палец, и мигом выхватила мяч, и швырнула его по песку, а Томми пустился следом во весь опор, добившись своего.

– Чего не сделаешь ради спокойной жизни,– засмеялась Кисси.

И она пощекотала малышонка под обе щечки, чтоб он забыл, и стала играть: вот лорд-мэр, вот две его лошадки, вот его карета-пирожок, а вот он заходит: щипульки, щипульки, щипульки, щип. Но Эди надулась, как мышь на крупу, что он такой настырный и все его всегда балуют.

– Уж я б ему дала,– сказала она,– ох, и дала б, не скажу по чём.

– По задовнице,– весело засмеялась Кисси.

Герти МакДовел потупилась и покраснела, пламенея тёмно-розовым румянцем – подумать только, какую непристойность для женских уст выдала эта Кисси, да так громко, она бы умерла от стыда, сказав такое – и Эди Бодмен заметила, что джентельмен напротив наверняка услышал что она тут ляпнула. Но с Кисси как с гуся вода.

– Пусть слышит,– сказала она и, с упрямым встряхом головой, задиристо выставила нос.– Буду я на него смотреть. Дай и ему по тому же самому месту.

Ох, уж эта сумашедшая Кисс с её торчащими, как пружинки, волосами. С ней порой и не хочешь, да засмеёшься. Например, когда спросит, не угодно ли вам чаю с валиновым мареньем, и начнёт расставлять чашки, а на её ногтях мужские рожицы красными чернилами, или когда ей надо сходить (сами знаете куда) она

говорит, что забежит проведать мисс Беляшку. И во всём эта Кисси такая. Разве забудешь тот вечер, когда она в костюме и шляпе своего отца намалевала себе усики жжёной пробкой и прошлась по Тритонвил-Роуд, покуривая сигарету? Может такое учудить, что в жизни никто не додумается. А вместе с тем, она – сама искренность, наихрабрейшее и честнейшее сердечко из всех, что сотворяло небо, это вам не какие-то там двуличницы, слишком приторные, для настоящей подруги.

В этот момент в вечернем воздухе проплыл звук голосов и сладкозвучный гимн органа. Это с собрания непьющих мужчин, где миссионер, его преподобие Джон Хьюг, Об. Ис., правит молебен, службу и благословляет всех Преблагим Писанием. Они собрались воедино, без разграничений на общественные классы, и до чего же назидательно это зрелище сказавших "нет" алкоголю в скромном храме у края волн, где, после бурь в этом мире полном трудов и забот, преклонили они колени, исполняя литанию Лорета, моля её о заступничестве – такие древние, но столь знакомые всем слова: Святая Мария, Пресвятая Дева дев. Но, ах, как печалят эти звуки слух Герти! Если бы её отец тоже отринул демонскую привычку напиваться, дав зарок, или с применением порошков от зловредной склонности к пьянству, которые рекомендует еженедельник Пирсона, она бы к сегодняшнему дню уже раскатывала бы на собственном роскошном экипаже. Столько раз повторяла она себе это, задумчиво сидя над угасающими угольями в коричневом кабинете и не зажигая лампы, потому что терпеть не может двойное освещение, либо мечтательно глядя за окно, когда дождь накрапывает в заржавелое ведро. Да, это гадкое зелье, разбившее столько сердец и семей, омрачило своей тенью и дни её детства. Увы, даже в семейном кругу ей приходилось быть свидетельницей диких поступков, следствие невоздержания, и видеть, как её родной отец, во власти паров опьянения, совершенно терял голову, потому что Герти твердо знает одно: если мужчина подымет руку на женщину, с каким бы то ни

было (кроме как приласкать) намерением, то этому нет оправдания и иного названья кроме как гнуснейшая из всех мерзостей.

А голоса те сливались в молитве к Деве, самой могущественной, наимилосерднейшей Деве. И Герти, погрузившись в задумчивость, едва ли слышала и замечала своих подружек, или близнецов в их мальчишьей возне, или джентельмена на песчаной косе, которого Кисси Кэфри назвала мужчиной, и который так схож с ним; должно быть пришёл немного прогуляться по пляжу. Правда, по нему никогда не скажешь, что выпивши, но даже и при всём при этом сама она ни за что б не выбрала себе такого отца, может оттого, что слишком старый, или из-за его лица (это был явный случай по доктору Феллу), или из-за его рубинового носа с прыщами, или усов песочного цвета, но побелелых под самым носом. Бедный отец! Несмотря на все его недостатки, ей всё ещё нравилось, когда он пел *СКАЖИ-КА, МЭРИ, КАК С ТОБОЙ ПОЖЕНИХАТЬСЯ* или *МОЯ ЛЮБОВЬ И ДОМИК ВОЗЛЕ РОЧЕЛЛА*, в такие дни, когда у них на ужин тушёные мидии и латук с салатной приправой Лезенби, или когда он пел *ВЗОШЛА ЛУНА* с м-ром Дигнамом, который скорпостижно умер и похоронен, помилуй его Боже, от удара. Недавно был день рожденья её матери и Чарли приехал на каникулы, и тогда Том, и м-р Дигнам, и м-с тоже, и Пэтси, и Фредди Дигнам, и все собрались сфотографироваться всей семьей. Кто бы мог подумать, что конец так близко.

Теперь он погребён в упокоеньи. И её мать ему сказала, пусть это станет ему предупреждением на все оставшиеся дни, а он не смог даже пойти на похороны из-за подагры и ей пришлось выйти в город и принести ему письма, и образцы из его конторы корковского линолеума Кейтсби, живописный узор, хоть во дворец, отличается надёжной прочностью и дом становится ярким и нарядным. Герти была просто безупречно прекрасной дочерью, прямо-таки вторая мать в доме, домашний ангел-управитель с сердечком чистого золота. А когда у матери раскалывается голова от этих диких болей, кто как не Герти втирает ей в лоб ментол из флакончика, правда ей

не нравится, что её мать принимает понюшки табаку, и это единственное разногласие, которое может случаться между ними, из-за её привычки нюхать табак. По мнению всех она до того обходительна – просто прелесть. И именно Герти каждый вечер перекрывает основной газовый кран, и она же приклеила на стене в одном месте (которое никогда не забывает обрабатывать хлоркой из бакалейной м-ра Таннера каждые две недели) картинку из рождественского альманаха с изображением дней Альционы, где молодой джентельмен в костюме, какие носили когда и треугольные шляпы, протягивает букет цветов своей возлюбленной леди со старосветской галантностью через её окошко с жалюзи. Сразу догадываешься, что за всем этим целая история. Там так красиво подобраны цвета. Она в мягко облегающем белом со сборками, а джентельмен в шоколадном, и выглядит чистейшим аристократом. Она часто засматривается на них замечтавшись, когда бывает там по известной надобности, и пощупывает свои руки, такие белые и мягкие, точь-в-точь как у той, с поддёрнутыми рукавами, и думает о тех временах, потому что узнала из произносительного словаря Вокера, который есть у дедули Гилтропа, про дни альционы, что они означают.

Близнецы теперь играли совсем по-братски, залюбуешься, покуда мастер Джеки (который и впрямь был вреднулиной, тут уж не поспоришь) нарочно пнул мяч изо всех сил в сторону облипших водорослями камней. Конечно же, бедняжка Томми тут же начал изливать свою обиду, но к счастью джентельмен в чёрном, что там сидел в полнейшем одиночестве, галантно пришёл на помощь и перехватил мяч. Наши два чемпиона нетерпеливыми воплями заявили о своих правах на игрушку и, чтоб те унялись, Кисси Кэфри крикнула не мог бы он бросить обратно, пожалуйста. Джентельмен раз-другой замахнулся и забросил мяч вверх по пляжу, прямо к Кисси Кэфри, но тот откатился по склону и застыл как раз под юбкой Герти, возле маленькой лужицы в скале. Близнецы опять разорались, требуя мяч, и Кисси попросила её зафутболить, и пусть гонятся

наперегонки – кто первый; тогда Герти отвела ногу (ей так не хотелось, чтоб их дурацкий мяч скатился б к ней обратно) и пнула, но не попала, на что Эди с Кисси тут же засмеялись.

– Не выйдет сразу, пробуй во второй,– сказала Эди Бодмен.

Герти улыбнулась в знак согласия и закусила губу. Деликатный румянец зарозовел на её хорошеньких щёчках, но она решила показать им и, приподняв юбку (немножко, как раз сколько надо было), примерилась как надо и до того здоровски пнула мяч, что тот залетел далеко-предалеко и оба близнеца погнались следом вниз к россыпям гальки.

Глупая зависть, конечно, и больше ничего, вот так подчёркивать чью-то оплошность лишь бы привлечь взгляд джентельмена напротив. Она почувствовала как тёплый румянец—обычный сигнал опасности у Герти МакДовел—разливается и пламенеет на её щеках. До этого момента они лишь раз обменялись самым кратким взглядом, но теперь она осмелилась взглянуть на него из-под полей своей новой шляпки и лицо, которое её взор различил в сумерках—утомленное и странно осунувшееся—показалось ей самым грустным из всех, что она когда-либо видела.

Из распахнутого окна церкви струилось благоухание ладана, а вместе с ним благоуханные наименованья той, что зачала, не пятнаясь первородным грехом: сосуд духовный, заступись за нас, сосуд благочестия, заступись за нас, сосуд глубочайшей любви, заступись за нас, мистическая роза. Там собрались сердца изнемогавшие под бременем забот, и труженики за хлеб свой насущный, и множество таких, что прежде ошибались, заблуждались, раскаяние увлажнило их глаза, но вместе с тем и зажгло надеждой, ибо преподобный отец Хьюгс растолковал им слова великого святого Бернарда в его знаменитой молитве к Марии, о силе заступничества наибожественнейшей Девы, и что во веки веков не было случая, чтоб молитвы о её могущественном заступничестве остались бы безответными.

Близнецы вновь разыгрались, да так весело, ведь детские горести подобны летним быстролётным ливням. Кисси игралась с маленьким Бодменом, доводя того до полного ликованья и мельтешенья в воздухе младенческими ручонками.

– Ау!– вскрикивала она за поднятым верхом колясочки, а Эди спрашивала: куда Кисси пропала?– и тогда Кисси высовывала свою голову и говорила: ах!– и честное слово, до чего же это восторгало малыша! А потом она велела ему сказать папа.

– Скажи, «папа», маленький. Скажи: папапапапапапа.

И малыш во всю старался повторить, потому что он был очень умненький для одиннадцати месяцев, все так говорили, и довольно крупный для своего возраста, и прям-таки воплощение здоровья, премилый карапуз, и все сходились на том, что из него непременно получится что-то великое.

– Хая яа яа хаяа.

Кисси утерла ему рот слюнявчиком и хотела, чтоб сел ровнее и сказал па па па, но когда развязала тесемку, то воскликнула: святой Дэнис! да он же ж мокрый-мокрющий! – и принялась переворачивать под ним одеяльце. Конечно же его младенческое величество был громогласнейше возмущен такими формальностями туалета и всех известил о том:

– Хабаа баааахабаа баааа.

А две большущие, да такие милые, да преогромные слезы скатились у него по щекам. И нельзя было его утешить никакими нет, нет-нет, маленький, нет, ни заговорить его про чухчух, ни «а где же это пуфпуф?», но Кисси всегда догадается – сунула ему в рот соску от бутылочки и юный варварёнок быстро утихомирился.

Герти так хотелось чтоб они, ради всего святого, забрали рёву-младенца домой отсюда подальше, и не действовали бы ей на нервы, даже на часок не вырвешься отдохнуть, и этих несносных близнецов тоже.

Она засмотрелась в морскую даль. Это похоже на рисунки, которые тот человек делает цветными мелками на асфальте и до

того жалко, когда они там остаются – их же вытопчут; и этот вечер, и сбирающиеся облака, и маяк на Тёрне, и звуки этой музыки, и аромат благовоний, воскуряемых в церкви, такое благоуханье. И пока она так засматривалась вдаль, сердце её вдруг забилось. Да, он смотрит на неё взглядом полным особого смысла. Его глаза прикипели к ней, словно выискивая самые сокровенные уголки, словно читая в её душе. Такие замечательные глаза, просто грандиозно выразительные; вот только можно ли им верить? Люди всякие бывают. Она сразу поняла по его тёмным глазам и бледному интеллигентному лицу, что он иностранец, как на том фотопортрете, что у неё был, Мартин Нарви, кумир дневных спектаклей, только без усов, а ей они нравятся, хоть она и не такая заядлая театралка, как Винни Фипинхем, которая хотела, чтоб они напару и одевались одинаково, как в той пьесе, вот только отсюда ей не было видно орлиный у него нос или кверху, не так он сидел. На нём был глубокий траур, она это приметила, и на лице лежала печать неизбывной печали. Он вглядывался на неё снизу так неотрывно, так недвижно, и, конечно же, видел её удар по мячу, и, возможно, обратит внимание на блестящие стальные застёжки её туфлей, если она, вот так задумчиво, станет покачивать ими, оттягивая носочки книзу. До чего удачно, что её будто что-то толкнуло одеть прозрачные чулки на случай, если на улице вдруг повстречается Регги Вайли, но теперь это всё неважно. Вот именно то, о чём она так часто мечтала. Встреча с тем, кто действительно что-то значит, и в лице её затрепетала радость, потому что она инстинктивно почувствовала, что это был именно он, он и никто другой. Её девственно-женское сердце так и потянулось к нему – мужу её мечтаний, сердце вмиг ощутило – это он. Если ему довелось страдать, то скорее за чужие грехи, чем за собственые, но даже если он вдруг и сам грешник, порочный мужчина, ей уже всё равно. Да будь он хоть протестантом или методистом, ей без труда удасться его обратить, если он действительно её любит. Есть раны, для исцеления которых нужен бальзам сердечности. Она была женственной

женщиной, не то что всякие там легкомысленные девицы, бесполые, с которыми он знался, те велосипедистки, что много из себя строят, а ей всего-то и нужно: всё узнать, всё простить, если возможно, и зажечь в нём любовь, чтоб стереть в его памяти прошлое. И тогда уж, наверно, он обнимет её бережно, как настоящий мужчина, прижмёт её нежное тело к себе и станет любить её, родненькую свою девоньку, потому, что она такая.

Заступница согрешивших. Утешительница страждущих. *Ora pro nobis*. И как хорошо сказано, что всякий, кто молится ей истово и с постоянством, не будет отринут, не сгинет, ибо воистину она есть спасительным упованьем страждущих, познавшая семь мук пронзивших её сердце. Герти ясно представляла, что сейчас поисходит в церкви: отблески света в окнах-витражах, свечи, цветы и голубые стяги братства благой Девы, и отец Конрой помогает Кенону О'Ханлону в службе пред алтарем, подаёт, что требуется и, потупив глаза, уносит. Он с виду почти как святой и в исповедальне его так тихо и чисто, и темно, а руки у него, ну, прям тебе, белый воск, и если она когда-нибудь станет монахиней-доминиканкой, в их белых одеяниях, он, возможно, наведается в их монастырь ради новой послушницы Святого Доминика. Он ей в тот раз сказал, когда она ему призналась про то на исповеди, покраснев до корней волос, страшась, что он заметит, не переживать, это просто голос природы и все мы в этой жизни подчиняемся законам природы, а ещё сказал, что это вовсе не грех, это исходит из самой природы женщины, ибо так установлено Богом, и наша, сказал он, Благая Госпожа отвечала архангелу Гавриилу, да свершится со мной по-Твоему. Он такой доброжелательный и боголюбивый, и она частенько всё думала да гадала: что если изготовить в подарок грелку для чайника, с рюшами и плетёным узором, цветочками, или, скажем, часы, хотя часы там уже есть, она приметила на каминной доске – белые, с позолотой и канареечкой, что выскакивает из домика сказать время суток, она заходила туда насчёт цветов для украшения молебна на Сорок

Часов, так трудно выбрать подходящий подарок, можно ещё альбом с цветными видами Дублина, или другого живописного места.

Эти несносные близняшки снова сцепились, вот Джеки пнул мяч к морю, и оба побежали следом. Мартышки, дрянные, как сточная вода. Нашёлся бы кто-нибудь, чтоб выпорол их хорошенько – и одного, и второго, чтоб знали как себя вести. А Кисси и Эди закричали им вслед немедленно вернуться, боясь, что может нахлынуть прилив и они утонут:

– Джеки! Томми!

Ну, да! Так они и послушались! Тут Кисси сказала, что это она их в последний раз выводит на прогулку. Она вскочила и ещё покричала им, и побежала по склону—мимо него—встряхивая волосами, которые хоть цветом и неплохи, да редковаты и сколько она ни втирала всякой всячины гуще они от этого не стали, с природой не поспоришь, так что ей только и остается напяливать сверху шляпку. Она бежала длинными завлекающими шагами, и просто диво, как это у неё юбка не треснула по шву—уж до того тесна—потому что Кисси Кэфри вся такая наливная, да пышненькая, и выделывалась во всю, как только видела, что есть случай показать себя, а ещё потому, что просто была отличной бегуньей, вот и неслась так, чтоб на бегу выставить перед ним подол нижней юбки и свои голенастые икры, по самое дальше некуда. Вот бы ненароком сковырнулась через что-нибудь, да как следует, с тех её высоких французских каблуков, чтоб придать себе росту и шикарней выпендриваться. Опа! Была б тогда выставка, джентельмену на обозрение.

Царице ангелов, царице патриархов, царице пророков, всех святых, возносили они молитву, царице заступнице перед наисвятейшим престолом, а потом отец Конрой передал кадильницу Кенону О'Хенлону, и тот всыпал ладана, и окурил Святое Писание, и Кисси Кэфри поймала обоих близнецов, а её так и подмывало вкатить им по хорошей звонкой затрещине, но удержалась, потому что думала, а вдруг он смотрит, но большей ошибки с ней не случалось за всю её жизнь, потому что Герти, даже и не глядя, знала,

что он не сводит глаз с неё, а потом Кенон О'Хенлон передал кадильницу обратно отцу Конрою и опустился на колени, подняв взор к Святому Писанию, а хор запел *Tangum ergo*, и она просто покачивала ногой туда-сюда, в такт с музыкой, всё нароставшей и нисходящей к *Tantumer gosa cramen tum*. Три и одиннадцать заплатила она за эти чулки у Спероу на Джордж-Стрит во вторник, нет, в понедельник, перед Пасхой и на них всё ещё нет ни единой затяжки, вот на что он смотрел, прозрачные, а не на её завалящие, у которых ни вида ни формы (но какая наглая!), потому что у него глаза на месте, чтоб самому увидеть разницу.

Кисси приближалась вдоль пляжа с двумя близнецами и их мячом, а шляпа вся наперекосяк после её пробежки, и видик как у самой настоящей шалоброды, тащит двух малышей, в задрипаной блузке, которую купила на позапрошлой неделе, но сзади уже как тряпка, а край нижней юбки выбился и висит сбоку, ну, чисто тебе карикатура. Герти всего лишь на минутку сняла шляпку, поправить волосы, и более милой, более грациозной головки каштановых прядей вы не видывали на плечах ни единой девушки, очаровательное зрелище, просто чудо как хороша. И в ответ, она почти различила мгновенную вспышку восхищения в его глазах, что наполнила каждый её нерв вибрацией ликованья. Она вновь одела шляпку так, чтобы посматривать из-под полей и чуть ускорила покачиванье своей застёгнутой туфелькой, и у неё даже дыхание перехватило, когда увидела выражение его глаз. Таким взором змей уставляется в свою добычу. Женский инстинкт подсказал ей, что она разбудила в нём дьявола, и при этой мысли жгучий румянец разлилась от горла до лба, пока нежный цвет её лица не обернулся пригожей розочкой.

Эди Бодмен тоже это приметила, потому что с полуулыбкой покосилась на Герти через свои очки, как старая дева, притворяясь будто нянчит младенца. Эта Эди просто назойливая мошка, всегда была такой и такой останется, с ней никто не может ладить, вечно сунет свой нос не в своё дело. Вот и теперь пристала к Герти:

– Плачу пенни, если признаешься о чём ты думаешь.

– Что?– ответила Герти с улыбкой чудесных по белизне зубов.– Я просто подумала, не пора ли.

Потому что ей так хотелось, чтоб они, ради всего святого, убрали этих сопленосых близнецов и своего младенца по домам, пусть там и вредничают, вот отчего она слегка намекнула, что уже поздно. А когда подошла Кисси, Эди спросила у неё время и мисс Кисси, скорая на ответ, сказала что уже половина поцелуйного, пора целоваться опять. Но Эди хотела знать точно, потому что ей сказали быть пораньше.

– Погоди,– сказала Кисси,– я спрошу у того моего дяди Питера сколько на его шарабанных.

И она пошла, а ей видно было как он, заметив, что та подходит, вынул руку из кармана, чуть нервничая, и начал поигрывать цепочкой часов, поглядывая на церковь. Тут Герти убедилась какое громадное, при всей страстности его натуры, у него самообладание. Минуту назад он восхищенно упивался её прелестью, пленившей его взор, а через миг это спокойный серьезнолицый джентельмен, и в каждой линии его представительной фигуры полный самоконтроль.

Кисси извинилась, не мог бы он сказать ей точное время, и Герти видно было, как он достал свои часы и вслушался, а потом, откашлянув, сказал, что очень сожалеет, но часы у него остановились, но, похоже, восемь уже есть, потому что солнце зашло. В голосе его чувствовалось хорошее воспитание, и хоть говорил он неторопливо, в звучных тонах чувствовалось какое-то подрагивание.

Кисси сказала своё "спасибо" и вернулась, с высунутым языком, обратно – сообщить, что у её дяди брызгалка не фурычит. Затем запели второй стих из *Tangum ergo* и Кенон О'Хенлон опять поднялся и окурил Святое Писание, и опустился на колени, и сказал отцу Конрою, что одна из свечей сейчас подожжёт цветы, и отец Конрой встал и оправил всё как надо, и ей видно было, как джентельмен заводит свои часы и прислушивается к ходу, а она, тем временем, всё покачивала ногой туда-сюда. Уже темнело, но ещё было видно, и

он не сводил с неё глаз всё время, покуда заводил часы, или что уж там он им делал, и снова засунул руки в карманы.

На неё вдруг накатило то самое ощущение и по тому как занемели корни волос, а корсет показался невыносимо тугим, она догадалась, что, наверное, подходят дела, потому что и в прошлый раз тоже началось, когда она отстригла прядку волос на новолуние. Его тёмные глаза опять уставились на неё, упиваясь каждой её чертой, буквально боготворя её образ. Если когда-либо страстный мужской взгляд вспыхивал неистовым восхищением, то именно оно явственно проступало в лице этого мужчины в этот миг. Это восхищение вами, Гертруда МакДовел, и вам это известно.

Эди засобиралась уходить, да-да ей уже пора, и Герти отметила, что её тонкий намек сработал как надо, потому что столько ещё надо пройти вдоль пляжа до того места, где можно вытолкать колясочку наверх, а Кисси сняла с близнецов их шапочки и принялась приглаживать им волосы, чтоб обратить на себя внимание, а Кенон О'Хенлон встал с колен в заломившейся на плечах епитрахили и отец Конрой подал ему карточку, чтоб с неё читал, и он прочёл *Panem de coelo praestitisti eis*, а Эди и Кисси всё время приставали к ней, что разве ей не пора, но Герти умела отплатить им их же монетой, что она и сделала, когда с холодной вежливостью ответила на вопрос Эди – уж не разбилось ли её сердце, что её забыл её любимый ухажёр, от которого Герти уязвленно встрепенулась. Холодный взблеск мелькнул в её глазах, выплеснув бездну презрения. А всё же задело, о да, больно и глубоко, потому что эта Эди умела исподтишка сказать-царапнуть, как та чёртова кошка, какой она, впрочем, и была. Губы Герти чуть приоткрылись дать отпор, но ей пришлось сдерживать всхлип, что подкатил к её горлу, такому тонкому, такой безупречно изысканной формы, о какой только мог бы мечтать художник. Её любовь к нему сильней, чем он думает. Бессердечный обманщик, непостоянный, как весь мужской пол, где уж ему понять чем он был для неё, и на какой-то миг её синие глаза застлало жгучей пеленою слёз. Их взгляды без капли

жалости прикипели к ней, но бравым усилием она мило просияла в ответ, бросив указующий взгляд на новейшее из своих завоеваний – вот вам, чтоб понимали!

– О,– отвечала Герти с быстрым, как молния, смешком, гордо вскидывая головку,– я могу бросить мою шляпку кому пожелаю, потому что этот год високосный.

В голосе её звенела чистота кристалла, мелодичное воркованье лесной голубки, но слова леденяще рассекли тишину. Что-то в её молодом голосе говорило, что она не из тех, с кем всё запросто сойдёт с рук. Что до мистера Регги, пустого задаваки с кучкой денег, его она может просто выбросить, как гадость какую-то, и даже думать о нём забудет, а глупую его открытку разорвёт на мелкие кусочки. И если он хоть раз ещё наберётся наглости, она сумеет одарить его взглядом такого безграничного безразличия, что он отвянет как миленький. У малявочки мисс Эди сделался совсем кислый вид, аж посинела как грозовая туча, но Герти-то видела, что та так и кипит от злости, хотя скрывает, козявка, потому что её шпилька её же и уколола – получай за мелочную твою зависть, и обе они знают, что она не чета им, а классом повыше, и вон там ещё кое-кто, кто тоже это понял и увидел, так что пусть теперь набьют этим свою трубочку, да и выкурят.

Эди усадила малыша Бодмена ровнее, готовясь уходить, и Кисси поскладывала туда мяч и лопатки с ведёрками, да и пора уж, потому что сонный гномик подкрадывался подсыпать сонного песка в глазки мастера Бодмена младшего, и Кисси ему сказала, что Сон-Угомон уже близёхонько и пора малышу баиньки, а крошка таким был милашкой, смеясь во все свои радостные глазёнки, и Кисси, разыгравшись, щекотнула его толстенький пузёнок-поросёнок, а младенчик—здрасьте вам!—срыгнул свои восторги на свой свеженький слюнявчик.

– Уй-юй! Фу-ты, пудинг!– запротестовала Кисси.– Весь слюнявчик обделал.

Маленькое *contretemps* требовало её вмешательства, но она, как дважды два, всё сдела как надо.

Герти сдержалась от сдавленного восклицания и нервно кашлянула, и Эди спросила, ей-то что не так, а у неё чуть не вырвалось, чтоб та хватала на лету, но она всегда умела держаться как леди и попросту замяла всё с огромным тактом, сказав, что там уже пошло благославение, потому что в церкви над тихим берегом моря как раз ударил колокол, потому что Кенон О'Хелон взошёл на алтарь в епитрахили, который отец Конрой поправил на его плечах и раздавал благословения воздетым в руках Святым Писанием.

До чего трогательна вся эта сцена, этот прощальный взгляд на Эрин сквозь густеющие сумерки, этот берущий за душу вечерний звон с увитой плющом колокольни, откуда взмыла в полет летучая мышь, порхая с тонким затеряным писком сквозь угасающий свет, сюда-туда. А вдали уж завиднелись огоньки маяков, до того живописные, ей так хотелось, чтоб под рукой вдруг оказалась бы коробка с красками, с ними намного проще покорять мужчину, и скоро фонарщик пойдёт своим маршрутом, мимо ограды пресвитерианской церкви и по тенистой Тритонвиль-Авеню, где прогуливаются парочки, и зажжёт фонарь под её окном, где обычно сворачивает Регги Вайли, не держась за руль своего велосипеда, как она читала в книге *ФОНАРЩИК* мисс Камминс, она же автор *МЕЙБЛ ВОГЕН* и других повестей. Ведь у Герти есть свои грёзы неведомые никому. Ей нравилось читать стихи, а когда получила подарок на память от Берты Сапл тот миленький альбом с кораллово-розовой обложкой для записи заветных мыслей, то спрятала его в ящик своего туалетного столика, который хоть и не назовёшь предметом роскошной мебели, но всегда чист и в полном порядке. Там же она хранила свою девичью сокровищницу: черепаховые гребешки, значок младенца Христа, духи белой розы, прибор для ухода за бровями, свою алебастровую коробочку ароматов, и ленты на смену, когда придут вещи из стирки, и в нём уже собралось несколько прекрасных мыслей, вписанных фиолетовыми чернилами, которые

она купила у Хелиса на Дейн-Стрит, потому что чувствовала, что и она могла бы писать стихи, если б только получалось выражаться как в том стихотворении, которое так глубоко её затронуло, что она даже переписала его из газеты, в которую однажды вечером ей завернули зелень. *СОН ТЫ ИЛЬ ЯВЬ, МОЙ ИДЕАЛ?* называлось оно, Луиса Дж. Велча, Магерафелт, и те строки в нём про мрак – неужто навсегда? – и вообще красоты поэзии, такие печальные в своей мимолётней прелести, не раз увлажняли её глаза безмолвными слезами, что годы летят, один за другим, впрочем, она знала, что ей нет равных, если не считать того единственного её недостатка, а случилось это на спуске с Далки-Хилл и она всегда старалась его не показывать. Но она предчувствовала, что этому должен наступить конец. Если только она увидит чарующий призыв в его глазах, её уже ничто не остановит. Для любви нет преград. Она пойдёт на величайшую жертву. Приложит все силы, чтоб разделить его мысли. Она станет ему дороже целого мира и счастьем расцветит его дни. Оставался ещё наиважнейший вопрос, она просто умирала от любопытства, женат ли он, или вдовец, потерявший свою жену, или какая-нибудь трагедия, как у родовитого дворянина с иностранной фамилией из страны песен, которому пришлось поместить её в сумашедший дом, жестокость во имя блага. Ну, а даже если – что из того? Что вообще такого? Любая мало-мальская непристойность инстинктивно отталкивала её утончённую натуру. Как мерзки ей особы такого пошиба – падшие женщины с прогулочного спуска возле Доддера, что ходят с солдатами и неотёсаными мужиками, забыв про свою девичью честь, позоря весь женский пол, которых забирают в полицейский участок. Нет, нет: только не это. Они станут просто добрыми друзьями, как старший брат и сестра, без всего того остального, и какое им дело до условностей Общества с большой оо. Может у него этот траур по давнишнему пламени из дней невозвратных. Ей кажется она сумеет понять. Постарается понять его, ведь мужчины они другие. Давнишняя любовь всё так же ждёт, простирая бледные руки, с мольбой в голубых глазах. Сердце моё.

Она пойдет вслед за своей мечтой о любви, слушая лишь собственное сердца, которое твердит, что это её единственный, во всём мире, мужчина созданый для неё, ибо отныне её наставницей станет любовь. Всё остальное не имеет значения. Будь, что будет – она станет безудержной, раскованной, свободной.

Кенон О'Хенлон положил Святое Писание обратно в святильницу и хор запел *Laudate Dominum omnes gentes*, и потом он запер крышку святильницы, потому что служба окончилась, и отец Конрой подал ему его шляпу, чтоб одел, и злюка-кошка Эди спросила идёт она, в конце концов, или нет, а Джеки Кэфри крикнул.

– О, смотри, Кисси!

И все они посмотрели, наверно, то была зарница, но Томми тоже видел там – за церковью над деревьями: синее, а потом зелёное и малиновое.

– Это фейерверк,– сказал Кисси Кэфри.

И они побежали по пляжу, всей гурьбой, к такому месту, где дома и церковь не будут закрывать вида, Эди с колясочкой и маленьким Бодменом, и Кисси, ухватив и Томми и Джеки за руки, чтоб не попадали на бегу.

– Идём же, Герти,– позвала Кисси.– Это фейерверк на базаре.

Но Герти была непреклонна. Уж она-то не побежит собачкой откуда свистнут. Пусть себе носятся как угорелые, а она может и посидеть, и ответила, что ей и отсюда видно. Пристальный взгляд обращенных к ней глаз, наполнял её вибрирующими пульсациями. На какой-то миг она ответила на его взгляд, всмотрелась и – ей всё стало ясно. Добела раскалённая страсть бушевала в этом лице, безмолвная, как могила, страсть, которая приковала её к нему. Наконец-то, они остались одни, и некому теперь подглядывать и делать замечания, и она чувствовала, что на такого можно положиться до конца дней – надёжный человек чести, мужчина несгибаемого благородства до кончиков ногтей. Его руки и лицо ходили ходуном, и её охватил трепет. Откинувшись далеко назад, она задрала голову и подняла глаза вверх, на фейерверк, и охватила

руками своё колено, чтоб не опрокинуться, и никто, кроме них двоих, не знал и не видел, что тем самым она приоткрыла грациозные, прекрасно сложенные ножки, наливные, мягкие, нежно округлые, и ей словно даже послышалось биение его сердца, его хриплое дыхание, потому что она знала про страстность таких пылких мужчин, с тех пор, как Берта Сапл по секрету, взяв с неё страшную клятву, что никогда никому ни за что, рассказала ей про ихнего жильца, джентельмена из Комиссии по Перенаселённости, у которого были вырезки фотографий из газет, ну, там красотки-танцовщицы из кабаре с ногами выше головы, так она говорила, что он иногда занимается бесстыдством (ты ж понимаешь) в постели. Но тут сейчас совсем другое, потому что всё по-другому, и ей даже почудилось как он оборачивает к себе её лицо, чтобы прильнуть его красивыми губами в первом стремительно-обжигающем прикосновении. И это не так уж и предосудительно, что, пока ты не замужем, иногда занимаешься этим, и всё-таки нужны священики-женщины, которые поймут тебя без долгих пояснений, вон и у Кисси Кэфри тоже в глазах порой бывает этот застывший млеющий взгляд, значит и она, дорогуша, туда же, и Винни Рипинхем, что балдеет от фоток актёров, а тут ещё у неё дела на подходе.

И Джеки Кэфри закричала, что вон ещё – смотрите! – и она отклонилась назад, а подвязки на ней были голубые, под цвет её прозрачных, и все тоже увидели и закричали: – ещё! вон ещё! смотри! – и она отклонилась назад, дальше некуда, и что-то неразличимое металось в воздухе, размытый тёмный силует, туда-сюда. И тут она увидела длинную римскую свечу, подымавшуюся над деревьями всё выше и выше, и, в напряженном затишьи, у всех перехватило дух от возбужденья, пока та устремлялась ввысь, заставляя её отклониться всё дальше и дальше назад, чтоб проследить взлёт вверх, так высоко, почти не видно, и по лицу её разлился божественный, пленительный румянец от напряжения спины, а ему открылся вид и на другие её вещи тоже, муслиновые панталончики (эта ткань ласкает кожу) куда лучше других, и зелёные

рейтузы, по четыре и одиннадцать, потому что эти беленькие, и она раскрыла всё перед ним и видела как он смотрит, а потом та взмыла до того высоко, что на миг исчезла из виду, и она вся трепетала, так далеко запрокинувшись назад, а он имел полный обзор, намного выше её коленей, куда ещё никому и никогда, даже заходя в воду, и она нисколечко не стыдилась, а он и подавно, уже совсем воткрытую уставясь на такой откровенный показ, не в силах противиться притягательности полуотдающейся, как у тех бесстыжих танцовщиц, что вскидывают перед джентельменами юбки, и всё смотрел, смотрел. Ей почудилось будто она позвала его – задыхаясь, вскинув белоснежные нежные руки, ну, приди же, прижмись губами к этому белому лбу – призывным стоном юной девичьей любви, тем лёгким сдавленным вскриком, что звенит за веком век. И тут взвившаяся ракета разорвалась – О! – слепяще лопнула римская свеча, обернувшись яркой буквой О, и все вскрикнули: – О! О! – от восторга, и тут же хлынул ливень золотистых прядей и они рассыпались, и – ах! – превратились в зеленовато-влажные звезды и ниспадали мягко помигивая, О, как хорошо! О, так неспешно, сладостно, нежно. И растаяли все, как роса, в сером воздухе: и всё стихло. Ах! Она взглянула на него и поспешно подалась вперёд, выразив благопристойный протест и лёгкий упрек быстрым взглядом, от которого он покраснел словно девушка.

Привалившись спиной к высокому камню, Леопольд Цвейт (это был он) стоял молча, потупив голову пред взглядом этих юных чистосердечных глаз. Ах, подлец! Опять за старое? Чем, спрашивается, ответил скотина на зов чистой незапятнанной души? Поступил как последний хам. Да как он мог – единственный из всех мужчин! Но в этих глазах таился нескончаемый запас милосердия и всепрощения, даже и для него, со всеми его ошибками и грехами, и рукоблудством. Расскажет ли девушка? Нет, тысячу раз нет. Это останется их общей тайной. Только между ними, оставшимися наедине, под покровом сумерек, и никто не прознает, не растрезвонит – никто не видал, кроме, разве что, летучей мышки,

что так мягко пронизывает сумрак – туда-сюда, но летучие мышки не болтливы.

Кисси Кэфри засвистала, как парни на футболе, показать какая она крутая, а потом крикнула:

– Герти! Герти! Мы пошли. Догоняй, досмотришь на ходу.

Тут Герти придумала кое-что: одна из невинных уловок любви. Она на миг сунула руку в кармашек для платка и, зажав ватку меж пальцев—но, конечно, чтоб не приметил—ответно помахала ей, а потом вложила обратно. Может, он не слишком далеко, чтоб. Она встала. Разлука навеки? Нет. Ей пора уходить, но они встретятся вновь – там, а до тех пор, завтра, она будет грезить видением минувшего вечера. Она выпрямилась во весь свой рост. Их души слились в прощальном взгляде и взор его, проникая до самого сердца, лучась странным сиянием, задержался на её прекрасном, как цветок, лице. Она чуть улыбнулась ему несмелой, сладкой всепрощающей улыбкой, на грани слёз, и они расстались.

Медленно, не оглядываясь, зашагала она по неровностям пляжа вслед за Кисси, к Эди, Джеки и Томми Кэфри, и за карапузиком Бодменом. Сумерки сгустились над пляжем с его камнями, кусками плавняка и скользкими водорослями. Она ступала с неизменно присущим ей спокойным достоинством, но осторожно и очень медленно, потому что Герти МакДовел была…

Туфли жмут? Нет. Хромоножка! О!

М-р Цвейт смотрел, как она ковыляет прочь. Бедная девушка! Вот почему она осталась у валуна, когда все рванули. Что-то ж и показалось в ней не так.

Ущербная красота. Любой дефект в десять раз хуже, если у женщины. Но делает их вежливыми. Хорошо, что я не знал, когда она показывала. Но, всё равно, горячий чертёнок. Не прочь. Из любопытства, как с монашенкой, или негритянкой, или с девушкой-очкариком. Та, косоглазенькая, деликатесная штучка. У неё, наверно, месячные на подходе, это их подзаводит. Сегодня у меня так страшно голова болит. Куда я сунул письмо? Да, тут на месте.

Возникают дикие желания. Полизать пенни. Девушка в Транквилской школе при монастыре, про которую мне рассказывала монашка, любила нюхать бензин. Девственницы под конец становятся чокнутыми, по-моему. Сестра? У скольких женщин в Дублине сегодня это? Марта, она. Что-то такое в воздухе. Это луна такая. Но почему тогда все женщины не менструируют в одно и то же время, то есть с одним и тем же полнолунием? Зависит от времени когда родились, наверно. Или для всех один старт, а потом выпадают из ритма. Иногда у Молли и Милли совпадает. Вобщем, мне досталась самая изюминка. Чертовски рад, что не сделал этого в бане сегодня утром над её дурацким письмецом – накажу тебя, неслуха. Возмещение за утреннего водителя трамвая. Когда тот шлямбурнутый М'Кой прилип ко мне от нечего делать. С агажементом его жены в дорожной сумке, голос как шило. Благодарны за мелкие услуги. К тому же дёшево. Только попроси. Потому что они и сами этого хотят. Их естестенная потребность. Целые косяки их каждый вечер выплёскивается из контор. Выбирай лучшую. И не хочешь так навяжут. Лови руками, О. Жаль, что им самим не видно. Мечта о туго наполненной штанине. Где это было? Ах, да. Синематограф на Канал-Стрит: только для мужчин. Подглядчик: Виллина шляпа и что девушки с ней вытворяют. Они скрытно засняли тех девушек, или так было задумано? Белью всё дозволено. Выщупывает извивы внутри пеньюара. Ещё их возбуждает, когда они. Я вся чиста, приди же выпачкай. И так же ж любят наряжать одна другую к закланию. Милли восторгалась новой блузкой Молли. Потому я и купил ей лиловые подвязки. И мы туда же: его галстук, красивые носки и брюки с подворотом. На нём были гетры в тот вечер, как нас познакомили. Сорочка сияла белизной под чёрным чем-то. Говорят, женщина утрачивает очарование с каждой снятой ею шпилькой. Сошпиленные. О, Мэри потеряла свою булавку. Надевают ворох всякой всячины, затем лишь, чтоб потом было что стягивать. Мода меняется, как только разгадаешь в чём секрет. Кроме востока: Мария, Марта: до сих пор, как тогда. Не отказываться же от резонных предложений. Она тоже не спешила. Всегда

отправляются к подружке, когда. Вышла проветриться. Они верят, что повезёт, потому что нравятся сами себе. А те, которые с ней, так и старались лишний раз подколоть. Школьные подружки, обнимут одна другую рукой вокруг шеи, или переплетя все десять пальцев, целуются и шепчут секреты ни о чём, в саду монастырского интерната. Монашенки с чисто промытыми лицами, в прохладных головных уборах, и чётки на них побалтываются, туда-сюда, тоже злюки, из-за того, что им не достаётся. Колючая проволка. Успокойся и пиши мне. И я тебе напишу. Как ты насчёт? Молли и Жози Повелл. Пока не появится м-р Он, и тогда уж видятся раз в год по обещанию. Опа! Боже мой, кого я вижу! Ну, как ты, вобщем? Что поделывала? Чмок, ах, так рада, чмок, тебя видеть. Высматривают прорехи в наружности одна у другой. Ты чудесно выглядишь. Сестринские души показывают друг другу свой оскал. Сколько ты сбросила? Щепоть соли не одолжат одна другой.

Ах!

Сатанеют, когда у них начинается. Мрачный демонский вид. Молли часто говорила, для неё всякая вещь становится весом в тонну. Пощекоти мне под пяткой. О так! О как хорошо! Пробовал и я. Неплохо для разрядки, иногда. А как оно с ними потом, не слишком плохо? С одной стороны, можно уже не остерегаться. Сворачивается молоко, трубы перекрыты. Что-то типа увядания растений, я читал, в саду. Ещё говорят, если цветок на ней вянет, значит кокетка. Ну, это всё. Она, наверно, усекла, что я. Под такой настрой часто и встречаешь то, что надо. Я ей понравился, что ли? Они на одежку смотрят. Вмиг распознают дамского угодника: воротнички: манжеты. Впрочем, петухи и львы поступают также, и олени. Месте с тем, предпочитают, чтоб галстук был сдвинут, или ещё что. Брюки? Если б, к примеру, я, когда я? Нет. Тут деликатно подходить. Не любят – хвать и завалил. Поцелуй в темноте, и никому не говори. Что-то во мне увидала. Интересно что. Скорее б со мной, чем с каким-то поэтом зашмыганым, с начёсом засаленой чёлки на его правую линзу. Для помощи джентельмену в литературной работе. Нужен

уход за внешностью в моём возрасте. Так и не повернулся к ней в профиль. Хотя, как знать. Выходят же красивые девушки за уродливых мужчин. Красотка и монстр. Да, и не такой уж я и, раз Молли. Сняла шляпу – показать волосы. Широкие поля, чтоб скрывать лицо при встрече с кем-то, кто её знает, наклонится или поднесёт букет цветов понюхать. Волосы крепчают от совокуплений. Десять круглых мне дали за Моллины волосы, когда мы сидели без пенни, на Холлес-Стрит. Почему нет? Допустим он дал бы ей деньги. Почему нет? Всё предрассудки. Она стоит десяти, пятнадцати, больше фунта. А? По-моему, да. А всё за так. Уверенный почерк. М-с Марион. Я не забыл написать адрес на конверте, как на той открытке Флинну? Или, как в тот раз я отправился к Дринми без галстука. Поцапался с Молли. Это меня выбило. Нет, вспомнил. Ричи Гулдинг. Он тоже. Ему неловко. Забавно, остановились в полпятого. Пыль. Их чистят маслом из акульей печени, и сам смогу. Вполне. Как раз в момент, когда он, она.

О, он, да. В неё. Она, да. Кончили.

Ах!

Цвейт тщательно перезаправил свою увлажнённую рубашку. О Господи, этот хромоногий дьяволёнок. Начинает холодить и облипает. Побочный эффект не из приятных. Но ведь как-то ж надо избавляться. Им-то без разницы. А может и гордятся. Потом по домам, к детишкам и молочишку, и читают молитву на сон грядущий. Ну, а что в них такого, если глянуть без прикрас. Требуется декорация, грим, костюм, поза, музыка. Ещё и имя. Амуры актриссы. Нелл Гвинн, м-с Подвязпоясс, Мод Бренском. Занавес поднят. Серебристое сияние луны. Полураздетая девица с задумчиво-увесистой грудью. Приди желанный, поцелуй меня. Я всё ещё вся трепещу. Как это придаёт мужчине сил. В чём и секрет.

Неплохо я подковырнул, выходя с Дигнамовых. Сидр подзавёл. Иначе б я так не ахнул. А потом на песни тянет. *Lacaus esant taratara.* Допустим, я б заговорил с ней. О чём? Никуда не годный план, если не знаешь, как кончить разговор. Задаёшь вопрос, а в ответ задают

другой. Неплохо в карете. Конечно, чудесно, когда скажешь "добрый вечер" и видишь, что она только этого и дожидалась: добрый вечер. О, но в тот раз, в темноте на Апиан-Уэй, я чуть не заговорил с м-с Клинч, приняв её за. Уюй! Девушка на Митс-Стрит в тот вечер. Вся та похабщина, что я заставил её повторять, но, конечно, всё переврала. Моя срока, она сказала. Трудно найти такую, что. Ах-о! Когда не отвечаешь на их зазывы, им, должно быть, ужасно неловко, покуда не обвыкнут. И поцеловала мне руку, когда я дал два шилинга сверх. Попугаи. Нажми кнопку и птичка пискнет. Меня аж коробило от этого её "сэр". Ох, её рот в темноте! Ая-яй, женатый мужчина с незамужней девушкой! Вот в чём главная для них радость – отнять мужчину у другой женщины. Или, на худой конец, хотя бы послушать о таком. Меня не заманишь. Не падок на чужих жён. Подъедать с чьей-то остылой тарелки. Тот малый у Бартона, сегодня, выплёвывал обратно недожёваный хрящ. Французское письмо всё ещё у меня в блокноте. Куча неприятностей. Но может, ещё и доведётся – хотя вряд ли. Иди ко мне. Всё готово. Мне приснилось. Что? Самое трудное начать. А уж как изворачиваются, если это не по ним. Спросит, любишь ли ты грибы, потому что у неё однажды был знакомый джентельмен, который. Или начнёт выспрашивать что кто-то там хотел сказать, когда передумал и замолк. Всё же, если б я попёр прямиком. Сказать – я хочу: потому что ж и впрямь. И она тоже. Ещё обидишь. Потом заглаживать. Прикинуться, что чего-то до ужаса хочешь, но отказываешься ради неё. Это им льстит. Она, должно быть, думала о ком-то другом всё время. Ну и что с того? О чём-то же приходится, коли вложен разум: он, он и он. Весь фокус в первом поцелуе. Блаженный миг. Что-то в них вспенивается. Как сироп, видно по глазам – увильчивые. Первая мысль самая верная. Помнят его до смертного дня. Молли, лейтенант Малвей, что целовал её под мавританской стеной у садов. Пятнадцать, она мне говорила. Но груди у неё были развитые. Потом уснула, после банкета в Гленкри. Это когда мы приехали домой через Пуховую гору. Скрипит зубами во сне. Лорд-мэр тоже её приметил. Вел Дилон. Апоплектик.

Вон она, с ними смотрит, фейерверк. А мой-то фейерверк. Вверх, как ракета, вниз, как бревно. И детишки, близнецы, наверное, ждут, что же случится. Хотят повзрослеть. Одевают материну одежду. Ещё разберутся, что к чему в этом мире. И та смуглянка, с курчавой головой и негритянскими губками. Я так и знал, что она умеет свистеть. С таким-то ртом. Как Молли. Почему и та шикарная шлюха у Джанмета носила вуаль только до носа. Не могли бы вы, пожалуйста, сказать мне точное время? Я скажу тебе точное время в тёмной аллее. Каждое утро сорок раз повторяй: пер раб бра в бар, средство от толстых губ. И мальчонку ещё приласкала. Со стороны, всё до того видно. Конечно, они понимают птиц, животных, младенцев. По-своему.

Ушла по пляжу без оглядки. Не ждите такого удовольствия. Эти девушки, эти девушки. На пляже, нету их милей и краше. Красивые у неё глаза, чистые. Это скорей из-за белков, зрачки не при чём. Она знала, чем я тут? Ещё бы. Как кошка, что взобралась и сидит куда псу не допрыгнуть. Женщинам никогда не встречаются такие, как тот Вилкинс в школе, что рисовал картинку Венеры, вывесив всё своё хозяйство. Называется невинность? Кретин! Вот чья жена намается. Никогда не видел, чтоб они сели на скамейку с табличкой ОКРАШЕНО. Всё подметят. Заглядывают под кровать за тем, чего там и не было. Тянет их на жуткости. А ушлые, как иголки. Когда я обратил внимание Молли на мужчину возле угла Куффе-Стрит, думал ей понравиться, моментально выдала, что у него рука протез. И точно. Откуда это в них? Стенографистка подымалась по лестнице у Роджера Грина через две ступеньки, чтоб помелькать своими поднижниками. Переходит от родительницы к матери, к дочери, то есть. Врождённое. Милли, например, сушит свои платочки на зеркале, чтоб не гладить. Лучшее место для рекламы, чтоб уловить взгляд женщины, на зеркале. А когда я послал её к Прескотту за шалью для Молли, кстати, мне ещё надо ту рекламу, принесла домой сдачу в чулке. Умничка! Я ей ничего не сказал. А до чего мило она носит свёрточки. Заманивают мужчин, такие уловки. Ручку вздёрнет,

помахивает, чтобы кровь отлила, когда покраснеет. От кого только учатся? Ни от кого. Меня чему-то няня научила. А что тут такого? Три года ей было, перед трюмо Молли, до нашего переезда с Ломбард-Стрит. Я класивенькая. Манипуся. Кто знает? В этом-то мире. Молодой студент. Но самостоятельная, не то что другие. Но эта, скажу я вам, штучка. Господи, я промок. Чертовка такая. Округлая икра. Прозрачные чулки в обтяжку, вот-вот лопнут, не то что та тетёха, сегодня. А. Е. Морщеные чулки. Или та, на Крафтон-Стрит. Белые. Вуй! Говяды до пят.

Разорвалась ракета "обезьяний ребус", разбрызгиваясь стремительными выхлопами. Зрвазд, да зразд, зразд, зразд. А Кисси и Томми побежали вперёд – там виднее, и Эди следом, с коляской, а потом Герти за бугор валунов. Вдруг она? Глянь! Глянь! Посмотри! Оглянулась. Чует луковичку. Милая, я видел твоё. Я видел всё.

Господи!

Мне, таки, на пользу. Придавило после Кирнана, Дигнама. За облегчение такое премного благодарен. Из ГАМЛЕТА, да. Господи! Вот уж всего было. Возбуждение. Когда она вся перегнулась назад у меня аж корень языка заныл. Вмиг утратишь ум и толк. Тут он прав. Но я мог бы и сглупить. Вместо болтовни ни о чём. Ну, так я вам, вот что скажу. И всё же между нами был некий разговор. А она не? Нет, они звали её Герти. Имена могут быть фиктивными, как у меня, и адрес: тупик Долфинз-Барн.

В девичестве звали её Дженни Браун
Вместе с мамой жила она в Айриш-Таун.

Наверно, само место меня на это подтолкнуло. Все одним миром мазаны. Вытирают перья ручек о чулки. Но мяч подкатился прямо к ней, будто понимал. У каждой пули своё предназначение. В школе у меня никогда не получалось сделать точный бросок. Скривил, как

бык поссал. Хотя и грустно, потому что это всего на пару лет, потом оседают к громыханию горшками, и что папины брюки скоро будут как раз на Вилли, и к присыпке для малышки, когда подержит, чтоб сделала а!-а! Маятная работёнка. Оно и к лучшему. Держит от греха подальше. Природа. Обмывают ребёнка, обмывают покойника. Дигнам. Они в постоянном объятии детских рук. Кокосовая скорлупа, бутылочки, сперва даже не закрытые, скисшее молоко, всё сгустках, в зацветших комьях. Ну, зачем дали маленькому сосать пустую соску? Теперь будет животик пучить. М-с Бюфо, Пурфо. Надо зайти в роддом. Интересно, сестра Келлан ещё там? Она присматривала несколько ночей, когда Молли лежала после Кофейного дворца. Тот молодой доктор О'Хара, я видел, как она чистила его пальто. И м-с Брин, и м-с Дигнам когда-то тоже были такими – на выданьи. Хуже всего по ночам, говорила мне м-с Дагген в Городском Зале. Вваливается муж, пьяный, смердит трактиром, как от хорька. И нюхай в темноте вонь закисшей выпивки. А наутро спрашивает, вчера я что, крепко пьяный был? Но и мужей винить не приходится, тут всё цепляется одно за другое, как склеено. Может, и женщины виноваты. Вот в чём Молли всем им даст прочхаться. Что значит южная кровь. Всё мавританское. И формы, фигура. Руки ощущали выпуклости. Никакого сравнения с теми. Жена дома взаперти, скелет в буфете. Позвольте представить мою. И выводят перед тобой что-то несусветное, и слова не подобрать. В любом найдётся слабое место: его жена. Но если на роду написано – влюбишься. У них свои секреты, между собой. Некоторые пошли б вразнос, не прибери их женщина к рукам. А то ещё, девульки-крохотульки, росточком с напёрсток, но при муженьках. Какими Бог их сотворил, такую дал и пару. Дети, иногда, получаются вполне. Ноль на ноль, а вышла единица. Или старый хрыч, за семдесят, а невеста в расцвете. Женился в мае, закаялся в декабре. А вот, что промочил, очень даже неприятно. Прилипает. А, так и есть, кожа залупилась. Надо оправить.

Оу!

Другой стороны, двухметроворостый, а жёнка – ему до кармана. Длинная и короткая противоположности. Здоровила он, и манипуся она. Очень странно, с моими часами. Наручные вечно неправильно ходят. Интересно, есть ли какое-то магнетическое влияние между личностью, потому что примерно в это время он. Да, я сразу понял. Кот из дому, мышки в пляс. Помню, как переглянулись на Пилл-Лейн. Нынче всё на магнетизме. Земля, например, притягивает и сама притягивается, в этом причина движения. А время? Ну, это время нужное для движения. Потом, если что-то тормознёт, то и вся машинерия мало-помалу замрёт. Потому что взаимосвязь. Намагниченная иголка показывает тебе что присходит на солнце, на звёздах. Кусочек сталистого железа. Если вытянешь вилку. Давай, давай. Динь. То же мужчина и женщина. Вилка и сталь. Молли, он. Наряди, и смотри, и предвидь, и увидь, и ещё смотри, и держись, если в силах сдержать, как подкатывающий чих, ноги, смотри, смотри, если кишка не тонка. Динь. Ничего не изменишь.

Интересно, какие у неё ощущения в этой области. На людях – ах, я не такая. Больше трясётся над дыркой в чулке. А у Молли аж челюсть отвисла от фермера в сапожищах и шпорах, на конской выставке. И когда маляры работали на Ломбард-Стрит. Красивый голос был у того парня. Как начинался Жиглини. И запах, вроде как цветами. Нет, вправду. Фиалками. От скипидара, наверно, который в краске. Что угодно применят по своему. В то же время, отливая, шаркала тапком по полу, чтоб им не слышно. Но многие из них, по-моему, не способны так запросто. Сдерживают в себе часами. А у меня какое-то общее по всему телу, и внизу спины.

Погоди-ка. Фн. Фн. Да, это её духи. Вот зачем она рукой махала. Я оставлю тебе это, чтоб ты думал обо мне, когда я буду далеко, на подушке. Что это? Гелиотропы? Нет. Гиацинт? Фн. Розы, по-моему. Как раз по ней. Аромат. Приятные и недорогие: бысто портятся. Потому-то Молли предпочитает опопонакс. Ей подходит, с маленькой добавкой жасмина. Её высокие ноты и ноты низкие. Она повстречала его на балу, танец часов. В результате подогрева. На

ней было чёрное, исходил аромат былого. Хороший проводник, нет? Или не проводит? Свет тоже. Наверно, тут есть какая-то связь. Например, когда заходишь в тёмный подвал.

Загадочная всё же вещь. Почему я услышал запах только теперь? Понадобилось время, пока дойдёт. Как и она сама, медленно, но верно. Допустим, такие себе миллионы мельчайших крохотных крупинок, привеялись. Да, так. Потому-то и на тех островах пряностей, сингалезские, сегодня утром, запах доносится за многие мили. А знаешь это что? Вроде как тонкая пелена, или паутинка, по всей их коже, тончайшая, до невидимости, и они постоянно выплетают её из себя, тонкую-претонкую, всех цветов радуги, сами о том не зная. Держится на всякой вещи, пока не снимет. Притягательность её чулков. Тепло её туфли, корсета, трусов: снимая их, чуть сбрыкивает. Пока, до встречи. Даже кошка любит нюхать её постельное бельё. Узнаю её запах из тысячи. Напоминает землянику со сливками. Интересно, откуда. Подмышками, или за шеей. Потому что чувствуешь изо всех щелей и закоулков. Гиацинтовые духи делают из нефти, или эфира, или чего-то такого. Мускусные крысы. Мешочки у них под хвостом, одна крупинка испускает запах годами. Собаки нюхают зад друг дружке. Добрый вечер, здрасьте. Добрый. Как попонюхиваете? Фн. Фн. Хорошо, спасибо. Так оно у животных. Но, если разобраться. Мы такие же. Некоторые женщины, например, отшарахивают тебя, когда у них период. Подходишь и – шибает так, что хоть шляпу вешай. Чем? Тухлая маринованая селедка. Нна! На газон не заходить, пожалста.

Наверно, им слышен мужской запах от нас. Но что? Сигарные перчатки. Длинный Джон держал у себя на столе с тем. Дыхание? В нём то, что ты ел и пил. Нет. Мужской запах, имею ввиду. Должно быть, связано с этим, потому что священики, будто бы, по-другому. Женщины слетаются, как мухи на патоку, толпятся вокруг алтаря – отведать, во что бы то ни стало. Древо запретного духовника. О отче, хотите? Позвольте мне быть первой. Расходится по всему телу,

пропитывает. Источник жизни и его охренительно забавный запах. Соус с сельдереем. Дай-ка я.

М-р Цвейт сунул нос. Фн. Под борт. Фн. Его жилета. Апельсином, что ли? Нет. Лимоны. Ах, нет, это мыло. О, кстати, тот лосьён. Вот ведь так я и знал, что мне что-то надо вспомнить. Забыл-таки забрать, и не заплатил за мыло. Не люблю таскаться с пузырьками, как та карга, сегодня поутру. Гайнс мог бы и отдать мне те три шилинга. Не догадался намекнуть ему про Мигера, для ясности. Всё же, если он поможет поместить абзац. Два и девять. Начнёт на меня криво посматривать. Зайду завтра. Сколько я вам должен? Три и девять? Два и девять, сэр. Ах. В другой раз может и не отпустить в кредит. Вот так теряешь клиентов. Как трактиры. У малого нарастают записи в долг, а потом прокрадывается окружными улицами в какой-нибудь другой.

А этот джентельмен тут уже проходил. Ветерок с залива. Прошёлся точно до поворота. Такой к обеду не опоздает. Вид посоловелый: здорово налопался. Теперь наслаждается природой. После еды помолиться. После ужина с милю прогуляться. Наверняка, имеет где-то счётец в банке, правительственный займ. Если сейчас пойду вслед ему неудобно будет, как мне утром от тех мальчишек-газетчиков. Всё-таки, помаленьку чему-то учимся. Принимать себя такими, какими нас видят другие. Пока женщины не подсмеиваются, какая разница? Так можно определять. И кто же он спрашивается? *ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ НА ПЛЯЖЕ*, газетный рассказ м-ра Леопольда Цвейта. Плата по гинее за колонку. И тот малый, сегодня на кладбище, в коричневом макинтоше. Но судьба его корявая. Здоровяки наверно всё уминают. Говорят, свист дождь накликает. Должно быть, где-то и идёт. В Ормонде соль влажноватая. Тело чувствует атмосферу. У старой Бетти трещат суставы. Пророчество матушки Шиптон про корабли, что шибко летят. Нет. Это к дождю. Царственный чтец. А далёкие горы, как бы приближаются.

Тёрн. Бейли светятся. Два. Четыре, шесть, девять. Ишь ты. Должен мигать, иначе примут за окно в дому. Заманивали корабли на

крушение. Грейс Дарлинг. Люди не выносят темноты. Ещё жуки-светляки, велосипедисты: час включения фар. Лучший блеск у алмаза. Свет как-то ободряет. Всё будет хорошо. Теперь, конечно, лучше, чем прежде. Просёлочные дороги. Крутит тебе, петляет без толку. Всё-таки, когда столкнёшься, бывают два типа. Или хмурятся, или улыбнутся. Пардон! Бывает. Лучшее время для поливки растений тоже в сумерки, после захода солнца. Какой-то свет ещё остается. Красные лучи самые длинные. Ройгби Вэнс нас учил: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. А вон звезда. Венера? Пока трудно сказать. Две, потом три и ночь. Эти вечерние тучи так тут и были всё время? Похоже на корабль-призрак. Нет. Погоди. Это деревья. Оптический обман. Мираж. Это страна заходящего солнца. Солнце самоуправления, заходящее на юго-западе. Спокойной ночи, край родимый.

Роса садится. Не в пользу тебе, милая, засиживаться на том камне. Вызывает бели. И ребёночка не будет, если ему не хватит сил прободаться сквозь них. Да и мне можно геморрой заработать. Прилипчив, как летняя простуда—волдырь на губах. Хуже всего поцарапаться травой, или бумагой. Трение сидения. Похоже, на этом камне она сидела. О, милая малышка, не представляешь, до чего красивой ты смотрелась. Начинаю любить их, в этом возрасте. Зелёные яблочки. Хватай что дают. Пожалуй, только в такие моменты мы скрещиваем ноги, сидя. Ещё в библиотеке сегодня: те девушки-выпускницы. Счастливчики – те стулья под ними. Просто вечер так влияет. Они всё это чувствуют. Раскрываются, как цветы, знают своё время, подсолнухи, ерусалимские артишоки, в бальных залах, канделябры, бульвары под фонарями. Ночная налколния в саду Мэта Дилона, где я поцеловал её в плечо. А до чего ж тогда хотелось иметь её портрет в полный рост, масляными красками. И тоже был июнь, когда я ухаживал. Оборот года. История повторяется. Эй, утёсы и вершины, снова здесь я, вместе с вами. Жизнь, любовь, странствие вокруг твоего собственного мирка. А теперь? Печально, что хромоножка, но слишком жалеть не стоит. Они этим пользуются.

Теперь так тихо все на Тёрне. Дальние горы кажутся. Мы там. Родендродоны. Наверно, я глупец. Ему вся мякоть слив, а мне сливовые косточки. Где я прошёл. Уж эта старая гора понавидалась. Меняются имена: и только. Любовники: ням, ням.

Теперь такой усталый. Вставать? О, погоди. Вытянула из меня все силы, маленькая негодница. Целовала меня. Моя юность. Не воротишь. Приходит только раз. Или её. Поехать туда поездом завтра. Нет. Возвращаться совсем не то. Как детишки, когда приходишь в гости во второй раз. Я хочу нового. Ничто не ново под луной. Почтовое отделение Долфинз-Барн. Ты несчастлив в своём? Шарады на Долфинз-Барн, в доме у Люка Дойла. Мэт Дилон и выводок его дочек, Тини, Этти, Флой, Мэйми, Лу, Хетти. Молли там же. В восемьдесят седьмом это было. За год до нашей. А старый майор всё заглядывал в свой стакашек с выпивкой. Странно, она единственный ребёнок и я единственный ребёнок. До того всё повторяется. Думаешь, что убежал и сталкиваешься сам с собой. Самый длинный окольный путь – кратчайшая дорога к дому. И как раз, когда он с ней. Цирковая лошадь, что ходит кругами. Мы представляли Рип ван Винкла. Рип: скрип двери. Ван: караван в песках. Винкл: жена Дойла, Вин, кланяться велела. Потом я изображал возвращение Рип ван Винкла. Она опёрлась на сервант, смотрела. Мавританский взгляд. Двадцать лет проспал в Соной Долине. Всё изменилось. Забыт. Молодые состарились. Ружьё его изъела ржавчина от росы.

Ба. Что это тут летает? Ласточка? Летучая мышь, должно быть. Вот слепандырь – думает, что я дерево. Птицы не слышат запаха? Метампсихоз. Верили, будто можешь стать деревом от тоски. Плакучая ива. Ба. Опять летит. Смешная побирушка. Где она живёт? На колокольне. Очень может быть. Висит ногами кверху, в священных благовониях. Скорей всего это её звон спугнул. Месса, похоже, кончилась. Аж сюда было слышно. Заступись за нас. И заступись за нас. И заступись за нас. Неплохо придумано, с повторением. Точь-в-точь реклама. Покупай у нас. И покупай у нас.

Да, вон свет в доме священика. Их упорядоченное питание. Как я ошибся в расценке, когда работал у Томса. Двадцать восемь, на самом деле. И у них по два дома. У Габриела Конроя брат куратор. Ба. Снова. И почему это они выходят по ночам, как мыши? Они смешанной породы. Как пешеходные птицы, среди птиц. Что их отпугивет, шум или свет? Лучше сидеть неподвижно. Всё от инстинкта, как та птица в засуху чтоб дотянулась до воды на дне кувшина, набросала туда мелких камешков. Она будто человечек в плаще, с этими её крохотными ручками. Тонюсенький скелетик. Почти видишь их мерцание, вроде синевато-белым. Цвета зависят от освещения, когда смотришь. Уставься, к примеру, на солнце, как орлы, а потом глянь на ботинок – увидишь мутно-жёлтый круг. Охота на всё пришлёпнуть свою торговую марку. Например, тот кот сегодня утром, на лестнице. Цвета жухлой травы. Говорят трёхцветных не бывает. Неправда. Та полосато-белая с рыжеватым, в АРСЕНАЛЕ, с буквой эм на лбу. У тела пятьдесят различных оттенков. Тёрн совсем недавно, как аметист. Сверкание стекла. Вот как тот мудрец – как его звали? С его зажигательным стеклом. Ещё самовозгорание вереска. Спички туристов вне подозрений. Тогда как? Может, пересушенные стебли трутся один об другой, при ветре, и загораются. Или бутылочные осколки в папоротнике действуют, как зажигательные стекла под солнцем. Архимед. Вспомнил-таки! Память у меня ещё ничего.

Ба. И чего это она разлеталась. За мошками? Та пчела, на прошлой неделе, залетела в комнату, играла с собственной тенью на потолке. Может, та самая, что меня ужалила – явилась проведать. Птиц тоже не разберёшь, о чём говорят. Как и им наша болтовня. А он сказал, а она сказал. И хватает же их – летать за океан и обратно. Многие, наверно, гибнут при шторме, об телеграфные провода. Ещё у моряков жуткая жизнь. Здоровенные чудища, океанские пароходы, прут в темноте, рявкают, как морские коровы. С дороги, растудыт твою тудыт. Проваливай. Другие на парусниках, парус с носовичок натянут, как понюшка на поминках, когда задует штормовой. Тоже

женятся. Иногда годами вдалеке, на другом краю земли. На самом деле, краёв нет, она круглая. Говорят, у них по жене в каждом порту. Исстрадается бедняжка, если ей не всё равно, покуда Джонни заявится снова. Если только заявится. Пропахший задворками всех портов. Как могут они любить море? А всё-таки любят. Отдать якоря и – уплывает, с образком, или медальоном на шее – на счастье. Много ль толку? Ещё тефилим, или как он там называется, что был на дверях у бедного папы, чтоб притрагиваться. Что вывел нас из земли египеской прямиком в дом рабства. На чём и держатся все эти суеверия, потому что выходя не знаешь что может стрястись. Обнимет доску, или верхом на рее, цепляется за убогую жизнь, за спасательный круг, нахлебается морской воды, и это последняя выпивка в жизни перед тем как его распотрошат акулы. А у рыб бывает морская болезнь?

Ещё бывает, тишь да гладь, ни облачка, море спокойно, а команда и груз вдребезги, в тайник Дейви Джонса. Луна смотрит сверху. Я тут ни при чём, старый петушонок.

Затерявшаяся было, длинная свеча запоздало взбрела на небо с благотворительного базара Мирус, для сбора средств на мерсерский госпиталь, и лопнула, спадая, и выплеснула гроздь фиолетовых и одну белую звезду. Они плыли, снижались: угасали.

Пастуший час: час серенады: час свиданья. От дома к дому, стуча своим всегда желанным двойным стуком, шагал девятичасовый почтальон, фонарик-светлячок на его поясе поблескивает, тут и там, сквозь лавровые изгороди. Средь пяти молодых саженцев на Лийс-Терас воздетая пакля зажгла фонарь. Мимо светящихся окон, вдоль одинаковых палисадников раздавался пронзительный голос, крича: ВЕЧЕРНИЙ ТЕЛЕГРАФ, последний выпуск! Результат скачек на Золотой Кубок! И от двери дома Дигнамов подбежал и окликнул мальчик. Трепеща, проносилась летучая мышь туда, обратно. Вдалеке, вдоль песков, подступал подкрадывался серый прилив. Тёрн умащивался вздремнуть, утомлённый долгими днями, нямнямнямными родендродонами (стар он был) и с облегченьем

ощущал дуновенье ночного бриза, что ерошил его папоротниковую шкуру. Но и улёгшись на покой он не смыкал свой красный глаз, неусыпный, дыша размеренно и глубоко, бодрствуя даже в дреме.

А издали, с отмели Киш, заякоренный плавучий маяк моргал и подмигивал м-ру Цвейту.

Ну, и жизнь у тех ребят там, прицеплены к одному месту. Управление ирландских маяков. Наказание за грехи. Береговые охранники тоже. Ракета и спасательный костюм, да шлюпка. День, когда мы ходили прогулочным круизом на ИРЛАНДСКОМ КОРОЛЕ, бросили им мешок старых газет. Медведи в зоопарке. Заблёваная прогулка. Выпивохи вышли дать встряску своей печени. Блевали за борт – на подкорм селёдке. Морская болезнь. Женщины тоже, перепугались до ужаса. Милли хоть бы хны, распустила свой голубой шарф, смеётся. В таком возрасте не воспринимают смерть. И желудки у них чистые. Но бояться потеряться. Когда мы спрятались за деревом в Крумлине. Я не хотел. Мамочка! МАМА! Малыши в дремучих дебрях. Ещё их масками пугают. Подбрасывают в воздух и ловят. Я тебя убью. Есть доля шутки? Или когда дети играют в войну. Совсем взаправду. Как могут люди наводить ружья один на другого? Иногда выстреливают. Бедные малышата. Сплошные неприятности, свинка да крапивница. Я ей принес примочки Каломеля. Потом стало лучше, уснула с Молли. Зубы у неё точь-в-точь такие же. Что они любят? Другую себя? Но то утро, как она гналась за ней с зонтиком. Наверно, чтоб не слишком больно. Я щупал её пульс. Тикал. До того маленькая ручка: теперь большая, Миленький Паплик. Всё та же рука, когда притронешься. Любила считать пуговицы у меня на жилете. Помню её первый корсет. Смешно было смотреть. Сначала бугорочки. Левая наверно чувствительней. У меня тоже. Ближе к сердцу. Подкладывают себе, если в моде пышнотелость. Её боли роста по ночам, звала, будила меня. До чего перепугалась, как у неё в первый раз случилось природное.

Бедная девочка! Для матери тоже странный момент. Переносится назад, в свои девичьи годы. Гибралтар. Смотрела вдаль с Бьена

Висты. С башни О'Хары. Кричали морские птицы. Старый макака ел всю семью поедом. Закат, сигнальная пушка. Рассказывала мне как засматривалась в морскую даль. Такой же вот вечер, только ясный, без облаков. Я всегда думала, что выйду замуж за лорда, или за джентельмена с собственной яхтой. Почему меня выбрала? Ты был такой непохожий на других.

Не торчать же тут всю ночь, как улитка. Такая погода гнетёт. Где-то около девяти, судя по темноте. Домой, что ли. Слишком поздно для ЛИИ, ЛИЛИИ КИЛЛАРНИ. Нет. Может ещё. Зайти в роддом справиться. Надеюсь, она уже. Длинный получился у меня день. Марта, баня, похороны, дом ключей, музей с теми богинями, песня Дедалуса. Потом тот крикун у Барни Кирнана. Я там не смолчал. Пьяные пустозвоны. А задело, что я сказал насчёт его Бога. Ошибка, отвечать выпадом. Или? Нет. Приходя домой, нужно посмеяться над собой. Им лишь бы набулькаться в компании. Боятся одиночества, как малыш-двухлетка. Если б он меня ударил. Но посмотреть на это с противоположной стороны. Вышло не так уж плохо. Наверное, он не хотел оскорбить. Троекратное ура Израилю. Троекратное ура золовке, вокруг которой он петли мечет, с её тремя клыками на весь рот. Такой уж стиль красоты. Особенно приятная компаньонка на чашку чая. Сестра жены дикаря с Борнео, только что отловлена и привезена в город. Представь: такое поутру, да сблизи. У каждого свой вкус, говаривал Морис, целуя корову. Но Дигнам уже склал на этом башмаки. Эти семьи в трауре сплошное расстройство, потому что не знаешь когда. Всё-таки, ей нужны деньги. Надо зайти к тем шотландским вдовам, как обещал. Странное название. Уверены, что мы откинемся раньше. Та вдова, в понедельник это было, возле Крамерова, что посмотрела на меня. Схоронила беднягу мужа, но неплохо поимела со страховки. Её вдовья доля. А? Но что ещё от неё ждать-то? Приходится для всех быть хорошей. Вдовцов терпеть не могу. До того неухоженный вид. Жена и пятеро детишек бедняги О'Коннора, что отравились рыбой. Сливают в море всякое. Безнадёжно. Какую-нибудь матронистую бабень в круглой шляпке,

чтоб нянчила его. Взяла б его на буксир, с лицом, как блин, и широченный фартук. Дамские серые фланелитовые рейтузы, три шилинга за пару, изумительная покупка. Просто и мило, мило навеки, говорят.

Ни одна женщина не считает себя уродиной. Любовь – лги и будь мил, ведь завтра умрём. Видел его несколько раз, всё шастал, хотел найти кто это подстроил.

Э.х.: эх. Это судьба. Он, а не я. Повадился кувшин. Проклятье, похоже, неотвязно. Что снилось ночью? Погоди. Какая-то путаница. На ней красные тапочки. Турецкие. В шароварах. Может, так и есть. В пижаме она бы мне нравилась? Чертовски трудный вопрос. Наннети уехал. Почтовым пароходом. Теперь уж возле Холихеда. Надо пробить эту рекламу Ключчи. Нажать на Гайнса и Крофорда. Нижнюю юбку для Молли. Уж ей-то есть на что надеть. А это что? Вдруг деньги?

М-р Цвейт склонился и перевернул клочок бумаги на земле. Поднёс к глазам и всмотрелся. Письмо? Нет. Не разобрать. Пора уж уходить. Пора. Устал ходить. Страничка из старой тетрадки. Сплошь рытвины, да камешки. Кто их сосчитает? Никогда не знаешь что можно найти. Бутылка с картой про сокровища, брошенная при кораблекрушении. Посылка по почте. Детям всегда хочется что-то бросать в море. В религии? Хлеб пущеный по воде. А это что? Палочка

О! Вымотала меня эта девчонка. Не молоденький уж. Завтра она придёт сюда? Вечно ожидать, что где-то столкнусь с ней. Должна б прийти. Убийц тянет вернуться на. Может мне? М-р Цвейт палочкой слегка взрыхлил плотный песок под ногами. Написать ей. Может и сохраниться. Что? Я. Какой-нибудь плоскоступ затопчет утром. Без толку. Или смоет. Прилив сюда доходит. Лужица возле её ноги. Склонись, загляни на моё лицо там, тёмное зеркало, подыши на него, и заровняет. Все эти камни в насечках и зарубках и буквах. О, её прозрачные! К тому же, они недогадливы. Как понять твой тот свет. Я назвала тебя неслухом, потому что не люблю, когда.

ЖДУ. Т. Места не хватит. Брось.

М-р Цвейт заровнял буквы своею медленной ногой. Безнадежная вещь, песок. Ничего на нем не растёт. Все вянет. Да, большие корабли тут не проходят. Кроме барж Гинеса. Вокруг отмели Киша за восемдесят дней. Середина наполовину.

Он отшвырнул свою деревянную ручку. Палочка попала на мелкий песок, вонзилась.

А захотел бы так, то хоть неделю тренируйся – не получится. Случай. Мы никогда не встретимся. Но было чудесно. Прощая, милая. Спасибо. Почувствовал себя таким молодым.

Вздремнуть бы малость. Наверное, около девяти. Ливерпульский пароход давно прошёл. И дыма не осталось. И может она с другим. Да и было. Ещё Белфаст. Я не поеду. Сбегай сюда, сбегай к Эннис. Пусть он.

Просто закрою глаза на минутку. Но не спать. Полудрёма. Сны не повторяются. Опять летучая мышь. Не опасна. Всего на пару.

О сладкая все твои белодевичьи я видел мусоленный пояс меня аж любовь липко мы двое неслух милость хороша она с ним в половину постель мне там псы коз кружева для Рауля духи твоя жена чёрные волосы приподняла под пышнотелая сеньорита молодые глаза Малвей пухлые годы возвращаются хвост конец Ажендат обалденно миленькая показала мне её очередной год в трусиках вернуться очередной в её очередной ещё один.

Летучая мышь летала. Сюда. Туда. Сюда. Далеко в сумерках раздался колокол. М-р Цвейт с открытым ртом, левая нога отплыла по песку, откинувшись, вдыхал. Всего на пару.

Куку.
Куку.
Куку.

Часы на каминной доске в доме священика закуковали, где Кенон О'Хенлон и отец Конрой, и преподобный Джон Хьюгс, Об. Ис., откушивали чай и пресный хлеб, и масло, и жареную баранину с подливкой, и говорили про

Куку.
Куку.
Куку.

Потому что то была маленькая птичка, канареечка, что выскакивала из домика сказать время, которую Герти МакДовел приметила, когда была там, потому что она приметлива, как никто другой, на такие вещи, эта Герти МакДовел, и она сразу приметила, что этот иностранный джентльмен, что сидел на валунах явный

Куку.
Куку.
Куку.

* * *

Посолонь подыбаем. Посолонь подыбаем. Посолонь подыбаем.

Пошли нам пресветлый Даждьрог, животворный и лоноплодящий! Пошли нам пресветлый Даждьрог, животворный и лоноплодящий! Пошли нам пресветлый Даждьрог, животворный и лоноплодящий!

Хухты обана хухты! Хухты обана хухты! Хухты обана хухты!

По укоренившемуся воззрению недозрелою принято полагать умопроницательность какой бы то ни было особы касаемо какоугоднейших материй доступных познанию разумом тех из смертных, кто одарён склонностью к всеполезнейшему любомудрию, ежели особа та отрицает доктрину бытующую среди умов более эрудированных, в коей сходятся они к общему меж собой согласию по причине несомненно достохвального совпадения их склада ума в том, что процветание нации, равно как и все присовокупляемые блага, отнюдь не на внешней раскоши зиждется, но определимо степенью благоприятствия деятельности направленной на содействие преумножению воспреемствования, ибо спад оного суть зло изначальнейшее, тогда как наличие, напротив, неоспоримо свидетельствует о благоволении непогрешимой всемогущей природы. Да и найдется ль средь прозревших суть истинную и познавших, что всяческа прельстительна личина являет собою не боле как покров на долувлекущей изкаляной основе бытия, или же, напротив, меж непросвещённых, чтобы не уразуметь: поскольку ни один из даров природы не может соперничать с благом возрастания, то каждому из наиболее праведных граждан приличествует стать наставником и просветителем себе подобных, вострепеща и тщась, дабы дело столь блистательно начатое нацией в прошлом, нежданно не завершилось бы в будущем не столь же блистательным образом; ежели некая охальная привычка исподволь замутит до наисущнейшей глубины обычай, что несомненно чтим был и храним доблестными предками,

а посему вряд ли покажется чрезмерною твердость воспрявшего отстаивать правоту суждения – нет более злокозненного умысла, от кого бы тот ни исходил, чем преумалять и предавать забвению боговдохновенные заповеди, кои равным образом являются и обетованием всем смертным, пророчествуя преумножение, либо же грозя исчезновением, и истинность их споконвечно и неотменимо доказывается всемерно ласкательной функцией воспроизводства?

И не тому, следовательно, должны мы дивиться, что, по свидетельствам достовернейших источников истории, кельты—среди которых ничто по природе своей не являющееся достойным восхищения его и не вызывало—проявляли столь глубокое почитание искусства медицины (не поминая уж постоялые дворы, лепрозории, парные бани, чумные рвы) и она, в лице величайших своих докторов: О'Шилсов, О'Хикейов, О'Лисов, скрупулёзно вырабатывала всевозможные методы пользования больных и ослабших, дабы вновь обрели они здоровье для одоления недуга, будь то ознобное недомогание, или жидкоисходящая экскрементация, но в каждом из печатных трудов, возымевших хоть мало-мальскую весомость, непременно встречаем соразмерно важное упоминание с приложением плана (трудно сказать, был ли он основан на догадках, либо же слагался по мере накопления опыта, поскольку разночтения в толкованиях соответствующих исследователей и поныне не позволяют придти к однозначному выводу), сообразно которому материнство наивозможно надежнее охранялось от всяческих умопостижимых непредвиденностей с обеспечением всемерного (и архинеобходимейшего) ухода за страдницами в сей тягчайший для женщины час, причём наинеобходимейшая помошь предусматривалось не лишь несметно богатых для, но также и тем, кто, не будучи вдосталь имущими, едва-едва (а зачастую и насилу) влачили безденежное существование. И ничто в такую годину и некое время спустя не могло грозить ей, ибо все сограждане сознавали: благоденствие без родопреумножающих матерей – небылица, не статочно таковое вовсе; и раз уж по

изволению богов вечности поколение смертных, по образу их и подобию, обретаемо посредством мук роженицы, то, когда к тому уже всё близилось, она, влекомая туда в быстродвижном колёсном повозе, преисполнялась наибезмернейшим стремлением оказаться в родоприимной обители. О, дело умудренной нации достойное всяческого восхваления не только лишь перенёсшими, но и в пересказе, что её почитают матерью ещё загодя, в предожидании, и чувствует она себя окружённой надлежащим уходом!

До родов младенец уж ублажаем. В лоне ещё вочревленный обретает он заботу. Что для случая сего надлежит – в наличии. Ложе под надзиранием жён повивальных, взбодряющая обильная пища, чистейшие пеленанья, словно рождение сей же миг свершится, всё приготовлено мудрым предусмотрением. Того кроме – множество снадобий, каковые могут понадобиться, а так же хирургические приспособы, сподручные для облегчения её случая, ждут наготове; не упущено и воздействие наивозможно отвлекающих зрелищ из разных широт нашего круга земного, кои представлены, наряду с образами божественеыми и человечьими, к созерцанию женами там пребывающими для болеутишения, а то и облечения плодовыпуска в высоких, солнцеосиянных, крепкосводных, светлых хоромах материнства, когда уж и с виду, и сроком далеко зашедши, возлежит она, воспроизводяща, в свой страдный час.

Чужестранец восстоял пред дверьми в нощи густеющей. Муж сей, из народа Израилева, по земле скитающ далеко зашед бысть. Непомерна жалость человечья да и привела его к дому сему. Господарь сего терема А. Роген. Семьдесят лож держит он тут для матерей в тягости пребывающих, дабы сраждуще порождали они чад здоровых, яко же ангел Господний Марии рёк.

Воспомогащие туто ж и похаживали, белы сестры в дозоре неусыпном. Умелицы всяку болесть утишить: во все двенадцать лун, трижды по сто. Воистину постельничьи оне, по сам-две для Рогена дозор держат бдящ. Обходом истомлена, услыхала дозорница приход мужа оного мягкосердого, воспряла с выею окутанной,

ворота терема пред ним вширь раздвижила. Ахти, молоньи скок сяйнул в миг сей на заходе небес Ирландии! Встрепетала она, осе Господь Карающ человецей всех умертвит водою за прегрешения тяжкие. Крестное знамение возложила она на груди своя и воззвала его взойти под кров ея. Муж оный, воли ея исполнения для, достойно взошёл в покои Рогена.

Неохоч непокоить, стоял вопрошатель в покое предвходном шляпу в руках воздержащ. В ея уделе он живши бысть со любезной женой и пригожею дщерью; от времен тех бывых ужо девять лет уплынули за земли и дны морския. В один из дней во граде ея встречаша, на поклон ея не возъял он шляпы своя. На сей же ж раз бил челом он ей простить ему упущенье его мимовольное, поелику лик ея, пред ним о той поре быстро мелькнувши, незнано юным ему помстился. Свет скорый очи ея восполымил, цветенья румяного слово его досягаша.

За сим, очи она обратила на скорбно-чёрные его одеяния, устрашилася. Скоро же и возрадовалась, ибо острах ея поспешен бысть. Ея вопросил он, присылающ ли О'Хара Доктор вести со дальнего брега. Она же с печалью и воздыханием ему ответствовала, О'Хара Доктор на небеси уж. Взгоревал муж сей слово оное слышучи, отягчило оно утробу его прискорбно. На то молвила она ему, скорбящу о смерти друга столь младого, никто да не дерзнёт оспорить Господне правомудрие. И поведала она, что, де, смерть его спостигла, по милосердию Господа, утешительна, со священиком исповеди для, со причастием и соборованием. Муж сей на то с важностию вопросил белицу, каковой смертию упокоенный помре, и в ответ ему она молвила, помре он на острове Мона через рак утробный и три года уж по тому минет в грядуще Рождество, и взмолила она Господа Всемилостивца сохранять пречисту душу его в ея нетленности. Он внимал словесам ея скорбным, в воздержиму шляпу скорбно глядящ. И несколь время обое так восстояли, в печали кручиняся друг подле друга.

Отже, всяк человече, воззри на сей последний конец, каков суть смерть твоя, и на прах липнущ до всяка из порождённых женщиной, ибо наг приходит он из лона матери, и нагим отойти ему напоследок, каков приходящ бысть. Муж сей в палаты взошедши, молвил слово к повитухе вопрошая, каково идётся женщине, овия лежала дитярожаще. И ответствовала повитуха молвя, что жена сия в потугах есть уж три полных дня и тяжкими роды окажутся, но уж вскорости. И к сему молвила, множество жон родящих ею видано, однако ж не зрила досель столь тягостныя, как жены сей роды. Засим поведала ему, каковы времена переживал оный дом. Муж сей слушал ея с мыслию про жон страждущих муками, кои имут они становясь матерьми и воздивовался он, глядя на лик ея столь младой для всякого мужчины погляденья, однако ж оставалась она после долгих годов прислужницей. Двунадесять девятикратно минуло кровоистекновений для нея бездетно.

И, покуда глаголилась их беседа, распахнулися двери замка и донесся вовне шум вопленный велелюдного пирования. И взошёл в место, где они стояли, младой оучающийся рыцарь, прозванием Диксон. И странствующий Леопольд знавал его, ибо же встречали один другого в доме милосердия, яко младой рыцарь пользовал там недужих и странстующий Леопольд приходил врачеваться, ибо тяжко был уязвлен в грудь копием, коим страховидый дракон поразил его, и тот содеял ему помазание из солей летучих и масла церковного, сообразно тому уязвлению. И поведал он сейчас, что приходит в замок сей возвеселитися со товарищи, что посели уж там за пир честной. И странствующий Леопольд известил, что надобно ему отбыть в иное место, ибо был он муж бдящ и тонкомудрый. Тако же и дама ему вспомоществовала и укорила она оучающегося рыцаря, бывши однако ж уверена, что странник молвил слово неистинное по своей тонкомудрости. Однако ж, оучающийся рыцарь не восхотел дослушать, ане исполнить ея увещевание, ане сдержать свое хотение, и рёк он, диковен, де, сей замок. И странствующий Леопольд взошёл в замок для недолгого отдохновения, поелику

утомлен был во членах от множества хождений окружных в разнейших землях, а порой и с игрищами любовными.

А в тереме том стол восстоял из березы финляндския, покоился стол на карлах числом четверо из стороны тои ж, однак не смели отнюдь оне пошелохнуться боле, понеже лежало на них заклятье. И возложены на столе том мечи были диковинны и ножи булатные, иже куются в великой пещере работными демонами из белого полымя, да и вкрепляют в рога бычьи, либо же турьи, коих там же несметное множество. А меж ножей стояша там кубки Махонда чудодейством сработаны из песка морского да колдовских воздыханий, когда чародей воздуваша бе в них пузырчасто. И ломился стол подо множеством явств преобильнейших, коих полней и рясней не утворити никому же. Тамо ж и чан серебряный, силой искусною отверзаемый, в коем лежали рыбы диковинные, без голов, хотя же человеци маловерныи веру в диво не имут, допоки не узрят, однак истинно таковы оне были. И рыбы сии лежали в масляной воде, привозимой из земли Португальския, поелику жирноватость оной соками олив давленных утучняема. И диво дивное в замке виделось, чародейна смесь сотворяема из многоплодных житних почек Халдеи, чрез вхождение в них духов неких злоенравных, аже воздымаются страховидно, великой горе подобны. Там-то же научают змеищ обвиватися вкруг столпов из земли восходящих, дабы из чешуй оных змеищ варить питие, подобно медам хмелящим.

Отже лыцарь младой преисполнил чашу питием, почествовать Леопольда, отпрыска благородного рода, и выпил, и все не обинуясь, сколь их было там, выпили, всяк себе же. И благородный отпрыск Леопольд возъял свою чару, взаимообразного чествованья для, и привселюдно приял толику за дружество, ибо же не пил он вовсе хмельных зелий, каковое тут же и опустил, а вскоре утаённо опорожнил велику долю в чашу ближнего сотрапезника, а сосед отнюдь не приметил такового хитрования. И засел он в оном замке,

дабы отдохнути средь них совсем ненадолго. Благодаря Всемогущему Господу.

О сю пору добронравная повитуха восстала у порога и воззвала к ним заради Исуса, господаря всем нам общего, покинути их здравопития, ибо наверху возлежала младенцем тяжелая благородная дама, бывая уж на сносях. Сэр Леопольд прослышал из верхних хором крик тонкий зело и вопрошал, дитя ли то вопиёт али женщина, ибо мнится мне, рёк он также, не в сей ли миг свершилось рождение. Давно уж пора бы. Был он приметлив и узрел вольного рыцаря Лениена, за супротивным от себя кромом стола, кто постарше был всех прочих там, и поелику оба они были рыцари доблестные и одного чина, опричь того годами был он старше, тож и заговорил к нему с полной учтивостью. Ибо, молвил он, надлежало бы ей уж родить, по милости Господа, и возрадоваться своему дитяти после столь долгого ожидания. И вольный рыцарь, во хмелю, рёк на то: Ожидающа, что каждый миг станет её следующим. И он воздел чашу, аже пред ним стояла, ибо отнюдь никогда не случалось надобности упрашивать, ани подохочивать, дабы выпил он, и: – Ну-ко выпьем же,– изрёк он, с полной приятностью и выхлебал, сколько мочи, за здравие их обоих, ибо муж он был обходительный, при всей своей хмелелюбности. И сэр Леопольд, приятнейший гость в палатах любомудрых рыцарей, и мягчайше добрейший из мужей, овии клали когда-либо заботливу руку под наседку, и был же наичестнейшим рыцарем в мире, всяк час готовый услужить благородной даме, учтиво отпил из чаши. Женскому страждотерпению немало дивясь.

Теперь же поведём речь о товариществе, что собралось там, вознамерившись напиться допьяна, сколько в кого влезет. Разных чинов школяры, сидели по обе стороны стола. Помянутый уже Диксон, научающийся при университете святой Марии Благомилостивой, с другими своими соучениками: Линчем и Медденом, школярами медицины, и рыцарь вольного чина Лениен, и один из Альба Лонги, некто Кротерс, и молодой Стефен, видом

подобный монахам, сидел во главе стола, да ещё и Костелло, по прозванию Резвец Костелло, за искусность его пошутить, и промеж них, за вычетом Стефена, был он всех более пьян и всё домогался ещё хмелезелия, и там же средь них добрейший сэр Леопольд. Однако ж, и молодого Малачи они дожидали, который обещался придти ибо, сказано, клятву свою ломает тот лишь, кто не годящ на доброе дело. И сэр Леопольд сидел с ними, ибо имел крепкое дружество к сэру Саймону и этому его сыну, молодому Стефену, а кроме упокоила его приятнейшая там истома, после долгих скитаний, понеже почтительнейше они к нему обращались. Утомлеённость и умиление отвратили его намерение уходить.

А уж это были острословные школяры. И он слушал их резонсы, один ученей другого, касаемо родов и справедливости; Медден доказывал, что в подобном случае бабу должно умертвить (ибо такое сталось за несколько лет до этого с женщиной из Эбланы, что нынче уж в мире ином, а в ночь накануне её смерти все лекари и знахари сходились на совет по её случаю). И прочие говорили, что ей надобно жить дальше, во исполнение сказанного изначально: женщина да родит в муках; и все, кто держался такового представления, отрицали справедливость слов Меддена, ибо, по его трактованию выходило, что лучше пусть умрёт она. Немало же кто, а средь них вьюнош Линч, сокрушалися тем, что мир нынче напрямую злом управляем, но так уж споконвеку водится, хоть простолюдинов уверяют в обратном, что ни в одном законе, ни в его толкователи пользы нет. Воздаяние же у Господа. Это кратко сказалось, но все воедино возопили, нет, клянёмся нашей матерью Девой, бабе должно жить, а младенцу помереть. Отже взъярились они, как от спора тако ж и от пития их, но вольный рыцарь Лениен выказал удальство, налив им ещё эля, абы ни малой мерой веселие не умалялось. И тогда вьюнош Медден поведал всем в полноте оный случай, как сталось, что она умерла, и как ради святой веры, по наущению пилигрима и юродивого, и для ради обета данного святому Ултану из Арбраккана, добрый муж её противился её

смерти, отчего все нежданно они закручинились. И такую держал к ним речь вьюнош Стефен: Роптанье, сэры, нередко средь несведущих. Нынче оба—и дитё, и родительница—славят своего Творца, один в сумраке лимба, другая в огне чистилища. Но блюдите чувство благодарения в своих Богоувозможненных душах, кои мы еженощно обневозможниваем, прегрешая тем самым против Святаго Духа, Истиного Бога, Господа и Дарителя Жизни!

Ибо, сэры, вёл он далее, похоть наша кратка. Мы лишь орудие малых созданий тех, что внутри нас, ибо не мы есть доконечная цель природы. И тут младой Диксон вопросил Резвеца Костелло, какую бы тот поимел цель? Но тот был сверхмерно пьян и насилу выговорил, что он завсегда сбесчестит всяку бабень, будь она жена иль дева, иль что там ещё, коли так уж ему предвидено избавляться от отягчающей похотливости. На что Кротерс из Альба Лонги вознёс хвалу зверьку-единорогу вьюноши Малачи, единожды в тысячелетие является он, всех прочих при явлении сём рогом своим протыкивая, как ни исхитрялись бы на него ополчившиеся: присягаясь всем, и не ежиножды, святым Хьуйсом, его покровителем, что ему гоже делать всяко и разно, что заложено в мужчине к деланью. К сему засмеялись они разпревесело, только вьюнош Стефен и сэр Леопольд, который никогда не смеялся прилюдному шутованию, коего не разделял бы вполне, а тако ж оттого, что печаловался о всякой страждущей, кем бы она ни была, и где бы ни пребывала. Затем вьюнош Стефен держал заносчивую речь о матери Церкви, да отринет она святотатца от груди своей, о каноническом законе, о Лилит, покровительнице абортов, о захождении в тягость от ветром вдутых семян ясности, или от способности вампиров рот в рот или, как повествует Вергилий, под влиянием божественных сфер, или от запаха лунного цветка, или когда какая ни есть она ляжет с женщиной, с которой перед тем возлежал её муж *efectu secuto*, или от злоключенья в ванне, согласно мнениям Авероэса и Моисея Маймонида. Он говорил и том, как к концу второго месяца вдыхается душа человечья, и как во всех нас наша святая матерь

споконвеку объемлет души, к вящей славе Господней, тогда как мать земная всего лишь брюхатится, чтоб скотски родить и умереть, как по канону и надлежит ей, ибо так возвещает хранитель рыбачьей печати, и он же тот благословенный Петр, на чьём камне святая церковь веками покоится. Все эти бакалавры вопросили затем у сэра Леопольда, подверг ли бы он, в таком случае, угрозе её особу, рискуя жизнью жизнь спасти. Насторожённый умом, имел он обычай ответствовать для вящего всем ублаготворения, но тут, возложа руку на челюсть, известил уклончиво, по своему обыкновению, что, насколько известно ему, всегда любившему физическую науку любовью непосвящённого, и к тому же согласно его опыту, столь редко внимавшему подобным случаям, добро уже то, что Матерь Церковь одним ударом рождение и смерть чеканит, и таковой вот речью избег вопроса их. Вот где истинное, сказал Диксон и, коли не заблуждаюсь, брюхатое слово. Услыхав это, вьюнош Стефен дивоглядно возвеселился и переиначил, что окрадывающий нищего преумножает ему богатство, ибо он во хмелю становился буен, каковым, опять-таки, пребывал.

Но сэр Леопольд внимал слову его с кручиной, ибо и пред тем опечален уж был ужасвселяющим криком вопленным женщин в страде их, да к тому ж в думах о своей милостивой леди Марион, что родила ему одним-единого младенца мужеска пола, а тот на одиннадцатом дню жизни помре и не нашлось кудесника спасти от столь мрачной судьбины. Невиданно уязвилось сердце её тем злоключением, а к похоронам она сработала добрый жилет ему, цветочку паствы, из шерсти агнца, не то совсем ведь пропадёт и закоченеет он там лёжачи (ибо сталось это посеред зимы): тож не имел ныне сэр Леопольд от плоти своей мужеска дитя-наследника и взглядывал на сына друга своего, и кручинился о своём минулом счастии, и скорбел он, что не дано ему сына благородного духом (ибо все говорили о гожем младенца сложении), так же кручинился он, не меньшей мерою, о юном Стефене, ибо тот жил буйственно средь этого отребья и губил имение своё с блядьми.

Под этот час юный Стефен наполнил все, кои стояли порожними, чаши – так что едва не досталось и уклончивейшему, кабы не отгородился от приуготованной ему толики, в чём он упорствовал с допрежним старанием, Стефен же возгласил себя самочинным священослужителем, дающим им залог воплощённого Христа, который в его толковании есть Гвалт. "Так изопьём",– глаголил он,– "из чары сей и выхлещем это винище, оно суть не часть плоти моей, но души моей воплощенье. Отриньте хлеба кус, оставив тем, кто живёт хлебом единым. И да не убоитесь и наименьших потреб, ибо сила его утешительнее, чем огорчение горестями. Воззрите все!" И он показал им блескосяйные монеты, в доказательство, и златочеканщиков бумаги, стоимостью в два фунта и девятнадцать шилингов, воздаяние за сложенную им песнь. Все они восхитились воочию зря на богатство столь многоценной казны перед собою. Его же слово было таковым:

Воззрите, о человеки, на огрызки времён, что составляют постройки вечности. Что сие означает? Ветр желаний колышет терновник, но затем тот, из куста колючего, обращается в розу на распятии времени. Истинно говорю вам. В лоне женщины слово становится плотью, но в духе творящего вся плоть преходящая становится словом неподвластным тлену. Се есть второтворением. *Omnis caro ad te venient*. Веруем в жизнетворное имя её, испустившей в путь нашего Откупителя, Целителя и Пасителя, имя матери нашей мочной, досточтимейшей матери, ибо—по складному речению Бернардуса—обрела она *omnipotentiam deiparde supplicem*, себто, ведайте, право всемогущего заступничество, ибо она суть вторая Ева; и она даровала нам спасение, яко же сказано Августином, егда первая, прапрароженица, с коей увязаны мы последовательной перекрестносвитостью пуповин, продала нас всех, в семени, на корню и в поколениях, за грошовое яблочко-дичку. Но внемлите: вот что есть суть. Либо она познала его, я говорю о второй, и состоялось лишь создание её создания, *vergine madre figlia di tuo figlio*, либо она его не познала и потому пребывает в равной отринутости и

неведении, как и Петр Рыбник, который живёт в доме, который построил Джек, или Иосиф Столяр, покровитель счастливого конца всех несчастливых браков, *parce que M. Leo Taxil nous a dit que qui l'aviet mise dans ette fishue position c'etat le sacre pigeon, ventre de Dieu! Entweder* транссубстанциальность *oder* сосубстанциальность, но никак не подсубстанциальность. (И тут все взвопили, по причине столь едкого слова.) Беременность без радостей, (изрёк он) роды без болей, тело без запятнанности, брюхо без тяжести. Да поклоняются похотливцы с верою и рвением. Коли будет на то соизволение, мы всё ж выстоим, выскажем.

И тут Резвец Кастелло грянул кулаком о стол и запел срамную песенку СТАБУ СТАБЕЛЛА про красотку, что попала на стрючок добрячего отрываки из Олмани, которую он и завалил: ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА ДУРНО БЫЛО ЕЙ, СТАБУ, как тут сестра Квигли гневливо их просила, утишьтесь, мол, и стыд какой, невиданно-неслыханно, сколько было на её памяти работников у лорда Эндрю, ибо она пеклась, дабы никакая буйная свара не повредила репутации её попечителя. То была древняя и скорбная матрона упокоенного вида и христианнейшего обхождения в одеянии тёмном, под стать к её мигреням и изморщиненному обличью; увещевание возымело действие, ибо немедля Резвеца Костелло стали они одергиваться и наставлять невежу: кто с вежливой грубостью, а кто и с угрозливой лестью, пока все не ополчились на него – чума на этого балду, какого дьявола он, ты клоун, ты кваша, ты в пестре найденый, ты дешёвка, ты балала долбаная, ты икра дуролома, ты сортирный осадок, ты недоабортированный, заткнуть его пьяное хайло, этому Господом проклятому шимпанзе – добрейший же сэр Леопольд, отмеченный цветком тихого, увещевал кротко, и при том вразумляюще, что место-де и наисвятейшее и наидостойнейшее наисвятейшим полагаться.

Дабы не витийствовать в многословиях, едва минуло это пришествие, как мастер Диксон из Марии на Эклес, по-доброму ухмыляялсь, вопросил младого Стефена, в чём суть причина его

решения отринуть монаший чин, и тот ответил ему: послушность во чреве, доброчестие в могиле, но невольная бедность во все дни жизни его. Мастер Лениен на это ввернул, что прослышал о его беспутствах и как он—уж такой идёт поголос—запятнал хрупчайше милейшую добродетель благоверной девицы, что есть совращением малых сих, и все они на том единодушно взбурлили веселием и подъяли тосты за его отцовство.

Но он отвечал весьма складно, что истинное положение дел начисто противоположно их домыслам, ибо он вечный сын и девственик вовеки веков. На что веселие их взбурлило ещё более, и они представили, как на театре, курьезный обряд его брачного сочетания с показом обезодёженья и обесцветоченья девиц, по обряду священиков Мадагаскар-острова, где молодая обряжена в белое с шафрановым, жених же в белом и торчащем, с непременным возжиганием нарда и свечей на ложе молодых, а священослужители при том распевают славословия и гимн *Ut novetur sexus omnis corporis mysterium,* покуда он её на нём обездевствует. На это он выдал им пленительную плевственную оду—творение утончённейших поэтов: мастера Джона Мандона и мастера Френсиса Маймонта—из ДЕВИЧЬЕЙ ТРАГЕДИИ, писанную для подобного же сочленения любящих: В КРОВАТЬ, В КРОВАТЬ шло в ней как бы припевом исполняемым с аккомпаниёбельной слаженностью на целколомчелях. Изысканно сладостная и нежнейше прельстительная эпиталама для юных любвевкушателей, вводимых нимфосвитой с благоухающими факелками на квадропедный просцениум для бракосоития. "Они сочно сочетались,"– сказал мастер Диксон, взвеселясь,– "но слышь-ко, юный сэр, лучше б им прозываться Манда и Мамонт – из подобного совокупления воистину многое может выйти." Молодой Стефен на то ответил, что и впрямь, насколько помнится, у них было одно мнение на двоих и одна шлюха для перемены в восторгах сладострастья, ибо жизнь бурлила весьма высоко в те дни, и обычай страны снисходил к таковому. Не сыскать, продолжал он, более великой

любви, нежели в друге, который подкладывает жену свою другу своему. Пойди-ка отмочи такое ж, ибо так—или в таком роде—говорил Заратустра, когдатошний лектор французской литературы на жалованьи от короны в университете Оксхвоста, и не родился ещё человек, коему с большим вниманием внимало бы человечество. Нелегко ввести чужака в свою башню, зато у тебя будет лучшая из подержанных кроватей. *Orate, fratres pro memetipso*. И да взвопим "аминь!" всем миром. Вспомни, Эрин, твои поколения и дни былые, как ты тихо сидела подле меня и моего слова, но привела чужака к моим вратам, вершить прелюбодейство у меня на глазах и жиреть и брыкаться как валаамица. Так-то согрешила ты против света и сделала меня, твоего господина, рабом прислужников. Воротись, воротись клан Милли: не забывай меня О, Майлесин. Почему ты свершила эту мерзость мне и отшвырнула меня ради торговца корешками ялапы, и отринула меня к романцам, и индийцам с тёмной речью, с коими же дочери твои возлежали прельстительно. Зри же теперь вперёд, народ мой, на землю обетованную, воззри с Хореба и с Нибо, и с Пиего, и с Хеттенских Рогов на землю, где текут молочные и денежные реки. Но меня ты вспоила молоком горечи: и поцелуем пепла коснулась ты уст моих. Эта мгла внутренняя (рёк он далее) не просветилась вразумлениями греко-семидесяти ветхих заветов, ни возвещением с небес Востока тому, кто взломал врата адовы, побывав во тьме запредельной. Свыкание снижает ужасание (как говорил Туллий о любезных ему стоиках), и Гамлет, отец его, являет принца без наименьшей искорки зажигательности. Дохляк-аморфник в полдень жизни это ж просто чума египетская и наиподходящие *ubi* и *quomodo* для ему подобных – сумрак предрождения и посткончины. И поскольку концы и пределы всех вещей определяются—в некотором смысле и мере—их зачатием и происхождением, то многосложное соответствие вызывающее послеродовой рост, состоящий из регрессивных метаморфоз последующего уменьшения и снижения, что приведёт к финалу, согласно с природой, ибо в этом суть нашего субсолнечного

существования. Пожилые сестры втаскивают нас в жизнь: мы орём, тучнеем: резвеем, вклиниваемся, сщепляемся, отваливаемся, усыхаем, умираем: над нами, мертвыми, они склоняютя. Сперва спасение от вод старого Нила, меж камышей в ложе из плетеного ивняка: под конец расселина в горе, укромная могила, где слышны лишь рыки горных барсов и опоссумов. И поскольку ни один человек не знает ни гдешность своего захоронения, ни к каким оно приведёт процессам, ни того Тофет ли ему назначен, или Эдемвиль, подобным образом же всё сокрыто, когда оглянулись бы мы из тех сфер удаленности на чтотность нашей ктотности в опосредственной гдетности.

На что Резвец Кастелло завел было *Etienn chanson*, но он воззвал к ним вопленно: – Внемлите: мудрость воздвигла себе дом, этот обширный величавый древневзведённый склеп, кристальный дворец Творца, где всё с иголочки, пенни тому кто найдет хоть пятнышко.

Воззри на дом что мастер Джек возвёл,
Полны в нём закрома, обилен стол,
Там, где когда-то Джек вбил первый кол.

Диким откликом грянул тут гром на дворе. Гулко грохнул осерчавший Тор: ужас вселяющий молотовержец. Бушующий шквал понудил смолкнуть его сердце. И мастер Линч призвал его поосторожней ёрничать и умоблудствовать, эвон, и боги уж гневаются на адское его суесловие и поганство. И он, досель заносчиво отважный, вдруг побледнел восковно и приметно съёжился, а тон его бахвальный разом сник и сердце встрепетало в грудной клети – до того поразил его рокот грозы.

Вот ужо понасмешничали и понашутились, и Резвец Костелло вновь подналёг на свой эль, на что мастер Лениен поклялся не

отставать, что и исполнил – слово с делом у него не расходится. Но хвастунишка выкрикнул, что Ничейпапа порядком нахлестался, а ему тоже всё едино и он, не отставая, последует Его примеру. Но то было лишь уловкой, чтоб сокрыть своё отчаянье да гнетущий страх под сводами зала Рогена. Он и впрямь выпил залпом – придать себе смелости, ибо громыхало протяжно-рокочуще по всем небесам, так что мастер Медден, бывший набожным в какие-то моменты, пхнул его в бок под этот грохот рока, а мастер Цвейт, одесную от бахвала, обратил к нему увещевательное слово – усыпить тяжкий испуг заявлением, что он слышит ни что иное, как громкий шум, разряд флюида из грозовой тучи, а вот и ещё разок, но всё это в порядке вещей природных феноменов.

Но был ли страх юного Бахвала укрощён словами Увещевателя? Нет, ибо грудь его пронзал шип Горечи неподвластной утешениям. Так стало быть он не был тих, подобно одному, ни набожен, подобно другому? Ни таковым, ни другим он не был в той мере, насколько хотел бы быть тем и другим. Но отчего же он не попытался вновь прибегнуть, как в юности своей, к твердыне Святолюбия, служившей опорою ему в младые поры? Уж не различил ли он в жутком громовом раскате голос Божьего Предвещения, иль то было всего лишь—как выразился Увещеватель—грохотаньем Феномена? Внял ли он? Такому не внять невозможно, доколе не перекрыта труба Понимания (чего он не учинил бы), ибо посредством той трубы обозревал он всё сущее в стране Феномена, где в один из дней, и ему предстоит умереть, поскольку он, подобно прочим, тоже являлся преходящим явлением. Выходит, он не согласен был умереть и исчезнуть, как прочие? Никоим образом, и потому средоточием всех его устремлений было свершить наивозможно большее числа явлений, которые мужчины вершат с женщинами, следуя предписанию Феномена по книге Закона. Так, значит, ему неведома была страна именуемая Уверуй-в-Меня, что подлежала царю Бесподобному, пребывая там, где нет ни смерти, ни рождения, ни женолюбства, ни материнства, куда приидут все, кто верует?

Разумеется, Боголюбивый твердил ему о той земле, и Благочестивый указывал ему путь туда, но случилось так, что на пути он оступился с некоей шлюхой (прельщающей взор наружности), по имени (с её слов) Пташка-в-Руке, она-то и сманила его своей лестью насторону с пути праведного, заговорив к нему таким образом: – Эй, красавчик! не проходи мимо, я покажу тебе славное местечко!– и, стелясь пред ним столь ласкающе, она вовлекла его в свой грот прозываемый Двое-в-Кустике, а более высокоучёные именуют его Плотским Совокуплением.

И именно это было пределом желаний любого из сборища засевших в Обители Материнства, и когда им встречалась эта шлюха – Пташка-в-Руке (что пособничала всем мерзостным заразам, чудищам и пакостному бесу), они выскребали свое достояние до последнего гроша и отправлялись к ней, и познавали её. Относительно канонов Уверуй-в-Меня они, как один, твердили, что это всего лишь понятие и ничего более и нет никакой возможности его осмыслить, ибо, во-первых, Двое-в-Кустике, куда она их сманивала, был весьма премиленький грот с четырьмя подушками, а поверх них четыре билетика с вытиснутыми на них словами: Спиночёс, и Наоборотка, и Глиномес, и Щечка-к-Ложке; а, во-вторых, они ничуть не опасались грязной заразы – Всегноя, и чудищ мерзких, ибо Презерватив давал им прочный щит, бычьекишочный, а в-третьих, для них даже и угроза Отпрыска пресекалась мерзопакостным бесом, благодаря всё тому же щиту, именуемому ещё Дитегубец. Так что, все они отдавались своей слепой похоти, м-р Шутник и м-р Иногда Набожный, м-р Обезьян Винохлёб, м-р Лже-Рыцарь, м-р Элегантный Диксон, Юный Бахвал и м-р Осмотрительный Увещеватель. А между тем, О сборище порочных, как глубоко вы обманулись, ибо то было-таки гласом Господа и Он, преисполнясь наигорчайшим гневом, уж скоро возъемлет руку Свою и выплеснет их души – за гнусность их, и за выпрыски мимо, чинимые ими вопреки Его слову, кое плодиться и размножаться пламенно призывает.

Итак, в четверг, шестнадцатого июня, Патк. Дигнам скоропостижно уложен в глину, от апоплексии, и, после томящей суши, сподобил Господь – подождило; баржевики, приводящие свои суда по воде за пятьдесят миль, или того около, с грузом торфа, говорили, что посевы не прорастут, поля иссыхают, болота шибко поблекли и завонялись, да и торфяники также, аж дышать тяжко. Всходы овсюга посохли на корню, без капли воды; никто и не упомнит, когда ещё бывала столь затяжная сушь. Бутоны роз покоричневели и взялись пупырьями, на холмах – ничегошеньки, кроме иссохшего тростника да хвороста, что займётся от первой же искры. В миру все толкуют, а уж им-то ведомо, что ущерб от великого ветродуя, в феврале минувшего года, и то – мелочь, рядом с эдакой засухой. Но потихоньку да, как говориться, полегоньку, с заходом солнца поднялся западный ветер и ближе к ночи громадные, набухшие облака надвинулись, и те, кто понимает в погоде, всё поглядывали на них, где сперва поигрывали зарницы, а затем, часов после десяти, загромыхало—да уж так-то протяжно!—и все мигом – врассыпную, скорее по домам от проливного дождя; мужчины, покрывая свои соломеные шляпы клочком каким-либо, или хоть даже платком, а женский род улепётывал, подхватив подола, шибчее ливня. По Эми-Плейс, Беггот-Стрит, Дюкс-Лейн, оттуда через Марион-Грин вдоль по Холлиз-Стрит—где перед тем сухо было до костяной твердости—потоком хлынула вода, а ни дрожек, ни экипажа, ни фиакра и близко не видать, но, правда, уж не громыхало после того, первого, раската. Через дорогу напротив от двери высок. досточт. м-ра Фицгиббона, судьи (что засиделся с м-ром Хили в парке колледжа), Хват Малиган, джентельмен по всем статьям, ступив за двери от м-ра Моора, писателя (что допреж был папистом, но нынче, как толкуют люди, добрый стал Вильямит), столкнулся с Алек. Беноном, в коротком сюртуке (они ныне продаются, вместе с бальными нарядами, на Килдар-Грин), только что из Малингарского дилижанса, где его кузену и брату Мака М-на торчать ещё почти что месяц, до дня св. Свитина, и первый же вопрос: что за дела, скажи на милость, у него

тут, а тот ему: домой-де, ну, а он? – в Эндрю Рогеновскую, поторчать и раздавить винишка чашку, по его выражению, а этого так и подмывает рассказать ему про шалую тёлку, дородную для её возраста и с говядами до пят, а тут, при всём при этом, дождь льёт, аж хлещет, и вот они, оба-два – прямиком в Рогенову. А там Леоп. Цвейт, из Крофордова журнала, уютно засиделся со сворой отрывак, парни – только дай: Диксон младший, школяр из моей Леди Милосердия, Вин. Линч, хлопец шотландской закваски, Билл Медден, Т. Лениен, крепко взгрустнувший из-за скаковой лошади, которой он доверился, и Стефен Д. Что до Леоп. Цвейта, так он там оказался из-за навалившейся было истомы, но теперь ему попустило, а накануне ночью снилась ему чушь какая-то, будто хозяюшка его, Молл, в красных тапках да в турецких, зачем-то, штанах, а это, по мысли тех, кто в курсе что к чему, означает перемену; мадам Пурфо в заведении ж, по случаю своей брюхатости, мается, горемыка, на кушетке – два дня уж, как ей вышел срок, акушерки стараются во всю, но та никак не разродится и ей ужо аж муторно от одного вида миски рисового отвара, что секундально осушает нутро, и дышит до того уж тяжко, не так, как должно, однако, крепкий должно быть бычочек, что так-то там толкается, но, говорят, Бог скоро даст ей разрешиться. Это она девятого родит, слыхал я, а на Пречистую отошёл её младшенький, которому было ровно годик, и, вместе с ещё тремя, что померли в грудном возрасте, вписан он красивыми буковками в королевскую библию. Муженьку-то её за пятьдесят и он методист, но принимает Святое причастие, а каждую погожую субботу его увидишь с парой сыновей за Баллокской гаванью – забрасывает спиннинг на всплеск, или в пруду заводит невод за плотичкой и окунем, и увесистую налавливает сумку, говорили мне.

Вобщем, хороший прошёл ливень и освежил всё, да и для урожая как раз что надо, правда, знающие люди говорят – после ветра и воды должон огонь нагрянуть, по предсказательствам альманаха Малачи (я слыхал, будто м-р Рассел раскопал пророческиие

заклинанья такой же сути и для своей фермерской газетты), чтоб куда ни кинь выходило б по три, но это уж сплошь призрачность без дна резона – для стариканов и детворы, однако ж, иногда они угадывают в точку своими странностями – пойди пойми как.

Такие разговоры затеял Лениен в конце стола и для показа как оно пропечатано в той газетте принялся обшаривать себя (всё божился что вот-вот достанет, где-то она тут при нём), но просьбу Стефена отставить поиски и подсесть поближе исполнил вмиг. Он был в некотором роде джентельменом спорта, как говорится рубаха-парень, или свой в доску, и что касалось женщин, конской стати или недавнего скандала, знал назубок. Правду сказать, финансы он имел худые и, по большей части, околачивался в кофейнях и низкопробных тавернах, знаясь с вербовщиками, конюхами, букмекерами, праздношатающимися, жокеями, подмастерьями, потаскухами, банными дамами и прочей швалью той же масти, или с подвернувшимся констеблем, или с кем-нибудь из ипподромного закулисья, часто заполночь, до рассвета, которые, прихлёбывая из кружек, калякали с ним про сё и то. Питался он у торговцев горячим, и стоило ему заправиться всякой всячиной, или тарелкой потрохов, то, с одним единственным шестипенсовиком в кармане, мог запросто и где угодно пробиться своим языком: уж если что сказанёт, так сказанёт—хоть проститутке, хоть кому—так, что любой мамки сын лопнет со смеху. Другой же – Костелло, усёкши, стало быть, тот разговор, стал допытываться: стихи там, или рассказ какой?

– Ни то, ни сё,– говорит он,– Френк (так того звали), там насчёт коров из Керри, что всех их на убой из-за заразы. Как по мне, то хрен с ними со всеми,– продолжил он с подмигом,– и со всей ихней бычачьей говядиной, язва их побери. Рыбки в этой банке куда лучше,– и он запанибратски предложил подналечь на маринованные шпроты, что тут же и стояли, дразня его глаз, вот он и подвёл к цели, только ради которой и изощрялась вся эта его дипломатия.

– *Mort aux vaches*,– говорит тогда Френк по-французски, который служил у оптового торговца спиртным, имевшего винный погреб в

Бордо, и он тоже калякал, как джентельмен, по-французски. Ещё дитятей был этот Френк самым, что ни на есть, никчемушником, которого его отец, местечковый голова, насилу смог продержать в школе, чтоб выучился грамоте да начал разбираться в глобусах, потом пристроил было его в университет – изучать механику, но тот закусил удила, как невыезженный жеребчик, и больше знался с правосудием да околоточным, чем со своими учебниками. Какое-то время подвизался он актёром, потом был маркитантом, не то надувалой на скачках, потом его нипочем не отвадить было от медвежьей грызни и петушиных боёв, спустя немного времени он то качался на окиан-море, то топтал дороги с племенем ромэнов, воруя наследника усадьбы, при пособничестве лунного света, или утаскивая девичье бельё, или сворачивая головы цыплятам, что сдуру выскочили за изгородь. Он пропадал столько раз, сколько у кошки жизней, и являлся опять—с пустыми карманами—к своему отцу, местечковому голове, который проливает по кружке слёз всякий раз, как его увидит.

– Да?– молвил м-р Леопольд скрестив руки, которому и впрямь хотелось разузнать,– так-таки всех и на убой? Да как же можно, я видел их сегодня утром, как шли на пароходы до Ливерпуля. (А уж он-то разбирался и в этом задумчивом скоте, и в резвой живности—жирных свинках и барашках оскопленных—послужив за несколько лет перед этим деловодом у м-ра Джозефа Каффа, достойного негоцианта, что ведёт бойкую торговлю скотом и полевые аукционы на дворе м-ра Гавина Лова по Прусской-Стрит.)

– Потому только и спрашиваю,– говорит.– Скорее весь сыр-бор из-за отвердения языка.

М-р Стефен, малось взведенно, но вполне пристойно сказал ему, что ничего подобного и что у него имеются депеши от главного императорского хвостокрута, в благодарность за гостеприимство посылается доктор Риндерпест, с репутацией лучшего дойкощупа во всей Московии – с парой мешков снадобий, дабы взять быка за рога.

– Тоже мне,– сказал тут м-р Винсент,– честный обмен. Он окажется на рогах дилеммы, если связывется с быком из Ирландии, зарубите на носу.

– Ирландский и по прозванию, и по натуре,– отозвался Стефен, с бульканьем подбавляя всем эля.

– Ирландский бык в английской посудной лавке. Я уловил тебя,– говорит м-р Диксон. – Это тот самый бык, которого прислал на наш остров фермер Николас, доблестнейший скотовод, с изумрудным кольцом в носу.

– Верно баешь,– говорит м-р Винсент чрез стол,– прямо в точку, и более упитанный и осанистый бык,– говорит он,– никогда ещё не дристал на трелистник. Рога он имел преобильные, шкуру золотистую и сладкое дымчастое дыхание рвалось из его ноздрей так, что женщины нашего острова, покинув тесто и скалки, побрели за ним, вздевая на его быковинность веночки из маргариток.

– Что толку,– подхватил м-р Диксон,– ведь он прошёл через фермера Николаса, который и сам был евнух и его кастрировал, как положено, с коллегией докторов, что и сами-то были не лучше. "Ступай же,– понапутствовал он,– и делай как тебе наказывает мой родной кузен лорд Гарри, и на том тебе моё фермерское благословение,"– и при этом он шлёпнул его по заду, весьма звучно.

– Но шлепок и благословение пошли ему на пользу,– говорит м-р Винсент,– ибо, для компенсации, он научил его фокусу, что стоит двух иных, потому-то всякая девица, иль жена, иль аббатиса, иль вдова, и поныне твердят в один голос, что они предпочтут в любое время месяца шептаться с ним на ушко в потёмках коровника, или дать, чтоб облизал ей шейку своим длинным святым языком, чем лечь с наилучшим удальцом-молодцом на все четыре края Ирландии.

– И они облекли его,– перебил его другой,– в изысканные одеянья из юбки с капюшоном и поясом, а на запястьях жабо, и подстригли чубчик, и всего его натерли спермацетным маслом, и понастроили стойла для него на каждом повороте дороги, с

золотыми корытами полными отборнейшего сена, какое только есть на рынке, так, чтоб он мог спать и срать сколько душе угодно. К этому времени отец верных (так его именовали) до того отяжелел, что едва мог выходить на пастбище. Для поправления чего наши переменчивые дамочки и дамки приносили ему его жратву в подолах их фартучков, и как только брюхо его переполнялось, он восседал на свои задние части, показать их леди-сиятельствам таинство, и ревел и мукал на бычьем своем языке, а они ему вторили.

– Точно,– поддакнул другой,– и до того уж перед ним они стелились, что ему невыносимой стала даже мысль, что где-то на земле произростало б что-то кроме зелёной травки ему предназначаемой (ибо он признавал лишь такой цвет), не зря посреди острова на бугорочке водружена была доска с печатным объявлением: «По воле господина Гарри, траве из земли произрастающей – зелёной быть!»

– И потому,– перенял слово м-р Диксон,– едва зачуяв дух скотогона в Роскоммоне, или диких из Коннемары, или крестьянина в Слиго, что посеял было пригоршню горчицы, или узелок рассады брюквы, он, взбеленясь, вытаптывал половину полей, выворачивая с корнем всё, что подвернётся – согласно указу господина Гарри.

– Сперва-то они плохо уживались,–сообщил м-р Винсент,– и господин Гарри клял фермера Николаса, мол, ни кола ему, ни двора, и звал старым шлюховодом, что держит семь стерв в своём дому, и всё грозил: "Ужо, подпорчу я его делишки. Нюхнёт у меня эта тварь, чем пахнет бычатник, доставшийся мне от папаши."

– Но как-то под вечер,– подхватил м-р Диксонгда лорд Гарри начищал свою королевскую шкуру, чтобы отправиться к обеду в честь победы в лодочных гонках (он грёб широкими веслами, а все остальные—по главному правилу состязаний—должны обходиться вилами), он приметил в себе поразительное сходство с быком и, полистав замусоленный молитвенник, что валялся в его кладовке, вывел, самым положительным образом, своё происхождение от

левостороннего потомка знаменитого призового быка римлян, по кличке *Bos Bovum*, что складно перекручивается с латыни в "большой босс".

– После этого,– встрял м-р Винсент,– в присутствии всей своей дворни лорд Гарри сунул голову в корыто для коровьего пойла и, вынырнув обратно, во всеуслышание восгласил своё новое наименование. Затем (а вода всё ещё так и текла с него) он влез в старый смокинг и юбку, из одёжек его бабули, и раздобыл грамматику бычьего языка—для изучения—но так и не смог запомнить ни слова, кроме личного местоимения первого лица, которое он списал печатнобуквенно и вызубрил наизусть, и с тех пор перед выходом на прогулку набивал себе карманы мелом, чтобы писать это слово где ни попадя – на булыгах, или на столе в чайной, или на мешке хлопка, или на поплавке. Короче, он и бык Ирландии вскоре сдружились ближе некуда – как рубаха и задница.

– Стакнулись плотненько,– присовокупил Стефен,– и мужикам-островитянам дошло наконец, что помощи ждать неоткуда, так как у неблагодарных баб на уме было лишь одно (да и ум лишь один на всех), вот и сколотили они плоский плот, взгромоздились с узлами своих пожитков на борт посудины, врубили бимсы в клямсы, поставили мачты торчком, натянули реи, выперли бушприт, ухнули, распустили три полотнища по ветру, развернули лоханку под ветер, обрубили конец, дали лево руля, подняли весёлого Роджера, издали троекратные три по три, запустили движок, отпихнулись и подалися в море – заново открывать американский континет.

– И по этому случаю,– возвестил м-р Винсенторабельный юнга шутя сложил такой вот стих:

Папа Пётр нассал в кровать,
С мудака чего уж взять?

Наш достойный знакомец, Малачи Малиган, появился в дверях как раз под конец апологии студентов, сопровождаемый только что встреченным другом; этот молодой джентельмен, по имени Алек Беннон, прибыл в город в столь поздний час с намерением купить чин прапорщика, или патент корнета-ополченца, и записаться на войну. М-р Малиган не преминул воздать дань вежливости, выразив определённое удовлетворение их темой, тем более, что та перекликалась с его личным проектом по исправлению зла затронутого в ней. Тут он раздал собранию набор визитных карточек, напечатанных в этот день у м-ра Квинела и крупным шрифтом гласили: м-р Малачи Малиган, Плодотворитель и Инкубатор, Лемей-Айленд. Его проект, незамедлительно им изложенный, состоял в отказе от круга бесплодных развлечений— типа тех, что стали основным времяпрепровождением сэра Жеманника Попрыгинса и сэра Молочнопенка Сплетнекуя в городе— с тем чтоб посвятить себя благородной миссии, для исполнения которой и предназначен наш телесный организм.

– Так просвети ж нас, добрый наш приятель,– сказал м-р Диксон. – Тут, несомненно, пахнет блудодейством. Ну-те-ка, садитесь оба. Стоймя иль сидя – цена одна.

М-р Малиган последовал приглашению и, подводя к своему замыслу, сообщил слушателям, что данная мысль осенила его при рассмотрении случаев бесплодия (как ингибиторного, так и прогибиторного) – и тут неважно является ли ингибиторность продолжением и следствием совокупительных нестыковок, или же недостаточной их сбалансированностью и, равным образом, нет смысла выискивать причины прогибиторности в конгенитальных дефектах, либо в приобретенных наклонностях. Его печалило эпидемически (как выразился он) созерцание брачного ложа обманувшихся в наипылчайшем из своих упований: ведь и помыслить страшно о несметном множестве приятных женщин пышных форм, которые становятся добычей коварных лам и зарывают свой факел в землю в стенах противоприродной обители,

либо растрачивают своё женственое цветение в объятиях какого-нибудь затрапезного мускусника, тогда как могли бы преумножать взмывы блаженства, одаривая неоценимыми сокровищами своего пола – как тут не вспомнить сотни отличных парней, изнывающих без ласки, и всё это вместе взятое, заверил он, переполняет рыданием его сердце. Для пресечения затронутой несуразности, подвёл он итог, которая возникает при подавления паляще-плавящего пыла, он поимел консультации с рядом достойных экспертов и, взвесив всё досконально, решился на приобретение в неотторжимую собственность участок на Лемей-Айленде у его владельца лорда Тэлбота Малахайда, джентельмена-тори, что не слишком-то жалует нашу доминирующую партию. Именно там он предполагает устроить общенациональную оплодотворительную ферму и назвать её Омфалос, с обелиском высеченым и возведённым на египетский манер, где начнёт предлагать свои соответствующие йоменские услуги по оплодотворению любой женщины, независимо от её общественного положения и кем бы ни была направлена к нему на предмет исполнения её естественных функций. Деньги для него не цель, заявил он, и он не станет брать и пенни за труды. Неимущая кухарка равно как и дама с солидным состоянием, коль таковыми окажутся их исходные данные, найдёт в нем своего желанного, при условии, что их темпераменты послужат пылкими адвокатами их искательств. Что касается питания, кормиться он предполагает исключительно диетой из пряных растений, рыбы и кроликов—плоть столь плодовитых грызунов весьма рекомендабельна для его целей—как в варёном, так и в тушеном виде, с щепотью муската и стручком-другим перчика.

После выступления, прозвучавшего с пылким подъемом, м-р Малиган вмиг сдёрнул со своей шляпы платок, её покрывавший. Новоприбывших, похоже, прихватил дождь и, как ни ускоряли они шаг, промокли основательно, насколько можно было судить по пиджаку м-ра Малигана, что стал, из однотонно серого, пятнистым. Между тем, проект его был принят слушателями благосклонно и

удостоился прочувствованных панегириков от всех, лишь м-р Диксон из Мариинского, в принципе соглашаясь, поинтересовался, с педантичным видом, не собирается ли он, вдобавок, приторговывать зимою снегом. Однако, м-р Малиган учтиво ответил въедливому оппоненту подходящей цитатой из классиков, которая в том виде, как удержалась в его памяти, казалась ему достаточно целостной и исполненой изящества поддержкой его тезису. *Talis ac tanta depravatio hujus seculi, O quirites, ut matres familiarum nostroe lascivas cujuslibet semiviri lebici titillationes testibus ponderosis atque exelsis erectionibus centurionum Romanorum magnopere anteponunt*, а для умов менее изощрённых он втолковал свою аналогию примерами из животного царства, более им доходчивыми: олень и лань на лесной полянке, утка и селезень на фермерском подворьи.

Носясь своей элегантностью и будучи на самом деле довольно видным мужчиной, этот балагур занялся теперь своим платьем, отпуская довольно резкие выпады в адрес нежданного каприза атмосферности, пока компания изощрялась в восхвалениях выдвинутому им проекту. Молодой джентельмен, его приятель, полнясь весельем от выслушанного пассажа, не мог сдержать его в себе и не выразить ближайшему соседу. М-р Малиган, теперь только приметив стол, поинтересовался кому предназначены эти хлеба и рыбы и, увидя незнакомца, отвесил ему учтивый поклон со словами:

– Милостивый сэр, нет ли у вас нужды в какой-либо профессиональной помощи, которую мы могли бы оказать?– А тот сердечно поблагодарил за предложение, удерживая, впрочем, должную дистанцию, и отвечал, что сам он заглянул сюда узнать о леди пребывающей в доме Рогена в интересном положении, бедняжка, по женской тягости (и тут он испустил глубокий вздох), и целью его было справиться не свершилось ли уже счастье. М-р Диксон, меняя мишень, принялся выспрашивать самого м-ра Малигана, не является ли его изначальная чресломощность, которой он так кичится, признаком яйцелопного вынашивания в простатичном мешочке, то есть, мужской матке, или же—подобно

случаю с выдающимся медиком м-ром Остином Мелдоном—стала результатом волка в желудке. На таковую экзаменацию м-р Малиган всхохотал и, браво шлепнув себя ниже диафрагмы, воскликнул уморительно имитируя матушку Гроген (превосходнейший образчик всего её пола, жаль только, что потаскушка):

– Вот брюхо никогда не носившее выблядка!– Выходка получилась столь удачной, что вновь взбурлил шквал веселья, захлестывая комнату буйными восторгами. И покатила говорильня в духе подобного же шутовства, утишиваемая лишь суматохой в приёмном покое.

И тут внимавший, а это был никто иной, как студент-шотландец – льноволосый, пылкий словно пламя – в наиживейших выражениях излил поздравления молодому джентельмену и, прервав свой монолог на учащающем сердцебиение моменте, вежливым кивком дал знать сидящему напротив, чтоб оказал любезность и передал ему флягу вод сердечности, и тот с вопросительным встряхом головы (даже сто лет обучения учтивым манерам не в состоянии выработать столь изысканного жеста) переклонил бутылку над бокалом, спрашивая соседа, наипростейшим языком из всех бытующих в обиходе, не желает ли угоститься.

– *Mais bien sur*, благородный чужестранец,– отвечал тот весело,– *et mille complimentes*. Совсем не помешает. Да, мне ничего и не требовалось, помимо этого бокала, чтоб увенчать своё блаженство. Хотя, будь у меня, по милости небес, всего лишь сухая корочка в суме да кружка колодезной воды, то и такой удел—о, Боже!—я принял бы и с ликованьем сердца преклонил колена, вознося благодаренье высшим силам за счастие, которыму сподобил меня Даритель Благ.– С этими словами он поднёс кубок к губам, отпил, сколько душа желала, пригладил волосы и распахнул грудь – тут-то и выпорснул медальон на шелко́вой ленте, с обожаемым образом, который он лелеял с того мига, как её нежная рука сделала надпись. Всматриваясь в милые черты, с безмерной нежностью он молвил: – Ах, месье, видели б вы её—как посчастливилось моим глазам—в то

чудное мговенье, в элегантным лифе и в новой кокетливой шляпке (подарок к празднику, как она сказала), всё сбилось в безыскусном беспорядке, а вся она полна столь пылкой нежности, что, клянусь честью, даже вас, месье, благая природа вынудила б сдаться на милость подобного противника, либо же навеки покинуть ристалище. Могу присягнуть, что во всю жизнь свою я не был так затронут. Благодарю тебе, Боже, Предначертателя моих дней! Трижды счастливчик тот, кого облагодетельствует расположением столь чудное создание.– Вздох страсти придал его словам ещё большую убедительность и, вновь пряча медальон на грудь, он снова вздохнул и отёр глаза.– Всемилостивейший Сеятель благ для всех Твоих созданий, сколь необъятной и всеобщей должна быть сладость Твоего владычества, коли способна приводить в покорность и вольного, и крепостного, простолюдина и лощёного модника, полюбившего в приливе бездумной страсти, и мужа зрелых лет. Но, право же, сэр, я отклонился от сути. Как мимолетны и несовершенны все наши радости в подлунном мире! Проклятье! Кабы Господь провидящий надоумил меня прихватить плащ. Я чуть локти себе не кусал. Впрочем, хлынь хоть семижды семь дождей, нам не похужает. Однако, я придумал,– вскричал он, хлопая себя по лбу,– завтра наступит новый день и—разрази меня гром и молния!—я знаю некоего *merchant de capotes*, месье Пойнца, у которого я могу взять за один ливр – плащ самого прелестного французского кроя, из всех что когда-либо охраняли дам, чтоб не подмокли.

– Те, Те!– воскликнул Плодотворец, вклиниваясь,– мой друг, месье Моор, безупречнейший путешественник (я только что раздавил полбутылки *avec lui* в кругу острейших умов города), готов поручиться, что на мысе Рог, *ventre biche,* у них случаются такие ливни, что насквозь пронижут всякий, хоть и наиплотнейший плащ. Столь основательная промочка, по его словам, не одного уж горемыку послала в мир иной, прямиком *sans blague*.

– Ба! Целый ливр!– воскликнул тут месье Линч.– За мешок мешком, не стоящий и су. Один зонт, размером не более, чем

крупный гриб, стоит десяти таких затычек. Ни одна, хоть сколько нибудь разумная женщина, не станет одевать такой. Моя милая Китти сегодня мне сказала, что предпочтёт выплясывать под хлябями разверзшегося потопа, чем изнывать от поста в ковчеге спасения, и ещё напомнила мне шёпотом на ухо (пикантно зарумянившись, хотя там некому было подслушать, кроме разве что хороводящихся мотыльков), что мадам Природа, по своей божественной благости, издавна укоренила в наших сердцах и стало уж расхожим словом, что есть *il y a deux choses* когда невинность нашего первородного одеяния, при иных обстоятельствах нарушающая приличия, остаётся наиболее, вернее, единственно подходящей, одеждой. Во-первых, как она сказала (при этом, покуда я укладывал её на дёрне, моя философствующая прелестница, чтобы сосредоточить моё внимание, мягко поиграла кончиком своего языка во внешнем отделе моего уха), во-первых, в ванне…– но тут трезвон колокольчика в зале прервал повествование, сулившее неоценимые дополнения для нашего запаса знаний.

Звук колокольчика прорезал гам несдержанного увеселенья и, пока все гадали в чём дело, явилась мисс Келлан негромко что-то сообщить молодому м-ру Диксону и, кротко поклонившись компании, вышла.

Появление женщины, пусть даже столь быстротечное, вызвало во всех участниках вечеринки прилив скромности, сдержав—так целомудренно и так прекрасно—самых развязных гуляк от юморных выходок, но уход её послужил сигналом к взрыву гаерства.

– Ух, шибанула по мозгам,– сказал Кастелло, молодчик низкого пошиба и уже весьма навеселе,– до чего ж лакомый кусок говядины! Могу поклястся, она назначила тебе свидание. Признавайся, кобель. Небось уж снюхался? Бутончик на мази.

– Безмерно верно,– сказал м-р Линч.– В этом Матерном заведении постельные процедуры идут на всю катушку. Чтоб я лопнул, если доктор О'Бульбуль не лапает тутошних сестриц! Но у

меня беспроигрышная ставка, ведь я говорю со слов Китти, а она тут уж семь месяцев медсестрой.

– Ах, Божечки, доктор,– вскричал молодой франт в жёлтом жилете, подделываясь под женские "ахи" и нескромно выкрутасничая телом,– ну, вы умеете подзавести! Какой несносный! Божечки, у меня прям мурашки по телу. Да вы такой же негодник, как миленький отец Секеллизон, знаю я вас!

– Чтоб мне подавиться вот этим горшком,– воскликнул Костелло,– если она не беременна. Я моментально усекаю пузатых дам – стоит только лупнуть глазом.

Однако, молодой хирург поднялся и попросил компанию извинить его уход, поскольку сиделка только что сообщила, что в палате необходимо его присутствие. Благому провидению было угодно положить конец мукам дамы пребывавшей *enceinte*, которая переносила их с похвальной мужественностью и только что произвела на свет крепыша-мальчика.

– Мне остается быть терпимым,– сказал он не имеющим ни ума, чтоб развлекать, ни знаний, чтоб поучать, а способны лишь подвергать нападкам благороднейшую из профессий, величайшую—после служения Божеству—животворящую силу на земле. Скажу без околичностей, возникни надобность я смог бы представить неисчислимые свидетельства благородства её высоких устоев, которыми должна—и это не пустое слово—руководствоваться людская душа. Меня коробит. Как? Чернить личность подобную прекрасной мисс Келлан – светоч её собственного пола и кладезь восхищения для нашего, да ещё в самый знаменательный миг из всех, что выпадают на долю несведущего порожденья праха? Да сгинет и сам помысел! Жутко представить будущность расы, среди которой посеяны столь пакостные плевеллы, что уже даже в доме Рогена не проявляют должного почтения ни к матери, ни девице,– Излив своё негодование, он кратко кивнул присутствующим и направился к дверям.

Раздался общий одобрительный ропот и последовали даже предложения незамедлительно выставить пьянчужку, что и было б—поделом ему!—приведено в исполнение, но он загладил свой проступок заверениями—перемежая их ужасающей божбой (буквально шквал проклятий)—что он такой же добрый сын истиной веры, как и любой из когда-либо дышавших.

– Лопни мои потроха,– заключил он,– в честном сердце Фрэнка Костелло завсегда живы самые тёплые чувства почтения к отцу твоему, и к матери – вот у кого легчайшая была рука на рулет, или ленивый пудинг, таких уже не встретишь, но я всегда их вспоминаю с искреней любовью.

Вернемся, однако же, к м-ру Цвейту, который, с первого момента своего появления, был мишенью довольно нахальных подначек, что, впрочем, он относил на счёт возраста, которому, как говорится, не ведома жалость. Молодые ёрники, чего уж греха таить, не сдерживались в экстравагантных выходках, как дети-переростки: и в бурных прениях позволяли себе немало слов неудобоваримого и не всегда изящного толка: их необузданная божба и шокирующие *mots* претили разуму своею неразборчивостью: и они не слишком-то блюли рамки общепринятых приличий, хотя запас ядрёного животного духа располагал в их пользу. Однако, высказывание м-ра Костелло прозвучало в совершенно неприемлемом для него ключе, и ему был омерзителен этот негодяй, что смахивал на карнаухую корявомордую тварь, порождённую вне брака и выплюнутую в мир, как тот горбун зубатый, пятками вперёд, а удар по черепу плашмя хирургическими щипцами послужил лишь косметической поправкой, сделав малость пригожее, но и после этого один лишь взгляд на его рожу вызывал мысль о недостающем звене в цепи творения, предполагаемого в гипотезе покойного учёного м-ра Дарвина.

И теперь, миновав уж средину отмеряных нам лет и пережив тысячу перемен существования, он—будучи потомком измытаренного племени, да и сам по себе человеком редкой осмотрительности—отдал своему сердцу наказ подавлять любые

проявления вздымающейся желчи и сдерживал их с неусыпной осторожностью, храня в груди ту безграничную терпимость, над которой глумятся низкие умы, презирают скорые судьи, а свет находит простительной, но не более того. Для тех же, кто кичится своим остроумием на тему женской хрупкости (привычка ума, с которой он никогда не был в согласии) и для кого было бы слишком много чести числиться достойным наследником традиций надлежащего воспитания, а равно и для тех, кто отбросил всякую пристойность и кому уже не оставалось что терять, имелось у него противоядие опыта, настолько острое, что мигом вынудило бы их наглость подать сигнал к беспорядочному и бесславному отходу. Нет, никаких иных чувств не мог испытывать он по отношению к борзому юнцу, что ни в грош не ставит гримасы пожилых или фырканье строгих, и пусть порою он вкушал (как выражается изысканная фантазия Святого Писателя) от запретного древа, но не утратил при этом человечности в отношении дамы, пребывающей в предопределённых ей состояниях. Итак, делая из слов сиделки вывод о разрешении от бремени, он с немалым, признаться, облегчением осознал, что свершившееся, после стольких тревог и мук столь небывалой продолжительности, вновь засвидетельствовало милость, а вместе с тем и благодатность Верховного Существа.

По этому поводу он поделился своим соображением с соседом, излагая своё восприятие случившегося, что-де по его-то мнению (которое, быть может, и не стоило обнаруживать перед подобной аудиторией) требуется слишком холодный склад ума и чересчур ледянящий гений, чтоб не возрадоваться при только что оповещённой новости о её разрешении от бремени, по истечении столь незаслуженных мучений. На что расфуфыреный хлыщ ответствовал: причиной тягости послужил муж, во всяком случае, положено, чтоб от него, если только она не очередная из Эфесских матрон.

– Должен вам заметить,– сказал м-р Кротерс, трахнув по столу, дабы произвести подчеркивающе гулкий резонанс,–старый Алилуйщик сегодня опять наведывался – мужчина в годах, с висячими баками, и наводил через нас справки, как тут "Вильгельмина, жёнушка моя". Я предупредил его быть начеку, поскольку событие назревает. "Тады, я ишшо поднаведуюсся". Не могу не восхититься мужскою мощью старого лося, что в эдаком возрасте сумел вколомбасить ей ещё одного младенчика.– Все ударились в восхваления, всяк на свой лад, но помянутый хлыщ не отступался от своего первоначального предположения, будто иной, отнюдь не пребывающий с нею в браке, мужчина является искомым для заполнения строки кросворда: рассыльный служащий – юный (неискушенный) факелоносец, либо разъезжий торговец предметами необходимыми в любом домашнем хозяйстве.

Уникальна, отметил гость про себя, и удивительно разнообразна присущая им способность метампсихоза, не менее изумляет и то, что родильная палата, или анатомический театр, становятся семинариями подобной разнузданности, но вместе с тем, едва получив академическое звание, эти поклонники пустозвонства превращаются в примерных служителей профессии, которую почти все из более-менее выдающихся людей считали благороднейшей. Однако, не преминул он добавить, причина, скорей всего, в стремлении найти отдушину для подавляемых в себе чувств, что распирают каждого, и я не раз замечал – пташкам одной масти быть вместе больше сласти.

Но с какой такой стати—спросить бы благородного лорда, его покровителя—этот инородец, из тех, что получили, соизволеньем милостивейшего принца, равные гражданские права, возомнил себя вельможным лордом нашего внутреннего демоса? Где же благодарность, которую подсказывается лояльность? В недавнюю войну при малейшем успехе супостатов с их *granados*, не этот ли, своего рода, изменник открывал пальбу по империи, в которой сам же и обитает из милости, трепеща за сохраннось своих четырёх

процентов? Неужто даже это предал он забвению, как все прочие предоставленные ему льготы? Может быть, поднаторев в обмане ближних, он, в конце концов, надул и самоё себя, являясь единственным—если эти сведения точны—своим собственноручным утешителем? Невозможно прослыть безупречным, затрагивая спальню почтенной дамы, дочери славного майора, либо заронив—пусть даже самые завуалированные—сомнения в её добродетели, но коль скоро он нарвался на такое обличенье (хотя в его же интересах всячески его избегать), то быть по сему. Несчастная чересчур долго и слишком непреклонно была лишена своей законной прерогативы: внимать его попрёкам с каким-либо иным чувством, помимо саркастичного отчаяния. Да как он смеет распускать язык – этот цензор морали, поборник кристальной чистоты, не погнушавшийся, поправ узы природы, опуститься до поползновений к недопустимой связи с домашней прислугой, извлечённой из нижайшего среди слоёв общества? И не обернись служанкина метла её ангелом-хранителем, то её ждала б судьбина египетской Агари! Его тупое упрямство в вопросе о пастбищных угодьях известно всем и каждому и однажды, задев слух м-ра Каффа, оно вызвало уничтожительную отповедь этого вспыльчивого ранчеро, составленную в выражениях столь же прямых, насколько и буколичных. Вот уж кому никак не пристало выступать с подобной проповедью. Разве не подле его дома лежит невозделанная, обращённая в пустошь нива, взывая быть вспаханной плугом? Привычка вызывающая порицание в пору полового созревания становится второй натурой и неизбывным позором по достижении средины жизни. Уж коль он взялся в умеренных дозах и кратких замечаниях сомнительного вкуса изливать свой бальзам Гилеадский, дабы оздоровить поколение неоперившихся юнцов, то пусть его гомеопатия получше согласуется с им же самим исповедуемыми ныне доктринами. Его семейный секретер полон секретов, о коих пристойность побрезгует распространяться. Похотливые предложения увядшей красотки, возможно и утешат его, как

попранного и отвергнутого супруга, но этот выскочка, лже-поборник морали и врачеватель язв, в лучшем случае, является растительной экзотикой, который на своем родимом востоке, может быть, укоренившись крепнет и цветёт, и полнится бальзамом, но, перенесённым в климат поумеренней, утрачивает былую рьяность корней, а выделяемый им сок становится горек, тягуч, и непригоден.

С помпезностью в духе дворцовых приёмов Великой Порты, вторая медсестра передала новость младшему врачу заведения и тот, в свою очередь, известил делегацию о рождении наследника. Стоило ему выйти на женскую половину для ассистентации в непременной послеродовой церемонии под надзором государственного секретаря внутренних дел и членов тайного совета, безмолвных от выпавшего всем изнурительного испытания, как делегаты, взвинченные их затянувшимся торжественным бдением и полагая, что радостное событие послужит им извинением, да и к тому же стимулируемые совместным отсутствием как прислуживающей ахчи, так и медофициала, заговорили разом – громко и наперебой. Напрасно напрягал голос м-р Рекламоустроитель Цвейт в попытках одёрнуть, утишить, сдержать. Уж больно благоприятный подвернулся случай дать волю своей дискурсивности, которая была, пожалуй, единственным связующим звеном в собрании столь разнородных характеров. Каждая из стадий по ходу пребывания в положении получила надлежащее освещение: дородовая непримиримость внутриматочных братьев, кесарево сечение, постсмертное рождение относительно отца и—редко, но бывает—относительно матери, дело о братоубийстве именуемое убийством Чайлдза, ставшее столь достопамятным благодаря пылкой речи Адвоката Буше, добившегося освобождения ложнообвиняемого, право первородства и королевское пособие за двойняшек и тройняшек, выкидыши и плодогубства, симуляция и утаивание, акардиачный *foetus in foetu*, апросопия вследствие скопления крови, агнация некоторых безъяйцых китайцев, (приведено м-ром Кандидатом Малиганом) в результате

дефективного сочленения максиларных узлов по медиальной линии таким образом, что (как он утверждал) одно ухо может слышать высказывания другого, выгоды анестезии или сумеречного сна, задержка родовых схваток в затяжной гравидности из-за пережатия вены, преждевременное истекание амниотичной жидкости (что имело место в данном случае) грозящее сепсисом матки, искуственное осеменение посредством шприцевания, постменапаузное стягивание влагалища, проблема перпетуации вида через оплодотворение женских особей при частичном изнасилования, тот жуткий способ родов, именуемый брандербургцами *Sturzgeburt*, зарегистрированные случаи мультигенитальных и монстроидных рождений из-за зачатия в менструальный период, либо от единокровных родителей – одним словом, все случаи человекорождаемости, классифицированные Аристотелем в его шедевре с хромолитографическими иллюстрациями. Серьёзнейшие проблемы акушерства и судебной медицины обсуждались с большим ажиотажем, наряду с изрядной долей народных верований относительно беременности, типа запрета для женщины в тягости переступать через деревенскую изгородь, не то—при нарушении данного правила—пуповина захлестнёт младенца в утробе, и взыскания на неё в случае пылко и неэффективно ублаготворенного вожделения, рукоприкладство к той части её персоны, которую давность пользования окрестила именем вместилища укоризны. Ненормальности заячьей губы, грудной жабы, избыточная многоперстность, негроидность, земляничная метка и портвейново пятно были предложены одним из присутствующих как *primafacia* к естественным гипотетическим объяснениям рождению свиноголовых (не был забыт случай мадам Гризель Стивенс), или собаковолосых младенцев. Гипотеза плазматической памяти, выдвинутая посланцем Каледонии, вполне достойная метафизических традиций представляемой им страны, усматривает в подобных случаях остановку эмбрионального развития на каком-либо из догуманоидных уровней. Чужестранный

делегат выступил против подобных воззрений с таким жаром, что почти добился согласия с теорией копуляции между женщинами и самцами животных, ставя свой авторитет в поддержку преданий, подобных легенде про Минотавра, которую гений утончённого латинского поэта пересказал нам на страницах его Метаморфоз. Впечатление, прозведеное его словами, было непосредственным, но недолговечным. Оно было стёрто с такой же лёгкостью, как и произведено, замечанием м-ра Кандидата Малигана, выдвинувшего —в тоне присущей ему неподражаемой приятственности—в качестве высшей цели вожделенья всё того же милого, отмытого мужчину. И тут же вспыхнул жаркий спор между м-ром Делегатом Медденом и м-ром Кандидатом Линчем относительно юридической и теологической дилеммы в случае, если один из сиамских близнецов умрёт прежде другого, данный казус—по их взаимному согласию— был представлен м-ру Рекламоустроителю Цвейту с незамедлительной переадресовкой на рассмотрение м-ром Коадьюнктом Диакона Дедалусом. Погруженный до той поры в молчание с тем, чтобы напыщенной важностью отчетливее подчеркнуть курьёзную претенциозность облачавшего его одеяния, а может повинуясь внутреннему голосу, он произнёс кратко и—по мнению некоторых—без должного воодушевления, экклезиастово наставление человеку: не разделять соединённое Богом.

Однако, рассказ Малачи начал вселять в них ужас. Он воссоздал сцену во всех деталях. Тут рядом с камином распахнулась потайная дверь и в проёме показался... Хейнс! Чьи волосы не встали б дыбом? Одна из его рук удерживала портфель кельтской литературы, флакон с ярлычком "ЯД" был стиснут в другой. Изумление, ужас, омерзение читались на лицах присутствовавших, покуда он озирался с загробной ухмылкой.

– Приём такого, примерно, рода и следовало ожидать,– произнёс он с мертвящим хмыканьем,– но в этом, похоже, вина истории. Сэмюель Чайлдз убит мною. Однако, как я был наказан! Ничто уж не способно ужаснуть меня. По мне и ад теперь – дешёвая подделка.

Смола и вечные мучения – такая мелочь, вот если б только мне передохнуть хоть малость,– сдавленно пробормотал он,– я исходил весь Дублин с этой вот кипой песен и повсюду – он, как призрак-упырь, бродит следом. Он – адское мне наказание при жизни, ад Ирландии. Чего я только не предпринимал, чтобы забыть о своём преступлении. Попойки, пальба по воронам, ирландский язык (немного декламирует), настой опиума (подносит флакон к губам), туризм. Всё впустую! Призрак постоянно крадётся за мной. Опиум моё последнее упование… Ах! Поздно! Чёрная пантера!– С истошным воплем он исчез и панель вскользнула на своё место. Через миг его голова просунулась в дверь напротив, сказать: – Встречайте меня на станции Вестланд-Роу в десять двенадцатого.– Слёзы хлынули из глаз затравленной жертвы.

Провидец воздел руку к небесам, бормоча: вендетта. Мщенье Манаана! Умудрённый повторял *Lex talionis*. Сентименталист приемлет блага не считая себя в неоплатном долгу. Малачиас смолк, сдерживая обуревающие его чувства. Тайна разгадана. Хейнс оказался третьим братом. Настоящая его фамилия – Чайлдз. Чёрная пантера является призраком его собственного отца. Ища забвения, он прибёг к наркотикам. С неописуемой признательностью за облегчение. Уединённый дом у кладбища по-прежнему пустует. Ни одна живая душа не желает там жить. Одинокий паук плетёт свою сеть. Ближе к полночи выглянет из своей норы крыса. Проклятие тяготеет над домом. Приют привидений. Берлога душегуба.

Как исчислить возраст души человека? Переменчивая, как окраска хамелеона, она меняется при всяком новом общении – ликует с весёлым, грустит с опечаленным; даже возраст её изменчив, как и её настроение. И вот исчез Леопольд, деловитый рекламный агент и держатель скромного состояния вложенного в фонды, что сидел там, задумчиво жуя жвачку воспоминаний. Вместо него – юный Леопольд, как при вспятьнаправленном расположении, зеркальное отражение в череде зеркал (Гони живей!), в которых он высматривает себя. В них виднеется его тогдашняя молодая фигура

поры возмужания, шагающая морозным утром из старого дома на Клембрасил-Стрит в школу, сумка с книгами через плечо, и там же добрая краюха пшеничного хлеба – матушка позаботилась. А вот та же фигура, но уже год, или около того, спустя, в самой первой его шляпе (ах, вот ведь был день!), совсем уж оперившийся коммивояжер семейной фирмы выходит в путь с полном снаряжением – книга заказов, надушенный носовик (не только для виду), его сундучок с поблескивающими ювелирными изделиями (увы, всё это уже в прошлом!) и полный колчан неотразимых улыбок для той или другой домашней хозяйки, ведущей счёт на кончиках её пальцев, или для пунцовеющей девы, робко принимающей (а в сердце-то что творится? а ну, признайся!) его ловкий поцелуй в ручку. Аромат, улыбка, а ещё более темноглазость и обходительное обращение приносили немалую выручку под вечер домой, к главе фирмы, что сидит с Джекобсовой трубкой после дневных трудов в отцовом углу у камина (лапша на ужин, будьте уверены, уже доходит), читая сквозь круглые очки в роговой оправе какую-нибудь из европейских газет месячной давности. Но—эй, поживей!— туманящий выдох на зеркало и – юный рассыльный рыцарь отдаляется, сбегаясь в крохотную крапинку этой туманности. Нынче-то он и сам в отеческом возрасте и сидящие сейчас с ним за одним столом могли бы быть его сыновьями. Почему нет? Мудрый отец знает своё дитя. Он уносится думами в дождливую ночь на Хеч-Стрит, там, где склады изъятых товаров, к той – его первой. Вместе (он и беспризорная бедняжка, дитя позора, что и тебе, и мне, и всякому, всего за шилинг и пенни, ей на счастье), вместе вслушиваются они в тяжёлую поступь охраны, пока две тени в капюшонах минуют новый королевский университет. Невсти! Невсти Келли! Он никогда не забудет её имя, неизгладимо будет помнить ночь, первую ночь, ночь невесты. Они сплелись в полнейшем мраке, желающий с желанной, и всего через миг свет (*fiat*!) зальёт весь мир. И сердце выпрыгнуло слиться с сердцем? Нет, добрый мой читатель. Казалось бы вот-вот, но, увы, нет! Стой! Так нельзя! В страхе бедная

девушка мчит прочь сквозь мрак. Она – невеста тьмы, дочь ночи. Ей не носить под сердцем светозарное дитя дня. Нет, Леопольд! Ни имя, ни воспоминания тебя не утешат. Та юношеская иллюзия твоей силы была отъята у тебя невосполнимо. Нет подле тебя сына от чресел твоих. Некому теперь стать для Леопольда тем, кем Леопольд был для Рудольфа.

Голоса мешаются и тают в клубящейся тиши: это тишина безбрежности пространства: и стремительно, безмолвно проносится душа над сферами, круг за кругом, над поколениями, что отжили своё. Сфера, где серые сумерки вечно падают, никогда не сгущаясь, на бескрайние полыннозелёные пастбища, осеняя своею мглистостью, осыпая многолетней росою звёзд. Неуклюжей поступью идёт она вслед за матерью – кобылица ведёт свою жеребёнушку. Это сумеречные видения, но с какой пророческой грацией отлиты узкие стройные бедра, жилистая гибкая шея, мягкий смышлёный череп. Они идут мимо, печальные призраки: вот и нет их уже. Ажендат, забвенная земля, прибежище сычей и полуслепых удодов. Нетайма, златого, нет больше. И по дороге вьющейся поверх туч подходят они, ропча мятежным громом, призраки животных. Хуух! Хак! Хуух! Параллакс крадётся следом и стегает их скорпионами – пронзающими молниями своих бровей. Лось и як, быки Вашана и Вавилона, мамонты и мастодонты, они идут топоча к запавшему морю, *Lacus Mortis*.

Зловещее, мстительное, зодиакальное воинство! Они ревут, проходя по тучам, рогатые и козерогие, хоботатые с бивненосными, львогривые ветвисторогие, тупорылые и ползучие, грызущие, жвачные и толстокожие, в своём безостановочном ревущем множестве, убийцы солнца.

Дальше, к мертвому морю бредут они – испить ненасытно: с жутким прихлёбыванием, от солёного усыпляющего неисчерпаемого потока. А кобылица, могучая, взростает вновь, увеличась в опустелых небесах, аж до необъятности самого неба, покуда не нависнет, ширясь, над домом Девы. Узрите чудо

метемпсихоза, вот она – вечная девственница, провозвестница дневной звезды, вечно девственная невеста. Это она, Марта, о, утраченная Миллисента, юная, родная, сияющая. Как умиротворённо восходит она сейчас, королева, среди Плеяд в предпоследний предрассветный час, обутая в сандалии яркого золота, покрытая запоной из—как там её?—кисеи! Та реет и обтекает её порождённую звёздами плоть, взвевая свои потоки: изумрудистые, сапфировые, фиалкового отлива, с гелиотропом, плещущиеся в потоках холодного межзвёздного ветра, полнясь, свёртываясь, просто кружа, выписывая в небесах таинственные письмена, и вот—после энной мириады метаморфоз символа—он воссиял, Альфа, рубиновый треугольный знак во лбу Тавроса.

Френсис напомнил Стефену о совместно проведёных годах в школе при ректорстве Конми. Спросил про Глокона, Алцибидеса, Писистратуса. Где-то они теперь? Не знал и тот.

– Ты завёл речь о прошлом и его призраках,– сказал Стефен.– К чему поминать? Призови я их к жизни, не слетятся ли несчастные духи на мой зов через воды Леты?

– Кто так считает?

– Я, Боус Стефаноменос, быколюбивый бард, властитель и даритель их жизней.– С улыбкой к Винсенту, он увенчал свои растрёпаные волосы венком из виноградных листьев.

– Такой ответ и эти листья,– сказал ему Винсент,–станут более заслуженным венцом, когда нечто значительное—намного превосходящее пригоршню легковесных од—сможет назвать твой гений своим родителем. На это уповают все твои доброжелатели. Они желают видеть завершённым задуманный тобою труд. Надеюсь всей душой, что ты не подведёшь их.

– О нет, Винсент,– сказал Лениен, кладя руку на ближайшее к нему плечо,– не бойся. Он не таков, чтоб сделать свою мать сироткой.– Лицо молодого человека омрачилось. Все видели насколько тягостны ему напоминанья о собственном его обещании и недавней утрате.

Он порывался покинуть празднество, но шум голосов сгладил боль. Медден из-за пустого каприза—ради имени жокея—поставил пять драхм на Мантию и – проиграл, Лениен столько же. Он поведал им о скачках. Флаг пал и – ччу! нно! – вскачь, кобыла резко вырывается вперёд, О'Медден в седле. Она вела всю дорогу: сердца всех учащённо бились. Даже Филис не могла сдержать себя. Она махала своим шарфиком и кричала: – Урара! Мантия впереди!– Но на финишной прямой, когда все подтянулись в тесную группу, тёмная лошадка Клочок нагнала, сравнялась, обошла её. Теперь всё было потеряно. Филис умолкла, её глаза обернулись печальными анемонами.

– Юноша,– воскликнула она,–со мной всё кончено.– Но возлюбленный утешил её и принес отсвечивающий золотом поднос с овальными сахаросливами, которые она отведала. Слеза скатилась: но всего одна.

– Ну, и отрывака,– сказал Лениен,– этот В. Лейн. Четыре победы вчера и три сегодня. Кто из жокеев сравнится с ним? Такого посади хоть на верблюда, хоть на бизона – победа в верховом забеге всё так же будет за ним. Но воспримем это как велось у древних: милость к невезучим! Бедняга Мантия!– сказал он с лёгким вздохом.– Она уже не та кобылка, какой была. Никогда—и руку дам на отсечение—не будет уж подобной ей. Право же, сэр, она средь них королева. Помнишь её, Винсент?

– Видел бы ты мою королеву сегодня,– сказал Винсентак она блистала юностью, светлость лилии блекла рядом с ней, в её жёлтых туфельках и платьи из муслина, или как там, бишь, его. Даривший нам свою сень каштан был в цвету – воздух напоён его манящим ароматом и пыльца плавала вокруг нас. А на местах открытых солнцу можно было б запросто испечь дюжину тех булочек с земляничкой, которыми Перипломенос торгует в будке около моста. Но для её зубок там не было ровным счётом ничего, кроме руки, которою я обнимал её, вот эту руку она и покусывала игриво, если я слишком крепко обнимал. На прошлой неделе она пролежала,

занемогшая, четыре дня на диване, но сегодня – свободна, весела, смеётся над опасностью. Такою она ещё обворожительней. А её словечки! Дурачилась напропалую и, прямо-таки, понесла, когда мы возлегли вместе. И, тебе на ушко, друг мой, ну-ка, угадай кто повстречался нам, когда мы уходили с поля. Сам Конми! Он шёл вдоль изгороди, читая, полагаю часослов, а в нём, не сомневаюсь, письмецо от Гликерии, или от Хлои, чтоб было чем закладывать страничку. Прелестница вся так и зарделась в замешательстве, притворно поправляя маленький беспорядок в своей одежде: сучок вцепился, ибо и деревья без ума от неё. Когда мы разминулись с Конми, она взглянула на своё прелестное эхо в зеркальце, что носит при себе. Но он был мил. Проходя мимо, благословил нас.

– Да, боги могут быть безмерно милостивы,– сказал Лениен.– Если б мне малость повезло с Бассовой кобылой, этот глоток его продукции был бы мне стократ приятственней.– Он возложил руку на бутыль с вином: Малачи видел это и удержал, показывая на чужака и алую наклейку.

– Полегче,– прошептал Малачи,– храни друидову тишину. Его душа в странствии. Наверно, пробужденье от видений столь же болезненно, как и рождение на свет. Всякий предмет, на коем сосредоточишь взгляд, может служить вратами ведущими в эон богов. Не так ли, Стефен?

– Так говорил мне Теософос,– ответил Стефеноторого, в прошлом бытии, жрецы Египта посвятили в таинства закона кармы. Властители луны, по слову Теософоса, экипаж огненнорыжего корабля с планеты Альфа, не приняли эфирных двойников в лунарной цепи, и тем пришлось воплощаться рубиновоцветными эго из второго созвездия.

Однако, с фактической, впрочем, стороны, абсурдность предположения о его пребывании в подавленном, или в некоем ином, типа гипнотического, состоянии проистекало из самого мелкотравчатого недопонимания, либо абсолютного абсурда. Индивидуум, чьи визуальные органы начали, по ходу вышеописанного, проявлять симптомы оживления, был так же, если

не более, сметлив, как любой иной среди живущих, и всякий, предположив обратное, довольно скоро угодил бы пальцем в небо. В предшествовавшие минуты четыре, или около того, он упорно рассматривал определённое количество Басса номер один, разлито у г.г. Басса и К° в Бартоме-на-Тренте, что оказалось расположенным, среди множества прочих, как раз напротив его места, и которое явно рассчитано было привлекать внимание каждого ярко-алым своим ярлыком. Он просто-напросто, вслед за погружением, незадолго перед этим, в размышления о днях его юности и о скачках, припомнил, в такой уж последовательности оно шло (одно за другим), по причинам, которые ему уж лучше знать, и которые в совершенно ином свете представляют происходящее, два или три приватных дельца, из тех что провёрнул он, в которых эти двое были столь же неискушённо несведущи, как нерождённые младенцы. Постепенно, однако, взгляды их обоих встретились и, как только ему начало доходить, что другой пытается ему добавить, он импульсивно решил помочь себе сам и потому-то, ухватив среднеразмерную стеклянную тару, содержавшую помянутую жидкость, изрядно её ополовинил, но всё это, однако, со значительной степенью внимательности, чтобы не перевернуть ни одного из остальных стаканов с выпивкой заполнявшей весь стол.

Широтой охвата и своей бурностью, развернувшиеся дебаты напоминали стрежень потока жизни. Ни место, ни состав участников не оставляли желать ничего более достойного. Дискутировали острейшие умы страны на безмерно возвышенную и самую что ни на есть жизненную тему. Никогда ещё высокий зал дома Рогена не вмещал столь представительного и неоднородного собрания, и никогда прежде под древними стропилами этого заведения не звучали столь энциклопедические речи. Воистину блестящая плеяда. На нижнем конце стола разместился Кротерс в бравом шотландском наряде с лицом раскраснелым от солёных ветров Мулл-оф-Галловея. Через стол напротив сидел Линч, уже отмеченный печатью ранней умудрённости и преждевременной испорченности. Место рядом с

шотландцем отведено было Костелло—эксцентрику—бок о бок с которым в безучастной неподвижности распласталась коренастая стать Меддена. Стул резидента, по сути, пустовал у камина, тогда как по обе стороны от него фигура Бенона в твидовой дорожной паре и башмаках из дублёной бычьей кожи резко контрастировала с изысканной элегантностью и великосветскими манерами Малачи Роланда Сент-Малигана. Наконец, во главе стола восседал молодой поэт, нашедший в оживлённой атмосфере сократовского обсуждения убежище от трудов на ниве педагогики и своих метафорических изысков, а справа и слева от него расположились острослов-прогнозист, прямиком с ипподрома, и тот осмотрительный странник, запорошенный пылью дорог и ристалищ, с несмываемым пятном бесчестья, но в своём верном преданном сердце хранящий—вопреки любым соблазнам, опасностям, угрозам—образ той чувственной прелести, которую вдохновенный карандаш Лафайетта запечатлел для грядущих веков и поколений.

И, прежде чем приступить, сразу же отметим, что извращённый трансцендентализм, в своей приверженности к которому м-р Дедалус (доктор Теологического Скептицизма) бесспорно хватил через край, совершенно не согласуется с общепринятыми научными методами. Наука—и никогда не лишне повторять это до бесконечности—имеет дело с материальными явлениями. Человек науки, как и любой прохожий на улице, обязан быть лицом к лицу с первостепенными фактами, на которые не закроешь глаза, и в первую голову объяснять именно их, по мере способностей. Могут возникать, и это бесспорно, вопросы, на которые наука—пока—не в состоянии дать ответ, типа первой проблемы затронутой м-ром Л. Цвейтом (доктор Публичного Рекламоведения) относительно предопределения пола. Следует ли нам согласиться с воззрением Эмпедокла Тринакрийского, будто яйцеклетка особого вида (по утверждениям других – срок постменструативного периода) является определяющим фактором для зачатия младенцев мужского пола, или же долго не принимавшиеся во внимание сперматозоиды,

иначе немаспермы, являются дифференциирующими предпосылками, или всё-таки, как склонны полагать большинство эмбриологов, в том числе Кулпеннер, Спаланцанни, Блюменбах, Луск, Хертвиг, Леопольд и Валенти – совместное следствие обоих? Такой вариант равносилен сотрудничеству (один из излюбленых приёмов природы) между *nisus formativus* немаспермы, с одной стороны и, с другой стороны, расположением пассивного элемента в удачную позицию *succubitus felix*. следующая проблема, поднятая тем же исследователем, едва ли уступит первой своей значимостью: смертность среди младенцев. Вопрос интересный, поскольку—как уместно замечает он—мы все рождаемся одинаковым путём, но умираем всяк по своему. М-р М. Малиган (доктор Гигиены и Евгеники) обвинил в этом санитарные условия, в которых наши серолёгочные сограждане заболевают аденоидными, пульмонарными и проч. недугами, вдыхая таящиеся в пыли бактерии. Данные факторы, полагает он, и мерзкие зрелища наблюдаемые на наших улицах – жуткие рекламные щиты, служители всевозможных религий, изувеченные солдаты и матросы, выраженно парадентозные извозчики, залежалые трупы мёртвых животных, шизоидные холостяки и неоплодотворённые дуэньи – вот, сказал он, первопричина любого и всякого недомерка в калибре расы. Калипедия, пророчествовал он, в недалеком будущем восторжествует повсеместно, и всевозможные украшения жизни: истинно хорошая музыка, приятная литература, лёгкая философия, наставительная живопись, гипсовые репродукции классических изваяний типа Венеры и Аполлона, художественно раскрашенные фотографии призовых младенчиков, полный набор мелких проявлений внимания дадут возможность дамам, пребывающим в интересном положении, скоротать промежуточные месяцы наиприятнейшим образом.

М-р Дж. Кротерс (бакалавр Риторики) отнёс какую-то часть такой летальности на счёт чудовищной травмированности среди женщин-тружениц, подвергаемых каторжным работам на фабриках и

брачной дисциплине надому, однако, подавляющий процент подобных кончин он вменил в вину безразличию как частных, так и официальных лиц, которое достигает своего апогея в беззащитности новорождённых, в преступной практике абортов, в изуверском преступлении детоубийства. Хотя первое (мы имеем ввиду безразличие), вне всякого сомнения, является слишком очевидным в изложенном им случае с медсестрами, не удосужившимися пересчитать губки в брюшной полости, подобные казусы всё же недостаточно часты, чтобы считаться нормативными. Фактически, приглядевшись пристальнее, просто диву даёшься, что множество беременностей ещё так удачно сходят с рук, при всех недочетах и не чуждых всем нам общечеловеческих недостатках, которые зачастую идут вразрез с намерениями природы.

Можно отнести в разряд глубокомысленных обронённое м-ром В. Линчем (бакалавр Арифметики) замечание, что и брачность и смертность, как и все прочие явления эволюции—приливные движения, фазы луны, температура крови, любая из существующих болезней, буквально всё в громадной мастерской природы: от угасания какого-либо отдалённого солнца до цветения любого из бесчисленных цветков, украшающих наши общественные парки – подлежат закону счисления, пусть ещё и не произведенного. Тем не менее простой и прямой вопрос: почему потомок нормальных по состоянию здоровья родителей, да и сам здоровый на вид младенец при надлежащем, следует отметить, уходе необъяснимо гибнет в первые месяцы жизни (хотя другие дети от того же брака нет), определённо вынуждает нас, выражаясь словами поэта, сбавить тон. У природы, несомненно, имеются свои веские и убедительные основания для всех её движений и, по всей вероятности, подобные летальные исходы есть следствием некоего закона предвосхищения, по которому организмы с укоренившимися колониями болезнетворных микробов предрасположены к исчезновению на преобладающе ранних стадиях развития (современная наука решительно показала, что только плазменная субстанция может

считаться бессмертной), и хотя помянутая закономерность продуцирует боль для некоторых наших чувств (можно в частности отметить материнские), тем не менее, по бытующему среди нас мнению, в конечном итоге она благотворна для расы в целом, обеспечивая, таким образом, выживание наиболее приспособленных.

По замечанию (или это правильней было бы назвать перебиванием?) м-ра Дедалуса (доктор Теологического Скептицизма), всеядные создания, способные разжевать, расщепить, переварить и выраженно провести обычным каналом многосоставные продукты, причём с наиполнейшей невозмутимостью, все эти раковидные женщины, изнурённые родоотправлением, телесистые профессиональные джентельмены, не говоря уж о желтушных политиках и угреватых монашках, нашли бы, по всей вероятности, гастрономическую отдушину в невинной закуске из верченного круглика, что, как нельзя более чётко и в весьма неприглядном ракурсе, высвечивает упомянутую выше тенденцию. Для просвещения особ, кто не настолько близко знаком с деталями муниципальной бойни, как много возомнивший о себе болезнено эстетствующий эмбриофилософствующий мыслитель, который, при всей его вычурной заносчивости, в научно-практических вопросах вряд ли отличит кислоту от щёлочи, нам, вероятно, следует пояснить, что верченный круглик в вульгарном говоре лицензированых пропитателей нашего низшего класса, означает пригодную к употреблению в пищу плоть телёнка, которым недавно отелилась его мать. В недавних публичных прениях с м-ром Л. Цвейтом (доктор Публичного Рекламоведения), что состоялись в палате общин Национального Госпиталя Материнства, Холлес-Стрит 29, 30 и 31, где как известно, д-р Роген (лиценциат Акушерства, Б.К.К.К.В.И.) является умелым и достопочтимым хозяином, он, по свидетельству очевидцев, заявил, что коль скоро женщина впускает кота в мешок (эстетическая аллюзия, как мы полагаем, на архисложнейший и наиболее удивительный из всех природных

процессов – акт полового совокупления), она должна выпускать его обратно, иными словами давать жизнь—по его выражению—для спасения своей собственной.

С риском для её собственной – было чёткой отповедью его оппонента, прозвучавшей в сдержанном и размеренном ключе, ничуть не умалявшем действенности фразы.

Между тем выучка и выдержка врача привели к счастливому *accouchment*. И пациентке и доктору довелось пережить изнуряюще томительный период. Было сделано всё, на что способно хирургическое искусство и бравая женщина мужественно помогала. Ей удалось. Она выдержала эту тяжкую битву и теперь была очень и очень счастлива. И те, кого уже нет, кто покинул нас, тоже счастливы, взирая вниз и улыбаясь трогательной сцене. С благоволеньем полюбуйтесь, как склоняется она сияя материнским взором, полным вожделенного голода к пальчикам младенца (до чего умиляющее зрелище), как в первом цветении своего нового материнства возносит она безмолвную молитву благодарности Всевышнему, Вселенском Супругу. И в миг, когда её ласковый взор обнимает младенчика, ей хотелось бы всего одной лишь только милости – чтоб её дорогой Доуди оказался сейчас тут и разделил бы с нею радость, а она положила бы ему на руки эту кроху Божьего праха, плод их законных объятий. Он уже постарел (между нами и – шёпотом) и малость посутулел в плечах, но вместе с тем в круговороте лет приметнее проступило серьёзное достоинство добросовестного помощника счетовода Ольстерского Банка, отделение у Колледж-Грин. Ах, Доуди, любимый столько лет, неизменный спутник жизни, былого не вернёшь, ту давнюю пору цветения роз. С привычным встряхом красивой головки вспоминает она минувшие дни. Боже, до чего прекрасными кажутся они теперь, через дымку лет! Но уж дети собрались в её воображении вокруг супружеского ложа, их дети: Чарли, Мария, Алиса, Фредерик Альберт (если б он выжил), Мэми, Баджи (Виктория Френсис), Том, Виолетта Констанца Луиза, милый малыш Бобси (названный в честь нашего

славного героя в южно-африканской войне Бобса Вотерфордского и Кандагарского), а теперь вот и этот последний залог их союза, просто вылитый Пурфо, с истинно Пурфоским носом. Долгожданного малютку окрестят Мортимером Эдвардом, это имя влиятельного троюродного брата из конторы Архива Казначейства, в Дублинском Замке. Да, время катится, но на этот раз папаша Хронос мягко обошёлся. Нет, не нужно испускать вздоха из этой груди, дорогая милая Мина. А ты, Доуди, выколоти пепел из своей старой трубки, поздняя дикая роза всё ещё мила тебе, а когда раздастся сигнальный звон к гашению огней (пусть не скоро придёт тот день!) и померкнет свет, при котором читаешь ты Священую Книгу, ибо всякой лампе суждено иссякнуть, тогда, со спокойным сердцем, в ложе – на покой. Он ведает и призовёт в нужный, Ему известный миг. Ты тоже вынес нелёгкую битву и с честью исполнил свою мужскую роль. Сэр, вот вам моя рука! Отличная работа, добрый и верный слуга!

Есть прегрешения или (если именовать их как принято в свете) воспоминания зла, таимые человеком в беспросветнейших уголках сердца, но они живучи и ждут там своего часа. Можно затмить память о них, вообразить будто ничего такого и не было, можно даже убедить себя, что, ну, конечно же, не было или, если уж было, то вовсе не так. Однако, всё это лишь до того мига, когда случайно обронённое слово вызывает их к жизни и они вдруг всплывают и предстают перед человеком при каких угодно обстоятельствах, видением или грёзой, даже когда тамбурин и арфа тешат его слух, или посреди прохладно серебристого вечернего покоя, или заполночь на пиру, когда он полон вина. Не с тем, чтоб оскорбить его являются эти видения, и не бурлят кипящим к нему гневом, и не за тем, чтоб мстительно вырвать его из жизни – нет, они, окутанные скорбным саваном прошлого, безмолвны, отстранённы, укоряющи.

Странник всё ещё наблюдал, как в лице сидящего напротив медленно стирается напускное спокойствие, порождаемое, наверное, привычкой или каким-то заученным приёмом, после слов,

сама горечь которых обличали в их произнесшем некую ущербность, тягу к мерзостям жизни. Всего лишь из-за одного, абсолютно естественного, и, казалось бы, такого тривиального слова, видимое разделилось в сознании созерцавшего и вот уже далекие дни вновь вьявь предстали перед ним, будто и не уходили никуда (как полагают некоторые), с их простодушными радостями. Подстриженный газон в мягких майских сумерках, памятная рощица сирени в Раундтауне, лилово-белая, благоухающие гибкие соглядатаи подглядывают за игрой, но более интересуются шарами, что медленно прокатываются по лужайке или, столкнувшись, замирают. А в отдалении, у сереющей протоки, где временами движется вода в задумчивой ирригации, можешь различить и остальных, как некое благоухающее сестринство: Флоя, Этти, Тайни и их смуглая, такая влекущая (уж не знаю чем) подружка – Наша леди Вишенка, на ухо нацеплена очаровательная парочка их, так восхитительно подчеркивая прохладой терпких ягод неощутимое тепло кожи. Мальчонка лет четырёх-пяти, в бумазее (пора цветения, но порадует добрый очаг, где уж загодя составлены кастрюльки) стоит над протокой в охранительном кольце их девичьих ласковых рук. Он чуть хмурится, точь-в-точь как сейчас этот вот юноша, со слишком, пожалуй, осознанным наслаждением опастностью, но порой непроизвольно поглядывает туда, откуда – из беседочки, в ограде из цветов, следит за ним мать, с лёгкой тенью отстраненности или упрёка (*alles Verganfgliche*) в её довольном взоре.

Приметь этого отца и запечатли. Конец приходит нежданно. Войди в эти предпокои рождения, где собрались научающиеся и вглядись в их лица. Казалось бы, и в помине нет ничего похожего на взбудораженность иль спешку. Тут, скорее, упокоённость опекунства, под стать их роли в этом доме – неусыпный дозор пастухов и ангелов вокруг ясел в Вифлееме посреди оставшейся в далёком прошлом Иудеи. Но, подобно грудящимся грозовым тучам в последний миг пред вспышкой молнии, которые, тяготясь переизбытком влаги, взбухают громоздящимися массами, наполняя

небо и землю необоримой бесконечной сонливостью, нависая над иссохшим полем и дремлющими быками, над выгорелой порослью трав и кустарников, за миг до того, как резкий блеск вспорет их центры, чтоб хлынул под раскаты грома ливень из разодраных туч – таким же, точь-в-точь, случилось безудержно мгновенное преображение, едва лишь прозвучало Слово.

К Берку! Взвопил, испуская клич, милорд Стефен и – замелькали сюртуки да пиджаки всех их вслед друг за дружкой, петушок, макака, ипподромный плут, аптечный доктор, аккуратист Цвейт с постоянной ухваткой за головной прибор, тросточки, рапиры, шляпы-панамы и ножны, альпенштоки Зерматта, и всякое прочее, чего только нет. Все тут: и вожатай охочей молодежи, и честной студент. Сиделка Келлен опешила в вестибюле – где ей их утишить! – не может и усмешливый хирург, сходивший по ступеням с новостью об удалении плаценты, цельный фунт, ну, может, милиграмм туда-сюда. Они кличут его. Дверь! Открыта? Ха! И – гурьбой наружу, рванули спринтом, так чешут, только держись – заведение Берка на перекрёстке Шамс и Холлес их финишная черта. Диксон шагает следом и честит их на все заставки, но, ругнувшись, и сам переходит на бег. Цвейт подзадержался с сиделкой, надумал передать доброе слово счастливой матери и младенчику там наверху. Доктор Питание и доктор Покой. А самой-то небось тоже? Палата наблюдения дома Рогена отпечаталась в этой промытой бледности. Их всех уж и след простыл, матерински всепонимающий взгляд поддержки, и уже отойдя, он шепчет себе под нос: мадам, а к тебе-то когда прилетит аист?

Воздух снаружи обременён дождеросной влагой, небесная эссенция жизни взблескивает на мостовой Дублина под звездосяйным *coelum*. Божественный воздух, Всеотеческий воздух, искронзительный объятующий всесильный воздух. Вдохни его в себя поглубже. Клянусь небом, Теодор Пурфо, ты свершил бравое дело и без задоринки! Да ты, ей-же-ей, замечательнейший патриарх, не отвергающий ничего в этой сослеплённой всеохватной

наимногосвальнейшей хронике. Потрясающе! В её лоне Богорамленный Богоданный представил возможность, которую ты оплодотворил твоею лептой мужского вклада. Тиснись к ней. Обслуживай! Трудись, запахивай, как самый что ни есть цепной пёс и пусть науковедство и все мальтузианцы катятся к дьяволу. Да ты всем им папаша, Теодор. Горбатишься под своей ношей изнурённый счетами от мясника дома и слитками золота (не твоего!) в счётной конторе? Выше голову! За каждого новорожденного ты будешь сбирать свою дань зрелой пшеницы. Глянь, как взмокло твоё руно.

Как не сохнуть от зависти Дарби Скукотищу и его Джоан? Хныкающие полудурки и закисшеглазые шавки всё их потомство. Фью, говорю тебе я! Он просто мул, дохлый слизняк, без силы и духа, не стоит и ломаного гроша. Копуляция без популяции! Геродотово убиение невинных было б именем поточней. Овощи, право слово, и стерильное сожительство! Да дай ты ей бифштекс, красный, сырой, кровотощащий! Она, поседелое пекло хворей, увеличенных желез, воспалений уха, гланд, заусениц, сенной лихорадки, пролежней, кольчатых червей, плавающей почки, зобатой шеи, бородавок, разлитий желчи, камней в пузыре, холодных ног, варикозных вен. Хватит реквиемов и арий-плачей и иеремий и прочей такой всякой похоронной музыки. Двадцать лет муры, что о них жалеть. У тебя не то, что у многих, те и хотели бы и стали бы, но всё ждали да так и не сделали. Ты увидал свою Америку, цель твоей жизни, и покрыл-таки, как бизон с того берега. Как там говорит Заратустра? *Daine Kuh Trubsal melkest Du. Nun trinkst Du die susse Milch des Euters*. Гля! Оно брызжет для тебя в изобилии. Испей, мужик, полно вымя! Материнское молоко, Пурфо, молоко людского рода и также молоко тех прорастающих над головой звёзд: краснеющих через тонкие испарения дождя, сшибающее молоко, которое будут лакать буяны в обжираловке, молоко безумия, медовое молоко земли Ханаанской. Дойки твоей коровы туговаты были, а? Ага, но молоко её горячо и сладко и жирно. Не снятки это, а

густая богатая ряженка. К ней старый патриарх! Сися! *Per deam Partulam et Petundam nunc est bibendum!*

Все рванули на гулянку, крепкоорущие, горлопанящие. Нараспах. Де ты вчера ночева? Улюбопытной Барбары. Как ссарый Билья. Носяки кривняки в семи е? Где Генри Невилов косторез и ссарый кло? Звыняйте я не зна. Урра, вот и Дикс! Вперёд, реброчёт. Где Клоун? Всё спокойно. Йо, гля-ка на пьяного попика, что вываливает из родильни! *Benedicat vos omnipotent Deus, Pater et Filius*. Дельно, мистер. На Шамс-Лейн, ребята. Чёрт, чтоб те! Спотыкля. Тошшно, Исааче, засвети им в подсветку. Вы со с нами, дорогой сэр? Да ни в жисть. Бухая ватага, мил человек. Все тута одинакия. *En avant, mes enfants*! Отстрельнуть номер первый с пистоля. К Берку! Туда они двинулись за пять фарсангов. Шалавство дрыгоногое, где этот дубильный дюбель? Преподобный Стеф отступник веры! Нет, нет. Малиган! Вон спозади. Дёргай вперёд. Секани на тикалку. Половина кудахтного. Малли! Чего те? *Ma mere m'a mariee*. Британские Брелести!

Rataplan Digidi Boum Boum.

Быык. Естя. Оттиснуть и переплести в Друид-пресс двумя оформительками. Телячьи обложки писядонно-зелёного. Последнее слово в искусстве, тмит. Прекраснейшая книга из что вышла в Ирландии за моё время. *Silentium*. Жми! Сторожно! Занять ближайший трактир и аннексировать запасы спиртного. Марш! Бряк бряк бряк (подтянись!) у парней сушняк. Бокал, бойня, бизнес, библии, бульдоги, броненосцы, буллы и бульвары. Коль на высооком эшафоте. Бокалы блюдут библии. Коль за Ирландушку. Дави давителей. Громлятье! Держать шлёпаный троевой шаг. Мы валимся. Епископова випивонная. Стуй! Вольна. Россыпью. Вваливай. По ногам не пинать. Вай, моя нозя! Бобо?

Жутко иззиняюсь. Вотпрос. Хто это тута приторчал? Гордый владелец хрена лысого. У меня на нуле. Ни полушки за всю неделю. Тебе? Меды отцов наших для *Übermensch'a*. То ж само. Пять номера один. Вам, сэр? Имбирный валидол. Меня свежит извозчичий настой.

Стимульный подогрев. Подзаводит тикальник. Как встанет уж не сдвинешь под старость. Мне абсент, усёк? Карамба! Уимпял бы омлета. Натикало? Дядя ходики пригрёб. Без десяти. Бутыльгарю. Пожалуй сто. Стряслась пекторальная травма, нет, Дикс? Пост фак. На спор что шмель как он заспался сидя у его садочке. Окопался возле Матер. Присупруженный. Знаешь его донну? Умгу, ваш сэрство, знаю. Налитая. Посмотреть её б в пенуарах. Должно быть что надо. Не те твои тощие коровы, не. Задерни витрину, миляга. Два Ардиланского. Сюда так само. Чтой-то склизко. Если навернёшься не тяни с подъёмом. Пять, семь, девять. Маладессь! С отличной парой пышных ватрух без обману. Ну и буфера ж ого. Чтоб поверить надо щупать. Твои звездонные глаза и белобастровая шея украли моё сердце, О, лоханка. Сэр? Опять тюкнул по ревматизме? Всё маятня, звыняй за выражопывание. Мои луччие штаняты. Ну, док? Приездом с Лапландии? Ваша корпокрация мудрячит О'кей? Как там скво и папуасы? Женское тело после поста на соломе? Стоять и докладывать. Пароль. У нас на взводе. Отзыв. Белая смерть и красные роды. Хай! Плюнь в свой глаз, босс. Содрато у Мередита. Исуссированный орхидейзированный полиздованый иезуит! Моя тетяша пишет Чадушко. Бяказяка Стефен спортил душку мушку Малачи.

Хурра! Закладём за воротник, малышоночку. Слюнявчик-выручальчик. Эту ложечку за Джека ячменной кашки-бражки. Да будет долго пахнуть твой шмат и булькотеть горшок с капустой. Мерси. Будьмо. Как пошло? Колом. Не грязни мне штаноходы – ненадёваны пошти што. Пересунь сюда тот перец. Лови не упусти. На вынос и вразнос. Врубился? Вопли тишины. Всяк сук к своей сучонке. Венера Вседавальница. *Less petit femmes*. Крутая девка из града Муллигар. Скажи ей я был в улёте. Сара вседержительница по вымени. По дороге на Малахайд. Меня? Если б та что меня искусила оставила хотя бы имя. А что ты ещё хотел за девять пенсов? Машря, Макрускиия. Мызганная Молл для трамбовки матраса. Ну-ка, вздрогнем разом. Ех!

Угощаешь, хзяин? За милую душу. Можешь поспорить на свои ботинки. Опупел что в кармане хрен ночевал. Поднятно? У него хрустов завались. Сыпнул чуть не полным фунтом за нас токо что говорит евоны. Ты угостил мы и рады, так? За тебя друг. Пусть катятся. Две палки и крыло. Ты этого нахватался у французских прохиндеев? Не надо мне мозги делать. Пляво се оссень иссиняюсь. Гля-ка и нам монета обломилась. Божа прауда, Чарли. Мы плахова не хочим. Мы те плахова не хочим. Оревуар, муссе. Пасибочки.

Точняк. Чево? В забегаловке. Крепко. Я шмотрю, шэр. Бентем два дня как завязал. Ни хрена кроме кларета не хлыщет. Блин! Ну, хряпнем. Ух, меня корячит. Да ещё побритый. Лыка не вяжет. С каким-то железнодорожником. Как тебя угораздило? Может он в оперу шёл? Роза Рима. Разорим, а? Полиция! Дайте Н-2-О тут дждентлу дурно. Глянь на цветочки Бентема. Жежмой, он заводится орать.

Загородка ты моя, загорродочка! Заткни поддувало его голландки твердою рукой. Сегодня б выиграл я ему давал наводку полнейший верняк. У Стефена шляповка как у ширмача. Руки как подайте мне брильянт кила на три. Он отобьёт телеграмму Жучаре Бассу. Сунь ему пятак в занюхан. Кобыла полный ништяк. Гинея псу под хвост. Просто пушку пустили. Божаправда. Дал обойти? Смухлёвано. Как пить дать. Ему кранты если возьмут за жабры. Медден забашлял заради тёзки. О, похоть, наш оплот и сила. Сваливаю. Тебе пора? К мамочке. Тормознись. Дайте приховаюсь, если он меня усечёт, капец. Милости просим нашего Бентема. Орювар, всей шаре. Не забуй для ей мымозы. Колюкольчики. Так дала те та тёлка? Кореш корешу. Свои люди. Джон Хуян её супружник. В натуре, старина Лео. Спаси и сохрани, честный чукча. Пойду вразнос. Есть такой себе блажной монашина. Чё ж ты мине не гаврил? Ну, грю, если он не жидяра, шоб не дожить мне до следующей мацы. Хосподи помилуй, аминь.

Ставишь на повестку? Стиви, ну ты даёшь. Ещё водяры? Не позволит ли покоряющий широтой размаха угощатель бедному прихлебателю в крайней нужде и необъятной жажде прекратить

расточительное законоосвящёное возлияние? Дай нам передых. Хозяин, хозяин, есть у тебя доброе вино, стабу? Монах как набухается с ним прикол молится. Клянусь Всемочным! Абсента всем. *Nos omnes biberimus viridum toxicum diabolus capiat posteriora nostra*. Время закрытия, джентлы. Ась? Римской шипучки для их светлости Цвейта. Ты что это гонишь? Цве? Перебивается на рекламе? Папаша фотодевочки, ни хрена себе! Сбавь звук, приятель. Рвём когти? *Bonsuar la compagnie*. И силки сифона. Где лось и Тюпа Люпа? Слиняли? Продёрнули? Тады, маешь йти куды табе надыть. Шах и мат. Короля матом. Добрый Кристиан поможи юношу чей друг затаскал ключ где снять корону с головы в 2 ночи. Ё-моё я почти готовый. Чтоб мне повек ступалы свернуло если это не найсамлуччее таскалово. Прибавь, куратор, пару печенюшек этому детке. Коспотня кров и пьяни яйкки, Петту! Ни кушочка шыру? Пропади пропадом сифилис, а с ним и всякий выпивон по лицензии. Время. Кто бродит по свету. Здоровье всех. *A la votre!*

Тю, шо то ото за кент в макинтоше? Пыльный Роудз. Гля на ево робу. Ни сибе хрена! Чё с ним? Крыша поехала. Подлатал бы. Давно пора. Знаешь рогопёра? Притюкнутого из Ричмонда? Во-во! Он думал у него залежи свинца в члене. Звонко чокнутый. Бартл Каравай мы его звали. Тут, сэр, кадась был путёвый город. Замызганному вкривь и вкось пришлось жениться на всеми кинутой девахе. И та смылась. Дак получи любви утрату. Бродячий Макинтош из одинокого каньона. Завернул заправиться. Чётко по времени. Что поделать сухостой. Чево гааришь? Видал его сёдни на хоронопах? Ктой-то с твоих приятелев откинулся? Бжемой! Бедна ребетня! Луче б мне ты и не гаарил, Полд. Рыдмя плакали шо друга Падни уклали в чёрный ящик? Зо всех чёрных масса Пат был замалучий. Я лучче отродясь не видал. *Tiens, tiens*. Но это здорово сказато, этто чесна слово, да. Да ладно, добавь оборотов! Оси смазаны на всю катушку. Ставь два к одному Янаци распишет ему ряху. Япошки? Навесным огнем, хрясь! Потоплен спецвоенным. Ему же хуже, грит, никаких руссов. Время всем. Одиннадцать натикало. Топай.

Выметайтесь, балабоны, накачались уж! Ночь. Ночь. Да премощно сбережёт Аллах Превосходнейший твою душу в эту ночь напролёт.

Минутачку! Мы плахова те не хочим. Полиция нас выпустила. Ничё такова. Приятель малость обрыгался. Нездоров в брюшной полости. Йиика. Ночь. Мона, моя ты верная любовь. Йиик. Мона, моя единственна любовь. Иик.

Цыц! Заткни свой грохотальник. Блю-йюх! Блю-йюх! Жмём. Уходим в море. Команда! На корабль. Портовой улицей. Кончай. Блю-йюх! Дёргаем. Не идёшь? Давай бегом, погнали. Плююююх!

Линч! Эй? Подписываюсь по-длинному. Шамс-Лейн влево. Пересадка на Бордель-Хаус. Мы напару, она сказала, поищем бардачков тенистой Марии. Точняк, в любое былое. *Laetabuntur in cubilius suis*. Ну идёшь что ли? Ад и сажа! – кто б мне шепнул что то за солоп в чёрных тряпках? Тсс! Грешившие против света и теперь даже когда близок день его прихода судить мир огнём. Блю-йюх! *Ut imprementur scripturae*. И сказал медик Дик другу медику Дейву. Исусенька, кто там за поносно жёлтый проповедник на Марион-Хилл? Илия грядет омытый в крови Агнца.

Подходите вы, виноблёвные вискибздюшные пойлоглотные создания! Подходите оборзевшие, бычьешеии, твёрдолобые, свинощёкие, горохомозгие, выдроглазые блефачи, очкожимжимы и мокрогрузы! Валите сюда, позорники тройной возгонки! Александр И. Христ Деви, что наславу пошастал по половине этой планеты от Фриско Бич до Владивостока. Бог вам не показуха зада за десять центов. У него честное и чёткое деловое предложение. Полный класс, я вам отвечаю. Ваше спасение в царе Исусе. Подымайтесь с утра пораньше, грешники, если хотите потрафить Всемогущему Господу. Плююююх! Ничего, дружище. У него сыщется для тебя микстура с подогревом, из заднего его кармана. Захавай, да не подавись.

* * *

(*Мэббот-Стрит, перед входом в ночной город распласталась неасфальтированная трамвайная развилка с обглоданными путями в отблесках красно-зелёных блуждающих огоньков и сигналов опасности. Ряды домов-развалюх раззявили дверные проёмы. На редких фонарях блекло-радужные венчики. Вокруг застывшей гондолы мороженщика Рабайотти завязывается схватка мужчин и женщин. Они расхватывают вафли с прослойками кораллового и медного снега. Разбредаются, неспешно посасывая. Детвора. Лебяжьешеея гондола, задранозадая, тащится дальше сквозь мглу и сине-белые всполохи маяка. Посвисты зовут и откликаются друг другу.*)

ПРИЗЫВЫ: Погоди, любовь моя, буду я с тобой.

ОТКЛИКИ: Позади конюшни.

(*Тараща глаза и роняя слюну из обвислого рта, глухонемой идиот ковыляет мимо, судорожась в пляске Св. Витта. Цепь детских рук охватывает его.*)

ДЕТВОРА: Дундук! Привет!

ИДИОТ: (*Подымает левую парализованную руку и горлгочет.*) Грлхет!

ДЕТВОРА: Где сильный свет?

ИДИОТ: (*косоротясь.*) Гхагхахест.

(*Его отпускают. Он ковыляет дальше. На верёвке провисшей между прутьев ограды покачивается пигмейка, ведя счёт. Подозрительная личность спит враскарячку на мусорном ящике, покрывшись рукой и шляпой; ворочается, стонет, скрежещет зубами, и храпит дальше. Гном, добавив в мешок кости и тряпки из отбросов на ступеньке, натужно вскидывает его на плечо. Его подружка стоит рядом, подсвечивает керосиновой лампой, впихивая последнюю бутылку в жерло мешка. Горбатясь под своей добычей, в сбитом насторону колпаке, он отходит, спотыкливо и немо. Подружка отправляется обратно в своё логово, помахивая лампой на ходу. Кривоногий карапуз*

с бумажным воланом, что сидел у порога на корточках, торопливо крадётся следом, хватает за юбку, рывком задирает. Пьяный матрос вцепился в ограду обеими руками, в тяжком крене. На углу громоздко маячат два ночных стража в накидках, положив руки на дубинки у пояса. Дзеньк тарелки; бабий вопль; скулёж детёныша. Взрявкивает мужская брань, переходит в бубнёж, глохнет. Фигуры бродят, затаиваются, выглядывают из закоулков. В комнате, при свече втиснутой в горло бутылки, лахудра вычёсывает живность из волос чахоточного чада. Голос Кисси Кэфри, всё ещё молодой, пронзительно поёт из переулка.)

КИССИ КЭФРИ:

Молли-резвушке
Дал я игрушку –
Лапку гуся,
Лапку гуся.

(*Рядовой Карр и рядовой Комптон, сунув армейские тросточки подмышки, нетвёрдо маршируют с равнением направо и ртами разом издают залп трескучего пердежа. Мужской смех из переулка. Ругань хриплоголосой скандалистки.*)

СКАНДАЛИСТКА: Слабо, жопа волосатая. Девушка из Кевена тебе нос утрёт.

КИССИ КЭФРИ: Мне же лучше. (*Она поёт.*)

И дал я подружке
Пошлёпать по брюшку
Лапкой гуся,
Лапкой гуся.

(*Рядовой Карр и рядовой Комптон разворачиваются и дают повторный залп, их кителя кроваво багровеют в отсвете фонарей, фуражки словно чёрный срез на их блондинисто-медных стрижках. Стефен Дедалус и Линч пробираются сквозь толпу вблизи багрянокительных.*)

РЯДОВОЙ КОМПТОН: (*Вскидывает палец.*) Дорогу священику!

РЯДОВОЙ КАРР: (*Оборачивается и окликает.*) Как оно ничего, священик?

КИССИ КЭФРИ: (*Её голос взмывает выше.*)

Уж так она рада,
И всё ей как надо:
От лапки гуся.

(*Стефен, помахивая ясеньком в левой руке, радостно напевает начальный гимн пасхальной мессы. Линч, в сдвинутой на глаза жокейской кепке, сопровождает его, кривя лицо в недовольной ухмылке.*)

СТЕФЕН: *Vidi aquat egredientem de tempo a latera dextro. Alleluia.*

(*Изглоданные обломки бивней старой шлюхи выдвигаются из дверного проёма.*)

ШЛЮХА: (*Шелестяще сиплым шёпотом.*) Тсс! Иди сюда, пока говорю. Тута целка есть. Тсс.

СТЕФЕН: (*Altius aliquantulum.*) *Et omnes ad quos pervenit aqua ista.*

ШЛЮХА: (*Плюёт им вслед свой выхарк яда.*) Медики из Троицы. Фаллопиевы трубки. Только пыжатся, а у самих ни шиша.

(*Эди Бодмен, сидя на корточках напару с Бертой Сапл, принюхивается и затыкает ноздри шалью.*)

ЭДИ БОДМЕН: (*Взахлёб.*) И тут она грит, я, грит, тебя, грит, видела в Вернячном месте с твоим скребуном, железнодорожным смазчиком, в его курвячей шляпе. А хоть и так, грю. Уж не тебе б грить, грю. Ты ж

миня не застукала, грю, в люке, с женатым шотландцем, грю. Видали такую? Лосиха. Упёртая, как мул! И таскается с двумя парнями зараз, один – Килбридж, машинист паровоза, и ещё капрал Олифант.

СТЕФЕН: (*Triumphaliter*.) *Salvi facti i sunt.*

(*Он взмахивает своим ясеньком, дробя контур фонаря, рассылая брызги света всему миру. Желтовато-печёночный спаниель с белым пятном, напав на след, с рычанием бросается к нему. Линч пинком отшвыривает его.*)

ЛИНЧ: И что?

СТЕФЕН: (*Оглядывается*.) А то, что всеобщим языком станет не музыка, не запах, а жест – как способ общения обозначающий не совокупный смысл, но первую энтелехию – структурный ритм.

ЛИНЧ: Порнософическая филотеология. Метафизика с Мекленбург-Стрит.

СТЕФЕН: Имеем пример Шекспира, объезженного строптивою, а также подкаблучника Сократа. Сам всемудрейший Страгирит был зауздан, осёдлан и обкатан светом любви.

ЛИНЧ: Ба!

СТЕФЕН: Короче, кто сможет парой жестов изобразить хлеб и кувшин? У Омара хлеб и кувшин изображаются таким вот движением. Ну-ка, подержи мою палку.

ЛИНЧ: К чертям твою распрожёлтую палку. Куда идём-то?

СТЕФЕН: К похотливой, как рысь, *la belle dame sans merci*, к Джорджине Джонсон, *ad deam qui laetificat juventutem meam.*

(*Стефен вручает ему ясенёк и медленно разводит руки; голова его запрокидывается назад, покуда обе руки отходят на весь размах от груди – ладони опущены в пересекающихся плоскостях, левая чуть выше, а пальцы вот-вот растопырятся*.)

ЛИНЧ: Где тут кувшин хлеба? Нескладуха. Может, это таможня. Изобразитель. Держи свой костыль, потопали.

(*Они проходят. Томми Кэфри обхватывает столб газового фонаря и вскарабкивается, конвульсивно притискиваясь, но с верхней половины соскальзывет вниз. Близнецы бросаются прочь в темноту.*

Матрос, покачиваясь, прижимает указательный палец к крылу носа и высмаркивает длинную жидкую струю соплей из второй ноздри. Взвалив на плечи фонарь, уходит, спотыкаясь, сквозь толпу со своим полыхающим факелом.

Медленно наползают змейки речного тумана. Из канав, расселин, канализационных колодцев, от куч навоза—отовсюду—подымается смрад зловония. Южнее, за поворотом реки к морю, полыхает зарево. Матрос, непрестанно спотыкаясь, рассекает толпу и бредёт дальше к трамвайной развилке. В глубине из-под железнодорожного моста появляется Цвейт, раскрасневшийся и запыхавшийся, запихивая в боковой карман шоколадку и хлеб. Портрет в витрине парикмахерской Гиллена представляет ему элегантный образ галантного Нельсона. Кривое зеркало сбоку являет вогнутое отражение любвекинутого давнотеряного траурного Цеевейейта. Сумрачный Гладстон видит его каким он есть: Цвейт, как Цвейт. Он проходит, стукаясь о разгневанный взор Веллингтона, но выпуклое зеркало ухмылисто отзеркаливает доброжирные глаза и жироломтевые щечищи Веселпольда риксдикс дольда.

Рядом с дверцей Антонио Рабайотти Цвейт останавливается, покрываясь испариной под яркими дуговыми лампионами. Он исчезает. Через миг появляется вновь и спешит дальше.)

ЦВЕЙТ: Рыба с картошкой. Ч. Х.. Эх!

(*Он занырмвает в лавку мясника Олхойсена под раскручивающийся книзу железный занавес. Через пару минут из-под занавеса выскакивает пыхавшийся Польди, отдувающийся Цвейехейт. В каждой руке у него по свёртку: в одном чуть тёплые свиные ножки, в другом холодная баранья ляжка в присыпке из немолотого перца. Он бездыханно застывает на месте. Затем кособочится и со стоном притискивает свёрток к своим ребрам.*)

ЦВЕЙТ: В боку закололо. Ну, зачем было бежать?

(*Втянув осторожный вдох, он проходит вперёд к офонарённой развилке. Снова мелькает отблеск зарева.*)

ЦВЕЙТ: Что такое? Сигнал? Прожектор.

(*Он стоит на углу Кормака, всматриваясь.*)

ЦВЕЙТ: Северное сияние или сталелитейня? Ах, бригада, конечно. Вобщем, к югу. Сильно горит. Может, его дом. Берлога подбиралы. До нас не дойдёт. (*Он бодро напевает.*) Горит Лондон! Горит Лондон! Весь в огне! Весь в огне! (*Замечает матроса, который курсирует сквозь толпу на дальней стороне Талбот-Стрит.*) Не упустить бы. Придётся бегом. Догоню. Срежу тут.

(*Он бросается через улицу. Пацаны вопят.*)

ПАЦАНЫ: Гляди, мистер!

(*Два велосипедиста, с болтающимися во весь мах бумажными фонариками проносятся, едва не задев его, мимо, трезвоня звонками.*)

ЗВОНКИ: Стойтевсейтевсейтевсе.

ЦВЕЙТ: (*Замер выпроставшись, пронизанный спазмой.*) Оу!

(*Оглянушись, он резко прыгает вперёд. Гигантский вагон-пескорассыпщик украдкой ползёт на него из наплывающего тумана, помигивая громадными красными фарами; дуга трётся о провод. Водитель ударяет по своему ножному гонгу.*)

ГОНГ: Бам Блям Бля Дум Дур Дуу.

(*Резко щёлкает тормоз. Цвейт, вскинув руку в белой перчатке полисмена, выкарабкивается—одеревенелоного—с путей. Курносого водителя швырнуло вперёд, на рулевое колесо, и он вопит вслед, покуда Цвейт проскальзывает над цепями и стойками.*)

ВОДИТЕЛЬ: Эй, засранец, ты тут трюкачом пристроился?

ЦВЕЙТ: (*Тройным прыжком выскакивает на тротуар, вновь останавливается, зажатым в руке свёртком смахивает лепёшку грязи со щеки.*) Эта часть не проезжая. Был на волосок, зато в боку совсем не колет. Надо снова заняться упражнениями по Сендоу. Отжимания. Спасает даже от несчастных случаев. Что на роду написано. (*Он ощупывает карман брюк.*) Панацея бедной мамочки. Бывает что каблук застревает в стрелке, или шнурок втаскивает в шестерёнку. На днях колесо Черной Марии царапнуло мне ботинок на углу Леонарда. Трижды – уже колдовство. Обувная магия. Водитель – наглая рожа. Надо б пожаловаться. Может, тот самый, что

обломал мне сегодня утром, с той лошадницей. Красавчик того же типа. Но среагировал моментально. Деревянная походка. Скажут шутя, а глядишь – в самую точку. Как меня тогда скрутило на Лед-Лейн. Что-то я съел подсыпанное. Знак везунчика. Почему? Должно быть, на кого пошлёт. Меченая скотинка. (*Он на миг закрывает глаза.*) Тяжесть в голове. К месячным, или из-за того. В мозгах усталости туман. Такая истома. Хватит с меня. Оу!

(*Зловещий силует, ноги вперекрёст, опирается о стену О'Бейра, лица не распознать – уколото тёмной ртутью. Силует свирепо озирает его из-под широкополого сомбреро.*)

ЦВЕЙТ: *Buenos noches, senorita Blanca, que calle es esta?*

ФИГУРА: (*Непроницаемо подымает руку в условном знаке.*) Пароль. *Sraid Mabbot.*

ЦВЕЙТ: Хаха. *Merci*. Эсперанто. *Slan leath*. (*Он бормочет.*) Шпион кельтской лиги, подослан тем башибузуком.

(*Он делает шаг вперёд. Омешоченный тряпичник заступает ему путь. Он делает шаг влево, тряпомешочник – туда же.*)

ЦВЕЙТ: Позвольте. (*Он отпрыгивает вправо, тряпомешочник тоже вправо.*)

ЦВЕЙТ: Позвольте. (*Он проворачивается, изготавливается бочком, проскальзывает мимо и дальше.*)

ЦВЕЙТ: Держись правой, правой, правой. Зря что ли в Степсайде Туристский Клуб врыл столб-указатель на потеху публике? "Я, заблудшая душа, оставляю письмо для страниц ИРЛАНДСКОГО ВЕЛОСИПЕДИСТА, пусть поместят в разделе ДЕБРИ СТЕПСАЙДА." Держись, держись, держись правой. Тряпки и кости в полночь. Наверняка скупщик краденого. Убийцы в первую очередь бегут к нему. Смыть свои прегрешения.

(*Джеки Кэфри бежит прочь от Томми Кэфри и с разгона врезается в Цвейта.*)

ЦВЕЙТ: О!

(*Замирает на подкашивающихся от шока ногах. Томми и Джеки скрываются далеко-предалеко, отсюда не видно. Цвейт своими*

руками с зажатыми в них свёртками охлопывает жилетный кармашек, часы, блокнотный карман, карман для бумажника, услады греха, картофельное мыло.)

ЦВЕЙТ: Берегись карманников. Старая воровская уловка. Столкнуться. И слямзить кошелёк.

(*Ищейка, носом к земле, семенит ближе, внюхиваясь. Раскоряченная фигура чхает. Появляется сутулый бородатый силуэт в длиннополом кафтане старейшин Сиона, в тюбетейке с пурпурной бахромой. Роговые очки спущены до крыльев носа. На осунувшемся лице жёлтые потеки яда.*)

РУДОЛЬФ: Вот и сегодня пустил на ветер ещё полкроны. А сколько я тебя говорил – не знайся с пропойцами. Да разве ты слушаешь. И никакой прибыли в деньгах за целый день.

ЦВЕЙТ: (*Прячет свиные ножки и баранью ляжку за спину и, сникнув, чувствует тёплое и холодное мясо ног.*) *Ja, ich weiss, papachi.*

РУДОЛЬФ: За каким ты здесь делом? Душу сгубить? (*Когтями немощного стервятника ощупывает лицо Цвейта.*) Разве ты не сын мой, Леопольд, внук Леопольда? Разве не ты мой возлюбленный сын Леопольд, что покинул дом отца своего и отринул богов своих предков, Авраама и Иакова?

ЦВЕЙТ: (*С опаской.*) Похоже, всё сходится, папа. Мозенталь. Всё, что от него сохранилось.

РУДОЛЬФ: (*Разъярённо.*) Однажды ночью тебя принесли домой пьяного, как собака, когда ты профукал свои денежки. С теми ... как там ты прозвал тех игроков на бегах?

ЦВЕЙТ: (*Юношески узкоплечий, в оксфордском костюме шикарно-синего отлива и белой манишке, в коричневой альпийской шляпе, с джентловыми часами чистого серебра на двойной цепочке с брелоком-печаткой, его бок извозюкан подсыхающей грязью.*) Борзятники, отец. Всего-навсего один только тот раз.

РУДОЛЬФ: Всего-навсего! В грязи с головы до ног! Руку раскровянил. Челюсть не повернуть. Они сделают тебе капут, Леопольдхен. Ухо востро с такими парнями.

ЦВЕЙТ: (*Ослабело.*) Они подбили меня наперегонки. Было грязно. Я поскользнулся.

РУДОЛЬФ: (*С презрением.*) *Goim naches*. Хороший спектакль для твоей бедной мамы.

ЦВЕЙТ: Мамочка!

ЭЛЕН ЦВЕЙТ: (*На ней пантомимный дамский капот с ленточками, кринолин и шлейф, блузка а-ля вдова Твенки с пышно присобраными рукавами на застёжках, волосы покрыты крипсиновой сеткой, она возникает над перилами крыльца в серых варежках и с резной брошью, перекосив в руке подсвечник; вскрикивает с презрением и ужасом.*) О, благой Искупитель, что с ним сделано! Моя нюхательная соль! (*Она задирает подол платья и шарит в кармане её полосато-белой нижней юбки. Вываливаются флакончик, Agnus Dei, сморщенная картофелина и целлулоидная кукла.*) Святое сердце Марии, где вообще тебя носило, вообще-таки?

(*Цвейт что-то бубнит, потупив глаза, и пытается впихнуть оба свертка в свои переполненные карманы, но оставляет бесполезные попытки, всё так же бормоча невесть что.*)

ГОЛОС: (*Резко.*) Полди!

ЦВЕЙТ: Кто? (*Он уклоняется и неуклюже отбивает удар.*) К вашим услугам.

(*Он подымает глаза. На фоне персонального миража из фиговых пальм перед ним стоит привлекательная женщина в турецком наряде. Пышные выпуклости распирают её алые шаровары и курточку золотого шитья с прорезями. Широкий жёлтый кушак на её талии. Белый яшмак, лиловея в ночи, закрывает лицо, оставляя на виду лишь большие тёмные глаза и волосы цвета воронова крыла.*)

ЦВЕЙТ: Молли!

МАРИОН: Ой, ли? Отныне и впредь – Мадам Марион, голубчик, если ко мне обращаешься. (*С издёвкой.*) У бедняжки муженька ноженьки застыли, уж так долго дожидался?

ЦВЕЙТ: (*Переминаясь с ноги на ногу.*) Нет, нет. Ни капельки. (*Очарованный, обуреваемый волнением, он учащённо дышит,*

заглатывая воздух, вопросы, надежды, свиные ножки ей на ужин, всё, что хотел бы ей сказать, извинения, вожделение. У неё во лбу поблескивает монета. На пальцах ног перстни с бриллиантами. Щиколотки связаны тонкой стреножащей цепью. Рядом дожидается верблюд, покрытый башенкой тюрбана. Шелковая лесенка с несметным числом перекладинок ведёт к колышливой кабинке между его горбов. Он пристраивается к ней своим блудливым задом. Она сердито шлёпает его по ляжке, всполошив златокованные браслеты на своих запястьях, осыпает его мавританской бранью.)

МАРИОН: Небракада! Женонюшник!

(*Протянув переднюю ногу, верблюд срывает с дерева большой плод манго и, помаргивая, протягивает в своём раздвоенном копыте хозяйке, затем грустнеет и, всхрюкнув, валится на передние колени. Цвейт прогибает свою спину для чехарды.*)

ЦВЕЙТ: Позвольте вас заверить… то есть, как ваш управляющий делами… мадам Марион… если вам так…

МАРИОН: Так ты подметил кой-какие перемены? (*Она медленно поглаживает ладонями свой разукрашенный нагрудник. В глазах затеплилась ленивая дружеская насмешка.*) О Полди, Полди, домосед несчастный, застрял, как палка в грязи. Пошёл бы жизнь повидал, мир широкий.

ЦВЕЙТ: Я как раз шёл забрать тот апельсиноцветочный лосьён на белом воске. По четвергам аптеку рано закрывают. Но с утра первым делом туда. (*Он хлопает там-сям по карманам.*) Да ещё эта плавающая почка. Ах! (*Он указывает на юг, затем на восток. Кусок нового чистого лимонного мыла восходит, испуская сияние и аромат.*)

МЫЛО:

Не сыщешь лучшей пары, чем Цвейт да я;
Свет несёт он земле; драить небо – забота моя.

(*Веснушчатое лицо Свени, аптекаря, появляется в диске мылосолнца.*)

СВЕНИ: Три и один пенс, пожалуйста.

ЦВЕЙТ: Да. Для моей супруги, мадам Марион. Особый рецепт.

МАРИОН: (*Негромко.*) Полди!

ЦВЕЙТ: Да, мэм?

МАРИОН: *Ti trema un poco il cuore?* (*С презрением, она горделиво отходит, пухленькая, как напыжившийся голубь-дутыш, напевая дуэт из ДОНА ДЖИОВАННИ.*)

ЦВЕЙТ: Ты уверена насчёт этого *voglio*? То есть, по-моему произноше… (*Он идёт следом, за ним, принюхиваясь, терьер. Старая шлюха хватает его за рукав, взблескивая щетинками из родинки на её подбородке.*)

ШЛЮХА: Десять шиллингов за целку. Свежая штучка, ни разу не троганная. В доме никого, только её старик-отец в стельку пьяный. (*Она указывает. В проёме её логова стоит уклончивая, дождевсклоченная Невсти Келли.*)

НЕВСТИ: Хоч-Стрит. Надумал чего стоящего? (*Пискнув, она запахивается своей летучемышьей шалью и бежит. Ражий детина гонится обашмаченными прыжками. Он спотыкается на ступенях, удерживается, ныряет в сумрак. Слышны слабые взвизги смеха, стихают.*)

ШЛЮХА: (*Волчеглазо блестя взглядом.*) Он получает своё удовольствие. В домах с фонарём девственницы не сыщешь. Десять шиллингов. Не торчи всю ночь, пока нас не усекла полиция в гражданке. Шестьдесят седьмой – сука.

(*Исподлобясь, вперёд выхрамывает Герти МакДовел. Она вытаскивает из-за спины и, играя глазками, застенчиво показывает свою просоченную кровью затычку.*)

ГЕРТИ: Всё, что самого у меня дорогого, для тебя, а ты. (*Она бормочет.*) Ты это сделал. Ненавижу.

ЦВЕЙТ: Я? Когда? Ты бредишь. Я тебя первый раз вижу.

ШЛЮХА: Не приставай к джентельмену, обманщица. Совсем обнаглела – шьёт чернуху джентельмену. Уличное приставание с подстреканием. Мать твоя должна тебя, паскуду, держать на привязи к кроватной ножке.

ГЕРТИ: (*Цвейту.*) Ведь ты увидел все сокровенности моего нижнего ящика с приданным. (*Она вцепляется в его рукав, слюноротясь.*) Тварь женатая! Я люблю тебя за всё, что ты сделал со мной. (*Она горестно промелькивает прочь. На дорожке стоит м-с Брин в мужском грубошерстном пальто с широченными накладными карманами; бесстыже вылупив глаза, она лыбится во все свои травоядно лосиные зубы.*)

М-С БРИН: М-р…

ЦВЕЙТ: (*Солидно прокашливается.*) Мадам, как мы уже имели удовольствие в письме от шестнадцатого, по поводу…

М-С БРИН: М-р Цвейт! Вы здесь, в гнездовищах греха! Вот где я вас застукала! Подлец!

ЦВЕЙТ: (*Торопливо.*) Не так громко, моё имя. Как вы могли обо мне такое? Не выдавайте. У стен есть уши. Как поживаете? Сто лет вас. Прекрасно выглядите. Честное слово. Погода как раз впору, по сезону. Чёрный втягивает тепло. Я тут срезаю напрямки, домой. Обитель Магдалины специализируется на спасении падших женщин. Я являюсь секретарем…

М-С БРИН: (*Вытягивает палец.*) Не мелите три короба! Кое-кому это не понравится. Ну, погодите, встречу я Молли. (*С хитрецой.*) Выкладывайте, как на духу, не то худо будет.

ЦВЕЙТ: (*Насторожённо.*) Она частенько говорит, что не прочь посетить. Трущобы. Экзотика, знаете ли. Чтоб слуги – сплошь негры в ливреях, но стоит недёшево. Отелло – чёрный зверь. Юджин Страттон. Ещё констаньеты и уличный певец на рождественские у Ливермора. Братья Бохи. Тянет, знаете, на такое.

(*Том и Сэм Бохи, цветномазые, в белых парусиновых костюмах, алых носках; накрахмаленные, торчком стоящие воротнички и крупные, тоже алые астры подпрыгивают в их петличках. У каждого*

висит банджо. Их негроидные кисти, но посветлей и мелковатей, наяривают по виброгудным струнам. Взблески белков каффрских глаз и кружочков слоновой кости, которыми, при редких паузах, выстукивают в чечётке хлёстких башмаков, спариваясь, напевая, спиной к спине, носок-пятка, пятка-носок, толстсмачнощелкучими негритянскими губами.)

Кто-то в доме, знаю,
Кто-то в доме с Диной
Играет на старом банджо.

(*Они сдёргивают чёрные маски с грубых младенческих лиц и, квохча, гогоча, торохча, бренча, дидл-дудлят прочь, выплясывая кейк-уок.*)

ЦВЕЙТ: (*С кисло-сладкой улыбочкой.*) Подпустим чуток фривольности, если не против. Можно вас секундочку потискать?

М-С БРИН: (*Взвизгивает игриво.*) Хорош гусь! Да вы на себя посмотрите!

ЦВЕЙТ: Ради всего былого. Я просто искал хорошей партии, смешанного брака, сглаживающего наши небольшие матримониальные расхождения. Вам известно, я был неравнодушен к вам. (*Мрачно.*) Это я послал вам открытку на день Валентина, дорогая газель.

М-С БРИН: Алиса достославная, вы, прям, как святое явление! Просто наповал. (*Она инстинктивно тянется руками.*) Что вы там прячете за спиной? Признавайтесь по-хорошему, дружочек.

ЦВЕЙТ: (*Перехватывет её запястье свободной рукой.*) И это та самая Джози Повел – красивейшая невеста на весь Дублин. Как летит время. Помните ль вы—обращаясь вспять в ретроспективном расположении—ту давнюю рождественскую ночь на новосельи у Джорджины Симпсон? Пока они там играли в игру Ирвинга Бишопа

и занимались отыскиванием булавки вслепую и чтением мыслей. Типа: что в табакерочке лежит?

М-С БРИН: Вы оказались львом вечера, с вашей куплето-комической декламацией, и смотрелись прешикарнейше. Вы всегда были баловнем дам.

ЦВЕЙТ: (*Дамский угодник в вечернем пиджаке с лацканами волнистого шелка, синий масонский значок в петлице, чёрный галстук-бабочка и запонки крупного жемчуга, призматичный бокал шампанского воздет в руке.*) Леди и джентельмены: за Ирландию, родимый дом и красу.

М-С БРИН: Дорогие, невозвратно увядшие дни. Давняя сладкая песня любви.

ЦВЕЙТ: (*Многозначительно понижая голос.*) Признаться, я чайникуюсь от любопытства узнать, не чайникует ли тут кое-что у кое-кого.

М-С БРИН: (*Закатываясь.*) Что за несносное чайничество! Лондон чайникнулся и я вся в таком отчайниканьи. (*Она трётся с ним боками.*) После комнатных игр в секреты и печений с ёлки, мы сели на оттоманке наверху лестницы. Под омелой. Двое – уже компания.

М-С БРИН: (*В цельнокроеном вечернем платье выполненном из лунно-голубого, в поблескивающей диадеме сильфы на лбу, обронив бальную карточку подле своей голубо-лунной атласной туфельки, медленно стискивает ладонь, учащённо дыша.*) *Voglio e non*. Вы такой обжигающе пылкий. Левая рука ближе к сердцу.

ЦВЕЙТ: Когда вы остановили выбор на своём нынешнем муже, все повторяли: это красавица и монстр. Никогда вам этого не прощу. (*Притиснув кулак ко лбу.*) Вдумайтесь: каково это. В то время вы были для меня всем. (*Хрипло.*) Женщина, это меня убивает.

(*Дэнис Брин, с торчащей тощей бородёнкой, обелоцилиндреный, в сэндвич-плакате от Виздома Хелис, шаркает мимо них в ковровых тапочках, бормоча направо и налево. Малой Альф Берган, одетый в наряд туза пик, юлит вслед за ним собачонкой, забегая то справа, то слева, перегибаясь от хохота.*)

АЛЬФ БЕРГАН: (*Тыча пальцем на сэндвич-плакат.*) Э. х.: эх.

М-С БРИН: (*Цвейту.*) Шорох внизу лестницы. (*Она одаривает его радостным взглядом.*) Почему ты не поцеловал ваву, чтобы не было бобо? Хотел же.

ЦВЕЙТ: (*Шокирован.*) И это лучшая подруга Молли! Да как вы?

М-С БРИН: (*Её шершавый язык шлёт промеж губ голубиный поцелуй.*) Ынын. Правильный ответ: лимон. У вас найдётся подарочек для меня?

ЦВЕЙТ: (*Подхватывает.*) Маца. Закуска к ужину. Дом без мяса на обед не уютен, нет. Я был на ЛИИ. М-с Хорошка Ладошка. Острая постановка Шекспира. Жаль, что выбросил программку. Была б обёртка свиным ножкам. Пощупайте.

(*Появляется Ричи Гулдинг перекособоченный чёрным портфелем для дел Колис и Варда, на котором белой известью намалёван череп и кости, на голове у него пришпилены три дамские шляпки. Он расстёгивает портфель, показывая, что там полным-полно сосисок, сушёных вобл, и запечатаных восковых табличек.*)

РИЧИ: Лучшего не сыщешь во всём Дублине.

(*Лысый Пэт, всполошённый жук, стоит на бордюре, складывая свою салфетку, годя угодить.*)

ПЭТ: (*Выходит, воздев блюдо полное подливы до краёв.*) Жаркое и почка. Бутылка пива. Хии хии хии. Погоди, пока угодю.

РИЧИ: Ожемилостивый. Янико гдане елтако...

(*Повесив голову понуро отбредает. Матрос, прошатываясь мимо, ширяет его своим пылающим вилорогом.*)

РИЧИ: (*С воплем боли хватается за задницу.*) Ай! Огнит! Светы!

ЦВЕЙТ: (*Указывая на матроса.*) Шпион. Не привлекайте внимания. Терпеть не могу оболваненных толп. Мне не до приятностей. Я в сложной обстоятности.

М-С БРИН: Выпендривание и делютерство, как и водится с вашими побасками.

ЦВЕЙТ: Хочу вам по секретику поведать, как очутился тут. Но чтоб вы никогда ни-ни-ни. Даже Молли. У меня самая, что ни на есть,

особая причина.

М-С БРИН: (*Вся разинясь.*) О, да ни за какое что.

ЦВЕЙТ: Пройдёмтесь. Идёт?

М-С БРИН: Ладно.

(*Шлюха испускает нескрываемый вздох. Цвейт проходит с м-с Брин. Терьер увязывается следом, жалостно поскуливая и виляя хвостом.*)

ШЛЮХА: Жидовские подходики!

ЦВЕЙТ: (*На нём костюм в крапинку спортивного кроя, усик плюща на лацкане, домотканая рубаха, шарф клетчатый Св. Андреевским крестом, белые гетры, замшевый пылевик через руку, дублёно-красные башмаки, полевой бинокль на плечевом ремне и серая шляпа-котелок.*) Вспомните же, как давным-давно, годы и годы тому назад, когда мы называли Милли Марионеттой и она только-только ещё была отлучена от груди; мы всей компанией отправились на скачки в Фейрихауз. Вспомнили?

М-С БРИН: (*На ней шикарный, шитый на заказ жакет, белая велюровая шляпа и вуаль паутинка.*) В Леопардстаун.

ЦВЕЙТ: Ну, да, я и хотел сказать: Леопардстаун. И Молли там выиграла семь шиллингов на трехлетке Молчун, потом мы возвращались домой через Фоксрок, в том старом пятиместном шарахбахбане, вы тогда были в самом расцвете, а на вас белая велюровая шляпа с подбоем из кротового меха, которую вам присоветовала купить м-с Хейс, потому что была снижка цены до девятнадцати и одиннадцати – кусок проволоки и лоскут вельветина, я готов заключить пари один-к-ста, что это она нарочно.

М-С БРИН: Конечно, нарочно, кошка драная! И не говорите! Хороша советчица!

ЦВЕЙТ: Потому что та шляпа не шла ни в какое сравнение с той вашей токой в бесподобных блестках и с крылом райской птицы, которая делала вас такой чарующей и вы, признаюсь, буквально пленяли; хоть и жалко, что её лишили жизни, жестокое вы создание,

ту маленькую крохотульку, с сердечком не больше макового зернышка.

М-С БРИН: (*Стискивая его локоть, улыбчиво.*) Я была бессердечной букой.

ЦВЕЙТ: (*Негромко, по секрету, всё ускоряясь.*) А Молли ела сэндвич со шпигованой говядиной из корзинки с ланчем м-с Джо Галахер. Между нами, хоть у неё хватало опекунов или поклонников, мне всегда претил её стиль. Она была…

М-С БРИН: Слишком…

ЦВЕЙТ: Да. И Молли всё хохотала, потому что Роджерс и Мэггот О'Рейли прокричали петухом, когда мы проезжали мимо какой-то фермы и Маркус Тертиус Мозес, торговец чаем, обогнал нас в коляске со своей дочерью, её звали Танцуля Мозес, а на коленях у неё чопорный пудель, и тут вы у меня спросили, не случалось ли мне слышать, или читать, или знавать, или встречать…

М-С БРИН: (*Увлечённо.*) Да да да да да да да.

(*Она испаряется от него. В сопровождении скулящего пса, он направляется к вратам ада. В арке ворот, наклонясь вперёд, стоит женщина и, широко расставив ноги, ссыт как корова. Кучка отирал перед обшарпаным кабаком слушают историю, что с грубоватым юмором толкает им разбиторылый десятник. Пара безруких корешей шмякаются друг о друга, рыча и тужась в пьяной увечной игре в драку.*)

ДЕСЯТНИК: (*Сидя на корточках; голос гнусит в его рыле.*) И вот Кернз слазит с риштовки, на Бивер-Стрит, и куда ещё он мог слить, если не в ведро с портвейном, что там, в стружках, припрятали штукатуры Дервена.

ОТИРАЛЫ: (*Хохочут волчьими пастями.*) Ну, мудак!

(*Их испятнанные краской шляпы трясутся. Они безного скачут вкруг него, заляпанные клейстером и известью их гильдий.*)

ЦВЕЙТ: Опять совпадение. Хохочут, а ничего смешного. Средь бела дня. Едва на ногах. Хорошо, хоть не при женщинах.

ОТИРАЛЫ: Клёвый мудак. Грауберовы соли. Вот мудило, мужикам в портвейн.

(*Цвейт проходит. Дешёвые шлюхи, в одиночку и парами, ошалелые, расхрыстанные, зазывают из переулков, из-за углов, дверей.*)

ШЛЮХИ: Куда подрыгал, чудик?

Как твоя третья нога?

Спичка при тебе?

Иди-ка сделаю её колом.

(*Он топает через их срань к освещённой вдалеке улице. Из выпузыря оконных штор, граммофон высолопил свой наглый помятый раструб. В тени, незаконный торговец спиртным препирается с матросом и двумя багровокительниками.*)

МАТРОС: (*Отрыгивая.*) Где это хлёбаное заведение?

ТОРГОВЕЦ СПИРТНЫМ: Педан-Стрит. Шилинг за бутылку портвейна. Почтенная женщина.

МАТРОС: (*Облапив обоих багровокительных прёт с ними дальше.*) Вали, британская армия!

РЯДОВОЙ КАРР: (*За его спиной.*) От него не слишком-то приятно пахнет.

РЯДОВОЙ КОМПТОН: (*Смеётся.*) А хули нам?

РЯДОВОЙ КАРР: (*Матросу.*) Столовая казарм Портобелло. Спросишь Карра. Просто Карра.

МАТРОС: (*Орёт.*)

Мы парни. Из Вексфорда.

РЯДОВОЙ КОМПТОН: Так просто! А старший сержант почём?

РЯДОВОЙ КАРР: Беннет? Он мой друг. Я люблю старину Беннета.

МАТРОС: (*Орёт.*) Цепь рабства. За свободу родной земли.

(*Он шатается дальше, волоча их за собой. Цвейт останавливается в замешательстве. Пёс приближается, запыхавшись, вывалив язык наружу.*)

ЦВЕЙТ: Диких гусей так и тянет туда. Дома разврата. Бог знает, куда они удрыгали. Пьяные покрывают расстояние в два раза быстрее. Веселая компашка. Устроили на Вестландском вокзале.

Заскакивают в первый класс с билетами третьего класса. А уже отправление. Паровоз позади состава. Мог завезти меня в Малахайд, или в тупик на ночь, если не в крушение. Всё потому, что я выпил ещё и ту, вторую. Один раз – самое оно. И зачем я увязался за ним? Все ж, он лучший среди всех этих. Не скажи она мне про м-с Пурфо, я бы не зашёл и не встретил бы. Кисмет. Плакали все его денежки. Тут спецы по облегчению. Легкая добыча бродячим торговцам. А мне-то что за дело? Разом привалило, разом и спустит. Чуть не расстался с жизнью под той звякорельсофародуготелегой, но вывернулся. Хотя от всех напастей не упастись. Если б я в тот день шёлмимо окон Трулока на две минуты позже, то нарвался бы на выстрел. Отсутствие телесных. Все равно, если пуля хотя бы зацепила мой пиджак, возмещение за шок, пять сотен фунтов. Что он такое? Выликосветник из клуба на Килдар-Стрит. Господи, упаси его загонщиков дичи. (*Он, всматриваясь, прочитывает на стене надпись МОЧЁНАЯ МЕЧТА и набросок фаллоса.*) Странно! Молли рисовала на замёрзшем окне вагона в Кингстауне. На что смахивает?

(Размалёванные кукло-женщины колышутся в освещённых проёмах дверей, затягиваясь тонкими сигаретами. Аромат дурманно приторного табака плывёт к нему медленными, округло овальными клубами.)

КЛУБЫ: Сладки услады. Услады греха.

ЦВЕЙТ: До чего спина ноет. Дальше, или вернуться? Разве это еда? Съешь, а потом потеешь жиром. Глупость сморозил. Деньги на ветер. Один и восемь пенсов перерасхода. (*Ищейка жмётся холодной слюнявой мордой к его руке, виляя хвостом.*) Странно, до чего они ко мне липнут. Даже тот псина, сегодня. Лучше заговорить с ней, для начала. Они вроде женщин – любят *recontres*. Смердит, как скунс. *Chucun son gout*. Может и бешеная. Фидо. И движения какие-то, не того. Хороший пёсик! Герриовен! (*Волкодав распластывается на спине, похабно дрочясь просящими лапами, его длинный чёрный язык болтается снаружи.*) Сказывается влияние среды. Дам, чтоб отстал. Никто ж не кормит. (*Бормоча подбадривающие слова, он неловко

пятится увильчивым браконьерским шагом, с юлящим вокруг него сеттером, в тёмный провонялый закоулок. Разворачивает один из пакетов, чтобы мягко обронить свиную ножку, но спохватывается и ощупывет баранью.) Увесиста для трех пенсов. Впрочем, держу-то в левой. В ней тяжелее. Почему? Реже упражняем, вот и слабей. А, да пусть пропадает. Два и шесть. (*С сожалением он роняет развёрнутые свиные ножки, а заодно баранью. Мастиф неловко тычется в добычу и пожирает, хрустя костьми и рыча от жадности. Два стража в дождевиках подходят, безмолвные, неусыпные. Они бормочут в один голос.*)

СТРАЖИ: Цвейт. От Цвейта. Цвейту. Цвейт. (*Каждый кладёт руку на плечо Цвейта.*)

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Пойман с поличным. Не рыпайся.

ЦВЕЙТ: (*Заикаясь.*) Я творю добро ближним.

(*Стая чаек, буревестники, взлетает голодно из слякоти Лиффи с печеньями Бенбери в клювах.*)

ЧАЙКИ: Кау кейв кенкери кекенье.

ЦВЕЙТ: Друг человека. Дрессировка лаской.

(*Он указывает. Боб Доран, спешась с высокого сиденья у стойки, покачивается над жующим спаниелем.*)

БОБ ДОРАН: Псина. Дай-ка нам лапу. Лапу дай.

(*Бульдог рычит, вздыбя загривок, через прожёванную свиную кость меж его клыков сбегает пенистая, как при бешенстве, слюна. Боб Доран беззвучно валится в кювет.*)

ВТОРОЙ СТРАЖ: Пресечение бесчеловечного обращения с животными.

ЦВЕЙТ: (*С воодушевлением.*) Добро ближним! На мосту Харольд-кросс я отчитал трамвайного кучера, который истязал несчастную лошадью, стегал по её болячкам. А мне, за все старания, лишь брань в ответ. Оно, конечно, подмораживало и это был последний трамвай. Сведения о жизни цирка подрывают всякие моральные устои.

(*сеньор Маффи, бледный от страсти, в костюме укротителя львов, с усыпанной бриллиантами манишкой, выступает вперёд,*

держа затянутый бумагой цирковой обруч, волнистый бич и револьвер, которым он покрывает аппетитную гончую.)

сеньор МАФФИ: (*С негодяйской ухмылкой.*) Леди и джентельмены, перед вами серая гончая дрессированная мною. Именно я объездил брыкливого дикого Аякса, применив моё патентованное седло с шипами для прокола плоти. Затягивается под брюхом подпругой с узелками. Трос на блоке плюс удавка заставят вашего льва стоять на задних, каким бы ни был он задирой, будь то хоть сам *Leo ferox,* ливанский людоед. Раскалённый железный прут и особое втирание в места ожога создали Фрица из Амстердама, мыслящую гиену. (*Он таращится.*) Я обладаю индейским тотемом. Блеск моих глаз вызывает сверкание этих нагрудноблёсток. (*С охмуряющей улыбкой.*) Теперь, представлю вам мадмуазель Рубин, украшение кольца арены.

ПЕРВЫЙ СРАЖ: Раскалывайся. Имя и адрес.

ЦВЕЙТ: Только что из головы вылетело. Ах, да! (*Снимает свою великосветскую шляпу в приветствии.*) Д-р Цвейт, Леопольд, зубной хирург. Доводилось вам слышать про фон Цвейт-Пашу? Ымнадцать миллионов. *Donnerwetter*! Владеет половиной Австрии и Египта. Это мой кузен.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Улика.

(*Карточка выпадает из-под кожаной ленты на шляпе Цвейта.*)

ЦВЕЙТ: (*В красной феске, в одеянии кади с широким зёленым кушаком, с фальшивым значком Ордена Почётного Легиона, подымает торопливо карточку и подаёт.*) Позвольте мне. Мой клуб: Юная Армия и Флот. Адвокаты: г.г. Джон Генри Ментон, Бачлор Бульвар, 27.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: (*Читает.*) Генри Цветсон. Без определённого места жительства. Противозаконное подглядывание и растление.

ВТОРОЙ СТРАЖ: Алиби. Не то – хуже будет.

ЦВЕЙТ: (*Из кармана на сердце достаёт смятый жёлтый цветок.*) Подразумевался этот цвет. Передан мне человеком, чьё имя мне неизвестно. (*С приятностью.*) Слыхали ту старинную шутку: роза

Рима? Цвейт. Переиначенная фамилия Виреж. (*Он переходит на доверительное бормотанье, секретничая.*) Тут, понимаете, помолвка, сержант. Речь о даме. Хитросплетение любви. (*Слегка подпихивает плечом второго стража.*) Всё по фигу. Так уж мы, флотские удальцы, смотрим на эту хрень. Весь фокус в форме. (*Торжественно оборачивается к первому стражу.*) Но, конечно, порою с каждым случается своё Ватерлоо. Заходите как-нибудь вечерком, разопьём фужер-другой Бургундского. (*Второму стражу, игриво.*) Я вас представлю, инспектор. Она знает толк. Управится скорей, чем ягнёнок хвостиком махнёт.

(*Тёмное ртутированное лицо появляется, ведя фигуру под вуалью.*)

ТЁМНАЯ РТУТЬ: На него объявлен розыск. Отчислен из армии.

МАРТА: (*Под густой вуалью, вокруг шеи малиновая бархотка, указывая затиснутым в руке номером ИРЛАНДСКИЕ ТАЙМЗ, укоризнено.*) Генри! Леопольд! Леопольд! Заблудший Лионел! Очисть моё имя.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: (*Нахраписто.*) Пройдем-ка.

ЦВЕЙТ: (*В испуге охлобучивается шляпой и делает шаг назад затем, хватаясь за сердце, подаёт знак принадлежности к братству.*) Нет, нет, досточтимый мастер, светоч любви. Ошибка при опознании. Переписка Лайонза. Лежурк и Дубоч. Помните братоубийственное дело Чайлдза. Между нами медиками. Он был насмерть зарублен топориком. На меня возвели напраслину. Лучше избежит один виновный, чем девяносто девять незаслужено покараны.

МАРТА: (*Рыдая под вуалью.*) Нарушение обещания. Моё настоящее имя Пегги Грифин. Он писал мне, что так несчастен. Я пожалуюсь брату, он регбист-нападающий, будешь знать, флиртун бессердечный.

ЦВЕЙТ: (*Прикрывшись рукой.*) Она пьяна. Эта женщина в нетрезвом состоянии. (*Он неотчетливо бормочет пароль Ефраимова колена.*) Щипбалет.

ВТОРОЙ СТРАЖ: (*Со слезами на глазах, Цвейту.*) Вы, наверняка, чистосердечно раскаиваетесь.

ЦВЕЙТ: Господа присяжные, позвольте объясниться. Тут сплошное гнездо кобылы. Я недоразумительный человек. Из меня делают козла отпущения. А ведь я почтенный замужний мужчина с безукоризненной репутацией. Проживаю на Эклес-Стрит. Моя жена, как и я, дочь выдающегося командира; доблестный простодушный джентельмен, как там его, генерал-майор Брайан Твиди, один из вояк Британии, что ковал баталии наших побед. Удостоен звания майора за героическую оборону Руркова сугроба.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Полк?

ЦВЕЙТ: (*Оборачивается к залу.*) Королевский Дублинский, ребята, соль земли. Известен всему миру. Сдается мне, примечаю тут кое-кого из соратников по оружию. К.Д.П. Наряду с нашей столичной полицией, хранителями наших домов, самые бравые парни, и физически как на подбор, на службе нашему суверену.

ГОЛОС: Переметчик! Молодцы буры! Кто улюлюкал на Джо Чемберлена?

ЦВЕЙТ: (*Его рука на плече первого стража.*) Мой старик-отец тоже был мировым судьёй. Я не менее истый британец, чем вы, сэр. Сражался с цветными за короля и державу в странной войне под командованием генерала Гоу, в парке, получил контузии при Слайн Коле и Блюмфонтайне, поминался в реляциях. Я не уронил чести белого. (*Негромко, но прочувствованно.*) Джим Бладсо. Направь-ка её дулом к берегу.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Профессия или ремесло.

ЦВЕЙТ: Ну, я подвизаюсь на литературном поприще. Писатель-журналист. Вобщем, мы как раз издаём сборник боксёрских рассказов, все придуманы мною; абслютно оригинальное начинание. У меня широкие связи с британской и ирландской прессой. Стоит вам позвонить.

(*Майлз Крофорд подёргиваясь вышагивает вперёд, меж зубов зубочистка. Его алый клюв полыхает в ореоле соломеной шляпы-*

канотье. Он размахивает вязкой испанского лука в руке, удерживая в другой телефонную трубку дулом к уху.)

МАЙЛЗ КРОФОРД: (*Его петушиная бородка болтается.*) Алло, семьдесят семь, восемь четыре. Алло. НЕЗАВИСИМЫЙ ЗАПИСЯНЫЙ и ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖОПОТЁР на проводе. Парализует Европу. Вы что? Синесумки? Кто пишет? Это Цвейт?

(*М-р Филип Бюфо, бледнолице стоит за барьером для свидетелей в аккуратном деловом костюме, из нагрудного кармана выглядывает уголок носового платка; наутюженные лавандовые брюки и кожаные ботинки. Он держит большой портфель с ярлыком МАСТЕРСКИЕ УЛОВКИ МЕТЧЕМА.*)

БЮФО: (*Врастяжку.*) Нет, вы – нет, и близко нет, насколько вижу. Ни малейших признаков, это абсолютно сапоги всмятку. Никто из джентельменов по натуре, имеющих хотя бы рудиментарные признаки джентельменства, не скатится до столь сверхскотского поведения. Это образчик иной породы, ваша честь. Плагиатор. Скользкий прохиндей под личиной литератора. Прекрасно ясно, что он, с полнейше унаследованным хамством, списал те из моих книг, что идут нарасхват; истинно роскошные, ювелирно отточенные вещицы, где эротические пассажи ниже подозрения. Книги Бюфо о любви и Прекрасных Властительницах, несомненно, знакомы вашей чести, они у всех на слуху, по всему королевству.

ЦВЕЙТ: (*Бормочет исподтишка.*) Тот рассказик про ведьму-хохотунью, которая рука об руку, я бы исключил, с вашего позволения…

БЮФО: (*Дернув губой в высокомерной усмешке к суду.*) Ты шутовской осёл и больше ничего! Нет слов, чтоб передать твое скотоуродство! И не слишком-то тщись на этот счёт. Мой литературный агент Дж. Б. Пинкер в полной готовности. Полагаю, ваша честь, нам причитается обычный свидетельский гонорар, не так ли? Нас ощутимо ударил по карману этот фофан-печатноман, эта щипанная ворона Геймса, который и в университете-то не бывал.

ЦВЕЙТ: (*Невнятно.*) Университеты жизни. Гнусное занятие.

БЮФО: (*Вопит.*) Столь грязная инсинуация полностью выказывает моральную гнилость этого человека! (*Он протягивает свой портфель.*) У нас тут дьявольские доказательства, *corpus delicti*, ваша честь, экземпляр самой зрелой из моих работ изувеченной отметинами этого выродка.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА:

Царь евреев Моисей, Моисей,
Зад подтер страницей ДЕЙЛИ НОВОСТЕЙ

ЦВЕЙТ: (*С вызовом.*) Натужно.

БЮФО: Ты хамлюга! Тебя следовало б окунуть в лошадиную лужу, гниляк! (*К суду.*) Вы посмотрите на частную жизнь этого человека. Ведёт расчетверённый образ жизни. Ангел на улице, а дома буйный демон. Неприлично уточнять при дамах. Архи-интриган века.

ЦВЕЙТ: А вот он холостяк, как и ...

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Корона против Цвейта. Вызовите женщину Дрискол.

ГЛАШАТАЙ: Мэри Дрискол, служанка-уборщица.

(*Мэри Дрискол, шлёпанценогая девушка-прислуга, приближается. На сгибе руки у неё ведро, в другой руке швабра-щётка.*)

ВТОРОЙ СТРАЖ: Ещё одна! Ты из класса обездоленых?

МЭРИ ДРИСКОЛ: (*Возмущенно.*) Я не порченая! У меня хорошая рекомендация и на последнем месте я проработала четыре месяца. Мне полагалось шесть фунтов в год и выходной по пятницам, а пришлось уйти из-за его обхаживаний.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Что вы ему предъявляете?

МЭРИ ДРИСКОЛ: Он делал определённые предложения, но я про себя лучшего мнения, хоть и бедная девушка.

ЦВЕЙТ: (*В домашнем стёганном пиджаке, фланелевые брюки, тапочки без задников; небрит, волосы чуть всклочены.*) Я обращался

с тобой по-хорошему. Сделал подарок на память: шикарные изумрудистые подвязки, намного выше твоего общественного положения. Неосмотрительно заступался, при уличении тебя в краже. Надо же и честь знать. Играй по правилам.

МЭРИ ДРИСКОЛ: Как Господь видит меня сейчас, если я трогала те устрицы!

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: В чём жалоба? Что произошло?

МЭРИ ДРИСКОЛ: Он приставал ко мне сзади, ваша честь, утром, когда мисус вышла за покупками, приобрести безопасную булавку. Он меня облапил и в результате остались следы в четырёх местах. И ещё привел в беспорядок мою одежду.

ЦВЕЙТ: Она контратаковала.

МЭРИ ДРИСКОЛ: (*Презрительно.*) Я уважать себя заставила благодаря швабре, вот как. Я воспротивилась ему, ваше лордство, и он проварнякал: "Смотри, не вздумай разболтать!"

(*Общий хохот.*)

ДЖОРДЖЕС ФОТРЕЛ: (*Клерк правосудия, гулко.*) К порядку в зале! Сейчас обвиняемый сделает лживое заявление.

(*Цвейт, заявив о невиновности и держа распустившуюся водную лилию, начинает длинную невразумительную речь, что пусть бы они послушали то, что имеет сказать адвокат в своём берущем за душу обращении к присяжным. Совсем пропащий и всеми брошенный, пусть даже с клеймом чёрной, если можно так выразиться, овцы, он всё-таки хотел бы измениться, загладить память о прошлом и вернуться в лоно, чисто по-сестрински, природы, как истинно домашнее животное. Рождённый семимесячным, он был взлелеян и вскормлен прикованным к постели родителем. Возможно, часть вины лежит на промахах заблудшегося отца, но так хочется начать с новой страницы и теперь, когда наконец-то вдали завиднелось наказание, повести тихую жизнь и приникнуть, на закате своих дней, к любящим близким, вздыхающей груди семьи. Акклиматизированый британец, он оглядывается на тот летний вечер с подножки вагона железнодорожной компании Объездного пути, под дождём, стараясь*

не заглядывать на ходу, всяко ж бывает, в окна преисполненных любви семейных очагов города Дублина и пригородных районов, со сценами истинно буколического счастья, лучшего на земле, с обоями Докрела по одному и девять пенсов за дюжину; невинные британоурождённые малышата шепелявят молитвы Святому Младенцу, младые школяры корпят над своими заданиями, образцовые юные дамы играют на роялях, а то и все вместе, с воодушевлением, над семейным часословом, подле потрескивающего камина, в час когда по переулкам и зелёным улочкам прохаживаются девчата со своими ухажёрами, звучат мелодии органнозвучного мелодеона Британния, уголки с металлообивкой, четыре регистра и меха в двенадцать складок, благотворительный вклад, покупка – выгоднее не бывает...)

(*Хохот возобновляется. Он бессвязно бормочет. Репортёры жалуются, что им ничего не слышно.*)

СТЕНОГРАФ И СТЕНОЛАЗ: (*Не отрывая глаз от своих блокнотов.*) Расшнуруйте ему ботинки.

ПРОФЕСОР МАКХУГ: (*От стола прессы, поперхнувшись, выкрикивает.*) Выкашливай всё, приятель. Давай в деталях.

(*Проводится очная ставка между Цвейтом и ведром. Большое ведро. Цвейт, вокруг никого. Нелады с пузырём. На Бивер-Стрит. Прикрутило, да. Ещё как. Ведро штукатурное. Уже шёл, как на ходулях. Не сгибая ног. Жуткая агония. Около полудня. Любовь или бургундское. Да, немного шпината. Критический момент. Он не заглядывал в ведро. Никто. Скорее на месиво. Не совсем. Задняя страница ЛАКОМЫХ КУСОЧКОВ.*)

(*Рёв и улюлюканье. Цвейт в драном сюртуке выпачканном извёсткой, на голове сбитая на бок шёлковая шляпа, полоска лейкопластыря поперёк носа, не разобрать кто что и о чём.*)

ДЖ. ДЖ. О'МОЛЛОЙ: (*В сером парике заседателя и мантии, говорит наболевше-негодующим голосом.*) Здесь не место для непристойного словоблудия насчёт сбившегося с пути смертного под влиянием винных паров. Мы не на медвежьих боях и не на

оксфордском регби, и вам тут вам не карикатура на правосудие. Мой подзащитный – младенец, бедный иностранный иммигрант, который пустился в путь зайцем и теперь пытается зашибить честный грош. Раздуваемый злопыхателями проступок явился следствием мгновенного, вызванного галлюцинацией, отклонения наследственности; вольности, подобные вменяемого ему в вину проишествия, вполне в порядке вещей на родине моего клиента, в земле Фараона. *Prima facia*, я заявляю вам, что в данном казусе и близко не было попытки плотского познания. Интим не состоялся и правонарушение, обжалованное Дрискол как посягательство на попрание её чести, не повторялось. Я делаю особый упор на атавизм. В семье моего клиента отмечались случаи кораблекрушений и сомнамбулизма. Если бы обвиняемый умел говорить, то поведал бы одну из удивительнейших историй, когда-либо излагавшихся меж книжных обложек. Сам он, ваша честь, физический калека от слабогрудия. Суть аппеляции в том, что, происходя от монголоидной экстракции, он не отвечает за свои действия. Фактически, не все дома.

ЦВЕЙТ: (*С куриной грудью, в рубахе и штанах аскера, босиком – пальцы ног просительно подвернуты; раскрывает узкие щёлки своих глаз и в беспамятстве озирается, медленно проводя ладонью вдоль лба. Потом вздёргивает свой пояс на матросский манер и поклоном восточной покорности приветствует суд, указывая большим пальцем в небо.*) Он сделиит осинь сильна холёси ночь.

(*Ни с того ни с сего начинает петь.*)

Мали бедни мали мальсик
Свиню ноську
Казди вецил плиносиля
Плятиля два силинг...

(*Его зашикивают.*)

ДЖ. ДЖ. О'МОЛЛОЙ: (*Разгневанно к публике.*) Вот как? Все на одного. Клянусь Аидом, я не позволю своре шавок и хохочущих гиен затыкать рот кому-либо из моих клиентов и подвергать их травле. Закон Моисея превыше закона джунглей. Я заявляю и весьма членораздельно, поскольку у меня и мысли нет посягнуть на цели правосудия: обвиняемый ни к чему не причастен, а истица не подверглась принуждению. По отношению к юной особе, он вёл себя как если б она была ему дочь родная. (*Цвейт ловит руку Дж. Дж. О'Моллоя и подносит её к своим губам.*) Я выдвигаю неопровержимо встречное доказательство обличающее тайную руку, которая опять принялась за свои прежние игры. Коль даже на Цвейта возвели напраслину. Мой клиент – человек прирождённой застенчивости, он более чем неспособен на не-джентельменский поступок, типа подмочить скромность, или бросить камень в девушку и без того уже сбитую с пути, когда какой-то подлец, используя её зависимое положением навязал свою волю бедняжке. Он жаждет исправиться. Несомненно, это человек самой непревзойдённой белизны из всех, кого я знаю. В данный момент, он пребывает в стеснённых обстоятельствах, производя выплаты за свою обширную собственность в Ажендат Нетайме, в далекой Малой Азии. Сейчас будут представлены слайды. (*Цвейту.*) Полагаю, у вас набежит неплохой оборот.

ЦВЕЙТ: Пенни с фунта.

(*Мираж озера Килмерет со смазанным стадом, пасущимся в серебристой дымке, направлен на стену. Мозес Длугач, хорькоглазый альбинос в синих джинсах, встаёт посреди зала, держа в каждой руке по оранжевому апельсину в комплекте со свиной почкой.*)

ДЛУГАЧ: (*Хрипло.*) Бляйбтройштрассе, Берлин, В-13.

(*Дж. Дж. О'Моллой вступает на невысокий пьедестал и торжественно берётся за лацканы своего пиджака. Его лицо удлиняется, превращаясь в бледное бородатое лицо Джона Ф. Тейлора, с ввалившимися глазами, чахоточными пятнами и*

лихорадочно сухими скулами. Он прикладывает свой платок ко рту и осматривает неудержимый выплеск розоватой крови.)

ДЖ. ДЖ. О'МОЛЛОЙ: (*Почти без голоса.*) Простите, я страдаю жестокой простудой, только что поднялся с одра болезни. Позвольте пару отборных слов. (*Он приобретает птичью голову, лисьи усы и слоновье красноречие Сеймура Буше.*) И коль откроем ангельскую книгу, хотя бы на чуть-чуть, что возвестила задумчивым челом душеизменчивость и душепеременность то, говорю я, заслуживает жить священная привилегия подсудимого на сомнение. (*Бумага с чем-то на ней написанным передается суду.*)

ЦВЕЙТ: (*В придворном костюме.*) Представлены наилучшие отзывы. Г.г. Келлен, Колман. М-р Виздом Хелис. Мой бывший шеф Джо Кафф. М-р В. Б. Дилон, экс-лорд-мэр Дублина. Я вращался в чарующем кругу высокороднейших Королев Дублинского Общества. (*Беззаботно.*) Не далее как сегодня я болтал в вице-королевской резиденции с моими добрыми приятелями, сэром Робертом и леди Болл, и с королевским астрономом, на приёме. Послушайте, сэр Боб, говорю я ему...

М-С ЙЕЛВЕРТОН БАРРИ: (*В опаловом бальном платье с низким корсажем и в перчатках до локотей цвета слоновой кости; в волосах гребешок с бриллиантами и султанчик плюмажа.*) Арестуйте его, констебль. Он прислал мне анонимное письмо с наклоном почерка влево, когда мой муж был в Северном Райдинге Типперери с инспекционным объездом Мунстера, с подписью Лавберч. В письме он сообщал, что, по милости богов, сподобился обозревать мои бесподобные глобусы, когда я сидела в ложе КОРОЛЕВСКОГО ТЕАТРА на представлении *La Cigala,* по королевскому соизволению. Я, как он выразился, глубоко его воспламенила. Далее следовали неблаговидные предложения, склонявшие меня к неподобающему поведению в ближайший вторник в половине пятого, по местному времени. Он также предлагал переслать мне по почте художественное произведение мсье Поля де Кока под названием ДЕВИЦА С ТРЕМЯ КОРСЕТАМИ.

М-С БЕЛИНГХЕМ: (*В шапочке и котиковой пелерине, закутанная до самого носа, соступает из своего экипажа и всматривается через лорнет в черепаховой оправе, который вынула из своей огромной оппосумовой сумки.*) И мне всё то же самое. Да, по-моему, именно этот мерзавец. Из-за того, что придержал дверцу моего экипажа возле дома сэра Торлея Стокера в гололедицу, в период резкого похолодания в феврале девяносто третьего, когда обледенела даже решетка сливной трубы и запирающий шарик моей банной цистерны. Вскоре после, был прислан конверт с цветком эдельвейса, сорванным, по его заверениям, в мою честь на горной вершине. Консультация с экспертом ботаники поставила меня в известность, что это цветки домашнего картофеля, похищенные из теплицы опытной фермы.

М-С ЙЕЛВЕРТОН БАРРИ: Позор ему!

(*Толпа потаскушек и подонков высыпает вперёд.*)

ПОТАСКУШКИ И ПОДОНКИ: (*Визжат.*) Держи вора! Ура Синей бороде! Троекратно Изику Моше!

ВТОРОЙ СТРАЖ: (*Достает наручники.*) А вот и браслетики.

М-С БЕЛИНГХЕМ: Он прислал на мой адрес несколько записок с комплиментами, называя меня Венерой в мехах, и выражал глубокое сочувствие моему кучеру Балмеру, который ждал меня в такой мороз, имея, впрочем, отличные наушники и шубу, а главное – счастье быть приближённым к моей особе, стоять позади моего стула, носить мою ливрею с гербовыми знаками: Белингхемовский щит удерживаемый соболем, в центре поля голова лося в профиль. Он весьма экстравагантно превозносил мои нижние конечности, полноту моих икр в шёлковых до предела растянутых чулках, и пылко восхвалял мои прочие сокровища сокрытые в бесценных кружевах что, по его словам, не помеха его воображению. Он умолял меня о снисхождении и заверял, что цель всей его жизни побудить меня к осквернению брачного ложа и совершить прелюбодеяние при первой же удобной возможности.

ДОСТОЧТИМАЯ М-С МЕРВИН ТЕЛБОЙЗ: (*В костюме амазонки: твердая шляпка, сапожки со шпорами, замшевые мушкетёрские перчатки с плетёными застёжками, придерживает свой длинный шлейф, непрестанно прихлопывая охотничьим хлыстом.*) И мне всё то же самое. После того как увидал меня на стадионе в Феникс-Парке, на матче по поло Вся Ирландия против Остальной Ирландии. Естественно, мои глаза божественно сияли, когда я любовалась заключительным победным броском капитана Слоггера Деннеги из Иннискиллинга на его прекрасном жеребчике Кентавр. Этот плебейский Дон Жуан разглядывал меня из-за наёмной коляски, и впоследствии прислал мне в двойном конверте фотографию скабрезного толка, из тех, что продаются, как стемнеет, на бульварах Парижа, оскорбительные для всякой дамы. Снимок до сих пор у меня. Там изображена частично обнаженная сеньорита (*его жена, клятвенно заверял он, снятая им на природе*) в порочной позе сношения с мускулистым тореодором негодяйской наружности. Он склонял меня к подобному же поведению, к распутству и блуду с офицерами местного гарнизона. Он также умолял меня осквернить его письмо, я не могу повторить каким именно образом, причинить ему боль, усесться верхом и скакать на нём, хлеща как жеребца.

М-С БЕЛИНГХЕМ: Точь-в-точь как и мне.

М-С ЙЕЛВЕРТОН: И мне – слово в слово.

(*Несколько высокочтимых дублинских дам вскидывают неблаговидные письма полученные ими от Цвейта.*)

ДОСТОЧТИМАЯ М-С МЕРВИН ТЕЛБОЙЗ: (*Топает, призвякивая шпорами, в неудержимом пароксизме нахлынувшего гнева.*) Что я и сделаю, клянусь Всевышним! Исполосую эту размазню, эту козявку – с живого не слезу. Запорю!

ЦВЕЙТ: (*Закрыв глаза обмякает в предвкушении.*) Прямо здесь? (*Ёлзается.*) Ещё! (*Похотливо дышит.*) Обожаю опасность.

ДОСТОЧТИМАЯ М-С МЕРВИН ТЕЛБОЙЗ: Мало не будет! Выпишу под завязку! Ты у меня попляшешь Джека Латтена.

М-С БЕЛИНГХЕМ: Расквась тыльные части пошляку! Размалюй в полоски со звездами.

М-С ЙЕЛВЕРТОН БАРРИ: Позорище! Какая беспардонность! Женатый мужчина!

ЦВЕЙТ: Тут же люди! Я имел ввиду отшлепать. Докрасна, но без кровоподтеков. Изощрённое постёгивание для стимуляции обращения.

ДОСТОЧТИМАЯ М-С МЕРВИН ТЕЛБОЙЗ: (*С презрительным смешком.*) Даже так, моя прелесть? Богом клянусь, получишь сюрпризик на всю жизнь, так вздую, что жизнь на волоске повиснет. Ты разъярил дремавшую во мне тигрицу.

М-С БЕЛИНГХЕМ: (*Потрясая своей муфтой и лорнетом; мстительно.*) Всыпь ему похлеще, Анна, дорогая. Задай перцу. Забей этого пса до полусмерти. Девятихвостой кошкой. Кастрируй. Сделай ему вивисекцию.

ЦВЕЙТ: (*Сокрушённо тушуясь, заламывает руки с умильной миной.*) Бросает в холод! Весь трепещу! Всё из-за вашей небесной красоты. Забудьте. Молю о прощении. Кисмет. Простите мне на этот раз. (*Он подставляет другую щеку.*)

М-С ЙЕЛВЕРТОН: (*Ожесточённо.*) Ни в коем случае, м-с Телбойз. Разделайте его под орех.

ДОСТОЧТИМАЯ М-С МЕРВИН ТЕЛБОЙЗ: (*В бешенстве расстегивает свою перчатку.*) Ещё бы! Свинья собачья – с тех пор как был ещё щенком. Посмел ко мне обратиться! Навешаю ему синяков прямо на улице, при всём народе. Всажу в него шпоры по самые колесики. Это же всем известный рогоносец-подкукушник. (*Она разъярённо сечёт воздух своим охотничим хлыстом.*) Хватит терять время, сдёрните с него брюки. Приблизьтесь, сэр! Быстрее! Начнём?

ЦВЕЙТ: (*Дрожа, начинает повиноваться.*) Погода была такой тёплой.

(*Дейви Стивенс в кудряшках, проходит мимо со стайкой босых мальчишек-газетчиков.*)

ДЕЙВИ СТИВЕНС: А вот КУРЬЕР СВЯЩЕНОГО СЕРДЦА и ВЕЧЕРНИЙ ТЕЛЕГРАФ с приложением ко дню Св. Патрика. Свежайший список адресов всех рогатых подкукушников Дублина.

(*Наипреподобнейший Кенон О'Хенлон в золотой накидке подъемлет и возносит мраморные часы. Пред ним отец Конрой и преподобный Джон Хьюгс, О. И., склоняются низко.*)

ЧАСЫ: (*обличающе.*)

Кукуу
Кукуу
Кукуу

(*Слышится бряцание латунных колечек кроватной сетки.*)

КОЛЕЧКИ: Дзиньдзяк. Дзигадзяга. Дзигдзяк.

(*Полоса тумана взвивается, открыв на скамье присяжных лица Мартина Канинхема в шёлковой шляпе предводителя, Джека Повера, Саймона Дедалуса, Тома Кернана, Неда Ламберта, Джона Генри Ментона, Майлза Крофорда, Лениена, Педди Леонарда, Носача Флинна, М'Коя, и безликое лицо Безымянного.*)

БЕЗЫМЯННЫЙ: Голоспинные скачки. Е-бо, он её сорганизовал.

ПРИСЯЖНЫЕ: (*Все разом оборачивают головы на его голос.*) Точно?

БЕЗЫМЯННЫЙ: (*С фырком.*) Зад прозакладую. Сто шиллингов против пяти.

ПРИСЯЖНЫЕ: (*Согласно опуская головы.*) Большинство из нас того же мнения.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Его приметы. Ещё у одной девушки отрезана коса. В розыске: Джек-Потрошитель. Объявлена награда в тысячу фунтов.

ВТОРОЙ СТРАЖ: (*Потрясенно, шепотом.*) Да к тому же в чёрном. Мормон. Анархист.

ГЛАШАТАЙ: Поскольку Леопольд Цвейт, без определённого места жительства, является известным бомбометателем, фальшивомонетчиком, двоежёнцем, растлителем и подкукушником-рогоносцем, он всенародно отринут гражданами Дублина и поскольку на данном заседании суда наипочтеннейших присяжных...

(*Его честь сэр Фредерик Фалкинер, регистратор Дублина, в судебном одеянии из серого гранита, подымается с места, каменнобородый. В руке у него зонтик-скипетр. Изо лба дыбятся Моисеевы баранорога.*)

РЕГИСТРАТОР: Я прикрою эту торговлю белыми рабами, Дублин избавится от этой махровой заразы. Скандал! (*Он одевает чёрную шляпу.*) М-р Помощник Шерифа, распорядитесь забрать его со скамьи подсудимых, где он в данный момент пребывает, для препровождения в тюрьму Монтджей, дабы там, по воле Его Величества, он был повешен за шею до полной смерти, и да не избежит он сего приговора, вам на погибель, иначе – да смилуется Господь над вами. Убрать его.

(*Чёрный колпак опускается на его голову.*)

(*Длинный Джон Феннинг, Помощник Шерифа, является, затягиваясь едким дымом своей сигары.*)

ДЛИННЫЙ ДЖОН ФЕННИНГ: (*Хмурясь, выкрикивает зычно-раскатисто.*) Кто повесит Иуду Искариота?

(*Г. Румбольд, мастер-парикмахер, в фартуке дубильщика и куртке кровавого цвета, на плече верёвка кольцами, усаживается верхом на перекладину; из-за пояса торчит кистень и утыканная гвоздьми дубина. Он мрачно потирает скрюченные руки с кастетами на пальцах.*)

РУМБОЛЬД: (*Регистратору с негодяйской фамильярностью.*) Мною повешен был Гарри, ваше величество, Мерсейский Злодей. Пять гиней с шеи. Шею или ничего.

(*Колокола храма Георгия мерно бьют, громовое чёрное железо.*)

КОЛОКОЛА: Хейго! Хейго!

ЦВЕЙТ: (*Истошно.*) Стойте! Подождите! Чайки. Доброе сердце. Я видел. Невинность. Девушка в обезьяньей клетке. Зоопарк. Похотливые шимпанзе. (*Бездыханно.*) Тазобедренная. Её безыскусный румянец завёл меня. (*Преисполнясь чувством.*) Я покидаю пределы. (*Он оборачивается к фигуре в толпе.*) Гайнс, можно тебе пару слов? Ты ж меня знаешь. Те три шиллинга оставь себе. Если хочешь малость ещё…

Гайнс: (*Холодно.*) Я вас знать не знаю.

ВТОРОЙ СТРАЖ: (*Указывая в угол.*) Там бомба.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Адская машинка с часовым механизмом.

ЦВЕЙТ: Нет, нет. Свиная ножка. Я был на похоронах.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: (*Вскидывая дубинку.*) Врёшь! (*Борзая подымает голову, являя парадонтозное лицо Педди Дигнама. Он уже всё сгрыз и в его дыхании смрад нажравшегося гнилой падали. Он возрастает до человеческих размеров и очертаний. Его экстерьерова шерсть превращается в коричневый саван мертвеца. Взблескивает, налившись кровью, зеленоватый глаз. Половина уха, весь нос и оба больших пальца обглоданы монстром-гулем, пожирателем трупов.*)

ПЕДДИ ДИГНАМ: (*Глухим голосом.*) Всё правда. Хоронили меня. Доктор Финкейн констатировал отсутствие жизни, когда я скончался по болезни от естественных причин.

(*Он задирает своё пепельное изувеченное лицо к луне и скорбно лает.*)

ЦВЕЙТ: (*С триумфом.*) Слыхали?

ПЕДДИ ДИГНАМ: Цвейт, я дух Педди Дигнама. Услышь, услышь, О, услышь!

ВТОРОЙ СТРАЖ: (*Крестится.*) Возможно ли такое?

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Это не грошовый катехизис.

ПЕДДИ ДИГНАМ: Через метемпсихоз. Привидения.

ГОЛОС: О, пропасть!

ПЕДДИ ДИГНАМ: (*Задушевно.*) Когда-то я был служащим у м-ра Дж. Г. Ментона, адвоката по делам обязательств и письменных свидетельств, Бачлор Бульвар, 27. Теперь я покойник, гипертрофия

стенки сердца. Тяжелый случай. Жуткий удар для жены. Оправится ли? Держите её подальше от той бутылки с ликёром. (*Он озирается.*) Столб. Меня тянет справить животную нужду. То снятое молоко взыграло.

(*Дородная фигура Джона О'Коннела, кладбищенского сторожа, выдвигается вперёд, держа повязанную крепом связку ключей. Рядом с ним стоит отец Гроуб, капеллан жабобрюхий, кривошеий, в епитрахили и цветастом ночном колпаке, сонно держа жезл из скрученных маков.*)

ОТЕЦ ГРОУБ: (*Зевает, затем читает с хрипотцой.*) *Namine, Jacobs vobiscuits*. Аминь.

ДЖОН О'КОННЕЛ: (*Напористо орёт через мегафон.*) Дигнам, Патрик Г., покойный.

ПЕДДИ ДИГНАМ: (*Навострив уши, отшатывается.*) Обертона. (*Он крадётся вперёд, прикладывает ухо к земле.*) Голос хозяина!

ДЖОН О'КОННЕЛ: Похоронная регистрационная запись номер Э.Х. восемьдесят пять тысяч. Делянка семнадцать. Дом Ключчи. Участок сто один. (*Педди Дигнам вслушивается с заметной натугой, задумавшись, хвост его застывает, уши торчком.*)

ПЕДДИ ДИГНАМ: Молитесь за упокой его души. (*Он сползает в угольный подвал; коричневый саван волочится поцокивая камешками. Следом за ним ковыляет заплывший жиром дедушка-крыс на мохнатых черепашьих лапках под серым панцирем. Голос Дигнама, приглушённо взлаивает из-под земли: ДИГНАМ МЕРТВ И ВНИЗ ПОДАЛСЯ. Том Рошфор снегирекрасногрудый, в кепке и бриджах, выскакивает из своей двустопковой машины.*)

ТОМ РОШФОР: (*Рука на грудной клетке, кланяется.*) Ребен Дж. Я раздобыл для него флорин. (*Он уставляется в отверстый люк решительным взором.*) Теперь мой черёд. Следуйте за мной в Карлоу.

(*Он исполняет отчаянно смелый прыжок ласточкой и проглатывается люком. Два диска в стопках проворачивают глаза-нолики. Всё отплывает. Цвейт бредёт дальше; останавливается

перед освещённым домом, вслушивается. Поцелуи, порхая своими галстук-бабочками, летают вокруг него, щебеча, лья трели, воркуя.)

ПОЦЕЛУИ: (*Трелью льясь.*) Лео! (*Щебетливо.*) Чики лики, мики стики для Лео! (*Воркуя.*) Ооо оооооо! Няминюм Вумвум! (*Трелью льясь.*) Большой пириприди! Пируэтт! Леопольд! (*Щебеча.*) Леееолее! (*Трелью льясь.*) О Лео! (*Они шуршат, порхают по его одежде – лёгкие яркие мельтешливые пятнышки, серебристые сестерции.*)

ЦВЕЙТ: Мужское туше. Грустная мелодия. Церковная музыка. Наверняка, тут.

(*Зоя Хиггинс, юная шлюха в сапфировом халатике на трёх бронзовых застёжках, вокруг шеи узкая чёрная бархотка, кивает, сбегая по ступеням, и заговаривает с ним.*)

ЗОЯ: Ищешь кого-то? Он уже тут, с дружком напару.

ЦВЕЙТ: Это заведение м-с Мок?

ЗОЯ: Нет, это восемдесят первый. М-с Коен. Можешь топать дальше, но прогадаешь больше. Мамаша Бляхаплюха! (*Развязно.*) Сегодня она и сама в работе с ветеринаром; он её наводчик, подсказывает на какую ставить лошадку и платит за её сынка в Оксфорде. Сверхурочная работа, но сегодня ей пофартило. (*С подозрением.*) Ты, часом, не его папаша, а?

ЦВЕЙТ: Я – нет!

ЗОЯ: Вы оба в чёрном. Мышке захотелось щекотулек. (*Его кожа, настораживаясь, чувствует приближение её пальцев. Рука проскальзывает по его левому бедру.*)

ЗОЯ: Как орешки?

ЦВЕЙТ: Мимо. Как ни странно, они в правой. Наверное, увеститстей. Один на миллион, как говорит мой портной Масиас.

ЗОЯ: (*Цепенеет в испуге.*) У тебя твердый шанкр.

ЦВЕЙТ: Вряд ли.

ЗОЯ: Я же чувствую. (*Её рука скользит в левый карман его брюк и вынимает оттуда твердую чёрную картофелину. Умолкнув влажными губами, она всматривается в неё и Цвейта.*)

ЦВЕЙТ: Талисман. Наследственный.

ЗОЯ: Это ведь Зое? На память? За то, что такая милашка, да?

(*Она алчно припрятывает картофелину в свой карман, потом охватывает его плечи, льня к нему с чрезмерным жаром. Он натянуто улыбается. Медленно, нота за нотой, тянется восточная мелодия. Он вглядывается в карие кристаллы её глаз, окаймленные сурьмой. Улыбка его смягчается.*)

ЗОЯ: Ты познаешь меня в другой раз.

ЦВЕЙТ: (*Отстранённо.*) Я ни разу не любил милую газель, но это неотменимо...

(*Газели скачут на горных лугах. Рядом раскинулись озёра. Вдоль их берегов тянутся чёрные тени кедровых рощ. Густой аромат всплывает от смолосочащих порослей. Знойный восток; сапфировое небо рассечено бронзовым лётом орлов. Под ним город женщин, нагих, белых, спокойных, холодных, холёных. Плеск фонтана средь узорочья роз. Пышные розы шепчутся о багряных гроздьях винограда. Странно журчит вино позора, вожделенья, кровопролитий.*)

ЗОЯ: (*Напевает мелодию в тон музыке. Её губы, губы прислужницы гарема, похотливо намазаны смесью свиного жира и розовой воды.*) Шораг ани веновах, беноит Иерушалойм.

ЦВЕЙТ: (*Обрадованно.*) Судя по твоему выговору, ты, похоже, хорошего происхождения.

ЗОЯ: А знаешь что стало с тем, кому кажется? (*Она мягко покусывает его ухо зубками с золотыми пломбами, обдавая его тяжким духом прогорклого чеснока. Розы раздвигаются, открывая золотую гробницу властителей и их заплесневелые кости.*)

ЦВЕЙТ: (*Отшатывается, машинально лаская её правую титьку плоской неловкой ладонью.*) Ты дублинская девушка?

ЗОЯ: (*Схватывает выбившуюся прядку и ловко вкручивает обратно в свой локон.*) Не хрен дрейфить, я англичаночка. Махра найдётся?

ЦВЕЙТ: (*Всё так же.*) Курю редко, милашка. Когда-никогда сигару. Детская забава. (*Похотливо.*) Ротику можно найти занятие получше, чем слюнить самокрутку.

ЗОЯ: Валяй, толкни речугу про это.

ЦВЕЙТ: (*В коричневом комбинезоне рабочего, в чёрной рубахе, красном галстуке и матерчатой кепке.*) Человечество неисправимо. Из нового света сэр Вальтер Рейли привёз, среди прочего, ещё и это растение – наипервейшего убийцу нервов при потреблении, а во-вторых, отравителя уха, глаза, сердца, памяти, воли, соображения – всего. Он, можно сказать, привёз отраву за сто лет до того как другой, не помню как того звали, привёз провизию. Самоубийство. Обман. Все наши обычаи. Да что говорить, вы оглянитесь на жизнь общества! (*С отдалённых шпилей бьет полночь.*)

БОЙ ЧАСОВ: Провернись, Леопольд! Лорд-мэр Дублина!

ЦВЕЙТ: (*В одеянии олдермена с нагрудной цепью.*) Избиратели округов Арранской пристани, Гостиничной пристани, Ротунды, Монтджоя и Северного Дока, вновь и вновь говорю я вам: трамвайную линию лучше прокладывать от скоторынка к реке. Это запев будущего. Это моя программа. *Cui bono?* Однако, наши пиратствующие Вандердекены на их финансовом корабле-призраке…

ИЗБИРАТЕЛЬ: Троекратное ура в честь нашего будущего главы магистрата! (*Вспыхивает северное сияние факельного шествия.*)

ФАКЕЛЬЩИКИ: Ууураа! (*Несколько известных горожанок, городских магнатов и обывателей пожимают руку Цвейту и поздравляют его. Тимоти Харрингтон, покойный троекратный лорд-мэр Дублина, в церемониальном алом костюме мэра, с золотой цепью и при галстуке из белого шёлка, переговаривается с советником Лорканом Шерлоком, своим заместителем. Оба наперебой кивают головами, соглашаясь.*)

ПОКОЙНЫЙ ЛОРД-МЭР ХАРРИНГТОН: (*В алой мантии, с булавой, в золотой цепи мэра поверх широкого белошёлкового плаща.*) Речь олдермена Лео Цвейта размножить за счёт налогоплательщиков. Дом, в котором он родился, украсить мемориальной доской, а часть города, доныне известную как Коровий двор за Корк-Стрит, переименовать в бульвар Цвейта.

СОВЕТНИК ЛОРКАН ШЕРЛОК: Принято единогласно.

ЦВЕЙТ: (*Бесстрастно.*) Эти летучие голландцы, а вернее лежучие голландцы, и в нос не дуют, вылежываясь на мягких диванах каюты супер-класса, знай себе играют в кости. Машины – их кумир, их химера, их панацея. Все те облегчающие труд аппараты: анигиляторы, террорайзеры, панцирные чудища, изобретённые для массового уничтожения, жуткие монстры плодимые ордой капиталистических развратников, посредством нашей проституируемой рабочей силы. Бедняк голодает, пока они разводят себе королевских горных туров или отстреливают фазанов и куропаток, кичась, в ослеплении, своим богатством и властью. Но владычество их миновало отныне и навека... (*Продолжительная овация. Взрастают венецианские мачты, майские столбы и праздничные арки. Полотнище с надписями Cead Ville Failte и Mah Ttob Melek Israel протягивается над улицей. Во всех окнах толпятся зрители, в основном дамы. Вдоль пути шествия выстроились в одну шеренгу полки Королевских Дублинских Фузилеров, Шотландских Пограничников Короля, Горцев Камерона и Валлийских Фузилеров, стоят навытяжку, сдерживая толпу. Мальчишки-школьники, унасестились на фонарных и телеграфных столбах, на подоконниках, карнизах, жёлобах, печных трубах, перилах и водостоках, свища и уракая. Появляется облачный столп. Вдали слышится оркестр флейт и барабанов исполняющий "7-40". Приближаются ликторы с воздетыми имперскими орлами, волоча поверженные знамёна и размахивая восточными пальмами. Крисоэлефантовый папский штандарт взвивается ввысь, в окружении вымпелов городского флага. Показалась голова процессии под предводительством Джона Говарда Парнела, Городского Церемонимейстера, на нём туника в шахматную клетку, рядом – Атлонский Глашатай и Ольстерский Герольд. За ними следуют достопочтенный Джозеф Хатчинсон, лорд-мэр Дублина, лорд-мэр Корка, их превосходительства мэры Лимерика, Гелвея, Слиго и Вотерфорда, двадцать восемь ирландских пэров-представителей; сердары, гранды и махараджи несут балдахин; за Дублинской Столичной Пожарной Бригадой следует святое братство*

от финансов, в порядке их плутократической субординации; епископ Довна и Коннора, Его Преосвященство кардинал Майкл Лаский, архиепископ Армаги, примат всей Ирландии, Его Благость, Наипреподобнейший д-р Вильям Александер, главный раввин, пресвитерианский модератор, главы баптистской, анабаптистской, методистской и моравской церквей и почётный председатель общества друзей. Следом выступают гильдии и цеховые сообщества, за ними городская гвардия с развевающимися флагами: бондари, птицелюбы, мельники, газетные рекламисты, нотариальные писцы, массажисты, виноторговцы, галунщики, трубочисты, жиротопители, шёлко- и поплиноткачи, коновалы, итальянские складодержатели, церковные украшальщики, сапожники, похоронщики, торговцы шёлком, огранщики, торговые приказчики, краснодеревщики, оценщики убытков при пожаре, красильщики и чистильщики, стеклотароэкспортёры, шкуродёры, оформители витрин, гравёры геральдических печатей, подсобники конских живодёров, брокеры золотыми слитками, подгонщики табуретов и смычков, кроссвордосоставители, перекупщики яиц и картофеля, чулочники и перчаточники, лудильщики водоканализации. А за ними джентельмены Спального покоя, Чёрного Жезла, Сменной Подвязки, Золотой Палки, конюший, лорд дворецкий, Эрл-маршал, верховный констебль, неся меч державы, железную корону святого Стивена, кадильницу и библию. Четыре пеших трубача играют сигнал появления. Гвардейцы-йомены отвечают, выдувая приветствие на фанфарах. Под триумфальной аркой появляется Цвейт с непокрытой головой, в малиновой бархатной мантии подбитой горностаем, держа посох святого Эдварда, державу и скипетр с голубем, а также коронационный меч. Он восседает на молочнобелом коне с длинным развевающимся малиновым хвостом, под изукрашенным чепраком и в золотой уздечке. Бурный восторг. Дамы рассеивают со своих балконов лепестки роз. Воздух благоухает эссенциями. Мужчины приветственно вопят. Молодчики Цвейта бегают среди стоящих с ветками терновника и крапивника.)

МОЛОДЧИКИ ЦВЕЙТА:

Крапивник, кравпивник,
Царём всех птиц звался,
На день св. Стивена
В вереске поймался.

КУЗНЕЦ: (*Бормочет.*) Честь Господня! Так это и есть Цвейт? С виду ему едва ли тридцать.

ПЛИТОЧНИК-МОСТИЛЬЩИК: Вот достославный Цвейт, величайший реформатор в мире. Шапки долой!

(*Все обнажают головы. Женщины возбуждённо шепчутся.*)

МИЛЛИОНЕРША: (*Богато.*) Да он ведь просто великолепен, а?

ВЫСОКОРОДНАЯ ДАМА: (*Благородно.*) Этот человек изведал всё.

ФЕМИНИСТКА: (*Мужеподобно.*) И всё свершил!

ПОДВЕСЧИК КОЛОКОЛОВ: Классический тип лица. У него лоб мыслителя.

(*Цвейтова пора. На северо-западе забрезжило восходящее солнце.*)

ЕПИСКОП ДОВНА И КОННОРА: Я представляю вам вашего истинного президента-императора и царя-председателя, безмятежнейшего, могущественнейшего и властительнейшего правителя царства сего. Боже, храни Леопольда Первого!

ВСЕ: Боже, храни Леопольда Первого!

ЦВЕЙТ: (*В рясе и пурпурной мантии, епископу Довна и Коннора, с достоитнством.*) Благодарю, отчасти выдающийся сэр.

ВИЛЬЯМ, АРХИЕПИСКОП АРМАГИ: (*В пурпурном нагруднике и шляпе совком.*) Не изволите ли повелеть о вхождении в силу законов и всех ваших благоусмотрений, как в Ирландии, так и на территориях ей подвластных?

ЦВЕЙТ: (*Возложив правую руку себе на яйца, клянётся.*) Да будет сподручнее Создателю иметь со мной дело. Обещаюсь всё

исполнить.

МАЙКЛ, АРХИЕПИСКОП АРМАГИ: (*Выливает флакон умащения для волос на голову Цвейта.*) *Candiuttmagnut annuntio vobis. Habetus carneficet.* Леопольд, Патрик, Эндрю, Дэвид, Джордж, будь чрез сие помазанником.

(*Цвейт одевает золототканную мантию, а на палец кольцо с рубином. Он подымается и встаёт на камень судьбы. Пэры-представители одновременно возлагают на себя свои двадцать восемь корон. Праздничный перезвон раздается от храмов Христа, Святого Патрика, Георгия и из весёлого Малахайда. Фейерверк Мирус-базара взвивается со всех сторон с символически фаллоидным орнаментом. Пэры бьют челом, один за другим, подходя и преклоняя колени.*)

ПЭРЫ: Я истинно твой холоп, жизнью и членом, и на том тебе мой земной поклон.

(*Цвейт подымает правую руку, на которой сверкает алмаз Koh-i-Noor. Его иноходец ржёт. Мгновенно воцаряет тишина. Включены беспроволочные межконтинентальные и межпланетные передатчики – вещать его выступление.*)

ЦВЕЙТ: Мои любезные подданные! Мы жалуем нашего верного жеребца, Копула Феликса, наследственным Великим Визирем и объявляем, что сегодня отстраняем бывшую супругу нашу и возлагаем нашу царственную руку на принцессу Селену, украшение ночи. (*Прежнюю морганическую супругу Цвейта торопливо убирают в обитель Черной Марии. Принцесса Селена, в лунно-голубом платье, с серебряным полумесяцем на голове, сходит из портшеза, внесённого двумя гигантами. Шквал приветствий.*)

ДЖОРДЖ ГОВАРД ПАРНЕЛ: (*Вскидывая королевский штандарт.*) Блистательный Цвейт! Воспреемник моего знаменитого брата!

ЦВЕЙТ: (*Обнимает Джона Говарда Парнелла.*) Мы от всего сердца благодарим тебя, Джон, за такой царский приём на земле зелёной Эрин, земле обетованной наших общих предков. (*Ему вручают хартию о вольностях города. Подносят ключи Дублина, скрещенные

на малиновой подушке. Он всем показывает, что носки на нём зелёные.)

ТОМ КЕРНАН: Вы заслужили это, ваша честь.

ЦВЕЙТ: Прошло ровно двадцать лет со дня победы при Ледисмите над нашим наследственным врагом. Миномёты с пулемётами наших аэропланов косят их ряды. Нас разделяет всего пара километров! Они наступают! Всё пропало! Неужто дрогнем? Нет! Отбили! Гляди! Мы атакуем! Развернувшись на левом фланге, наша лёгкая кавалерия идёт в прорыв через вершину Плевны и, с боевым кличем *Bonafide Sabaoth*, крошит сарацинских пушкарей до единого.

ГРУППА НАБОРЩИКОВ "НЕЗАВИСИМОГО": Верно! Верно!

ДЖОН ВАЙЗ НОЛАН: Вот человек что отколол Джеймса Стивенса.

СИНЕПИДЖАЧНЫЙ ШКОЛЬНИК: Браво!

СТАРОЖИЛ: Наша страна годится вами, сэр, воистину так.

ЯБЛОЧНИЦА: Вот такой-то и нужен Ирландии.

ЦВЕЙТ: Мои любезные подданные, близится новая эра. Я, Цвейт, говорю вам это, до неё остаётся всего ничего. Даю вам слово Цвейта, что вам рукой подать до золотого града грядущего, вы уже на пороге нового Цвейтрусалима в Новой Ирландии будущего.

(*Тридцать два рабочих с нагрудными розетками-значками, по одному от каждого из графств Ирландии, во главе с Дераном-зодчим, сооружают Новый Цвейтрусалим. Это колоссальное здание с кристаллической крышей, исполненное в виде огромной свиной почки, на сорок тысяч комнат. По ходу его созидания разваливают несколько старых зданий и памятников. Правительственные учреждения временно переведены под железнодорожные навесы. Множество домов снесены до основания. Жильцы размещены в бочках и ящиках с красными метками Л.Ц. на всех без исключения. Несколько нищих сваливаются с приставной лестницы. Часть стен Дублина, не выдержав груза верноподданых зрителей, обваливаются.*)

ЗРИТЕЛИ: (*При смерти.*) *Morituri te salutant.* (*Умирают.*)

(*Человек в коричневом макинтоше выскакивает из люка. Он указывает продолговатым пальцем на Цвейта.*)

ЧЕЛОВЕК В МАКИНТОШЕ: Не верьте ни единому его слову. Этот человек – Леопольд М'Интош, махровый поджигатель. И настоящая его фамилия – Хиггинс.

ЦВЕЙТ: Пристрелить его! Пёс-поганин! Хватит с меня этого М'Интоша.

(*Орудийный выстрел. Человек в макинтоше исчезает. Цвейт своим жезлом сшибает цветы мака. Поступают извещения о мгновенной смерти многих могущественных врагов, пастырей, членов парламента, членов постоянных комитетов. Телохранители Цвейта раздают Мондовы деньги, памятные медали, хлебцы и рыб, значки трезвости, дорогие сигары Генри Клей, бесплатные говяжьи кости для супа, резиновые презервативы в запечатанных золотистой ниточкой конвертах, пастилу, ананасовые леденцы, любовные письма в форме шляп-треуголок, готовые костюмы, порции сосисок, бутыли Жидкости Джеймса, марки взносов, 40-дневные индульгенции, фальшивые монеты, сардельки из молочных поросят, театральные конрамарки, проездные билеты на все трамвайные линии, купоны королевской и привилегированной венгерской лотореи, чеки на обед за пенни, дешёвое издание Двенадцати Худших Книг Мира: Фрогги и Фриц (политическая.), Уход за Младенцем (инфантилическая.), Пятьдесят Блюд за 7\6 (кулинарическая.), Был ли Христос Солнечным Мифом? (историческая.), Отбрось Эту Боль (клиническая.), Детская Энциклопедия о Вселенной (космическая.), Пусть-ка Все Фыркнут (забавническая.), Блокнот Рекламиста (журналическая.), Любовные Письма Матери-Помощницы (эротическая.), Кто есть Кто в Пространстве? (астрическая.), Песни, что за Душу (мелодическая.), Как Разбогатеть с Пенни (скупердическая.). Всеобщая давка и свалка. Женщины протискиваются вперёд – коснуться края одежды Цвейта. Леди Гвендолен Дьюбедо прорывается через толпу, вспрыгивает к нему на коня и целует в обе щеки посреди бурных оваций. Производится фотография с магнезиевой вспышкой. К нему протягивают младенчиков и малышей.*)

ЖЕНЩИНЫ: Батюшка! Батюшка!

МЛАДЕНЧИКИ И МАЛЫШИ:

Похлопаем в ладошки,
Пока Полди домой придет,
Пирожок в кармане
Для Лео принесет.

(*Цвейт склоняясь, мягко тыкает малютку Бодмена в животик.*)

МАЛЮТКА БОДМЕН: (*Икает, свернувшееся молоко бежит у него изо рта.*) Хаяяяа.

ЦВЕЙТ: (*Пожимает руку слепому юноше.*) Он мне ближе брата! (*Кладёт руки на плечи старой четы.*) Милые старые друзья! (*Играет в третьего-лишнего с нищей детворой.*) Пип! Бипип! (*Катает двойняшек в колясочке.*) Тикитакитовки, ты прибьёшь подковку? (*Показывает фокусы, вытягивает красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый платки изо рта.*) 32 фута в секунду. (*Утешает вдову.*) Разлука молодит сердце. (*Пляшет горский танец с уморными коленцами.*) Наяривай, чертяки! (*Целует пролежни парализованного ветерана.*) Почётные раны! (*Ставит подножку толстяку-полисмену.*) Э.Х.:эх. Э.Х.: эх. (*Шепчет на ушко засмущавшейся официантке и ласково смеётся.*) Ах, шалунья, шалунишка! (*Ест сырую репу, которой его угостил Морис Батерли, фермер.*) Вкуснятина! Замечательно! (*Отказывается принять три шиллинга протягиваемые Джозефом Гайнсом, журналистом.*) Дружище, какие могут быть счёты? (*Отдаёт свой пиджак нищему.*) Прими, прошу. (*Принимает участие в забеге на животах в группе пожилых калек обоего пола.*) Жми, парни! Ходу, девчата!

ПАТРИОТ: (*Задыхаясь от чувств, смахивает слезу в свой изумрудистый носовик.*) Да благословит его Бог. (*Звучат бараньи рога, призывая к тишине. Взвивается штандарт Сиона.*)

ЦВЕЙТ: (*С расстановкой расстегивается – показать ожирелость, разворачивает свиток и торжественно читает*.) Алеф. Вет Гимел Далет. Хагадах Тефилим Кошер Йом Киппур Хануках Рошашана Бени Брит Бар Мицвах Маззот Ашкеназим Мешугах Талиф.

(*Официальный перевод зачитывает Джимми Генри, помощник городского клерка*.)

ДЖИММИ ГЕНРИ: Суд совести открыт. Его Наикатоличейшее Величество будет вершить правосудие на открытом воздухе. Бесплатные медицинские и юридические консультации, решение двойников и других проблем. Сердечно приглашаются все. Издано в нашем данном верноподданом городе Дублине в I-й год райской эры.

ПЕДДИ ЛЕОНАРД: Что мне делать с моими налогами и обложениями?

ЦВЕЙТ: Плати их, друг мой.

ПЕДДИ ЛЕОНАРД: Спасибо.

НОСАЧ ФЛИНН: Могу я взять ссуду под мою страховку от пожара?

ЦВЕЙТ: (*Жёстко*.) Согласно закону о нарушениях вам следует втечение полугода внести сумму в пять фунтов за самоуправство, внесите в протокол, господа.

ДЖ. ДЖ. О'МОЛЛОЙ: И я называл его Даниелем? Какое там! Сам Питер О'Брайан!

НОСАЧ ФЛИНН: Где я наскребу пять фунтов?

ССЫКУН БЕРК: От мочевого пузыря?

ЦВЕЙТ:

Кисл. Нит. гидрохлор. дил. 20 гранов
Настой. смес. стрихн., 4 грана
Экстр. одув. жидк., 30 гранов
Вод. дисцил. три раза в день.

КРИС КАЛИНЕН: Каков параллакс субсолярной эклиптики Альдебарана?

ЦВЕЙТ: Рад тебя слышать, Крис. К. II.

ДЖО ГАЙНС: Почему вы не носите форму?

ЦВЕЙТ: Когда мой прародитель, да святится память его, носил в сырой темнице форму австрийского деспота, где был твой?

БЕН ДОЛЛАРД: Когда получаются двойняшки?

ЦВЕЙТ: Когда отец (патер, папа) начинает задумываться.

ЛАРРИ О'РУК: Восьмидневную лицензию на моё новое помещение. Вы меня помните, сэр Лео, вы проживали в седьмом номере. Я пришлю дюжину портвейна для мисус.

ЦВЕЙТ: (*Холодно.*) Вы много себе позволяете. Леди Цвейт не принимает подношений.

КРОФТОН: Тут, прямо, как праздник.

ЦВЕЙТ: (*Церемонно.*) Ты назвали это праздником. Я именую священнодейством.

АЛЕКСАНДР КЛЮЧЧИ: Когда у нас будет свой Дом Ключей?

ЦВЕЙТ: Я стою за реформу муниципальной морали и за десять простых заповедей. Новые миры на месте прежних. Единение всех: евреев, мусульман и поганинов. Три акра и корова для каждого из детей природы. Легковые катафалки. Обязательный физический труд для всех. Все парки открыты для публики днём и ночью. Электрические мойки посуды. Туберкулёз, лунатизм, войны и нищету надлежит упразднить немедленно. Общая амнистия, еженедельный карнавал, с лицензиями на маски, поголовные премии, эсперанто – вселенское братство. Конец патриотизму кабацких винохлёбов и допившихся до водянки мудозвонов. Свободные деньги, свободная любовь и свободная церковь, управляемая на общих началах в свободном государстве на общих началах.

О'МЕДДЕН БЕРК: Свободная лиса в свободном курятнике.

ДЕЙВИ БИРН: (*В затяжном зевке.*) Иййййййййааааааах!

ЦВЕЙТ: Смешанные расы и смешанные браки.

ЛЕНИЕН: Как насчёт смешанного купания?

(*Цвейт излагает близстоящим свои проекты по общественной регенерации. Все соглашаются с ним. Появляется хранитель музея на*

Килдар-Стрит, волоча телегу на которой трясутся статуи нескольких нагих богинь, Венеры Каллипиги, Венеры Общенародной, Венеры Метемпсихозис и гипсовые фигуры, тоже голяком, представляющие девять новых муз: Коммерции, Оперативной музыки, Любви, Гласности, Производства, Свободы слова, Общего голосования, Гастрономии, Личной гигиены, Приморских Концертных Развлечений, Безболезненного Акушерства и Астрономии для Народа.)

ОТЕЦ ФАРЛЕЙ: Он епископальник, агностик, архи-арианец, ищущий ниспровергнуть нашу святую веру.

М-С РИОРДАН: (*Разрывает своё завещание*.) Я разочаровалась в вас! Вы негодяй!

МАМАША ГРОГАН: (*Стаскисает свой башмак, чтоб запустить в Цвейта*.) Ах, ты тварь! Паскудник!

НОСАЧ ФЛИНН: Спой нам Цвейт. Какую-нибудь из старых сладких песен.

ЦВЕЙТ: (*С искромётным юмором*.)

Я клятвы ей давал, что не покину никогда,
Но сам же оказался в дураках
С моим та-рам, та-рам, ту-ра-рам-пам.

ПОПРЫГУН ХОЛОЕН: Старый добрый Цвейт! Всё-таки, другого такого не найти.

ПЕДДИ ЛЕОНАРД: Опереточный ирландец!

ЦВЕЙТ: Какая гнездовая опера схожа с озорниками Гибралтара? Разо-Рим. (*Смех*.)

ЛЕНИЕН: Плагиатор! Долой Цвейта!

СИВИЛЛА ПОД ВУАЛЬЮ: (*Экзальтированно*.) Я цвейтистка и этим горжусь. Я верю в него, несмотря ни на что. Я и жизнь за него отдам, за самого юморного на свете.

ЦВЕЙТ: (*Подмигивает близстоящим.*) Держу пари, она смазливая девуля.

ТЕОДОР ПУРФО: (*В рыбачьей шапке и клеенчатой куртке.*) Он пользуется механическим приспособлением, попирая священные уложения природы.

СИВИЛЛА ПОД ВУАЛЬЮ: (*Закалывает себя.*) Мой герой – божество! (*Она умирает.*)

(*Множество женщин, самых привлекательных и энтузиазмастурбированных, тоже совершают самоубийства, закалываясь, топясь, выпивая прусскую кислоту, аконит, мышьяк, вскрывая вены, отказываясь от еды, бросаясь под асфальтоукладчики, с верхушки колонны Нельсона, в большой чан винокурни Гинеса, суя голову в газовую печь для удушения, вешаясь на модных подвязках, прыгая из окон различных этажей.*)

АЛЕКСАНДЕР ДЖ. ДОВИ: (*Рассвирипело.*) Сохристиане и антицвейтисты, человек по прозванию Цвейт, отросток адова корня, позорище рода христианского. Этого демонского развратника, гнусного козла Мендеса с юных лет отличали признаки инфантильной распущенности – пороки городов равнины, при пособничестве развратной няньки. Этот злобный, бесстыжий, закоснелый лицемер и есть тот самый белый бык из пророчеств Апокалипсиса. Он поклоняется Красной Бабище, ноздри его смердят кознями. Ему прямая дорога на костёр для сожжения и в котёл кипящего масла. Калибан!

ТОЛПА: Линчевать его! Поджарить! Ничем, не лучше Парнела. М-р Лис! (*Мамаша Гроган запускает своим башмаком в Цвейта. Несколько лавочников с Дорсет-Стрит осыпают градом предметов малой—а то и вовсе никакой—коммерческой стоимости: жестянками из-под сгущеного молока, нераспроданной капустой, зачерствелым хлебом, овечьими хвостами, обрезками жира.*)

ЦВЕЙТ: (*Возбуждённо.*) Это летнее помешательство, повторное наваждение. Клянусть небом, я незапятнан, как не тронутый солнцем снег! Всему виной мой брат Генри. Он мой двойник.

Проживает во втором номере на Долфин-Барн. Клеветник, гадюка лживая – возвёл на меня напраслину. Дорогие земляки, это же бред сивой кобылы. Пусть давний мой приятель, д-р Малачи Малиган, сексо-спецолог, вынесет медицинское заключение насчёт меня.

Д-Р МАЛИГАН: (*В куртке автомобилиста, зелёные гонщицкие очки подняты на лоб.*) Д-р Цвейт би-сексуально анормален. Он недавно сбежал из частной лечебницы д-ра Евстаса для умалишённых джентельменов. Рождён вне брака и, вследствие неуправляемой порочности, подвержен наследственной эпилепсии. В содержимом фекалий обнаружены следы элефансиса. Выявлены выраженные симптомы хронического эксгибиционизма. А также скрытая амби-левизна. Преждевременное облысение по причине рукоблудства; извращённая идеалистичность суждений свидетельствует о его дегенеративной порочности, что подтверждается наличием металлических зубов. Семейный комплекс делает его временно недееспособным и в грехопадениях он чаще является потерпевшей стороной, чем наоборот. Проведя влагалищное исследование и кислотный тест 5427 анальных, вспомогательных, пекторальных и паховых волосков, объявляю его *virgo intacta*. (*Цвейт прикрывает модной шляпой свои половые органы.*)

Д-Р МЕДДЕН: Помимо прочего отмечена запущенная хипсоспадия. В интересах будущих поколений предлагаю передать помянутые органы в национальный тератологический музей для хранения в заспиртованном виде.

Д-Р КРОТЕРС: Мною исследована моча пациента. Обнаружена явная албуминоидность. Слюновыделение недостаточно, пателларный рефлекс отсутствует.

Д-Р КЛОУН КОСТЕЛЛО: *Fetor judaicus* отчётливо выражена.

Д-Р ДИКСОН: (*Зачитывает бюллетень о состоянии здоровья.*) Профессор Цвейт представляет собой законченный образчик новой разновидности: жено-мужчина. Его моральная природа примитивна и умиляюща. Многие находят его прелестным мужчинкой, милейшей личностью. В целом, это довольно странный тип, застенчивый, но не

слабоумный, в медицинском смысле. Его прекрасное письмо, буквально поэма в своем роде, судебному миссионеру Общества Защиты Перевоспитанных Священнослужителей проливает свет на данный случай. Он, практически, полный воздержанец и спит, смею заверить, на подстилке из соломы, питаясь самым спартанским образом, употребляя в пищу неразогретый сушёный горох из бакалейной лавки. Зимой и летом на нём бессменная власяница и он ежесубботне сечёт сам себя. Насколько я понял, какое-то время он содержался в исправительной колонии Гленкри как злостный правонарушитель. Имеется также задокументированное свидетельство, что он был единственным посмертным ребёнком. Я прошу о помиловании ради самого святого слова из всех произносимых нашими голосовыми органам. Он скоро станет матерью.

(*Общая растроганность и сочувствие. Женщины падают в обморок. Богатый американец проводит уличные сборы в пользу Цвейта. Золотые и серебряные монеты, банковскиме чеки, казначейские боны, облигации, векселя, обручальные кольца, цепочки часов, медальоны, ожерелья и браслеты стекаются рекой.*)

ЦВЕЙТ: О, я так хочу иметь ребёночка.

М-С ТОРТОН: (*В медсестринском халате.*) Обними меня покрепче, дорогуша. (*Цвейт стискивает её и разраживается восемью жёлтыми и белыми младенчиками. Они появляются на устланной красным ковром лестнице, обставленной дорогими растениями. Все как один пригожие, с лицами из драгоценных металлов, хорошего сложения, в респектабельных костюмах, примерного поведения, бегло говорят на пяти современных языках, интересуются различными науками и искусствами. На манишке каждого чёткими буквами вытиснуто его имя: Насодоро, Голдфингер, Хризостомос, Мейндорин, Сильверсмайл, Зильберзельбер, Вифаргент, Панаргирос. Они незамедлительно получают должности высокого общественного положения в нескольких различных странах, становясь управляющими банков, движением на железных дорогах, председателями компаний с*

ограниченной ответственностью, вице-президентами гостиничных синдикатов.)

ГОЛОС: Цвейт, ты мессия от бен Иосифа или бен Давида?

ЦВЕЙТ: (*Темнозначно.*) Ты это сказал.

БРАТ БУЗ: Тогда сверши чудо.

БЕНТАМ ЛАЙОНЗ: Предскажи кто выиграет в Сент-Легере.

(*Цвейт ходит по сетке, закрывает свой левый глаз своим же левым ухом, проходит сквозь несколько стен, вскарабкивается на Колонну Нельсона, свисает с верхнего карниза уцепившись одними лишь веками глаз, съедает двенадцать дюжин устриц (вместе с ракушками.), излечивает нескольких чахоточных, корчит своё лицо так, чтоб походить на всевозможные исторические персонажи – лорда Биконсфилда, лорда Байрона, Вота Тейлора, Моисея Египетского, Моисея Маймонидеса, Моисея Мендельсона, Генри Ирвинга, Рип ван Винкла, Кошута, Жана Жака Руссо, барона Леопольда Ротшильда, Робинзона Крузо, Шерлока Холмса, Пастера, выворачивает каждую ногу в разных направлениях одновременно, приказывает приливу повернуть вспять, производит солнечное затмение, протянув свой мизинец.*)

БРИНИ, ПАПСКИЙ НУНЦИЙ: (*В форме папского зуава, в стальных кирасах, нагрудниках, наплечниках, наляжниках, наголенниках; у него длинные мирские усы и митра из обёрточной бумаги.*) *Leopoldi autem generatio*. Моисей родил Ноя и Ной родил Евнуха, и Евнух родил О'Халлорана, и О'Халлоран родил Гугенхейма, и Гугенхейм родил Ажендата, и Ажендат родил Нетайма, и Нетайм родил Ле Хирша, и Ле Хирш родил Езрума, и Езрум родил МакКэя, и МакКэй родил Остролопски, и Остролопски родил Смердоца, и Смердоц родил Вайсса, и Вайсс родил Шварца, и Шварц родил Андриапули, и Андриапули родил Арануэза, и Арануэз родил Леви Ловсона, и Леви Ловсон родил Ихабудоносора, и Ихабудоносор родил О'Донелла Магнуса, и О'Донелл Магнус родил Кристбаума, и Кристбаум родил Бена Меймуна, и Бен Меймун родил Дасти Родса, и Дасти Родс родил Бенамора, и Бенамор родил Джонса Смита, и Джонс Смит

родил Саворгнановича, и Саворгнанович родил Ясперстона, и Ясперстон родил Вингдетутниме, и Вингдетутниме родил Щомбатели, и Щомбатели родил Вирежа, и Вireж родил Цвейта *et vocabitur nomet eius Emmanuel*.

МЁРТВАЯ РУКА: (*Пишет на стене.*) Цвейт – стервец.

РАК: (*В котомке бродяги-прохиндея.*) Что ты делал в бурьяне за Кил-казармой?

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА: (*Встряхивает погремушкой.*) И под Белибогским мостом?

КУСТ АЛТЕИ: И в Чёртовой долине?

ЦВЕЙТ: (*Жгуче краснеет весь, от переда до ягодиц, три слезы выкатываются из левого глаза.*) Ну, зачем ворошить моё прошлое.

ИРЛАНДСКИЕ ИЗГНАННЫЕ АРЕНДАТОРЫ: (*В нательниках, никебокерах, с добрячим Доннибрукским дубьём.*) Отметелить его! (*Цвейт с ослиными ушами садится к позорному столбу, выпростав ноги перед собой, руки скрещены на груди, он насвистывает Don Giovanni a cenar teco. Артанские сироты, схватившись за руки скачут вокруг него. Девицы из Миссии Тюремных Ворот, взявшись за руки хороводятся в противоположном направлении.*)

АРТАНСКИЕ СИРОТЫ: Рыло свиное, яблоко гнилое! Размечтался, что дамы его любят!

ДЕВИЦЫ ТЮРЕМНЫХ ВОРОТ:

Кошка сдохла,
Хвост облез,
Кто с тобой заговорит,
Тот её и съест.

ФАНФАРИСТ: (*В эфоде и охотничьей шапке, возвещает.*) И он снесёт грехи людские Азазелу, духу в диких местах пребывающему, и к Лилит, ведьме ночной, и да побьют его каменьем и опаскудят все

из Ажендат Нетайма и Лищраима, земель Хамовых. (*Вся публика швыряет в Цвейта мягкие камни пантомимных представлений. Многие законопослушные прохожие и бездомные псы подходят спражниться на него. Приближаются Мастиански и Цитрон в лапсердаках, с длинными пейсами. Они трясут бородами на Цвейта.*)

МАСТИАНСКИ И ЦИТРОН: Белиал! Истрийский Лемлайн! Фальшивый мессия! Абулафия! (*Джордж С. Месиас, портной Цвейта, появляется с портновским утюгом подмышкой, представляет счёт.*)

МЕСИАС: За переделку пары брюк одиннадцать шиллингов.

ЦВЕЙТ: (*Распотешенно потирает руки.*) Совсем как в старые времена. Бедняга Цвейт! (*Ребен Дж. Додд, чернобородый искариот, негодный пастырь, неся на плече тело своего утопленника-сына, подходит к позорному столбу.*)

РЕБЕН ДЖ.: (*Хрипло шепчет.*) Отчирикался. Навар ухнул.

ПОЖАРНАЯ БРИГАДА: Блю-йюх!

БРАТ БУЗ: (*Обряжает Цвейта в жёлтую рясу с орнаментом из языков пламени и в высокий остроконечный колпак. Навешивает мешок с порохом ему на шею и передаёт его гражданским властям, приговаривая.*) Да простятся ему его прегрешения. (*Лейтенант Майерс из Дублинской Пожарной Бригады, по общему настоянию, поджигает Цвейта. Вопли.*)

ПАТРИОТ: Благодарение небу!

ЦВЕЙТ: (*В одеянии без единого шва, с ярлыком INCI, стоит навытяжку посреди фениксова пламени.*) Не рыдайте обо мне, О, дочери Эрин. (*Он показывет дублинским репортёрам следы ожога. Дочери Эрин в чёрных одеждах с толстенными молитвенниками и длинными горящими свечами в руках, опускаются на колени и молятся.*)

ДОЧЕРИ ЭРИН:

Почка Цвейта, заступись за нас.
Цветок Ванны, заступись за нас.

Ментор Ментона, заступись за нас.
Рекламист НЕЗАВИСИМОГО, заступись за нас.
Масон-благотворитель, заступись за нас.
Блуждающее Мыло, заступись за нас.
Услады Греха, заступитесь за нас.
Музыка без Слов, заступись за нас.
Усмиритель Патриота, заступись за нас.
Друг Всех Нижних Юбок, заступись за нас.
Наимилосерднейший Акушер, заступись за нас.
Картофелина-Презерватив от Чумы и Мора, заступись за нас.

(*Хор из шести сотен голосов под управлением м-ра Винсента О'Брайена распевает "Аллелуя" под органный аккомпанимент Джозефа Глинна. Цвейт онемел, осунулся, обуглился.*)

ЗОЯ: Давай выбалтывай, пока не видно как краснеешь.

ЦВЕЙТ: (*В шляпе-тирольке с глиняной трубкой сунутой под ленту и в запылённых башмаках; в руке эмигрантский узелок из красного носового платка, ведёт аспидно-чёрную свинью на налыгаче. С лукавинкой во взгляде.*) Теперича, пущай ужо пойду, хозяюшка, а то, клянусь всеми козлами Коннемары, мои папаня и маманя места, небось, не находют. (*Со слезами на глазах.*) Бессмысленно всё. Патриотизм, скорбь по покойникам, музыка, будущность расы. Быть или не быть. Сон жизни минул. Незаметно покинуть её. Пусть они себе живут. (*Печально воззряется вдаль.*) Со мной покончено. Пара пастилок аконита. Задёрнуть шторы. Письмо. И снова лечь, упокоиться. (*С мягким придыхом.*) И больше уж никогда. Я прожил. Честно. Прощайте.

ЗОЯ: (*Задыхаясь, суёт палец себе под бархатку.*) Честно? До следующего раза, как только подвернётся. (*Она фыркает.*) Скорей всего, ты просто встал не с того края кровати, или слишком сразу кончил с самой клёвой из твоих девок. У, я тебя насквозь вижу.

ЦВЕЙТ: (*С горечью.*) Мужчина и женщина. Любовь. Что в этом всём? Бутылка и пробка.

ЗОЯ: (*Вдруг озлясь.*) Как подло и несправедливо. Нечего колоть глаза бледной шлюхе.

ЦВЕЙТ: (*Покаянно.*) Я очень колок. Ты – необходимое зло. Откуда ты? Лондонская?

ЗОЯ: (*Залихватски.*) Из Свинячего Нортона, где кабаны играют на органах. Я родом из Йоркшира. (*Она отстраняет его руку, что щупала её сосок.*) Эй, Томми Щекотунчик. Ты это брось, да начни чего похуже. Имеешь наличные на короткий сеанс? Десять шиллингов?

ЦВЕЙТ: (*Улыбается, медленно кивает.*) Больше, гурия, больше.

ЗОЯ: И маленькую тележку? (*Она небрежно шлёпает его бархатными лапками.*) Заскочишь в муззал глянуть на нашу новую пианолу? Заходи, я сама отшелешу.

ЦВЕЙТ: (*В сомнении держится за свой затылок как заботливая торговка сосредоточенно выверяющая симметричность кучки её наполированных груш.*) Кое-кто жутко приревнует, если узнает. Зелёноглазое чудище. (*Откровенно.*) Сама знаешь, как оно всё непросто. Что тебе толковать.

ЗОЯ: (*Польщённо.*) Что глаз не видит, о том сердце не болит. (*Она шлёпает его.*) Да, иди уж.

ЦВЕЙТ: Ведьма-хохотунья. Рука качающая колыбель.

ЗОЯ: Младенчик?

ЦВЕЙТ: (*В младенческих подгузниках и распашонке, крупноголовый с пушком тёмных волос, не сводит больших глаз с её струящегося халатика и пухленьким пальцем пересчитывает бронзовые застёжки на нём, влажный язык его болтается и шепелявит.*) Лаз, два, тли: тли, два, лаз.

ЗАСТЁЖКИ: Любит. Не любит. Любит.

ЗОЯ: Молчание – знак согласия. (*Маленькими растопыренными коготками она схватывает его руку, её указательный палец роковой приманкой касается его ладони знаком тайного старейшины.*) Горячие руки – холодный зоб.

(*Он колеблется среди ароматов, музыки, искушений. Она подводит его к ступеням, маня его запахом своих подмышек, прищуром накрашенных глаз, шелестом халатика, в волнистых складках которого таится львистая вонь всех тварей-самцов, что обладали ею.*)

ТВАРИ-САМЦЫ: (*Вдыхая серу течки и срачки, дыбясь в своем загоне, истомно рыкая; их одурманенные головы мотаются туда-сюда.*) Хороша!

(*Зоя и Цвейт подходят к двери, где сидят две шлюхи-сеструхи. Они с любопытством изучают его из-под своих накарандашенных бровей и лыбятся на его торопливый поклон. Он неуклюже спотыкается.*)

ЗОЯ: (*Её легкая рука вмиг приходит на выручку.*) Оп-па! Не вались на лестнице.

ЦВЕЙТ: Праведник падает семь раз. По этикету: после тебя.

ЗОЯ: Сперва дамы, джентельмены потом. (*Она переступает порог. Он колеблется. Она оборачивается и, протянув руку, затаскивает его внутрь. Он подпрыгивает. В прихожей, на вешалке из оленьих рогов висит мужская шляпа и дождевик. Цвейт снимает свою, но, заметив висящее, нахмуривается, потом улыбается, рассеянно. Распахивается дверь на площадке. Человек в лиловой рубахе и серых брюках, задрав лысую голову с козлиной бородкой, проходит обезьяньей походкой с полным графином в лапах, его двухвостые подтяжки болтаются возле пяток. Поспешно отвернув лицо, Цвейт склоняется рассмотреть на столике прихожей спаниелевые глаза бегущей лисицы: затем, подняв с пришмыгом голову, следует за Зоей в музыкальный зал. Абажур из лиловой папиросной бумаги приглушает свет бра. Вокруг него кружит и кружит мотылёк, натыкаясь, отпархивая. Пол покрыт линолиумом в мозаике из агатовых, лазурных и алых ромбоидов. Поверх узора следы ног по всякому— пятка к пятке, пятка к ступне, носок к носку, нога за ногу, полонез шаркающих ступней без телесных фантомов—всё в сумбурной неразберихе. Стены с обоями где листья тисса перемежаются с*

просветами. На каминной решетке развёрнута ширма из павлиньих перьев. Линч сидит на войлочном коврике перед камином, его кепка напялена задом наперёд. Он медленно отбивает ритм палочкой. Китти Рикетс, костлявая бледная шлюха в матроске, лайковых перчатках подвёрнутых, чтоб не закрывали коралловых браслетов, держит в руках кошелёк на цепочке; она сидит на краю стола, покачивая ногой и взглядывая на себя в золочёном зеркале на каминной доске. Кончик шнуровки её корсета чуть-чуть свисает из-под курточки. Линч насмешливо указывает на пару возле рояля.)

КИТТИ: (*Кашляет, прикрывшись ладонью.*) Она слегка чокнутая. (*Показывает, крутя указательным пальцем.*) Блямблям. (*Линч задирает ей подол и нижнюю юбку палочкой. Она быстро оправляет их.*) Уважай хотя бы сам себя. (*Она икает и тут же сдёргивает матросскую шапочку, под которой взблескивают красные от хны волосы.*) О, простите!

ЗОЯ: Поддай свету, Чарли! (*Она проходит к бра и откручивает газ на всю.*)

КИТТИ: (*Зыркает на газовый светильник.*) Что это он так фырчит сегодня?

ЛИНЧ: (*Басовито.*) Явление призрака и привидения.

ЗОЯ: Смотри, схлопочешь от Зои.

(*Палочка в руках Линча взблескивает: медная кочерёжка. Стефен стоит около пианолы, на которой раскинулись его шляпа и ясенёк. Двумя пальцами он раз за разом повторяет секвенции бессвязных квинт. Флори Телбот, блондинистая шлюха с дряблым жирком в расхрыстанном халате цвета жухлой земляники, раскрылилась в углу дивана, перебросив расслабленную от локтя руку через валик; она, покачиваясь, слушает. На её дремотном веке налился крупный ячмень.*)

КИТТИ: (*Вновь икает, сопроводя икоту взбрыком её олошаделой ноги.*) О, простите.

ЗОЯ: (*Мигом.*) Твой парень тебя вспомнил. Завяжи узелок у себя на рубашке. (*Китти Рикетс набычилась. Её боа удависто*

раскручивается, сползает, спадает с её плеча, спины, руки, стула – до самого пола. Линч подымает свернувшуюся гусеницу на своей палочке; та извивается, умащиваясь. Стефен оглядывается на сидящую на полу фигуру в кепке задом наперед.)

СТЕФЕН: В сущности, отнюдь неважно перенял ли это Бенедетто Марчелло, или сам придумал. Ритуал – первооснова поэта. Будь это древний гимн Деметре, или пояснение, что *Coela enarant gloriam Domini*. Тут приемлемы любые выверты и выкрутасы, далекие друг от друга, как гиперфригийский и миксолидийский, и тексты самого разного толка: от гоп-эйканья жрецов вокруг алтаря Цирцеи, то есть, я что-то заговариваюсь, Цереры, до напевной подсказка Давида из конюшни своему основному басу, насчёт его всемогущества. *Mais, nom de nom,* это другие штаны. *Jetes la gourte. Faut que jeunesse sepasse*. (*Он умолкает, показывает на кепку Линча, улыбается, со смешком.*) С какого боку твоя математическая шишка?

КЕПКА: (*С флегматичной хандрой.*) Ба! Что есть, есть потому, что оно есть. Женская логика. Евреегрек – это грекоеврей. Противоположности сходятся. Смерть есть высшая форма жизни. Ба!

СТЕФЕН: Ты чётко помнишь все мои ошибки, бахвальства, промахи. Долго мне ещё закрывать глаза на козни? Точило!

КЕПКА: Ба!

СТЕФЕН: Вот тебе ещё одна. (*Он хмурится.*) Причина в том, что основная и доминанта разделены наивозможно большим интервалом, который…

КЕПКА: Который? Доканчивай. Не можешь.

СТЕФЕН: (*С усилием.*) Интервалом, который. Наибольший возможный пропуск. Соотносимый с. Полным возвратом. С октавой. Которая.

КЕПКА: Которая?

(*Снаружи граммофон заводится орать "Святой Город".*)

СТЕФЕН: (*Отрывисто.*) Которая продлевается до границы мира не пересекаясь с собою. Бог, солнце, Шекспир, коммивояжер, пересекаясь в своей реальности с собой, становится данностью.

Минуточку. Чтоб он лопнул, это уличный гвалт. Становится собою, каким был неотменимо предопределён стать. *Ecco!*

ЛИНЧ: (*С глумливо ржущим смехом скалится Цвейту и Зое Хиггинс*.) До чего заумная речь, а?

ЗОЯ: (*Резво*.) Помоги Боже твоей башке, он знает больше, чем ты забыл.

(*Флори Телбот с ожирелой туповатостью пялится на Стефена*.)

ФЛОРИ: Говорят, этим летом наступит последний день.

КИТТИ: Нет!

ЗОЯ: (*Лопается со смеху*.) Боже неправедный!

ФЛОРИ: (*Обиженно*.) Но было же в газетах про Антихриста. Ой, у меня нога затекла.

(*Оборванные босоногие мальчишки-газетчики, волоча вертихвостный воздушный змей, с воплями топочут мимо*.)

МАЛЬЧИШКИ-ГАЗЕТЧИКИ: Экстренный выпуск! Результаты скачек на деревянных лошадках. Морской змей в королевском канале. Благополучное прибытие Антихриста.

(*Стефен оборачивается и видит Цвейта*.)

СТЕФЕН: Раз, раза и полраза.

(*Ребен Дж. Антихрист, странствующий жид, вкогтив загребущую руку в свой позвоночник, выходит, шаркая, вперёд. На чреслах у него болтается сума пилигрима, из которой торчат вексельные расписки и просроченные счета. Длинный лодочный багор вскинут через плечо – с крюка свисает увлажнённо плотная масса его единственного сына, уцепленная за слабинку на штанах при спасении из вод Лиффи. Призрак в образе Клоуна Костелло, кривобёдрый, горбатый, разжиженомозгий, выпяченочелюстный, с покатым лбом и сплюснутым носом, влетает в сальто-мортале сквозь густеющую сумеречность*.)

ВСЕ: Что?

ПРИЗРАК: (*Прищёлкивая челюстями скачет взад-вперёд, выпучив глаза, визжа, кенгуропрыгая, с распростёрто сцепленными руками, затем резко просовывает своё безгубое лицо в развилку собственных*

ляжек.) *Il vient! C'est moi! L'homme qui rit! L'homme primigene!* (*Он непрестанно кружит, испуская дервишьи вопли.*) *Sieurs et dames, faites vos jeux!* (*Пускается вприсядку. Крохотные планеты вылетают из рулетки его рук.*) *Les jeux sont faits!* (*Планеты сбиваются в груду, трескуче погромыхивая.*) *Rien n'va plus.* (*Планеты—лёгкие шары—плывут, раздувшись, вверх и прочь. Он отпрыгивает в вакуум.*)

ФЛОРИ: (*Впадая в одурелость, крестится исподтишка.*) Светопреставление!

(*Женские тепловатые выделения истекают из неё. Туманная неясность затягивает пространство. Сквозь наплывающий туман ревёт граммофон снаружи заглушая кашель и шарканье ног.*)

ГРАММОФОН:

Ерусалим!
Ворота распахни и пой
Осанна…

(*В небо взвивается и лопается ракета. Белая звезда падает из неё, возвещая конец всему и второе пришествие Илии. По бесконечному невидимому тросику—натянутому из зенита в надир—Конец Света, двуглавый осьминог в шотландских юбочках и в меховой гусарской шапке, кубарем катится сквозь мглу в виде Третьей Ноги Мужчины.*)

КОНЕЦ СВЕТА: (*С шотландским акцентом.*) Хто станцує хоровод, хоровод, хоровод? (*Над проплывающими клубами и надсадными задыхающимися кашлями скрежещет из выси голос Илии, хриплый как у ворона. Взопревший, в широкой полотняной епатрахили, с воронкоподобными рукавами, виднеется он, диаконоликий, на трибуне, вокруг которой, как драпировка, свисает знамя древней славы. Он грохает кулаком по пюпитру.*)

ИЛИЯ: Попрошу не вякать в этой будке. Джейк Крейн, Креол Сью, Дейв Кемпбел, Эйб Киршнер, кашляйте сколько влезет, но рот не

раскрывать. Короче, я диспетчер данного трубопровода. Ребята, давайте по деловому. Сейчас 12.25 по Божьему времени. Скажите маме, всё будет хорошо. Скорее в очередь – это ваш козырный шанс. Все сюда! Хватайте билеты до конечной в вечности, без пересадок. Добавлю ровно пару слов. Кто ты есть: Божья или ссучившаяся горсть праха? Если второй предтеча появится на Кони-Айленде, готовы ли мы? Флори Крист, Стефен Крист, Зоя Крист, Цвейт Крист, Китти Крист, Линч Крист, вам суждено ощутить эту космическую силу. Ноги не мёрзнут? Берите пример с ангелов. Станьте призмой. Внутри вас заложено необходимое нечто – возвышенная сущность. Вы можете напрямую общаться с Исусом, Гаутамой, Ингердоллом. Все вошли в эту вибрацию? Говорю вам, что да. Вы только разок усеките, паства разлюбезная, и оленьи прыжки на небеса становятся обычным трюком. Врубаетесь, о чём толкую? Это блеск жизни, точняк. Самый крутой прикол. Да, это ж самая улётно-залётная дорожка наутёк. Суперпотрясная, роскошнопрекрасная. Она возрождает. Вибрирует. Я знаю, я и сам вибратор. Шутки в сторону, и врубайтесь по сути, А. Дж. Крист Дови и гармоничная философия, секёте? О'кей. Семьдесят Семь на Западной Шестьдесят Девятой улице. Усекли? То-то ж. Звоните мне по солнцефону в любое прежнее время. Выпивохи, экономьте бабки. (*Он переходит на крик.*) Ну, а теперь наша славная песня. Всем подтягивать от всего сердца. Бис! (*Он запевает.*) Еру...

ГРАММОФОН: (*Заглушая его голос.*) Шлюхосалимвтвоейвысшейейййй... (*Пластинка со скрежетом скребётся об иглу.*)

ТРИ ШЛЮХИ: (*Заткнув уши, вспискивают.*) Аййккк!

ИЛИА: (*В рубахе с засучеными рукавами, почернев лицом и вскинув руки, орёт надсаживая горло.*) Старший брат там, наверху, м-р Президент, вам-то уж слышно что я тут вам говорю. Канешно, я, таки, крепко в вас верую, м-р Президент. И теперь я, канешно, так думаю, что мисс Хигинс и мисс Рикетс, каждая по-своему, глубоко религиозны. У меня, канешно, такая мысля, что я ищщо не видал

жутчее перепуганной дамочки, чем сталось с вами, мисс Флори. М-р Президент, а нуте-ка, подмогните мне спасти этих сестёрок наших дорогих. (*Он подмигивает слушающим.*) Ох, уж этот наш м-р Президент, всё-то он понимает, только что не говорит.

КИТТИ-КЕЙТ: Я забылась. В минуту слабости я оступилась и… и сделала то, что сделала, на холме Конституции. При моей конфирмации службу отправлял епископ. А у сестры моей матери муж из рода Монморанси. Это водопроводчик стал моей порухой, когда я была ещё чиста.

ЗОЯ-ФАННИ: Я дала ему вдрыгнуться так, для потехи.

ФЛОРИ-ТЕРЕЗА: Это случилось в результате портвейна смешанного с Гинесским трехзвёздночным, я провинилась с Веланом, когда он прошмыгнул в кровать.

СТЕФЕН: В начале было слово, в конце – свет без конца. Да будут благословенны восемь красот.

(*Красоты: Диксон, Медден, Кротерс, Костелло, Лениен, Бенон, Малиган и Линч в белых халатах студентов-медиков, шеренгами по четыре, строевым шагом маршируют быстро мимо, парадно чеканя.*)

КРАСОТЫ: (*Бессвязно.*) Бокал бедро бульдог бизон бульварус баритонус балдаус бискуп.

ЛИСТЕР: (*В сероквакерских брюках до колен и широкополой шляпе; членораздельно выговаривает.*) Речь идёт о нашем друге. Не стоит обнародывать имён. Ищи свет. (*Он утарантелливает прочь. Появляется Бест в облачении парикмахера, выпрачеченом до блеска, его локоны на папильотках. Он ведёт Джона Эглинтона в ящеркобуквенном кимоно мандарина из жёлтого нанкина с высокой шляпой-пагодой.*)

БЕСТ: (*Улыбаясь подымает шляпу и демонстрирует выбритую голову с торчащей на темени косичкой повязанной оранжевым бантом.*) Я просто чуточку его прихорошил, знаете ли. Сотворение красоты, знаете ли. По выражению Йитса, то бишь, Китса.

ДЖОН ЭГЛИНТОН: (*Вынув тусклый фонарь с зелёным отражателем, присвечивает в угол; придирчивым тоном.*) Эстетика и

косметика для будуара. А я ищу истину. Простую истину для простого человека. Деревне нужны факты и она их найдёт.

(*В конусе света фонарика за угольной ямой знахарская, святоглазая мохнатобородая фигура Мананаана МакЛира задумчиво упёрла подбородок в колени. Он медленно подымается. Холодный морской ветер сквозит из его друидовой накидки. Вкруг его головы извиваются скользкие угри. Он инкрустирован водорослями и ракушками. В правой руке зажат велосипедный насос. Левая удерживает здоровенного рака за его обе клешни.*)

МАНАНААН МАКЛИР: (*Голосом волн.*) Аум! Хек! Вал! Ак! Лаб! Мор! Ма! Белая йот богов. Оккультный пимандер Гермеса Трисмегистоса. (*Голосом свистящего морского ветра.*) Пунарджанам кривпанжов! Меня не проведёшь. Сказано неким: остерегайся культа Шакти слева. (*Криком буревестников.*) Шакти, Шива! Тёмный сокрытый Отец! (*Он лупит велосипедным насосом рака зажатого в левой руке, у которого на панели наборного диска зажигаются двенадцать знаков зодиака. Экзекутор вопит рёвом разъяренного океана.*) Аум! Баум! Пижаум! Я свет домашнего очага. Я предел твоей мечты.

(*Скелетная предательская рука душит свет. Зелёный свет тускнеет до лилового. Газовый светильник сипит с присвистом.*)

ГАЗОВЫЙ СВЕТИЛЬНИК: Фууух! Фьюююююю!

(*Зоя бежит к бра и, оставив ножку, поправляет накладку.*)

ЗОЯ: У кого есть курево, пока я добрая?

ЛИНЧ: (*Швыряет сигарету на стол.*) Держи.

ЗОЯ: (*Вскинув голову с притворной гордостью.*) Разве так подают косяк даме? (*Она тянется прикурить сигарету от пламени, медленно её проворачивая; показывая коричневые чубчики своих подмышек. Линч вздергивает своей кочерёжкой подол её пеньюара. Выше подвязок мелькает её голая плоть с русалочьей прозеленью. Она спокойно затягивается сигаретой.*) Тебе видно симпатичное местечко у меня сзади?

ЛИНЧ: Я не смотрю.

ЗОЯ: (*Делает бараньи глаза.*) Вовсе нет? Да, и куда тебе. Может лимончик пососаешь?

(*Прищурясь в притворной стыдливости, она искоса, со значением, взглядывает на Цвейта, затем вся оборачивается к нему, сдёргивая свой халат с корчерги. Голубая волна вновь сбегает по её плоти. Цвейт стоит, вожделенно усмехаясь, покручивая большие пальцы рук. Китти Рикетс слюнявит свой средний палец и, уставясь в зеркало, приглаживает обе свои брови. Липоти Вireж, василиск-драгоман, с хряском приземляется сквозь дымоход камина и на неуклюжих розовых ходулях выступает влево на пару шагов. На нём наверчены несколько пальто, поверх всего наброшен коричневый макинтош, под которым он стискивает коричневый свиток. В его левом глазу поблёскивает монокль Кэшл Бойл О'Коннор Фицморис Тисдал Фарелла. На голову нахлобучен пшент египетский царей. Два очиненных пера торчат за ушами.*)

ВИРЕЖ: (*Прищёлкнув пятками, кланяется.*) Меня зовут Вireж Липоти из Щомбатели. (*Он кашляет задумчиво, сухо.*) Развратная оголённость тут явно напоказ, а? Её вид сзади нечаянно приоткрыл факт, что на ней нет той, довольно интимной части одежды, к которой ты испытывешь особую слабость. А след укола на бедре ты, надеюсь, приметил? Хорошо.

ЦВЕЙТ: Дедуля. Но…

ВИРЕЖ: Экспонат номер два, преподносит себя иначе – вишнёво нарумянена и пудренно набелена, а волосы многим обязаны элексиру от нашего племени из дерева гофр, она представлена в прогулочном костюме с плотной шнуровкой нисходящей к седалищу, следует отметить. Позвоночник спереди, так сказать. Поправь, если я ошибаюсь, но мне всегда казалось, что подобные наряды фривольных хомо-самочек с призывом во взоре вызывают в тебе живой отклик своей эксгибиционистичностью. Одним словом: Гиппогриф. Я прав?

ЦВЕЙТ: Она довольно худенкая.

ВИРЕЖ: (*Не без приятственности.*) Вот именно! Отменно подмечено. А эти накладные карманы на юбке, с эффектом легкой оттопыренности – намекнуть на пышную линию бедер. Новый вид упаковки товара на вселенской распродаже, чтоб облапошить простачка. Куртизанские прикрасы для отвода глаз. Отметь применение мелких деталей. Никогда не одевай того завтра, что можешь одеть сегодня. Параллакс! (*С нервным вздёргом головы.*) Слышишь эти щёлчки в моём мозгу? Поликлинакс!

ЦВЕЙТ: (*Уперев локоть в ладонь, а указательный палец под щеку.*) У неё такой грустный вид.

ВИРЕЖ: (*Цинично осклабив свои жёлтые выдрячьи зубы, оттягивает левый глаз книзу и хрипло лает.*) Заманка! Избегай шалав в напускной печали. Лилия долины. У всякого найдётся холостяцкая кнопка, что обнаружил Руальдус Коломбос. Ах, завалите её. Вколомбосьте ей. Хамелеонка. (*По-свойски.*) Ну, ладно, позволь-ка обратить твоё внимание на экспонат номер три. Значительная часть её обозрима невооруженным глазом. Взгляни-ка на массу окисленной растительности на её черепе. Фу-ты, ну-ты, взбила! Гадкий утёнок – длиннокостый, с острым килем.

ЦВЕЙТ: (*С сожалением.*) Стоит тебе вскинуть свой дробовик.

ВИРЕЖ: У нас для вас любого вида: мягкий, средний и крепкий. Платите денежки, берите по вкусу. А уж какое удовольствие ты получил бы, ну, скажем, с…

ЦВЕЙТ: С…?

ВИРЕЖ: (*Выгнув язык кверху.*) Лиум! Полюбуйся. Вон у той широкий каркас. Покрыта предостаточным слоем жира. Явно млекопитающая, судя по увесистой груди; приметь эту пару отчётливо выдающихся выпуклостей солидного объёма, что так и норовят хряпнуться в суповую тарелку, вдобавок, сзади имеются две дополнительные выпуклости, наводящие на мысль о мощном прямом проходе и стиснутости при пальпации, они у неё загляденье, ну, разве что – малость бы покомпактнее. Столь мясоносные части результат заботливого питания. При откорме в загородке их печени достигают

слоновьих размеров. Краюхи свежего хлеба с тмином и бенженином, смываемые вовнутрь порциями зелёного чая, оснащают их, на время их краткого существования, натуральными подушками-игольницами колоссальнейшей ворвани. Сообразно твоей доктрине, а? Горшки мясной похлебки Египта, с пылу – с жару, чтоб увиваться за ними. Барахтаться в них. Мшаник. (*Горло его дёргается*.) Шлепплюх! Вот, опять щёлкнуло.

ЦВЕЙТ: Ячмень на глазу мне не нравится.

ВИРЕЖ: (*Вздергивает брови дугой*.) Обручальное кольцо излечит, как полагают. *Argumentum ad feminat*, говаривали мы в старом Риме и древней Греции, в консульство Диплодока и Ихтиозавра. От всего прочего – фирменное лекарство Евы. Продаже не подлежит. Только напрокат. Гугенот. (*Он дёргается в тике*.) Курьёзный звук. (*Взбодряюще прикашливает*.) Но, может, это просто бородавка. Ты помнишь, чему я пытался научить тебя из той главы? Блюдо из злаков с мёдом и мускусом.

ЦВЕЙТ: (*Припоминая*.) Блюдо из злаков с мшаником и полинаксом. Просто истязание какое-то. День выдался до того утомительным, прямо каталог проишествий. Погоди. Как там, ты говорил, кровь бородавки разводит бородавки…

ВИРЕЖ: (*Взъерепенясь и топорща отверделый нос, моргает скошеным глазом*.) Прекрати крутить пальцами и хорошенько обдумайся. Видишь, ты все перезабыл. Поупражняй-ка свою мнемотехнику. *La causa e santa*. Тара. Тара. (*В сторону*.) Он непременно вспомнит.

ЦВЕЙТ: Ещё розмарином ты, помню, говорил, или усилием воли над паразитическими тканями. Только у меня уже всё вылетело. Прикосновение мертвой руки помогает. Мнемо?

ВИРЕЖ: (*Возбужденно*.) Вот именно. Вот именно. То, что надо. Технитка. (*Он энергически похлопывает по своему свитку пергамента*.) Тут тебе объясняется как действовать при любом дискриптивном случае. Сверься с индексом касательно прилива аконитного страха, хлоридной меланхолии, фаллического анемона.

Вireж поведёт речь об ампутации. Старинный наш приятель – лунарный каустик. Их надо подержать впроголодь. Отчикни конским волосом под стянутым горлом. Но, для смены темы с Болгарина на Баска, ты уже определился, нравяться тебе женщины в мужской одёжке, или нет? (*С всхрюком сухого смешка.*) Ты собирался целый год посвятить изучению проблемы религии, а летние месяцы 1882 квадратуре круга и получить тот миллион. От возвышенного до смешного всего лишь шаг. Скажем, в пижаме? Или тюлевые панталоны в обтяжку, без ширинки? Или рассмотрим более усложнённые комбинации: полупанталоны? (*Он презрительно кричит петухом.*) Кикирикикии!

(*Цвейт с сомнением озирает трёх шлюх, потом уставляется на заабажуренный лиловый свет, слушая вечно порхучего мотылька.*)

ЦВЕЙТ: Тогда я хотел завершить теперь. Ночным платьем никогда. С этого момента. Но завтра есть новый день быть. Прошедшее было есть сегодня. Что сегодня есть, будет завтра было, станет вчера.

ВИРЕЖ: (*Тотчас же ему на ухо громким шёпотом.*) Дневные насекомые проводят своё существование в кратких соитиях, слетаясь на запах женских особей с развитыми пудендальными энергоидами в спинном отделе. Попка хорош! (*Его жёлтый попугайский клюв загнусавил.*) В Карпатах бытовала пословица в году, эдак, пять тысяч пятьсот пятидесятом, или около того, нашей эры. Одна ложка мёда приманит дружка Бруйна скорее, чем ведро первосортного мятного уксуса. Пчёл потревожило пыхтенье Потапыча. Но об этом – отдельно. В другой раз, возможно, вновь затронем. Было безмерно приятно, мы – не такие. (*Он кашляет и, набычившись, задумчиво потирает свой нос сложенной ковшиком ладонью.*) Ты убеждён, что этих ночных насекомых влечёт свет. Иллюзия, учитывая их многосложный неприспособляющийся глаз. По всём этим запутанным вопросам смотри книгу семнадцатую моих Основ Сексологии или Страсти Любви, которую д-р Л. Ц. называет сенсацией года. К примеру, некоторые производят лишь имитацию движений, сугубо автоматично. Ощутить. Это соразмерное ему

солнце. Ночная птица, ночное солнце, ночной город. Поймай меня, Чарли! (*Он свистит в ухо Цвейту.*) Фьють!

ЦВЕЙТ: На днях пчела или, может, овод, тоже с собственной тенью на стене, довела себя до обалдения и в этом состоянии заскочила мне под рубашку и так меня...

ВИРЕЖ: (*С непроницаемым лицом, смеётся в бархатисто женском ключе.*) Прелестно! Испанскую мушку ему в ширинку или горчичный пластырь на его пробойник. (*Он гортанно бульбульмочет, болтая индюшьими висюльками.*) Буйный болт! Буйный болт! Где мы? Сезам, откройся! Грядёт! (*Он стремительно разворачивает свой пергамант и, закогтив, вчитывается; его светлячковый нос бегает сзаду-наперёд по написанному.*) Постой, дружок. Я дам тебе твой ответ. Уж мы заловим этого устрица с Красной Банки. Я лучший куховар. Эти сочные двустворчатые вполне могут нам помочь, а ещё трюфеля из Перигора, туберы, выколупнутые посредством всеядного кабанчика, оказались непревзойдёнными в случаях нервной дебильности или вирежитиса. Хоть и смердят, но дело творят. (*Он мотает головой, с квохчущей издёвкой.*) Красное словцо. Телескопом в око.

ЦВЕЙТ: (*Рассеянно.*) Оковидно, случай с женской двустворкой сложнее. Постоянно отворённый Сезам. Расщеплённый пол. Потому и боятся грызунов и всяких ползучих. Впрочем, Ева со змеем не вписывается. Не исторический факт. Явная аналогия с моей идеей. Змеи тоже падки на женское молоко. Прозмеиваются за много миль, через всеядный лес, насухо соковысосать её грудь. Как буйноречистые римские матроны, о которых читаешь у Элефантулиасы.

ВИРЕЖ: (*Вытянул губы в твердых складках и, прикрыв глаза в окаменелом самозабвении, причитает чужеземным речетативом.*) А те коровы с их отвислыми дойками, что, как известно...

ЦВЕЙТ: Меня, прям, так и тянет продекламировать. Прошу прощения. Можно? Кажется, так. (*Он повторяет.*) Спонтанно отыскивали нору пресмыкающегося, чтобы подставить дойки его

жадному сосанию. Муравей доит тлю. (*Углублённо.*) Инстинкт правит миром. В жизни. В смерти.

ВИРЕЖ: (*Скособочив голову, горбатит спину и хохлит плечи, всматриваясь в мотылька мутно выпяченными глазами; указывает ороговелой лапкой, вскрикивает.*) Кто Джер-Джер? Кто милый Джеральд? О, я так бояться – он получайт ужасни ожог. Пошалуста пушть кто-нибудь препотвращайт этот каташтрофа первокласный столовый шалфетка? (*Он мяучит.*) Лусс пусс пусс пусс! (*Вздохнув, оседает и потупливается в сторону, с отвисшей челюстью.*) Ладно, чего уж там. Он уже обрёл покой.

Я крохотулечка такой,
Всегда летаю я весной,
Кружусь, порхаю даже в зной;
Когда-то правил я страной,
Был королём, царём, главой,
Теперь кружусь, горжусь собой! Ой!

(*Он бьётся о лиловый абажур, шумно трепыхаясь.*) Милые милые милые милые милые юбки.

(*Из левого верхнего входа двумя скользящими шажками возникает Генри Цветсон, двигаясь от середины. Он в тёмной накидке и в обвислом сомбреро с плюмажем. В руках среброструнные инкрустированные цимбалы и Джекобова трубка с длинноствольным чубуком, глиняная чашечка которой исполнена в виде женской головки. На ногах тёмные бархатные панталоны и серебропряжечные бальные туфли. У него романтическое лицо Спасителя в обрамлении вьющихся локонов, редкая бородка и усы. Веретеноподобные икры и воробьинолапые ступни явно принадлежат тенору Марио, принцу Кандии. Он охорашивает*

пластинчатые брыжжи на шее и увлажняет губы пробежкой своего амурного языка.)

ГЕНРИ: (*Низким мелодичным голосом, тронув струны своей гитары.*) Распускается цветочек.

(*Виреж негодующе играет желваками, уставившись в лампу. Закручинившийся Цвейт разглядывает шею Зои. Генри, с висячей под челюстью складкой, галантно оборачивается к пианино.*)

СТЕФЕН: (*Сам себе.*) Играй с закрытыми глазами. Как папаша. Обжираюсь свинским хлёбовом. До отвала. Подымусь и восвояси. Наверно так и. Стиви, тебе охота поболтать. Загляни к старику Дизи, или телеграфом. Наш утренний разговор оставил во мне неизгладимый след. И хоть по возрасту мы. Записать завтра целиком. Я слегка поддатый, между прочим. (*Он снова трогает клавиши.*) Тут нужен минорный аккорд. Да. Впрочем, не слишком. (*Альмидано Артифони с пушистыми усищами протягивает скрученные трубкой ноты.*)

АРТИФОНИ: *Ci rifletta. Lei rovina tutto.*

ФЛОРИ: Спой нам чего-нибудь. Старую сладкую песню любви.

СТЕФЕН: Нет голоса. Я самый конченый художник. Линч, я показывал тебе этюд про лютню?

ФЛОРИ: (*Улыбчиво.*) Видали пташку, что может, да не хочет петь? (*Сиамские близнецы, Филип Пьян и Филип Трезв, два оксфордских препа с газонокосилками, появляются в проёме окна. На обоих маски лица Мэтью Арнольда.*)

ФИЛИП ТРЕЗВ: Послушай дурака. Так не пойдет. Подсчитай тупым концом карандаша, как добрый юный идиот. Три фунта двенадцать было у тебя, две банкноты, один соверен, две кроны, если б молодость знала. У Мунея *en ville*, у Мунея *sur mer*, у Мойра, у Ларчета, в госпитале на Холлес-Стрит, у Берка. А? Я контролирую тебя.

ФИЛИП ПЬЯН: (*Нетерпеливясь.*) А, вздор, земеля. Иди к чёрту! Я оплачиваю свой путь. Вот только разберусь с октавами. Редубликация личности. Кто это мне называл его имя? (*Его*

газонокосилка начинает урчать.) Ага, ну, да. *Zoe mou sas agapo.* Такое ощущение будто я тут уже бывал. Кажется, то был Аткинсон; где у меня его карточка? Мак Что-то-там-такое. Вобщем, я отмакнул. Он толковал мне—да, не вались ты!—про Суинберна, кажется так, а?

ФЛОРИ: А песню?

СТЕФЕН: Дух жаждет, да плоть слаба.

ФЛОРИ: А ты, часом, не из Майнута? На кого-то ты смахиваешь, с кем я водилась.

СТЕФЕН: Теперь уже не из. (*Себе.*) Умно.

ФИЛИП ПЬЯН И ФИЛИП ТРЕЗВ: (*Их газонокосилки урчат в ритме джиги стеблей травы.*) Умно умято. Не из уже теперь. И между прочим, где твои вещевая книжица и ясенёк? Да, тут они, да. Умно умято. Уже не из теперь. Держит форму. Делай как мы.

ЗОЯ: Сюда, пару ночей назад, заскакивал священик сделать свое дельце. Застёгнутый на все пуговицы. Да чё ты прячешься, грю. Все одно, знаю, у тебя там римский воротничок.

ВИРЕЖ: Совершенно логично с его точки зрения. Падение человека. (*Хрипит, зверея зрачками.*) К чертям папу! Ничего нового под солнцем. Я тот самый Вireж, что раскрыл сексуальные тайны монахов и девственниц. Читайте Священик, Женщина и Исповедальня. Пенроуз. Охульн Охальн. (*Он извивается.*) Женщина, распустив со сладостной стыдливостью свой пояс из тростниковой веревки, подставляет свою увлажнённейшую юни под лингам мужчины. Спустя недолгое время мужчина одаряет женщину кусками джунглевого мяса. Женщина выказывает радость и покрывает себя перошкурами. Мужчина любит её юни ожесточенно, окрупнелым лингамом, очень твёрдым. (*Он вопит.*) *Coactus volui.* Затем легкомысленная женщина убегает. Сильный мужчина хватает запястье женщины. Женщина визжит, кусается, плюется. Мужчина, уже разъярённый, шлёпает по толстой едгане женщины. (*Он гоняется за своим хвостом.*) Пифпафф! Попо! (*Он останавливается, чихает.*) Пчи! (*Скребет свой зад.*) Прррррхт!

ЛИНЧ: Надеюсь, ты дала отпущение преподобному отцу. Девять гимнов, если подстрелишь епископа.

ЗОЯ: (*Выпускает фонтанчики дыма из ноздрей.*) У него не выходило вхождение. Только тёрся. Суходрочка.

ЦВЕЙТ: Бедняга!

ЗОЯ: (*Легко.*) По причине того, что с ним стряслось.

ЦВЕЙТ: Что такое?

ВИРЕЖ: (*Дьявольский зев чёрного свечения охватывает его лик, он свешивает свою кощавую шею вперёд. Вскидывает луннотелячье рыло и воет.*) *Verfluchte Goim!* Он имел отца, сорок отцов. Он никогда не существовал. СвиноБог. У него обе ноги были левые. Он был Иуда Якчиас, ливийский евнух, папский выблядок. (*Нависая над напряжённо выгнутыми локтями изуродованных передних лап, с агонизирующим глазом в его плоском шеечерепе, он взлаивает над онемелым миром.*) Шлюхин сын. Апокалипсис.

КИТТИ: И Мэри-бездонка залетела под карантин с сифилисом, что наградил её Джимми Голыбок, из синефуражечников, и она родила от него младенчика, что не мог глотать и задохся от конвульсий в матрасе, и мы ещё сообща делали складчину на похороны.

ФИЛИП ПЬЯН: (*Посерьезнев.*) *Qui vous a mis Jance cette fichue position, Phillipe?*

ФИЛИП ТРЕЗВ: (*Повеселев.*) *C'etait le sacre pigeon, Phillipe.*

(*Китти отшпиливает свою шляпку и тихо откладывает, чтоб взбить свои охнённые волосы. И более милой, пригожей головки прекрасных кудряшек ещё не видали на плечах шлюхи. Линч напяливает её шляпу. Она сшибает её.*)

ЛИНЧ: (*Смееёся.*) Надо же, какие восторги привил Мечников человекообразным обезьянам.

ФЛОРИ: (*Киваeт.*) Локомоторная атаксия.

ЗОЯ: (*Весело.*) О, мой лексикон.

ЛИНЧ: Троица премудрых дев.

ВИРЕЖ: (*В малярийном приступе, жёлтая икра пенится на его костлявых эпилептичных губах.*) Она торговала приворотным

зельем, белый воск, оранжевый цветок. Пантера, римский центурион, осквернил её своими родозачинателями. (*Он высовывает фосфорически поблескивающий язык скорпиона; рука в паху.*) Мессия! Он прорвал ей бубен. (*С неразборчивыми бабуинскими воплями дёргает бедрами в циничных спазмах.*) Хик! Хек! Хак! Хок! Хук! Кок! Кук!

(*Бен Юмбо Доллард, румяный, мускулистый, волосатоноздрый, широкобородый, капустоухий, мохнатогрудый, долгогривый, толстососковый; выступает вперёд, его чресла и половые органы обтянуты чёрными пляжными плавками.*)

БЕН ДОЛЛАРД: (*Выстукивая косточками кастаньет в своих здоровенных олохмаченных лапищах, жизнерадостно заливается бочковым барельтоном.*) Как охватит любовь мою пылкую душу.

(*Девственницы, сестра Коллан и сестра Квигли, прорываются через канаты и охранников ринга, набрасываются на него, раскрыв объятия.*)

ДЕВСТВЕННИЦЫ: (*Взахлёб.*) Большой Бен! Бен МакЧри!

ГОЛОС: Держите того фраера в хреновых штанах.

БЕН ДОЛЛАРД: (*Шлёпает себя по ляжке, с раскатистым смехом.*) На, подержись.

ГЕНРИ: (*Лаская у себя на груди отрубленную женскую голову, бормочет.*) Твоё сердце, любовь моя. (*Он щиплет свои лютнеструны.*) Когда впервые увидал я…

ВИРЕЖ: (*Сшелушивая с себя шкуры, сбрасывает обильное оперение.*) Крысы! (*Он зевает, показывая угольную черноту глотки, и смыкает челюсти тычком пергаментного свитка снизу вверх.*) Засим, изъяснившись, я отбываю. Прощай. Всех благ тебе. *Dreck*!

(*Генри Цветон расчёсывает свои усы и бороду карманной расческой и торопливо придаёт коровий взлиз пряди волос надо лбом. Веслорулюясь своей рапирой, скользит к двери, его дикая арфа болтается у него за спиной. Вираж достигает дверей в два неуклюжих скачка на ходулях, хвост его вспушён; на ходу он ловким пришлёпом лба припечатывает к стене гнойножёлтый листок.*)

ЛИСТОК: К.11. никаких почтовых пересылок. Строго между нами. Д-р Хай Френкс.

ГЕНРИ: Всё прошло уж теперь. (*Вireж на три счета отвинчивает свою голову и держит её подмышкой.*)

ГОЛОВА ВИРЕЖА: Квэк!

(*Совместный уход.*)

СТЕФЕН: (*Через плечо, Зое.*) Ты предпочла бы неистового священика, основателя протестантской схимы. Но остерегайся Антисфена, разопселого мудреца, и кончины постигшей Ария Ересиарха. Агония в сортире.

ЛИНЧ: Для неё все это один и тот же Бог.

СТЕФЕН: (*Благочестиво.*) И Безраздельный Господин всего сущего.

ФЛОРИ: (*Стефену.*) Могу поспорить, что ты отлучённый священик. Или монах.

ЛИНЧ: Так оно и есть – кардиналов сынок.

СТЕФЕН: Кардиналов грешок. Монахи-штопориты.

(*Его Святейшество Саймон Стефен Кардинал Дедалус, Примат всея Ирландии, появляется в дверях одетый в красную сутану, сандалии и носки. Семь карликовых обезьянообразных служек, тоже в красном—смертные грехи—придерживают его шлейф, заглядывая под него. На голове его помятая шёлковая шляпа набекрень. Большие пальцы рук он уткнул подмышки, ладони врастопырку. На шее болтаются чётки из бутылочных пробок, заканчивающиеся на груди крестом из штопора для пробок. Высвободив большие пальцы, он призывает благословение свыше широкими волнистыми жестами и возглашает с напыщенной помпезностью.*)

КАРДИНАЛ:

Консервио схвачен.
Брошен в темницу.
Руки и ноги в оковах

Весом свыше трёх тонн.

(*Он минутку смотрит на всех, лукаво жмуря правый глаз, левая щека оттопорщена. Затем, не в силах более сдержать веселье, раскачивается взад-вперёд и, подбоченясь, запевает с разухабистым ёрничеством.*)

О, бедный парень, паренёк.
Но-но-но-ноги у него как желток;
А сам он толстый, жирный, грузный,
Склизкий, как змея,
Но долбаный какой-то дикаришка,
Чтоб отгрызнуть его большую кочерыжку,
Прикончил утку Нелли Флахерт –
милашку селезня.

(*Множество насекомых копошатся на его одеянии. Он чешет себе рёбра вкрещенными руками, морщится и восклицает.*) Страдаю как проклятый, клянусь смычком-пучком. Спасибо ещё Христосу, что эти букашки-маляшки не вгрызаются единогласно. Навалились они разом, свели б меня подчистую с лица этого долбаного глобуса.

(*Скособочив голову, он кратко благославляет указательным и средним пальцами, выдает пасхальный поцелуй и комично откаблучивает прочь, мотая шляпой из стороны в сторону, быстро съеживаясь до размеров своих шлейфоносцев; карликовые служки, хихикая, подглядывая, локтепхаясь, зыря, пасхально чмокаясь, зигзагом тянутся за ним. Издали слышится его сочный голос, благостный, мужчинский, мелодичный:*

Отнесёт мое сердце к тебе

Отнесёт мое сердце к тебе
И дыханье душистой ночи
Отнесёт мое сердце к тебе.*)*

(*Язычковая дверная ручка поворачивается*.)

ДВЕРНАЯ РУЧКА: Тебееее.

ЗОЯ: В той двери нечистый дух.

(*Мужская фигура сходит по скрипучим ступеням; слышно как снимает плащ и шляпу с вешалки. Цвейт невольно подаётся вперёд и, полуприкрыв дверь—пока тот пройдёт—вынимает из кармана шоколад, нервно предлагая его Зое*.)

ЗОЯ: (*Проворно принюхиваясь к его волосам*.) Хм. Спасибо твоей матушке за кроликов. Я обожаю всё, что мне понравится.

ЦВЕЙТ: (*Вслушиваясь в мужской голос, что переговаривается со шлюхами у порога, напрягает слух*.) Или не он? После? Или сорвалось? Или дуплетом?

ЗОЯ: (*Разрывает фольгу*.) Пальцы придуманы раньше вилок. (*Она отламывает и половинит кусочек, одну часть дает Китти Рикетс, а потом по-котёночьи оборачивается к Линчу*.) Нет возражений на французский ромбик? (*Тот кивает. Она поддразнивает его*.) Хочешь прямо сейчас, или подождёшь пока получишь? (*Он раскрывает рот, запрокинув голову. Она кругообразно проносит подачку влево. Его голова поворачивается следом. Она ведёт обратно, описывая круг вправо. Он не сводит с неё глаз*.) На! (*Она бросает кусочек. Он хапает на лету и с хрустом прикусывает*.)

КИТТИ: (*Жуя*.) У инженера, с которым я была на базаре очень даже ничего. С ликёрами лучших сортов. Вице-король тоже там был со своей супругой. Ух, и покрутились мы на лошадках Тофта. У меня до сих пор голова кругом.

ЦВЕЙТ: (*В меховой шубе Свенгали, с наполеоновой прядью на лбу, скрестив руки, хмурится как при чревовещательском изгнании бесов, уставясь на дверь пронзающим орлиным взором. Затем, натужно*

отставив левую ногу, он делает неуловимый пасс повелевающими пальцами и, сняв правую руку с левого плеча, подает знак былого мастера.) Отыди прочь, отыди, заклинаю тебя, кто б ты ни был. (*Мужской кашель и удаляющаяся поступь стихают в уличном тумане. Черты Цвейта смягчаются. Он суёт ладонь себе в жилет в расслабленной стойке. Зоя предлагает ему шоколад.*)

ЦВЕЙТ: (*Церемонно.*) Благодарю.

ЗОЯ: Делай, что говорят. Так оно вернее.

(*На лестнице раздаётся уверенная поступь каблуков.*)

ЦВЕЙТ: (*Берёт шоколад.*) Возбудитель? Но я думал. Ванила успокаивает или? Мнемо. Рассеянный свет рассеивает память. Красный воздействует на лупус. Цвета влияют на характер женщин, в зависимости какие. Этот чёрный меня печалит. Ешь и будь весел назавтра. (*Он ест.*) У вкуса тоже есть оттенки: лиловый. Но давненько я уже. Кажется внове. Возбу. Тот священик. Вынужден приходить. Лучше позже, чем никогда. Может помогли б трюфеля от Эндрюса.

(*Распахнув дверь, входит Белла Коен, массивная шлюхозяйка. На ней платье на три четверти, под слоновую кость, с галунной оторочкой по краю подола; она расхаживает взад-вперёд, поигрывая чёрным роговым веером, как Минни Хоук в КАРМЕН. На её левой руке обручальное кольцо и перстень. Глаза жирно начернены. Под носом пробиваются усики. Лицо тяжелое, в лёгкой испарине, с оранжевокрашеными ноздрями крупного носа. Увесистые бериловые серьги-висюльки побалтываются на ходу.*)

БЕЛЛА: Право слово! Я прям вся взопремши.

(*Оглядывает пары вокруг себя. Затем глаза её с неотвязной настойчивостью выделяют Цвейта. Широкий веер машет на её разгорячённое лицо, шею и телеса. Её соколиный взор вспыхивает.*)

ВЕЕР: (*Игриво зачастил, затем сбавляет.*) Женатый, видно.

ЦВЕЙТ: Да... Отчасти, я не так...

ВЕЕР: (*Распахивается до половины и складывается обратно.*) И жонка держит под каблуком. Правительство в юбке.

ЦВЕЙТ: (*Потупясь, с глуповатой улыбкой.*) Вобщем, да.

ВЕЕР: (*Собранно, утыкается ей в талию.*) Я для тебя ей в былых мечтах? Или она ему ты знал нас раз? Теперь всё им и те же ль нынче мы?

(*Белла надвигается мягко постукивая веером.*)

ЦВЕЙТ: (*Помаргивая.*) Ядреная особь. В моих глазах подмечает сонливость, что подзаводит женщин.

ВЕЕР: (*Сошлёпываясь.*) Мы встретились. Ты мой. Это судьба.

ЦВЕЙТ: (*Одурело.*) Обильнейшая бабень. Безмерно вожделею твоего владычества. Я изнурён, покинут, уже не молод. Я стою, так сказать, с неотправленным письмом, где прибавка к жалованью, перед запоздалым ящиком почтового отделения жизни человечьей. Дверь с окном, раскрытые под прямым углом, вызывают сквозняк в тридцать два фута в секунду, согласно закону свободно падающих тел. Чувствую покалывание в седалищном нерве моей левой ягодичной мышцы. В нашем роду это наследственное. Бедняга милый папа, вдовец, вернейшим был барометром из-за него. Он верил в животное тепло. Кошачья шкурка служила оторочкой его жилету в зимний период. Ближе к кончине, вспомнив царя Давида и Суламит, он разделял своё ложе с Ато, верной и после смерти. Собачья слюна, как вам должно быть… (*Он моргает.*) Ах!

РИЧИ ГУЛДИНГ: (*Отягченный сумкой, проходит мимо двери.*) Насмешка притягивает. Самая стоящая на весь Дубл. Достойна князевой печени и почки.

ВЕЕР: (*Прищёлкивая.*) Все проходит. Будь моим. Теперь.

ЦВЕЙТ: (*Не решаясь.*) Теперь всё уже? Мне не следовало разлучаться с моим талисманом. Дождь, открытость росе на прибрежных камнях, грешок в мою пору жизни. Всякий феномен имеет естественную причину.

ВЕЕР: (*Указывает вниз, с оттяжкой.*) Тебе можно.

ЦВЕЙТ: (*Взглянув вниз, подмечает развязанный шнурок на её ботинке.*) На нас смотрят.

ВЕЕР: (*Указывая вниз, скороговоркой.*) Ты должен.

ЦВЕЙТ: (*Желая, но сдерживаясь.*) Я умею делать настоящий чёрный узел. Научился дослуживая свой срок по линии почтовых заказов у Келета. Набил руку. Любой узелок много о чём может поведать. Позвольте поухаживаю. Сегодня я уж вставал на колени. Ах!

(*Белла слегка приподымает платье и, удерживая равновесие, ставит на край стула пухлое копыто на котурне и плотную бабку, ошёлкогольфенную. Цвейт, одеревенелоногий, стареющий, склоняется над её копытом и ласковыми пальцами вдёргивет и затягивает её шнурки.*)

ЦВЕЙТ: (*Любовно воркует.*) Стать примерщиком обуви у Мансфельда – хрустальная мечта моей юности, прелестные радости сладких кнопочек-крючочков, шнуровать крест-накрест, вплоть до колен, замшевую обувь на атласной подкладке, столь немыслимо малых размеров, дамам с Глейд-Роуд. Даже тамошний восковый манекен, Раймонду, посещал я каждодневно, полюбоваться чулками-паутинкой с носочком ревень, какие носят в Париже.

КОПЫТО: Нюхай мою распалённую козлошкуру. Ощути мою властную увесистость.

ЦВЕЙТ: (*Зашнуровывая.*) Так не туго?

КОПЫТО: Если напартачишь, дружочек-кружочек, садану по твоему футбольному мячу.

ЦВЕЙТ: Не ошибиться б с дырочкой, как у меня случилось в вечер бала на благотворительном базаре. К неудаче. Продел не в тот крючок на моей… помянутой вами особе. В тот вечер она встретила… Готово!

(*Он завязывает шнурок. Белла ставит ногу на пол, Цвейт подымает голову. Её тяжелое лицо, её взгляд ударяют его промеж бровей. Глаза его мутнеют, таращатся, помрачаются, нос набухает.*)

ЦВЕЙТ: (*Мямлит.*) Ожидая ваших дальнейших приказаний, пребываем, джентельмены…

БЕЛЛО: (*С пронзительным взором басилевса, баритонным голосом.*) Пёс позорный!

ЦВЕЙТ: (*Распалённо.*) Императрица!

БЕЛЛО: (*Её тяжелые щеки отвисли.*) Обожатель прелюбодейской задницы!

ЦВЕЙТ: (*Сокрушённо.*) Огромность!

БЕЛЛО: Говноед!

ЦВЕЙТ: (*На полусогнутых лапках.*) Величавость.

БЕЛЛО: (*Он хлещет её по плечу своим веером.*) Выгни ноги вперёд! Левой скользни на шаг обратно. Падай. Ты валишься. Руками наземь!

ЦВЕЙТА: (*Её воздетые, для выражения восторга, глаза зажмуриваются.*) Трюфеля! (*С пронзительным эпилептичным воплем она падает на четвереньки, всхрапывая, хрюкая, копошась у его ног, потом валится, припав к земле с видом полнейшего преклонения, притворясь умершей, накрепко жмурясь, но вздрагивая веками.*)

БЕЛЛО: (*Со вздыбленными волосами, по багровыми щекам толстые кольца усов вокруг выбритого рта, на нём обмотки горцев, зелёное серебрянопуговичное пальто, спортивная рубаха и тирольская шляпа с пером болотного петуха; руки глубоко засунуты в карманы бриджей, он ставит свой каблук ей на плечо и вдавливает.*) Прочувствуй весь мой вес. Никни, рабья тварь, пред троном славы каблуков твоего деспота, в полном блеске их гордого торчания.

ЦВЕЙТА: (*Восторженно блеет.*) Обещаю вовек не ослушаться.

БЕЛЛО: (*Хохочет.*) Святой дым! Мало же ты представляешь что тебя ждёт. Я тот тартар, что зауздает тебя и объездит! Держи пари на кентуккийский коктейль для всех клиентов, что эту блажь я из тебя выклеймлю, крохотуля. Борзеть? У меня не поборзеешь. Теперь ты и впрямь затряслась предчувствуя пинки каблучной дисциплины, вколачиваемой в спортивном костюме.

(*Цвейта заползает под диван и выглядывает оттуда сквозь бахрому.*)

ЗОЯ: (*Расправляя подол пошире, чтоб скрыть её.*) Она не тут.

ФЛОРИ: (*Пряча её свои платьем.*) Она нечаянно, м-р Белло. Она больше не будет, сэр.

КИТТИ: Не стоит чересчур её наказывать, м-р Белло. Вы ведь сжалитесь, мадамсэр?

БЕЛЛО: (*Приманливо.*) Иди-ка сюда, милашка. Потолкуем, дорогуша. Ты поймёшь и исправишся. Разговорчик по душам, голубушка. (*Цвейта высовывает свою робкую голову.*) Вот и умничка-девочка. (*Белло резко схватывает её за волосы, выволакивает.*) Я только малость тебя проучу – тебе же на пользу. По мягкому местечку. Что это тут сзади, такое пухленькое? О, совсем слегка, рыбонька. Ну, сейчас получишь.

ЦВЕЙТА: (*Обмирая.*) Не порвите мне...

БЕЛЛО: (*Свирепо.*) Кольцо в нос, клещи, палки по пяткам, крюк под ребро; ты у меня будешь кнут целовать под музыку флейт, как нубийский раб в старину. Допрыгалась, сиромаха. Попомнишь ты меня для равновесия природной жизни. (*Вены на лбу его вздулись, лицо набрякло.*) Каждое утро, после смачного завтрака из жирной ветчины от Маттерсона и бутылки портвейна Гинеса, я рассядусь на твоей оттоманоседлоспинке. (*Он отрыгивает.*) Буду сосать мою добрячую бирже-маклерову сигару, да листать ГАЗЕТУ БАКАЛЕЙЩИКА С ЛИЦЕНЗИЕЙ. И очень может быть, что я тебя прирежу у себя на конюшне, разделаю твоё мясцо да и отведаю, поджарив до хруста, как молочного поросёнка, с рисом и лимоном, или с изюмным соусом. Ну, а сейчас тебе будет больно.

(*Он выкручивает ей руку, Цвейта пищит, переворачиваясь задом кверху.*)

ЦВЕЙТА: Не будь жестокой, няня! Не будь!

БЕЛЛО: (*Выкручивая.*) Получай!

ЦВЕЙТА: (*Вскрикивает.*) О, муки ада! Каждый нерв в моём теле пронзает безумная боль!

БЕЛЛО: (*Орёт.*) Отлично, клянусь генералом от прыг-скока. Лучшая новость за целые шесть недель. Ну, долго мне ещё ждать? (*Он отвешивает ей пощечину.*)

ЦВЕЙТА: (*Хлюпает.*) Ты меня ударил. Я заявлю...

БЕЛЛО: Навалитесь-ка на него, девочки, пока сверху усядусь.

ЗОЯ: Да. Ещё и потоптать его! До того вдруг захотелось.

ФЛОРИ: Мне тоже охота, не будь жадиной.

КИТТИ: Нет – мне. Дайте мне его.

(*Повариха борделя, м-с Кьог, морщинистая, седобородая, в засаленном фартуке, ботинках и серо-зелёных мужских носках, появляется в дверях, припорошенная мукой; в голой красной руке у неё скалка облипшая сырым тестом.*)

М-С КЬОГ: (*Вызверившись.*) Подмогнуть? (*Они хватают и держат Цвейта.*)

БЕЛЛО: (*Усаживается, всхрюкнув, на повёрнутое кверху лицо Цвейта, пыхкая сигарным дымом, оглаживает свою жирную ногу.*) Кто бы подумал – Китинга Клея выбрали председателем Ричмондского Дурдома и, кстати, льготные акции Гинеса по прежнему на шестнадцати с три-четвертью. Дурак я набитый, что не купил тот пакет, про который мне говорили Крайг и Гарднер. Моя чёртова непруха, пропади она пропадом. А этот долбаный аутсайдер, Клочок, аж двадцать к одному. (*Распсиховавшись, он гасит свою сигару в ухо Цвейта.*) Где эта, Богом проклятая пепельница?

ЦВЕЙТ: (*Заштырканый, задоопухший.*) О! О! Чудовище! Мучитель!

БЕЛЛО: Напрашивайся на это каждые десять минут. Умоляй, упрашивай, как никогда прежде. (*Он вскидывает кулак со скрученной фигой и сигарой.*) А ну – целуй. И то, и другое. Целуй, тебе сказано! (*Перебросив ногу, он усаживается верхом, стискивает коленями заправского кавалериста и возглашает густым басом.*) Вскачь! Галопом до Бенбери-крос. Я поскачу на нём на Ипподромных скачках. (*Он переклоняется насторону и грубо стискивает яйца скакуна, вопя.*) Н-но! Жми! Я тебя выезжу как шёлкового.

(*Он скачет на палочке-лошадке, подпрыгивая в седле.*) Дама едет шагом-шагом, кучер едет рысью-рысью, джентельмен гонит галопом-галопом-галопом-галопом.

ФЛОРИ: (*Дергает Белло.*) Дай-ка и мне на нём. Хватит с тебя. Я первая в очереди.

ЗОЯ: (*Оттаскивая Флори.*) Нет – я. Я. Ты ещё не кончила с ним, сосалка?

ЦВЕЙТ: (*Задыхаясь.*) Не могу.

БЕЛЛО: Ну, я ещё не. Погоди. (*Он сдерживает дыханье.*) Проклятье. Погоди. Сейчас рванёт. (*Он вытаскивает пробку у себя сзади, потом, скорчив рожу, громко пердит.*) Получай! (*Затыкает себя снова.*) Так-то, к лешему, шестнадцать и три четверти.

ЦВЕЙТ: (*В испарине.*) Не мужским. (*Он принюхивается.*) Женщина.

БЕЛЛО: (*Подымается.*) И впредь чтоб ни ветерка: ни горячего, ни холодного. Твоё желание исполнилось. Отныне ты обезмужчинен и всецело моя тварь подхомутная. Влазь-ка в своё смирительное платье. Мужской прикид придётся сбросить, усёк, Рубинчик Коенский? Натягивай короткий шёлк, роскошно шелестящий, через голову и плечи, да поскорее.

ЦВЕЙТ: (*Ёжится.*) Хозяйка сказала – шёлк! О, в обтяжечку, в облипочку! Можно мне потрогать ногтиком?

БЕЛЛО: (*Указывает на шлюх.*) Такими же как они станешь и ты: припариченная, прокипячённая, надухобрызганная, подприпудренная, с гладкобритыми подмышками. Тебя обмеряют впритык. Безжалостно зашнуруют в тископодобные корсеты лебяжьенежного кутиллэ, с прокладками из китового уса, до ромбовидно стиснутой поясницы, полностью сходя на нет, и твоя фигура—пышнее, чем без шнуровки—будет охвачена тугой сетью одежд, плюс две унции нижних юбок, как минимум, да к ним кружева и висюльки со штампом моего, конечно, дома – чудесное бельё созданное для Алисы и чудные духи для Алисы. Алисе тесно станет: туго-претуго. Марта с Марией озябли бы в таких тонюсеньких наляжечниках, но шершаво деликатная подвязка вокруг твоих голых колен тебе напомнит…

ЦВЕЙТ: (*Очаровательная субретка с горчичными волосами, щеки нарумянены, с великоватыми мужскими руками и крупным носом над порочным ртом.*) Я примерял её вещи всего только раз, небольшая шалость, на Холлес-Стрит. Когда нам приходилось туго, то я и стирал, чтоб съэкономить на прачечной. А свои рубахи я откатывал ради чистой экономии.

БЕЛЛО: (*Хмыкает.*) Маленький помощничек, что так умиляет маменьку, ага! И, зашторив окна, в своём кокетливом домино показывал зеркалу свои оголённые ляжки и вымя козла в разным позах случки, ага? Хо! Хо! Лопнешь со смеху! А то подержанное чёрное платье для театра, что м-с Мириам Дендред продала тебе в

отеле Шелборн, а заодно и короткие рейтузы, треснувшие по швам при самом недавнем её изнасиловании, а?

ЦВЕЙТ: Мириам, Брюнетка Полусветка.

БЕЛЛО: (*Раскатисто хохочет.*) Христос всемогущий, попробуй тут не лопнуть со смеху! Ты стал милашкой Мириам, когда состриг волосы у себя на чёрном ходе и раскинулся, балдея, в той тряпке поперек кровати, словно сама м-с Дандрейд, которую вот-вот натянет лейтенант Смити-Смити, м-р Филип Августус Блоквел, член парламента, сеньор Лачи Даремо, дебелый тенор, синеглазый Берт, юноша-лифтер, Генри Флорей или Гордон Беннет-левша, Шеридан, квартерон Крез, университетский гребец из восьмерки старой Троицы, Понто, её красавец дог-ньюфаундленд, или Бобс, вдовствующая герцогиня Маноргамильтон. (*Он вновь хохочет.*) Исусе, тут и сиамский кот усохнет со смеху!

ЦВЕЙТ: (*Его руки и лицо подёргиваются.*) Это Джеральд обратил меня в страстного любителя корсетов, дав мне женскую роль в школьном спектакле НАОБОРОТ. Все из-за милого Джеральда. У него был пунктик балдеть от корсета своей сестры. Нынче миленький Джеральд пользуется розовым гримом и золотит веки глаз. Культ прекрасного.

БЕЛЛО: (*С порочной ухмылкой.*) Прекрасное! Ну, уморил! Это когда с женской осмотрительностью усаживаешься, подъемля свои раздавшиеся складки, на заяложенный, до зеркальности, трон.

ЦВЕЙТ: В интересах науки. Для сравнения различных радостей доступных всякому из нас. (*Чистосердечно.*) И впрямь, это куда более удобная поза, потому что я частенько обмачиваю…

БЕЛЛО: (*Напористо.*) Не вздумай нарушить субординацию. Опилки для тебя там, в углу. Ты получил строжайшие инструкции, не так ли? Делать это стоя, сэр! Я научу тебя держаться жуликменом! Если замечу хоть пятнышко на твоих пелёнках. Клянусь задницей Доранса, будешь знать, что я мастер муштровки. Грехи твоего прошлого восстают против тебя. Множество. Сотни.

ГРЕХИ ПРОШЛОГО: (*Нестройным хором.*) Он прошёл ритуал неоглашенного брака не менее, чем с одной женщиной под сенью Чёрной Церкви. Непроизносимые вещи говорил он в уме по телефону мисс Дунн, проживающей на д'Оливер-Стрит, выставляя себя бесстыже аппарату в телефонной будке. Словом и делом подбивал он полунощную проститутку выкласть фекальные и прочие субстанции в загаженой уборной возле заброшеного здания. В пяти общественных туалетах им произведены карандашные надписи, предлагающие его партнёршу по браку всем крепкочленным мужчинам. И возле испускающей резкий запах фабрики щелочей не он ли прохаживался, вечер за вечером, мимо занимающихся любовью пар, чтобы убедиться возможно ли, а если да, то насколько и что – увидеть? И разве не валялся он в кровати, жирный боров, возбуждаясь тошнотворной вонью попользованной туалетной бумаги, предоставленной ему мерзкой потаскухой, стимулированной имбирным хлебом и почтовым переводом?

БЕЛЛО: (*Присвистнув.*) Скажи на милость! А что было наипаскуднейшей мерзостью за всю твою преступную карьеру? Вали-ка напрямую. Выблёвывай. Отбрось предрассудки. (*Немые нелюдские обличья прут вперёд, поджмуриваясь, исчезая, бормоча, Цыйвыйийт, Польди Кок, Шнурооок за пенни, карга возле Хэсиди, слепой паренёк, Ларри Носорог, та девушка, женщина, шлюха, другая, та…*)

ЦВЕЙТ: Не выспрашивайте у меня. Приятность-Стрит. Я не додумывал дальше, чем вполовину… Клянусь всем, что для меня свято…

БЕЛЛО: (*Безапелляционно.*) Отвечай. Тварь поганая! Мне надо знать. Позабавь-ка чем, да позабористей, выдай срамную или стрёмную историю с привидениями, или стихострочку, ну, не тяни, быстро, тебе говорят! Где? Как? В какое время? Со сколькими? У тебя всего три секунды. Раз. Два. Тр..!

ЦВЕЙТ: (*Покоряясь, белькочет.*) Я гнгнгнусничал в гнгнгнгнусном…

БЕЛЛО: (*Повелительно.*) О, стоп, вонючка! Заткнись! Говори лишь когда к тебе обратятся.

ЦВЕЙТ: (*Кланяется.*) Хозяин! Хозяйка! Мужеукротитель!

БЕЛЛО: (*Сатирически.*) Днём ты будешь замачивать и вытряхивать наше смрадное бельё, и чем мы пользуемся, когда нам, дамам, нездоровится, да швабрить наши сортиры в подоткнутом платьи и с посудной тряпкой подвешенной тебе на хвост. Вид лучше некуда, а? (*Он вдевает кольцо с рубином на цвейтов палец.*) Опаньки! Этим кольцом я обращаю тебя в свою собственность. Говори: спасибо, хозяйка.

ЦВЕЙТ: Спасибо, хозяйка.

БЕЛЛО: Будешь заправлять кровати, готовить мне ванну, опорожнять горшки с мочой из разных комнат, в том числе и от старой м-с Кьог, поварихи, с песочком. Да чтоб драил их хорошенько, все семь, запомни, или нахлебаешься из них же, вместо шампанского. Пей с пылу, с жару, прямо из-под краника. Гоп! По струнке у меня ходить будешь, не то закачу тебе лекцию о твоих проступках, мисс Рубинчик, и что есть мочи проскоблю твой голый волдырь, барышня, грёбаным гребнем. Прочувствуешь все промахи своего поведения. По вечерам сорокатрёхпуговичные перчатки будут облегать твои накремленные и обраслеченные руки, свежеприпудренные тальком и тонконадушенные по кончиками пальцев. За подобную честь рыцари в старину жизнь отдавали. (*Он хихикает.*) Мои мальчики будут бесконечно очарованы, найдя тебя таким женоподобным, полковник, вот что главное-то. Когда заявятся сюда, в ночь накануне свадьбы, потешить мою новую прелестницу на золочёных каблуках. Сперва, я пройдусь по тебе самолично. Мой знакомец с ипподрома, Чарльз Альберт Марш—я только что из постели с ним и ещё одним джентельменом из конторы Кубка и Корзинки—присматривает девицу для всяких дел, и не артачливую. Выпять грудь. Улыбайся. Опусти плечи. Ну, что ещё надо? (*Он объявляет.*) следующий лот – дресирован владельцем брать и носить корзину в пасти. (*Он оголяет свою руку и всовывает по*

локоть Цвейту во влагалище.) И глубина что надо. Как оно, ребята? Пронимает? (*Тычет руку в лицо покупателю.*) Глянь, смачиваешь пол и – полируй!

ПОКУПАТЕЛЬ: Даю один флорин.

(*Служитель Дилона встряхивает свой колокольчик.*)

ГОЛОС: Переплатил шиллинг и восемь пенсов.

СЛУЖИТЕЛЬ: Дрздень!

ЧАРЛЬЗ АЛЬБЕРТ МАРШ: Должно быть девственница. Дыхание хорошее, чистое.

БЕЛЛО: (*Пристукивает своим аукционным молоточком.*) Два фунта. Фигура с крутым задом и по доступной цене. Рост четырнадцать пядей. Потрогайте кончики и убедитесь. Ухватисто. Эта гнедая шкура, эти мягкие мускулы, эта нежная плоть. И зачем только я не прихватил сюда мой золотой дырокол! А доится совсем легко. Три галлона в день. К тому же готовый стадопреумножатель – телится через час. Молочный рекорд его родителя составил тысячу галлонов цельного молока за сорок недель. Оа, мое сокровище! На задние лапы! Оа! (*Он ставит клеймо – свой инициал "К" на крупе Цвейта.*) Так-то! Заверено – Коен! Кто даст сверх пары круглых, джентельмены?

ТЁМНОЛИЦЫЙ МУЖЧИНА: (*С деланым акцентом.*) Сто пунтов стерлинк.

ГОЛОСА: (*Подавленно.*) Для халифа Гарун-аль-Рашида.

БЕЛЛО: (*Весело.*) Верно. Пусть всех проберёт. Узкая, вызывающе короткая юбка, подхлестываясь до колен для показа промелькно-белых панталончиков, является мощным оружием, и—в сочетании с прозрачными чулками на изумрудистых подвязках, с длинным прямым швом, тянущимся выше колен—взывает к лучшим инстинктам мужчины-плейбоя. Обучись плавной дробной походке на четырёхдюймовых каблуках Людовика XV, наклоняйся на греческий манер, маня ягодицами, ляжки вспушены, колени скромно целуются. Сконцентрируй всю силу прельщения и направь на них. Раздрочи их на Гомморальные пороки.

ЦВЕЙТ: (*Утыкается зардевшимся лицом себе подмышку и лыбится, сунув в рот указательный палец.*) О, я знаю, на что это вы намекаете.

БЕЛЛО: А на что ты ещё годен, импотент эдакий? (*Он наклоняется и, всматриваясь, грубо тычет веером под курдючные складки зада Цвейта.*) Встань! Встань! Кот бесхвостый! Что тут у нас? Куда делся твой резной чайник или тебе его отчикнули, кокиека? Пой, пташка, пой. Он такой же вялый как у шестилетнего мальчика, что делает пи-пи за телегой. Купи ведро, или продай свой насос. (*Громко.*) Ты годен исполнять мужское дело?

ЦВЕЙТ: Эклес-Стрит.

БЕЛЛО: (*Саркастически.*) Я ни за что на свете не хотел бы задеть твои чувства, но там хозяйничает мужчина с мышцей. Всё переменилось, мой голубчик. Он, таки, смахивает на взрослого дядю с улицы. Тебе-то, неумеке, не досталась такая палица, вся в шишках, бородавках и нашлёпках. А уж он вдвинул свой болт, я те дам. Нога к ноге, колено к колену, брюхо к брюху, титьки к груди. Вот кто никак не евнух. Поросль рыжей волосни торчит у него сзади, как куст папоротника. Подожди девять месяцев, малый! Святая закваска: она уже брыкается и пёрхает в её утробе! Тебя это бесит, а? Задевает за живое? (*Он презрительно сплевывает.*) Плевательница!

ЦВЕЙТ: Со мною мерзко обошлись, я сообщу в полицию. Сто фунтов. Неудобосказуемо. Я…

БЕЛЛО: Вот бы ты бы, да кишка тонка. Нам ливень подавай, а не твою изморось.

ЦВЕЙТ: Свести меня с ума! Молл! Я забыл! Прости, Молл!.. Мы… Ещё…

БЕЛЛО: (*Безжалостно.*) Нет, Леопольд Цвейт, всё переменилось по воле женщины, покуда ты спал в Сонной Ложбине свою ночь длиною в двадцать лет. Возвращайся и сам взгляни.

(*Старая Сонная Ложбина зовёт через поляну.*)

СОННАЯ ЛОЖБИНА: Рип ван Винкл! Рип ван Винкл!

ЦВЕЙТ: (*В подраных мокасинах с заржавленным дробовиком, на цыпочках, топорща пальцы, заглядывает коршуно-костлявым*

бородатым лицом через ромбовидный оконный переплёт, вскрикивает.) Я вижу её! Это она! Первый вечер у Мэт Дилон! Но платье, почему-то зелёное и волосы покрашены в золотисный цвет и он... (*Он озадаченно нахмуривается.*) Хм. Сфинкс. Зверь с двумя спинами в ночное время. Замужем.

БЕЛЛО: (*Издевательски смеётся.*) Эх ты, филин, это дочь твоя с малингарским студентом.

(*Милли Цвейт, льноволосая, зелёноодеянная, легкосандальная, её голубой шарф под морским ветром вьётся кругом, высвободившись из объятий своего кавалера она зовёт, изумлённо округлив свои молодые глаза.*)

МИЛЛИ: Ой! Это ж Папуля! Но... О, Паплик, как ты постарел.

БЕЛЛО: Как круто всё переменилось, а? Наш всяковсяченный, наш письменый стол, за которым мы никогда не писали, кресло тетки Хагарти, наши классические репродукции старых мастеров. Другой мужчина и его дружки живут тут припеваючи.

УПОКОЁННОСТЬ ПОДКУКУШНИКА: Ну, и что такого? А сколько у тебя было женщин, скажи-ка. Ходил следом за ними по тёмным улицам, плоскоступ, подстегнуть их своими сдавленными всхрюками. Что скажешь, мужчина-проститутка? Непорочные дамы, со свёртками бакалеи. Провернись. Соус для гусятины, гусь мой, О.

ЦВЕЙТ: Они... Я...

БЕЛЛО: (*Хлёстко.*) Оттиски их каблуков вытопчут брюссельский ковер, что ты купил на аукционе у Рена. В своих жеребячьих игрищах с кобылкой Молл, они расколошматят статуэтку, что ты тащил домой, под дождём, во имя искусства ради искусства. Они вломятся в секреты твоего нижнего ящика. Выдерут страницы из твоей книжонки по астрономии, чтоб раскуривать трубку. И будут харкать в твой медный фендер у камина, что ты купил за девять шиллингов у Хемптона Линдома.

ЦВЕЙТ: За десять и шесть. Так ведут себя только последние подонки. Отпусти меня, Я вернусь. Я докажу...

ГОЛОС: Клянусь!

(*Цвейт стискивает кулаки и крадётся вперёд, зажав в зубах здоровенный нож.*)

БЕЛЛО: С оплатой за проживание, или как нахлебник? Слишком поздно. Ты смастерил свою второлучшую кровать и теперь другим возлежать в ней. И уже готова твоя эпитафия. Тебя унизили и отшвырнули, о чём и помни, дряхлый боб.

ЦВЕЙТ: Где справедливость. Вся Ирландия против одного! Неужто никто-никто..?

(*Он прикусывает свой большой палец.*)

БЕЛЛО: Умри и будь проклят, если имеешь хоть малейшее представление о порядочности, или благопристойности. Могу угостить тебя редкостным старинным вином, которое мигом снесёт тебя в ад и обратно. Подпиши завещание и оставь нам всё, до гроша. Если у тебя нет ничего, постарайся, черт возьми, достать: укради, ограбь! Мы похороним тебя в наших сортирных кусточках, где пребудешь сдохшим и обделанным, подле старого засранца Коена, моего приёмного племянника, за которого я вышла было замуж, старый долбаный прокуратор-подагрик и содомит, с судорогой в шее – в одном ряду с моими остальными десятью или одинадцатью мужьями, как уж там звали этих паскудников, задохшихся в одной сливной яме. (*Он закатывается громким мокротным смехом.*) Мы удобрим тебя на славу, м-р Цветик! (*Он трубит глумливо.*) Пока, Полди! Пока, Папуля!

ЦВЕЙТ: (*Хватается за голову.*) Моя сила воли! Память! Я согрешал! Я стра...

(*Он рыдает без слез.*)

БЕЛЛО: (*Глумливо.*) Поплачь детка! Крокодиловой слезой!

(*Цвейт, сломленный, туго спутанный для жертвоприношения, рыдает, уткнув лицо в землю. Слышится тягучий удар колокола. Темношалевые фигуры обрезанцев, в мешковине и пепле, стоят у стены плача. М. Шуломович, Иосиф Голдвотер, Мозес Херцог, Хэрис Розенберг, М. Мойсел, Дж. Цитрон, Минни Вочман, О. Мастиански,*

Преподобный Леопольд Абрамович, Чазен. Всплескивая руками, они, томящим душу плачем, оплакивают выкреста Цвета.)

ОБРЕЗАНЦЫ: (*С неясным гортанным напевом, роняют на него плоды мертвого моря, но ни единого цветка.*) ШЕМА ИЗРАЕЛ АДОНАИ ЭЛОХЕНИ АДОНАИ ЭЧАД.

ГОЛОСА: (*Вздыхая.*) Вот и не стало его. Ах, да. Да, и вправду. Цвейт? Первый раз слышу. Странный он был. Вон вдова. Даже так? Ах, да.

(*От костра самосожжения вдовы вздымается пламя смолистой камфоры. Завеса ладанного дыма наплывает и рассеивается. Покинув свою рамку резного дуба, нимфа с распущенными волосами, в лёгком одеянии коричневато искусственных тонов, нисходит из своего грота и, пройдя под тесносплетёнными кронами тиссов, останавливается над Цвейтом.*)

ТИССЫ: (*Перешёптываясь листьями.*) Сестра. Наша сестра. Тсс.

НИМФА: (*Мягко.*) Смертный! (*С сочувствием.*) Не убивайся ты так, не надо!

ЦВЕЙТ: (*Переколыхиваясь, как желе, глубже под ветви в полоски солнечных лучей, с достоинством.*) Какой апофеоз. Я чувствовал, от меня ждут этого. Сила привычки.

НИМФА: Смертный! Ты отыскал меня в плотской компании: канканки, любители фривольных пикничков, кулачные бойцы, знаменитые генералы, бессмертные пантомимщики в тугих трико и лощёные танцоры шимми, Ла Аврора и Карини, музыкальный акт, хит века. Меня окутывала дешёвая розовая бумага, пропахшая солидолом. Я была окружена прогорклыми скабрезностями клубменов, историями для возбуждения неоперившейся юности, рекламой прозрачненьких, подзаряженой игральной зернью и подкладками для бюста, интимными вещицами и почему следует носить тугие рейтузы, с отзывом восхищённого джентельмена. Из полезных советов для тех, кто замужем.

ЦВЕЙТ: (*Приподымает свою черепашью головку к её лону.*) Мы встречались где-то прежде. На иной звезде.

НИМФА: (*Опечалено.*) Резиновые товары. Без износа, поставки аристократии. Корсеты для мужчин. Я исцеляю от припадков, или альтернативное применение деньгам. Отзывы пользовавшихся чудесным увеличителем грудей профессора Волдмена. За три недели мой бюст увеличился на четыре дюйма, сообщает м-с Гас Раблин с фото.

ЦВЕЙТ: Это вы про ФОТО-КРОХИ?

НИМФА: Ну, да. Ты унёс меня с собой, обрамил меня дубом и блестками, поместил над своим брачным ложем. В один из летних вечеров, без свидетелей, ты поцеловал меня в четырёх местах. И любящим карандашом подтушевал мне глаза, груди и срам.

ЦВЕЙТ: (*Смиренно целует её длинные волосы.*) Твои классические формы, прекрасная бессмертная. Мне радостно было смотреть на тебя, восхвалять тебя, творение красоты, почти поклоняться.

НИМФА: Тёмными ночами мне слышны были твои восхваления.

ЦВЕЙТ: (*Поспешно.*) Ну, да, да. Ты хочешь сказать, что я… Сон в любом из нас раскрывает худшие стороны, кроме, пожалуй, детей. Знаю, я свалился с кровати или, вернее, был вытолкнут. Сталистое вино, говорят, помогает от храпа. Что до прочего, то имеется английское изобретение, брошюру о котором я получил несколько дней назад – ошиблись адресом. Средство, как его вставлять, что приводит к бесшумному, неприметному выпшику. (*Со вздохом.*) Спокон веков, всё то же! Непрочность, имя твое – брак.

НИМФА: (*Затыкая пальцами уши.*) А слова-то! Таких не водится в моем лексиконе.

ЦВЕЙТ: Ты понимала их?

ТИССЫ: Тсс.

НИМФА: (*Прикрывает лицо рукой.*) А уж чего мне пришлось насмотреться в этой спальне! Что только не видели мои глаза.

ЦВЕЙТ: (*Извиняющеся.*) Знаю. Грязное личное бельё, осторожней с изнанкой. Колечки разболтались. Из Гибралтара, долгим морским путем, давным-давно.

НИМФА: (*Опуская голову.*) Хуже! Хуже!

ЦВЕЙТ: (*Осторожно призадумывается.*) Тот старый ящик-футляр. Но её вес был ни при чём. Она весила ровно одиннадцать стоунов и девять. Это уже потом, как отняла от груди, поправилась на девять фунтов. Там оказалась трещина и клея мало, а? И тот идиотский оранжевый сосуд с одной всего ручкой.

(*Слышится шум водопада со звонким журчанием струй.*)

ВОДОПАД:

Пулафока! Пулафока!
Пулафока! Пулафока!

ТИССЫ: (*Сплетая свои ветви.*) Слушай. Шёпот. Она права. Наша сестра. Мы росли и давали тень в нескончаемые летние дни.

ДЖОН ВАЙЗ НОЛАН: (*В глубине, в униформе Ирландских Государственных Лесничих, снимает свою шляпу с перьями.*) Процветайте. Давайте тень в нескончаемые летние дни, деревья Ирландии.

ТИССЫ: (*Бормоча.*) У Пулафоки с экскурсией старшеклассников? Кто покинул своих, клянчащих корж, одноклассников, устремясь в нашу тень?

ЦВЕЙТ: (*Узкогрудый, покатоплечий, пухлый, в непонятном подростковом костюме в серо-чёрную полоску, в белых тенисcных туфлях и гольфах закатанных книзу, с кокардой на красной школьной фуражке.*) Я был подростком, переходный возраст. Много ли надо было? Подколыхивающий экипаж, смешанные запахи дамской раздевалки и уборной, давка в толпе на старой Римской лестнице, потому что они любят грудиться—стадный инстинкт—и тёмная сексопахучая винтовая лестница театра. Даже ценник на их нижнем белье. А тут жара. В то лето отмечались приливы зноя. Школа кончилась. И винный пирог. Дни Альционы.

(*Дни Альционы: старшеклассники в белых с голубым футбольных джерси и в шортах, Мастер Тернбул, Мастер Абрахам Чаттертон, Мастер Оуэн Голдберн, Мастер Джек Нередит, Мастер Перси Эджон стоят в просвете между деревьев и аукают Мастеру Леопольду Цвейту.*)

ДНИ АЛЬЦИОНЫ: Макрель! Опять улизнул от нас. Гип-гип! (*Орут "ура!".*)

ЦВЕЙТ: (*Неуклюжий юнец, ошарфленый и орукавиченый, ошалелый от града снежков, пытается подняться.*) Опять! Я чувствую себя шестнадцаткой! Какой балдёж! Пусть грянут колокола на Монтейс-Стрит. (*Он слабенько уракает.*) Ура нашей школе – до небес!

ЭХО: Балбес!

ТИССЫ: (*Шелестя.*) Она права, наша сестра. Шёпотом. (*Шепотные поцелуи слышны по всему лесу. Лица дриад выглядывают из стволов деревьев и меж листвы, наполняя их цветеньем.*) Кто осквернил нашу молчаливую сень?

НИМФА: (*Застенчиво, через раздвинутые пальцы.*) Там! Не таясь?

ТИССЫ: (*Склоняясь.*) Да, сестра. И на нашу девственную мураву.

ВОДОПАД:

Пулафока! Пулафока!
Пулафока! Пулафока!

НИМФА: (*Разводя пальцы.*) О! Бесстыдство!

ЦВЕЙТ: Я рано созрел. Юность. Фавны. Это было моим жертвоприношением богу леса. Цветы тоже цветут весной. Стояла пора парования. Капиллярное притяжение – естественный феномен. Лотти Кларк, льноволосая, я увидел её на ночном горшке через неплотно сдвинутые шторы, в театральный бинокль бедного папы. Бурёнки рьяно хрумкали траву. Стадо спустилась с холма у Риальто-Бридж, искушать меня своим потоком животного духа. Покрывались,

и я… Тут и святой не выдержал бы. Бес овладел мною. А к тому же, кто видел?

(*Побродяжка Боб, белолобый телёнок, просовывает жующую голову с влажными ноздрями сквозь листву.*)

ПОБРОДЯЖКА БОБ: Моя. Моя видеть.

ЦВЕЙТ: Естественное удовлетворение потребности. Обстоятельства подставляют случай. (*С пафосом.*) Ни одна девушка на меня и глянуть не хотела, когда пришла моя пора на них. Слишков невзрачен. Они не играли…

(*Высоко на Тёрне, проходя через родендродоны, клочкохвостая козочка с тугим выменем, сыпанула катяшки.*)

КОЗОЧКА: (*Блеет.*) Мегегэггегг! Наннанане!

ЦВЕЙТ: (*Без шляпы, раскраснелый, покрытый колючками чертополоха и репейника.*) Регулярно занимаясь. Обстоятельства появляются после случаев. (*Он пристально смотрит вниз на воду.*) Тридцать две кверхтормашки в секунду. Гнетущий кошмар. Головоломный Илия. Падение с утёса. Печальный конец служащего гостипографии.

(*По сребротихому летнему воздуху манекен Цвейта, забинтованый мумийным полотном, катится, переворачиваясь, с утёса Львиная Голова в пурпурные алчущие воды.*)

МАНЕКЕНОМУМИЯ: Вррррццрррцрлобсшрэ?

(*Далеко в заливе между маяками Бейли и Киш идёт под парусами КОРОЛЬ ИРЛАНДИИ, посылая суше расширяющийся султан угольно-чёрного дыма из своего раструба.*)

СОВЕТНИК НАННЕТИ: (*Один на палубе, в тёмной альпаке, жёлто-ястребинолицый, рука в вырезе жилета, возглашает.*) Когда страна моя займёт свое место среди наций Земли, тогда, и не ранее, пусть напишут мою эпитафию. Я свершил…

ЦВЕЙТ: Подкатило. Прфф.

НИМФА: (*Заносчиво.*) У нас бессмертных, как ты сегодня убедился, нет этого места и волос там нет. Мы каменно прохладны и чисты. Питаемся электрическим светом.

(*Она выгибает тело порочным извивом, закладывает указательный палец в свой рот.*) Обращался ко мне. Сзади всё слышано. Да как ты мог..?

ЦВЕЙТ: (*Расхаживает, топча вереск.*) О, я был полнейшей свиньей. Я и клизмы ставил. На треть пинты квассии добавить столовую ложку минеральной соли. Вверх от основания. Спринцовкой Гамильтона Лонга, подругой дам.

НИМФА: В моём присутствии. Пудровая пуховка. (*Она краснеет и выставляет колено.*) И прочее.

ЦВЕЙТ: (*Подавленно.*) Да. *Peccavi*! Я поклонялся этому живому алтарю, где спина сменяет своё имя. (*С нежданным жаром.*) А почему одной лишь тонко надушенной, унизанной перстнями руке, руке что правит..?

(*Фигуры вьются, змеясь медленным лесным узором около древокомлей, взманивая.*)

ГОЛОС КИТТИ: (*Из чащи.*) Покажи-ка нам какую-то из этих подушечек.

ФЛОРИ: Нате вам. (*Вальдшнеп неуклюже пропархивает через подлесок.*)

ГОЛОС ЛИНЧА: (*Из чащи.*) Фью! Ссыт кипятком!

ГОЛОС ЗОИ: (*Из чащи.*) Прямиком из жаркого местечка.

ГОЛОС ВИРЕЖА: (*Птицевождь, синеполосатый и оперенный, в военных доспехах продирается сквозь трескучий тростник по желудям и орешкам бука.*) Горячо! Горячо! Мудрый Сидящий Бык!

ЦВЕЙТ: Это сильнее меня. Теплая вмятина от её тёплых форм. Даже присесть куда садилась женщина, на её сбегающиеся атласно-белые складки, слегка раздвинув ляжки, словно обещанье предельного блаженства. Такие женственно полные. Меня от этого буквально распирает.

ВОДОПАД:

Пулафока! Пулафока!

Пирполняет! Пирполняет!

ТИССЫ: Тсс! Скажи, сестра!

НИМФА: (*Безглазая, в белом одеянии монахини, чепец и обвязка с громадными крылами, уставясь в немыслимые дали, негромко.*) Монастырь Умиротворения. Сестра Агата, гора Кармел, явления Нока и Лурдса. Желания полностью иссякли. (*Она склоняет голову, вздыхая.*) Все эфемерно. Где кремовые чайки грёз машут над водами тёмными. (*Цвейт привстаёт. Задняя пуговица его брюк отскакивает.*)

ПУГОВИЦА: Бип!

(*Две стервозы с танцулек Кумба, дождюя мимо, вопят, как ошалелые.*)

СТЕРВОЗЫ:

О, Леопольд посеял штучку от трусов.
Теперь не знает как и быть,
Чтобы не падал,
Чтобы не падал.

ЦВЕЙТ: Вы разрушили очарование. Последняя соломинка. Что от вас осталось бы, черницы и послушницы, на полной эфемерности? Застенчиво, но с охоткой, как начавший ссать осёл.

ТИССЫ: (*Теряя фольгу осыпающейся листвы, их кряжистые руки стареют и колышутся.*) Решительно!

НИМФА: Святотатство! Посягнуть на мою добродетель! (*Большое влажное пятно появляется на её одеянии.*) Осквернить мою невинность! Ты не достоин касаться даже края одежд чистой женщины. (*Она схватывается за своё одеяние.*) Погоди ж, Сатана. Вот ты и отпел свои любовные песни. Аминь. Аминь-Аминь-Аминь. (*Она

выхватывает стилет и, одетая в кольчугу избранного рыцаря девяти, ударяет его в пах.) Некум!

ЦВЕЙТ: (*Вздрагивает, перехватывает её руку.*) Хой! Небракада! Кошка с девятью жизнями. Играть честно, мадам. Никаких садовых ножиков. Лисица и виноград, так что ли? Чего нам не хватает с вашей колючей проволкой? Распятие узковато? (*Он хватает её запону.*) Вас потянуло на святого аббата, или Брофи, хромого огородника, а может охота бесструйной статуэтки водолея, или доброй матушки Альфонсуса, а вдобавок и Райнарда?

НИМФА: (*С криком вырывается от него, теряя одеяние, её гипсовая отливка трескается, облачко смрада вырывается из трещины.*) Поли..!

ЦВЕЙТ: (*Кричит ей вслед.*) Как будто вы сами не занимаетесь этим втихомолку. Без дрыганья и массы тягучей жижы по всей тебе. Проверено. Ваша сила в нашей слабости. Какая нам плата за жеребцованье? Сколько выложите на бочку? Нанимаете мужчин-танцоров на Ривьере, я читал. (*Убегающая нимфа голосит и причитает.*) Ага! У меня за плечами шестнадцать лет чёрного рабского труда. А завтра присяжные присудят мне алименты? Хотя бы пять шиллингов, а? Меня не проведёшь, ищи дурака. (*Он внюхивается.*) Однако. Лук. Прогорклый. Сера. Жир.

(*Фигура Беллы Коен предстаёт перед ним.*)

БЕЛЛА: Ещё меня узнаешь.

ЦВЕЙТ: (*Спокойно оглядывает её.*) Сгинь. Баранина под вид ягнятинки. Длинные зубы и избыток волос. Сырая луковица на сон грядущий подправит твой цвет лица. И займись какими-нибудь упражнениями от двойного подбородка. У тебя глаза так же тусклы, как и в твоём чучеле лисицы. Размер под стать твоим прочим приметам, только и всего. Я тебе не трехлопастный пропеллер.

БЕЛЛА: (*Презрительно.*) Фактически, ты не рысак. (*Её свиноматка гавкает.*) *Fohracht*!

ЦВЕЙТ: (*Презрительно.*) Сперва почисть свой безноготный срединный палец; стылая молофья каплет с брюха на твой куриный

гребешок. Хапни горсть сена, да утрись.

БЕЛЛА: Знаю я тебя, рекламист! Треска дохлая!

ЦВЕЙТ: Видал я тебя, бандерша! Торговка сифилисом и слизью!

БЕЛЛА: (*Оборачивается к роялю.*) Которая из вас играла марш из САУЛА?

ЗОЯ: Я. Поберегите свои мозоли. (*Она бросается к роялю и лупцует там аккорды, руки вперекрест.*) Собачий вальс. (*Оглядывется назад.*) Эй, кто это там пристраивается приласкать мои солодушки? (*Отбегает обратно к столу.*) Что твоё – моё, а всё моё – частная собственность. (*Китти обескураженно облепляет свои зубы серебряной бумажкой. Цвейт приближается к Зое.*)

ЦВЕЙТ: (*Негромко.*) Верни мне ту картофелину, ладно?

ЗОЯ: Фант, превосходная штучка, лучше не бывает.

ЦВЕЙТ: (*С чувством.*) В ней ничего такого нет, а всё же – память по бедной маме.

ЗОЯ:

Что-то дай, да отними,
Господь спросит где оно,
Скажешь: "Я не знаю где."
Спустит Он тебя на дно.

ЦВЕЙТ: Это реликвия. Пусть останется мне.

СТЕФЕН: Иметь иль не иметь, вот в чём вопрос.

ЗОЯ: На. (*Она задирает на себе подол халата, обнажая голую ляжку, и развязывает картофелину из верха своего чулка.*) Кто прячет – знает где найти.

БЕЛЛА: (*Хмурится.*) Кончай это. Тут не мюзик-холловы показы. И смотри, не раздолбай пианино. Кто тут наяривает? (*Она идёт к пианоле. Стефен роется у себя в кармане и, вынув банкноту за уголок, протягивает ей.*)

СТЕФЕН: (*С преувеличенной галантностью.*) Этот шелковый кошелёк я изготовил из свиного уха публики. Мадам, прошу прощения. Если вы мне позволите. (*Он указывет неопределённо на Линча и Цвейта.*) Мы все из одного марьяжа: Кинч и Линч. *Dance ce bordel ou tenous nostre etat.*

ЛИНЧ: (*Кричит от очага.*) Дедалус! Благослови её за меня!

СТЕФЕН: (*Даёт Белле монету.*) Золото. У неё.

БЕЛЛА: (*Смотрит на Зою, Флори и Китти.*) Вы хотите трёх девочек? У нас они по десять шиллингов.

СТЕФЕН: (*С восторгом.*) Сто тысяч извинений. (*Он роется снова и дает ей две кроны.*) Позвольте, *brevi manu*, у меня что-то со зрением. (*Белла отходит к столу и считает деньги, покуда Стефен односложно говорит сам с собой. Зоя подскакивает к столу. Китти виснет на шее Зои. Линч встаёт, оправляет свою кепку и, обхватив Китти за талию, добавляет свою голову в группу.*)

ФЛОРИ: (*В тяжкой попытке приподняться.*) Ой! У меня нога затекла.

(*Она ковыляет к столу. Приближается Цвейт.*)

БЕЛЛА, ЗОЯ, КИТТИ, ЛИНЧ, ЦВЕЙТ: (*Тараторя и огрызаясь.*) Джентельмен… десять шиллингов…платит за троих… Минуточку, позвольте мне… этот джентельмен платил отдельно… кто это хватает?..ой… смотри кого лапаешь… вы останетесь на ночь или ненадолго?.. кто это сделал?.. вы, извините, лжёте… джентельмен уплатил как джентельмен… выпить… уже давно за одиннадцать…

СТЕФЕН: (*У пианолы, с жестом омерзения.*) Никаких бутылок! Что есть одиннадцать? Загадка.

ЗОЯ: (*Задирав халат, заворачивая полсоверена в край своего чулка.*) Собственным горбом заработанные.

ЛИНЧ: (*Подымая Китти от стола.*) Пошли!

КИТТИ: Погоди. (*Она схватывает две кроны.*)

ФЛОРИ: А я?

ЛИНЧ: Опля! (*Он подымает её, относит и роняет на диван.*)

СТЕФЕН:

Лис запел, петух взлетел,
Колокол в небесах
Пробил одиннадцать раз –
Бедняжке душе пора собираться,
С небес спускаться.

ЦВЕЙТ: (*Мягко кладёт полсоверена на стол между Беллой и Флори.*) Так. Позвольте мне. (*Он забирает фунтовую банкноту.*) Трижды по десять, мы в расчёте.

БЕЛЛА: (*С восхищением.*) Ну, ты и шустряк, старый петушок. Так бы и расцеловала.

ЗОЯ: (*Показывает пальцем.*) Энтот? Глубок, как вырытый колодец. (*Линч опрокидывает Китти на диван и целует её. Цвейт идёт с фунтовой банкнотой к Стефену.*)

ЦВЕЙТ: Это ваше.

СТЕФЕН: Как так? *Le distrait*, или рассеяный нищий. (*Он опять роется в своём кармане и достаёт пригоршню монет. Что-то падает.*) Уронил.

ЦВЕЙТ: (*Нагибается, подымает и передает коробку спичек.*) Вот.

СТЕФЕН: Люцифер. Спасибо.

ЦВЕЙТ: (*Негромко.*) Лучше отдайте мне всю эту наличность на сохранение. Зачем сорить деньгами?

СТЕФЕН: (*Отдаёт ему все свои монеты.*) Блюди справедливость, прежде чем стать щедрым.

ЦВЕЙТ: Буду, но что толку? (*Пересчитывает.*) Один, семь одиннадцать и пять, шесть, одиннадцать. Я не отвечаю за то, что вы уже могли потерять.

СТЕФЕН: Почему уже бьёт одиннадцать? Пропарокситон. Миг накануне следующего, говорит Лессинг. Тридцать лис. (*Он громко смеётся.*) Хоронит свою бабушку. Должно быть, он её прикончил.

ЦВЕЙТ: Тут один фунт шесть и одиннадцать. Скажем, один фунт и семь.

СТЕФЕН: Чепуха.

ЦВЕЙТ: Нет, но...

СТЕФЕН: (*Подходит к столу.*) Сигарету, пожалуйста. (*Линч с дивана бросает сигарету на стол.*) Итак, Джорджина Джонсон скончалась и вышла замуж. (*Сигарета попадает на стол. Стефен всматривается.*) Чудо. Камерная магия. Замужем. Гм. (*Он зажигает спичку и начинает раскуривать сигарету с загадочной меланхоличностью.*)

ЛИНЧ: (*Наблюдая за ним.*) У тебя будет больше шансов раскурить, если поднесёшь спичку поближе.

СТЕФЕН: (*Подносит спичку ближе к глазу.*) Рысий глаз. Надо б очки. Разбил их вчера. Шестнадцать лет тому. Расстояние. Глаз всё видит плоским. (*Он отводит спичку, та гаснет.*) Мозг соображает. Близко: далеко. Неотменимая обусловленность видимого. Замужем.

ЗОЯ: Коммивояжер женился на ней и увез с собой.

ФЛОРИ: (*Кивает.*) М-р Агнсон из Лондона.

СТЕФЕН: Агнец лондонский, что искупает грехи нашего мира.

ЛИНЧ: (*Обнимая Китти на диване, басовито возглашает.*) *Dona nobis pacem.*

(*Сигарета выпадает из пальцев Стефена. Цвейт подымает и швыряет её в камин.*)

ЦВЕЙТ: Не надо курить. Вам бы лучше поесть. Чёртов пёс подлизался ко мне. (*Зое.*) Найдется у вас что-нибудь?

ЗОЯ: Он голоден?

СТЕФЕН: (*Протягивает руку к её улыбке и возглашает на мотив кровной клятвы из СУМЕРКОВ БОГОВ.*)

Hangende Hunger,
Fragende Frau,
Macht uns alle Kaput.

ЗОЯ: (*Трагично.*) Гамлет, я омлет твоего отца! (*Она берёт его руку.*) Синеглазый красавчик, дай почитать по твоей руке. (*Указывает на его лоб.*) Нет ума, нет морщин. (*Она считает.*) Два, три, Марс, это храбрость. (*Стефен мотает головой.*) Не балуй.

ЛИНЧ: Он боится грома за горами. Юноша, что не умел трястись и вздрагивать. (*Зое.*) Кто научил тебя хиромантии?

ЗОЯ: (*Оборачивается.*) Не морочь мне яйца, которых нет. (*Стефену.*) Я по твоему лицу вижу. Глаз алмаз. (*Она хмурится, опустив голову.*)

ЛИНЧ: (*Смеясь, хлопает Китти по заду, дважды.*) Вот так. Порка по ладони. (*Дважды громко щёлкает линейка, гроб пианолы распахивается, давая выскочить круглой лысеватой голове чертика-в-коробке – отца Долана.*)

ОТЕЦ ДОЛАН: Кто-то из мальчиков давно не получал порки? Очки разбились? Шельмец ленивый. По глазам вижу. (*Мягко, благосклонно, ректориально и укоризненно голова Джона Конми подымается из пианолового гроба.*)

РЕКТОР ДЖОН КОНМИ: Да будет вам, Отец Долан! Уймитесь. Я уверен, что Стефен очень хороший мальчик.

ЗОЯ: (*Изучая ладонь Стефена.*) Женская рука.

СТЕФЕН: (*Бормочет.*) Валяй. Ври. Держи меня. Ласкай. Для меня Его почерк был всегда неразборчив, мне удавалось только различать оттиск Его преступного большого пальца на тюльке.

ЗОЯ: В какой день ты родился?

СТЕФЕН: В четверг. Сегодня.

ЗОЯ: Дитя четверга далеко пойдёт. (*Она прослеживает линии на его руке.*) Линия судьбы. Влиятельные друзья.

ФЛОРИ: (*Указывая.*) Воображение.

ЗОЯ: Полнолуние. Ты встретишься с... (*Она порывисто осматривает его кисть.*) Я не хочу про плохое. Или тебе охота знать?

ЦВЕЙТ: (*Разводит её пальцы и подставляет свою ладонь.*) Больше вреда, чем пользы. Вот. Мою почитай.

БЕЛЛА: Покажи. (*Она переворачивает руку Цвейта.*) Так я и знала. Узловатые суставы, падок на юбки.

ЗОЯ: (*Вглядываясь в ладонь Цвейта.*) Решёточка, поедешь за море и женишься на деньгах.

ЦВЕЙТ: Завралась.

ЗОЯ: (*Поспешно.*) О, вижу. Короткий мизинец. Подкаблучник. Курям ноги моешь. Не так? (*Чернушка Лиз, здоровенная наседка в очерченом мелом круге, подымается, расправляет крылья и квохчет.*)

ЧЕРНУШКА ЛИЗ: Гара. Клоок. Клоок. (*Она соскальзывает со свежеснесённого яйца и вперевалочку отходит.*)

ЦВЕЙТ: (*Показывает на свою руку.*) Этот вот рубец от несчастного случая. Упал и порезался, двадцать два года назад. Мне было шестнадцать.

ЗОЯ: Вижу, сказал слепой. Расскажи чего поновее.

СТЕФЕН: Видала? Движется к одной великой цели. Шестнадцать лет назад я, двадцатидвухлетний, сковырнулся, двадцать два года назад он, шестнадцатилетний, упал со своего конька-палочки. (*Он морщится.*) Где-то я ушиб руку. Надо сходить к дантисту. Деньги?

(*Зоя шепчет Флори. Обе хихикают. Цвейт высвобождает свою руку и лениво пишет на столе, задом-наперёд, выписывая медленные изгибы.*)

ФЛОРИ: Что? (*Наёмный экипаж номер триста двадцать четыре, с галантнозадой кобылой, кучер Джемс Бартон, Гармони-Авеню, Доннибрук, прорысил мимо. Ухарь Бойлан и Лениен раскинулись, всколыхиваясь, на сиденьях. Ормондский коридорный уцепился на заднюю ось. Лидия Даус и Мина Кеннеди с грустью выглядывают поверх занавески.*)

КОРИДОРНЫЙ: (*Подскакивая, дразнит их большим и остальными корявыми червяко-пальцами.*) Хе, хе, есть у вас рог? (*Бронза подле золота, они перешёптываются.*)

ЗОЯ: (*Флори.*) Шепчутся. (*Те снова перешёптываются.*)

(*Над колодезем экипажа Ухарь Бойлан склоняется, его гребцовская соломка сбита набекрень, во рту зажат красный цветок. Лениен, в*

яхтсменской кепке и белых туфлях, заискивающе снимает длинный волос с плеча Ухаря Бойлана.)

ЛЕНИЕН: Хо! Что я тут вижу? Ты смахивал паутину в паре пёзд?

БОЙЛАН: (*Пресыщенно усмехается.*) Пощипал индюшку.

ЛЕНИЕН: Хорошая ночная работёнка.

БОЙЛАН: (*Вздев четыре плотных тупокопытных пальца, подмигивает.*) Резвуха муха! Точно по шаблону, или вернём вам ваши денежки. (*Он выставляет указательный палец.*) Во, нюхни-ка.

ЛЕНИЕН: (*Нюхает шаловливо.*) Ах! Рак под майонезом. Ах!

ЗОЯ И ФЛОРИ: (*Всхохатывают разом.*) Ха ха ха ха.

БОЙЛАН: (*Уверенно соскакивает с экипажа и громко окликает, чтоб все слыхали.*) Привет, Цвейт! М-с Цвейт ещё не раздевалась?

ЦВЕЙТ: (*В плюшевой ливрее лакея и брюках до колен, на нём желтоватые чулки, напудренный парик.*) Боюсь, уже, сэр, последние принадлежности...

БОЙЛАН: (*Швыряет ему шесть пенсов.*) На, купишь себе джина и содовой. (*Он ловко вешает свою шляпу на отросток рогов на голове Цвейта.*) Введи-ка меня. По личному дельцу к твоей жене, уразумел?

ЦВЕЙТ: Спасибо, сэр. Да, сэр, мадам Твиди принимает ванну, сэр.

МАРИОН: Он должен чувствовать себя удостоенным высокой чести. (*Со всплеском она вскакивает из воды.*) Рауль, дорогой, иди оботри меня. Я без всего. Только моя новая шляпка и полировочная губка.

БОЙЛАН: (*С весёлой искринкой в глазу.*) Самое оно!

БЕЛЛА: Что это? В чём дело?

(*Зоя шепчет ей.*)

МАРИОН: И пусть он смотрит! Волхв! Сутенёр! Ещё и прополощет сам себя. Я напишу влиятельной проститутке, или Бартоломоне, бородатой женщине, исполосовать его рубцами в дюйм толщиной, и чтоб принёс мне свидетельство с подписью и печатью.

БЕЛЛА: (*Смётся.*) Хо хо хо хо.

БОЙЛАН: (*Цвейту, через плечо.*) Можешь приставить глаз к замочной скважине и поиграться сам с собой, покуда я её разок-

другой пропарю.

ЦВЕЙТ: Спасибо, сэр, будет сделано, сэр. Можно я приведу двух приятелей, засвидетельствовать акт и сделать снимок? (*Он держит банку умащений.*) Вазелинчика, сэр? Апельсиновый цвет?.. Тёплой водички?..

КИТТИ: (*С дивана.*) Скажи нам, Флори. Скажи нам. Что.

(*Флори шепчет ей. Шепотливые ласкословеса бормочут, губочмякая смачно, маковично поплёскивая.*)

МИНА КЕННЕДИ: (*Воздев глаза.*) О, это должно быть как аромат гераний и прелестных персиков! О, он просто идолопоклонствует каждому её закоулочку! Слиплись! Покрываются поцелуями!

ЛИДИЯ ДАУС: (*Раскрыв рот.*) Ням-ням. О, он носит её по комнате, делая это! Скачка на палке. Да их слыхать от Парижа и аж до Нью-Йорка. Словно полон рот земляники со сливками.

КИТТИ: (*Смеётся.*) Хии хии хии.

ГОЛОС БОЙЛАНА: (*Сладко, хрипло, изутробно.*) Ах! Бохрезкрукбрукарчакрашт!

ГОЛОС МАРИОН: (*Хрипло, сладостно, протискиваясь сквозь её горло.*) О! Хошмыцлуйгопусхнапухак?

ЦВЕЙТ: (*Глаза его дико выпучены, стискивает себя.*) Вынь! Сунь! Вынь! Вдвинь ей! Глубже! Протарань!

БЕЛЛА, ЗОЯ, ФЛОРИ, КИТТИ: Хо хо! Ха ха! Хии хии!

ЛИНЧ: (*Указывая.*) Зеркало верное природе. (*Он смеётся.*) Ху ху ху ху ху ху.

(*Стефен и Цвейт глядят в зеркало. Лицо Вильяма Шекспира, безбородое, является там – заострённое параличем лицо, увенчанное отражением ветвистой оленерогой вешалки в прихожей.*)

ШЕКСПИР: (*Преисполненным достоинства чревовещанием.*) Громкие хаханьки – знак пустопорожнего ума. (*Цвейту.*) Ты мечтал быть невидимым. Воззри же. (*Он вскукарекивает смехом чёрного каплуна.*) Яго-го! Как мой Вспотелый удавил свою Звездумоню. Ягогого!

ЦВЕЙТ: (*Криво усмехаясь шлюхам.*) Когда же я услышу анекдот?

ЗОЯ: Перед тем как дважды женишься и один раз овдовеешь.

ЦВЕЙТ: Недостатки простительны. Даже великий Наполеон, когда были сделаны посмертные обмеры по коже…

(*М-с Дигнам, вдовая женщина, её вздернутый нос и щёки раскраснелись от поминальной говорильни, слёз и тёмного ликёра из заведения Танея, поспешает мимо в своём траурном платье, сбившейся шляпке, она подрумянивается на ходу, пудрит щёки, губы и нос. Лебедиха, подгоняющая свой выводок лебедят. Из-под подола её видны каждодневные штаны её мужа и башмаки с задранными носами, здоровенного восьмого размера. Она несёт страховой полис Шотландские Вдовы и большой зонт-палатку, под которым вслед за ней трусит её выводок. Пэтси, с отстегнувшимся воротничком, припадает на короткую ногу, побалтывая свиной вырезкой. Следом, подскуливая, Фреди; Сузи, со ртом плаксивой кильки; Алиса, тетешкая младенца. Она их поторапливает, высоко взвивая свои ленты.*)

ФРЕДДИ: Ах, ма, ты меня юзом тащишь!

СУЗИ: Мама, бульон выкипает.

ШЕКСПИР: (*В паралитической ярости.*) Сы фторым шо порешил первава.

(*Лицо Мартина Канинхема, бородатое, сменяет шекспирово безбородое лицо. Зонт-палатка пьяно шатается. Дети бросаются врассыпную. Под зонтом показывается м-с Канинхем в шляпке Весёлой Вдовы и халате-кимоно. Она семенит бочком и перегибается в японском поклоне.*)

М-С КАНИНХЕМ: (*Поёт.*)

Меня кличут сокровищем Азии.

МАРТИН КАНИНХЕМ: (*Непроницаемо воззрясь на неё.*) Великолепно! Самая распродолбаная прошмандовка!

СТЕФЕН: *Et exaltabuntur cornua iusti*. Царицы слягаются с племенными быками. Вспомните Пасифаю, из-за чьей похоти мой прадреводедушка соорудил первую исповедальню. И не забудьте мадам Гризел Стивенс, а также свинских отпрысков рода Ламбертов. И Ной был пьян от вина. И ковчег его нараспашку.

БЕЛЛА: Только этого тут не хватало. Здесь вам не там.

ЛИНЧ: Не мешай, он недавно из Парижа.

ЗОЯ: (*Подбегает к Стефену и охватывает его.*) Ух, ты! Выдай нам какую-нибудь парлеву. (*Стефен нахлобучивает шляпу на голову и отскакивает к камину, где и стоит, вздёрнув плечи, распростёрши перепончастые руки, с намалёванной улыбкой на лице.*)

ЛИНЧ: (*Издаёт барабанную дробь по дивану.*) Ртт Ртт Ртт Ррррррттттттт.

СТЕФЕН: (*Хурдымурдычет, с марионеточными подёргиваниями.*) Тысяча место развлечений, отводить ваш вечер с прекрасный дамочка по продаже перчатки и другой вещи, она наверняка любить отличный модный заведение, очень эксцентрик, где много кокотка в красивый одежда, совсем как принцесса, там танцевать канкан и кейк-уок, где парижеский клоунеры, экстра глюпый, для холостой иностранцы, всё-таки хотя бы они мало говорить английский, но очень много знать дело любви и наслаждений чувство. Очень изысканый господа, для большой удовольствие, побывать на небеса и ад, представление с похоронный свечи, там сорить серебро, представлять каждый вечер. Полный шок, ужасный комедия, религиозный вещи виданный во весь мир. Самый шикарный женщины приходят скромный-скромный, потом раздеваться и кричать громко, когда видеть, как вампир дебошировать монашка, очень свежий, молодой в *dessous troublant*. (*Он громко прищёлкивает языком.*) *Ho la la! Ce pif qu'il a!*

ЛИНЧ: *Vive la vampire!*

ШЛЮХИ: Браво! Парлевуу!

СТЕФЕН: (*Гримасничает, громко смеётся, запрокинув голову и шлёпая сам себя.*) Большой успех смеха! Ангелы – такой нахальный

проститутки, а святой апостолы – проклятый бандиты. Куртизан, прелестный красота, блеск алмазы, очень приятно костюмированый. Может, вы хотеть больше, как имеют удовольствие современный развратный старики? (*Он размашисто показывет похабными жестами, на которые Линч и шлюхи отвечают.*) Резиновый женский статуя, подвижный, натуральный величина, подсматривать девственницы, очень голый лесбик, целоваться пять, десять раз. Приходить джентельмены смотреть на зеркало, каждый поза, через специал машина, или когда если желать, ужасно животный акт, сын мясника делать поллюция в тёплый телячий печень, или в омлет на брюхо *piece de Shakespeare.*

БЕЛЛА: (*Шлёпает себя по брюху, валится на диван, давясь смехом.*) Омлет на… Хо! хо! хо! хо! Омлет на…

СТЕФЕН: (*Раздельно.*) Я люблю вас. Сэр, милый. Поговори свой английского язык для *double entante cordiale*. О да, *mon loup*. Сколько стоит? Ватерлоо. Ватерклозет.

(*Он вдруг прекращает и вскидывает указательный палец.*)

БЕЛЛА: (*Смеётся.*) В омлет…

ШЛЮХИ: (*Ухохатываясь.*) Бис! Бис!

СТЕФЕН: Заметьте. Мне приснилась дыня.

ЗОЯ: Отправляйся заграницу и полюби иностранку.

ЛИНЧ: Вокруг света за женой.

ФЛОРИ: Сны сбываются навыворот.

СТЕФЕН: (*Раскинув руки.*) Это было тут. Улица шлюх. На Серпентайн-Авеню Вельзевул показал мне её, приземистую вдову. Где постелен красный ковер?

ЦВЕЙТ: (*Приближаясь к Стефену.*) Послушайте…

СТЕФЕН: Нет, я летел. Мои недруги где-то внизу подо мной. И будут всегда. (*Он кричит.*) *Pater*! Свобода!

ЦВЕЙТ: Да, послушайте же…

СТЕФЕН: Сломить мой дух, он? *O merde alors*! (*Он кричит, его ястребиные когти заостряются.*) Хола! Хиллухо!

(*Голос Саймона Дедалуса хиллукает в ответ, чуть заспанно, но с готовностью.*)

САЙМОН: Всё как надо. (*Испуская подбадривающие крики, он неуверенно ширяет по воздуху, взмывая на крепких массивных коршуновых крыльях.*) Хо, мальчик! Пшатт! В заезде с этими полукровками. Обойдёт на предел слышимости ослиного рёва. Взвейся выше наш флаг! Летящий чёрный орел на золотом поле. Король Ольстера при гербе! Хей хуп! (*Он играет на губах сигнал фанфар.*) Балбал! Барблблбрарблбл! Хэй, мальчик!

(*Пальмовые листья и просветы настенных обоев быстро разметываются по стране. Крупный лис, зарывший свою бабку, поднят из логова, резко мчит по полю, яркоглазый, вздыбив шерсть, выискивает барсучью нору под листьями. Свора борзых – следом, предвкушая причитающуюся им требуху, трубно барблбрблающие – обкровавиться б. Охотники Союза Лесников и охотницы распалённо гонятся, горя желанием убить. От Шестой мили, Плоскодома, Камня Девятой мили преследуют загонщики с узловатым дубьем, крючьями, арканами, чабаны с бичами, медвежатники с тамтамами, тореодоры машут шпагами, серые негры – факелами. Толпа вопит про игроков в кости, в напёрсточек, про зернь и чернь. Крики, улюлюканье, хриплоголосые букмекеры в высоких вещунских шапках оглушительно галдят.*)

ТОЛПА:

Билет гонок. Гонки билет!
Десять к одному в поле.
Вон Томми на прахе! Томми на прахе!
Десять к одному дробь один.
Десять к одному дробь один.
Попытай свое счастье на мчащей Дженни!
Десять к одному дробь один.
Ставлю на банк, парни! Ставлю на банк!

Десять даю к одному!
Десять к одному дробь один!

(*Тёмная лошадка, без всадника, проносится, как призрак, над финишной чертой, грива её лунно вспенена, в глазных яблоках – звёзды. Следом весь прочий заезд: группка брыкливых коней. Лошади-скелеты: Мантия, Максим Второй, Цинфандель, Выстрел герцога Вестминстерского, Отбой, Цейлон герцога Бюфорстского, победитель Большого приза Парижа. Верхом на них карлики в заржавелых доспехах, подскак-скакивая в сёдлах. Последним, сквозь дождящую изморось, верхом на запыхавшейся жёлто-серой кляче Петух Севера, приходит фаворит, Гэррет Дизи – медоцветная кепка, зелёная куртка, оранжевые рукава, он стискивая поводья, держа наотлёт хокейную клюшку. Его кляча, спотыкаясь белоочулочеными ногами, трусит вдоль каменистой дороги*.)

ОРАНЖЕВЫЕ ЛОЖИ: (*С издевкой*.) Слазь, да подтолкни, мистер. Последний скачок! К ночи будешь на финише.

ГЭРРЕТ ДИЗИ: (*Прямой, словно аршин проглотил, его ногтевсцарапанное лицо заклеено почтовыми марками, размахивает своей хоккейной клюшкой, голубые глаза сверкают в призме канделябра, покуда конь его скачет мимо замедленно плавным галопом*.) *Per vias rectas!*

(*Вязка вёдер леопардопятнает его с головы до ног, выхлюпывая ливень бараньего бульона с пляшущими монетами моркови, ячменя, луковиц, репы, картошек*.)

ЗЕЛЁНЫЕ ЛОЖИ: Погожего дня, сэр Джон! Погожего дня, ваша честь!

(*Рядовой Карр, рядовой Комптон и Кисси Кэфри проходят под окнами, нестройно горланя*.)

СТЕФЕН: Слыхали?! Наш друг – уличный гвалт.

ЗОЯ: (*Вскидывает руку*.) Стой!

РЯДОВОЙ КАРР, РЯДОВОЙ КОМПТОН И КИССИ КЭФРИ:

Есть у меня кой-что
Из Йоркширских услад для...

ЗОЯ: Вот она я! (*Она хлопает в ладоши.*) Танцевать! Танцевать! (*Она бежит к пианоле.*) У кого есть двупенсовик?

ЛИНЧ: (*Протягивает ей монетку.*) На.

СТЕФЕН: (*Нетерпеливо прищёлкивая пальцами.*) Скорей! Скорей же! Где мой авгуров посох? (*Он подбегает к роялю и схватывает свой ясенёк, притопывая в ритме на три четверти.*)

ЗОЯ: (*Поворачивает рукоятку валика.*) Щас!

(*Она бросает монетку в прорезь. Вспыхивают золотые, розовые, лиловые огоньки. Валик прокручивается, урча негромким колеблющимся вальсом. Профессор Гудвин, в придворном платьи и парике с бантом, в замызганном инвернийском капюшоне, перегнутый вдвое невероятным возрастом, семенит через комнату, трепыхая руками. Он легонько присаживается на рояльный стул, подымает и бьёт безкистными палками рук по клавишам, покивывая с девичьей грацией, подрагивая бантом.*)

ЗОЯ: (*Кружит на месте каблучно стуча.*) Танцевать. Кто ещё? Кто танцует?

(*Пианола, мигая огоньками, играет в ритме вальса вступление к МОЯ ДЕВЧОНКА – ДЕВУШКА ИЗ ЙОРКШИРА. Стефен бросает свой ясенёк на стол и схватывает Зою за талию. Флори и Белла сдвигают стол к камину. Стефен, обнимая Зою с преувеличенной галантностью, начинает кружить её по комнате. Её рукав, спадая с элегантствующих рук, открывает белый плотский цветок прививки. Цвейт отступает в сторону. Меж портьер Учитель Маггини просовывает ногу, на носке которой вертится шёлковая шляпа. Ловким взбрыком он подбрасывает её, крутящуюся, себе на макушку и джентельшляпно ввинчивается в комнату. На нём серый сюртук с алыми шёлковыми лацканами, бутоньерка кремовой тюли, зелёный*

жилет с низким вырезом, бальные лакировки и канареечные перчатки. В петличке цветок дахлии. Он вертит свою тросточку в разводах во всевозможных плоскостях, затем туго вклинивает её себе подмышку и, истомлённо прикладывая руку к груди, кланяется, охорашивает свой цветок и пуговки.)

МАГГИНИ: Поэзия движений, искусство каллистеники. Ничего общего с тем, чему обучают у мадам Леггет Бирн, или у Левинсона. Готовые бальные платья для карнавала. Манеры. Танцдвижения Кэтти Ленер. Итак. Следите за мной! Мои терпсихорные дарования. (*Он менуэтит три шага вперёд на заплетающихся пчелиных ножках.*) *Tout le monde, en avant! Reverence! Tout le monde en place!*

(*Вступление стихает. Профессор Гудвин, наяривая неразличимыми руками, съёживается, ссыхается, его вертлявый капюшон спадает на стул. Гремит мелодия в более чётком ритме вальса. Стефен и Зоя раскованно кружатся. Огни меняются, мерцают, угасают: золотой, розовый, лиловый.*)

ПИАНОЛА:

Два парня говорили про своих девчат,
Подружек, что оставили вдали, ли, ли……

(*Из угла выбегают утренние часы, златовласые, изящные, в девичье голубом, с осиными талиями, невинными руками. Они проворно танцуют, вертя свои скакалки. Следуют часы полуденные, в густо золотом. Смешливо, под ручку друг с другом, они поблёскивают высокими гребешками и ловят солнце в зеркальца, пускают зайчики, вздымая руки вверх.*)

МАГГИНИ: (*Прихлопывает перчатнотихими руками.*) Каррэ! *Avant deux*! Дышать ровно! *Balance*!

(*Утренние часы и часы полуденные вальсируют на своих местах, поворачиваясь, подступая друг к другу, обрисовывая свои изгибы,*

кланяясь vis a vis. Кавалеры, позади них, подымают их руки аркой и поддерживают, а свои ладони опускают, чтобы, чуть коснувшись их плечей, вскинуть снова.)

ЧАСЫ: Можете прикоснуться к моим...

КАВАЛЕРЫ: Можно мне прикоснуться к вашим?

ЧАСЫ: О, но только легонечько!

КАВАЛЕРЫ: О совсем слегка!

ПИАНОЛА:

У моей застенчивой девчонки талия такая.

(*Зоя и Стефен кружат безудержно, всё размашистее. Сумеречные часы выходят из длинных вдольземных теней, россыпью, враскачку, щёки их нежны от киприи и лёгкого фальшивого румянца. Они в серой кисее с тёмными рукавами "летучая мышь", что трепещут под бризом.*)

МАГГИНИ: *Avant! Huit! Traverse! Salut! Cours de mains! Croise!*

(*Ночные часы прокрадываются в глубину сцены. Утренние, полуденные и сумеречные часы отступают перед ними. Они в масках, с кинжальными волосами и браслетами из приглушенных бубенцов, что устало звякают под вуалями.*)

БРАСЛЕТЫ: Тимпом! Тимпом!

ЗОЯ: (*Оглянувшись, ладонь у лба.*) О!

МАГГИНИ: *Les tiroirs! Chaine de dames! La corbeille! Dos a dos!*

(*Устало виясь, они ткут узор на полу, сплетая, распуская, реверансуя, сгибаясь, просто кругом идя.*)

ЗОЯ: Мне дурно!

(*Она вырывается, падает на стул, Стефен хватает Флори и кружится с ней.*)

МАГГИНИ: *Boulangere! Les ronds! Les Ponts! Chevoux de bois! Escargots!*

(*Подпаровываясь, отшатываясь, переменяя руки, ночные часы сплетаются совместно воздетыми руками, в мозаике движений. Стефен и Флори неуклюже кружат.*)

МАГГИНИ: *Dansez avec vas dames! Changez de dames! Donnez le petit bonquet a votre dame! Remerciez!*

ПИАНОЛА:

Лучше, лучше всех,
Бараобум!

КИТТИ: (*Вскакивает.*) О, вот как раз эту играли на карусели Мирус-базара!

(*Она подбегает к Стефену. Он резко бросает Флори и хватает Китти. Заливается пронзительный свисток. Скрипучетрескучебулькучая неуклюжая каруселелебёдка Тофта медленно проворачивает комнату вокруг своей оси.*)

ПИАНОЛА:

Моя девчонка – девушка из Йоркшира.

ЗОЯ: Йоркширская, как ни крути. Давайте все!

(*Она хватает Флори и вальсирует с ней.*)

СТЕФЕН: *Pas seul*!

(*Он вкруживает Китти в объятия Линча, сдёргивает свой ясенёк со стола и выступает на середину. Всё кружится, вертится, вальсирует, крутится. Цвейтбелла, Киттилинч, Флоризоя, леденцовые женщины. Стефен со шляпой ясеньком выплясывет посредине, взбрыкивая – выше крыши, рот стиснут, рука в бок, с хряском брязгают бумкающе узыкающие, роготрубные сине-зелёно-жёлтые вспышки. Неуклюже кружат всадники карусельных лошадок*

Тофта с висюльками из позолоченых змей, утробы ритмично ёкают, роняя ошмётки грязи, вздымаясь и спадая вновь.)

ПИАНОЛА:

И хоть она фабричная девчонка
И бальных платьев нет на ней.

(*Плотно слившийся гон в разгонистом взглядосмазанномиганьи всё шибче мчит проносиломитсяшотландбам мимо. Бараобум!*.)

ТУТТИ: Бис! Ещё! Браво! Бис!

САЙМОН: Подумай о родичах твоей матери.

СТЕФЕН: Танец смерти.

(*Динь-вновь ди-линьчит колокольчик служителя, конь, кляча, скакун, свинюшки, Конми на осле Христа, хромой костыль и деревяшка, моряк в лодочке, скрестя руки, дёрг верёвку, причальный кнехт, кларнет, как хошь крути, Бараобум! На клячах, свиньях, тройках с бубенцами, Гадаринских вепрях, Корни в гробу. Стальная акула, каменый одноручковый Нельсон, две озорницы Frauenzimmer, осливоженные падающим, с тачки вопят. Жвак, он чемпион. Фитильносизый вызыривает, из бочки креп, рая песнь Люб, на дрожках Ухарр, незрячий, шпротоскрючившиеся велогонщики, Дилли со снежнонежными небальными платьями. Потом в последнем чём-то-чьём-то неуклюжится вприплюхпрыжку ступного вида вице-король и чистая услада для завала блямширавстает. Бараабум!*.)

(*Пары распадаются. Стефен пятится головокружно. Комната вертится в обратную сторону. Раскалённые рельсы летят в пространство. Звёзды все вкруг солнц кружат по кругу. Яркие мошки пляшут на стене. Он замирает, как вкопанный.*)

СТЕФЕН: Хо!

(*Мать Стефена, ссохшаяся, вздымается прямо сквозь пол в прокажённо сером, с венком увядших фледоранжей над порванной*

свадебной вуалью, её ввалившееся безносое лицо зелено от могильной плесени. Волосы редки и тусклы. Она уставляется синеокружными пустыми глазницами на Стефена и открывает беззубый рот, произнося неслышимое слово.)

ХОР:

Liliata rutilantium te confessorum
Iubilantium te virginum…

(*С верха башни Мак Малиган в пополамцветном наряде шута, пурпур с жёлтым, и в колпаке клоуна с висячим бубенчиком, стоит, разиня на неё рот, с разломанным и исходящим паром намасленным коржом в руке.*)

МАК МАЛИГАН: Она сдохла. Какая жалость! Малигану навстречь разобиженная мамаша. (*Он воздевает глаза горе.*) Живой, как ртуть, Малачи.

МАТЬ: (*С улыбочкой тихого помешательства смерти.*) Когда-то я была прекрасной Мэй Гулдинг. Я умерла.

СТЕФЕН: (*Поражённый ужасом.*) Лемур, кто ты? Что за дьявольская шутка?

МАК МАЛИГАН: (*Прячет свой наколпачный бубенец.*) Какое глумленье! Кинч укокошил её паучью сучью плоть. Сыграла в ящик. (*Слёзы топлёного масла скатываются из его глаз на корж.*) Наша великая нежная мать. *Epi oinopa ponton*.

МАТЬ: (*Подходит ближе, мягко дыша на него веяньем увлажнённого пепла.*) Все должны пройти через это, Стефен. В мире больше женщин, чем мужчин. Ты тоже. Время придёт.

СТЕФЕН: (*Задыхаясь от испуга, жалости и ужаса.*) Они говорят, что это я убил тебя. Он оскорблял твою память. Не я – рак сделал это. Судьба.

МАТЬ: (*Зелёный подтёк желчи скатывается из уголка её рта.*) Ты пел мне ту песню ГОРЬКАЯ ТАЙНА ЛЮБВИ.

СТЕФЕН: Открой мне то слово, мама, если уже знаешь. Слово, известное всем людям.

МАТЬ: Кто спас тебя в тот вечер, когда ты вскакивал в поезд на далкинском вокзале с Педди Ли? Кто жалел тебя, когда ты тосковал среди чужих? Молитва всего сильнее. Молитва о страждущих душах из откровений Урсулины, и сорокадневное покаяние. Покайся, Стефен.

СТЕФЕН: Гиена! Упырь!

МАТЬ: Я молюсь за тебя в моём загробном мире. Скажи Дилли, чтоб варила тебе рис каждый вечер, после твоей мозговой работы. Многие годы я любила тебя, О мой сын, мой первенец, ещё когда ты лежал в моём лоне.

ЗОЯ: (*Обмахиваясь веером для раздувания камина.*) Я плавлюсь.

ФЛОРИ: (*Указывает на Стефена.*) Гляньте. Он весь белый.

ЦВЕЙТ: (*Проходит к окну распахнуть пошире.*) Дурно.

МАТЬ: (*Мерцая тлеющими глазами.*) Покайся! О, огонь ада!

СТЕФЕН: (*Тяжело дыша.*) Трупоед! Ободраный череп и кости в крови!

МАТЬ: (*Её лицо придвигается всё ближе и ближе, посылая пепельное дыхание. Она подымает свою почернелую иссохшую десницу, медленно, к груди Стефена.*) Берегись! Десница Божья! (*Зелёный рак, злорадно краснея глазами, глубоко вонзает свои квёлые клешни в сердце Стефена.*)

СТЕФЕН: (*Вспыхнув гневом.*) Дерьмо! (*Его лицо становится осунувшимся, блеклым и старым.*)

ЦВЕЙТ: (*От окна.*) Что?

СТЕФЕН: *Ah non, par exemple*! Интеллектуальные фантазмы! По мне либо всё, либо вовсе нет. *Non serviam*.

ФЛОРИ: Дайте ему холодной воды. Погоди. (*Она выбегает.*)

МАТЬ: (*Медленно заламывая руки, стонет в отчаяньи.*) О, святое сердце Исуса, смилуйся над ним! Спаси его от ада, О божественное

Святое Сердце!

СТЕФЕН: Нет! Нет! Нет! Вам только бы сломить мой дух. Вот я вас!

МАТЬ: (*Кликушествуя в своей смертрескотне.*) Господи, помилуй Стефена, ради меня! Невыразимой была моя мука, когда я отходила, преисполненная любви, печали и боли на Монт-Кавелри.

СТЕФЕН: ТАК НЕТ ЖЕ!

(*Он вскидывает свой ясенёк высоко обеими руками и разбивает бра. Времени синеватый, последний, вспых подпрыгивает и в нагрянувшей тьме рушится всё пространство, брязг стёкол и гул валящихся стен.*)

ГАЗОВЫЙ СВЕТИЛЬНИК: Пвфангт!

ЦВЕЙТ: Стой!

ЛИНЧ: (*Бросается вперёд и хватает руку Стефена.*) Ну-ка! Держись! Не сходи с ума!

БЕЛЛА: Полиция!

(*Стефен, обронив свой ясенёк, голова и руки отброшены назад, с топотом выбегает из комнаты мимо шлюх на входе.*)

БЕЛЛА: (*Визжит.*) Держи его!

(*Две шлюхи бросаются к дверям прихожей. Линч, Китти и Зоя вытабуниваются из комнаты. Они возбужденно галдят. Цвейт тянется следом, возвращается.*)

ШЛЮХИ: (*Застряв в дверях.*) Там внизу.

ЗОЯ: (*Указывая.*) Там. Там что-то стряслось.

БЕЛЛА: А за лампу кто платить будет? (*Она вцепляется в полу пиджака Цвейта.*) Эй, вы были с ним. Лампа вдребезги.

ЦВЕЙТ: (*Порывается к прихожей, мечется обратно.*) Какая ещё лампа, женщина?

ШЛЮХА: На нём пиджак подрался.

БЕЛЛА: (*С налившимися гневом и жадностью глазами, показывает.*) А за эту самую – кто заплатит? Десять шиллингов. Вы – свидетель.

ЦВЕЙТ: (*Подхватывает ясенёк Стефена.*) Я? Десять шиллингов? Мало вы с него содрали? Разве он не...

БЕЛЛА: (*Громко.*) Хватит с меня ваших заумных разговоров. Тут вам не бордель. У нас десятишиллинговое заведение.

ЦВЕЙТ: (*Запустив руку под лампу, дёргает цепочку. Газовый светильник вспыхивает, осветив бардово-лиловый абажур. Он вскидывает ясенёк.*) Разбито лишь ламповое стекло. Только и всего что он тут...

БЕЛЛА: (*Отшатывается и вскрикивает.*) Исусе! Не надо!

ЦВЕЙТ: (*Отводя замах.*) Показываю, как он ударил по бумажке. Тут нет ущерба и на шесть пенсов. Десять шиллингов!

ФЛОРИ: (*Входит со стаканом воды.*) Где он?

БЕЛЛА: Может мне позвать полицию?

ЦВЕЙТ: О, понимаю. Бульдог при заведении. Но это студент Троицы. Покровители вашего дома. Джентельмены, что платят ренту. (*Он делает масонский знак.*) Ясно, о чём я? Племянник вице-канцлера. Вам лучше не связываться.

БЕЛЛА: (*Со злостью.*) Троица! Приходят сюда сами не свои после лодочных гонок и сматываются не заплатив. Вы мне указывать будете? Где он? Я на него в суд подам. Опозорю, или не я буду. (*Она кричит.*) Зоя! Зоя!

ЦВЕЙТ: (*Настойчиво.*) А если б это был ваш сын, который в Оксфорде? (*Предостерегающе.*) Мне известно.

БЕЛЛА: (*Почти беззвучно.*) Кто вы, инкогнит?

ЗОЯ: (*В дверях.*) Там драка.

ЦВЕЙТ: Что? Где? (*Он бросает шиллинг на стол.*) Это за стекло. Где? Мне нужен горный воздух. (*Он торопится через прихожую. Шлюхи показывают. Флори следом, расплескивая воду из фужера наперевес. На пороге сгрудились все шлюхи, бестолково галдя, указывая направо, где туман разошёлся. Слева подъезжает погромыхивающий наёмный экипаж. Перед домом он замедляет ход. Цвейт от двери прихожей различает Корни Келлехера, который вот-вот сойдёт с экипажа с двумя молчаливыми похотливцами. Он отворачивает лицо. Белла, изнутри прихожей, науськивает своих шлюх. Шлюхи шлют приторносладколипкие нямням поцелуи. Корни*

Келлехер отвечает призрачно порочной улыбочкой. Безмолвные похотливцы оборачиваются заплатить кучеру. Зоя и Китти всё ещё указывают вправо. Цвейт, кратко откланявшись, покрывается своим калифским капюшоном и пончо и, отвернув лицо, спешит вниз по ступеням. Инкогнитным Гарун-аль-Рашидом, он проскальзывает позади безмолвных похотливцев и спешит дальше, вдоль ограды, лёгкой походкой леопарда, рассыпая за собой зелье – клочки конверта, смоченные анисом. Ясенёк метит его шаги. Свора борзых, ведомая роготрубачом Троицы, размахивающим хлыстом, в псарской шапке и в поношенных серых штанах, следует вдалеке, беря след, приближаясь, лая, пёрхая на промашку, срываясь прочь, высовывая свои языки, кусая его за пятки, прыгая на его хвост. Он идёт, бежит, зигзажит, скачет, прижав уши. Его осыпают градом щебёнки, капустных кочерыжек, коробок из-под печенья, яиц, картошек, дохлых килек, женских шлёпанцев. За ним, свежеобнаруженным, облавщики делают вираж, мчась в горячей погоне, за тем, что впереди: Ночные стражи 65 С и 66 С, Джон Генри Ментон, Виздом Хелис, В.Б. Дилон, советник Наннети, Александер Ключчи, Ларри О'Рук, Джо Кафф, м-с О'Доуд, Ссыкун Берк, Безымянный, м-с О'Риордан, Патриот, Герриовен, Какбишьтамего, Страннолицый, Малыйпохожийна, Гдетоеговидел, Хлопецс, Крис Колинен, сэр Чарльз Камерон, Бенджамин Доллард, Лениен, Бартем д'Арки, Джо Гайнс, рыжий Мюррей, редактор Брейден, Т. М. Хили, судья Фицгиббон, Джон Говард Парнел, преподобный Лосось в Масле, профессор Жюли, м-с Брин, Теодор Пурфо, Мина Пурфо, делопроизводительница почты Вестланд-Роу, Ч. П. М'Кой, приятель Лайонса, Холоен с Подскоком, прохожий, второй прохожий, Футболбутсы, курносый водитель, богатая дама-протестантка, Деви Бирн, м-с Элен М'Гвинес, м-с Джо Галахер, Джордж Лидвел, Джимми Генри с мозолями, Суперинтендант Лараси, отец Коули, Крофтон из конторы Общего Сборщика, Дэн Даусон, зубной хирург Цвейт с щипцами, м-с Боб Доран, м-с Кеннефик, м-с Вайз Нолан, Джон Вайз Нолан, красиваязамужняядамаозадкоторойсмачнотернулсяв Клонговскомтра

мвае, книгопродавец УСЛАД ГРЕХА, мисс Дюбетамдамдаещёкак, мадамы Жеральд и Станислаус Моран оф Ребак, клерк-управляющий у Дримми, полковник Хейс, Мастиански, Цитрон, Пенроуз, Аарон Фигатнер, Моисей Херцог, Майкл Е. Герати, инспектор Трой, м-с Тебрайт, констебль с угла Эклес-Стрит, старый доктор Бреди со стетоскопом, таинственный мужчина на пляже, лягавая, м-с Мириам Дендред и все её любовники.)

ЗАГОНЩИКИ: (*Кувырком, кубаремком.*) Цвейт! Держи Цвейта! Держирвра! Эй! Эй! Хватай его на углу! (*На углу Бивер-Стрит, под лесами, Цвейт, запыхавшись, останавливается на краю галдящего спорящего столпотворенья, многие без понятия–эй! эй!–о чём сыр-бор вокруг и что тут за что, вообще.*)

СТЕФЕН: (*Со старательными жестами, дыша глубоко и медленно.*) Вы мои гости. Приглашённые. По соизволению пятого Георга и седьмого Эдварда. Повинна история. Надумана матерями памяти.

РЯДОВОЙ КАРР: (*К Кисси Кэфри.*) Он тебя клеил?

СТЕФЕН: Обратился к ней вокативно женским, а может и средним, безродовым.

ГОЛОСА: Нет, не обижал он. Девка врёт. Он был у м-с Коен. В чём дело? Вояки с гражданскими.

КИССИ КЭФРИ: Я была в компании с солдатами и они отошли – ну, сами знаете. Но я верная тому, кто меня угощает, хоть всего лишь шиллинговая шлюха.

СТЕФЕН: (*Улавливает очертания голов Линча и Китти.*) Ау, Сизиф. (*Указывает на себя и всех остальных.*) Поэтично. Неопоэтично.

ГОЛОСА: Она верная тому.

КИССИ КЭФРИ: Да, звал пойти с ним. А я с дружком-солдатом.

РЯДОВОЙ КОМПТОН: А уха пухлого он не хотел, падла? Вмажь ему, Гарри.

РЯДОВОЙ КАРР: (*К Кисси.*) Он тебя задевал, пока я тут отошёл поссать?

ЛОРД ТЕННИСОН: (*В жакете цветов британского флага и фланелевых брюках для крокета, простоволосый, вымпелобородый.*)

Зачем да почему – для них неважно.

РЯДОВОЙ КОМПТОН: Вмажь ему, Гарри.

СТЕФЕН: (*Рядовому Комптону.*) Я не знаю как вас зовут, но вы абсолютно правы. Доктор Свифт утверждает: человек в доспехах побьёт десятерых в рубахах. Рубаха-синекдоха. Часть целого.

КИССИ КЭФРИ: (*К толпе.*) Нет, я же с рядовым была.

СТЕФЕН: (*Дружелюбно.*) Почему – нет? Храбрый парень-солдат. По моему мнению, любая дама, например.

РЯДОВОЙ КАРР: (*Фуражка набекрень, подступая к Стефену.*) Скажи, умник, как оно если б я врезал тебе по челюсти?

СТЕФЕН: (*Взглядывает в небо.*) Как? Весьма неприятно. Благородное искусство самопритворства. Лично я терпеть не могу действия. (*Он поводит рукой.*) Рука ноет. *Efin, ce sont vos oignons*. (*К Кисси Кэфри.*) Тут какая-то неразбериха. В чём, собственно, дело?

ДОЛЛИ ГРЕЙ: (*Со своего балкона машет платочком, подавая знак героини Иерихона Рахаб.*) Сын повара, прощай. Возвращайся невредимым к Долли. Мечтай о девушке, оставшейся вдали, и она будет мечтать о тебе.

(*Солдаты прячут увлажнившиеся глаза.*)

ЦВЕЙТ: (*Протолкавшись сквозь толпу, резко дёргает за рукав Стефена.*) Идёмте, профессор. Извозчик там ждёт.

СТЕФЕН: (*Оборачивается.*) А? (*Высвобождает рукав.*) Почему мне не поговорить с ним, или с любым другим человеческим существом, прямоходящим по этому приплюснутому апельсину? (*Он отставляет палец.*) Мне не страшно говорить с кем угодно, если вижу его глаз. Удерживающий перпендикуляр.

ЦВЕЙТ: (*Подпирая его.*) Удерживайте свой.

СТЕФЕН: (*Пусто смеётся.*) У меня переместился центр тяжести. Я забыл, в чём тут фокус. Давай присядем где-нибудь и обсудим. Борьба за жизнь есть закон существования, но нынешние филуренисты, в особенности царь и король английский, изобрели арбитраж. (*Он постукивает себя по лбу.*) Но тут начертано: я должен убить священика и короля.

БИДДИ ШЛЁП: Слыхала чего профессор говорит? Он профессор из колледжа.

МАНДАТАЯ КЭЙТ: Да слыхала я, слыхала.

РЯДОВОЙ КАРР: (*Вырывается и подходит ближе.*) Что это ты тут вякаешь на моего короля?

(*Эдвард Седьмой появляется в арке проходного двора. Он в белом джерси по которому вышит Образ Святого Сердца, со значками Подвязки и Чертополоха, Золотого Руна, Слона Дании, кавалерии Скиннера и Пробина, завсегдатая корчмы Линкольна и стариннейшей почётной артилерийской роты Массачусетса. Он сосёт красный леденец. Обряжен как великий выборный префект и верховный масон, с кельмой и фартуком, на котором пометка made in Germany. В левой руке держит штукатурное ведро с надписью: Defence d'uriner. Рёв приветствий встречает его.*)

ЭДВАРД СЕДЬМОЙ: (*Медленно, торжественно, но неразборчиво.*) Мир, совершеннейший мир. Ведро, как залог, в моих руках. Ура, ребята. (*Он оборачивается к своим подданным.*) Мы собрались, чтобы стать свидетелями чистого честного поединка и от души желаем обоим мужчинам самой доброй удачи. Маак мака назад.

(*Он пожимает руки рядовому Карру, рядовому Комптону, Стефену, Цвейту и Линчу. Общая овация. Эдвард Седьмой, в знак признательности, грациозно приподымает ведро.*)

РЯДОВОЙ КАРР: (*Стефену.*) А ну, повтори.

СТЕФЕН: (*Нервно, доброжелательно, подтягивается.*) Мне понятна ваша точка зрения, хотя для меня, на данный момент, нет короля. Идёт эпоха патентованной медицины. В таком месте трудно вести дисскусию. Но суть такова. Вы умираете за свою страну, предположим. (*Он кладёт руку на рукав рядового Карра.*) Не сочтите, будто я вам желаю этого. Ну, а я говорю: пусть моя страна умирает за меня. И до настоящего времени так и было. Я не желаю ей смерти. К чертям смерть. Да здравствует жизнь!

ЭДВАРД СЕДЬМОЙ: (*Паря над грудами убитых, в одеянии и с ореолом Поддатого Исуса, белый леденец на его фосфоренцирующем*

лице.)

Нова и изумительна метода моя,
Для прозрения слепцов им прах в глаза бросаю я.

СТЕФЕН: Короли и единороги! (*Он отшатывается на шаг назад.*) Зайдём куда-нибудь и мы… Что говорит эта девушка?

РЯДОВОЙ КОМПТОН: Эй, Гарри, пни-ка его по кокам. Замандячь по сраке.

ЦВЕЙТ: (*К рядовым, мягко.*) Он не знает что говорит. Малость перебрал. Абсент, зеленоглазое чудовище. Я знаком с ним. Это джентельмен, поэт. Всё в порядке.

СТЕФЕН: (*Киваeт, улыбаясь и посмеиваясь.*) Джентельмен, патриот, ученый и судья лицемеров.

РЯДОВОЙ КАРР: А мне по барабану, кто он такой.

СТЕФЕН: Я, похоже, их раздражаю. Зелёная тряпка для быка.

(*Кевин Эган из Парижа в чёрной испанской рубахе с галунами и в шляпе предрассветных парней, машет Стефену.*)

КЕВИН ЭГАН: Драсте, *Bonjour*! Такая *vielle ogresse* с этими её *dents jaunes*.

(*Патрис Эган выглядывает из-за спины, его кроличье лицо хрумкает айвовый листик.*)

ПАТРИС: *Socialiste*!

ДОН ЭМИЛЕ ПАТРИЦИО ФРАНЦ РУПЕРТ ПОУП ХЕННЕСИ: (*В средневековой кольчуге, на шляпе два летящих диких гуся: с благородным презрением указывает окольчуженным пальцем на рядовых.*) Грюкни оцих жлобов наземь, ач, хряки рыломордые, жёлтоджонные говяды под соусом!

ЦВЕЙТ: (*Стефену.*) Уйдёмте домой. Нарываетесь на неприятности.

СТЕФЕН: (*Покачиваясь.*) Я их не избегаю. Он обостряет мой интеллект.

БИДДИ ШЛЁП: Сразу видать, что происхождением он из патрициев.

АМАЗОНКА: Зелёный превыше красного, говорит он. Вольф Тоун.

ШАЛАВА: Красный не хуже зелёного, даже и лучше. За солдат! За короля Эдварда!

ОТРЫВАКА: (*Смеётся.*) Ага! Как один – за Де Вета!

ПАТРИОТ: (*С огромным изумрудным носовиком и дубинкой, провозглашает.*)

Да ниспошлёт Боже
Сюда кента,
С зубами бритвы острей,
Полосовать глотки
Английских псов,
Что повесили наших ирландских вождей.

СТРИЖЕНЫЙ: (*Веревочная петля на шее, двумя руками вцепился в свои вываливающиеся потроха.*)

Нет во мне зла против людей,
Но родная страна мне милей королей.

РУМБОЛЬД, ДЕМОНСКИЙ БРАДОБРЕЙ: (*В сопроводжении пары черномасочных пособников выходит с гладстоновским саквояжем, который и раскрывает.*) Леди и дженты, тесак купленный м-с Пирси, с целью прикончить Могга. Нож, которым Войсин расчленил жену земляка и спрятал останки в погребе, завернутыми в простыню, перерезав несчастной горло от уха до уха. Фиал с мышьяком обнаруженым в теле мисс Берроу, что и послало на виселицу Седона.

(*Он дёргает веревку, пособники подпрыгивают ухватиться за ноги жертвы и тянут его книзу, всхрапывая: язык стриженого неудержимо вываливается.*)

СТРИЖЕНЫЙ: Хортел хрмолиться хрза хдругих.

(*Он испускает дух. Неодолимая эрекция повешенного выпрыскивает струю спермы сквозь одежды смертника на мостовую. М-с Беллингхем, м-с Йелвертон Барри и досточтимая м-с Мервин Телбойз бросаются вперёд со своими платочками, чтоб промакнуть её.*)

РУМБОЛЬД: Я и сам дохожу. (*Он снимает петлю.*) Веревка удавившая ужасного бунтовщика. Десять шиллингов за отрезок, только ради его Королевского Высочества. (*Он суёт свою голову в распоротое брюхо повешенного и выдергивает обратно, облипнув перекрученными и испускающими пар потрохами.*) Моя горькая обязанность исполнена. Боже, храни короля!

ЭДУАРД СЕДЬМОЙ: (*Танцует медленно, церемонно, побрякивая своим ведром, и напевает с мягким довольством.*)

Вот ужо мы погуляем
В день коронации, дружок,
Выпьем виски мы и пива,
Вина глотнем на посошок!

РЯДОВОЙ КАРР: Так что ты там вякаешь на моего короля?

СТЕФЕН: (*Вслескивая руками.*) Становится слишком монотонно. Ничего. Он требует от меня и кошелёк, и жизнь, впрочем, у них на всё нехватка в этой бардачной империи. Деньги пропали. (*Он неуверенно шарит у себя по карманам.*) Отдал кому-то.

РЯДОВОЙ КАРР: Кому, на хрен, сдались твои, блин, деньги!

СТЕФЕН: (*Делая попытку уйти прочь.*) Не скажет ли кто, где у меня больше шансов натыкаться на эти неотменимые неудобства. *Ca se*

voit aussi a Paris. Не то, чтобы я… Но клянусь святым Патриком!

(*Головы женщин смыкаются. Старая бабка Гамми в шапке-ватрушке, возникает, сидя на груздe, у неё на груди смертоцвет картофельной болезни*.)

СТЕФЕН: Ага! Я тебя знаю, бабуля! Мстящий Гамлет! Старая свиноматка пожирающая собственный приплод!

СТАРУШКА-ВЕКОВУШКА ГАММИ: (*Раскачиваясь вперёд-назад.*) Возлюбленная Ирландия, дочь испанского короля, алана. Чужаки в моём доме, ни дна им, ни покрышки! (*Она всполошилась, как горем прибитая домовушка*.) Очон! Очон! Шёлк бурёнушек! (*Она причитает*.) Ты повстречался с бедной старой Ирландией, так каково же ей?

СТЕФЕН: А мне от тебя каково? Сесть на свою же шляпу! Где третье лицо Святой Троицы? Соггарт Ароон? Преподобный Стервоед Ворон.

КИССИ КЭФРИ: (*Вопит*.) Не пускайте их подраться!

ОТРЫВАКА: Наши отступили.

РЯДОВОЙ КАРР: (*Дёргая свой ремень*.) Я любому падле шею сверну за одно кривое слово на моего ёбаного короля.

ЦВЕЙТ: (В ужасе.) Он ничего не говорил. Ни слова. Чистое недоразумение.

ПАТРИОТ: *Erin go bragh!*

(*Майор Твиди и Патриот предъявляют друг другу медали, знаки отличия, военные трофеи, раны. Оба отдают честь с леденящей враждебностью.*)

РЯДОВОЙ КОМПТОН: Валяй, Гарри. Садани ему в глаз. Он за буров.

СТЕФЕН: Я? Когда?

ЦВЕЙТ: (*Красномундирникам*.) Мы сражались за вас в Южной Африке, ирландские артвойска. Разве это не стоит в истории? Королевские Дублинские Фузилеры отмечены нашим монархом.

МАТРОС: (*Прошатываясь мимо*.) О, да. О, Боже, да! О, да, чтоб их квавр у кровавр! О! Блююю!

(*Каскоголовые алебардщики в доспехах вскидывают наперевес частокол обнажённых копейных острий. Майор Твиди, с усами Грозного Турка, в шапке медвежьего меха с султаном петушиных перьев и акутарами, в эполетах, золочёных шевронах и перевязи, ровняет строй. Он подаёт знак странствующих воинов рыцарей-тамплиеров.*)

МАЙОР ТВИДИ: (*Рыкает хрипло.*) Сброд Рурка! Вперёд, гвардейцы. На них! Махал шалал хашбаз.

РЯДОВОЙ КАРР: Я ему вделаю.

РЯДОВОЙ КОМПТОН: (*Машет толпе оттесниться.*) Тут всё честно. Сделает из падлы мясную лавку, блин. (*Сгрудившиеся оркестры выдувают ГЕРРИОВЕН и БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЯ.*)

КИССИ КЭФРИ: Они хотят подраться. За меня!

МАНДАТАЯ КЭЙТ: Красотка храброму.

БИДДИ ШЛЁП: Сдается мне, отой соболий лыцарь покажет себя в сшибке.

МАНДАТАЯ КЭЙТ: (*Густо багровея.*) Фигушки, мадам. Червоный дублон и весёлый Святой Георг за меня!

СТЕФЕН:

И вопль потаскух на тротуарах
Саван соткёт Ирландии старой.

РЯДОВОЙ КАРР: (*Сдернув свой пояс, орёт.*) Я шею сверну любому ёбаному ублюдку за одно кривое слово на моего распроёбаного короля!

ЦВЕЙТ: (*Трясёт за плечи Кисси Кэфри.*) Ну, скажи ты. Онемела, что ли? Ты, связующее звено между нациями и поколениями. Говори, женщина, священная дарительница жизни.

КИССИ КЭФРИ: (*Всполошившись, ухватывается за рукав рядового Карра.*) Да разве я не с тобой? Разве я не твоя милашка Кисси? (*Она*

кричит.) Полиция!

СТЕФЕН: (*Экстатично, к Кисси Кэфри.*)

Цанк твой белый,
Липняк красный
И шахна твоя мягка...

ГОЛОСА: Полиция!

ГОЛОСА ВДАЛИ: Дублин горит! Дублин горит! Пожар! Пожар!

(*Вспыхивает зарево горящей серы. Плотные тучи клубятся мимо. Бахают тяжёлые орудия Гэтлинга. Светопреставление. Разворачиваются войска. Грохот копыт. Артилерия. Кавалерийские команды. Колокола гудят. Болельщики орут. Пьяницы вопят. Шлюхи верещат. Сигнальные рожки дудукают. Молодецкие гики. Предсмертные вскрики. Пики лязгают о кирасы. Воры обшаривают убитых. Слетаясь на падаль, птицы мчатся от моря, взвиваются с болот, пикируют с неприступных утёсов; с клекотом парят луни, бакланы, коршуны, ястребы, кречеты, грифы, соколы, тетерева, морские орлы, чайки-альбатросы, дикие гуси. Затмевается полуночное солнце. Земля содрогнулась. Мертвецы Дублина, из кладбищ Проспект и Монт Джером, в белых овечьих тулупах и накидках из чёрных козлиных шкур, подымаются множественным видением. С беззвучным зевком разверзается бездна. Том Рошфор, победитель, в спортивной майке и брюках, прибывает во главе национального гандикапа с препятствиями и прыгает в пропасть. За ним следует вереница бегунов и прыгунов. С дикими вывертами сигают они с обрыва. Тела их падают вниз. Фабричные девчонки в бальных платьях швыряют раскалённые йоркширские барабумы. Светские дамы задирают подолы нарядов себе на головы – спрятаться. Ведьмы, хохотуньи в красных юбчонках, скачут по воздуху на мётлах. Квакер коверкает ковры. Проливается дождь*

зубов дракона. Из борозд выскакивают герои в доспехах. В знак приязни они обмениваются салютом рыцарей красного креста и рубятся в сече кавалерийскими палашами. Вольф Тоун против Генри Греттона, Джон О'Лири против Лир О'Джонни, лорд Эдвард Фицджеральд против лорда Джеральда Фицэдварда, О'Донахью Гленские против Гленсов Донахьюских. На возвышении, где пуп Земли, воздвижется полевой алтарь святой Барбары. Чёрные свечи торчат рогами над евангелием и эпистолами. С высоких зубцов башни два луча света падают на занавешенный дымом камень алтаря. На алтарном камне м-с Мина Пурфо, богиня нелогичности, лежит нагая, скованная, с кадильницей на её вспяченном брюхе. Отец Малачи О'Флинн, в длинной юбке и с перевёрнутой дароносицей—обе ноги у него левые и вывернуты задом наперёд—отправляет походную мессу. Преподобный м-р Хью Ц. Хейнс Кошелл, М. И., в простой рясе и четырехугольной колледжевой шляпе, с головой и воротником задом наперёд, держит распяленый зонт над головой служащего мессу.)

ОТЕЦ МАЛАЧИ О'ФЛИНН: *Introbio ad altar diaboli*.

ПРЕПОДОБНЫЙ М-Р ХЕЙНЕС КОШЕЛЛ: К дьяволу, что преисполнил веселием мои юные дни.

ОТЕЦ МАЛАЧИ О'ФЛИНН: (*Берёт из дароносицы и подымает кровоточащую жертву.*) *Corpus Meum.*

ПРЕПОДОБНЫЙ М-Р ХЕЙНЕС КОШЕЛЛ: (*Высоко задирает юбку отправляющего мессу, показывая его голые серые волосатые ягодицы, меж коих воткнута морковь.*) Моя плоть.

ГОЛОСА ВСЕХ ПРОКЛЯТЫХ: Йищугомесв Гоб Ьдопсог тиварп отч, Айулелла.

(*В выси голос Адонаи взывает.*)

АДОНАИ: Гооооооооооб!

ГОЛОСА ВСЕХ БЛАЖЕНЫХ: Аллелуя, что правит Господь Бог всемогущий.

(*Из выси голос Адонаи взывает.*)

АДОНАИ: Бооооооооооог!

(*В пронзительной противоголосице крестьяне и горожане Оранжевой и зелёной клик поют ПИНКА ПАПЕ и ДЕНЬ ЗА ДНЕМ ВОСПЕВАЙ МАРИЮ.*)

РЯДОВОЙ КАРР: (*Твердит остервенело.*) Я ему вделаю, да поможет мне Христос ебучий! Сверну ёбаному ублюдку распроебучую его горлянку!

СТАРУШКА-ВЕКОВУШКА ГАММИ: (*Вкладывет кинжал в руку Стефена.*) Убери его, лапушка. В 8.35 ты попадешь на небеса и Ирландия станет свободной. (*Она молится.*) О Боже милостивый, прими его!

ЦВЕЙТ: (*Подбегает к Линчу.*) Ты не можешь увести его?

ЛИНЧ: Он любитель диалектики, вселенского языка. Китти! (*Цвейту.*) Сам уводи. Меня он не послушает.

(*Он утаскивает Китти прочь.*)

СТЕФЕН: (*Указывает.*) *Exit Judas. Et laqueo se suspendit.*

ЦВЕЙТ: (*Подбегает к Стефену.*) Пошли со мной. Сейчас же, пока не случилось чего похуже. Вот ваша палка.

СТЕФЕН: Палка ни к чему. Тут пиршество чистой логики.

КИССИ КЭФРИ: (*Тянет рядового Карра.*) Пошли, ты поддатый. Он оскорбил меня, но я его простила. (*Кричит ему на ухо.*) Я простила ему за обиду мою.

ЦВЕЙТ: (*Через плечо Стефена.*) Да, уходите. Вы же видите он не в состоянии.

РЯДОВОЙ КАРР: (*Вырывается.*) Я ему покажу оскорблять. (*Выставив кулаки, он бросается к Стефену и ударяет его в лицо. Стефен отшатывается, валится, падает навзничь. Он лежит недвижим, лицом к небу, шляпа его откатывается к стене. Цвейт, догнав, поднимает её.*)

МАЙОР ТВИДИ: (*Громко.*) Карабин в кобуру! Прекратить огонь! Салют!

ЛЯГАВАЯ: (*Яростно лая.*) Йут.

ТОЛПА: Отвяжись от него! Лежачих не бьют! Воздуха! Кто? Солдат сшиб его. Он профессор. Он поранен? Не тормошите его! Он без

сознания.

(*Лягавая, принюхиваясь с краю толпы, шумно лает.*)

КИКИМОРА: С какой стати красномундирник ударил жентельмена, а сам под газом? Пусть отправляется воевать с бурами!

ПОТАСКУХА: Слышь-ко, кто заговорил! Уж и права нет солдату пройтись со своей девушкой? Ударил и – поделом.

(*Они вцепляются в волосы одна другой, царапаются, плюются.*)

ЛЯГАВАЯ: (*Лает.*) Вов вов вов.

ЦВЕЙТ: (*Отпихивая их.*) Отодвиньтесь, станьте подальше!

РЯДОВОЙ КОМПТОН: (*Оттаскивая своего дружка.*) Сматываем, Гарри. Тут фараоны!

(*Два стража в дождешлемах, высокие, стоят плеч-о-плеч.*)

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Что за беспорядки?

РЯДОВОЙ КОМПТОН: Мы были с этой леди, а он нас оскорбил и напал на моего кореша. (*Лягавая лает.*) Чья эта долбаная сучка?

КИССИ КЭФРИ: (*С надеждой.*) У него кровь идёт?

МУЖЧИНА: (*Подымаясь с колен.*) Нет. Отключился. Оклемается. Верняк.

ЦВЕЙТ: (*Остро взглядывает на мужчину.*) Предоставьте мне. Я легко смогу…

ВТОРОЙ СТРАЖ: А вы кто? Знакомы с ним?

РЯДОВОЙ КАРР: (*Прорывается к стражу.*) Он обидел мою подружку леди.

ЦВЕЙТ: (*Негодующе.*) Ты ударил его ни с того ни с сего. Я свидетель. (*Констеблю.*) Запишите его полковой номер.

ВТОРОЙ СТРАЖ: Я не нуждаюсь в указаниях при исполнении обязаннностей.

РЯДОВОЙ КОМПТОН: (*Оттаскивая своего товарища.*) Рвём когти, Гарри, а то Беннет запрёт тебя в кутузку.

РЯДОВОЙ КАРР: (*Шатается, пока его не утаскивают.*) Возъеби Боже старого Беннета! Он падло беложопое. Говна не стоит.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: (*Вынимая свой блокнот.*) Как его имя?

ЦВЕЙТ: (*Выглядывая поверх толпы.*) Там виднеется извозчик. Если б вы помогли мне донести, сержант.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Имя и адрес.

(*Корни Келлехер—в руке похоронный венок, траурный креп на шляпе—появляется среди зевак.*)

ЦВЕЙТ: (*Торопливо.*) О, вот кто тут нужен! (*Переходит на шёпот.*) Сын Саймона Дедалуса. Малость перебрал. Пусть полисмены разгонят бездельников.

ВТОРОЙ СТРАЖ: Здрасьте, м-р Келлехер.

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*С полусонным взглядом, стражу.*) Всё в порядке. Я его знаю. Немного выиграл на скачках. Золотой Кубок. Клочок. (*Он смеётся.*) Двадцать к одному. Понятно, о чём толкую?

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: (*Оборачиваясь к толпе.*) А ну, чего рты поразевали? Двигайте отсюда. (*Толпа с бормотанием медленно рассасывается вниз по улочке.*)

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: Предоставьте это мне, сержант. Всё будет в порядке. (*Он смеётся, встряхивая головой.*) И нам порой плохело, если не хуже. А? Не так?

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: (*Подхихикивает.*) Да, уж точно.

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*Пихает локтем второго стража.*) Замнём твоё то недоразумение. (*Он напевает, мотая головой.*) С моим та-рам ту-рум тум-пум. Понятно, о чём толкую, а?

ВТОРОЙ СТРАЖ: (*Прочувствованно.*) Да с кем не бывает!

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*Подмигивает.*) Парни всегда останутся парнями. Со мной экипаж, там, за углом.

ВТОРОЙ СТРАЖ: Всё в порядке, м-р Келлехер. Доброй ночи.

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: Уж я позабочусь.

ЦВЕЙТ: (*Пожимает руки обоим стражам, по очереди.*) Благодарю вас, джентельмены, благодарю. (*Он доверительно бормочет.*) Скандалы нам ни к чему, вы ж понимаете. Отец – известная личность, высокоуважаемый гражданин. Просто не того овса налопался, вы ж понимаете.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: О, понимаю, сэр.

ВТОРОЙ СТРАЖ: Всё в порядке, сэр.

ПЕРВЫЙ СТРАЖ: Просто мне полагается докладывать в участке при случае с телесным повреждением.

ЦВЕЙТ: (*Быстро кивает.*) Естественно. Совершенно верно. Ваша прямая обязанность.

ВТОРОЙ СТРАЖ: Такая у нас обязанность.

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: Спокойной ночи, ребята.

СТРАЖИ: (*Разом отдавая честь.*) Ночи, джентельмены. (*Они отходят мерной тяжёлой поступью.*)

ЦВЕЙТ: (*Отдувается.*) Вы как судьбой посланы. Есть экипаж?

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*Смеётся, указывая большим пальцем через плечо на экипаж стоящий возле лесов.*) Двое коммерсантов ставили шампань у Янмерта. По-княжьи, право. Один из них просадил два фунта на скачках. Заливал своё горе, потом надумали прошвырнуться к весёлым девочкам. Так я их усадил на экипаж Бехена и – двинули по ночному городу.

ЦВЕЙТ: А я шёл по Гардинер-Стрит, когда смотрю...

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*Смеётся.*) Они, конечно, хотели и меня прихватить в мотальню. Нет, ради Бога, говорю. Не для таких старых лосей как я. (*Он снова смеётся и косит тусклым глазом.*) Слава Богу, у нас с вами это и на дому имеется. А? Понятно о чём толкую? Хах! Хах! Хах!

ЦВЕЙТ: (*Пытается засмеяться.*) Хе, хе, хе! Да. Лично я как раз навещал одного моего старого друга, Вирежа, вы его не знаете (бедняга уж неделю как слёг), ну, и выпили ликёра напару, и я как раз уже шёл домой...

(*Лошадь ржёт.*)

ЛОШАДЬ: Гогогогогогог! Догогогогомой!

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: Да, конечно; а кучер наш, Бехен, мне и говорит, когда оставили ту пару коммерсантов у м-с Коен, вот я и сказал ему придержать, а сам слез глянуть что тут за дела. (*Он смеётся.*) Трезвые кучера – признак катафалков. Побросить его домой? Где его берлога? Наверное, в Камбре, а?

ЦВЕЙТ: Нет, скорее в Сэндикове, судя по тому, что у него выпало.

(*Стефен, простершись на мостовой, дышит к звёздам. Корни Келлехер искоса, сонно, взглядывает на лошадь. Цвейт в сумраке наклоняется.*)

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*Почесывая в затылке.*) Сэндиков! (*Он склоняется окликнуть Стефена.*) Эй! (*Снова зовёт.*) Эй! Весь в стружках вывалялся, однако. Осторожней, чтоб у него не стибрили чего-нибудь.

ЦВЕЙТ: Нет, нет, нет. Деньги его у меня, и шляпа тоже, и палка.

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: А, ладно, очухается. Кости не сломаны. Ну, я продёргиваю. (*Он смеётся.*) У меня с утра свиданьице. Хороню покойника. Счастливо добраться домой.

ЛОШАДЬ: (*Ржёт.*) Догогогогогогомой!

ЦВЕЙТ: Спокойной ночи. Я просто дождусь и провожу через пару…

(*Корни Келлехер возвращается в экипаж на углу и взбирается в него. Упряжь лошади взбряцывает.*)

КОРНИ КЕЛЛЕХЕР: (*Из экипажа, стоя.*) Ночи.

ЦВЕЙТ: Ночи.

(*Кучер встряхивает вожжами и ободряюще вскидывает кнут. Экипаж и лошадь медленно, громоздко пятятся и заворачивают. Корни Келлехер на боковом сиденьи позабавленно качает головой, досталась-де Цвейту задачка. Кучер присоединяется к бессловесному пантомимичному веселью, кивая с дальнего сиденья. Цвейт встряхивает головой в безмолвном весёлом ответе. Посредством большого пальца и ладони, Корни Келлехер заверяет, что те двое бобби больше не станут приставать – пусть отлежится сколько надо. Медленным кивком Цвейт изъявляет благодарность, Стефену ничего другого и не нужно. Экипаж звякает та-рам-пам за угол та-рам улицы. Корни Келлехер ещё раз завер-пам, напоследок, рукой. Цвейт своей рукой уверам-пам Корни Келлехера, что можно быть спокора-пам. Клацающие копыта и звякающая упряжь затихают своей та-рам-пам огой. Цвейт, держа в руке разукрашенную*

стружками шляпу Стефена и ясенёк, стоит в нерешительности. Затем склоняется к нему и трясёт за плечи.)

ЦВЕЙТ: Эй! Хо! (*Нет ответа.*) Если позвать по имени. Сомнамбулиста. (*Он склоняется снова и, колеблясь, приближает рот к лицу распростёртой фигуры.*) Стефен! (*Нет ответа. Он зовёт вновь.*) Стефен!

СТЕФЕН: (*Стонет.*) Кто? Чёрная пантера, вампир. (*Он вздыхает и вытягивается, затем бормочет, невнятно протягивая гласные.*)

Кто… мчит… к Фергюсу в этот час?
Сквозь… сень густую леса?..

(*Он переворачивается на левый бок, вздыхая, подтягивая ноги к груди.*)

ЦВЕЙТ: Поэзия. Хорошо образован. Жаль. (*Он наклоняется снова и расстегивает пуговицы на жилете Стефена.*) Пусть отдышится. (*Стряхивает древесные стружки с одежды Стефена пальцами и лёгкими взмахами рук.*) Один фунт и семь. Уцелели, однако.

(*Он вслушивается.*) Что?

СТЕФЕН: (*Боромочет.*)

..тени… лесов.
…белая грудь… тениста…

(*Он протягивает руки, снова вздыхает и выгибает своё тело. Цвейт: держа его шляпу и ясенёк, стоит выпрямившись. Собака лает вдалеке. Цвейт стоит, стискивая и попуская охваченную палку. Он смотрит вниз на лицо и фигуру Стефена.*)

ЦВЕЙТ: (*Общается с ночью.*) Лицом похож на свою мать-бедняжку. В тенистом лесу. Глубокая белая грудь. Ещё мне, вроде, про

Фергюсона послышалось. Девушка. Какая-то девушка. Для него было бы самое лучшее. (*Он бормочет.*) ... клянусь, что всегда буду стойко, не выдам никоим образом, способ или способы... (*Он бормочет.*) ... утвердясь в морском песке... в кабельтове от берега... где прилив водоворотом... и прихлынув...

(*Молча, задумчиво, бодрствуя, он стоит на страже; пальцы у губ – знаком тайного мастера. На фоне тёмной стены медленно появляется фигура – заколдованный мальчик одиннадцати лет, подменыш, похищенный; на нём итонский костюмчик, стеклянные туфельки и бронзовый шлемик; в руке книга. Он читает справа налево неслышно, улыбаясь, целуя страницу.*)

ЦВЕЙТ: (*Поражённый, зовёт беззвучно.*) Руди!

РУДИ: (*Невидяще уставляется в глаза Цвейта и продолжает читать, целуя, улыбаясь. У него нежное лиловое лицо. На костюмчике алмазные и рубиновые пуговицы. В свободной руке он держит тонкую тросточку слоновой кости с фиолетовым бантом. Белый ягнёнок выглядывает из его жилетного кармана.*)

* * *

Сперва и прежде чего бы то нибудь прочего, м-р Цвейт постряхивал со Стефена основную массу стружек и подал ему ясенёк и шляпу, подбадривая в своей обычной истинно самаритянской манере, в чём тот весьма нуждался. Нельзя сказать, что его (Стефена) сознание блуждало, однако, оставалось ещё довольно шатким и, на высказанное им пожелание попить чего-нибудь, м-р Цвейт, с учётом текущего часа, а также отсутствия в пределах их досягаемости фонтанов Вартровской воды для омовения, не говоря уж о питьевой, незамедлительно угодил в самое яблочко, предложив, сообразно возникшим надобностям, извозчичью забегаловку (так уж её прозывали) отстоявшую едва ли далее, чем на швырок камнем от моста Батт, где запросто можно найти не одно, так другое питьё в виде молока, содовой, или минералки. Загвоздка лишь – как туда добраться. Тут он малость замялся, но раз уж на него—в буквальном смысле—свалилась обязанность принимать надлежащие меры по изысканию выхода, пришлось раскинуть мозгами касаемо возможных средств и вариантов, по ходу чего Стефен неоднократно зевал. Лицом он, по его наблюдениям, всё ещё оставался изрядно бледен, что делало весьма желательным воспользоваться каким-либо из средств передвижения, сообразно их теперешнему состоянию. Оба были крайне измотаны, особенно Стефен, неоднократно высказывавший предположение о возможности изыскать подобное средство. В итоге, после пары предварительных согласований на данную тему и завершив процесс отряхивания, хоть он забыл-таки забрать свой перемазанный мылом носовой платок, сослуживший верноподданную службу по ходу бритья, они совместно двинулись вдоль по Бивер-Стрит, или вернее -Лейн, до двора коновала и ощутимо едкой атмосферы ливрейных конюшен, на углу Монтгомери-Стрит, где курс их отклонился влево и далее пролёг по Амьен-Стрит, в обход углового заведение Дэна Бергинса.

Однако, как он втайне и ожидал, нигде не видно было и намёка на какого-нибудь йеху в ожидании клиентуры, за исключением четырёхколесного, наверняка нанятого какими-то гуляками для развоза с пирушки, перед отелем Северная Звезда, и тот не шелохнулся и на йоту, когда м-р Цвейт, который был кем угодно, но только не профессиональным свистальщиком, попытался призвать его, аркообразно вскинув руки над головой и испустив отдалённое подобие свиста, дважды.

Такая вырисовывалась заковыка, и, подходя к ней со здравым смыслом, тут не оставалось иного выбора, кроме как сделать хорошую мину при дохленьком раскладе и двинуть пешим ходом, что они, соответственно, и сделали. Таким манером, срезав наискосок от заведения Маллета к Сигнал-Хаусу, который вскоре и достигли, они потопали, каждый—тут уж не оставалось выбора—на своих двоих, в направлении конечной железнодорожной станции на Амьен-Стрит, причём м-ру Цвейту служило помехой то обстоятельство, что одну из задних пуговиц на его его брюках постигла, перефразируя освящённую временем поговорку, судьба всех пуговиц, хотя, вполне проникшись духом происходящего, он героически махнул рукой на упомянутое неудобство. И вот, поскольку ни одного из них время ничуть не поджимало, а просто шло себе да шло, а температура вокруг достаточно освежала, и уже вполне прояснилось после недавней визитации Юпитера Плувиуса, они плелись своим путём, миновав то место, где приторчала в ожидании порожняя карета, без пассажиров или кучера. А тут ещё так сложилось, что возвращался пескопосыпочный Дублинской Объединенной Трамвайной Компании, и мужчина постарше пересказал своему спутнику, *a propos*, про несчастный случай, который он буквально чудом избежал совсем немного времени тому назад. Они миновали главный вход станции Большой Северной Железной Дороги, стартовую точку отправления на Белфаст, где, разумеется, всякое движение было прекращено по случаю столь позднего часа и, проследовав мимо чёрного хода морга (не слишком

привлекательное место, а скорее даже мрачноватое в какой-то мере, особенно возраставшей по ночам), в конце концов оказались у Портовой Таверны, чтоб неизбежно свернуть на Складскую-Стрит, знаменитую своим полицейским участком отделения С. Между данной точкой и высокими, неосвещёнными в такое время, складами на Бересфорд-Плейс сознание Стефена сбивалось на мысли об Ибсене, почему-то вызывавшем у него ассоциации с мастерской Берда, камнетёса, на Телбот-Плейс, первый поворот направо, в то время как спутник, являвшийся как бы его *fidus Achates*, вдыхал, с чувством внутреннего удовлетворения, запах из городской пекарни Джеймса Рурка, расположенной совсем неподалеку от их маршрута следования, и действительно – очень даже приятственный дух у насущного хлебушка нашего, что есть первой и наинеобходимейшей потребностью общества. Хлеб – стержень жизни; добывай хлеб свой; откуда, О, скажи мне, берётся хлеб фантазий? Сказано ж, у пекаря Рурка.

En route м-р Цвейт обратился к своему молчаливому и, чтоб не перетончить с уточнениями, не совсем ещё отрезвелому компаньону, с предостережениями (сам-то он при любых обстоятельствах превосходно владел всеми своими способностями и, в сущности, оставался как никогда до отвратительности трезвым) об опасностях таящихся в ночном городе: тут тебе и женщины лёгкого поведения и блатующие бандюги, которые порой в такую пору (если можно так выразиться), хоть и не столь часто, чтоб стать обычным делом, являются неизбежно смертельной, в полном смысле, западнёй для молодых людей его возраста, оказавшихся под воздействием спиртного, особенно если у них уже вошло в привычку надираться до отключки; если только не владеешь начатками джиу-джитсу, на всякий случай, хотя и это ещё как сказать, ведь даже уже на лопатках негодяй может пнуть по страшной силе, если будешь ловить ворон. А появление на месте происшествия Корни Келлехера вообще подарок судьбы в момент, когда Стефен пребывал в блаженном далеке, и не подвернись этот человек в одиннадцать

часов ночи, он, в итоге, вполне мог оказаться кандидатом для палаты несчастных случаев или (тоже не исключено) отправиться в Бридвел, где наутро отведут в суд – предстать перед м-ром Тобиасом, (хотя, то есть, он же, конечно, адвокат) перед старым, имелось ввиду, Воллом, или перед Мелоном, а для молодого человека это явный облом, если поднимется излишняя шумиха. Вобщем, об этом факте он завёл речь потому, что многие из полисменов (он, кстати, их терпеть не может) весьма, и это общепризнано, нечистоплотны на службе Короне и, как выразился м-р Цвейт, припомнив случай-другой из отделения А на Кламбрасил-Стрит, готовы доприсягаться до дырки в трехведёрном казане. Когда нужна помощь, их днём с огнем не сыщешь, зато в тихих частях города, Пемброк-Роуд, например, эти стражи закона торчат на каждом шагу, явное свидетельство, что им платят за охрану высших классов. Бессмысленная трата своего времени, рассудительно заметил он, и здоровья, не говоря о порче репутации, да к тому же неоправданное мотовство – у резвых дамочек полусвета одно на уме: выдурить побольше фунтов-шилингов-пенсов и смыться, но главная опасность именно-таки в собутыльниках, хотя, относительно наболевшей проблемы горячительных, он положительно отозвался о стакане старого выдержанного вина в любое время, оно, помимо насыщающих и кровообращающих качеств, обладает также достоинствами слабительного действия (взять хотя бы доброе бургундское: он ревностный его болельщик), но только не перебирать сверх определённой нормы, на которой он неизменно подводил черту во избежание всяческих неприятностей, не говоря уже, что, фактически, отдаёшься на милость посторонних. Он с искренним негодованием осудил падких на выпивку дружков Стефена – все бросили, кроме одного; неоспоримое крысячество со стороны этой медикобратии, как ни крути.

– И этот один оказался Иудой,– сказал Стефен, который до этого момента вообще не произносил ни слова.

Обсуждая эту и подобные темы, они прямым курсом прошли позади Таможни и под мостом Окружной линии, когда мангал с горящим коксом перед сторожевой будкой, или чем-то вроде того, отклонил их довольно шаткие шаги. Стефен, по собственной инициативе, остановился посмотреть, без видимой причины, на кучу брусчатки для мостовой и смутно различимую в пламенеющих отблесках мангала фигуру сторожа Корпорации в сумраке сторожевой будки. Ему показалось, что это уже было, или припоминается, как уже происходившее прежде, и пришлось поднапрячься пока дошло, что в стороже он видит когдатошнего друга своего отца. Гамли. Во избежание встречи, он отбрёл ближе к опорам железнодорожного моста.

– Кто-то с вами здоровается,– сказал м-р Цвейт.

Фигура среднего роста, с явным искательством, повторно поприветствовала из-под арок, восклицая: ночи! Стефен, понятно, вздрогнул и, довольно опешенный, остановился ответить на приветствие. М-р Цвейт, понукаемый мотивами унаследованной деликатности, а равно тем, что он всегда полагал за лучшее не соваться в дела других, прошёл дальше, держась, тем не менее, *qui vive* с некой толикой настороженности, хоть, впрочем, без капли паники. Хотя в городской черте Дублина такого не водилось, он знал, что не такая уж и небывальщина, когда отчаянные головы без средств, почти что, к существованию устраивали засады и, вообщем, террор мирным прохожим, приставляя пистолет ко лбу в какой-нибудь уединённой сельской местности, из категории изголодалых бездельников с Темзовой дамбы – могут и сюда забрести, или просто грабители, что собираются рвать когти, прихватив добычу, какая уж подвернётся в грубом налёте—гони деньгу или жизнь!—бросив тебя, для назидательной морали, связанным и с кляпом во рту.

Стефен распознал, то есть, когда приветствовавшая фигура подошла поближе, в дыхании Корли дух перебродивших кукурузных выжимок, хотя и сам не очень-то был трезв. Лорд Джон Корли, как

некоторые называли его между собой, и не без некоторых генеалогических оснований. Он был старшим сыном в семье инспектора Корли из отделения Г, новопреставившегося, при жизни женатого на некоей Катерине Брофи, дочери лоутского фермера. А женой его деда, Патрика Майкла Корли из Нью-Росса, была вдова тамошнего трактирщика, в девичестве (тоже) Катерина Телбот. Ходили упорные, хотя и не доказанные, слухи, что она являлась отпрыском лордов Телбот де Малахайд, в усадьбе которых—поистине величественное строение, неоспоримо своеобразное и очень даже стоящее, чтоб его осмотреть—её мать или тетя, или какая-то иная родственница, работала посудомойкой. Именно это обстоятельство и явилось причиной, что данную личность, сравнительно ещё молодого, хоть и опустившегося, человека, заговорившего со Стефеном, некоторые шутники, что такими уж уродились, величали лордом Джоном Корли.

Отведя Стефена в сторону, он завёл свою неизменную тоскливую волынку. В кармане ни гроша на ночлежку. Все друзья отшатнулись. К тому же он поскандалил с Лениеном и отзывался о нём перед Стефеном, как о подлой долбаной швабре, с добавлением всяческих непечатных выражений. Он был без работы и молил Стефена сказать на милость, где на земле Божьей, могла б ему подвернуться хоть какая-нибудь работёнка. Нет, из посудомойни это была дочь матери, молочная сестра наследника дома, во всяком случае, это всё по материнской линии, оба появились на свет одновременно, если только вся история не сплошной вымысел от начала и до конца. Во всяком случае, он совершенно в безвыходном положении.

– Я б у тебя не попросил,– продолжил он,– но торжественно клянусь, и Бог тому свидетель, я жутко на мели.

– Завтра, или через день,– сказал ему Стефен,– в школе мальчиков в Далки освободится место воспитателя. У м-ра Геррета Дизи. Попробуй. Можешь сослаться на меня.

– Ах, Боже мой,– отвечал Корли,– да какой из меня школьный учитель, дружище. Куда мне до ваших светлых голов,– добавил он с

полусмешком.– Меня два раза оставляли на второй год в начальной, у Христианских Братьев.

– Мне и самому негде ночевать,–сообщил ему Стефен. Корли сперва склонялся к подозрению, что Стефена не иначе как выставили из меблированых комнат за привод туда долбаной простипомы из уличных. На Марлборо-Стрит есть ночлежка м-с Мелони, но там за вход берут шесть пенсов и битком всякого сброда, зато М'Кончи ему говорил, будто в Болванке, что на Винтаверн-Стрит, (у его собеседника все это смутно ассоциировалось с монахом Бэконом), пускают за круглый, и вполне даже терпимо. А сам он пропадает с голоду, но просто сдерживается намекать.

Хотя все это повторялось через каждые два вечера на третий, или около того, всё ж чувства Стефена, в определённом смысле, одержали верх, хотя он и знал, что и эта свежесляпанная околесица, равно как и остальные прочие, едва ли заслуживала доверия.

Однако, *haud ignarus malorum miseris succerrere disco*, этсетера, как замечает латинский поэт, ему, особенно если повезёт, выплачивали жалованье по истечении полумесяца, по шестнадцатым, то есть, числам, хотя добрая половина получки проматывалась напропалую. Соль шутки заключалась в том, что из головы Корли никак не выбить было, будто он как сыр в масле катается, не имея иных забот помимо помощи неимущим – совершеннейшая наоборотица. Он, тем не менее, сунул руку в карман, отнюдь не ожидая обнаружить там что-нибудь съестное, но полагая, что сможет одолжить ему что-то в пределах круглого или около того, взамен, чтобы тот, во всяком случае, смог попытаться раздобыть провизии достаточной для утоления голода. Но результат оказался отрицательным, так как, к своему вящему неудовольствию, он обнаружил пропажу всей наличности. Только завалявшаяся пара каких-то переполовиненных печений увенчали его исследования. С минуту он пытался, насколько в его силах, вспомнить: где же потерял и как могло это случиться, или забыл где-то, поскольку при подобном раскладе перспективы складывались мало приятными, а очень даже наоборот, фактически.

Вобщем же, он был слишком изнурён для проведения тщательной инвентаризации, хотя и пытался вычислить насчёт печений, которые смутно, но, таки, припоминались. То ли как, вроде, кто-то дал, или место где это было, или где он, может-таки, купил?

Впрочем, в другом кармане он нашарил то, что в темноте принял было за пенсы, однако, как выяснилось, ошибочно.

– Тут у тебя полукроны, дружище, – подсказал ему Корли.

Именно таковыми те и оказались в самом деле. Стефен одолжил одну из них

– Спасибо,– ответил Корли.– Ты – истиный джентельмен. Я верну, поверь, придёт время. Кто это с тобой? Я видел его пару раз в Старой Кляче на Кенден-Стрит с Бойланом, рекламщиком. Ты бы замолвил словечко, пусть меня возьмут. Я б устроился ходить в сэндвич-плакате, только тамошняя секретутка сказала, у них уже нанято на три недели вперёд, дружище. Боже, прикидываешь, дружбан, у них надо записываться, как будто на Карла Россу. А мне уже всё по барабану, я б и перекрёстки пошёл подметать.

И не смолкая, так как два и шесть, которые он только что огрёб, привели его в довольно приятственное расположении духа, он выложил Стефену про малого по имени Беггз Комиски, которого, по его словам, Стефен хорошо знал по Фуллему, что пристроился бухгалтером у торговца корабельной оснасткой, теперь частенько забуривается к Нейглу с О'Марой и с парнишкой-заикой, по имени Тиг. Вобщем, его повязали вчера вечером за пьянство и нарушение порядка, плюс отказ пройти с констеблем.

М-р Цвейт, тем временем, прохаживался вблизи штабеля брусчатки для мостовой, около мангала с коксом перед будкой сторожа Корпорации, бесподобного, как ему подумалось, трудяги – спокойненько себе дрыхнет и чихать ему на всё, покуда Дублин спит. Вместе с тем он временами взглядывал на собеседника Стефена, отличавшегося чем угодно, но только не чистотой одежд, похоже ему уже случалось видеть эту благородную особу в том или ином месте, хоть и не взялся б утверждать на все сто и даже

отдалённо не представлял когда. Как человек полный здравого смысла, и тут уж он кому угодно мог бы дать форы по проницательности наблюдений, он не преминул отметить также видавшую виды шляпу и расхрыстанный прикид, совместно свидетельствовавшие о хроническом безденежьи. Должно быть, кто-то из круга приятелей, но в таком случае, это уже прямая охота на всякого встречного-поперечного, в глухих, так сказать, трущобных дебрях и, если даже ближний и сам останется без гроша на улице, уголовное наказание за вымогательство—ну, или, там, штраф—всё равно остаются *rara avis*. Во всяком случае, молодчику хватает хладнокровной наглости перехватывать людей в такой час ночи, или утра. Вот ведь толстокожесть, право.

Пара распалась и Стефен присоединился к м-ру Цвейт, который опытным оком не преминул подметить, что он поддался на гладкоречивость паразитирующего блюдолиза.

Про саму встречу он, Стефен, то есть, со смешком отметил:

– У него полоса невезения. Просил поговорить с вами, чтоб вы сказали какому-то Бойлану дать ему работу сэндвичника.

При этом известии, очевидно, нашедшем в нём слишком вялый отклик, м-р Цвейт на миг уставился в пространство отрешённым взором—в направлении землечерпалки с достославным именем Эблана, пришвартованной у Таможенной пристани, после недавнего, как видно, ремонта—и потом уклончиво заметил:

– У каждого, как говорится, своё понятие о везении. Но, раз уж речь зашла о нём, лицо его вроде мне знакомо. Однако, может и не по теме, но сколько вы ему отсыпали?– вопросил он,– не сочтите за любопытство.

– Полкроны,– отвечал Стефен.– Смею заметить, он в них крайне нуждается, чтоб где-то переночевать.

– Нуждается,– воскликнул м-р Цвейт, не выказав ни йоты удивления на такую информацию,– вот уж чему охотно верю и могу дать гарантию, что так оно и есть на самом деле. Всякому по потребности, и каждому по заслугам. А сами-то вы, между прочим,–

добавил он с улыбкой,– где собираетесь спать? О том, чтоб топать аж до Сэндикова, не может быть и речи, а если и доплетётесь, вам там не откроют после того, что творилось на вокзале Вестланд-Роу. Нет смысла туда тащиться. Я никоим образом не намерен вмешиваться, но почему вы покинули дом своего отца?

– Ушёл искать несчастья,– было ответом Стефена.

– Мне от случая к случаю встречается ваш уважаемый отец,– дипломатично отозвался м-р Цвейт.– Фактически, сегодня или, если уж совсем быть точным, вчера. Где он живёт теперь? Как я понял из разговора, он переехал.

– Полагаю, где-нибудь в Дублине,– ответил Стефен безразлично.– А что?

– Одарённый человек,– отозвался м-р Цвейт о м-ре Дедалусе старшем,– и во многих областях. К тому же самый прирождённый *raconteur* из всех, что когда-либо были. Он весьма горд, и на законных основаниях, вами. Наверное, вы могли бы вернуться,– отважился он, всё ещё под впечатлением от неприглядной сцены на вокзале Вестланд-Роу, где явно было, что та парочка, Малиган, то есть, и тот его дружок, английский турист, открыто ополчились на своего третьего спутника и выпендривались как могли, словно весь трахомудный вокзал их личная собственность, стараясь оконфузить Стефена.

На это его предложение никакого, однако, ответа не последовало, в данный момент умственному взору Стефена рисовалась картина изображавшая домашний очаг его семьи, каким он видел его в последний раз; его сестра Дилли сидела у камина с распущенными волосами, дожидаясь когда в закоптелом чайнике вскипит для неё с ним разбавленное тринидадское какао на воде от овсяного отвара вместо молока, после того, как они съели пятничные селёдки по пенни за пару, а Мэгги, Буди и Кейти по яичку каждая, а кот, между тем, под прессом для отжима стирки пожирал месиво из яичной скорлупы и расхрупанных рыбьих голов и костей, на квадрате обёрточной бумаги, как и полагается по третьей церковной

заповеди: пост и воздержание в предписанные дни, а было это на великий пост, если не в дни говенья, или в такое, где-то, время.

– Нет,– вновь повторил м-р Цвейт,– лично я, на вашем месте, не слишком бы доверялся такому дружку-приятелю, любителю вносить элемент юмора, этот д-р Малиган не годится на роль советчика, философа и друга. Уж он-то знает с какой стороны намазан хлеб маслом, и ему, скорей всего, не приходилось фактически прочувствовать прелести жизни без регулярного питания. Конечно, вы не примечаете всего, что навидался я, но нисколько не удивлюсь, если в ваш стакан была подсыпана щепоть табаку, или какого-то наркотика, с умыслом на дальнейшее.

Впрочем, по его прикидкам из того, что ему довелось слышать, д-р Малиган уже зарекомендовал себя как расторопный всесторонний малый, отнюдь не из таких, кто зарывается в одну лишь медицину, в своей профессии он быстро продвигался в первые ряды и, если сведения верны, сделал серьёзную заявку на процветающую практику в не таком уж и отдалённом будущем, в качестве модного практикующего врача с солидным гонораром за свои услуги, и немалым плюсом к его профессиональному статусу стало совершённое им спасение утопающего, с применением искусственного дыхания и с прочей так называемой первой помощью на пляже в Скерриз, или в Малахайде это было? Это явилось, надо признать, доблестным поступком, достойным всяческих похвал, так что, если уж начистоту, ему просто в голове не укладывается, какая такая непостижимая причина толкала его к подобным гадостям, остается лишь отнести это на счёт обыкновенного злопыхательства или беспримесно подлой зависти.

– Или же он, в сущности, как говорится, живёт за счёт ваших мозгов,– не побоялся он предположить.

Неприметный взгляд, наполовину заботливый и настолько же любопытствующий, сдобреный тёплым дружелюбием, который он бросил на угрюмое, в данный момент, лицо Стефена, не внёс ни грана ясности касательно того: нечаянно ли тот попал в такой

просак, о чём свидетельствовали два-три замечания, отпущенные им в угнетённом состоянии духа, или же, наоборот, был в курсе на что идёт, но по той или иной, ему-то уж, конечно, лучше известной причине, позволял, чтоб так оно и шло… Беспросветная нищета доводит и не до такого, и он более чем предполагал, что, при всех его выдающихся умственных способностях, он испытывает немалые затруднения, сводя концы с концами.

Рядом с общественной писсуарной он различил тележку мороженщика, вкруг которой группа, по всей видимости, итальянцев сыпали, в жаркой перебранке, многоэтажными выражениями на своём бойком языке, с необычайной живостью выясняя какие-то небольшие разногласия между сторонами.

– *Putana madonna, che ci dia i quattrini! Ho ragione? Culo rotto!*

– *Intendiamoci. Mezzo sovrano piu…*

– *Dice lui, pero.*

– *Farabutto! Mortacci sui!*

М-р Цвейт и Стефен вошли в извозчичью забегаловку, непритязательное деревянное строение, где и тому и другому редко, если вообще когда-либо, приходилось бывать до этого раза и первый предварительно шепнул второму пару намёков касаемо её держателя, поговаривают, это Фицхаррис, что когда-то был знаменитым Шкуродёром, из непокорённых, хотя лично он не взялся бы утверждать под присягой истинность фактов, в которых, весьма возможно, правды и близко не было. Последующие пара минут застали наших полуночников располагающимися в укромном углу, после того, как их встретили лишь безмолвные взгляды весьма разношёрстного собрания заблудных, приблудных и прочих неописуемых разновидностей рода *homo* уже занятых приёмом пищи и питья вперемешку с болтовней, и для которых они, несомненно, явились объектом нескрываемого любопытства.

– Ну, как насчёт чашки кофе,– предложил м-р Цвейт в естественной попытке сломать лёд,– и, на мой взгляд, вам никак не

повредит перекусить чем-то посущественней. Какой-нибудь ватрушкой, что ли.

Соответственно, он первым делом, с его характерным *sangfroid* спокойствием, сделал заказ помянутых предметов провианта. Наличный *hoi polloi* извозчиков, или грузчиков, или кем уж они там были, после непродолжительного всматривания, отвели прочь свои явно неудовлетворившиеся взоры, хотя какой-то поддатый рыжебородый индивидуум с проседью в волосах, моряк, вероятно, безотрывно пялился ещё какой-то промежуток времени, прежде чем переключить свое неотвязное внимание на пол.

М-р Цвейт, реализуя своё право на свободу слова, вполне слышимым тоном голоса заметил своему *protege*, несмотря на то, что имел, но всего лишь шапочное знакомство с языком пререкавшихся и, следовательно, был в некотором неведении насчёт *voglio*, относительно царственной баталии на улице, которая, кстати, всё ещё бушевала, скоротечно и яростно.

– Прекрасный язык. Я имею ввиду для пения. Почему вы не пишите свои стихи на этом языке? *Bella Poetria*! В нем столько мелодичности. *Belladonna voglio*. Такая наполненность.

Стефен, которого до смерти тянуло зевнуть, если получится, придавленный необоримой усталостью, отвечал:

– Наполнит даже уши лопухоухому слону. Они там сцепились из-за денег.

– Да, неужели?– спросил м-р Цвейт.– Хотя,– добавил он, чуть поразмыслив,– приходишь к выводу, что языков этих куда больше, чем абсолютно необходимо, и, может быть, всё дело лишь в преувеличенной напыщенности его антуража.

Держатель забегаловки располовинил этот *tete-a-tete*, ставя чашку —с пылу, с жару—изысканного варева, которое тут проходило за кофе, на стол с дополнением допотопной на вид булочки или, во всяком случае, чего-то подобного, после чего отступил к своей стойке. М-р Цвейт решил приглядеться к нему получше, чуть погодя, так чтоб не выглядеть… по причине чего он взглядом пригласил

Стефена продолжить, когда тот оказал честь чуть приметной подвижкой к себе чашки, чьё содержимое временно предполагалось именовать кофе.

– Звуки обманчивы,– сказал Стефен после непродолжительно временной паузы.– Как и имена, Цицерон, Подмор, Наполеон, М-р Добродел, Исус, м-р Дойл. Шекспиров было такое же множество, как Мерфи. Что в имени.

– Да, разумеется,–согласился м-р Цвейт с прохладцей.– Мы тоже меняли фамилию,– добавил он, подсовывая так называемую булочку. Рыжебородый моряк, что не спускал с новоприбывших бдящего ока, обратился к Стефену, на котором особенно сосредоточивал внимание, прямым вопросом:

– А тебя-то как звать?

Мгновенно, м-р Цвейт коснулся ботинка своего компаньона, но Стефен, явно без внимания к доброжелательному нажиму с нежданной стороны, ответил:

– Дедалус.

Моряк тяжко уставился на него парой сонных мешковеких глаз, довольно-таки навыкате из-за чрезмерного употребления выпивки, предположительно старого доброго голландского, с водицей.

– А Саймона Дедалуса знаешь?– спросил он наконец.

– Слыхал про такого,– ответил Стефен.

М-р Цвейт на миг впал в растерянность, приметив, что и остальные явно обратились в слух.

– Вот кто ирландец,– без обиняков заявил мореплаватель, зыря всё тем же манером и кивая.– Настоящий ирландец.

– Чересчур ирландец,– ответствовал Стефен.

Что до м-ра Цвейта, он не мог ни "а", ни "бе" разобрать во всём этом деле и как раз задавался вопросом, какая могла иметься связь, когда моряк, по собственному почину, обернулся к остальным сидевшим в забегаловке с замечанием:

– Я видел, как он сшиб пулей два яйца с двух бутылок, за пятьдесят ярдов, через плечо. Смертельно бьёт с левой.

Хоть ему слегка мешало моментами подкатывавшее заикание, он, при всей неуклюжести его жестов, хотел во что бы то ни стало изъсниться.

– Бутылки, скажем, там вон. Пятьдесят ярдов отмеряно. Яйца на бутылках. Ложит пистолет себе на плечо. Целится.

Он полуобернул свое туловище, полностью зажмурил правый глаз и, несколько перекосив черты налившегося непреклонным выражением лица, уставился в ночную мглу.

– Бах,– выкрикнул он чуть погодив, один раз.

Все слушатели выжидали, предчувствуя добавочное сотрясение, поскольку другое яйцо пока что оставалось целым.

– Бахрикнул он по второму.

Яйцо, оба, явно вдрызг, и он, кивая и подмигивая, добавил кровожадно:

– Буффало Билл бьёт наповал,
Промашки не знает он, да и не знал.

Последовало общее молчание, пока м-р Цвейт не надумал спросить его, просто так, для поддержания дружественной атмосферы, было ль это на соревновании стрелков, типа как в Бисли.

– Извиняйте,– вымолвил моряк.

– Давно?– продолжил м-р Цвейт, ничуть не обескураживаясь.

– Что ж,– ответил моряк уже несколько податливее под чудным воздействием алмаза режущего алмаз,– может лет около десяти. Он разъезжал по свету с Королевским цирком Хенглера. Я видел как он делал это в Стокгольме.

– Забавное совпадение,– ненавязчиво поделился со Стефеном м-р Цвейт.

– Мерфи моя фамилия,– продолжал моряк,– В. Б. Мерфи, из Кергелая. Знаешь где это?

– Квинстаун Харбор,– ответил Стефен.

– Во, точнёхонько,– сказал моряк.– Меж Фортом Камден и Фортом Карлисл. Оттудова я и выпулился. И бабёнка моя там. Всё ждёт меня, уж я знаю. ЗА АНГЛИЮ, ДОМ И КРАСУ. Благоверная моя, семь лет её не видел, всё шатался по морям.

М-р Цвейт легко мог представить себе сцену его возвращения домой, в придорожную моряцкую хибару, посреди безлунной дождливой ночи, улизнув от Морского Дьявола. Вокруг света за женой. Уж столько было понаписано на эту излюбленную тему Алисы Бенболт, тут вам и Эноч Арден, и Рип ван Винкл, и помнит ли тут кто-нибудь Кейка О'Лири, неизменно заучиваемый и такой трудный для декламации отрывок, по своему, кстати, изысканный кусочек поэзии, кажется, бедняги Джона Кейси? Но нигде нет про возвращение блудной жены, даже при самой глубокой привязанности к сбежавшей. Лицо в окне! Вообрази его оторопь, когда он рвёт, наконец, грудью финишную ленточку и тут ему доходит жуткая истина касаемо лучшей его половины – облом самых светлых чувств. Ты не ждала меня, но я вернулся – остаться и начать сызнова. А она, соломенная вдова, сидит всё у того же самого камина. Думала, меня уж и на свете нет. Похоронен в пучинах. И тут же сидит дядюшка Чабб или Томкин, или как там ещё, трактирщик Короны и Якоря, в жилетке, жамкает рамштекс с луком. Папане и сесть не на что. Вуу! Шквал! Новёхонькое прибавление у неё на коленях, дитя *post mortem*. И тут она–о!–да, как развернёт халяву–ух!–а моё галопом мчавшее, рвущееся – О! Смирись пред неибежным. Стерпи с усмешкой. Остаюсь крепко любящий твой, с разбитым сердцем, муж, В. Б. Мерфи.

Моряк, мало чем смахивающий на жителей Дублина, обернулся к одному из извозчиков с просьбой.

– У тебя, случаем, нет при себе лишней жуйки?

Спрошенный биндюжник, как выяснилось, не имел, но держатель вынул кубик прессованного табака из своего хорошего пиджака, висевшего на гвозде, и вожделенный объект перешёл из руки в руку.

– Спасибо,– сказал моряк.

Он сунул жвачку в своё жерло и, мешая чавканье с легким протяжным заиканием, продолжал:

– Мы причалили сегодня по утру в одиннадцать. Трехмачтовик РОЗЕВИН из Бриджвотера, с грузом кирпича. Я зачислился в команду, чтоб доплыть. Днем получил расчёт. Вот и увольнительная. Видали? В. Б. Мерфи, М.П.С.

В подтверждение этой декларации, он вытащил из внутреннего кармана сложенный, не слишком чистый на вид документ и передал своим соседям.

– Ты, небось, всего навидался,– заметил держатель, приоблокотясь на стойку.

– А чё,– ответил моряк, малость поразмыслив,– пришлось побороздить с тех пор, как нанялся в первый раз. Ходили в Красное море. В Китае был и Северной Америке, и в Южной тоже. Видал много айсбергов, мелких. Был в Стокгольме и на Чёрном море, в Дарданеллах, под командой капитана Делтона – лучший долбаный кэп из всех, что вообще водили корабли. Я видел Россию. *Gospody pomilooy*. Это так русские молятся.

– Навидался, небось, всякой всячины,– вставил биндюжник.

– А чё,– сказал моряк, проворачивая свою, частью уже расчавканную, жвачку,– повидал диковин. Один раз у меня на глазах крокодил откусил лапу якоря, как я этот вот табак.

Он вытащил изо рта прожваканную жуйку и, вставив её между зубов, яростно хрумкнул.

– Хаан! Вот так. А ещё видал людоедов в Перу, что жрут трупы и печёнки лошадей. Гля-ко. Вота они. Мне приятель послал.

Он нашарил открытку с картинкой во внутреннем кармане, который служил, типа как, складом, и пихнул её вдоль стола; надпись гласила: *Choza de Indios, Beni, Bolivia*.

Все сфокусировали своё внимание на представленной панораме из группы туземок в полосатых набедренных повязках: кто на корточках, кто-то кормит грудью, другие спят или зажмурились в

окружении роя детворы (там их было десятка за два) на фоне примитивных плетёных шалашей.

– Жуют колу день-деньской,– добавил общительный мореход.– Желудки, что твои жернова. Отрезают себе титьки, когда уже не годятся рожать детей. Это надо видеть, как голозадые жуют печень дохлой коняки.

Открытка послужила центром притяжения для г.г. желторотиков минуты три, если не больше.

– А кто знает как забить им баки?– спросил он по-свойски.

Никто не вызвался дать ответ и он, с подмигом, просветил:

– Стекло. Оно сбивает их с толку. Простое стекло.

М-р Цвейт, не выказывая удивления, неприметно перевернул открытку, изучить частично стершийся адрес и почтовую марку. Там значилось следующее: *Targeta Postal, Senor A. Boudin, Galeria Becche, Santiago, Chile*. Никакого послания, как он особо отметил, там отродясь не бывало. Приняв на веру, хоть и небезоговорочно, крутую байку, или быль о яйцеснайперстве (всякое случается, взять хотя бы случай Вильгельма Телля и Лазарилло дон Сезара де Базана, описанный в *Maritana*, где по ходу дела пуля первого пробивает шляпу второго), на этот раз он подметил несовпадение имен (если предположить, что он тот, за кого себя выдаёт, а не плавает под чужим флагом, отмочив где-нибудь фортель, за который его могли упечь) и фиктивную адресовку отправления, что пробудило в нём некоторые подозрения относительно *bona fide* нашего друга, но вобщем это всё как-то повернуло его мысли на давно вынашиваемый план, который он собирался осуществить в одну из сред или суббот, отправившись в Лондон *via* морским путем, и не потому, что он уже вояжировал на сколь-нибудь значительную удалённость, а просто в душе его была жилка прирождённого искателя приключений, хотя судьба распорядилась, чтобы безвылазно торчал сухопутной крысой, если не считать тот круиз до Холихеда, что оказался самым у него дальним. Мартин Канинхем не раз обещался устроить ему поездку через Эгана, однако, не одна,

так другая чёртова нестыковка вечно откладывала этот план в долгий ящик. Но, даже если, предположим, пришлось бы выложить сколько положено и сокрушить сердце Бойда, не так уж оно всё и дорого, если получить разрешение, пара гиней самое большее, учитывая, что поездка в Малингар, которую он обмозговывал, обходилась в пять и шесть, туда и обратно. Путешествие только бы пошло на пользу здоровью – столько озона наберёшься, а это, с любой стороны, оборачивается абсолютно выгодной затеей, особенно для малого, у кого барахлит печень, с учётом множества всяких красот вдоль маршрута: Плимут, Фалмут, Саутхемптон, и так далее, а для кульминации – поучительное ознакомление с достопримечательностями великой столицы, обозрение нашего современного Вавилона, и для него лично, великим было б, конечно, достижением свести знакомство с башней, с аббатством и роскошью Парк-Лейн. А попутно ему ещё пришло в голову, и очень даже неплохая идея, что он бы мог на месте там разведать насчёт организации концертного турнэ летней музыки, с охватом самых популярных курортов и мест отдыха, Маргейт со смешанным купанием и первоклассными водными и минеральными, Истборн, Скарборо, Маргейт и так далее, прекрасный Борнмаут, острова в Канале, и тому подобные элегантные уголки, где всё это могло бы очень даже неплохо окупиться. Но, конечно, не с наскрёбанной по дырам и закоулкам труппкой местных музицирующих дамочек, типа м-с Ч. П. М'Кой – одолжите свой саквояж и я пришлю вам билет по почте. Ничего подобного, а нечто более высокого класса, состав из всех звёзд Ирландии, гранд-оперная труппа Твиди-Цветсон со своей собственной законной супругой в роли примадонны, как своего рода противовеяние Эстер-Граймсам и Муди-Менерсам, не такая уж великая хитрость, будьте уверены, да, тут главное, чтоб в местных газетах какой-нибудь пробивной малый пристраивал классную рекламу, который дёргал бы за нужные ниточки и тем самым совмещал приятное с полезным. Но кто? Вот где загадочка.

Плюс к тому, если подумать (хотя наверняка тут нельзя поручиться) – открывается широкий простор в смысле новых маршрутов, чтоб идти в ногу со временем, и в том числе, *a propos*, маршрут Фицгард-Росслар, который, как утверждали, опять оказался на *tapis* окружных департаментов, с обычной трясиной бюрократства и пустопорожничанья бесплодных маразматиков и просто тупиц. Тут несомненно кроются огромные возможности к развитию предпринимательства направленного на удовлетворение потребности публики в путешествиях, публики по большому счёту, среднего человека, т. е. Брауна, Робинсона и К°. Остается лишь скорбеть и удивляться абсурду в этой области, и большая часть вины на нашем хвалёном обществе, что человек с улицы, когда действительно требуется взбодрить систему, из-за пары занюханных фунтов лишён возможности повидать широкий мир, в котором мы живём, вместо того, чтоб тесниться, словно сельди в бочке, с той поры как мой старый домосед взял меня замуж. В конце концов, если уж начистоту, они тянут лямку все свои одиннадцать с лишком месяцев и заслуживают радикальной перемены *venue*, после монотонщины городской жизни в летний сезон, к примеру, когда Госпожа Природа во всей полноте своей живописной красы являет собой не больше не меньше, как начало новой жизни. И не менее отличные возможности найдутся для отпускников и на родном острове, лесные массивы восхитительно омолаживающие организм и располагающие множеством других плюсов, типа повышения тонуса, как в Дублине, так и вокруг него, с прилегающими живописными окрестностями, взять хотя бы Пулафоку, куда ходит паровой трамвай, или ещё подальше от оболванивающей толпы, в Виклоу, что по праву зовется садом Ирландии, идеальная среда для пожилых велосипедистов, раз уж туда так и не проложили, как и в дебри Донгала, где, если отзывы соответствуют действительности, *coup d'oeil* просто великолепен, хотя помянутая местность не настолько уж и досягаема, потому-то приток визитёров туда и поныне не так велик, каким мог бы стать, учитывая положительные

стороны местности, тогда как Тёрн с его историческими ассоциациями, включая Шёлкового Томаса, Грейс О'Меллей, Георга IV, с родендродонами в нескольких сотнях футов над уровнем моря, является излюбленным местом посещений людьми любого сорта и положения, особенно весной, когда на молодых людей находят фантазии, хотя неуклонно растет и мрачный список жертв, погибших при падении с его утёсов, умышленно или случайно, и обычно, между прочим, на левое бедро, причем от столпа до него езды всего три четверти часа, свидетельство тому, что туристические путешествия поныне всё ещё, конечно же, в пелёнках, так сказать, и доступность их оставляет желать много лучшего. Интересно было б просчитать, подумалось ему, просто так, из чистого любопытства, порождается ли туристический маршрут благодаря путям и средствам сообщения, или же наоборот, или и то, и другое возникает, фактически, вместе. Он перевернул открытку на другую сторону и передал её Стефену.

– Встречался мне китаец,– вещал тягучий рассказчик,–с маленькими такими катышками, как бы из замазки, так он положил их в воду и они раскрылись и из каждого вышло что-то своё. Один стал как корабль, из другого получился дом, ещё из одного – цветок. Могут накормить тебя супом из крыс,– добавил он для аппетита,– китайцы эти самые.

По-видимому, уловив выражение сомнения на их лицах, планетопроходец опять перешёл на свои приключения.

– А ещё я видал, как в Триесте итальянский малый прикончил человека. Ножом в спину. Нож типа этого.

Повествуя, он вынул складной нож криминального вида, как раз под пару владельцу, и стиснул его в боевой ухватке.

– В борделе дело было, разборка между двух контрабандистов. Малый прятался за дверью, подкрался сзади. Тихонько так. Готовься к встрече с Богом, говорит. Хрясь! Всадил ему в спину по рукоять.

Его тяжелый взгляд сонливо бродил вокруг, как бы бросая вызов их дальнейшим расспросам, если б таковые у них вдруг возникли.

– Неслабый кусок стали,– повторил он, озирая свой жуткий стилет.

После столь сокрушительного эпилога, достаточного, чтоб устрашить любого храбреца, он защёлкнул лезвие и прибрал упомянутое оружие прочь, на прежнее место, в свою камеру ужасов, иначе говоря – в карман.

– Они большие любители холодной стали,– вставил кто-то из тугодумов, выручая всех.– Потому-то сперва думали, что убийства в парке, где непокорённые орудовали ножами, дело рук иностранцев.

На отпущенное замечание—явный пример тому, что неведение порою благо—м-р Цвейт и Стефен инстинктивно, но всяк по своему, оба бросили красноречивые взгляды, соблюдая, впрочем, благоговейную тишь неукоснительного *entre nous*, в том направлении, где Шкуродёр, *alias* держатель, отдраивал потёки со своего кипятильного аппарата. Его непроницаемое лицо являлось прямо-таки творением искусства, готовой тебе диссертацией – просто садись и описывай, и создавало впечатление будто он и близко не в курсе, о чём здесь толкуют. Забавно весьма.

Тут последовала довольно затяжная пауза. Один что-то вычитывал из вечерней газеты в кофейных брызгах; другой вертел открытку с туземной *choza de*; ещё кто-то – увольнительную моряка. Что касается лично м-р Цвейта, он погрузился в задумчивость. Ему живо помнились времена затронутого случая, словно вчера это было, а не лет двадцать назад, в дни волнений в стране, который грянул бурей по всему, фигурально выражаясь, цивилизованному миру в начале восьмидесятых, в восемьдесят первом, если уж быть точным, когда ему ещё только-только исполнилось пятнадцать.

– Эй, босс,– вмешался моряк,– верника-ка нам эти бумажки.

Требование было исполнено и он сгрёб их, шкрябонув по столу.

– А Скалу Гибралтар видали?– поинтересовался м-р Цвейт.

Моряк, почавкивая, сморщился этаким макаром, что можно было истолковать хоть как ага, да, или нет.

– Ах, так вы и там причаливали,– сказал м-р Цвейт,– на самой оконечности Европы,– полагая, а вдруг бродяга какими-там-нибудь

реминисценциями, но тот до этого не дошёл, и только лишь сплюнул резкой струёй в опилки и с каким-то ленивым презрением покачал головой.

– В каком примерно году?– истолковал м-р Цвейт.– Может, корабли припомните?

Наш *soi-disant* моряк почавкал чуток, изголодало вжёвываясь, прежде чем ответить.

– Устал я от этих всех скал на море,– сказал он,– и от кораблей, и от судоходства. Вяленая солонина без продыху.

Утомлённый, даже и на вид, он смолк. Вопрошавшему дошло, что вряд ли он выудит что-то новое из эдакого стреляного воробья, и он предался рассеянным раздумьям о необъятных количествах воды на земном шаре. Достаточно сказать, что она на нём покрывает целых три четверти, что подметит самый мимолетный взгляд на карту, и потому он полностью осознавал значение владычества над морями. Неоднократно—раз, эдак, с дюжину—примечал он около Северного Быка в Доллимонте сверхдревнего бороздителя морей, явно бесприютного, что обычно сидел на изгороди у не слишком-то ароматного моря, всматриваясь, естественно, в его просторы, грезя о свежих лугах и пастбищах новых, как кто-то где-то поёт. И он задавался неразрешимым вопросом – зачем? Возможно, тот и сам бился над разгадкой этой тайны, когда вдоль и поперёк бороздил противоположные полушария и всё тому подобное, как сверху, так и снизу—ну, не в полном, конечно, смысле снизу—испытывая судьбу. А шансы двадцать против нуля, что, на самом-то деле, никакой такой тайны тут нет и впомине. Тем не менее, не вдаваясь в *minutae* дела, остаётся неоспоримый факт наличия моря во всей его красе и славе и, по естественному развитию событий, не так, так эдак, приходится в нём плавать, бросая вызов провидению, хоть всё это ещё один пример тому, что люди рады спихнуть любое бремя на других, взять хотя бы идею ада, или лотереи, или страховки, где всё строится на точно таких же принципах, и исходя из этой причины, не поминая уж прочих, спасательный корабль ВОСКРЕСЕНИЕ оказался весьма

даже похвальным нововведением, если доходчиво всё втолковать, и большая часть общества, независимо от места жительства—на суше или возле моря, это уж кому как выпало—должны быть благодарны им, а так же и портовикам, и службе береговой охраны, которым приходиться лезть на такелаж и отчаливать, и болтаться среди стихий в любую пору, как того требует долг и ИРЛАНДИЯ ЖДЕТ ОТ КАЖДОГО ИЗ НАС, и так далее, иногда попадая в жуткие передряги по зимнему времени, или достаточно ещё хотя бы вспомнить ирландские маяки, Киш и прочие, что могут перевернуться в любой момент, при экскурсии вокруг которых он, однажды, со своей дочерью пережил весьма бурную, если не сказать штормовую погоду.

– Ходили мы на БРОДЯГЕ с одним корешом,– продолжил старый морской волк, и сам тоже бродяга,– так он списался на берег и надыбал непыльную службу лакеем у джентельмена, за шесть фунтов в месяц. Вот эти брюки, что на мне, он дал, а ещё штормовку и этот ножичек. Мне бы такую работёнку – побрить да щёточкой почистить. Осточертело шататься по свету. Теперь вот сынок мой, Дэнни, рванул на моря, а мать-то уж было пристроили его к обивщику в Корке, зашибал бы хорошую монету.

– Сколько ему?– вопросил один слушатель, который, между прочим, если всмотреться сбоку, чем-то смахивал на Генри Кемпбелла, городского клерка, что сбросил бремя должностных забот и отдыхает – неумытый и в неглиже, конечно, и крепко подрумянивши свой носовой придаток.

– Ну,– ответил моряк медленным озадаченным тоном,–сынишке моему, Дэнни? Теперь, наверно, восемнадцать будет, я так прикидываю.

Вслед за этим Шкибберийский папаша расхлыстнул серую или, в любом случае, грязную рубаху обеими руками и ими же поскрёб грудь, где виднелась татуировка синими китайскими чернилами с изображением чего-то вроде якоря.

– На той койке в Бриджвотере полно было вшей,– заметил он.– Завтра придётся помыться, или послезавтра. На этих чернявых ребятишек у меня возражения. Терпеть ненавижу этих падлюк. Дай им волю – высосут тебе всю кровь.

Приметив, что все уставились на его грудь, он, для удобства обозрения, распахнул рубаху ещё шире и поверх освящённого временем символа моряцкой надежды и покоя пред ними предстала цифра шестнадцать целиком и профиль лица юноши с хмуро насупившимся выражением.

– Татуировка,– объяснил демонстатор.– Наколота, когда мы лежали в штиле у Одессы, в Чёрном море, под командой капитана Делтона. Набивал её малый по имени Анитонио. Это вот он и есть, грек.

– А сильно больно набивать?– спросил кто-то моряка.

Почтеннейший, однако, был шибко занят, собирая как-то вокруг своими. Ущипывая или...

– Гля-ко,– сказал он, показывая Антонио.– Такой он бывает, когда матерится на приятеля. А теперь вона...– продолжал он,– тот же малый...– натягивая кожу пальцами явно с каким-то умыслом,– а уже смеётся до ушей.

И факт остается фактом – на сизом лице юноши по имени Антонио действительно появилась натянутая улыбка, и этот забавный эффект вызвал общее восхищение присутствующих, включая Шкуродёра, который на этот раз перевесился.

– Эхе, хе,– вздохнул моряк, гляда вниз на свою мужественную грудь.– Его тоже не стало. Сожрали акулы, уже потом. Эхе, хе.

Он отпустил кожу, так что профиль принял нормальное выражение, хмурясь как прежде.

– Тонкая работа,– сказал один сухопутник.

– А зачем тут номер?– поинтересовался бездельник номер два.

– Живьём съели?– спросил моряка третий.

– Эхе, хе,–снова вздохнул помянутый персонаж, на этот раз повеселее, с некоей полуулыбкой, совсем краткой длительности, в

направлении спросившего про номер.– Он был грек.

А затем он добавил с чёрным, пожалуй, юмором, если учесть помянутую кончину:

– Нехорошо, старина Антонио,
Покинул меня одногонио.

Лицо уличной, размалёванное и морщинистое, заглянуло в дверь забегаловки из-под чёрной соломеной шляпки наперекосяк, явно в целях личной рекогнисцировки, высмотреть помол для своей мельницы. М-р Цвейт, не зная куда деть глаза, на миг потупился, конфузясь, и с деланой бесстрастностью подхватил со стола розовые страницы органа с Эбби-Стрит, уже отложенный в сторону биндюжником, если таковым тот был, и уставился на розовую бумагу, а с чего это розовая? Причиной подобного поведения было то, что в этот миг за дверью он распознал уже виденное мельком в этот день лицо—возле Ормондской Пристани—слегка чокнутой, вобщем-то, уличной, которая точно знала, что дама в коричневом костюме точно евоная (м-с Ц.) и приучила его делать постирушки. Вопрос—при чём тут, спрашивается, постирушки?—мог скорее вызвать недоумение, чем наоборот. Постирушки-стирочки для твоей. Все же, по чести, он должен признать, что он постирывал нижнее бельё своей жены, по мере загрязнения, на Холес-Стрит, с чем справилась бы и женщина, как они и делают, с подобными же предметами мужской одежды, с меткой несмываемыми чернилами от Бевли и Дрейпера (ими она метила своё), если действительно любят, и что тут такого. Любишь меня, люби и мою несвежую рубаху. И всё же, будучи застуканным в момент развешиванья на верёвку, отсутствие красотки для него было бы предпочнительней её компании и он испытал истинное облегчение, когда держатель грубо махнул ей проваливать. Поверх раскрытого ВЕЧЕРНЕГО ТЕЛЕГРАФА он краем глаза уловил

безмозгло застылую улыбку—сразу видно, что не все дома—на её лице, распотешенно взиравшем из-за дверного косяка на группу зрителей мореходной груди шкипера Мерфи, прежде, чем она смылась.

– Патрульный крейсер,– сказал держатель.

– Меня просто коробит,– признался м-р Цвейт Стефену,– подходя с медицинской точки, что такое вот ущербное создание, по которой психбольница плачет—явно ж ведь больная—имеет наглость предлагать себя, да кто позарится на неё при трезвой памяти, если хоть сколько-нибудь ценит своё здоровье. Несчастное создание! Конечно, изначальной причиной её состояния был, наверное, какой-то мужчина. Но дело, всё же не в том, из-за чего...

Стефен не углядел её и, пожав плечами, сказал лишь:

– В этой стране торгуют напропалую—куда уж ей угнаться—и зашибают бешеные деньги. Не бойтесь тех, кто продаёт тело, но не в состоянии купить душу. Она никудышняя торговка. Покупает втридорога, а продаёт по дешёвке.

Мужчина постарше, отнюдь не будучи ни старой девой, ни ханжой, заметил, что всё это ни что иное, как вопиющий скандал и следует положить конец подобной практике, так сказать, безотлагательно, а женщины такого рода (то есть, подходя к предмету без всякого стародевского чистоплюйства) неибежное зло, но всё-таки нельзя же без лицензии и надлежащего осмотра соответствующими учреждениями по медицинской части, именно за это и ратовал он, как, прямо скажем, *pater familias,* неизменно и отродясь. И придерживаясь такой политики, заверил он, появится возможность как следует провентилировать затронутый вопрос, что явится непреходящим благом для всех, кого оно касается.

– Вот вы, как добрый католик,– отметил он, – коль скоро пошла речь о теле и душе, верите в душу. Или подразумеваете разум, мозговую энергию как таковую, что отличается от любого внешнего предмета, от стола, допустим, или этой вот чашки? Я тоже так считаю, поскольку знающие люди объясняют это извилинами серого

вещества. Иначе у нас не было бы таких открытий, как рентгеновские лучи, например. А вы?

Загнанный, таким образом, в угол, Стефен вынужден был сверхчеловечески напрячь память и сконцентрироваться, чтобы припомнить и выговорить:

– Мне пересказывали, от вернейших авторитетов, о простой и потому неразложимой субстанции. И рад бы считать её бессмертной, да нужно учесть ещё возможность её уничтожения Первопричиной, Который—из всего, что мне доводилось слышать—вполне способен добавить этот трюк ко множеству Его прочих шуточек, *corraptio per se* как и *corraptio per accident* начисто исключены, во исполнение придворного этикета.

М-р Цвейт, совершенно был согласен с общей сутью сказанного, и хотя присовокупленные мистические тонкости малость превосходили его подлунную глубь, нашёл все же возможным вдаться в рассуждение на тему о простоте, мгновенно откликнувшись:

– Простая? Вряд ли тут годится подобное определение. Спору нет и, уверяю вас, любой согласиться, что раз в году случается наткнуться на простую душу. Просто одно дело, изобрести эти, например, лучи, как сделал Рентген, или там телескоп, как Эдисон, хотя, наверно, это было до него, я хотел сказать Галилео. То же самое и в отношении права, например, или основополагающих природных явлений таких, как электричество, но совершенно другой коленкор утверждать, что веришь в существование сверхъестественного Бога.

– А вот это,– укорил Стефен,–самым решительным образом доказывается несколькими из наиболее известных пассажей в Священом Писании, не говоря уж про косвенные доказательства.

В этом запутанном вопросе, однако, воззрения этой пары, диаметрально противоположных по своему образованию и всему прочему, и с ощутимой возрастной разницей между ними, схлестнулись.

– Доказано?– возразил более опытный из двоих, держась своего изначального суждения,– Вот уж не уверен. Это вопрос личного мнения каждого и, не вдаваясь в разобщающую сторону дела, позвольте мне тут полностью не согласиться. По моему убеждению, говоря начистоту, все эти вставки чистой воды фальшивка, вписанные, скорей всего, монахами как и, опять-таки, большой вопрос касательно нашего национального поэта, кто же на самом деле писал, про Гамлета и Бэкона, поскольку вам Шекспир знаком неизмеримо лучше моего, что и говорить. Может, кстати, выпьете кофе? Дайте-ка я размешаю, и булочку возьмите. Похожа на один из кирпичей нашего шкипера в маскировке. Впрочем, никто не даст того, что не имеет. Попробуйте кусочек.

– Не смог,– выдавил из себя Стефен, его умственные органы на миг вконец застопорились.

Поиски виновного, по пословице, портят головной убор, м-р Цвейт сосредоточился, по крайней мере, попытался размешать слежавшийся на дне сахар, вспоминая, чуть ли ни с желчностью, Дворец Кофе и его отрезвляющую (и доходную) работу. Несомненно, законное заведение и, как ни крути, приносит массу пользы. Прибежища типа того, куда они в данный момент пришли, на абсолютно безалкогольных началах для ночных гуляк, концерты, драматические вечера и просветительские лекции (вход свободный) для нижних сословий. Вместе с тем, у него было отчетливое и болезненное воспоминание о весьма скромном жалованьи его жене, мадам Марион Твиди, которая некоторое время подвизалась там пианисткой. Идея, которую он с готовностью разделял, творить благо и получать прибыль, не имеет себе равных. Сульфат, или ядовитая медь, SO4 или что-то типа, обнаруженное в сушёном горохе какой-то дешёвой столовой где-то, но он не помнил когда это было и где. Во всяком случае, контроль, врачебный контроль всего съестного казался ему как никогда необходимым, что вероятно, и сделало таким модным Какао-Ви д-ра Тибла, из-за приложенного медицинского анализа состава продукта.

– Ну-ка, хлебните,– отважился он предложить, размешав кофе.

При столь настырном потчевании, Стефен поднял увесистую кружку из коричневой лужицы, издавшую прощальный чмок, за ручку и сделал глоток отвратного пойла.

– Всё-таки, плотное питание,– настаивал его добрый гений,– я приверженец плотного питания,– за это ратовал он не ради гурманства, отнюдь, а просто регулярные приёмы пищи были условием *sine qua non* при любой настоящей работе, будь то умственная, или физическая,– Вам нужно питаться более плотной пищей. Почувствуете себя другим человеком.

– С жидким я справляюсь,– сказал Стефен,–сделайте милость, уберите этот нож с глаз подальше. Не могу видеть его острие. Напоминает мне историю Рима.

М-р Цвейт тут же исполнил просьбу и отодвинул обличённый объект, обычный тупоносый нож с роговой рукояткой, без ничего такого Римского или античного на непросвещённый взгляд, отметив, что остриё в нём вовсе не присутствует.

– Истории нашего приятеля такие же, как и он сам,– заметил м-р Цвейт, к слову о ножах, своему наперснику в приглушённом ключе,– Думаете, они правдивы? Он может плести их ночь напролёт и врать, как старый коридорный. Гляньте на него.

Однако, хоть и с опухшими от недосыпания и морских ветров глазами, в жизни полным-полно чего угодно, включая неимовернейшие совпадения, и вполне в пределах вероятного, что всё это не чистый вымысел, особенно, если не вдаваться, потому что не слишком-то одно с другим увязывалось в ворохе его небылиц, для приверженцев полной точности.

Вместе с тем, он упорно продолжал вычислять данного идивидуума, обшерлокхолмсывая его так и эдак с того момента, как тот попал в его поле зрения. Статный, ну, разве что малость склонный к облысению, хорошо сохранившийся здоровяк оставлял впечатление недюжинной силы, однако, некая фальшивинка в очертаниях его обличья навеивала предположение о тюремном

сроке, и не требовалось особо напрягать фантазию для ассоциации такой зловещей на вид особи с каторжанской братией. Может он и впрямь отмотал срок, если предположить, что он, такое часто водится среди людей, поведал собственную быль как бы о постороннем, а именно – сам же и убил, за что и просидел лет пять, в расцвете сил и красоты, в местах лишения свободы, где и подцепил такой персонаж, как Антонио (ни малейшего отношения к драматическому герою под тем же именем, творению пера нашего национального поэта), расплачиваясь за преступление совершенное вышеописанным мелодраматическим образом. С другой стороны, возможно он просто пудрит мозги – простительная слабость, наткнувшись на полных лопухов, Дублинских дуболомов, до того падких на новости из дальних краёв, что где тут удержаться старому мореходу, поборороздившему моря-океаны, натягивая фок на шхуне ЕСПЕРУС и всякое такое. А вдумавшись как следует, то вся лапша, которую тут этот малый о себе на уши вешает, как говорят, в подмётки не годится той небывальщине, что лезет в голову другим на его счёт.

– Учтите, я вовсе не утверждаю что это полное враньё,– заключил он.– Аналогичные случаи пусть и не часто, но порой бывают. Гиганты, хоть это не совсем по теме, которых иногда встречаешь. Марселла, королева лилипутов. Среди тех восковых фигур на Генри-Стрит я сам видел нескольких ацтеков, или как их прозывают, что сидят скрестив ноги. Им не удасться распрямить их даже и за деньги, потому что мускулы вот тут, смотрите,– продолжал он, указывая кратким очертанием на своем спутнике,– или жилы, или назовите их как вам будет угодно, за правым коленом, утрачивают силу от сидения таким способом, постоянно поджатыми, пока им поклонялись, как богам. Вот вам ещё один пример простоты душевной.

Однако, возвращаясь к нашему Синбаду и его ужасающим приключениям, который ему чем-то напоминал Людвига, *alias* Ледвидж, когда тот выходил на подмостки в ЗАБАВАХ (личная постановка Майкла Ганна) ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА, шумный успех и

полный зал поклонников, все без ума от его исполнения, (хотя все эти корабли, призрачные там или наоборот, на сцене малость не того, как и поезда), то ни в каких чрезмерных уклонениях за пределы реального его не уличишь, тут он согласен. Наоборот – штрих про удар ножом в спину вполне в стиле этих итальяносов: хотя, если уж начистоту, ему всё же кажется, что все эти мороженщики и поджарщики всевозможных рыб, не говоря уж про жарщиков картошки и тому подобного, как в маленькой Италии возле Кумбы, в сущности, трезвые, трудолюбивые и бережливые ребята, ну, разве что порой чрезмерно увлекаются охотой на безвредных и полезных домашних животных кошачьей породы своих соседей, как стемнеет, чтоб закатить добрячую обжираловку с чесноком для смачности, хотя на следующий день *de rigueur* так и прёт, а может и нет, но всё по тихому и, он бы подчеркнул, без лишних трат.

– Взять, например, испанцев,– продолжал он,– с таким же пылким темпераментом, дьявольски неудержимы и склонны брать закон в собственные руки – враз укокошат, пикнуть не успеешь, их неразлучными кинжальчиками в брюшную полость. Всё по причине жары, от климата, вобщем. Моя жена тоже, между прочим, испанка, то есть наполовину. Фактически, она могла бы писаться испанской национальности, при желании, родившись в (технически) Испании, т.е. на Гибралтаре. У неё явно испанский тип. Смуглянка, брюнетка от природы, жгучая. Я, например, вполне согласен, что климат сказывается на характере. Оттого и спрашивал, не пишите ли вы свои стихи на итальянском.

– Те темпераменты за дверью,– вставил Стефен,– пылали страстями из-за десяти шилингов. *Roberto ruba roba sua.*

– Вот уж действительно,– поддакнул м-р Цвейт.

– Да и к тому же,– продолжил Стефен, витийствуя, с застывшим взором, сам для себя или некого неведомого слушателя неизвестного местонахождения,– нам тоже не занимать неистовости

Данте и его равнобедренных треугольников – мисс Портинари, в которую он влюбился, плюс Леонардо и Сан Томазо Мастино.

– Это уж у нас в крови,– тут же согласился м-р Цвейт.– Все омыты кровью солнца. Какое совпадение – сегодня довелось заглянуть в музей на Килдар-Стрит, незадолго до нашего знакомства, если это можно так назвать, и я полюбовался там теми античными фигурами. Великолепные пропорции бёдер, груди. Здесь таких женщин просто не найти. За редким исключением. Симпатичны, не спорю, по своему милы и привлекательны, но я-то говорю о формах женственности. К тому же, одеты так безвкусно, большинство, а именно вкус приумножает природную красу женщины, что ни говори. Складки на чулках, возможно (или даже наверняка) это мой пунктик, но на такое просто смотреть тошно.

Однако, интерес пошёл на спад, и окружающие завели разговоры про терпящих бедствие на море, про сбившиеся с курса корабли в тумане, про столкновения с айсбергами и всякое в подобном роде. У корабельщика, ясно, было что сказать. Ему приходилось пару разов обогнуть Мыс и выдержать монсум, крутой такой ветрище в Китайских морях, но главное, как заявил он, что выручало во всех этих опасностях пучины (по его собственному выражению) был нательный медальон христианина, который и спасал его.

Вот так перешли они затем на кораблекрушение у Донтского утёса, как затонула та злосчастная норвежская барка, какой-то момент никто не мог припомнить как же называлось-то, покуда биндюжник, который и вправду-таки смахивал на Генри Кемпбелла, не вспомнил—ПАЛМЕ!—на бутерстаунской отмели, городу хватило разговоров на весь год (Альберт Вильям Квилл сложил отличный пассаж оригинальных стихов превосходного качества на эту тему для ирландской Times), как волн громадные валы прокатывались по кораблю, захваченному коварной мелью, и в ужасе окаменела толпа сбежавшихся на брег. Потом кто-то закинул слово про случай с п.х. ЛЕДИ КЕРНС из Свонса, который в довольно пасмурную погоду был протаранен МОНОЙ, что шла встречным курсом, и тот затонул как и

вся его команда. Никто даже не пытался их спасать. Владелец МОНЫ орпавдывался опасением, что появится течь в носу. Но в трюм, как оказалось, не просочилось и капли воды.

На этой стадии началось движение. Зачуяв необходимость распустить свой риф, моряк поднялся с места.

– Дай-ка прокурсую перед твоим бушпритом, земеля,– сказал он своему соседу, который как раз потихоньку начинал впадать в мирную дрёму.

Он медленно и грузно, какой-то притопывающей походкой, одолел расстояние до входной двери, тяжко соступил вниз с единственной ступеньки у входа в забегаловку и дал лево руля. Когда он лёг там в дрейф, м-р Цвейт, приметивший при его подъёме две бутылки, не иначе как корабельного рома, выпиравшие из двух карманов по отдельности для личного употребления его горящим нутром, увидел как тот достал одну из них и вынул пробку, а может отвинтил, и, приставив горлышко к своим губам, со звучным бульканьем неслабо отсосал из бутылки.

Неотступный м-р Цвейт, к тому же малость заподозривший, что старый лось отправился на этот маневр привлечённый приманкой в виде женщины, которая, однако, как сквозь землю, судя по всему, провалилась, для всех намерений и целей, мог, поднапрягшись, непосредственно различить как тот, надлежаще подсвежившись добычей нацеженной из корабельного бочонка с ромом, всматривается на быки и опоры Объездной Линии, скорей всего из глубины своих воспоминаний, поскольку, конечно, всё сильно изменилось после его последнего посещения и много тут всего понастроили. Какое-то лицо или лица, неразличимые, указали ему направление к мужской писсуарной, из возведённых ассенизационным комитетом по всему городу для данной цели, но по прошествии краткого периода времени, когда вокруг царила полнейшая тишь, моряк, явно уклонившись от сближения, облегчил себя неподалёку – плеск его трюмной воды, что в течение

непродолжительного времени журчала на землю, явно пробудил лошадь извозчичьего чина.

Во всяком случае, скребнуло копыто, переступая в новую после сна позу, и звякнула упряжь. Чуть потревоженный в своей сторожке у мангала с горящим коксом, сторож корпорации, который в суровой действительности являлся никем иным, как вышепомянутым Гамли, что пошёл вразнос и ускоренно катился по наклонной плоскости, находясь уже, практически, на приходском попечении и получивший временную работу через знавшего его прежде Пета Тобина из гуманных (по всей умопостижимой вероятности) побуждений, пошевелился и провернулся в своей конурке, прежде чем вновь упокоить члены в объятиях Морфея. Воистину полоса умопомрачительно трудных времён в самой острой форме постигла этого земелю имевшего наиреспектабельнейшие связи и всей своей предыдущей жизнью приученного к удобствам приличного особняка, кто в своё время унаследовал аж 100 фунтов годовых, и ими-то, конечно, этот двуствольный осёл принялся сорить направо и лево. И вот—извольте видеть—тут он, докатившийся до ручки и без ломаного гроша за душой, после того как не однажды наводил шорох по всему городу. Ну, пил, ясное дело, из чего опять-таки следует мораль – мог запросто б ворочать большими делами, если бы (огромное, что и говорить, "если") сумел преодолеть своё чрезмерное пристрастие.

Тем временем, все наперебой оплакивали упадок ирландского судоходства, как прибрежного, так и дальнего плавания, а тут всё одно за одно цепляется. У Палгрева Мерфи, в Александровой Заводи, спущен корабль со стапелей, единственный спуск на воду в текущем году. Что правда, то правда – гаваней сколько хочешь, да только вот корабли туда не заходят. И кораблекрушения одно за одним, по замечанию держателя, который явно был из *au faiy*.

С чего бы это, очень интересно было ему знать, тому кораблю приспичило врезался в единственную скалу на весь Гелвейский залив, именно когда был выдвинут проект строительства Гелвейской

гавани м-ром Вотингтоном, или с какой-то похожей фамилией, а? Спросили б лучше капитана, посоветовал он им вдобавок, сколько тот получил на лапу от британского правительства за один тот рабочий день. Капитан Джон Ливер с Ливер-Лейн.

– Верно говорю, шкипер?– спросил он моряка, что как раз возвращался после своего приватного выпивона и прочих деяний.

Помянутый достопочтимый подбирал обрывок музыкальной фразы или слов, выборматывая навроде песни, только забористее, наподобие припевки или чего-то такого, терциями малыми или, может там, большими. Острый слух м-ра Цвета, отследивший даже как он там за дверью выдёргивал, вроде бы, затычку (так оно и было), каковую ему пришлось на время зажать в кулаке, покуда отхлёбывал и производил сливные процедуры, а после приёма дозы жидкого огня, обнаружил её малость несговорчивой. Так или иначе, но он опять припёрся, после своего успешного отлияния *cum* возлиянием, привнося запах выпитого в атмосферу *soiree*, ухарски напевая, как истый сын морского петушка:

– Галеты были твёрже рёбер кашалота,
А солонина соленее жопы жены Лота,
О, Джони Ливер!
Джони Ливер, О!

Отчебучив этот свой номер, вновь взбодрённо явившийся на сцену тип занял прежнее место и не то, чтобы сел, а, скорее, рухнул на имевшуюся там сидельную приспособу.

Шкуродёр, похоже, был из числа и впрямь задетых за живое и выплескивал горечь наболевшего в обличительной филиппике умеренной крепости, насчёт природных ресурсов Ирландии, или что-то типа того, описывая её в своей затяжной диссертации как богатейшую из стран, другой такой не сыщешь на лице земли

Господней, которая полностью превосходит Англию по несметным запасам угля и ежегодно экспортирует свинины на шесть миллионов фунтов, да ещё на десять, примерно, миллионов масла и яиц, но Англия высасывает из неё все богатства, взвалив налоги на бедный люд, который всегда платил с лихвой, и заглатывая лучшее на рынке мясо; и он немало ещё нагнетал пары в таком же духе. Вследствие чего беседа стала общей и все согласились, что это факт.

– На ирландской почве чего захочешь, то и вырастет,– заверил он,– вон, в Кевене, полковник Эверард даже табак разводит. А где ещё встретишь хоть что-то подобное ирландской ветчине? Но день расплаты,– заявил он убеждённым *crescendo*, целиком монополизируя общую беседу,– не минует даже могучую Англию, сколько бы ни нахапала своими преступлениями. Грядут небывалые за всю историю потрясения. Немцы и япошки нынче очухались и уж теперь присмотрят что к чему,– заверил он.– Буры были только началом конца. Бирмингемова Англия уже шатается и рухнет из-за Ирландии, её Ахиллесовой пяты,– он им попутно разъяснил насчёт уязвимой точки Ахиллеса, греческого героя, и его слушатели враз ухватили суть, когда он совершенно овладел их вниманием показом упомянутой жилы на своём ботинке. И он советовал каждому ирландцу не покидать родную землю, трудиться и жить для Ирландии. Ирландия, по слову Парнелла, нуждается во всех до единого своих сыновьях.

Полная тишина подвела черту его *finale*.

Непоколебимый навигатор дослушал эти драматические излияния без тени уныния.

– Придётся малость попыхтеть, босс,– откликнулся этот неогранённый алмаз, не слишком-то, как видно, воспламенясь предыдущим труизмом.

Держатель сумел стерпеть этот ушат холодной воды предстоящему потрясению и так далее, однако, не отступил от своей основной точки зрения.

– Кто лучшие вояки в армии?– вскинул вопрос ребром этот убелённый сединами ветеран.– А лучшие прыгуны и жокеи? Или кто у нас лучшие генералы и адмиралы? Вот что мне скажите.

– Ирландцы, в основном,– откликнулся извозчик, видом Кемпбелл, абстрагируясь от лицевых запятнанностей.

– Это точно,– поддержала морская душа.– Всё на ирландском крестьянине-католике. Он хребет нашей империи. Слыхали про Джима Мулинза?

Позволяя себе, как любой кто угодно, придерживаться своего личного мнения, держатель добавил, что плевать ему на всякую распродолбаную империю, хоть нашу, хоть вашу, но ни один, как он считал, пошедший служить ей ирландец не достоин называться ирландцем. Тут им вздумалось ушкварить ещё по паре жарких слов и, раскипятившись, оба, ясное дело, аппелировали к слушателям, которые следили за перепалкой с живым интересом, поскольку те не перешли ещё к взаимным обличениям и обмену угрозами.

Располагая многолетней внутренней информацией, м-р Цвейт был склонен скорее офуфукать подобную аргументацию как балабольное пустозвонство, поскольку (ведь идеалу желательно быть абсолютным, или не быть вовсе) он целиком склонялся к факту, что их соседи по ту сторону залива, если только не являлись более полными дураками, чем за каких он их держал, скорее всего маскировали свою мощь, чем наоборот.

Эта дребедень была созвучной тому дон-кихотскому понятию из определённых кругов, что через сто-де миллионов лет угольный пласт соседнего острова окончательно иссякнет, и если по истечении указанного периода окажется, что вся петрушка заключалась именно в этом, то лично он по этому поводу мог лишь сказать, что уйма равносильно весомых в данном вопросе случайностей могла приключиться до его истечения и что в промежутке весьма желательно успеть воспользоваться самым лучшим из имеющегося в обеих странах, пусть даже и разнящихся как полюса. Попутно щекотливый пунктик—шашни шлюх и корешков, простяцки

выражаясь—напомнил ему, что ирландские солдаты так же часто сражались за Англию, как и против неё, а фактически даже и чаще. Но, спрашивается, почему?

Так что сцена между этими двумя—держателем с лицензией, который, по слухам, является или являлся Фицхаррисом, из прославленных непокорённых, и вторым (явно подсадной уткой)—глубоко убеждала его, знавшему назубок уловки по втиранию в доверие, если, разумеется, предположить, что всё это срепетировано, и как наблюдателя, исследователя души человечьей, в первую голову, что остальные мало что улавливают в этом спектакле. А что до лицезированного, то есть держателя, который вполне мог и вовсе не быть помянутым лицом, то он (Цвейт) не мог сдержать чувства (и весьма обоснованного), что подобных людей лучше полностью избегать, если ты не совсем идиот, и никаких не иметь с ними дел, сделав это золотым правилом частной жизни, и с их противозаконным кругом, таящим постоянную опасность, что какой-нибудь Дэнни-браток переметнётся и начнёт давать показания в качестве королевского свидетеля, чтоб избежать приговора, как тот Дэнис или Питер Керей – абсолютная, по его мнению, мерзость. И, совсем уж с другой стороны, ему принципиально претили всяческие правонарушения и попрание закона.

При всём при том, хотя в его груди никогда ни в каком виде или форме не поселялись никакие преступные наклонности, он, чего уж греха таить: что есть, то есть, чувствовал (внутренне оставаясь всё тем же) некую восхищенность человеком, готовым пустить в дело нож (хладную сталь) с беззаветной убежденностью в своей политической правоте, хотя он лично ни за что не стал бы впутываться в такое, вроде той хренотени в любовных вендеттах юга, быть безраздельным её обладателем, либо быть вздернутым за неё, во время которых частенько муж, по ходу обмена резкими выражениями на тему её отношений с другим счастливым смертным (нет смысла отнекиваться, он их выследил), наносил летальные

повреждения своей благоверной, как следствие альтернативной постбрачной *liason*, протыкая её ножом, пока ему вдруг не пришло в голову, что Фиц, по прозвищу Шкуродёр, в сущности, всего лишь навсего правил дрожками непосредственных исполнителей злодеяния и, таким образом, не принимал, если принять на веру эту информацию, активного участия в душегубстве, на чём, в сущности, и основывалась защита некоего адвокатурного светила, спасшего его шкуру. В любом случае, всё это нынче превратилось в уже довольно давнюю историю и, касательно нашего друга псевдо-Шкуро-и-так-далее, тот явно зажился в этом качестве. Ему давно бы уж следовало умереть либо естественной своей смертью, либо на возвышении эшафота. Наподобие театральных актрис, с их постоянными прощальными бенефисами—ах, право же, последний мой спектакль!—а потом, здрасьте-пожалуйста, опять тут как тут: выходят с улыбочкой. С кем не бывает, причина, конечно же, в темпераменте, о скупердяйстве или чём-то подобном не может быть и речи, вцепятся в глотку даже за тень намека. На эту тему, у него имелось назойливое подозрение, что м-р Джон Ливер, когда протрынькал определённую сумму монет и асигнаций, куролеся в портах с атмосферой того же типа, как и в таверне СТАРАЯ ИРЛАНДИЯ, вернулся обратно в Эрин и так далее. К тому же, относительно прочего всего, то незадолго перед этим ему довелось слышать точь-в-точь подобную речугу, о чём он и сообщил Стефену, не умолчав и о таком простом, но действенном приёме, которым он вынудил обидчика умолкнуть.

– Он цеплялся и так, и эдак,– поведала эта многострадальная, но, в целом, уравновешенная личность,– однако, я не обращал внимания. Он распсиховался и обозвал меня евреем, да так оскорбительно. Тогда я, ничуть не искажая голых фактов, так ему и выдал, что его Бог, я имею ввиду Исус, тоже был евреем, и все его сородичи такие же как и я, хотя, на самом деле, я не еврей. Это его достало. Тихий ответ сокрушает гнев. Ему просто нечем было крыть, и все это видели. Разве я не прав?

Он обратил на Стефена долгий взгляд типа "ну-разве-так-можно?", однако, наряду с ненавязчивой гордостью и тихим умиротворением, во взгляде этом сквозила ещё и доля вопрошания, ибо ему, похоже, с какой-то стороны казалось, что это всё-таки было как-то не совсем чтоб.

– *Ex quibus*,– бормотнул Стефен непреклонным тоном, оба-два каждого из них, иначе говоря, все четыре их глаза в контакте,– нарекли его Христос, или Цвейт, или ещё как, в конце концов, угодно, *secundum carnem*.

– Разумеется,– продолжал подводить базу м-р Цвейт,– надо брать обе стороны вопроса. Трудно выдвигать какие-либо твёрдые и неизменные правила для выяснения где истина, а что неверно, но возможность продвижения в этом направлении, конечно же, имеется, хотя любая страна, включая и нашу бедняжку, получает такое правительство, какого она достойна. Но и такого вполне достаточно при наличии доброй воли пусть даже в самой малой дозе. Много ума не надо, чтобы кичиться общим превосходством, но как насчёт общего равенства? Мне противны насилие и нетерпимость любого направления и толка. Этим ничего не добьёшься и ничего не исправишь. Революция должна проводиться путём хорошо спланированных реформ. Полнейший, в сущности, абсурд – ненавидеть людей за то, что они живут на другой улице и говорят не таким, так сказать, говором.

– Достославная кровавая битва и семиминутная война на мосту,– подытожил Стефен,– между переулком Скинерса и Ормондским рынком.

– Да,– безоговорочно согласился м-р Цвейт, целиком принимая это (угодившее в самую, что ни наесть, тютельку) замечание,– весь мир полон разборками такого рода.

– Вы прямо-таки опередили сказать что у меня на уме,– продолжил он.– На чём и стоит горлохватное препирательство, которое, давайте уж начистоту, даже и близко не способно…

Все эти мерзкие нападки, по его скромному мнению, чтоб вскипала дурная кровь (из-за шишки драчливости, или какой-нибудь там железы) при неверно толкуемой щепетильности в вопросах чести и флага, являются (в более чем значительной степени) вопросом денежного вопроса, он основа основ жадности и завистливости, люди просто перестают понимать где следует остановиться.

– Возводят напраслину...– сообщил он послышнее, отвернувшись от остальных, которые возможно... и заговорил сблизи, так чтоб те... на случай, если они...

– Евреев,– поведал он в непосредственную близость от уха Стефена,– обвиняют в подрывании основ. Беспочвенная чепуха, могу смело заверить. История—вы представляете?—доказывает (и тут уж носа не подточишь), что Испания пришла в упадок как только Инквизиция устроила травлю и изгнание евреев, Англия же вступила в полосу процветания, когда Кромвель, на редкость смышлёный мерзавец, которого по другим пунктам много за что следовало бы призвать к ответу, импортировал их. Почему? Из-за их практичности и они доказали это. У меня и в мыслях нет позволить себе как-то... вам ведь известны фундаментальные труды по предмету, и к тому же человек вашей ортодоксальности... Но в экономическом, оставляя религию в стороне, смысле, священик равнозначен нищете. Всё та же Испания, вы были свидетелем, в войне со свободомыслящей Америкой. Или турки, у них это главная догма. Ведь если б не вера, будто когда погибнут прямиком попадут на небо, то постарались бы лучше устроить жизнь, во всяком случае, я так думаю.

– Беда в том, что попы подливают масла ложными измышлениями. Я,– заключил он с драматическим нажимом,– такой же добрый ирландец, как и тот невежа, про которого рассказал вам вначале, и моё заветное желание увидеть всех и каждого,– подвёл он черту,– без различия вер и классов, имеющими *pro rata* приятственный средний доход, а не типа кот наплакал, ну, скажем, в районе 300 фунтов стерлингов годовых. Вот где самый трепещущий

из поставленых вопросов и его решение приведёт к более гуманному отношению человека к человеку. По крайней мере, в этом суть моей мысли, расценивайте её как хотите. Вот что я называю патриотизмом. *Ubi patria*, как мы поверхностно нахватались в наши классические дни в *Alma mater*, где *vita bene*, если жить достойно и старательно, конечно, трудиться.

По ходу столь общего обзора всего подряд, взор Стефена уставился поверх его чашки безвкусного подобия кофе в ничто конкретно. Он, конечно, различал переливы разнообразных слов, меняющих окраску, как те крабы возле Рингсенда поутру, что торопливо закапывались во всевозможные оттенки различного только с виду, но одного и того же, песка, где у них в глубине был где-то дом, или, вроде бы, должен был быть. Затем он поднял глаза и увидел взгляд подпиравший слова, которые произнёс голос и которые он разобрал – если трудиться.

– На меня прошу не рассчитывать,–смог он заметить,– насчёт труда.

Глаза удивились такому ответу, потому что он (лицо, которому они принадлежали) ответил на это, или, вернее, произнес его неумолчный голос: – Всем непременно надо трудиться, до единого.

– Но, конечно, – поспешил тот заверить,– я имею ввиду труд в самом что ни есть широком смысле. Сюда входит и работа литератора, не только ради славы. Писать в газеты, они теперь самый читамый канал. Это тоже труд. Важный труд. В конце концов, из той малости, что мне о вас известна, после всех расходов на ваше образование, вы имеете право на компенсацию и сами можете назначать цену. И ваше право жить своим пером, согласно вашей философии, ни капельку не меньше прав крестьянина. Не так ли? Вы оба принадлежите Ирландии – мозг и мозоли. Каждый одинаково важен.

– Вас послушать,– отпарировал Стефен с каким-то полусмешком,– я могу представлять какую-то ценность из-за принадлежности к *faubourg Saint-Patrice*, именуемому, для краткости, Ирландией.

– Тут бы сделать ещё один шаг…– гнул своё м-р Цвейт.

– Однако, в моём понятии,– прервал Стефен,– Ирландия имеет ценность потому, что принадлежит мне.

– Что принадлежит?– переспросил м-р Цвейт наклоняясь, подумав, что он, вероятно, как-то не так понял.– Извините. К сожалению, я упустил заключительную часть. Так вы говорите?..

Стефен с явной злостью повторил и отпихнул свою кружку с кофе (или уж как соблаговолите его назвать), добавив, не слишком-то вежливо:

– Мы не можем поменять страну, давайте сменим тему.

На столь вызывающее предложение м-р Цвейт отвёл, для смены темы, взгляд в некотором, однако, замешательстве, так до конца и не улавливая, что в этой конструкции с чем увязывается, пойди разберись. Явственней всего прочего проступала некая, своего рода, отповедь. Что и говорить, в его высокомерной холодности всё ещё сказывались пары его недавней оргии с примесью какой-то едкой горечи не свойственной ему в трезвом состоянии. Возможно внутрисемейная жизнь, которой м-р Цвейт придавал важнейшее значение, протекала не совсем так, как надо, или же он не водил дружбу с людьми нужного сорта. С долей опасения за его дальнейшую судьбу, он исподтишка разглядывал сидящего рядом молодого человека, с каким-то даже налётом преклонения, вспомнив, что тот совсем недавно из Парижа, глазами до того похож на своего отца и на сестру, однако, так и не прояснив для себя истинную суть вопроса, он перебрал в памяти примеры образованых ребят с не менее блестящими задатками, которые скапутились на старте от скоротечного разложения и тут уж некого винить кроме самих себя. Взять хотя бы случай того же О'Калагхина, прикольный чудик с респектабельными связями, но при скудных средствах, откалывал совершенно сумасбродные номера, и среди прочих его причуд, когда впадал в полный бзик, и тем сидел уже всем в печёнках, была у него привычка разгуливать на публике в костюме из обёрточной бумаги (факт). А потом обычный *denouement* этой

забавы стал приедаться, и пара доброхотов посодействовали ему смыться, когда запахло жареным и Джон Мелон из Ловер-Кастл-Ярда сделал даже слепому коню понятный намек на статью из второго раздела Акта Поправки Уголовного Права, имена кое-кого из причастных были известны, но не разглашались по причинам, которые дойдут любому, если имеется хоть горсть мозгов. Короче, когда сплюсуешь два и два, шесть шестнадцать, на что он подчёркнуто оборачивался глухим ухом, Антонио и всё такое прочее, типа жокеи, эстеты и татуировки, что было самым модным писком в семидесятых, или около того, даже и в палате лордов, в молодые годы монарха, в ту пору несомненного престолонаследника, а остальные члены верхней десятки и прочие великосветские особы просто потянулись тропкой проторенной главою государства, и тут ему подумалось о заскоках в головах увенчанных славой или просто коронами, попрание морали, взять тот же корнуэльский случай, порядком лет тому назад, сколько их ни учат этикету, который вряд ли составлялся матушкой природой, добрейшая м-с Гранди так негодовала, хотя не из-за того, что на них подумали сперва, вобщем, кроме женщин, которые только рады случаю ущемить друг дружку, если не на всю, то хоть малость, а всё из-за нарядов и такого прочего. Дама, что любит шикарное нижнее бельё, и любой мужчина с хорошим портным, должны доводить различия до крайности, чтоб не раз-два и готово, а придать побольше настоящей стимуляции взаимным актам обладания, она у него расстегивает, а он на ней развязывает—осторожней, там булавка!—тогда как дикарям на людоедских островах при сорока, скажем, градусах в тени плевать на эти утончённости. Однако, подводя черту, кое-кому, с другой стороны, случалось выбиться наверх с нижней перекладины с опорой лишь на собственные шнурки. Просто сила природного дарования. Нужно с умом, сэр.

По данной и ей сопутствующим причинам, он чувствовал, что интересно, и необходимо даже, было бы выждать и использовать подвернувшийся случай, хотя он не смог бы толком объяснить

почему, и без того уже потратив несколько шилингов, по собственной, фактически, как ни крути, склонности. Вместе с тем, знакомство с личностью неординарного калибра, дающей пищу для размышлений, сторицей возместит любые небольшие… Интеллектуальная стимуляция, как таковая, порой является первоклассным, как он чувствовал, средством тонизации ума. А тут ещё прибавились случайные совпадения встречи, разговора, танца, драки, морского волка, из породы нынче-здесь-завтра-там, полуночников, целая галактика происшествий, всё подводило к воссозданию миниатюрной камеи мира, в котором мы живём, особенно раз в последнее время жизнь подспудной десятой части, то есть шахтёров, ныряльщиков, мусорщиков и т.д. и т.п., оказалась под микроскопом. Не упускать же золотую возможность, а вдруг и ему повезёт, как тому же м-ру Филипу Бюфо, если взять да и записать. Может ему выпало описать нечто за пределами привычной повседневной колеи (он так и собирался), с расценкой по гинее за колонку, ЧТО Я ПОЧЕРПНУЛ, скажем так, В ИЗВОЗЧИЧЬЕЙ ЗАБЕГАЛОВКЕ.

Розовый (спортивный) экстра-выпуск ТЕЛЕГРАФА, "тело графа", лежал, "лежало"—так уж к слову пришлось—возле его локтя и он, поставленный в тупик головоломкой про страну не ему принадлежащую, как и предыдущим ребусом: корабль прибыл из Бриджвотера и открытка адресована А. Будину, найти сколько лет капитану, бесцельно пробежал глазами заголовки, поочерёдно, на подвернувшемся ему развороте, дай нам днесь, Всемогущий, прессу насущную. Сперва он чуть вздрогнул, но там просто было что-то про какого-то Х. ду Бойлса, агент по пишущим машинкам или типа того. Великая битва Токио. "Любовные игрища" на ирландском, 200 фунтов штрафа. Гордон Беннет. Эмиграционная афера. Письмо преподобного Вильяма. Эскотский Клочок напоминает Дерби '92, когда тёмная лошадка капитана Маршалла, Сэр Гуго, вырвала призовую ленту при самых мизерных шансах. Нью-йоркская

катастрофа, тысяча утраченных жизней. Ящур. Похороны покойного м-ра Патрика Дигнама.

И тут, для перемены темы, он почитал о Дигнаме, пок. с мир., что, как он подумал, было отнюдь не развлекательной разрядочкой.

"Сегодня утром (это конечно Гайнс накропал) останки покойного м-ра Патрика Дигнама были вынесены из его жилища на Ньюбридж-Авеню, 9, Сэндимонт, для захоронения на Гласневинском кладбище. Усопший джентельмен был одним из общеизвестных и приятных лиц в жизни города, а его кончина, после непродолжительной болезни, явилась тяжким ударом для сограждан всех классов состояния и повергла их в глубокую скорбь. Многие из друзей покойного присутствовали на церемонии организованной (а это, как пить дать, Гайнс вставил уже под диктовку Корни) похоронной конторой Г. Дж. О'Нейл & Сын, Норд Стрэнд Роуд, 164. Среди провожающих в последний путь присутствовали: Патк. Дигнам (сын), Бернард Кориган (шурин), Джон Генри Ментон, Адв., Мартин Канинхем, Джон Повер, итон док физ 1\8 адор дорадор дорадора (на этом месте он окликнул Монкса, отца ежедневных, насчёт рекламы Ключчи), Томас Кернан, Саймон Дедалус, Стефен Дедалус, Бклр. Иск., Эдвард Дж. Ламберт, Корнелиус Келлехер, Джозеф М.К. Гайнс, Л. Цвит, Ч. П. М'Кой, М'Интош и некоторые другие."

Вскипев из-за Л. Цвита (надо ж, как переврали) вдобавок к строчке полной бестолочи в наборе, но вместе с тем жутко заинтригованный Ч.П. М'Коем и Стефеном Дедалусом, Бклр. Иск., которые моментально бросались в глаза своим совершенным, что и говорить, отсутствием (не говоря уж про М'Интоша), Л. Цвит указал на это своему компаньону – Бклр. Иск., сосредоточившемуся на сдерживании очередного зевка, реакция нервов, не умолчав и про обычный урожай бессмысленно курьёзных опечаток.

– Что там, первое,–спросил он, как только позволила его нижняя челюсть,– послание евреям? Ибо сказано: раскрой рот свой и всунь туда ногу свою.

– Вот уж действительно,– сказал м-р Цвейт (хоть сперва думал, что тот намекает на архиепископа, пока не добавилось про ногу и рот, которые тут вообще ни к селу ни к городу), с прихлынувшей радостью что можно успокоиться и малость ошеломлённый, что Майлз Крофорд—надо же!—дотюкал-таки дело до конца, так-то вот.

Покуда второй вчитывался на предложенной странице, Цвит (привешивая ему ещё разок его новое мимоимя) коротал пару-другую бездельных минут, просматривая, с пятого на десятое, отчёт о третьем заезде в Эскоте, на третьей странице, сумма приза в 1000 соврн., 3000 соврн. поставлено на всех жеребцов и кобыл: Клочок, сын Резвуна, 5 л, 9 ст. 4 фнт., собственность м-ра Александера, Трейл, (В.Лейн), 1. Цинфандель, лорда Говарда де Валдена, (М. Кеннон), 2. Мантия, м-ра В. Басса, 3. Ставки 5 к 4 на Цинфанделя, 20 к 1 на Клочка (аутсайдер), Клочок и Цинфандель пришли почти грудь в грудь. Скачки, редкое зрелище, надо было видеть как резвый аутсайдер вырвался вперёд, долго лидировал, обойдя чалого жеребца лорда Говарда де Валдена и гнедую кобылку м-ра В. А. Басса в заезде на 2 1\2 мили. Тренер победителя Брейн, так что версия Лениена на этот счёт оказалась полной трепотнёй. А чтоб поверили, талдычил без конца. 1000 соврн, на 3000 в кармане. В скачках принимал участие также Максимум II, Ж. де Бремона (французская лошадь, про которую так усердно выспрашивал Бентем Лайенс, к финишу ещё не пришла, но ожидается с минуты на минуту). Есть способы подстраховаться от пустой наводки. Возмещение за любовные игрища. Но этот недоумок Лайенс гнал как ошпаренный, горя желанием поставить. Конечно, в азартных играх всегда подстраивают такие трюки, по тому как кончился заезд, у бедного придурка нет причин поздравлять себя – клюнул на пустой номер. Тут, таки, как угадаешь.

– Всё к тому и шло, что этим кончат,– сказал м-р Цвейт.

– Кто?– второй, с поврежденной, кстати, рукой, спросил у него.

– Однажды утром откроешь газету,– убеждал извозчик,– а там чёрным по белому: ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАРНЕЛЛА.

Он поспорит на что хочешь. Тут как-то ночью в забегаловку притопал дублинский фузилер, так он вообще его видел в Южной Африке. А скопытился он из-за гордости. Надо было или смотаться, или залечь на какое-то время, после комиссии кабинета № 15, выждать, пока всё станет как прежде и никто не будет тыкать пальцами. И они все, как миленькие прибежали б на задних лапках, как только он опять был бы в норме. И всё-таки он не умер. Просто прячется где-то. В гробу, что тогда привезли, были просто камни. Теперешнее его имя – Де Вет, генерал у буров. Его промашка была, что рыпнулся против священиков. И так далее и тому подобное.

Однако, Цвейта (с правильным правописанием) крепко изумляла их памятливость, ведь в девяти случаях на десять, сперва окатят дёгтем, да не парой бочек, а тысячью, прежде чем предать полнейшему забвению, уж как-никак двадцать лет минуло. Конечно, очень даже вряд ли, чтоб во всей этой трепотне, была хоть капля истины, но и даже просто предположить, возвращение, по его мнению, никак не стоило свеч, если взвесить всё как следует. И что-то в его смерти им явно против шерсти. То ли слишком уж беспрекословно он усоп от острой пневмонии, как раз когда различные политические манёвры близились к развязке и, как бы, смертью своей обязан тому, что поленился сменить ботинки и одежду, когда промок, вот и простудился и, не показываясь специалистам, отлёживался у себя в комнате, пока не умер-таки, среди широко разлившейся скорби, не прохворав и пары недель, либо, что очень даже не исключено, их бесит, что не удалось сделать это собственными руками. Разумеется, никого не извещали о его переездах, ни малейшего намёка на его адрес, бывший абсолютно чем-то типа "АЛИСА, ГДЕ ТЫ?", даже и до того, как начал пользоваться несколькими псевдонимами, Фокс или, там, Стюарт, так что замечание нашего друга извозчика не выходило за пределы круга вероятного. И ему, конечно, совсем бы не понравилось, как прирождённому вождю народа, каковым он, несомненно, и был, внушительная фигура полных шести футов, или, во всяком случае,

пять и десять, или одиннадцать, даже если в носках, тогда как г.г. Всякие-и-Прочие, хоть и в подмётки не годились такому человеку, продолжили править курятником ещё долго после того, как их верительные грамоты вконец обветшали. И тут напрашивается вывод: кумир на глиняных ногах. А потом семьдесят два его верных соратника открыли по нему пальбу, забрасывая грязью наперебой. Точно так и с убийцами. Неодолимое чувство – поневоле тянет вернуться и показать недоучке в заглавной роли как оно делается. Ему однажды довелось увидеть его вблизи, когда разбили набор в НЕПОКОРИМОМ—или то была ЕДИНАЯ ИРЛАНДИЯ?—привилегия, которой он глубоко дорожил и в действительности подал ему его шёлковую шляпу, когда ту с него сбили, и он ещё сказал спасибо, храня, при всей его взвинченности, которую он, несомнено, испытывал, полную невозмутимость внешнего вида даже при той небольшой неприятности, что стряслась под занавес, вот что значит воспитанность до мозга костей. И всё же, опять-таки насчёт возвращения, считай что крупно повезло, если не спустят пса, при твоём появлении. А потом невпроворот обычной тягомотины. Том – за, а Дик и Гарри – против. И, перво-наперво, стычка с тем, кто вступил в права владения и приходится предъявлять свои верительные грамоты, как тому истцу в деле Тичборна. Роджер Чарльз Тичборн, а корабль назывался БЕЛЛА, если не изменяет память, с которым он, наследник, утонул, как потом пытались доказать, и ещё была татуировка индийскими чернилами, лорд Беллью, кажется? Мол, эти-де подробности проще простого можно было выведать у какого-нибудь братишки на борту корабля, а потом, пользуясь описанием, приходишь и говоришь, извините, меня зовут Так-то-и-так-то, или другим простым манером. Намного осмотрительней (как заметил м-р Цвейт, не столь, фактически, многоречивому лицу, как то, выдающееся, ставшее предметом текущего обсуждения) сперва проверить что к чему и почём.

– Та сучка во всём виновата, английская прошмандовка,– прокомментировал владелец забегаловки.– Она вколотила первый

гвоздь в крышку его гроба.

– Всё равно, отличный кусок бабенции,– заметил *soi-disant* городской клерк Генри Кемпбелл,– вся при теле. Я видел её картинку в парикмахерской. Муж её был капитан или офицер.

– Ага,– подхватил Шкуродёр с усмешкой,– а кроме был полной подтиркой.

Эта бесплатная добавка юморного плана произвела затяжной хохот среди его *entourage*. Что до Цвейта, то он, без наималейшего намёка на улыбку, сидел уставившись куда-то по направлению к двери и размышлял о той, канувшей в былое, истории, что вызвала тогда огромный интерес, как только обнародовались факты вместе, что окончательно усугубило, с письмами их переписки, полными обычной для влюблённых слащавой чепухи. На первых порах всё шло чисто платонически, покуда вмешательство природы не вызвало взаимную привязанность и та, своим чередом, заполыхала кульминацией, что наполнила сплетнями весь город, пока не грянул ошеломительный удар, как долгожданное известие для многочисленных (и даже очень) злопыхателей, горящих готовностью ускорить его крах, хотя их связь с самого начала была достоянием публики, просто без той сенсационной огласки, что позже распустилась таким махровым цветом. Но раз имена их уже притёрлись слуху и раз уж он был её постоянным фаворитом, какая, спрашивается, особая нужда орать во всеуслышание любым и каждым, то есть про факт, что он делил с ней спальню, как выяснилось из свидетельских показаний под присягой, когда переполненный зал суда поголовно замирал от потрясения, буквально наэлектризованный непрестанно нарастающим числом свидетелей, видевших как он, такого-то и такого-то, конкретно, числа выкарабкивался в спальном одеянии из апартаментов верхнего этажа посредством приставной лестницы, также использованной и для получения доступа туда же, а еженедельники, такие падкие на ягодку, просто лопатой гребли из этого всего деньги. А дело, всего-то-навсего, в том, что это был самый обычный случай,

когда муж не тянет, как положено, и между ними нет уже ничего общего, кроме фамилии, когда на сцене появляется настоящий мужчина, сильный до потери пульса, который оказывается жертвой её бархатистых чар и забывает кто он и откуда. Обычный итог, таять от улыбок возлюбленной. Всплыл извечный вопрос супружеской жизни, если начистоту. Могут ли состоящие в браке любить настоящей любовью, то есть, если брать посторонних? Впрочем, их случай сюда совершенно не вписывается, он видел её глазами влюбленного, мчась на волне безрассудности.

По своим личным качествам, это был отличный экземпляр мужчины, наделённый, что и говорить, истинными дарованиями высшего порядка, то есть, если сравнивать с тем пришей-пристегай военным на роли без слов (оказавшимся пустым местом из разряда ПРОЩАЙ, МОЙ БРАВЫЙ КАПИТАН, из лёгкой кавалерии, 18-й гусарский, если быть точным), с неугасимой верой (падший вождь, то есть, а не первый из них обоих) в предначертанный ему путь, в котором она—ну, ещё бы, на то и женщина!—быстро предугадала явную способность пробиться к славе, и он был почти на волосок, да подгадили священики и приверженцы писания как такового, а его, такие верные на первых порах, товарищи в борьбе, совместно со столь близкими его сердцу изгнанныеми арендаторами, за которых он так ратовал и принимал колотушки в сельских местностях страны, на что они не расчитывали и в самых буйных своих мечтаниях, весьма сноровисто поджарили его матримониального гуся, причём костер разложили на его же голове, точь-в-точь как тот брыкливый осёл из притчи. Теперь оглядываясь вспять в ретроспективном расположении, всё кажется как бы сном. И возвращение назад – самый никудышний выбор, тут и без слов ясно, что оказываешься отрезанным ломтём, потому что всё меняется с течением времени. Вроде того, подумалось ему, как район Айриштаун-Стренд, где он прожил немало-таки лет, смотрится как-то иначе со времён его переезда на жительство в северную часть. Неважно, север или юг, но это оказалось обычным случаем, простым и неподдельным, пылкой

страсти, перевернувшей на себя тачку мщения, что слово в слово подтверждает его правоту, ведь и она была испанкой, или наполовину, а женщины такого типа не делают чего-то вполовину, готовые с южной необузданностью страсти пустить по ветру последний лоскуток пристойности.

– Точное подтверждение моим словам,– сказал он, с жаром в груди, Стефену,– и, если я не слишком заблуждаюсь, она тоже была испанкой.

– Дочь короля Испании,– выговорил Стефен, бормотнув что-то ещё такое или эдакое, довольно неразборчиво, про прости-прощайте испанские луковицы, и первая земля накликавшая Мертвяка, и от Баранолба до Скиллы столько уж их побывало…

– Неужто?– воскликнул удивленно Цвейт, впрочем, ничуть не изумляясь.– Мне ещё не приходилось слышать эту версию. Хотя, наверно, так оно и есть, ведь она оттуда. Насчёт, Испании.

Осторожно, в обход книги в своем кармане, УСЛАДЫ, которая, кстати, ему напомнила про другую – просроченную, из библиотеки на Капел-Стрит, он вынул свой записник и, поспешно пролистывая всякую всячину, наконец-то…

– Кстати, на ваш взгляд,– сказал он, задумчиво доставая потёртое фото,– это испанский тип?

Стефен, следуя приглашению, посмотрел вниз, на фото дамы крупных форм в полном расцвете женственности, с притягательной, без утайки, плотью в вечернем платье свободного кроя и откровенно низким вырезом для удобств обозрения ощутимо объёмистых грудей, которая, чуть приоткрыв полные губы для показа отличных зубов, стояла весомо опираясь на рояль с раскрытой на пюпитре балладой СТАРЫЙ МАДРИД, по своему прелестная вещица, что была тогда в самой моде. Её (дамы) большие, тёмные глаза смотрели на Стефена, готовые вот-вот улыбнуться чему-то восхитительному, эстетические достоинства всей композиции лежали на Лафайете, моднейшем дублинском фотографическом художнике с Вестморленд-Стрит.

– Моя жена, м-с Цвейт, *prima donna* мадам Твиди,– пояснил Цвейт.– Снимок сделан не так уж много лет назад. В 96 или того около. Очень похожа на себя – тогдашнюю.

Он тоже смотрел, совместно с молодым человеком, на фото дамы, своей законной нынешней жены, которая, по его словам, являлась одарённой дочерью майора Брайана Твиди с замечательной, проявившейся уже в раннем возрасте, способностью к пению, а первое публичное выступление имело место, как исполнились сладкие шестнадцать. Лицо удачно получилось, передавая присущую ей выразительность, зато фигура в жизни намного привлекательней, просто тут поза не та. Она бы запросто могла (просто к слову пришлось) быть натурщицей, не вдаваясь в плавность линий на... Он перешёл, будучи, отчасти, художником в свободное время, на общую эволюцию образа женщины, такое совпадение – не далее как сегодня ему довелось любоваться теми греческими статуями, образцы художественного совершенства в Национальном музее. Мрамор способен передать оригинал, плечи, спину, всю симметрию. И прочее, ну, да, пуританизм. Скажем у Св. Иосифа главное... а вот на фото не то, всё-таки это не совсем искусство, вобщем.

Воодушевившись, он был бы рад последовать хорошему примеру Джека Тара, чтоб схожесть пару минут говорила сама за себя, поддерживая его... чтоб и другой смог упиваться красотой, а уж как на сцене держится, честное слово, истинное наслаждение, никакая камера не способна воздать должное. Хотя в среде художников не принято принижать, какая, однако, приятная ночь – тепло, но вместе с тем такая приятная свежесть, для такой поры, ведь солнца блеск, когда утихнет буря... Его так и подмывало выдвинуть предложение, так уж оно одно за другим, словно некий внутренний голос, чтоб выручить в затруднении по мере сил. Но он лишь сдержанно сидел, взирая на чуть затасканное фото объёмисто пышных выпуклостей, ничуть не портит то, что потёртое, м-да, потом задумчиво уставился вдаль, чтоб не смущать при оценке симметрии её пышности. Фактически, лёгкая потёртость лишь добавляет очарования, как чуть

поношенное бельё, не хуже нового, даже, в сущности, лучше, когда без крахмала. А что если её не было дома, когда он? Я искал лампу, какую она хотела, пришло ему на ум, просто как мимолетная фантазия, потому что тут же вспомнилась развороченная постель поутру и книга о Рубине, с тем мне-там-псы-коз (*sic*), которая свалилась в самое подходящее для неё место, на домашний ночной горшок, да простит Линдлей Мюрей.

Он явно смаковал пребывание в компании с этим молодым человеком – образованый, *distingue*, и такой импульсивный, буквально, самая элита своего круга, а на вид и не скажешь, что в нём всё это есть… хотя, пожалуй, скажешь. К тому же, и портрет он оценил – понравилась, ещё бы, есть чем, хотя теперь она здорово раздалась. А почему бы и нет? Такая прорва условностей вокруг всего этого, включая пожизненное пятно от типографского листа про всё тот же матримониальный узел с предположением о блуде с профессиональным игроком в гольф или свежим любимцем сцены, вместо совершенно откровенной честности, до конца. О том, как судьба уготовила их встречу и как вспыхнуло неудержимое влечение, из-за которого их имена в глазах публики слились в одно, что и было доказано на суде письмами полными обычного компромата из нескрываемо прямых выражений не оставлявших места для увёрток, как и открытое их сожительство, два или три раза в неделю, в общеизвестном приморском отеле, где их отношения, как и бывает при нормальном развитии событий, вылились, соответственно, в интим. Последовало постановление *nisi* и передача королевскому проктору для вынесения о наличии состава, и когда ему не удалось замять, то *nisi* стало доказанным. Но когда двое увлечены, в нарушение кодекса, безудержно (как и было в их случае) друг другом, то свободно могут начхать, как они, собственно, и сделали, пока за дело не взялся адвокат, предъявивший иск от непосредственно ущемлённой стороны.

Ему же, Цвейту, выпала высокая честь оказаться рядом с некоронованным королём Эрин во плоти, по ходу исторической

fracas, когда вождь уже пал, но упрямо гнул своё до последнего, даже будучи обряженным в адюльтерову мантию, несколько его (вождя) верных соратников, вдесятером, или дюжиной, или даже большим числом, проникли в типографию НЕПОКОРЁННОГО, хотя нет, это была ЕДИНАЯ ИРЛАНДИЯ (никоим образом, между прочим, не отражающее действительности имя) и разбили наборные ящики молотками, или чем-то там ещё, и всё из-за шутовских выбрызгов с плоских перьев писак О'Брайена, мастаков по обливанию грязью, насчёт личной моральности бывшего трибуна, а он, уже заметно и круто изменившийся человек, всё ещё смотрелся представительной фигурой, пусть и небрежно одетой, с характерным ему видом сосредоточенности, как следствие давнишнего валанданья с и-нашим-и-вашими, пока тем не дошло, к своему стыду и конфузу, что кумир-то их на глиняных ногах, уже после вознесения его на пьедестал, который она, между прочим, первая предугадала своим чутьём. И в момент особого накала страстей Цвейт в общей свалке нарвался на небольшое повреждение от подлого пырка локтем в толпе, которая, конечно же, сгрудилась, врезавшего, примерно, где-то в области желудка, без слишком, к счастью, тяжких последствий. Его (Парнела) шляпа была нагло сбита и, строго следуя историческим фактам, именно Цвейт оказался тем человеком, кто подобрал её в давке, оказавшись свидетелем происшествия и намереваясь вернуть её ему (каковой возврат он и произвёл с полной незамедлительностью), а тот, запыхавшись и выдохшись, пребывал в тот момент мыслями за многие мили и мили от своей шляпы, но был прирождённым джентельменом, поставившим на эту страну, и, в сущности, пошедшим на всё это скорее ради престижа, чем чего-то там либо ещё, проявил воспитанность привитую ему с младых ногтей, в пору младенчества у мамы на коленях, в виде понятия о хороших манерах, что тут же сказалось, потому что он обернулся к подателю и поблагодарил, произнеся с великолепным апломбом: "спасибо, сэр," но тон его не имел ничего общего с голосом того украшения законоведческой профессии, чей головной убор Цвейт

тоже упорядочил по ходу текущего дня—история повторяется изменяясь—после похорон общего друга, когда они оставили его один на один с вечным покоем, завершив печальный обряд предания земле его останков.

С другой стороны, его задевали за живое все эти плоские остроты возчиков и иже с ними, которые свели всё к хаханькам и несдержанному ржанью, воображая будто что-то смыслят во всех зачем да почему, а на самом деле ни уха, ни рыла не разберут даже в собственном сознании, ведь это случай касающийся только двух сторон, если законному мужу не приспичит тоже обернуться стороной вследствие анонимного письма от простака Джонса, который случайно застал их в решающий момент в любовной позе, заключив друг друга в объятия, и раздул семейный скандал призывом обратить внимание на противоправный акт, и прекрасная заблудшая половина, опускаясь на колени, вымаливает прощения у законного господина и повелителя, клянется прекратить связь и больше не принимать его визиты, при условии, что осерчавший муж закроет глаза на случившееся и не будет поминать старое, и вся при этом обливается слезами, хотя, возможно, хмыкая под свой прелестный носик по ходу объяснения, поскольку, весьма возможно, в запасе есть ещё штук несколько. Лично он, имея скептический склад, считал и ничуть, к тому же, не стеснялся заявить, что мужчина, или мужчины во множественном числе, так и вьются вокруг, дожидаясь доступа к даме, пусть даже она, предположим для чёткости аргументации, самая примерная жена на свете, и всем им найдётся отличное применение, когда ей приестся супружеская жизнь и потянет на лёгкое порханье в рамках благовоспитанной фривольности, чтоб ей оказывали знаки внимания с непристойными намерениями, и, манкируя своими обязанностями, она чувственно вспыхнет к другому, несчётное множество *liasons* между привлекательными ещё женщинами, которым совсем чуть-чуть за сорок, и мужчинами помоложе свидетельствуют о неизбежности

результата, которую немало из общеизвестных случаев женской влюбчивости доказали по самую завязку.

И жалко ведь до невозможности, когда молодые люди одарённые бесценным капиталом мозгов, к каковым явно относился и его сосед, бездумно тратят дорогое время на распущенных дамочек, которым ничего не стоит ввергнуть того в беспробудную спячку на всю оставшуюся жизнь. По освящённому традицией обычаю, и он однажды выберет себе жену, когда на сцене появится мисс Совершенство, но до той поры дамское общество было *conditio sine qua non*, хотя на этот счёт у него имелись весьма, и очень что ни есть, наисерьёзнейшие сомнения, и он отнюдь не собирался делать Стефену наводку насчёт мисс Фергюсон (которая, весьма возможно, и была той самой путеводной звездой судьбы, что привела его в такую рань в Айриштаун), с тем чтоб затем в роли наперсника поумиляться ухаживаниями юноши за девушкой, очаровательная пара без единого пенни на личном банковском счету, сперва две-три недели прогулочно-комплиментного периода с последующим переходом к манерам глубоко влюбленных, когда пойдут цветы, шоколадки. Подумать жутко, как им, бездомным, помыкает какая-нибудь квартирная хозяйка, хуже всякой мачехи, крайне вредно в его возрасте. Странные мысли, которые он выдавал, привлекали повидавшего жизнь человека, что и годами был старше, а может и как отец. И всё же ему определённо требуется более плотное питание, хотя бы гоголь-моголь вперемешку с извечным материнским продуктом, или, когда уж совсем некогда, отменного Шалтая-Болтая вкрутую.

– В котором часу вы обедали?– спросил он у тощей фигуры и измождённого, хоть и без морщин, лица.

– Вчера во сколько-то,– сказал Стефен.

– Вчера,– воскликнул Цвейт, пока не вспомнил, что это было уже завтра, пятница.– А, вы имеете ввиду, что полночь минула.

– Позавчера,– поправил себя Стефен.

Буквально ошарашенный такой информацией, Цвейт призадумался. Пусть не во всём совпадая, их взгляды содержали-таки некое сходство, словно мысли обоих путешестовали, так сказать, в поезде одного направления. В его возрасте, увлекшись политикой годков, эдак, двадцать тому назад, когда он был *quasi* соискателем парламентских почестей, в дни Громобоя Фостера, если ретроспективно оглянуться в прошлое (что вызывало некое щемящее удовольствие) его тоже тянуло на подобные сверх-ультра идеи. К примеру, когда вопрос изгнанных арендаторов, впервые затронутый именно в ту пору, внедрился в сознании людей, он—хоть и не внёс, конечно, ни гроша и не очень-то верил фразам—на первых, во всяком случае, порах безоговорочно стоял за крестьянское владение, как, в принципе, отражение направленности современных воззрений, однако, впоследствии он осознал свою ошибку и по мере сил исцелился от такой предвзятости, тогда его даже упрекали, будто продвинулся на шаг дальше самого Майкла Девитта в защите взглядов, которые тот одно время насаждал, типа назад-к-земле, что и стало одной из причин его крайнего возмущения подобный намёком, прозвучавшим таким нелицеприятным образом в его адрес на собрании кланов в заведении Барнея Кирнана, вынудив его—пусть зачастую наиболее недопонимаемого и наименее забиячливого из смертных—отклониться-таки от привычной своей повадки и, если позволите, заткнуть (метафорически) тому пасть, хотя в отношении самой политики, он слишком чётко осознал роковые последствия таящиеся в пропаганде и проявлении взаимной враждебности, а также приносимые ею бедственные страдания для отрезвляющего назидания прекрасным молодым, главным образом, людям – утрата, одним словом, дарований.

Вобщем, взвешивая все за и против, выходило, что, куда ни кинь, давно пора уж было отправляться баиньки. Но в том и заковыка, что вести его к себе домой малость рискованно, там могут возникнуть затруднения (кое-кого иногда кусает её муха) портящие всю обедню,

как в тот вечер, когда он опрометчиво привёл домой собаку (порода неизвестна) с повреждённой лапой, и дело не в том насколько схожи эти случаи, или наоборот, хотя он тоже повредил себе руку возле Онтарио-Терас, он точно помнил, поприсутствовав, так сказать, лично. С другой стороны, было очень и даже уже слишком поздно говорить о районе Песчаной Горки, вернее Сэндиков, вот он малость и терялся между двух альтернатив. Весь расклад подводил к тому, что ему не следует упускать такую возможность. Сперва у него складывалось впечатление, что он какой-то высокомерный, или не совсем общительный, но это ему начинало уже даже как-то нравиться. Хотя бы то, что он не бросится, так сказать, хвататься, если намекнуть и единственная трудность, что он не знал как начать разговор, какими, то есть, словами, если предложение будет принято, а лично он был бы весьма рад выручить его монетой, или чем-нибудь из одежды, в удобный момент. Хотя бы, подытожил он, отметая все те предубеждения, чашку какао Эппса и какую-нибудь подстилку на ночь, да накрыться чем-нибудь плюс вдвое сложеное пальто под голову. По крайней мере, будет в надёжном месте и в тепле, как гренок на плите. А его это особо не стеснит при неизменном условии, чтоб никакого дыма коромыслом. Да и пора-таки было двигаться, потому что тот молодчик с душою нараспашку – рассматриваемый соломенный вдовец, похоже просто прирос к месту, не подавая признаков особой охоты пуститься в путь к родному дому, в милый его сердцу Квинстаун, и весьма смахивало на то, что в ближайшие пару дней какой-нибудь мочалочный бордель отставных красоток за нижней Шериф-Стрит явится стопроцентной расшифровкой местонахождения этого скользкого типа, где будет продраивать их чувства (русалочьи) небылицами с шестизарядным револьвером в краях трагических, от которых по чьей угодно коже мурашки побегут, а для перемены с грубым и напористым смаком лапать их крупногабаритные чары, вперемешку с обильными дозаправками самогоном, по ходу дела, и обычной похвальбой, что он не тот на самом деле, примем мои настоящие

имя и адрес за XX, как *passim* замечает мадам Алгебра. И тут он хмыкнул про себя как осадил чемпиона по так-твою-распротак, который у него нарвался на Бога еврейской национальности. Укус волка люди ещё могут как-то стерпеть, но готовы лопнуть от бешенства если куснёт овца. И самое уязвимое место нежного Ахилла, твой Бог – еврей, а то ж им всё кажется, будто он уроженец Каррика-на-Шеноне или ещё откуда-то в графстве Слиго.

– Давайте-ка,– по зрелому размышлению решился, наконец, наш герой, быстренько укарманивая её фото,– пойдёмте ко мне, раз тут такая толкучка, дома и поговорим. Моя берлога совсем неподалёку, рукой подать. Такое пойло невозможно пить. Погодите, я только уплачу за него.

Самое правильное, бесспорно, сняться отсюда, а там уж просто поднять парус, он поманил, быстренько укарманивая фото, держателя харчеви, который похоже и не...

– Да, это самое правильное,– заверил он Стефена, которому в этом смысле что в Болванке, что у него, или ещё где, всё было как-то...

Всевозможные утопические планы мелькали в его (Цвейта) загруженном мозгу. Преподавание (нынешнее занятие), литература, журнализм, хорошо оплачиваемые рассказики, современная реклама, гидро и концертные турнэ по английским водным курортам, где полно театров, успевай лишь деньги загребать, дуэты на итальянском с безукоризнно поставленным произношением, и множество другого прочего, и нет, конечно, надобности орать на весь мир, до самых до окраин, с крыш домов про всё про это, лишь бы чуточку повезло, а там...

Главное – преподнести как надо. Потому что он более, чем подозревал, что у него был голос его отца, на чём и строились надежды, вот с этого б козыря и зайти, самое верное дело, кстати, не повредит свернуть разговор на эту околесицу, просто чтоб...

Извозчик вычитал из развёрнутой в руках газеты, что где-то в Лондоне бывший вице-король, эрл Кадоган, председательствовал на

обеде ассоциации извозчиков. Полная тишь, вперемешку с зевком-другим, сопроводили столь потрясающее известие. Затем ветхий тип в углу, в котором, оказывается, ещё тлела какая-то искра жизни, зачитал, что сэр Энтони МакДовелл выехал из Лостона в охотничий домик Главного Секретаря, или что-то типа того. Эта ошеломляющая новость вызвала отклик эха – ну.

– Дай-ка позырить эту литературу, дедуля,– встрял старый мореход, выказывая некоторое естественное нетерпение.

– И будьте любезны,– ответила пожилая сторона на такое обращение.

Моряк выудил из саквояжа под боком зеленоватостёклые очки, которые он крайне медленно закрючил себе на нос и за оба уха.

– Глазами слаб?– сочувствующе спросил пресонаж смахивавший на городского клерка.

– Ну,– ответил мореплаватель с шотландской бородкой, что оказался по-своему литературной заводью, всматриваясь сквозь иллюминаторы зеленовато-морского оттенка, которым запросто можно дать и такое определение,– читаючи цепляю скляхи. Всё из-за того песка в Красном море. А когда-то мог читать даже, как говорят, без света. ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ была моей любимой книжкой, и ещё ОНА КАК РОЗА АЛАЯ.

Тут он расхлыснул этот судовой журнал и впялился в одному лишь Богу известно что именно – про найденного утопленника, или подвиги короля Виллоу, или что сто с чем-то вторые ворота Ураган сделал недосягаемыми для Ноттса, а тем временем держатель (несмотря на Ураган) целиком сосредоточился на шнурке заметно нового, ну, может чуть подержанного ботинка, который ему нагло жал, о чём он бормотал в адрес продавшего ему его, и все в ком сохранялась ещё способная, так сказать, проступить на лицах доля бодрствования, лишь вяло наблюдали, либо отпускали тривиальные замечания.

Дабы не тянуть эту канитель, Цвейт, оценив ситуацию, первым поднялся на ноги, чтобы не быть обузой гостеприимству, вкусив

предварительную, порядком выдохшуюся, его часть, и дело не разминулась у него со словом насчёт оплаты счёта, для чего он с мудрой предусмотрительностью не преминул посигналить хозяину ненавязчивым жестом, как бы прощальный салют, чуть приметный знак, пока остальные не видят, что причитающаяся сумма на подходе, которая в общем итоге составила четыре пенса (означенную сумму он ненавязчиво выложил четырьмя медяками, буквально последними из могикан), как он предварительно высмотрел в отпечатанном на общее обозрение списке цен, кто в состоянии читать, разборчивые цифры, как раз напротив себя, кофе 2 п., булочка – т.ж., и, право же, порой можно и вдвое заплатить, как говаривал Везерап.

– Давайте,– посоветовал он,– заканчивать *seance*.

Видя, что манёвр удался и горизонт чист, они покинули забегаловку, или конуру, а вместе и всю элиту общества штормовки и компании, которых ничто, кроме землетрясения, не вывело б из их *dolce far niente*. Стефен, признавшись, что чувствует себя ещё не совсем, запнулся на минутку… у двери, чтоб…

– Однако, я никогда не мог понять,– сказал он первовзбредшее умничание,– зачем переворачивают столы на ночь, то есть, стулья переворачивают на столы, в кафе.

На каковую импровизацию, никогда не теряющийся Цвейт мгновенно откликнулся ответной репликой:

– Чтоб подметать пол утром.

При этом он шустро и, если честно, извинительно перевильнул на правую от своего спутника сторону, так-то привычней, правый бок был, между прочим, по классической идиоме, его уязвимым Ахиллесом. Ночной воздух уже посвежел настолько, что дышать одно удовольствие, хотя Стефен был малость нетвёрд на своих шарнирах.

– Он (воздух) вам поможет придти в себя,– сказал Цвейт, имея ввиду в сочетании с ходьбой,– за одну минуту. Небольшая прогулка

и почувствуете себя другим человеком. Тут рядом. Обопритесь на меня.

Соответственно, он продел свою левую руку под правую Стефена и повёл его, соответственно.

– Да,– неопределённо высказался Стефен, так как подумал, что в соприкосновении ощутилась незнакомая плоть постороннего, безмускульно дряблая и всё такое.

Вобщем, они миновали сторожку с камнями, мангалом и остальным прочим, где муниципальный избыточный экс-Гамли всё так же был, с любой стороны, спеленат объятиями Морфея в грёзах, как говорится, о свежих полях и пастбищах новых. И, кстати, о гробе с камнями, довольно меткая вышла аналогия, ведь то было ничем иным, как побиванием камнями насмерть со стороны семидесяти двух (из восьмидесяти с чем-то) избирательных округов окрысившихся при расколе, в основном хвалёный класс крестьян, возможно, как раз те самые изгнанные арендаторы, которых он вернул к их жилищам. Вот так они и шли себе, болтая о музыке – вид искусства, к которому Цвейт испытывал, чисто как любитель, безмерную любовь, пока они пересекали Бересфорд Плейс. Музыка Вагнера, пусть и неоспоримо, по-своему, величественная, Цвейту казалась чуть тяжеловатой и трудно воспринимаемой с первого захода, но зато музыкой ГУГЕНОТОВ Меркаданте, Мейербаховых СЕМИ ПОСЛЕДНИХ СЛОВ НА КРЕСТЕ как и Моцартовой двенадцатой мессой, он, буквально, упивался, а *Gloria* в ней была, по его мнению, верхом совершенства, воплощением музыки высочайшего класса, напрочь валившей всё прочее навзничь. Музыку богослужений католической церкви он безоговорочно предпочитал той, что имелась в распоряжении конкурирующей фирмы, типа гимнов Муди и Санклея ПРИЗОВИ МЕНЯ К ЖИЗНИ И ПРОЖИВУ ЕЁ ПРОТЕСТАНТОМ. Попутно, не знал он меры и в своем восхищении Россиниевским *Stabat Mater*, творение просто через край наполненное бессмертными переливами, с которым его жена, мадам Марион Твиди, произвела фурор, настоящую, он смело мог сказать,

сенсацию, что великолепно дополнила её прочие лавры и полностью затмила всех остальных на выступлении в церкви отцов-иезуитов, по Верхней Гардинер-Стрит, священное строение просто ломилось до самых дверей от желающих послушать её и виртуозов, или, вернее, *virtuosi*. По всеобщему мнению, она блестнула несравненным звучанием, хотя бы отметить, что в месте предназначенном для культового поклонения, для музыки священного назначения прозвучало требование на бис. В целом и общем, пусть и отдавая предпочтение лёгкой опере вроде ДОНА ДЖИОВАННИ и МАРТЫ, тоже филигранный бриллиант своего рода, он имел *penchant*, несмотря на поверхностное, вобщем, знание, к чисто классической школе, вот как у Мендельсона. И, раз уж зашла об этом речь, полагая, что тому известны традиционно популярные, он помянул *par exellence* арию Лионела из МАРТЫ, *M'appari,* которую (надо ж как всё сложилось!) он послушал, или, вернее, подслушал из уст Стефенового уважаемого отца, отличное исполнение, блестящая техника, что заставила, просто вынудила всех прочих, фактически, стушеваться. Стефен, в ответ на вежливо сформулированный вопрос, сказал, что он нет, и принялся восхвалять песни Шекспира в переложении лютниста Доуланда, жившего где-то в том же (или примерно в том) периоде на Феттер-Лейн, возле Жерарда-Травознавца, инструмент которого, *anno ludendo hausi, Doulandus*, он подумывал приобрести у м-ра Арнольда Долмеш, которого Цвейт как-то не мог припомнить, хотя фамилия звучала очень даже знакомой, за шестьдесят пять гиней, как и Фарнаби и Сын с их фуговыми фантазиями, и Бард (Вильям), любитель игры на вирджиналах, так он выразился, в часовне Королевы и некто Томкинс, который мастерил то ли игрушки, не то арии, Джону Булю.

На проспекте, к которому они, за разговором, приближались, таскавшая чистилку лошадь цокала по мостовой с обратной стороны висячей цепи, прометая длинную полосу грязи, и за всем этим шумом Цвейт не совсем был уверен, верно ли он уловил поминание шестидесяти пяти гиней и Джона Буля. Он спросил не Джон ли это

Буль, прославленный политик из одноименной местности, поскольку ему показалось странным совпадение двух одинаковых имен, так странно совпали.

Лошадь за цепью медленно заворачивала обратно и Цвейт, будучи, как обычно, начеку, приметил это и, потянув спутника за рукав, подал шутливую реплику:

– Сегодня ночью наши жизни под угрозой. Берегись паровоза.

На этом они остановились. Цвейт взглянул на голову лошади и близко не стоившей шестьдесят пять гиней, что проступила вдруг из ближайшей тьмы, делавшей её каким-то иным, неведомо чуждым сочленением костей и гладкой плоти, но это явно была четвероногая перевалистобёдрая, чёрнозадая, хвостохлёстная, головосвесная животина, переставлявшая вперёд заднее копыто, тем временем как повелитель своего создания сидел на облучке объятый личными раздумьями. И до того же добрая, смирная бедняга, аж жалко, что нет при себе ни кусочка сахару, однако, по его мудрому суждению, вряд ли можешь быть готовым ко всякой, какая ни подвернись, непредвиденности. И это просто-напросто здоровенная, тупая, издёрганная, твердолобая коняка, которой начхать на всё на свете. Но встретиться с собакой, помыслил он, хотя бы вроде того псяры у Барни Кирнана, такого же вот роста было б тихий ужас. Животное ни при чём, если особое строение, как у верблюда, корабля пустыни, гонит самогон из винограда в своём горбу. Девять десятых из их царства можно держать в клетке, или дрессировать, кроме пчёл, люди на всё изыщут способ, кита булавочным гарпуном, пощекоти поясницу аллигатору и он оценит шутку, вокруг петуха проведи круг мелом; тигра – моим орлиным взором. Такие попутно переменчивые соображения на тему тварей лесов и весей путались у него на уме, что несколько отвлекся от слов Стефена, покуда корабль улиц совершал свои манёвры, а Стефен толковал насчёт прелюбопытнейших старинных…

– О чём это я? Ах, да! Моя жена,– поделился он погружаясь в *medias res*,– будет весьма рада знакомству с вами, питая страстную

привязанность к музыке любого рода.

Он искоса бросил доброжелательный взгляд на профиль лица Стефена – копия мать, ничуть не смахивает на расхожего шустряка, которые пользуются неизменно постоянным спросом, поскольку, очевидно, он не такого типа. И всё же, предположив в нём такой же дар, как у отца (на этот счёт он питал более чем подозрение) он распахнул новые дали перед своими помыслами, вроде концертного вечера ирландских гильдий у леди Фингал в предыдущий понедельник, и, вобщем, у аристократов.

Теперь его повело в изысканные вариации про арию НА ЭТОМ КОНЧАЕТСЯ ЮНОСТЬ, Яна Питера Свалинка, голландца из Амстердама, где эти самые фру. Но даже ещё больше нравилась ему старинная немецкая песня ЙОГАНЕС ЙИП, про чистое море и голоса сирен, сладостных мужеистребительниц, что малость обескураживало Цвейта:

Von den Sirenen Listigkeit
Tun den Poeten dichten

Эти начальные такты он напел и перевел на ходу. Цвейт, кивая, сказал что прекрасно понятно и попросил продолжить, пожалуйста, что тот и сделал.

Столь феноменально превосходный тенор, редчайший дар, оценённый Цвейтом с первой же изданной им нотой, запросто, после надлежащей шлифовки у какого-нибудь авторитета по постановке голоса, типа Барраклоу, и к тому же читающий ноты с листа, мог сам назначать свою цену (это вам не баритоны, что идут по десятку за пенни) и мог в самом ближайшем будущем обеспечить своему счастливому обладателю *entree* в великосветские дома в престижных жилых кварталах, что принадлежат фининсовым магнатам большого бизнеса и титулованым особам, а его

университетская степень: Бак. Иск. (громадный довесок в своём роде) и умение держаться джентельменом окончательно преумножили б приятное впечатление и он непременно добился бы всеобщего признания при его одарённости мозгами, которые тоже можно пускать в ход для достижения цели, и прочими реквизитами, его бы только приодеть да опорядить, чтоб легче было втираться к их прекрасным милостям, а ему, юному новичку в портновских прелестях общества, ещё не доходит как такая, казалось бы, мелочь может тебя подвести. Фактически, это вопрос каких-нибудь пары месяцев, и он запросто мог вообразить его участником их музыкальных артистических вечеров в сезон рождественских праздников, на которых он вызовет неслабый переполох в голубятнях прекрасного пола, приобретя значительный вес у падких на сенсации дам, каковые случаи, насколько он слышал, бывали и, фактически, не секрет, что и сам он в своё время, если бы захотел, легко мог... К чему, конечно, добавлялось денежное вознаграждение и не в таких отнюдь размерах, что отмахнёшься, плюсуясь к его учительскому жалованию. И вовсе, добавил бы он, не ради жирной прибыли ему на какой-то отрезок времени непременно следует заняться певческой карьерой для жизненного поприща, но как шаг в наивернейшем направлении, и это уж, вне всяких "ага" и "не-а", причём как в монетарном, так и ментальном смысле, ни пятнышком не затемнит его достоинство, ничего подобного, и нередко бывает очень даже кстати получить на руки чек в тугой момент, когда любая мелочь и то в помощь. Кроме того, хотя в последние поры вкус заметно снизился, такая оригинальная музыка, настолько непохожая на общенаезженную колею, быстро станет модной по большому счёту и покорит своей новизной музыкальный мир Дублина, после приевшегося набора забористых соло для тенора, всученного публике Айвеном Сент-Остеллом и Хальтоном Сент-Жюстом и прочих *genus omne*. Нет даже тени сомнения, что он, имея все карты на руках да при таких капитальных данных для создания себе имени, мог высоко подняться в общественном мнении города и стать

значительной фигурой, а там, глядишь, даст большой концерт для патронов дома на Королевская-Стрит, если посодействуют и кто-то, так сказать, соизволит подпихнуть его вверх по леснице—весьма большое, впрочем, если—чётким толчком поощрительного толка, чтоб миновать неизбежные проволочки, которые нередко подсекают чересчур радужного принца среди толковых, вобщем-то, ребят и вовсе нет причин бросать другое, отнюдь нет, но, будучи сам себе хозяином, он найдёт уйму времени для занятий литературой в свободные минуты, была бы охота, и не в ущерб вокальной карьере, в которой нет ничего уничижительного, поскольку это его личное дело. В сущности, мяч в полном его распоряжении и в этом кроется резон почему тот, другой, со своим на диво острым нюхом, чуя малейшую опасность, откуда бы та ни исходила, так всесторонне лип к нему.

И тут лошадь как раз… а поскольку он собирался (Цвейт то есть) при первом же удобном случае, но никоим образом не вмешиваясь в его личные дела—ведь это дураки, как говорится, напропалую прут там, где даже ангелам—дать ему совет о прекращении общения с неким дружком-товарищем от медицины, который, как он подметил, имеет склонность пакостить ему при малейшей возможности и по любому нелепому поводу, и поливает грязью за глаза, и называйте это как хотите, но, по скромному мнению Цвейта, подобная мерзость бесподобно раскрывает характер особы – и тут не до каламбуров.

Лошадь достигла предела своей, так сказать, сдержанности, остановилась и, вздёрнув повыше горделиво султанистый хвост, внесла свою лепту на загаженную мостовую, по который вот-вот пройдётся подметальная щётка – три исходящие паром яблока навоза.

Неторопливо все, одно за другим, три она высрала из полного крупа. А кучер выжидал гуманно пока она (или он) оправится, терпеливо восседая на своей всесметающей колеснице.

Бок о бок, используя *contretemps*, Цвейт со Стефеном прошли через просвет в цепях, разделённых столбиками, переступили

полосу срани и направились к Нижней Гардинер-Стрит, Стефен всё уверенней, но негромко допевал конец баллады:

Und alle Schiffen brucken

Кучер не вымолвил и слова, ни хорошего, ни плохого, ни неопределённого. Он сидел на своей низкоспинной повозке и просто созерцал, как две фигуры, обе чёрные, упитанная и тощая, прошли к железнодорожному мосту, повенчаться у отца Майера.

На пути они порой останавливались и снова шли, продолжая свой *tete-a-tete* (в котором он, конечно же, ничего не петрил) про сирен враждующих с мужской логикой, и прочую смесь из множества подобных категорий на тему узурпаторов и схожести исторических случаев, пока восседавший в подметальной повозке, или можете смело называть её дремальной повозкой, уже вообще никак не мог их слышать, до такой степени они отдалились, и просто сидел на своём сиденьи в конце Нижней Гардинер-Стрит, глядя вслед их открытой сзади колеснице.

* * *

Какими параллельными курсами проследовали Цвейт и Стефен на пути возвращения?

Совместно стартовав от Бересфорд-Плейс, они развили нормальную пешеходную скорость и бок о бок шли в западном направлении, на протяжении отрезка между площадью Монтджой и Нижней и Средней Гардинер-Стрит; затем, не сговариваясь, оба сбавили скорость и каждый уклонился влево, к северу, пересекая Гардинер-Плейс до угла Темил-Стрит; откуда, неспешным шагом, порой и с остановками, взяли правее и севернее, вдоль Темпл-Стрит до Хардвик-Плейс. Там они прогулочно, не вногу, диаметрально пересекли круг перед храмом Георгия – хорда любой окружности короче дуг, которые она стягивает.

Какие темы затрагивались данным двуумвиратом по пути следования?

Музыка, литература, Ирландия, Дублин, Париж, женщина, проституция, диета, воздействие газового освещения и света от дуговых лампионов, и от ламп накаливания на близрасположенные парагелиотропные деревья, размещение муниципальных вёдер с противопожарным песком, римская католическая церковь, клерикальный целибат, ирландский народ, иезуитское воспитание, карьеры жизни, медицинское образование, минувший день, вредоносные влияния предсубботнего дня, коллапс Стефена, совпадения.

Выявил ли Цвейт общие факторы в положительных и отрицательных реакциях каждого из них на окружающий мир?

Оба не чуждались искусства, предпочитая музыкальное пластическому, или живописи. Континентальный образ жизни предпочитался обоими островному, посюатлантическое место обитания заатлантическому. Оба, под воздействием раннего

домашнего воспитания и унаследованной склонности к гетеродоксальному отрицанию, исповедывали недоверие ко многим ортодоксальным догмам, как религиозным, так и национальным, социальным, этическим. Оба признавали альтернативно стимулирующий и притупляющий факторы воздействия гетеросексуального магнетизма.

Разнились ли их взгляды по каким-либо пунктам?

Стефен открыто отмежевался от доктрины Цвейта о важности диетической и гражданской самоподдержки, тогда как Цвейт негласно отмежевался от взглядов Стефена на вечное самоутверждение человеческого духа в литературе. Также молчком, Цвейт отмежевался от Стефеновой поправки анахронизма вкравшегося в общепринятую дату обращения ирландского народа из друидизма в христианство Патриком, сыном Калпорнуса, сына Потитуса, сына Одиссея, посланного папой Целестином I в 432 году, в дни царствования Лири, на год 260, или около того, приходящийся на период правления Кормака МакАрта (266 П.Х.), задохшегося при неверном заглатывании пищи в Стетти и погребённого в Роснари.

Коллапс, который Цвейт приписывал пищеварительной недостаточности в сочетании с известными химическими реакциями смесей различной степени алкогольной насыщенности катализированной умственным перенапряжением и интенсивно ускоренным вращением в расслабляющей атмосфере, Стефен относил на счёт повторного появления утреннего облачка (замеченного обоими из различных точек наблюдения: Сендиков и Дублин), изначально размерами не более женской ладошки.

Имелся ли пункт совпадения их обоюдно негативных взглядов?

Воздействие газового освещения, или электрического света на близрасположенные парагелиотропные деревья.

Обсуждал ли Цвейт подобные материи при ночных блужданиях в прошлом?

В 1884, с Оуэном Голдбергом и Сесилом Тернбулом, заполночь, на общественных магистралях между Лонгвуд-Авеню и углом Леопардовой и между углом Леопардовой и Синдж-Стрит, а также между Синдж-Стрит и Блумфильд-Авеню.

В 1885, с Перси Апджоном, вечерами, с опорой на стену между виллой Гибралтар и Блумфилд-Хаусом в Крамлине, баронетство Апперкрос.

В 1886, иногда, со случайными знакомыми и потенциальными покупателями на крылечках, в прихожих, в вагонах третьего класса пригородных линий.

В 1888, неоднократно, с майором Брайаном Твиди и его дочерью мисс Марион Твиди, совместно и по отдельности, в диванной дома Мэттью Дилона в Раунд-Таун.

Один раз в 1892 и один раз в 1893 с Юлиусом Мастиански, оба раза в гостиной его (Цвейта) дома на Ломбард-Стрит, западная её часть.

Какие выводы относительно нерегулярной последовательности дат 1884, 1885, 1886, 1888, 1892, 1893, 1904 сделал Цвейт к моменту достижения ими места назначения?

Он про себя отметил, что прогрессирующее расширение индивидуального развития и опыта сопровождается регрессивным сокращением сферы собеседовательно межъиндивидуумного общения.

Подобно чему?

Из небытия в бытие явился он присоединяясь к множественности, воспринимаясь как единичность; как сущее в сущем, относительно всего являлся он неким некто среди всего прочего; с переходом из бытия в небытие, он обратится в ничто относительно всего остального.

Какое действие произвёл Цвейт по прибытии их к месту назначения?

У входных ступеней в четвёртый из равноотстоящих нечётных номеров, номера 7 по Эклес-Стрит, он машинально сунул руку в задний карман своих брюк, чтобы достать ключ от щеколды.

Был ли тот там?

Он был в соответствующем кармане брюк, которые он одевал в предпоследний из предыдущих дней.

Почему он был раздражён вдвойне?

Потому что забыл и потому что вспомнил, что дважды напоминал себе не забыть.

Какие имелись альтернативы у (соответственно) преднапомненно и непредумышленно безключной пары?

Входить или не входить. Стучать или не стучать.

Решение Цвейта?

Предпринять маневр. Опираясь ногами на карликовую стенку, он перелез через ограждение палисадника, плотнее натянул шляпу на своей голове, схватился в двух точках за нижние соединения поперечин и стоек, завис, постепенно, во всю длину его тела в пять футов и девять с половиной дюймов на два фута десять дюймов выше отмостки вокруг дома и позволил своему телу свободно двигаться в пространстве, отпустив ограждение и поджавшись для предстоящего толчка в конце падения.

Он упал?

Всем весом его тела, определённым в одиннадцать стоунов и четыре фунта по коммерческой системе мер, что засвидетельствовал градуированный прибор для периодического самовзвешивания в помещении Френсиса Фроцмана, фармацевтического химика из № 19, Фредерик-Стрит, Северная, в недавний праздник Вознесения, соответственно. Двенадцатого мая, високосного, одна тысяча

девятьсот четвертого года христианского летоисчисления (пять тысяч шестьсот шестьдесят четвертого еврейского летоисчисления, одна тысяча триста двадцать второго магометанского летоисчисления), цикл Метона V, эпакта 13, солнечный цикл 9, доминикальные буквы C B, римская индексация 2, юлианский период 6617, MCMIV.

Встал ли он без повреждений от сотрясения?

Приводя себя в новый стабильный эквилибриум, он поднялся без повреждений, хотя и оглушённый толчком и, подняв щеколду калитки посредством приложения силы к её свободно движущейся закраине и поворотом относительно её центра вращения, получил опосредствованный доступ на кухню через прилегающую посудомойку, воспламенил серную спичку трением, поворотом краника дал ход самовозгорающемуся угольному газу, зажёг высокое пламя, которое он регулировкой снизил до спокойного яркого свечения и зажёг, наконец, переносную свечу.

Какую прерывистую последовательность образов воспринимал тем временем Стефен?

Опершись на ограду вокруг дома, он различил через прозрачные стёкла кухонного окна человека регулирующего газовый факел в 14 св., человека зажигающего свечу, человека снимающего поочередно каждый из своих двух ботинков, человека выходящего из кухни со свечой мощностью в 1 св.

Явился ли вновь тот самый человек где-либо ещё?

По истечении четырёх минут мерцание его свечи пробилось через полупрозрачное стекло полуокругло веерообразного просвета над входной дверью. Входная дверь повернулась, постепенно, на своих петлях. В открытом пространстве дверного проёма этот же человек появился вновь без своей шляпы, со своей свечой.

Повиновался ли Стефен его знаку?

Да, неслышно войдя, он содействовал закрытию и запиранию двери, осторожно пересёк прихожую, следуя за спиной и ногами человека в шлёпанцах и с горящей свечой, мимо светящейся дверной щели слева и тихонько спустился по лестнице с поворотом, насчитывающей более пяти ступеней, на кухню Цвейтова дома.

Что сделал Цвейт?

Он погасил свечу резким выдохом воздуха на её пламя, придвинул два круглосиденных сосновых стула к очагу, один для Стефена, спинкой к окну в полисадник, второй себе, когда понадобиться, опустился на одно колено, соорудил в очаге костёр из перекрестносложенных просмоленных палочек, различных цветных бумажек и неправильных многогранников наилучшего антрацита, по двадцать одному шиллингу за тонну, со склада г.г. Фловера и М'Дональда на д'Оливер-Стрит, 14, зажёг с трех сторон торчащие концы бумаги одной горящей серной спичкой, высвобождая таким образом потенциальную энергию заключённую в топливе с тем, чтобы его углеродные и водородные элементы вступали в свободное соединение с кислородом воздуха.

Какие подобные зрелища представились умственному взору Стефену?

Увиделись другие, кто в иных местах и в другие времена, опустившись на одно колено, или на оба, разжигали огонь для него: брат Майкл в лазарете колледжа Общества Исуса в Клонговз-Вуд, Саллинс, графство Килдар; его отец Саймон Дедалус, в необставленной комнате их первого жилища в Дублине, номер тринадцать по Фицгиббон-Стрит; его крёстная мать мисс Кейт Моркан, в доме её умирающей сестры мисс Юлии Моркан на Ашерз-Айленд, 15; мать его Мария, жена Саймона Дедалуса, на кухне дома номер двенадцать, Северная Ричмонд-Стрит, в утро праздника Святого Френсиса Ксавьера в 1898; декан по учебной части, отец Бат, в физическом театре университетского колледжа, Северная Стивенс-

Грин, 16; его сестра Дилли (Делия), в доме её отца в Кабре.

Что увидел Стефен у противоположной стены, подняв взгляд на метр выше огня?

Пониже рядка пяти спиралей домашних колокольчиков, верёвку на двух закрепах провисшую дугообразно наискосок поперёк ниши за трубой камина, с которой свисали две пары небольших квадратных носовых платков непрификсированно переброшенные последовательно смыкающимися прямоугольниками, и пара дамских серых панталонов с фильдекосовыми подвязками в их естественной позиции, каждые закреплены тремя торчащими деревянными прищепками: две по краям и третья в месте схождения штанин.

Что увидел Цвейт на плите?

Синюю эмалированную кастрюльку на правой (меньшей) конфорке; на левой (большей) конфорке чёрный железный чайник.

Что сделал Цвейт у плиты?

Он передвинул кастрюльку на левую конфорку, отнёс железный чайник к раковине для пуска водной струи поворотом крана открывающего её истекание.

Она потекла?

Да. Из Раундвудского резервуара в графстве Виклоу, кубической емкостью в 2400 миллионов галлонов, фильтруясь через подземный акведук смонтированный из одиночных и спаренных фильтрующих труб начальной заводской стоимостью в 5 фунтов за линейный ярд, через Даргл, Глен-оф-Даунс и Каллоухил, к резервуару в Стиоргане площадью в 26 акров, на расстояние в 22 статутные мили, а оттуда, минуя систему разгрузочных цистерн, равномерно спустилась на 250 футов к окраине города у Юстаского моста, Верхняя Лисон-Стрит, хотя из-за длительной летней засухи и ежедневной подачи 12 ½ миллионов галлонов уровень воды упал ниже основания

противопаводковой плотины и потому инспектор и инженер водных коммуникаций, м-р Спенсер Харти, Г. И., согласно инструкциям водопроводного комитета, запретил использование муниципальной воды для любых нужд помимо питья (во избежание необходимости прибегнуть к использованию отстойной воды Большого и Королевского каналов как в 1893), особенно когда Опекуны Южного Дублина, несмотря на установленный ими рацион в 15 галлонов в день на бедняка, провели подачу через шестидюймовый счётчик и удостоверились в расходе 20 000 галлонов за ночь, каковые показания счётчика засвидетельствовал юридический агент Корпорации, м-р Игнатиус Райт, адвокат, и подобный образ действий влечёт за собой угрозу для другой части общества из самообеспечивающихся налогоплательщиков, оплачивающих, благонадёжных.

Что восхищало в воде возвращавшегося к плите Цвейта, водолюба, водолея, водоноса?

Её универсальность; её демократичная уравненность и верность своей природе при нахождении своего уровня; её обширность в океане Меркаторовой проекции: её неизмеримая глубина в Сандемской впадине в Тихом океане, превосходящая 8000 саженей; неугомонность её волн и частиц поверхности, посещающих поочередно все точки её морского ложа; независимость её соединений; разнообразность состояний моря; её гидростатичная упокоенность при штиле; её гидрокинетическая турбулентность в половодье и при бурных приливах; её стерильность в приполярных ледниковых шапках, арктической и антарктической; её климатическая и коммерческая ценность; её преобладание, в пропорции 3 к 1, над сушей планеты; её неоспоримая гегемония, простирающаяся на квадратные лиги по всему региону ниже субэкваториального тропика Козерога; многовековая стабильность её доисторического бассейна, с его непроницаемым дном; её способность растворять и содержать в растворе все растворимые вещества, включая миллионы тонн самых

драгоценных металлов; её методичное размывание полуостровов и отлогих мысов; её производство наносных отмелей; её вес, объём и плотность; её невозмутимость в лагунах и высокогорных озерцах; градация её окраски в жаркой, умеренной и холодной зонах; её подвижные разветвления в континентальных озеросодержащих потоках и самотечных океаноносных реках с их притоками и трансокеаническими течениями: гольфстримом, северным и южным экваториальными течениями; её неудержимость в моретрясениях, водовыбросах, артезианских колодцах, извержениях, потоках, водоворотах, паводках, разливах, ключах, водогонах, водоразделах, гейзерах, водопадах, водовертях, мальштремах, наводнениях; её широкая кругoтеррестриальная агоризонтальная дуга; её затаённость по весне и скрытая влажность, обнаруживаемая рабдомантическими, либо гидрометрическими инструментами, примером чему – дыра в стене ворот Аштауна, влагонасыщение воздуха, дисциляция росы; простота её состава, две составляющие части водорода с одной составляющей частью кислорода; её целебные свойства; её упругость в водах Мертвого моря: её необоримое просачивание в ручейках, оврагах, неадекватных дамбах, течах в корабельных трюмах; её способность очищать, гасить жажду и огонь, вскармливать растительность; её непогрешимость в роли парадигмы и парагона; её метаморфозы, такие как пар, туман, облака, дождь, изморось, град; её сила в напорных гидрантах; разнообразие её конфигураций в протоках и заливах, бухтах, излучинах, проливах, атоллах, архипелагах, каналах, фиордах, шхерах, приливных эстуриях и лиманах; её твёрдость в глетчерах, айсбергах, торосах; неукоснительность её работы в гидравлических мельничных колёсах, турбинах, динамо, электростанциях, отбеливальнях, дубильнях, трепальнях; её полезность в каналах, реках, если судоходны, в доках плавучих и по очистке днищ; её потенциал, который возможно извлекать из усмирённых приливов и водотоков ниспадающих с уровня на уровень; её донная фауна и флора (акустичны, фотофобны) состовляющие основное население—количественно, если не

буквально—земного шара; её вездесущность, 90%-ая доля в составе тела человека; вредоносность её миазмов в озерных трясинах, лихорадных болотах, зацвёлых водах, загнивающих, при убывающей луне, прудах.

Почему, поставив полунаполненный чайник на воспламенившийся уже уголь, он снова вернулся ко всё ещё струеиспускающему крану?

Помыть загрязнившиеся руки куском частично использованного лимонопахнущего Барингтонова мыла с прилипшей к нему бумагой (купленого тринадцать часов тому за четыре пенса и пока ещё не оплаченного), в освежающе прохладной извечно неизменной, но постоянно изменяющейся воде и вытереть их—лицо и руки—полосой краснокаёмчатого голландского полотна, переброшенного на деревянный прокручивающийся ролик.

Чем объяснил Стефен свой отказ на предложение Цвейта?

Что, как гидрофоб, он равно ненавидит и частичный контакт при окунании, и полный при погружении в холодную воду (последняя ванна принималась им в октябре месяце предыдущего года), и он не терпит жидких состояний стекла и кристаллических субстанций, не верит водянистым расплывчатостям языка и мыслей.

Что сдержало Цвейта от гигиенических и профилактических наставлений с неизменным в таких случаях предложением предварительного смачивания головы и напряжения мускулов в ходе резкого обрызгивания лица, шеи, грудной и желудочной областей при морском, либо речном купании, поскольку к числу наиболее хладочувствительных частей анатомического строения человека относятся затылок, желудок и фенар, именуемый также подошвой ступни?

Несовместимость расплывчатости с блуждающей оригинальностью гения.

Какие дополнительные советы дидактического толка подавил он подобным же образом?

Диетические: сравнение процентного состава протеина и калорийной энергии в ветчине, соленой рыбе и масле для показа отсутствия первого в упомянутом последним, и избытке второй в упомянутом первым.

Каковыми были преобладающие, на взгляд хозяина, качества его гостя?

Уверенность в себе, уравновешенный баланс непринужденности и собранности.

Какое побочное явление возникло в сосуде с жидкостью под воздействием огня?

Явление вскипания. Раздуваемое постоянно восходящим вентилирующим сквозняком из кухни в дымоходную трубу, пламя перебросилось с щепок растопки на полигалитную массу битумозного угля, содержащего в плотно минерализированной форме окаменелый облиственный валеж доисторических лесов, растительное существование которых, в свой черёд, поддерживалось солнцем, первичным источником тепла (излучаемого), передаваемого через вездесущий луминофорный диатермальный эфир. Тепло (конвектированное) в результате такого сгорания вызывало особый вид движения, переходя, постоянно и с нарастанием, от источника нагрева к содержимой в сосуде жидкости, проникая через тёмную неполированно неровную поверхность металлического железа; частично отражаемое, частично поглощаемое, частично передаваемое, оно постепенно подняло температуру воды от нормальной до точки кипения, таковое повышение температуры выразимо как результат расхода 72 термальных единиц необходимых для разогрева 1 фунта воды от 50° до 212° по Фаренгейту.

Что известило о завершении необходимого подъёма температуры?

Серповидно раздвоенный выброс пара из под крышки чайника, одновременно с обеих сторон.

Для какой личной цели мог бы Цвейт применить вскипячённую таким образом воду?

Побриться.

Какими преимуществами отличается бритьё по ночам?

Щетина мягче и мягче помазок, если неумышленно оставлять его в затвердевающей, от бритья до бритья, пене; кожа мягче, при непредвиденных встречах со знакомыми женского пола в отдалённых местах в неурочную пору; спокойные размышления о событиях дня; ощущение большей чистоты после более освежающего сна, тогда как утренние шумы, предчувствия и перетурбации, грохочущий молочник, двойной стук почтальона, газета, читаемая, перепрочитываемая, при намыливании, перенамыливании в одном и том же месте, вздрог, трах, и мысль, что надо посмотреть что там ещё за, хотя, наверняка, пустая кутерьма, приводят к поспешливому бритью и порезу с необходимостью наложения пластыря, точно вырезанного и увлажнённого для клейкости.

Почему отсутствие света мешало ему меньше наличия шума?

Из-за развитого чувства осязания в его по-мужески крепкой женственно полной пассивно активной руке.

Каким качеством она (его рука) обладала, но в сочетании с каким противодействующим фактором?

Оперативно-хирургической ловкостью, но он дичился пролития людской крови даже когда цель оправдывала средства, предпочитая — в их естественной последовательности — гелиотерапию, психофизиотерапию, остеопатическую хирургию.

Что обозревалось на нижней, средней и верхней полках буфета открытого Цвейтом?

На нижней полке: пять тарелок для завтрака, вертикально, шесть блюдец для завтрака, горизонтально, с перевёрнутыми на них чашками для завтрака, крытая чашка для усачей, неперевёрнутая, и блюдце Коронного Дерби, четыре чашечки-подставки для яиц, белые с золотой каёмочкой, раскрытый замшевый кошелёк с монетами на виду, почти сплошь медяки, и фиала ароматизированных лиловых слив в сахаре. На средней полке выщербленная чашечка для яиц, содержащая перец, столовая соль в жестяном цилиндре, четыре чёрные слипшиеся маслины в промасленной бумаге, пустая банка из-под консервированного мяса Сливви, овальная плетёная корзинка, выстланная пухом и содержащая одну джерийскую грушу, полупустая бутылка белого некреплёного портвейна Вильяма Джилби и К° до половины обнажённая из обёртки своей кораллово-розовой бумаги, пакет растворимого какао Эппса, пять унций отборного чая Анна Линч по 2\– за фнт., в изморщиненом пакете свинцовой бумаги, цилиндрическая сахарница, содержащая наилучший кристаллизированный кусковой сахар, две луковицы: одна, что покрупнее, испанская, нетронутая; другая, помельче, ирландская, рассечена и развернута, с более резким запахом, банка сливок Ирландской Образцовой Молочни, кувшин коричневой керамики, содержащий чуть больше кварты снятого прокисшего молока, что от жары превратилось в воду, подкислённую сыворотку и полузатверделые комки творога, всё это при сложении с объёмом изъятым для завтраков м-ра Цвейта и м-с Флеминг, составляло одну английскую пинту – общий, изначально доставленный объём, два зубца чесноку, полпенни и мелкая тарелка, содержащая кусочек свеже-жареной вырезки. На верхней полке – батарея джемобанок различного объёма и происхождения.

Что привлекло его внимание, лежащее на столешнице буфета?

Четыре многоугольные обрывка двух алых разодранных билетов от ставок на скачки, понумерованные 8 86 и 8 87.

Какие припоминания на некоторое время наморщили его лоб?

Припоминания совпадений—надо ж как бывает, в жизни б не придумал—предвосхитивших исход гандикапа на Золотой Кубок, официальный и окончательный результат которого он вычитал в ВЕЧЕРНЕМ ТЕЛЕГРАФЕ, поздний розовый выпуск, в забегаловке извозчиков у моста Батт.

Где предварительные извещения о предстоящем результате подавались ему, явно или намеком?

В лицензированном заведении Бернарда Кирнана 8, 9 и 10 по Малой Британской-Стрит; в лицензированном заведении Дэвида Бирна, 14 Дюк-Стрит; на нижней О'Конелл-Стрит, около Грэхема Лемонова, когда тёмный человек вложил в его руку никчемушный (впоследствии выброшенный) клочок с восхвалениями Илии, возродителя храма Сионского; на Линкольн-Плейс возле заведения Ф.В. Свени и К° (Лимитед), изготовление и продажа лекарств, когда Фредерик М. (Бентем) Лайенс впопыхах и последовательно испросил, получил и возвратил экземпляр текущего выпуска ЖУРНАЛ НЕЗАВИСИМОГО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА, который он собирался выбросить как ненужный клочок бумаги (впоследствии выброшен), а он проследовал к строению в восточном стиле, Турецкие и Парные Бани, Лейнар-Стрит, 11, с озарившим его черты светом провидца, несущего в руках тайну предстоящих скачек, сокрытую в языке вещевания.

Какие рассудочные соображения сняли его взволнованность?

Сложности при истолковании, поскольку значение любого события следовало за исполнением с такой же переменчивостью, как акустический треск следует за электрическим разрядом, и противопоставление упущенного общей сумме возможных

проигрышей, берущих старт в одном удачном истолковании.

Его ощущение?

Он не рисковал, не ждал, не разочаровывался, он был удовлетворён.

Что принесло ему удовлетворённость?

Что не понёс прямых потерь. Что принёс прямые выгоды окружающим. Свет иноверцам.

Как приготовлял Цвейт питьё для иноверца?

Он насыпал в две чайные чашки по две, итого четыре, ложки средней наполненности растворимого какао Эппса и, спустя достаточное для настаивания время, добавил в каждую, в соответствии с отпечатанной на наклейке инструкцией по приготовлению, предписанные ингредиенты для смешивания в указанном количестве указанным способом.

Какие гиперпочтительные знаки особого гостеприимства оказал хозяин своему гостю?

Отказываясь от своего симпозиархального права на чашку для усачей, имитацию Коронного Дерби, подаренную ему его единственной дочерью Милисентой (Милли), он взял себе чашку объёмом идентичную с предназначавшейся для его гостя и положил—гостю с избытком, а себе в меньшей мере—тягучих сливок, обычно приберегаемых на завтрак его жене Марион (Молли).

Осознал ли гость и был ли признателен за эти знаки гостеприимства?

Его внимание было обращено на них его хозяином, шутейно, и он принял их всерьёз, пока они пили в шутейсерьёзном молчании масспродукт Эппса, упоительное какао.

Имелись ли знаки гостеприимства, мысли о которых он сдерживал, приберегая их на будущие случаи по ходу начатого ими?

Починка прорехи длиной в 1 и ½ дюйма на правом боку пиджака гостя. Одаривание гостя одним из четырёх дамских носовых платков, после предварительной проверки презентабельности его состояния.

Кто выпил быстрее?

Цвейт, имея преимущество в десять секунд при начале и поглощая из вогнутой поверхности ложки, вдоль ручки которой передавался постоянный приток нагрева, три прихлёба на один со стороны его оппонента, шесть на два, девять на три.

Какие помыслы сопровождали его многократное действие?

Придя, судя по виду, но ошибочно, к выводу, что его молчаливый напарник занят умственной композицией, он думал, что от наставительной литературы больше приятности, чем от развлекательной, и что сам он неоднократно прибегал к произведениям Вильяма Шекспира при решении сложных проблем в воображаемой или реальной жизни.

Нашёл ли он им решения?

Несмотря на тщательное и неоднократное прочтение определённых пассажей классика с использованием глоссария, он сделал вывод о недостаточной применимости текстов, ответы не совпадали по всем пунктам.

Какие строки содержали его первую попытку самостоятельного стихосложения и были написанных им, потенциальным поэтом одиннадцати лет, в 1877 по случаю трёх призов в 10\-, 5\– и 2\6, соответсвенно, объявленных еженедельной газетой ТРЕЛИСТНИК?

Высокая амбиция –
Стихи свои в печати увидать.

Пусть они выйдут в свет
За подписью Л. Цвейт.
Будьте добры найти им место – умоляю,
Найдите место им, прошу и ожидаю.

Определил ли он четыре силы разделяющие его и его временного гостя?

Имя, возраст, национальность, вера.

Какие анаграммы составлял он в молодости из своего имени?

Леопольд Цвейт
Долопольтвейц
Тейвольцелоп
Цейлоледот
Ольт Деполь, ВИП.

Какой акростих из своего первого имени (уменьшительного) послал он (кинетический поэт) мисс Марии Твиди 14 февраля 1888?

Поэты часто в рифмах воспевали
Отрады сладостные, радость бытия,
Любимая, беда их, что тебя не увидали,
Дороже песен и вина любовь твоя,
И будет мой весь мир, коль ты моя.

Что удержало его от сложения тематической песни (на музыку Р. Дж. Джонстона) о событиях прошлого, либо о ярких приметах текущих лет, под названием ЕСЛИ БЫ БРАЙАН БОРУ УВИДАЛ СТАРЫЙ ДУБЛИН СЕГОДНЯ, которую заказал Майкл Ганн, арендатор Весёлого Театра, 46, 47, 48, 49 по Южной Кинг-Стрит, в целях вставки в шестую сцену—Алмазная Долина—второй постановки (30 января 1893)

большой ежегодной рождественской пантомимы СИНДБАД МОРЕХОД (сценарий Гринлифа Виттайра, декорации Джорджа А. Джексона и Сесила Хикса, костюмы м-с и мисс Велаи, поставлена Р. Шелтоном 26 декабря 1892, личная режиссура м-с Майкл Ганн, постановка танцев Джессим Нойр, арлекинады Томаса Отто), для исполнения ведущей хористкой Нелли Буверист?

Во-1-х, колебание между событиями всеимперского и местного значения: предстоящий бриллиантовый юбилей королевы Виктории (родилась в 1820, вступила на престол в 1837) и недавно состоявшееся торжественное открытие нового муниципального рыбного рынка; во-2-х, опасение недовольства среди кругов крайнего толка относительно респективных визитов Их Королевских Высочеств, герцога и герцогини Йоркских (реальных) и Его Величества короля Брайана Бору (вымышленного); в-3-х, конфликт на почве профессионального этикета и профессиональной конкуренции между вновь оборудованным на тот момент Большим Лирик-Холлом на Берг-Пристани и Королевским Театром на Хавкинс-Стрит; в-4-х, смятение вызываемое симпатией к анти-интеллектуальному, а-политичному, безыдейному выражению лица Нелли Буверист и похотью, возбуждающейся при показе со стораны Нелли Буверист белых предметов её анти-интелектуального, а-политичного, безыдейного нижнего белья по ходу её (Нелли Буверист) пребывания в этих предметах; в-5-х, трудности с подбором подходящей музыки и юморных намёков из КНИГИ ШУТОК ДЛЯ ВСЯКОГО (1000 страниц и в каждой смеха через край); в-6-х, олсофонные и какофонные рифмы, ассоциирующиеся с именами нового лорда-мэра, Дэниела Тедона, нового верховного шерифа Томаса Пайла, и нового главного прокурора Данбар Планкет Бартона.

Какие имелись соотношения между их возрастами?

16 лет назад, в 1888, когда Цвейт был в нынешнем Стефеновом возрасте, Стефену было 6. 16 лет спустя, в 1920, когда Стефен будет в нынешнем Цвейтовом возрасте, Цвейту будет 54. В 1936, когда

Цвейту исполнилось бы 70, а Стефену 54, их возрасты, первоначально представлявшие отношение 16 к 0, составят отношение 17 ½ к 13 ½, пропорция возрастает, а разность уменьшается соответственно произвольно добавляемому числу будущих лет поскольку, если допустить возможность сохранения пропорции существовавшей в 1883, то в 1904, когда Стефену было 22, Цвейту исполнилось бы 374, а в 1920, когда Стефен достигнет 38, как было теперь Цвейту, Цвейту бы исполнилось 646, тогда как в 1952, по достижении Стефеном максимального пост-потопного возраста в 70 лет, Цвейт, прожив 1190 после рождения в 714 году, превысит максимальный допотопный возраст, а именно Мафусаила, 969 лет, и и если бы Стефен прододжал жить до достижения такого же возраста в 3072 после Р.Х., Цвейту пришлось бы прожить 83,300 лет и следовало бы родиться в 81,369 году до Р.Х.

Какие события могли бы перечеркнуть вышеизложенные вычисления?

Прекращение существовния обоих, либо же любого из двух, введение новой эры или календаря, уничтожение мира и, следовательно, исчезновение рода человеческого, что неизбежно, но непредсказуемо.

Сколько предыдущих встреч доказывали их предварительное знакомство?

Две.

Первая в саду с сиренью дома Мэттью Дилона, вилла Медина, Кемидж-Роуд, Раунд-Таун, в 1887, в присутствии матери Стефена. Стефену тогда было 5 и не было желания подать руку для пожатия. Вторая в кофейной комнате отеля Бреслина, в одно из дождливых воскресений 1892, в присутствии отца Стефена и дяди отца Стефена, Стефен уже был на пять лет старше.

Принял ли Цвейт прозвучавшее тогда приглашение отобедать, высказанное сперва сыном, а затем повторенное отцом?

Весьма благодарный, с благодарной признательностью, с благодарно признательной искренностью, с искренне признательной благодарностью сожаления, он отклонил.

Привело ли их обсуждение данных воспоминаний к выявлению третьего связующего звена между ними?

М-с Риордан, вдова с независимыми средствами, проживавшая в доме родителей Стефена с 1 сентября 1888 по 29 декабря 1891, на протяжении 1892, 1893 и 1894 проживала также в отеле АРСЕНАЛ, принадлежащем Элизабет О'Довд, Прусская-Стрит, 54, и там на протяжении части 1893 и части 1894 она являлась постоянной стороной общения с Цвейтом, который проживал в том же отеле, являясь на тот момент клерком на службе у Джозефа Каффа, Смитфилд, 5, для надзора за торговыми операциями на близлежащем Дублинском рынке скота по Северной Окружной-Роуд.

Исполнял ли он какие-то особые услуги телесного труда для её ублаготворения?

Он иногда, в пору тёплых летних вечеров, толкал её, немощную вдову независимых, хотя и ограниченных средств, в её оздоровительном купальном кресле, с медленно проворачивающимися колёсами, до самого угла Северной Окружной-Роуд, напротив деловодческой конторы м-ра Гевина Лоу, где она и пребывала какое-то время, наблюдая через его однолинзовый полевой бинокль нераспознаваемых сограждан на трамваях, дорожных велосипедах, оснащённых надувными пневматическими шинами, в наёмных экипажах, личных и взятых напрокат ландо, дрожках, возках и тормозных повозках, движущихся из центра города к Феникс-Парк или *vice versa*.

Почему в ту пору он способен был сносить помянутое утруждение с огромным самообладанием?

Потому что в ранней юности он частенько посиживал, глядя через кружок выпуклой стекляшки в радужной оправе на непрестанно переменчивое зрелище уличного движения: пешеходы, четвероногие, велосипеды, повозки в медленном, ускоренном, размеренном мелькании по кругу, вокруг, через круг округло скользяще ускоряющего шара.

Какие выраженно различные воспоминания имелись у каждого из них о ней, восемь лет уже как покойной?

У того, что постарше: её колода карт для безика и её фишки, её терьер, её предположения о его состоянии, её отрешённые умолкания и её катаральная глухота в начальной стадии; у того, что помладше: её лампадка с кользовым маслом перед её статуэткой Беспорочного Зачатия, её зелёная и тёмно-бордовая щётки для Чарльза Стюарта Парнелла и Майкла Дэвитта, её оберточные бумаги.

Оставались ли у него какие-либо средства для омоложения, ставшего ещё желаннее от изложения этих воспоминаний молодому собеседнику?

Система упражнений в помещении, прежде регулярно практикуемая, затем заброшенная, рекомендованная в книге Юджина Сендоу ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА И КАК ОБРЕСТИ ЕЁ, особенно полезная для коммерсантов сидячего образа жизни, при исполнении которой следовало умственно сосредоточится и исполнять упражнения перед зеркалом для нагрузки различных мышечных групп и последующего удовлетворения от приятного снятия закоснелости и наиприятнейшего репродуцирования юношеской проворности.

Обладал ли он какой-то особой проворностью в ранней юности?

Хотя подымание штанги было сверх его сил, а перевороты колесом сверх его храбрости, всё же в школе он оставался непревзойденным

по настольным и по держанию "уголка" на брусьях, вследствие необычайно развитого брюшного пресса.

Намекнул ли кто-либо из них на их расовое различие?

Ни один.

Какими, сведя к их наипростейшей взаимообразной форме, были мысли Цвейта о мыслях Стефена о Цвейте и мысли Цвейта о мыслях Стефена о мыслях Цвейта о Стефене?

Он думал, что тот думал, что он еврей, думая при этом, что он думает, что он думает, что нет.

Какими, сняв скобки замалчивания, были их респективные происхождния?

Цвейт, единственный рождённый мужской транссубстанциальный отпрыск Рудольфа Вирежа (впоследствии Рудольфа Цвейта), из Щомбатели, Вены, Будапешта, Милана, Лондона и Дублина и Эллен Хиггинс, второй дочери Юлиуса Хиггинса (урождённого Кароли) и Фанни Хиггинс (урождённой Хегарти); Стефен, старший здравствующий мужской сосубстанциальный отпрыск Саймона Дедалуса, из Корка и Дублина, и Мэри, дочери Ричарда и Кристины Гулдинг (урождённой Граер).

Были ли Цвейт и Стефен крещены; где и кем; священослужителем или служкой?

Цвейт (трижды) – преподобным м-ром Гильмером Джонстоном, М. И., единолично, в протестантской церкви Святого Николая, Коомб; Джеймсом О'Конором, Филиппом Гилиганом и Джеймсом Фицпатриком, сообща, под насосом в деревне Своруз; и преподобным Чарльзом Мейлоном, С. Г., в храме Трёх Покровителей, Ратгар.

Стефен (единожды) – преподобным Чарльзом Мейлоном в храме Трех Покровителей, Ратгар.

Находили ли они что-то общее в полученном ими образовании?

При подмене Стефеном Цвейта, Стейт успешно бы закончил подготовительную и среднюю школы. При подмене Цвейтом Стефена, Цвефен успешно бы прошёл подготовительную, начальную, среднюю и старшую ступени средней школы, переходные экзамены и сдачу на аттестат зрелости, первый, второй и выпускной курс на степень бакалавра искусств в Королевском университете.

Почему Цвейт воздержался от заявления, что жизнь была его университетом?

Он неуверенно колебался, не была ли эта сентенция уже высказана им Стефену, или Стефеном ему.

Какие два темперамента представляли они как личности?

Научный.

Художественный.

Какие доводы привел Цвейт в подтверждение его склонности скорее к прикладной, чем к чистой науке?

Ряд возможных инноваций обдумываемых им при отдохновении, в состоянии пассивной насыщенности, для содействия пищеварению, стимулированные его преклонением перед огромным значением будничных на данный момент, но в своё время революционных, изобретений, например, аэронавтический парашют, отражающий телескоп, спиральный штопор, безопасная булавка, сифон для минеральной воды, снабженный подъёмником и отвором шлюз канала, насосная помпа.

Могли ли помянутые инновации быть, в принципе, направлены на улучшение программы детского сада?

Да, для замещения устарелых хлопушек, эластичных воздушных шаров, игр на везение, рогаток.

Они включали в себя астрономические калейдоскопы, показывающие двенадцать созвездий зодиака от Овна до Рыб, миниатюрные заводные солнечные системы, арифметические желатиновые пастилки, геометрические—с переходом на следующем этапе к зоологическим—печенья, игровые шары с картой земного шара, исторически костюмированные куклы.

Что ещё стимулировало его в его раздумьях?

Финансовый успех Эфраима Маркса и Чарльза А. Джеймса, у первого посредством его 1-пенсового базара на Джордж-Стрит, 42, Южн., у второго благодаря сети его 6 ½ пенсовых магазинов и ярмарке Моды Мира и выставке восковых фигур в № 30 по Генри-Стрит, вход 2 пенса, дети 1 пенс; а также безграничные возможности (так по сей день и не используемые) современного искусства рекламы, посредством сгущения в трёхбуквенные моноидеальные символы, вертикально максимальной обозримости (подводящей), горизонтально максимальной доходчивости (растолковывающей) в сочетании с их гипнотической способностью привлечь невольное внимание, заинтересовать, убедить, подвигнуть.

Такие как?

К. 11. Кинс 11\– Брюки. Дом Ключей. Александр Дж. Ключчи.

Не такие как?

Взгляните на эту длинную свечу. Рассчитайте когда она догорит и получите бесплатно 1 пару наших особых цельнокроёных ботинок, сияют не хуже свечей, наш адрес – Барклай и Кук, № 18 по Талбот-Стрит.

Бацилбой (Порошок от насекомых).

Наилуч (Вакса для обуви).

Всякодел (Комбинированный карманный двулезвеный нож со штопором, ногтепилочкой и трубкочисткой).

Такие как совсем никуда?

Дом без мяса на обед
Не уютен, нет
А с тушенкой Сливви —
Обитель счастья.

Продукция Джорджа Сливви, Купеческая Пристань, 23, Дублин, расфасованная в банки по 4 унции, и рекламируемая Советником Джозефом П. Наннетти, Чл.П., Купольный Павильон, Хардвик-Стрит, 19, под извещениями о смерти и годовщинах усопших.

Оформление этикетки Сливви. Мясные консервы Сливви, зарегистрированная торговая марка. Опасайтесь подделки. Слевви. Слювви. Вислли. Вилвис.

Каким наводящим примером подводил он Стефена к выводу, что оригинальность, хотя и похвальна, не всегда ведёт к успеху?

Сдизайнированный им проект (отклонённый) повозки-витрины с подсветкой, приводимой в движение тягловой тварью, в которой бы сидели две модно одетые девушки и что-то писали.

Какой воображаемый эпизод был создан затем Стефеном?

Уединённый отель на горном перевале. Осень. Сумерки. Зажжён огонь. В тёмном углу сидит молодой человек. Входит юная женщина. Встревожена. Одна. Она садится. Подходит к окну. Встаёт. Садится. Сумерки. Она задумывается. Пишет на бумаге уединённого отеля. Думает. Пишет. Вздыхает. Звук колес и копыт. Она поспешно выходит. Он выходит из своего тёмного угла. Схватывает покинутую бумагу. Оборачивает её к огню. Сумерки. Он читает. Одинокий.

Что?

Косым высоким почерком с обратным наклоном: отель Королевы, отель Королевы, отель Ко…

Какой воображаемый эпизод был затем воссоздан Цвейтом?

Отель Королевы, Эннис, графство Клер, где Рудольф Цвейт (Рудольф Вираж) умер вечером 27 июля 1886 в неустановленный час, вследствие сверхдозы успокоительного (аконит), самопринятой в виде невралгической жидкой мази, составленной из двух частей аконита и 1 жидкого хлороформа (приобретённой им в 10.20 утра 27 июля 1886 в медицинском зале Френсиса Деннехи, Церковная-Стрит, 17, Эннис) вслед за тем, хотя и не по причине того, что в 3.15 дня купил новую—по последней моде—соломеную шляпу для лодочных прогулок (после того, хотя и не вследствие того, что купил в вышеупомянутое время в вышеуказанном месте вышеозначенный яд), в магазине общей мануфактуры Джеймса Куплена, Главная-Стрит, 4, Эннис.

Отнёс ли он такую омонимичность на счёт информированности, совпадения или интуиции?

Совпадение.

Описал ли он данный эпизод словесно гостю для умосозерания?

Он предпочёл сам созерцать другого и выслушивать его речь, в которой реализовывался потенциальный рассказ и давался выход кинетическому темпераменту.

Увидел ли он всего лишь совпадение во втором из рассказанных ему эпизодов, который повествователь назвал ВИДОМ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ или ПРИТЧЕЙ О СЛИВАХ?

Этот, как предыдущий и прочие непересказанные, но, предположительно, существующие эпизоды совместно с сочиненными в школьные годы эссе о различных предметах или на моральные апотетмы (напр: МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ или ПОХИТИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ), содержали, по его мнению, в себе определённые

возможности для финансового, социального, персонального и сексуального успеха, с поправкой на личные особенности, допустим, в виде специальной брошюры-подборки примерных педагогических тем (мал золотник, да дорог) для студентов подготовительного и младшего курсов, либо же для печати в периодической прессе, следуя прецеденту Филипа Бюфо, или Доктора Дика, или Хеброновых Исследований Печали, в органе с устойчивым тиражом и раскупаемостью, либо для устного исполнения в целях интеллектуальной стимуляция сочувственно воспринимающих слушателей, безмолвно благодарных за увлекательное изложение и предопределяющих непременный успех, в период удлиняющихся—с постепенным нарастанием—ночей следующих за летним солнцестоянием, которое произойдёт спустя три дня, а именно во вторник 21 июля (Св. Алоизус Гонзага), восход солнца в 3.33, заход в 20.29.

Какая проблема домашнего уклада занимала его ум (наравне, если не чаще прочих)?

Как быть с нашими женами.

Какие находил он гипотетически единственные решения?

Комнатные игры (домино, халма, бильбоке, шелобанчик, головоломки, наполеон, траченная пятёрка, безик, двадцать пять, проси соседа, шашки, шахматы или нарды); выпивка, штопка или вязание для спонсированного полицией одёжного общества: музыкальные дуэты, мандолина и гитара, рояль и флейта, гитара и рояль; переписывание адвокатских бумаг либо (или вдобавок) надписывание конвертов; ежеполумесячные посещения представлений варьете; коммерческая деятельность в качестве мило распорядительной и приятно повелительной хозяюшки-владелицы, в прохладном молочном магазине, или тёплой табачной лавке; неразглашаемое удовлетворение эротического возбуждения в борделях с мужским персоналом под государственно-медицинским

надзором и контролем; обмен визитами с регулярными, непременно умеренной частоты, интервалами под регулярным, непременно частым присмотром, для общения со знакомыми женщинами общепризнанной респектабельности, по соседству; образовательные вечерние курсы, специально нацеленные на усвоение приемлемо свободного внепрограммного обучения.

Какие примеры умственной недообразованности его жены склоняли его в пользу последнеупомянутого (девятого) решения?

В моменты досуга она испещряла лист бумаги многочисленными значками и иероглифами, представлявшими, как она утверждала, греческие, ирландские и еврейские буквы.

Она постоянно переспрашивала, с различными интервалами, о правильном способе написания первой заглавной буквы в названии одного из городов Канады, Квебек (Q). Она слабо разбиралась в политических хитросплетениях (внутренних), или в балансе сил (внешних). При вычислениях по представленным счетам она нередко использовала пальцы. По завершении лаконичных эпистолярных композиций, она оставляла орудие каллиграфии в энкаустическом пигменте, подвергающимся коррозийному воздействию купороса, зелёного витриоля и дубильного орешка. Редко встречаемые многосложные слова иностранного происхождения прочитывались ею фонетически, либо по ложной анологии, либо через смешение обоих подходов: *metempsychose* (мне там псы коз), *alias* (лживый персонаж из Писания).

Что компенсировало неустойчивый баланс её ума из-за данных и подобных недостатков при составлении суждений относительно личностей, мест и предметов?

Кажущийся ложным, параллелизм всех перпендикулярных векторов всех балансов оказывался при сложении верным. Неоспоримая здравость её суждений относительно отдельно взятых личностей

доказывалась опытным путем.

Какими были его попытки для избавления от подобнх проявлений относительного невежества?

Различными. Оставление на видном месте нужной книги раскрытой на нужной странице; непрямые намёки предполагающие наличие в ней подспудного знания; откровенные насмешки в её присутствии над невежественными промахами кого-то отсутствующего.

С каким успехом применялось им прямое обучение?

Она схватывала не всё, а части целого, с заинтересованностью внимала, с удивленностью понимала, со старательностью повторяла, с крайней трудностью запоминала, забывала с легкостью, припоминала с неуверенностью, переповторяла с ошибочностью.

Какая система показала себя наболее эффективной?

Непрямое наталкивание с опорой на личную заинтересованность.

Например?

Она не любила раскрывать зонт под дождём, ему нравилось когда женщина под зонтом, она не любила мочить новую шляпку под дождём, ему нравилось когда женщина в новой шляпке, он купил новую шляпку в дожди, она выходила с зонтом ради новой шляпки.

Соглашаясь с аналогией в притче своего гостя, какие яркие примеры привёл он за период истекший со времён египетского пленения?

Трёх искателей чистой истины, как то: Моисей Египетский, Моисей Маймонидес, автор *More Neubkim* (Назидание Отчаявшемуся) и Моисей Мендельсон, отметив, что от Моисея (Египетского) до Моисея (Мендельсона) не являлось никого подобного Моисею (Маймонидесу).

Какое суждение высказал, может и ошибаясь, Цвейт относительно четвёртого искателя чистой истины по имени Аристотель,

помянутого, если позволите, Стефеном?

Что упомянутый искатель был учеником раввина-философа с неустановленным именем.

Имелись ли иные неапокрифические примеры сынов закона и детей упомянутого избранного, или гонимого племени?

Феликс Бартолди Мендельсон (композитор), Барух, Спиноза (философ), Мендоза (кулачный боец), Фердинанд Лассаль (реформатор, дуэлянт)

Какие отрывки стихов на древнееврейском и древнеирландском языках были процитированы с модуляциями голоса и переводом текста гостем хозяину и хозяином гостю?

Стефеном:

Суйл, суйл, суйл арун, суйл го сиокайр агус, суйл го куйм (иди, иди, иди своим путем, иди спокойно, иди осторожно).

Цвейтом:

Кифелох, харимон ракайтах м'баод л'заматайх (твой висок среди волос твоих подобен ломтику граната).

Как проводилось глифическое сопоставление фонетических символов обоих языков в подкрепление устному сравнению?

На обороте форзацного листа в книге низкопробного литературного стиля, озаглавленной УСЛАДЫ ГРЕХА (вынутой Цвейтом и развёрнутой так, что её обложка пришла в соприкосновение с поверхностью стола), карандашом (предоставленным Стефеном), Стефен написал ирландские буквы для ге, йе, де, эм – простые и модифицированные, а Цвейт, в свою очередь, написал еврейские буквы гимел, алеф, далет, что также заменяет гоф (при отсутствии мем), и объяснил их арифметическое значение для натуральных и порядковых чисел, и именно 3, 4 и 100.

Были ли познания обоих в каждом из этих языков, мёртвом и выжившем, теоретическими или практическими?

Теоретическими, ограничиваясь некоторыми граматическими правилами морфологии и синтаксиса и практически исключая словарный запас.

Какая имелась точка соприкосновения между этими языками и народами говорившими на них?

Наличие задненёбных звуков, диакритическая аспирация, вставные и служебные буквы в обоих языках; их древность, оба изучались на равнине Шинар, 242 года спустя после потопа, в семинарии учрежденной Фениусом Фарсагом, потомком Ноя, прародителем Израиля и предком Эбера и Эремона, прародителями Ирландии; их археологические, генеологические, экзегетические, омолектические, топонимистические, исторические и религиозные литературы, куда входят труды раввинов и халдеев Тора, Талмуд (Мишна и Гемара), Массор Пентатойх, Книга Серой Коровы, Книга Боллимота, Гарланд Тернский, Книга Келлов; их рассеяние, гонение, выживание и возрождение; изолированность их синагогических и экклезиастических обрядов, в гетто (аббатство Св.Марии) и домах публичного пользования (таверна Адама и Евы): запрет на их национальные одежды уголовными законами и актами о еврейских одеждах: реставрация в Ханаане Давида Сионского и возможность ирландской политической автономии либо делегирования полномочий.

Какой гимн частично напел Цвейт, в предвосхищении этого неоднозначного этнически неразделимого свершения?

Kolod baleiwaw pnimah
Nefesch, jendi, homijah.

Почему этот напев был прерван в конце этого первого дистиха?

Вследствие дефективной мнемотехники.

Как напевавший компенсировал этот недочёт?

Перефразированным изложением основного текста.

Какое общее исследование завершило их совместные рассуждения?

Констатация нарастающего упрощенчества отмечаемого в переходе от египетских эпиграфических иероглифов к греческому и римскому алфавитам, и предвосхищение современной стенографии и телеграфного кода как в клинописных памятках (семитские), так и в палковидных пятирёбрых огамных письменах (кельтские).

Исполнил ли гость просьбу хозяина?

Вдвойне, приложив свою подпись ирландскими и латинскими буквами.

Каким было слуховое впечатление Стефена?

Ему слышалась в глубокой древней мужской незнакомой мелодии аккумуляция прошлого.

Каким было визуальное впечатление Цвейта?

Ему виделось в преходяще молодой мужской знакомой фигуре предопределение будущего.

Какими были у Стефена и Цвейта квазисинхронные волюнтарные квазиощущения скрытых идентичностей?

Визуальное у Стефена: традиционная фигура гипостаза по описанию Иоанна Дамасского, Лентула Римлянина и Епифауса Монахуса – лейкодермичная, витиеватословная, с виннотёмными волосами.

Аудийное у Цвейта: Традиционный гвалт экстаза катастрофы.

Какие предстоящие карьеры были возможны для Цвейта в прошлом и подобно кому?

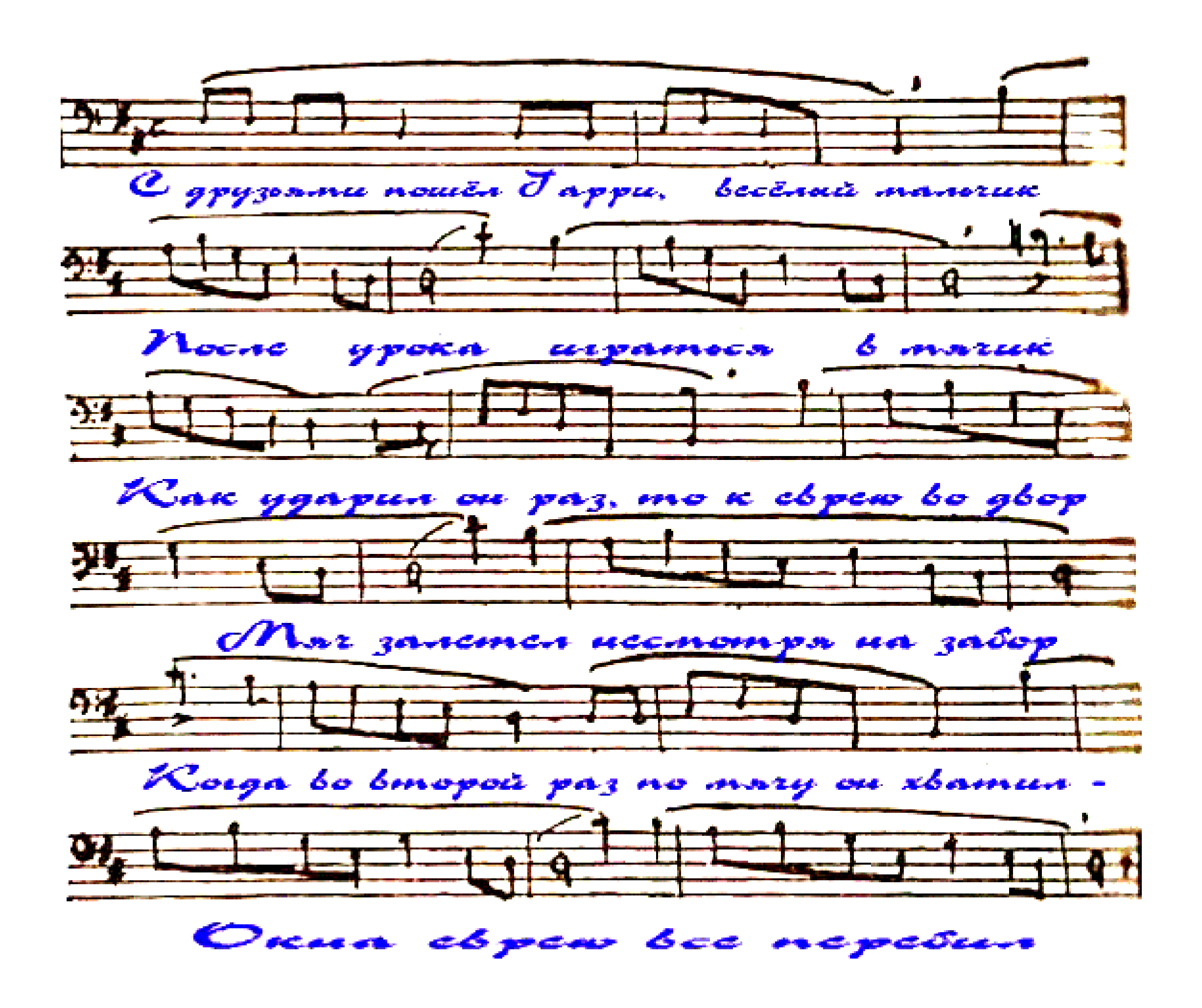
Церковная, римская, англиканская или нон-конформистская; подобно наипреподобнейшему Джону Конми, О. И., преподобному Т. Салмону, Д.Б., провосту колледжа Троицы, доктору Александру Дж. Дови.

Адвокатская; английская или ирландская: подобно Сеймуру Буше, К.С., Руфусу Айзеке, К.С.

Сценическая; подобно современным или шекспирианским образцам – Чарльзу Виндхему, долговязому комедианту, Осмонду Тирлу (†1901), популяризатору Шекспира.

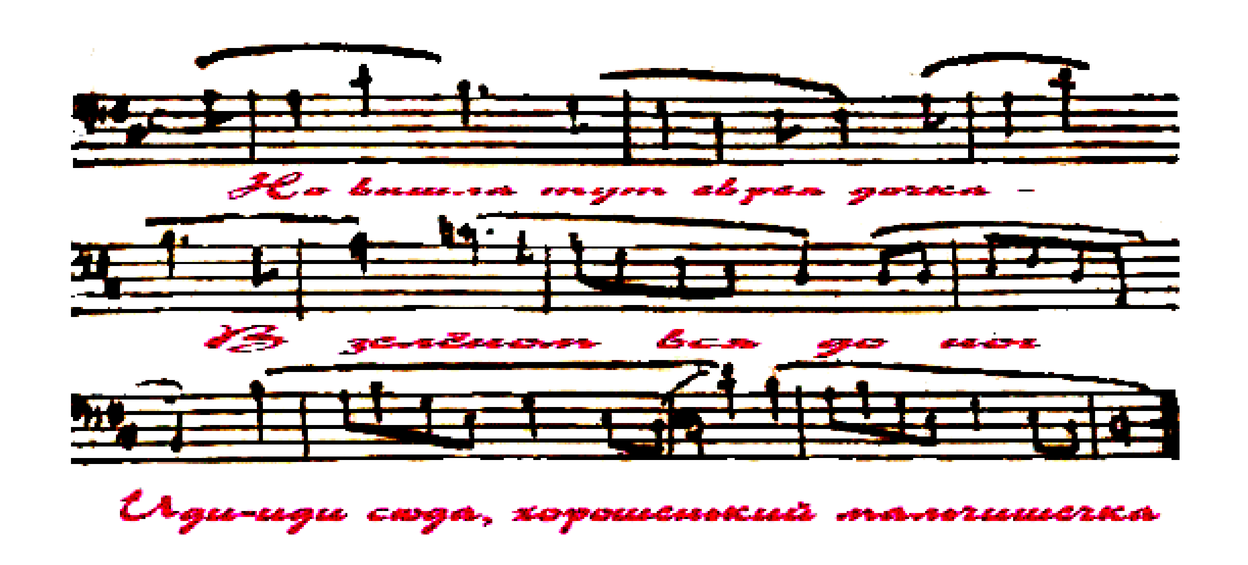
Подбивал ли хозяин своего гостя напеть вполголоса чуждую балладу на родственную тему?

Подохочивающе, при столь уединённом местонахождения их некому услышать; с охоткой, заваренные напитки с субсолидным остаточным осадком механической смеси—вода плюс сахар, плюс какао—выпиты.

Изложить первую (мажорную) часть помянутой баллады.

С друзьями пошёл Гарри, весёлый мальчик,
После урока играться в мячик,
Как ударил он раз, то к еврею во двор
Мяч залетел несмотря на забор.
Когда во второй раз по мячу он хватил,
Окна еврею все перебил.

Как сын Рудольфа воспринял эту первую часть?

С однозначным чувством. Улыбаясь, еврей, он с удовольствием слушал, глядя на неразбитое кухонное окно.

Изложить вторую (минорную) часть баллады.

Но вышла тут еврея дочка,
В зелёном вся до ног.
– Иди, иди сюда, хорошенький мальчишечка,
Сыграй-ка в мяч ты ещё разок.–
– Без всех друзей моих никак
Не стану играть я,
Когда учитель мой узнает,
Накажет он меня! -
За ручку белую его
Она легко взяла
И в дом, в глухую комнату
Скорее отвела.
И голову ножом ему
Отрезала она,
И умер бедный мальчуган,
Так кончилась игра.

Как отец Милисенты воспринял эту вторую часть?

Со смешанными чувствами. Без улыбки, он слышал и видел еврейскую дочку во всём зелёном.

Краткий комментарий Стефена.

Один из всех—наименьший—судьбой намеченная жертва. Сперва случайно, второй раз нарочно, бросает он вызов судьбе. Та является, когда он брошен, зовёт—несогласного—и одолевает видением надежды и юности. Отводит его в чуждое жилище, в неверное потаённое помещение, где и приносит, неумолимая, его—непротивящегося—в жертву.

Почему был хозяин (судьбой намеченная жертва) печален?

Он хотел бы, чтоб быль была поведана не им, была бы им не поведана.

Почему был хозяин (несогласный, непротивящийся) покоен?

В соответствии с законом сохранения энергии.

Почему был хозяин (потаённый, неверный) молчалив?

Он взвешивал доводы за и против возможности ритуального убийства: подстрекательство иерархии, суеверность населения, распространение слуха с дальнейшим искажением истины, зависть к роскоши, проявление мстительности, спорадические вспышки атавистического правонарушительства, смягчающие обстоятельства фанатичности, гипнотическое влияние и сомнамбулизм.

От какого (если хотя бы одного) из перечисленных умственных и физических отклонений он не был полностью иммунен?

От гипнотического влияния: при пробуждении он однажды не узнал свою спальную комнату, более одного раза, при пробуждении он не в состоянии был какое-то время ни шевельнуться, ни издать хоть какой-нибудь звук.

От сомнамбулизма: однажды в состоянии сна тело его приподнялось, согнулось и поползло в направлении незатопленного камина, по достижении указанного места назначения, оно там и лежало—не обогреваемое, в ночном одеянии—и спало свернувшись калачиком.

Проявился ли последний или подобный ему феномен в ком-либо из членов его семьи?

Дважды, на Холис-Стрит и на Онтарио-терас, его дочь Милисента (Милли), в возрасте 6 и 8 лет, издавала во сне восклицания ужаса и на расспросы двух фигур в ночных одеяниях отвечала отсутствующим немым выражением.

Какие ещё инфантильные воспоминания имел он о ней?

15 июня 1889. Жалобный плач новорожденной, призванный дать толчок обращению крови. Будучи крошкой с прозвищем Верти-Носик, она встряхивала свою копилочку с монетками; считала три расстегнутые у него пуговицы-монетки – лас, да, тли; как выбросила куклу, мальчугана-морячка; у неё, блондинки родившейся от двух брюнетов, имелись светловолосые предки – опосредствованный (прорыв), герр Хаушманн Хайнау, австрийская армия, и непосредственный (галлюцинационный) лейтенант Малвей, британский флот.

Какие эндемичные характеристики были налицо?

Носовая и фронтальная формация, пошли, напротив, по прямой наследственной линии, которая, пусть и прерывисто, продлится с отдаляющимися интервалами до самых отдалённых интервалов.

Какие воспоминания имел он о её девичестве?

Она убрала свой обруч и палку-подгонялку с глаз долой.

На Герцоговой лужайке она отказала уговорам английского туриста позволить ему сделать и забрать с собой её фото-изображение (причина не указана).

На Южной Окружной-Роуд, в компании с Эльзой Поттер, преследуемая индивидуумом зловещей наружности, она прошла до середины Стеймер-Стрит и резко развернулась обратно (причина премены не указана).

Накануне 15-й годовщины её рождения она написала письмо из Малингара, графство Вестмит, с лёгким намёком о местном студенте (факультет и курс не указан).

Огорчала ли его эта первая разлука, чреватая второй разлукой?

Меньше, чем он себе представлял, больше, чем он надеялся.

Какой иной (совпадающий по времени) уход воспринял он подобным, хотя иным образом?

Временный уход его кошки.

Почему подобным, почему иным?

Подобен, поскольку вызван скрытым поиском нового самца (малингарский студент), или целебного растения (валериан).

Иной, из-за различия в вероятности возвращении: к обитателям, или к месту обитания.

Имелось ли при их несхожести подобие в иных отношениях?

В пассивности, экономичности, в инстикте традиционности, в непредсказуемости.

Как?

Так, приникнув к нему, она придерживала свои белокурые волосы для стягивания их лентой (сравни: шеевыгибающая кошка), кроме того, её непредсказуемый плевок на гладкой поверхности озера в парке Стивенз-Грин среди перевернутых отражений деревьев, движимых концентрическими кругами водоколец, отметивший постоянством своего пребывания местонахождение впавшей в сонную прострацию рыбы (сравни: мыше-подстерегающая кошка). Вдобавок, для запоминания даты, противников, исхода и последствий какого-либо знаменитого военного столкновения она подергивала косичку своих волос (ср.: уше-намывающая кошка). К тому же, будучи глупышечкой-Миллишечкой, она во сне видела бессловесный неупомненный разговор с лошадкой по имени Джозеф, которого она угостила бокалом лимонада и тот (он), кажется, принял (ср.: пред-камино-дремлющая кошка).

Потому-то: в пассивности, экономичности, в инстинкте традиционности, в непредсказуемости – несхожести их уподоблялись.

Каким образом использовал он подарки: 1) совы, 2) часов, поднесённых в качестве матримониальных презентов, для наставлений и пробуждения в ней интереса?

Как пособие для уроков объясняющих: 1) природу и привычки плотоядных животных, возможности воздушного полёта, определённые отклонения в зрении, увековечивающий процесс чучелоделания; 2) принцип маятника, представленный гирькой,

колесиком и регулятором, перевод на язык человеческого и общественного распорядка различных позиций кругообразно движущихся указателей по неподвижному диску, точность ежечасного повторения любого момента каждого часа, когда длинный и короткий указатели образуют неизменный угол пересечения, с учётом арифметической прогрессии, когда ежечасно—по его истечении—добавляются 5 5/11 минуты.

Какой была её реакция?

Она запомнила: на 27-ю годовщину его рождения она поднесла ему завтрачную чашку для усачей, имитацию фарфора коронного Дерби.

Она подготавливала: раз в квартал, или около того, в случае, когда приобретения произведенные им на протяжении такого периода предназначались не для неё, она начинала проявлять внимательность к его потребностям, предвосхищая его пожелания.

Она восхищалась: вслед за объяснением природного явления сделанным им не ей, она выразила непосредственное желание обладать—без постепенного накопления—частицей его познании, половинкой, четвертью, тысячной долей.

Какое предложение Цвейт, дневнобулист, отец Милли, сомнамбулистки, сделал Стефену, ноктобулисту?

Провести часы разделяющие четверг (минувший) и пятницу (текущую), в отдохновении на импровизированном ложе в помещении расположенном непосредственно над кухней в непосредственной близости от спальных апартаментов хозяина и хозяйки.

Какие разнообразные выгоды были бы или могли бы стать результатом продления данного импровиза?

Для гостя: жилищная обеспеченность и уединённость кабинета.

Для хозяина: омоложение интеллекта, опосредствованное удовлетворение.

Для хозяйки: дезинтеграция уединенности, приобретение правильного итальянского произношения.

Почему этот ряд гипотетических последствий для гостя и хозяйки мог не предшествовать установлению как и не предваряться восстановлением полного примиряющего единения между школяром и дочкой еврея?

Потому что путь к дочери вёл через мать, к матери через дочь.

На какой сбивчивый многосложный вопрос своего хозяина гость выдал односложный отрицательный ответ?

Не знал ли тот покойную м-с Эмили Синико, случайно погибшую на железнодорожном вокзале Сидней-Парад, 14 октября 1903?

Какое напрашивающееся высказывание было последовательно подавлено хозяином?

Заявление с объяснением своего отсутствия на проведении захоронения м-с Мэри Дедалус, урождённой Гулдинг, 26 июня 1903, кануном годовщины покойного Рудольфа Цвейта (урождённый Вираг).

Было ли предложение прибежища принято?

Быстро, без объяснений, дружески, с благодарностью оно было отклонено.

Какой обмен деньгами состоялся между хозяином и гостем?

Первый вернул второму, без процентов, сумму денег (£ 1.7s.0.), один фунт и семь шиллингов, авансированные последним первому.

Какие контрпредложения были поочередно выдвинуты, приняты, модифицированы, отклонены, перезаявлены в иных выражениях, заново приняты, ратифицированы, переподтверждены?

Приступить к предварительно оговоренному курсу обучения итальянскому языку, по месту жительства обучаемой.

Приступить к курсу вокального обучения, по месту жительства обучающей.

Приступить к серии статических, полустатических и перипатетических интеллектуальных диалогов, по месту жительства обоих договаривающихся (если договаривающиеся жили бы в одном и том же месте), в отеле и таверне КОРАБЛЬ, Нижняя Аббатская-Стрит, 6, (Владельцы В. и Е. Коннерим), в Национальной библиотеке Ирландии, Килдар-Стрит, 10, в Национальном Госпитале Материнства, Холес-Стрит, 29, 30 и 31, в общественном саду, в окрестностях культовых сооружений, на схождении двух или большего числа общественных магистралей, на срединной точке прямой, проведенной между их жилищами (при проживании обоих договаривающихся в разных местах).

Что делало проблематичным для Цвейта осуществление этих взаимосамоисключающихся предложений?

Невозвратимость прошлого: однажды, на представлении цирка Альберта Хенглера в Ротонде, Рутланд-Сквер, Дублин, интуитивный пополамно-цветный клоун в поисках отцовства проник с арены в то место среди аудитории, где Цвейт сидел обособленно, и принародно объявил веселящимся зрителям, что он (Цвейт) был его (клоуна) папой.

Непредсказуемость будущего: однажды, летом 1898 он (Цвейт) пометил флорин (2 s.) тремя насечками по гуртному краю и передал его в уплату счета полагавшегося и полученного Дж. и Т. Дэви—Бакалея Для Семьи, Чарлемонтр-молл, 1, Большой Канал—циркулировать по водам гражданских финансов на случай кружного или прямого возврата.

Был ли клоун сыном Цвейта?

Нет.

Вернулась ли монета Цвейта?

Никогда.

Почему рецидив разочарования углубил бы его депрессированность?

Потому что на критически поворотной точке человеческого существования ему хотелось поправить множество общественных условий бывших результатом неравенства, алчности и межнациональной розни.

Следовательно, он полагал, что человеческая жизнь совершенствуема до бесконечности, при снятии помянутых условий?

Оставались ещё видовые условия, налагаемые природным—в отличие от общественных—законом, как составной частью человеческой целостности: необходимость разрушения для добывания элементов питания: болезненый характер краеугольных функций особного существования – агоний рождения и смерти: монотонные менструации обезьяних и (особенно) человечьих самок, повторяющиеся от момента полового созревания до менопаузы: неизбежность несчастных случаев на море, в шахтах и на фабриках:

ряд крайне болезненных заболеваний и соответствующих хирургических вмешательств, врождённый лунатизм и наследственная криминогенность, опустошительные эпидемии, катастрофические катаклизмы, доводящие до сдвига основ человеческого рассудка: сейсмические бури с эпицентрами приходящимися на густонаселённые регионы: факты живого роста через конвульсии метаморфозиса от младенчества, через зрелость, к распаду.

Почему он отмахивался от углублённых размышлений?

Потому что подстановка более приемлемых альтернатив на место менее приемлемых, подлежащих снятию явлений, была уделом более высокого интеллекта.

Разделял ли Стефен его отмахнутость?

Он подтвердил свою значимость, как сознающего рационального животного, силлогически следующего от известного к неизвестному, и как сознающего рационалистичного реагента между микро- и макрокосмами, неизбежно зиждущимися на неопределённости пустоты.

Было ли данное утверждение постигнуто Цвейтом?

Не словесно. Субстанционально.

Что смягчило его сконфуженность?

Что, как компетентный безключный гражданин, он энергично перешёл от неизвестного к известному сквозь неопределённость пустоты.

В какой последовательности, с какими сопутствующими церемониями состоялся исход из дома пленения в безлюдье населённого пункта?

Горящая Свеча на Подставке, несомая

Ц в е й т о м

Диаконсхая Шляпа на Ясеньке, несомая

С т е ф е н о м.

С какой интонацией secreto какого поминального псалма?

113-й, *modus perigrinus: In exitu Israel de Egipto: domus Jacob de populo barbaro.*

Что сделал каждый у дверей исхода?

Цвейт поставил подсвечник на пол. Стефен возложил шляпу себе на голову.

Какое зрелище предстало перед ними, когда они—сперва хозяин, следом гость—возникли молча, сдвоенно тёмными, из мглы прохода в задней части дома в светотень сада?

Небодрево звёзд увешанное влажно синеющими плодами заполночи.

Какими рассуждениями сопровождал Цвейт показ своему компаньону различных созвездий?

Рассуждениями о нарастающе ширящейся эволюции: о близящейся к перигею луне неразличимой в предноволуние: о бесконечно латигинально мерцающем несгущённом Млечном пути, различимом при дневном свете наблюдателем, помещённым на нижней оконечности цилиндрической вертикальной скважины углубляющейся от поверхности к центру земного шара на 5 000 футов: о Сириусе (альфа Большого Пса) удалённом всего на 10 световых лет (57 000

000 000 000 миль) и в 900 раз превосходящем размеры нашей планеты: об Арктуре: о предстоящем равноденствии: об Орионе с поясом из шестикратной теты и небулы солнца, где разместились бы 100 наших солнечных систем: об угасающих и нарождающихся новых звёздах, как Нова в 1901: о нашей системе, устремляющейся к созвездию Геркулеса: о параллаксе или параллактическом смещении так называемых фиксированых звёзд: в действительности вечно движущихся из неизмеримо отдалённых эпох в бесконечно удалённое будущее, в сравнении с чем года, пять дюжин и десяток, отмерянные для жизни человека, период бесконечной краткости.

Имели ли место противонаправленные рассуждения об инволюции наростающе снижающей необъятность?

О вечностях геологических эр, отмеченных в напластованиях земного шара: о мириадах крохотных энтомологических органических существований, сокрытых в складках земли, под сдвигаемыми камнями, в ульях и термитниках, о микробах, вирусах, бактериях, бациллах, сперматозоидах: о неисчислимых триллионах биллионов миллионов неосязаемых молекул, удерживаемых силой сцепления молекулярно подобных в одной единственной булавочной головке: о вселенной человеческой лимфы из созвездий красных и белых тел, и каждое, если продолжить, само по себе вселенная составляющих делимых тел, а те, опять-таки, делимы на подразделения далее делимых составляющих тел, при этом делимые и делители всё умельчаются не подвергаясь реальному делению, покуда при дальнейшем, достаточно далёко зашедшем прогрессе углубления не достиглось бы ничто нигде никогда.

Почему он не прорабатывал эти исчисления до более конкретного результата?

Потому что за несколько лет до этого, в 1886, занимаясь проблемой квадратуры круга, он узнал о существовании числа, высчитанного с относительной степенью точности, настолько множественного и многоуровневого, например, девятая степень девяти в девятой степени, что для фиксации результата понадобились бы 33 тома мелкой печати, по 1000 страниц каждый, из бесчисленных сшивок индийской бумаги для отпечатки целиком полного выражения его подразделений целых чисел, десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч, миллионов, десятков миллионов, сотен миллионов, миллиардов, нуклеус небула каждой цифры, каждой из версий опоясанно содержащей потенциальность подъёма до крайнего кинетичного счисления любой степени любой из его степеней.

Не находил ли он проблему заселения планет и их спутников некоей расой, представленной в особях, и о возможности общественного и морального искуплении помянутой расы неким искупителем, более поддающейся рассмотрению?

Трудность иного порядка. Сознавая, что человеческий организм, нормально привычный к выдерживанию атмосферного давления в 19 тонн, при подъёме на значительную высоту в земной атмосфере испытывал—с нарастающей в арифметической прогрессии интенсивностью—мучения, а с приближением к разделительной черте между тропосферой и стратосферой страдал от носового кровоизлияния, затруднённого дыхания и головокружения, при подходе к предложенной проблеме он допускал как рабочую гипотезу, невозможность которой нельзя утверждать, что раса более адаптированных и обладающих иным анатомическим сложением существ вполне могла бы и существовать, по своему, при самодостаточных и адекватных Марсианских, Меркурианских, Венереанских, Юпитерианских, Нептунеанских и Уранианских условиях, хотя апогей людского рода из существ созданных в изменчивых видах с определёнными различиями и, в результате,

подобных одно другому и общему целому, вероятно останется—как там, так и здесь—неизменно и неотчуждаемо подвержен суетам, суетам сует и всяческой суете.

А проблема возможного искупления?

Меньшее было доказано в большем.

Какие различные отличительные черты созвездий были поочередно рассмотрены?

Различность цвета, означающая различные ступени жизнецикла (белый: жёлтый, малиновый, алый, киноварь): степень их яркости: их величины, наблюдаемые по 7-ю включительно: их конфигурации: звезда ковша, зигзаг обернутой "M" колесницы Давида: кольцевые пояса Сатурна: сгущение спиралевидных туманностей в солнца: взаимосвязное обращение двойных звезд: независимые синхронные открытия Галилео, Саймона Мариуса, Пиацци, Ле Вериера, Хершеля, Галлея, систематизации, предпринятые Бодом и Кеплером, о кубах расстояний и квадратах времени обращения: сдавливаемость—почти до бесконечности—хвостатых комет и их широкие исходящие и возвратновходящие орбиты из перигелиона в афелий: звёздное происхождение метеоритов: либийские половодья на Марсе, около момента рождения младшего из звездочётов: ежегодные повторы метеоритных дождей, около периода праздника Св. Лорена (мученик, 10 августа): ежемесячное явление, известное как новая луна со старой луной в её объятиях: предполагаемое воздействие небесных тел на людские: появление звезды (1-й величины) превосходящей яркости, доминирующей ночью и днем (новое светящееесся солнце произведённое столкновением и амальгамацией при разогреве двух несветоносных экс-солнц), около периода рождении Вильяма Шекспира, над дельтой в пригоризонтном незаходящем созвездии Кассиопеи, и звезды (2-й величины) подобного же происхождения, но

меньшей яркости, которая появилась и исчезла из созвездия Корона Змеи, около момента рождения Леопольда Цвейта и других звёзд (предположительно) подобного происхождения, которые (действительно или предположительно) появлялись и исчезали из созвездия Андромеды, около момента рождения Стефена Дедалуса, а также в и из созвездия Возничего, через несколько лет после рождения и смерти Рудольфа Цвейта, младшего, а также в и из других созвездий, до и после рождения, или смерти, других особ: феномены сопутствующие затмениям, солнечного и лунного, от поглощения до появления, стихание ветра, рассеивание тени, смолкание пернатых тварей, появления ночных или сумеречных животных, неколебимость инфернального света, мрак земных вод, бледность человеческих существ.

Его (Цвейта) вывод, с учётом сути дела и допуском возможности ошибки?

Это было ни небодрево, ни небогрот, ни небозверь, ни небочеловек. Это была утопия, где нет проверенного метода от известного к неизвестному: тем не менее, бесконечное обратимо в конечное возможностью противоположения в уме одного или более тел, как равной так и различных величин: подвижность иллюзорных форм обездвиженых в пространстве, вновьодвиженных воздухом: прошлое уже, возможно, переставшее существовать как настоящее ещё до того, как его будущие созерцатели вступили в существование в данном настоящем.

Был ли он более убежден в эстетической ценности зрелища?

Несомненно, вследствие многократных поэтических примеров, где —в горячке неистовой привязанности, либо в уничижении отверженности—поэты поминают пылкое сопереживание созвездий,

либо холодность спутника их планеты.

Выходит, теория астрологического влияния на подлунные катастрофы воспринималась им как предмет достойный веры?

Она ему казалась настолько же годной для принятия, как и для опровержения, а номенклатура применённая в её селенографических таблицах могла восприниматься как следствие оправданной интуиции, либо же грубой аналогии: озеро грёз, море дождей, залив росы, океан плодородия.

Какие особо сходные черты уподобляли, по его представлениям, луну женщине?

Её древность, предварявшая существование сменяющихся теллурианских поколений: её ночное преобладание: её спутниковая зависимость: её лунатичная созерцательность: её постоянство во всех её фазах, восхождение и заход в определённые периоды, наполнение и убывание: неизбежная неизменяемость её вида: неопределённость её ответа на непрямые выпытывания: её владычество над приливающими и отступающими водами: её способность восторгать, усмирять, окутывать красотой, доводить до безумия, подбивать (либо способствовать) на правонарушения: безмятежная непроницаемость её лика: жуткость её особной подавляющей блистательной близости: её предзнаменования бури и покоя: стимулирующее воздействие её света, её движения, её присутствия: предостережение её кратеров, её сухих морей, её молчания: её краса, когда видима, её притяжение, когда невидима.

Какое видимое свечение привлекло Цвейта, который обратил к нему и взгляд Стефена?

Во втором этаже (задней части) его (Цвейта) дома свет керосиновой лампы с косым абажуром, падающий на роликовую портьеру, поставленную Френком О'Хара, изготовителем оконных занавесей, портьер и скручивающихся жалюзи, Ожер-Стрит, 16.

Как он разъяснил загадочность невидимой особы—его жены Марион (Молли) Цвейт—отмеченную видимым приметным знаком – лампой?

Непрямыми, либо прямыми словесными аллюзиями, или утверждениями: с умеренной любовью и восхищением: описательно: запинаясь: предположительно.

Оба помолчали?

Помолчали, созерцая друг друга в обеих зеркалах взаимопротивопоставленной плоти ихегоинеего ближнелиц.

Длилось ли их бездействие до бесконечности?

По намёку Стефена, по указке Цвейта оба—сперва Стефен, затем Цвейт—помочились в светотени, бок о бок, приведя органы мочеиспускания в состояние взаимоневидимости посредством ладонеобложения, вознеся взоры—сперва Цвейт, а следом и Стефен—к ниспадающему светоносному и полуозарённому отблику абажура.

Одинаково?

Траектории их—первоначально последовательных, затем синхронных—мочеиспусканий были неодинаковы: Цвейтова длиннее, напористее, в форме недоконченной раздвоющеся предзавершающей буквы алфавита, недаром в завершающий год своего обучения в школе (1880) он способен был достигать точки вне пределов досягаемости всех попыток тогдашнего состава учебного

заведения (210 школьников): у Стефена – выше, журчистее, в завершающие часы предыдущего дня он усиленным диуретичным поглощением повысил мочепузырное давление.

Какие различные вопросы возникли у каждого всвязи с невидимым, но косвенно слышимым органом другого?

У Цвейта: вопросы раздражимости, набухания, отвердевания, реактивности, размера, санитарности, пелозийности.

У Стефена: вопрос сакрадотальной целостности Исуса обрезанного (1-го января праздник с обязательным прослушиванием мессы и воздержанием от необязательных служебных работ), а также о том, подлежит ли божественный препутиум—плотское брачное кольцо святой римской католической апостольской церкви, хранимое в Калкате—простого сверхпоклонения или четвёртой степени почитания, полагающейся обрезкам таких божественных наростов, как волосы и ногти ног.

Какой небесный феномен был одновременно отмечен обоими?

Промельк звезды по небосводу с огромной видимой скоростью из Веги—пребывающей над Лирой в зените—за пределы звездного скопления Волос Береники, к зодиакальному знаку Лео.

Как центростремительный, остающийся, предоставил исход центробежному, уходящему?

Вставкой цилиндра литого мужского ключа в щель подвижного женского замка, сжатием дужки ключа и поворотом её справа налево для извлечения задвижки из её паза, рывком на себя судорожно вихляющейся обеспетлевшей без присмотра двери и открыванием проёма для беспрепятственного выхода и свободного вхождения.

Кому врата исхода полужили путём вхождения?

Кошке.

Как они простились, один с другим, при расставании?

Стоя перпендикулярно у одной и той же двери, по разные стороны её основания, линии их прощающихся рук встретились в определённой точке, образуя определённый угол меньше суммы двух прямых углов.

Какой звук сопровождал касание, соединение, разъдинение их (респективно) центробежной и центростремительной рук?

Звук отбивания текущего часа ночи звоном колокола на храме Святого Георгия.

Какие отголоски услышались обоими и каждому в этом звуке?

Стефену:

Liliata rutilantium. Turma circumdet.
Iubilantium te virginum. Chorus excipiat.

Цвейту:

Диньдон, диньдон.
Диньдон, диньдон.

Где находились некоторые из членов компании, проделавшей в тот день совместный с Цвейтом путь от Сендимонт, на юге, до

Гласневина, на севере?

Мартин Канинхем (в постели), Джек Повер (в постели), Саймон Дедалус (в постели), Джо Гайнс (в постели), Джон Генри Ментон (в постели), Бернард Корриган (в постели), Пэтси Дигнам (в постели), Пэдди Дигнам (в могиле).

Что слышал Цвейт в одиночестве?

Сдвоенную реверберацию отдаляющихся ног по невспаханной земле, удвоенную вибрацию еврейской гармоники в гулком проулке.

Что чувствовал Цвейт в одиночестве?

Холод межзвёздного пространства, на тысячи градусов ниже точки замерзания, или абсолютного нуля, по Фаренгейту, Цельсию или Реомюру: предвещение близящегося рассвета.

Что вспомнилось ему от часозвона и рукокасания, и шаготзвука и хладодиночества?

Друзья, на данный момент скончавшиеся по-всякому и в разных местах: Перси Апджон (смерть в бою, река Моддер), Филин Гилиган (чахотка, больница на Джервис-Стрит), Мэттью Р. Кейн (случайное утопание, залив Дублина), Филип Мойсель (пиемия, Хейтесбери-Стрит), Майкл Харт (чахотка, больница Матери Милосердной), Патрик Дигнам (апоплексия, Сендимонт).

Какая перспектива каких явлений склоняла его задержаться?

Несхожесть трёх последних звёзд, разлитие рассвета, появление нового солнечного диска.

Случалось ли ему когда-либо наблюдать данные феномены?

Однажды, в 1887, после затянувшегося представления шарад в доме Люка Дойля, Киммедж, он терпеливо дожидался появления светозарного феномена, сидя на стеночке со взором обращенным к Мизре – востоку.

Ему запомнились предваряющие парафеномены?

Нарастающая подвижность воздуха, отдалённое утреннее кукарекание, экклезиастский бой часов в различных точках, щебет пернатых, одинокая поступь раннего путника, видимое разлитие света невидимого светила, первый золотистый нимб восстающего солнца завидневшийся над приземлённым горизонтом.

Он остался?

После глубокого вдоха и выдоха, он вернулся, снова минуя сад, вновь проходя коридором, вновь запирая дверь. С кратким вздохом он снова поднял свечу, вновь взошёл по ступеням, вновь приблизился к двери прихожей и вновь вошел.

Что прервало вдруг его вхождение?

Правая височная доля полой сферы его черепа вошла в контакт с твёрдым деревянным углом и в ней—на кратчайшую, но различимую долю секунды позже—возникло болезненное ощущение, как результат предшествующих (перечисленных и описанных) ощущений.

Описать перемены произведённые в диспозиции предметов обстановки.

Диван с валиками бордового плюша был переставлен от противоположной двери к камину, рядом с натуго свёрнутым Юнион

Джеком (перестановка, которую он неоднократно намеревался произвести); стол с покрытием из сине-белых квадратов майолики разместился напротив двери – на место покинутое бордово-плюшевым диваном; ореховый сервант (торчащий угол которого моментально прервал было его вхождение) был передвинут с прежнего места рядом с дверью на более выгодную, но и более опасную, позицию перед дверью: два стула выдвинулись с левой и правой сторон камина на позицию прежде отводившуюся столу с синими и белыми майоликоквадратами.

Описать их.

Один: приземистое набивное полукресло с крепкими подлокотниками и скошенной назад спинкой, на котором при перестановке заломился край прямоугольного коврика, обнаруживая на просторном набивном сиденьи централизованную потёртость, снижавшуюся по мере расхождения к краям.

Второй: изящный стул с гнутыми ножками лощёных лозовых изгибов, поставлен точно напротив первого, его остов—от верха до сиденья и далее до основания—покрыт тёмным коричневым лаком, сиденье – яркий круг белого плетёного тростника.

Какая значимость была присуща этой паре стульев?

Значимость сочетаемости, осанки, символизма, косвенного доказательства неизбывной суперманентности.

Что заняло позицию первоначально отводившуюся серванту?

Вертикальное пианино (Кетби) с распахнутой клавиатурой, на опущенной крышке ящике покоились пара жёлтых дамских перчаток и эмеральдовая пепельница содержавшая четыре горелые спички, частично выкуренную сигарету и два утративших цвет сигаретных

окурка, пюпитр поддерживал ноты СТАРОЙ СЛАДКОЙ ПЕСНИ ЛЮБВИ (слова Дж. Клифтона Бингхема, музыка Дж. Л. Моллоя, из репертуара мадам Антуанетты Стерлинг) в тональности соль-мажор для голоса и рояля, раскрытые на последней странице с финальными знаками: *ad libium, forte*, педаль, *animato*, сдержанно, педаль, *ritirando, coda.*

С какими ощущениями Цвейт созерцал, попеременно, эти предметы?

С напряжённостью – приподымая подсвечник; с болью – чувствуя на правом виске вздутие от ушиба; с сосредоточенностью – фокусируя свой взгляд на массивном, пассивно тёмном, и изящном, активно ярком; с заботливостью – склонясь оправить книзу задравшийся коврикокрай; с усмешливостью – вспоминая цветовую гамму расцветки д-ра Малачи Малигана (градации зелёного); с удовольствием – повторяя ту отповедь и предваряющее действие, а также ощущая через различные каналы внутреннего чувствования постепенное соответствующе тепловатое растекание последовавшего рассасывания.

Его дальнейшие действия?

Потянув ящик майоликокрытого стола, он извлёк крохотный чёрный конус, в дюйм высотой, опустил его круглое основание на маленькое жестяное блюдце, поставил свой подсвечник на правый угол каминной доски, достал из жилетного кармана сложенный листок проспекта (иллюстрированного), озаглавленного Ажендат Нетайм, развернул, бегло взглянул, свернул в тонкую трубочку, которую зажёг от пламени свечи и поднёс, после возгорания, к вершине конуса, покуда та не перешла в состояние плавления, положил трубочку в чашечку подсвечника, располагая уцелевшую часть таким образом, что способствовал полному её сгоранию.

Что последовало за этой операцией?

Усеченный конус вершины крохотного вулкана испустил вертикально вьющийся дымок, распространявший запах восточного ароматического благовония.

Какие омотетичные предметы, помимо подсвечника, стояли на каминной доске?

Часы коннемарского мрамора с прожилками, остановленные на 4:46 утра 21 марта 1896, свадебный подарок Мэттью Дилона: карликовое дерево глациального древообразования под прозрачным колпаком, свадебный подарок Люка и Каролины Дойл: чучело совы, свадебный подарок олдермена Джона Хупера.

Какой состоялся обмен взглядами между данными тремя предметами и Цвейтом?

Отражаясь в стекле вделанного в часы зеркальца с золочёной каймой, неукрашенный тыл карликового деревца смотрел на распрямлённую спину набальзамированой совы. Перед зеркальцем, свадебное подношение олдермена Хупера смотрело на Цвейта чистым, меланхоличным, мудрым, ясным, недвижным, сочувственным взором, тогда как Цвейт затуманеным, спокойным, глубоким, недвижным взглядом смотрел на свадебный дар Люка и Каролины Дойл.

Какой составной ассиметричный образ в зеркале привлёк затем его внимание?

Образ одинокого (ипсорелятивного) изменчивого (алиорелятивного) мужчины.

Почему одинокий (инсорелятивный)?

Братьев-сестёр нет у него, а папенька родный был сыном деда его.

Почему изменчивый (алиорелятивный)?

От младенчества до зрелости он походил на свою материнскую сотворительницу. От зрелости и до сенильности он всё более станет уподобляться своему отеческому сотворцу.

Какое заключительное визуальное впечатление сообщило ему зеркало?

Оптическое отражение ряда перевёрнутых томов среди—поставленных как попало и не в алфавитном порядке—книг на двух книжных полках напротив.

Каталог этих книг.

ТОМСОВ УКАЗАТЕЛЬ ДУБЛИНСКОЙ ПОЧТОВОЙ СЛУЖБЫ, 1886.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Дэниса Флоренса М'Карти (медная закладка в виде букового листка за 5 пенс.).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Шекспира (тёмно-малиновый сафьян, золотое тиснение).

УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЙ СЧИСЛИТЕЛЬ (коричневый переплёт).

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ДВОРА ЧАРЛЬЗА III (красный переплёт, тиснённая обложка).

ДЕТСКИЙ СПРАВОЧНИК (синяя обложка).

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЬЧИШКАМИ Вильяма О'Брайана, Чл. П. (зелёный переплет, чуть выцветший, в качестве закладки – конверт на стр. 217).

МЫСЛИ СПИНОЗЫ (тёмно-бордовая кожа).

ИСТОРИЯ НЕБЕС сэра Роберта Болла (синий переплёт).

ТРИ ПОЕЗДКИ НА МАДАГАСКАР Эллиса (коричневый переплёт, название стерлось).

ЗАПИСКИ СТАРК-МУНРО Конан Дойля, собственность Публичной Библиотеки Дублина, Капел-Стрит, 106: выдана 21 мая (канун Белых Риз) 1904 до 4 июня 1904, возврат просрочен на 13 дней (чёрная матерчатая обложка с белым билетиком регистрационного индекса).

ВОЯЖИ "СТРАННИКА" В КИТАЙ (обёрнута коричневой бумагой, название красными чернилами).

ФИЛОСОФИЯ ТАЛМУДА (шитая брошюра).

Локартова ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА (без обложки, заметки на полях, преуменьшающие победы и превозносящие удачи противника).

Soll und Haben Густава Фрайтага (чёрный корешок, готический шрифт, закладкой отрезок папиросной бумаги на стр. 24).

Ходиерова ИСТОРИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (коричневый переплёт, 2 тома, с наклейкой "Гарнизонная библиотека. Губернаторский Плац, Гибралтар" на обороте обложки.)

ЛОРЕНС БЛУМФИЛЬД В ИРЛАНДИИ Вильяма Алтингхема (второе издание, зелёный переплёт, золочёный знак трилистника, имя прежнего владельца на обороте форзаца стерто).

КАРМАННАЯ АСТРОНОМИЯ (обложка—коричневая кожа—отслоилась, 5 иллюстраций, старинная печать высоким праймером, подстраничные примечания автора нонпарелью, отсылки на полях петитом, заголовки малой пикой).

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ХРИСТА (чёрная обложка).

ДОРОГОЙ СОЛНЦА (жёлтый переплёт, титульная страница отсутствует).

ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА И КАК ЕЁ ОБРЕСТИ Юджина Сендоу (красный переплёт).

КРАТКiЯ НО ДОСТУПНЫЯ НАЧАТКИ ГеОМеТРiИ писаны на французскомъ и переведены на английскiй Джоном Харисом Д. Б., Лондонъ, отпечатано у Р. Кнаплока в Бишоп-Хедъ с посвященiем достойному его другу Чарльзу Коксъ, эсквайру. Члену Парламента от града Саутваркъ, и имеющую каллиграфическое заявление

чернилами на форзаце что "книга сiя есть собственность Майкла Галлахера" датированное "сего 10-го дня Мая месяца 1822 года" с присовокуплением просьбы к лицу нашедшему её "ежели книга будет утеряна или заблудит, возвернуть ея Майклу Галахеру, плотнику, Дуфери Гейтъ, Энискорти, графство Виклоу, прекраснейшее место в мире").

Какими размышлениями был занят его ум, по ходу переворачивания перевёрнутых томов?

Необходимость порядка, место для всего и всё на своем месте; недостаточное почтение к литературе, отличающее женщин; несочетаемость, как в случае яблока вклиненного в фужер и зонта опертого о стульчак; ненадёжность припрятывания секретного документа любой важности за, под или между страницами книги.

Какой из томов был самым объёмистым?

Ходиерова ИСТОРИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Что, среди прочих данных, содержал второй том данного труда?

Название решающего сражения (забылось), которое часто поминал бравый офицер, майор Брайан Купер Твиди (помнимый).

Почему, во-первых и во-вторых, он не проконсультировался с данным трудом?

Во-первых, чтоб поупражнять мнемотехнику;

во-вторых, потому что после краткосрочной амнезии, сидя за столом по центру, собираясь проконсультироваться с данным трудом, он вспомнил (посредством мнемотехники) название военной баталии

– Плевна.

Что вызывало удовлетворённость в его сидячем положении?

Непорочность, нагота, поза, спокойствие, молодость, грация, пол, назидательность стоячей в центре стола статуэтки—воплощение Нарцисса—приобретённой на аукционе у П. А. Рена, Бачлор-Бульвар, 9.

Что причиняло раздражение в его сидячем положении?

Охватывающее давление воротничка (размер 17) и жилета (5 пуговиц), двух предметов одежды излишних в костюме зрелых мужчин и неэластичных к изменениям раздающейся массы.

Как было снято раздражение?

Он расстегнул воротничок на своей шее с продёрнутым чёрным галстуком и выпадающей булавкой и положил на стол слева. Затем были последовательно возвратно-направленно расстёгнуты жилет, брюки, рубаха и нижняя рубашка вдоль медиальной линии неравномерно вьщихся чёрных волос, распространявшихся в треугольной конвергенции от тазовой полости поверх брюшной окружности и остаточной пуповины вдоль медиальной линии пресса до уровня шестого пекторального позвонка, откуда они расходились в обе стороны под прямыми углами, завершаясь кругами вокруг двух равноудаленных точек, справа и слева, на вершинах сосковых выбуханий. Он расстегнул последовательно каждую из шести (минус одна) встёгнутых брючных пуговиц, расположенных парами, из которых одна – неполная.

Какие последовали непроизвольные действия?

Он защипнул 2-мя пальцами кожу окружноприлегающую к рубцу в левой подгрудной области, пониже диафрагмы, образовавшемуся от укуса нанесённого пчелой 2 неделями и 3 днями ранее (23 мая 1904). Он рассеяно почесал правой рукой, хоть и не ощущал зуда, различные точки и поверхности его частично обнажённой полностью омытой кожи. Он ввёл левую ладонь в левый нижний карман своего жилета, откуда извлёк и вновь вернул на место серебряную монету (1 шилинг), помещенную туда (скорее всего) по случаю (17 октября 1903) похорон м-с Эмили Синико, Сидней-Парад.

Сводка бюджета на 16 июня 1904

ДЕБЕТ	**ф**	**ш**	**п**
1 свиная почка	0	0	3
1 экземпляр ЖУРНАЛА НЕЗАВИСИМОГО	0	0	1
1 ванна и чаевые	0	1	6
1 поездка трамваем	0	0	1
1 взнос в память Патрика Дигнама	0	5	0
2 пирожка Бембери	0	0	1
1 ланч	0	0	7
1 оплата стоимости книги	0	1	0
1 набор бумаги для заметок и конверты	0	0	2
1 обед и чаевые	0	2	0
1 один почтовый перевод и марки	0	2	0
1 поездка трамваем	0	0	1
1 одна свиная ножка	0	0	4
1 баранья ножка	0	0	3
1 плитка беспримесного шоколада Фрая	0	0	1
1 буханка содового хлеба	0	0	4
1 кофе и булочка	0	0	4
Займ (Стефен Дедалус) возвращённый	1	7	0
КРЕДИТ	**ф**	**ш**	**п**
Наличность	0	4	9
Комиссионные от ЖУРНАЛА НЕЗАВИСИМОГО предстщ.	1	7	9
Займ (Стефен Дедалус)	1	7	0
БАЛАНС	**ф**	**ш**	**п**
	2	19	3

Продолжился ли процесс разоблачения?

Чувствуя доброкачественную, непроходящую боль в своих ступнях, он вытянул ногу в сторону и обозрел складки, вытарчивания и наморщенности, как следствие нажимов ногой в продолжение неоднократной ходьбы в различных переменных направлениях, затем, склонившись, он развязал шнуроузелки, выпростал и послабил шнурки, снял каждый из своих ботинков (во второй раз) отлепил частично увлажнённый правый носок, через переднюю часть которого опять выдрался ноготь его большого пальца, приподнял правую ногу и, отстегнув лиловую эластичную подтяжку, снял правый носок, поместил босую правую ступню на край сиденья своего стула, поколупал и мягко отодрал выступающую часть ногтя большого пальца, поднял отодранную часть к ноздрям и нюхнул запах подноготины, после чего удовлетворённо отшвырнул отодранный ногтевой кусочек.

Почему удовлетворённо?

Потому что нюхнутый запах совпадал с другими запахам, нюхнутыми от других ногтевых кусочков, отколупываемых и скрупулёзно отдираемых мастером Цвейтом, учеником мальчиковой школы м-с Элис, по ходу ежевечернего коленопреклонения в молитве на сон грядущий и амбициозной медитации.

В какую окончательную амбицию все сопредельные и последующие амбиции сливались теперь?

Не вечное владение полученного в наследство по праву первородства, внутрисемейной или младшесыновьей доли, обширного поместья с обильным количеством акров, рудов и перчей статутной земельной меры, стоимостью в 42 фунта за акр, из пастбищных и торфяных угодий, и не частная собственность на

баронский замок с привратницкой и подъездной дорожкой, либо, с другой стороны, на дом с террасой или полуотстоящую виллу, именуемой *Rus in Urbe* или *Qui si sana*, но приобретение по личному договору, с оплатой взносами, простого 2-этажного жилого дома в псевдостиле, увенчанного флюгером над двускатной крышей типа "бунгало" и молниепроводным заземлением, с крыльцом увитым паразитическими растениями (плющ или вирджинский вьюнок), с превосходной матовой полировкой оливково-зелёной входной двери с сияющими медными ручками, с оштукатуренным фасадом и позолоченным орнаментом вдоль карниза, а на фронтоне, желательно, небольшой выступ балкона, с которого открывается приятный вид поверх каменного столбчатого парапета на прилегающее, но не используемое и незанимабельное пастбище, и на 5 или 6 акров собственного участка земли расположенного на таком удалении от ближайшей общественной магистрали, чтоб по вечерам свет дома пробивался бы поверх и сквозь скоророслую живую изгородь декоративной подстрижки, с общим местонахождением в некоей точке не ближе 1 статутной мили от городской черты, но вместе с тем не далее чем в 5 минутах от трамвайной или железнодорожной линии (напр. Дандрам, юг, или Саттон, север, обе местности, в отзывах о них, равным образом уподобляются земным полюсам в смысле благотворности климата на склонных к чахотке), причём усадьба была бы арендована на срок в 999 лет, жилая площадь состояла бы из 1 гостиной комнаты с эркером (2 арки) и встроенным термометром, 1 общей комнаты, 4 спален, 2 комнат для прислуги, где имелись бы также: облицованная плиткой кухня с закрытой плитой и посудомойкой, диванная со стенными шкафами для белья, секционные книжные шкафы морёного дуба с томами энциклопедии Британника и Словаря Нового Столетия, скрещения из архаичного средневекового и восточного оружия, обеденный гонг, алебастровый светильник, висячая ваза, эбонитовый телефонный аппарат с прилагаемым справочником, акминстерский ковёр ручной работы с кремовой основой и бахромой по краям, карточный столик с

витыми ножками, камин с массивной решёткой и каминные часы-ходики золочёной бронзы, выверенный хронометр с кафедральным боем, барометр с гидрографической таблицей, удобные кресла и угловые оттоманки, обитые рубиновым плюшем с тугими пружинами и втопленным центром, трёхстяжная японская ширма и плевательница (клубный стиль, кожа густого винного цвета, блеск восстанавливается минимумом усилий с применением льняного масла и уксуса) и пирамидально-призматическая центральная люстра-канделябр, гнутый деревянный насест с ручным попугаем (цензурных выражений), тиснёные настенные обои по 10\ – за дюжину, с пересекающимися гирляндами пунцового растительного узора и верхним коронным бордюром, лестница, три долгих пролёта под последовательными прямыми углами, ступени неокрашеного полированного дуба, невел, балюстры и перила обшиты вертикальной панелью – натёртые камфорным воском, ванная с горячей и холодной водой – раздельные душ и ванна; ватер-клозет в мезонине, снабжённый матовым одностворчатым продолговатым окном – откидное сиденье, лампа-бра, латунная трость спуска, подлокотники, скамеечка для ног, и художественная олеография на внутренней стороне двери: ещё один, но попроще: апартаменты прислуги, с отдельными санитарными и гигиеническими необходимостями, для повара, постоянной и нанимаемой служанок, (жалованье с двугодичной прибавкой в 2 фунта, с ежегодной страховой премией за всемерную преданность (1 фнт. ст.) и пенсионное пособие, по достижении 65 после 30 лет службы, ложечная, кладовая для хлеба, кладовая для мяса, холодильник, внешние службы, угольный и дровяной подвал с клетушкой под вина (спокойные искристые сорта) для особых гостей, званых на обед (вечерний костюм), изрядный запас углекислого газа.

Какими дополнительными привлекательностями мог бы располагать такой участок?

В виде дополнения: теннисный и гандбольный корт, кустарник, стеклянная теплица с тропическими пальмами, возделанная в наилучших ботанических традициях, уголок камней с водобрызгом, пчелиный рой, организованный на принципах сходных с общественным устройством у людей, овальные цветочные клумбы в прямоугольных газонах, с посаженными эксцентрическими эллипсами алых и жёлтых тюльпанов, с синими скиллами, крокусами полиантами, турецкой гвоздикой, душистым горошком, майским ландышем, (луковицы продаются у сэра Джеймса В. Маклея (лимитед) торговец (оптом и в розницу) семенами и луковицами, он же садовод-агент по химическим удобрениям, Саквилла-Стрит, 23, Верхняя), сад, огород и виноградник, охраняемые от незаконных проходимцев ограждением каменной кладки с битым стеклом поверху, сарай с висячим замком для различных усовершенствованных орудий.

Типа как?

Верши для угрей, ловушки для раков, удочки, топорик, весы-балансир, точило, борона, яба, экипажный сундук, лестница-стремянка, 10-зубчатые грабли, сабо для стирки, сеноворошилка, боковые грабли, садовый нож, банка краски, кисть, мотыга и так далее.

Какие могли бы впоследствии вводиться усовершенствования?

Крольчатник и курятник, голубятня, ботаническая оранжерея, 2 гамака, (дамский и для джентельменов), солнечные часы, затенённые или обвитые ракитником или сиренью, экзотичный гармонично подобранный японский звонок-колокольчик, прикреплённый к левому боковому столбу ворот, вместительная бочка для дождевой воды, газонокосилка с боковым выбросом и ящиком для травы, газонополивалка с гидроприводным шлангом.

Какие средства передвижения были бы желательны?

Когда в город, железнодорожное или трамвайное сообщение частого отправления от их, респективно, промежуточной или конечной станций. Когда в сельскую местность, велосипеды, свободноколёсный дорожный велосипед без цепного привода, с боковой тележкой для корзины, либо тягловое средство – осёл с одноосной тележкой или шикарный фаэтон с хорошим коренастым твердокопытным тяжеловозом (пегий мерин, 14 вршк.).

Как можно бы назвать данное возводимое или уже отстроенное жилище?

Цвейт Коттедж, Св. Леопольдус, Процветвилль.

Удавалось ли Цвейту с Эклес-Стрит вообразить Цвейта из Процветвилля?

В просторной чистошерстяной одежде и Хэрисовой твидовой кепке, цена 8\6, и в удобных садовых башмаках с эластичными вставками, с лейкой в руках, сажающим рядок молодых ёлочек, шприцующим, колирующим, подпирающим, травосеющим, катящим гружёную зеленью одноосную тачку, без чрезмерного утомления, на закате, среди запахов свежескошенного сена, мелиоратирующим почву, преумножающим мудрость, достигающим долгожительства.

Какой перечень интеллектуальных увлечений представлялся совместимо возможным?

Мгновенная фотография, сравнительное изучение религий и фольклора о различной любовной и суеверной обрядности, созерцание небесных созвездий.

Какие разминочные виды отдыха?

На воздухе: садовые и полевые работы: велосипедная езда по ровногравийным обочинам, восхождение на умеренно высокие холмы, купание в уединённых проточных водоёмах и необременительное речное плавание в надёжном челноке или лёгкой шлюпке с якорем-кошкой, по плесам свободным от водоворотов и порогов (период эстивации), вечерний обход или верховая прогулка с разглядыванием стерильного ладшафта и контрастно приятственных огней дымящего чёрного торфа (период гипернации).

В помещении: раздумья, в утеплённой безопасности, о неразгаданных исторических и криминалистических проблемах: лектура нецензурированных экзотичных эротических шедевров: домашнее плотничанье с набором инструментов включающем в себя молоток, шило, гвозди, шурупы, обойные гвозди, бурав, клещи, рубанок и отвертку.

Мог ли он стать джентельменом-фермером по производству продукции полей и животноводства?

Ничего невозможного, с 1 или 2 дойными коровами, 1 холмом для сенокоса и реквизитом фермерских орудий, напр. продольная маслобойка, свеклорезка и т. п.

Какими были бы его гражданские функции и социальный статус среди сельских семей и поместного дворянства?

Вхождение в последовательно повышающиеся властные структуры иерархического порядка в качестве садовода, держателя спортплощадки, семякультиватора, племязаводчика, и—в зените своей карьеры—как резидент-магистрата или мирового судьи, с фамильным гербом и надщитным украшением с подходящим классическим девизом (*Semper paratus*), надлежащим образом внесенный в Судебный Справочник (Цвейт, Леопольд, Чл.П., Пр. Сов., Кор. П., *Dr. honoris causa*, Процветвилль, Дандрам), и упоминаемый в судебных и

великосветских новостях (м-р и м-с Цвейт отбыли из Кингстауна в Англию).

Какую линию поведения определял он для себя в таком своём качестве?

Линию пролегающую между небоснованной снисходительностью и чрезмерной суровостью: отправление правосудия в гетерогенном обществе переменчивых классов, постоянно переустраивающемся, от большего к меньшему социальному неравенству, соблюдение непредвзято неоспоримого гомогенного закона, умеряемое как можно более широкими поблажками, но по всей строгости до последнего фартинга с конфискацией имущества, недвижимого и личного, в пользу короны. При его лояльности к верховной конституционной власти в стране и будучи движимым врождённой любовью к справедливости, он избрал бы целью неуклонное поддержание общественного порядка, подавление вопиющих злоупотреблений, хотя и не всех одновременно (реформа или экономия любого уровня всеобъемлемости является всего лишь предварительной мерой, необходимо составным производным окончательного решения), придерживаясь буквы закона (Общего, Статутного и Коммерческого Права) против всяческих посягновений по сговору и всевозможных действий попирающих указы и постановления, против любых реаниматоров вышедших из употребления венвильных прав (типа проникновения в чужие владения для покражи мелкой растопки), против всех ораторствующих подстрекателей межнациональной розни и неприязни, междержавных междуусобиц, против всех пошлых докучателей семейственной благоустроенности, всех закоренелых посягателей на одомашненное супружество.

Доказать что его с ранней юности отличала любовь к истине.

Мастеру Джону Апджону в Средней Школе, в 1880, открыл он своё неверие в доктрину Ирландской (протестантской) церкви (к которой его отец Рудольф Виреж, позднее Рудольф Цвейт, был приобщен и обращён из иудейской веры в 1865 Обществом по распространению христианства среди евреев), впоследствии отринутой им ради римского католицизма в период его намерения вступить в брак в 1888. Даниелю Магрейну и Френсису Вейду, в 1882, в пору юношеской дружбы (оборванной скоропостижной эмиграцией первого) он пропагандировал при ночных прогулках политическую теорию колониальной (т.е. Канадской) экспансии и эволюционную теорию Чарльза Дарвина, изложенную в ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА и ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ. В 1885 он публично выразил поддержку коллективной и национальной экономической программе, отстаиваемой Джеймсом Финганом Лалором, Джоном Фишером Мюреем, Джоном Митчелом, Дж. Ф. Х. О'Брайаном и другими, аграрной политике Майкла Дэвитта, конституционалистской агитации Чарльза Стюарта Парнелла (Чл. П. от города Корк), программе мира, экономической политике и реформам Вильяма Эверта Гладстона (Чл.П. от Мидлтона, Сев. Англ.) и, в подтвержение своих политических убеждений, он вскарабкался в надёжное место среди развилок дерева на Нотумберланд-Роуд, пронаблюдать вхождение (2 февраля 1888) в столицу демонстративного факельного шествия 20 000, разделённых на 120 цеховых корпораций, несущих 2000 факелов в эскорте маркизы Рипонской и Джона Морлея.

Каким образом и в каких пределах предполагал он финансировать проживание в данной стране?

Как и в проспектах Финансируемого Государством Национализированного Строительного Общества Воспомоществования Акклиматизации Трудолюбивых Иностранцев (год учреждения 1874): максимальная сумма в 60 фунтов ст. в год, являясь 1/6 гарантированного дохода от облигаций с золотым

обрезом, представляет собой 5%-ный простой налог на капитал в 1200 фунтов ст. (из расчёта суммы выплат на протяжении 20 лет), 1/3 которого вносится в момент приобретения, баланс в виде годовой ренты, а именно, 800 фунтов ст. плюс 2½ % от них же, с выплатой поквартально регулярными ежегодными взносами до истечения амортизации займа, предоставленного с погашением в течение 20 лет, составит 64 фунта ст. годовой ренты, включая основную ренту, с сохранением права владения за заимодавцем или заимодавцами и с подстраховывающей оговоркой, предусматривающей принудительную продажу, отмену и общую компенсацию в случае хронической неуплаты соответственно оговорённым условиям, в противном же случае и дом, и земельный участок переходят в полную собственность жильцов по истечении предусмотренного числа лет.

Какие ускоренные, но сомнительные способы обогащения помогли бы немедленно разбогатеть?

Собственный беспроволочный телеграф, который посредством системы точек и тире передал бы результат национального конного заезда (по ровной местности или в стиплчейзе) на одну милю или более миль, с победой аутсайдера на финише, при ставках 50 к 1, в 3 ч. 08 мин. (время по Гринвичу) в Эскоте, с использованием полученного сообщение для делания ставок в Дублине в 2.59 (время по Дансинку).

Неожданная находка предмета большой денежной стоимости, как то: драгоценный камень, ценные наклеиваемые или впечатанные почтовые марки (7 шилингов, розовато-зелёная, синяя перфорированная бумага, Великобритания 1855: 1 франк, серая официальная, прокатанная: диагональная двойная печать Люксембург, 1878), старинный династический перстень, уникальная реликвия в необычном месте хранения либо доставленная необычными способами: по воздуху, (оброненный пролетающим орлом) из огня (среди обугленных остатков сгоревшего строения), из моря (среди

плавняка, сушняка, обломков и брошенных плавсредств), на суше (в зобу домашней птицы).

Дар от испанского узника заморского сокровища из драгоценностей или монет, или золотых слитков, помещённых в платежеспособную банковскую корпорацию 100 лет назад с 5% сложных процентов, общей стоимостью в 5 000 000 стр. (пять миллионов фунтов стерлингов).

Контракт с опрометчивым подрядчикам на доставку 32 партий груза какого-нибудь товара, из расчёта оплаты при доставке увеличиваемой в геометрической прогрессии умножения на 2 от начальных ¼ пенса (¼ п., ½ п., 1 п., 2 п., 4 п., 8 п., 1ш. 4 п., 2 ш. 8 п., до 32 раз).

Разработка системы основанной на закономерностях теории вероятности, чтобы сорвать банк в Монте-Карло.

Решение общемировой проблемы квадратуры круга, правительственная премия 1 000 000 стерлингов.

Мыслимо ли достижение несметного состояния посредством сферы производства?

Заявка на дунамы целинной песчаной почвы, предлагаемой в проспекте Ажендата Нетайма (Бляйбтройштрассе, Берлин, В 15) для разведения апельсиновых плантаций и арбузных бахчей, либо лесонасаждений.

Утилизация использованной бумаги, шкурок канализационных грызунов, людских экскрементов с содержанием химических элементов: ввиду громадности производства первой, неисчислимости вторых и необъятности третьих, каждое нормальное человеческое существо средней бодрости и аппетита ежегодно поизводит, без учета побочных водных продуктов, в общей сложности 80 фунтов (смешанная животная и растительная диета), которые умножаются на 4 386 035, т.е. на общую численность населения Ирландии по итогам

переписи 1901.

Имелись ли планы более широкого охвата?

Проект, которому также требовалась чёткая формулировка для представления на рассмотрение портовыми властями, о применении белого угля (гидрольной энергии) и возведении гидроэлектростанции в точке наивысшего прилива у Дублинской дамбы, либо на водном потоке Пулафока или Поверскорт, или в руслах основных рек, для экономичного производства 500 000 квт. электричества.

Проект о перекрытии полуостровной дельты Норт Бума у Доллимонт и сооружении на прибрежном пространстве—пока что используемом как площадки для гольфа и в качестве ружейных стрельбищ—асфальтированной эспланады с казино, киосками, галереями для стрельб, отелями, пансионатами, читальнями, заведениями для купания (смешанного).

Проект использования собачьих тележек и козлиных упряжек для доставки раннего утреннего молока.

Проект развития ирландского туризма в и вокруг Дублина, посредством речных катеров на бензиновом ходу, применяемых на речном фарватере между Айленд-мостом и Рингсендом, шарабанов, узкоколейных местных железных дорог и прогулочных пароходов для прибрежной навигации (10\ – с особы в день, включая услуги трилингвального гида).

Проект возобновления пассажирского и грузового движения по ирландским водным путям сообщения, коли освободить от водорослевых напластований.

Проект трамвайной линии связующей Рынок Скота (Северная Окружная-Роуд и Прусская-Стрит) с пристанями (нижняя Шериф-Стрит, Восточная Стена) параллельно железнодорожной линии Линк, что прошла бы от Великой Южной и Западной Железнодорожных Линий, по выгону для скота между железнодорожным узлом Лиффей и конечной станцией Мидландской Великой Западной Железной

Дороги, Северная Стена, с 43 по 45, до конечных станций Великой Центральной железной дороги, Мидландской Английской Железной Дороги, Пакет-Пароходной компании города Дублина, Ланкаширской-Йоркширской Железнодорожной Компании, Пакет-Пароходной Компании Глазго, Дублин и Лондондерри (линия Лейрд), Британской и Ирландской Почтово-Пароходной Компании, Пароходов Дублина и Моркемба, Лондонской и Северо-Западной Железнодорожной Компании, Дублинского порта и доков, Крытых Пристаней и перевалочных навесов Пелгрейва, Мерфи и Компании, пароходовладельцев, агентов пароходных линий Средиземноморья, Испании, Португалии, Франции, Бельгии и Голландии по транспортировке живого груза и проекты дополнительных путей для эксплуатации Дублинской Объединённой Трамвайной Компанией, лимитед, окупящиеся проездной платой от скотоводов.

Какое предварительное условием явилось бы отправной точкой дла заключения подряда на некоторые из подобных проектов?

Полное обеспечение необходимой суммы могло бы гарантироваться дарственной с вручением ваучеров при жизни дарителя, либо по его завещанию, после безболезненной кончины его же—кого-нибудь из выдающихся финансистов (Цвейт-Паша, Ротшильд, Гугенхайм, Хирш, Монтефиоре, Морган, Рокфеллер) располагающего 6-значным состоянием, накопленным в результате преуспеяния на протяжении жизни—для объединения капитала с возможностью исполнения предпринимаемого дела.

Что могло бы сделать его совершенно независимым от такого условия?

Независимое открытие неисчерпаемого золотоносного рудного пласта.

По какой причине обдумывал он столь сложные к исполнению проекты?

Одна из его аксиом сводилась к тому, что медитации такого рода, либо отстранённое отношение к себе в повествовании про самого себя, либо упокоенное припоминание прошлого, регулярно практикуемые перед отходом ко сну снимают усталость и, в результате, дают глубокое отдохновение и обновлённую жизнеспособность.

Его основания?

Как физик, он установил, что из 70 лет полнокровной человеческой жизни самое малое 2/7, т.е. 20 лет, проходят во сне.

Как философ, он постиг, что к моменту завершения любой жизни выпавшей на долю любой особы осуществлённой оказывается лишь незначительная часть желаний.

Как физиолог, он верил в искусственное снятие вредоносных воздействий осуществляющееся, главным образом, в сонном состоянии.

Чего он боялся?

Совершить человекоубийство или самоубийство в состоянии сна, при отключённом света сознания – неизмеримого категоригориального разума, размещённого в церебральных извилинах.

Чем, обычно, наполнялись его заключительные медитации?

Небывалой, неповторимой уникальной рекламой, от которой прохожие замрут в восхищении – плакат-новшество, очищенный от всех ненужных наслоений, низведённый до наипростейших и самых действенных форм, не выходящих за пределы казуального видения и

соотвествующих ускоренному ритму современной жизни.

Что содержал первый отпёртый ящик стола?

Форстерскую тетрадь для чистописания, собственность Милли (Милисенты) Цвейт, некоторые страницы которой представляли схематичные наброски подписанные ПАПЛИ, изображавшие большую шарообразную голову с 5-ю стоячими волосами, 2-мя глазами в профиль, полное туловище с тремя большими пуговицами, 1 треугольную ногу; две пожелтелых фотографии королевы Александры Английской и Мод Бранском, актрисы и профессиональной красавицы; рождественнскую открытку с живописным изображением паразитического растения, надписью *Mizpah*, датированную рождеством 1892, имя отправителя от м-ра и м-с Комерфорд, на обороте: Пусть с рождеством постучат в вашу дверь радость и мир, счастье без мер; плитка красного, частью растопленного, сургуча, приобретённая в универсальном магазине г.г. Хелис, Лимтд, Дейм-Стрит 89, 90 и 91; коробка, содержащая остатки набора золочёных перьев "Джай" для ручек, приобретенных в том же универмаге той же фирмы; старое песочное стекло для пересыпания содержащегося в нём песка, который пересыпался; запечатанное пророчество (никогда не вскрытое) составленное Леопольдом Цвейтом в 1886, касательно последствий принятия парламентом билля о Самоуправлении Вильяма Эсверта Гладстона от 1886 (так никогда и не ставшего законом); билетик с базара, N 2004, Благотворительной Ярмарки Св. Кевина, цена 6 п., 100 призов; детская записка датированная понедельником с маленькой "пе", гласящая: заглавная "пе" Папли, запятая, заглавная "ка" Как ты, знак вопроса, заглавная "я" Я очень хорошо, точка, с новой строки подпись с заглавной, в завитушках, "эм" Милли, точки нет; камея-брошь, собственность Эллен Цвейт (урождённая Хиггинс), покойной; 3 отпечатанных на машинке письма, адресат Генри Цветон, через п.о. Вестланд-Роуд, отправитель. Марта Клиффорд, через п.о. Долфинз-Барн; переиначенные имя и адрес отправительницы 3 писем

в обратноалфавитной построфодентной пунктированной квадролинейной криптограмме (гласные опущены) Н. ЙТС./ВЙ.УУ.ОХ/ В.ОКС.МЧ/Л.ЙМ; газетная вырезка из английского еженедельного издания СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО, о телесных наказаниях в школах для девочек; розовая лента, украшавшая пасхальное яйцо в 1899 году; пара резиновых частично развёрнутых презерватива с резервными кармашками, куплены по почте от Ящик 32, п.о. Чаринг-Кросс, Лондон, З.Р.; 1 пачка 1 дюжины глянцевых конвертов и легколинованных листов бумаги, уже израсходованные до 3; несколько австро-венгерских монет различного достоинства; 2 купона Королевской и Привилегированной Венгерской Лотереи; слабое увеличительное стекло; 2 эротические фотокарточки представляющие 1) орогенитальную коицию между нагой сеньоритой (вид сзади, позиция сверху) и нагим тореро (вид спереди, позиция снизу), 2) анальное вторжение духовным лицом мужского пола (одет полностью, взгляд отведен) духовному лицу женского пола (одета частично, взгляд в камеру) купленные по почте от Ящика 32, п. о. Чаринг-Кросс, Лондон, З. Р.; газетная вырезка с рецептом обновления старых ботинков; 1 п. марка для наклеивания, цвет лаванды, периода царствования Королевы Виктории; таблица обмеров Леопольда Цвейта, составленная до, во время и после 2 месяцев последовательного применения Сендоу-Вайтлеева эспандера для упражнений (мужской 15\ -, атлетический 20\ -), а именно: грудь 28 дйм и 29 дйм, бицепсы 9 дйм и 10 дйм, предплечье 8 ½ дйм и 9 дйм, ляжка 10 дйм и 12 дйм, икры 11 дйм и 12 дйм; один проспект Чудодея, наилучшего в мире лекарства при жалобах связаных с задним проходом, прямо от Чудодея, Ковентри-Хаус, Саут-Плейс, Лондон, В. Р., адресованный м-с Л. Цвейт с краткой сопроводительной припиской начинающейся: Дорогая Мадам.

Процитировать текстуальные выражения, в которых проспект заявлял о преимуществах данного томатургического средства.

Излечивает и приносит облегчение при затруднённом испускании ветров, изумительно помогает природе пока вы спите, обеспечивая мгновенной выход газов, высвобождая естественные позывы и сохраняя чистоту соответствующих частей, выплата в размере 7\6 сделает из вас нового человека, а жизнь стоящей того, чтоб жить. Дамы находят Чудодея особенно полезным при ощущении восхитительного результата—ах, какая приятная неожиданность!—подобного глотку свежей весенней воды в знойный летний день.

Рекомендуйте его вашим знакомым дамам и джентельменам, это помощник на всю жизнь.

Вставлять длинным округлым концом. Чудодей.

Прилагались ли подтверждающие отзывы?

Немалым числом. От священослужителя, офицера британского флота, известного писателя, служащего, больничной сиделки, высокородной дамы, матери пятерых, рассеяного нищего.

Как заканчивался заключительный отзыв-свидетельство рассеянного нищего?

Очень жаль, что правительство не догадалось снабдить чудодеями наших солдат во время кампании в Южной Африке. Вот было бы облегчение!

Что за предмет добавил он к данной коллекции предметов?

Четвёртое отпечатанное на машинке письмо, полученное Генри Цветоном (пусть Г. Ц. будет Л. Ц.) от Марты Клиффорд (найти М. К.).

Какое приятное соображение сопровождало данное действие?

Мысль, что—не считая этого письма—на протяжении предыдущего дня его магнетичное лицо, фигура и обходительность вызвали благосклонность замужней женщины (м-с Брин, урождённая Жози

Повелл); медсестры мисс Коллан (имя неизвестно), девицы Гертруды (фамилия неизвестна).

Какую это сулило возможность?

Возможность в самом близком будущем поупражнять силу мужского обаяния, после дорогостоящего сна в частных апартаментах в компании элегантной куртизанки, телесно красивой, умеренно продажной, всевозможно обученной, благородного происхождения.

Что содержал второй ящик?

Документы: свидетельство о рождении Леопольда Паула Цвейта, страховой полис в 500 ф. ст. от Страхового Общества Шотландские Вдовы на Милисент (Милли) Цвейт, входящий в силу к 25 годам, с профитным полисом в 430 ф. ст., 462-40-0 ф. ст. и 500 ф. ст. к 60 годам, или смерти, 65 годам, или смерти, респективно; либо с профитныи полисом (оплаченным) в 229-10-0 ф. ст., вместе с выплатой наличными 133-10-0 ф. ст., навыбор; банковская книжка, выданная филиалом Ольстерского Банка на Колледж-Грин, отражающая состояние счёта за полугодие завершившееся 31 декабря 1903 – баланс в пользу вкладчика: 18-14-6 ф. ст. (восемнадцать фунтов четырнадцать шиллингов и шесть пенсов стерлингов) чистой наличности; сертификат на владение 900 ф. ст. в Канадских Правительственных Ценных Бумагах (подлежат бесплатной пересылке); квитанции Комитета Католических Кладбищ, (Гласневин) о приобретении могильного участка; вырезка из местной газеты о перемене фамилии через личное заявление.

Процитировать текстуальное содержание данного заявления.

Я, Рудольф Вireж, на данный момент проживающий в № 52 по Кланбрейсил-Стрит, Дублин, прибывший из Щомбатели в королевстве

Венгрия, сим извещаю, что мною принято решение отныне и впредь во всех случаях именоваться Рудольфом Цвейтом.

Какие ещё предметы касающиеся Рудольфа Цвейта (урождённого Вираж) находились во втором ящике?

Мутный дагерротип Рудольфа Виража и его отца Леопольда Виража, исполненный в 1852 году, в портретном ателье их (респективно) двоюродного дяди и двоюродного брата, Штефана Виража из Щесфехервара, Венгрия. Старинная атада-книга, в которой очки в роговой оправе с выпуклыми стеклами отмечали отрывок благодарений в ритуальных молитвах на Пессах (Прохождении); фотография Отеля Королевы, Энис, владелец Рудольф Цвейт; конверт адресованный МОЕМУ ДОРОГОМУ СЫНУ ЛЕОПОЛЬДУ.

Какие бессвязные обрывки фраз пробудило прочтение этих четырёх связных слов?

Завтра исполняется неделя как я получил... больше нет смысла, Леопольд... с твоей дорогой мамой... уже невозможно... для неё... для меня всё кончено... будь ласков к Ато, Леопольд... мой дорогой сын... всегда... меня... *das Herz... Gott... dein.*

Какие воспоминания о человеческом субъекте страдающем прогрессирующей меланхолией пробудили эти объекты в Цвейте?

Вдовый старик, нечёсанные волосы, в постели, укрывшись с головой, вздыхает: немочный пёс Ато: аконит, применяемый в возрастающих дозах в граммах и скрупулах, как паллиатив от рецидивной невралгии: посмертное лицо принявшего яд семидесятипятилетнего самоубийцы.

Почему Цвейт испытывал чувство раскаяния?

Потому что в незрелой нетерпимости он проявлял неуважение относительно некоторых верований и обычаев.

Как например?

Запрет на употребление мяса и молока в одном приёме пищи; еженедельный симпозиум неуправляемо абстрактных и конкретно пылко меркантильных когдатошнеединоверцев, бывшесоплеменников; обрезание младенцев мужского рода; сверхъестественный характер иудейского писания; необходимость тетраграммарона: святость субботы.

Какими представлялись ему эти верования и обычаи теперь?

Не более разумными, чем представлялись прежде, не менее разумными, чем прочие из имеющихся нынче обычаев и верований.

Каким было первое воспоминание о Рудольфе Цвейте (покойном)?

Рудольф Цвейт (покойный) пересказывает своему сыну Леопольду Цвейту (в возрасте 6), в ретроспективном расположении, о миграции и поселении в и между Дублином, Лондоном, Флоренцией, Миланом, Веной, Будапештом, Щомбатели, с выражением удовлетворенности (его дедушка видел Марию Терезу, императрицу Австрии и королеву Венгрии), с торговым поучением (заботиться о пенсах, фунты же сами о себе позаботятся). Леопольд Цвейт (6 лет) сопровождает эти повествования частой сверкой с географической картой Европы (политической) и предложениями об учреждении филиальных отделений бизнеса в различных упомянутых центрах.

Смогло ли время равным образом, но по-разному, стереть память об этих миграциях в рассказчике и в слушателе?

В рассказчике – под спудом лет и вследствие привыкания к наркотическому токсину, в слушателе – под спудом лет и вследствие отвлечения на опосредственные познания.

Какие идиосинкразии рассказчика являлись побочными проявлениями амнезии?

Порой он приступал к приему пищи не сняв предварительно шляпы. Порой он хлебал сок крыжовенного киселя со сливками прямо из приподнятой тарелки. Иногда он снимал следы пищи с губ порваным конвертом, или иным подвернувшимся клочком бумаги.

Какие два феномена сенильности проявлялись чаще всего?

Миопийное пересчитывание монет наощупь, отрыжка при насыщении.

Какой объект явился частичным утешением при этих воспоминаниях?

Страховой полис, банковская книжка, сертификат о владении бумагами.

Сократить Цвейта противоумножением на превратности судьбы, от которых эти обеспечения его предохраняли, и сведением всех положительных значений к отрицательному иррациональному мнимому множеству, которым можно пренебречь.

Последовательно в нисходящем илотическом порядке.

Бедность: как у бродячего разносчика фальшивых побрякушек, у сутяжника невозвращенных и спорных долгов, у сборщика налогов и

местных обложений среди бедноты.

Нищета: как у лопнувшего банкрота с ничтожным состоянием, выплачивающего 1 шил. 4 пенса за 1 фт. стр., у носильщика рекламы-сэндвич, у распространителя листков-воззваний, у ночного бродяги, у сплетника-прихлебателя, у матроса-калеки, у слепого юнца, у побирушки, у блюдолиза, у подлипалы, у крохобора, у получокнутого публичного посмешища в парке на скамье под драным зонтом.

Лишения: содержание в Доме Престарелых (Королевский Госпиталь), Килманхэм, содержание в Госпитале Симпсона для обедневших, но уважаемых людей страдающих подагрой, либо отсутствием зрения.

Апогей падения: слепой, беспомощный, ненужный, бесплатно кормимый, сбрендивший нищий на грани смерти.

С какими сопутствующими унижениями?

Бездушное безразличие прежде благосклонных представительниц женского пола, презрение со стороны мускулистых представителей мужского пола, принятие краюх хлеба, притворное неузнавание шапочными знакомыми, нападения незарегистрированных невакцинированных бродчих псов, детские обстрелы гнилыми овощами малой ценности, или вовсе никакой, или менее, чем никакой.

Чем подобное положените могло быть предотвращено?

Кончиной (смена состояния), отъездом (смена места).

Что предпочтительнее?

Второе, по линии наименьшего сопротивления.

Какие соображения делали это не столь уж и нежелательным?

Непрерывность сожительства, снижающая уровень общей терпимости к личностным недостаткам. Привычка к самостоятельным покупкам, всё более культивируемая. Потребность в противодействии непостоянным пребыванием постоянству безвыездности.

Какие соображения представляли это не такой уж и нерациональностью?

Затронутые стороны, соединившись, поплодились и размножились, в результате, произведя выхоженного до зрелости отпрыска; теперь, в случае разъединения, в целях распложения и размножения сторонам надлежало воссоединиться (что абсурдно) для воссоздания—повторным соединением—изначальной пары воссоединяющихся сторон (что невозможно).

Какие соображения придавали желательность подобным переменам?

Притягательный характер некоторых мест в Ирландии и заграницей, отражаемых на обычных географических картах полихромными контурами, а на гео-физических (картах же) указанием высот посредством линейных изобар.

В Ирландии?

Утёсы Мохера, ветровейные дебри Коннемары, озеро Нех с затонувшим и окаменевшим городом, Мостовая Великана, Форт Канден и Форт Карлайл, Золотая Долина Типеррари, острова Арана, пастбища королевского Мита, берест Бриджиты в Килдаре, королевская верфь Острова Королевы в Белфасте, Пороги Лосося, озёра Киларни.

Заграницей?

Цейлон (плантации пряностей для поставок чая Томасу Кернану, агенту Палбрука, Робертсона и К°, Минсин-Лейн, 2, Лондон, В. С., Дейм-Стрит, 5, Дублин), Иерусалим, святой город (с мечетью Омара и Дамасскими Воротами, цель скитальцев), пролив Гибралтар (уникальное место рождения Марион Твиди), Парфенон (хранилище статуй греческих голых божеств), денежный рынок на Уол-Стрит (что контролирует международные финансы), Плаза де Торос в Ла Линеа, Испания (где О'Хара кэмринский убил быка), Ниагара (по которому ни одна живая душа не спустилась без задоринки), земля эскимосов (мылоеды), запретная страна Тибет (откуда нет возврата странникам), Неаполитанский залив (повидав его, можно и умирать), Мёртвое Море.

С каким вожатайством, следуя каким знакам?

На море: ориентируясь на север, ночью по полярной звезде, расположенной в точке пересечения прямой линии проведённой через бету и альфу в Большой Медведице и поделённой внешне, за омегой, на гипотенузе прямоугольного треугольника образованного линией проведённой через альфу омегу и линией через альфу и дельту Большой Медведицы.

На суше: ориентируясь на восток, по двусферичной луне, мелькающей недовершённо сменяющимися долями лунных фаз через прореху сзади в неполностью сомкнутой юбке задрипанной телистой бродяжки; в дневное время – по столпу пыли.

Какое публичное объявление огласило бы об исчезновение ушедшего?

5 ф. ст. награды за потеряного, украденного, либо сбившегося с пути к своему месту обитания на Эклес-Стрит, 7, пропавшего джентл. около 40 лет, откликается на имя Цвейт, Леопольд (Полди), рост 5 футов 9 ½ дюймов, плотного сложения, цвет лица оливковый, за истекшее время

мог отрастить бороду, в последний раз видели в чёрном костюме. Вышеозначенная сумма будет выплачена за информацию приводящую к его обнаружению.

Какие универсальные двуимённые деноминации подошли бы ему как сущему и не-сущему?

Подходящие любому или никому не известные. Всякмэн или Никтомэн.

Каково ему воздаяние?

Честь и дары незнакомцев, друзей Всякмэна. Нимфа, бессмертная и прекрасная, невеста Никтомэна.

Нигде, никак и никогда не явится ль ушедший вновь?

Непрестанно странствующий, самопослушный, достигнет он крайних пределов своей комето-орбиты, далее недвижных звезд и всяческих солнц с телескопоразличимыми системами планет, путём астральных скитальцев и безпризорников, до дальних рубежей пространства, переходя из страны в страну, между народами, сквозь гущу событий. Где-то—неощутимо—он расслышит и чуть неохотно, но сынопослушно повинуется призыву к возвращению. После чего, исчезнув из созвездия Северного Венца, он однажды появится вновь, опять рождённый над дельтой в созвездии Кассиопеи и, после неисчислимых эр скитальчества, вернётся, отрешённый мститель, вершитель правосудия над злодеями, тёмный крестоносец, пробудившийся спящий, с финансовыми ресурсами (по предположению) превосходящими запасы Ротшильда или серебрянного короля.

Что делало бы такое возвращение иррациональным?

Неудовлетворительное равенство между исходом и возвратом во времени через обратимое пространство и исходом и возвратом в пространстве через необратимое время.

Проявление каких сил, помимо инерции, делали уход нежелательным?

Поздний час, низводящий к выжиданию: мрак ночи, низводящий к непроглядности: неопределённость путей, ведущая к опасности: потребность в отдыхе, отвергающая движение: близость занятой постели, отменяющая поиск: предвкушение тепла (человеческого) приглушенного прохладой (белья), отклоняющее желание и ведущее к желаемому: статуэтка Нарцисса: звук без эха, желанное желание.

Какими преимуществами занятая постель была предпочтительнее пустой?

Снятием ночного одиночества, превосходством качества человеческого обогрева (зрелая женщина) над нечеловеческим (грелка), стимуляцией утреннего контакта, экономией на глажке производимой в ателье, если аккуратно сложенные брюки разместить продольно между пружинным матрасом (в полоску) и матрасом ватным (ромбовидно простёганным).

Какая последовательность совокупных причин накопившейся усталости составила, перед предвосхищаемым вставанием, перечень вспомянутых Цвейтом, перед вставанием, молча?

Готовка завтрака (жертвоприносительное возжигание); кишечная наполненность и вдумчивая дефекация (святая святых); бани (обряд Иоанна); похороны (обряд Самуила); реклама Александра Ключчи (Урим и Таммин); неплотный ланч (обряд Мельхиседека); посещение музея и Национальной библиотеки (святые места); книгоохота вдоль

Бедфорд-Роу, Купецкой Пристани, Веллингтонской Пристани (Симхат, Тора); музыцырование в Ормонд-Отеле (Шира Ширим); препирательство с одичалым троглодитом в заведении Бернарда Кирнана (всесожжение); незаполненный период времени, визит в дом скорби, откланивание (пустошь); эротицизм вызванный женским эксгибиционизмом (обряд Онана); затянувшиеся роды м-с Мины Пурфо (приношение); визит в непорядочный дом м-с Беллы Коен, Тайрон-Стрит, Нижняя, 82, и последующий скандал и случайная стычка на Бивер-Стрит (Армагеддон); ночное шествие к и от забегаловки извозчиков, Батт-мост (искупление).

Какую самопредставившуюся загадку Цвейт, почти уж поднявшись, чтоб идти и тем закончить уж, а то конца не будет, сам того не желая, разгадал?

В чём причина короткого резкого нежданно и громко раздавшегося одиночного щелчка, произведенного неодушевленной материей стола из обработаной древесины.

Какую попутно самопредставившуюся загадку Цвейт—поднявшись, уходя, собирая многоцветные, многообразные, многочисленные одежды—сам того желая, не мог разгадать?

Кто такой М'Интош?

Какую самоочевидную загадку, обдумываемую с прерывистым постоянством на протяжении 30 лет, сейчас, в момент произведения естественной темноты посредством угашения искусственного освещения, Цвейт молча вдруг разгадал?

Где оказался Моисей, когда свеча угасла?

Какие недочёты завершённого дня Цвейт, уже шагая, последовательно перечислил молча?

Временная незадача с повторным размещением рекламы, с приобретением определённого количества чая от Тома Кернана (агента Палбрука, Робертсона и К°, Дейм-Стрит, 5, Дублин и Минсин-Лейн, 2, Лондон, В.Р.), с проверкой наличия или отсутствии заднего ректального отверстия у эллинского женского божества, с получением допуска (бесплатного или оплаченного) на представление ЛИИ в Весёлом Театре, Южная Королевская-Стрит, 46, 47, 48, 49, в главной роли м-с Бендмен Палмер.

Какой образ отсутствующего лица Цвейт, обездвижившись, вспомнил молча?

Лицо её отца, покойного майора Брайана Купера Твиди, Королевские Дублинские Фузилеры, с Гибралтара и Реобота, Долфинз Барн.

Какие повторяющиеся впечатления того же порядка были гипотетически вероятны?

При обратнонаправленном движении, от конечной Великой Северной Железной Дороги, Амьенс-Стрит, с равномерно нарастающим ускорением вдоль параллельных линий сходящихся в бесконечности, если б возможно было их провести: вдоль параллельных линий проведённых из бесконечности обратно с постоянным равномерным замедлением до конечной Великой Северней Железной Дороги, при возвратнонаправленном движении.

Какие разнородные объекты личного носильного женского облачения были замечены им?

Пара новых непропахших полушёлковых чёрных дамских панталонов, пара новых лиловых подвязок, безразмерные дамские трусы индийского муслина, щедрого покроя, попахивающие опопанаксом, жасмином и Турецкими Сигаретами Муратти, содержащие стальную длинную безопасную булавку, криволинейно расположенный лиф, батистовый, с тонкой кружевной каймой, гофрированная нижняя юбка синего блестящего шёлка – все эти предметы беспорядочно размещались поверх оквадраченно прямоугольного сундука с окованными углами и пестроцветными наклейками, с инициалами на лицевом боку из букв Б.К.Т. (Брайан Купер Твиди).

Какие были им отмечены объекты обезличенного характера?

Ящик-стульчак (одна ножка с трещиной) целиком покрытый квадратным отрезом кретона с яблочным узором, на котором покоилась дамская шляпка чёрной соломки. Набор в оранжевых тонах, купленный у Генри Прайса, мануфактурщика корзиночных, изящных товаров, фарфора и скобяных товаров на Моор-Стрит, 21, 22, 23, беспорядочно размещённый на стояке умывальника и на полу, состоящий из таза, мыльницы и щёточницы (на стояке умывальника, совместно), плюс кувшин и ночной предмет (на полу, раздельно).

Действия Цвейта?

Он переложил предметы одежды на стул, снял с себя остававшиеся на нём части одежды, достал из-под валика в головах постели сложенную длинную белую ночную сорочку, просунул голову и руки в надлежащие проймы ночной сорочки, переложил подушку из изголовья в изножие постели, подготовил постельное бельё соответствующим образом и лёг в постель.

Как?

С оглядкой, неизменной при входе во всякое обиталище (как собственное, так и не собственное); с осмотрительностью – змееспиральные пружины матраса поизносились, латунные колечки и подвесные гадючьи растяжки разболтались и дребезжат при нажиме и натяжении; вскользливо, как входящий в логово, либо в засаду похоти, или кобры; легонько, наименьше обеспокоить; с почтением – ложе зачатия и родов, осуществления брака и нарушения брака, сна и смерти.

Что члены его, исподволь протягиваясь, обнаружили?

Новое чистое постельное бельё, дополнительные запахи, присутствие человеческого тела, женского, её, вмятину от человеческого тела, мужского, не его, несколько крошек, несколько волоконцев тушёнки, поджаренной, которые он стряхнул.

Если он улыбнулся, с чего было ему улыбаться?

Подумав, что всякий, кто входит, представляет себя первым входящим, тогда как он всегда последний член предыдущей серии, даже если и первый член последующей, всякий представляет себя первым, последним, одним и единственным, тогда как он ни первый, ни последний, ни один и ни единственный в серии возникающей и повторяющейся до бесконечности.

Какой предыдущей серии?

Принимая Малвея за первый член в его серии, Пенроуз, Бартел Д'Арки, профессор Гудвин, Юлиус Мастиански, Джон Генри Ментон, отец Бернард Карриган, фермер на Конной Выставке Дублинского Королевского Общества, Мэггот О'Рейли, Мэтью Дилон, Валентайн Блейк Диллон (лорд-мэр Дублина), Кристофер Калинан, Лениен,

итальянец-шарманщик, незнакомый джентельмен в Весёлом Театре, Бенджамин Доллард, Саймон Дедалус, Эндрю (Ссыкун) Берк, Джозеф Кафф, Виздом Хелис, олдермэн Джон Хупер, д-р Френсис Бреди, отец Себастьян из Монт Аргуса, чистильщик обуви на Главном Почтамте, Хью Э. (Ухарь) Бойлан и так далее, и тому подобные до непоследнего члена.

Какими были его мысли относительно последнего члена этой серии и недавнего постояльца в данной постели?

Мысли о его пронырливости (прохиндей), телесной пропорции (ходульник), торговой сноровистости (выжига), назойливости (хвастун).

Почему размышлявший подумал о назойливости наряду с пронырливостью, телесными пропорциями и торговой сноровистостью?

Потому что он отмечал с нарастающей частотой в предыдущих членах той же серии такую же похотливость, отмечавшуюся сперва со вспышкой тревоги, затем с пониманием, потом с предожиданием, в заключение с усталостью, с меняющимися симптомами внеполового понимания и сопереживания.

Какими антагонистическими чувствами были проникнуты его последовавшие раздумья?

Завистью, ревностью, отрешённостью, упокоёностью.

Зависть?

К телесно и умственно мужскому организму соответствующего сложения для сверхвозложенной позиции при энергичной гуманоидокопуляции и энергичных движений по типу поршень-

цилиндр, необходимых для полного удовлетворения постоянной (но не патологической) похотливости, пребывающей в телесно и умственно женском организме, пассивном (но не дебильном).

Ревность?

Поскольку природа, наполненная и неуловимая в своём свободном состоянии, попеременно является агентом и реагентом влечения. Поскольку действия между агентами и реагентами во всех случаях разнятся, с обратной пропорцией нарастания и спада, с непрерывно круговой протяженностью и радиальным повтороновхождением.

Поскольку контролируемое размышление о переменчивости влечения вызывает, при желании, переменчивое удовольствия.

Отрешённость?

В силу: а) знакомства, состоявшегося в сентябре 1903 в заведении Джорджа Месиаса, торговый портной и фурнитурщик, Райская Пристань, 5; б) гостеприимства, предложенного и всецело принятого, взаимообразно обязующего лично; в) того, что сравнительная молодость подвержена импульсам амбиции и кичливости, коллегиального альтруизма и любовного эгоизма; г) внерасового влечения, внутрирасовой ингибиции, сверхрасовой прерогативы; д) предстоящих провинциальных музыкальных гастролей, общих текущих расходов, совместно перенесённых тягот.

Упокоённость?

Столь же естественный как и любой прочий из естественных актов природы, проявляемый и исполняемый в естественной природе природными созданиями, в соответствии с его, её и их природным естеством, несхожими сходствами. Не столь пагубный как

катаклизменная аннигиляция планеты, вследствие столкновения с тёмным солнцем.

Как менее предосудительный, чем кража, разбой, жестокость к детям и животным, получение денег посредством подлога, фальшивомонетничество, растрата, присвоение общественных денег, предательство доверия общества, симуляция, преступная клевета, шантаж, неуважение к суду, поджог, измена, бандитизм, бунт в открытом море, нарушение границы, взлом, побег из заключения, практикование противоестественного порока, дезертирство из вооруженных сил в походе, лжесвидетельство, браконьерство, ростовщичество, шпионаж для врагов короля, выдавание себя за другого, грабительский налёт, душегубство, преднамеренное и предумышленное убийство.

Как не более ненормальный, чем все прочие изменяемые процессы адаптации к изменяющимся условиям существования, ведущие к взаимообразному эквилибриуму между телесным организмом и окружающими его обстоятельствами, продуктами, напитками, приобретёнными привычками, потакаемыми склонностями, укоренившимися недугами.

Как более чем неизбежный, неотменимый.

Почему отрешённости больше, чем ревности, а зависти меньше, чем упокоённости?

Меж выходом из себя (матримония) и выходом из себя (адюльтер) нет ничего кроме выхода из себя (копуляция), однако матримониальный нарушитель матримониально потерпевшего не вывел из себя адюльтерно потерпевшего адюльтерным нарушением.

Какова ретрибуция, если возможна?

Покушение, никогда, так как две несправедливости не составят одной справедливости.

Дуэльный поединок, нет. Развод, не теперь. Раскрытие механическим устройствам (автоматическая кровать) или индивидуальным показанием (спрятаный окулярный свидетель), пока не время. Подача в суд за ущерб юридическому влиянию, либо симуляция нападения с предъявлением полученных повреждений (самопричиненных), не исключено. При любом удобном случае совершение отместки (материально, процветающее конкурентоспособное агентство по рекламе: морально, успешно конкурирующий агент в интимности), отвержение, отчуждение, унижение, разлучение отстраняющее одного разлучённого от другого, предохраняющее разлучника от обоих.

Какими соображениями он, сознающий реагент средь пустоты неопределённости, оправдывал перед собой свои чувства?

Предопределённой хрупкостью гимена, предполагаемой несущественностью вещи в себе: несовместимостью и диспропорцией между самопродлевающейся напряженностью вещи применяемой для осуществления и самоукорачивающейся расслабленностью вещи после осуществления; ошибочно полагаемой дебильностью женского начала, мускулистостью мужского; переменчивостью этических норм; естественностью граматического перехода посредством инверсии не вносящей изменения смысла протеритного предложного аориста (классифицируемого, как подлежащее мужского рода, односложный ономатоэпичный переходный глагол с прямым дополнением женского рода) из активного залога, в соответствующий ему протеритный аорист (классифицируемый, как подлежащее женского рода, вспомогательный глагол и квазиодносложная ономатоэпичная частица простого прошедшего времени, с дополняющим агентом мужского рода) в пассивном залоге; продолжающимся производственным процессом семянников в целях генерации; непрестанной выработкой семени посредством дисциляции; тщетой триумфа, или протеста, или отмщения; бессодержательностью достохвальной добродетели;

летаргией невежественной материи; апатией звёзд.

В какой завершающей удовлетворённости эти антагонистичные чувства и соображения, сведённые к своим наипростейшим формам, слились?

Удовлетворённость вездесущностью в восточном и западном земных полушариях, во всех обитаемых землях и на островах, открытых и неоткрытых (в стране полуночного солнца, на островах блаженства, на греческих островах, в земле обетованной), тучных задних женских полусфер, пахнущих мёдом и молоком, экскреторной кровцой и семянным теплом, напоминающие секулярные стайки складок достатка, не подверженные настроениям впечатлительности, ни сокращениям выразительности, олицетворяющие немую незаглушимо зрелую животность.

Видимые признаки предудовлетворения?

Приблизительная эрекция; старательное сосредоточение; постепенное приподнятие; пробное приоткрытие; молчаливое обдумывание.

Затем?

Он поцеловал пухлые мякотные спелые дыни её озадья, в каждое мягкое дынное полушарие, в их спелую смелую бороздку, с неясным тягучим соблазнительным пышномякотным колыханием.

Видимые признаки постудовлетворения?

Молчаливое обдумывание; пробное утаивание; постепенное внисхождение; заботливое вывлечение; близостная эрекция.

Что последовало за этим безмолвным действием?

Сонное пробуждение, менее сонное узнавание, наотрезное отклонение; катехизисоформенный допрос.

С какими модификациями отвечал повествователь в ходе дознания?

Отрицательные: он обошёл молчанием тайную переписку Марты Клиффорд и Генри Цветсона; публичную свару в, а также рядом с лицензированным заведением Бернарда Кирнана и К°, Лимитед, по Малой Британской-Стрит, 8, 9 и 10; эрото-провокацию и ответную реакцию на эксгибиционизм Гертруды (Герти), фамилия неизвестна.

Положительные: он включил упоминание о выступлении м-с Бендмен Палмер в ЛИИ в Весёлом Театре, Южная Кинг-Стрит, 46, 47, 48, 49; о приглашении поужинать в Отеле Винна (Мерфи), Нижняя Эбби-Стрит, 35, 36 и 37; о томике похабно-порнографического чтива озаглавленного УСЛАДЫ ГРЕХА, автор-аноним – светский джентельмен; о временной контузии в результате неверно рассчитанного движения в ходе постпиршественного гимнастического представления, жертва (впоследствии совершенно оправившийся) Стефен Дедалус, преподаватель и автор, старший здравствующий сын Саймона Дедалуса, без определённых занятий; о подвиге воздухоплавания, свершённом им (рассказчиком) в присутствии очевидца (преждепомянутого преподавателя и автора) с незамедлительностью решения и гимнастической гибкостью.

Остались ли прочие грани повествования не подвергнутыми модификациям?

Абсолютно.

Какое событие или личность оказались основным пунктом в его изложении?

Стефен Дедадус, преподаватель и автор.

Какие ущемления и недоосуществления своих супружеских прав ощущались внимающей и излагающим по ходу этого отрывистого и нарастающе лаконичного повествования?

Для слушающей: ограничение детородности поскольку брак был заключен через 1 календарный месяц после 18 годовщины её рождения (8 сентября 1870), т.е. 8 октября, и осуществлен в тот же день с появлением потомка женского пола 15 июня 1889, зачатого добрачно – 10 сентября в год бракосочетания, а свершение полного плотского сношения с выбрызгом семени внутрь природного женского органа в последний раз состоялось за 5 недель до (т.е. 27 ноября 1893) рождения 29 декабря 1893 второго (и единственного мужского пола) потомка, умершего 9 января 1894 в возрасте 11 дней, то остается период в 10 лет, 5 месяцев и 18 дней, на протяжении которого осуществление плотского сношения оставалось неполным – без вбрызга семени внутрь природного женского органа.

Для излагающего: ограничение активности, умственной и телесной, поскольку между ним и слушательницей не происходило полного умственного сношения с момента достижения половой зрелости (отмеченной менструативным крововыливом) потомком женского пола излагающего и внимающей—15 сентября 1903—что составляет общий период в 9 месяцев и 1 день, на протяжении которых, вследствие природо-обусловленного взаимопонимания зрело-женских недопониманий (внимающей и потомка), полная телесная свобода действий оказалась лимитированной.

Как?

Повторяющимися на все лады женскими расспросами относительно мужской направленности куда, места где, времени в какое, периода за который, цели с какой, в случае временных отсутствий, планируемых, или состоявшихся.

Что двигалось, зримо, над незримыми мыслями выслушивающей и излагавшего?

Отброшенный кверху отсвет лампы и абажура, прерывистые серии концентрических кругов изменяющейся степени освещенности и тени.

В каком направлении лежали дознавательница и ответчик?

Дознавательница: восток-юго-восток.

Отвечающий: запад-северо-запад; на 53-й параллели северной широты и 6-м меридиане западной долготы, под углом в 45° к земному экватору.

В каком состоянии покоя или движения?

В покое относительно себя и друг друга. Каждый и оба в движении несомые в западном направлении, передом и задом, респективно, естественным извечным кружением Земли вечноменяющимися путями никогда не меняющегося пространства.

В какой позиции?

Вопрошающая: полулежа на боку (левом), левая рука под головой, правая нога прямолинейно вытянута и водружена на левую ногу; в позе Геи-Теллус, расслабленно налитой, возлежащей, тучной семенем.

Отвечающий: лежа на боку (левом) правая и левая ноги расслаблены, указательный и большой палец правой руки приложены к переносице, в позе представленной на фотоснимке сделанном Перси Апджоном, утомленный дитя-мужчина, мужчина-

дитя в лоне.

Лоно? Усталый?

Он отдыхает. Он странствовал.

С?

Синдбадом-Мореходом и Тинбадом-Трубоходом и Жинбадом-Живоходом и Винбадом-Винтоходом и Минбадом-Мимоходом и Финбадом-Финтоходом и Биндбадом-Буреходом и Пинбадом-Пылеходом и Зиндбадом-Звездоходом и Гиндбадом-Гимноходом и Риндбадом-Ровноходом и Диндбадом-Дивноходом и Шиндбадом-Шитоходом и Линдбадом-Легкоходом и Джинбадом-Бзжчаходом.

Когда?

Идя во мглу постели, где оквадраченно округлый Синдбад Мореход качал гагаркино яйцо в ночи постели всех скальных гагарок Тёмнобада-Дневнохода.

Где?

* * *

Да и это точно потому что такого ещё не было чтоб начал тут распоряжаться завтрак ему видите ли в постель из двух яиц такого не было с тех пор как жили в отеле АРСЕНАЛ где он постоянно больным прикидывался и голос будто вот-вот дух испустит лишь бы только его высочество приглянулся той старой швабре м-с Риордан размечтался будто она в нём и души не чает а она нам и гроша не отписала всё только на мессы да на помин за упокой своей души до того ведь жмотина даже несчастные 4 пенса жалела на метиловый спирт для её же здоровья и все разговоры у неё только про свои болезни просто рот не закрывала со старушечьей болтовнёй про политику и землетрясения да про конец света ну дайте ж нам сперва чуть-чуть повеселиться Боже упаси если все женщины становятся такими же купальные костюмы вообще терпеть не могла или когда низкий вырез так ведь никто ж и не просил её так одеваться а по-моему вся её набожность из-за того что ни один мужчина на неё и не оглянулся бы надеюсь я-то уж такой не стану и это чудо что не додумалась потребовать чтоб мы и лица прятали но уж образованная была тут ничего не скажешь а вся её болтовня мол м-р Риордан то да м-р Риордан сё лапша на постном масле могу поспорить от такой совместной жизни он и сам был рад преставиться а пёсик её вечно мне меха обнюхивал и всё время норовил залезть под юбки особенно если у меня дела шли но что мне в нём всегда нравилось так это его вежливость с такими вот старушками и со слугами да хоть бы и с нищими не строит из себя не знаю что хотя и не всегда но если это вдруг у него что-то серьёзное то пусть их высочество изволят прямиком в больницу там и почище будет вот только мне уговаривать его пришлось бы месяц и не меньше да и попробуй там оставить так он сляжется с какой-нибудь больничной сиделкой на половике и выпрут как миленького или же с монахиней как типа на той его похабной карточке хотя из неё такая

же монахиня не больше моего да потому что если им случится заболеть они до того ж хлюпики нытики без женщины никак не вычухаются даже если у него просто кровь идёт из носу подумаешь не знаю что стряслось О трагедия такой вид сострoит прямо последнее тебе издыханье как в тот раз когда на южной окружной растянул ногу на пикнике хористов у Круглой Головы и именно как я одела тогда то платье а потом мисс Стек притаскивала ему цветы дрянь дрянью и перемяты все из тех что по дешёвке со дна корзиночки да на что угодно пойдут лишь бы пролезть в спальню где лежит мужчина и голос у неё как у старой девы чтоб после воображать будто это он из-за неё умирает ужель вовек мне лик твой не узреть хоть на мужчину начал смахивать когда щетина отросла в постели вот и отец таким же был да и вообще терпеть не могу перебинтовывать или прижигать как в тот раз порезался когда бритвой мозоль срезал на большом пальце и трясся хуже зайца а вдруг начнётся заражение крови а случись мне заболеть так ещё неизвестно какой будет уход просто женщина конечно не показывает и не устраивает столько хлопот как они да и это он таскался где-то вон какой аппетит нагулял но в любом случае это не любовь а то он про еду даже не вспомнил бы все мысли только про неё значит наверняка с какой-то из полуночных потаскух раз через тот квартал и он точно туда ходил а про отель полная брехня мозги запудривает да знаешь Гайнс меня подзадержал и ещё кого-то я там видел ах да там был ещё Ментон если помнишь а кто ещё делал мне большие глаза когда застукала его на горячем а ведь только что женился и цепляет малолетку возле Пулз Мариорамы я конечно к нему спиной повернулась так он хвост поджал и смылся сразу мол я и сам знаю что подлец а когда-то имел наглость так приставать ко мне здорово ж его прикрутило один рот чего стоил Господи а глаза одурелые как у самых чокнутых придурков каких я только видела и это называется адвокат просто я терпеть не могу долго отбрыкиваться в постели значит это какая-нибудь из сучек с которой где-то снюхался или поманил они ж его не знают как я и это точно

потому что позавчера он кому-то письмо шкрябал когда я зашла в переднюю комнату за спичками и показать ему про смерть Дигнама в газете что-то мне прямо так и подсказывало то-то он накрыл ту писанину промокашкой и вид состроил до того уж деловой да задумчивый так что как пить дать писал какой-то дуре что размечталась будто нашла слабинку потому что в его возрасте мужчины все становятся малость того особенно под сорок как и ему теперь ага выдоить деньжат сколько обломиться нету олуха глупей чем старый дуралей вот и пришлось прятать обычные целую мусю в сюсю да меня и с гулькин нос не колеблет с кем он этим занимается или с кем у него раньше было хотя конечно хотелось бы узнать теперь-то уж они не трутся оба тут у меня под носом целый день или как с той мерзавкой Мэри которую мы наняли на Онтарио-Терас засовывала себе накладную задницу возбудить его и раза два мне показалось что от него пахнет теми крашенными стервами когда подходил ко мне к тому же я нашла длинную волосину на его пиджаке не считая случая когда захожу на кухню и он тоже там прикинулся будто воды захотелось 1 женщины им не хватает и в этом полностью его вина что прислуга наглеет это ж додуматься надо на Рождество может и её пригласим за стол как вам понравится О спасибочки но только не в моём доме откуда ворует картошку и устриц по 2\6 за дюжину когда отправляется типа проведать свою тётю прямой грабеж и всё тут и я уверена что у него с ней было ясно как день а то с чего б он начал заступаться у меня мол никаких доказательств так она ж сама и доказала О да тётушка такая любительница до устриц но я ей высказала что про неё думаю когда уволила чтоб он с ней не спутался но чтоб за ними шпионить я б до такого никогда не унизилась а те подвязки что я нашла у неё в комнате в пятницу на её выходной нет уж с меня хватит это уже ни в какие ворота вот и получила по заслугам от злости чуть не лопнула по лицу видно когда я ей сказала что со следующей недели она тут не работает а без них так даже и лучше в комнатах я и сама могу убрать ещё быстрее чем они вот только стряпать не люблю и мусор

выносить вобщем я ему дала на выбор или она уходит или я а мне к нему даже притронуться противно стало как подумаю что он с такой замызганой стервой то-то эта дрянь постоянно со мной пререкалась наглая такая усядется в уборной и распевает на весь дом думала ей всё с рук сойдёт а так оно и есть потому что долго он без этого не может и где-то же ему надо пристроиться на меня-то он в последний раз влазил погоди когда это было-то мы ещё в тот день гуляли вдоль Толки и Бойлан взял мою руку и слегка стиснул а я в ответ просто чуть-чуть нажала большим пальцем а сама пела мая юная луна излучается любовью ну он-то приметил как я с ним он не такой дурак сегодня говорит я дома обедать не буду и схожу в на спектакль в Весёлый хотя я и не собираюсь слишком уж перед ним стелиться по крайней мере он ей-Богу хоть какая-то перемена не будешь же постоянно одевать одну и ту же задрипаную шляпку а то пришлось бы мне заплатить какому-нибудь смазливому пареньку за это потому что саму себя у меня не получится а молоденькому я бы понравилась для начала засмущала б его малость когда остались бы один на один показала б мои новые подвязки покраснел бы у меня как миленький да на них таких только глянешь с обещанием и готовы уж я-то знаю каково паренькам с таким пушком на щеках что занимаются самодрочкой поставят свою штуку и гоняют как он своими расспросами про то про сё про всякое ты б согласилась с угольщиком а с епископом да почему б и нет я ж ему рассказывала про того настоятеля или епископа что подсел ко мне в еврейских садах Темплз когда я там вязала ту шерстяную вещь он мол проездом в Дублине до чего замечательный город да такое прочее про памятники вобщем хорош гусь прямо засношал меня всеми теми статуями и зачем только себя выставляет хуже чем есть на самом деле а про кого тебе сейчас подумалось кто да кто конь в пальто скажи мне имя вот представь что с Германским Императором как будто я это он что ты ощущаешь словно шлюху из меня делает вот уж точно ни к чему и ему пора уже завязывать возраст не тот да любая женщина взвоет никакого удовольствия но притворяйся будто

ах как хорошо пока он кончит а потом сама доканчивай как знаешь а наутро у тебя губы бледные вобщем с меня хватит и что ни говори но только в самый первый раз от этого полный улёт а потом уже обычное туда-сюда и разбежались вот почему нельзя с мужчиной до брака целоваться нет и не вздумай иногда до жути хорошо когда чувствуешь как прям по всей тебе так хорошо аж невозможно вот бы кто-то из них неважно кто взял бы и поцеловал меня пока он там а я в его объятиях нет ничего лучше поцелуя чтоб долго так и горячо аж до глубины души и ты прям вся без сил уже ненавижу исповедываться когда ходила к отцу Карригану тот всё выведывал что у меня с отцом а что такого если он так и сделал но где а я ему как дура на берегу канала но место на твоей особе дитя моё сзади выше ног на чём сидишь да О Боже не мог он прямо сказать за жопу всего делов-то а случалось ли тебе как-то он там сказал я забыла нет отче и мы постоянно должны помнить об отце истинном ему-то зачем было знать раз я уже призналась в этом Богу рука у него была приятная плотная такая а ладонь чуть влажновата я не прочь была её почувствовать и он по-моему тоже с той его бычьей шеей из воротничка как конский хомут интересно он узнал меня в исповедальне мне-то его лицо видно было а ему моё нет конечно он никогда бы не подал виду всё же когда отец у него умер глаза его были на мокром месте для женщины они конечно же потеряны это наверно жутко когда мужчина заплачет вот если бы меня какой-то из них обнял прямо в тех своих одеяниях а от него ладаном как от папы римского к тому же со священником безопаснее если ты замужняя он тоже остерегается потому что они получают Е.С. от папы римского для искупления грехов интересно ему хорошо со мной было вот только мне не понравилось как он шлёпнул меня по заду на прощанье фамильярно так в прихожей хоть я и засмеялась что я же не лошадь и не ослик по-моему он подумал про своего отца интересно он когда-нибудь думает про меня или хотя бы во сне кто дал ему этот цветок купил говорит от него пахло чем-то спиртным не виски и не портвейн наверно какое-то сладкое пирожное которыми

они накачивают счёт с каким-нибудь ликёром и я б хотела посмаковать эти дорогие выпивоны они даже и на вид тягучие зелёные жёлтые такими балуются те щёголи в оперных шляпах что крутятся среди артистов я один раз попробовала окунула палец в рюмку того американца с белкой когда он заболтался с отцом про марки а до чего же он старался не заснуть после последнего раза мы подкрепились портвейном с тушёнкой у неё классный привкус солоноватый такой да потому что и меня истома одолела вымоталась полностью вот и заснула без задних ног как только прилегла аж пока тот гром бабахнул прямо полный конец света Боже помилуй нас я уж подумала там небо рухнуло нам в покарание перекрестилась даже и помолилась Пресвятой Марии совсем как в те жуткие грозы на Гибралтаре а они ещё болтают будто нет никакого Бога да к чему тогда всё оно вообще если это всё одна пустая суета и толкотня просто каятся надо от чистого сердца вот я тогда поставила свечку в храме на Вайтайрс-Стрит на свой месяц и нате вам пожалуйста принесла удачу хотя он только посмеялся б если бы услышал в жизни не сходит в храм на мессу или на проповедь какая там душа говорит никакой души а просто серое вещество внутри сам-то без понятия что значит иметь душу да ну я и зажгла лампу да потому что он раза 3 или 4 залазил со своим тем красным зверем ох и здоровенный я уж боялась у него там какая-то жила лопнет или как оно называется та хренотень хотя вот нос у него не слишком крупный я всё с себя сняла как только шторы задёрнула а столько часов наряжалась душилась и причёсывалась прям как железяка или толстый лом торчком всё время небось слопал пару дюжин устриц был что называется в ударе нет мне ещё в жизни не попадался такого размера чувствуешь как прямо тебя распирает потом он небось целого барана умял это ж надо додуматься чтоб сотворить нас с этой дырищей между ног чтоб в тебя совали как Жеребец потому что им только этого от тебя и надо а взгляд наглый такой зловредный мне пришлось прикрыть глаза но он не очень-то был рад когда я заставила его вытащить и кончать на меня так-то вернее

с таким здоровилой на случай если вдруг не смоешь как следует как в тот последний раз когда я позволила ему кончить в меня неплохо они надумали приспособить женщин чтоб всё удовольствие только им их бы заставить чтоб прочувствовали хоть малость чтоб понимали чего я натерпелась с Милли это ж передать невозможно или когда у неё зубки резались а муж Мины Пурфо дает дрозда без продыху и как заведённый раз в год заряжает её дитяткой или двойней вечно от неё младенчиками пахнет один ну чистый что называется жевжик и точь-в-точь негритёнок и волосы такие же Ёпэрэсэтэ негра родила в последний раз как я к ней заходила там их уже целый взвод устроили кучу-малу визг-писк сама себя не слышишь а ещё говорят для здоровья полезней им лишь бы раздуть нас как слонов или не знаю что но вот если б я допустим рискнула завести ещё то уж только не от него хотя когда женится у него наверняка будет такой тебе крепыш-бутуз но ему-то оно без разницы Полди куда лучше к детям короче был бы просто тихий ужас и это он такой наверно потому что встретил Жози Повелл и эти похороны да ещё думал про меня с Бойланом вот его и накрутило ну и пусть теперь думает сколько влезет если ему от этого легче я знаю они малость женихались когда на сцене появилась я он с ней танцевал и посиживали в сторонке как тогда на новосельи у Джорджины Симпсон а потом ему захотелось обязательно меня переспорить обидно видите ли стало что все на неё ноль внимания вот мы и сцепились из-за политики но начинала не я а он когда обозвал Господа плотником и под конец меня аж до слез довёл женщины такие ко всему чувствительные я долго потом простить себе не могла что уступила только из-за того что видела что ему нравлюсь и говорит первый социалист тоже был Он меня прямо бесит что ни в чём его не переспоришь всё же он много знает всякой всячины особенно про тело и внутренности хотела бы и я разбираться где там у нас что из того семейного доктора потом в комнате набралось полно народу но я сразу отличала его голос как только заговорит и посматривала на него а потом пришлось делать

вид что я на неё дуюсь из-за него потому что он подревновывал и всё выпытывал куда это я иду а я говорю к Флой и он подарил мне стихотворения лорда Байрона и три пары перчаток тем и кончилось да я его за одну секунду могу к рукам прибрать уж знаю как ну допустим заведёт он с ней амуры начнёт погуливать я ведь мигом узнаю а станет нос воротить от луковиц у меня найдутся способы попросишь чтоб поправил воротничок на блузке или проходя заденешь вуалью или перчатками потом 1 поцелуй и они уже летят вразнос при всей их правильности ну допустим начал бы он с ней у той конечно радости полные штаны сразу бы прикинулась что безумно любит если бы и вправду то я и не мешала б а просто пришла к ней и спросила ты его вправду любишь и посмотрела бы ей прямо в глаза меня не обманешь но он-то мог вообразить будто и он тоже и сделал бы предложение в той своей заикливой манере как и мне делал хотя мне пришлось до чёртиков попотеть пока добилась от него предложения и этим-то он мне и понравился что не поддаётся и не бежит со всех ног когда пальчиком поманят он уже совсем готов был просить моей руки в тот вечер когда я на кухне раскатывала картофельный пирог мне нужно тебе что-то сказать но я перевела на другое прикинулась сердитой что все руки у меня в тесте во всяком случае за день перед тем я слишком уж разоткровенничалась когда начала болтать о снах вобщем не хотела чтоб он разнюхал больше чем ему не вредно а Жози при нём постоянно меня обнимала но подразумевался конечно же он и всё время старалась подставить меня как в тот раз что она мол полностью вымыта где только можно и тут же меня спросила ну а ты вообще моешься пожалуй женщины сами же и напрашиваются когда с ним рядом начинают выпендриваться из-за его масляного взгляда с прижмуром или будут изображают полное безразличие когда встретят такого как он что его и портит что ж удивляться-то потому что тогда он был очень даже симпатичный старался выглядеть как лорд Байрон я сказала да понравилось хоть для мужчины тот слишком красив когда он пришёл для помолвки вот уж чему она не

обрадовалась а на меня в тот день такой смех напал хохотала без умолку потому что все мои заколки выпадали друг за дружкой а у меня волосы тогда были такие длинные а она мне говорит ты всегда в таком хорошем настроении да потому что её это заело она-то знала к чему такое бывает и я ей немало чего рассказывала как мы с ним ну не всё конечно но достаточно чтоб слюнки у ней потекли но это уж не моя печаль да и она не слишком-то горевала когда мы поженились интересно как она там поживает с этим её чокнутым мужем лицо как-то вроде осунулось и вид заезженный в последний раз как мне встретилась наверно после очередного скандала с ним я приметила чуть только про мужей она тут же переводит разговор а про своего вообще с пренебрежением что-то там такое она мне про него рассказала О да что иногда залазит в постель прямо в грязных ботинках когда у него вальты тусуются подумать только что ты должна ложиться в постель с такой вот тварью он же и убить тебя может в любой момент мужчина называется ну ладно он не один такой с ума кто угодно сойти может по крайней мере Полди что бы там ни натворил а на входе обязательно вытрет ноги о коврик неважно дождь там или жара и ботинки начищены до блеска а при встречах на улице всегда снимет шляпу так-то вот а тот теперь таскается где попало в своих домашниках подать в суд на 10 000 фунтов за эх эх раз ещё раз да от такого созданья дойдешь до полного угасания это ж надо быть таким дебилом чтоб не научится даже снимать ботинки на кой спрашивается ляд такой мужчина я б скорей сдохла 20 раз чем снова вышла замуж за кого-то из ихнего пола ему конечно другой такой не найти чтоб уживалась с ним как я чтоб меня узнать надо со мной спать и ему это тоже известно в глубине души взять хотя бы ту м-с Мейбрик отравительницу своего мужа и самое удивительное из-за любви к другому да так и доказали ну не дрянь последняя дойти до такого конечно некоторые мужчины жутко действуют на нервы прям до белого каления доводят и всегда найдут самое гадкое слово чем уколоть и зачем только просят нас выйти за них если всё кончается такой мерзостью да потому что им

без нас никак белый Арсеник она ему подсыпала в чай с липучки для мух кажется интересно откуда такое название если спрошу его скажет это из греческого пусть уж мы останемся неграмотными она наверно безумно любила того другого что пошла на риск быть повешенной О ей было всё равно и если уж такая от природы то ничего другого не остаётся да и не такие ж они звери чтоб взять и повесить женщину хотя конечно такие да ещё как такие они такие разные Бойлан говорит про мою форму ступни он враз подметил ещё до того как нас представили я была в Ч Х П с Полди хохотала и старалась его слушать и покачивала ногой мы оба заказали чай и просто два хлеба с маслом я видела он посматривает с его двумя сестрами старыми девами когда я встала и спросила у подавальщицы где тут у них и мне наплевать когда из меня уже аж брызжет да ещё те чёрные закрытые трусы что он заставил меня купить полчаса пока их спустишь вся обмочишься вечно с новой причудой каждые полмесяца потом так долго выливалось и я забыла мои замшевые перчатки на сиденьи за спиной они так и пропали какая-нибудь воровка подхватила а он хотел чтоб я дала объявление Ирландских Таймз потеряны в женском туалете Ч Х П на Дэйм-Стрит нашедшего вернуть м-с Марион Цвейт и я видела он смотрит на мои ноги когда я выходила через дверь-вертушку глаз не сводил когда я оглянулась и я пошла туда через 2 дня попить чаю в надежде но его там не было и он очень возбуждался когда я клала ногу на ногу пока мы были ещё в той комнате ему типа показалось что туфли жмут вот рука у меня красивая мне бы ещё кольцо с камнем моего месяца красивый аквамарин я из него выдою и золотой браслет а мне моя ступня не очень-то нравится правда один раз я его раскошелила своей ножкой после провального концерта Гудвина ветер был и холодина жуткая хорошо что дома ром нашёлся и камин не загас и он попросил меня снять чулки лёжа на ковре перед камином на Ломбард–Стрит да а другой раз за те мои заляпанные туфли когда ему вздумалось чтоб я топала по всему конскому навозу какой подвернётся но конечно у него отклонение от остального мира про

что это он когда сказал что я могу дать 9 из 10 Кэтти Ланер и победить я переспросила в каком смысле но не помню что ответил потому что как раз принесли экстренный выпуск и тот кудрявый мужчина в молочной Лукана такой вежливый по-моему я раньше где-то видела его лицо я заметила как он уставился когда я пробовала масло ну так я не стала слишком спешить и Бартел Д'Арки тоже не торопился когда начал целовать меня на подмостках для хора когда я спела *Ave Maria* Гуно чего ж мы ждём любовь моя целуй же крепче и раздвинь пошире он здорово разгорячился даже при его зычном голосе был без ума от моих нижних нот если не врал конечно мне нравилась его постановка рта когда поёт а потом сказал ну разве не ужасно заниматься этим в таком месте не вижу ничего такого ужасного вот в один прекрасный день отведу его туда и покажу то место где мы это делали вот тебе хоть жуй хоть плюй думает ничего не может произойти про что он не знал бы да он понятия не имел про мою маменьку пока мы не обручились а то б я ему так просто не досталась сам-то был в 10 раз хуже умолял дать лоскуток от моих панталонов в тот вечер когда шли по Кенилворт-Сквер он поцеловал меня в прорезь перчатки и мне пришлось её снять всё выспрашивал про обстановку моей спальни вот я и оставила ему как будто забыла чтоб думал про меня когда заметила как он потихоньку её в карман спрятал конечно у него заскок насчёт трусов сразу видно вечно пялится на тех наглорожих велосипедисток у которых юбки вздуты до пупка даже когда Милли и я рядом и на загородной прогулке одна какая-то в кремовом муслине встала точнёхонько против солнца чтоб ему видно было до последнего атома что там на ней есть и он меня приметил сзади и шёл под дождём но я его ещё раньше увидала как он стоял на углу Харолдз-Крос в новом плаще и кашне расцветки Зингари чтоб подчеркнуть цвет лица и в коричневой шляпе с видом проныры как всегда что он вообще там делал где ему делать нечего им можно идти и получать что угодно с кем попало лишь бы в юбке а нам даже и спросить нельзя но сама отчитывайся где была куда идёшь я прям

чувствовала как он подкрадывается сзади и смотрит мне на шею уже несколько дней у нас не появлялся чуял что жареным запахло и я чуть обернулась и остановилась а он всё приставал пока я не сказала да и сняла перчатку неспешно так глядя на него он сказал мои кружевные рукава совсем не греют в такой дождь на всё готов только б положить руку поближи к мои трусам только трусы на уме пока я не пообещала дать ему пару с моей куклы чтоб носил в жилетном кармане О пресвятая Мария он под тем дождём таким казался глупым отличные зубы один к одному мне от одного взгляда на них сразу есть хотелось и упрашивал меня поднять оранжевую юбку с галунами никого же говорит нет и он бы точно встал на колени посреди лужи если б сказала нет такой настойчивый и встал бы чтоб испортить свой новый плащ никогда не знаешь какую дурость они тебе устроят до того дикие а если б кто-то проходил ну я приподняла немножко и притронулась к его брюкам снаружи как потом всегда с Гарднером правой чтоб не натворил чего в публичном месте мне жуть как интересно было обрезанный он или как а он весь дрожал как желе им всё и сразу подавай а отец всё это время ждал обеда и он сказал чтоб я сказала будто забыла кошелёк у мясника и пришлось вернуться вот ведь Плут потом он написал мне то письмо такими словами и хватает же у него смелости после такого подходить к женщине как ни в чём не бывало а когда мы встретились спросил я вас обидел у меня конечно глаза в пол но он видел что я не злюсь у него ума хватало не то что тот другой дурак Генри Дойл который постоянно что-нибудь ломал или разбивал в шарадах я терпеть не могла придурка но если б я знала и мне для приличия надо было отнекиваться и я сказала я ничего не поняла а что там неясного ещё как ясно как те надписи и женщина пририсована на той стене на Гибралтаре со словом что я нигде не могла найти вот только маленькие дети тоже видят а потом писал письма каждое утро иногда два раза в день мне нравилось как он ухаживает знал как подойти к женщине когда прислал мне 8 большущих маков потому что у меня 8 числа потом я написала а тот

вечер когда поцеловал меня в сердце в Долфинз-Барн невозможно описать просто такое чувство ничего подобного в жизни не было а вот обнять он никогда не умел как Гарднер надеюсь он придёт в понедельник как обещал терпеть не могу если являются когда попало идёшь открывать думаешь овощи там принесли и здрасьте вам а ты не одета или дверь оставила настежь в замызганную кухню вроде старого Гудвина явился однажды с наглой рожей насчёт концерта на Ломбард-Стрит а я только что от стола вся раскраснелая волосы как попало мясо тогда варила пришлось говорить на меня не смотрите профессор я как чучело да но это был настоящий джентл старой закалки таких обходительных днём с огнём не найдешь но так мне и надо не могла выглянуть через занавеску как сегодня с посыльным я уж сперва подумала что отбой когда он загодя прислал портвейн и персики даже зевота напала от нервов неужто думаю он из меня дуру делает а тут слышу как он таттарраттат в дверь наверно он чуточку опоздал потому что в ¼ четвертого я видела как 2 девочки Дедалуса идут домой из школы никогда не знаю сколько точно времени даже часы что он мне дал толком не ходят надо отдать в ремонт я как раз бросила монетку тому хромому моряку за Англию дом и красу насвистывала есть девушка которую люблю и даже не сменила блузку и не подпудрилась или ещё там что и теперь через неделю выезд в Белфаст а ему как раз надо в Энис годовщина его отца 27-го ну пусть и едет себе куда надумал а то вдруг он возмёт нам номера рядом а ему вздумается повалять дурака в новой постели и не прикрикнешь да не лезь ты когда он в соседней комнате или какой-нибудь протестантский священик с кашлем начнёт стучать через стенку а на следующий день он мне ни за что не поверит что ничего не было это мужу можно лапши навешать а с любовником такое не проходит и как бы я потом ни доказывала что точно не было он ни за что не поверит нет пускай уж лучше едет куда собрался к тому же с ним вечно что-нибудь случается как в той поездке на концерт в Меллоу и он надумал в Мэриборо заказать суп на двоих и подали с пылу с жару а тут звонят

в колокол и он топает по перрону и дохлёбывает а суп из ложки расплёскивается и хватило ж ему нервов а официант на подхвате делает из нас святое представление своими воплями а паровозу уже кричат отправляться но он так и не заплатил пока не доел два джентельмена из 3-го класса сказали что он абсолютно прав ну ещё бы он иногда до того уж упёртый если что-то в башку свою втемяшит хорошо ещё что у него получилось ножом открыть дверь купе а то бы нас завезли аж в Корк наверно это сделали ему в отместку О я так люблю езду в поезде или в экипаже с приятными мягкими сиденьями интересно возьмёт он мне 1-й класс вдруг ему захочется заняться этим в поезде даст проводнику на чай О я уже заранее знаю эти идиоты мужчины как всегда будут на нас тупо пялиться как бараны единственное исключение тот обыкновенный рабочий что оставил нас одних когда мы поехали на Тёрн интересно кто он и что а там 1 или 2 туннеля кажется и потом смотри себе за окно ещё приятней а когда вернёмся допустим я не вернусь пойдут разговоры с другим сбежала это здорово тебя продвигает в сценической карьере последний концерт где я пела год назад наверно да точно в зале Св. Терезы на Кларедон-Стрит теперь у них там распевают желторотые барыньки Кэтлин Кирней и ей подобные из-за того видишь ли что папаша в армии а номера из моего репертуара бестолочь побирушка ещё и брошь нацепила в честь лорда Робертса да мне всё это насквозь видно вон Полди хоть не чистокровный ирландец а сумел добиться чтоб я выступила со *Stabat Mater* умеет устроить этого у него не отнять ходил и трезвонил всем встречным поперечным что занят переложением Веди Нас Благой Светоч на музыку будто бы по моей просьбе пока иезуиты не разнюхали что он масон а тот веди нас который он бренчит на рояле содран из какой-то старой оперы да и он тогда отирался с кем-то из Шин Фейна или как они там себя называют молол свою обычную чушь будто тот коротышка что он мне показал совсем без шеи страшно умён и непременно придёт к власти Грифитс какой-то ну я могу только сказать что по нему этого не скажешь хотя наверно это через него

он узнал про бойкот терпеть не могу всю эту болтовню про политику после войны с этой её Преторией и Ледисмитом и Блафонтеном где Гарднер лейт Стенли 8-й бат 2-го Ланкаш плка от воспаления брюшины в военной форме он такой был красавчик и выше меня ростом как раз насколько надо и наверняка смельчак я знаю он сказал я до того красивая в тот прощальный вечер как целовались у шлюза канала моя ирландская красавица побледнел от переживаний что подошло их время отправки или что нас могут увидеть с дороги толком и не стоял даже а меня ж до того разобрало хотелось как никогда ну что им стоило сразу помириться или пусть бы уж тот старый хрен Пол и прочие старые Крюгеры подрались между собой вместо того чтоб затянуть всё на годы и перебить всех красивых мужчин ихним воспалением если б он хоть погиб как-то подостойнее не так бы обидно залюбуешься когда на параде проходит полк в первый раз увидела испанскую кавалерию в Ла Рок до того красиво потом смотрела через залив на те огоньки с Алжерики будто светлячки на скале или учебные бои на 15 акрах Блэк Воча в те времена ещё в шотландских юбочках на марше 10-й гусарский личный принца Уэльского или уланы О уланы просто великолепны или Дублинские что победили при Тугоеле его отец сколотил капитал на торговле лошадьми для кавалерии ну почему бы ему не купить для меня какой-то подарочек в Белфасте там как раз бывает отличное бельё или же симпатичное кимоно надо не забыть купить нафталина как всегда раньше делала и положить в тот ящик а было б здорово походить с ним по магазинам накупить всякого такого в новом городе это кольцо лучше оставлю дома придётся долго покрутить пока пройдет через сустав а то распустят сплетни по всему городу в своих газетах или донесут на меня в полицию да нет пусть думают что мы женаты О да пошли они все куда подальше и пусть заткнутся мне от них ни тепло ни холодно у него целая куча денег и он не из тех кто заводит жену так надо же кому-то из него их повытрясти как бы узнать я ему понравилась вид у меня был малость запаренный как глянула сблизи в зеркальце

когда подпудривалась зеркало не может передать выражение к тому же он до того меня задолбал своей широкой тазовой костью да и тяжелый он и грудь волосатая в такую жарищу вечно ложись под них лучше б впёр бы мне сзади как делает муж м-с Мастиански она мне рассказывала по-собачьи да ещё и язык высунут сколько там его есть а с виду такой уж тебе тихоня такой обходительный со своим ляляканьем куда там да разве можно давать мужчинам безотказно когда им вздумается а он симпатяга в этом его синем костюме и галстук стильный а носки на тех шёлковых голубых штуках явно богатенький сразу видно по одежде и часы такие увестистые но как чорт бесился минуты две когда вернулся с экстренным выпуском порвал билеты ругался что ухнули его 20 гиней и всё потому что первым пришёл тот аутсайдер а половину говорит он ставил за меня по наводке Лениена клял его в хвост и в гриву того шаромыжника до чего он расхамился тогда после обеда в Гленкри когда мы тряслись по той дороге без конца через Пуховую Гору а на банкете лорд Мэр уж так на меня пялился просто глаз не сводил Вел Дилон а я его заметила только уже за дессертом когда щёлкала орехи зубами жаль было не доесть ту курятинку берёшь прямо пальцами такая вкуснятина поджаристая нежная в жизни ничего подобного не ела просто не хотела чересчур уж выскребать свою тарелку а те вилки и ножи для рыбы тоже были из серебра с вензелями вот бы мне такие и запросто могла б припрятать парочку в свою муфту потом когда игралась и вечно стелись перед ними за деньги на ресторан за всякий кусочек что ты проглотила за паршивую чашку чая ты в долгу по гроб жизни какая великая честь что нас вообще замечают так уж поделен мир во всяком случае если у меня этот раз был с ним не последним то мне нужно ещё не меньше пары хороших блузок во-первых и ещё хотя не знаю какие он любит трусы скорее всего чтоб вообще никаких если его послушать да а на Гибралтаре половина девушек тоже всю жизнь без них голые как их Бог сотворил та андалуска что пела свою Манолу не очень-то и скрывала чего там на ней нет да и во-вторых на той паре полушёлковых чулков пошли

затяжки после первого же дня носки можно было утром ещё понести их обратно к Леверу поднять скандал и добиться чтоб обменяли да не охота было заводиться а то вдруг бы столкнусь с ним и всё сорвалось бы и ещё не помешает один из тех тугих корсетов из рекламы в Джентльдаме что очень дёшевы с эластичными клиньями на бёдрах он купил один но не такой как там сказано создаст бесподобную фигуру за 11/6 и скроет чрезмерную ширину в нижней части спины надо худеть брюхо у меня великовато не пить портвейн в обед а то слишком уж начинаю втягиваться последний что принесли от О'Рука оказался пресный как блин вот кто гребёт деньгу Ларри его зовут и тот бесплатный паршивый пакет что он прислал на Рождество мясная запеканка плюс бутылка свиного пойла которое он пытается выдать за кларет который у него никто пить не хочет Боже храни его слюни а то ещё загнётся от жажды или мне надо делать какие-нибудь дыхательные упражнения интересно тот антижирин и вправду действует а то ещё переборщишь а худышки теперь не очень-то в моде и ещё подвязки ну этого добра у меня хватает пара лиловых что я одела сегодня кстати это всё что он мне купил на чек полученный первого ах нет был ещё лосьён для лица который я вчера докончила у меня после него кожа как новенькая я ему столько раз повторила взять такой же и там же смотри не забудь но Бог его знает сделал ли как просила ну да ладно по флакону увижу а если нет то мне пожалуй остаётся только обтирание своей мочой говорят ещё бульон неплохо говяжий или куриный просто добавить туда опопонакса или фиалку она у меня кажется начала шершавиться или стареть понемногу под ней другая кожица но куда тоньше вон когда на пальце у меня верхняя сошла от ожога если бы вся была такая же и четыре несчастных носовика из набора за 6/– что поделаешь в этом мире без стильности не прожить всё тратится на еду и взносы на ренту вот стану её получать уж я пошикую будьте уверены в самом шикарном стиле я всегда любила заваривать чай покруче а не выкраивать да прикидывать чтобы купить пару старых говнодавов тебе нравятся мои новые туфли да и сколько за них мне

уже и одеть-то нечего коричневый костюм да юбка с жакетом и тот что отдала в чистку 3 каково женщине распарывать старую шляпку чтоб подлатать другую да мужчины на тебя и не посмотрят а женщины вообще прямиком прут сразу ж видно что ты безмужняя да ещё всё так дорожает со дня на день и мне ещё 4 года такой жизни до 35 хотя нет мне что это я совсем мне же в сентябре 33 исполняется О да ладно посмотреть на ту же м-с Гелбрайт намного старше меня на прошлой неделе я видела как она выходила увядающая красота а какая была красавица бесподобные волосы аж до талии всё отбрасывала их назад такие же как у Китти О'Ши на Гретем-Стрит я каждое утро 1-м делом смотрела как она их расчёсывает будто ласкала так жалко что мы с ней познакомилась всего за день до нашего переезда а та м-с Лентри Джерсийская Лилия которую любил принц Уэльский думаю ничем он не лучше любого встречного поперечного вот только с негром хотелось бы попробовать красавица при всех её 45 ходил какой-то анекдот про старого ревнивца мужа что-то он там с консервным ножом нет он заставил её носить жестяную штуковину чтоб кругом закрывала да а принц Уэльский консервным ножом но вряд чтоб это вправду как из тех книг что он мне носит сочинения мастера Франсуа типа священика как она рожала ребенка через ухо потому что у неё выпал задний проход ничего себе словечко хорош священик прям так и написал у неё не было жо– как будто любой дурак не догадается что оно значит терпеть не могу всякие такие отмазки да стоит глянуть на лицо старого мерзавца сразу видно полное враньё или та Рубин и Прелестные Властительницы он кстати мне её уже приносил я вспомнила как дошла до страницы 50 где она подвешивает его на крюк для бичевания а женщине вся эта чушь до лампочки или как он выпил шампанское из её туфельки после бала такая же брехня как и тот младенчик Исус на руках Святой Девы в Инчикорском пансионате да никакая женщина не вытужит такого здоровилу а в детстве я думала будто детей через бок рожают потому что как же на горшок ходить-то когда прикрутит а она

конечно богатая дама гордилась небось что такая ей честь с самим Е К В он приезжал на Гибралтар как раз в год моего рождения могу поспорить там тоже нашлась для него лилия уж если он втыкал где-то дерево то втыкал и ещё кой-что в своё время может и я из его рассады наведайся он туда чуть раньше то может я и не торчала бы сейчас тут бросать ему надо этот НЕЗАВИСИМЫЙ с парой занюханных шиллингов которые он там выколачивает да поступить в контору или ещё куда-то с регулярным жалованием или в банк где его усадят на трон и считай себе денежки день деньской но он конечно предпочитает валандаться дома и никуда не прогуляться из-за него какая у тебя программа на сегодня уж лучше б начал трубку курить как отец хоть пахло б от него мужчиной а то прикидывается будто весь в бегах с теми рекламами а ведь до сих пор мог бы работать у м-ра Каффа если б не взъерепенился тогда потом ещё меня подсылал разузнать да уладить а ведь я могла бы его там продвинуть до управляющего тот ко мне поначалу подъезжал раза два по-крупному а тут весь такой важный официальный ах право же м-с Цвейт позвольте вас заверить ну просто я чувствовала себя как последняя нищенка в том нахрен затасканном платье где у меня уже поотрывались грузильца из шлейфа и без выреза но такие снова входят в моду покупала просто чтоб ему угодить хотя и знала что под конец оно ни на что не будет похоже жаль что тогда передумала пойти к Тодду и Берну как собиралась и зашла к Ли где всё было как в магазине дешёвой распродажи всякой чепухи терпеть не могу шикарные магазины до того ж на нервы действуют прям зла не хватает а он себя считает супер знатоком по женской одежде как и в кулинарии хватает с полок всё что там поставлено его послушать так любая шляпка какую примерю как раз по мне да да бери очень к лицу даже та что смахивала на свадебный пирог и торчала в два этажа над головой а он всё долдонит очень идёт или та похожая на крышку сковороды свисала аж до плеча ах какая прелесть а я вся как на иголках перед той продавщицей в магазине на Грэфтон-Стрит куда я сдуру завела его а та стерва обнаглела лыбится во весь рот

боюсь говорит зря вы себя утруждали разве её там для этого спрашивается держат но я так на неё уставилась что нахалке пришлось опустить глаза да и он держался жуть как официально да оно и понятно но обмяк когда посмотрел во второй раз Полди как всегда упёрся твердолобый но я-то видела как тот упорно поглядывал на мою грудь когда встал открыть мне дверь это конечно мило с его стороны проводить меня до дверей как бы то ни было я крайне сожалею м-с Цвейт и уже перестал твердить что ему нанесено оскорбление а я ведь как никак жена обидчика ну я просто мило улыбалась и знала что моя грудь чётко обрисовывается на фоне двери пока он говорил что крайне сожалеет и надеется что вы меня поймёте так-то вот похоже он их сделал малость крепче так уж всё их обсасывал у меня даже во рту пересохло и назвал их титьками я даже засмеялась да вобщем этот вот сосок чуть что враз твердеет я ему скажу ещё ещё ещё и ухвачу за те яйца взбитые с марсалой да так намну что они у него опухнут и зачем только там столько этих вен и всякого такого смешно он всё-таки устроен и не найдёшь 2 одинаковых разве только у близнецов а вот про эти говорят воплощение красоты они тут прямо сверху навиду как у тех статуй в музее одна делает вид будто прикрывается рукой ну разве не красота особенно по сравнению с тем что прицеплено у мужчины два тугих мешочка и та добавка что болтается книзу или торчит на тебя как стояк для шляп не удивительно что такую хрень прикрывают листом капусты другое дело женщина всё сплошь красота тут и спорить нечего он говорил что я могла бы позировать голой для картины какому-нибудь богачу на Холлес-Стрит когда его вытурили от Хелиса а я распродала платья и бренчала в кофейном дворце разве я не похожа на эту купающуюся нимфу если так же распустить волосы да просто она пока что помоложе а ещё я смахиваю на ту шлюху с испанской фотокарточки которую он тайком у себя держит он пользовался нимфами когда занимался чем и все они я у него выспросила как тот паскудный Кэмринский шотландец позади мясного рынка или тот другой оборвыш с рыжей головой за

деревом где раньше стояла статуя рыбы а когда я проходила мимо сделал вид будто ссыт выставил торчком чтоб мне виднее было исподнее кверху подоткнуто хороши молодчики в собственном её Величества так им и надо что их так потрепали им бы только выставиться почти всякий раз как прохожу мимо зелёной будки для мужчин возле вокзала на Харкот-Стрит так и норовят показать не одной так другой так и пялятся чтоб перехватить твой взгляд как будто это 1 из 7 чудес света О а какая вонища в этих дерьмушниках в тот вечер как возвращались с Полди после вечера у Камерфордов с лимонадом и апельсинами такая вкуснятина но потом ты как переполненная бочка я зашла в 1 из ихних такая была холодина я уж не могла сдерживать когда ж это было-то в 93 канал замерз да где-то пару месяцев спустя жаль что там не оказалось парочки Кэмеринских посмотреть как я раскорячилась в мужской уборной я ещё попробовала нарисовать его перед тем как выскочить навроде сосиски или что-то такое и как только они ходят и не боятся что их пнут по нему или прищемят или ещё что случится как там то слово мы там где-то пасли коз чтоб он заталдычил про какие-то там воплощения язык поломаешь и ведь никогда не объяснит попросту чтоб человек понял а потом здрасьте вам присмолил дно сковородки со своей той Почкой а тут хоть и не слишком заметно но всё-таки остался след от зубов где он прикусил за сосок я даже вскрикнула ну разве не сволочи так и норовят сделать больно с Милли у меня молока было полная грудь хватило б и на двоих вот он и говорил что я могла б зарабатывать фунт в неделю как нянька-кормилица до того набухшие были тот студент-тетеря Пенроуз что заявился в № 28 от Цитрона почти что засёк меня через окошко когда мылась но я успела прикрыть лицо полотенцем а остальное изучай сколько влезет студентик и до того они у меня болели как отлучила её от груди пока он не нашёл доктора Бреди что прописал мне Белладонну а то так твердели он даже отсасывал говорил оно слаще коровьего и гуще хотел даже сдоить меня в чай ну ни в какие ж тебе ворота его просто бери и вписывай в альманах честное слово если б

я упомнила хотя б половину всего прямо бери и пиши книгу о трудах мастера Полди да и кожа тут намного нежнее и он ими баловался не меньше часа могу поспорить хоть засекай тоже мне присосался здоровила младенчик и всё-то они в рот тянут всё наслаждение от женщины им мужчинам до сих пор чувствую его рот О Господи дайте-ка потянусь был бы он рядом или кто-то ещё чтоб дать себе волю и я снова б так же дошла во мне аж горит всё или хотя бы во сне когда он доводил меня кончить 2-й раз лоскотал жопу пальцем я доходила минут 5 его ногами обхватила и уже никак не сдержаться было О Господи хотелось вопить что попало хуй или ебля или совсем полную чушь но боялась показаться похабной как те стишки с матерщиной а так уж подмывало умеючи так доведут что захочется дать себе волю с мужчиной но слава Богу не все такие как он некоторым хочется чтоб ты при этом оставалась паинькой я поняла что он не из таких кто делает это молчком вот и подпустила в свои глаза то выражение и волосы так от возни растрепались и я ещё выставила язык между губ к нему зверю дикому четверг пятница раз суббота два воскресенье три О Господи не выдержу до понедельника

урзииииииииивраннннг поезд где-то гудит такая силища в этих паровозах просто тебе великаны и пар от них так и прёт во все стороны как концовка давней сладкой пееесни любви бедняги ночь напролёт вдали от жён от семей в тех раскочегаренных паровозах сегодня так жарко было и правильно я сделала что пожгла половину старых НЕЗАВИСИМЫХ и ФОТО КРОХ вечно бросит где попадя совсем неряха становится а остальные пусть завтра нарежет для уборной нечего чтоб валялись тут до будущего года ради несчастной пары пенсов пусть теперь поспрашивает где газета за прошлый январь и хорошо что убрала все те старые пальто из прихожей в доме от них больше духоты чем от погоды просто чудо до чего вовремя дождь пошёл после сладкого сна мне показалось будет лить как на Гибралтаре божечки вот где жарища-то пока не подует восточный и всё темнеет будто ночь уже только скала отсвечивает

громадная как великан по сравнению с ихними 3 Скалистыми горами что тут считаются горными пиками и часовые в красном там и сям и тополя и всё раскалилося добела и сетки от москитов а заглянешь в какой-то из бассейнов там тот запах дождевой воды и повсюду над тобой солнце вот они и выгорели все те красивые платья которые прислала из Парижа знакомая отца м-с Станхоп с улицы Б Марше мне так неловко дорогая моя Доггерина написала она в письме а уж это у неё здорово получалось но как же её звали-то да просто Р С что посылаю тебе такой пустяковый подарочек я только что приняла горячую ванну чудо как хорошо и чувствую себя чистейшей собаченцией тебе бы понравилось а смугляк она звала его смугляком готов всё отдать лишь бы оказаться сейчас на Гибрале и слушать как ты поешь Старый Мадрид или Ожидание Конконы так назывались те упражнения что он мне купил на шитьё пошли новые какое-то там слово что я не дотёпала шали чудный материал но чуть что рвётся а вобщем всё чудесно надеюсь ты вспоминаешь наши чудесные чаепития с чудными смородиновыми пирогами и плюшками с малиной которые я так обожаю а теперь Доггерина душенька будь умничкой и ответь поскорее наилучшие она пропустила пожелания твоему отцу и капитану Грову с любовью искренне твоя XXXXX и по ней ни капельки не видно было что замужем прямо как девушка её смугляк намного был старше и ужасно милый когда придавил ногой проволоку чтоб я переступила на бое быков в Ла Линеа где матадора Гомеса наградили ухом быка ну и платья мы тогда носили и кто только такие придумал пойди-ка в нём прогуляйся вверх по Киллиней-Стрит или там на пикник зашнурованная в корсет ни вздохнуть ни пёрднуть и в толпе не отскочишь не увернёшься до чего я перепугалась когда старый Бык разъярился и начал гонять бандерилеров с теми их разрезами и те 2 штуковины в их шляпах а мужчины озверели браво орут торо женщины конечно ничем не лучше в своих миленьких белых мантильях пока тот выдирал потроха из тех бедных кляч я чуть не оглохла да а он на меня заглядывался когда я отгоняла собаку в

кривом переулке бродячая тварь и больная наверно а что с ними стало-то с той поры наверно оба давным-давно уже умерли всё как будто в тумане и чувствуешь себя такой старой а плюшки конечно же я пекла мне тогда всё самой приходилось в прислугах была Эстер мы с ней сравнивали у кого волосы гуще оказалось что у меня она научила как придерживать сзади когда кверху зачесываешь и ещё там что-то да узелок на нитке одной рукой мы были как кузины это сколько же мне было в ту ночь как случилась буря я так и уснула в её постели в объятии её рук а наутро мы устроили бой подушками и до того хохотали а он где бы мы ни встретились глаз с меня не сводил рядом с оркестром на Аламеда Эспланада тогда я была с отцом и с капитаном Гровом и сперва я взлянула вверх на купол храма а потом книзу и наши глаза встретились такое было чувство будто что-то нахлынуло меня прямо всю будто иголками пронизало а после как посмотрелась в зеркало глаза у меня так и плясали до сих пор помню что сама себя еле узнала до того прямо вся изменилась у меня кожа была просто прелесть как розочка от загара и волнения я всю ночь уснуть не могла нехорошо ведь по отношению к ней но я бы сумела вовремя остановиться она мне книги давала Лунный Камень был первым что я прочла из Вилки Коллинза и Тень Ашлидита произведение м-с Генри Вуд а Генри Данбара той другой писательницы я возвратила ему с фотокарточкой Малвея вместо закладки пусть убедится что и я не без и ещё Замок Молли она мне давала лорда Лигтона Юджина Арана с посвящением м-с Хангерфорд из-за совпадения имён не люблю если в книге пишут про Молли как в той что он мне принёс про какую-то шлюху из Фландрии постоянно воровала в магазинах где что подвернётся одежду или свёртки материи это одеяло такое тяжёлое просто давит вот так-то лучше и у меня нет даже приличной ночной сорочки а эта постоянно закатывается да ещё он с его глупостями ага так-то удобней будет а там я вечно вертелась с боку на бок из-за той духоты аж халат промокал а потом как сядешь на стул влипает тебе в жопу между половинками но когда стоя они у меня такие

увесистые были крепкие я устраивала горку из диванных подушек чтоб посмотреться в зеркале задрав одежду а по ночам мошкара кишмя кишела на сетке от москитов даже читать не видно Господи до чего ж давно всё было будто столетия прошли конечно же они так никогда не вернулись а свой полный адрес она не написала может приметила что-то насчёт своего смугляка люди вечно уходят и уходят и мы их никогда уже и я помню в тот день такие поднялись волны и носы лодок раскачивало вверх-вниз а корабль такой был громадный а на нём офицерская форма для увольнения на берег и даже от одного взгляда морская болезнь начиналась он всю дорогу молчал уж до того серьёзный на мне были высокие башмаки на застёжках и юбка плескалась от ветра и она меня расцеловала раз шесть или семь не меньше я вроде плакала или почти разревелась губы у меня так и прыгали насилу выговорила прощайте на ней роскошная такая была накидка какого-то особо синего цвета для поездок немного наискосок до того красиво смотрелась а когда они уехали такая навалилась скучища прям до одури я почти уж собралась сбежать куда глаза глядят там где мы есть нам всегда не то неважно с отцом ты или с тётей или в замужестве и всё-то ты ждёшь вечно ждёшь нааправь сюдааа где я томлюсь егооо летящий шаг их чортовы пушки гремели и бахкали на всю округу особенно на день рождения Королевы всё валится куда попало если не открыть окна или когда генерал Улисс Грант сошёл на берег должно быть какая-то крупная шишка и старый консул Спрейг который служил там с допотопных времён встречал его при всём параде а сам-то бедняга в трауре по сыну а потом ты одна-одинёшенька и по утрам всё один и тот же сигнал трубы и барабанный бой и солдатики чёртовы бедняги маршируют с заплечными мешками а от них прёт хуже чем от длиннобородых стариков-евреев на их юбивульных и левитских собирушках а вечером сигнал отбоя и выстрел пушки чтоб личный состав вернулся в казармы и охрана топает с ключами запереть ворота и вой волынки и каждый божий день видишь только капитана Грова и отца с их разговорами про пассивность Рурка и

про Плевну и сэра Гарнета Волсли и Гордона в Хартуме когда напоследок раскурят свои трубки или хряпнут грога старый чертяка в жизни не оставил недопитым на подоконнике как засидятся только всё в носу колупается да прикидывает какую бы ещё рассказать грязную историю но в моём присутствии никогда не забывался непременно высылал из комнаты под каким-нибудь пустым предлогом да ещё и с комплиментами конечно это в нём говорило бушмилское виски но точно так же он повёл бы себя с любой другой женщиной какая ни подвернись наверно он давным-давно умер от запоя и каждый день тянулся словно год и ни единого письма ни от одной живой души если не считать одно или два что я сама себе послала чистый листок в конверте иногда такая найдёт тоска что хоть на стенку лезь как наслушаешься того одноглазого старика-араба с его сволочным инструментом у которого вся песня одно только хейя хейя ахейя нет уж спасибо вам и душу выматывает до того что аж муторно как и мне сейчас а посмотришь в окошко нет ли какого красавца так просто руки опускаются даже и врач из дома напротив как жили на Холес-Стрит он потом ещё с медсестрой спутался встану перед окном шляпку одеваю перчатки куда уж яснее что сейчас выйду а ему не доходит к чему это я ну не тупицы разве никакие намёки им не доходят хоть просто бери да печатай плакат большими буквами и даже когда пожмёшь им руку левой и даже дважды всё бестолку он бы тоже мимо прошёл если б я на него не нахмурилась чуть-чуть перед церковью на Вестланд-Роу и куда только девается великий их ум хотела б я знать то самое серое вещество всё небось в хвост уходит могу поспорить да как те деревенские умники в Арсенале у них ума меньше чем у бычков и тёлок которых они продают на мясо или тот чернявый раззвонился подлец дверным колокольчиком хотел меня облапошить фиктивным счётом что вытянул из своей шляпы какой-то там набор подносов-чайничков голь на выдумки хитра а нынче так вообще и битые бутылки возьмутся тебе штопать и ни одна живая душа не заходит даже почты нет одни только чеки его да ещё вон рекламу прислали

про чудодей какой-то где ему написали Мадам вот только сегодня утром его письмо и открытка от Милли ему-то вон целое письмо накатала а мне погоди-ка от кого последний раз письмо-то было ага от м-с Двенн и что это ей вздумалось писать столько лет прошло попросила мой рецепт для писто мадрилено а от Флой Дилон ни строчки после того письма что вышла замуж за богатющего архитектора так я и поверила держи карман с виллой из восьми комнат отец её приятный был мужчина где-то уже под семдесят всегда с шуточками ну-с мисс Твиди или мисс Лакомый Пирожок пьянина к вашим услугам а в серванте из красного дерева держал солидный такой кофейный сервиз чистое серебро потом они уехали и умер за тридевять земель терпеть не могу людей что враз тебе начинают делиться своим горем будто у других своих забот мало бедняжка Ненси Блейк скончалась месяц назад от острой пневмонии хоть я с ней не очень-то была близка она всё больше с Флой дружила но столько мороки пока напишешь ответ он мне всегда подсказывает где ошибки и где пропущены препинания ну просто как разговариваю с сочуствием тут у меня всегда ошибка к вашей тяжёлой утрате надеюсь в следующий через ю раз он мне пришлёт письмо подлиннее если я ему и впрямь понравилась О слава тебе Господи всемогущий наконец появился хоть кто-то способный дать мне что надо это так взбодряет а то в здешней дыре уже и надежд никаких как прежде а так хочется чтоб кто-нибудь написал тебе любовное письмо его сегодняшнее совсем коротенькое я попросила писать что вздумается навеки твой Хью Бойлан женщины из Старого Мадрида такие глупые верят будто любовь вздыхает но до чего ж охота чтоб написал а вдруг там будет капелька правды или пусть приврёт но зато весь день живёшь полной жизнью и всякую минуту есть о чём подумать и всё вокруг как новый мир и я писала бы ответ лёжа в постели пусть представляет меня совсем немного каких-то пару слов а не как в тех чёрканные-перечёрканные письмах которые Атти Дилон строчила тому парню что кем-то там служил в четырёх судах правда потом она выбросила тот девичий письмовник когда я

растолковала что лучше написать пару простых слов от себя которые он бы потом перекручивал и так и эдак как ему нравится и нечего потеть над списыванием про неоспоримую беспрецендентность и равновзаимную искренность величайшего из мыслимых блаженств если согласна на предложение джентельмена Боже ж ты мой всего и делов-то может им оно и надо но стоит женщине состариться тебя враз выбросят на дно помойки а самое первое прислал мне Малвей я в то утро была ещё в постели и м-с Рубио принесла его вместе с кофе и стоит не уходит пока я не сказала подать мне эту как её и пальцем всё на них показываю никак не могу вспомнить слово шпилька чтоб открыть конверт орквилла старая тетеря а у неё ж их целый ворох в том её парике из накладных волос уж так она заботилась про свою внешность старая уродина в свои 80 или 100 лет не лицо а сплошные морщины и набожная аж дальше некуда а всё оттого что никак не хотела смириться что Атлантический флот причаливает когда вздумается и что британский флаг реет над каждым вторым кораблём во всём мире и спрашивается чего стоят все ихние карабинеры если 4 пьяных английских моряка взяли штурмом ихнюю Скалу и что я не слишком часто бегала на мессу в Санта Марию покрывшись шалью ей на радость ну разве что если там венчание или когда выносили тех её святых чудотворцев и святую деву тоже черняввенькая в шёлковом платье и вуаль с блестками 3 раза наутро Пасхального воскресенья а когда встречался священик который нёс ватикан умирающему с тем его колокольчиком она принималась креститься перед Его Мажестад а в конце письма он подписался Очарованный я когда подметила в магазинной витрине что он идёт за мной следом по Калле Риаль так чуть из собственной шкуры не выпрыгнула до того охота было подцепить а он как поравнялся взял под козырёк я и не мечтала что он напишет и назначит свидание я целый день носила письмо под корсажем платья и перечитывала в каждом углу и закоулке до ухода отца на строевые занятия чтоб погадать по почерку или по цвету марок и всё время напевала и раздумывала прикалывать мне белую

розу или нет и до того хотелось подвести вперёд те дурацкие старые часы чтоб поскорей уже пришёл назначенный час он был первым мужчиной который меня поцеловал под Мавританской стеной где возлюбленный мой я и понятия не имела к чему эти поцелуи пока он не сунул свой язык мне в рот а его рот таким был сладким юным я пару раз притронулась к нему коленкой узнать как там у них повыше и для смеха наплела ему будто помолвлена с сыном знатного испанского дворянина по имени дон Мигель де ла Флора а он-то и поверил что мы обвенчаемся через 3 года много сказанного в шутку оборачивается правдой ну чем тебе не флора этот вот цвейтик но кое-что я ему сказала как есть чтоб ему было про что думать и воображать ему не нравились девушки-испанки наверное какая-то не дала он до того от меня возбудился все принесённые им цветы смял на моей груди и не знал как считать песеты и перрагорды пока я не научила говорил что он родом из Капокина на Блэквотер но это уже под конец за день до его отплытия в мае да это май был когда родился инфант король Испании по весне на меня всегда находит такое мне бы каждый год нового хахаля на вершине возле батареи на башне О'Хары я ему рассказала что однажды туда ударила молния и всякое такое про старых берберийских обезьянок которых увезли в Кепхем без хвостов всё представление пристраивались друг к дружке сзади из того что рассказывала м-с Рубио это была сущий скорпион воровала цыплят на ферме Инчес а чуть подойдёшь начинала бросаться камнями он с меня глаз не сводил на мне была та белая блузка спереди чуть расстегнута чтоб завлечь насколько позволяют приличия не могла ж я совсем расхрыстаться груди у меня как раз начинали наливаться я сказала что устала и мы легли у папортниковой пещеры укромное место наверное это самая высокая скала какие только есть а в ней проходы и галереи и те жуткие глыбины и пещера святого Михаила с сосульками или как там они называются до самого низа и грязь с лестницы прилипла мне на башмаки там наверняка есть тот ход по которому обезьяны уходят под морским дном в Африку когда им пора умирать а корабли

вдалеке будто щепочки как раз проходил пароход с Мальты только море и небо и делай что хочешь валяйся хоть целую вечность он расстегнул мою блузку и ласкал их им только подай такое кругленькое я склонилась левой стороной лица над ним в моей белой шляпе из рисовой соломки чтоб и самой посмаковать новизну и моя лучшая блузка нараспашку в наш прощальный день а через его чуть прозрачную рубаху просвечивала его розовая грудь и он хотел прижать её к моей на минуточку но я не позволила ужасно огорчила беднягу во-первых боялась а вдруг чахотка или же сделает мне ребёнка эмбаразада старая служанка Инес мне говорила что если в тебя попадёт хоть одна капелька то будет младенчик потом я ещё пробовала бананом но очень боялась а вдруг лопнет и застрянет где-то внутри да вон один раз что-то такое вынимали из какой-то женщины оно в ней там за долгие годы уже и солью взялось а им-то дай только впихнуть свой туда откуда сами появлялись прямо с ума сходят сколько б ни всунулись всё им мало а после ты для них что есть что тебя нету пока снова не захотят да но оно и понятно уж до того чудное ощущение и там такое всё нежное как же мы в тот раз кончили О да я выдернула его в мой носовой платок а сперва притворялась что ни капельки не возбудилась но ноги у меня сами собой раздвинулись хотя и не давала чтоб он залазил мне под юбку через пройму на боку сначала я его вконец измучила дрочила только точно так же обожала дразнить того пса в отеле рррссcст авоквокавок он закрыл глаза а над нами летела какая-то птица он такой был стеснительный но всё равно для меня самый лучший а как он засмущался в то утро когда я вся к нему прижалась расстегнула у него пуговицы и вытащила его наружу и закатила кожу а в нём как бы глазик все они баламуты ниже пояса он меня называл милая Молли а как же его-то звали Джек Джо Гарри Малвей да по-моему лейтенант волосы светлые и голос такой смешливый ну тогда я перешла на как там это слово и уже до конца так так ещё усы у него были обещал непременно вернуться Господи всё как будто вчера было а я поклялась что если

буду замужем то дам ему а я и вправду б позволила чтоб он спустил в меня где-то мыкается теперь а может умер или убит или капитан уже а может адмирал без малого 20 лет вспомнит ли если скажу папортниковая пещера или вдруг бы подошёл сзади и закрыл мне глаза а ну угадай кто может я и узнала бы молодой ещё около 40 может женился на какой-нибудь девушке из Блэквотера и стал совсем другим они такие в них нет и половины женского постоянства а той и невдомёк что я вытворяла с её муженьком когда она ему ещё и во сне не снилась да ещё средь бела дня у всего мира на виду представьте себе вот бы им статью такую в КРОНИКЛ потом на меня слегка дурь нашла я надула тот старый пакет из под бисквитов от Бенади Босс и трахнула да так громко Боже ж ты мой все голуби и перепелки переполошились а когда возвращались той же дорогой то на еврейском кладбище за старой сторожкой делали вид будто читаем на иврите и там на середине горы я хотела стрельнуть из его пистолета но он сказал что у него нету и у него не получалось пригнуться ко мне так чтоб его фуражка не мяла бы мою шляпку и вечно она у него была набекрень сколько я ему ни поправляла КЕВ Каллипсо тот старый епископ с его длинной проповедью перед алтарём про назначение женщины и про девиц что нынче катаются на велосипедах в кепках и в тех новомодных брюках-цветиках Боже пошли ему ума а мне денег да побольше думаю их так назвали по его имени я и представить не могла что у меня будет такая фамилия Цвейт ах какой у тебя цвейтущий вид постоянно подшучивала Жози когда я за него вышла ладно всё лучше чем Блин или Дрыггс и впрямь дрыгает или те ужасные фамилии со словом зад на конце м-с Быкзад или ещё там чей-то Малвей тоже не Бог весть что или если например мы б с ним развелись м-с Бойлан уж не знаю кем там была моя мамочка но могла бы дать мне имя покрасивее хотя не знаю какое а у самой-то было просто прелесть Лунита Ларедо мы так веселились бегая взапуски вдоль дороги Билла к самой крайней точке Европы я увертывалась туда сюда обратно а они колыхались и прыгали под

моей блузкой как нынче у Милли её бутончики когда взбегает по лестнице и мне так нравилось на них поглядывать я подпрыгивала к перечнику к тополям сорвать листвы и бросить в него они уплывали в Индию и он обещал писать ох и далеко же им приходится плавать на край света и обратно только и утехи раз-другой потискать женщину если подвернётся на пути к тому месту где потонут или взорвутся в то воскресенье я утром поднялась на мельничью горку с подзорной трубкой покойного капитана Рубио какие выдают дозорным он говорил и у него есть на борту пара таких же самых на мне было то платье с Б Марше Париж и коралловое ожерелье пролив сверкал и был виден берег Марокко аж чуть ли не до залива Танжера и гору Атласа с белым снегом на вершине а сам пролив словно река до того всё четко Гарри Молли милая и я всё думала каково ему там среди морей с меня уж и юбка начала спадать как тогда на мессе вознесении даров а тот носовик неделями держала у себя под подушкой потому что с его запахом на этом Гибралтаре хороших духов не сыскать одни только те дешёвые *pean despagne* враз выдыхаются и только вонь остаётся а мне ж так хотелось дать ему что-то на память он подарил мне то грубоватое Кладдахское колечко на счастье которое я отдала Гарднеру когда их отправляли в Южную Африку где эти буры прикончили его своей войной или воспалением но всё равно их здорово побили наверно оказалось несчастливым как опал или жемчуг и не меньше полных 16 каратов золота такое увесистое

Урзиииииииииииииииииииивранг опять тот поезд пианиссимо о милых дням что куда-то ушли невозвратно закрою глаза и дыханье тая поцелую грусть твоих глаз и открою рояль до того как туман уж окутает мир терпеть не могу это аанужоку и льётся давняя сладкая ллюууууууубви я б это место выдала на полную мощь подойдя к рампе а та Кэтлин Кирней и прочие пискухи мисс Ся мисс Та мисс Пятаядесятая пучок воробьиных пуков скачут вокруг чирикают про политику в которой смыслят не больше моей жопы на что только не идут эти доморощенные ирландские милашки чтоб хоть чем-то

выделиться я дочь солдата мол не чета тем у кого отец сапожник или трактирщик ах извиняюсь тележка мне показалось что вы тачка да они б замертво свалились если б им довелось пройти вдоль Аламеды под руку с офицером как мне в тот вечер играл оркестр и мои глаза просто сияли а грудь которой у них и в помине нет была прямо-таки воплощеньем страсти Господи помилуй их пустые головы да я в 15 знала о жизни и мужчинах больше чем они будут знать в 50 где им так петь чтоб у каждого мужчины пошли б мысли про это Гарднер мне признавался от одного взгляда на мой рот и зубы и улыбку я сперва боялась что ему не понравиться моё произношение он ведь чисто английских кровей всё что мне досталось от отца помимо его марок а глаза и фигура у меня от матери во всяком случае он всегда так говорил некоторые из этих жлобов уж до того нос дерут а он совсем не такой и просто с ума сходил от моих губ пусть-ка сперва заведут себе мужа такого чтоб приятно было глянуть и такую дочку как у меня и докажут что способны завлечь деньжастого хахаля навроде Бойлана который может выбирать и перебирать как вздумается да попробуют дойти 4 или 5 раз без высмычки не говоря уж про голос да я была бы примадонной если б не вышла за него замуж льётся слаааадкая глубоким низким подбородок не слишком опускать а то получится двойной Будуар Моей Леди слишком длинная чтоб на бис про ров под стеной замка и сумрак под сводами комнат да я исполню Веют Южные Ветры которую он мне поставил после постановки на лесенке для хора и поменяю те кружева на моём чёрном платье чтоб выделить мои сиськи и ещё ей-Богу отдам в починку тот большой веер они у меня от зависти треснут у меня в дыре огнём горит как подумаю о нём аж ой что-то мои ветры разбурчались надо б негромко а то ещё проснётся и опять начнет слюнявится со своим а я потом подмывайся и зад и брюхо и бока если у нас была хотя бы настоящая ванная или у меня своя отдельная комната всё равно лучше б он спал на какой-нибудь другой кровати и не взваливал на меня свои холодные ноги то можно было б и пёрднуть Боже ага ещё

так чуть-чуть поудобней да держи ты их при себе вот так эта часть на моём пианино спокойно слаааааа вроде того поезда вдалеке вдалеке пианиссимо иииииииии ещё разок любви такое облегчение как выпускаешь свой ветер на волю ну не знаю наверное от того ломтика свинины что я съела потом за чаем не найти совершенно свежего при такой жаре но я сколько ни принюхивалась вроде ничего а тот странноватого вида мужчина в мясной лавке наверняка большая скотина хоть бы только эта лампа не коптила а то у меня будет полный нос сажи но лучше уж так чем если б он оставил газ гореть всю ночь на Гибралтаре я постоянно крутилась в постели и чуть что вскакивала посмотреть до того трусиха хотя зимой с газом намного веселей О Господи какая холодрыга была в ту зиму когда мне только-только исполнилось десять или не десять ну да у меня ещё была большая такая кукла с разными платьями наряжать да переодевать и ветер дул прямо ледяной с тех гор как их там Невада сьерра Невада я от камина ни на шаг не отходила а сверху ещё тот мой коротенький халатик для тепла мне так нравилось кружиться в нём и бегом обратно в постель наверняка тот сосед напротив торчал там всё время и подглядывал из темноты когда я летом бродила по комнате в чём мать родила так здорово раздеться и просто обтираться перед умывальником но когда дело доходило до представления с ночным горшком тут уж я гасила свет и нас становилось уже 2 таких умных Прости-прощай мой сон на сегодня но надеюсь он не надумает завести дружбу с теми медиками не хватало чтоб вообразил себя опять молоденьким и являлся домой в 4 утра наверняка уже натикало или даже больше хотя ему хватает воспитанности не будить меня и о чём они находят болтать всю ночь напролёт тратят деньги чтоб накачаться под завязку лучше б они так воду пили а потом начинают выдавать нам свои приказы яичницу им подавай и чай Финдена пжалте и ещё небось гренки с маслом рассядется тут как царь-государь и будет колупаться в своём яйце ручкой ложечки и где только нахватался таких манер а мне нравится слышать как он по утрам спешит сюда по лестнице и чашки звякают

на подносе а потом поиграть с кошкой она об тебя трётся для собственного удовольствия вот только не знаю что у неё насчёт блох она ничем не лучше женщины всё лижется да мыжется вот только не терплю как начинают когти выпускать интересно что это они видят такое чего мы не видим когда сядет наверху лестницы и прямо так вся и уставится куда-то и прислушивается точь-в-точь как я вечно жду но эта ещё та ворюга стащила свежую камбалу что я тогда купила пожалуй возьму-ка я рыбы назавтра это же будет или уже сегодня пятница да так что могут соизволить бланманже с вареньем из чёрной смородины не то что нынешние баночки по 50 гр смесь сливы с яблочным из Лондона и Ньюкасла Вильямс и Вудз и вполовину не то однако угри слишком костисты а возьму-ка я хороший кусочек трески у меня всегда выходит как раз на 3 фу ты я всё забываю а то меня уже тошнит от этой постоянной убоины от Барклея рубленый пах и вырезка и говяжья ножка и баранья шея и телячьи потроха блеванёшь от одних только названий вот бы съездить куда-нибудь на пикник скинемся скажем по 5/– с носа или пускай раскошелится и нанимает отдельную себе кухарку да прокатиться бы в моховую долину или на земляничные поляны так он же там начнёт обследовать копыта у всех лошадей я ж его знаю да и лучше без Бойлана немного холодной телятины и ветчины бутерброды ассорти там у подножия склонов специально есть маленькие домики но в них жарища как в пекле но только не на праздники терпеть не могу день-деньской стряпать на природе день Белых Риз тоже нехороший недаром его и пчела ужалила лучше к морю но только я в жизни уже не сяду с ним в одну лодку после того как он в Брее похвастался лодочнику будто умеет грести если его спросить ты смог бы проскакать в стипл-чейзе на золотой кубок скажет да а там поднялись такие волны та развалюха вихляет туда-сюда накренилась на мой край а он мне командует тяни правый ремень тяни левый ремень а прилив так и бурлит и дно протекает у него весло из уключины выскочило хорошо ещё что мы не утонули сам-то плавать умеет и всё твердил мне всё хорошо ничего

страшного успокойся в тех его фланелевых брюках которые мне так и хотелось содрать при всём народе и задать ему настоящую вздрючку исполосовать до синяков для его же блага если б только там не торчал тот длинноносый хлыщ не знаю кто такой напару с другим красавчиком Берком из отеля Арсенал и что это он там высматривал вечно всунется куда не просят чуть где скандал тут как тут ну и приходится делать вид что всё прекрасно хотя особой любви между нами не было это 1 утешение интересно что это за книгу он мне притащил Услады Греха светского джентльмена похоже очередной м-р Де Кок наверняка к нему прилипло это имя за то что шлялся со своей палкой от одной женщины к другой мне даже не во что було переобуться те мои белые туфли совсем испортились от морской воды и шляпка сбилась и вся помялась я конечно здорово взбеленилась потому что запах моря меня всегда возбуждает так хороши были те сардины и лещи из Каталонского залива по эту сторону от Скалы прям тебе серебро в корзинах у рыбаков старик Луиджи про которого говорили что ему больше ста лет и что сам он из Генуи высоченный старикан с серьгой в ухе не люблю мужчин на которых надо карабкаться пока дотянешься наверно все они поумирали уже и сгнили давным-давно ещё не люблю оставаться одна в этой казармище хоть говорят стерпится-слюбится всегда так спешно переезжаем но я никогда не попрекала он собирался открыть музыкальное училище на первом этаже в гостиной с медной табличкой или частный отель Цвейта чтоб поскорей разориться как его отец в Эннисе вроде всех тех дел про которые балаболил моему отцу что типа как собирается провернуть мне тоже выдавал про всякие расчудесные места куда бы мы могли поехать на медовый месяц Венеция под лунным светом и гондолы и озеро Комо у него была картинка вырезанная из какого-то журнала и мандолины и фонари но я-то его насквозь вижу как только начинает заливать О говорю до чего круто и стоило мне хоть о чём-то заикнуться он готов был исполнить в ту же секунду если не ещё скорее хочешь быть мне муженёк выноси-ка мой горшок ему давно полагается кожаная

медаль с мягким краем за все его планы какие он наизобретал потом уходит а ты сиди тут весь день не зная какой старый попрошайка постучит в дверь со своей долгой историей заработать краюху хлеба так может же и бандит впереться упрёт ногу чтоб не смогла захлопнуть дверь как на той картинке в Еженедельных Новостях где врывается рецидивист что только-только вышел после 20 лет тюрьмы и убил старуху из-за её денег а если б то была его бедняжка жена или мать или ещё кто и рожа такая что убежишь без оглядки я просто места не могла найти не успокоилась пока не заперла все двери и окна но так даже ещё хуже будто тюрьма или дурдом их всех перестрелять надо или пороть до смерти вот ведь зверюка напасть на бедную старушку в её постели я б всех их постреляла честное слово а от него не ахти сколько толку хотя всё ж лучше чем ничего в ту ночь как мне послышалось что на кухню забрались взломщики и он пошёл вниз в ночной рубахе со свечкой и кочергой как будто мышь прогнать а сам белый как простыня перепугался до потери пульса и всё с таким шумом-стуком чтоб взломщики улизнули да у нас и взять-то нечего видит Бог но всё-таки опасаешься особенно теперь без Милли нет это ж додуматься надо послал девушку учиться на фотографа как его дед вместо того чтоб отдать в училище к Скарру для образования чтоб не как я с одной только школой хотя ему всё-таки надо было устроить что-то в таком роде из-за меня и Бойлана вот он и придумал я же знаю он всё наперёд вычисляет и планирует а то ж я в последнее время и повернуться не могла при ней в доме пока не запрусь на задвижку во мне аж всё задёргалось как она вбежала без стука как раз когда я подмывалась перчаткой хорошо хоть стул у двери поставила прямо никаких нервов тебе не хватает потом целый день строила из себя обиженную её бы запереть в стеклянный ящик с парочкой таких как они двое чтоб глаз с неё не спускали хорошо хоть он не заметил что перед самым отъездом она отбила руку той задрипаной статуэтке и всё по своей небрежности не следит что делает пришлось мне отнести её к парнишке-итальянцу но склеил так что и не заметишь

за 2 шиллинга а она тебе даже картошку не принесёт хотя в этом права конечно зачем руки портить я приметила в последнее время он за столом всё разговоры с ней разговаривает про всякое что там в газете а она строит виды будто ей что-то понятно хитрюга это в его конечно породу и пальто он ей подаёт но когда с ней что-то не так она ко мне бежит а не к нему ну а меня-то он не может упрекнуть что прикидываюсь у меня с ним всё в открытую дальше некуда а то решил небось что со мной окончен бал и можно выбросить в чулан на полку а ничего подобного мы ещё посмотрим и она теперь тоже во всю флиртует уже с парой сынков Тома Деванса пытается свистеть на мой манер а эти наглые девчонки Мюрреев постоянно её вызывают можно Милли выйдет пожалуйста ага на неё громадный спрос чтоб полапать за что подвернётся на углу Нельсон-Стрит как стемнеет и раскатывает на велосипеде Гарри Деванса так что даже и неплохо что он её туда отправил а то уже начала переходить границы чуть ли не каждый день на каток и сигареты ихние взатяжку курила я унюхала по её одежде когда пришила пуговицу ей сзади на жакете и откусывала нитку от меня не утаишь уж будьте уверены только зря я на ней пришивала это к разлуке и сливовый пудинг в последний раз тоже распался на 2 половинки это ж надо до чего всё сходится хоть и говорят суеверие и язычок у неё длинноват стал по-моему она мне заявляет у твоей блузы слишком низкий вырез или та её шуточка про чайник-чернозадик вот и пришлось сделать замечание чтоб не вскидывала ноги всем напоказ тоже мне выставка для прохожих и все на неё заглядываются как и на меня когда я была в её возрасте конечно в молодости на тебе любая тряпка смотрится и до того уж недотрога когда ходили на Единственного в Весёлом Театре то постоянно отодвигала ногу не выношу когда наваливаются боялась что я примну её юбку с галунами а в этих театрах столько бывает тисканья и никуда не денешься они так и норовят об тебя потереться в давке да темноте тот тип в партере Королевского на Глазурном Дереве Трилби чтоб я хоть раз ещё туда пошла чуть не задавили ради какой-то Трилби с её

голозадым деревом так он через каждые две минуты ко мне притрагивался а сам глядит в другую сторону по-моему он малость рехнутый потом я его видала как подбирался к двум модно одетым дамам у витрины Швицера для той же забавы я его лицо моментально узнала и всё остальное но он меня и не вспомнил а она даже поцеловать мне её не позволила на вокзале когда уезжала но пусть попробует найти ещё кого-то чтоб так о ней заботился когда болела свинкой или гланды пораспухали тогда посмотрим но вобщем у неё конечно ещё нет полного понятия чтоб до глубины мне тоже толком не доходило пока не исполнилось 22 или около того так что всё это чепуха и обычные девичьи причуды да капризы да хаханьки а эта Конни Коноли написала ей письмо белыми чернилами по черной бумаге и запечатала сургучом правда она тоже хлопала когда занавес опустился потому что он довольно смазливый с виду а потом у нас и в завтрак и в обед и в ужин только и разговору было что про этого Мартина Харвея я потом даже про себя подумала наверно это настоящая любовь раз мужчина даже жизнь отдает за неё только мало небось осталось таких мужчин просто невозможно поверить если у тебя не случалось такого у большинства из них в их натурах любви и капли нет разве теперь найдётся такая пара чтоб настолько полны были друг другом и чтоб он чувствовал то же что и ты такие обычно малость тронутые и отец его был наверно немного того это же надо взял и отравился ради неё а бедный старик наверно чувствовал себя совсем одиноким и постоянно зарится на мои вещи на несчастную пару старых тряпок что я ещё имею и в свои 15 лет ей уже хочется делать прическу и пудрится моей пудрой только зря кожу себе портит ещё придёт и этому время вся жизнь впереди но она конечно места себе не находит потому что знает что красивая с такими-то губами уж до того красные жаль что не остаются и дальше такими же и у меня не хуже были но что толку идти на рынок с бездельницей которая огрызается тебе как торговка рыбой если попросишь сходить за полпудом картошки как в тот день когда мы встретили м-с Джо

Галахер на рысистых бегах а та прикинулась будто и не видит нас из своей коляски с адвокатом Фриери мы конечно не слишом знатны вот я и отвесила ей 2 отличных затрещины по уху чтоб не забывалась и больше не смела мне так отвечать получай за свою наглость до чего ж она меня взбесила вечными пререканиями конечно я тоже в тот момент была из-за чего-то не в духе то ли мусоринки в чай попали то ли не выспалась нет сыра я тогда переела вот что и столько можно ей повторять чтоб не закладывала так вызывающе ногу на ногу а то ведь ей уже никто не указ на всё ответит сама знаю и если он её не воспитывает так я начну даю слово и это был последний раз когда она распустила нюни точь-в-точь как я в её годы никто мне слова не скажи и это конечно по его вине мы обе тут горбатимся как рабыни вместо того чтоб нанять какую-нибудь женщину и я уж сколько времени всё собираюсь завести порядочную прислугу но опять-таки она б конечно увидала как он пришёл и мне пришлось бы ей говорить чтобы не ляпнула столько мороки с ними за старой м-с Флеминг тоже нужен глаз да глаз и всё-то ей прям в руки подай чхала тут и бздела в кастрюли ну конечно по старости уже не может сдержаться но ни хрена себе как я нашла ту вонючую тряпку для посуды что завалилась за кухонный шкаф а я так ведь и знала что там что-то есть даже окно держала открытым чтоб выветрился запах нате вам приятелей он приводит на угощенье а в тот вечер даже с собакой домой заявился это же надо а вдруг бешеная ну и тем более сынок Саймона Дедалуса папаша у него жуткий критикант тогда на матче по крокету в тех его очках и при цилиндре а в носке дырища курям насмех но сынок его отхватил всякие там премии уж и не знаю за что но представить только как он карабкается через ограду а если б увидел кто-то из знакомых просто чудо что не подрал свои шикарные похоронные брюки на что они и нужны с дырищей-то как будто мало тех что всем и каждому даются от природы потащил его вниз на грязную задрипанную кухню и это спрашивается нормальный жаль что не в постирушный день хотя мои старые трусы может ещё там на верёвке

но ведь ему не доходит а на них след от утюга которым старая тетеря умудрилась их присмалить а тот может подумать что-то другое и она так и не перетопила жир как я ей сказала ходит как в воду опущенная наверно её парализованому мужу опять похужело вечно с ними не всё в порядке не болезнь так на операцию надо а если здоровье в порядке то муж пьянчуга и лупцует её через день надо найти время и подыскать другую и вот так что ни день то что-то новое Боже ж ты мой святой Боже вот уже как лягу мертвой в своей могиле только там наверно и будет мне покой с вашего позволения мне встать надо на минутку погоди-ка О Исусе погоди ой да это ж у меня дела пошли да точно ну вот пойди и не психани конечно после того как он натыкал напихал перепахал мне там всё что ж теперь делать-то пятница суббота воскресенье ну прямо всю душу выматывает если только он не любитель такого некоторым мужчинам нравится Бог знает чего ради но у нас вечно что-то не так 5 дней подряд каждые 3 или 4 недели обычный ежемесячный аукцион аж муторно и точно так же вот с меня текло в тот вечер как мы впервые были в ложе всего нас двое это ему Майкл Ганн устроил на м-с Кендал и её мужа в Весёлом за то что он ему помог насчёт страховки у меня тогда полилось хоть завязывай но правда я держалась тот великосветский джентльмен уставился на меня в бинокль а он сидит сбоку и всё долдонит про Спинозу да про его душу а тот небось уж миллион лет как умер я мило улыбалась а что ещё остаётся сидя в жиже вся подалась вперёд как будто мне жуть как интересно досидеть до самого конца не забуду жену Скарли которая говорят изменяет с кем попало тот идиот на галерке гундел что прелюбодейка а в конце орал браво он небось сбегал и поимел женщину в соседнем переулке и во весь дух обратно чтоб успеть ему бы такое как мне так небось заулюлюкал бы вон даже кошка устроена лучше нас могу поспорить то ли слишком там у нас крови много или О многотерпенье небесное из меня хлыщет прям как прилив на море во всяком случае он не сделал мне брюха хоть и такой здоровенный не запачкать бы чистые простыни и это чистое

бельё что я постелила тоже дела притянуло ну просто наказание какое-то а им всем хочется увидать постель замаранной и удостовериться что ты девственница вот что их тревожит в первую очередь ох и лопухи да будь ты хоть вдовой или 40 раз в разводе мазни красными чернилами всего и делов-то или смородинным соком хотя нет получится слишком бордовый О Сусе дай-ка вылезу из этой уфф услады греха и кто только придумал такое для женщины вдобавок к стряпне и стирке и детям-спиногрызам а эта долбаная кровать совсем развалюха звякает как чёрт знает что и нас слышно небось было аж на той стороне улицы пока не додумалась расстелить на полу одеяло и подушку под мой зад интересно мне почему-то кажется что оно днём приятнее и всё думаю может стоит сбрить там все волосы а то аж прею начну смахивать на молоденькую вдруг он на следующий раз затеет полный обсос всю одежду с меня посдёргивал до ниточки я б что угодно дала только бы увидеть его лицо в тот момент куда этот горшок задевался боюсь до ужаса чтоб не треснул подо мной как тот старый стульчак интересно я ему не слишком показалась тяжелой как присела к нему на колено я его нарочно усадила на пуфик в той комнате когда сняла только блузку и юбку а то он прикипел куда не надо так бы и не ощутил меня надеюсь моё дыханье было в меру сладким после тех поцелуйных пастилок потише Боже помню в своё время я могла дзюрить да ещё и насвистывать почти как мужчина О Господи до чего шумно надеюсь пузырьчастым к деньжищам от одного богатого хахаля надо будет не забыть утром тут духами побрызгать и могу поспорить ему в жизни не попадалось лучшей пары ляжек чем эти и до того ж белые а тут самое гладенькое место как раз промежду вот здесь и мягонькие как персик Боже вот бы попробовать побыть мужчиной и влезть на какую-нибудь милашку О Господи ну что за пакость ты подстроил ага на какую-нибудь джерсийскую лилию О тише хлюпает как вода на спуске Лахора или может у меня что-то внутри не так или растёт там что-то а то отчего это у меня через каждую неделю в последний раз когда было-то на Белых Риз да

каких-нибудь недели 3 надо бы сходить к доктору но опять ведь всё будет как перед тем как я вышла за него когда у меня вдруг вышло что-то такое белое и Флой заставила меня пойти к тому старому сучку д-ру Колинзу по женским болезням на Пемброк-Роуд ваше влагалище так он её называл консультант богатеек со Стивенз-Грин потому-то наверно у него там все те золочёные зеркала и ковры бегают к нему с каждой чепуховиной в их влагалищах и в лупалищах они-то при деньгах так что с ними конечно всё в порядке но я б за него не пошла будь он даже единственным мужчиной на весь мир да и дети от них не такие как надо нанюхаются вокруг тех грязных сучек так и эдак спросил у меня неприятный ли запах от того чем хожу и чего ему от меня надо было да денег конечно ясное дело вот взяла б да размазала это по всей его роже морщинистой с полным моим комплиментом чтоб понимал не затруднено ли прохождение я на это прохождение подумала это он про пролив Гибралтар толкует уж до того обиняками он всё это изложил а неплохое между прочим изобретение потом просто дергаешь цепочку и всё смыто но всё-таки что-то в этом есть я например всегда по Миллиному определяла когда она была ребёнком есть глисты или нет но чтоб ему ещё и платить за такое что с меня доктор одну гинею пожалуйста и сразу спрашивает часты ли у меня паузы и где эти старикины выискивают слова такие паузы и косит на меня своими близорукими глазками я б такому ни в жизнь не доверила чтоб дал мне хлороформ или Бог знает что там у них ещё все-таки он мне понравился когда присел написать ту бумажку так весь нахмурился а нос до того ж интеллигентный чёрт бы тебя побрал враль несчастный О да кто угодно кроме полного идиота а ему конечно же ума хватало чтоб смекнуть ведь постоянно только про него и думала и про его безумно шальные письма Бесценная моя всё что касалось твоего прекрасного тела всё подчеркнул что исходит от него является частицей красы и радости наверняка содрал это из какой-нибудь похабной книжки из тех что у него всегда под рукой да говорю иногда 4 или 5 раз в день нет говорю не имела вы

уверены О да говорю ещё как уверена и таким тоном что он заткнулся я знала к чему он подводит просто это была природная слабость я от него заводилась до не знаю чего с первого вечера как мы вообще встретились когда я жила на Рибот-Терас мы просто уставились друг на друга да так и стояли минут 10 как будто где-то встречались наверно оттого что во мне есть что-то от еврейской крови моей матери и меня так и тянуло слушать как он трепется с той его полуулыбочкой а Дойлы наперебой твердили что он выставит свою кандидатуру в Парламент О какая ж я тогда была дура дурой развесила уши на всю его болтовню про самоуправление и земельную лигу ещё прислал мне ту песню из ГУГЕНОТОВ длинную как волчий вой чтоб пела на французском для классности О бю рейс де ла Турейн которую я ни разу не исполнила всё объяснял и втолковывал насчёт религии и наказания не дадут тебе понаслаждаться тем что заложила сама природа и тут же спрашивает позволю ль я ему в виде большого одолжения и как только подвернулась 1-я же возможность шмыг в мою спальню на Брайтон-Стрит придумал что надо срочно смыть чернила с рук Альбионовым молоком и серным мылом которым я тогда пользовалась а оно всё в желатине ну и хохотала ж я в тот день над ним просто до потери сознания да не сидеть же мне всю ночь на этой штуке надо чтоб горшки делали нормального размера чтоб женщине сидеть удобней было а он чтоб помочиться встаёт перед ним на колени по-моему на целом свете не найти другого с такими привычками уже хотя бы то что спит головой к ногам постели и не подкладывает валик под подушку хорошо хоть не брыкается не то осталась бы я без зубов вон сопит себе спокойненько ещё и нос рукой накрыл как тот Индийский бог в музее на Килдар-Стрит куда однажды завёл меня в дождливое воскресенье показать как тот лежит на боку в слюнявчике весь жёлтый и рукой подпёрся и все десять пальцев на ногах врастопырку он говорил мне будто их религия побольше чем еврейская и Господа нашего вместе взятые и что по всей Азии все ему подражают как он всегда подражал всем и

тоже небось спал головой к ногам постели запхнувши жене в рот свою ножищу фу ты чёрт ну и вонь где-то у меня была салфетка ах да знаю надеюсь старый шкаф не заскрипит чёрт так и знала нет спит хоть бы хны неплохо видать гульнул где-то и она ему отработала за его денежки как положено ведь ему ж наверняка пришлось заплатить ей за это О какая мерзость надеюсь в ином мире нас ждёт лучшая участь чем так вот чем-то подтыкаться Господи помилуй нас ну ладно на эту ночь хватит теперь в комкастую звенястую развалюху кровать Коена тот небось часто в ней кувыркался а он-то думает будто отец купил её у лорда Непира которым я так восхищалась ещё когда была девчонкой как я ему и рассказывала всё ж помягче чем рояль О люблю свою постель ведь в ней не хуже чем всегда сколько мы домов-то поменяли за 16 лет на всяких там Реймонд-Терас да Ормонд-Терас да Ломбард-Стрит да Холес-Стрит а он всегда похаживает и насвистывает своих гугенотов или лягушачий марш да делает вид будто помогает грузчикам это при наших-то 4-х досках мебели потом командует трогай в отель Арсенал где та чудная кабинка на площадке вечно занята кто-то уже заперся на молитву и оставит после свою вонищу и после по их смраду узнаёшь кто там заседал до тебя и ведь всегда вот так стоит нам хоть малость приподняться что-то обязательно случается и либо на него бочку катят как было у Томаса и у Хелиса или у м-ра Каффа да хорошо если ещё тюрьмой не пахнет как из-за его вшивых лотереек которым полагалось нас обагатить либо сам пойдёт и нахамит а потом является домой раньше обычного потому что выперли и в НЕЗАВИСИМОМ тем же кончится как и везде из-за всяких там Шин Фейнов или Фримасонов вот и посмотрим тогда много ль толку от того коротышки которого он мне показал когда тот шлёпал по лужам один-одинёшенек возле Каудис-Лейн ты не представляешь до чего он умён и к тому же истинный ирландец ну это уж точно стоит только глянуть на истинность его штанов которые на нём были погоди-ка это ж три четверти бьёт на храме Георгия вот только которого погоди-ка да наверняка к 2-м ничего не скажешь

подходящее времечко чтоб являться домой средь ночи да будь ты хоть кто угодно ещё и через ограду карабкался в палисад а если его кто застукал вот я ему завтра эту моду повыведу для начала проверю рубаху может что-то осталось или посмотрю не вытаскивал ли то французское письмо что прячет в блокноте пусть не думает будто я без понятия что все мужчины обманщики врут и не краснеют так что уж тогда про нас говорить да им хоть и правду говори они ж всё равно тебе не поверят вон свернулся в постели калачиком типа тех младенчиков из Шедевра Аристократа который он однажды мне притащил будто мало нам в жизни всего этого и без его старого Аристократа или как там его звали аж дурно делается от всяких тех картинок с двухголовыми младенцами или совсем без ног им только и снится такая вот мерзопакость и ничевошеньки ж путного в башках их бестолковых и половину из них надо просто в расход пустить а ещё выкобениваются чаю им в постель подай да ещё и бутерброд и чтоб небось с обеих сторон намазаный да свеженьких яичек да ни в жизнь я ему не дам ещё хоть раз меня слюнявить как в тот вечер на Холес-Стрит а то ж ведь батюшки-светы насупился тиран-тираном и полночи спал на полу раздетым как заведено у евреев когда у них помирает кто-нибудь из близких а на завтрак ни к чему не притронулся и будто воды в рот набрал слова из него не вытянешь прям не подступись вобщем думаю хватит с меня на этот раз ну и позволила но как-то у него не так это получается всё только про собственное удовольствие думает или может язык у него слишком узкий или ещё что даже и не подумает как мне потом но я ему устрою если не остепенится и пусть отправляется спать в подвал где уголь да тараканы но хотела б я знать а вдруг это она была Жози разохотилась на мои объедки да а он ещё тот прохиндей хоть в жизни не наберётся смелости чтоб с замужней женщиной потому-то и терпит что я тут с Бойланом хотя тот её Денис как она именует своё затюканное позорище уже и на мужа-то никак не тянет и это он наверняка с какой-нибудь сучкой слёгся не может сдержаться даже когда я или Милли рядом вон в тот раз на соревнованиях колледжа

когда Горн с детской шапочкой на темечке впустил нас через чёрный ход он так и прядал своими бараньими глазами на тех двух прошмандовок что без конца дёргали свои юбки вверх-вниз я сперва старалась не обращать внимание но ему конечно так и не дошло вот так и сплывают его денежки типа всё из-за м-ра Пэдди Дигнама да и они в шикарнейшем стиле заявились в полном составе на грандиозные похороны ещё и в газете пропечатали за которой Бойлан выскакивал не видали они по настоящему парадные похороны вот уж и вправду что-то с чем-то приглушенные барабаны склонённое оружие а тут какая-то жалкая кляча а сзади тащатся Л Цвейт и Том Кернан тот пьянчужка толстячок что прокусил себе язык когда свалился в мужской уборной на как-там-её-Стрит или ещё где-то да Мартин Канинхем и два Дедалуса и муж Фанни М'Кой у которой голова бела как кочан капусты и только кожа да кости ещё и глаз косит а туда же тужится исполнять мои песни но ей для этого надо родиться заново ведь её то замызганное зелёное платье с глубоким вырезом ничем другим не может их завлечь под цвет поноса в дождливый день я ж теперь всё это насквозь вижу у них это называется дружбой прикончат потом закопают а у каждого дома жена и семья правда Джек Повер отличился взял на содержание ту девку из бара конечно жена у него постоянно больна или заболевает или вот-вот пойдёт на поправку а он пока ещё приятный с виду мужчина хоть уже седина над ушами вобщем все они хороши но моего мужа им не зацапать уж я-то постараюсь не допустить ничего такого да ещё и подсмеиваются у него за спиной я знаю когда заведёт своё идиотское умничанье и злятся что ему хватает ума не тратить каждый заработанный им пенни чтоб они заливали свои глотки а про жену думает ещё и о семье бедолаги Дигнама хлопочет всё-таки и его как-то жалко и что теперь с его женой будет с 5 детьми на руках правда если у него была страховка у этого клоуна-шустрячка вечно торчал в какой-нибудь пивной на углу дожидайся жёнушка или сынка посылала ну па ну идём домой пожалуйста вдовий наряд её вряд ли украсит а вот хорошеньким

ужасно к лицу все мужчины так к тебе и липнут но он не из таковских видно было на обеде в Гленкри или к примеру Бен Доллард бас-барельтон что заявился в тот вечер одолжить фрак для выступления на Холес-Стрит а штаны до того ж в обтяжку всё зажато стиснуто ещё и лыбится во всю свою Доллардову рожу которая у него как свежеотшлёпанная пацанская задница да и яйца буграми выпирали вот была небось картиночка на сцене это же надо выложить 5/– за абонементные места а потом иди и любуйся его хозяйством или ещё Саймон Дедалус вечно под градусом и вместо первого куплета запевает второй старая любовь всегда нова это был его коронный номер и чудо как хорошо пел девица с букетом боярышника и постоянно готов подфлиртануть когда я пела с ним Маритану в частной опере Фредди Маерса у него так бесподобно звучало Феба нежное прощанье и очень чётко выходило любимая не то что Бартел Д'Арки люби моя такой голос конечно просто дар до того свободно звучит без натуги тебя прям как бы тёплым душем окатывает О Маритана лесной цветок мы отлично звучали хотя это высоковато для моего регистра даже и в пониженной тональности он тогда женат был на Мэй Гулдинг и бывало как сказанёт или отмочит такое что хоть стой хоть падай а теперь овдовел интересно что у него за сын он говорит что он стал писателем и будет преподавать итальянский в университете и я тоже смогу брать уроки к чему это он клонит снимок мой ему показал я не слишком-то удачно там вышла надо было фотографироваться в накидке они никогда не выходят из моды всё-таки я на нём молодо выгляжу удивительно что он вообще его ему не подарил да и меня впридачу почему бы нет я его видела как он с отцом и матерью ехал к станции Кингсбридж я тогда в трауре была выходит 11 лет назад да да ему наверное было 11 хотя зачем было соблюдать траур по такому кто ещё ни то ни сё он конечно же настоял а сам надел бы траур даже по кошке и теперь он уже небось мужчина а тогда невинный был такой мальчонка такой милашка в костюмчике под лорда Фонтлероя ещё и в кудряшках как принц в театре и ещё один раз я его видела у

Мэта Дилона да помню я ему тогда тоже понравилась как и всем им а ещё помню погоди-ка ей-Богу да точно это ж ведь на него показали карты сегодня утром когда я разложила связь с молодым незнакомцем ни белый ни чернявый и которого уже встречала я подумала это про него но он-то не молоденький и вовсе не незнакомец к тому же карта моя отложилась в другую сторону на 7 потом ещё 10 пик что к дороге по суше а после выпало письмо в пути и ссора а ещё 3 дамы и 8 бубей к продвижению в обществе да точно всё так и выпало и 2 красных 8 к обнове в одежде подумать только да и к тому же что-то мне приснилось ещё такое да что-то насчёт поэзии надеюсь он не отпустил длинные волосы чтоб висели жирными лохмами на глаза или торчмя торчали как у краснокожих индейцев и что только у них в голове когда ходят такими обалдуями чтоб все только смеялись над ними и над ихней поэзией а я-то по молодости и про него сперва думала что он поэт как лорд Байрон а в нём ничего такого и близко нет одна только видимость интересно а он не слишком молоденький ему должно быть около погоди-ка в 88 я вышла замуж Милли вчера 15 да 89 сколько это ему было-то тогда у Дилонов 5 или 6 в 88 выходит ему 20 или чуть больше не такая уж я для него и старая если ему 23 или 25 надеюсь он не из тех университетских задавак-студентов да нет конечно а то бы не сидел с ним за разговорами в старой кухне за Эппсовым какао и он конечно же как всегда делал вид что всё ему понятно мы типа тоже из Тринити-Коледжа но для професора он слишком молод надеюсь он не такой професор как Гудвин вот где чистопробный профессор Долбологии и они все в своих стихах пишут про какую-нибудь женщину ну а таких как я он вряд ли много встретит родом оттуда где тихие вздохи любви негромкие переборы гитары и поэзия в самом даже воздухе такое синее море и луна до того прекрасно сияет когда возвращаешься вечерним пароходом из Тарифы мимо маяка на самом краешке Европы тот малый с гитарой бесподобно играл неужто я уже никогда не вернусь ни одного знакомого лица пара сияющих глаз глядят сквозь решетку тайком я спою ему эту а

тут ещё мои глаза такие бездонно-яркие словно сама звезда любви ну чем не красивые слова как юная звезда любви вот где вправду была бы перемена видит Бог завести интелигентное знакомство чтоб могла говорить о себе а не только выслушивать про его вечную рекламу Билли Прескотту и рекламу для Ключчи и рекламу Чёрталысого а если их бизнес потом не закрутится то мы же и виноваты а он наверняка очень выдающийся вот с таким бы мужчиной а не всей этой шушвалью и к тому же он молод как те красавчики юноши за которыми я подсматривала из купальни на пляже Маргейт взбираются на скалу напротив солнца голые как Бог или что-то там ещё такое и бултых головой вниз в море и почему мужчины не все такие хоть какое-то было б утешение женщине вроде той прекрасной статуэтки что он купил так бы и смотрела на него хоть целый день голова кудрявая плечи и палец чуть приподнял мол вдумайся вот где истинная красота и поэзия мне частенько так и хочется обцеловать его прям всего даже его милый молоденький хуй вот просто так и я даже не против взять у него в рот если никто не видит ведь будто так и манит тебя пососать он выглядел таким беленьким чистым с тем его мальчишечьим личиком я б и у него за 1/2 минуты а если даже и попадёт ничего страшного просто как кашица или роса всего делов-то и к тому же он наверняка такой чистый по сравнению с остальными боровами мужчинами им по-моему и в голову не заходит пойти помыться с конца 1 года до начала другого во всяком случае большинству из них вот только у женщин от этого появляются усики но до чего было б классно в моём возрасте завести роман с молодым поэтом утром первым делом возьму-ка и раскину карты на исполнение желаний или же сразу на даму попробую может и он отляжет и я бы прочла и затвердила что-нибудь подходящее даже может какой-то кусочек наизусть вот бы разузнать кто ему нравится чтоб не подумал будто я дура-дурой а то небось считает что все женщины одинаковы ну а я б его поучила в кое-чём другом уж до того б довела чтоб аж из себя рвался чтоб чуть ли не до потери сознания а потом про меня

напишут возлюбленная поэта ещё и во всех газетах напечатают с нашими 2 фотографиями когда он прославится О но как же мне тогда с этим-то хотя на что он мне у него ни тебе манер ни изысканности ни вообще ничего и нагло так шмякнул меня по заднице из-за того что я не назвала его Хью такой жлоб не отличит поэзию от капусты вот что бывает если не ставишь их на своё место прямо вот здесь передо мной стаскивал свои туфли и брюки на этом вот стуле и до того нахраписто даже позволения не спросил а потом выставился тут в полусорочке которые теперь у них в моде вульгарно так любуйтесь все как на священика или мясника или на тех древних лицемеров во времена Юлия Цезаря хотя конечно по-своему он тоже прав что гуляет в своё удовольствие ну а сама-то смогла б потешится в постели ну скажем со львом Боже уж он-то себя лучше показал старина Лев вот кто дал бы жару О ладно наверно оттого что они такие пухленькие и соблазнительные в моей короткой нижней юбке вот он и не смог сдержаться иногда они даже и меня саму возбуждают хорошо мужчинам сколько ни есть наслаждений от женского тела всё им достается если б они всегда оставались такими округлыми да белыми мне б тоже хотелось для разнообразия побыть одним из них просто испробовать как оно с той их штуковиной как встанет на тебя колом до того ж твердо а ведь сама по себе такая мягкая на ощупь мой дядя Джон имел длинный набалдон я слыхала от тех нахалов на углу Мербон-Лейн и имела моя тётка волосатенькую щётку потому что уже стемнело и они заметили что девушка проходит но я нисколечко не покраснела держи карман это ж всё от природы и дядя Джон впёр свой набалдон прямо тётке в её щетку и тд и тп но потом оказывается что всё это про обычную щётку для подметания ну что с них взять мужчины одним словом да но им-то можно выбирать-перебирать пока не приглянется кто-то хоть замужняя хоть девушка или там вдову беспутную выбор на любой их вкус как те дома за Ирландской-Стрит вот если б их держали на привязи постоянно хотя меня-то они на цепь не посадят чёрта с два и если заведусь то

никакая дурацкая ревность мужа не удержит уж будьте уверены но почему нельзя чтоб все мы в этом были просто друзьями чтоб без никаких скандалов когда муж узнает что у них это естественно было но так и он же этим занимался а если нет ну всё-таки женат или ещё заходят в другую крайность из-за жён будто чокнутые как в тех Прелестных Властительницах конечно мужчине всё по барабану он и 2 раза не подумает про мужа которому ты как-никак жена ему лишь бы женщину вот он и добивается хотя на что ещё нам и даны все эти желания скажите на милость и мне их никак не сдержать покуда я молода и это просто чудо что я прежде времени не превратилась в старую обвислую свиноматку от такой жизни с ним до того безразличный никогда и не обнимет даже ну разве что если случайно уляжется не с той стороны так небось и сам не различает с кем это он и любому мужчине который целует жопу женщины я запросто могу скормить свою шляпку после такого он поцелует любую хрень в которой от нас даже и 1 атома нет и ни малейшей разницы у всех подряд всё те же 2 комка жира да чтобы я когда-нибудь сделала такое мужчине тьфу скоты грязные даже и представить тошно другое дело целую ваши ножки сеньорита в этом есть какой-то смысл и разве он не целовал нашу входную дверь да было вот ведь балда и никому не понять его сумасбродства кроме меня но всё же женщине конечно нужно чтоб её обнимали 20 раз на дню чтоб хотя бы на вид оставаться молодой и неважно с кем лишь бы она любила и чтобы её любили если твой желанный не с тобою рядом ей-Богу Господи я даже подумывала сходить к тем пристаням в тёмный вечерок где меня никто не знает и подцепить моряка который только-только из плавания чтоб ему аж невтерпёж и начхать что я чья-то там жена а лишь бы оттянуться в какой-нибудь подворотне или же с каким-нибудь из тех зверовидых цыган что ставят свои шатры в Ратфармхэме возле прачечной Блумфилд чтоб подвернулся случай стащить наши вещички я тоже пару раз своё туда сдавала наверное из-за названия образцовая прачечная а мне каждый раз обратно приносили ещё и какие-то заношенные чулки

вот и пошла разобраться а тот молодчик с бандитской рожей но глаза правда красивые ни слова не говоря щёлкнул выключателем навалился на меня в темноте и откатал под стенкой да хоть и с убийцей или ещё там с кем и сами тоже хороши в тех своих шёлковых шляпах и не такое вытворяют тот КС что живёт там поблизости вышел из Хардвик-Лейн когда он там давал обед с рыбой по случаю выигрыша на боксёрском матче но конечно это он ради меня его устроил я его узнала по гетрам и по походке и когда я через минуту оглянулась ну просто так посмотреть оттуда же выходила ещё и женщина какая-то грязная проститутка и после этого отправляется потом домой к своей жене хотя опять же у половины этих моряков наверняка дурная болезнь О да отодвинь ты свои мощи подальше во имя любви Архангела ничего себе как рванул и ветры несут мои вздохи к тебе вот ведь до чего сладко спит и посапывает этот великий Ветродеятель дон Полдо де ла Флора и не представляет что ему выпало с утра в тех картах вот бы уж посопел у чернявого неприятные хлопоты и с двух сторон 7-ки а это уже к тюрьме ведь одному только Богу известно чем он там занимается от меня потихоньку и я ещё должна тащиться на кухню и готовить завтрак для его высокородия пока он тут закутывается как мумия как же разогналась где это видано чтоб я вокруг бегала интересно было бы посмотреть а как только проявишь хоть чуточку внимание враз смотрят на тебя как на грязь и что бы там ни говорили но было б куда лучше если б миром управляли женщины ведь где такое видано чтоб женщины стали убивать друг друга и устраивать бойни или где увидишь женщину чтобы валялась пьяной где попадя или проигрывала б каждый пенни до последнего да и всё просаживала б на лошадей да а всё потому что если женщина что-то делает то знает когда надо остановиться уж это точно и без нас их бы и на свете-то не было б но они без понятия что значит быть женщиной и матерью такое им не доходит и где бы были все они если б не мать которая их выходила и которой у меня в жизни не было и он наверно из-за того же слоняется по ночам забросил и

книги свои и ученье и дома не живёт там-то теперь точно одни скандалы без конца да тяжелый случай и надо же у кого-то такой прекрасный сын а они недовольны а у меня совсем никакого не осилил он сделать хоть одного и я тут не при чём мы в тот раз вместе кончили после того как я засмотрелась на двух собак он ей впёр сзади настояка посреди улицы вот я и забылась но всё равно наверное зря я его похоронила в той шерстяной кофточке которую сама вязала и слёзы лила в таком состоянии лучше б уж отдала для какого-нибудь младенчика но я-то прекрасно знала что другого у меня никогда уже больше не будет у нас это была 1-я смерть и с той поры мы никогда уже не были прежними О да что это я взялась тоску на себя нагонять но почему он интересно не захотел остался на ночь а я ж и чуяла всё время что кого-то он там привёл и не шатался б сейчас по городу Бог его знает на каких там наткнёшься карманников и полуночников будь жива его бедняжка мать извелась бы уже от переживаний ведь ни за что ни про что может загубить себя до конца жизни а всё-таки бесподобный час такая тишина кругом я любила в такое время возвращаться домой после танцев у них-то вон друзья бывают есть с кем поговорить а нам такого не достаётся разве что с тобой заговаривает какой-нибудь которому от тебя только одно и надо да но хрен ты угадал или женщина что так и норовит тебя уколоть вот что я ненавижу в женщинах и нечего после этого удивляться на такое их к нам отношение раз мы просто свора злых сучек хотя это мы из-за всех этих забот такие кусачие но я не такая и он вполне бы мог переночевать в той комнате на диване по-моему он просто постеснялся как мальчик ну ещё бы молоденький такой чуть-чуть за 20 но оттуда ему было бы слышно как я тут на горшке ну и подумаешь какая важность Дедалус интересно смахивает на те фамилии на Гибралтаре Делапаз Делагарсия у них до того странные там имена чёрт ногу сломает отец Виал из храма Санта Мария что дал мне молитвенник Розалеи или О'Рейли с Кале лам Сиете Ревуэлтас и Писимбо и ещё госпожа Описсо на Губернаторской-Стрит Ох вот же ж имечко да я б враз утопилась в

первой попавшей речке при такой фамилии как у неё О а все те улочки недомерки Райский спуск Бедлам спуск Роджер спуск Кречет спуск и те чёртовы ступеньки в переулках так что не моя вина если я малость шалоброда даже сама за собой иногда подмечаю но вот как перед Богом клянусь я себя не чувствую и на день даже старше чем тогда интересно а язык у меня поворачивается ещё по-испански комо эста астед муи вьен грасиас и астед глянь-ка я ещё не всё перезабыла вот только с грамматикой у меня не того существительное это название какого-нибудь места вещи или личности а жаль что я так и не попробовала почитать тот роман который принесла мне та зануда м-с Рубио произведение какого-то Валера а с двух сторон вопросительные знаки наизнанку я ведь точно знала что рано или поздно нам придётся уехать и я б могла говорить с ним на испанском пусть бы он отвечал по-итальянски враз поймёт что не такая уж я незнайка зря он не заночевал ведь наверняка ж бедняжка устал смертельно вот бы и выспался как надо а я б принесла ему завтрак в постель с кусочком гренка ножом ни в коем случае нельзя резать это к несчастью так же как если женщина выходит по делам с настурцией или что там ещё найдётся на кухне вкусненького пара оливок вполне могут ему понравиться а мне после Абрина на них и смотреть не хотелось или могла б приготовила криаде с той перестановкой у комнаты и вид поприличней смотрится совсем по-другому а мне вот всё время что-то прям подсказывало но мне пришлось бы ему представиться а он-то меня впервые видит забавно нет я ведь его жена или устроить представление будто это в Испании он-то спросонок и не разберёт куда попал Боже мой где это я дос хуэвос эстреладос сеньор Господи до чего сумашедшие мысли иногда заходят мне в голову но как было б здорово если б он допустим остался у нас а почему нет наверху свободная комната и кровать Милли в задней комнате он бы там себе писал и занимался стол как раз для всякой его писаны а будет охота так и читай в постели по утрам как я и какая разница готовить завтрак на 1 или на 2 и если он снимает такую домину то будьте

уверены я не собираюсь брать для него квартирантов с улицы а как было б здорово беседовать с образованным интелигентом мне надо бы обзавестись парой миленьких красных тапочек вроде тех которыми торговали те турки в фесках но можно и жёлтые а ещё мне позарез нужен прозрачный утренний халатик или пеньюар персикового цвета типа того что висел у Валиола всего за 8/6 или 18/6 ладно даю ему ещё одну попытку подымусь с утра пораньше мне всё равно уже осточертела эта старая Коенова кровать да пройдусь по рынкам погляжу на все те овощи и капусту и помидоры и морковь и всякие такие прекрасные фрукты которые вот только-только привезли уж до того красивые да свежие интересно кто окажется моим 1-м встречным Мэмми Дилон мне говорила они высматривают для этого по утрам хоть иногда и по вечерам тоже потому-то она и ходила к мессе а я б сейчас не отказалась от большущей сочной груши чтоб аж во рту таяла как тогда как я была в положении потом брякну ему его яйца и чай в чашке для усачей которую она ему подарила наверно чтоб у него рот стал пошире а ему небось тоже охота моих вкусных сливок и знаю что я потом сделаю начну тут собираться к выходу такая вся весёлая но не чересчур а так слегка и буду напевать что-нибудь тихонечко ла фа пиетамассето потом начну наряжаться престо но сон пио форте надену лучшую мою сорочку и трусы пускай поглазеет как следует чтоб у него и солоп встал а если ему очень интересно то узнает он у меня что его жену выебли да и чертовски классная была ебля мне чуть ли не до горла пока его не было раз 5 или 6 вон рукой пощупай то пятно от его молофьи на чистой простыне я и не подумаю даже снимать его утюгом ну как доволен теперь а сомневаешься так полапай у меня на брюхе я не пускаю его там оставлять только этого мне не хватало чтобы в меня кончали вот так ему всё и выложу и пусть занимается этим у меня на глазах так ему и надо сам виноват если я прелюбодейка как варнякал тот придурок на галерке О вот ведь далось им это как будто нет чего похуже во всём что творится в этой юдоли слез видит Бог случается и хуже да и всем известно

просто строят из себя а женщина если хочешь знать как раз для этого иначе б Он не сделал нас такими как мы есть чтобы влечь мужчин а если ему придёт охота целовать мне жопу я стащу трусы и подставлю ему её под самый нос громадную как целая жизнь и пусть суёт свой язык на хоть 7 миль в мою дыру как прилипнет к моей бурой части а потом я ему заявлю что мне нужно 1 ф ст или 30/– потому что собираюсь купить нижнее бельё и если он даст то точно не пожалеет но я не собираюсь выжимать из него до последней капли как другие женщины хотя вполне могла бы выписать солидный чек на своё имя и расписаться за него фунта на два когда он пару раз забыл запереть на ключ к тому же ему всё равно не придумать на что их тратить а я за это дам ему сделать это сзади но чтоб только не выпачкал мои лучшие трусы О и без этого точно не обойдётся задам ему 1 или 2 вопроса а по ответам будет видно когда у него встанет да ведь от меня ему ничего не скрыть я его знаю как облупленного выпячу задницу покруче да выдам парочку похабных слов жопонюх или говнодав или любую шальную вещь какая только на ум взбредёт а потом предложу дай-ка я О погоди малыш теперь моя очередь да и при этом буду весёлой и ласковой О но я ж совсем забыла про эту текучку вот наказание тьфу не знаешь то ли смеяться то ли плакать прям тебе смесь сливы с яблоком нет придётся мне напялить что-то старенькое так уж оно вернее будет и ему в жизнь не догадаться там это от него или ещё чьё-то так-то вот для такого-то и любое старьё сгодится потом спихну его с себя типа ещё столько дел переделать надо раз уж у него руки не доходят да и выйду вот тут он и начнёт таращится в потолок а куда это она могла пойти ещё сильней меня захочет вот и ещё четверть хрен поймёшь которого в Китае как раз подымаются заплетают свои косички на весь день наверно и у нас скоро монашки зазвонят к ним-то среди ночи ангелус не вваливается перебить весь сон ну разве что священик-другой отслужить ночную службу а тот будильник за дверью тикает чуть ли мозги сам себе не вышибет попробуем может хоть вздремнуть удастся 1 2 3 4 5 что это они за цветы такие

вывели похожие на звёзды но на Ломбард-Стрит обои куда красивей были и тот передник что он подарил с ними немного сочетался да только я одела раза два не больше лучше укручу-ка я эту лампу и снова попробую чтоб утром пораньше подняться зайду к Лэму там около Финдлетера и закажу чтоб прислали сюда цветов расставлю по дому вдруг он и завтра его приведёт то есть уже сегодня нет нет пятница плохой день и мне надо сперва прибраться а то пылью всё обросло вот стоит мне чуть-чуть полениться и нате вам а потом можем перейти на музыку и сигареты я б ему подыграла клавиши надо сперва протереть молоком может мне приколоть белую розу или те мохнатые шарики от Липтона обожаю запах богатого большого магазина 7 1/2 п за фунт а можно те другие с вишенками внутри и ещё амариллис 11 п за пару бесподобное растение для центра стола могу купить их подешевле у погоди где это я недавно их видела обожаю цветы до того ж хочется чтоб весь дом прямо купался бы в розах Господи всемогущий нет ничего лучше природы дикие горы или там море с бегущими волнами и поля тоже красивы где пшеница овёс и всё такое и бродят прекрасные стада прямо сердце радуется когда смотришь на речки озёра или на цветы всяких разных оттенков и запахов когда распускаются вон даже и на сточных канавах первоцвет с фиалками и только природа способна на это а тем что твердят будто Бога нет я б и ломаного гроша не дала за всю их науку сперва попробуйте сотворить хоть что-нибудь похожее я его не раз спрашивала отчего это атеисты или как там они называются всю дорогу умников из себя строят а как время пришло умирать начинают ныть скулить позовите им священика почему спрашивается а потому что бояться ада чуют что совесть нечиста ах да знаю слыхала они тебя спросят а кто был первым существом вселенной когда не было ещё никого кто смог бы её сотворить так ведь на это ни я ни они ответа не знают вот и всё и с таким же успехом пусть попробуют остановить солнце чтоб завтра не взошло даже и солнце светит для тебя сказал он в тот день когда мы валялись среди родендродонов на вершине Тёрна на нём был его

серый костюм из твида и соломенная шляпа и в тот день я добилась чтоб сделал предложение да и для начала я скормила ему кусочек тминного кекса из моих губ а год был високосный как и теперь 16 лет назад а после этого долгий поцелуй Боже мой я чуть не задохнулась да и он назвал меня горным цветком ведь мы и вправду цветы да всё женское тело и это была единственная правильная вещь какую он сказал за свою жизнь сегодня даже солнце светит для тебя да потому-то он нравился мне и я видела что он понимает и чувствует что такое женщина и ещё я знала что буду вертеть им как сама захочу вот и доставляла ему все удовольствия на какие способна пока дожимала чтоб попросил меня сказать да но я не сразу ответила а только смотрела на море и небо и думала про столько всякого разного о чём он понятия не имел про Малвея и м-ра Станхопа и Эстер и про отца и старого капитана Грова и как там на пристани матросы играют в летите пташки кто куда как у них называется а последнему драить посуду и про часового у входа в дом губернатора с той штукой вокруг белого шлема который и сам уж наполовину зажарился бедный чертяка и как испанские девушки пересмеиваются в тех их шалях и в гребнях и про утренний торг где все те греки и евреи и арабы и чёрт знает кто ещё со всех концов Европы на Дюковской-Стрит а на птичьем рынке гогот и сплошное кудкудах и возле Ларби Шарон оскальзываются бедные полусонные ослики а в тени на ступеньках спят тёмные личности в плащах и быки тащат повозки с громадными колёсами мимо старого замка которому тысяча лет да и те красавчики мавры в тюрбанах и в белом расселись как короли и зазывают тебя в свои крохотные магазинчики и про Ронду с теми старинными окнами быстрый взор решеткой скрытый чтоб поцелуй возлюбленного достался железу и по вечерам звук кастаньет из полуоткрытых пивных и про ту ночь когда мы упустили пароход до Алгесирас и как сторож бродит со своим фонарем всё спокойно и О жуть какой бездонный пролив О а море иногда переливается малиновым огонём и такие бесподобные закаты и фиговые деревья в садах Аламеды и все те крученые

улочки и дома розовые жёлтые синие а в палисадниках розы жасмин и герань и кактусы и утёс Гибралтар где в девушках была я Горным Цветком да в ту пору как прикалывала розу к своим волосам на манер девушек Андалусии а может мне красную приколоть да и как он целовал меня под Мавританской стеной и я подумала ну какая разница что он что другой и тогда попросила его взглядом чтоб попросил ещё раз и он снова спросил согласна ли я скажи мне да мой горный цветок и я в ответ охватила его руками да и потянула книзу на себя чтоб ощутил мои груди и запах тех духов да и сердце у него безумно билось да и я сказала да я согласна Да.

* * *

Триест-Цюрих-Париж, 1914-1921

Перевод осуществлялся по изданию
James Joyce ULYSSES
Penguin Books 1968

В оформлении обложки использованы:
1) снимок скульптуры Антонио Канова "Полина Бонапарт как Венера Победительница"
https://joyofmuseums.com/museums/europe/italy-museums/rome-museums/galleria-borghese/pauline-bonaparte-as-venus-victrix-by-antonio-canova/
2) карта города Дублин
https://www.lonelyplanet.com/maps/europe/ireland/dublin/
3) фрагмент работы мексиканской художницы Майи Рыжковой

Джеймс Джойс

УЛИСС